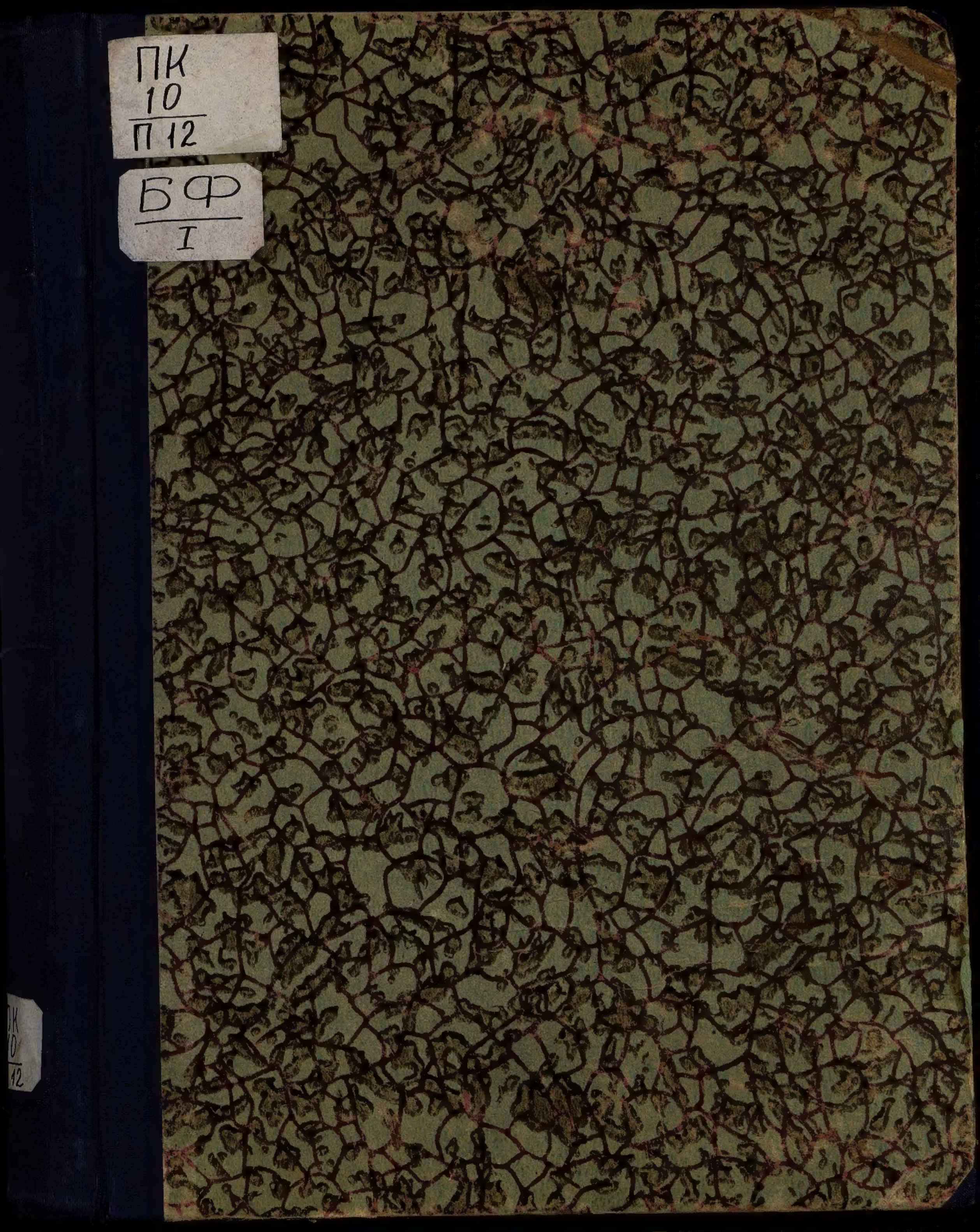
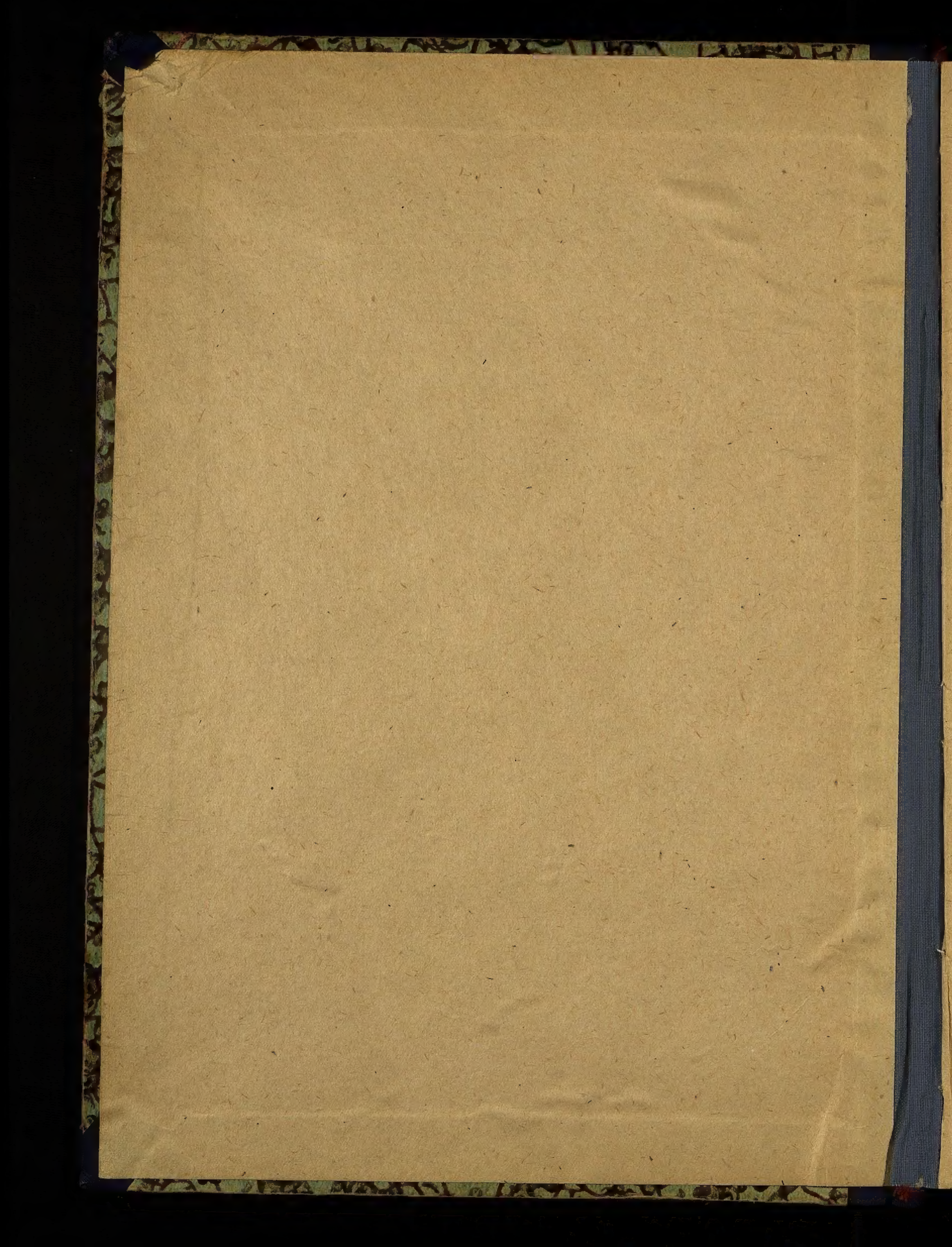
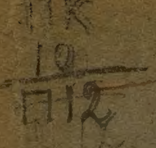

ПК
10
П 12
БФ
I
ПК
10
П 12

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ТОМ IV

Д. М. ПАВЛИНОВ, Н. А. ВИТАШЕВСКИЙ и Л. Г. ЛЕВЕНТАЛЬ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ И ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ БЫТУ ЯКУТОВ

С 3 портретами, 1 группой, 2 чертежами и английским резюме

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1929

МАТЕРИАЛЫ

ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ И ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ БЫТУ ЯКУТОВ

ACADÉMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES RÉPUBLIQUES SOVIÉTIQUES SOCIALISTES

TRAVAUX DE LA COMISSION POUR L'ÉTUDE DE LA RÉPUBLIQUE AUTONOME SOVIÉTIQUE SOCIALISTE IAKOUTE

TOME IV

D. PAVLINOV, N. VITAŠEVSKIJ ET L. LÖWENTHAL

MATÉRIAUX

POUR SERVIR À L'ÉTUDE DU DROIT COUTUMIER ET DE LA VIE SOCIALE DES IAKOUTES

Avec 3 portraits, 1 groupe, 2 figures et un résumé en anglais

LENINGRAD
1929

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

ТРУДЫ КОМИССИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АВТОНОМНОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ТОМ IV

Д. М. ПАВЛИНОВ, Н. А. ВИТАШЕВСКИЙ и Л. Г. ЛЕВЕНТАЛЬ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ И ПО ОБЩЕСТВЕННОМУ БЫТУ ЯКУТОВ

С 3 портретами, 1 группой, 2 чертежами и английским резюме

ЛЕНИНГРАД
1929

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Июнь 1929 г.

Непременный Секретарь академик *С. Ольденбург*

Редактор издания академик *В. Комаров*

Представлено в заседании Президиума Академии Наук 6 марта 1926 г.

Начато набором в августе 1927 г. — Окончено печатанием в июне 1929 г.

Издательство Академии Наук СССР

2 тит. л. + 3 нен. + XLIX + 461 стр. + 3 портр. + 1 группа + 2 черт.
Ленинградский Областлит № 19405. — 65 1/8 печ. л. — Тираж 1000
Государственная Академическая Типография. В. О., 9 линия 12

СОДЕРЖАНИЕ

Комиссия Академии Наук СССР по изучению Якутской АСС Республики, помимо возложенных на нее полевых исследований с опубликованием результатов научных трудов Якутской Экспедиции Академии Наук СССР, ставит себе задачей также закончить работы и издать труды прежних экспедиций, имевших место на территории Якутии.

Среди незаконченных работ прежних экспедиций — как Академии Наук (Э. В. Толль, А. А. Бунге, К. А. Воллосович), так и других учреждений (Гидрографического и Переселенческого Управлений, Географического Общества) — экспедиция 1894—1896 гг., снаряженная на средства И. М. Сибирякова, занимает одно из первых мест.

Комиссии по изучению Якутской АСС Республики не представилось возможным собрать и объединить весь материал Сибиряковской экспедиции, так как он чрезвычайно разрознен, находясь в различных стадиях обработки в разных городах Союза. Все же Комиссия принимает все меры к тому, чтобы материал этой экспедиции был возможно широко использован и полно издан.

К числу работ означенной экспедиции, оставшихся неопубликованными и незаконченными, относятся предлагаемые труды Н. А. Виташевского — по юридическому быту якутов и Л. Г. Левенталя — по экономическому их строю, которые ныне, при ближайшем посредстве участников той же Сибиряковской экспедиции И. И. Майнова и Э. К. Пекарского, закончены и составляют IV том «Трудов» Комиссии.

В этот том вошли также статьи более раннего исследователя Якутии Д. М. Павлинова — об имущественном праве якутов и брачном праве у них.

Комиссия не сочла возможным как-либо сокращать или видоизменять этот исторический документ, и потому материалы «По обычному праву и по общественному быту якутов» издаются в том же виде, как они были написаны в конце прошлого столетия.

Правительство Якутской АСС Республики неоднократно просило Комиссию ускорить издание вышеназванных трудов, но трудность подбора материала и их разработка, что было взято на себя, по просьбе Комиссии, И. И. Майновым, и, наконец, печатание задержали выход в свет этих капитальных работ.

Труды Л. Г. Левенталя, Н. А. Виташевского и Д. М. Павлинова сопровождаются составленным И. И. Майновым предисловием, в котором сообщаются сведения как о Сибиряковской экспедиции в целом, так и об И. М. Сибирякове и об авторах вошедших в этот том статей с данными об их научно-литературной деятельности.

Комиссия по изучению Якутской АСС Республики считает своим долгом выразить глубокую признательность И. И. Майнову за его труд по настоящему изданию, а также Э. К. Пекарскому, любезно просмотревшему транскрипцию якутских слов и названий.

Председатель Комиссии академик *В. Комаров.*

Ученый Секретарь профессор *П. Виттенбург.*

Предисловие.

I

Комиссия Академии Наук СССР по изучению Якутской АСС Республики, в стремлении к наивозможно широкому и полному освещению Якутского края с его скрытыми богатствами и с таящимися в его разноплеменном населении задатками, ввела в круг своих задач не только организацию новых экспедиций, но и воскрешение для науки тех материалов, которые в разное время уже были собраны отдельными исследователями или даже целыми экспедициями, но, в силу разного рода неблагоприятных условий, доныне тлели и покрывались пылью в портфелях частных лиц и в архивах научных учреждений. Недостаток средств для опубликования этих давних работ, а пожалуй и недостаток живого интереса к далекой и угрюмой окраине, обе эти причины вместе вели к тому, что многим работам грозило забвение. А между тем, помимо того, что деятельность прежних экспедиций требовала в свое время огромного труда и доставила очень большой запас разного рода фактических данных, нельзя не учитывать и того, что некоторые из неоглашенных и поныне материалов в настоящее время уже невосстановимы. В особенности это можно сказать о данных этнографического характера. Поток событий, захлестывая все более и более самые дальние окраины нашей страны, быстро смывает старину и делает ее подчас уже непонятной для наших современников, тогда как многое из этой цепкой старины, исчезая с поверхности, в действительности лишь уходит в глубь и продолжает оказывать на весь строй жизненных отношений то или иное влияние. Всего сильнее проявляет свою жизненность обычно-правовой уклад народных понятий и навыков и народные порядки землепользования. Недостаточное знакомство с веками слагавшимися юридическими обычаями какой-либо народности и с историей ее общественных и земельных отношений в практике сегодняшнего дня могло бы повести ко многим печальным последствиям, а иногда и к неожиданностям. Это соображение побудило Комиссию по изучению Якутской Республики выделить из имевшихся в ее распоряжении этнографических материалов прежде всего данные о правовой жизни якутов, какой она сложилась к концу XIX века, то есть непосредственно перед началом нового периода в истории Якутии.

Два с половиною века русского господства, разумеется, не могли пройти для юридической мысли туземного населения совершенно бесследно. Все народности края были выну-

ждены в продолжение этих веков не только подчиняться фискальным требованиям власти, но и считаться со многими статьями общеимперского Свода Законов в разных случаях обыденной жизни, особенно — при торговых сношениях с русскими. Уже одни такие факты как появление в народном обиходе денег (ранее неизвестных), как возникновение спроса на некоторые виды наемного труда и на некоторые местные продукты, не могли не оказать на весь строй народной жизни глубокого преобразующего влияния. Такие факты часто вызывали необходимость заимствовать для новых житейских отношений готовые юридические нормы и готовые термины, которых местная жизнь не могла ранее выработать. Иные из этого рода заимствований к половине XIX века успели войти в жизнь якутского мира в такой мере, что сами якуты уже перестали отличать их от норм более древнего происхождения, вполне туземных и часто глубокоархаических. На семейном быте якутов и на связанных с семейными отношениями правовых понятиях, после формального принятия якутами к началу XIX века христианства, не могла не оказать очень существенного влияния и новая, общеевропейская религия, с ее требованием единобрачия, находившим поддержку и в гражданском законе, которому необходимо стало подчиняться.

Исконные начала якутского обычного права, слагавшиеся в века существования разрозненных племенных групп в условиях родового быта, постепенно переплетались в якутских наслегах и улусах с формами, свойственными «сельскому обществу» русских крестьян; обычаи и обряды, возникшие первоначально на почве анимистического миросозерцания, в конце XIX века продолжали существовать бок о бок с идеями и нормами поведения, в более или менее искаженном виде достигшими до приалданских и притаттинских наслегов через ряд посредствующих звеньев от очень далеких первоисточников. И эта юридическая и бытовая амальгама не представляла собой чего-то окончательно застывшего и отлившегося в незыблемые формы. Под давлением непрерывно изменявшейся жизненной обстановки народная мысль медленно, но неустанно работала и на протяжении каких-нибудь пятидесяти или семидесяти лет успевала вносить в общественную, семейную и частную жизнь якутов и в связанный с этим круг понятий новые элементы, нередко вступавшие с пережитками седой старины в довольно неожиданные сочетания. На пороге XX века наслежный староста в разговорном языке якутов по традиции продолжал именоваться «князем», хотя его власть стала уже совсем не такой, какой была власть прежних «тойонов», которых и русские официально называли «князьцами». Венчание в церкви не устраняло в жизни крещеных «родовичей» уплаты за невесту калыма и сложного церемониала якутской свадьбы, проникнутого вполне языческим духом. Общинное землепользование уживалось в наслегах с наследственным владением сенокосными участками и со многими преимуществами в пользу наслежной знати.

Местные представители русской власти до половины XVIII века были озабочены почти исключительно сбором ясака и удержанием населения в покорности. Внутренняя жизнь якутского мира сама по себе тогдашних воевод и дьяков мало интересовала, а высшее правительство, хорошо зная недобросовестность окраинного чиновничества и хищническое отношение к туземцам со стороны переполнявших окраины всякого рода авантюристов, находило нужным постоянно напоминать воеводам о желательности поощрять туземцев к исправному взносу ясака «ласкою, а не жесточью». В XVIII веке можно отметить целый

рядъ указовъ и распоряженій, имѣвшихъ въ виду охрану столь доходнаго для казны инородческаго міра съ установившимися въ немъ порядками отъ вмѣшательства въ его бытъ со стороны непосредственно близкихъ къ населенію органовъ власти. В служившей для Якутской области в продолжение многих десятилетий как-бы местным кодексом «Ясачной Выписке», составленной в Якутской Воеводской Канцелярии в 1767 г., мы в самом же начале находим, вслед за главою 22 Регламента Петра Великого, выдержку из инструкции Саввы Владиславовича Рагузинского его подчиненным от 30 июня 1728 г. «о разбирательстве между ясачными в малых делах своими начальниками», а далее последовавшее через полвека подтверждение юридической автономии якутов в предложении якутского губернатора Цедельмана от 27 апреля 1773 г. — «о незабирании ясачных плательщиков в судебные места, кроме ясаку и криминальных дел», и от 17 декабря 1780 г. «о разбирательстве между ясачными в их ссорах своими начальниками». Затем в том же сборнике помещен именной указ императрицы Елизаветы от 30 июля 1748 г. «о необязывании русских с якутами никакими письмами без дозволения их шуленг и старшин и без объявления в командах». Указом 23 июня 1764 г. предписывалось «невзыскание розданных всяких чинов людьми ясачным в долг денег». В предложении иркутского губернатора Фрауендорфа от 25 июля 1766 г. говорилось «о недержании в наймах и работах и в прочих услужениях без указанных крепостей и неписании никаких заемных и договорных писем». Далее, как местный закон, мы видим в «Ясачной Выписке» указ самой Ясачной Комиссии от 23 ноября 1766 г. «о бытии сенным покосам во владении за теми, за кем они состояли, и о невступании никого в посторонние покосы и угодья» и указ ее же от 10 декабря 1767 г. «о непокупании у ясачных сенокосных мест и рыбных ловель и о непринимании в заклады и церковные приклады».

Высшая власть, как видно отсюда, уклонялась сама и воздерживала своих агентов от прямого воздействия на внутриулусные отношения, но общий ход жизни все чаще и чаще приводил русских в соприкосновение с якутами и самих якутов во многих случаях побуждал обращаться в русские учреждения с требованием разрешения споров, возникавших в улусах как на почве общественной борьбы, так и при столкновении частных интересов. Для власти становилась очевидной необходимость некоторого знакомства с обычаями туземного населения и с установившимися в инородческом мире общественными отношениями, так как полное неведение улусной жизни во многих случаях ставило местную администрацию в трудное положение, а высшему правительству препятствовало в осуществлении его планов. В сознании этого, императрица Екатерина II затребовала от сибирских властей представления ей подробных сведений «о начале и происхождении иноверцев разных племен, а также о достопамятных между ними происшествиях, равномерно о законе их, о сохранившихся между ними преданиях и т. д.». В 1784 г. Иркутское Наместническое Правление, в удовлетворение требований императрицы, в свою очередь затребовало все такие сведения от якутских властей, но те не могли дать на этот запрос ничего иного, кроме данных, собранных в Якутске еще в 1766—1768 годах действовавшей там Первой Ясачной Комиссией, прямая задача которой состояла в переобложении туземцев новыми окладами ясака и в установлении для его взимания более точного и уравнительного порядка. Широко взглянув на свою задачу, Комиссия, руководимая в Якутске бывшим воеводой Мироном

Мартыновичем Черкашинниковым, пыталась уяснить не только экономические ресурсы ясачного населения, но и те стороны его быта, которые чаще всего побуждали улусных жителей, при недовольстве судом их родовых властей, обращаться за окончательным решением их споров к еще более высокой, т. е. к русской власти. Такие длительные и запутанные судебные дела чаще всего возникали на почве споров из-за наследства или же из-за невыплаты калыма за невесту. В силу этого еще в октябре 1766 г., т. е. при самом начале ее работ, Ясачная Комиссия уже сделала постановление «о возвращении за засватанную ясачную девку за калым (если она, сговорясь с другим, убежала), того калыма с ее отца, и еще с приплодом от скота», а в сентябре 1767 г. изменила это постановление распоряжением «о взыскании за сговоренную невесту калыма, если она сбежит, не с тестя, а с того, кто, ее подговоря, женится». В декабре 1767 г. и в январе 1768 г. Ясачная Комиссия вела переписку с Якутской Воеводской Канцелярией «о погребальных обычаях якутов и об ихних духовных завещаниях» («Ясачная выписка», Архив Якутского Обл. Пр.).

Таким образом в деятельности Первой Ясачной Комиссии мы встречаем и первую же серьезную попытку русской власти присмотреться к якутскому миру и выяснить для себя хотя бы некоторые стороны его обычного права. Однако, Ясачная Комиссия коснулась этой стороны якутского быта лишь частично. Собранные ею сведения были отрывочны и не сведены во что либо цельное. Иркутские власти не удовлетворились доставленными им данными и в 1794 г. вновь затребовали из Якутска представления подробных топографических сведений о крае, а вместе с тем и сведений о том, «не имеют ли чего отличного жители той округи в своих нравах, обычаях, образе жизни, в строении и одеждах своих, наречии языка и чем отличаются от обыкновенного произношения?». Вопросы были, повидимому, сформулированы Иркутским землемером Федоровым, к которому предлагалось направлять и ответы, но якутские чиновники на этот раз ограничились представлением некоторых описаний чисто топографического характера, а по поводу вопросов этнографических уклонились от ответа, ссылаясь в свое оправдание на обширность края и на то, что «ежели сделать требуемое описание по одним предсказываниям тунгусов и якутов, то... по несовершенному их разумению вещей, едва ли будет соответствовать той справедливости каковая должна быть в натуре» (ответ олекминского комиссара Измайлова).

После этого вопрос о приведении в известность существующих у сибирских народов их туземных обычаев на два десятилетия как бы замер впредь до назначения на пост сибирского генерал-губернатора Сперанского. Задумав издание общего Инородческого Устава, Сперанский уже в 1819 г. широко поставил подготовительные работы и тогда повсюду в Сибири были образованы комиссии для выяснения верований, обычаев и обычного права каждого племени. Первоначальные сведения должны были доставлять в эти комиссии «сами инородцы на собственном их языке», то есть, по бытовым условиям того времени, несомненно — знатнейшие «родоначальники», улусные вожаки, в большинстве прямые потомки прежних могущественных «тойонов». Представляемые сведения они должны были подтверждать собственноручными подписями или приложением своих печатей или фамильных знаков. Подлинники записей с их точным переводом хранились в Петербурге в делах II Отделения собственной е. в. Канцелярии, состоявшем в позднейшие годы в ведении Сперанского. Там предполагалось составить свод всех вообще местных законов и обы-

чаев Империи, а в том числе и обычаев сибирских инородцев. Труд этот был поручен действ. стат. сов. Величке, в распоряжение которого и поступил весь собранный материал. Но после того как Величко умер, несмотря на все розыски в Петербурге и в Сибири, подлинные сводки сибирских обычаев нигде в те годы не были найдены и их можно было считать погибшими[1]. В действительности, однако, пятьюдесятью годами позже, совершенно неожиданно, в частных бумагах скончавшегося в Варшаве сенатора Губе нашлись копии этого, единственного в своем роде и невосстановимого, материала. Сенатор Губе, состоявший ранее при главноуправляющем II Отделением собственной е. в. Канцелярии графе Блудове, понимая высокий интерес хранившихся в Отделении сводок, приказал сделать для себя копии с их переводом, с тем, чтобы впоследствии, если этих сводок не опубликует само правительство, издать их хотя бы и частным образом, при чем он составил и объяснительную записку с изложением всех обстоятельств, при которых сводки были когда то составлены, а копии с них оказались у него. В 1874 г. юридический факультет Варшавского Университета передал доставшиеся ему бумаги скончавшегося Губе на рассмотрение профессора Д. Я. Самоквасова и тот, с разрешения Университета, опубликовал, наконец, эти данные, собранные еще в двадцатых годах XIX века в Сибири, в «Сборнике обычного права сибирских инородцев», изданном в Варшаве только в 1876 г.[2].

[1] Однако, к началу 40-х годов II Отделение собственной е. в. Канцелярии, очевидно — на основании именно этих материалов, успело подготовить проект инородческого кодекса, который был отпечатан в собственной типографии II Отделения и опубликован в 1841 г., но законодательного утверждения не получил. Кодекс был озаглавлен: «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и заключал в себе 802 статьи, подразделявшиеся на шесть разделов: I — «о правах и обязанностях семейственных»; II — «о праве инородцев на имущество»; III — «о обязательствах по договорам»; IV — «о благочинии в инородческих стойбищах»; V — «о взысканиях и наказаниях» и VI — «о судоустройстве». Только 11 статей этого «Свода»: 351—361 «об отдаче на содержание скота у якутов» относились собственно к якутам. Почти все остальные статьи были средактированы в общей форме, как применимые к кочевникам самых различных народностей, и лишь изредка какая-либо народность указывалась в тексте особо, именно в изъятие от применения к ней общей формы. Так, например, в статье 50, где говорится о нормах возмещения за калым в случаях развода некрещёных супругов, после установления общих правил следовало добавление:...... «Сверх того у якутов принимать в расчет и в число вознаграждений ставить излишек отдарков, переданный родственниками жены за свадебные подарки и гостинцы». Подлинные записи туземных обычаев, составленные на местах самими инородцами, для II Отделения послужили лишь сырым материалом, совершенно иначе перегруппированным и иначе средактированным в «Своде степных законов».

[2] Через двадцать пять лет после появления в печати «Сборника» пр. Самоквасова, Э. К. Пекарский нашел в архиве Якутского Областного Правления «Дело по предложению г. Якутского Областного Начальника с приложением отношения Губернского правительства о доставлении в Губернский Совет нужных сведений об оседлых, кочующих и бродячих иноверцах. Началось 10 генваря 1823 г.». Из бумаг этого дела видно, что Губернскому Совету затребованные сведения понадобились для соображений по вопросу о приведении в исполнение Устава об инородцах 1822 г. и «в особенности об образе управления». В деле оказалось три объемистых документа; два неопубликованных у Самоквасова: «Сведения, составленные вследствие предписания Олекминского Окружного Земского Исправника Г. 9 класса Карсакова от 8 числа мая 1823 г., № 1245, Олекминского ведомства якутскими 5-ти волостей князцами и лучшими родовичами о законах и обычаях инородцев, собранные частию из ясачной выписки и частию из преданиев. Июня (без даты) 1823 г.»; и второй документ, составлявший почти копию первого и до сих пор также остававшийся неизвестным, — «Сведения, составленные во исполнение предписания Верхоянского Окружного Исправника Коллежского Секретаря Михалева онаго же ведомства улусными головами и поверенными верхоянским, эльгетским и устьянским старостами некоторых родовых управлений и лучшими родовичами о законах и обычаях инородцев оных, собранные из сведений по делам и из устных преданий. Декабря 30 дня 1823 г.». Третий документ озаглавлен: «Объяснение якутов Якутской области о законах и обычаях их. Порядок, на коем основывали якуты решения свои по разным искам и обряды, поныне имеющиеся в употреблении». Этот последний документ был представлен в Якутское Областное Управление «головами якутских пяти улусов и двух волостей Якутского округа» при рапорте от

Появление «Сборника» в печати побудило высшую власть обратиться к якутскому губернатору с запросом о том, насколько, по его мнению, был бы применим оглашенный Самоквасовым свод якутских обычаев в настоящее время? Якутский Областной Совет, основываясь на отзывах всех исправников края, ответил на этот вопрос отрицательно, так как указываемые в «Сборнике» обычаи двадцатых годов с тех пор успели устареть и теперь уже вышли из употребления (Архив Якутского Областного Правления, д. 1886 г., № 79).

В значительной мере это было верно, но сверх того и по самому существу «обычаи якутов», записанные полвека тому назад по сообщениям нескольких тойонов, имена которых теперь установить уже невозможно, необходимо требуют строго критического отношения. Некоторые черты сообщенных Сперанскому обычаев в той редакции, в которой они изложены в «Сборнике» Самоквасова, делают вероятным предположение, что это не всегда действительно укоренившийся туземный обычай, а местами скорее пожелания самих составителей свода. В иных статьях «Сборника» те или иные меры так и рекомендуются именно как пожелания. Так в разделе VII, «об ослушниках», в пункте 4, где говорится о лицах, приносящих по их личным делам «на родоначальников, на старшин, князцов и голов начальству жалобы», в заключительной фразе всего пункта мы читаем: «в пресечение сего беспорядка правил не постановлено, что необходимо» («Сборник», стр. 208). В разделе VIII, «о якутах беспокойных и нетерпимых в родах», в подразделении в), в числе таких якутов указываются и те, «которые затейны, наглы, дерзки, не оказывают родоначальникам должного повиновения;... все таковые, — читаем далее, — ... по приговорам наслежных обществ представляются начальству для отсылки в Охотск и в Камчатку на поселение; право сие необходимо сохранить и для будущего времени, для воздержания продерзостных». (Там же, стр. 209). Примеров такого рода можно было бы извлечь из различных статей «Сборника» не мало.

Помимо вполне явственных следов тойонской редакции, многие статьи опубликованной Самоквасовым сводки, во всем ее построении и в языке перевода, обнаруживают сильное воздействие на самый текст со стороны переводчика (возможно знавшего якутский язык священника) или руководившего его работой образованного русского юриста. Стиль опубликованной сводки якутских обычаев это — характерный по своей витиеватости стиль российских канцелярий и консисторий двадцатых годов XIX века. Так в первом же подразделении раздела I «о жертвоприношениях», после краткого описания весеннего празднества возлияния кумыса («ысыах», — в «Сборнике» напечатано «шех»), дается такое пояснение: «обряд сей делается у всех вообще якутов с восхищением сердечной радости и возвышением

25 августа 1823 г. Именно это «Объяснение» очевидно и представляет собой основной текст тех «обычаев якутов», которые в значительном сокращении и не всегда одинаковом с подлинником изложении, были позже воспроизведены в «Сборнике» Самоквасова по копиям сенатора Губе. В тексте «Объяснения», найденном Пекарским, содержится 26 глав, которых у Самоквасова не имеется. Что касается до редакции отдельных статей, воспроизводимой Пекарским буквально, то сам он справедливо говорит в своем пояснении к опубликованным им документам, что такое воспроизведение предпочтительней, так как оно «дает возможность разностороннего толкования неясных мест и сравнения с текстом Д. Я. Самоквасова». Частично некоторые данные вновь найденных документов сообщены Пекарским в приложении 1-м к «Эволюции Черной веры у якутов» В. Ф. Трощанского (Казань, 1902 г.) и в выпуске II — III «Живой Старины» за 1909 г., посвященном 50-летию ученой деятельности В. В. Радлова, а полностью все эти документы опубликованы лишь в 1925 г. в «Сборнике Музея Антр. и Этнографии», т. V, в статье Э. К. Пекарского «Материалы по якутскому обычному праву».

ума и чувств к богу, в знак благодарности за все благодеяния им ниспосылаемые к роду человеческому и в умилостивление к оному».[1] Такие же, отнюдь не якутские фразы испещряют текст и в нескольких других местах.

Различным сторонам народного быта составителями сводки уделено далеко не одинаковое внимание. Из 45 страниц всего текста «обычаев якутов» отдел XXX, «об условиях и договорах», занимает всего шесть с половиною строчек; отдел XXIV, «о наследстве», занимает немного больше одной страницы и т. д.

В силу указываемых особенностей, сводка якутских обычаев, выполненная в двадцатых годах XIX века по требованиям высшей бюрократии неизвестными якутскими «родоначальниками» и обработанная иркутскими и петербургскими чиновниками, сохраняя большой интерес для историка, ни по своей полноте, ни по своей достоверности, всего через полвека уже не могла удовлетворить требований этнографа, как не могла служить и надежным руководством для судьи или для администратора.

Профессор А. Кистяковский в своей рецензии на опубликованный Самоквасовым «Сборник» (Киевские Университетские Известия, 1876 г., № 6, стр. 228—252), признавая этот «Сборник» «бесспорно представляющим большую важность как по дорогому материалу в нем содержащемуся, так и потому, что он может представить точку опоры для новых исследователей и может послужить будильником и указателем к новым трудам», высказал далее ту мысль, что «дальнейшее изучение обычного права сибирских инородцев должно итти двояким путем — или путем отыскания и обнародования письменных материалов или путем непосредственного наблюдения живого быта».

Оба эти указания киевского профессора в позднейшие годы нашли применение в Якутской области, хотя сами исследователи якутского обычного права, работы которых печатаются теперь в предлагаемом издании, едва ли были знакомы со статьей Кистяковского. По крайней мере первый из них начал свою деятельность за несколько лет до появления «Сборника» проф. Самоквасова, — еще в самом начале семидесятых годов.

Этим первым исследователем юридической жизни якутов был не ученый специалист, а чиновник с университетским образованием, работавший не по заданиям власти, а по своему частному почину, — Дмитрий М. (Михайлович?) Павлинов. В Якутск он прибыл из России на должность прокурора Якутского Окружного Суда вероятно в конце шестидесятых годов и оставался в крае до 1876 года, когда выехал обратно в Россию. Несмотря на все старания Комиссии по изучению Якутской республики получить о личности этого исследователя какие либо биографические сведения, в настоящее время нельзя указать ни места и года его рождения, ни места и времени его кончины, ни того университета, в котором он получил свое юридическое образование. Известно только по воспоминаниям

---

[1] Даже эта фраза оказывается несколько упрощенной сравнительно с ее первоначальным текстом, который теперь можно восстановить по указанным в предыдущем примечании материалам Э. К. Пекарского. В подлиннике мы читаем. «. . . делается у всех вообще якутов таковое жертвоприношение с восхищением сердечным и возвышением ума чувствительной благодарности, в бодрости духа в его неисповедимую десницу». Такого рода фразы улусных витий вызвали со стороны Якутского Областного Правления замечание улусным головам (занесенное в Журнал от 28 августа 1823 г.), что «в списке их при первом взгляде оказываются неловкие выражения, приметно писарями их в игру ума употребленные, то подтвердить оным, чтоб они излагали бумаги прямыми выражениями, не озабачивая себя подбором велеречивости свыше понятия своего». (Цитированная выше статья Э. К. Пекарского в т. V «Сборника Музея Антр. и Этногр.»).

некоторых старожилов города Якутска, что, помимо своей основной должности, Павлинов состоял преподавателем словесности в местной прогимназии и за годы своего пребывания на Лене принимал живое участие в деятельности Областного Статистического Комитета. В изданной Комитетом в Якутске «Памятной книжке Якутской области на 1871 год» появилась первая работа Павлинова «Брачное право у якутов», в настоящее время уже недоступная читателям, так как от этого издания до наших дней дошло всего два-три экземпляра, в виду чего названная Комиссия сочла нужным переиздать статью Павлинова в издаваемом ею томе «Материалов по обычному праву и по общественному быту якутов».

Другая работа того же автора «Юридический быт скопцов Мархинского селения, Якутского округа» была напечатана в «Известиях» Сибирского Отдела Географического Общества за 1875 г. (т. 5, № 3—4, стр. 122—128). Этой статьи Якутская Комиссия не переиздает частью в виду того, что она касается не туземцев, а одной из групп пришлого населения, а частью потому, что «Известия» Сиб. Отд. Г. О. не представляют собой такой библиографической редкости как изданная в Якутске «Памятная Книжка» на 1871 г.

Третья, и самая содержательная, работа Павлинова, — «Об имущественном праве якутов», до сих пор совсем не появлялась в печати и самое существование ее оставалось известным лишь очень узкому кругу лиц, в прежние годы близко стоявших к Якутскому Статистическому Комитету. Статья эта очевидно была заготовлена в предположении опубликовать ее в ближайшем выпуске «Памятной Книжки», но с отъездом Павлинова деятельность Якутского Стат. Комитета ослабела, новых выпусков «Памятной Книжки» в скором времени не последовало, и статья залежалась в груде старых дел комитетского архива на целых двадцать лет, пока ее не «открыли», уже в девяностых годах, производившие тогда свои работы в Якутске участники Сибиряковской этнографической экспедиции. Для них статья Павлинова явилась чрезвычайно ценным пособием, гораздо более полным и менее устарелым, чем сводка, помещенная в «Сборнике» Самоквасова. По своему содержанию, как основанная преимущественно на письменных источниках, она могла служить как бы вступлением к работе самих членов экспедиции, наблюдавших подлинную улусную жизнь и черпавших свои сведения прямо на местах возникновения и разбирательства якутских тяжеб.

Принадлежавший Статистическому Комитету экземпляр статьи Павлинова представлял собою толстую тетрадь, переписанную с подлинника каким то не вполне грамотным писцом, но в конце имевшую (собственноручную?) подпись автора «Д. Павлинов». Статья долго ходила по рукам в кругу политических ссыльных Якутска, но через несколько лет исчезла из обращения неизвестно куда и с тех пор считалась утерянной. Только через тридцать лет она вновь отыскалась уже в России, в делах Азиатского Музея Академии Наук, куда перешла с бумагами скончавшегося перед тем в России участника Сибиряковской экспедиции Л. Г. Левенталя. Предполагая закончить уже в России свой собственный труд по общественному быту якутов, Левенталь, с разрешения секретаря Статистического Комитета, при своем выезде из Якутской области захватил с собою некоторые из комитетских дел, которые были ему нужны для постоянных справок, и впоследствии вернул эти дела в Якутск, но рукописи Павлинова он очевидно возвратить не успел, а может быть и забыл о том, что она находится в числе его бумаг. Таким образом в конце концов эта злополучная

работа попала в Азиатский Музей, где, при осмотре архива Левенталя, ее и нашел Э. К. Пекарский. Якутская Комиссия решила напечатать наконец этот труд, пролежавший под спудом целых пятьдесят лет, но и до сих пор далеко не утративший своего интереса.

Павлинов в своей работе пытался охватить почти все стороны юридической жизни якутов и использовал для этого обширный материал, имевшийся в делах якутских судебных учреждений. В настоящее время значительная часть этого материала уже погибла, так как многие из местных архивов за полвека не раз подвергались пожарам или утратам, вызывавшимся небрежностью хранения.

Задача автора состояла главным образом в описании существующих обычаев и в распределении различных явлений якутской правовой жизни по рубрикам русского гражданского права. Широких социологических обобщений или этнографических сближений автор избегал. В его изложении всегда чувствуется юрист-практик. Якутского языка, насколько можно судить по его произведениям, Павлинов не знал или знал очень слабо. Подлинную якутскую жизнь, как она слагается в глухих наслегах, он мог непосредственно наблюдать лишь в очень небольшой мере, при каких нибудь служебных поездках, и потому первые моменты возникновения тяжеб и роль родовых и наслежных властей в качестве их суда первой инстанции была ему известна лишь по ее отражениям в позднейших делах, при переходе процесса в общие судебные учреждения края. Зато делопроизводство этих последних и их архивные дела Павлинов обследовал очень усердно и сумел извлечь из них много ценных для этнографии сведений.

Воспроизводя статью «Об имущественном праве Якутов», Редакция настоящего издания почитала излишним вводить в нее какие либо примечания в тех случаях, когда автор высказывал взгляды по современным понятиям несколько устарелые или недостаточно широкие. Статья была составлена полвека тому назад и, конечно, она носит на себе печать своей эпохи. Ценность статьи Павлинова — в сообщаемых в ней фактах. С фактической стороны она настолько богата, что ее окончательное забвение для литературы якутоведения несомненно было бы невознаградимо.

По таким же соображениям Редакция воспроизводит при статье Павлинова и составленную им выдержку из найденной им в каком-то из якутских архивов рукописи восьмидесятых годов XVIII века (теперь уже утраченной), авторами которой были два тогдашних чиновника: расправный судья Эверст и исправник Горловский. Заключая в себе сведения о некоторых старинных якутских обычаях, эта рукопись является в то же время очень показательной для уяснения умственного облика передовой части окраинного чиновничества эпохи императрицы Екатерины II. При наличии некоторого интереса к тому краю, которым они призваны были управлять, и к его нуждам, авторы рукописи в своих проектах и в их обосновке обнаруживают одновременно с этим и присущий всем тогдашним администраторам взгляд на местное население как на совершенно пассивный материал административных воздействий. Интересы казны и общегосударственные соображения вполне заслоняют для них личные права и частные нужды туземцев. Высказываемые авторами этнологические догадки и допускаемые ими сближения кажутся современному читателю подчас чрезвычайно наивными, их административные проекты кое в чем могут показаться почти смешными

и наряду с этим мы встречаем у этих захолустных чиновников XVIII века некоторые мысли, до известной степени предвосхищавшие будущее или, с некоторыми видоизменениями, возрождающиеся в наше время (например: мысль о северном пути в Якутию через Туруханск и Вилюйск, мысль об учреждении порта в Аянской бухте и т. п.).

После работ Павлинова, устанавливавшего первоначальные факты в их общих чертах, пора было приступить к более углубленному изучению правовой жизни якутского мира, вооружившись для этого основательным знанием якутского языка и улусного быта, с одной стороны, и знакомством с социологическими и этнографическими теориями своей эпохи, — с другой.

Эта задача была выполнена двумя исследователями, работавшими в Якутии двадцатью годами позже Павлинова, первоначально в силу своей личной любознательности, а позже — в качестве участников Сибиряковской этнографической экспедиции, материалы которой в значительной части перешли впоследствии в распоряжение Комиссии Академии Наук по изучению Якутской АСС Республики.

II

В настоящем томе «Трудов» Комиссией Академии Наук по изучению Якутской АСС Республики печатаются работы двоих участников названной экспедиции, но в последующих томах предполагается опубликовать и несколько других трудов, касающихся различных сторон якутского быта и до сих пор сохранявшихся лишь в виде рукописей или даже в виде полусырого материала, который для своего издания потребует со стороны Комиссии некоторой предварительной обработки. Общее количество оставшихся от Сибиряковской экспедиции неопубликованных материалов настолько значительно, что в печатном виде оно должно составить несколько томов, и в деятельности Якутской Комиссии окончательная разработка и издание сибиряковских материалов займет довольно заметное место. В силу этого, являясь в некоторой мере как бы наследницей Сибиряковской экспедиции, академическая Комиссия считает уместным напомнить в предисловии к первому же тому публикуемых ею материалов названной экспедиции историю этого своеобразного учреждения и дать при этом краткие сведения об участниках экспедиции и их работах. Разрозненные части этих работ были в разное время опубликованы в разноместных изданиях, вплоть до заграничных, но в главной своей массе собранный экспедицией тридцать лет тому назад этнографический и антропологический материал до настоящего времени оставался неизданным.

Экспедиция возникла по частному почину и затем работала на единоличные средства известного своими щедрыми взносами на просветительные и благотворительные цели ленского золотопромышленника Иннокентия Михайловича Сибирякова, почему за нею и упрочилось его имя. В 1888 г. И. М. предложил тогдашнему правителю дел Восточно-Сибирского Отдела Географического Общества Г. Н. Потанину пять тысяч рублей для организации исследования быта инородцев Якутской области. Жертвователь указывал для проектируемой им экспедиции две основные задачи: выяснение вопроса о том, вымирает ли туземное население Якутского края или увеличивается в своей численности? и — полезное или вредное влияние оказывает на благосостояние населения золотопромышленность? Как

И. М. СИБИРЯКОВ
(род. в 1861 г., ум. в 1901 г.).

сам Потанин, так и те лица, к которым он обращался с предложением ехать на Лену для выяснения поставленных жертвователем вопросов, по разным мотивам уклонились от такой поездки. Дело не двигалось до 1892 г., когда новый правитель дел Вост.-Сиб. Отдела — Дмитрий Александрович Клеменц внес в Распорядительный Комитет Отдела предложение заменить командировку на Лену какого нибудь одного лица организацией в Якутской области стационарного этнографического обследования, которое производилось бы лицами, успевшими до того провести в крае несколько лет, успевшими сжиться с населением, заручиться его доверием, — что так важно для этнографа, и ознакомиться с якутским языком, — что не менее важно. Некоторые из намечавшихся Клеменцем участников экспедиции были ему лично известны как люди, по его мнению, достаточно подготовленные для этнографической работы, а иные из них, частным образом, по собственному почину, уже производили исследования в тех районах, в которых они проживали, и по поводу своих работ уже находились в сношениях с Отделом. И жертвователь, и Распорядительный Комитет Отдела согласились с предложением Клеменца, а И. М. Сибиряков даже увеличил предназначаемую им для экспедиции сумму до 10 тысяч рублей. Труднее было получить согласие на рекомендуемый Клеменцем способ организации якутских работ со стороны правительства и местного генерал-губернатора, А. Д. Горемыкина, являвшегося по тогдашнему уставу Географического Общества «Покровителем Отдела», т. е. фактически его бдительным контролером и полновластным хозяином. В представителях власти предложение Клеменца, человека, по их понятиям, политически крайне неблагонадежного, вызывало подозрительное отношение, так как те лица, которых этот заведомый революционер имел в виду привлечь к участию в Сибиряковской экспедиции принадлежали все к числу «государственных преступников», в большинстве лишенных всех прав состояния по приговорам военных судов или Особого Присутствия Сената. По установленным в Петербурге правилам, эти лица должны были содержаться в самых глухих местностях Якутского округа безвыездно и по возможности обособленно. Предоставление им права разъездов по всему краю, а притом и права разработки местных архивов, а вдобавок и возможности производить опросы населения, — все это представлялось с бюрократической точки зрения опасным и противоречащим всем, незыблемым до того времени, административным традициям. Только при содействии таких авторитетных лиц как Президент Географического Общества Петр Петрович Семенов и академик Василий Васильевич Радлов Вост.-Сибирскому Отделу удалось добиться в Петербурге разрешения на учреждение при Отделе столь исключительной по составу своих участников экспедиции. Однако, в число ее членов властями было разрешено допустить не более восьми человек политических ссыльных, а наряду с ними к участию в экспедиции было предписано привлечь несколько наиболее интеллигентных чиновников Якутска и хотя бы двоих местных священников. Собрания членов экспедиции для деловых совещаний разрешались не иначе как в помещении Якутского Статистического Комитета, под председательством секретаря Комитета казачьего сотника Андрея Иннокентьевича Попова. Вся переписка членов экспедиции с Вост.-Сибирским Отделом должна была производиться через Статистический Комитет, а вся ее деятельность подчинялась строгому контролю якутского губернатора и высшему надзору иркутского генерал-губернатора. При другом личном составе якутской администрации эти условия могли бы совершенно

омертвить экспедицию и поставить ее участников в самую тяжелую зависимость от капризов местного губернатора и от бюрократической рутины областного Статистического Комитета. На деле, однако, этого не произошло благодаря чрезвычайно тактичному поведению секретаря Комитета А. И. Попова и еще более — благодаря терпимому и даже благожелательному отношению к политическим ссыльным и к их работам со стороны незадолго до того вступившего в должность губернатора Якутской области, Владимира Николаевича Скрипицына. Те чиновники и священники, которых Скрипицын, согласно требованию генерал-губернатора, ввел в состав экспедиции, точно так же ничем не стесняли ее работы, а некоторые из них и на самом деле более или менее содействовали работам своих более активных коллег.

Из должностных лиц, кроме А. И. Попова, в состав экспедиции были введены: советник Областного Правления Дмитрий Иванович Меликов (юрист по образованию), областной ветеринар Сергей Яковлевич Дмитриев и чиновник особых поручений Гавриил Лаврентьевич Кондаков. Из числа священников вошло двое: сотрудник Э. К. Пекарского по собиранию материала для якутского словаря, Дмитриан Попов и миссионер, работавший среди тунгусов, Иоанн Попов.

Из числа политических ссыльных разрешено было участие в экспедиции восьмерым лицам, рекомендуемым Клеменцем. Это были: Эдуард Карлович Пекарский, Николай Алексеевич Виташевский, Всеволод Михайлович Ионов, Лев Григорьевич Левенталь, Сергей Васильевич Ястремский, Владимир Ильич Иохельсон, Владимир Германович Богораз и Иван Иванович Майнов.

Помимо того Восточно-Сибирским Отделом Географического Общества было решено выделить из сибиряковской суммы три тысячи рублей и употребить ее на командирование в Ленский золотопромышленный район политического ссыльного Сергея Филипповича Ковалика, который должен был дать ответ на поставленный жертвователем вопрос о влиянии золотопромышленности на быт населения в ближайшем к приискам районе, т. е. в Олекминском округе Якутской области. Ковалик выехал в Бодайбо прямо из Иркутска и в дальнейшем все свои работы производил без связи с работами других участников экспедиции, сносясь с Отделом непосредственно.

Получив разрешение властей на учреждение экспедиции в указанном составе, Вост.-Сиб. Отдел командировал Д. А. Клеменца в Якутск для выработки на месте подробной программы всех экспедиционных работ, для распределения их среди отдельных участников, а вместе с тем и для установления плана деятельности каждого экскурсанта, его маршрутов и его сметы, так же как и общей сметы всей экспедиции в целом.

Выполняя эту задачу, Клеменц в январе 1894 г. прибыл в Якутск и там, с разрешения Скрипицына, организовал совещания всех участников экспедиции, происходившие в помещении Статистического Комитета под номинальным председательством А. И. Попова и под фактическим руководством Клеменца. В целях сближения с коренным населением края и для популяризации задач экспедиции среди якутов, по единодушному желанию всех намеченных ранее лиц, Клеменц испросил у Скрипицына разрешение пригласить к участию в экспедиционных совещаниях и в самых работах нескольких представителей зарождавшейся якутской интеллигенции, что по взглядам бюрократии того времени, считалось

Фот. В. С. Келлермана.

Съезд участников Сибиряковской экспедиции в январе 1895 г.

Сидят: 1-й слева — областной ветеринар С. Я. Дмитриев, 2-й полит. ссыльный Ф. Я. Кон, 3-й — миссионер о. Иоанн Попов, 4-й — чиновн. особых поручений Г. Л. Кондаков, 5-й — полит. ссыльн. Н. А. Виташевский, 6-й — советник обл. правления Д. И. Меликов, 7-й — полит. ссыльн. Э. К. Пекарский, 8-й — секретарь статистич. комитета А. И. Попов (казачий сотник), 9-й — полит. ссыльн. Л. Г. Левенталь, 10-й полит. ссыльн. С. В. Ястремский.

Стоят: 1-й слева — полит. ссыльн. Г. Ф. Осмоловский, 2-й — якут Е. Д. Николаев, 3-й — полит. ссыльн. В. Е. Горинович, 4-й — полит. ссыльн. И. И. Майнов, — 5-й полит. ссыльн. Н. Л Геккер.

чем то новым и несколько смелым. Из якутов в состав экспедиции таким образом были введены: голова Дюпсюнского улуса Василий Васильевич Никифоров, письмоводитель Восточно-Кангаласского улуса Иван Герасимович Соловьев, интеллигентный родович Ботурусского улуса Егор Дмитриевич Николаев и из Баягантайского улуса Николай Симонович Слепцов.

Впоследствии, в обход распоряжения, ограничивавшего число участников из политических ссыльных восемью лицами, под скромным наименованием «сотрудников» действительных членов, к участию в деятельности экспедиции были привлечены еще политические ссыльные: Наум Леонтьевич Геккер, Василий Елисеевич Горинович, Григорий Федорович Осмоловский, Василий Владимирович Ливадин и Феликс Яковлевич Кон, а из русских обывателей края — псаломщик Чурапчинской церкви Александр Ильич Некрасов.

В продолжение двухнедельного пребывания Клеменца в Якутске на совещаниях участников экспедиции были рассмотрены и утверждены все их программы, составленные каждым в отдельности, но проредактированные всеми сообща, приняты планы поездок и установлен бюджет экспедиции на 1894 г. Так как ясно было, что за один 1894 г. все намеченные программы не могут быть выполнены, то приблизительно половина имевшихся средств была оставлена в запасе для обеспечения работ 1895 г.

Помимо того из экспедиционных средств еще Вост.-Сиб. Отделом в Иркутске было решено выделить две суммы: одну — на издание подготовлявшегося Э. К. Пекарским с первых же лет его ссылки якутско-русского словаря, и другую — на издание составленного еще в 70-х годах каракозовцем Худяковым «Верхоянского Сборника», в котором содержались чрезвычайно ценные материалы по якутскому фольклору, до тех пор едва затронутому исследователями.

Одобрив оба эти отчисления, но не ограничившись ими, совещание присоединилось к предложению Клеменца расширить поставленную жертвователем цель работ и распространить их не только на обитателей Якутского и Олекминского округов, но также и на слишком мало известные до той поры народности крайнего севера Якутии, т. е. на разноплеменное население округов Верхоянского и Колымского.

И. М. Сибиряков, заинтересовавшись мыслью об издании якутского словаря, сделал на этот предмет дополнительное пожертвование в две тысячи рублей, которые дали возможность тотчас же приступить к делу и положить начало опубликованию капитального труда Пекарского, заинтересовавшего впоследствии Академию Наук и только теперь заканчиваемого печатанием в объеме трех томов, содержащих свыше двухсот печатных листов in 4° малого формата.

Для того, чтобы приступить к делу, надо было прежде всего приобрести якутский шрифт, которого до этого в Якутске не имелось. Духовенство в своих изданиях для воспроизведения якутских слов пользовалось русскими буквами и потому начертание слов оказывалось далеко не точным. Академик Бетлинг установил более совершенный способ начертания, пополнив для изображения звуков чуждых русскому языку обычный русский алфавит особыми знаками. Пекарский и Ионов предложили к бетлинговскому шрифту несколько мелких поправок и дополнений, и экспедиция выразила пожелание, чтобы словарь

печатался именно этим усовершенствованным бетлинговским шрифтом. Пришлось заказать такой шрифт в одной из российских словолитен и, для удешевления затрат, вступить в особое соглашение с Якутским Областным Правлением: заказанный Восточно-Сибирским Отделом Географического Общества шрифт, по доставлении его из России в Якутск, поступал в собственность Областного Правления, которое в возмещение его стоимости производило уплату не деньгами, а печатанием словаря в своей типографии. В силу этого соглашения первый выпуск словаря появился в свет в Якутске, в 1899 г., и на его титульном листе было означено: «Восточно-Сибирский Отдел Императорского Русского Географического Общества. Труды Якутской Экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова (1894—1896). Том III. Часть 1-я. Словарь якутского языка, составленный Э. К. Пекарским (1882—1897 гг.) при ближайшем участии прот. Д. Д. Попова и В. М. Ионова (Wörterbuch der jakutischen Sprache von Ed. Pekarskij). Выпуск первый. Издан на средства И. М. Сибирякова. Якутск. Якутская Областная Типография. 1899. Стр. IV + 128 fol.». Таким образом индивидуальная работа Э. К. Пекарского как бы вводилась в общий круг задач экспедиции и появлялась в свет как один из томов ее изданий.

На расходы работ по северу Якутии совещание должно было уделить средства из общего экспедиционного фонда — 10 000 рублей, и не могло ассигновать на этот предмет более 2500 рублей, с тем чтобы, располагая этой суммой, два лица, — Иохельсон и Богораз, — проработали на Севере каждый по 2 года и 4 месяца и собрали сведения по антропологии, этнографии, экономическому быту, языку, фольклору и верованиям русских северян, якутов, ламутов, чуванцев и юкагиров. Возможность допустить хотя бы приблизительное выполнение такой широкой программы на громадном пространстве якутского северо-востока обусловливалась в этом случае исключительно тем, что оба исследователя принадлежали к числу политических ссыльных и привыкли за годы своей ссылки к такому образу жизни, который показался бы лицам всякого другого круга совершенно невозможным. Желание использовать годы своей политической бездеятельности в осмысленной работе для науки побуждало этих изгнанников примиряться с условиями, неприемлемыми ни для кого другого, и личные их требования даже тогда представлялись более чем скромными. Так Иохельсон и Богораз на все время своих работ определили расход на их личное содержание по 15 рублей в месяц, т. е. на 2 года и 4 месяца на обоих — 870 рублей, и на разъезды каждого по 150 рублей в год, т. е. 750 рублей. На выписку инструментов и пособий и на проезд Иохельсона из Якутска в Средне-Колымск (2300 верст) им отпускалось всего 290 рублей. Остальные 590 рублей предназначались на оплату переписчиков и переводчиков и на расходы пребывания Иохельсона в городе Якутске до его выезда в Колымск. Таким образом и составилась сумма 2500 рублей, которой потребовали от экспедиции все работы двоих названных этнографов.

Помимо 3000 рублей, ассигнованных на работы Ковалика, и 2500 р., назначавшихся на работы по Северу, отчислению подлежали еще 600 р. на проезд Клеменца в Якутск и обратно и 100 р. на уплату Вост.-Сиб. Отделу за доставленные им для экспедиции инструменты и пособия. Таким образом на постановку двухлетней работы по Якутскому округу оставалось немного более 4000 р., и на все расходы ближайшего 1894 г.

оказывалось возможным уделить лишь 2000 р., которые и были распределены совещанием (со включением сюда всех расходов по разъездам) так:

На собирание материалов по демографии и антропометрии русских якутян, якутов и тунгусов (Майнов)	350 р.
На обследование экономического быта якутов (Левенталь)	350 »
На обследование юридического быта якутов (Виташевский)	350 »
Пекарскому на привлечение сотрудников по обследованию домашнего и семейного быта якутов и на оплату их труда и расходов	240 »
Ему же для Ионова на работы по изучению верований якутов	200 »
На обследование якутского скотоводства (Дмитриеву)	100 »
На приобретение научных пособий	200 »
На издание «Верхоянского Сборника»	150 »
На канцелярские и случайные расходы	60 »
Итого......	2000 р.

В феврале 1895 г., уже в отсутствие Клеменца, участники экспедиции вторично собрались на совещание в городе Якутске, наметили план работ на 1895 г. и распределили оставшуюся налицо экспедиционную сумму — 2201 р. 23 к. Пекарский к этому времени привлек к этнографической работе несколько лиц, которым и последовали ассигнования уже прямо на их имя. Майнов привлек к работам по антропологии Геккера и Кона, но из них Кон работал все время на собственные средства и никакого пособия из сибиряковских сумм не требовал. Среди остальных участников деньги были распределены так:

Сотрудникам Пекарского: А. И. Попову — нравы и национальный характер якутов..........................	90 р.	
Е. Д. Гориновичу и Е. Д. Николаеву — пища, одежда, жилища и народная медицина якутов	95 »	
Осмоловскому, Некрасову и Слепцову — звероловство и рыболовство	75 »	
Ливадину — ремесла якутов..............................	50 »	
С. Я. Дмитриеву..	100 »	
Левенталю и Виташевскому по 400 р..................	800 »	
Майнову и Геккеру вместе	400 »	
В. М. Ионову	200 »	
На печатание «Верхоянского Сборника»	150 »	
На канцелярские и случайные расходы	71 »	23 к.
Итого......	2201 р.	23 к.[1]

[1] Все эти цифры заимствуются из подлинных протоколов экспедиционных совещаний, сохранявшихся в делах Якутского Статистического Комитета до 1917 г., когда Комитет, наряду с некоторыми другими правительственными учреждениями Якутска остался без призора и дела его валялись на снегу или расхищались всяким прохожим. В этот момент член Якутского Отдела Географического Общества Н. Н. Грибановский успел спасти некоторые из гибнувших материалов Комитета и впоследствии передал их И. И. Майнову, у которого они и хранятся в настоящее время.

Располагая указанными средствами и пользуясь недоступной для них ранее возможностью разъездов по краю и проникновения в улусные архивы, экскурсанты принялись за выполнение своих задач, что для многих из них составляло лишь продолжение работ, производившихся ими ранее разрозненно и почти нелегально. Хорошие отношения с некоторыми из влиятельных туземцев, отсутствие каких-либо предубеждений со стороны якутов, и наконец — крайняя нетребовательность самих экскурсантов к каким бы то ни было удобствам при поездках позволили участникам Сибиряковской экспедиции, и при ограниченных средствах, собрать за два года их деятельности разнообразный материал, более обширный, чем мог рассчитывать Вост.-Сиб. Отдел при организации дела. Правда, перед каждым из работавших в самом процессе работы его задача выяснялась все полней и в ней открывались все новые и новые стороны, требовавшие новых изысканий, но для дальнейших изысканий к половине 1896 года средств уже не оставалось, приходилось довольствоваться тем что есть, и вместо вполне законченного и цельного исследования давать работу лишь частично освещающую взятую автором тему. В свете уже достигнутого познания перед каждым все определенней выступали заманчивые дали еще не установленного, быть может в себе-то и таящего ключ к полному пониманию всей исследуемой области явлений. С этой неудовлетворенностью своей работой всем экскурсантам приходилось однако примириться, находя некоторое утешение в мысли, что все таки даже представляемые ими работы могут внести в литературу якутоведения нечто новое, извлеченное из глубины якутской действительности, куда не мог проникнуть взгляд прежних исследователей-путешественников, посещавших край лишь проездом и наблюдавших его жизнь, так сказать, сверху, а не изнутри.

В конце 1896 года некоторые из экскурсантов, отбывших к тому времени срок своего обязательного пребывания в Якутской области, прибыли в Иркутск и представили на рассмотрение Распорядительного Комитета Вост.-Сиб. Отдела имевшиеся у них материалы. От других экскурсантов в Иркутске были получены достаточно подробные сообщения о собранных ими данных, и перед Отделом возник вопрос об издании трудов экспедиции, продолжавшейся почти три года и потребовавшей участия восемнадцати лиц, охвативших в своих исследованиях четыре округа из пяти округов тогдашней Якутии.

Правителем дел Вост.-Сиб. Отдела состоял в то время Владимир Афанасьевич Обручев; в ряде совещаний с выехавшими в Иркутск участниками экспедиции им был выработан общий план издания ее трудов, опубликованный затем Отделом в особой книжке, озаглавленной «*Программа издания трудов Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова*». Иркутск. 1897 год. Согласно этой программе весь экспедиционный материал предполагалось разместить в тринадцати томах следующих один за другим в такой последовательности.

Отдел I. Общие исследования.

Том I. Демография. (И. И. Майнов). Материалом для этого тома служили: *а*) выборки из исповедных росписей по всем приходам Якутской епархии за 1895 год; *б*) выборки из метрических книг по Олекминскому округу за 1871—1895 гг. и по всем другим округам за 1881—1895 гг.; *в*) подворная перепись якутов Олекминского округа за 1893 год; *г*) подворная перепись русских крестьян за 1894 год.

Объем работы предположительно определялся в 15—20 печатных листов, расходы на обработку — в 400 р., стоимость издания — в 600 р.

Том II. Антропология.

Часть I. Якуты Якутского и Колымского округов (Н. Л. Геккер). Предполагалось, что антропометрический материал Иохельсона по Колымскому округу (50 особей) будет передан им для обработки Геккеру. Собственный материал Геккера состоял из подробных измерений по схеме Брока́ (по 40 признаков на каждом субъекте), 620 якутов и якуток Якутского округа.

Объем этой части был предположен в 40 листов, стоимость работы — в 1000 р. и стоимость издания — в 1500 р.

Часть II. Тунгусы (И. И. Майнов) материалом для автора служили: *а*) произведенные им измерения 112 тунгусов, мужчин и женщин разных местностей; *б*) собиравшиеся автором при поездках сведения о современном быте тунгусов; *в*) выборки из архивов по истории и демографии тунгусов.

Предположительный объем — 20 листов, стоимость обработки — 300 р., стоимость издания — 750 р.

Часть III. Русские якутяне Якутского и Олекминского округов (Майнов). Материал: *а*) выборки из призывных списков за 1874—1895 год; *б*) измерения 167 крестьян, казаков, солдат и семинаристов.

Объем — 20 листов, обработка — 300 р., издание — 750 р.

Часть IV. Физиологические данные об якутах и русских якутянах (Ф. Я. Кон). Материал: наблюдения над 180 особями; объем — 10 листов, обработка — 300 р., издание — 300 р.

Отдел II. Якуты.

Том III. Язык якутов и их народное творчество.

Часть I. Якутско-русский словарь (Э. К. Пекарский). Объем словаря, как тогда предполагалось, должен был составить 30—50 листов; на оплату труда редактора и корректора назначалось 800 рублей, а расход на печатание не принимался в расчет, как взятый на себя И. М. Сибиряковым особо.

Часть II. Грамматика якутского языка (С. В. Ястремский). Объем — 6—7 листов; обработка — 100 р., издание — 200 р.

Части III и IV. Образцы народной словесности (Ионов, Пекарский, Ястремский). Материал для части III (Ястремский): 424 загадки, 223 пословицы, 4 песни, формула языческой присяги, 3 былины (олонхо́) и 2 былины, записанные Пекарским. Якутский текст и русский перевод Ястремского.

Объем — 18 листов, обработка — 500 р., издание — 550 р.

Материал для IV части (Пекарский и его сотрудники) 10 песен, 5 сказок, одна «история», 63 пословицы, 89 загадок, и сверх того записи, производившиеся

Пекарским еще до возникновения экспедиции, и обширный фольклорный материал В. М. Ионова.

Объем — 20 листов; обработка — 1000 р., издание — 700 р.

Том IV. Верования якутов (В. М. Ионов).

Объем — 30 листов; обработка — 500 р., издание — 1000 р.

Том V. Материальная культура. Домашний и семейный быт якутов.

Часть I. Жилище и его принадлежности (В. Е. Горинович и Е. Д. Николаев).

Часть II. Одежды и наряды (они же).

Часть III. Пища, питье и наркотические вещества. Объем трех этих частей предположен в 30 листов, обработка — 250 р., издание — 450 р.

Часть IV. Семейный быт якутов (В. В. Никифоров). Объем этой части — 15 листов, обработка — 250 р., издание — 450 р.

Часть V. Занятия и ремесла якутов (В. В. Ливадин). Объем — 5 листов, стоимость издания — 250 р.; расхода на обработку не требовалось, т. к. Ливадин представил свою рукопись в готовом виде.

Часть VI. Звероловство и рыболовство (Г. Ф. Осмоловский и Н. С. Слепцов). Объем — 10 листов, обработка — 200 р., издание — 300 р.

Часть VII. Игры и развлечения якутов (А. И. Некрасов, Г. Ф. Осмоловский и Н. С. Слепцов). Объем — 6 листов, обработка — 150 р., издание — 200 р.

Часть VIII. Нравы и национальный характер якутов (А. И. Попов). Объем — 6—7 листов, издание — 200 р.

Том VI. Экономический строй якутов (Л. Г. Левенталь).

Программа Левенталя включала в себе два отдела: *А) Современные экономические отношения якутов Якутского округа* и *Б) Данные для изучения исторического развития общественно-экономических отношений здешних якутов.* Предполагалось, что оба отдела уложатся в 30 листов; на их обработку назначалось 500 р., стоимость издания определялась в 1000 р.

Так как отдел *Б)* работы Левенталя печатается в настоящем томе, то в следующем разделе этого предисловия о ней будет сказано подробнее.

Том VII. Юридический быт якутов (Н. А. Виташевский).

Объем тома — 25—30 листов, обработка должна была потребовать 2000 р., издание — 900 р.

Значительная часть материалов Виташевского, обработанная самим Виташевским, входит в настоящее издание. Подробности о работах Виташевского приводятся в следующем разделе предисловия.

Том VIII. Экономическое положение якутов Олекминского и Киренского округов и влияние на них золотопромышленности (С. Ф. Ковалик).

Объем тома предполагался в 30—40 листов; обработка была уже оплачена из суммы 3000 рублей; на издание назначалось 1000 р.

Отдел III. Народности Колымского округа.

Том IX. Юкагиры (В. И. Иохельсон).

Том должен был состоять из двух отделов: *А) Язык, народное творчество и письмена* и *Б) Антропологические, этнографические и историко-географические сведения.*

В Отдел *А)* входили части: 1) Словарь верхне-юкагирского языка с параллельным лексиконом тундренного юкагирского наречия; 2) опыт грамматики юкагирского языка; 3) образцы народной словесности и 4) письмена на бересте.

Отдел *В*) включал три части: 5) антропологические наблюдения с фотографиями; родовые и семейные отношения, верования, нравы и обычаи; 6) материальный быт и экономические отношения; 7) историко-географические сведения.

Том X. Якуты Колымского улуса и округа и Жиганского улуса Верхоянского округа (он же).

Сюда входили: экономическое положение, семейный быт, нравы, обычаи и верования. Объем IX тома — 45 листов и X тома — 15 листов; обработка обоих томов — 1800 р.; издание — 2000 р.

Том XI. Чукчи (В. Г. Богораз).

Шесть частей: Словарь в 6000 слов, опыт грамматики чукотского языка; тексты сказок, легенд и преданий; антропологические наблюдения и измерения; верования; семейные отношения; материальный быт; оленеводство; торговые отношения с русскими; историко-географические сведения.

Том XII. Русское население по Колыме (В. Г. Богораз).

Части: 1) Словарь Нижне-Колымского наречия; 2) особенности фонетики и грамматики; 3) народное творчество; 4) антропологические наблюдения; 5) экономика и статистика; 6) суеверия и шаманство.

Том XIII. Каменные ламуты и чуванцы (В. Г. Богораз).

Часть: 1) Ламутский словарь в 2.000 слов; 2) грамматика; 3) записи молитв, песен и т. п.; 4) антропологические наблюдения и измерения; 5) экономика; 6) заметки о чуванском языке.

Объем XI тома предполагался в 30 листов и томов XII и XIII по 15 листов; на обработку всех трех томов предполагалось 1800 р.; на издание — 2000 рублей.

Во всех тринадцати томах предположительно должно было заключаться около 530 печатных листов. На обработку их требовалось 11 600 рублей и на издание — 16 350 рублей, а всего 27 950 рублей.

К перечисленным материалам следует добавить предложенный Вост.-Сиб. Отделу участником экспедиции Майновым уже вполне подготовленный к печати труд о русских крестьянах Якутского и Олекминского округов и о якутах Олекминского округа. Материалы для этого труда собирались автором независимо от его экспедиционных работ, по заданиям губернатора В. Н. Скрипицина, но по своему содержанию исследование экономического и общественного быта приленских крестьян и олекминских якутов являлось как бы прямым дополнением к работам Левенталя и Виташевского о якутах Якутского округа, а потому оно естественно могло найти место в издании, посвященном населению Якутии. Восточно-Сиб. Отдел охотно готов был бы опубликовать и этот труд, издание которого обошлось бы в 1200—1500 рублей, если бы на это нашлись средства. Таким образом с затратою 30 000 р. уже в конце девяностых годов, т. е. тридцать лет тому назад, можно было бы осветить все народности Якутии с полнотой, до того времени еще не достигнутой.

При возникновении экспедиции как среди членов Вост.-Сиб. Отдела, так и в кругу непосредственных участников работы, существовала полная уверенность в том, что инициатор всего дела — И. М. Сибиряков доведет свое начинание до конца и доставит средства для опубликования всех производившихся по его почину исследований. Так бы это наверно и было, если бы не постигшая Сибирякова тяжелая душевная болезнь, вызвавшая учреждение опеки над его имуществом. Это неожиданное обстоятельство поставило Вост.-Сиб. Отдел перед задачей для него совершенно непосильной. Помимо издания своих периодических «Известий» Отдел с трудом мог находить средства для опубликования время от времени небольших по объему работ, обходившихся при их издании в несколько сотен рублей. Тысячные расходы были ему доступны только в тех редких случаях, когда научное предприятие встречало поддержку со стороны какого-нибудь щедрого жертвователя. Однако, несмотря на все усилия Распорядительного Комитета, второго Сибирякова в тот момент в Сибири не нашлось. Научные учреждения России точно так же были слишком загружены заведомо ценнейшими рукописными материалами, по отсутствию средств на их издание безнадежно покоившимися в их архивах, для того чтобы принимать на себя тридцатитысячный расход на издание каких то новых якутских исследований, авторами которых были никому в научном мире неизвестные лица из числа «недоучившихся студентов», — как было тогда принято в официальных кругах отзываться о политических ссыльных.

Вост.-Сиб. Отдел, вместо издания всей многотомной серии «Трудов Сибиряковской Экспедиции», должен был ограничиться выпуском в ближайшие годы лишь нескольких книжек, составлявших не более как краткое извлечение из некоторой части разрозненных работ троих авторов, находившихся временно в Иркутске.

Первой появилась работа Н. Л. Геккера, в которой приводились лишь главнейшие антропометрические данные относительно 139 якутов и 30 амгинских крестьян (остальной материал Геккера еще не был тогда сведен в таблицы). Эта работа была издана в 1896 году, в Иркутске, под заглавием «*К характеристике физического типа якутов*» и составила выпуск 1-й тома III-го «Записок» Вост.-Сиб. Отдела Г. О. по этнографии. В книге Геккера

впервые появлялись в печати точные цифровые данные по антропологии якутов и до настоящего времени (впредь до разработки и опубликования материалов Якутской экспедиции Академии Наук СССР С. Е. Шрейбера), другого труда по этому предмету не появлялось, если не считать небольшой статьи Майнова, составленной по дополнительным материалам того же Геккера. В силу этого и в русской, и в иностранной печати, при характеристике соматического типа якутов, и теперь постоянно цитируются данные Геккера.

В 1898 году, как 2-й № «Трудов» Вост.-Сиб. Отдела, была издана книга И. И. Майнова «*Некоторые данные о тунгусах Якутского края*», представлявшая собой весьма сокращенное изложение предполагавшейся 2-й части II-го тома «Трудов Сибиряковской экспедиции». В книге заключалось 4 главы: три по демографии и этнографии тунгусов и одна по антропологии. Антропометрические данные о 112 якутских тунгусах для своего времени были так же новы, как и данные Геккера о якутах.

В том же 1898 г., как 1-й выпуск 2 части тома III «Трудов» Сибиряковской экспедиции, был издан Отделом в Иркутске не цельный труд, а лишь «этюд» С. В. Ястремского «Падежные суффиксы в якутском языке», а в 1910 г. на средства Макушина, как выпуск 2-й III-го тома того же Ястремского «*Грамматика якутского языка*» (под редакцией Э. К. Пекарского), содержавшая отделы: 1) фонетика, 2) производные понятия и выражение отношений, 3) синтаксис и 4) образцы народной словесности.

Только после десятилетнего промежутка, в «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела за 1908 г., т. XXXIX, и за 1909 г., т. XL, появилась часть большого труда Н. А. Виташевского «*Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права*», оттиски которой были затем сброшюрованы автором и распространены особой книжкой на правах рукописи всего в 50 экземпляров.

Этими разрозненными извлечениями из задумывавшихся больших работ ограничивается все то, что был в силах опубликовать сам Вост.-Сиб. Отдел Географического Общества. Все прочее оставалось на руках у самих участников экспедиции в их полном распоряжении, то есть должно было со временем утратиться или залеживаться в каких-то чемоданчиках совершенно мертвым грузом. Никто из работавших в экспедиции не располагал собственными средствами и все они, по окончании сроков своей ссылки, должны были отдавать свое время и свои силы какому-либо служебному труду, а многие из них не переставали принимать деятельное участие в политической борьбе позднейших лет и, конечно, подвергались связанным с этим превратностям: так, Виташевский и Кон были вынуждены на несколько лет вновь покинуть Россию и испытывать все мытарства жизни в эмиграции; у Майнова при многочисленных обысках и «выемках» часть антропологических фотографий и записей погибла в каких-то подвалах московского охранного отделения, и т. п. Однако, несмотря на такие неблагоприятные условия, как теперь выясняется, очень многое из материалов, собранных тридцать лет тому назад, все таки уцелело до возникновения Якутской Комиссии Академии Наук, которая теперь вновь собирает все сохранившееся во едино и стремится использовать.

Отдельным участникам экспедиции и за эти годы все же удавалось в свободное время понемногу разрабатывать их материал и опубликовывать его в виде журнальных статей или даже в виде целых книг. Таким образом до некоторой степени использован материал

для II тома предполагавшихся «Трудов» Сибиряковской экспедиции. Кроме указанных выше изданий Вост.-Сиб. Отдела, в «Русском Антропологическом Журнале» Московского Общества Люб. Естествознания Антроп. и Этнографии были напечатаны статьи Майнова: «*Помесь русских с якутами*» (1900 г., № 4); «*Два типа тунгусов*» (1901 г., № 2); «*Якуты (по материалам* Н. Л. Геккера)», 1902 г., № 4, и «*Лицевой угол якутов, тунгусов и русских якутян*» (1904 г., №№ 1 и 2).

В 1899 г., в Минусинске, на частные средства, в небольшом количестве экземпляров, была издана книжка Ф. Я. Кона — «*Физиологические и биологические данные о якутах*» (89 страниц), намечавшаяся в программе общего издания «Трудов», как 4-ая часть II тома.

Весь основной антропометрический материал Геккера и Майнова, сведенный в таблицы и отчасти подсчитанный, в настоящее время цел и находится в распоряжении Якутской Комиссии.

Из материалов, предназначавшихся для III тома «Трудов» экспедиции, впоследствии увидел свет в значительно пополненном и расширенном виде сравнительно с первоначальным замыслом автора «*Якутско-русский словарь*» Э. К. Пекарского, с 1905 г. принятый к изданию Академией Наук, а в 1914 г., по представлению якутского губернатора И. И. Крафта, поддержанному тобольским депутатом Государственной Думы Н. Л. Скалозубовым, получивший материальную поддержку от Государственной Думы. До настоящего времени вышло 11 выпусков, в которых работа доведена до половины буквы «ӱ». В рукописи весь словарь был закончен в октябре 1926 г.

Часть 2-я тома III: «*Грамматика Якутского языка*» С. В. Ястремского, напечатанная в Иркутске всего в 200 экземплярах, в настоящее время несколько переработана и пополнена автором.

Материалы для 3-й части этого же тома: образцы якутской народной словесности, собранные Пекарским, с 1907 г. начали частично издаваться Академией Наук. До сих пор напечатаны в серии «*Образцы народной литературы якутов*» якутские тексты двадцати слишком сказок и былин (олонхо̄).

Русский перевод записей по фольклору, производившихся Ястремским, им же и выполненный, только теперь печатается Якутской Комиссией, под редакцией Пекарского особым томом «Трудов» Комиссии[1].

Огромный материал по фольклору и по верованиям якутов, оставшийся после покойного В. М. Ионова на хранении в Азиатском Музее Академии Наук, в настоящее время постановлено передать в распоряжение Якутской Комиссии, которой уже получена и Т. З. Винокуровым переведена на русский язык запись заклинания Духа Земли[2].

---

[1] В этом же издании приводится перевод и двух записей Э. К. Пекарского.

[2] По докладу Непременного Секретаря Академии Наук в заседании 25 октября 1922 г., при передаче материалов скончавшегося В. М. Ионова в Азиатский Музей, материалы эти состояли из 845 номеров мелких записей фольклорного характера и из 25 номеров тетрадей и папок следующего содержания:

1) Шаманский костюм.
2) Обряд в честь духа-хозяина земли.
3) Молитва шамана Быккыја при начале камлания.
4) Шаман Дыбдыја камлал у попадей, страдавших глазною болезнью.
5) Корень всех северных болезней.

Материалы для тома V—материальная культура и семейный быт,—постигла наиболее печальная участь. Из работ В. Е. Гориновича сохранилась только рукопись *«О народной медицине якутов»*. Эта работа появится в свет в одном из ближайших выпусков «Материалов» Якутской Комиссии. Часть сырых данных Гориновича, сохранявшаяся у Пекарского, использована в статье Н. П. Попова *«О пище якутов»*, составленной для одного из подготовляемых изданий Якутской Комиссии.

В архиве Вост.-Сиб. Отдела Г. О., также в рукописи, сохранилась статья В. В. Ливадина *«О ремеслах якутов»*, отрывок из нее был напечатан в выпуске I *«Очерков по изучению Якутского края»*, издание якутской секции Вост.-Сиб. Отдела, Иркутск, 1927 г.

Материалы, собиравшиеся В. В. Никифоровым, Н. И. Некрасовым, Г. Ф. Осмоловским, Е. Д. Николаевым, Н. С. Слепцовым и А. И. Поповым, оставаясь так долго без обработки, утрачены, повидимому, безнадежно.

Как след производившихся всеми названными лицами работ осталась лишь *«Программа для исследования домашнего и семейного быта якутов»*, составленная при самом возникновении экспедиции по предложению якутского организационного совещания Пекарским и Майновым. В 1913 г. эта программа, после просмотра ее покойным Ф. К. Волковым, который внес в нее несколько поправок, была помещена в журнале Русск. Геогр. Общества «Живая Старина», а затем вышла отдельным оттиском, и позже легла в основу программ, вырабатывавшихся Якутской Комиссией для отправляемых ею этнографов.

Судьба предполагавшегося VI тома — работы Л. Г. Левенталя по изучению общественно-экономических отношений якутского мира, — оказалась крайне своеобразной. Как упоминалось выше, весь труд Левенталя должен был состоять из двух частей: одной —

---

6) Предки бологурской шаманки Уōlāп сыналбыт.

7) Шаманское призывание 7 дочерей князца Боруоонја, душа коих по смерти обратилась в особых духов, называемых ӱōр'ями.

8) Рассказ о сильном ӱōр'е I Игидейского наслега, называемом Іӷідāй ајы̄та.

9) Дух-хозяин леса Барылāх.

10) Рассказ о заколдованных.

11) Рассказ о волшебниках.

12) Рассказ об ӱōр'е, именуемом Кы̄с-Таӈара.

13) Как старые люди молились божествам.

14) Рассказ об ӱōр'е, именуемом Бахсы-ајы̄та.

15) Род низших духов-пожирателей (абāсы).

16) 17, 18) Как шаман Кӯбā уола совершал заклинания над пьяницей.

19) Рукопись Виташевского впоследствии взятая.

20) а) Призывание человека, высекающего огонь;
б) призывание «Призывателя божеств»;
б) отрывки из хороводной песни.

21) Как шаман Дојомпо камлал над больной глазами старухой Федосьей.

22) Шаманское заклинание при жертвоприношении живою скотиною.

23) а) Сотворение человека и животных;
б) богини-созидательницы собаки и человека;
в) возникновение души человека.

24) О том, как бологурская шаманка стала духом-ӱōр'ем.

25) Торжественная почесть, воздання якутом Басыграс, сыном Мāтыска, жившим «семь поколений тому назад», — жеребцу, которого он получил при выделении в самостоятельный дом.

26) Черновик призывания во время почестей, упомянутых в предыдущем номере. Обряд воздаяния почестей богине-созидательнице и призывание ее.

(Извест. Росс. Академии Наук, VI серия, 1922 г., № 1—18, стр. 140).

посвященной современному быту якутов, и другой — исторической, в которой автор пытался проследить из одного десятилетия в другое все перемены во внутреннем строе якутского рода, наслега и улуса в их связи, и частью в зависимости, от изменявшихся условий хозяйственной деятельности якутов. Хотя в приводимой ниже программе Левенталя историческая часть поставлена на второе место, но в действительности автор, отправляясь от прошлого, начал свою работу с кропотливого изучения улусных архивов и успел довести почти до конца обработку лишь этого, преимущественно архивного, материала. Для первой части, устанавливающей основные черты современного быта, Левенталь успел собрать лишь некоторые данные, которые для их обработки предстояло во многом пополнить. Когда участникам экспедиции стало известно, что у Вост.-Сиб. Отдела средств на издание их работ не находится, Левенталь принял предложение губернатора В. Н. Скрипицина опубликовать его труд в виде 2 выпуска издававшейся Скрипициным «Памятной Книжки Якутской области на 1896 год». Печатание началось, при чем работа была озаглавлена «Подати, повинности и земля у якутов», но ранее чем книга могла появиться в свет, ее дальнейшее издание на странице 305 (II выпуска «Пам. Кн.», стр. 424), было приостановлено, так как из Иркутска последовало распоряжение о представлении всей работы Левенталя, в законченной рукописи, на предварительный просмотр генерал-губернатора. Предложение это, вызванное явным недоверием Горемыкина к автору, а частью и к Скрипицину как редактору издания, показалось Левенталю неприемлемым, тем более, что его труд, и в рукописи, был еще не вполне закончен, а комкать его для ускорения дела Левенталь не соглашался. В силу отказа автора подчиниться распоряжению Горемыкина, дальнейшее печатание книги было прекращено, а все уже отпечатанные листы официально были «уничтожены», а фактически — сложены в подвалах Областного Правления, где они в продолжение 20 лет подвергались порче и утратам, но в числе 400 экземпляров (нескольких листов в этих экземплярах не оказалось), завалялись до 1917 года. Якутский Отдел Географического Общества извлек эти остатки из их преждевременного склепа, сброшировал и 50 экземпляров пустил в продажу, а остальные разослал в некоторые научные библиотеки. Однако, еще в 1896 г. кое-кому из товарищей Левенталя, между прочим Пекарскому и Майнову, удалось приобрести и сохранить у себя до настоящего времени полные экземпляры имевшихся оттисков, то есть все 305 страниц текста, и эти то оттиски, с присоединением к ним отыскавшихся лишь недавно в архиве скончавшегося Л. Г. Левенталя нескольких рукописных листов дальнейшего, еще не печатавшегося текста, послужили Якутской Комиссии для воспроизведения в настоящем издании единственного в своем роде по богатству материала и по тщательности анализа, исследования Левенталя о взаимоотношении якутских платежей и улусных порядков землепользования.

Статья, составлявшаяся для «Памятной Книжки», на странице 424 обрывалась словами: «иначе говоря, первый класс облегчил себя вдвое, ибо стал вносить менее благодаря уменьшению платежей вообще...». В настоящем издании эти слова находятся на странице 396 этого тома, а дальнейший текст устанавливается уже по черновым листкам автора, найденным, как это указывалось выше, Э. К. Пекарским в архиве Левенталя и обработанным для печати И. И. Майновым.

Воспроизводя теперь пополненный текст, необходимо напомнить, что по замыслам самого автора это была только часть его работы, имевшей очень широкий теоретический охват. Программа Левенталя вырабатывалась им после нескольких лет проживания в якутском улусе, где он успел практически прекрасно ознакомиться с якутским бытом, и это отразилось на построении программы ее согласованностью с местными условиями и некоторой оригинальностью по сравнению с российскими программами экономических исследований того времени. Приводим здесь эту программу в том виде, в котором она занесена в протокол заседания организационного совещания участников экспедиции 1 февраля 1894 г.

Программа экспедиционных работ Л. Г. Левенталя.

А. СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ЯКУТОВ ЯКУТСКОГО ОКРУГА.

Общие замечания.

Приблизительное исчисление пространства.

Количество и густота населения (по официальным данным).

Характеристические черты расселения.

Главные занятия и побочные.

Переход от натурального хозяйства к денежному в его историческом развитии и современном состоянии.

I. Подворная перепись (по выработанной А. И. Поповым карточке) нескольких разной зажиточности хозяйств в разных районах, которые признаны будут типичными.

II. Производственная деятельность.

1. Скотоводство.

а) Отношение между количеством сена, потребного для полного прокормления скота, и количеством действительно потребляемого;

б) между количеством скота и числом рабочих рук;

в) между количеством населения и обеспеченностью от данного количества скота:

а а) как главного источника пропитания;

б б) как источника удовлетворения других потребностей (подати и повинности, одежда и предметы нового культурного обихода).

2. Хлебопашество.

а) Процесс развития хлебопашества:

а а) роль администрации;

б б) роль назревающей насущной необходимости;

б) хлебопашество, как добавочный источник существования;

в) как средство приложения труда;

г) как новый фактор экономических отношений.

3. Промыслы (рыбопромышленность, звероловство и охота).

а) Исторические судьбы почти исчезнувшего здесь промысла ценного пушного зверя;
б) причины сокращения промыслов вообще;
в) значение промыслов:
а а) как добавочного источника существования;
б б) как предмета вывоза.

4. Извоз.

а) История извозного промысла (казенной и купеческой клади; Российско-Американская К°).
а) современное положение извозного промысла (клади и местных продуктов);
б) примерные его размеры и значение.

III. Наемный труд.

а) Условия, приводящие к необходимости наемного труда.
а а) недостаток орудий труда (скота, земли);
б б) относительная выгодность приложения труда в капиталистических предприятиях по сравнению с применением его к скотоводству;
б) формы найма:
а а) явные;
б б) скрытые (работа за прокорм, небольшие подарки предметами пищи и одежды, за выручку из нужды);
в) рабочая плата.

IV. Обмен.

1. Мена:

а) продукта на продукт;
б) продукта на товар.

2. Купля — продажа.

а) В улусах:
а а) местные и приезжие торговцы;
б б) развозная торговля;
в в) мелкие скупщики и перекупщики (гуораччыты);
б) в городе:
предметы, размер и характер сбыта и вывоза.

V. Кредит.

1. Формы кредита:

а) подряд на масло, скот и сено;
б) уплата податей за других (толур).

2. Рост, его величина и формы его проявления.

3. Задолженность якутов:

а) в городе (Якутске);

б) в улусах — друг перед другом.

VI. Формы и проявления труда:

а) общественного;

б) общинно-семейного;

в) случайных товариществ.

Б. ДАННЫЕ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЗДЕШНИХ ЯКУТОВ.

1. Рассмотрение архивов с целью такого изучения.

2. Очерк развития общественно-экономических отношений якутов Якутского округа со времени Первой Ясачной Комиссии.

Автор предполагал довести свою историю якутской общественности (так можно было бы назвать его труд) до завершения работ Второй Ясачной Комиссии, т. е. до 1835 г., и в тех черновых листках, которые нашлись в его архиве, повествование доводится до начала 30 годов XIX века. Таким образом вчерне работа оказывалась почти законченной и нехватка небольшого числа страниц не лишает ее значения незаменимого пособия при изучении внутренней жизни скотоводческого и частью охотничьего племени, сохранявшего родовой быт при длительном переходе этого племени к новым условиям существования, характеризуемым распространением земледелия, возрастающим значением денежного капитала и постепенным разложением родовых устоев. Процесс, переживавшийся не одними якутами, но только у них, благодаря Левенталю, явившийся предметом внимательного исследования, которое потребовало от лица, взявшего на себя такую задачу, неимоверно долговременного и кропотливого труда в холодных, сырых и тусклых помещениях улусных канцелярий. Сам Левенталь имел полное право сказать в своем письме к Скрипицину уже из России (от 5 июля 1902 г. Архив Э. К. Пекарского).

«. . .Вам известно, по какой массе неудобочитаемых, подчас грязных до нельзя и полуистлевших обрывков мне пришлось восстановлять историю края до учреждений Сперанского и сколько труда мне это стоило. По сравнению с этим дальнейшее, если бы я не заболел, представлялось уже весьма нетрудным. Главное и несомненно самое трудное сделано мною».

В деле изучения якутской общественности в ее историческом развитии Левенталь заложил широкий и прочный фундамент, при чем в этой нелегкой работе он не имел предшественника. Немногим в лучшем положении находился и Виташевский. Ранее уже указывалось на то, как недостаточны были сведения о юридическом быте якутов, опубликованные в «Своде степных законов» 1841 г. и в «Сборнике обычного права сибирских инородцев» профессора Самоквасова, появившемся в 1876 г. Двумя годами позже, в томе VIII «Записок Русского Географического Общества по отделению Этнографии», озаглавленном «Сборник народных юридических обычаев», нашла место в ряду других

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывавшая всю область гражданского права, заключала в себе разделы: «брак, семья, положение малолетних сирот. Право собственности: виды приобретения собственности; права по наследству. Договоры и сделки. Помочи: артели товарищества». Вся глава вмещалась на 12 страницах. В третьей главе на $5\frac{1}{2}$ страницах излагались: «взгляд на преступления. Преступность. Виды преступлений: убийство, личные оскорбления, оскорбление женской чести; воровство, конокрадство, бродяжничество. Якутские шаманы». Наконец в главе четвертой, также на $5\frac{1}{2}$ страницах, описывалось: «общественное устройство; роды; общественные сходки и суд. Наказания».

Уже одна краткость объема всех глав в очерке Н. А. Кострова указывает на скудость имевшегося у автора материала, действительно далеко уступавшего по своей ценности материалам, доступным Павлинову и использованным этим последним в его, безвестной в те годы, рукописи «Об имущественном праве якутов».

Гораздо полнее оказалась работа, появившаяся двадцатью годами позже, уже в 1899 г., «Очерки юридического быта якутов»[1], принадлежавшая студенту Казанского Университета Д. А. Кочневу, якутянину по происхождению родом из русских крестьян села Нюрба — Вилюйского округа. Главное преимущество Кочнева перед всеми писавшими до него состояло в прекрасном знании якутского языка и в непосредственном знакомстве с бытом якутов. Это доставило ему возможность указать в тексте его труда весьма много существенных ошибок у прежних авторов, касавшихся в своих произведениях, между прочим, и юридической стороны якутского быта. Особенно ценны указания Кочнева на фактические неверности, а местами на неправильное истолкование действительных фактов в статье М. В-ча (Вруцевича) «Юридические обычаи якутов»[2], так как это была единственная статья, посвященная собственно обычному праву якутов, какая появилась в печати после одноименно с нею озаглавленной статьи Н. А. Кострова. Более позднее появление и авторитетность того журнала, в котором она была опубликована, для многих читателей могло бы сделать ее источником ошибочных представлений о якутском быте.

Составляя свою работу в 1899 г., Кочнев, кроме Самоквасова, Кострова и Вруцевича мог воспользоваться как материалом лишь немногими опубликованными уже в девяностых годах произведениями, в которых авторы затрагивали юридический быт якутов хотя бы частично. На первом месте тут должно поставить появившуюся в 1896 г. книгу В. Л. Серошевского «Якуты». Относясь к этому автору, как к этнографу, с большим уважением, Кочнев признавал однако, что «отделы о суде, судопроизводстве, преступлениях, преступности и наказаниях у Серошевского слабо представлены», — что было совершенно верно, так как для самого Серошевского юридическая сторона якутского быта составляла далеко не главный предмет его интереса.

Также серьезно и внимательно, но вместе с тем и критически, Кочнев отнесся и к напечатанной в «Памятной Книжке Якутской Области на 1896 год» статье Пекарского и Осмоловского (появившейся по цензурным условиям того времени анонимно),

[1] Известия О-ва Арх. Ист. и Этногр. при Казанском Унив. 1899 г., т. XV, в. 5—6.

[2] Журнал гражданского и уголовного права 1891 г., кн. III.

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взгля-

достаточные дан-
ми из незадолго
ел у Худякова[2]
могло быть, так
анника якутской
не мог. Личные
браке, и о родо-
ени новое, да и
книги). Между
ошибок, якут-
ых отношений.
заимствованным
рых он так пра-
й по его практи-

нной в Казани,
Овчинникова,
вавших в городе
торую и третью
: гл. II «Очерки
II «Юридические
роде и общине,

-какие выборки
и заметки дают

а «Юридические
х материалов —
естьянином, уро-
авлены в редак-
аммные вопросы
ги права вещного

1896, №№ 4—5.
за. Иркутск, 1890.
вып. I и II. 1891,

в тт. XXIV и XXV

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

КОМИССИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЯКУТСКОЙ АСС РЕСПУБЛИКИ

Список изданий на 1 сентября 1929 г.
Liste des publications au 1-er Septembre 1929

Вышли в свет:

Материалы Комиссии по изучению Якутской АСС Республики

Вып. 1. **Виттенбург, П. В.** Якутская экспедиция Академии Наук СССР 1925 г. Лгр. 1925. 8°. XI+157+ +[1] стр., с 1 картою. Ц. 1 р.

Вып. 2. **Берг, Л. С.** Рыбы бассейна Хатанги. The fishes of the Khatanga river basin. Лгр. 1926. 8°. 22 стр., с 2 табл. фототип. Ц. 75 к.

Вып. 3. **Добржанский, Ф. Г.** Материалы для фауны Coccinellidae Якутии.

Берг, Л. С. О нахождении Phoxinus lagowskii Dyb. в бассейне р. Лены.

Баровский, В. В. Описание одного вида рода Silis Latr. Лгр. 1926. 8°. 14 стр., с 3 рис. Ц. 35 к.

Вып. 4. **Григорьев, А. А.** Геология, рельеф и почвы сев.-зап. части Ленско-Алданского плато и Верхоянского хребта по данным экспедиции 1925 г. Лгр. 1926. 8°. [4]+211+ +[1] стр., с 16 рис., 3 схем. профилями и 2 картами. Ц. 2 р. 75 к.

Вып. 5. **Визе, В. Ю.** Гидрологический очерк моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря. Лгр. 1926. 8°. [1]+86 стр., с 12 черт. Ц. 1 р. 50 к.

Ont paru:

Matériaux de la Commission pour l'étude de la République ASS Iakoute

Livr. 1. **Wittenburg, P.** Expédition Iakoute de l'Académie des Sciences de l'URSS. 1925. Lgr. 1925. 8°. XI+ +157+[1] p., avec 1 carte. Prix 1 rbl.

Livr. 2. **Berg, L.** Poissons du bassin de la Khatanga. Lgr. 1926. 8°. 22 p., avec 2 planches phototyp. Prix 75 c.

Livr. 3. **Dobrzansky, Th.** Quelques données sur la faune des Coccinellidae de la Iakoutie.

Berg, L. Sur le Phoxinus lagowskii Dyb. trouvé dans le bassin du fleuve Léna.

Barovsky, V. Description d'une nouvelle espèce du genre Silis Latr. Lgr. 1926. 8°. 14 p., avec 3 fig. Prix 35 c.

Livr. 4. **Grigoriew, A.** Géologie, relief et sols du nord-ouest du plateau Léna-Aldan et de la chaîne des montagnes de Verkhoyansk d'après les données de l'expédition de 1925. Lgr. 1926. 8°. [4]+211+[1] p., avec 16 fig., 3 profils schém. et 2 cartes. Prix 2 rbls. 75 c.

Livr. 5. **Wiese, W.** Aperçu hydrologique de la mer des Laptev et de la mer de la Sibérie Orientale. Lgr. 1926. 8°. [1]+86 p., avec 12 dessins. Prix 1 rbl. 50 c.

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывавшая всю область гражданского права, заключала
в себе разделы: «б
приобретения соб
артели товарищест
5½ страницах изла
убийство, личные с
дяжничество. Яку
описывалось: «обще

Уже одна кра
имевшегося у авто
материалам, досту
в те годы, рукопис

Гораздо пол
в 1899 г., «Очерк
Университета Д. А
села Нюрба — Вил
шими до него сос
комстве с бытом я
много существенн
между прочим, и
нева на фактическ
фактов в статье М
единственная стат
в печати после од
появление и автор
читателей могло бы

Составляя св
Вруцевича мог
в девяностых года
хотя бы частично.
В. Л. Серошевск
уважением, Кочн
ниях, преступност
совершенно верно,
составляла далеко

Также серье
и к напечатанной
ского и Осмоло

[1] Известия О-ва
[2] Журнал гражд

Вып. 6. **Красюк, А. А.** Почвы Ленско-Амгинского водораздела, по данным экспедиции 1925 г. Лгр. 1927. 8°. VII + 176 стр., с 21 рис., 18 черт. и 2 картами. Ц. 3 р. 50 к.

Вып. 7. **Доппельмаир, Г. Г.** Программы и инструкции по изучению пушного и охотничьего промысла в Якутской АССР. Лгр. 1926. 8°. [1] + 25 + XXIII стр. Ц. 70 к.

Вып. 8. **Дробов, В. П.** Краткий очерк растительности Лено-Алданского плато, по данным экспедиции 1925 г.

Бенуа, К. А. Предварительный обзор микологических и фитопатологических исследований в Якутии, по данным экспедиции 1925 г. Лгр. 1927. 8°. [1] + 83 стр., с 4 рис. и 1 картою. Ц. 1 р. 75 к.

Вып. 10. **Краткие отчеты** о работах отрядов Якутской экспедиции Академии Наук СССР 1925—1926 гг. под редакцией и с предисловием П. В. Виттенбурга. Лгр. 1929. 8°. IV + 432 стр. с 37 рис., 3 черт., 17 диагр. и 8 картами. Ц. 8 р.

Содержание:

Livr. 6. **Krasiuk, A.** (Krassiouk). Les sols du plateau Léna-Amga d'après les données de l'expédition de 1925. Lgr. 1927. 8°. VII + 176 p., avec 21 fig., 18 dessins et 2 cartes. Prix 3 rbls. 50 c.

Livr. 7. **Doppelmayr, G.** Programmes et instructions pour l'étude de l'industrie de la chasse aux bêtes à fourrure en Iakoutie. Lgr. 1926. 8°. [1] + 25 + XXIII p. Prix 70 c.

Livr. 8. **Drobov, V.** Contributions à l'étude de la flore du plateau Léna-Aldan d'après les données de l'expédition de 1925.

Benois, C. Aperçu préliminaire des recherches mycologiques et phytopathologiques en Iakoutie d'après les données de l'expédition de 1925. Lgr. 1927. 8°. [1] + 83 p., avec 4 fig. et 1 carte. Prix 1 rbl. 75 c.

Livr. 10. **Comptes-rendus préliminaires** des travaux des détachements de l'expédition Iakoute de l'Académie des Sciences de l'URSS en 1925—1926. Sous la rédaction et avec préface de P. Wittenburg. Lgr. 1929. 8°. IV + 432 p. avec 37 fig., 3 dessins, 17 diagr. et 8 cartes. Prix 8 rbls.

Contenu:

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взгля-

остаточные дан-
ми из незадолго
ел у Худякова[2]
могло быть, так
анника якутской
не мог. Личные
браке, и о родо-
ени новое, да и
книги). Между
ошибок, якут-
ных отношений.
заимствованным
орых он так пра-
м по его практи-

нной в Казани,
Овчинникова,
вавших в городе
орую и третью
: гл. II «Очерки
II «Юридические
роде и общине,

-какие выборки
й заметки дают

а «Юридические
х материалов —
естьянином, уро-
тавлены в редак-
аммные вопросы
ги права вещного

1896, №№ 4—5.
ва. Иркутск, 1890.
вып. I и II. 1891,

в тт. XXIV и XXV

VIII. Никитин, С. А. Предварительный отчет о работах агрономического отряда в Якутском округе в 1926 г.

IX. Бенуа, К. А. Предварительный отчет по фитопатологическому и микологическому обследованию в Якутском округе в 1926 г.

X. Григорьев, А. А. Предварительный отчет о работах Вилюйского геоморфологического отряда в 1926 г.

XI. Кузнецов, С. С. К геологии реки Тюнг по данным Вилюйского геоморфологического отряда 1926 г.

XII. Бианки, Л. В. Предварительный отчет о работах биологического отряда в 1926 г.

XIII. Ткаченко, М. И. Предварительный отчет о работах зоологического отряда в Вилюйском округе в 1926 г.

XIV. Зайков, Б. Д. Предварительный отчет о работах Алданской гидрометеорологической станции в 1925—1926 гг.

XV. Молодых, И. Ф. Предварительный отчет о работах гидрологического отряда по исследованию реки Вилюя в 1926 г.

XVI. Коплан, С. И. Предварительный отчет о работах Вилюйской гидрометеорологической станции в 1926 г.

XVII. Пархоменко, С. Г. Предварительный отчет о геоморфологических работах в Вилюйском округе в 1926 г.

XVIII. Хмызников, П. К. Предварительный отчет Ленского геоморфологического отряда в 1926 г.

XIX. Мальченко, Е. В. Предварительный отчет об организация аэрометеорологических станций в Якутии в 1925—1926 гг.

Вып. 11. **Геофизические проблемы Якутии.** Под редакцией П. В. Виттенбурга. Лгр. 1928. 8°. [4]+IX+ +258 стр., с 7 рис., 8 черт., 14 схем. карт. и 3 картами.

Ц. 3 р.

Содержание:

Предисловие П. В. Виттенбурга.

I. Розе, Н. В. Исторический обзор геофизических экспедиционных исследований в Якутии.

II. Каминский, А. А. Этапы организации сети метеорологических станций в Якутии.

III. Рубинштейн, Евгения. К вопросу о роли морей в термическом режиме Якутии.

IV. Каминский, А. А. К вопросу о климатических границах в Якутии.

V. Каминский, А. А. Проблема малой подвижности воздуха на территории Якутии.

VI. Мальченко, Е. В. Синоптические условия в Якутии.

VIII. Nikitin, S. Compte-rendu préliminaire des travaux du détachement agronomique dans le district de Iakoutsk en 1926.

IX. Benois, C. Compte-rendu préliminaire des investigations phytopathologiques et mycologiques du détachement agronomique dans le district de Iakoutsk en 1926.

X. Grigorïev, A. Compte-rendu préliminaire des travaux du détachement géomorphologique de Viluisk en 1926.

XI. Kuznecov, S. (Kouznétzov). Contributions à la géologie du fleuve Tyung d'après les données du détachement géomorphologique de Viluisk en 1926.

XII. Bianchi, L. Compte-rendu préliminaire des travaux du détachement biologique en 1926.

XIII. Tkačenko, M. (Tkatchenko). Compte-rendu préliminaire des travaux du détachement zoologique dans le district de Viluisk en 1926.

XIV. Zajkov, B. Compte-rendu préliminaire des travaux de la station hydrométéorologique de l'Aldan en 1925—1926.

XV. Molodych, I. Compte-rendu préliminaire sur l'investigation du fleuve Vilui en 1926.

XVI. Koplan, S. Compte-rendu préliminaire des travaux de la station hydrométéorologique de Vilui en 1926.

XVII. Parchomenko, S. Compte-rendu préliminaire des travaux géomorphologiques dans le district de Viluisk en 1926.

XVIII. Chmysnikov, P. Compte-rendu préliminaire du détachement géomorphologique de la Léna en 1926.

XIX. Malčenko, E. Compte-rendu préliminaire de l'organisation des stations aérométéorologiques en Iakoutie en 1925—1926.

Livr. 11. **Problèmes géophysiques de la Iakoutie.** Sous la rédaction de P. Wittenburg. Lgr. 1928. 8°. [4]+ +IX+258 p., avec 7 fig., 8 dessins, 14 cartes schém. et 3 cartes.

Prix 3 rbls.

Contenu:

Préface par P. Wittenburg.

I. Rosé, N. Aperçu historique des recherches géophysiques en Iakoutie.

II. Kaminskij, A. Les étapes de l'organisation du réseau des stations météorologiques.

III. Rubinstein, Eugénie. La mer dans le régime thermique de la Iakoutie.

IV. Kaminskij, A. Les limites climatiques de la Iakoutie.

V. Kaminskij, A. Problème de la faible mobilité de l'atmosphère en Iakoutie.

VI. Malčenko, E. Les conditions synoptiques en Iakoutie.

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывавшая всю область гражданского права, заключала
в себе разделы: «б
приобретения соб
артели товарищес
$5\frac{1}{2}$ страницах изла
убийство, личные
дяжничество. Яку
описывалось: «общ

Уже одна кра
имевшегося у авт
материалам, досту
в те годы, рукопис

Гораздо пол
в 1899 г., «Очерк
Университета Д. А
села Нюрба — Вил
шими до него сос
комстве с бытом я
много существенн
между прочим, и
нева на фактическ
фактов в статье М
единственная стат
в печати после од
появление и автор
читателей могло б

Составляя св
Врудевича мог
в девяностых года
хотя бы частично.
В. Л. Серошевск
уважением, Кочн
ниях, преступност
совершенно верно,
составляла далеко

Также серье
и к напечатанной
ского и Осмоло

[1] Известия О-ва
[2] Журнал гражд

VII. Визе, В. Ю. Некоторые особенности атмосферного режима Якутии в связи с проектированием сети метеорологических станций.
VIII. Мальченко, Е. В. Мерзлота почвы в Восточной Сибири и в Якутии.
IX. Визе, В. Ю. Обзор исследований по гидрологии рек и озер Якутии.
X. Розе, Н. В. Проблемы изучения земного магнетизма на территории Якутии.
XI. Визе, В. Ю. Задачи геофизической службы в Якутии.

Вып. 12. **Недригайлов, С. Н.** Лесные ресурсы Ленско - Алданского плато и Заалданско - Верхоянского горного района, по данным экспедиции 1925 г. Лгр. 1928. 8°. [7] + 468 стр., с 31 рис., 55 черт., 3 схем. профилями и 3 картами. Ц. 10 р.

Вып. 14. **Пархоменко, С. Г.** Отчет о поездке в Вилюйский округ. Лгр. 1929. 8°. [1] + 64 стр., с 1 рис. и 1 картою. Ц. 1 р.

Вып. 15. **Мицкевич, С. И.** Мэнэрик и эмирячение. Формы истерии в Колымском крае. Лгр. 1929. 8° [2] + IV + 53 стр., с 3 рис. Ц. 1 р.

Вып. 16. **Вагнер, Ю. Н.** Материалы по фауне Aphaniptera Якутии. Beiträge zur Kenntnis der Aphanipteren-Fauna Jakutiens. Лгр. 1927. 8°. 12 стр., с 4 рис. Ц. 50 к.

Вып. 17. **Виноградов, Б. С.** Заметки о млекопитающих Якутии. I. Лемминговидные полевки (род Aschizomys). Лгр. 1927. 8°. 20 стр., с 3 табл. рис. Ц. 50 к.

Вып. 18. **Виноградов, Б. С.** Заметки о млекопитающих Якутии. II. Рыжие полевки (род. Evotomys). Лгр. 1927. 8°. 20 стр., с 3 табл. рис. Ц. 70 к.

Вып. 19. **Мосевич, Н. А.** Материалы к систематике, экологии и распространению современной и ископаемой Yoldia arctica Gray. Лгр.

VII. Wiese, W. Quelques particularités du régime atmosphérique de la Iakoutie en rapport avec le projet du réseau météorologique.
VIII. Malčenko, E. La couche du sol perpétuellement gelé dans la Sibérie Orientale et en Iakoutie.
IX. Wiese, W. Aperçu des recherches hydrologiques des fleuves et des lacs de la Iakoutie.
X. Rosé, N. Étude du magnétisme de la terre en Iakoutie.
XI. Wiese, W. Problèmes du service géophysique en Iakoutie.

Livr. 12. **Nedrigajlov, S.** Les forêts du plateau Léna-Aldan et de la région montagneuse Trans-Aldienne et de Verkhoyansk d'après les données de l'expédition de 1925. Lgr. 1928. 8°. [7] + 468 p., avec 31 fig., 55 dessins, 3 profils schém. et 3 cartes. Prix 10 rbls.

Livr. 14. **Parchomenko, S.** Compte-rendu d'un voyage dans le district de Viluisk. Lgr. 1929. 8°. [1] + 64 p., avec. 1 fig. et 1 carte. Prix 1 rbl.

Livr. 15. **Mickevič, S.** „Ménérik" et „émiriak" Hystérie endémique dans la région de Kolyma. Lgr. 1929. 8° [2] + IV + 53 p., avec 3 fig. Prix 1 rbl.

Livr. 16. **Wagner, J.** Contributions à l'étude de la faune des Aphaniptera de la Iakoutie. Lgr. 1927. 8°. 12 p., avec 4 fig. Prix 50 c.

Livr. 17. **Vinogradov, B.** Notes sur les mammifères de la Iakoutie. I. Arvicoles lemmingoïdes (genre Aschizomys). Lgr. 1927. 8°. 20 p., avec 3 tables de fig. Prix 50 c.

Livr. 18. **Vinogradov, B.** Notes sur les mammifères de la Iakoutie. II. Arvicoles rousses (genre Evotomys). Lgr. 1927. 8°. 20 p., avec 3 tables de fig. Prix 70 c.

Livr. 19. **Mosevič, N.** (Mossévitch). Contributions à la systématique, l'écologie et la distribution de Yoldia arctica Gray récente et fos-

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взгля-

1928. 8°. 44 стр., с 1 табл. фототип. и 1 картою.
Ц. 1 р.

Вып. 20. **Штакельберг, А. А.** Обзор палеарктических видов подсемейства Cinxiinae (Diptera, Syrphidae). Übersicht der paläarktischen Arten der Unterfamilie Cinxiinae (Diptera, Syrphidae). Лгр. 1927. 8°. 26 стр. Ц. 50 к.

Вып. 21. **Берг, Л. С.** О нахождении представителя рода Oncorhynchus в р. Лене. Лгр. 1927. 8°. 4 стр. Ц. 25 к.

Вып. 22. **Огнев, Г. Н.** Геологические наблюдения на Лено-Амгинском водоразделе. Лгр. 1927. 8°. [2]+ +71 стр., с 7 рис., 18 черт. и 1 картою. Ц. 1 р.

Вып. 23. **Белянкин, Д. С.** Об оливиново-кварцевом диабазе с реки Тюнг в Восточной Сибири. Лгр. 1927. 8°. 17 стр., с 4 черт.
Ц. 50 к.

Вып. 24. **Мирам, Э. Ф.** О прямокрылых (Orthoptera) Якутии. Beiträge zur Kenntnis der Orthopteren-Fauna Jakutiens. Лгр. 1928. 8°. 26 стр., с 7 рис. Ц. 80 к.

Вып. 25. **Иванов, А. И.** Птицы Якутского округа. Лгр. 1929. 8°. VIII + 207 стр., с 14 рис. и 1 картою.
Ц. 3 р. 50 к.

Вып. 26. **Кузнецов, С. С.** Река Тюнг и ее левобережье (Геологический очерк). Лгр. 1929. 8°. [1] + 79 стр., с 24 рис. и 1 картой. Ц. 1 р. 50 к.

Вып. 27. **Борисов, П. Г.** Кета и навага бассейна р. Лены. Лгр. 1928. 8°. 15 стр., с 1 рис. Ц. 50 к.

Вып. 28. **Борисов, П. Г.** Современное состояние рыбного промысла в низовьях р. Лены и пути его развития. Лгр. 1928. 8°. 32 стр., с 9 рис. Ц. 80 к.

sile. Lgr. 1928. 8°. 44 p., avec 1 planche phototyp. et 1 carte.
Prix 1 rbl.

Livr. 20. **Stackelberg, A.** Revue des espèces paléarctiques de la sous-famille Cinxiinae (Diptera, Syrphidae). Lgr. 1927. 8°. 26 p.
Prix 50 c.

Livr. 21. **Berg, L.** Sur un représentant du genre Oncorhynchus trouvé dans le fleuve Léna. Lgr. 1927. 8°. 4 p. Prix 25 c.

Livr. 22. **Ognev, G.** Observations géologiques du plateau Léna-Amga. Lgr. 1927. 8°. [2]+71 p., avec 7 fig., 18 dessins et 1 carte.
Prix 1 rbl.

Livr. 23. **Beliankin, D.** Diabase à olivine et à quartz du fleuve Tyung dans la Sibérie Orientale. Lgr. 1927. 8°. 17 p., avec 4 dessins.
Prix 50 c.

Livr. 24. **Miram, E.** Sur les Orthoptères de la Iakoutie. Lgr. 1928. 8°. 26 p., avec 7 fig.
Prix 80 c.

Livr. 25. **Ivanov, A.** Oiseaux du district de Iakoutsk. Lgr. 1929. 8°. VIII + 207 p., avec 14 fig. et 1 carte.
Prix 3 rbls. 50 c.

Livr. 26. **Kuznecov, S.** Le fleuve Tyung et sa rive gauche. (Aperçu géologique). Lgr. 1929. 8°. [1] + 79 p., avec 24 fig. et 1 carte.
Prix 1 rbl. 50 к.

Livr. 27. **Borisov, P.** Kéta et navaga du bassin du fleuve Léna. Lgr. 1928. 8°. 15 p., avec 1 fig. Prix 50 c.

Livr. 28. **Borisov, P.** État actuel de l'industrie de la pêche dans les embouchures du fleuve Léna et les voies de son développement. Lgr. 1928. 8°. 32 p., avec 9 fig. Prix. 80 c.

остаточные дан-
ми из незадолго
ел у Худякова[2]
могло быть, так
анника якутской
не мог. Личные
браке, и о родо-
ени новое, да и
книги). Между
ошибок, якут-
ых отношений.
заимствованным
рых он так пра-
м по его практи-

нной в Казани,
Овчинникова,
вавших в городе
орую и третью
: гл. II «Очерки
II «Юридические
роде и общине,

-какие выборки
заметки дают

«Юридические
материалов —
естьянином, уро-
тавлены в редак-
аммные вопросы
ги права вещного

1896, №№ 4—5.
а. Иркутск, 1890.
вып. I и II. 1891,

в тт. XXIV и XXV

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывавшая всю область гражданского права, заключала
в себе разделы: «
приобретения соб
артели товарищес
$5\frac{1}{2}$ страницах изл
убийство, личные
дяжничество. Яку
описывалось: «общ

Уже одна кра
имевшегося у авт
материалам, досту
в те годы, рукопи

Гораздо пол
в 1899 г., «Очер
Университета Д.
села Нюрба — Ви
шими до него сос
комстве с бытом я
много существенн
между прочим, и
нева на фактическ
фактов в статье М
единственная стат
в печати после од
появление и авто
читателей могло б

Составляя св
Вруцевича мог
в девяностых года
хотя бы частично.
В. Л. Серошевск
уважением, Кочн
ниях, преступност
совершенно верно,
составляла далеко

Также серье
и к напечатанной
ского и Осмоло

1 Известия О-ва
2 Журнал гражд

Вып. 32. **Борисов, П. Г.** Предварительные данные о рыбном промысле в низовьях р. Колымы. Лгр. 8°. 14 стр. Ц. 25 к.

Готовятся к печати:

Вып. 9. **Виттенбург, П. В.** Якутская экспедиция Академии Наук СССР 1925—1927 гг.

Вып. 13. **Будницкая, З. С.** и **Кржишталович, Н. Н.** Рекогносцировочные статистико-экономические исследования в Якутском округе в 1925—1926 гг.

Вып. 29. **Никитин, С. А., Скалозубова, А. Н., Бенуа, К. А. и Порядин, В. Н.** Материалы по изучению сельского хозяйства Якутского округа по данным агрономического отряда Якутской экспедиции 1926 г.

Вып. 30. **Свердруп, Г. У.** Плавание на судне „Мод" в водах морей Лаптевых и Восточно-Сибирского. С предисловием П. В. Виттенбурга.

Вып. 31. **Григорьев, А. А.** Морфология северо-вост. части Вилюйского округа.

Зайков, Б. Д. Отчет о работах гидрометеорологической станции Алданского гидрологического отряда Якутской экспедиции Академии Наук СССР в 1925—1926 гг.

Попов, Н. П. Пища Якутов.

Плавание шхуны «Полярная Звезда» в море Лаптевых в 1927 г. под нач. Ю. Д. Чирихина. С предисловием К. М. Дерюгина.

Бунге, А. А. Дневник экспедиции в Приянский край и на Ново-Сибирские острова в 1885 и 1886 гг.

Livr. 32. **Borisov, P.** Quelques données sur la pêche dans les embouchures du fleuve Kolyma. Lgr. 8°. 14 p. Prix 25 c.

En préparation:

Livr. 9. **Wittenburg, P.** Expédition Iakoute de l'Académie des Sciences de l'URSS en 1925—1927.

Livr. 13. **Budnickaïa, Z.** et **Kržištalovič, N.** Investigations préliminaires statistiques et économiques faites dans le district de Iakoutsk en 1925—1926.

Livr. 29. **Nikitin, S., Skalozubova, A., Benois, C.** et **Porjadin, V.** Contributions à l'étude de l'économie rurale du district de Iakoutsk d'après les données du détachement agronomique de l'expédition Iakoute en 1926.

Livr. 30. **Sverdrup, H.** Navigation sur le vaisseau „Maud" dans les eaux de la mer des Laptev et de la mer de la Sibérie Orientale. Avec préface par P. Wittenburg.

Livr. 31. **Grigoriev, A.** Morphologie de la région nord-est du district de Viluisk.

Zajkov, B. Compte-rendu des travaux de la station hydrométéorologique du détachement hydrologique de l'Aldan de l'expédition Iakoute de l'Académie des Sciences de l'URSS en 1925—1926.

Popov, N. La nourriture des iakoutes.

Navigation de «Poljarnaja Zvezda» dans la mer des Laptev en 1927 sous la direction de J. Čirichin. Avec préface par C. Derjugin.

Bunge, A. Journal d'une expédition dans la région de la Yana et aux îles de la Nouvelle Sibérie en 1885 et 1886.

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взгля-

Труды Комиссии по изучению Якутской АСС Республики

Вышли в свет:

Т. I. **Комаров, В. Л.** Введение в изучение растительности Якутии. Лгр. 1926. 4°. X+183+[3] стр., с 8 табл. рис. и 2 картами. Ц. 5 р.

Т. II. **Штеллинг, Э. В., Смирнов, Д. А.** и **Розе, Н. В.** Материалы по изучению земного магнетизма в Якутии. Лгр. 1926. 4°. VIII+148+[1] стр., с 2 планами и 1 картою. Ц. 4 р.

Т. III. **Материалы экспедиций к устьям рек Лены и Оленека под начальством Ф. А. Матисена** в 1920 г. и **Н. И. Евгенова** в 1921 г.

Ч. 1. Евгенов, Н. И. Общий ход экспедиции и данные наблюдений. Ц. 10 р.

Ч. 2. Евгенов, Н. И., Хмызников, П. К. и Чирихин, Ю. Д. Описание судового хода р. Лены от Якутска до дельты. Лгр. 1928. 4°. 20 стр., с 36 картами. Ц. 5 р. 50 к.

Ч. 3. Евгенов, Н. И., Хмызников, П. К. и Чирихин, Ю. Д. Атлас проток дельты р. Лены, низовий р. Оленека и бухты Тикси. Лгр. 1928. 4° 58 стр. с 23 картами. Ц. 4 р. 50 к.

Т. V. **Каминский, А. А.** Материалы по климатологии северного побережья Азии. Beiträge zur Klimatologie der Nordküste Asiens. Лгр. 1928. 4°. [7]+LXXVI+221 стр., с 18 рис. Ц. 12 р.

Т. VI. **Шостакович, В. Б.** Материалы по климату Якутской Республики и сопредельных с ней частей Северной Азии. С атласом из 25 карт. Лгр. 1927. 4°. [1]+II+156 стр. Ц. 6 р.

Travaux de la Commission pour l'étude de la République ASS Iakoute

Ont paru:

T. I. **Komarov, V.** Introduction à l'étude de la flore de la Iakoutie. Lgr. 1926. 4°. X+183+[3] p., avec 8 tables de fig. et 2 cartes. Prix 5 rbls.

T. II. **Stelling, E., Smirnov, D., et Rosé, N.** Recueil d'observations magnétiques faites en Iakoutie. Lgr. 1926. 4°. VIII+148+[1] p., avec 2 plans et carte. Prix 4 rbls.

T. III. **Recherches sur les embouchures de la Léna et de l'Olének faites par les expéditions de Th. Matissen** en 1920 et **de N. Evgenov** en 1921.

P. I. Evgenov, N. L'expédition et ses résultats scientifiques. Prix 10 rbls.

P. 2. Evgenov, N., Chmyznikov, P. et Čirichin, J. (Tchirikhin). Atlas du fleuve Léna de Iakoutsk jusqu'au delta. Lgr. 1928. 4°. 20 p., avec 36 cartes. Prix 5 rbls. 50 c.

P. 3. Evgenov, N., Chmyznikov, P. et Čirichin, J. (Tchirikhin). Atlas des branches du delta du fleuve Léna, des embouchures du fleuve Olének et de la baie Tixie. Lgr. 1928. 4°. 58 p., avec 23 cartes. Prix 4 rbls. 50 c.

T. V. **Kaminskij, A.** Les données climatologiques du littoral septentrional de l'Asie. Lgr. 1928. 4°. [7]+LXXVI+221 p., avec 18 fig. Prix 12 rbls.

T. VI. **Šostakovič, W.** (Schostakowitsch). Contributions à l'étude du climat de la République Iakoute et des pays contigus de l'Asie septentrionale, avec un atlas de 25 cartes. Lgr. 1927. 4°. [1]+II+156 p. Prix 6 rbls

…достаточные дан-
…ми из незадолго
…ел у Худякова[2]
…могло быть, так
…анника якутской
…не мог. Личные
…и браке, и о родо-
…нии новое, да и
…книги). Между
…в ошибок, якут-
…ных отношений.
…заимствованным
…орых он так пра-
…им по его практи-

…анной в Казани,
…Овчинникова,
…ивавших в городе
…торую и третью
…к: гл. II «Очерки
…III «Юридические
…о роде и общине,
….
…е-какие выборки
…м заметки дают

…а «Юридические
…х материалов —
…естьянином, уро-
…тавлены в редак-
…раммные вопросы
…ти права вещного

…1896, №№ 4—5.
…ва. Иркутск, 1890.
…, вып. I и II. 1891,

…ь в тт. XXIV и XXV

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывавшая всю область гражданского права, заключала
в себе разделы: «б
приобретения соб
артели товарищес
$5\frac{1}{2}$ страницах изла
убийство, личные
дяжничество. Яку
описывалось: «общ

Уже одна кра
имевшегося у авт
материалам, досту
в те годы, рукопис

Гораздо пол
в 1899 г., «Очерк
Университета Д. А
села Нюрба — Ви.
шими до него сос
комстве с бытом я
много существенн
между прочим, и
нева на фактическ
фактов в статье М
единственная стат
в печати после од
появление и автор
читателей могло б

Составляя св
Вруцевича мог
в девяностых года
хотя бы частично.
В. Л. Серошевск
уважением, Кочн
ниях, преступност
совершенно верно,
составляла далеко

Также серье
и к напечатанной
ского и Осмоло

¹ Известия О-ва
² Журнал гражд

Т. VIII. **Метеорологические и аэрологические наблюдения в Якутии в 1925 г.** Ч. II. Наблюдения аэрологических станций: Якутск и Петропавловское. Лгр. 1928. 4°. VIII + + 57 стр., с 2 рис. Ц. 2 р.

Т. IX. **Борисов, П. Г.** Рыбы реки Лены. Лгр. 1928. 4°. [2] + II + 181 стр., с 15 рис. на 6 табл. и 1 картой. Ц. 7 р.

Т. X. **Аболин, Р. И.** Геоботаническое и почвенное описание Лено-Вилюйской равнины. Лгр. 1928. 4°. X + 372 стр., с 56 рис., 30 черт. и 3 картами. Ц. 10 р.

Т. XI. **Рылов, В. М.** Материалы к фауне пресноводных свободноживущих веслоногих ракообразных северной Сибири. Лгр. 1928. 4°. [2] + + 33 стр., с 16 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Т. XII. **Лебедева, Л. А.** Грибы арктического побережья Сибири. Лгр. 1928. 4°. II + 23 стр., с 3 рис. Ц. 1 р.

Готовятся к печати:

Т. IV. **Павлинов, Д. М., Виташевский, Н. А. и Левенталь, Л. Г.** Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов, с предисловием И. И. Майнова.

Т. VII. **Ястремский, С. В.** Образцы народной литературы якутов, с предисловием С. Е. Малова.

Т. VIII. **Метеорологические и аэрологические наблюдения в Якутии в 1925 г.** Ч. I. Наблюдения метеорологических станций: Якутск, Петропавловское, Олекминск, Булун и Вилюйск.

Т. XIII. **Воленс, Н. В.** Хозяйство якутов Лено-Амгинского района.

Т. XIV. **Молодых, И. Ф.** Река Алдан (атлас и текст).

T. VIII. **Observations météorologiques et aérologiques en Iakoutie en 1925.** P. II. Observations aérologiques des stations: Iakoutsk et Pétropavlovskoïé. Lgr. 1928. 4°. VIII + + 57 p., avec 2 fig. Prix 2 rbls.

T. IX. **Borisov, P.** Les poissons du fleuve Léna. Lgr. 1928. 4°. [2] + II + 181 p., avec 15 fig sur 6 planches et 1 carte. Prix 7 rbls.

T. X. **Abolin, R. I.** Description géographique de la végétation et des sols de la plaine Léna-Vilui. Lgr. 1928. 4°. X + 372 p., avec. 56 fig., 30 dessins et 3 cartes. Prix 10 rbls.

T. XI. **Rylov, V.** Contributions à l'étude de la faune des Copépodes libres d'eau douce de la Sibérie septentrionale. Lgr. 1928. 4°. [2] + 33 p., avec 16 fig. Prix 1 rbl. 50 c.

T. XII. **Lebedeva, L.** Champignons de la côte arctique de la Sibérie. Lgr. 1928. 4°. II + 23 p., avec. 3 fig. Prix 1 rbl.

En préparation:

T. IV. **Pavlinov, D., Vitaševskij, N. et Löwenthal, L.** Matériaux pour servir à l'étude du droit coutumier et de la vie sociale des iakoutes, avec préface par I. Majnov.

T. VII. **Jastremskij, S.** Exemples de la littérature populaire des iakoutes, avec préface par S. Malov.

T. VIII. **Observations météorologiques et aérologiques en Iakoutie en 1925.** P. I. Observations météorologiques des stations: Iakoutsk, Pétropavlovskoïé, Olekminsk, Bouloune et Viluisk.

T. XIII. **Volens, N.** Régime économique des iakoutes de la région Léna-Amga.

T. XIV. **Molodych, I.** Le fleuve Aldan (atlas et texte).

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взгля-

T. XV. **Лено-Колымская экспедиция 1909 г. под начальством Н. А. Воллосовича.**

T. XVI. **Метеорологические и аэрологические наблюдения в Якутии в 1926 г.**

Ч. I. Наблюдения метеорологических станций: Якутск, Петропавловское, Средне-Колымск, Верхоянск, Олекминск, Булун и Вилюйск.

Ч. II. Наблюдения аэрологических станций: Якутск, Петропавловское и Верхоянск.

T. XVII. **Шрейбер, С. Е.** Медико-санитарное обследование населения Вилюйского и Олекминского округов, по материалам собранным Вилюйским Отрядом Якутской экспедиции Академии Наук СССР 1925—1926 гг.

T. XVIII. **Дорофеев, В. Н.** Глазные болезни населения Вилюйского и Олекминского округов, по данным Якутской экспедиции Академии Наук СССР 1925—1926 гг.

Вне серий.

Вышло в свет:

I. „**Якутия**". Сборник статей, под ред. П. В. Виттенбурга. Лгр. 1927. 4°. XXVI+746+[6] стр., с 78 рис. в тексте и на отд. листах, 19 портр. исследователей Якутии и 20 картами, чертежами и таблицами. Ц. 10 р.

Содержание:

Предисловие академика С. Ф. Ольденбурга.

Введение профессора П. В. Виттенбурга.

I. Берг, Л. С. История географического ознакомления с Якутским краем.

II. Григорьев, А. А. Геоморфологический очерк Якутии.

III. Геккер, Р. Ф. Геологический очерк Якутии.

IV. Глинка, К. Д. Очерк почв Якутии.

V. Зверев, В. Н. Очерк полезных ископаемых Якутской Республики.

T. XV. **Expédition de Léna-Kolyma** en 1909 sous la direction de **K. Vollosovič.**

T. XVI. **Observations météorologiques et aérologiques en Iakoutie en 1926.**

P. I. Observations météorologiques des stations: Iakoutsk, Pétropavlovskoïé, Sredne-Kolymsk, Verkhoyansk, Olekminsk, Bouloune et Viluisk.

P. II. Observations aérologiques des stations: Iakoutsk, Pétropavlovskoïé et Verkhoyansk.

T. XVII. **Schreiber, S.** Investigations sur l'état sanitaire de la population des districts de Viluisk et d'Olekma d'après les matériaux du détachement de Viluisk de l'expédition Iakoute de l'Académie des Sciences de l'URSS 1925—1926.

T. XVIII. **Dorofeev, V.** Les maladies des yeux de la population des districts de Viluisk et d'Olekma, d'après les données de l'expédition Iakoute en 1925—1926.

Hors série.

Liste des publications:

I. „**Iakoutie**". Recueil d'articles sous la rédaction de P. Wittenburg, Lgr. 1927. 4°. XXVI+746+[6] p., avec 78 fig. dans le texte et hors texte, 19 portraits des investigateurs de la Iakoutie et 20 cartes, dessins et tables. Prix 10 rbls.

Contenu:

Préface par S. Oldenburg, membre de l'Académie des Sciences.

Introduction par P. Wittenburg.

I. Berg, L. Histoire des découvertes géographiques en Iakoutie.

II. Grigorïov, A. Étude géomorphologique de la Iakoutie.

III. Hecker, R. Aperçu géologique de la Iakoutie.

IV. Glinka, K. Étude sur les sols de la Iakoutie.

V. Zverev, V. Aperçu des minéraux utiles de la Iakoutie.

здостаточные дан-
ями из незадолго
пел у Худякова[2]
е могло быть, так
танника якутской
не мог. Личные
и браке, и о родо-
мени новое, да и
й книги). Между
ез ошибок, якут-
ных отношений.
я заимствованным
торых он так пра-
им по его практи-

анной в Казани,
. Овчинникова,
ивавших в городе
торую и третью
к: гл. II «Очерки
III «Юридические
о роде и общине,

е-какие выборки
м заметки дают

а «Юридические
х материалов —
естьянином, уро-
тавлены в редак-
раммные вопросы
ти права вещного

1896, №№ 4—5.
ва. Иркутск, 1890.
; вып. I и II. 1891,

ь в тт. XXIV и XXV

работ и статья князя Н. А. Кострова «Юридические обычаи якутов». Вся статья содержала 41 страницу, из которых 18 страниц первой главы посвящались общей характеристике края. Вторая глава, охватывающая всю область гражданского права, заключала
в себе разделы: «
приобретения со
артели товарище
$5^1/_2$ страницах изл
убийство, личные
дяжничество. Яку
описывалось: «общ

Уже одна кра
имевшегося у авт
материалам, досту
в те годы, рукопи

Гораздо пол
в 1899 г., «Очер
Университета Д. А
села Нюрба — Ви
шими до него со
комстве с бытом я
много существенн
между прочим, и
нева на фактическ
фактов в статье М
единственная стат
в печати после о
появление и авто
читателей могло б

Составляя с
Вруцевича мог
в девяностых года
хотя бы частично.
В. Л. Серошевск
уважением, Кочн
ниях, преступност
совершенно верно,
составляла далеко

Также серье
и к напечатанной
ского и Осмоло

1 Известия О-ва
2 Журнал граж

Готовятся к печати:

II. **Полезные ископаемые и транспортные проблемы Якутии.** Сборник статей под редакцией П. В. Виттенбурга. С 3 табл. рис. и 3 картами.

Содержание:

III. **Петров, В. А.** Флора Якутии, под редакцией академика В. Л. Комарова.

IV. Великая Северная Экспедиция. Материалы В. Прончищева, П. Ласиниуса, С. Челюскина и Х. и Д. Лаптевых, в обработке Б. Д. Грекова и В. Ю. Визе. С предисловием П. В. Виттенбурга.

En préparation:

II. **Ressources minérales et problèmes du transport en Iakoutie.** Recueil d'articles sous la rédaction de P. Wittenburg. Avec 3 planches de fig. et 3 cartes.

Contenu:

III. **Petrov, V.** Flore de la Iakoutie, sous la rédaction de V. Komarov, membre de l'Académie des Sciences.

IV. La grande Expédition du Nord d'après les mémoires de W. Prončiščev, P. Lassinius, S. Čeliuskin et Ch. et D. Laptev, rédigés par B. Grekov et W. Wiese. Avec préface par P. Wittenburg.

Издательство Академии Наук СССР

Ленинградский Областлит № 85805. — $^5/_8$ печ. л. — Тираж 3000. — Бесплатно
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

«Якутский род до и после прихода русских». В социологическом истолковании приводимых этими авторами фактов Кочнев скорее склонялся на сторону их критика, политического ссыльного В. С. Ефремова, исходившего в его возражениях указанным авторам из взглядов Моргана и Бахофена[1].

В заслугу Кочневу можно поставить то, что он пополнил далеко недостаточные данные, сообщаемые всеми перечисленными выше писателями, извлечениями из незадолго до того опубликованных в русском переводе якутских былин, которые нашел у Худякова[2] и Приклонского[3]. Своего собственного материала у него не было и не могло быть, так как до своего выезда в Казань из Якутска он занимал положение воспитанника якутской духовной семинарии и никаких самостоятельных исследований производить не мог. Личные его наблюдения пригодились ему при обработке отделов его труда о семье и браке, и о родовой организации. В этих отделах читатель мог найти нечто для того времени новое, да и по объему они являлись самыми пространными (74 страницы из 176 всей книги). Между прочим, на страницах 132—135 у Кочнева излагается, правда не без ошибок, якутская система родства и приводится якутская номенклатура родственных отношений. В остальном фактический материал Кочнева по необходимости оказывался заимствованным у тех же Самоквасова, Серошевского и других прежних авторов, которых он так правильно критиковал в той мере, в какой это оказывалось для него возможным по его практическому знакомству с якутской действительностью.

Одновременно со сравнительно полной работой Кочнева, опубликованной в Казани, в московском «Этнографическом Обозрении» появились беглые заметки М. Овчинникова, весьма почтенного археолога-собирателя, но совсем не юриста, из проживавших в городе Олекминске политических ссыльных. Эти заметки составляли главы вторую и третью «Материалов по этнографии якутов» Овчинникова, имевшие подзаголовок: гл. II «Очерки общественной жизни: 1) рабство; 2) умыкание», всего 12 страниц, и гл. III «Юридические обычаи»,[4] где на 13 страницах приводились отрывочные сведения: 1) о роде и общине, 2) о суде медиаторском и всенародном и 3) о наказаниях за преступления.

В заметках Овчинникова наибольший интерес представляют кое-какие выборки из архивных дел Олекминского полицейского управления. В остальном заметки дают немного и носят как бы случайный характер.

Немного позже, в том же издании, появилась статья Н. Харузина «Юридические обычаи якутов». (По материалам Н. П. Припузова).[5] Собиратель этих материалов — Н. П. Припузов, этнограф-самоучка, был, как и Кочнев, русским крестьянином, уроженцем станции Табагинской Якутского округа. Его материалы были доставлены в редакцию в виде отдельных несистематизированных ответов на некоторые программные вопросы и касались преимущественно семейственного и наследственного права и отчасти права вещного

---

1 В. С. Е. «Якутский род». Известия Вост.-Сиб. Отдела Географического Общества. 1896, №№ 4—5.

2 Худяков. Верхоянский Сборник. Изд. Вост.-Сиб. Отдела Географического Общества. Иркутск, 1890.

3 Л. В. Приклонский. «Три года в Якутской области». Живая Старина. 1890, вып. I и II. 1891, вып. III и IV.

4 Этнографическое Обозрение. 1898, т. XXVI, вып. 1. Первые две главы печатались в тт. XXIV и XXV того же журнала, вып. 3 и 4.

5 Этнографическое Обозрение. 1893, № 2.

и обязательственного. Собирались эти материалы Припузовым (занимавшим должность старосты приленских станций) при его частых сношениях с окрестными якутами (т. е. с якутами Западнокангаласского улуса). Н. Харузин обработал переданные ему редакцией листки заметок Припузова в виде цельной статьи, несколько пополнив их содержание извлечениями из Самоквасова, Серошевского, Приклонского, Кочнева и Иохельсона.[1]

Если принять во внимание, что вся статья, со всеми ее заимствованиями, в обработке Харузина занимала всего 27 страниц журнального текста, то ясно будет, что сколько-нибудь существенного значения для уяснения обычного права якутов в его современном состоянии она не могла иметь, как не могли его иметь и все прочие указанные здесь работы. Поэтому Н. Харузин с достаточным основанием заканчивал свою статью словами выражавшими лишь пожелание, все еще остававшееся тогда далеким от выполнения: «собрать подробные сведения об остатках древнего строя жизни якутов, отметить видоизменения архаичных норм под влиянием нарождающихся новых условий и уловить процесс зарождения и развития новых основ правового быта якутов должно составить ближайшую и необходимую задачу современных исследователей быта этой интересной народности».

Такую именно задачу поставил перед собою в выработанной им при организации Сибиряковской экспедиции программе Н. А. Виташевский. В противоположность своему единственному серьезному предшественнику — Павлинову, Виташевский не был юристом-практиком. Осужденный еще юношей за участие в вооруженном сопротивлении при аресте революционера Ковальского, в долгие годы своего пребывания в каторжных тюрьмах, где для заключенных все таки оставалась возможность книжных занятий, молодой юрист ревностно предавался изучению наиболее авторитетных в те годы социологов и этнографов, так как жизнь права всегда представлялась ему не иначе, как в ее связи и постоянном взаимодействии со всеми другими сторонами существования данной народности. Наибольшее влияние на склад его идей оказали из русских авторов: П. Л. Лавров, М. М. Ковалевский и С. А. Муромцев, а из иностранных: преимущественно Иеринг, Мэн и Герберт Спенсер. В якутских обычаях, когда представилась возможность приступить к их серьезному изучению, этого исследователя привлекали главным образом пережитки глубокой древности, давно исчезнувшие в нравах народов Европы. Поэтому при обработке своего основного труда автор придал ему несколько громоздкое наименование «Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права», а в тексте он не раз позволяет себе сходить с узко юридической почвы и допускает обширные отступления, в одних случаях — в область первоначальных верований якутов, и в других — в область чистой этнографии (как, например, при описании свадебных обрядов и т. п.). Хотя такие отступления несколько нарушают стройность изложения, но сами по себе сообщения автора настолько ценны, что Редакция настоящего издания полагает неуместным, в интересах формы, сокращать богатство содержания предлагаемого труда и в этом отношении воспроизводит его без изменений.

---

[1] В. Иохельсон. «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении». Живая Старина. 1895, вып. 2.

Сам автор при собирании своего материала, как и Левенталь, предполагал дать читателям в законченном виде нечто гораздо более широкое и многостороннее, чем это удалось ему впоследствии выполнить на самом деле. Приложение к его работе составило два тома выборок, трудолюбиво извлеченных из улусных архивов и освещающих по подлинным актам все стороны улусной жизни. Этих приложений Комиссия не печатает по дороговизне их издания, но сохранит их в своем архиве для пользования будущих историков края, так как для них подобранные Виташевским данные[1] могут представить не малый интерес. Основным материалом для самого автора служили непосредственные наблюдения улусного судопроизводства на местах и тщательный, систематический опрос некоторых родоначальников, выделявшихся в те годы по своей интеллигентности и наиболее авторитетных среди их родовичей по их судейскому опыту и по знанию всех местных обычаев. Критическое отношение к сообщаемым автором сведениям облегчается для читателя тем, что Виташевский всюду указывает на те местности и на тех именно улусных голов или наслежных старост, которые в разных случаях являлись его осведомителями.

Книжка оттисков, изданная самим автором в 1909 г. на правах рукописи содержала в себе три главы: «Землевладение и землепользование», «Обязательственное право» и «Брак и родство» и вся эта работа заканчивалась на странице 119 полемикой с В. Л. Серошевским по вопросу об экзогамии у якутов последнею фразой главы III «Брак и родство» (в нашем издании страница 165), т. е. словами: «Что касается третьего из указываемых В. Л. Серошевским обстоятельств... то я не в состоянии отчетливо уяснить себе его смысл, поэтому оставляю его без замечаний». 56 страниц дальнейшего текста восстанавливаются Комиссией лишь теперь по черновой рукописи Виташевского, найденной Э. К. Пекарским в архиве покойного автора, принадлежащем ныне Азиатскому Музею Академии Наук. В этих не появлявшихся ранее главах характеризуются: система родства, семейное право, наследственное право, судоустройство, судебные доказательства, судопроизводство и наконец, — раздел добычи. Таким образом в пополненном виде труд Виташевского теперь является как бы вполне законченным. Но по оценке самого автора это было далеко не так. Из его пометок видно, что последние главы в его глазах составляли лишь схему, которую предполагалось заполнить более широким содержанием.

Однако, несмотря на отсутствие лишь ныне появляющихся заключительных глав (главы IV—XI нашего издания), отпечатанная в 1909 г. рукопись Виташевского в 1915 г. была представлена таким компетентным ценителем этого рода произведений как покойный М. М. Ковалевский в Совет Русского Географического Общества для награждения автора золотой медалью Общества, с чрезвычайно благоприятным отзывом рецензента. Отмечая сходные явления в жизни средневековой общины в Англии, М. М. Ковалевский подчеркнул то, что «данные, собранные Виташевским, — по землепользованию якутов, — могут быть использованы и для более глубокого проникновения в природу тех земельных отношений, которые предшествовали периоду введения переделов» — (подразумевается: у народов Европы). Далее в отзыве говорится: «этнографы сравнительно мало интересуются общественными отношениями, встречающимися на более или менее низких

[1] Оба тома приложения отпечатаны еще самим Виташевским на пишущей машинке.

ступенях общественного развития. И об этом нельзя не пожалеть... Я полагаю поэтому, что историкам права полезно будет познакомиться с довольно пространным отделом договоров и обязательств, который Виташевский включил в свою работу о якутах. В этом отделе в значительной степени сказалось его знакомство с литературой юридических древностей, — русской и иностранной, — на которую часто попадаются ссылки. Автор не довольствуется общей характеристикой, но дает сведения и об отдельных видах договоров и порядке их заключения». «Скорейшее появление в свет этой работы, заканчивает М. М. Ковалевский свой отзыв, представляющей один из самых полных очерков юридического быта наших инородческих племен, было бы, не сомневаюсь, встречено весьма сочувственно и этнографами, и сравнительными этнологами, и историками культуры и права»[1].

В «Якутских материалах для разработки вопросов эмбриологии права» Виташевский исчерпал далеко не все свои записи о якутской общественной жизни. Многое в его разносторонней научно-литературной работе составлялось им в связи с требованиями текущего момента, но по своему содержанию, по способу обработки и, наконец, по самому подходу автора к описываемому кругу явлений, представляет интерес для этнографии и для культурной истории Якутского края не меньший, чем в свое время представляло для Якутского Статистического Комитета, выдвигавшего на очередь те или иные темы по их связи с задачами дня. Из весьма многих работ этого рода Якутская Комиссия отбирает для напечатания в настоящем томе «Материалов по обычному праву и общественному быту якутов» лишь два произведения, представляющих каждое весьма сжатый очерк одной из двух важнейших сторон якутского общественного быта.

Такова прежде всего оказавшаяся в архиве покойного автора, но нигде раньше не появлявшаяся работа: «Способы разложения и сбора податей в якутской общине». Повидимому рукопись эта предназначалась автором для напечатания в следующем выпуске «Памятной Книжки», как часть более обширного труда, но начало ее, заключавшее в себе некоторые рассуждения общего характера, впоследствии было уничтожено самим автором, а черновика последних страниц не нашлось в сохранившихся бумагах.

Однако, тему о якутском ясаке и о способах его взимания и разверстки в том весьма сжатом объеме, какой придал своему очерку автор, можно считать в его черновике достаточно освещенной и на тех 14 страницах нашего текста, которые здесь воспроизводятся по сохранившейся рукописи. В то время как Левенталь, стремясь раскопаться во всех деталях дела, предпринял труд, который в законченном виде, должен был бы занять сотни страниц, слишком тяжелых для заурядного читателя, Виташевский, предназначая свою статью для «Памятной Книжки», имел в виду именно заурядного читателя, для которого чересчур громоздкая книга непосильна. Другой равноценной и вместе общедоступной работы на ту же тему с тех пор не появлялось и потому Якутская Комиссия находит далеко не лишним поместить в своем издании и этот очерк рядом с большой работой Левенталя.

Печатаемое здесь произведение Виташевского: «Основные правила распределения земли у якутов Дюпсюнского улуса Якутского округа» первоначально составляло

---

[1] Отчет И. Р. Г. О. за 1915 г.

реферат, прочитанный автором на собрании участников Сибиряковской экспедиции, происходившем в январе 1895 г. в городе Якутске. В 1912 г. этот реферат был опубликован автором в виде статьи в томе XXVIII «Известий» Общества Арх., Ист. и Этногр. при Казанском университете и теперь воспроизводится без изменений, как небольшая по объему работа, сжато и выпукло рисующая основные особенности якутского землепользования, господствовавшие в конце XIX века не в одном лишь Дюпсюнском улусе, но и почти повсеместно в Якутском округе.

Значение того вклада в научную литературу, который сделан Левенталем и Виташевским, работавшими по тесно соприкасавшимся вопросам, определяется тою массою совершенно свежего материала, какой оба эти исследователя сумели извлечь из никого ранее не интересовавших улусных архивов XVIII и XIX вв. и из живого наблюдения окружавшей их якутской действительности. Впервые оглашенные ими факты они не только вынесли на белый свет из мрака наслежных «родовых управлений», но и систематизировали их, и пытались осветить их с точки зрения широких идей, заимствованных ими от русских и европейских руководителей научной мысли конца XIX века.

Слабую сторону в работе обоих составляет недостаточное знакомство с историческими актами XVII в., частью уже опубликованными в те годы. Но этот недостаток вызывался условиями работы в отдаленном Якутске, в скудных библиотеках которого не имелось многих изданий, доступных для лиц, работающих в столицах и в университетских городах.

Труд Левенталя, до сих пор остававшийся известным лишь очень немногим лицам, не мог получить в печати компетентной оценки. Он являлся только анонимным источником сведений для нескольких якутских администраторов и для двоих-троих авторов, писавших впоследствии журнальные или газетные статьи о якутских порядках[1]. Виташевский был в этом отношении немного счастливее, так как его работа, хотя бы и частично, стала известной М. М. Ковалевскому, но в широкий научный оборот не могла до сих пор войти и она как оборванная по содержанию и выпущенная в свет в виде книжки всего в 50 экземплярах. Можно надеяться, что с появлением настоящего издания забытые, или в лучшем случае — полузабытые, произведения обоих уже давно скончавшихся исследователей оживут и займут прочное место в литературе сибироведения.

Такую надежду трудно было бы сохранять в настоящее время по отношению к работе С. Ф. Ковалика о влиянии золотопромышленности на экономический быт якутов Олекминского округа, — работе намечавшейся как том VIII «Трудов» Сибиряковский экспедиции. Перед выездом Ковалика из Иркутска в Россию, в 1897 г., рукопись его труда была сдана автором в Вост.-Сиб. Отдел Географического Общества, но Распорядительный Комитет Отдела нашел нужным произвести в ней некоторые изменения. Это постановление состоялось уже в то время, когда отсутствие средств на печатание трудов экспедиции почти окончательно выяснилось и Ковалик, проживая уже в России и не сохраняя больше никакой связи с Якутской областью, естественно не нашел досуга, а может быть не находил и достаточных побуждений к тому, чтобы взяться за выполнение едва ли кому либо нужной теперь переработки. Неисправленная рукопись, по всей вероятности, сохраняется и поныне

[1] Наиболее обстоятельная из них — статья политического ссыльного А. С. Белевского «Аграрный вопрос в Якутской области». Русское Богатство. 1902, № 11.

в архиве Вост.-Сиб. Отдела, но в настоящее время она представляла бы лишь исторический интерес и могла бы служить скорее всего лишь материалом для какого либо более современного труда на сходную тему.

Томы IX и X общего издания предназначались программой В. А. Обручева для работ В. И. Иохельсона о юкагирах и о якутах Колымского округа, а томы XI, XII и XIII — для работ В. Г. Богораза о колымских русских, о чукчах, ламутах и чуванцах. Почти весь этот, завидный по его исключительности, материал о населении дальнего северо-востока Сибири появился в печати... но только не на русском, а на английском языке, не в «Трудах Сибиряковской экспедиции», которым так и не суждено было увидать свет во всей их полноте, а в издании Американского Музея Естественных Наук в Нью-Иорке. Этот музей, по инициативе известного этнографа д-ра Франца Боаза, в конце девяностых годов организовал на средства Джезупа, при научном содействии со стороны Российской Академии Наук, Северо-Тихоокеанскую экспедицию для выяснения вопроса о связи в отдаленную эпоху Азиатского и Американского материков. В задачи экспедиции входило и этнологическое обследование туземных народностей как американского, так и азиатского побережий, а потому участие в ее работах таких знатоков сибирского северо-востока как Иохельсон и Богораз представлялось для Джезуповской экспедиции в высшей степени ценными оба подневольных исследователя, окончив в России срок их многолетней ссылки и завершив те научные работы, при которых им приходилось расходовать на свое личное содержание по 15 рублей в месяц, в Америке оказались вполне легальными участниками крупного научного предприятия, обставленного так, как умеют обставлять свои экспедиции американцы. Приглашая их, Боаз, конечно, имел в виду использовать те богатые материалы, которые, как ему было известно, ими уже были собраны в годы их сибирской ссылки, и таким образом наиболее ценная часть этих материалов ушла в Америку.

На русском языке о работах Иохельсона, выполнявшихся им при его участии в Сибиряковской экспедиции, можно было получить некоторое представление лишь по следующим произведениям:

В журнале «Землеведение» за 1895 г., вып. 2—3, была помещена статья Иохельсона «Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении»[1], в 1896 г. в несколько сокращенном виде воспроизведенная в «Памятной Книжке Якутской области на 1896 г.» (43 страницы).

В том же 1896 г., в книге 3—4 «Землеведения» мы находим статью этого автора «Некоторые данные о рыбах Колымского края».

В 1897 г. в «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела Геогр. Общества, т. XXVIII, появилась статья «К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа».

В 1898 г. в томе XXIX тех же «Известий» напечатан представленный Иохельсоном в Отдел еще в 1897 г., «Предварительный отчет об исследовании инородцев крайнего северо-востока Якутской области», выпущенный автором в Иркутске также в виде отдельного оттиска, объемом в I + 44 страниц с одною картой, а в 3 выпуске «Известий» за 1898 г. помещен очерк «По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юка-

[1] Номера выпусков приводятся здесь по книжке П. П. Хороших «Якуты. Опыт указателя историко-этнологической литературы о якутской народности». Иркутск, 1924.

гирский быт и письмена», опубликованный позже отдельной книжкой в Петербурге (36 страниц с 2 рисунками и 2 таблицами).

В этом же году, на средства стоявшей во главе крупной пушной фирмы в Иркутске, Анны Ивановны Громовой (издательницы «Якутов» Серошевского), в Петербурге вышла отдельной книжкой работа Иохельсона: «Очерки зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе» (167 стр. с 37 рисунками). На ее титульном листе значилось: «Восточно-Сибирский Отдел Географического Общества. Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III, т. X, ч. 3».

В 1899 г. Иохельсон сделал доклад в центральном Географическом Обществе в Петербурге, сокращенно напечатанный в «Известиях» Общества за тот же год, т. XXXV, а в более расширенном виде появившийся как статья в журнале «Живая Старина», вып. 1—2, под заглавием «Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов». В 1900 г. эта работа вышла в Петербурге отдельной книжкой со многими рисунками.

Академия Наук в те годы не оставалась равнодушной к судьбе, угрожавшей постигнуть материалы Сибиряковской экспедиции. Получив в 1897 г. обращение Распорядительного Комитета Вост.-Сиб. Отдела Геогр. Общ. с указанием на критическое положение экспедиции, Академия образовала комиссию под председательством Василия Васильевича Радлова для решения вопроса о том, в какой форме могла бы Академия оказать в этом случае Отделу свое содействие. С прибытием Иохельсона в Петербург, В. В. Радлов предложил ему представить на рассмотрение комиссии какие либо образцы собранных исследователем материалов. В виду полной неизвестности до того времени совершенно своеобразного и не родственного ни с какими другими сибирскими языками, языка юкагиров, Иохельсон выбрал из обширного запаса своих материалов три записи юкагирских текстов с подстрочным переводом и с кратким сообщением о грамматике и фонетике двух наречий юкагирского языка. Сообщение Иохельсона было доложено в заседании Историко-Филологического Отделения 20 мая 1898 г., и затем напечатано в «Известиях Академии Наук» за 1898 г., т. IX, № 2, под заглавием «Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора» (27 страниц).

Затем в 1900 г. Академия издала уже целый том в XV + 240 страниц, озаглавленный «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном. Часть I. Образцы народной словесности юкагиров. Тексты с переводом». На втором листе этого издания читалось: «В. И. Иохельсон. Юкагиры. I», а на следующем затем заглавном листе было напечатано: «Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III. Том IX. Часть III. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора». Из предисловия к этому тому видно, что у автора имелся материал еще для двух томов по одному лишь юкагирскому языку и фольклору, но эти тома на русском языке уже не появлялись, так как с 1899 г. и Иохельсон и Богораз вошли в состав американской Джезуповской экспедиции, и основной труд Иохельсона о юкагирах был издан уже в Америке, в серии трудов этой последней экспедиции, в 1910 г., как том IX всей серии, под заглавием: «The Yukaghir and Yukaghirized Tungus».

Ранее этого, еще в 1905 г., в «Annals» Нью-Иоркской Академии Наук, v. XVI, p. II, был помещен очерк Иохельсона «Essay on the Grammar of the Yukagir Language», вышедший затем отдельным выпуском.

Свои работы для экспедиции Джезупа Иохельсон и Богораз закончили в 1902 г., а в продолжение 1908—1911 гг. они оба принимали участие в работах камчатской экспедиции Рябушинского, при чем значительно пополнили имевшийся уже у них материал новыми данными по тунгусам, ламутам, камчадалам, корякам, эскимосам, чукчам и алеутам.

В позднейших работах Иохельсона как русских, так и английских, автор пользовался и своими прежними сведениями, и новыми, и выделить в его произведениях материалы девяностых годов от приобретенных позже было бы уже невозможно.

О научных трудах другого исследователя дальнего северо-востока Сибири, — В. Г. Богораза, первые сведения появились в русской литературе в 1896 г., в статье Вс. Ф. Миллера «Новые записи былин в Якутской области», напечатанной в «Этнографическом Обозрении» за 1896 г., № 2—3. Материалом для этой статьи послужили три колымские записи В. Г. Богораза, сообщенные им Этнографическому Отделению Общества Люб. Ест. Антроп. и Этн. в Москве.

В 1899 г., в «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела Геогр. Общества, т. XXX, вып. 1, был помещен «Отчет об исследовании чукчей Колымского Края», (51 стр. с картой), где приводится перечень собранных материлов по чукчам, ламутам и русским, а в марте того же года, в «Известиях» Академии Наук, т. X, № 3, появились «Образцы материалов по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» текст с переводом и с грамматическим разбором. В «Живой Старине» за тот же год были напечатаны: в выпуске II, чукотская сказка «Чесоточный шаман» в русском переводе (8 стр.), в выпуске III, также в русском переводе, «Сказание об Эленди и его сыновьях» (20 стр.), и в особой статье три русские сказки, записанные у колымских русских (10 стр.).

В 1900 г. в Петербурге вышли в издании Академии Наук «Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. Г. Богоразом. Часть I. Образцы народной словесности чукоч». Это издание открывается предисловием академика К. Г. Залемана, в котором тот выражает надежду, что автор, возвратившись из Америки, закончит свой труд изданием словаря и грамматики чукотского языка и что «таким образом слава первого научного исследователя чукотского языка навсегда будет связана с его именем». В остальном издание совершенно однородно с академическим изданием юкагирских образцов Иохельсона; оно заключает в себе XXXVI страниц введения и 417 дальнейших страниц, распределяющихся на три отдела: I — 157 стр. текстов с переводом и с примечаниями (48 текстов); II — 231 стр., пересказов без текстов (96 пересказов), но с примечаниями и III — 30 стр., 24 пересказа без текстов и без примечаний. На втором листе издания означено: «Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова. Отдел III. Том XI. Часть III».

В 1901 г., в «Сборнике» Отделения русского языка и словесности Академии Наук, т. LXVIII, № 4 нашла место работа Богораза «Областной словарь Колымского русского наречия». Во всей работе заключалось 345 стр., из них 163 стр. занимал собственно словарь и 181 стр. — песни колымчан.

В позднейшие годы перу Богораза принадлежало весьма много произведений, в которых автор пользовался, между прочим, и теми материалами, какие им были собраны в годы его работ в Сибиряковской экспедиции, но эти материалы уже растворяются в массе других, извлеченных позже, при участии автора в экспедициях Джезупа и Рябушинского, и потому в настоящий перечень они не вводятся.

На английском языке по материалам Сибиряковской экспедиции Богоразом еще в 1899 году была составлена статья «Chukchee. The Material Culture», появившаяся в журнале «American Anthropologist», но главная масса собранных этим исследователем сведений о чукчах использована им в четырех томах серии «Publications of the Jesup North Pacific Expedition», где под общим названием «The Chukchee» имеются части, выходившие в такой последовательности:

в 1905 году — volume VII, part I, — Material Culture;
в 1907 году — vol. VII, p. II, — Religion;
в 1908 году — vol. VII, p. III, — Social Organisation, и
в 1911 году — vol. VIII. p. I, — Mythology.

Среди позднейших английских произведений Богораза можно отметить еще одно как основанное на его прежних исследованиях: «The Tales of Russianised Natives», напечатанное в Publications of American Ethnological Society, v. VI, 1917 г.

Материалы о колымских русских, собранные В. Г. Богоразом в годы его пребывания в Колымском крае, использованы автором в указанных выше произведениях частично и далеко не вполне. Намерение систематизировать и когда-либо обработать этот интересный материал в виде цельного труда не покидает автора и Якутская Комиссия не теряет надежды на возможность появления в свет такого труда в одном из последующих томов ее изданий.

С 1905 года для всех народностей Якутского края настала эпоха глубоких потрясений и быстрой ломки их прежнего, веками слагавшегося быта. То, что как раз перед этим Восточно-Сибирскому Отделу Географического Общества, благодаря пожертвованию И. М. Сибирякова, удалось осуществить в Якутской области экспедицию с широким охватом ее задач, нельзя не признать обстоятельством исключительно благоприятным для этнографии. С изданием сохранившихся, но до сих пор не опубликованных материалов этой, так сказать, распылившейся, экспедиции многие черты примитивного быта насельников Якутии останутся закрепленными для науки навсегда, хотя бы они и исчезли из нравов в ближайшие же годы.

III.

Во втором разделе настоящего предисловия приводились краткие сведения о трудах Виташевского и Левенталя и отмечено то значение, какое представляют их работы в общем ходе изучений обычного права и общественного строя якутов. На этом можно было бы и закончить, но к сказанному ранее, быть может, не лишним будет добавить несколько слов о самих авторах печатаемых в этом томе произведений[1], тем более, что

---

[1] Биографические сведения о прочих участниках Сибиряковской экспедиции Комиссия АН по изучению Якутской АСС Республики предполагает привести при их трудах и частью в издании «Исследователи Якутии».

после их смерти в некоторых газетах появлялось лишь несколько коротеньких некрологов, в которых покойным уделялось внимание не в их качестве научных работников, а лишь в их роли участников освободительного движения русской интеллигенции конца XIX века.

Ранее, однако, чем обращаться к изысканию биографических данных относительно отдельных авторов, нельзя не напомнить о своеобразной личности самого основателя названной его именем экспедиции, — Иннокентия Михайловича Сибирякова.

И. М. Сибиряков закончил свою жизнь 9 ноября 1901 года, всего 40 лет от роду, в одном из монастырей на Афоне. Сын одного из богатейших сибирских золотопромышленников, И. М. среднее образование получил в Иркутске, а высшее в Петербургском Университете. С ранних лет он проникся глубоким сибирским патриотизмом, который укрепился в нем в Петербурге под влиянием близкого знакомства с Ядринцевым и с другими сибирскими литераторами того же кружка. По своим религиозным и политическим взглядам И. М. считал недопустимым для себя растрачивать унаследованные им многомиллионные средства на свои личные прихоти, сам жил чрезвычайно скромно, и сознательно стремился к тому, чтобы израсходовать все свое громадное состояние на научные, просветительные и благотворительные цели, преимущественно по Сибири.

Всех его выдач невозможно было бы перечислить. Не говоря о многих десятках стипендиатов, которым он помогал получить образование и о его взносах на нужды церквей и монастырей, достаточно напомнить отпуск им суммы в 400 тысяч рублей «Обществу вспомоществования рабочим горных и золотых промыслов», суммы в 350 тысяч рублей — на Биологический Институт профессора Лесгафта, 10 тысяч рублей — на экспедицию Потанина в Сы-чуан, более 10 тысяч р. — на Минусинский Музей, 6 т. р. — на пристройку для Иркутского Музея, 5 т. р. — на Народный дом в Барнауле, 5 т. р. — на музей прикладных знаний в Томске, 1800 р. — на барнаульскую библиотеку и т. д. и т. д.[1] На его же средства увидели свет такие ценные для сибироведения издания как «Сибирская библиография» Межова, «Историческое Обозрение Сибири» Словцова, «Сибирь как колония» Ядринцева, исследование о золотопромышленных рабочих В. И. Семевского и т. п. Таким образом те 12 тысяч рублей, в которые обошлась покойному Якутская экспедиция, составили лишь крупицу в общей массе его пожертвований, оставивших в культурной истории Сибири незабываемый след.

Поскольку Сибиряковская экспедиция направляла свои силы на уяснение правовой жизни якутов, можно сказать, что ее деятели исходили в своих работах из остававшегося тогда еще в рукописи, безвестного труда Павлинова. Так как Якутской Комиссии не удалось добыть о личности этого единичного работника никаких биографических сведений кроме того немногого, что было сообщено выше, то остается надеяться на то, что с появлением в печати публикуемого тома «Материалов по обычному праву etc.» кто-либо из родственников или из знавших покойного даст себе труд сообщить Якутской Комиссии известные такому лицу факты, и Комиссия не преминет использовать такое сообщение в подготовляемом ею выпуске «Исследователей Якутии», так как в их ряду Дмитрий Михайлович (?) Павлинов не должен оставаться забытым.

---

[1] Отчет Вост.-Сиб. Отдел. Г. О. за 1901 год.

Другой автор появляющихся в настоящем издании работ — Виташевский известен в кругу этнографов гораздо больше и в его биографии нет ничего неясного. В его лице этнографическая наука приобрела ревностного добровольца из среды той молодежи конца семидесятых годов XIX века, которая вступала в жизнь с мечтами о широкой политической деятельности, но по большей части сходила со сцены после первого же выступления и чаще всего затем навсегда исчезала, искупая «свой тяжкий грех, свой умысел злодейский» десятками лет каторги или ссылки. Некоторые из таких лиц, и даже не слишком редкие, находили, однако, возможность и в камерах каторжных тюрем усердно продолжать свои занятия по тем или иным излюбленным предметам, а так как библиотеки политических заключенных в иных тюрьмах, какова в особенности карийская,[1] были довольно богаты и хорошо подобраны, то немудрено, что люди наиболее склонные к умственному труду проводили годы каторги как бы в особого рода университете и выходили на поселение с довольно солидным запасом сведений. Оказавшись по выходе из тюрьмы в якутском улусе среди инородческого населения с особым языком, с совершенно отличным от нашего миросозерцанием и со вполне своеобразным складом быта, такие пришельцы в новый для них якутский мир естественно проникались интересом ко всему окружающему и пытались осмысливать для себя это окружающее согласно тем научным теориям, которые они успели усвоить в свои тюремные Lehrjahre из усердно изучавшихся ими произведений Спенсера, Тейлора, Леббока, Бахофена и других авторитетных социологов и этнографов того времени.

Николай Алексеевич Виташевский был типичнейшим представителем этой своеобразной среды, составлявшей в тогдашней русской интеллигенции довольно заметную прослойку. Родился он в Одессе, 8 сентября 1857 года, в семье среднего круга: отец его — дворянин, занимавшийся частной адвокатурой, в позднейшие годы состоял нотариусом в городе Тирасполе; мать, урожденная Новицкая, была дочерью чиновника[2]. Семья пользовалась некоторым достатком, имела слуг из числа своих бывших крепостных; дети воспитывались в ней так же, как и вообще они воспитывались в те годы в семьях культурных, но не особенно богатых. Позже благосостояние родителей пошатнулось, но полной бедности мальчик, во всяком случае, в своем детстве не испытал. Учился он в Ришельевской гимназии, но окончил курс в Николаевском Реальном Училище, а затем зачислился вольным слушателем в Одесский Университет. Родственные и гимназические влияния предрасположили его, как и многих в то время, к усвоению еще в ранней молодости революционного направления, которое усилилось после знакомства с революционерами: Ковальским, Южаковой и другими. 30 января 1878 года, 20 лет от роду, Виташевский был арестован вместе с Ковальским и несколькими другими лицами на квартире, в которой помещалась тайная типография, в момент печатания прокламации по поводу выстрела Веры Засулич. Ковальским и его товарищами при аресте было оказано вооруженное сопротивление, в ответ на которое последовал энергичный обстрел, причем и Виташевский был ранен ружейною пулей. 27 июля того же года одесский военно-окружной суд, приговорив Ковальского к смертной казни (что и было выполнено),

---

[1] Каторжная тюрьма на речке Карѐ, в Нерчинском округе Забайкальской области.

[2] Материалом для этих строк отчасти служит собственная автобиографическая заметка Виташевского, составленная им для С. А. Венгерова 26 декабря 1912 года, а также его собственный перечень его этнографических работ, представленный покойным при его поступлении на службу корректором в Русский Музей и сообщенный Комиссии Алексеем Алексеевичем Макаренко.

Виташевскому определил 6 лет каторги (впоследствии этот срок был сокращен до 4 лет). До ноября 1880 года Виташевский отбывал строгое одиночное заключение в Ново-Белгородской центральной тюрьме, а затем его препроводили в карийскую каторжную тюрьму, в Нерчинском округе Сибири. В 1883 году вместе с несколькими другими карийцами Виташевский был отправлен на поселение в Якутскую область, где и был водворен в Баягантайском, а позже в Ботурусском улусе Якутского округа. Первой же задачей молодого поселенца явилось ознакомление с якутским языком, которым года через два он уже владел вполне свободно. Затем, предполагая заняться земледелием и добиваясь согласно существовавшим на этот предмет постановлениям отвода ему земельного надела, он живо заинтересовался земельными порядками якутов, а позже и вообще их экономическим бытом и их юридическими понятиями и обычаями. Результатом его посильных проникновений в эту незатронутую до того область инородческих отношений явился ряд газетных и журнальных статей и рукописных сообщений в Восточно-Сибирский Отдел Географического Общества и в Якутский Статистический Комитет, для которого Виташевский уже с конца восьмидесятых годов начал выполнять разного рода работы. Его первым литературным произведением была статья «О поземельных порядках среди якутских казаков», напечатанная в иркутской газете «Восточное Обозрение» за март 1885 года. В «Сибирской Газете» за декабрь того же года начались печатанием очерки «Мотивы якутской действительности» — 1) «У пылающего очага; в той же газете за 1886 год, вв. 1 и 4, последовало продолжение этих очерков; 2) Гостеприимство «по обычаю»; 3) «Снег выпал»,— первобытная экономика и первобытное право и 4) в той же газете за 1887 год, очерк: «О первобытных экономических явлениях».

В 1889-90 году Виташевский составил уже большую по объему работу «Материалы для исследования огораживания полей у якутов», рукопись которой находится сейчас в распоряжении Якутской Комиссии. Первоначально эта рукопись была представлена автором в Вост.-Сиб. Отдел Г. О., но тот не имел средств ее напечатать и отрывок из нее в 1890 г. появился в «Сибирском Сборнике» в. II, под заглавием: «Фактические отношения в среде якутской родовой общины». Следующие отделы этой работы: 1) земельная культура, 2) система пользования земельными угодьями и 3) данные якутской родовой общины для выяснения некоторых моментов в развитии права частной собственности — остались не напечатанными.

В «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела за 1890 год, т. XXI, в. II, появилась статья Виташевского «Материалы для изучения якутской народной словесности» и в «Записках» Отдела, т. II, в. 2-й, «Материалы для исследования шаманства у якутов».

В 1891 году Виташевским был представлен в Якутский Статистический Комитет очерк «Поездка по Намскому тракту», а в газете «Восточное Обозрение», № 38, напечатана статья «Статистика и условия добывания и сбыта корчемного золота в Якутской области». В газете «Сибирский Вестник» уже в 1895 году, № 118 и след. печатались «Статистические очерки» Виташевского и за тот же период 1891—95 гг. им были переданы: в Вост.-Сиб. Отдел «5 якутских кăпсăн, — переход от кăпсăн к олонхŏ» и рукопись «История психической болезни якутки»; в редакцию журнала «Русская Старина» переданы некоторые документы XVIII столетия, характеризующие быт края того времени, с объяснительным текстом; в распоряжение редакции «Якутских Епархиальных Ведомостей» — заметка «К вопросу

об отношении русского законодательства к языческим религиям инородцев», а в «Восточном Обозрении» за 1892 год, № 2, помещена статья «Характеристика деятельности Якутского Местного Музея».

Из этого перечня видно, что вступая в состав участников Сибиряковской экспедиции, Н. А. Виташевский уже обладал хорошей подготовкой для выполнения принятой им на себя задачи, и Клеменц имел достаточные основания для того, чтобы ожидать от него умело подобранных материалов, как скоро этому ревностному исследователю будет открыта возможность более свободной деятельности.

В продолжение 1894—96 годов, работая для экспедиции над исследованием юридического быта якутов, Н. А. при рассмотрении некоторых улусных архивов составил опись их дел за наиболее давний период — с 1784 по 1815 год, с кратким изложением содержания каждого более интересного дела. В 1908 году, предлагая эти выборки вместе с другими своими материалами Русскому Комитету для изучения Средней и Восточной Азии, Н. А. в письме из Женевы от 18 июня того же года так характеризовал приемы своей работы: «я пересматривал каждое дело, имевшееся в связке за данный год, выписывал название дела, как оно значится на обложке его, и затем содержание бумаг одной за другою, — в том порядке, в каком они следуют в деле. Под каждой такой выпиской означается, кем или из какого учреждения бумага написана, дата и ее номер. В некоторых случаях, конечно, приходилось цитировать бумаги с сохранением орфографии целиком или же дословные выписки вставлять в описание их содержания. Особенное внимание я обращал на цифры; местами приходилось выписывать более или менее обширные таблицы. Само собою разумеется, встречалось не мало совершенно однородных дел и бумаг. Это в соответствующих случаях отмечалось, выписок же здесь я уже не делал». Систематические выборки были произведены Виташевским из архивов: 1) Баягантайской инородной управы, 2) Мегинской упр., 3) Ботурусской упр., 4) Борогонской упр., 5) из сохранившегося у родовича Ивана Оросина архива бывшей Игедейской волости и 6) из архива головы Дюпсюнского улуса.

Помимо того в первый отдел представленных Русскому Комитету материалов, — отдел «материалов по истории», входили 19 номеров разного рода копий и выборок из дел, представляющих тот или иной интерес для общей истории края и частью относящихся к позднейшему периоду, — уже после 1815 года; таковы например: № 18 — «сведения о введении в действие Устава об инородцах 1822 года», № 14 — «Дело о реорганизации управления якутами 1829 года» и т. п.

По живой отзывчивости своего темперамента и по многосторонности своих интересов Виташевский не мог уйти сполна в одну специальность и всегда более или менее отвлекался от своей основной темы живыми вопросами дня. В Якутской области чаще всего его затягивала борьба малоземельных и безземельных якутов с их тойонами из-за наделов, и Николай Алексеевич неоднократно выступал на защиту интересов бедноты с докладными записками местным властям и с целыми исследованиями земельных порядков той или иной местности. Как результат этого, в материалах покойного сохранилось несколько законченных или почти законченных работ, кроме тех о которых уже упоминалось выше; таковы черновики статей: «Результаты подворной переписи восьми наслегов Якутского округа», «Статистика Якутской области за 5 лет» — (предназначались для «Памятной Книжки Як.

области»); статья «К вопросу об урегулировании землепользования в Якутской области» и другая на сходную тему «Действительное распределение земельных угодий у якутов: отношение между общиной и безземельными». К этому же кругу работ следует отнести и разбор работы Левенталя «Подати, повинности и земля у якутов»[1] и составленный Виташевским для губернатора В. Н. Скрипицына «Проект записки (для журнального постановления Областного Совета) о якутском землепользовании».

Усердная разработка вопросов якутского права и якутской экономики не мешала Николаю Алексевичу увлечься на время антропологическими интересами одной группы его товарищей по Сибиряковской экспедиции и он выписал для себя подбор инструментов и при объезде наслегов с целью посещения общественных собраний якутов производил попутно антропометрические измерения, обмерив по схеме Брока 101 особь. Материал этот впоследствии был им передан И. И. Майнову, а в настоящее время находится в обработке у Н. М. Каратаева.

После прекращения работ Сибиряковской экспедиции, в 1896—97 гг., Н. А. работал в качестве начальника поисковой партии в «Алданской экспедиции», снаряженной Российским золотопромышленным Обществом. По этой должности он совершил несколько плаваний на специальном пароходике по рекам Алдану и Олекме и пересек сухопутьем некоторые глухие таежные местности юго-восточной Якутии. Эти путешествия доставили ему новый запас наблюдений, частью топографического характера и частью этнографического, касающихся не только якутов, но и тунгусов. В описи материалов, представлявшихся Виташевским Русскому Комитету, указан, между прочим, «топографический материал для карты верховьев Амги, перевала с той реки на р. Крестях и нижнего течения этой последней реки», а в «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела Г. О. за 1897 год, им была помещена заметка «Изображения на скалах по р. Олекме».

Сделанные главным образом при этих поездках наблюдения над бытом тунгусов и якутов послужили материалом для очерков Виташевского «Якутские материалы, собранные в 1883—1897 гг.», печатавшихся в «Приложениях» к журналу «Живая Старина» за 1915 г., в. I—II, и за 1916 г., № 4. Переработанные в популярной форме, приноровленной для юношества, те же наблюдения появились в журнале «Родник» за 1903 год как беллетристический рассказ, под заглавием «По тайге за золотом» и в 1906 году вышли отдельной книжкой в издательстве Девриена[2].

---

[1] В материалах, представленных Виташевским в Рус. Ком. для изучения Ср. и Вост. Азии, как 2 подотдел I отдела, имеется 36 полулистов копировальной бумаги густо отпечатанного текста, озаглавленного «Заметки по истории землепользования и обложения». Эти заметки представляют не что иное, как ряд критических примечаний к работе Левенталя, следующих в порядке страниц напечатанной в «Пам. Кн. Як. обл.» статьи Левенталя. Слабую сторону этой работы В. усматривает в том, что автор основывает свои заключения о прошлом исключительно на канцелярских актах и ведомостях, правдивость которых заведомо не может внушать к себе доверия. В силу этого Левенталь, по оценке Н. А., не имея под рукой никаких данных для восстановления влияния на ход жизни иных фактов кроме административных, слишком крупную роль в развитии земельных порядков якутского мира уделяет администрации и недостаточно оттеняет «внутренние силы якутских обществ».

[2] Другой, то же очень удачный опыт популяризации для детского возраста, был сделан Виташевским в 1913 г., когда он составил книжку «Верования первобытного человека», составившую выпуск 205-й издания «Книжка за книжкой».

Свои наблюдения над проявлением якутского «мерячения» Виташевский изложил в 1911 г. в «Этнографическом Обозрении», кн. 1, в статье «Из области первобытного психонейроза», обратившей на себя внимание специалистов и вызвавшей отзыв в журнале «Вопросы Психиатрии и Неврологии» за 1912 г., кн. 1-я.

Перечисленными работами отнюдь не исчерпывается все то, что писал Виташевский в разных изданиях по вопросам якутского быта. Между прочим, ему принадлежат некоторые места в обосновке проектов губернатора Скрипицина, напечатанных в III выпуске «Пам. Книжки на 1896 г.» относительно учреждения в Якутске земледельческого училища, учреждения в улусах ссудо-сберегательных касс и т. п. Он же являлся анонимным автором многих корреспонденций из Якутска в разные сибирские газеты и словесно он не раз выступал с докладами о различных сторонах якутского быта в сибирских и российских собраниях, например — в «Обществе изучения Сибири и улучшения ее быта» и в других.

При исключительной энергии своего характера Виташевский, конечно, мог бы многое сделать для этнографии Якутии, и он не прочь был бы от такой работы, но в 1897 г. не нашлось учреждения, которое могло бы оказать ему необходимое для этого материальное содействие. С окончанием в том же году срока своей ссылки Н. А. выехал в Россию, где с апреля 1898 г. по сентябрь 1903 г. состоял на службе в Херсонском земстве и там в разные периоды, а иногда и одновременно, исполнял обязанности статистика, секретаря управы, оценщика недвижимостей для обложения земскими сборами, и земского страхового агента. Некоторые из его работ Херсонским земством были напечатаны, как, например: «Волостные доходы и расходы», «Пробная оценка двух земских дач» и т. п.

В 1903—1905 годах Н. А., примкнув к партии социалистов-революционеров, отдавался публицистике и состоял соредактором издававшейся в г. Николаеве газеты «Южная Россия», а в конце 1905 г. редактором газеты «Полтавщина».

В 1906 г. Н. А. был приглашен партийным центром занять должность секретаря редакции официального партийного органа, газеты «Дело Народа», издававшейся тогда вполне легально. Несмотря на легальность своего существования, редакция этой газеты в июле 1906 г. подверглась полицейскому разгрому и Виташевский, после довольно продолжительного тюремного заключения, взамен вторичной высылки в Сибирь, по расстроенному здоровью, был на три года выслан за границу.

В жизни Н. А., человека уже не молодого и притом семейного, наступила самая тяжелая пора. Отсутствие средств вынуждало его в этот период браться за всякую работу, какая только подвернется. В 1907—1909 годах, проживая в Женеве, он вступил в сношения с Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии и получал от него небольшую стипендию, которая помогла ему найти некоторый досуг для того, чтобы подвинуть систематизацию и обработку своих якутских материалов. В общем, однако, положение его оставалось крайне шатким, а в то же время и его нравственное состояние, в силу общего тона тогдашней общественной жизни, было чрезвычайно подавленным. Сам он в своей заметке, составленной для Венгерова, говорит об этом так: «в начале и за границей я продолжал принимать некоторое участие в партийных делах, общепартийных и местной женевской группы. Удар, нанесенный партии азефовщиной, сразил и меня: я не нахожу в себе сил и возможности работать в прежнем направлении и при прежней обстановке».

Перед окончанием срока своего вынужденного пребывания за границей Н. А. стал серьезно подумывать о возвращении, на этот раз уже добровольном, в Якутскую область, где он был бы готов занять должность секретаря Статистического Комитета. Письмом из Женевы от 22 июня 1909 г. он вступил по этому поводу в переговоры с бывшим секретарем Сибиряковской экспедиции, а в то время — советником Якутского Областного Правления А. И. Поповым. Якутский губернатор И. И. Крафт, старавшийся до некоторой степени итти по следам Скрипицина, был склонен осуществить такую комбинацию, но какие то обстоятельства помешали этому и Н. А., по возвращении в Россию, некоторое время существовал только скудным и непрочным литературным заработком, а с переездом из провинции в Петербург пристроился было на службу при Русском Музее, но только к 1914 г. упрочил свое положение, поступив на службу в Правление страхового общества «Волга», где ему была предоставлена должность с довольно приличным окладом.

В этот последний период своей жизни Виташевский не успокоился на возможности несколько передохнуть от испытанных треволнений. Сравнительная материальная обеспеченность побуждала его скорее к тому, чтобы ставить перед собою новые научные задачи. Остававшиеся в его распоряжении свободные часы возрождали в нем надежду на то, что теперь ему, наконец, удастся обработать свои якутские материалы с той полнотой, какая была ему недоступна до тех пор, пока он оставался литературным поденщиком, никогда не уверенным в завтрашнем дне.

В то же время и события нашей политической жизни воспринимались им с прежней, почти юношеской отзывчивостью, а нарастание в некоторых кругах настроений, которым он, как старый народник, никак не мог сочувствовать, воспринималось им крайне болезненно и вызывало с его стороны активный протест.

В начале 1918 г. здоровье Н. А. резко ухудшилось. Службу он оставил и выехал по своим личным делам в Москву, но там 21 июня 1918 г. скоропостижно скончался, один, в номере гостиницы. Смерть его в этот бурный момент прошла в Москве незамеченной, а позже его памяти было посвящено нескольког строк в некоторых газетах и небольшая статья в органе о-ва политкаторжан, журнале Каторга и Ссылка за 1924 г., № 4.

Сам Виташевский был недурным мемуаристом. Его перу принадлежит несколько очерков о жизни политических заключенных в Харьковской, Мценской и Карийской тюрьмах, появлявшихся преимущественно в журналах «Былое» и «Минувшие годы»[1].

---

[1] В записке Венгерову, Н. А. говорит об этих произведениях: «в своих воспоминаниях я старался вскрыть в человеке революционера и в революционере — человека. Такой же характер носит на себе и рассказ «В номерах» (напечатан в «Товарище» в 1906 г.) и не напечатанный рассказ «На подмостках». До некоторой степени тот же характер я придал и рассказу для юношества «По тайге за золотом», поскольку героем является бывший ссыльный».

Из мемуарных произведений Виташевского можно указать: «Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд» — Былое 1906 г., кн. II. «В Централке» — Былое. 1906 г., кн. VII. «В мценской гостинице» — Былое 1907 г., кн. IV. «По Владимирке» — журн. Наша Страна 1907 г., кн. I. «В Иркутской тюрьме двадцать пять лет тому назад» — журн. «Минувшие Годы» 1908 г. июль.

Помимо этих статей мемуарного характера Виташевским еще в начале 1906 г. была составлена полемическая брошюра «На ходулях», направленная против автора незадолго до того появившейся книги социал-демократа П. Теплова «История якутского протеста. Дело «Романовцев», в которой ее автор крайне враждебно и пренебрежительно отзывался о научной и общественной деятельности в Якутской области прежних политических ссыльных, сплошь по их взглядам народников. Автор (т. е. Теплов) объяснял их работы на этом

Чрезмерная впечатлительность и живая отзывчивость натуры Виташевского, вызывавшие поразительную многосторонность его интересов[1], имели, конечно, и невыгодные стороны, успевшие до некоторой степени отразиться на работах покойного этнографа. В одних случаях — интересы дня, а в других — полемический азарт иногда отвлекали его от основной темы и побуждали делать отступления, по существу для развития самой темы ненужные. Печатавшаяся в «Известиях» Вост.-Сиб. Отдела Г. О. в 1908 г. работа Виташевского «Якутские материалы etc.» не свободна от такого рода публицистических и полемических вкраплений[2], для современного читателя уже не интересных и даже не вполне понятных. Редакция настоящего издания, в интересах стройности изложения, удалила несколько таких мест из текста, отнюдь не затрагивая, однако, ни фактического содержания работы, ни изложения автором его теоретических взглядов на описываемые им явления. В последней части статьи (со страницы 165 настоящего издания), восстановляемой уже по черновикам автора, Редакция по необходимости была вынуждена проявить более широкое усмотрение, так как черновики оказались испещрены множеством помарок, поправок, сокращений, перемещений и больших вставок, в которых иногда трудно бывало разобраться. Возможно, что автор окончательно редактируя свой труд, сам распределил бы некоторые страницы как-либо иначе, но другому лицу, разбираясь в значках и в пометках черновика, не раз приходилось устанавливать текст не столько по несомненным указаниям рукописи, сколько по собственным догадкам и по здравому смыслу. Будь автор жив, он, конечно, успел бы выправить свои наброски и придать всему произведению больше стройности. Якутская Комиссия полагает, однако, что лучше опубликовать интересные факты исчезающего правового уклада в несовершенной литературной обработке, чем оставлять их в забвении.

Автор работы «Подати, повинности и земля у якутов» — Лев Григорьевич Левенталь во многом являлся полной противоположностью Виташевскому. Все результаты своего неимоверно усердного и кропотливого труда, продолжавшегося несколько лет почти без перерывов, он предполагал изложить в одном большом произведении, план которого был нами указан выше.

Лев Григорьевич родился в 1856 г. в Сувалкской губернии, в еврейской семье средней состоятельности. Родители предполагали увидеть в нем современем раввина и в детстве он получил соответственное воспитание, но в возрасте 15—16 лет, под влиянием знакомства со сверстниками из других семей, в юноше пробудилось стремление к светскому обра-

---

поприще всецело тем, что они, по слабости своей души, поддались «провокации» генерал-губернатора Горемыкина и губернатора Скрипицина, успешно заманивших политических ссыльных каким-то подобием научной работы к отходу от революционной деятельности. Рукопись брошюры «На ходулях» была захвачена, жандармами при аресте Виташевского 7—8 июня 1906 г., но в декабре того же года, находясь уже в Женеве автор воспроизвел ее по памяти и брошюра (42 страницы) была издана в 1907 г. в Петербурге Э. К. Пекарским под заглавием «Старая и новая якутская ссылка».

[1] К числу увлечений покойного принадлежала и музыка, и хоровое пение, о преподавании которого им издана особая книжка «Школьное преподавание хорового пения», вызвавшая весьма благоприятную рецензию Н. Бахтина в Народном Образовании за 1912 г., №№ 5—6.

[2] Самого Виташевского очень огорчали многочисленные в этом издании ошибки в воспроизведении якутских слов, что вызывалось отсутствием авторской корректуры, так как автор проживал в это время в Женеве. Для настоящего издания все якутские термины и выражения прокорректированы Э. К. Пекарским.

зованию и он поступил в гимназию, а по окончании ее — в Московский университет. В университете его одинаково привлекали и естественные науки и юридические, и Левенталь, поступив на медицинский факультет, перешел потом на юридический, и вновь вернулся на медицинский. Наряду с академическими занятиями любознательный студент много времени уделял самостоятельному чтению по социологии и по экономике и казалось в нем зрел будущий кабинетный труженик, способный отдать себя всецело интересам науки, однако, идейная атмосфера семидесятых годов была такова, что в студенческой среде молодому человеку сколько-нибудь живого темперамента трудно было остаться в стороне от увлечения общественными вопросами и от участия в зарождавшемся революционном движении, так как уклонение от такого участия рассматривалось в этой среде как проявление эгоизма и сердечной сухости. Юноша, наделенный большой духовной энергией, Левенталь, сблизившись с революционерами, не мог ограничиваться одним платоническим сочувствием к их идеям и вскоре же стал деятельным участником в подпольной работе московских революционных кружков, примыкавших по направлению, а частью и по деловым отношениям, к тайным обществам «Земли и Воли», а позже «Народной Воли». Выехав по кружковым делам в Петербург, Левенталь был там выслежен сыщиками и 19 ноября 1878 г. арестован с большим количеством нелегальной литературы и с несколькими компрометирующими письмами. По довольно отдаленной связи с некоторыми другими лицами, обвинявшимися в соучастии в крупном террористическом акте (убийстве шефа жандармов), Левенталь был присоединен к громкому процессу и 14 мая 1880 г. петербургский военно-окружный суд приговорил его к 10 годам каторжных работ (по конфирмации — к 6 годам).

Карийская каторга, лишив узника возможности отдавать свое время подпольной деятельности, для Левенталя, как и для Виташевского, как и для В. М. Ионова составила прямое продолжение их университетских лет. Так как политических каторжан в те годы не принуждали к рудничным работам, то все свое время Левенталь, согласно своим природным влечениям, теперь мог посвящать книжным занятиям, в которых он проявлял исключительную усидчивость.

По выходе на поселение в 1884 г. Левенталь был водворен в Баягантайском улусе Якутского округа и там, по официальным донесениям местного полицейского чиновника, «занимался хлебопашеством и портняжным ремеслом»[1]. В действительности «портняжное ремесло» этого ссыльного сводилось к починке собственной арестантской куртки и, может быть, к подобной же работе для какого нибудь близ живущего товарища, а его «земледелие» имело такие миниатюрные размеры, при которых сам культуртрегер изучению захваченных с собою в улус произведений Маурера и М. М. Ковалевского мог отдавать гораздо больше времени, чем возне с сохой и бороной. Однако, даже такое маленькое хозяйство пахаря-одиночки, и притом пахаря-интеллигента, сближало Левенталя с соседними якутами и создавало много точек соприкосновения между бывшим московским студентом с широкими умственными интересами и подавленным своими житейскими заботами горемыкой-якутом с ближнего аласа, который никогда не читал Маурера, но зато прево-

---

[1] М. Кротов. «Якутская ссылка 70—80 гг.». М. 1925 г.

сходно знал все плутни их местного тойона и все каверзы своего наслежного писаря. Связи такого рода обогатили будущего историка якутской общественности такими сведениями о подноготной стороне якутского быта, которых нельзя было бы почерпнуть из самых объемистых трудов многоученнейших европейских авторов.

Со временем знакомства Левенталя в различных слоях якутского населения значительно расширились. Круг его непосредственных наблюдений позже не ограничивался двумя-тремя ближайшими наслегами, а распространился на несколько улусов. По своим личным свойствам Лев Григорьевич успел приобрести в якутской среде некоторый авторитет и многие родовичи стали обращаться к нему за советом при возникновении в их наслегах разного рода осложнений. Наконец, благодаря попустительству кое-кого из управских писарей, «государственный преступник», перед которым официально все двери были на запоре, получил возможность под сурдинку ознакомляться с наслежными архивами и с управским делопроизводством. Такова была та недоступная какому-либо другому исследователю, практическая подготовка, которую удалось получить этому ссыльному еще до того, как пожертвование Сибирякова и организаторский талант Клеменца открыли перед ним возможность систематической и явной работы над выяснением основных пружин и общего хода эволюции общественного строя якутов.

Разработке этой темы Л. Г. отдался сполна, ничем от нее не отвлекаясь и прерывая напряженный труд лишь при особенно острых приступах мучившей его застарелой болезни (диабет). Если бы не эта болезнь и не возмутившая автора придирка генерал-губернатора (о которой выше было упомянуто), то до отъезда из Якутской области историческая часть работы Левенталя наверно была бы закончена. Но истечение срока ссылки наступило для автора именно в момент перерыва работы, в 1897 г., и вскоре же Левенталь выехал в Варшаву, где жили его родственники, увозя с собою около двух пудов разного рода архивного и цифрового материала, с решимостью все таки закончить свой труд уже в России. Но, как это слишком часто бывает, болезнь и новые условия жизни затянули выполнение этой задачи на ряд лет и в конце концов она осталась невыполненной.

В России необходимость зарабатывать средства к существованию вынудила Левенталя занять должность статистика при Полтавском губернском земстве, а по своему характеру Л. Г. был неспособен отдаваться какому либо делу на половину. Став полтавским статистиком он погрузился в изучение крестьянского хозяйства с тою же почти страстной энергией, с какою раньше он вникал во все укрываемые обычно и даже сознательно извращаемые в официальных отписках, темные стороны якутского быта. Завершение старого труда, который в те годы не предвиделось возможности где либо напечатать, отодвигалось с месяца на месяц, но никогда вполне не забывалось. Можно сказать даже наоборот, что доведение до конца и опубликование той работы, в которую он вложил свои лучшие силы в годы ссылки, составляло постоянную мечту Левенталя до конца его дней.

Но болезнь неуклонно прогрессировала. Л. Г. должен был прекратить свою службу статистика и выехал лечиться в Варшаву, а затем в Москву, но в мае 1910 г. скончался, так и не закончив своего любимого дела. Архив покойного оставался в Варшаве у его родственника А. Я. Зингера. Высоко ценившие Льва Григорьевича, как человека и как научного работника, В. Г. Короленко и В. М. Ионов вступили с Зингером в переписку

с целью сохранить оставшиеся после покойного рукописи, и в апреле 1911 г. значительное количество разных бумаг было выслано Зингером в Петербург в распоряжение Академии Наук, которая передала их в Азиатский Музей.

При рассмотрении всего присланного Э. К. Пекарским оказалось, что почти все бумаги архива представляют собой выписки из дел и иного рода документы, которые могли бы служить сырым материалом для заключительной главы труда «Подати, повинности и земля у якутов». Лишь четыре тетрадки в 72 очень мелко исписанные с обеих сторон четвертушки (144 страницы), заключали в себе прямое продолжение недопечатанной в «Памятной Книжке Якутской области на 1896 г.» статьи, обрывавшейся там словами: «Иначе говоря, первый класс облегчил себя вдвое, ибо стал платить менее, благодаря уменьшению платежей вообще»... В первой из нашедшихся тетрадей текст начинается словами: «как уже указано было в главе первой и начале второй, ясак, положенный на родовичей»... и т. д. В «Памятной Книжке» этой фразой начинается страница 391 печатного текста. Далее до листка 18 первой тетрадки оба текста — печатный и рукописный совпадают, а на первой половине листка 18 тетрадки незаконченная фраза, которой на странице 424 «Памятной Книжки» прерывается статья, в рукописи имеет продолжение: «да еще часть их переложил на пятый класс» и т. д. Следующие 110 страниц рукописи составляют последовательное развитие темы, при чем очевидно, что автору оставалось бы дописать всего страничек 20—30 для того, чтобы довести свое изложение до предполагавшегося конца, т. е. до обрисовки положения, установившегося в улусах с 1835 г., когда закончилась деятельность Второй Ясачной Комиссии.

По внешнему виду рукописи следует заключить, что это — первоначальный черновик, составлявшийся автором в Якутске, еще до прекращения печатания его статьи. Черновик этот не приведен автором в полный порядок и окончательно не проредактирован. Вставок, перемещений и мест перечеркнутых накрест, т. е. повидимому предназначавшихся к исключению из окончательного текста, в рукописи так много, что ее выправление составило задачу довольно кропотливую и несколько рискованную. Если иной читатель заметит в тексте последних страниц недостаточную, по его мнению, увязку отдельных частей, то вина этого отчасти ложится на редактора, которому в этом случае, как и в работе над последними главами Виташевского, по недостаточной вразумительности рукописи, неизбежно пришлось отвести довольно широкое место собственному пониманию мысли автора.

Помимо этих совершенно неизбежных исправлений имевшегося рукописного текста, Редакция позволила себе внести кое какие (немногие впрочем), сокращения в печатный текст, заимствуемый для настоящего издания из «Памятной Книжки». Исследователь на редкость научно добросовестный, Левенталь стремился обосновать каждое свое утверждение неоспоримыми фактами и в этой погоне за фактичностью иногда переходил за границы необходимого. Первый редактор его труда, — В. Н. Скрипицын, остроумно заметил когда то о его манере изложения: «Левенталю недостаточно привести в подтверждение его мысли какой нибудь факт; он к этому факту непременно добавит еще хоть пол-факта, а к полуфакту добавит еще, ну, хоть четверть факта». Чрезмерное обилие мелких, иногда совершенно однородных примеров составляет едва ли не главный недостаток этого автора, и притом недостаток легко устранимый к несомненной выгоде для ясности изложения.

В некоторых случаях Редакция позволила себе ограничить число приводимых автором фактических подтверждений его взгляда, если новый пример не вносил в характеризуемое явление какой либо новой черты.

При установлении связи сокращенных страниц с последующими страницами Редакции было необходимо вставлять кое-какие слова и даже фразы, отсутствующие у автора, но это — единственные изменения, вносимые Редакцией в текст автора. Язык Левенталя, получившего в детстве не-русское воспитание, чрезвычайно своеобразен и местами построение фразы принимает у него почти немецкий характер. Самый ход мысли и вся манера изложения напоминает скорее немецких авторов, чем русских. Однако этот недостаток вполне искупается для читателя не одним лишь богатством содержания, но и тонкостью мысли одиноко работавшего в улусной глуши историка якутской общественности, и тщательностью производимого им анализа ее запутанных явлений. В тяжеловатых фразах Левенталя ясно сквозит его глубокое одушевление при работе и порождаемое этим настойчивое стремление непременно распутать все узлы и добраться до истины, которую составители разных официальных актов давнего и недавнего времени старались скорее скрыть, чем выявить в произведениях их канцелярского творчества.

Полунемецкий по форме труд Левенталя был вполне русским по тому настроению, которым он проникнут, по общим взглядам автора на предмет его изучения и по его отношению к изучаемой народности.

Это отношение и в Левентале, и в Виташевском определялось нравственной атмосферой русского прогрессивного студенчества конца семидесятых годов, воспитавшегося под преимущественным влиянием Чернышевского, Лаврова и Михайловского, от которых молодежь училась видеть в «инородце» человека и согражданина, а не существо «низшей расы». Беспощадно вскрывая темные стороны якутской общественности, равно как ошибки и злоупотребления русской власти, эти авторы были одинаково далеки от пристрастий в ту или иную сторону и своими изысканиями «правды-истины», то есть объективной правды, нужной для науки обществоведения, надеялись послужить и «правде-справедливости», то есть реальному благу того населения, среди которого судьба вынудила их обоих провести их лучшие годы.

И. Майнов.

15 августа 1928 г.

Об имущественном праве якутов.

Д. М. Павлинов.

Первые источники имущественных прав.

Обладание природой, как первый вид правовых имущественных отношений у якутов, народа по преимуществу кочевого, имеет следующие подразделения: скотоводство, дикое звероловство и рыбопромышленность. Земледелие в зародыше и существует лишь в округах Якутском и Олекминском.

Главные предметы непосредственного вещественного обладания следующие: скудное растительное царство, деревянные юрты — зимники и летники, необходимая домашняя утварь, ныне на половину замененная покупными вещами, сенокосы и сено, скот и мясо — лошадиное, бычье, коровье, оленье; молоко, масло; звероловные места, инструменты для охоты за птицами и для ловли зверей, именно: ружья, винтовки, луки, самострелы, капканы, пасти и др. ловушки; собаки, спутницы охотников, мясо зверей и птиц, пушнина разных сортов, также кабарговая струя, далее рыболовные места по реке Лене и ее притокам, по Колыме, отчасти по Индигирке и Яне, озера, а следовательно каюки, лодки, ветки, (маленькие лодки), сети, невода, рыба разных сортов, жир, клей. Извлекательная промышленность дает якутам мамонтовую кость, серебро, железо (особенно на берегу Алдана и около Батомы в Якутском округе), некоторые виды ценных камней, соль, отчасти моржовые зубы, продукт по преимуществу чукотской промышленности. Обрабатывающая промышленность дает меха, кожи, платье, обувь, железные ножи, топоры, украшения из металлов, камней и кости, и др. предметы для торговли.

Регулирование поземельного владения.

Первый интерес якутов, чтобы не было недостатка в сенокосных, звероловных и рыболовных местах. Разграничение земель между родами и наслегами сделано с давних времен для прекращения тяжеб. Начальник Ясачной Комиссии Мирон Черкашинников, объездив инородческие селения, составил в 1766 году основные ведомости о разделе земель между наслегами. При поземельных спорах ссылка на билеты Черкашинникова считалась лучшим доказательством. Когда ответчик говорил, что его предки «с мироновых времен» владели спорным участком, и представлял билет или другое доказательство этого, то тяжба кончалась в его пользу. Кроме этих ведомостей актами укрепления поземельной собственности служат, особенно для Вилюйского округа, билеты, выданные в 1776 года отряженным от Якутской Провинциальной Канцелярии сыном боярским Кычкиным, и билеты 1785 года, выданные олекминским якутам, под которыми разумелись во время воеводского правления также верхне- и средне-вилюйские якуты, князцом Кривошапкиным по указу Олекминской Нижней Расправы. Эти последние

билеты имеют силу лишь в том случае, если противная сторона не представит Кычкинских билетов. Кычкиным были составлены ведомости о разделе земель между наслегами, копии с этих ведомостей в двадцатых годах текущего столетия[1] были разосланы от Якутского Областного начальства по инородным управам. Каждое племя[2] имеет свой охотничий округ, обладание реками также строго рассчитано.

Где население увеличивается, как, напр., в Якутском округе, там за отсутствием всякой системы хозяйства, земли не достает, участки каждого владельца по необходимости уменьшаются и является потребность в точном разграничении поземельной собственности. Из официальных сведений за 1867 год видно, что в Якутском округе, при населении в 135 тыс., было решено в инородных управах и родовых управлениях тяжебных дел — 1870, по нарушению обязательств относительно покосных мест — 1855 дел. В Вилюйском округе на 58 тыс. жителей решено по словесной расправе всех вообще дел 3786, из них большая часть приходится на долю поземельных отношений. Надел землями происходит различно. Где чувствуется недостаток в землях, там участки переходят от отца к сыну; земли заботливо сохраняются продолжительное время в одном семействе. В Вилюйском округе надел совершается по жребию в общественных собраниях. В Верхоянском округе покосными местами наделяются только родовичи, которые в состоянии платить ясак. Глава семейства, не имея возможности вносить ясак, должен передать владение одному из своих сыновей, зятевей или других родственников, избегая отчуждения участка от семейного обладания. Впрочем взнос ясака повсеместно составляет условие поземельного владения. Переделы и добавочные наделы бывают последствием резкого уклонения в урожае; они совершаются везде особо избираемыми на несколько лет посредниками или присяжными депутатами числом около 20. Эти посредники принимают участие и при разбирательстве тяжеб из за покосных мест. Каждый полноправный родович имеет свою лесную тропу, по которой может охотиться; его ловушки считаются неприкосновенными, при том якуты часто имеют на них свои особые знаки. Нарушение этой неприкосновенности более возможно со стороны русских. Право каждого якута на истощение сил природы безгранично. Зато и заметно понижение производительности почвы и труда. Оно обусловливается: 1) бедностью растительного царства, особенно в северных округах, вследствие чего даже помимо вопроса об увеличении населения, при отсутствии какой-либо системы улучшения, неизбежны неурожаи сена, единственной пищи для скота, 2) несуществованием ограничений права охоты и неводьбы. При увеличении населения ценность труда пастуха падает от необходимости обратиться к худшим участкам и заняться осушением болот, выпусками озер, вырубкой леса. Охотники и рыболовы, вследствие беспредельного истребления животного царства, не мало терпят от отлучек в дальние места за промыслами и от перекочевок со всем семейством для прокормления скота.

Административные и торговые центры. Жизнь имущественных прав якутов обусловлена степенью отдаления наслегов от мест торговых их сношений. Такими местами служат административные центры, ярмарки и сугланы[3]. Главное установление администра-

---

[1] Т. е. XIX столетия. И. Майнов.

[2] Под племенем в данном случае, очевидно, подразумевается род. И. М.

[3] Суглан — место общественного собрания. И. М.

тивных пунктов относится к 1775 году, когда Якутск был назначен провинциальным городом Иркутской губернии, а Олекминск, Верхоянск и Среднеколымск были приписаны к Якутской провинции.

Якутское Воеводское Управление заведывало Кангаласской и Намской волостями, Усть-Вилюйским, Жиганским, Сиктятским и Усть-Оленским зимовьями (это — Жиганское комиссарство, граничившее с бывшею Сибирскою губ.). Зашиверский острог и Устьянское зимовье были под ведением Верхоянского комиссарства. Алданская Воеводская Канцелярия ведала Среднеколымское комиссарство, т. е. зимовья Верхне- и Нижнеколымские, Алазейское и на Оймеконе и Удский острог, который был центральным пунктом удских якутов и тунгусов[1].

Олекминская Воеводская Канцелярия управляла Чаринским зимовьем и волостями Верхне- и Средневилюйскими. В ведении особой Канцелярии состояли Ботурусская и Мегинская волости, Майское, Томторское и Бутальские зимовья и Баягантайская волость. В 1783 году Якутск был назначен провинциальным городом Иркутского наместничества, а Олекминск, Жиганск, Зашиверск и Оленск (Вилюйск) — уездными. В 1805 году, с открытием Якутской области, Жиганск и Зашиверск сделаны заштатными городами, а Олекминск, Вилюйск (Оленск), Верхоянск и Среднеколымск — окружными городами. В 1851 году к окружным городам причислены Охотск, бывший сначала (с 1783 года) провинциальным городом наравне с Якутском, а потом имевший до 1849 года особое управление. В 1858 г. Охотск отошел к Приморской области. Ближайшие административные центры — наслежные или по Сибирскому Учреждению родовые управления в каждом наслеге и улусные или инородные (управы) по улусам. В Якутске одно время была Инородная Степная Дума из главного родоначальника и трех заседателей из якутских родоначальников. Выбор членов родового управления и инородной управы производился собранием всех полноправных якутов, при чем не обходилось без интриг. Члены Думы выбирались собранием родоначальников Якутского округа из своей среды. Дума была открыта в 1825 году областным начальством и была в непосредственном подчинении областного начальника. В ней сосредоточивались расчеты по подрядам якутов Якутского округа с казною, статистические сведения о состоянии улусов этого округа и предположения к улучшению быта якутов. С этою целью Дума посылала своих заседателей за описанием мест, принадлежащих тунгусам, а также лежащих вблизи урочища Оймекон и при вершинах рек Колымы, Индигирки, Охоты, Яны и др. в виду заселения удобных мест якутскими семействами из самых многолюдных улусов. Дума давала членам командировки и по Якутскому округу для описания бесполезных озер, которые выгоднее было выпустить. В 1838 году Дума была закрыта по предписанию Главного Управления Восточной Сибири. Основанием к закрытию послужили следующие соображения. Якуты никогда не были подчинены, подобно бурятам, одному главному родоначальнику. Учреждение Степной Думы в многолюдном городе само по себе незаконно. Выбор главного родоначальника поселял вражду между родоначальниками. При том, содержание Думы стоило более 4000 руб. ежегодно. В 1825 году инородцы ведомства

1 Удский острог находился в 1200 в от Якутска, в 700 в. от воеводского управл. и в 1628 в. от Охотска, которому он подчинялся до 1775 г. Л. Левенталь.

Мархинской инородной управы (Вилюйский округ) приглашали якутов ведомства Сунтарской управы для съезда и совещания об учреждении в Мархинском улусе, как средоточии Вилюйского округа, особой Степной Думы, по примеру Якутской. Но это стремление к самоуправлению встретило возражение и со стороны сунтарских якутов, отзывавшихся бедностью, не дозволявшею участвовать в содержании Думы, и со стороны областного начальства, которое сочло подобное заявление как бы протестом против административного установления пунктов, за дерзость. Но в 1830 году сами сунтарские якуты в числе 650 человек просили об отделении их от Сунтарского улуса в особый род по неудовольствию на родоначальников, которые дурно управляли ими. По исследовании сего Комиссией Восточной Сибири о составлении окладных ясачных книг, жалобы оказались справедливыми, но дело кончилось только увольнением виновных родоначальников. Таким образом усилия якутов высвободиться из подчинения земскому начальству оказались бесплодными. Главное Управление запретило даже якутскую депутацию в Петербург, предположенную Степною Думою для исходатайствования новых льгот якутам. В 1836 году был в Жиганске съезд доверенных от якутов вилюйских и жиганских (Верхоянского округа) при участии исправников вилюйского и верхоянского. Целью съезда было полюбовное соглашение о границах этих округов, необходимое в виду частых тяжб, неизбежных по необмежеванию округов.

Хлеб, соль, порох и свинец якуты покупали в магазинах, стойках и подвалах, устроенных в более вольных центрах. Так, по расписанию 1822 года в области были следующие соляные стойки: Олекминская, Верхневилюйская, Жиганская, Зашиверская, Амгинская, Среднеколымская, Чурапчинская, Охотская, Чусская, Мюрская, в Якутске же — соляной магазин.

Торговыми центрами служат ярмарки: в Якутске летом до 1 августа, на устье р. Учура — в мае месяце и при р. Мае — в июне, в Олекминске — с открытием навигации и в Кыллахе — в июне. В Колымском округе — Чукотская — в марте. В Вилюйске и Верхоянске и их округах, за неучреждением особых ярмарок, промен скота, пушнины, рыбы, масла и железных изделий производится или на сугланах, чисто якутских центрах, или по юртам во время проезда купцов. Независимо от названных торговых пунктов в Якутском округе местами сбора купцов и якутов, а также тунгусов, кочующих на верховьях Алдана и Амги, служит бывший Покровский монастырь (тут в 1682 году была одержана окончательная победа над якутами). Жиганские инородцы Верхоянского округа тяготеют к Булуну.

Здесь платят подати, выслушивают распоряжения и обменивают пушнину, мамонтовую кость, рыбу и кожи на хлеб и необходимые вещи, привозимые на каюках из Якутска. Приобретенный хлеб на оленях и собаках развозят по улусам. Устьянские якуты того же округа совершают свои обороты весною на суглане при р. Яне в местечке Казачьем. Русские купцы зимою и летом сами ездят по наслегам. Инородцы Эльгетского улуса обменивают свои произведения летом на суглане по р. Индигирке в Зашиверске.

Право торговых сношений с русскими.

Право свободного обмена с русскими подвергалось важным ограничениям с давнего времени. При воеводе Францбекове (1649—1653 гг.) при выезде торговых людей в Жиганск и другие острожки у них осматривали весь товар и деньги, описывали и опечатывали, при возвращении осматривали покупные

вещи, при чем требовали доказательств приобретения каждой вещи. Осмотр повторялся еще в Илимске или в Тобольске, или Верхотурье. Францбеков был сменен по жалобам торговых гостей. Из указа 1696 года видно, что торговля соболями, пупками, подскорами и хвостами соболей и черных лисиц была казенной регалией. Табак было запрещено ввозить в улусы под страхом смертной казни; торговые люди, отправляясь к якутам, могли брать с собою по одному ружью, которое по возвращении должно быть предъявлено (указ 1697 года). Правительство предупреждало таким образом возможность восстания якутов. Ясачные сборщики могли брать с собой (исключая запрещенных, которыми, сверх вышеназванных, еще считались вино, порох, свинец, сабли) предметов на 30 руб., если отправлялись в дальные места, и на десять руб., если в ближайшие. По возвращении же их у них осматривали все вывезенные якутские товары, при чем соболи и черные лисицы, а также ревень и (шаро) отбирались на государя. В 1705 году была дана грамота иллирийскому шляхтичу Савве Владиславовичу на свободную торговлю разными товарами, кроме заповедных, в течение 10 лет. И только в 1727 году была дозволена вольная торговля сибирскими соболями и всеми другими мехами с платежом пошлин. В инструкции 1763 года, данной секунд-майору Щербачеву, въезд в инородческие селения был дозволен купцам только во время ярмарок и в присутствии сборщика податей. Это повело к злоупотреблениям со стороны чиновников, которые установляли время сношения и утверждали монополии и многих не допускали к торговле на том основании, что еще не был собран ясак. В 1768 году была учреждена в Якутске ярмарка, а русским купцам запрещено въезжать в якутские селения, прежде чем не будет собран в казну ясак; купцы должны были довольствоваться торговлей с якутами, приезжавшими на ярмарку. При коменданте Угреине (1789—1795 гг.) казаков, посылаемых за сбором ясака, чиновники снабжали товарами, также порохом и свинцом в противность закону и дозволяли меновую торговлю, а родоначальникам запрещали въезд в город, обывателям же— в якутские селения. Купцы были очернены перед высшим начальством, как эксплоататоры якутов. Сибирское Учреждение 1822 года даровало русским и якутам свободу меновых и торговых сношений, кроме права торговли вином.

Право вступать в долговые обязательства с русскими.

Право вступать в долговые обязательства с русскими также имеет свою историю. По указу 1748 г. запрещено было взыскивать с якутов все старые долги их сибирским жителям и установлен особый порядок совершения обязательств. Явочные договоры должны совершаться с дозволения родового начальства, словесные же договоры или письменные, но не явленные, объявлены неимеющими силы. Это узаконение, вошедшее и в Сибирское Учреждение, имело целью, как ограждать инородцев от эксплоатации их русским более цивилизованным населением, так и с другой стороны гарантировать русскому исправность якута—контрагента. Но и по форменному договору взыскание не должно касаться юрты, сетей и других орудий промышленности, 20 оленей и двух нарт с собаками, 12 лошадей и 16 голов рогатого скота и всех припасов (Свод законов, X т., 2 ч., 1306 ст.). Если договор не обеспечен предварительным закладом скота, то взыскание даже с богатого якута бывает малоуспешным. Якут-должник, узнав о предстоящей описи и продаже его скота, умеет ловко извернуться, например, отделяет от себя приемыша-воспитанника, даже двоих и как бы наделяет их скотом, оставляя у себя лишь неприкосновенный скот. Но мнимо выделенные тоже не делают промаха и часто

не возвращают скота, а присваивают его себе. Вследствие сего возникают разорительные тяжбы. Сибирское Учреждение узаконило таким образом ряд привилегий для якутов. Купцы вследствие отдаленности мест юридических сделок от инородных управ, отдавая товар в долг, гарантируют себя лишь одним расчетом, что якут по необходимости на будущий год уплатит хоть часть долга с целью снова получить в кредит необходимый товар. То же значение имеет запрещение чиновникам входить в какие-либо обязательства с якутами; в жизни не обходится без них, но чиновник при этом лишается всякого иска, а якут возьмет свое, потому что легко может скомпрометировать чиновника.

Самосуд якутов. Жизнь имущественных прав и отношений в среде самих якутов не только не подвергалась подобным ограничениям, но, за исключением поземельных отношений, пользовалась полным почти невмешательством русского закона. В быте якутов повседневны примеры совместной жизни вещного обладания с обязательственными отношениями, т. е. с чужим правом на тот же предмет. Обмен личных услуг является столь же влияющим началом в жизни имущественных отношений у якутов, как и одно старинное видоизменение в материальном мире. Чем богаче якут, тем менее удовлетворяет он своим потребностям непосредственным отношением к силам природы и тем более он входит в различные сделки с людьми. Почти все способы приобретения имущественных прав и разбирательство жалоб по поводу гражданских правонарушений регулируются обычаем, единственным правовым источником. С 1723 г.[1], по силе инструкции, данной от иллирийского графа, тайного советника и полномочного посла Саввы Владиславовича трем пограничным дозорщикам, якуты пользуются самосудом, как в делах чисто гражданского свойства, так и в малых ссорах, побоях, воровстве скота, мошенничестве. Если дело неважное, то суд принадлежит князьцу, а в более важных делах двум выборным начальникам из трех родов. Собрание якутских голов и князьцов выбирало сельских заседателей в Степную Думу, бывшую в Якутске. Каждый якут по всем делам своим, разбираемым в присутственных местах, пользовался защитой депутата от Думы. Самосуд много раз подтверждался указами. В 1818 г. Иркутским губернским правительством требовались от всех родоначальников сведения, желают ли они оставаться при самосуде; ответы, основанные на общественном мнении, получились утвердительные. Таким образом самосуд узаконен и Сибирским Учреждением с тем изменением, что в видах прекращения частых тяжб велено за кражу на сумму выше 30 р. или за третью кражу, а также за подобные преступления, сделанные в городе, предавать суду по русским законам. Установлены три инстанции словесной расправы: родовое управление, инородная управа и окружное полицейское управление и годичный срок обжалования решений. Затем дано право начинать дела в Окружном Суде, но не иначе, как после производства во всех степенях словесной расправы. Сибирское Учреждение служит лучшим выражением всей прежней заботливости правительства о якутах. Но с 1822 года, полстолетия соприкосновения их с русскими на условиях, весьма выгодных для якутов, изменили те свойства их, которые определены в законе, как характеристические черты кочевых инородцев; они утратили простоту нравов, у них явились в обращении ассигнации и монета; живущие в Якутском и Олекминском и отчасти в Вилюйском округах

---

[1] Неверно: надо 1728 г. Э. Пекарский.

приучились несколько к хлебопашеству и поняли пользу его. С открытием золотых промыслов в Олекминском округе, т. е. с 1843 года, поставка мяса и масла и перевозка тяжестей стали прибыльным и скоро цивилизующим занятием. Поэтому якуты этих округов утратили некоторые из своих воспоминаний об обычном праве и стали осваиваться с русскими законами. Якуты же отдаленных округов находятся в зависимости от произвола родоначальников, нередко воля такого начальника попирает обычные положения и становится единственным регулятором правовых отношений.

Влияние на правоспособность.

а) Семейных начал. По обычному праву якутов ограничение правоспособности вытекает прежде всего из семейных начал. Вступление в брак запрещается не только в известных степенях родства и свойства, но и между членами одного рода. Духовное родство, иногда и побратимство тоже служит препятствием для заключения брака, к родству приравнивается отношение воспитателя и усыновителя. Состояние траура по муже или жене ограничивает право на вступление во второй брак в течение двух месецев. Где приданое жены составляет общую собственность семейства (Колымский и Верхоянский округа), там главное распоряжение им, как и прочим семейным имуществом, принадлежит мужу, а пользование и владение всему семейству. Где система приданого имеет более строгий характер, там разделено распоряжение и даже пользование. Труд малолетних принадлежит отцу или лицу, имеющему отцовскую власть. Во время рабства и кабальных отношений, т. е. до двадцатых годов настоящего столетия[1], личность малолетнего была в кабальной зависимости от лица, имевшего отеческую власть. Отделенный сын является полным распорядителем своего имущества, но в случае бедности престарелых родителей, должен пропитывать их, а при неисполнении этого, отдается в заработок.

б) Родового принципа. Родовой принцип ограничивает родителей в распоряжении родовым имуществом, т. е. покосами, рыбными ловлями и лесными угодьями, как перешедшими по наследству, так и доставшимися по наделу. Если бы отец не хотел дать части нелюбимому сыну, то он принуждается к этому родовым начальством. В быте якутов очень заметно, что отдельная личность имеет некоторые права над обществом, вследствие потребности вспомоществования и защиты в известных случаях и, наоборот, сама эта личность ограничивается в интересах рода. Необходимым последствием родового принципа является нравственная полиция, вмешательство в семейные дела и частную жизнь. Со времени Ясачной Комиссии 1765 года за родоначальниками признается право входить в подробное разбирательство семейных отношений коль скоро дело идет о несогласии между супругами, о семейном разделе, об отказе в помощи родственникам, о примирении родителей с детьми. Этим вмешательством достигается восстановление мира к общему благополучию. В своей статье о якутском браке мы подробнее говорим о значении брака для всего рода[2].

Судопроизводство по спорам якутов разных родов или наслегов имеет свои особенности, которые еще более выдвигаются при тяжбах якутов из разных улусов. В делах, сопряженных с родовым или даже улусным интересом, частный иск принимает значение

---

[1] Т. е. XIX ст. И. М.

[2] См. ниже статью Д. Павлинова. «Брачное право якутов».

общественного и защита ответчика есть вместе с тем защита и общества. Поэтому, как скоро у якута возникает тяжба о земле, то инородная управа, не довольствуясь доказательствами, представленными со стороны истца или ответчика, распоряжается об отобрании «повального обыска», т. е. спроса от старшин и старожилов о том, которому роду или наслегу, по их мнению, принадлежала в прежнее время спорная земля; при этом старшина и старожилы имеют право представлять свои доводы о справедливости показаний их сородича. Старосты даже подают исковые просьбы и приносят аппеляции за своих родовичей. Подсудность во всех подобных делах между наслегами определяется местом нахождения спорной земли и общими правилами якутского самосуда. Но если подобная тяжба возникает между целыми обществами в лице их поверенного или старшин, то дело должно ведаться исправником и Областным Правлением. Родоначальники стараются охранить не только поземельное владение родовичей, но и право рода на каждый поземельный участок. Указами 1765 года запрещено якутам не только продавать или завещать русскому свои природные места и угодья, но и укреплять каким бы то ни было образом, а при излишке в земле дозволено отдавать в наем года на два или на три, и то с ведома князьцов. Таким образом якутам неизвестно полное право поземельной собственности, именно право отчуждения собственности. В некоторых местах владение землей не сводится даже к пожизненному владению, хотя бы переменными участками, а обусловливается исправным взносом ясака, или налагает особые обязанности. Так, в Вилюйском округе кто не выкосит участка, назначенного обществом, тот лишается добавочного надела. И повсюду количество и качество участка сообразовано со средствами якута. В половине XVIII столетия Якутская Воеводская Канцелярия предписала подведомственным инород. управлениям до будущего межевания удерживаться от перевода родников (родовичей) из наслега в наслег. Если родович отлучится и будет жить в другом наслеге, то родоначальники озабачиваются возвращением его, а если он по мирской сказке окажется уже отчисленным в другой наслег без увольнения от своего прежнего общества, то с такого якута взыскиваются все уплаченные за него наслегом повинности; а если он не в состоянии уплатить их, то ищут со всего наслега, принявшего его незаконно. Так в 1816 году Мальжагарский наслег взыскивал с Жархонского за 6 лет 260 руб. повинностей за якута с двумя сыновьями. Наслежный староста ipso jure есть поверенный якутов своего наслега, если дело идет об общественной пользе; на мирских сходках он представитель отсутствующих родников в их частных делах; без бытности этого старосты ни улусный голова, ни другой родоначальник не могут входить в рассмотрение дел, касающихся его наслега, и не разбирают жалоб на его родовичей. Каждый якут официально титулуется именем своего князьца, напр.: «Намского улусу, наслегу князьца Василия Мальцева родник Алексей Ядрихинский», или «Борогонского улусу, князьца Петра Басинского родник Володимир Слепцов». Родовое начальство иногда оказывает помощь разорившимся, давая им сено; так, в 1790 году один князец занял насчет наслега 10 р. для подания помощи находившемуся в городе якуту с семейством, разорившемуся по случаю оспенного поветрия. Но в самых северных округах родовичи живут каждый (сам) по себе. Общество нижнеколымских якутов не в силах помогать своим членам. Во время голодовок их спасают чукчи, давая оленей.

в) Степени материального достатка. Степень правоспособности, как мы видели, зависит от обладания материальными средствами. Даже на мирских сходках хотя допускаются женщины и дети, но право голоса даже из мужчин имеют лишь платящие ясак и достигшие 18-летнего возраста (Верхоянский округ). Ясак разделяется на соболиный, лисичный, полулисичный и для подростков. Сообразно сему поземельные участки бывают различные. Например, в 1827 года в Мегинском улусе Якутского округа было принято, что кто может внести одного соболя в течение года, тому отводится место, на котором можно поставить 12 стогов сена, а кто одну лисицу, тому — трехстожное место. У владеющего лучшим участком, но невнесшего положенного оклада, этот участок или заменяется худшим или уменьшается. Конечно, могут быть приняты в уважение законные причины обеднения, например, если кобылка съела сено. Якуты в точности определяют, сколько стогов сена может быть поставлено на сенокос I сорта и всех других сортов. Из-за отвода большего количества земли возникают иски со стороны лиц обделенных. Независимо сего, невнесение ясака всегда влекло разные невыгодные последствия, особенно в прежнее время жестокостей и лишних начетов, а также излишнего правительственного вмешательства. Вымогательства доходили до пыток, продажи жен и детей. Так было, когда между покорителями якутов казаками енисейскими и мангазейскими возникли несогласия; и те, и другие считали себя в праве собирать ясак. При воеводе Барнышеве (1675 — 1678 гг.) по словам летописи были чуть не ежедневные казни. Якуты старались освободиться от господства русских. Делали набеги на Якутск, оканчивавшиеся кровавыми стычками, казнями и еще большим подчинением. Последний набег был при воеводе Приклонском. Из указа 26 декабря 1695 года видно, что многие прежние воеводы посылали сборщиков, подъячих, толмачей и служилых людей в волости и улусы из больших взяток, многих пытали и казнили смертью, ясак брали грабежом, отнимали жен и детей и довели якутов до того, что некоторые лишали себя жизни, а некоторые убегали за китайскую границу. В указе 1733 года опять говорится о взятках, пытках и торговле женами и детьми неисправных якутов и посылке поручика Шкадера с уполномочием принимать жалобы. О посылке Шкадера велено было опубликовать во всех наслегах через объявления на столбах. Ясачная Комиссия Мирона Черкашинникова обнаружила, что числившаяся по книгам сборщиков недоимка в действительности не существует. Якутские старосты предъявили ему бирки, т. е. половинки круглых расколотых палочек с круглыми же зарубками, сборщики же скрыли свои половинки. Письменных квитанций у якутов не было; хотя воевода Бибиков (1671 — 1681 гг). ввел ярлыки, но они выдавались только до смены воеводы Приклонского. Сборщики должны были при получении сбора оставлять ярлыки у князьца с отметкой о взносе, такую же отметку должны были делать и в Канцелярии. По проверке ярлыков, они оказались белыми, хотя в канцелярии были отметки, сборщики не приписывали в ярлыках о получении сбора. Черкашинников завел по родам книги, в которые сборщики должны вписывать получения. В 1769 году вследствие ходатайства перед Правительствующим Сенатом пяти подгородных улусов в лице депутата князьца Сыранова, велено было собирать ясак в каждом наслеге самим князьцам, а Воеводской Канцелярии разрешено посылать нарочных лишь в случае невноса князьцами ясака в установленные сроки. Ясак стали взыскивать старшины, капралы и десятники, они отдавали его князьцу. При коменданте

Угрейне повторились некоторые стеснения, опять посылали казаков за сбором ясака, а родоначальникам запретили въезд в город. При Штевенге повторилось почти тоже. Порядок взимания ясака, установленный указом 1769 года изменил самый способ взимания налогов вообще. В тяжелые годы стало заметно преобладание займа перед чистым налогом; вследствие сильной неравномерности в распределении наличных средств сборщикам приходилось обращаться к богатым. Казалось бы, в родовом быте неразвитость производств должна уравнивать всех, но на деле не так; в высшей степени заметно неравенство как экономическое, так и юридическое; громадное количество бедняков находится в имущественной зависимости от немногих богатых. Взнос налогов богатыми за бедных усиливает это неравенство, капиталисты получают возможность быстрее накапливать капиталы, возвышая проценты. Случаи злоупотребления князьцов правом взимания ясака были не в редкость. В 1796 года родовичи Борогонского улуса (Якутского округа), составили выбор нового князца вместо прежнего, который не сдавал собранные с них деньги, вследствие чего за ними оказались недоимки за 1787 год — 20 р., за 1788 год — 110 р., за 1789 год — 120 р. и так далее, всего — 469 р.; эти деньги взыскивал с них посланный из Якутска казак Чупалов с «великим принуждением и пытками», отчего многие навсегда разорились, другие отдавали в работу жен и детей и закладывали их. В 1812 году один ботурусский князец своевольно увеличил соболиный оклад до 12 руб., лисичный до 8 руб., а с бедных до 6 руб. Другой князец, по случаю смерти своего родственника, обложил якутов в свою пользу повозно сеном, но якуты признали этот сбор противным обычаям и жаловались.

Итак, законы об обложении якутов налогами нуждаются в исправлении. Ныне [1] все налоги ложатся одинаковою тяжестью на богатое и бедное население области. На каждого якута Якутского округа приходится около 1 р. 40 к., Олекминского — 1 р. 33 к., Вилюйского — 1 р. 50 к., Верхоянского — 1 р. 38 к. и Колымского — 1 р. 22 к. Но два северные округа, как вовсе не земледельческие, должно было вовсе избавить от налога на земские повинности, а обложить лишь подворным налогом. В земледельческих округах, кроме подворного, должен быть поземельный налог от $1^1/_2$ коп. до 10 и более за десятину.

г) Отнесения общественных должностей. Люди, занимающие общественные должности, т. е. улусные головы, старосты, наслежные князьцы, старшины, казначеи пользуются особенным почетом. Женщины не выбираются в общественные должности.

д) Дородства. Люди богатые, а также здоровые, т. е. полные корпусом, пользуются уважением, основанным на предположении материального благосостоянии. Родоначальники выбираются большею частью из полных в том убеждении, что такой человек, как уже обеспеченный, не будет сильно притеснять, а так как он дольше проживет, то на него можно положиться и можно его задобрить.

е) Происхождения. Право рождения от князьца или лица, пожалованного кортиком, кафтаном или медалями и похвальными листами, дает как право наследования в отношении знаков отличия, так и преимущество перед простыми якутами в отношении права на занятие выборной должности. Вообще же рождение от законного брака не дает каких-либо преимуществ, кроме права наследования.

---

[1] Т. е. в конце XIX в. И. М.

ж) Знания. Знание также источник прав. Шаманы называются добрыми людьми и нередко заменяют священника и медика не только между придерживающимися шаманской веры, но и между православными. По сведениям Якутской Степной Думы за 1836 год в Якутском округе было всего шаманствующих 280 мужчин и 291 женщина, большая часть приходилась на Ботурусский улус (164 мужчин и 186 женщин). Сказочники и песенники-импровизаторы, если неспособны к работам, снискивают пропитание, шатаясь из юрты в юрту.

з) Пола. Женщины вообще пользуются полноправностью, хотя молодые из замужних считаются нечистыми.

Чернорабочий класс и русские поселенцы. Бедняки и особенно кумаланы, т. е. работники-должники, труд которых принадлежит хозяину-кредитору, составляют чернорабочий класс. Русские поселенцы, причисленные к улусам, составляют особый класс, пропитание которого лежит на якутах. Эти поселенцы переходят из юрты в юрту раз или два в месяц, чтобы обременение было чувствительно равномерно, и не зная якутского языка, при чем без привычки к якутскому образу жизни, влачат свое существование изо дня в день, пока не выхлопочут себе отлучки. Впрочем, чем беднее самая природа и чем уединеннее от цивилизации якутские наслеги, тем незаметнее различие в классах. Нижнеколымские якуты целыми семьями нищенствуют около чукчей, которые охотно помогают им.

Презренный класс. Прежде был особый презренный класс «кибасы» [1], их не впускали в юрты, а кормили особо и призывали только для выноса покойников и погребения их. Эти кибасы, таскатели мертвых, уподоблялись палачам, подобно тому, как древние якутские похороны — политической казни. Юрта, где умер якут или якутка, срывалась до основания, и на место, где лежал больной, кибасы ставили истукана из скотского помета. Владельцы юрты должны были перекочевать.

Зачумленные лица. Лица, больные заразными болезнями, зачумленные, за неимением по наслегам больниц, медикаментов и лекарей, отделялись и помещались в уединенном месте в лесу и оставлялись нередко на произвол судьбы. Горький опыт, в виду быстрого распространения заразы, привел к этой ужасной мере, особенно в северных округах. Вся помощь больным ограничивается приносом от времени до времени пищи. Эти отделенные люди временно изъемлются из числа лиц, обладающих имущественной правоспособностью; без пособия медика, который является в несколько лет раз, редки случаи выздоровления, следовательно и возвращения в общество.

Сумасшедшие. Распоряжения сумасшедших признаются недействительными, и если они при жизни отчудили за бесценок в ущерб наследникам имущество, то по просьбе заинтересованных лиц, имущество отбирается; завещания сумасшедших также признаются недействительными.

Подсудимые и обвиненные самосудом. Преступления, судимые по обычаям, в значительной степени временно ограничивают правоспособность. Эти ограничения, неизбежные для подсудимого и входящие в наказание, как составная часть, следующие: стеснение свободы или арест подследственный и по присуждению, в прежнее время пытки, далее денежные взыска-

---

[1] По якутски: кӱ̆бăсы или кı̆бăсы. И. М.

ния в пользу обиженного, наказание розгами, отдача в заработки, отдача под присмотр, переселение. Подозреваемого в краже или другом поступке приводит в инородную управу, по приказу старшины, сам истец. Князьцу принадлежало право садить в более важных случаях обвиняемых в колодку, или в смык и содержать таким образом несколько суток. Пытки были своеобразные: обвиняемого привязывали на комаров, ставили на заостренные подставки, и бывали случаи, что невинные принимали на себя преступление лишь бы избавиться от мучений. При недостатке доказательств к изобличению допускалась особая пытка, род очистительной присяги. Обвиняемого приводили в юрту ко князьцу, тут были приготовлены кипящее масло и возле огня медвежья голова. Обвиняемый должен был стать против огня на колени и произнести клятву в своей правоте с призванием на себя несчастий в случае лжесвидетельства, именно: масло, которое он должен выпить, пусть опалит его и пройдет насквозь, пусть весь скот его пропадет, а медведь изгрызет его самого. Затем, посыпав пеплом голову, пытаемый выпивал масло и трижды кусал голову медведя. Теперь это вывелось, якуты-христиане поняли ничтожность этих устрашений. При арестовании, в прежнее время, обрезывали ножем в мирской избе пояс у арестуемого и ремни у торбасов (род сапогов), раздевали его и в одной рубашке запирали в холодную и мрачную караулку. Караул нанимался истцом, пища доставлялась им же. Ныне арест есть обыкновенное, не квалифицированное, лишение свободы средствами истца. Процессуальные гарантии истца при производстве дел о проступках составляют также ограничение правоспособности обвиняемого, например обыск в жилище, арестование подозрительных вещей.

Из наказаний более употребительны следующие: за вторую кражу — 25 розог, за кражу со взломом амбара, если не предают суду по общим законам, то назначают до 50 розог. За кражу сена из загородки до 20 розог или арест при родовом управлении до 7 суток. За обрез у чужой лошади хвоста или гривы арест до семи же суток, а за повторение до 20 розог. За воровское пользование удоем такой же арест, а если скотина пропадет, то до 25 розог.

За самовольную поимку с поля лошади или быка и употребление их в работу, арест до трех суток. За продажу или съедение чужой пойманной беглой скотины до 15 розог.

За утайку найденных денег или вещей арест до семи суток. За обиду мужчиной женщины позорной для чести бранью — арест до одного месяца, а простою руганью арест до 4-х суток, за неосновательные побои — до семи суток. За обиду родоначальнику — до двух недель, за неповиновение ему — до 7 суток. За оскорбление родителей такой же арест, при чем присоединяются розги до 15 ударов, если обида сопровождалась побоями. За самовольную отлучку в другой округ арест до семи суток. За наем к двум хозяевам в работу с получением платы вперед — до 15 розог. За побег с работы до срока без уважительных причин — до 15 же розог. За самоуправство при взыскании своего долга, например, за отнятие у должника коров, лошадей, отобрание сена и т. п. также до 15 розог, если вина грубая, иначе выговор родоначальников и общественная брань виновного. За неявку на пожар, несохранение пьяного, за угрозы лишить жизни, клевету, постоянную игру в азартные игры, за нарушение благочиния в церкви — арест до двух недель. За распространение вредных слухов — выговор перед обществом. За повреждение звероловных ловушек и рыболовных снастей или за похищение из них добычи — арест до 7 суток. За умышленное приобретение

от другого, нашедшего чужую вещь и не возвратившего ее хозяину — такой же арест. За выкошение участка, назначенного другому — такой же арест, также и за самовольное употребление осеквестрованного сена. За подмен вещей, отданных на сохранение — употребление в общественную работу до 1 месяца. За растрату или присвоение вверенного или находки — арест до 1 месяца.

Карательный элемент наказания применяется к обвиненному не безусловно, а большею частью в пределах требования истца, потому что и родовое начальство, и отдельные якуты более заботятся об имущественном вознаграждении. Лишь в делах о прелюбодеяниях женатых и замужних, вследствие частых расстройств семейных хозяйств, правительство предписывало по подробном разбирательстве наказывать распутного супруга или супругу плетьми нещадно при собрании родовичей. Ныне же плети не употребляются, их заменяют розги и другие исправительные наказания по назначению родоначальников с согласия оскорбленного супруга. Женщины вообще не изъемлются от телесных наказаний, но наказанная публично становится на долгое время безчестною. Малолетние обоего пола, состоящие под отеческою властью или опекою, наказываются по присуждению родоначальников лицом, имеющим власть над ними, а по сему их гражданская честь не терпит такого ограничения, как честь наказанного публично полноправного лица.

Люди, часто замеченные в буйстве, пьянстве, воровстве, мошенничестве и т. п. записываются в особую книгу в инородной управе и не пользуются полным доверием как со стороны якутов при заключении сделок, так и со стороны родового начальства при разбирательстве их дел. В случае же повторения своих худых поступков могут быть по общественному приговору переселены распоряжением областного начальства в другое место. Таким ссылочным местом в прежнее время был Охотск.

Многие проступки составляют повод к уголовному и гражданскому иску. Карательные постановления якутов нередко имеют целью одно имущественное вознаграждение за убытки и пеню. За первую кражу коровы или лошади ценою ниже 30 руб. платится по инструкции Саввы Владиславовича четыре скотины, а по обычаю только три; если же скотина возвращена хозяину, то приплачивается две. Знавшие о краже и не объявившие также привлекаются к платежу. За кражу жеребенка или теленка присуждаются к платежу такого же жеребенка или теленка и годового количества молока, так как у якутов скот перестает выделять молоко с отнятием сосуна. Если воров несколько, то все платят по равной части присужденное вознаграждение. Если голова, староста или старшина упустят по горячим следам расследовать покражу, то сами подвергаются по решению суда взысканию вчетверо против стоимости кражи. Впрочем, такие присуждения очень редки. Пользовавшийся втайне удоем от чужой коровы должен, независимо вознаграждения за удой, откормить изнуренную скотину. За выкошение участка, назначенного другому, половина скошенного сена отбирается в пользу владельца участка. За изувечение в драке — лечение на счет виновного; тоже, если хозяин собаки допустит укусить кого-либо. За обезображение лица, кроме того, штраф 1 р. 15 коп. За обиду бранными словами штраф в 1 р. 29 коп., за похищение из чужих снастей зверей и рыбы — возвращение их и убытков. Если в лук[1],

[1] Т. е. лук (самострел) с настороженной стрелой. И. М.

прорубь или яму, оставленные незакрытыми при перекочевке, попадет и погибнет в них скотина, то неосторожный кочевник должен уплатить за скотину, подобно тому, как если кто на охоте нечаянно застрелит чужую скотину или если от пущенного пала сгорит чужое сено или строение. Сгоревшая изгородь должна быть выстроена виновными в неосторожном поступке. За самовольное употребление секвестрованного сена—платеж стоимости этого сена.

Нарушители гражданских прав. Взыскание убытков от преступления или проступка составляет нередко важнейшую часть процесса. Уголовное производство недешево обходится истцу и в результате ложится на обвиненного. Привод подсудимого обходится рублей до десяти, потому что должно терять время и кормить его; при посылке кого-либо (за разысканием или с каким-либо поручением) истец также выдает каждому посланному почти такую же сумму. Например, вследствие покражи в 1831 году у одного якута медного котла, топора, волосяного аркана и 15 ф. кобыльего мяса он подал явочное прошение, в котором выставил следующие убытки: за два прошения исправнику и явочное объявление, за хождение от улуса, от старосты, за хождение для уличения обвиняемого, за пользование чужой лошадью, за покупку 1 пуда хлеба, всего — более 30 руб. При разделе сена, при обысках, описях, собрании, повальных обысках и т. п. действиях бывают посредники, князьцы, которые иногда живут несколько дней на счет истца и, не дождавшись недовольного ответчика, уезжают. Все расходы на прокормление их и их лошадей ложатся по присуждении на неявившуюся к сроку сторону. Итак, нарушение чужого имущественного интереса влечет принудительное взыскание и некоторые процессуальные гарантии, ограничивающие правоспособность лица, предварительно решения. Даже имущественное право, не гарантированное при своем возникновении формальным образом, не лишается процессуальной защиты. Посему ловушки, хотя были бы без знаков, означающих владельца их, считаются неприкосновенными, если находятся на чужой лесной тропе или на чужом рыболовном месте. Точно так же нарубленные в лесу дрова, хотя бы они и не были огорожены или примечены, накошенное сено тоже неприкосновенно, если оно находится на чужом покосе. Всякие словесные договоры и обязательства, в случае неисполнения их, могут быть доказываемы свидетелями, а в случае неясности и запутанности дела дозволяется присяга истцу или ответчику, смотря по тому, как порешат обе стороны. Производство платежа может быть доказываемо свидетелями, за неимением расписки или других фактических доказательств. Так как якутский язык не имеет письменности и большинство якутов совершенно безграмотны, то рукоприкладство их под обязательствами и документами разного рода было бы невозможным, и каждый якут имеет для себя особый знак, иногда переходящий по наследству: этот знак в глазах родовичей и родового начальства имеет значение подписи или печати, он состоит из трех или четырех черточек в различных направлениях; в одном наслеге их бывает до 50. Более характеристичны следующие:

Право иска из-за нарушения договора получило некоторую определенность, вследствие частого разбирательства однородных дел. Как решение гражданского дела должно было быть в пределах иска, так с другой стороны, иски не должны быть преувеличены. Обычай установил, таким образом, известные последствия нарушения договоров, неизбежные для восстановления нарушенного права принудительным ограничением имущественных прав нарушителя.

За продажу взятой «в тело», т. е. в пользование лошади должно заплатить стоимость ее. Если нанятая лошадь погибнет от заразы, то платится половина стоимости ее. За присвоение находящейся в пользовании лошади — платеж цены ее и убытков. Взявший на прокормление и сохранение скот, если употребит его в пищу себе или небрежением и дурным уходом доведет его до гибели, то обязан вознаградить за скот и за убытки. Существование заразы освобождает от такой ответственности. Нанявшийся в сенокосную работу к двоим с получением вперед платы — отдается в работу к первому нанимателю, а второй удовлетворяется за убытки. Сбежавший с работы без особых причин также присуждается к платежу убытков.

Предметы имущественного права, изъятые из оборота.

а) Вследствие влияния православной веры якутов. Обращаясь к предметам имущественного права видим, что кроме предметов особо чтимых по учению православной веры и изъятых из оборота по самому закону, у якутов есть особенности. От семейного обладания изъемлется имущество, принадлежащее каждому члену семейства и составляющее принадлежность его даже по смерти. Существует обычай ныне значительно утратившийся в обруселых местах, класть с мертвым одежду, трубку, нож, ружье, табакерку и т. п. вещи. Из одного уголовного дела в 1830 году о гробокопательстве видно, что из могилы якута были вынуты два серебряных круга от якутской шапки, оловянное блюдо, медный котел, топорик, 14 разных медных украшений от седла и волосяной аркан. Любимая лошадь, олень или другое животное убивается и съедается при похоронах из того верования, что умерший не может обойтись без своего любимого служителя и на том свете. Еще остался обычай после погребения ребенка разбивать люльку за то, что она не умела сохранить его. В Верхоянском округе юрта, в которой умер кто-либо, считается в течение сорока дней достоянием смерти, даже соседи ограждают входы и выходы своих юрт деревянными крестиками до истечения этого срока.

Нередко якуты, имеющие большое количество скота, предоставляют шаману одну кобылицу посвятить дьяволу со дня ее рождения. Вследствие такого своего значения это животное отделяется от прочих и содержится взаперти. Узда с поводом бывает вышита шелками и унизана бисером. У кобылицы не обрезывают ни гривы, ни хвоста; у всех же вообще кобылиц берут для волосяников (войлоков), сетей, тумтаев и для сшивания одежды.

Ее не допускают к случке и вследствие этого не доят. На ней не ездят и не употребляют ни на какую работу из страха или окриветь, или охрометь, или лишиться руки. Ее не убивают. В случае, если по недосмотру у ней родится кобылица же, то и она должна быть посвящена дьяволу. Таким образом не только никакие сделки не могут иметь места в отношении такого животного, но и самое обладание им не имеет имущественного характера пользования. Нечто подобное есть у бурят с тем различием, что животное посвящается доброму

духу. Впрочем, нередко хитрые якуты, отрешившиеся от веры в шаманов, крадут подобную лошадь, заводят в безопасное место, убивают и съедают. Зато наказание такому вору строже, чем обыкновенному. Независимо сего богатые якуты, считающие число своих скотин сотнями, обрезки от ушей некоторых новорожденных жеребят нанизывают на веревку, не меняют и не уступают ни на каких условиях таких животных на том основании, что на том свете надо будет ездить на них. Таким образом эти животные изъемлются из оборота и должны быть убиты при погребении своего владельца.

б) Вследствие предрассудка. Орел, как Тойон птица (начальник между птицами) пользуется привилегией безопасности от охотников; якуты думают, что убивший орла не может прожить долее трех или четырех лет. В некоторых местах (Колымский округ) не бьют медведей, находя в них сходство с человеком.

Движение или жизнь имущественных прав. Наследственное право.

Обращаясь к способам передвижения имущественных прав, остановимся на наследственном праве. Обыкновенно по смерти отца в права его вступает старший сын, который со своею женою уважается младшими, но в наследстве имеет общее участие с другими. Впрочем, по изустному завещанию эта власть может перейти к старшему из зятевьев или другому родственнику. Общество, в лице родоначальников, сохраняет право, в случае неблагонадежности такого представителя власти, передать ее младшему. Мать-вдова пользуется правом хозяйственного распоряжения, ее особое имущество назначается в приданное дочерям, которым оно поступило бы и по кончине ее, в случае невыхода в замужество при ее жизни. Дети от одного брака имеют равные имущественные права по наследству, а между родившимися от разных браков, также между законными и незаконнорожденными, усыновленными, приемышами нет равенства. Хотя при жизни родителей незаконнорожденные пользуются иногда преимуществом в наделе, но по смерти они не имеют никакой доли в имуществе отца, матери, воспитателей, а пользуются лишь тем, чем ранее наделены. Отделенные дети вообще почти не пользуются наследственными правами. При выделе родители оставляют себе достаточное обеспечение, не надеясь на доброту детей. Если после смерти родителей в семье остаются все совершеннолетние, то они делят между собою имущество или согласно завещанию или полюбовно. Вдова, не прожившая пяти лет с мужем, имеет право лишь на $^1/_7$ часть, иначе обыкновенно получает $^1/_5$ или $^1/_4$ часть всего наследства (Олекминский и Верхоянский округ), сыновья по равной части, а незамужние дочери вполовину против них. Замужние, подобно отделенным детям, ничего не получают, если им не будет что-нибудь завещано. Несовершеннолетнему наследнику выделяется следующая часть, которая поступает в распоряжение воспитателя его, т. е. одного из старших родственников. По достижении 18 лет наследник получает свое имущество с рассчитанным приплодом на скот, но за вычетом части, употребленной на пропитание. Воспитателю никакого вознаграждения не полагается, хотя он есть опекун и представитель своего питомца во всех гражданских сделках. Установление такого представительства совершается помимо воли опекаемого и не имеет характера ни попечительства, ни доверенности, хотя право представителя на владение и распоряжение чужим имуществом во многом тожественно с таким же правом попечителя и доверенного. В статье об якутском браке нами упомянуто, что вдова, имеющая детей, при выходе в замужество за якута другого наслега, не имеет права взять

с собою ни детей, ни имущества, оставшегося от первого мужа, при существовании других наследников. Если якут-вдовец, имеющий детей, снова женится, то приданое второй жены поступает в общую массу имения, на которое имеют одинаковые права дети от обоих браков (Верхоянский округ). До последнего времени завещания якутов были словесные. В указе 1767 года замечено, что многие вдовы и сироты и в особенности малолетние наследники часто терпят несправедливости вследствие незасвидетельствования завещаний ни священником, ни князьцом или другим родоначальником. В ограждение этих лиц велено было составлять письменные завещания, при чем, в случае бездетной смерти вдовца, скот и другое имущество должны быть выдаваемы ближним родным под расписку. В конце XIX в., вследствие обрусения, состоятельные подгородние якуты стали составлять формальные завещания по общему закону с засвидетельствованием в Областном Правлении.

За неимением завещания, имеют применение приведенные нами обычные правила, которые принимаются во внимание и Окружным судом, если в решениях словесных расправ подробно выяснены эти правила. Так, в 1800 году по смерти одного кангаласского якута остались трое сыновей, из них двое женатых были выделены при жизни отца, который заплатил калым за жен их. Для младшего, неотделенного отцом, также была высватана невеста. Но наследство, которое заключалось в скоте и вещах, захватил старший сын, нарочно приехавший для этого. Он ограничивался выдачами младшему брату, между тем как младший претендовал на все наследство, ссылаясь на обычай и словесное завещание отца, сделанное при матери; по произведенным спросам ссылка на завещание подтвердилась. И Окружной суд признал иск младшего правильным. В 1802 году помер богатый якут Намского улуса и словесно завещал все свое имущество двоюродному брату, но с тем, чтобы он кормил до смерти оставшуюся вдову, жену наследователя. В 1820 году воспользовавшийся этим наследством прогнал эту вдову, но она просила родовое начальство выделить ей достаточное количество скота для пропитания, и ей было выделено 6 штук; вследствие сего между нею и двоюродным братом ее покойного мужа состоялась мировая сделка. Впоследствии вдова, снова впав в бедность, воспользовавшись тем, что мировая сделка была утрачена ее бывшим кормильцем, добилась в 1832 года нового выдела еще в большем количестве. Таким образом, изустное завещание было строго соблюдено родовым и земским начальством.

Находка. Источником возникновения и приобретения имущественного права служит находка чужой вещи; за возвращение найденной вещи вознаграждение выдается по добровольному соглашению заинтересованных лиц, иначе по присуждению князьца, смотря по обстоятельствам (Вилюйский округ). В Верхоянском округе, а тем более в обруселых местах других округов родоначальники присуждают платеж третьей части ценности вещи. Нашедший на чужой земле лисью или другую нору не имеет права промышлять в ней, в противном случае приобретает право лишь на половину добычи; здесь коллизия прав, разрешаемая добровольным или принудительным дележем добычи с хозяином.

Давность. Давность есть также один из способов приобретения чужих прав. Так, жархонские родовичи издавна пользовались сенокосами, принадлежавшими по билетам нахарским родовичам, которые в свою очередь пользовались сенокосами жархонцев. Нахарцы стали вытеснять жархонцев, но по решению Сунтарской Инородной Управы давность товарищеского пользования признана достаточным основанием к оставлению дела в прежнем поло-

жении, и товарищество пользования было закреплено вследствие давности осуществления его.

Давность для приобретения поземельного исключительного владения очень продолжительна и имеет доказательную силу в процессе лишь за неимением фактических доказательств. Свидетельство всегдашней памяти или повальный опрос бывших родоначальников и старожилов решает вопрос о факте владения в прежнее время.

Якутский брак. Переходя к обоюдным психическим актам, как источникам передвижения прав, мы обойдем брачный контракт. Здесь ограничимся замечанием, что якутский брак, не освященный церковью за отдаленностью места жительства священника или по другим причинам, есть приобретение мужчиной личных прав над женщиной, совершаемое покупкою жены и пользованием ею в качестве супруги. Независимо сего брак есть имущественная ассоциация. Во время существования кабалы и рабства до начала XIX столетии право мужа имело, главным образом, характер имущественного обладания, так как жена могла быть отдана в заклад. С этой точки зрения объясняются факты письменной уступки жены постороннему лицу. Но с конца XVIII столетия и в особенности после издания Сибирского Учреждения, когда прошло время стеснений якутов, отношения супругов приняли товарищеский характер свободной ассоциации. Якутский брак, в особенности до обвенчания, столь же способен к невыполнению, как и всякий договор. Часто даже обвенчанная жена, недовольная мужем, уходит к родителям, и муж, несмотря на просьбы и жалобы, не может в течение нескольких лет достигнуть возвращения ее в дом, пока не обратится с жалобой в Якутск. Этим характером отношений супругов объясняется существование разводных писем, засвидетельствованных родовым старостой. Например, якутка, прожившая с мужем около 10 лет и нежелавшая долее жить с ним, получила такое разводное или мировое письмо, в котором отцу ее дозволяется выдать ее вновь замуж по якутскому обычаю за якута, с которым она уж прижила четверых детей, а мужу ее жениться на якутке, с которою он тоже прижил детей. Жена иногда уступается своим близким, например брату. По поводу одного такого случая, составлявшего род кровосмешения, когда от якутки требовали ответа, то она возражала, что оба брата были рождены в язычестве, а потому они в строгом смысле не могут быть названы братьями, при том же она не была обвенчана со своим мужем, а жила в якутском браке. Случаются споры о принадлежности детей, прижитых женою незаконно. Подобные вопросы касаются нередко родовых интересов. Например законная жена прижила сына с якутом из другого наслега, общество мужа предъявило право на этого незаконнорожденного сына и вынудило неверную жену дать подписку в том, что она будет жить в наслеге мужа. Вследствие неисполнения ею этого обязательства, дело доходило до Окружного суда, который решил сделать мальчика сыном законного мужа. Муж есть законный представитель своей жены по ее отдельному имуществу и доверенный по всем ее делам, он имеет право иска за обиды, нанесенные ей.

Мена. а) Меновая торговля. Между имущественными договорами главное место по историческому значению и по преобладанию принадлежит мене. Первобытные торговые отношения якутов с казаками-завоевателями имели характер мены.

Некоторые якуты, до открытия их русскими, не имели другого оружия, кроме самострелов с костяными стрелами и каменных топоров; у них не было не только котлов, но

и горшков, а варили пищу в берестяных корзинах или деревянных ушатах, согревая воду камнями, раскаленными на огне. Мена происходила таким образом: якуты предлагали разложенных в порядке соболей, лисиц и другие предметы, а казаки железные и другие поделки, привлекательные вещицы; объяснялись пантомимами. Казак поддевал на копье зверя, указывая на свою вещь, и якут брал вещь, отдавая зверя. Есть предание, что цена медного котла определялась таким количеством пушнины, какое могло быть уложено в котел. Около половины XVII столетия (1643 год) появились торговые гости, они прибывали с каждым годом и некоторые водворялись в Якутске. Была учреждена торговая изба с целовальниками. Торговля была выгодна для гостей, и Якутск прославился изобилием всяких предметов хозяйственного обихода. Искатели счастья из русских женились на якутках и обзавелись домами в Якутске. С установлением дружеских отношений появился кредит, торговые отношения приняли более совершенные формы; мена осталась, как она существует и до настоящего времени [1], но сменилась грубая форма исключительной мены, как договора, лишенного всякого нравственного элемента, — элемента взаимного доверия. Что якут не мог приобрести меною за неимением в наличности пушнины, то купец отдавал ему в долг с условием получить платеж в известный срок. Меновые обороты дополнились кредитными сделками не имеющими уже характера чистой мены; кредит комбинировался с меною, и между якутами и русскими появились сделки, основанные на обоюдном кредите. Нечто похожее на первобытную мену сохранилось на чукотской ярмарке, которая бывает в Анюйской крепостце, построенной в 1810 году. Сюда приезжают купцы и чукчи, иногда числом до 300 человек. Второстепенное значение имеют якуты, ламуты, чуванцы, юкагиры, они меняются с чукчами лишь мелочами. Впрочем мена с чукчами строго регулирована, особые старшины, выбираемые в Нижнеколымске, и комиссар свидетельствуют доброту наших товаров и наблюдают, чтобы не было обмана, например, чтобы в табак для весу не примешивали посторонних веществ. Они же установляют меновую цену, ниже которой нельзя продавать русские товары. Нарушители сего лишаются права торговли с чукчами в тот год. Например, кто примет от чукчи бесхвостую лисицу или вместо 40 моржевых клыков возьмет только 39 — подлежит аресту и суду за нарушение основного акта. Размен производится под открытым небом. Чукчи образуют полукруг из саней. По открытии ярмарки колокольным звоном, русские и другие торговцы бросаются в ряды торговцев-чукчей. Чукча осматривает предложенный товар и передает его чукчанке, затем рассчитывается по установленной цене своими товарами. Кредитных сделок не существует, если они и допускались временно, то после опять вывелись. Мена продолжается три дня. По основному акту за 1 пуд табака чукча должен дать или двадцать куниц или десять лисиц. Две лисицы равны одному бобру, выдре или рыси, четырем песцам и четырем моржевым зубам. Черно-бурая лисица равна 4 пуд. табака. Впрочем, цены с того времени изменились, как нами объяснено. Например в 1822 году положено было за 1 пуд табака брать 16 лисьих мехов, которые сравнивали с двадцатью куницами. В недавнее время 1 пуд табака был равноценен 12 лисицам или 6 речным бобрам или 12 куницам. Прежде обороты этой мены превышали 50 тыс. руб. ассигнациями, а ныне не всегда достигают и 10 тыс. серебром. Вследствие

[1] Т. е. около 70-х годов XIX столетия.

развившихся торговых сношений чукчей с Америкой и появления у них денег они менее нуждаются в русских, притом же основной акт устарел и нуждается в обновлении.

б) Мена правами пользования простая и комбинированная с неустойкой и закладом. Обращаясь к договору мены между якутами, мы предпошлем общее замечание, что этот договор очень распространен и в настоящее[1] время. Так как пользование поземельными участками имеет у якутов первенствующее значение и так как владельцы не стесняются в распоряжении ими кроме полного и бесповоротного отчуждения, то якуты часто передают на известный срок свои сенокосы другим, за что те уступают им на тот же срок пользование коровой. Такие договоры могли быть заключаемы лишь в урожайные годы, когда отдача своей скотины составляет потерю имущественного интереса. С теоретической точки зрения такие сделки составляют мену права пользования землею на право пользования домашним животным; оба контрагента вступают в фактическое отношение к предметам пользования, таким образом это реальный контракт. Иногда подобные отношения видоизменяются и усложняются, например, богатый оброчит у бедного на год земельный участок за жеребенка, которого уступает в полную собственность с придачею 5 руб. и еще отдает в пользование же двух коров на один же год и выговаривает себе преимущество передачи владения сенокосом лишь после возвращения ему коров. Это есть условие об обеспечении возврата коров, оно есть вместе и условие неустойки, так как пользование землей ему выгоднее, чем пользование двумя коровами и продолжение такого права долее срока по вине неисправного контрагента, составляет процент и неустойку. В обращении у якутов мало ценных вещей, одно владение которыми представляло бы значительный имущественный интерес, а лишение этого голого владения было бы значительной потерей. Главные предметы обращения или животные, требующие пищи, или вещи, потребляемые и портящиеся. Посему закладоприниматели, кроме владения, имеют право пользования заложенным имуществом. Но понятно, что пользование, например, скотом, до выполнения обязательства, можно рассматривать, как получение удовлетворения, особенно в урожайные годы, когда держать скотину выгодно. Например, если якут таким пользованием коровою обеспечивает себе возврат известного количества денег, отданных в долг на срок, то здесь — мена пользования деньгами на пользование скотиной, оба контрагента вступают в фактические отношения к чужой собственности. Закладное или обеспечивающее условие делает обязательным для залогопринимателя возвращение скотины немедленно по получении денег. Итак мена, как психический акт для передвижения обоюдных прав собственности, существует у всех народов. Это договор чисто реальный; с передачей вещей, он перестает существовать.

Купля-продажа. а) Торговые отношения якутов с русскими купцами. Купля-продажа является в чистом виде реального контракта бесповоротного приобретения и уступки ценности за деньги, особенно в городах, куда якуты привозят сено, мясо, рыбу и др. продукты. В наслегах вследствие малого обращения денег, неразвитости производств, этот договор утрачивает значение чисто реального, комбинируясь с другими договорами и

---

[1] Т. е. в 70-х годах XIX столетия.

с кредитными сделками. В большинстве случаев это покупка в долг с обязательством платежа не деньгами, а продуктами через год.

Деньги тот же товар у якутов, а не орудие оборотов. Денежной единицей скорее можно считать омуля, муксуна или десяток карасей, безмен масла. Деньги необходимы для вноса повинностей, упадающих на долю каждого по внутренней раскладке, например, на содержание перевозов, междуюрточной гоньбы, а также для покупки хлеба, пороха, свинца. Как нужны якуту-скотоводу и охотнику деньги, видно из того, что при покупке у русских купцов товара непременным условием бывает придача со стороны продавца денег. С давнего времени инородцы покупают у якутских купцов товары с условием платежа в годовые сроки, по наступлении этого срока рассчитываются пушниной, мамонтовой костью, маслом, скотом и снова берут товары на таких же условиях. Якуты были богаты, пока сами эксплоатировали неистощенную природу, потом предоставили это тунгусам и сделались их кредиторами, но тунгусы в неудачные годы разбредались по лесам и обманывали якутов, которые тоже разорялись и обманывали русских купцов. Это имело результатом падение купеческих капиталов, потому что принудительное взыскание с якута невозможно, долг вносится лишь в книгу купца, а получение гарантируется лишь необходимостью для якута набрать себе товаров на целый год. Таким образом, когда умирал главный член купеческой семьи, то после него оставались или расписки якутов, нигде неявленные, или просто перечень должников в книге. Все это повело к разладу купцов с якутами, дурно [отразившемуся] на якутах. Ныне кредит их поколебался, хотя характер отношений с купцами тот же.

Обращаемся к обычаям, соблюдаемым при купле-продаже. Когда в юрту приезжает купец, едущий из Якутска, то хозяева ставят на огонь все чайники, какие у них есть, а также котлы и кипятят в них воду. Купец должен угостить всех чаем с булками или сухарями, потом якуты ставят на стол или строганину (настроганную мерзлую сырую рыбу, преимущественно стерлядь) или за неимением ее масло, ягоды и т. п. Это значит, что ожидают от купца угощения водкой, и он подносит им по рюмке. Прежде был обычай, что купец после чая одарял хозяйку 1 фунтом чая, 2 фунтами сахара и одной бутылкой водки, за что в отдарок получал дорогую сиводушку или другую лисицу при посещении той же юрты на возвратном пути. Купля-продажа сводилась таким образом к якутскому обоюдному дарению. Но этот обычай вывелся, потому что якуты стали отдаривать обыкновенной красной лисицей, стоющей около 3 руб., и потому что было запрещено ввозить водку в якутские селения. Якуты избалованы в отношении подарков. Ныне, если купец, получив после обычного угощения чаем обыкновенную лисицу, не одарит якута 1 фунтом чая, 2 фунтами сахара, то якут считает себя обиженным и отбирает свой подарок, хотя бы он был должен купцу, а чтобы помириться, нужно приехать на будущий год и не с одной бутылкой водки, а с четвертью ведра, кроме чая и сахара; тогда купец может рассчитывать получить часть долга, а в подарок хорошую лисицу. После подчивания начинается торговля, т. е. отпуск товаров почти без ряды и пропорциональной суммы денег, например, если товару на 100 руб., то денег около 20 руб. О прошлогоднем долге купец не должен вспоминать, это значило бы оскорбить якута, который сам знает, что обязан отдарить за прошлогодние товары по своему усмотрению. На обратном пути, если у купца выпито все вино, то его не задерживают, а после переночевки приносят ему платеж по ценам уже известным;

чего, по мнению купца, не достает, он только записывает в книгу. Просьбы и упреки были бы не только бесполезны, но вредны, якут в этом случае предоставит ведаться судом. В Колымском и Верхоянском округах, если товаров окажется на 30 руб., то денег должно быть около 15 руб. На деньги процентов не полагается, за них в известное время платится тоже пушниной по цене, какая существует в том месте, но не дешевле, иначе якут может продать пушнину другому и возвратить долг деньгами. За товар купцы получали, кроме пушнины, скотом, гривами, хвостами, кожами, сарами (непромокаемые сапоги), волосяными веревками, подошвами и т. п. Часть этих колымских товаров купцы сбывают якутам же других округов на возвратном пути.

У якутов есть обычай при полном платеже долга удерживать некоторую часть, хоть 20 коп., которых он никогда не возвратит. По округам вдали от городов якуты никогда почти не отказывались от своих долгов, наследники должны тоже принимать на себя платеж, но оттягивают его с году на год, и часто кредитору надоедает ездить к ним, потому что, чтобы заехать в иную юрту, нужно сворачивать с тракта верст 150. Если же кредитор сам не приедет, а пошлет доверенного, то якут считает себя в праве не платить, ссылаясь на то, что купец пренебрег его знакомством; при этом говорит, что платеж у него готов, пусть купец приедет на будущий год.

Главным естественным последствием малого обращения денег между якутами было комбинирование реального контракта с консенсуальным. У купцов сложилась даже поговорка: «в долг не дать — не продать». Это повело к увеличению купцами нормальной цены товаров с целью вознаградить себя за риск неизбежный с отдачей товаров в долг без надлежащих документов. Кроме того, возвышение цен в отдаленных округах обусловливается трудностями дороги, большими издержками на провоз и случайными обстоятельствами, например падежом скота. Понятно, что цены на чукотской ярмарке в шесть раз выше цен, бывших на якутской ярмарке, это заведено уже давно. Сильное возвышение цены повело к существованию кабалы особого рода: якуты не вполне исправные в платеже, хотя получали вновь товары, но еще с большей приценкой; при дальнейшей неисправности долг быстро возрастал до того, что вся добыча должника делалась достоянием купца, а долг все не уменьшался. Купец не был в потере, считавшийся по книге долг становился фиктивным, он лишь гарантировал выгодного и верного доставщика якутских продуктов. До какой степени купцы являлись самовластными кредиторами, а не простыми предлагателями товаров, видно из следующего примера. Из уголовного дела о незаконной торговле в Удском крае оказывается, что сотник Атласов в 1790 году по своей долговой книге выставил цену красному соболю, принесенному им инородцем в 5, 4 и даже до $1^1/_2$ руб. При том, если якут или тунгус уплачивал прошлогодний долг, то должен был в виде процентов подарить одного соболя. Например, должник, взявший товар на 60 руб., послал в 1789 году в подарок одну рысь и два соболя, а в следующем году один чум (род палатки из меху) и два соболя. Из долговой книги командира Кычкина видно, что он покупал соболей за цену от 3 до 15 руб., оленя мулкана ценил по 5 руб., мулкана важенку тоже по 5 руб.[1], а полноценного по 10 руб., 60 белок за 5 руб. Подобные кредиторы злоупотребляли своим правом

[1] Мулкан — двугодовалый олень; важенка — оленица. И. М.

в особенности потому, что они были представителями казны, как приемщики ясака, смотрители и комиссары. Но по ревизии 1819 и 1820 годов были обнаружены вообще злоупотребления кредиторов. Долги взыскивались по одним словесным показаниям кредиторов, у должника силою отнимали все имущество, даже необходимое в хозяйственном быту. Ревизия обнаружила взыскание и по подложным документам. Опыт доказал, что регулирование торговых отношений с якутами не может быть согласовано ни с общими постановлениями о займах под векселя, ни с уставом о торговой несостоятельности. Посему Сибирским Учреждением установлено два вида торговых сделок, одни формальные, как нами объяснено выше, а другие полюбовные без явки, не пользующиеся никаким участием ни полиции, ни суда при выполнении их. Купцы предпочитают этот последний вид сделок. Результат тот, что как якуты связаны купцами, так и купцы якутами, и ликвидация торговых дел якутского купца дело далеко не легкое: нужно сряду несколько лет ездить с пустыми руками за сбором долгов, но это и разорительно и мало достигает цели; поэтому приходится хоть сколько-нибудь брать товаров. Единственный способ ликвидирования дела — продать долги своему же собрату за половину или много за три четверти цены. Такая покупка долгов совершается не прежде, как покупатель объездит должников и убедится, что они сознают долг и готовы заплатить ему вместо прежнего кредитора. Таким образом главные черты торговых договоров купцов с якутами следующие: каждый якут имеет дело с одним купцом или лицом его заменяющим, иногда в течение 20 лет, потому то якуты оказываются в полной невозможности покончить счеты со своим вечным кредитором. При том тут есть расчет и со стороны якута: если он довольно аккуратен, то купец назначает ему цены без лишней надбавки. Риск обоюдный. Сроки платежа по меньшей мере годовые.

Крепостная зависимость. Нельзя не упомянуть о существовании в Якутской области своего рода крепостной зависимости. Установление ее относится к давнему времени. Инородцы, эксплоатируемые казаками и русским населением, в крайности торговали своими детьми. 20 июня 1748 года последовал манифест, подтвержденный в 1766 году, о неписании на иноверцев и новокрещенных никаких долговых писем и кабал. Впрочем, заключение кабальных обязательств дозволялось с засвидетельствованием старшин и с объявлением в главной команде и запискою в книгу. В Якутск привозились рабы из Охотска, Камчатки, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и колымских зимовий. Такая торговля долго не прекращалась, несмотря на запрещение. Наконец последовал указ в 1808 году о прекращении рабства. Но еще в 1825 и 1826 годах правительство вынуждено было подтвердить прежние запрещения. Для характеристики кабальных отношений приведем несколько примеров. В 1755 году тунгуска, сбежав от своего мужа, ушла к прапорщику Данилову, с которым уехала в Якутск. Здесь она находилась в связи с тунгусом же, восприемным сыном Данилова, прижила сына и приняв православие обвенчалась с этим тунгусом. По смерти прапорщика муж ее выехал в свое кочевье, а сын насильно оставлен братом умершего Данилова в качестве дворового человека. Когда ему пошел 21-й год, то отец его дал доверительное письмо кангаласскому князьцу взять сына к себе в работу за известную плату. Дворянин Данилов не хотел выдать тунгуса, но по жалобе, принесенной коменданту Угрейну, в 1794 году велено было отобрать его насильно, «так как ясачные народы не могут быть ни у кого крепостными». Данилов не имел на него никаких прав, так как

1) он был прижит не от крепостных его, а от иноверцев, находившихся у него в работе, 2) по последней 5 ревизии он значился при отце в наслеге тунгусского князьца. Однако же фактически он был в кабале по воле родителей до 20 лет, потому что жил даром и работал, что велели. Подобный же факт был в Верхоянске. Дворянин Кондратьев в 1758 году взял за 31 руб. дочь должника якута на вечные времена. По письменному обязательству она значилась проданной Кондратьеву, так жене его и детям с правом перепродажи в другие руки. Вследствие просьбы брата закабаленной было произведено расследование и оказалось, что рабыня давно заработала все 31 руб., потому иркутский губернатор велел отпустить ее.

Купля-продажа поземельных участков.

Купля-продажа поземельных участков дозволялась до 1765 года. Земля могла быть отчуждена продажей, залогом, приобретена наследством по завещанию, дарением и другими способами. По купчей крепости 1714 года сенокос на 75 стогов был отчужден владельцами его посторонним лицам, а когда впоследствии возникла тяжба об этой земле, то суд, на основании указа 1765 года, не имевшего обратной силы, признал купчую действительной. С 1765 года продажа земель стала возможной лишь между наслегами, а не между отдельными якутами, потому что земля есть достояние рода. Уступка земли наслегом наслегу совершается или за деньги, или в виде мены за землю же, или на других условиях. При этом нельзя не заметить, что существующие обычаи по вводу во владение недостаточно гарантируют новых собственников от нарушения со стороны старых владельцев или третьих лиц; нередко возникают иски о выкошении сена прежними владельцами. Покупки для наслега лошадей, провианта, сум — для выполнения общих обязательств производит князец со старшинами; он же заключает контракты по таким покупкам.

Кроме собственности, посредством купли-продажи часто совершается передвижение других прав; так. за деньги уступаются бесповоротно обязательственные отношения, именно право по обязательству. Например, князец со старшинами продает от имени наслега свое право по казенному подряду на получение из казны денег, следующих наслегу за доставку тяжестей. Уступка этого права наслега совершается в форме доверенности на имя покупщика права. Еще чаще отдельные казенные подрядчики по доставке тяжестей, имея квитанции, продают их или уступают на других условиях и затем доверяют приобретателям квитанции получить прогоны из казны.

Право покрутчика способно к продаже и в особенности если покрута принимает вид простого займа. Лицо, участвующее лишь капиталом в звероловном предприятии на отношениях товарищества, личного займа или путем отдачи денег и припасов в заем, может продать право на свою долю в добыче покрученника, на участие в разделе ее. Нередко покупщик этого права терпит убыток, если улов был неудачен. Также неопределенность прибыли неизбежна и для кредитора-наемщика. Лишь продажа права заимодавца рождает для покупщика право требования, заранее определенное. Все эти виды продажи прав совершаются передачей контракта с звероловом за известную денежную сумму. Если же покупатель вместо денег передает другое имущество или какое-нибудь право, что часто бывает, то такая сделка имеет характер мены. Нередко уступка прав покрутчика совершается как замена какого-либо обязательства продавца в отношении покупателя покруты.

Продажа права пользования.

Право пользоваиия чужою вещью на основании договора аренды по отношению к земельным участкам или имущественного найма в отношени к другим предметам, может быть с согласия собственника продано другому, т. е. уступлено во всем объеме нанимателем. Эта есть замена контрагента другим лицом, при чем покупатель права пользования вступает в права и обязанности продавца и в прямые отношения с собственником.

Продажа прав и обязанностей по договору подряда.

Продажа отношений по договору подряда весьма часто встречается у якутов, как об этом будет объяснено ниже.

Поставщики также продают свои права и обязанности в отношении своего контрагента.

Запродажа.

Договор запродажи мало встречается между отдельными якутами вследствие того, что они живут изо дня в день и не обладают никаким ценным имуществом, способным к отчуждению и никаким запасом продуктов. Уступка пушнины или рыбы из будущего улова составляет договор поставки, а не запродажи, предполагающей в момент ее заключения существования того имущества, которое запродается.

Покупка для наслега нередко совершается князьцами в форме запродажи. Так, в 1800 году, князец выговорил взять у одного казака 18 лошадей без разбору молодых и старых, кроме беззубых, трех жеребят по 4 году и 5 кобылиц. Передача должна быть произведена по возвращении скота из Усть-Маи в жилище князьца в том виде, в каком возвратятся, а взамен тех скотин, которые пропадут, казак должен будет дать других. Средняя цена всем была назначена по 40 руб. за каждую. По приезде с Усть-Маи казак передал лучших 15 лошадей и 2 кобылиц и не додал 7 штук. Вследствие сего сделано было новое условие.

Обновление запродажи.

Обновление обязательства, часто встречается у якутов, по которому передача этих 7 штук должна быть совершена после якутской ярмарки, а князец обязался недоданные деньги уплатить ранее в мае. Но князец деньги в срок не отдал и не согласился после ярмарки принять плохих скотин по 40 руб. Казак обратился с жалобой и просил обязать князьца принять скотин по этой цене и удовлетворить его деньгами или хлебом по цене, какая существовала на хлеб в мае. Князец оправдывался тем, что вследствие неотдачи казаком в свое время 7 лошадей, он принужден был взять у посторонних лиц «в тело», т. е. в пользование 6 лошадей с платежом за каждую по 15 руб. и с условием уплатить по 50 руб. за каждую пропавшую лошадь. Из этого дела видно, как мало может иметь применения в якутском быте договор запродажи и сколько может возникать взаимных неудовольствий. Нарушений этого договора столько, сколько договоров, потому экономическое значение его не велико. Если запродажа скота или сена не облекается в письменную форму, то вследствие непредвиденных обстоятельств нарушение является неизбежным, а принудительное взыскание очень затруднительным. Например, якут запродает два стога сена за известную плату с тем, чтобы передача сена и денег последовала в известный срок. Но приходит срок, а запродавец уже стравил сено своему скоту и даже по неурожаю сена и вследствие худых отав (трава под снегом) воспользовался сеном, скошенным его контрагентом на другом месте. Даже между родными братьями ссоры из за сена доходят до Родового Управления и Инородной Управы (Дела Сунтарской Управы за 1831).

Поставка. Договор поставки имеет широкое применение, потому что предметом его не служат продукты, еще не существующие или не состоящие в обладании поставщика, а лишь предположенные к добыче. Разница от подряда в том, что поставщик своими средствами добывает продукт и привозит его, в подряде же или продукт бывает хозяйский или средства хозяйские. При поставке якуты берут вперед часть платы. Договоры бывают словесные, когда стоимость продуктов незначительна. Промысловые конторы[1] совершают с якутами формальные контракты. Якуты округов Якутского, Олекминского и Вилюйского в последние два десятилетия[2] постоянно имеют дела с промыслами и получают значительные денежные суммы. Так как неисправное выполнение контракта влекло бы принудительное взыскание, то случаев нарушения условий немного. Излишне было бы говорить, что отношения по поставке между якутами способны к легкому нарушению, особенно, если условие было словесное, а срок поставки продолжительный.

Закладное и залоговое право. Закладные отношения в якутском быте видоизменяются ими таким образом, что с владением к кредитору переходят и пользование; самое владение закладом, например скотом, не отчуждается, а собственник обязывается сохранить известное количество голов до срока, при чем скот полагается на опись и оценивается. В отношениях с казною и с русскими обеспечение обязательств скотом возможно лишь со стороны богатых якутов, владеющих излишним скотом, сверх неприкосновенных голов. Между собою же якуты допускают резкие отступления от закона о неприкосновенных 28 скотинах. Так, в Олекминском округе, где развито земледелие, считаются не подлежащими залогу, лишь четыре лошади, 2 быка и 2 дойных коровы. Предоставление кредитору владения и пользования скотом может иметь место лишь в урожайные годы. Потому характер отношения по отдаче скота в пользование видоизменяется, смотря по тому, насколько такое пользование имеет имущественный интерес. Во время общей бессенницы в Вилюйском округе в 1843 году, когда годовой прокорм скотины стоил дороже самой скотины, приходилось приплачивать берущему скот в пользование, так что обязанность сохранения брала перевес над правом пользования. То же было в 1870 году в Верхоянске. Скот до того имел важное значение, что якут при встрече прежде всего справлялся о здоровье скота, а потом уже о семейных. Так как обеспечение скотом должно совершаться с дозволения родоначальников, то одному из них поручается надзор за закладчиком, чтобы он пользовался своим скотом в качестве доброго хозяина. При неисправности должника на срок, скот или продается или передается кредитору, смотря по сумме иска. В этом случае закладное право кредитора имеет характер чистого обязательства, ограничивающего собственность должника и не установляющего никакого права на самый скот; если должник выполнил свое условие, кредитор может требовать от закладчика лишь соблюдения обязанности поддерживания скота в хорошем состоянии и не отчуждать владения им в нарушение закладного условия. По соглашению может быть допускаемо выполнение обязательства должника по частям, а также соразмерное сокращение залоговых отношений, т. е. если скот у кредитора, то он должен возвратить известную часть его, а если у должника, то он получает

[1] Т. е. конторы золотопромышленников. И. М.
[2] Т. е. в 50 и 60 годах XIX стол.

право распоряжаться им. Впрочем, якуты кредиторы редко соглашаются на снятие залога по частям, они всегда имеют в виду при окончательном расчете с должниками насчитать на них вознаграждение за издержки по взысканию долга и за убытки от несвоевременного удовлетворения. Общая черта двух приведенных нами видов закладных отношений та, что кто бы ни был владельцем заклада, кредитор или должник, или третье лицо, напр., родоначальник, никто не может распоряжаться закладами, как собственностью, потому что самое право собственности становится сомнительным, или обусловленным. Оно не осуществимо пока существует закладное отношение. Посему, собственник может лишь запродать свой скот, но не продать. Что касается прав владения и пользования, то распоряжение этими правами во время существования закладных отношений вполне зависит от воли контрагентов, выразившейся при установлении закладного отношения, например, может быть дозволена уступка скота в пользование постороннему лицу на все время заклада или на часть этого срока. Даже право владения может быть отчуждено, кредитор может перезаложить заклад. При этом характеристичные черты закладного отношения не изменяются: никто не имеет права распоряжаться владением и пользованием дольше срока заклада. Когда заложенный скот находится в пользовании кредитора, то ему может принадлежать в собственность приплод от этого скота, это заменяет проценты. Если же о приплоде не было такого условия, то кредитор, пользуясь приплодом, по обычаю должен засчитать его в уплату долга.

Сенокосные места по преимуществу служат предметами залогового контракта. Мы уже говорили, что нередко пользование и владение чужою землею устанавливается комбинацией договоров: продажи, отдачи в наем, поземельной аренды, займа и заклада. В 1744 году батурусский якут Иктеев дал закладную крепость якуту Тугарчику следующего содержания: он занял у Тугарчика на срок лошадь, стоющую 15 руб., и до возвращения ее или 15 руб., заложил покосное место, доставшееся ему от отца по наследству, с таким условием, что если он, Иктеев, не выкупит в срок покосное место, то Тугарчику вечно владеть им на праве полной собственности. Так как выкупа не последовало, то Тугарчик присвоил себе покосное место; оно за ним осталось и после указа 1765 года, закрепившего все прежние владения якутов и ограничившего на будущее время право распоряжения землями. Залогом может служить и чужое имущество, если собственник соглашается отдать его в залог; это — комбинация залога с поручительством, ограничение распоряжения имуществом третьего лица поручителя.

У якутов закладное право можно встретить и в грубом виде обеспечения обязательства стеснением свободы лица или права на самостоятельный труд. При этом иногда вся деятельность заложенного лица обращается в пользу кредитора.

Подобные закладные отношения имеют несколько степеней. Иногда должник отдает лицо, ему подвластное, в услужение кредитору до выполнения своего обязательства. Так еще в 1822 году якут Борогонского наслега за жеребенка и трехлетнюю корову взял к себе тунгусскую сироту от ее воспитателя должника и обладал ею несколько лет до возраста брачного ее совершеннолетия в виде заклада и процентов за неплатеж долга, а так как должник не уплачивал долга, возросшего с приплодом до больших размеров, то кредитор смотрел на сироту, как на свою собственность. Кабальные отношения прекратились бегством

тунгуски под защиту земского начальства вследствие ее насилования хозяином и жестоких побоев за несогласие ее на связь с ним. Земское и родовое начальство приняло ее под свое покровительство и поручило одному из родоначальников. Иногда сам должник обязывается отслуживать у кредитора за известную годичную плату до тех пор, пока не будет уплачен весь долг.

Заклад личного права. Установление отношений зависит от общего согласия, как при личном найме, но дело в том, что установление срока найма поставляется в зависимость от очищения прежнего обязательства должника, при чем закладывается свобода выбора места жительства и свобода в выборе труда. Иногда поручительство комбинируется с закладом личности. Так, в 1790 года якут Чакырской волости дал обязательство казаку в том, что за взятого у него для съезда в Якутск коня, он обязан заплатить ему в будущем году 30 руб., а в обеспечение платежа оставляет в волости своего младшего брата, который не должен никуда отлучаться без позволения кредитора, если не уплатит 30 руб. Это принудительное поручительство или род делегации.

В 1790 году крещеный тунгус за взятые в собственность у якута 123 руб. и за двух оленей, обязался вместе с женою быть у кредитора в летней работе, в особенности ловить для него рыбу, при чем зажиточная плата определена по 10 руб. за лето. В зимнее же время тунгус имел право по своему усмотрению заниматься дикою охотою, оставляя в залоге у якута-кредитора свою жену, которая должна состоять в услужении. Такие отношения должны были продолжаться до полного погашения долга как заживой, так и уплатой пушниной или деньгами. Ревизия 1819 года и 1820 года обнаружила, что родовичи закладывали детей, и заимодавцы даже приносили земскому начальству жалобы, если родители отбирали у них заложенных детей, и начальство возвращало их заимодавцам.

Заем. Чистая форма займа выработалась от соприкосновения с русским населением. Так, якут, отправляясь на промысла, занимает у богатого родовича или русского деньги для покупки припасов, снарядов, уплаты долгов, вноса повинностей с обязательством уплатить ту же сумму по возвращении и распродаже своих продуктов. В виде процентов к платежу присоединяется подарок из добычи. Якуты не дают в долг денег иначе, как по знакомству; незнакомому, хотя известному и благонадежному, дадут не раньше, чем познакомятся с ним, не прежде, чем он угостит их или заищет чем-нибудь их расположение. В большинстве займов деньги возвращаются предметами производства или добычей. Например, за 100 руб., занятых летом 1820 года, якут обязался в октябре (доставить) четыре жирных коровы, к 1 ноября доставить 50 безменов топленого масла (около трех пудов), считая по 40 коп. за безмен, за остальной долг 100 белок. Тут к займу привходит и договор поставки и подряд, но разница в том, что должник всегда может уплатить деньги, платеж продуктами есть лишь сподручное для него средство погашения займа.

Альтернативные обязательства. Еще чаще случается, что во время заключения обязательства предмет платежа не определяется с полною точностью, а указывается несколько предметов, которыми должник по своему выбору может производить уплату или обозначаются права, представление которых от должника кредитору может служить погашением долга. Такая неопределенность условий зависит от неизвестности, каков будет урожай сена, улов зверя, рыбы и будет ли здоров скот. Должник погашает такое альтернативное обязательство по мере своей возможности.

Кроме денег предметом займа служат еще вещи, относительно которых заемщик получает право распоряжения, как собственностью с обязательствами в известный срок возвратить или то же количество и качество занятого продукта или равноценный продукт, нужный для кредитора. В якутском быте отдача денег в заем с правом получения продуктами есть таким образом продажа денег комбинированная или с запродажей, поставкой, арендой или с личными наймами, смотря по условию или в альтернативных обязательствах по выбору должника.

Проценты.

Проценты имеют более нравственное, чем экономическое значение; они носят характер благодарности должника за одолжение: это объясняется частыми случайностями в жизни якутов, возможностью быстрого обогащения в хороший год и разорения в худой. Посему платеж процента дело совести. Должник разжившийся при помощи чужих денег, должен в знак благодарности добросовестно уделить часть добычи. Якуты щекотливы при неблагодарности и готовы сами разориться, лишь бы отомстить врагу, поэтому обиженный кредитор заводит тяжбу и насчитывает разные убытки.

Невыполнения обязательства.

В прежнее время заимодавец, взамен взятия расписки, проводил на стене, столбе или где-нибудь у себя в жилище углем черту с своеобразным обозначением имени и фамилии должника и количества долга. Если с наступлением срока долг погашался, то черта уничтожалась; если должник просил отсрочки, то черта переменялась, а когда уклонялся, то кредитор, пригласив свидетелей, уничтожал черту, и должник лишался кредита. Ныне сохранилось нечто подобное. Кредитор говорит неисправному должнику: «хочешь, я положу твою кабалу под образа», и тот старается очистить долг платежем. Если же кредитор имеет основательный документ или другие ясные доказательства и желает принудительного взыскания, то он обращается к родовому начальству. По делам же самих родоначальников с якутами порядок взысканий изменяется. В таких случаях, согласно с указом 1767 года, последовавшим по донесению ясачной комиссии о злоупотреблениях родовых начальников, велено обращаться к соседним старшинам или князьцам или в Якутскую Воеводскую Канцелярию, если истец и ответчик жили недалеко от Якутска. За нарушение запрещения судить свои собственные дела полагалось лишение титула князьца и обращение в разряд обыкновенных якутов. По указу 1769 года якуты, недовольные разбирательством своих князьцев по подобным делам, должны были просить Воеводскую Канцелярию о передаче дела на решение посторонним князьцам. Ныне жалобы по делам с наслежными родоначальниками приносятся в инородные управы, а с улусными — в полицейские управления.

Невыполнение обязательств тяжело отзывается на кредиторе, тем более, что недешево стоит якутское судопроизводство. К тому же должник, недовольный решением первой инстанции, может объявить неудовольствие и в течение года перенести дело в высшую инстанцию, которая может поручить собрание и поверку доказательств. Таким образом одно дело волочилось 15 лет, пока не было решено в Якутском Окружном Суде, и замечательно, что все инстанции признавали иск правильным. Главное начальство для устранения подобных проволочек находилось вынужденным предписывать о немедленном исполнении решений словесных расправ, несмотря на изъявление неудовольствия. Якуты кредиторы при невыполнении должником в срок обязательства и при отсутствии его, подают предварительное

или явочное прошение, прося хранить его на случай иска, если должник по приезде не рассчитается с ними.

Ссуда.

Безмездное и временное передвижение пользования непотребляемыми вещами необходимыми в обиходе, далеко не так часто встречается, как между русскими. Отдаленность юрты от соседних юрт, а также несуществование рынков делают подчас незаменимым лишение нужной вещи. Как в цивилизованном обществе одолжение вещи для соседа сводится к простой вежливости, не имеющей почти юридического значения, потому что невозвращени вещи считается обыкновенною простою невежливостью, так наоборот у якутов из отношений ссуды возникают тяжбы, посему и самый договор малопременим, в бедной среде, где из за горшка готовы насчитать убытков втрое против ценности его.

Дарение.

а) Собственности. У якутов вообще почти нет безмездных договоров. Дарение не есть одностороннее выражение воли дарителя к бесповоротному отчуждению имущества в чью-либо пользу, а является результатом убедительного выпрашивания или знаком гостеприимства, обрядом кумовства и дружбы. Якут, желающий получить от кого-либо хорошую лошадь, приезжает к хозяину лошади с вином, кобыльим мясом, как более любимым, и деньгами и угощает его; тогда цель легко достигается. В свою очередь, даритель непременно через полгода или не долее, как через год, приезжает к одаренному лошадью с целью получить отдарок, будет ли то лошадь же или что-нибудь из платья или из пушнины хорошего качества. Отдарок по цене не может уступать подарку, иначе возникают неудовольствия и даже тяжба, которая может повлечь возвращение подарка с приплодом или с вознаграждением за убытки. В 1838 году один вилюйский якут созвал к себе в гости голову и подарил ему 20 руб., трех соболей и лисицу, а жене его 10 руб., двух соболей и 8 аршин полотна и дочери одну серебряную монету. Но голова не отдарил его, питая злобу за несогласие его, заявленное при выборах его в головы. Когда же якут стал жаловаться, то голова ответил, что не имел возможности отдарить, так как сам якут не приезжал к нему в гости; впрочем голова признал иск справедливым. Дарение таким образом утрачивает у якутов характер безмездности и сводится к различным договорам. Хотя и в цивилизованных обществах возможны случаи присуждения и возвращения подарка, но такие случаи очень редки и обусловливаются грубою неблагодарностью, например побоями, тяжким оскорблением чести, покушением на жизнь дарителя, захватом его имущества и т. п. Дарение по поводу брака имеет характер договора, легко нарушаемого. Где мало развито уважение к личным качествам человека, там мало случаев облагодетельствования. Другое дело пособие разорившимся или несчастным, попавшим в острог, здесь и общество и родственники помогают сколько-нибудь. Восприемник, издержавшийся при крещении, должен ежегодно приезжать к своему куму в гости с подарком деньгами или мелким скотом, за что получает отдарок в десять раз более ценный по своему выбору, и отдаривающий, если он богат, не считает это для себя обидным или отяготительным. По случаю примирения после искового дела, решаемого третейским судом, есть обычай, независимо от выполнения присужденных выдач, одаривать друг друга в знак окончания тяжбы, например, дают друг другу по туше скотского мяса. По случаю развода супругов, состоявших в якутском браке, если развод состоялся по общему желанию, принято одаривать старосту, который дает разводное письмо и право вновь вступить в якутский или христианский брак. Например, разведенные муж и жена

дарят ему по лошади. Таким образом существенные черты дарения якутов следующие: оно производится в жилище дарителя, равно и отдарок в жилище отдаривающего; вручение подарка совершается непременно при личном свидании и после угощения со стороны одаряемого. Отдарок же может быть вручен одному из ближайших родственников дарителя. Дарение не допускает никакой письменности. Получивший подарок непременно зовет дарителя к себе в гости. Для вручения подарка родоначальнику принято звать его к себе в дом, при чем, как обыкновенно бывает при встрече почетного гостя, у входа в юрту постилают сено взамен ковров. Для получения отдарка должно ожидать особого приглашения. В случае нарушения одаренным этих правил, с него отыскивают или те же вещи, которые подарены, если они еще существуют, или вознаграждение другими вещами и деньгами. При этом взыскивают и убытки, скот должен быть возвращен с рассчитанным приплодом. Бывает, что тяжбу начинает лицо одаренное, но не в той мере, как бы следовало. Так, один дюпсинский якут убил для приехавшего к нему на несколько дней знакомого яловую корову, за это тот созвал к себе жену дарителя и подарил ей у себя полог из оленьих выделанных шкур и как полог, по его мнению, стоил дороже яловой коровы, то снова приехав к дюпсинскому якуту, он стал просить дополнительного подарка — стельную уже корову и, получив отказ, затеял дело. Ответчик оправдывался тем, что полог был дырявый и старый и не стоил даже яловой коровы. Дарение есть таким образом обоюдная сделка, но не облеченная в форму; здесь все полагается на веру и совесть, при невыполнении же дозволяются доказательства наравне с обязательствами. Впрочем, якуты редко отпираются от получения подарка и считают обязанностью по смерти дарителя отдаривать его наследника. Так, например, сын дарителя завещавшего взять в отдарок или корову или стоимость ее, хотя был добровольно вознагражден одаренным некоторыми вещами, но как они по ценности были ниже стоимости коровы, то он обратился с иском, и ответчик принужден был вознаградить его вполне.

б) Дарение права пользования и прав по договорам. Дарение права пользования, например, сенокосным, звероловным и рыболовным местами, домашними животными, предполагает также отдарок. Дарение кроме того может иметь предметом все виды имущественных прав, даже права по договорам. Не установляя никаких особых прав, оно есть лишь источник передвижения существующих уже прав. Этот способ передвижения прав имеет столько же нравственного элемента, как и юридического.

Товарищество. В родовом быте, особенно якутов, живущих уединенными юртами, отстоящими одна от другой на десятки верст, нельзя искать широкого применения договоров товарищества, хотя неизбежно встречаем общую собственность, общее пользование, владение с товарищеским распоряжением этими правами, а также общие обязательства и как членов рода, и как частных лиц. Но происхождение таких прав и обязательств редко договорные. Прежде всего такие отношения вытекают из семейного совместного жительства и из закона если брак освящен церковью. И наследственное право способно принимать товарищеский характер. Юридический элемент в соприкосновении с семейными началами утрачивает свое строгое применение, подчиняясь элементу нравственному, главному руководителю в семейных делах. Якуты, чуждые друг другу, избегают товарищеских отношений по добровольному соглашению, потому что не любят прав на идеальные доли вещей и зависимости от другого

лица. Впрочем якуты сознают важное экономическое значение товарищеских отношений при добыче пушного зверя и тому подобных предприятиях.

Покрута. С давнего времени торговцы покручали якутов и тунгусов, т. е. снабжали всем необходимым для добычи соболей, горностая, белок и т. п.; покручиваемые шли на промысел на всем готовом, обязываясь половину добычи отдать хозяину.

Это не есть отдача купцом денег и товаров в заем за известный процент; здесь процент, какой получит купец, совершенно неизвестен и до того подлежит случайностям, что при неулове зверя обращается в минус, потому что купец не выручает затраченного капитала. Вкладчик капитала в большинстве случаев лишается возможности следить за ходом предприятия. В прежнее время больших уловов звероловы были настолько честны, что считали большим грехом утайку добычи. Потом нашлись якуты спекуляторы, скупавшие богатые партии у звероловов, которые таким образом являлись для расчета с покрутчиком лишь с половиной добычи или даже с меньшим количеством. Понятно, что это было невыгодно для купца и влекло разорение для него. Богатые якуты по примеру русских сами делались покрутчиками и поступали практичнее.

Societas leonina. Лишь только который-нибудь промышленник возвращался, хозяин приезжал к нему и обыскивал, затем отбирал себе должное, иногда излишнее, беря себе львиную долю. Иногда после такого произвольного или насильного почти раздела покрутчик заводил еще бесконечные расчеты, иски же были большею частью бездоказательные и самые условия о покруте словесные. Бывало, что покрутчик вместо 1 фунта пороху и 2 фунта свинца, выданных зверолову при отправлении его, ставил на счет 2 фунта пороху и 3 фунта свинца. Покрученник же ничем не мог доказать истину, поэтому сложилась пословица: «с сильным не борись». И покрута стала утрачивать свое первоначальное значение, звероловы стали общими средствами запасаться всем необходимым для отправления за добычей и ходили артелями, образуя полное товарищество капитала и труда, но и здесь получился дурной результат, они стали обманывать один другого, отчего возникали трудно разрешаемые тяжбы.

Поэтому выработалась новая форма товарищества, составлялись малые группы охотников в два или три человека на отношениях полного же товарищества. Конечно, при условиях лесной кочевой жизни не обходилось без греха, но результат все же сноснее. Ныне бедные звероловы, нуждающиеся в посторонней помощи, избегают покруты, а предпочитают брать все нужное в долг у богатого якута или русского купца; здесь о товариществе нет уже помину. Или покрута комбинируется с личным наймом, т. е. якут на хозяйские средства обязывается добывать зверя, а в вознаграждение получает известную, конечно, вследствие уменьшения зверя против прежнего времени, меньшую, но все-таки определенную часть добычи. Такая комбинация выгодна для обеих сторон, если дело обеих сторон идет честно. Но обманы со стороны звероловов, даже состоятельных, и неопределенность прибыли нанимателя, особенно в худые годы, побудили покрутчиков видоизменить отношения по добыче зверя в договор подряда. Выдав вперед некоторую, хотя и большую часть своего пособия, покрутчик обязывает якута доставить ему после промысла известное количество зверя разного сорта и при выполнении выдает остальную плату. Или при заключении условия выдается все пособие. Подобные отношения лишены товарищеского характера в тесном смысле товарищества.

Артели для добычи мамонтовой кости. На Булуне, в Жиганске и Устьянске Верхоянского округа существуют артели, отправляющиеся по льду или с раскрытием рек на летовку на морские острова и лежащие при устье Лены; эти товарищества полные, и результат их хороший. Главным условием для поступления в такую артель поставляется честность и отвага до готовности на полное самопожертвование. Опасность грозит в особенности от зверей. В случае неудачи сообща легче нести убытки, иногда же в обмытом водою и обвалившемся береге находят такое количество мамонтовой кости, что зараз не могут увезти. На пути копят пух с птиц. Возвращаясь осенью ставят клепцы и пасти для песцов и медведей, луки для лисиц. Осматривать эти ловушки ездят уже в марте на собаках и с добычей возвращаются в мае. Добыча якута, попавшая с осени или ранней зимой, дожидается своего хозяина иногда в течение полугода.

Общее пользование рыболовными местами. Сервитуты. Общее пользование рыболовными местами имеет место не только между отдельными лицами, но и между целыми обществами. Родовичи 1-го Соттутского наслега Борогонского улуса исстари занимались рыбопромышленностью на песках острова Темюгэнь, но вследствие сноса верхней части этого острова к нижней его части, находившейся невдалеке от острова Ары, принадлежавшего родовичам I Одейского наслега, возникли между этими двумя наслегами особые отношения: было необходимо в случае маловодия расчищать более возвышенные вследствие наноса места, без чего рвались невода. Так как эта расчистка производилась общими силами обоих наслегов, то право ловли рыбы было общее около расчищенных мест, и установились очередные тони. Таким образом Одейское общество пользовалось правом рыболовства в местах, принадлежавших Соттутскому роду и наоборот. Эти отношения весьма близки с теми имущественными сервиттутами, в которых установляется общность пользования в качестве добрых хозяев.

Рыболовные артели. В Вилюйском округе и особенно в Средневилюйском улусе промысел рыбы в озерах совершается многолюдным собранием якутов. Имеющие невода заранее извещают окрестных жителей при посредстве проезжих, приглашают участвовать, когда они будут «тянуть озеро». После вынутия невода каждый бежит к неводу и берет, что может. Тут происходит шум, драка, давка и торжествуют сильнейшие. В отвращение беспорядков распорядители неводьбы запасаются коробьями, а проруби окружают дюжими молодцами. Рыбу валят из невода в коробья и потом делят ее лопатами или берестяными турсуками, но и тут не обходится без ссор.

Работа помочью. Для сенокоса нередко приглашают на помочь соседей. При этом хозяин убивает скотину и угощает мясом, кумысом и кашей с маслом. В Колымском округе товарищество мало развито; каждый зверолов и рыболов видит в соседе вечного соперника в борьбе за существование и ничего ему не сообщает. Это следствие бедной бродячей жизни, где каждому приходится рассчитывать лишь на свои силы и нельзя надеяться на помощь от общества.

Товарищество комбинированное. Договор товарищества легко комбинируется с другими договорами, часто в договоре бывает несколько верителей и один должник или наоборот, или на обеих сторонах бывает по нескольку лиц. Товарищество видоизменяет отношения по договору в том смысле, что делается равнозначущим, кто бы из товарищей не осуще-

ствил товарищеское право в отношении к другому контрагенту, или кто бы не исполнил обязанностей в отношении к нему. По казенным подрядам якуты контрагенты заручаются одобрением своего общества. Договоры частные, обеспеченные поручительством нескольких лиц, дают право требовать полного удовлетворения по обязательству от того поручителя, какой находится налицо. Наслег, улус и округ суть товарищества полноправных родовичей, эти товарищества высшего рода — юридические лица; все договоры, а так же все имущественные права и обязанности наслега в отношении к правительству и каждому отдельному родовичу носят характер товарищеский. Таким образом, например, отправление натуральных повинностей [разлагается] на всех по мере пользования каждым землею.

Подряд улусов целого округа.

Способы отправления повинностей бывают различны; так, в Верхоянском округе обывательскую гоньбу и другие общественные работы, например, постройку мостов, исправление мостов и дорог, отбывают наслеги поочередно. В 1834 г. требовались под партию ссыльных в Охотск 37 лошадей. Улусные головы якутского округа договорились с казною за каждую лошадь получить 40 руб. Так как эта обязанность ложилась по контракту на целый округ, то Степная Дума разложила все количество нужных лошадей на число душ и так как [получилось], что одна лошадь упадала на 900 душ с прибавком, то в результате пришлось с Кангаласского улуса 7½ лошадей, Ботурусского 6½ лошадей, Мегинского и Намского по 3 лошади, Борогонского 8, Баягантайского и Дюпсинского по 4½ лошади.

Продажа улусами отношений из подряда.

Улусные головы по особому договору с выборным Борогонской инородной управы передали ему свое обязательство к выполнению за плату по 45 руб. с лошади с тем, чтобы он условленную с казною плату получил сам из Областного Правления, а остальные 185 руб. с улусов, именно с Кангаласского 37 руб. 50 коп., Ботурусского — 32 руб. 50 коп. Мегинского и Намского по 15 руб. Борогонского — 40 руб., Баягантайского и Дюпсинского по 22 руб. 50 коп. Органами наслега являются князьцы, улуса — головы и старосты, округа — Дума. А так как ныне Думы не существует, то поверенный от улусов одного округа. Иногда несколько наслегов дают доверенность от лица своего улусного начальника одному князьцу на заключение договора с казною или продают ему свои отношения по заключенному уже договору с правом получить из казны прогоны. В 1821 г. такой покупщик товарищеского отношения по договору о свозке в Охотск на 8 лошадях летних тяжестей по выполнении контракта со своей стороны был удовлетворен Областным Правлением не всеми 400 руб., считая по 50 руб. за лошадь, а лишь 191 руб. Вследствие жалобы его на улусного князьца голове последовало разбирательство и присуждение [остальной суммы проторей] и убытков от несвоевременного удовлетворения со всей волости. Разбирательство головы было основано на подробной справке у всех голов бывших в городе для расчетов с казною, и оказалось, что из Областного Правления не могли выдать всех денег по прежним расчетам с этою волостью, в чем никто из тяжущихся не виноват, посему по существующим обычаям и расчетам между наслегами платеж должна принять на себя вся волость.

Заем улуса.

В 1798 г. Намский улус в лице 9 князьцов занял у якутского купца 1000 руб. для отправки в С.-Петербург улусного головы. Платеж был назначен при получении князьцами прогонов в Якутске за содержание ставции. Наслег, отвечая по дого-

ворам князьца, требует от него отчета в употреблении занятых для наслега денег. Были случаи, что наслег, уличив князьца в употреблении денег на свои личные потребности, не соглашался платить по обязательству.

Товарищеская поставка. В 1835 г. Кангаласский старшина Лебедев и родник его Алексеев заключил с казною товарищеский договор о поставке для арестантов одежды и обуви с получением вперед всей причитающейся суммы 667 руб. за обеспечение со стороны Лебедева закладом скота 150 голов, а со стороны Алексеева 30 голов и общественным поручительством.

Личный наем. Личный наем то является результатом свободной воли, то необходимостью отслужить (прежний) долг. Условная плата определяется на деньги, но в действительности получается чем-либо другим, напр., скотом, платяными вещами. Договор заключается на сроки от 9 мая (Николиного дня особенно чтимого) до 1 октября, или с 1 октября до 9 мая, или на одно время покоса. Якуты, живущие в услужении в городах, также нанимаются на эти строки, при чем если по окончании срока якут считает выгодным остаться в услужении, то вновь уславливается до следующего срока.

Обновление найма. Иногда работник живет три года и более, и всегда дважды в год делается условие о продолжении срока найма, при чем иногда наемная плата увеличивается или уменьшается. Бывает и так, что прожив до 9 мая, якут рассчитывается и уходит в наслег для уборки сена и ухода за своим скотом и потом снова является 1 октября к прежнему хозяину или нанимается к другому. Наемники вообще живут или на своем содержании или на хозяйском. Первый способ встречается чаще, потому что якуты любят есть много и жирно и трудно удовлетворить их требованиям. Когда же якут живет на своем содержании, то он обходится одним кирпичным чаем и молоком. Если нанявшийся и получивший задаток не хочет жить по найму и не возвращает задатка, то староста берет его к себе в услужение или отдает другому хозяину и из вырученных от этого денег удовлетворяет первого нанимателя. Также поступают с работником, которому до срока хозяин отказывает, за какие либо пороки. Если же хозяин откажет без основания, то лишается заданных денег. В Верхоянском округе покрута принимает характер личного найма. Звероловы нанимаются с первого снега до вскрытия рек. Наниматель снабжает их припасами, иногда одеждой, ружьем и проч. Плата назначается смотря по охотнику, счастливые получают до 50 рублей. Само собою разумеется, что вся добыча идет в пользу хозяина. Якуты нанимаются на каюки и паузки в качестве лоцманов, палубщиков и простых рабочих. Лоцманы получают большую плату, здесь ценится искусство и знание более, чем физический труд гребцов и тянущих бечевку, когда плывут против течения.

Личный наем имеет и более развитые формы. По случаю разбирательства сунтарским родоначальником в 1830 году запутанного искового дела был приглашен для советов отставной канцелярский служитель, и за это ему была назначена плата 100 руб. Так как якуты вообще склонны к сутяжничеству, то отношения их с дельцами дело самое обыкновенное, хотя плата очень низкая. Услуги священника и доктора оплачиваются пушниной, деньгами, скотом. Богатые якуты платят за свадьбы довольно щедро. Вообще веселый и подгулявший якут дороже ценит услуги другого, разделившего с ним хлеб-соль, чем трезвый и в особенности опечаленный. С докторами имеют дело лишь якуты, живущие в городах, где есть

доктор. А так как в Колымском, Верхоянском и Вилюйском округах иногда по целым годам не бывает доктора, то якуты обращаются к своим, считающимся опытными, и даже к шаманам, лечение которых, соединенное с выполнением своеобразного культа, обходится очень дорого и нередко приносит один вред. В отношении медицинских знаний якуты круглые бедняки, может быть вследствие слишком сурового климата и бедности флоры. Впрочем, они известны удачным складыванием сломанной кости и скорым и прочным заживлением излома ран. Буряты и их ламы стоят неизмеримо выше якутов в искусстве врачевания.

Подряд. Контракты по доставке чужих тяжестей определяются как договоры подряда. Тежесть должна быть доставлена средствами подрядчика в сохранности в известный срок. Подобные контракты с давнего времени заключались с казною для перевозки в отдаленные административные пункты области хлеба разных сортов, соли, пороха, свинца, медикаментов, а при существовании откупов — спирта, также судовых материалов, когда был Охотский порт. С 1800 года по 1867 года Российско-Американская Компания подряжала якутов к доставке своих тяжестей. С 1843 года промысловые конторы входят в сделки с якутами, эти сделки имели характер подряда или поставки, или найма. В прежнее время существования Охотского порта и Американской Компании перевозки совершались в больших размерах. Например, в Охотск уходило одних купеческих товаров на 1200 лошадях, тяжестей Американской Компании на 1500 лошадях и казенных на 9000 лошадях, мелкие торговцы занимали около 300 лошадей. Плата за такое количество лошадей восходила до 450 тыс. руб., которые расходились между якутами и лишь отчасти между тунгусами. При таких операциях условия облекались в форму, установленную законом. Несмотря на это, нельзя было избежать неисправностей. При городничем Шейне (1796—1800 гг.) было сильное затруднение в доставке припасов. Когда генерал губернатором Леццано было учреждено сословие солдат-хлебопашцев и стали пересылать земледельческие орудия, то свирепствовала зараза в течение двух лет, лошади перепадали, и тяжести были разбросаны по дороге к Охотску. Нагнали каторжных с целью перевести порт на устье р. Алдомы и стали пролагать дорогу, но каторжные разбежались, образовали разбойничьи шайки, разграбили Жиганск. Хотя в хорошие годы якутам было выгодно вступать в подряды, но в случае заразы они разорялись, потому что никакие причины не избавляли их от обязанности доставить тяжести на место. Ныне казна в видах более точного соблюдения подрядчиками контракта, командирует для присмотра во все время транспорта казака. Но эта предосторожность редко вполне обеспечивает выполнение якутами условий.

Подрядчик, взявший подряд, например, на 25 лошадях, имеет 20 других подрядчиков, кого на $1/_2$ лошади, кого на 1 лошадь. Те в свою очередь передают тяжесть новым подрядчикам и т. д., тяжесть переходит в десятые руки, и часто доставщик тяжести на место не знает, за какого казенного контрагента он выполнил часть контракта. Как совершается улусами раскладка по выполнению казенного подряда, видно из следующего примера. В 1811 году в одном наслеге Намского улуса по общественной раскладке приходилось на каждого родовича по $1/_2$ лошади в год, а всего в три контрактных года по $1 1/_2$ лошади для поставки в Охотск провианта.

По наслегам ведутся особые регистры о полученных из казны прогонах, об израсходовании и о том, сколько кому из родовичей причитается к выдаче. Князец получает про-

гоны от улусного головы и должен ежегодно при собрании родовичей отсчитываться в них со взятиями отчетной квитанции за подписом всех. Иногда же прогонные деньги бывают в распоряжении особых поверенных. Родоначальники, представляя в Областном Правлении квитанции в приеме от них тяжестей, часто просят зачислить часть следующих обществу денег в государственную земскую повинность, следующую с того общества.

Переподряд. Когда выполнение контракта с казною заключенного одним обществом бывает ему не под силу, то это общество обращается за содействием соседних наслегов. Отсюда или вступление новых лиц в договор с казною, если Областное Правление изъявляет согласие, или переподряд помимо Областного Правления, т. е. с личною ответственностью за весь подряд самих казенных контрагентов. Подобная уступка отношений из подряда может быть или полная, не иначе, как по дозволению Областного Правления, или в силу контракта, или уступка касается части договорных отношений. Новый казенный контрагент вполне уже заступает место первого подрядчика. Переподряд, совершаемый помимо Областного Правления, может быть заключен с условием доставки всей тяжести или части ее не на все пространство, а на некоторое только расстояние.

Обганивание почтовой и обывательской гоньбы также часто совершается не самими казенными контрагентами, а новыми лицами. Так, в 1812 году такое обганивание почтовой гоньбы по Лене за Сунтарский наслег Хоринской волости Верхневилюйского Комиссарства взял на себя крестьянин Витимской волости Авдеев. Такой договор наслега с Авдеевым есть договор переподряда, тут комбинация, кроме доверенности, личного найма, т. е. труда Авдеева и его капитала, заключающегося в лодках, лошадях и т. д. При этом безразлично, составляет ли этот капитал собственность Авдеева или он чужой, а также все равно, сам ли Авдеев будет возить почту и проезжающих, или будет нанимать для этого перевозчиков и ямщиков. Важно то, что наслег не прилагает ни своего труда, ни капитала. В 1810 году шесть улусных голов и князьцов подрядили одного князьца из Намского улуса содержать при Якутском Земском Суде для рассылок в улусы 5 пар обывательских лошадей с верховою упряжью и одну зимнюю кошеву на один год за 850 руб. Таким образом, договор подряда помог пяти улусам переложить отправление натуральной повинности в денежную, как более для них выгодную.

В 1822 году один Дюпсинский старшина заключил письменный договор с соседним князьцом о поставке за него летних тяжестей на 8 лошадей. По выполнении этого переподряда князец не удовлетворил его 370 руб. Старшина обратился с иском, и дело кончилось тем, что вся волость ответчиков заплатила ему исковую сумму.

Имущественный наем. Мы уже имели случай говорить, что каждый отдельный родович имеет право отдать свой поземельный участок в кратковременное пользование. А так как подобная отдача редко облекается в письменную форму, то бывает, что якут, раз уступив такое пользование и получив в вознаграждение скотом и другими ценностями, передает то же покосное место другому, не знающему о прежней передаче. Родовое начальство в таких случаях как при существовании формального договора, так и за неимением условия, после разбирательства признает вещное право пользования за первым контрагентом, а обманувшего наказывает, как за мошенничество. Арендаторы, желающие оформить свое поземельное право, приглашают поверенных от наслега для бытности в вступлении в пользо-

вание землей. Целое общество, по просьбе родовича, может уступить ему дикое место с правом пользования в течение 40 лет. Непременным условием такого пользования поставляется расчистка, осушение болот, выпуск озер. Эта отдача в пользование утверждается Областным Правлением. Самый же выпуск озер через канавы разрешается с дозволения соседних наслегов в отвращение повреждений их сенокосам. Несоблюдение арендатором обязанности расчистки и осушения может повлечь отобрание участка. Так, якуты одного наслега Мегинского улуса Якутского округа хлопотали в Областном Правлении через доверенного о возвращении им такого участка, уступленного в 40-летнее владение на том основании, что арендатор при своей жизни расчистил только $\frac{1}{4}$ часть, а наследники вовсе не занимаются расчисткой и улучшением почвы. Продолжительная аренда распространена особенно в Якутском округе, потому что в нем чувствуется недостаток в землях. Иногда один наслег или два соседних уступают родовичу 40-летнее владение и пользование одною третью хорошего участка, улучшенного его трудами Если же над выпуском воды из большого озера трудились несколько родовичей, то третья часть уступается всем в товарищеское пользование. Отдача лошадей в пользование «в тело» обыденное явление. Возвращение испорченной лошади влечет процесс. Например, проводник тяжестей, возвратил хозяину лошадь с испорченной спиной от употребления непропорционального чресседельника. Голова с князьцами спрашивал выставленных свидетелей о том, была ли лошадь при отдаче ее в пользование здоровая, сильная и полная, было ли условие о перемене хозяйской деревяшки другою. При этом был допущен отвод некоторых свидетелей вследствие вражды с ответчиком. При присуждении в пользу истца вознаграждения строго внушалось ответчику не отваживаться на будущее время менять хозяйские деревяшки. В 1820 году Дюпсинский голова с князьцами присудили с родовича, взявшего лошадь не в полном теле в пользование в 1817 году для своза тяжестей и испортившего ее от своего неуменья и продавшего ее без воли хозяина, половину взыскания, какое бы следовало за пользование лошадью в полном теле и за самую такую лошадь, именно, полагая стоимость лошади 100 руб., плату за пользование в 1817 году — 15 руб., в 1818 году — 20 руб., а всего 135 руб., присудили взыскать половину, т. е. 67 руб. 50 коп. и убытков в 17 руб. В случае возвращения лошади не в срок взыскивается за каждый просроченный год известная сумма. Так, в 1842 году было наложено взыскание 80 руб. за такую просрочку в течение 6 лет. В 1848 году Сунтарский якут, отдавший в 1841 году оленя для съезда на промысла и выговоривший возвращение его через год с приплодным оленем, искал за просрочку в течение 6 лет 20 оленей, рассчитав семигодовалый приплодъ. Впрочем такое преувеличенное требование не было удовлетворено собственно за непредставлением доказательств отдачи оленя. Нередко подобные дела решаются присягою, например, в 1823 году было присягою решено дело по иску коровы, отданной в пользование в 1817 году, при чем был взыскан и удой за 6 лет.

Отдача на сохранение. При отъезде якута за промыслом или для доставки тяжестей, или отлучки для найма в работу, а также по случаю арестования лица, наложения ареста на имущество, скот, платье и другое имущество, мало портящееся от времени, поручается на хранение собственником или родовым начальством родственникам или посторонним лицам. Имущество, которым собственник владел сообща, остается на товарищеском праве и вследствие

доверенности у товарищей. Отдача быков в пастьбу имеет целью сохранить их к известному сроку. Такой договор развился вследствие спроса скота на промыслы. Располагающие большим количеством скота якуты, а также купцы, закупавшие скот заблаговременно в наслегах, договариваются с несколькими пастухами о сохранении его ко времени прибытия парохода в Якутск или к другому сроку. Плата за сохранение зависит от урожая трав. Отдающий на сохранение кладет тавро на рога или на другое место. Но якуты пастухи иногда соскабливают тавро на рогах или просто подменивают первосортных скотин худшими, отданными в пастьбу тем же хозяином, но другому пастуху. Обманщик рассчитывает на недосмотр приемщика и на одну денежную ответственность в случае обнаружения его обмана, особенно, если договор принятия скота на сохранение не был облечен в письменную форму. Пользование скотом в худые годы имеет вид взятия на сохранение, потому что пользующийся сам получает вознаграждение за возвращение скота в срок. Например, якут, который сам не может прокормить свой скот, отдает его до травы богатому сеном якуту с тем, чтобы весной получить лишь половинное количество скота, другая же половина скота служит вознаграждением за прокорм. Таким образом, на сохранение отдается идеальная доля имущества, остальная доля состоит в полном распоряжении взявшего скот. Приемщики скота во время существования заразы (например, в Верхоянском округе в 1870 г., когда был учрежден карантин) не могут принять ответственность за целость даже половинного количества скота. Выговаривая себе известное вознаграждение, они не дают никаких положительных обязательств о возвращении скота, а условливаются о возврате тех скотин, которые уцелеют при существовании заразы. Понятно, что такие неопределенные условия порождают ряд злоупотреблений. Якут, успевший выгодно сбыть доверенную ему лошадь, подавал явку, что лошадь пала от заразы. Когда же земское начальствс требовало представления при подобных заявлениях хвоста животного или куска кожи с тавром или рога от быка или коровы, то якуты стали убивать здоровых скотин, а мясо продавали или съедали сами. Нередко заражались и сами, жалея бросить мясо своей, хотя и зараженной, скотины. Убивая и съедая такую скотину, якуты приносили в жертву свое здоровье и жизнь, иногда сознавая это. Взятие скота на сохранение часто составляет платеж за прежнее одолжение. В 1794 года якут, взявший от князьца Мегинского улуса 8 руб. в собственность и трех коров в пользование, обязался прокормить в течение зимы того года 15 коров князьца; таким образом, пользование скотиной летом составляло право, а зимою — обязательство.

Договор отдачи на сохранение входит как составная часть закладных и залоговых отношений, а также личного найма для работ и договора подряда. Если наемник, берущий хозяйское имущество, необходимое для выполнения наемного условия, не обязывается непременно возвратить его, а лишь выполнить свою обязанность, например, даже употребить известный материал, то здесь привходят отношения из доверенности, так как материал поступает не на одно сохранение, но и в распоряжение наемника. Притом всякая случайность, например, несчастный случай, могут оправдать утрату или порчу доверенного имущества. Между якутами часто возникают жалобы на злонамеренное невозвращение доверенного имущества. Так, в 1798 году якут писал в жалобе, что он в 1785 году отправил в Охотск кладь на 13 лошадях с возчиком, который по возвращении заявил, что все лошади хозяйские

пропали и в доказательство не представил примет, установленных обычаем. Таким образом, при личном найме и при доверии наниматель лошадей в праве требовать, как и при отдаче на сохранение их, чтобы наемник хранил его приметы, даже в случае пропажи скота. Обязательство по перевозке чиновников и других проезжающих, а также казенного и частного имущества предполагает также сохранение их насколько возможно и соблюдение особых правил на случай необходимости других мер, дозволенных законом в отношении пассажиров и перевозимого имущества. Подрядчик является здесь не только сохранителем, но и лицом уполномоченным.

Доверенность. Доверенность явление неизбежное, особенно при затруднительных сообщениях с центрами. Права вещные и отношения по обязательствам могут быть передаваемы к осуществлению другому лицу по доверенности. Князец, с согласия наслега, может иметь доверенного по делам наслега. Князец передает доверенному свою печать или облекает доверенность в письменную форму. Одно имение посторонним лицом наслежной печати считается доказательством доверенности, если нет подозрения в покраже ее. Печать князьца есть изображение дерева с ползущим по нему зверем и охотника, нацеливающегося на зверя из лука. По краям вырезывается название наслега и улуса.

Нередко дают доверенность по взысканию с якута, живущего в отдаленном месте. В 1847 года сунтарский якут передал свое право на получение 30 руб. с должника, жившего за 540 верст, другому якуту, который собирался ехать в место жительства должника. Гонорарием за труды по взысканию должна была служить третья часть этих денег. Кроме сего кредитор продал доверенному свое право на 10 руб. из оставшихся 20 рублей за 1 пуд топленого масла, так что гонорарий доверенного должен рассчитываться уже не со всей суммы долга, а с 20 руб. Продажа права на 10 руб. доставляет в руки кредитора и удовлетворение по обязательству и обеспечение, что доверенный позаботится взысканием. Таким образом, у якутов мы видим обратное явление — вместо того, чтобы доверитель выдавал известную сумму денег доверенному для ведения дела, у них доверенный платит, потому что кредитор боится неопределенности отношений с ним. И в самом деле, доверенный этого кредитора не мог сразу разыскать должника, а должен был нанять за 3 руб. с лишним других лиц, чтобы разыскать его и при том должник отдал только 20 руб. Таким образом, доверителю приходилось ничего не получить, потому что за исключением 10 руб., взысканных доверенным в свою пользу, 3 руб. 33 коп. гонорария, с остальных 10 руб., взысканных в пользу доверителя, и 3 руб. личных расходов, оставалось около 3 руб. кредиторских. Итак, у якутов доверенности по взысканиям вследствие затруднительных сообщений и неформальности сделок сводятся к продаже права на взыскание. Часто князец, давая доверенность якуту, своему родовичу, на получение с кого-либо денег и на взыскание в случае неплатежа, дает ему «уверение», что сам князец уже получил с него, покупателя права, все деньги сполна. Обратное взыскание доверенным с доверителя может последовать в том лишь случае, если обнаружится недобросовестность доверителя, продавшего право, уже не существующее во всем своем объеме или в некоторой части.

При личной доверенности неграмотных лиц относительно подписи за них доверитель сначала держит в своей руке перо, которым доверенный будет писать, или касается рукою пера во время самой подписи.

Поручительство. Каждый консенсуальный договор способен к обеспечению поручительством или неустойкой. Все поручительства бывают срочные и совершаются письменно, более важные свидетельствуются членами родового управления.

Поручительства носят характер точно определенного обязательства заплатить за должника, коль скоро сам он не заплатит в срок. Об объявлении должника несостоятельным не может быть речи, потому что такое объявление неизвестно в якутском быте. Вследствие строгости взысканий с поручителей процесс между ними и должниками — дело очень обыкновенное. Должники, пользуясь неформальностью поручительства, часто отрицают факт самого поручительства или отпираются от своей просьбы о поручительстве. Поэтому осторожные поручители берут от должника подписку, засвидетельствованную родовым начальством, в том, что ручательство сделано по просьбе должника. Поручитель, заплативший долг, имеет право на взыскание всех убытков с должника. Присуждение этих убытков бывает одновременно с присуждением главной суммы.

Ручаются иногда не в уплате долга, а в том, что к известному сроку должник будет налицо. Так, в 1787 году олекминский якут взял взаймы на известный срок 40 руб., а в присутствии к этому времени его самого поручились двое. Поручительство легко комбинируется с закладом, т. е. поручитель указывает и имущество, которым обезпечивает выполнение своего обязательства. Таким обеспечением служит по преимуществу скот. Недоверие к поручителям есть следствие уклончивости их от платежа и скрытия своего скота при принудительном с них взыскании. Как закладчики должники, так и поручители в виду предстоящего взыскания за лицо должное сибирскому обывателю, передают свой скот сверх неприкосновенного своим родственникам и тем избавляются от платежа долга скотом.

Неустойка. Так как все якутские договоры носят характер сдержанности, обоюдной рассчетливости и неуверенности в точности выполнения своих обязательств и так как якутские обязательства допускают альтернативность, то договоры не комбинируются с добровольной неустойкой. И самая неустойка сводится к узаконенным обычаем обыкновенным последствиям невыполнения обязательства. Так на деньги обыкновенно полагается 6%. Что же касается возвращения в срок лошади, коровы, припасов и т. д., то неустойка никогда не определяется вперед, а присуждение убытков следует после невыполнения договора по подробном рассмотрении обстоятельств дела. Мы говорили уже, что исправный должник сам назначает процент за пользование деньгами, скотом, припасами, вещами, так что процент составляет вид дарения, смотря по тому, насколько одолжение кредитора было выгодно должнику. Так как неустойка направляется на волю и имеет целью наказать контрагента, хотя и могущего, но не желающего выполнить условие, то этот договор не может быть развит в бедном якутском быте. Только при предбрачных условиях, заключаемых целыми семействами за жениха и невесту, сторона, нарушившая контракт и отказавшаяся от вступления в брак, терпит за своеволие согласно обычным же положениям, а не по особому условию, значительные убытки, как нами объявлено в особой статье. Даже договоры о заключении договора не комбинируются с добровольной неустойкой.

Договор-пари. Игры разных родов (в особенности карты, скачки на лошадях, пари за борющихся) в ходу у якутов. При этом выигрываются и проигрываются значительные денежные куши или ценности. Бедняки редко принимают участие с богатыми, в этом случае

контрагентами являются равные по состоянию. Так как бег на лошадях бывает при собрании более или менее многолюдном и так как деньги с обеих сторон вручаются вперед третьему лицу, то споры не могут иметь места или решаются тут же общим мнением. Все подобные договоры имеют, в глазах родоначальников, значение настолько, насколько они не противны русским законам; отступления от заключенного договора всегда возможны без всяких невыгодных последствий, если еще не приступлено к выполнению его. Соглашение получает свою определенность только по выполнении предположенного обеими сторонами действия, тогда же определяется лицо кредитора и должника, им может быть тот или другой контрагент, смотря по тому, на чьей стороне будет удача. Родоначальники преследуют разорительную игру по домам в тех случаях, если проигрывается необходимое для поддержки семейства, если она переходит предел умеренности и если сопровождается пьянством и кончается ссорой и дракой. Якут редко уступает выигравшему вещи, необходимые ему в хозяйстве; чувство чести не развито настолько, чтобы в виду угрожающего разорения быть твердым в своем условии и из-за минутного увлечения жертвовать благосостоянием своим и семейства. Притом неудача в игре сильно раздражает якута. Само собою разумеется, что выигравший не будет обращаться за выигрышем к родовому начальству, которое в этом случае придерживается русских законов по отношению к запрещенным играм.

Лотереи. Якуты недавно освоились с договором лотереи. Они любят брать билеты в лотереях, ежегодно разыгрываемых в Якутске в пользу детского приюта. Якуты легко принимают участие по знакомству и в частных лотереях; они готовы по убедительной просьбе подписаться на несколько десятков рублей, но если ничего не выиграют, то отдают лишь небольшую часть денег, а остальные большею частью пропадают за ними.

Застрахование. Договор застрахования есть явление развитой общественной жизни, он не мог возникнуть между якутами. Они не прибегают даже к русским страховым обществам, может быть за отдаленностью их от области. Между тем застрахование скота было бы полезным нововведением для якутов. Но будет ли оно выгодно для страхового общества, это вопрос, разрешению которого могут помочь статистические данные о количестве упавшего скота от заразы, бессенницы и других причин.

Приложение.

Извлечение Д. Павлинова из рукописи XVIII-го столетия, составленной Колл. Асс. Эверстом, бывшим в Якутске 10 лет расправным судьей, и Колл. Асс. Горловским, бывшим 7 лет в Якутске исправником, начиная, с 1781 г.

Сообщение Д. Павлинова в Якутский Статистический Комитет от 16 мая 1875 г. за № 61.

Происхождение Якутов. [1]

Слово якут, данное русскими, произошло от дже хот, куда [?] не уйдешь [!], которое якуты употребляли в битвах с русскими. Прямое же название якутов — Уранхай-Саха. По преданию, они отделились от народов, населявших западную сторону Уральского (Аральского?) моря, дошли до Тунки и соединились с бурятами; некоторые ушли в Китай, где и ныне называются Уранхи. — Можно думать, что Сагаи, живущие ныне в Красноярском уезде, того же происхождения. Подтверждением преданию служит сходство в счислении и именовании месяцев с киргизскими тех киргизов, которые живут при (Аральском?) Уральском море. Названия: хоринцы, баягантайцы, сортолы указывают на совместную жизнь с бурятами; кангаласцы — на переселенцев Архангельской губ., живших прежде у Белого моря.

Вражда разных якутских родов на новых местах повела сначала к преобладанию кангаласцев, а потом к покорению их русскими.

Основание Якутска. [2]

Первое сведение о Якутске относится к 1620 г., а покорение совершено в 1630 г. со стороны Туруханска через р. Вилюй. Якутск прежде назывался Сай-Сары; это был острожек в 70 верстах от нынешнего города выше по течению Лены на левом берегу. Для управления были установлены дворянский и казачий штаты.

В первом было положено 50 человек, их наделили землей с правом потомственного владения. Начальники штата были выборные; в случае смерти дворянина на его место избирали из его детей; все получали жалованье и провиант.

Во втором было 500 пеших и конных казаков.

Так существовало до указа Правительствующего Сената, последовавшего по отношению бывшего в Тобольске Генерал-Майора Киндермана.

Ослабление власти родоначальников.

Главным средством к такому ослаблению было преследование суеверных обычаев: а) человеческих жертвоприношений из рабов при похоронах именитых якутов; б) погребения живыми стариков, больных и увечных после 3-х дневного угощения их. Результат: а) месть и злость родоначальников, а потому грабежи, воровство скота у русских и, наконец, убеги нескольких семейств в китайские владения. Намерение всех недовольных русскими уйти в Китай было остановлено преграждением средств для выполнения этого; б) антипатия между русскими и родоначальниками. Зато русские старались ласкать угнетенных якутов-рабов, снабжая их всем необходимым для существования и делая их пастухами, за что эти якуты делались шпионами русских, что было в то время весьма важно.

Уменьшение жалованья и льгот дворянских по инициативе Киндермана, думавшего, что сибирское дворянство могло довольствоваться доходами с комиссарств. Сравнение жалованья с солдатским еще более усилило вражду с якутами. Воеводы обложили комиссарства данью, и дворяне старались превзойти друг друга в коли-

---

[1] Этот параграф сохраняется без всяких изменений для характеристики взглядов наиболее интеллигентной части тогдашнего чиновничества. И. М.

[2] Более точные сведения о первоначальном гарнизоне г. Якутска имеются в «Дополнениях к актам историческим», т. II. «Дело об отправлении в Ленские острожки воеводами стольников Петра Головина и Матвея Глебова», стр. 164, и в других актах того же издания. И. М.

честве дани, а которое комиссарство не имело чем заплатить, то задолжалось купцам с условием уплатить мягкой рухлядью; рухлядь же приходилось вымогать у якутов. Результат: доносы и жалобы, потом комиссия Колл. Сов. Черкашинникова 1764 г., имевшая последствием, как известно, дарованье якутам льгот и облегчений от русского ига. Что главное, вместо прежде платимого ясака по душам, был установлен принятый произвольно по состоянию каждого рода приличный к платежу оклад, который можно было, в случае неулова зверя, вносить деньгами — за соболя 7 рублей, за лисицу 2 рубля.

Результат этой ошибки Черкашинникова и правительства, обманутых якутами, был тот, что общая сложность вносимых денег и ясаку была меньше прежнего; между тем Черкашинников думал, что будет больше. Когда это стало ясно, то, по особому убеждению Черкашинникова, якуты довнесли эту разницу за один год, но новый льготный закон остался в своей силе. Кроме сего Черкашинников установил право князьцов собирать ясак не со всех душ, а за исключением подростков до 16 лет и стариков свыше 60 лет, предоставив им полную власть переводить родовичей из соболиного оклада в лисичный и наоборот.

Последствия ясны: а) прежде за каждого якута должен быть принесен ясак, который в Москве продавался по двойной цене. Ныне же князец, располагая пушниной по произволу, сдавал в казну или деньги или пушнину; когда цены на пушнину были высокие, он вносил деньги по цене раз установленной, а когда цены были низкие, то сдавал пушнину. Таким образом князьцы продавали свой сбор ясака купцам. Но именитые родовичи скоро заметили это злоупотребление и сами начали повторять то же в своих отношениях с князьцами, т. е. сдавали им по своему произволу и расчету или пушнину или деньги; б) князьцы, по своим видам, не облагали ясаком родовичей, достигших 30 лет, показывая их в числе подростков, старались замещать в плательщики соболиного оклада своих близких и воспитанников, хотя бы малолетних, чем присвоивали себе лучшие земли от 5.000 до 8.000 десятин, отдавая излишек земли от имени своих воспитанников и родных в аренду за высокую цену; в) по личным неудовольствиям перемещали богатых из соболиного оклада в лисичный, а соболиный оклад присваивали за подарки, чем обогащались и еще более усиливались.

Крещение.

Крестившиеся освобождались от всех казенных сборов и повинностей на 3 года, что распространялось на женщин и детей. И вот богатые якуты уговаривали кого-либо из своих родных, особенно престарелых, креститься, и получали таким образом 3-х летнюю льготу, оставаясь язычниками, пользуясь землями и другими правами. Недочет же в ясаке по случаю таких льгот, ложился на всех, непользовавшихся льготами, которые кроме того, несли повинности надворную, подводную и др.

Характер якутов и обычаи.

Договор калыма и многоженство — явления хорошо уже известные. Результат: обиженные жены, обращенные в рабынь, нередко убегали одни или с любовниками и старались окреститься, чтобы высвободиться из под ига мужа язычника. Последствием были бесконечные тяжбы.

Договор дарения рассмотрен нами подробно в статье об имущественном праве якутов. В отношениях с тунгусами, ламутами, юкагирами, якуты были эксплоататорами; они задалживали их и держали в вечном долгу, насчитывая ужасающие проценты. Когда же должники выходили с промыслов, то якуты встречали их, наделяли кобылами, хлебом, мясом, угощали вином и обирали. Таким образом делали их своими данниками.

Идея независимости.

Якуты, до покорения их русскими, управлялись своими родоначальниками неограниченно. Русские установили судей, что продолжалось до 1764 г., когда Черкашинников переименовал их в князьцов или князьков с атрибутами: кортиком и печатью.

Когда в 1762 г. из Петербурга требовали депутатов от всех инородцев в комиссию для составления нового Уложения, то якуты выбрали общего голову Сопрона Сыранова, правнука славного прежде якутского полномочного родоначальника и владельца Тыгина, имевшего столько сражений с русскими. Возвратясь из Петербурга, он принял снова неограниченную власть и сделался ужасом якутов. Другие депутатские головы, бывшие, как и Сыранов, кандидатами, стали именоваться улусными головами и присвоили себе власть над целыми улусами. Сыранов вошел с ходатайством к иркутскому вице-губернатору, бригадиру Цедельману, бывшему в Якутске, об учреждении должности областного головы, но безуспешно. Между тем живший в Петербурге в 1788, 1789 и 1790 гг. бывший борогонский голова Алексей Аржаков в прошении к императрице Екатерине II тоже ходатайствовал о сем с тем, чтобы областной голова ни от кого не зависел, кроме генерал-губернатора, и просил о даровании князьцам права дворянства. Сыранов, быв отрешен от должности, отправился в Иркутск, принял св. крещение, испросив отцом епископа Вениамина и матерью супругу генерал-поручика Пиля, после чего обратился к Пилю с прошением об определении его без всякого выбора областным головою. Пиль не согласился, но: а) приказал ему быть головою Кангаласского улуса, несмотря на то, что там был выборный голова Харагачин, б) послал предписание коменданту Угрейну о выборе областного головы. Хотя расправный судья Эверст и кап.-исправник Горловский отклоняли Угрейна, но безуспешно, и Сыранов был избран. Якуты стали жаловаться, и Сыранова снова оставили при должности Кангаласского головы. Сыранов, будучи очень стар, уговорил именитых родовичей избрать ему преемником сына его Богдашку. Но вследствие жалоб якутов, недовольных этим, было поручено произвести следствие о сем Горловскому, который

признал Богдашку вовсе неспособным и не имеющим права на избрание, так как он не был даже князьцом, а потому Карагатчин снова вступил в управление, Сыранов же предан суду Нижней Расправы, но он подал жалобу на весь Нижний Земский Суд и, поддерживаемый Угрейном, отправился в Иркутск с Богдашкой. Здесь он добился, что велено было о Богдашке произвести новое следствие при бытности уездного стряпчего. Хотя донос Сыранова оказался несправедливым, но все кончилось одним замечанием Сыранову.

О коменданте Угрейне.

По вступлении в должность он со всеми присутственными местами и должностными лицами перессорился, исключая стряпчего, с которым был очень дружен. Особенно не любил Нижнюю Расправу и Земский Суд, не любил дворян, детей боярских и казаков. Грабежи и убийства оставались безнаказанными. Участником в кражах был его секретарь Колесов и стряпчий покрывал их (Лутвинов). Недостаток провианта в Охотске и растрата в Якутске тоже провианта, денег и казенного имущества были причиною смены его начальником Нагилем и, как Угрейн добровольно не слагал с себя должности, то был увезен силою.

Затем следуют проэкты, адресованные к особе императорского величества:

1. Об учреждении самостоятельной Якутской провинции.

2. О необходимости упразднения некоторых городов Якутской и Охотской областей по малолюдству и невыгодности и т. д.

3. Об учреждении порта в Аянской бухте вместо Охотского по мысли контр-адмирала Фокина; этот порт ближе Охотского от Якутска и дорога из Якутска до устья Аяна удобнее для доставки.

4. О возобновлении Ботомского железного завода, оставленного единственно по неприведении его в должный порядок и по малому сбыту вещей, выделываемых на нем. Завод предполагается населить якутами, осужденными за конокрадство, мастера же должны быть выписные.

5. О лучшем устройстве станков Иркутского тракта и поселенцев, живущих на этих станках. В 1773 г. Иркутская Губернская Канцелярия учредила станции, поселив на них поселенцев из доставленных в число рекрут, снабдила их довольным пособием, что продолжалось до 1781 г., когда выдача пособия была прекращена за неполучением от Сената разрешения на такую выдачу. Гоньба была возложена на якутов, которые и должны были оказывать пособие поселенцам и пользоваться их работами по добровольному согласию.[1] Затем авторы проекта, описывая бедственное положение поселенцев станичных, предполагают: а) освободить их на 10 лет от всех сборов, б) отменить езду зимою по Лене, а расчистить дорогу по подолу горы, что можно сделать киренскими крестьянами в пределах Иркутской губернии и якутами в пределах области. Удобное время для этого апрель, май и июнь, когда якуты совершенно свободны; в) приселить крестьян из Киренского и Иркутского округов и обязать якутов общей складчиной оказывать им пособие на каждого ямщика по 3 лошади, 2 жеребца, 2 коровы, 1 быка, довольствовать провиантом и деньгами; г) определить смотрителей из детей боярских на станки.

6. О ближайшем сообщении с Россией. Для этого следует лишь обратиться к старинной дороге завоевателей, именно от Якутска через р. Вилюй к Туруханску, потом на Березов, Устюг.

7. О предположенном тракте между Якутском и Нижне-Камчатском. Нужно ехать от Якутска на Колымск через урочище Кислое, которое предполагается сделать городом вместо Зашиверска, затем от Колымска до Камчатки через Гижигу или прямым путем.

О землях около Якутска.

8. Потомки первых покорителей, как уже объяснено, лишенные прежних льгот, пришли в бедность и принуждены были оброчить земли, прежде пожалованные им, а теперь занимаемые якутами. Так как в 1784 и 1788 гг, были неурожаи трав, то цены настолько возвысились, особенно по открытии области, когда наехало много чиновников, также нуждавшихся в земле, что вместо 1 рубля за десятину приходилось платить от 5 до 10 рублей. При дороговизне же жизненных продуктов они принуждены были совсем оставить дома и Якутск и разбрелись по улусам, живя в услужении у якутов и составляя презренный класс балыксит, т. е. рыболовов из бедности. Посему необходимо взять от якутов часть земель и возвратить русским. Оброчные же статьи следует дарить чиновникам за службу. Впрочем, по особым прошениям якутские дворяне получили по воле бывшей Иркутской Губернской Канцелярии пустопорожние земли для испытания, например прапорщик Данилов и канцелярист Жирков: первый вверх по Лене, в 80-ти вер. от Якутска, в Покровской пустыни, а второй в 200 вер. к Амгинской слободе. Урожаи были настолько удовлетворительны, что хлеб продавали. Также были удачны опыты Колл. Асс. Кичина около Якутска

9. О преобразовании в жизни якутов: а) переложением окладов по прежнему по числу душ, полагая на душу по 4 руб. деньгами или пушниной; это увеличение сбора не будет отяготительно ввиду того, что якуты выручают извозами, промыслами и сельским хозяйством от 500 до 700 тыс. руб.; б) сгруппированием их в селения от 25 до 50 юрт, с мирской избой или сугланом; в) уничтожением улусных голов; в сугланах должны заседать по очереди выборные от селений и двое старшин.

---

[1] Подробности об этом приводятся в книге И. И. Майнова «Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области». Изд. «Зап. Русск. Географ. Общ. по отделению статистики», т. XII, СПБ., 1912, стр. 8—15.

10. Об учреждении крепости на границах Якутска по р. Зее или Дзинкари для преграждения возможности якутам и тунгусам бежать в Китай.

11. О приветливости и ласковом обращении с коряками, люторцами и чукчами, причем рекомендуется: а) коммуникация с островом Ейвуглен, где живет многочисленный народ, через Индигирку; б) устройство крепости которую следует снабдить провиантом и другими потребностями жизни; в) возобновить Анадырскую крепость, согласно желанию чукоч; г) обложить каждого чукча, владеющего луком, по одной лисице.

По разным предметам. Рассуждение об Охотской области. Эта область, населенная дворовыми, незаконнорожденными якутами, тунгусами, коряками, оленными камчадалами, алеутами и курильцами в числе 4738 душ по 4-й ревизии, за исключением чукоч, приносит ежегодного дохода 8880 руб., расход же простирается до 200.000 руб. Польза же одна — покровительство и расширение торговли.

В заключение составители проекта полагают: а) уделить из пустопорожних мест чиновникам в собственность, б) освободить Якутскую и Охотскую области от рекрутчины на 20 или 30 лет; в) крестьян оленских, якутских, амгинских, нижне-камчатских, Ключевского и Мамурского селений принуждать к земледелию и по примеру китайцев строго наказывать за нерадение; г) якутских городских крестьян, неимеющих земли, и алданских переселить выше Лены в 70 вер. в Покровской пустыни с наделением землею, которую должно взять от якутов; д) зашиверских, нижне-колымских и охотских, так как места нынешнего их жительства не хлебородны, переселить: первых в предполагаемую Анадырскую крепость, а остальных в предполагаемый Аянский порт. Кроме того, нужно еще приселить крестьян из Иркутской губ. по речке Нотору, где прежде заводился город Алдан, к Удской дороге, между рр. Чепандой и Белкичи, по речке Белир, в близости Аянского порта и р. Майде, в окрестностях предполагаемой крепости, по Зее и в Удское укрепление и в Верхне-Камчатке. Этих людей следует снабдить скотом, семенами и снарядами, освободить на 4 или 5 лет от податей; е) провоз по Зашиверску, Жиганску и в Удское укрепление испанской водки и мелочная продажа, как подрывающая казенную продажу водки, должны быть воспрещены, причем должно быть обращено внимание на Камчатский винокуренный завод, находящийся в худом состоянии, потому что там только солдаты и казаки работают, при сем приказать выкуривать вино с тамошней сладкой травы и картофелю; ж) со строющихся в Охотске судов из казенного лесу назначить сбор в казну; з) уменьшение промысла зверей на островах около Америки заставляет обратить преимущественное внимание на добычу китов, нерпы и других морских животных, что легко может осуществить Компания, как уже предположено купцом Киселевым, нужно только правительственное утверждение ее по сношении с японцами; и) учредить в Иркутске или Кяхте государственный банк с капиталом от 500 до 800 тыс. руб. для купцов, торгующих с Китаем, при чем давать купцам золото и серебро; к) учредить в Якутске обитель, что необходимо, после того как устроенная по повелению Михаила Федоровича церковь сгорела и кончилось учение и проповедь, а суеверие в якутах стало заметнее. Снабдить эту обитель епископом или архимандритом с братией из России и училищем. Затем низложить шаманов, запретить жертвоприношения скота конного и рогатого

Брачное право у якутов[1].

Д. М. Павлинов.

Учреждение брака у якутов находится в сильной зависимости от низкого уровня материального их благосостояния. За недостатком цивилизующих условий, а также вследствие разбросанности якутских жилищ на большом пространстве и разрозненной жизни даже членов одного рода, может быть, третья часть якутов не имеет других потребностей, кроме самых насущных; понятия о комфорте своеобразны и случаи семейного несогласия не составляют редкого исключения. В особенности это относится к тем якутам, которые более приближены к северу. Таким образом Колымский и Верхоянский округа находятся в очень неблагоприятных условиях для развития учреждения брака. Здесь население почти не увеличивается[2]; так сильны местные парализующие жизнь условия, что они поборают естественные законы живого организма. Поэтому казалось бы, что жизнь людей в этих местах возможна лишь в интересах эксплоатации их в известное время, т. е. для добычи пушного зверя, рыбы и т. п.

И вот, при бедности природы и суровости климата мы не видим здесь оседлой жизни, а она то и составляет главное условие для правильного поддержания брачных отношений. В этих двух округах якуты живут жизнью вполне кочевою: это дело необходимости, подчас это борьба за существование; скудная природа немногих может прокормить разом, и посему почти каждое якутское семейство живет изолированно от своих сородичей, т. е. отдельной юртой, отстоящей от соседних юрт на расстояние в несколько десятков верст. Такая жизнь почти столько же отличается от высших форм общежития, как и жизнь бродячих тунгусов ламутов, юкагирей и чуванцев. Но возможно ли при таком образе жизни правильное образование, развитие и поддержание семейства?

---

1 Источником для составления настоящей статьи послужили: Полное Собрание Законов Российской Империи, Выписка о суде ясачных в наслеге князьца 1767 г., разные печатные сочинения, в особенности помещенные в изданиях Сибирского Отдела Русского Географического Общества. Сведения, собранные исправниками для Якутского Статистического Комитета. Рассказы инородческих начальников. Личные наблюдения и беседы с людьми, знающими быт якутов. Главный материал для изучения юридической стороны брака составляли подлинные архивные дела Инородных Управлений.

2 С 1861 г. до 1870 г. цифра жителей Верхоянского округа в течение 9 лет из 13.245 изменилась в 13.420, т. е. увеличилась только на 75. В продолжение того же времени население Колымского округа увеличилось на 371 душу: из 6.480 душ оно возрасло до 6.851.

При условиях, не дающих отдохнуть от суровых требований действительности, голос крови и привычка к семейству часто должны уступать экономическим соображениям. Не находились ли прежде в таких же условиях и все другие округа, на половину обрусевшие и привыкшие к более оседлой и лучшей жизни. Во всяком случае можно утверждать, что брачный союз в своем древнем происхождении, как учреждение тех якутов, которые не усвоили еще даже общих начал христианской религии и не высвободились из под жесткой опеки земли, имел характер коммерческой сделки, но торжественно совершаемой.

Якуты все православные и охотно принимают божественное учение, но вследствие малого числа церквей по округам, — всего в области, не считая городов, 34 церкви (из них 10 выстроены в течение последних 8 лет)[1] и 94 часовни, — и вследствие разбросанности якутских жилищ на обширнейшем пространстве, большинство было лишено постоянного религиозного назидания и общения с церковью. Посему, хотя, в виду важных обязанностей, налагаемых религией на каждого семьянина, нельзя бы признать за якутами права на сомобытность в заключении брака и в жизни семейной, а также в отношении по родственному союзу, — тем не менее большинство наслегов за отдаленностью церквей и священников живет своею жизнью, часто без другого руководителя кроме обычаев, проникнутых родовым началом. Таким образом, мирская воля и воля старшего семьянина во многих местах единственно пользуются авторитетом при заключении браков. Участие церкви, как необходимое условие для совместной половой жизни, проявляется только в ближайших к церквам приходах, вообще же инородцы венчаются после брачного сожительства.

У якутов нельзя искать однообразных обычаев и правил при заключении браков и одинаковых юридических последствий брака. Даже в разных частях одного округа можно встретить различия. Чем более на известную местность, заселенную инородцами, повеяло благотворным духом русской цивилизации, тем более мы видим в браках, заключаемых ими, отступлений от древних якутских обычаев. Таким образом, в тех местах Якутского, Вилюйского и Олекминского округов, которые находятся под постоянным влиянием русской жизни, уже нельзя встретить обычаев прямо несогласных с духом православной церкви; например, о шаманах и участия их при свадебных церемониях теперь нет и помину. Напротив, в этих трех округах, вследствие усиливающегося влияния церкви, должно увеличиваться число правильных браков[2]. В Верхоянском же и особенно Колымском округах в глухих местах шаманство существует, хотя инородцы скрывают это от проезжающих чиновников и священников. Зато в некоторых местах жители Колымского округа настолько

---

[1] Т. е. около 1865 г. И. М.

[2] Чтобы нагляднее показать влияние церкви, выразим цифрами отношение числа венчаний к количеству жителей и густоте населения за последние 10 лет. В Якутском округе, при пространстве в 866 тыс. кв. верст и населении, мало уклоняющемся в течение этого времени от цифры 138½ тысяч, ежегодное число браков колебалось между 870 и 510; всего в течение 10 лет было 6.590, на год средним числом приходится 659. В Вилюйском округе, заключающем 987 тысяч кв. верст, при населении в 56½ тысяч, в 10 лет было 2.690 венчаний, на каждый год приходится 269. Для Олекминского округа, обнимающего пространство в 324 тысячи кв. верст с 12.000 населением, среднее число ежегодных браков 81. В Верхоянском округе при 13½ тысяч жителей, распределенных на площади в 696 тысяч кв. верст, было в год 76 свадеб. В Колымском округе, простиравшемся на 558 тысяч кв. верст, на 7 тысячное население брачных случаев было 56.

обрусели, что многие почти позабыли природный язык, и говорят русским, усвоив наши религиозные обряды и верования; это, может быть, объясняется тем, что якуты при заселении Колымского округа уже нашли там русских. Для уразумения всех комбинаций, образовавшихся под влиянием православной религии, не вытеснившей еще якутских обычаев, но для некоторых мест области смягчившей первоначальную форму брака, должно ознакомиться с этою смягченною формою брака.

У якутов в основании брака не всегда лежит любовь, да к тому же любовь, неоснованная на симпатии двух лиц, именно способных и достойных к восприятию уз брака, как таинства, бывает непрочна и нередко скоропреходяща. Почти повсеместно для заключения якутского брака требуется не только дозволение родителей, но даже почин их или лиц, заменяющих их. Если брачущиеся находятся у воспитателей или попечителей, то от них зависит согласие и сговор, хотя бы живы были родители. Подобно этому заступают права родителей вотчим и мачиха, большею частию даже без участия прочих родственников, которые только созываются на общий свадебный пир. За неимением у жениха и невесты родных или воспитателей, их женят и выдают хозяева, у которых они живут в услужении или крестный отец и мать, принявшие их на воспитание. Совершенные сироты спрашиваются у родоначальников. Вдовы выходят замуж по своей воле, давая, впрочем, знать старосте, если должны уехать в другой наслег к новому мужу, и в этом случае у них отнимают не только все имущество первого мужа, но и детей от первого брака. Если вдова не захотела бы подчиниться этому, то она лишается свободы в выборе мужа. Редко бывает, чтобы родители или лица, заменяющие их до сватовства, не спрашивали жениха о согласии или, зная о нежелании его, принуждали бы к свадебной церемонии. В таком случае, жених иногда поневоле должен покоряться выбору старшего, не имея собственных средств уплатить калым за жену по своему выбору. Конечно печальнее в этом отношении участь девушек, которые должны выходить замуж по воле родителей за того, кто более заплатит. Общество и родоначальники отличаются большим великодушием: они никого не принуждают вступать в брак против согласия. Как бы ни было, при заключении якутского брака не требуется, как существенное условие, чтобы жених с невестою обменялись обещанием, основанным на добровольном и обоюдном желании. Казалось бы, что семейное право, как право на личность супруга, должно корениться в нравственном начале, т. е. в симпатии, но это неприменимо к обществам, где индивидуальная свобода находится под столькими влияниями, где она не высвободилась не только от родовых начал, но даже от произвола семейной власти. Самое совершение якутского брака с точки зрения теории права уподобляется приобретению одним мужчиной прав на женщину посредством гражданской сделки, именно покупкою жены и давностью пользования ею. Как такое определение брака расходится с русскими понятиями! Как странно, что замужество порождает лишь обязанности в отношении к мужу, что брак служит источником прав для одного мужа! Не удивительно ли, что честь девушки рассматривается главным образом как материальная ценность, которую отец может продать? Разве эта честь — благо наживное, не принадлежит ли оно самой девушке со дня рождения и не должен ли отец сохранять честь своей дочери в интересах ее самой, по прямой своей обязанности, а не из материальных расчетов на выгодную продажу этой чести? Наконец, разве брак не составляет для женщины события столь же целесообразного

и желанного, как для мужчины? Разве счастье дочери не входит в расчет родителей? Злоупотребление отеческой власти встречаются и у цивилизованных народов, но не как осуществление права, а как нарушение обязанности. Смотря на дело с точки зрения закона, мы должны оговориться, что если брак не освящен церковью, то дети от якутского брака записываются в общество того наслега, в котором родилась мать. Таким образом, в глазах правительства одна давность пользования женщиной не установляет семейных прав мужа. При заключении браков не соблюдаются соотношения в летах: нередки случаи, что невеста бывает старше жениха: иногда высватывают 10-ти или 12-ти летнюю девочку для 3-х летнего мальчика[1]. Впрочем высватывание малолетних бывает только у зажиточных родовичей; вообще же нынче это встречается реже, а под русским влиянием стали высватывать невест по достижении уже женихом совершеннолетия. Вследствие того, что сородовичи считаются членами одной большой семьи, браки заключаются по преимуществу между членами разных родов. Однакоже этот давнишний повсеместный обычай — брать невесту из чужого рода — лет 30 как начинает ослабевать, потому что в Якутском, Олекминском и Вилюйском округах на каждый наслег средним числом приходится более 1000 душ обоего пола; не менее того, в этих местах якуты очень разборчивы при высватывании невест из своего рода. Браки же между родственниками и свойственниками совершаются с большею осмотрительностью: здесь принимаются в соображение степени родства кровного и духовного. Кровное родство считается преимущественно по мужской линии, в этом случае обычай строже закона; браки запрещаются до 7-го, и в других местах до 10-го колена, иногда и далее. На родство же в женском колене мало обращают внимания, и вообще очень редки случаи, чтобы кто-либо испрашивал согласие своего родового начальства на вступление в брак с родственным лицом ближе 4-й степени свойства. Близость родства в Верхоянском округе идет в следующей постепенности: отец, мать, сын, дочь, деверь, зять, невестка, дяди по отце по старшинству, дяди по матери и т. д. У якутов весьма уважается духовное родство и в особенности кумовство и побратимство, поэтому в некоторых местах не встречается браков между духовными родственниками: такие браки по мнению якутов Верхоянского округа должны навлечь на вступивших целый ряд несчастий. Приемыши или усыновленные не вступают в браки ни с принявшими их или усыновившими, ни с их детьми. Вдовцы и вдовы могут вступать в брак не раньше, как по истечении 2-х месяцев вдовства. Дальнейший траур считается излишним.

Почетное сватовство начинается с того, что отец жениха делает визит в дом невесты, а после посылает кого-либо узнать, какое мнение родители невесты имеют о женихе. При благоприятном ответе в дом невесты посылается формальный сват для заключения условия о калыме, который жених должен выплатить родителям невесты. В тех местах Верхоянского и Колымского округов, где шаманы пользуются еще авторитетом, их еще в недавнее время приглашали ворожить о будущей жизни брачущихся. Заинтересованные лица узнавали, который шаман будет приглашен, и задабривали его подарками ради своих интересов. Калым, смотря по состоянию жениха и невесты, бывает различный: он заключается в скоте

---

[1] Пример: в 1867 г. из всего числа обвенчанных мужчин по Якутскому округу, не считая города Якутска (457), не достигших 20 летнего возраста было 197.

конном и рогатом. Самые богатые платят иногда целыми стадами, например, по 60 штук каждого сорта скота, а оленями до 100 штук. Средний калым заключается в 20 быках известных трав (т. е. годов) и в таком же количестве коров (из них стельных и яловых столько-то), в 20 кобылицах с 2 такими-то жеребцами и т. д. Иногда платят и деньгами: в некоторых местах до 50, а в других до 200 руб.; у прибрежных жителей в состав калыма входят звериные шкуры. Сверх того выговаривается, что на свидании жених должен привезти битого (курум) мяса по уговору. Отец невесты с своей стороны объявляет, что дает в приданое за дочерью столько-то голов и столько-то битого скота, обыкновенно в половину против калыма и даже в 3 раза меньше; только в Вилюйском округе иногда условливаются, чтобы за невестой по заключении брака было приведено в дом молодого, кроме платья и вещей, такое же количество скота, какое жених должен отдать в виде калыма. В Верхоянском округе заметно стремление богатых якутов женить сыновей на бедных невестах, чтобы меньше платить калыма, а дочерей выдавать за богатых, чтобы взять его больше. Были случаи, что при таких предбрачных условиях отец жениха или жених, если он сам сватается, делают условие с родителями невесты о том, что если их дочь окажется нецеломудренной, то половина уплаченного калыма должна быть возвращена (Верхоянский округ). За девушку, у которой есть незаконно прижитый ребенок, иногда калым вовсе не платится, а также за вдову. Ныне в некоторых более обруселых местах, где первоначальная форма якутского брака значительно видоизменилась, по окончании условий родители невесты спрашивают ее о согласии на сделанное предложение: если она решительно объявит несогласие, то сватовство может расстроиться. После заключения условия, которое бывает большею частью словесное, в дом невесты делает визит кто-нибудь из родственниц жениха, иногда с ним самим. Самое условие о калыме выполняется постепенно, калым платится по частям в особо назначенные сроки. Свадьбы справляют по преимуществу зимою, когда мясо битой скотины не может портиться и при том в первых числах месяца. Когда выплачена первая часть калыма и привезено от жениха угощение, то в дом невесты собираются по приглашению родственники ее; сюда же является и жених с его родными. За версту, не доезжая невестиной юрты, поезд жениха размещается в известном порядке: все едут верхом гусем, впереди сват, затем отец и мать, потом сам жених и, наконец, ближайшие родственники. Их встречают родные невесты, размещенные в соответственном порядке. Иногда около юрты бывает постлано сено для прохода поезжан, иногда хозяева помогают гостям сойти с лошадей. Где обряды язычества остались, там жених, войдя в юрту, становится в дорожном костюме на колени к камельку (очагу) и бросает на огонь принесенное с собою коровье масло, призывая на себя этим благополучие. В то время, когда на свадьбе присутствовал шаман, он садился впереди на кровати отца и во всеуслышание призывал на коленопреклоненного жениха благополучие, во всем успех, обилие детей и размножение табунов. Во время присутствия шамана в юрте, образа если они есть, убирались или завешивались. Жертва огню—остаток первоначальной религии якутов; огонь наравне с солнцем почитался, как домашнее божество, чистейший дух, ревнитель истины и правды. После этого жених уходит к поезду и снова приходит, переодетый в праздничное платье и вместе со всем поездом. Здесь начинаются приветствия и поцелуи жениха с невестою, если она вышла для встречи, и всех новых родственников; при этом женщины

отделяются в особую сторону и иногда все по особому приглашению и указанию занимают свои места большею частью на шкурах или травяных коврах, разостланных на полу; потом следует угощение чаем, кумысом и вином. По наслегам не всегда можно встретить вино, так как ввоз его к инородцам для продажи запрещен. Затем отец и мать жениха встают и в коротких словах объясняют родителям невесты причину посещения. При этом отец жениха кладет на стол или весит под образа несколько монет или ассигнаций; при сватовстве этот подарок также бывает выговорен, впрочем, богатые иногда дарят с прибавкой к условленному. Мать жениха тоже прикладывает или привешивает что нибудь от себя. Все эти обряды неповсеместны и необязательны; в некоторых местах при встрече гостей не бывает невесты, и жених, войдя в юрту с поездом, отделяется и идет к невестиной постеле и закрывается занавесом; невеста же является к жениху и гостям вечером. За первым угощением следует приготовление к обеду: из кипящих котлов вынимают мясо разных сортов и ставят его перед гостями в оловянных, медных и деревянных блюдах или чашках. Надобно заметить, что якуты предпочитают лошадиное мясо коровьему. Подле каждого мясного блюда ставится чашка с ухою. За обед садят гостей обыкновенно на разостланные сшивные из кожи «телляки» или травники, как прежде замечено; при этом строго соблюдается местничество: родные невесты при встрече жениховой свиты зорко следят, кто за кем приехал, и стараются поддержать тот же порядок[1]). Гости, сидя с поджатыми ногами, режут мясо, обмакивают его в масло и едят. После мяса подается каша, у богатых иногда молочная с ягодами, по преимуществу с брусникою, у бедных каша на кислом молоке с сосновою корой. Наконец, подается кумыс, и обед кончен. Прежде, когда якуты сами потребляли огромное количество масла, не дорожа им, как очень дешевым продуктом, почти повсеместно вместо десерта начиналось питье топленого масла. Иногда обе стороны, невестина и женихова, выставляют отборных удальцов на состязание, и тут выпивается непомерное количество масла. После обеда занимаются, кто чем хочет, некоторые играют в карты, другие скачут на лошадях; при этом можно видеть лучших лошадей и лучшую сбрую. Одни стреляют в цель из луков, другие прыгают через палочки, бегают в беги, борются, вертятся колесом, хороводятся. Женщины собираются своими кружками: молодые пляшут, старухи сплетничают. Подробное описание игр и увеселений якутов не входит в нашу задачу.

С заходом солнца и потухающею зарей, жениха и невесту следует по старинному обычаю, теперь ослабевающему, уложить вместе, несмотря на их возраст. В некоторых местах сохранился обычай класть под их ложе череп лошади. Поутру будят жениха, который поспешно одевшись, садится верхом на этот череп и как бы едет на нем к отцу невесты и говорит загадкою, например, — «мне снился сон: я видел, воры долго подкапывались под мой амбар, но амбар крепок; когда я пришел, они со стыдом разбежались». Если жених еще молод, то за него говорит сват. Этою речью выражается нравственное положение его

[1]) Шамана первого просят за трапезу; он долго отказывается, говоря, чтобы просили молодых шаманов, которые может быть лучше его, но после соглашается, скидает шапку, рукавицы, в которых он был до того времени, свертывает их, связывает вместе с бывшей в его правой руке нагайкой и отдает хозяйке, которая вешает все это в передний угол. Наконец шаман садится, отрезает кусок мяса, кашляет и дует на него, шепчет, и, воткнув в него нож, подает хозяину, потом с тою же церемониею подает другой кусок хозяйке.

жены, сохранившей до замужества девственность. Если же пришлось встретить противное, то говорят: «амбар подкопан и лучшее богатство покрадено», и т. п. Этим кончается первый период свадебного обряда. В среде обруселых и особенно богатых якутов по Якутскому округу жених и невеста не должны иметь общего ложа до венчания. Если калым был доставлен только в день свадьбы самими поезжанами, то они сдают его тестю, который вручает жениху и отцу его в подарок полное носильное платье. Жених с поездом иногда уезжает домой уже на третий день, если при сватовстве было выговорено приданое, то с частью приданого, невеста же остается у родителей до уплаты сполна всего калыма. После того жених приезжает к невесте, когда ему вздумается, и если пользуется супружеским правом, то живет у ней дня по два и более; так продолжается до тех пор, пока он не уплатит за нее весь калым и не возьмет ее к себе в юрту. Иногда же бросает ее, даже приживши уже от нее детей, — это происходит или от нелюбви, или вследствие неравенства брака, особенно когда высватывают малюток; в этом случае он лишается калыма. Иногда невеста, нелюбящая или неуверенная в любви жениха, хитрит и лукавит с ним до времени, в случае же крайности убегает от него с любовником. В обоих случаях нарушения договора, заключенного при сватовстве, следуют раздоры и тонкие расчеты из-за подарков и калыма, затем вследствие неудовлетворительного расчета, — тяжба, часто бесконечная, иногда приводящая к раззорению спорящие стороны. Обиженные ищут почти невозможного, например, возвращения калымного скота с приплодом и от приплода еще приплод, деньги с процентами; если же муж бросает жену, то, независимо возвращения всего отданного ему с приращением, взыскивается на обеспечение жены и детей; никакие естественные пропажи и утраты скота и имущества не принимаются в соображение. Конечно, родители или лица, заменяющие их, по взятии калыма и в особенности по просватании девушки должны, пока она еще невеста и не взята окончательно мужем к себе, наблюдать как за ее верностью, — этим лучшим средством для сохранения привязанности к ней жениха, так в особенности смотреть, чтобы она не сбежала или не думала бы сбежать с кем-нибудь из посторонних, потому что обманутый жених, если он осторожен, может во время открыть обман и требовать возвращения уплаченного калыма с процентами. Это право настолько признается инородцами, что в случае убега ее с кем-нибудь, в тяжбу вовлекается этот последний. Еще только в виду иска со стороны жениха, когда он узнает о случившемся побеге, отец убежавшей невесты преследует соблазнителя своим иском об уплате калыма за похищенную дочь, так что в случае удовлетворения этого иска, отец получил бы за дочь два калыма от двух лиц на том основании, что прежний калым может быть взыскан с него обманутым женихом. В подобном случае полюбовники, не видя другого исхода отделаться от платежа калыма и боясь возможного разъединения, прибегают к более верному средству — к защите православной церкви, и им иногда удается, обманув или уговорив свое родовое начальство, обвенчаться по обряду православной церкви. После этого заводится переписка, конечно, неприятная для начальства того наслега, к которому принадлежит перехитривший муж. Но дело сделано и цель достигнута; о восстановлении якутского брачного союза не может быть и речи. Тогда отец обвенчанной, видя, что отношения его дочери к прежнему жениху должны прекратиться, и следовательно, хотя бы пришлось возвратить тому жениху калым, но не нужно за то давать новому мужу никакого приданого, несколько уменьшает свое тре-

бование с этого мужа, примерно на $^1/_8$, т. е. вычитая из следующего ему, отцу, калыма подлежащее мужу приданое, при чем не ищет и тех вещей в платье и серебре, которые дочь на себе унесла при убеге. Вообще церковь может оказывать покровительство в случаях, когда существующие якутские обычаи и порядки отзываются тяжелым гнетом для кого-нибудь и делаются невыносимыми. Конечно, такие случаи тайного венчания очень редки за отдаленностью церквей от большинства наслегов.

Регулирование юридических отношений, возникающих из договора о калыме, начинается главным образом с 1765 г., с учреждения Якутской Комиссии о ясаках, начальником которой был дорогой для памяти якутов воевода Мирон Черкашинников. Комиссия из частых жалоб убедилась в необходимости установить определенные правила на случай нарушения брачных отношений и договоров. Хотя и по прежним указам Иркутской Провинциальной Канцелярии инородцы в этих делах судились князьцами, при чем, если дело важное, то к разбирательству призывались по два начальника от трех соседних родов, всего шесть судей, но правила судопроизводства были самые шаткие. Ясачная Комиссия также вменила в обязанность князьцов и старшин наблюдать за ненарушением брачных договоров и установила точные основания для приговоров. Если сосватанная невеста бежит с другим из дома родителей, то отец является ответчиком и должен возвратить все утраченное женихом в виде калыма, при чем скот возвращается с приплодом. Но так как побеги оправдываются обычаем, то жениху не предоставляется право иска о возвращении невесты.

Ясачная Комиссия предусматривает еще тот случай, когда невеста бежит со своим женихом из родительского дома до уплаты отцу всего калыма. Разрешение гражданской тяжбы в таких случаях особенно было затруднительно, когда любовники приходили на суд уже крещеными и даже обвенчанными. Князьцы и старшины должны были удостовериться, что собственно побудило супругов бежать из родительского дома; если бы оказалось, что они действительно хотели креститься и объявляли об этом родителям, но те воспрещали, то дети должны быть оправданы, и жених освобожден от уплаты калыма; кроме сего повелено родителям за воспрещение детям креститься чинить наказание от Якутской Воеводской Канцелярии. Когда же окажется, что со стороны родителей не могло быть препятствия к восприятию детьми православия, а что единственною или главною причиною похищения дочери было намерение зятя избежать калыма, то с таким зятем велено Воеводской Канцелярии поступать по указам, как с вором. Все подобные разбирательства предписывалось производить с особою осмотрительностью и тщательностью. Если же причин раздора и разъединения брачущихся нет, и жених и невеста довольны друг другом, то жених постепенно, иногда в течение нескольких лет, платит за нее калым, получая при этом соразмерную часть из приданого. Таким образом наступает второй период свадебного обряда, когда выйдет известный, т. е. назначенный срок, если муж, заплативши калым, пожелает взять к себе жену и детей, или жену еще малютку-невесту на воспитание.

К тому времени, когда следует отпустить невесту к жениху, должно быть готово приданое согласно условию, и независимо условленного отец награждает дочь, чем желает. Кроме скота, в приданое входят выговоренные сватом суконные и ровдужные шубы, исподнее платье летнее и зимнее, шапки, рукавицы, серебряные вещи и проч. При сватовстве у

богатых непременно выговаривается для невесты хорошая лошадь с седлом, оправленным в серебро, чепрак, узда и обруть парадные. Невеста в день отъезда парадно одевается сообразно состоянию отца. Жених извещает своих родственников и родных своей невесты, что в такое-то время он привезет ее. За несколько дней до срока, он приезжает к ней в дом, где собираются все ее родные. Сначала отправляют приданое, потом все едут иногда и с женихом верхом, за ними везут невестины вареные мяса, потому что в доме женихова отца (свекра) невеста должна будет угостить родных жениха, подобно тому, как он угощал ее родных в доме ее отца. Завидев юрту, кавалькада размещается в порядок, при чем невеста должна быть во главе; их встречают родные жениха. В некоторых местах (Верхоянский округ), подъехав к юрте жениха, невеста, вместе с сопровождавшими ее женщинами, объезжает три раза на приданом коне, которого берет под устцы младший брат или родственник жениха, вокруг юрты, держа в руках 3 лучины, пропитанные маслом. Войдя с своим отцом в юрту, она подходит к очагу, сама высекает огонь, разводит его теми лучинами и делает воззвание к огню, как к домашнему божеству, испрашивая благословение на свое молодое хозяйство[1]. В это время отцы новобрачных стоят к ней спиной, лицом к западу и держат в руках по деревянной чашке с кумысом. Когда молодая кончит воззвание они с криком «уруй» (подай, ниспошли) поднимают вверх чашки и выпивают кумыс. Тоже «уруй» повторяется трижды на улице, и после того все родные и гости входят в юрту, где начинается угощение. Если у жениха раньше построена юрта (обыкновенно вблизи отцовской и позади ее) и предположено, что молодые будут жить отдельно, то взамен описанного обряда поезд невесты сначала подъезжает к юрте свекра и высылает двоих удальцев: здесь их угощают кумысом в больших чашках, при чем они должны выпить весь предложенный в чаше кумыс... Уж по возвращении их, поезд едет к жениховой юрте; при этом лицо невесты бывает закрыто мехами. По входе в юрту она делает призыв к огню, умилостивляя его жертвою из масла[2], и остается в юрте, а весь поезд приглашается на пир в юрту свекра. Предварительно едут из поезжан одни мужчины; они приносят подарки от невестиного отца, которые заключаются иногда в горностаях, соболях, лисицах и деньгах, тут же прилагается и коровье масло, частица которого бросается в огонь[3]. После этого следует угощение кумысом и водкою; затем все расходятся в ожидании вечера, когда собираются уже все как мужчины, так и женщины на веселый пир. Здесь кумыс и мясо истребляются в громадном количестве, затеваются игры, пляска, борьба, ристание; здесь то выставляются опять с обеих сторон удальцы в запивохи; их осыпают похвалами и молва о них расходится далеко по якутским улусам.

На третий день хозяин отсылает к свату, сватье и ближним родным подарки, обыкновенно лошадей и быков; за то те обязаны отдарить его большим количеством. Если при

---

1 В Верхоянском и Колымском округах, в глухих местах, шаман делает воззвание за невесту, как он делал это за жениха.

2 Если при этом присутствует шаман, то громогласно вызывает духов, умерших шаманов и шаманок, призывает их благословение на брачущихся и дом их; перед воззванием он надевает на отца жениха выбранную им из принесенных подарков новую шапку.

3 Где уважаются шаманы, там повторяется воззвание шамана, подобное тому, как он делал в юрте невестиного отца.

этом произойдет неудовольствие, то начинаются бесконечные ссоры и укоризны, иногда неприязнь передается по наследству. Приезжие, погостив таким образом дня два, три и даже четыре, возвращаются с полученным подарками. Иногда отделение молодых в особую юрту происходит после водворения их у отца молодого, но до отъезда свадебных гостей, если отец, имея других взрослых детей, заметит какую либо проделку, мешающую семейному счастью новобрачных. При таком отделе родные обеих сторон дарят новобрачных, кто чем может и хочет. Прежде отхода молодая невестка должна выдержать экзамен у свекрови в знании хозяйства: подоить коров, пошить и т. д.

Такой брак, после двойного обряда, считается якутами вполне почетным, и действительно он представляет уже некоторые задатки прочного существования, при том же обыкновенно, если церковь близко, то молодые обращаются к священнику для обвенчания. Муж и жена, оставшись верными друг другу, несмотря на возможность разъединения, после свадебной церемонии или после венчания смело уже начинают общую жизнь: они успели достаточно ознакомиться. Поспешные браки в среде народа мало цивилизованного, в большинстве случаев, были бы несчастием для брачущихся; само правительство в прежнее время, когда большинство якутов было некрещено, заботилось о соблюдении силы якутского брака. Так в 1773 г. по поводу жалобы одного новокрещенного бурята Иркутской губернии на своих сородовичей, за то, что они не отдают ему некрещеную его жену, с которою он прежде жил по бурятским обычаям, как с женою, последовало, согласно с определением Святейшего Синода 1721 г., общее распоряжение, относящееся до инородцев, в том числе и якутов, чтобы при желании новокрещенного мужа иметь при себе некрещеную жену не препятствовать ему в том и выдавать ему жену для совместной жизни. Само собой понятно, что это распоряжение утратило свою силу, как скоро якуты все окрестились. Повторяем, причину самобытного установления якутами половых отношений без участия церкви в нынешнее время должно искать как в поддержании якутами своих обычаев, так и в затруднительности немедленно освятить брак венчанием в самих наслегах, ибо только жители немногих наслегов, где есть церкви или часовни, могут своевременно удовлетворять этой потребности выполнения христианского обряда.

Посему, когда впоследствии, при удобном случае (например, во время выезда для взноса ясака или на ближайшую ярмарку) супруги из отдаленного от церкви места венчаются по обряду православной церкви, то такой брак является не чистым, а смешанным, иногда после долгой совместной, даже принужденной жизни и полного, но лишь физического единения мужчины и женщины и после прижития детей. Особенно было затруднительно своевременное освящение церковью брачных отношений для жителей отдаленных округов, где младенцев приходилось крестить полугодовых, годовых и даже старшего возраста; где отпевали иногда давно покоящихся в земле. В местах близких к церквам, по понятию более обруселых якутов, признается право до окончательного водворения у себя жены обвенчаться с нею по обычаю православной церкви. При чем, если бы, по приезде венчаться, жена заявила священнику о сделанном ей принуждении или о своем несогласии, то венчание не состоялось бы, а она, получив право не оставаться у мужа, должна бы возвратиться к родителям, за обманутым же женихом по общему правилу остается право требовать расчета с отцом невесты.

Ясачная Комиссия заботливо предусмотрела возможность разрыва между супругами, особенно невенчанными по обрядам церкви, и установила особое разбирательство на случай, если жена, принятая уже мужем в дом, сбежит от него. Князьцы со старшинами и лучшими якутами должны подробно расследовать причины семейного несогласия, и если по разбирательству окажется виновною жена, то мужу должен быть возвращен от отца калым, отданный за нее, скот же возвращается с приплодом; кроме того, такую жену велено наказывать нещадно плетьми в страх другим. Если же по удостоверению окажется, что муж, будучи сам неисправен, по собственному непостоянству обижал, бил жену и тем вынудил ее бежать от него, согласно обычаю, к отцу или выйти за другого, то такому мужу, хотя бы следовало вовсе отказывать в просьбе о возвращении калыма, но в виду того, что многие якуты дают значительные калымы и что на попечении их остаются малолетние дети, прижитые с убежавшею женою, велено возвращать из калыма одну половину без приплода, но вместе с тем беспутного мужа должно наказывать плетьми при собрании улусных жителей. Если бы у обвиненного мужа детей не было, то ему выдается лишь третья часть из калыма. Наконец, если по разбирательству главными виновниками в разлучении мужа с женою окажутся родители жены, то их повелевается сечь плетьми нещадно для устрашения других, ибо многие якуты безсовестно торгуют дочерями и берут обманом двойной и даже тройной калым, а обиженные женихи в конец разоряются. Впоследствии Ясачная Комиссия предоставила покинутому мужу право иска не с своего тестя, а с соблазнителя жены. В случае признания его жалобы справедливою, с ответчика должен быть взыскан вдвойне калым, уплаченный истцом за жену.

Независимо от описанных обычаев и обрядностей, соблюдаемых зажиточными и почетными якутами, в некоторых местах (Верхоянский округ) существует упрощенная форма брака. Здесь особых обрядов в первом периоде свадебного договора, т. е. при высватывании, не бывает, и сговор считается заключенным по выплате условленной части калыма, жених обязан лишь принести отцу невесты в гостинец, смотря по своему состоянию, одну или несколько убитых скотин. Свадебный пир бывает при приеме невесты в дом жениха. Затем молодые могут венчаться при удобном случае.

Что касается обычаев, соблюдаемых якутами при венчании, то они заимствованы от русских. Таким образом в свадьбах участвуют посаженые отцы и матери, тысяцкие, шафера и свахи. В среде инородцев случается, что якут, приобретя себе расположение женщины вовсе без соблюдения каких либо формальностей, даже в обход их, живет с нею без венчания. Подобная связь извинительна для вдовы и для самой бедной или несчастной девушки. Если же зажиточная девушка-якутка поддалась соблазну втайне, не спросясь родителей, и это станет гласным, то ее проступок считается и своевольством и рассматривается, как неуважение власти и прав родителей. Потеря чести отзывается на родителях невыгодно как в моральном, так в особенности в материальном отношениях, уменьшая цену дочери в глазах женихов. Итак, это чисто фактическая сторона брака, несогласная со строгими обычаями; она не заслуживает названия брака. Нередко любовники, прижив детей, расходятся по обоюдному согласию или по воле одного из них; такой развод даже для женщины не считается бесчестием, сообразно материальному взгляду якутов на половые отношения, и вследствие того, что существование любовной связи, не освященной формальностями, не

обязывало эту женщину быть верною. Дети от таких браков остаются — мальчики при отце, а девочки при матери.[1] Характер личных отношений супругов и значение отеческой власти над детьми не везде однообразны: русские уголовные законы, применяемые к важным преступлениям, конечно, имели прямое хорошее влияние на нравственную сторону брака. Поэтому, где под таким влиянием, самое заключение брака ближе подходит к нашим понятиям, там отношения супругов чище, менее чувствуется в семействе перевес грубой силы, за то более любви и уважения к личности женщины. По первоначальным же якутским понятиям замужние молодые женщины, не достигшие 50-летнего возраста, считались как-бы нечистыми; они по обычаю, сохранившемуся во многих местах до настоящего времени (в Верхоянском и Вилюйском округах почти повсеместно), не могут переходить юрту поперек перед камельком, а должны обходить его позади. Хотя ныне эти понятия утратились, но самый обычай сохранился, как знак уважения к старшим чинам семейства, ибо заслонить перед ними огонь считается непочтением. Дурное влияние на установление личных отношений членов якутских семейств оказывало с давних времен русское население, постоянно эксплоатировавшее инородцев, вопреки строгим царским указам и указаниям правительства, которое больше столетия напрасно старалось искоренить разные виды рабства, существовавшего в Якутской области до двадцатых годов настоящего столетия.[2] В XVII и XVIII столетиях считалось обыкновенным делом при покорении немирных или при усмирении бунтовавших инородцев брать их женщин и обращать их в свою собственность. Эти захваты инородческих женщин совершались не в одно только военное время, но и в мирное. Все, кто только имел в своих руках власть и значение при разъездах по наслегам, не только пользовались женщинами временно, но завладевали ими и обращали в собственность. Таким образом развивался обычай многоженства: у простого казака было по несколько наложниц, которых он мог продавать и закладывать или просто прогнать обратно в улус, если они ему наскучивали. Продажа женщины прекратилась лишь в конце XVIII столетия, между тем как закон давно отменил обращение в рабство инородцев, даже путем добровольной кабалы. Инородцы, находясь в крайности и бедности, закабаляли себя русским и даже торговали своими детьми.

Автор статей о рабстве в Сибири, помещенных в журнале «Дело» за 1868 г., ссылаясь на достоверные источники, говорит: «когда голод совершал свое смертоносное шествие по инородческим стойбищам, опустошая юрты, истребляя скот, доводя дикарей до людоедства; когда казак драл с инородца взятки и ясак, которых ему заплатить было нечем; когда войско искореняло бунтующих инородцев, озаренное пламенем их пылавших улусов и

---

[1] Представляем таблицу незаконных рождений за 6 лет

В округах:	1861 г.	1862 г.	1863 г.	1864 г.	1865 г.	1866 г.
Якутском.	138	80	86	54	75	89
Олекминском . . .	7	3	7	11	17	11
Вилюйском	58	38	16	39	57	66
Верхоянском . . .	30	10	—	—	15	16
Колымском	29	33	21	22	24	32

В Колымском округе число незаконнорожденных составляет по отношению к законным детям в 1861 г. приблизительно 1/5 часть, в 1862 г. — 1/4, в 1863 — 1/7, в 1864 — 1/5, в 1865 — 1/5 и в 1866 — 1/4.

[2] То есть XIX-го. *И. М.*

обагренное их изменническою кровью, — тогда инородцы запрягали своих последних оленей и везли своих малюток на продажу в ближайшее русское поселение». Якутск был рынком для продажи рабов, вывозимых из Охотска, Анадыра, Гижиги, Зашиверска и Колымских зимовий. Эта торговля долго не прекращалась, несмотря на запрещение, даже одно время само правительство склонно было допускать это зло, как неизбежное. Наконец, главный удар невольничеству был нанесен указом 1808 г., а прекратилось рабство в действительности после указов 1825 и 1826 годов. Итак, нечего удивляться, если в прежнее время нередки были случаи крайнего злоупотребления властию мужа и правом над детьми; теперь же это проявляется лишь в местах глухих и отдаленных от церквей, начальства и русских жилищ.

Имущественное брачное право якутов меньше изменялось от времени вследствие полного почти невмешательства духовного и светского начальства в эту сферу. Если дела о семейных разделах доходят до начальства, по неудовольствиям на словесное разбирательство родоначальников, то эти дела касаются лишь наследственных разделов, притом решения правительственных учреждений по силе закона должно основываться именно на обычном праве якутов; начальство должно, таким образом, гарантировать правильное приложенце обычных постановлений и только за недостатком их применять общие законы. Посему русские порядки мало перенимаются якутами. Имущественные отношения супругов различны в разных местах, смотря потому, какое значение имеет приданое. Если оно составляет общую собственность всего семейства (как в Колымском и Верхоянском округах), то главное распоряжение им, как прочим семейным имуществом, принадлежит мужу, а пользование и владение всему семейству. Поэтому, если у инородца есть дети от первого брака и он вторично женится, то приданое, полученное им за другою женою, поступает в общую массу имения, на которую имеют одинаковые права дети от обоих браков. Где детальная система имеет более строгий и определенный характер (Вилюйский округ), там существует раздельное распоряжение, иногда даже и пользование имуществом.

Родительская власть, как право, заключается в том, что отец и мать могут требовать от детей повиновения, а также наставлять их, руководить ими, пользоваться их трудами и взыскивать за всякое ослушание. Отец может наказывать не только малолетних, но и совершеннолетних детей, холостых и женатых и даже отделенных. Впрочем в отношении детей эта власть, касаясь личности их, не распространяется на их имущество, т. е. у выделенного сына отец не может отобрать раз отданного имущества. Кроме сего родители ограничиваются в распоряжении родовым имуществом (землями, покосами, рыбными ловлями, перешедшими к ним по наследству); если бы отец не хотел дать части в родовом имуществе нелюбимому сыну, то он принуждается к этому родовым начальством. Повсеместно отец имеет право прогнать сына из дому и у неотделенного отобрать все, что привык считать своим. С давних времен, под влиянием религиозных заблуждений, у якутов существует обычай, ныне конечно значительно утратившийся, заводить для каждого члена семейства особое имущество, которое считается принадлежностью человека даже после его смерти.

Вследствие широкой отеческой власти отца по отношению к неотделенным детям бывают случаи, что непослушный сын, даже женатый по воле отца, оказывается вовсе без пристанища и без имущества. Конечно родовое начальство неблагоприятно относится к та-

ким случаям и вступается за детей, если они малолетки, которым можно простить непослушание и другие пороки. Но бывает трудно поправить дело, если прогоняя сына, якут дает клятву ничего ему не давать и не принимать его вновь к себе. Иногда изгнание сопровождается проклятием в энергических выражениях; здесь говорится о погасающем огне, как о неуважении святыни, о распадении дома, в котором все идет вверх дном от широкой жизни (который «опрокинулся», «скатился»), о расстройстве скопленного солидного имущества, которое он, отец наживал строгою жизнью, о растрате денег и капитала, нажитых трудами, о преждевременной нужде в съестных припасах, которых было в изобилии, но которые скоро вышли («сполоскались»).[1] Иногда впоследствии умилостивленный и умиротворенный отец снимает это проклятие и мирится с сыном. При отделе детей родители оставляют себе достаточное обеспечение, иначе участь их может быть незавидна; дети, особенно недостаточные, считают обременением пропитывать родителей и стараются передать их на пропитание общества. Мать при жизни мужа пользуется главным образом правами хозяйственного распоряжения по дому. По смерти мужа в иных местах, особенно, где существует система общего пользования супругами имуществом, к ней переходит и отеческая власть, а в других местах эта власть принадлежит старшему женатому сыну, который с его женою уважается младшими членами семейства. Впрочем, бывают случаи, что по общему совету родных или по приговору родовых начальников власть передается одному из младших членов семьи, если старшие оказываются неблагонадежными и неспособными к управлению хозяйством.

Оба супруга имеют право усыновления; оно совершается запискою по ревизским сказкам, усыновляются большею частью кровные родственники, притом за неимением собственных детей; усыновленные заменяют детей, и в юридическом отношении за ними признаются все права и обязанности детей как личные, так и имущественные. Другое дело — приемыши, они держатся как работники; их отношения к имуществу зависит от доброй воли воспитателей.

Поддержание брачных отношений у якутов зависит от многих случайностей.[2] Браки, даже освященные церковью, при несуществовании прочной симпатии нередко влекут за собою нарушение супружеской верности. Впрочем, одно это обстоятельство редко влечет распадение семьи. Случается, что муж и жена, чувствуя половое отвращение друг к другу, перестают делить супружеское ложе и, несмотря на это, стараются о приращении хозяйства. На расстройство семейств и прекращение брачных отношений имеют прямое влияние развитые по области отхожие промыслы. Разлучая членов семьи, они губят трудовой кооперативный дух семейства. Напротив, лучшею поддержкою брачных отношений является усиливающееся ныне по Якутскому, Вилюйскому и Олекминскому округам хлебопашество.[3]

[1] Этот пример взят из жизни якутов Мегинского и Барагонского улусов Якутского округа.

[2] Как непродолжительны брачные союзы у якутов видно из следующего: в 1867 г. из всего числа обвенчанных мужчин в Якутском округе (457, не считая Якутска) 108 были вдовцы; из того же числа женщин вдов было 139.

[3] Следующие цифры за последние 10 лет покажут значение разных условий на потребность в установлении половых отношений. В Якутском округе одно брачущееся лицо приходилось на 105 жителей, в Вилюйском на 106, Олекминском на 76, Верхоянском на 89 и в Колымском на 62. Следовательно можно с некоторою вероятностью заключить, что большею непрочностью отличаются браки Колымского округа, затем Олекминского и и Верхоянского; Якутский же и Вилюйский округа в этом отношении почти тождественны.

Если супруги окончательно утрачивают даже дружеские отношения и должны разойтись, то им предоставляется право разделить детей и имущество по обоюдному согласию; когда же они обратятся за разделом к инородческому начальству, то такое разбирательство считается безапелляционным, может быть потому, что русское начальство вовсе не допустило бы семейного брачного раздела до формального расторжения брака. Но известно, как трудно достигнуть развода, и кажется не было подобных случаев в среде якутов.

Итак, брак прекращается вследствие раздела, хотя в строгом юридическом смысле он существует, как освященный церковью и нерасторгнутый ею.

Еще менее крепки якутские браки, неосвященные церковью; они непрочны не только вследствие внутренней несостоятельности их, т. е. за отсутствием нравственного, связывающего и объединяющего начала, но и вследствие свободы в прекращении такого брака. Легкость расторжения брака вытекает из самого юридического значения его. Якутский брак, как объяснено раньше, есть по преимуществу гражданская сделка. Нарушение ее одною из заинтересованных сторон может влечь прекращение за отказом другой стороны вовсе от участия в сделке. Злоупотребление со стороны мужа правом владения и пользования женою вызывает характеристический протест — убег от мужа. Такой способ расторжения брака невыгодно отзывается на материальном благосостоянии якутов, потому что здесь нет обоюдного согласия на развод и взаимного соблюдения интересов при дележе. Напротив, здесь — одностороннее разрушение брака: оно лишает мужа совокупности имущественных прав, дорого купленных, а иногда последствием убега жены, особенно если она при этом унесла с собою ценные вещи, бывает разорение мужа. Даже при введении Сибирского Учреждения в 1822 г., губернское начальство делало запрос инородным управам по поводу расстройства многих хозяйств вследствие частых побегов жен от верных мужей и необходимости для обманутого и покинутого мужа за другую жену снова платить калым.

Наконец, должно упомянуть о преступлениях против брачного союза, как о причине прекращения брака. Случаев отравления между супругами не встречается; при смертоубийстве средством преступления служит исключительно грубая сила, убийцею бывает в большинстве случаев сильнейший, т. е. муж. Такие симптомы крайнего злоупотребления властью, убийство по праву сильного в смысле quasi-осуществления семейного права, конечно очень редки, но отсутствие в составе преступления важных побудительных причин или особых психических или других ненормальностей преступника наводит на мысль, что в самых глухих местах области можно встретить семейства, в которых существует смутное сознание о праве мужа на жизнь жены и о праве родителей на жизнь детей. Иначе, чем объяснить, например, то, что муж явно убивает жену, несмотря на ее мольбы о пощаде, и после того не чувствует раскаяния, или что мать открыто закалывает свое дитя без других видимых причин, кроме легкого раздражения. Самоубийство от ревности или отчаянии между мужчинами не встречаются, между женщинами тоже очень редки; равно не бывает изгнаний плода и принятия мер против беременности, может быть по незнанию средств для подобных преступлений, а также по отсутствию побуждений к совершению их. Девичью честь берегут представители отеческой власти, следовательно девушке пришлось бы скрывать как существование любовной связи, так и преступные меры в предупреждение бере-

менности не только от посторонних, заинтересованных ее честью лиц, но прежде всего от родителей. Когда бы замужней якутке нужно было избежать стыда или сохранить свое достоинство, то нет основания к прежней слабости прибавлять новое преступление, так как якуты на нравственность замужних женщин смотрят нестрого, потому что за честь их один раз заплачен калым, и нового калыма за такую женщину, даже самую нравственную, никто не стал бы платить. Следовательно, честь замужней женщины сама по себе не составляет уже имущественного интереса в смысле материальной ценности; понятие же о женской чести, как о достоинстве и обязанности, едва ли доступно большинству; потеря этой чести даже не составляет нарушения собственно семейного права, а может быть рассматриваема как нарушение другого имущественного права, если через это кто-нибудь из семейства лишается известных материальных выгод.

У якутов преследуется нарушение девичьей чести и насилие; согласно с этим, растление малолетних, не достигших полового развития, считается важным преступлением, а равно изнасилование вообще женщин. Виновные в этих насилиях предаются по настоянию обиженных русскому суду.

Н. А. ВИТАШЕВСКИЙ

(род. в 1857 г., ум. в 1918 г.).

Способы разложения и сбора податей в Якутской общине.[1]

Н. А. Виташевский.

. . . .

. . . .

Характерно предание о первом обложении и взыскании с якутов ясака казаками. По смерти Тыгына, героически умершего в борьбе за независимость своего племени, глава якутов Лёгёй-тойон, выразил свою покорность пришельцам, подавши им на шесте чернобурую лисицу и соболя. Тогда казаки потребовали, чтобы Лёгёй увешал, в виде дани, шкурками дорогих зверей тот знаменитый ремень, вырезанный кругообразно из всей бычьей шкуры, который неисповедимыми судьбами связывает два предания, столь несхожие по времени и месту происхождения, — об основании Якутского острога и города Карфагена.

По всей вероятности, элементы подобного легендарного способа обложения ясаком и взыскания его практиковались в первое время относительно каждого вновь побежденного племени или части его. А именно: 1) ясак требовался с побежденного племени во всем его целом и 2) брали столько, сколько могли рассчитывать взять по праву сильного. На первых же порах установления мирных сношений казаки, очевидно, выжидали добровольного принесения выговоренного ясака, а в случае «неустойки» со стороны побежденных, — шли на последних «огнем и мечем», подвергали их «потоку и разграблению», — и, конечно, добивались всегда желательных результатов.

Постепенно, однако, такие приемы подвергались значительным изменениям. Необходимо здесь, хотя и в общих чертах, обрисовать историю во-первых, заботливости правительства о разумном сохранении тех условий, которые обеспечивали бы инородцам успешность во взносе ясака; во-вторых, историю разделения якутского племени на податные единицы в узком и широком смысле, и в-третьих — историю порядка и размеров обложения и взыскания.

[1] Первая страница сохранившейся рукописи, занумерованная 21-й, начинается словами: «ограничиться лишь указанием на самые крупные черты этой истории». Далее с красной строки следует печатаемый нами текст. *И. М.*

Первый, известный истории акт правительства, выражающий заботливость последнего об интересах инородцев, как платежной силы государства, относится, повидимому, лишь к 1695 году.[1] Указом от 26 декабря этого года предписывалось не употреблять пыток и казней при взыскании ясака с инородцев.[2]

Затем, после бунта камчадалов в 1731 году, вызванного притеснениями при сборе ясака со стороны воевод, комиссаров и сборщиков, последовал высочайший указ от 21 мая 1733 года (Полн. Собр. Законов № 6407), для успокоения ясачных Камчатки и Якутского края вообще. Во исполнение этого указа были командированы на Камчатку Мерлин и Павлуцкий, которые производили следствие, чинили суд и расправу до 1739 года.[3]

До того времени было запрещено духовенству выезжать в инородческие стойбища для требоисправления, так как многие духовные лица при этом сильно раздражали младших сынов церкви своими поборами. Впоследствии, а именно в 1735 году, запрещение это было отменено высочайшим указом,[4] но при этом было строжайше вменено в обязанность светским и духовным властям — неустанно следить за тем, чтобы низшее духовенство, под предлогом исполнения треб, не заводило с инородцами разорительной для последних торговли.

Многочисленные злоупотребления при сборе ясака побудили правительство издать в 1739 г. (15 января) указ, в котором выражается намерение назначать на должности воевод не разночинцев и вообще людей всякого звания, а частью и лишенных звания, как это бывало раньше, но не иначе как дворян, притом людей с самостоятельным имущественным положением и испытанной честности.

Несмотря на все это, злоупотребления в сношениях с инородцами, повидимому, не прекращались, так как указом от 24 сентября 1745 г. (Полн. Собр. Зак. № 9.210), на Камчатку командировано новое лицо, полковник Вульф, опять для пресечения злоупотреблений

---

[1] Это ошибочное утверждение вызвано со стороны автора тем, что он составлял свой очерк в Якутске, в девятидесятых годах XIX века, не имея под руками документов, опубликованных Археографической Комиссией в первых томах «Дополнений к актам историческим», почему автор был вынужден говорить о приемах сбора ясака в XVII веке лишь на основании данных, сообщаемых Словцовым и Андриевичем.

В действительности московское правительство уже при самом покорении при-ленского края ревниво следило за тем, чтобы местные власти и мелкий служилый люд не пользовались своим положением в ущерб интересам казны. Поэтому правительство в своих наказах воеводам, а воеводы в наказах служилым людям, постоянно напоминали о необходимости «взять с них (т. е. с туземцев) государев ясак как мочно, чтобы им было не в тягость, и тем-бы их наперво не ожесточить и от государевы царския высокие руки не отогнать, а к государевы-б казне в ясачном сборе учинить прибыль». Во всех наказах неизменно повторялись наставления «ясак брать ласкою, а не жесточью», и в тех же целях обуздания своекорыстия сборщиков и установления над ними некоторого контроля им предписывалось вести именные списки плательщиков ясака, с указанием количества и качества собранных мехов.

Первый такой акт относится к 1639 году, когда в Якутске еще не существовало самостоятельного воеводства и первые воеводы еще находились в пути. Актом этим является наказ Енисейского воеводы Никифора Веревкина казачьему пятидесятнику Семену Родюкову, посланному в Олекминский острожек на смену казачьему пятидесятнику Евлампейку Иванову Шаламу. Там, между прочим, говорится: «а пришед на Олекну реку взяти у Шалама острожек и острожные книги и в острожке зелье и свинец и книги именные ясачным людям, по чему он, Шалам, собирал государев ясак». . . . . И далее: «а имать, ему, Семейке, и служилым людям с прежних ясачных людей и с новых землиц государев ясак соболи добрые, которые-б в государев ясак годились, а худых соболей и вешних и недособолей в государев ясак не имати, и писати тот ясак в книги подлинно, порознь, по статьям». [Дополнения к актам историческим. Т. II, стр. 161—164]. *И. М.*

[2] П. Я. Словцов, Историческое обозрение Сибири, I, стр. 155.

[3] Словцов, I, стр. 252, 278, 279. — Андриевич, Исторический очерк Сибири, II, стр. 284—285.

[4] Словцов, I, стр. 279.

по сбору ясака; но нам известны лишь (манифест 1748 г.) результаты деятельности Вульфа по установлению порядка взыскания с инородцев по кабальным записям[1].

В 1764 г., в связи с установлением вообще новых порядков раскладки и взыскания ясака (деятельность комиссии секунд-майора Щербачева, о чем будет говорено особо), указом от 17 мая, было назначено вознаграждение князцам по 20 руб. (сукно на кафтан), с каждой тысячи рублей собранного ими ясака[2].

Мера эта является, как бы, полюсом тех мер, против которых был направлен первый из перечисленных указов, от 26 декабря 1695 года.

Наконец, в 1782 году (Полн. Собр. Зак. № 15.405), указом повелено, что ясак вносится инородцами не между 1 октября и 1 марта, как это установлялось тем же указом относительно подушных, а «по существующему в тех местах обыкновению», т. е. сообразно ранее установившемуся обычаю[3].

Переходя к краткой истории разделения якутского племени на податные единицы, мы первую дату находим в 1620 году, когда мангазейские казаки впервые ознакомились с р. Вилюем и сообщили в Москву о существовании обширного племени якутов, а через 10 лет, к 1630 году, казаки имели уже не одну стычку с якутами. Благодаря разбросанности якутов и стремлению к самостоятельности в среде казачьих начальников, с самого же начала столкновения с якутами образовалось несколько центров сбора ясака. Так, к 1641 г. мы встречаем уже казаков в острогах: Олекминском (1635), Верхоянском (1638), Усть-Кутском, Тугирском, Оленском и в зимовьях: Вилюйском, Алданском, Усть-Майском, на рр. Амге, Улье, Усть-Уде, Охоте, Усть-Тауре, Яне и Индигирке[4]. Еще через несколько лет (1644 г.), основаны зимовья на далекой Колыме[5]. Вообще же говоря, к 1660 году занята была казаками вся область, заселенная якутами, и по всей этой площади раскинулись остроги и зимовья, служившие центром сбора ясака с покоренных. С образованием в 1638 г. особого якутского воеводства, все эти пункты стали тянуть (вероятно, впрочем, после уже прибытия в Якутский острог первого воеводы — в 1640 г.), к воеводской канцелярии: каждый из них собирал ясак с ближайших мест якутского поселения и сдавал в канцелярию, которая отсылала собранный ясак по принадлежности в Москву.

Собирание ясака вероятно, довольно скоро (не позже 1680 года) было возложено на особых чиновников-сборщиков, коммисаров.

Между 1742—1762 гг. встречаем уже следующие центры гражданского управления вообще и в частности сбора ясака: остроги: Олекминский, Зашиверский, Удский и Анадырский; зимовья: Жиганское, Сиктяхское, Усть-Вилюйское, Средне-Вилюйское, Верхне-Вилюйское, Верхоянское, Усть-Янское, Уяндинское, Манское, Алазейское, Верхне-Колымское, Нижне-Колымское и Средне-Колымское и слободы — Сунтарскую и Амгинскую[6].

---

[1] Андриевич, III, стр. 223, 234. Неизданный рукописный сборник, повидимому, носивший характер частного предприятия и относящийся к 70-м годам прошлого (т. е. XVIII) века, статей под заглавием: «О необъязывании русскими ясашных ни какими письмами без дозволения их шуленг и старшин и без объявления в командах», и «О невзыскании розданных всяких чинов людьми ясашным в долги денег», и другие.

[2] Семивский, Новейшие повествования о Восточной Сибири, стр. 122, примеч.

[3] Андриевич, IV, стр. 209.

[4] А. Маныкин-Невструев, Завоеватели Восточной Сибири — якутские казаки, стр. 22.

[5] Словцов, I, стр. 56.

[6] Словцов, II, стр. 78.

В 1765 г. к г. Якутску тянули три комиссарства, разделенных на волости[1].

К 1775 г., когда 31 января (Полн. Собр. Зак. № 12.242), был утвержден проект иркутского губернатора Бриля об административном разделении края, нынешняя Якутская область была провинцией, подразделенной на волости, а каждая волость делилась на улусы, соответствующие нынешним наслегам[2].

В 1783 г., в связи с общей реорганизацией управления Восточною Сибирью, Якутский край был наименован областью и разделен на уезды: Якутский, Олекминский, Оленский (Вилюйский), Жиганский и Зашиверский[3].

Но затем, в 1797 г., Якутск опять был низведен на степень уездного города и, соответственно этому, разделен на комиссарства[4].

Наконец, с 1805 г. Якутский край вновь возведен на степень области, и так считалось до конца XIX в.; но округа этого времени образованы лишь в 1822 году в связи с общим изменением в управлении Сибирью, введенном в этом году по проекту Сперанского.

По понятным основаниям, в настоящей статье будет отведено более всего места истории третьего элемента обложения, т. е. истории установленных когда-либо окладов, способов раскладки и взыскания ясака. История этих установлений, как она представляется при скудном материале, бывшем в распоряжении при составлении настоящей статьи, может быть изложена в следующем виде.

В первое время по учреждении Якутского воеводства, повидимому, все еще не было определено точно, сколько именно и какой пушнины собирать с якутов в виде ясака. Исследователь якутской старины так изображает тогдашнее положение дела: «началось (воеводское) управление..., с ним... налоги. Покоренных теснили..., под предлогом неуплаты, будто бы ясака; но сколько такового требовалось, — не говорили»[5]. Однако, у того же автора мы находим указание, что при первом же воеводе, Головине, размер ясака был в той или другой форме установлен: «взнос его (ясака)», говорит Москвин, — «... был исправен»[6]. Более положительное свидетельство дает Москвин, говоря о виденных им двух свитках, в которых заключалось все дело о злоупотреблениях первого якутского воеводы Головина. А именно, Москвин утверждает, что в свитках этих было «много интересного... о расчете и сборе ясака»[7]. Однако, все эти сообщения, довольно таки неопределенны, да притом еще за исключением последнего и голословны. Поэтому нет достаточных оснований, на которых можно было бы опереться, отвечая на вопросы: был ли установлен определенный оклад ясака для взыскания с якутов, положен ли он был со всего округа, принадлежавшего к данному острогу или зимовью, или же распределялся непосред-

---

[1] Андриевич, IV, стр. 109, 244—249.
[2] Андриевич, IV, стр. 241.
[3] Андриевич, IV, стр. 16. — Полн. Собр. Зак. № 15. 675.
[4] Москвин, Воеводы и начальники г. Якутска, стр. 198 (Памятная книжка Якутской области на 1863 г.).
[5] Москвин, стр. 167.
[6] Москвин, стр. 167.
[7] Москвин, стр. 167.

ственно правительственною властью между якутскими родами, на каком принципе было основано исчисление ясака, и т. д.[1]

Относительно одного из позднейших воевод, Бибикова (1678—1681), известно несколько более. А именно: Бибиков установил, что в каждом якутском роде и у каждого сборщика должны быть ярлыки, при чем все получаемое от якутов сборщики отмечали в ярлыках, оставляемых в якутских родах, а в их собственных ярлыках отметки делала воеводская канцелярия всякий раз, как они, сборщики, представляли собранный ими ясак в эту канцелярию. Порядок этот, впрочем, просуществовал только при Бибикове да при его преемнике, Приклонском, а затем прекратился сам собой. Да и в то время даже, по отношению к якутским родам, практиковались не ярлыки, а бирки — деревянные палочки, на которых нарезывались знаки, соответствующие числу полученных в ясак звериных шкурок, при чем палочки эти раскалывались на двое, и одна половина сохранялась у представителя рода, другая у сборщика. Зато бирки просуществовали до первого переобложения якутов ясаком в 1762—1764 гг.

Но и эти, сами по себе очень интересные подробности оставляют нерешенным вопрос о том, был ли заранее каким-нибудь образом определен размер ясака. Возможно, что сборщик, объезжая роды, тут-же и определял, сколько с данного рода следует собрать соболей, лисиц и т. д. Из данных этих следует лишь заключить, что сборщики имели дело уже не с большими подразделениями якутов, а с их родами[2].

Известно, однако, что первая из сибирских переписей, коснувшаяся Восточной Сибири вплоть до г. Якутска, была произведена лишь в начале XVIII ст., так как указ о ней состоялся в ноябре 1699 г.[3] Но при этом почти наверное можно утверждать, что перепись эта не коснулась ясачных, — по крайней мере тех, которые не занимались еще как и якуты, хлебопашеством. Но возможно и то, что ясак все таки определялся не по данным какой-нибудь переписи, а по соображениям воевод, утверждаемым высшим правительством.

Только в указе 21 мая 1733 года, вызванном беспорядками на Камчатке (о нем упомянуто уже выше), есть определенное и положительное указание на то, что существовал раз установленный размер ясака. А именно: в указе этом императрица Анна Иоанновна, негодуя против беззаконных действий воевод, комиссаров и сборщиков, причисляет между прочим к таким действиям взимание с инородцев ясачного сбора в двойном и тройном размере против установленного. Тут, значит, не может уже быть сомнения в том, что количество взимаемых в ясак звериных шкур было определено ранее законодательною властью[4].

Та же государыня, руководствуясь, может быть, ходом следствия о камчатских беспорядках, старалась внести более определенности в порядок сбора ясака. В 1737 г. Сенат,

---

1 Много отрывочных данных по намечаемым автором вопросам разсеянно в актах, касающихся насилий и злоупотреблений первого якутского воеводы Петра Головина [«Дополнения к актам историческим», т. II и т. III] а равно и в других актах 40-х и 50-х годов XVII века. Однако, до настоящего времени никакой общей сводки таких данных никем еще не сделано. *И. М.*

2 Москвин, стр. 190.

3 Словцов, I, стр. 140.

4 Словцов, I, стр. 278.

указом от 14 сентября, повелел установить новые окладные книги для сбора ясака[1], что само собою предполагает, что такого же характера книги существовали и раньше.

Впрочем, к тому же царствованию относятся два указа, которые находятся в прямой связи с характером тогдашних петербургских увеселений. Одним из этих указов (13 мая 1738 г., Полн. Собр. Зак. № 7581) предписывалось ловить, между прочим, и в Якутской провинции, и доставлять ко двору бобров и леопардов, барсов и тигров, а другим (29 декабря 1739 г., Полн. Собр. Зак. № 7990) — то же о молодых лосях, число которых даже было определено по 20 ежегодно. Но указы эти были очень скоро (26 июня 1740 г., Полн. Собр. Зак. № 8150), отменены[2].

Упомянутый выше указ от 14 сентября 1737 г. начал собою ряд законодательных мер в рассматриваемой сфере, которому предстояло однако завершиться, как это будет показано ниже, лишь в многорезультатное царствование императрицы Екатерины II.

Уже в 1746 г. Сибирский Приказ указом от 26 июля, предписывает сибирским канцеляриям произвести перепись инородцам[3]. Но последствия этого указа, может быть вызванного результатами ревизии Вульфа (см. выше), неизвестны. Во всяком случае, в 1753 г. императрица Елизавета Петровна в своем указе требует пересмотра положения о сборе ясака[4].

В том же году Сенат (29 марта, Полн. Собр. Зак. № 10.252), в журнале своем, во исполнение высочайшего указа, постановил предписать Сибирскому Приказу представить свое мнение о лучших способах обложения. По всей вероятности, Приказ представил в Сенат кое-какие сведения, ибо Елизавета Петровна в указе своем 1760 года констатирует неравномерность обложения инородцев ясаком. Она говорит, что где были раньше леса, там теперь пустыри, а где были пустыри, там выросли леса, а между тем размер ясака сохраняется для каждого из таких мест прежний[5]. Здесь, несомненно, выражается лишь принцип, которым руководились при определении ясака; распределение же вычисленного таким образом ясака происходило в это время уже по душам, как это видно из деятельности комиссии 1762—1764 гг.

Как бы в дополнение к указу 1760 г., в следующем году (23 января) был издан указ о производстве переписи ясачным; но несмотря на то, что указ этот был к концу того же года (в ноябре 1761 г.) повторен, никакой переписи произведено не было. Вопрос, однако, настолько назрел, что энергичная преемница Елизаветы добилась цели путем экстраординарной меры. Повелев (указ 17 августа 1762 г.) Сенату озаботиться установлением новых окладов для ясачных и выслушав доклад Сената (ноябрь того же года), где последний прямо говорит, что пока не будет выполнен указ Елизаветы о переписи, до тех пор предпринять ничего нельзя, Екатерина II решительною мерою положила конец неурядице: в 1763 г. был командирован в Сибирь для переобложения инородцев ясаком секунд-майор Щербачев с большими полномочиями. Начальником комиссии по переобложению ясаком якутов,—

[1] Семивский, стр. 122.
[2] Андриевич, II, стр. 310—311.
[3] Семивский, стр. 124, примеч.
[4] Андриевич, III, стр. 152.
[5] Андриевич, IV, стр. 228.

комиссии, явившейся ветвью громадного предприятия Екатерины, — был назначен знаменитый Мирон Черкашинников. С этого времени начинается вполне достоверная и чрезвычайно интересная история отношений фиска к якутам.

В виду того, что по имеющимся сведениям, относительно замечательной эпохи Черкашинникова в настоящее время собрано уже много весьма ценного материала, который, надо надеяться, будет издан в свет в надлежащей обработке[1], для целей настоящей статьи можно признать достаточным указание на одни лишь главные черты произведенной Черкашинниковым работы.

Прежде всего Черкашинникову предстояло усчитать все прежние поступления ясака. При проверке книг сначала можно было предположить наличность громадной недоимки за якутами. Но хорошо зная своих бывших подчиненных[2], обладая замечательными способностями практического деятеля, Черкашинников никогда не мог бы удовлетвориться результатами такой канцелярской проверки. Если и в настоящее время представление «авансового счета» далеко не всегда свидетельствует о том, что тот или другой расход был действительно произведен, то легко себе представить, какою плохою гарантиею служили соответствующие отчеты в средине XVIII века. Черкашинников стремился проникнуть в тайники деятельности тогдашних сборщиков ясака. Между прочим, он давал очные ставки этим сборщикам с якутскими родоначальниками. Тут то и обнаружилось, что бибиковские ярлыки (см. выше), хранившиеся у якутов, представляют собою неисписанную бумагу. Мало того, сборщики уничтожали даже остававшиеся у них части якутских бирок, чтобы скрыть от воевод, что представляют в воеводскую канцелярию далеко не всю пушнину, которую получили в ясак от якутов[3].

Но такое усчитывание сборщиков и якутов представляло собою лишь ничтожную, сравнительно, часть работы Черкашинникова, главнейшая же часть ее заключалась в том, чтобы выработать новые формы обложения и, обеспечив исправное поступление ясака, в то же время гарантировать якутов от возможных случайностей. Тут то и проявилась удивительная энергия и настойчивость Черкашинникова: он лично отправлялся в якутские стойбища, на месте изучал экономическое положение населения и, сообразно получаемым данным, устанавливал нормы обложения.

Так как производительная деятельность определялась не одним числом душ, но и характером угодий, а к тому времени скотоводство сделало уже значительные успехи, то представлялось на первых же порах и необходимым и возможным — точно определить границы владения отдельных родов. Этим прежде всего и занялся Черкашинников. Он примирял интересы различных родов и закреплял за каждым из последних его право владения на тот или другой участок земли[4]. Следует тут же заметить, что под словом «род» не только во времена Черкашинникова, но даже в позднейших актах, разумелась не семья в обыкно-

---

[1] Сдесь автор имел в виду работу Л. Г. Левенталя, которая, как тогда надеялись, должна была вскоре же появиться в печати. *И. М.*

[2] Черкашинников, до назначения его председателем якутской ясачной комиссии, состоял некоторое время якутским воеводою.

[3] Москвин, стр. 189—190.

[4] Неизданные материалы. — Неизданный рукописный сборник в статье: «О бытии сенным покосам во владении за теми, за кем они состоят и не вступании никому в посторонние покосы и угодья и о протчем».

венном смысле слова, даже не группа, хотя бы и значительная, кровных родственников, вышедших из под власти одного общего родоначальника, а совокупность многих семей, связанных между собою, в глазах якутов, сознанием общего происхождения (в действительности часто фикция), а в глазах русской администрации — представляющих единицу обложения и управления вообще. Таким образом, нет никаких оснований предполагать, что Черкашинников простирал свою регулирующую власть на распределение земельных угодий между независимыми друг от друга хозяйствами, входившими в состав «рода», т. е., по теперешнему, улуса или наслега, или ага уса.

Напомним здесь читателю, что эта капитальная работа не могла быть закончена особенно быстро силами одного человека, хотя бы он и обладал энергией Черкашинникова. Пока в документах XVIII века, в работах, предшествовавших составлению настоящей статьи, обнаружены были, как помощники Черкашинникова, — «геодезии подпоручик» Федоров и «геодезии прапорщик» Пушкарев и Тютрин[1]. С другой стороны долго спустя после Черкашинникова (в 1776 г.) был командирован, уже непосредственно самой якутской провинциальной канцелярией, боярский сын Кычкин (главным образом в Вилюйский округ) также для определения границ владений рода и закрепления этих границ[2].

На ряду с этими мерами важно отметить, что комиссия неоднократно отстаивала поземельные интересы якутов от поползновения со стороны русских. Так 23 августа 1766 г. комиссия сообщала в провинциальную канцелярию, что последняя должна «куда надлежит — подвердить и.... наблюдать, дабы в таковых случаях..., что многие ясашных плательщиков сенными покосами корыстовались здешние русские люди, отныне ясашной народ отягощением и от владений принадлежащими сенными покосами и других угодья изобижаемы не были»[3] и далее: «от здешней якутской канцелярии подтвердить с подписками, чего для ныне и от комиссии к воспрещению и восстановлению порядка во все Якутского ведомства улуса и зимовья князкам, чтобы их родники ни под каким видом своих природных сенокосных мест и других угодий не только русским, но никому не продавали и не закладывали, не укрепляли»[4].

Таким образом, результатом деятельности черкашинниковской комиссии, а также предприятий, служивших логическим их продолжением, следует считать установление все более и более определенных отношений якутских общин к земле. Не подлежит сомнению, что правительство лишь воспользовалось для своих целей назревшею потребностью самой якутской жизни, и мы, по всей вероятности, наблюдаем в описываемых фактах естественные последствия значительного ослабления родовых отношений, как связующего общество цемента, и переход к территориальному началу. Интересно отметить, что даже Москвин,

---

[1] Неизданный рукописный сборник, статьи под заглавием: «О бытии сенным покосам» и т. д. и «О нечинении ясашным переводов из наслегу в наслег впред до переписи», и т. д.

[2] Павлинов, Об имущественном праве якутов.

[3] Неизданный рукописный сборник, та же статья.

[4] Там же. — В другой статье того же сборника («О непокупании у ясашных никому сенокосных мест и рыбных ловель, так же и о непринимании в заклады и к церквам в приклады») в подтверждение в справедливости этого распоряжения комиссии есть ссылка на 16-ю главу, пункты 14 и 43 Соборного Уложения и на грамоту 1708 года.

хотя и несколько наивно, но все же именно таким образом смотрел на описываемый момент жизни якутского племени[1].

Относительно второго основания для выработки новых норм обложения, а именно числа плательщиков, Черкашинников, повидимому, не пошел так далеко, как того можно было ожидать. До сих пор не найдено было в документах той эпохи указаний на то, чтобы перепись числа людей была ведена строго систематически, а, наоборот, в одном из документов сказано, что такой переписи не было[2].

Во всяком случае, принцип, установленный Черкашинниковым, был тот, что платеж ясака падает лишь на якутов от 16 до 60 лет[3]. Но при этом оказывается, что размер ясака на будущее время нисколько не поставлен был Черкашинниковым для того или другого рода в зависимость от изменений в числе якутов, удовлетворяющих сказанному требованию, другими словами, число лиц в роде «от 16 до 60 лет» не более как число «ревизских душ», и князцам предстояло во всяком случае заботиться о том, чтобы весь положенный Черкашинниковым раз навсегда для данного рода ясак исправно поступал в казну. Благодаря этому принцип «душевого» надела нарушался действием естественных причин на другой же день после действия ясачной комиссии, продолжал нарушаться и далее. Общее количество ясака, требовавшегося с данного рода, было постоянно, а между тем, как это можно с достоверностью предполагать относительно якутов, число подростков, переходивших 16-летний возраст, с каждым годом увеличивалось в гораздо большей прогрессии, чем число стариков, выходивших из возраста (60 л.) обложения ясаком. Последствия этого положения вещей будут показаны ниже.

Наконец, третий принцип обложения, согласие родоначальников, соблюдался, может быть, не всегда. По крайней мере в рукописи Сперанского, которою пользовался Словцов, сказано: «каждый род ясачных, иногда и по предварительному согласию родоначальников, обложен податью»[4]. Однако, при составлении настоящей статьи была возможность пользоваться одним чрезвычайно интересным документом, освещающим рассматриваемый вопрос. В документе этом излагается содержание справки, представленной иркутским губернатором Сенату на запрос последнего, вызванный известным ходатайством не менее известного Софрона Сыранова о том, чтобы за сбором ясака в улусы не посылались особые сборщики, но чтобы ясак доставлялся в г. Якутск самими якутскими родоначальниками. Справка эта гласит: «минувшего де марта 26 дня по присланной во оную (иркутскую провинциальную канцелярию) при доношении из якутской воеводской канцелярии о зборе на 768-й год по новому бывшей в Якутске ясашной комиссии переобложению ясашных ясаков ведомости показано, что по добровольному тамошних ясашных желанию обязались они ясаки свои платить суммою, а не порознь отдавать, а в какие сроки, — того не значится, и как переписных тем ясашным книг, так и никаких на тех ясашных подписок доныне

---

[1] Москвин, стр. 191.

[2] Неизданный рукописный сборник, в статье «О нечинении ясашным перевода из наслега в наслег» и т. д. Документ, о котором там говорится (предписание иркутского губернатора Клички), относится к 1781 г. (1 марта).

[3] Павлинов, Извлечение из рукописи XVIII ст.

[4] Словцов, II, стр. 31.

в иркутскую губернскую из оной якутской воеводской канцелярии, так же из Главной о ясаках комиссии не прислано»[1]. Здесь видно, что добровольное согласие якутов установило лишь круговую поруку, что же касается даже сроков взноса ясака, то здесь требовалась их «подписка», которая могла служить и простою гарантиею для высшей администрации в том, что якутам известны размеры требуемого с них ясака, но ничего положительного не дают для суждения о характере установления этих сборов. На практике, может быть, имелось лишь совещание членов комиссии с представителями родов, и ни о каком согласии со стороны последних иногда (если только не всегда) могло речи и не быть.

Таковы принципы, на основании которых совершено в 1760 годах переобложение якутов ясаком. Что касается проведения этих принципов в жизнь, то оно представляется в следующем виде.

Якутский народ был разделен на известное число «родов». За каждым из этих родов были закреплены его земельные угодья и на этот счет были составлены ведомости, хранившиеся с одной стороны у якутов, а с другой — в воеводской канцелярии[2]. На каждый из родов был наложен ясак в виде определенного количества соболей и лисиц. Как распределение земельных угодий между членами родов, так и раскладка между членами ясака находилась в руках родовых групп.

Пока не оказывается налицо данных для суждения о том, как распределялись земельные угодья между членами общины в ближайший период, следовавший за временем действия ясачной комиссии Черкашинникова. Но то обстоятельство, что «оклады» — лисичный и соболиный — назначались князцами, что князцы имели право (а может быть и одну лишь фактическую возможность) переводить своих людей из высшего оклада в низший и наоборот — не служит решительным указанием на то, что этим действиям князцов сопутствовало право их назначать земельные участки, урезывать и прирезывать наличные участки. Переход в разряд наделенных землею из разряда безземельных, уменьшение и увеличение существующих участков могло происходить и помимо того активного действия со стороны князцов и общины, которое носит специальное название наделения. Несомненно, по крайней мере, что в то время право наследственного пользования землею и сопряженные с ним разделы, выделы, дарения, получение в приданое пользовались значительным распространением. Об этом можно судить уже потому, что в делах начала XIX столетия нередки ссылки на наследственность владения участком[3], и даже в конце XIX в. такие ссылки не потеряли своего значения[4]. Кроме того, по свидетельству Павлинова, существовало у якутов около того времени и право отчуждения земли по договору купли-продажи. Правда, Павлинов говорит, что право это было уничтожено черкашинниковскою комиссиею; но можно не сомневаться, что такое запрещение решительного действия не имело еще долго после окончания действий комиссии. Впрочем, Павлинов в своих записках рисуется скорее как юрист-

---

[1] Неизданный рукописный сборник, статья под заглавием: «О непосылке в ясашные улусы за сбором ясака нарочных», и т. д.

[2] Донесение Кангаласской Инородной Управы в Земский Суд от 13 августа 1835 г. № 1076 из дела той же Управы по архивной описи № 228.

[3] Имеются в виду архивные дела Кангаласской Инородной Управы.

[4] См., например, приговор Ботурусского улуса на 2 окт. 1891 г. (Дело Якут. Обл. Правл. № 37, 1892 г., или № 20, 1893 г.).

практик, нежели как научный исследователь предмета, и не всегда бывает легко открыть истинный историко-бытовой смысл описываемых им явлений. Понятие о праве частной собственности на землю, неизбежно предполагаемое практикованием договора купли-продажи, до такой степени не вяжется с общим развитием юридической жизни якутов в прошлом веке, что обстоятельство это заставляет подозревать, что явления, определяемые Павлиновым, как купля-продажа земельных участков, имели в действительности несколько иной смысл.

Действия черкашенниковской комиссии служат поворотным пунктом в одной весьма важной стороне взыскания ясака. С этого времени предоставлено было якутам вносить ясак и деньгами и пушниной. Таким образом был сделан правительством первый шаг к установлению денежных сборов с якутов. Впоследствии (1797 г.) в силу высочайшего указа (18 декабря) на содержание подъемных лошадей был уже установлен первый, может быть, исключительно денежный сбор с инородцев в дополнение к прежнему ясаку (по 26 коп.).[1]

Вскоре после окончания действий комиссии (1769 г.) была отменена посылка за ясаком особых сборщиков в якутские улусы; но при коменданте Козлове-Угреине посылка сборщиков возобновлена. Ко времени же действий так называемой второй ясачной комиссии (1828 г.) якуты опять — и на этот раз окончательно — получили право взносить ясак и другие платежи непосредственно в казначейство, и роль чинов земской полиции сводилась к напоминаниям, понуждениям и т. п.

Основные черты реформ, произведенных Черкашинниковым, определяют даже к концу XIX в. отношения между якутами и фиском. Но черты эти продолжали развиваться в данном им реформою направлении.

Повидимому, в первое время якуты из двух несовместимых принципов — введение в число плательщиков всех лиц от 16—60 лет и сохранение определенного комиссиею числа окладов — придерживались последнего в ущерб первому. Именно, землею владело столько лиц, сколько было назначено комиссиею вместе и лисичных и соболиных окладов. Первый принцип тогда же был принесен в жертву второму в том смысле, что владение землею и отнесение повинностей сохранялось за лицами, перешедшими 60-летний возраст и вовсе не вызывалось одним фактом достижения 15-летнего. Но общее политическое развитие якутского племени,[2] а равным образом развитие экономических отношений, вскоре же привели якутов к необходимости раздробить оклады — соболиный на 3 части, лисичный на 2. В одном из позднейших документов встречаем такую мотивировку этого акта: «со времен умножения инородцев приняты были ими самими меры для успешного взноса ясака, а именно: раздробили соболя на 3 части, а лисицу на 2; сие последовало для общей пользы, дабы, по случаю скотоводственного занятия и промышленности не могли, неимеющие (покосных) мест, оставаться в бедности и в стеснительном положении в содержании себя с семейством, почему самому в разных родах были разные дачи, например: в некоторых за $^1/_3$ соболя владели по

---

[1] Семивский, стр. 129—130; или еще там же, стр. 122, примечан., и 126.

[2] Заметим, что правом голоса на сходах пользуются лишь члены родовых групп, владеющих наделом и относящих повинности.

2 и по 3 остожьи, за $\frac{1}{2}$ лисицы тоже, а в некоторых на $\frac{1}{3}$ соболя по 2 остожьи, а на $\frac{1}{2}$ лисицы по 1-му остожью... И сие самое распоряжение продолжалось по 1828 год».[1]

Важный процесс демократизации поземельной собственности совершался, впрочем, не без вѣдома местной администрации, отчасти даже не без влияния со стороны последней. Еще в XVIII столетии встречаются указы о более равномерном распределении покосных угодий. Что касается начала XIX столетия, то интересно остановиться на следующих фактах.

В начале 1836 г. к тогдашнему начальнику области, Рудакову, лично явилось несколько якутов Нерюктейского наслега и заявили, что в их наслеге «много таких родовичей, которые по богатству своему завладели излишние покосные места, также..., будучи стары летами, должны быть исключены от владения местами, а на владение оными введены дети их». В виду предполагающегося разделения покосов, вследствие окончания действий второй ясачной комиссии, просители обращались к своему старосте с просьбою «наделить местами и бедных», на что богачи не согласились. «Посему», пишет Рудаков голове Кангаласского улуса в предписании от 9 апреля 1836 г. за № 967, «предписываю тебе употребить все меры в уравнительности покосных мест по общему согласию всего наслега..., сделать удовлетворение покосными местами в пропорции во-первых тем, которые платят ясак соболя, потом за лисичные оклады, потом за земскую повинность и наконец последних бедных, дабы они на пропитание свое могли иметь хотя по одной скотине..., чтобы видеть менее нищих, число коих непомерно возрастает и все они якуты». Не прошло месяца, как Рудаков предписывает (1 мая № 1.219), «чтобы в разделении мест соблюдена была справедливость... с разделением инородцев на 4 класса», как то указано в прежнем предписании, при чем даже указывается, что по одной корове каждого бедного должно наделять само общество.

Стремление насадить более демократические принципы пользования земельными угодиями здесь выражено достаточно ярко. Насколько, однако, сам автор этого предписания был далек от мысли, что распоряжение на бумаге будет иметь решительное значение для фактических отношений, это видно из того, что в последнем предписании странным образом допускается наличность безземельных и после раздела, ибо таковые, за силою того же предписания, должны быть показаны в ведомостях, представление которых сделано обязательным для обществ после раздела.

Таким положением вещей как нельзя лучше воспользовалась Степная Дума, в обширном «постановлении» своем на 12 февраля за № 3, пересланном в копии Кангаласскому голове при предписании Управы от 2 мая за № 526. Изложив соображения голов, что одни наслеги желают разделиться на три, а иные — на два класса «и допустить к общему владению земель по состояниям не обложенных ясаками зажиточных родовичей, т. е. включить в ясашный оклад ниже 18-ти и более 49-летних людей; принимая во уважение то, что у якутов во всех улусах почти большая часть родников в сих летах состояния свои имеют преимущественно и которые до сего подкрепляли довольно и ныне могут поддержать бедных родовичей в оплачивании казенных и общественных податей и повинностей, каковое между якутами не единообразное предположение», Степная Дума констатирует: «а законами пове-

[1] Дело Западно-Кангаласской Инородной Управы, по архивной описи № 228.

лено», и приводятся сначала §§ 26—29 Устава об Инородцах 1822 г., а затем из Общего наставления ясачной комиссии — § 32, пункт 4-й: объяснение и добровольное согласие родового управления и прочих, налицо находящихся родовичей, по возможности сравнив с тем состоянием, в каком находились инородцы при Комиссии 1763 г., Комиссия (1828 г.) определяет, какое количество подати может быть вносимо сим родом ежегодно без отягощения», и ст. 34-ю: впрочем окладной книги расчисляется, по скольку в год на часть каждого инородца способного к работам и промыслам трудиться платить подати. Но инородцы на основании Устава (1822 г.) всегда имеют полное право уравнивать между собою сии части по состоянию». Основываясь на всем этом, Дума предписывает: 1) разделяться на 2 и на 3 класса, как какому наслегу угодно; 2) 4-й и 5-й классы избавить от платежей, само собою разумеется, лишивши их предварительно земли. Одним словом: Дума никаких распоряжений не делает, а все отдает во власть обществ.

Несмотря на то, что подобного рода факты бывали нередко, жизнь брала свое, и демократизация земельных угодий являлась необходимостью. При распределении земельных угодий на участки якутские общества перестали в конце концов руководиться и числом окладов, т. е. податных душ, и это число сравнялось, в своем значении на практике, с числом «ревизских» душ в русских селениях. А именно, число наделенных хозяев не соответствовало числу лиц, в возрасте между 15 и 50 годами, и в каждом отдельном случае являлось в результате общих соображений инородческого «мира».

Во введении к настоящей статье[1] было уже указано, что анализ поземельных отношений в различных местах Якутского и Верхоянского округов вскрывает тот внутренний процесс, который происходил, а частью и на наших глазах происходит еще в якутском обществе в указываемом теперь направлении. Знакомство с архивным материалом дает право заключить, что в начале XIX столетия основной принцип был уже решен и сознан якутами.

Из дела Кангаласской управы за 1835 г. (по архивной описи № 231) можно извлечь следующие данные.

Во многих приговорах, вызванных необходимостью приспособить существующие отношения к положению вещей, созданному второй ясачной комиссией, высказывается желание, чтобы общее число хозяйств, наделенных землею, было равно числу окладов, определенных комиссиею, но при этом наслеги уже не придерживаются того деления на классы, какое предписывалось комиссией, и по большей части делятся на три класса, а не на два, как это указывалось комиссией.

Не мало случаев, когда поведение якутов можно бы подвести под понятие своевольства, если бы не сознание, что причиною такого поведения являлись не черты национального характера якутов, а несоответствие установленных комиссиею форм требованиям нарождавшихся потребностей самой якутской действительности. Наслеги: Немюгинский, Жерский, Сатинский, все пять Мальджегарских, два Жемконских и Хачыкатский пишут в своих «согласиях», что хотя комиссия и предписала наделение землею только лиц между 18 и 60 годами, с разделением на определенное число классов, при чем даже число представителей каждого класса было комиссией определено, но что выполнение всех этих условий

---

[1] Введение утрачено. И. М.

отчасти невозможно, отчасти нежелательно с точки зрения благосостояния плательщиков. По мнению обществ этих наслегов, в ведомости комиссии попадали и немощные, калеки и т. п. Еще до комиссии наделом пользовались многие, перешедшие установленный возраст, именно зажиточные люди. Если теперь наделить землею только лиц в пределах между 18 и 50 годами, то окажется много неспособных платить ясак по бедности и не желающих по отсутствию выгоды для них в пользовании землею. Да и вообще, на показанное комиссией число плательщиков придется каждому по ничтожной части земли. Руководствуясь всеми этими соображениями, общество этих наслегов решило наделить землею не указанное комиссиею число лиц, а «смотря по состоянию и способности к снисканию денег,... не исключая и не молодых», т. е. свыше 50 лет.[1]

1-й Малтанский, Октемский, Одунинский, Мытатский и Хахсытский наслеги приходят к аналогичному решению, но с более подробною мотивировкою. Изложивши основания прежнего обложения, общества этих наслегов в своих «согласиях», продолжают: «за сей платеж пользовались покосными угодьями, некоторые без избытка к тому соответствующими пропорциями земли, а прочие с означенными недостатками в покосах и напротив того вънов обложенное ясаком число людей превышает против прежних плательщиков ясака и владеющих покосными местами не менее половинною частью прежнего количества ясачных». После этого высказывается желание оставаться при старом разделении на два класса, но не исключать перешедших 50-летний возраст и не заботиться о сохранении неизменной цифры наделенных землею, после чего следует такое интересное сообщение: «как и сама комиссия при обложении ясаком, основываясь на лета означенных работников, ...всех сих отделенных платеж обложенного ясаку работников устно предоставляла: «что общества могут иметь по собственному хозяйственному усмотрению и общему согласию отнести возложенный ныне ясак, не взирая на лета, на состоятельных людей, и таковое распоряжение, относящееся на исправной взнос ясака, никаким местом презираемо быть не может», каковое отнесение тогда отвлекало нас от понижения настоящего ясака при составлении обложения».

Приведенные факты доказывают, что ко времени завершения действий второй ясачной комиссии якуты стояли твердо на той точке зрения, которая сводит весь вопрос лишь к уплате за данный род или наслег совершенно определенного количества податей и повинностей, но при распределении их между плательщиками, следовательно, и при разделении земельных угодий между членами общины, не обязывает ни к каким определенным действиям. Законченность этого представления в умах якутов к указываемому времени внушает убеждение, что выработка его началась довольно давно, может быть не позже периода, непосредственно следовавшего за действиями первой ясачной комиссии.

Если обратиться к тем же данным для разрешения вопроса, в какую сторону направлялась мысль якутов в пределах открывавшейся таким образом для нее возможности, то и на этот вопрос можно ответить достаточно удовлетворительно. Но прежде следует указать на тот факт, что в пределах Якутского округа наблюдается ряд переходных ступеней между

---

[1] В улусном делопроизводстве нередко можно встретить отступления от общепринятой нормы «18—60 лет»; иногда платежеспособной признается в наслеге группа 16—50 лет, изредка даже 18—50 лет. Однако все такие случаи преставляют лишь исключения. Чем они вызывались, в настоящее время установать трудно. Автор, цитируя улусные документы, как и в настоящем случае, ничего в них не изменял. *И. М.*

остатками патриархально-поземельных отношений и семейною общиною, при чем последняя имеет место в наслегах, прилегающих к г. Якутску с юга, а первые формы становятся тем более резко выраженными, чем дальше подвигаемся мы на север, восток и запад от г. Якутска. Так как местность, простирающаяся к югу от г. Якутска, во всех доступных наблюдению отношениях представляется более других ушедшею вперед по развитию промышленности и культуры, то следует заключить, что и формы землепользования, наблюдаемые здесь, являются дальнейшим развитием тех форм, с которыми наблюдатель встречается на окраинах округа. А это значит, что те общие соображения якутского мира, которые определяли . . . .

(На этих словах 15-й лист рукописи обрывается).

И. М.

Основные правила распределения земли у якутов Дюпсюнского улуса Якутского округа.

Н. А. Виташевский.

(Реферат, прочитанный автором на собрании участников Сибиряковской Экспедиции в январе 1895 года).

Общий характер местности. Та часть описываемого улуса, которую мне удалось объездить, отличается значительным распространением лесов и волнистостью почвы. Г. Ионов, в статье своей под заглавием «К вопросу о скотоводстве у якутов Якутского округа», напечатанной в «Памятной книжке Якутской области» (Якутск, 1895 г.), предполагает, что в описываемой им местности только $^1/_{10}$ часть поверхности почвы свободна от лесов. Принимая это число исходным пунктом, я скажу, что в местности, о которой речь в настоящем реферате, не более $^1/_{15}$ части поверхности земли не покрыто лесною растительностью, а в отдельных районах цифра эта падает и до $^1/_{20}$.

Волнистость почвы обуславливает собою наличность множества водоемов. Вода стала уменьшаться лишь в последние несколько лет засухи. Обилие водяных метеоров в 1883 году повело к значительному увеличению количества воды в озерах и болотах и даже к образованию новых водоемов.

Малоземельность улуса. Обилие или недостаток земельных угодий можно было бы констатировать только при наличности строго проверенных статистических данных, которых пока взять не откуда. Но косвенных показателей малоземельности улуса можно привести не мало. Вот некоторые из них:

1) *Обычное заявление жителей, что у них — большой недостаток земли.* — Я не вижу оснований для того, чтобы игнорировать этот факт. Дело в том, что ботурусец, например, никогда не будет вам жаловаться на малоземелье своего улуса вообще. Чтобы тронуть вас своим положением, он сошлется на то, что кроме скота и земли, у него нет других промыслов (ответ головы ботурусского улуса члену-секретарю статистического комитета А. И. Попову в командировку 1893 года).

2) *Наличность отхожих промыслов:* в г. Якутск и на прииски — для заработков, и в северные округа — с купеческою и казенною кладью. Последнее не столько отвлекает из улуса людей, сколько конный скот. Зимою в улусе трудно встретить хорошую лошадь: все выбившаяся из сил мелкота, 2-х и 3-х летки, на которых даже зимой можно ездить только верхом. Интересно отметить характерную черту дорог в описываемой местности: там колея, по которой идет лошадь, заметно глубже, чем колея для полозьев, результат редкого употребления лошадей в санной упряжке.

3) *Невозможность для лиц, для скота которых не хватает сена с надельной земли, приобретать сено и давать подряды под него в больших размерах.* — Сено если и покупается, то по мелочам. Господствующую же форму отношений в этой сфере представляет собою сдача коров в прокорм по небольшому числу — по 1, по 2, по 3.

Отсюда можно заключить, что прокорм скота в больших хозяйствах (или, что то же, поставка сена в такие хозяйства) распределяется между большим числом лиц — другими словами: у населения не так много земли, чтобы в отдельных хозяйствах оставалось много сена, даже при крайнем напряжении производительных сил населения и при крайней экономизации сена в мелких хозяйствах для прокормления собственного скота.

4) *Наличность требования улуса при посредстве администрации от соседнего (Намского) улуса прирезки земли.* — Насколько мне известно по частным слухам, искания улуса приняты в административных сферах благосклонно. В числе аргументов, склоняющих администрацию к удовлетворению просьбы улуса, заслуживает внимания то, что улус в больших размерах арендует земли у соседнего улуса, от которого теперь ищет прирезки.

Абсолютное количество земли.

Определение абсолютного количества земли представляет, конечно, слишком много затруднений. До того момента, когда якутские земли подвергнутся регистрации при посредстве приемов геодезии, приходится каждому исследователю выбирать по своим соображениям те или другие данные, со своей точки зрения критически их оценивать и вводить затем поправки, основанные на личных впечатлениях. Понятно, что при таких условиях, при всем желании как можно ближе подойти к действительности, исследователь рискует оказаться слишком далеким от истинного положения вещей. Я полагаю, однако, что всякий, кто пожелает вполне добросовестно отнестись к выполнению своей задачи, по данному вопросу может впасть в погрешность лишь в смысле уменьшения и ни в каком случае не увеличения площади эксплуатируемой инородцами земли. Строго констатируя лишь то, что наблюдатель видит перед собою, как реальный факт, никогда нельзя быть уверенным, что за доступным наблюдению не стоит что-нибудь такое, что скрыто — или благодаря недостаточной наблюдательности человека, чуждого среде, или же благодаря воспитанному веками недоверию инородцев ко всему не-инородческому.

Отправным пунктом для определения абсолютного количества земли в улусе я беру «ведомости» 1894 года за 7 наслегов из 8, составляющих весь улус.[1] Вот данные, извлеченные из этих ведомостей:

В 1-м	наслеге	348	надельных	единиц	на	205	хозяйств.
» 2	»	686	»	»	»	212	»
» 3	»	150½	»	»	»	96	»
» 4	»	351	»	»	»	152	»
» 5	»	298½	»	»	»	186	»
» 6	»	648	»	»	»	103	»
» 7	»	514	»	»	»	155	»
Итого	......	2996	»	»	»	1109	»

[1] 1894 год был годом урожая.

Вычисляя среднюю арифметическую, находим для нее цифру 2,7, т. е. на одно хозяйство приходится немного менее трех надельных единиц.

Но по сведениям, собранным мною на месте, размеры надельной единицы колеблются между площадями, на которых ставится 7 возов сена (при среднем урожае), и площадями с производительностью до 13 возов. Средняя величина здесь — 10, откуда заключаем, что в 7 наслегах из 8 всего улуса на одно хозяйство приходится при среднем урожае 27 возов сена.

Чтобы судить о достаточности или недостатке полученного количества сена для нужд населения, я воспользуюсь теми двумя интересными ведомостями из имеющихся у меня (наслеги №№ 3 и 4), в которых обозначено не только число скота в каждом хозяйстве, но и число душ в семье. Произведя соответствующие подсчеты и вычисления, получим:

Наслег № 3; число душ 397; скота 1127 шт.; возов сена 1505
» № 4 » » 603; » 2073 » » » 3510

и в среднем:

	Наслег № 3:	Наслег № 4:
На 1 семью душ	4,1	3,9
» 1 » скота	11,5	13,6
» 8 шт. скота возов сена	10,7	13,5

Принимая во внимание, что на 8 штук скота потребно до 30 возов сена и что для безбедного существования средней якутской семьи потребно до 18 штук скота, заключаем:

Наслег № 3: скота менее на 6,5, чем нужно для семьи;
сена » » 19,4, » » » скота;
Наслег № 4: скота » » 4,4, » » » семьи;
сена » » 16,5, » » » скота.

Все, что мною сказано до сих пор, представляет собою только фон картины, которую я имею в виду нарисовать. Главная моя задача — исследование юридических отношений, и отношения экономические занимают меня лишь постольку, поскольку знакомство с ними необходимо для понимания явлений юридической жизни.

Распределение общественных угодий на единицы. Осмотр урожайности отдельных участков производится в описываемом улусе ежегодно. Как известно, правило это не всеобщее: есть местности, где такой осмотр производится лишь в зависимости от большего или меньшего числа жалоб на недостаточный урожай сена на участках.

Порядок осмотра и возможные его результаты мною описаны еще до того, как я приступил к экспедиционным занятиям.[1] За время экспедиции, и в частности в описываемом теперь улусе, я не нашел почти никаких дополнений к тому, что было известно мне раньше. Поэтому, как сообщение, которое могло бы быть основано главным образом на не-экспедиционных материалах, я опускаю это описание.

---

[1] В рукописи, находящейся при делах Якутского Статистического Комитета.

По окончании осмотра не во всех наслегах составляются приговоры. Благодаря патриархальности нравов родовые управления обыкновенно ограничиваются составлением «чего-то в роде ведомостей», как сказал мне один из родоначальников улуса. Такого рода «ведомостями» я и пользовался выше.

До шестидесятых годов XIX столетия осмотры были непериодические и только с того времени сделались ежегодными. Можно, кажется, установить закон, что в историческом ходе развития якутское землевладение шло от непериодических осмотров к ежегодным. Кроме того, с только что указанного времени произошла еща одна и очень крупная перемена в порядке осмотра: регистрируется каждый участок отдельно и записывается, сколько возов сена на нем может быть выкошено, в то время, как раньше депутаты говорили просто: такой то алас — 1-го класса, другой с таким то, положим, прирезком — 2-го класса и т. д.

Якуты описываемой местности процесс осмотра и регистрации участков называют бäбіäркä — исковерканным русским словом «поверка» (соответствующие глаголы: бäбіäркälä — произвести «поверку», бäбіäркäläт — приказать сделать «поверку», бäбіäркäläс — произвести «поверку» между собой). На мой категорический вопрос, обращенный к интеллигентным якутам, я не мог получить положительного указания, что хотя бы в памяти якутов этого улуса сохранилось якутское название для этого действия.[1]

При записывании урожайности существуют условные единицы бäбіäркä сыарҕата («воз поверки»), что вовсе не означает воз сена, а всегда известное число возов. Так, в одном из наслегов в 1894 году один бäбіäркä сыарҕата равнялся двадцати возам сена или тридцати возам камыша. Здесь своего рода математическая система. Совсем другой характер носит на себе тот факт, что при определении урожайности существует тенденция уменьшать ее размеры. Если депутаты говорят, что на данном участке должно стать 7 возов, например, то в действительности там станет 10—12 возов.

Когда, таким образом, урожаю подведен итог, то весь он распределяется на единицы, носящие название ölбӯгä. Число таких единиц находится в зависимости от разделения хозяйств на «классы», к описанию чего поэтому я и перейду.

Разделение хозяйств на классы. В большинстве наслегов три «класса», надел хозяев 1-го «класса» называется бастыҥ (первый, лучший) или улахан (большой) ölбӯгä, второго «класса» — орто (средний) ölбӯгä и третьего «класса» — кäнні̇кі (последний) или куччугуі (малый) ölбӯгä. Обыкновенно пропорция такова: в большом ölбӯгä заключается 2 средних и 4 малых. Таким образом, сумма всех ölбӯгä, больших, средних и малых, может быть выражена в малом ölбӯгä с тем или другим коэффициентом. Например, пусть в наслеге 20 больших ölбӯгä, 30 средних и 50 малых. 20 больших сведутся к $4 \times 20 = 80$ малых, а 30 средних к $2 \times 30 = 60$, и если к этому прибавить 50 имеющихся в наслеге малых ölбӯгä, то вся земля наслега могла бы быть разбита на 190 малых ölбӯгä, чтобы отвести каждому хозяину наслега его надел, будь то малое, среднее или большое ölбӯгä.

Можно считать типичным наслег, где три «класса» с указанным отношением между ölбӯгä. Но есть отклонения в ту и другую сторону. Вот перечень наслегов с соответствующими обозначениями:

[1] В других местностях названия эти сохранились.

Наслег № 1 — 3	класса	с	отношением:	4 : 2 : 1
» № 2 — 3	»	»	»	3 : 2 : 1
» № 3 — 3	»	»	»	3 : 2 : 1
» № 4 — 3	»	»	»	4 : 2 : 1
» № 5 — ?	»	»	»	?
» № 6 — 3	»	»	»	4 : 2 : 1
» № 7 — 4	»	»	»	4 : 3 : 2 : 1
» № 8 — 2	»	»	»	2 : 1

Такое математически точное отношение между различными ӧlбӳгӓ дает возможность достаточно близко подходить к удовлетворению признанных за хозяйством прав на надел. Допустим для иллюстрации, что в том гипотетическом наслеге, где 20 больших, 30 средних и 50 малых ӧlбӳгӓ, депутаты определили урожай в 1900 возов. Так как нам уже известно, что все наделы наслега в совокупности сводятся к 190 малым ӧlбӳгӓ, то на каждое из последних придется 1.900 : 190 = 10 возов, на среднее ӧlбӳга 10 × 2 = 20 возов, и на большое ӧlбӳгӓ 10 × 4 = 40 возов. Вся же земля распределится между классами так:

20	хозяйствам	1-го класса	придется	20 × 40 = 800 возов.
30	»	2-го »	»	30 × 20 = 600 »
50	»	3-го »	»	50 × 10 = 500 »
100	хозяйствам наслега придется....			1900 возов.

Хат бӓбіӓркӓ. Само собою разумеется, что приведенная система расчисления наслежной земли на участки, служа надежным и прочным основанием при распределении между хозяевами податей и повинностей, которые падают почти исключительно на землю, что система эта не может быть проведена на практике с безусловною строгостью, когда дело касается реального распределения земли между хозяевами.[1] При условии, что в малом ӧlбӳгӓ заключается по 10 возов, человек, которому отведено $2^1/_2$ таких ӧlбӳгӓ, в действительности мог накосить и не 25 возов, а 30, или же, наоборот, всего 20 возов. Если накапливается слишком много подобных случаев, то зимою, по словесному постановлению общества, бывает так называемая *вторичная поверка* (хат бӓбіӓркӓ).

Чтобы оценить все значение этого явления в юридической жизни якутов, нужно иметь в виду, что в других местностях Якутского округа жалобы на несоответствие состава надела его податной ценности обыкновенно приносятся и разрешаются, если не до начала, то во всяком случае до окончания сенокосного времени. Лицо, считающее себя обиженным во время осмотра покосов депутатами, тут же приносит жалобу в родовое управление, и жалоба эта разрешается. Нередко бывает, что лицо, приносящее жалобу, не приступает к снятию травы на своем покосе, пока жалоба не будет разрешена в том или другом смысле. Вообще же поставка сена в стога служит как бы ручательством того, что все недоразумения улажены.

---

[1] Об этом подробности см. в указанной ранее моей рукописи.

Совсем иное отношение к делу мы наблюдаем в описываемой местности, отношение, вызывающее иногда хат бӓбіӓркӓ. Лицо, имеющее право на надел, считает свое право осуществленным только тогда, когда на его наделе окажется выставленным в действительности то количество сена, какое было предположено. Стоит ли трава на корню, сложено ли сено в копны, или даже сметано в стога, — все-таки за лицом признается возможность обратиться в суд за восстановлением своих нарушенных прав. Хат бӓбіӓркӓ в том и заключается, что регистрируется уже не земля, а ее продукт, записываются не земельные участки всех хозяев, а выставленное последними сено, и на основании этих данных производится регулирование прав. Если у лица на $2\frac{1}{2}$ малых ӧlбӱгӓ выставлено вместо 25 возов всего 20, то лицо это обращается в суд, и его право на недостающие 5 возов восстановляется.

Хат бӓбіӓркӓ, как предприятие всего наслега и даже одного из родов наслега, явление сравнительно редкое, но обращение в суд отдельных лиц повторяется из года в год. В описываемой местности я пробыл декабрь, в течение всего этого месяца родоначальникам все еще были приносимы жалобы. Но здесь выступает уже частно-правовой элемент, которым проникнуто насквозь все обычное право якутов. Моего заявления, что на моем наделе могло быть выставлено только 20 возов, вместо 25, еще недостаточно для того, чтобы вызвать то или другое решение судьи: я должен для этого еще указать и лиц, у которых на надельной земле выставлено сена больше, чем по расчету должно было им достаться после раздела общенаслежного достояния.

Весьма естественно, что не может быть отнято все количество излишнего сена, точно так же, как не может быть и додано все количество недостающего. Если у меня могло быть накошено только 20 возов вместо 25, то я не могу рассчитывать получить все недостающие 5 возов, так как в общей сложности у меня могло быть 25 возов лишь при том условии, если бы я все их накосил своим трудом. Точно так же, если бы тот, у кого оказались излишними 5 возов, целиком их отдал, то он в 5 возах накошенного сена лишился бы не только права пользования землею, которая дала эти 5 возов, но и труда, вложенного на кошение этого сена. Обычный порядок таков, что половина недостающего сена отдается претенденту, другая остается в вознаграждение за труд косившего. Другими словами, расчет производится так, как если бы лицо, у которого оказалось недостаточное количество сена, отдало добровольно с весны часть покоса из половины лицу, на наделе которого накошено больше сена, чем сколько можно было ожидать по предположению депутатов.

Само собою разумеется, что правило это, как корректив для несовершенных приемов определения депутатами урожайности отдельных участков, вполне соответствует потребности лишь до тех пор, пока в действительности из-полу же сдаются сенокосы по добровольному соглашению между контрагентами. Мне хотелось добиться ответа на вопрос, как поступают судьи в том случае, если при вольных сделках земля сдается не из-полу, а из трети или из четвертой части. Оказывается, что расчет при насильственном отобрании сена по решению судьи производится всегда один и тот же, т. е. отбирается именно половина. Таким образом, данный факт может служить примером, где мы наблюдаем отсутствие эластичности в юридической мысли якутов. Следует впрочем заметить, что в те годы, когда испольная система, благодаря особенно сильному отклонению урожая травы от нормы, оказывалась бы

в описываемых случаях слишком невыгодною или для лиц, от которых отбирается сено, или для лиц, которым оно дается, — в такие годы на наслежном собрании наперед постановляют, какую часть накошенного сена оставлять в пользу лица, выкосившего по недоразумению лишний клочок земли, и какую его часть отдавать лицу, которое не могло выставить на отведенном ему наделе определенного количества сена.

Те явления, которые определяются наличностью в якутском землепользовании обычая хат бäбiäркä, представляют собою значительный шаг вперед в мировоззрении якутов, но при этом именно такой шаг, который предупредил развитие техники. С понятием о разделе продукта в наших умах неизбежно связывается представление об общем труде. Раз нет общего труда, то идеал, к которому стремится современная юриспруденция, это достаточная близость к такому распределению естественных богатств, которое при данном состоянии общественного развития признается справедливым, для достижения чего призываются на помощь все средства науки и техники. Дальше этого мы не идем. В рассматриваемом случае техника оказывается крайне неразвитою, но самосознание народа не успокаивается безмолвным констатированием факта и стремится развитием юридических понятий исправить ошибки, допускаемые техникой.

По всей вероятности причины указываемого явления коренятся в исторических и экономических условиях жизни племени, — условиях, выяснения которых все мы ждем от нашего товарища по экспедиции Л. Г. Левенталя. Но интересно отметить, что такую же неодинаковость развития юридических понятий я буду иметь возможность констатировать еще один раз на протяжении настоящего реферата. Следует сказать еще, что из всех известных мне местностей Якутского округа только что описанное явление повторяется лишь в пригородных наслегах: Багарадском, Орсютском и Хоринском, но при другой обстановке.

Распределение земли между хозяевами. Я рассматривал до сих пор регистрации земельных угодий и разделение всей земли на единицы, а затем — систему, по которой разделяются хозяйства на классы. Мне остается теперь рассмотреть фактическое распределение принадлежащей наслегу земли среди населения.

Уже один тот факт, что якутская община имеет в своем основании систему классов, один этот факт говорит за то, что наслежная земля распределена не поровну между хозяевами наслега. Хозяйство, представитель которого записан в 1-й класс, выкашивает на своем наделе в 4 раза, например, более, нежели хозяйство 3-го класса. Значит, наделы различных хозяев неравны. Убеждение в том, что такой порядок вещей справедлив, глубоко коренится в миросозерцании якута.[2] Есть однако граница, с переходом которой неравенство принимает в глазах населения значение баттая, т. е. насильственного установления такого порядка вещей, который невыгоден для одной стороны и очевидно выгоден для другой.

В работе своей, представленной мною в местный Статистический Комитет, я перечислил все тогда мне известные способы, при помощи которых отдельные лица обходят современные коренные основы якутского землевладения и увеличивают площади владеемых ими земель. Из приведенной там схемы видно, что путем различных домогательств отдельное

---

[2] Об этом подробности в моей статье под заглавием: «Материалы для исследования системы огораживания полей у якутов», представленной в Восточно-Сибирский Отдел Русского Географического Общества.

лицо может увеличить свои владения в 12 слишком раз против нормального надела, и, следовательно, владения такого лица, записанного в 1-й класс, будут почти в 40 раз более нормального 3-классного надела.

Почти все приемы увеличения площади владений имеют свое историческое основание в тех общественно-экономических отношениях, которые некогда характеризовали положение тојон'а в среде якутского общества. Я не считаю возможным здесь утруждать внимания изложением моих соображений по этому поводу, так как это было бы с одной стороны почти дословным повторением некоторой части названной моей работы, представленной в Статистический Комитет, а с другой — для коренного решения относящихся сюда вопросов не собрано еще пока достаточно материала. Я замечу только, что нигде кроме улуса, о котором речь в настоящем реферате, мне не приходилось встречаться с древними формами якутского землевладения, как их понимаю, в столь чистом виде. Я постараюсь показать это в последующем изложении.

Прежде и главнее всего тот факт, что в других местностях Якутского округа, где мне приходилось знакомиться с способами распределения земель, на имя одного лица может быть записан только один надел того или другого класса. Концентрирование нескольких наделов одного или разных классов в руках одного лица возможно там лишь под условием записывания наделов или на лиц, входящих в состав семьи (сын, иногда и малолетний, зять или племянник, принятые в семью), или на подставных лиц. Но в улусе, о котором речь в настоящем реферате, соблюдение таких апарансов не считается необходимым и в действительности никогда не практикуется. Здесь есть лица, на имя которых в ведомостях я прямо встречаю записанными 2, 3, 4, даже 5 первоклассных наделов, лиц, которые одновременно пользуются одним наделом 1-го класса и одним наделом 2-го и т. д.

Чтобы представить дело наглядно, я приведу данные относительно 3-х наслегов, выражая наделы 1-го и 2-го классов в наделах 3-го класса, как некоторой единице.

В наслеге № 1:	14	каннікі	ölбÿгä	имеет	1	хозяйство.
	по 7	»	»	»	2	»
	» 6	»	»	»	1	»
	» 5	»	»	»	3	»
	» 4	»	»	»	12	»
	» 3	»	»	»	19	»
	» 2	»	»	»	36	»
	» 1½	»	»	»	18	»
	» 1	»	»	»	77	»
	» ½	»	»	»	36	»
В наслеге № 2:	16	»	»	»	1	»
	по 12	»	»	»	3	»
	» 9	»	»	»	1	»
	» 8	»	»	»	5	»
	» 7	»	»	»	8	»
	» 6	»	»	»	12	»

В наслеге № 2:	по	5	каннікі	ölбӳгä	имеет	17	хозяйств.
	»	4	»	»	»	34	»
	»	3	»	»	»	28	»
	»	2	»	»	»	49	»
	»	1	»	»	»	54	»
В наслеге № 6:		26	»	»	»	1	»
	по	20	»	»	»	2	»
	»	16	»	»	»	6	»
	»	13	»	»	»	1	»
	»	12	»	»	»	6	»
	»	8	»	»	»	17	»
	»	6	»	»	»	14	»
	»	4	»	»	»	33	»
	»	3	»	»	»	3	»
	»	2	»	»	»	17	»
	»	1	»	»	»	3	»

Неравномерность распределения поземельной собственности в предложенных таблицах слишком бросается в глаза.[1] Но за неимением подобного же рода точных данных о других улусах округа нельзя выяснить, больше ли или меньше эта неравномерность в описываемой местности по сравнению с другими. Я имею возможность однако констатировать, что в описываемой местности существует тенденция — уменьшать площадь надельной земли по мере увеличения числа наделов у одного и того же лица. Так, например, в моем присутствии был решен родоначальниками вопрос об отобрании части скошенного сена у лица, которое пользуется 7 малыми наделами. Цифры, сюда относящиеся, таковы: на малое ölбӳгä приходилось по 7 возов, и лицо, о котором речь, поставило $7 \times 7 = 49$ возов сена; отобрано было у него $1\frac{1}{2}$ воза скошенонго сена. Между тем в других местностях округа по всем имеющимся у меня сведениям наделы больших размеров оцениваются депутатами обыкновенно ниже действительности, так что большие наделы там продуктивнее.

Но я должен повторить, что для меня главный интерес приведенных данных заключается не в самой неравномерности и не в ее размерах, а в том обстоятельстве, что она не прикрывается никакими фикциями. В ведомостях, над которыми я оперирую в настоящем реферате, встречаются такие вещи:

За Николаем С. записано: 1 надел 1-го класса, 1 надел 2-го класса и 1 надел 3-го класса (ведомость наслега № 7).

Ничего подобного мы не встретим в ведомостях из других улусов. Если бы тот же Н. С. пожелал где нибудь в Ботурусском или Баягантайском улусе пользоваться тремя наделами и оказался бы достаточно влиятельным, чтобы добится желаемого, то в ведомости могло бы значиться:

---

[1] Замечу, что по соображениям, о которых здесь говерить не место, в наслеге № 1, при заключении об этой неравномерности, хозяйств, имеющих $1/2$ каннікі ölбӳгä, принимать в соображение не следует.

За Н. С. — 1 надел 1-го класса.
» его сыном — 1 надел 2-го класса.
» работником — 1 надел 3-го класса.

Все, что известно до сих пор об истории якутского землевладения, заставляет думать, что здесь происходило движение в сторону демократизации поземельной собственности. Распросы в описываемой местности дали тот результат, что за некоторыми хозяйствами сохраняется право на несколько наделов «по традиции»; что за небольшой промежуток времени, под давлением общественного мнения, многие из таких хозяйств отказывались от некоторого числа наделов; наконец, что прибавка наделов теперь допускается неохотно. Таким образом, форму землевладения, наблюдаемую в описываемом улусе, следует признать гораздо более древнею, чем та, при которой за одним и тем же лицом признается юридическое право на один, а то и на несколько наделов.

Я обращу внимания еще на два явления в той же сфере отношений, говорящие за архаичность форм землепользования в описываемом районе. Это, во-первых, наличность так называемых тосоҕо кӱрӱӧ. Это — наделы, отводимые старостам наслегов сверх тех наделов, которыми старосты пользуются, как члены общины. Современный взгляд якутов старается оправдать такое отношение к общинной земле тем соображением, что староста несет расходы по управлению наслегом (между прочим, как это установлено в рассматриваемом улусе, разъезжает на собственных лошадях по делам службы). Что такое объяснение в данной местности несколько соответствует действительности, можно заключить из того, что некоторые старосты, не получая особого надела, освобождаются от взысканий, лежащих на их обычных наделах, на все время служения в должности. Наконец, название этих участков происходит от слова тосоҕо-кол, и это объяснено мне одним из инородческих родоначальников так, что участки эти имеют своим назначением дать старосте место, где-бы могли кормиться на привязи (на кольях) кони лиц, приезжающих к старосте по делам службы.[1] Но следует заметить, что даже для этой специальной цели отвод старостам бесплатных покосов почти нигде теперь уже не практикуется. С другой стороны в этой форме владения нельзя не видеть остатков такого отношения к земле, при котором староста, как тојон, имел исключительное право на общинное достояние.

Второе, что невольно бросается в глаза, если рассматривать с указываемой точки зрения землепользование описываемого района, это — случай пользования землею в наслеге, откуда взята жена. Сам по себе случай таков: якут наслега № 2 взял жену из наслега № 1 и зять пользуется с тех пор угодьем, переданным ему тестем из земель, принадлежащих наслегу № 1, при чем в ведомостях этого наслега зять фигурирует в качестве плательщика, на ряду с остальными родовичами наслега, хотя по своим остальным отношениям он состоит, конечно, родовичем наслега № 2. Условия пользования землею, полученною в настоящее время в виде приданого из другого наслега, иными и не могут быть:[2] условия эти вполне

---

[1] Замечу, что в современном названии такого кормления коней слова тосоҕо не имеется: кормление это называется ӧртӧн.

[2] Считаю нужным тут заметить, что дело осложняется здесь тем обстоятельством, что зять был воспитанным сыном тестя и некогда был официально перечислен в наслег последнего, но, мне кажется, значение моих выводов от этого не падает.

приспособились к общим условиям, в которые ныне поставлено якутское землепользование. Но, очевидно, что мы имеем здесь в основе то право на землю, которое приобреталось в былые времена якутами при посредстве получения в приданое, — анjасіp.

Попробуем перенестись в самом деле к началу XVIII века. Зять получил бы тогда анjасіp из обширных незарегистрированных владений своего тестя, и так как это была бы незначительная часть владений не только всего наслега, но в частности и дарителя, то обстоятельство это не вызвало бы никаких изменений в порядке взысканий и взноса податей. Тесть продолжал бы платить то, что он платил и раньше, а зять начал бы пользоваться, не производя никаких новых платежей, клочком земли в центре другого наслега. Так как право на приданую землю в то время еще глубоко коренилось в представлениях якутов, то полученная зятем земля сразу же стала бы владением того наслега, к которому принадлежит зять. Теперь через 200 лет, дело уже представляется не в таком виде и повлечет за собою не те последствия. Земля, полученная нашим якутом в приданое, не стала от одного этого принадлежать наслегу зятя и не могла быть освобождена от платежей, которые на ней лежали уже и тогда, когда она принадлежала еще тестю. Во всем этом необходимо было сделать уступку, и мы в действительности видим соблюденными все условия современного якутского землепользования. Но тот исключительный факт, что человек одного наслега поставлен рядом с плательщиками другого и что это произошло благодаря получению прав на землю в соседнем наслеге после заключения брачного союза, — этот факт заставляет нас рассматривать явление, как седой архаизм.

Итак, на ряду с наиболее совершенными приемами восстановления прав, мы видим в описываемой местности следы глубокой старины, когда станем пристально вглядываться в существо этих прав. Обратить внимание на это оригинальное сплетение юридических понятий — такова главная задача моего реферата; поэтому-то я и остановился лишь на основных правилах распределения земли в описываемом районе. Разделение общественных угодий на единицы, разделение хозяйств на классы, распределение угодий между хозяевами, — вот основания всякого общинного землепользования, а вместе с тем и первые три вопроса моей экспедиционной программы. На сколько то позволяли собранные мною по данному улусу материалы, я рассмотрел характер этих оснований. Касаться далее особенных отношений общины, наследственного пользования участками, распределения податей и повинностей и т. п., т. е. перебрать все вопросы своей программы, — это значило бы исчерпать весь материал, собранный мною о землепользовании в описываемой местности, и написать не реферат, а исследование. Такой цели я себе не ставил, да и ставить не мог.

Якутские материалы для разработки вопросов эмбриологии права.

Н. А. Виташевский.

ГЛАВА I.

Землевладение и землепользование.

Становой или Яблоновый хребет, как продолжение Саянских гор, служа водоразделом между системами с одной стороны реки Амура и с другой — рек, впадающих в Ледовитый океан, Лены, Индигирки, Колымы и других, отделяет в то же время, одну от другой, две области с особенностями совершенно противоположного характера. В то время, как Забайкалье и еще более Приамурье слывут под именем цветущего сада Восточной Сибири и в будущем обещают России всевозможные блага, — природа края, лежащего к северо-западу от Яблонового хребта и заселенного якутами, известный современный ученый путешественник назвал мертвою[1].

Причину этого явления ищут в положении гор Станового хребта. Ученые географы давно уже доказывают положением этих гор отсутствие в мироздании особенной премудрости ко благу человека, и, будь это в их власти, охотно перенесли бы цепь этих гор к берегам Ледовитого океана. И, действительно, тогда Якутский край не был бы закрыт доступу юго-восточных (с Тихого океана) и южных ветров, которые осушили бы непролазные якутские бадаран'ы[2], насадили бы здесь роскошный сад Приамурья и возвысили бы minimum зимней температуры хоть до —40° C (с нынешних —70°).

Как бы то ни было, но пока исследователь якутской природы имеет дело с очень неуютным, неприветливым уголком земного шара.

Обширная плоскость, занимаемая якутами, постепенно понижается, начиная со склонов Станового хребта, вплоть до берегов Ледовитого океана. Соответственно с этим, реки, берущие свое начало на вершинах этого хребта, неширокими, но чрезвычайно быстрыми и бурными ручьями направляются к северо-западу, чтобы на равнине разлиться в могучие водные артерии, широко раздвигаемые бесчисленными островами, и затем впасть целою

---

[1] Элизе Реклю. Земля и Люди. Всеобщая География, т. VI, СПБ., 1883, стр. 469.

[2] Болото. — Ф. Врангель. Путешествие, I, стр. 215 и 216.

системою дельт в Ледовитый океан. На юге покрытая еще довольно богатою растительностью (лиственница, береза, сосна, ель, пихта, осина, тополь, луговая и болотная трава), почва к северу обнажается до такой степени, что жители крайнего севера довольствуются для постройки и отопления своих жилищ лесом, пригоняемым с юга течением рек (так называемая адамовщина или ноевщина).

Мох, годный для корма оленям, и рыба для человека и его неизменного и ничем незаменимого на севере друга-собаки, — вот все, чем дарит негостеприимная северная природа.

Сообразно увеличивающейся к северу суровости климата и бесплодности почвы, Якутский край разделяется, по отношению к эксплоатации сил природы, на три пояса[1]. Северный пояс — это страна мха, рыбы, дичи и пушнины. Этому соответствует образ жизни и культура тамошних обитателей. Оленеводство, рыболовство и охота — вот занятия жителей крайнего севера. Пищею для человека служит главным образом рыба[2] и лишь отчасти — оленье мясо и дичь; из растительного царства пользуются только ягодами. Ни молочных продуктов, ни хлеба жители севера не знают. Ничего похожего на пастбища там нет, да и сена в слишком короткое лето на слишком продолжительную зиму заготовить было бы нельзя, а мука (ржаная), отпускаемая из казенных магазинов по заготовительной цене, доходит до 14 руб. и даже слишком за пуд. Мануфактурные изделия в большинстве также неизвестны на севере: для шитья одежды и обуви употребляются выделанные шкуры животных и нитки, сученые из оленьих сухожилий; даже рубахи — и те не составляют исключения из общего правила: их шьют из оленьих шкур, при чем шерсть не всегда сбривается.

Второй пояс — страна лугов, скотоводства. Природа здесь уже более милостива к человеку, давая возможность разводить стада крупного рогатого скота и табуны лошадей, она ставит этим самым человека в меньшую сравнительно зависимость от своих стихийных сил. Рыболовство и охота отходят здесь уже на второй план. С другой стороны, в обиход обитателей этого пояса все больше и больше проникают плоды высшей цивилизации. Мануфактурные произведения получают значительное распространение. Хлеб, приправляемый сверху, хорошо знаком обитателям этой полосы Якутской области.

Мы вступаем, наконец, в третий, южный пояс. Климат здесь уже настолько мягок, что дает возможность культивировать ячмень, рожь, пшеницу, овощи, и даже табак. Однако, по крайней мере, для северной части этой полосы, одною возможностью культивирования названных растений и ограничивается характеристика данной местности, в особенности это касается аборигенов страны. Но, хотя скотоводство и составляет главное занятие якутов даже в этой полосе, хотя на нем и основывается все благосостояние их, тем не менее мануфактурные товары и хлеб являются здесь для якута уже необходимостью и потому играют в экономическом и социальном отношении весьма значительную роль.

Чем более подвигаемся мы к югу, начиная от берегов Северного океана, тем население становится гуще. На крайнем севере жилье от жилья отделяется расстоянием до

---

[1] Элизе Реклю.

[2] Врангель. Путешествие, I, стр. 247. — Трофимов. Заметки о Нижне-Колымске. Изв. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., III, № 3. Рябков. Полярные страны Сибири. Сибирский Сборник, 1887 г. — Шкловский. Очерки крайнего северо-востока. Зап. Вост.-Сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ., т. II, в. 1.

250 верст[1]. Но замечательно, что разобщенность жилищ является общим правилом и в более густо населенной, южной части края. Причину этого явления Врангель[2] объясняет прирожденным характером якутов. Он говорит[3], что «к такому необыкновенно великому удалению побуждается якут не столько нуждою в пастбищах, сколько своим характером: имея уже однажды сильную склонность к уединению и отчуждению, он всячески старается» и т. д.

Может быть, ни недостаток пастбищ, ни характер якутского народа не играют в этом явлении такой роли, как несовершенство и неразвитость якутской техники вообще и сельско-хозяйственной в частности. Как бы то ни было, а разобщенность якутских жилищ, полное отсутствие того, что можно было бы назвать селами или деревнями, нисколько не препятствует якутам образовывать общественные союзы на почве социальных и экономических отношений: аҕа ӯса, нäс(т)iliäк, улӯс[4] — все это представляет собою группы лиц, организованных и соединенных на почве более или менее отдаленного родства, общественными и хозяйственными взаимоотношениями. Стремление обеспечить интересы спокойствия и правосудия, необходимость взаимной помощи и защиты — с одной стороны, и с другой — потребность регулировать право пользования естественными богатствами страны, как-то: лугами, пастбищами, рыболовными и лесными угодиями, в смысле наибольшей справедливости (как то понимают, конечно, сами якуты), вот что находит свое выражение в общественных союзах якутов.

Из всех указанных сторон жизни якутских общественных групп настоящая глава займется рассмотрением характера землевладения и землепользования.

Характер поземельного права.

Якуты считают себя отдельным племенем и называют заселенную ими землю якутскою. Они находятся, повидимому, в переходном состоянии от племенной общины к соседской. Когда якут желает узнать во время своего путешествия, куда он приехал, он не спрашивает, какой общине принадлежит земля, на которой он стоит: ему интересно знать, среди членов какого рода он находится в данную минуту. Тем не менее и несмотря на то, что пустыри не разграничены между родами, наслегами и даже улусами, каждая из названных групп имеет в своем распоряжении совершенно определенные и строго для каждого момента разграниченные луга. Но, вглядываясь попристальнее в характер якутских поземельных отношений, легко заметить, как непрочны и непостоянны во времени эти границы. Улусное собрание имеет право распределять по своему усмотрению улусные луга между составляющими улус наслегами; наслег, в свою очередь, постоянно изменяет границы владений отдельных родов, — может прирезывать и урезывать принадлежащие им владения, отнять у рода один луг с тем, чтобы дать ему другой такой же, но из соседнего с ним

---

1 Врангель. Путешествие, I, стр. 215.

А за ним и Кн. Костров. Очерки юридического быта якутов. Зап. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. VIII.

3 Врангель. Путешествие, I, стр. 189.

4 Подробное выяснение этих терминов — см. глава III «Брак и родство».

рода; наконец, род раздает наделы представителям отдельных хозяйств, может во всякое время отнять любую дачу у любого из своих членов. Очевидно, мы имеем дело с общинным началом, с принципом «архаического коммунизма». Якутское обычное право знает одно лишь владение землею, — правда, нередко бессрочное, часто весьма продолжительное, сохранившее даже признаки наследственности [1], но во всяком случае не вечное, и никаких элементов понятия о земельной собственности в нем мы не встречаем [2].

Чтобы прочно установить это положение, необходимо прежде всего констатировать, что в системе юридических воззрений якутов нет понятия о праве отчуждения земли. Так, купля-продажа земельных участков совершенно не встречается среди сделок, заключаемых якутами между собою. Дарение земли если и может иметь место, то не как источник приобретения на эту землю прав собственности, а лишь как передача права владения на срок, который до того был определен и для права владения дарителя. Да притом такого рода сделка была констатирована новейшими изысканиями лишь в одном случае и при этом в улусе, сохранившем не мало архаизмов. Что касается мены, то таковая, конечно, никогда не перестанет иметь свое важное значение для практики, но бывает облечена среди якутов в форму, которая обнаруживает, что контрагенты обмениваются не правом собственности на землю.

Так, без санкции общественной власти мена не придает характера защищенности возникающим юридическим отношениям, и власть эта может отобрать от договаривающихся сторон подписки в том, что над приобретенными путем мены правами стоит высшее право общественной группы — распорядиться по своему усмотрению объектом права.

Наибольшим распространением в сфере поземельных отношений пользуется у якутов договор найма, т. е. аренда земли. Но договоры этого рода заключаются по большей части на один год, в редких случаях — на 2 или на 3 года, в исключительных — лет до 10 и едва ли когда-нибудь на более продолжительный срок.

Это показывает, что право на землю лиц, сдающих свои участки в аренду, ограничено во времени. Описанные признаки имеют отрицательный характер. Значение их усилится, если припомним, что было время, когда права якутов на землю были иные.

К сожалению, недостаток положительных данных пока лишает возможности с необходимой точностью определить сущность этих былых прав якута на землю. Но Д. Павлинов, просматривавший многие архивы Якутской области еще в то счастливое для исследователя время, когда они были несравненно полнее, чем теперь, пишет [3]: «купля-продажа поземельных участков дозволялась до 1765 года. Земля могла быть отчуждаема продажей, залогом, приобретаема наследством по завещанию, дарением и другими способами [4]. По купчей крепости 1714 года сенокос па 75 стогов был отчужден владельцами его посторонним лицам, а когда впоследствии возникла тяжба об этой земле, то суд, на основании указа 1765 года, не имевшего обратной силы, признал купчую действительной».

---

[1] Сборник обычного права сибирских инородцев. Обычаи якутов. XI, 2, б.

[2] Здесь, как во всех предыдущих и последующих случаях, под словом «собственность» мы разумеем известный юридический институт, и притом не possessio, a dominium и даже скорее proprietas.

[3] Д. Павлинов. Об имущественном праве у якутов.

[4] Заметим в выноске, что в ряду этих способов важное место принадлежало получению земли в приданое. Многие названия местностей со словом кыс (девушка) очевидно, относятся к приданым участкам.

При составлении настоящей статьи была возможность воспользоваться другим подобного же рода документом, а именно: купчею 1722 г.[1]. Вот содержание этого документа:

«(Герб) ҂аѱкв году маия въ аі ч. Успецкой волости Куреях Сарбакин да сын ево, Кутенях, продали вы сенные покосы свои на Ордюк Арылаха, на том покосе ставитса сена по три стога, Казачью сыну Василью Челбонову, а за те покосы взяли мы у него, Василья, две лисицы красных, а те наши покосы никому не проданы и незаложены опричь ево, Василья Челбонова, а случаѣ втѣ наши покосы станут кто вступатца, — сродичи моі или сторонные к нам, Куреяху и Кутняку, во всем очищать ево, Василья» (подписи и «знамена»).

Г. Павлинов, резюмируя все, что ему было известно о якутском землепользовании, говорит[2]: «таким образом, якутам неизвестно полное право поземельной собственности, именно право отчуждения».

Для того, чтобы окончательно установить, что понятия о dominium и proprietas совершенно не входят в круг якутских юридических воззрений на отношения человека к земле, для этого следует к приведенным выше признакам отрицательного характера присоединить и положительные признаки, другими словами, показать, что границы якутских поземельных владений крайне непостоянны и что непостоянство это зависит не от воли владельца.

В жизни якутских общественных групп наступают иногда моменты, когда общественное сознание перестает удовлетворяться существующим порядком поземельных отношений, громко заявляет о необходимости пересмотра прав владений, после чего происходит ряд бурных собраний и в результате — коренное изменение границ участков, находящихся в пользовании отдельных членов группы. Два случая возможны здесь, и оба они одинаково характерны для якутских понятий об отношениях человека к земле. В одном случае общественное сознание возмущается тем, что в числе несомненно принадлежащей обществу земли есть такая, которая, не будучи зарегистрирована, ускользает из под контроля общества. Постановляется общественный приговор о регистрации всех земель, принадлежащих обществу; действительно производится более или менее тщательная регистрация, и земля, ранее не зарегистрированная, оказывается на виду у общества, которое передает ее от прежних владельцев другим лицам. Такой случай имел место, например, в Первом Игидейском наслеге Баягантайского улуса несколько лет тому назад. Регистрация обнаружила у одного лица 30 «остожий»[3], находившихся вне контроля общества, у другого 28 таких же остожий и т. д. Вся такая земля с момента пересмотра поступила под контроль и была раздаваема с тех пор членам общества не иначе, как по решению общественного схода. В другом случае недовольство общества существующими земельными порядками вызывается изменением представления о том, что считать справедливым в сфере поземельных отношений. До известного момента считалось, например, вполне естественным, что площади владений двух членов одного и того же общества относятся между собой,

---

[1] Документ этот извлечен из старинных бумаг, любезно предоставленных мне на рассмотрение головою Дюпсюнского улуса, П. А. Афанасьевым.

[2] Ibidem.

[3] Остожье — единица для измерения покосных мест. Подробно о ней речь впереди.

как 30 к 1, но такой порядок вещей признан уже несправедливым по тем или иным соображениям, происходит реакция в сторону уменьшения, например, такой неравномерности: пересматриваются права владения каждого члена общества в отдельности, содержание этих прав изменяется, и в результате — положение вещей, при котором нет большей разности в участках отдельных членов общества, как та, которая определяется отношением, например, 15 к 1. Так, по имеющимся сведениям, в Первом Оспетском наслеге Дюпсюнского улуса в 60-х годах минувшего столетия наибольший участок относился по своим размерам к наименьшему, как 21 : 1, а в настоящее время отношение это понизилось до 16 : 1. В Тюляхском наслеге того же улуса в 1893 году было 89 владельцев с 133 единицами земельных угодий, в 1894 году число владельцев возрасло до 97, и вся земля раздробилась на 150½ единиц (другими словами, единицы эти стали мельче).

Назовем описанные до сих пор акты коренными переделами.

Положение вещей, которое устанавливают эти переделы, не может не подвергаться изменениям под влиянием изменения продуктивности различных участков. Природа Якутского края дика, как мало культурен и народ, ее эксплоатирующий. Здесь человек еще слишком далек от того состояния, когда бы он мог регулировать влияние стихийных сил на производительность природы. Ниже будут приведены данные для характеристики изменчивости в продуктивности якутских покосов. Здесь же необходимо заметить, что редкий год проходит без того, чтобы изменение продуктивности различных участков не требовало от якутских обществ частичного пересмотра границ и изменения последних с той целью, чтобы установленное коренным переделом количество продукта действительно сделалось достоянием владельца участка. Для этого в распоряжении общества имеются или выморочные участки или же излишек земли у отдельных членов общества. Изменение границ сохраняет свою силу в течение одного лета. Явление это — повсеместно, может быть названо частичными переделами и наблюдается почти ежегодно.

Но описанную форму земельных отношений (коренные переделы и, как временный корректив для них, частичные), повидимому, нужно признать вымирающею в Якутском округе. Чуть ли не в большинстве наслегов этого округа пересмотр прав владения сделался уже ежегодным и всеобщим, соединив в себе признаки переделов коренных и частичных. Перед наступлением покосного времени устанавливаются границы владений каждого отдельного члена общества на одно лето, а по снятии травы всякие границы стираются и покосы становятся во всем своем целом достоянием общества. В следующее лето границы вновь устанавливаются сообразно новым условиям жизни общества с тем, чтобы границы эти потеряли осенью всякое значение. И явление это повторяется из года в год. Оно может быть названо обязательными ежегодными переделами.

Речь до сих пор шла об изменении границ существующих владений. Но картина не будет полна, если не указать, что общество берет на себя инициативу в создании новых поземельных участков (наделение землею безземельных), а на ряду с этим может и лишать права владения некоторых своих членов. Что касается наделения безземельных, то иллюстрацией здесь может служить упомянутое уже выше явление, имевшее место в Тюляхском наслеге Дюпсюнского улуса: одна и та же площадь, т. е. владения наслега, в 1894 году была разделена на 150½ единиц против 133 единиц 1893 года, и, при этом, 7 членов

общины, бывших в 1893 году безземельными, стали в 1894 году владельцами земли. Что касается лишения обществом своих членов земельного владения, то во время разъездов по округу, в различных концах последнего, одинаково были мною записаны ответы родоначальников, что хотя сравнительно и редко, но все же встречаются на практике случаи, когда у владельцев отбираются по приговору общества их участки, а на ряду с этим и такие случаи, когда сами владельцы отказываются от своих прав владения, при чем передают свои участки в распоряжение общества.

Теперь уже ясно, какова форма якутского землевладения. Можно утверждать, что понятия о dominium и proprietas совершенно чужды якутским юридическим взглядам на отношение человека к земле, а именно: якутские общества не терпят, чтобы какая бы то ни было часть земельных угодий, находящихся во владении отдельных членов общества, ускользала из под ведения и распоряжения последнего; число владельцев и границы их владений определяются обществом сообразно господствующим в нем в данный момент воззрениям на то, что справедливо в сфере поземельных отношений; право владения приобретается не покупкою земли, а получением ее по приговору общества, равным образом и земля, права владения которою лишается отдельный член общества, поступает не непосредственно другому лицу, а предварительно в распоряжение общества же.

Естественно задать себе вопрос: какие общественные группы якутов являются распорядителями судеб поземельного владения?

Низшею административно-хозяйственною единицею у якутов служит род (аҕа ӯса). Так как якут может владеть землею только в пределах своего рода, то отвод надела безземельному всецело входит в компетенцию родового собрания (аҕа ӯсун мунјаҕа)[1]. Но под влиянием различных причин равновесие между родами одного и того же наслега может оказаться нарушенным. Пример того мы почерпаем из данных, касающихся Багарадского наслега Западно-Кангаласского улуса. В настоящее время в наслеге этом 330 паевых участков. Ежегодно заявляются требования со стороны подрастающего поколения; требования эти удовлетворяются раздачею паев, которые остаются после умерших и отказавшихся от надела членов рода. Но, повидимому, постепенно образуется известный контингент безземельных: требований бывает больше, чем можно удовлетворить раздачею указанного характера паев. Восемь лет тому назад[2], когда в наслеге было еще 270 паев, в одном из родов (аҕа ӯса) наслега оказалось уже столько безземельных, что потребовался коренной передел по всему наслегу, вследствие чего размер каждого пая уменьшился, а число паев возрасло до нынешнего, т. е. на 60. Хотя подробных сведений об этом переделе у меня и не было под руками при составлении настоящей главы, но, очевидно, здесь имело место перечисление, по приговору наслежного собрания, как земельных угодий в тот род, где почувствовался недостаток в земле, из других, так, может быть, и отдельных хозяев, но уже из первого рода в остальные. Вообще же нет строгого разграничения в этом отношении между компетенциею рода и компетенциею наслега. В одном и том же улусе, даже в одном и том же наслеге в разное время, верховное распоряжение общественным достоя-

---

[1] Сход (мунјах) членов рода. В этом выражении слово мунјах — с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица.

[2] Т. е. около 1900 г.

нием — землею — то попадает в руки родов по принадлежности, то вновь сосредоточивается в руках всего наслега. Другими словами, бывают переделы и внутри каждого рода отдельно, бывают они и при условии, что границы между владениями родов стираются, и наслежное собрание непосредственно раздает паи каждому отдельному сонаслежнику[1]. Тем не менее, как общее правило, характеризующее якутское землепользование, распределение земельных угодий между отдельными членами наслежного общества входит в компетенцию родового собрания, регулирование же земельных владений между родами составляет функцию собрания наслежного.

Нередки также требования целого наслега к улусу об урегулировании его владений по отношению к другим наслегам того же улуса. В 90 гг. минувшего столетия шла тяжба между одним из наслегов Ботурусского улуса, с одной стороны и некоторыми другими наслегами того же улуса — с другой. Возбудивший тяжбу наслег потребовал себе прирезки земли от соседних наслегов. Требование это мотивировано не исконным правом владения, не заключенным когда либо, но невыполненным договором по приобретению земли покупкою или иным путем, не желанием получить компенсацию за нанесенные наслегу протори и убытки: достаточным мотивом для возбуждения дела послужило соображение, что в данном наслеге меньше земли, чем в других. И мотив этот признан такою почвою, на которой соглашение допустимо и возможно; оспаривается лишь наличность самого факта недостаточности земли в данном наслеге по сравнению с другими. Возбужденный наслегом-истцом вопрос уже неоднократно служил предметом обсуждения на улусных собраниях, и собрание бывало близко к удовлетворению просьбы; отказывая, в конце концов, в удовлетворении иска, собрание высказывалось всегда в таком смысле, который не оставляет сомнения насчет того, что улусное собрание все-таки признает себя компетентным насильственно отобрать от любого наслега известную дачу и передать ее другому, а если не сделало этого в данном случае, то только потому, что требование основано на недоказанных фактах.

Совершенно такой же характер имеет и тяжба между двумя улусами Якутского округа, Намским и Дюпсюнским. Рядом с мотивом, что в Дюпсюнском улусе относительно менее земли, нежели в Намском, выдвигается еще и соображение, что дюпсюнцы принуждены бывают нанимать землю у намцов. Таким образом, наличность потребности в тех или других землях с одной стороны и отсутствие ее у другой является, под призмою якутских юридических воззрений, достаточным основанием, чтобы предъявить претензию на право владения этою землею. Но вследствие того, что нет органа, который объединил бы инородческое национальное управление всего округа[2], дюпсюнцы обратились в коронный суд.

После всего сказанного можно уже утверждать, что форма якутского землепользования — общинная форма, к чему приводит анализ и положительных и отрицательных его признаков, и что общиною последовательно является и род (аҕа ӯса), и наслег, и улус, и даже совокупность улусов. Из последующего изложения читатель убедится, что якутская

---

[1] Это видно, между прочим, из заключения земского заседателя II участка Якутского округа на приговор Ботурусского улусного собрания 2 октября 1891 г.

[2] В первой половине истекшего столетия некоторое время функционировала «Степная дума», которой подчинялись улусные управления.

поземельная община находится на той стадии развития, когда порядки ее следует характеризовать названием общинно-родовых.

Регистрация угодий. В наиболее древних документах, которые мне удалось иметь в руках, встречается уже «стог» или «остожье»[1], как единица измерения земли (по ее продуктивности) для наделения ею членов якутской общины. Тем не менее, нельзя не обратить внимания на ведомость о покосах, относящуюся не далее, как к концу 60-х годов минувшего столетия, и извлеченную мною из дел одного из отдаленных наслегов Баягантайского улуса, — ведомость, в которой при именах владельцев показаны только названия местностей и совершенно отсутствуют указания на то, какое количество сена на каждом из участков может быть выставлено[2]. Представляется вероятным, в самом деле, что система распределения покосов между общинниками в своей простейшей форме (ныне совершенно исчезнувшей), вовсе не прибегала к разделению общинного достояния на единицы.

Во всяком случае, наиболее грубым способом измерения покосных мест у якутов является применение в этом случае понятия о стоге или остожьи, как об известной единице. Это не есть мера земли: одно остожье может занимать пространство земли вдвое, наприм., большее или меньшее, нежели другое. В этом понятии заключается представление об известном количестве продукта. Смотря по местности и по урожаю данного лета, в остожьи может быть 15, 16, 20 и 30 возов сена, пудов по 15—18 каждый[3]. Легко понять, что измерение продуктивности земли такими крупными единицами оставляет место для очень грубых ошибок. Этому содействует внешним образом то обстоятельство, что в тех местностях, где практикуется еще такой способ регистрации земельных угодий, якуты проявляют заметную наклонность не раздроблять между многими хозяевами участки, имеющие естественные границы. Маленькое, а иногда и значительное отклонение от нормы не препятствует признанию данного участка, раз он естественно ограничен, за норму: этим достигается удобство, которым дорожат одинаково и распределители общественного достояния, вооруженные примитивными приемами для выполнения своей задачи, и хозяева с их столь же примитивною житейскою вообще и сельско-хозяйственною техникою в частности.

Более развитым способом регистрации покосов является такой, при котором уже не останавливаются перед необходимостью к известному числу крупных единиц (остожьев) присоединять и более мелкие. В ведомости, служащей выразительницей этого способа регистрации, соединены остожья (от) с копнами. При этом, в некоторых случаях, все-таки естественно ограниченные местности или части их выражаются в остожьях или частях остожья, и только добавочное количество сена — в копнах[4], но в других, при исчислении того или другого пространства, уже соединяют две единицы различного достоинства[5].

---

[1] Кӯрӯ̆, от. — Буквальный смысл первого из этих слов — изгородь, второго — сено.

[2] «Данила Аска, у коего покосы: 1-е, Апах атага кыбытыбыт, Чабарахы киол; 2-е, Хаях тохтубут согуру бысагаса. Летник: Тахтай. — Хлебопахат.: Хасалах».

[3] «Иван Туласын, у коего покосы: Юрионг Анах на $1/2$ остожьи. — Летник: Кердюгангя. — Хлебопах: Тыл» — Ведомость того же наслега. — Такого же типа все древнейшие ведомости, например, ведомости 1772 г., составленные якутами при содействии «опекуна над инородцами», дворянина Старостина, и найденные мною в архивах Дюпсюнского и Ботурусского улусов.

[4] «Семен Бестинов: Сатагей — $3/4$ от Кёнгдёй кюрё — 5 копен. — Василий Шолькин: Былжанккы кёль согуру енгаря арга ённёстюн $1\,3/4$ от». Ведомость 1880 г. того же наслега.

[5] «Николай Слепцов: Кытадыктах липпеляхтин — $1/2$ от 50 коп.». — Ibidem.

Наконец наибольшею точностью обладает способ определения продуктивности возами и копнами. В каждом участке определяется урожай по числу возов. Способ этот можно признать если не господствующим в настоящее время, то все-таки успешно вытесняющим остальные. Он применяется по обоим Кангаласским улусам, по Мегинскому, Борогонскому и Дюпсюнскому, отчасти и по Ботурусскому. Но и тут приходится констатировать странный, на первый взгляд, обычай: ни в одной из посещенных мною во время экспедиционных занятий местностей «воз» и «копна», как единицы измерения покосных мест при распределении последних среди общинников, нигде эти понятия не соответствуют своей действительной ценности, а всегда выше последней. В одном из наслегов Борогонского улуса, например, «воз» оказывается равным двум обыкновенным возам сена, и это самая низшая пропорция. В других наслегах того же улуса этот «воз» доходит до размеров 4 возов. В Дюпсюнском улусе под «возом», при осмотре покосов, разумеют подчас до 20 возов сена. В Восточно-Кангаласском улусе 1 $^1/_2$ «копны» в действительности равнялись 1 возу сена. Чтобы вскрыть сущность этого интересного явления, следует остановиться на том факте, что 1 «воз» осмотра равняется, например, или 20 возами сена, или 30 возам камышу (Дюпсюнский улус). Значит, прежде всего, 1 «воз» осмотра выражает собою не определенное количество определенного продукта, а лишь известную единицу питательного вещества. Затем, за 20 возов (действительных) сена на очень урожайном или близком от жилья участке дают не менее 25 возов того же продукта на участке менее урожайном или более отдаленном от жилых мест. Другими словами: 20 возов сена на одном участке, 25 возов на другом, худшем, и 30 возов камыша — все это является в глазах якута равноценным и потому должно быть выражаемо одною и тою же единицею. Таким образом, единица измерения покосов при регистрации выражает собою даже и не определенное количество продукта: это есть такой участок такого сорта покоса, пользование которым представляет собой известный объем права якута на участие в пользовании общественным достоянием.

Я не могу не остановиться здесь еще на некоторых основаниях для такого обычая. Один из интеллигентных инородцев объяснял мне его тем обстоятельством, что такой счет «алтанынан», т. е. медью, по старому воспоминанию о двойном счете денег на медь и на серебро, очень выгоден для богачей, которым при помощи подобной «двойной бухгалтерии» удобнее обделывать свои темные дела. С другой стороны, так как при этом бо́льшая единица всегда называется и записывается меньшею, то естественно предположить тенденцию — перед кем то или перед чем то уменьшить размеры урожая. Первое объяснение, которое здесь само собою напрашивается, это — то, что якуты желают таким исчислением урожая скрыть от агентов русской администрации размеры своего благосостояния. По всей вероятности, до некоторой степени это и верно. Но я, с своей стороны, нахожу возможным здесь вспомнить, что черта, свойственная каждой малокультурной среде, а именно скрывать от злых духов истинное положение вещей, чтобы помешать их вредоносным действиям на погибель человека, что эта черта до чрезвычайности резко выражается во многих поступках якутов. Приведу два-три случая применения этого обычая у якутов. Если в семье постоянно умирают дети, то якуты дают новорожденному два имени: одно, которое считается действительным именем ребенка и которым его никогда не называют, и другое, которое предназначено для обиходного употребления. Расчет при этом тот, что злой дух, в своих поисках

жертвы, остановится на другом субъекте, носящем в действительности то имя, которым из предосторожности называют обыкновенно данного ребенка. Этим путем рассчитывают обмануть злого духа. Интересно, далее, отметить, что почти каждая вещь обихода во время путешествия имеет свое условное название. Якут во время длинного, исполненного опасностей путешествия никогда не скажет: «оседлай коня!» Это значило бы обратить внимание злого духа на то, что путники собираются сняться со стоянки, а это могло бы дать ему повод воспрепятствовать отъезду и благополучному следованию дальше. Необходимо, вместо того, сказать: «почерни мостки (по которым переходят через ручеек или болотце)!». Точно так же, промышленники никогда не называют в лесу на промысле зверей и оружие их настоящими именами, а всегда — условными. Для обозначения такого способа выражения в языке якутов существует особое слово: «харыстāн». Это — деепричастие от глагола харыстā — беречь, жалеть, оберегать, экономить[1].

Несколько особняком стоят понятия об öлӱ̄ лӱ̄ и öлбӱ̄гä. Первое из этих слов обозначает часть чего бы то ни было, подлежащего разделу (например, часть добытой общею неводьбою рыбы, приходящаяся на долю лица, участвующего в предприятии тем или другим образом). По отношению к земле öлӱ̄ значит буквально надел. Что касается слова öлбӱ̄гä, то оно, кажется, применимо только к земле и означает: 1) земельный надел, 2) надельную единицу земли там, где покосы оцениваются на возы и 3) подать, падающую на землю[2]. Так, в наслеге может быть одновременно «большое», «малое» и «среднее» öлбӱ̄гä; с другой стороны, можно сказать, что в таком то наслеге столько то öлбӱ̄гä, при чем наделов окажется значительно меньше, так как во многих наделах заключается по несколько таких öлбӱ̄гä, как известных единиц.

Продуктивность различных покосных участков колеблется в очень широких пределах. Для примера приведу запись Э. К. Пекарского об урожае на одном из его участков.

1884 год	800	копен	(после наводнения 1883 г.).
1885 »	750	»	
1886 »	560	»	
1887 »	300	»	
1888 »	169	»	(на покосы напала «кобылка», вследствие чего кошено рано и получено менее, чем если бы косили позднее).
1889 »	55	»	
1890 »	300	»	(под осень — дожди).
1891 »	335	»	(в эти три года по случаю неурожая выкашивалась и малорослая трава).
1892 »	115	»	
1893 »	83	»	
1894 »	61 (?)	»	

Относительно этих данных могу сказать, что во-первых, записи безусловно верны, а, во-вторых, лицо, о котором идет речь, выкашивало (тамбовскою косою, а не якутскою «гор-

[1] О только что описанном обычае с лексической и бытовой стороны много данных собрано моим товарищем по экспедиции В. М. Ионовым.

[2] В. М. Ионов слово öлбӱ̄гä переводит русским тягло; по словарю Э. К. Пекарского — участок земли и подать.

бушею») постоянно свой надел само, при чем это косец ловкий и аккуратный в одно и то же время. За указываемый промежуток времени наблюдались как чрезмерные весенние и осенние разливы вод, так и засухи, сопровождаемые появлением «кобылки». По рассказам якутов, бывали в старину годы, когда во всем наслеге не находилось клочка земли, на котором можно было бы снимать траву косою, и приходилось срывать ее руками, проходя ползком по всему покосу. С другой стороны, бывали годы, когда появлялась, как говорят якуты, «вода на деревянных ногах»[1], т. е. вода, покрывающая собою колья изгородей. Во всяком случае, частые пересмотры покосов[2] для определения ценности каждого отдельного участка — явление весьма обыкновенное; в некоторых местностях пересмотры эти повторяются ежегодно (Борогонский, Восточно-Кангаласский, Дюпсюнский, Мегинский улусы).

Для этой цели избираются присяжные «депутаты» (называют их якуты почему то и «кандидатами», в обоих случаях употребляя измененные сообразно законами фонетики якутского языка русские слова), обыкновенно по два из каждого рода. Депутаты получают за свой труд вознаграждение рублей от 5 до 15 каждый и выезжают на своих лошадях (если лошади даются от общества, то вознаграждение понижается).

Обязанность «депутатов» состоит в том, чтобы, объехавши каждую речушку и каждый а л ӓ с[3], определять урожайность всякого данного участка для данного лета. Бывший староста одного из наслегов, Симон Слепцов, пишет в своей записке, поданной секретарю Якутского Статистического Комитета (в переводе: подлинник на якутском языке): землеоценщики отправляются осматривать покосы тогда, когда трава еще не совсем выросла. Тем не менее (они) определяют (урожай) довольно верно. Отправляются же они раньше, чем можно видеть урожай, ради того, чтобы не оставлять в бездействии людей, когда возможно будет, вследствие зрелости травы, приступить к косьбе».

Дело «депутатов» считается очень серьезным делом. Кандидат по голове Мегинского улуса, якут В. Я. Слепцов, в своих «примечаниях» к подворной переписи Батаринского наслега, предпринятой им по поручению Якутского Статистического Комитета, пишет (оригинал): пред отъездом на производство осмотра они («депутаты») присягают по очень страшному, по своим угрозам, клятвенному обещанию неизвестного автора, где сказано: «ниже страха, ниже дружбы ради»[4].

Текст присяги, записанный мною в другом улусе (Борогонский), следующий (перевод):

«Клятва».

«Я, нижесказанный, клянусь создавшим меня богом (таҥара)[5] в следующем. Общество, доверяя мне, посылает меня депутатом осматривать землю, я должен оценивать по сущей справедливости, не становясь ни на чью сторону ни из страха, ни из вражды, ни из за родственных отношений. Если же я, умышленно дав неверные показания, послужу

---

[1] мас атахтӓх ӯ.

[2] бӓбiӓрка (рус. поверка), доiду кӧрӯтӓ (осмотр земли), тӯ кӧрӯтӓ (осмотр травы). Тӯ собственно значит шерсть (на животных).

[3] Покосное место, со всех сторон окруженное лесом.

[4] Местами «депутаты» приводятся к присяге, по окончании осмотра, перед дачею показаний на сходе.

[5] Первоначальное значение — небо, а затем и божество. Теперь этим именем якуты называют христианского бога и иконы.

причиною людского разорения, то должен быть наказан на страшном господнем суде. И для того, чтобы закрепить свою клятву, крест господень целую».

К присяге депутаты приводятся родоначальниками, а не священником. Присягающие, по русскому обычаю, подымают кверху два пальца правой руки, а по прочтении присяги крестятся и целуют крест.

По окончании осмотра депутаты сообщают сходу свои заключения. Заносятся эти данные на бумагу обыкновенно в форме записи или регистра для памяти; иногда даже не делают и записи, а в случае отсутствия грамотного человека прибегают к посредству бирок.

Оформленные акты о переделе пишутся только тогда, когда в среде общественников возникнут серьезные недоразумения.

Оставляя в стороне недостаточную точность результатов осмотра, являющуюся следствием глазомерного определения урожайности, даже совершенно созревшей, но еще не скошенной травы, необходимо отметить тот факт, что осмотр, естественно, продолжается довольно долго, а потому отдельные участки осматриваются в периоды различной зрелости травы. «Депутаты» поставлены в необходимость, поэтому, в каждом данном случае определять не то, что они видят, а то, что по их предположениям должно оказаться в будущем, при наступлении для травы периода полной зрелости. Если даже и допустить, что особенно изощренный глаз способен безошибочно делать соответствующие определения, то наступление совершенно непредвидимых условий — появление воды, кобылки и т. п. — подрывает в корне справедливость всех расчетов. Хотя в таких случаях прежние предположения «депутатов» мирской сход и старается привести в соответствие с действительным положением дел (почти исключительно по требованию обделенных лиц), однако полного соответствия при этом достигнуто быть не может.

В. Я. Слепцов в упомянутых выше «примечаниях» говорит, что обычным ответом депутатов, в случае поступления на их действия жалоб, являются ссылки на то, «что де уму человека, существа несовершенного, недоступно, чтобы определить в полности урожай от каждого места; что де в одних местах, где почва очень плодородна, урожай достигает своей степени после осмотра, тогда как в других, от небрежной работы и лености самих владельцев, урожай может выйти меньше, чем следовало».

Но кроме описанного органического недостатка в таком способе определения урожайности, бывают, по отзывам, слышанным повсеместно в Якутском округе, и другие неточности, стоящие в зависимости от людской слабости — порадеть родному человеку — и даже от прямого злоупотребления со стороны «депутатов» своим положением. В «депутаты» выбираются обыкновенно люди, пользующиеся уважением и весом в глазах сообщественников. Таковыми, естественно, являются люди зажиточные, и вот покосы, как самих депутатов, так и их близких родственников, а вместе с тем и вообще всех влиятельных членов общины, оказываются оцененными ниже действительности, в ущерб оценке покосов менее состоятельного и влиятельного класса населения.

О недостатках якутских приемов регистрации земель и о размерах злоупотреблений «депутатов» можно судить по интересному документу, бывшему у меня в руках при составлении настоящей главы. В одном из наслегов действия «депутатов» вызвали целую

бурю, общество разделилось на два враждебных лагеря, и дело дошло до суда (инородческого), при чем с поверенных обделенной части общинников была взята их доверителями подписка, что они ни в каком случае не покончат дела с противной стороной миром без особого разрешения доверителей. Дело, впрочем, все-таки кончилось миром на наслежном сходе при содействии улусного головы. По этому поводу и была составлена следующая «сравнительная ведомость».

СНЯЛИ СЕНА БОЛЕЕ, ЧЕМ ОПРЕДЕЛЕНО ДЕПУТАТАМИ				СНЯЛИ СЕНА МЕНЕЕ, ЧЕМ ОПРЕДЕЛЕНО ДЕПУТАТАМИ			
№	Имена	Определено	Снято	№	Имена	Определено	Снято
1	Андрей Н. (староста)	26	126	1	Сидор Н.	16¾	9
2	Дмитрий С. } Депутаты	16¾	40	2	Иван В.	16¾	10
3	Григорий Е. } Депутаты	25	40	3	Григорий К. }	12½	8
4	Василий Л. } Депутаты	16¾	30	4	Дмитрий К. }		
5	Алексей К. } Депутаты	16¾	30	5	Иван М.	16¾	9
6	Иван Ф. } Депутаты	33½	60	6	Филипп С.	16¾	9
7	Петр В. } Депутаты	16½	20	7	Григорий С.	16¾	12
8	Дмитрий С. } Депутаты	16½	20	8	Николай К.	25	15
9	Николай Н. } Депутаты	50¼	70	9	Иван М.	16¾	13½
10	Елисей Л.	25	40	10	Петр К.	25	18
11	Даниил С.	16¾	25	11	Александр С.	16¾	9
12	Сидор М.	54¼	90	12	Макар Я.	16¾	12
13	Ипатий С.	33½	50	13	Спиридон С.	8¼	6
14	Степан Л.	25	40	14	Егор Н.	16¾	12¾
15	Софрон С.	50¼	75				
16	Иван А.	25	40				
17	Андрей Д.	25	40	15	Григорий Н.	16¾	Самовольно выкошено другим лицом
18	Николай М.	25	40				
19	Даниил С. }	25	45				
20	Тихон С. }			16	Андрей М.	16¾	13½
21	Мавра К.	16¾	30	17	Михаил Е.	8¼	7¼
22	Василий Е.	20¾	40				
23	Иван С.	25	40				
24	Константин К.	16¾	24				
25	Ефрем С.	33½	70				
26	Ефим С.	16¾	25				
27	Яков С.	16¾	25				
28	Тимофей С.	16¾	25				
29	Иван Ч.	20¾	30				
30	Игнатий Э.	41¾	65				
		723¾	1256			262¼	165
		возов				возов	

Сопоставляя цифры этой ведомости, убеждаемся, что сена было накошено в действительности в полтора раза более, нежели предполагали депутаты (1421 воз против 986) и что у выигравших оказалось сена на 54% больше, а у проигравших — на 64% меньше. Все это довольно внушительные цифры.

Вот что пишет об этой стороне якутских приемов распределения земли В. Я. Слепцов в цитованных уже «примечаниях»: «депутаты... преклоняются перед всеми местными авторитетами-богачами, покровительствуют или делают снисхождение и исключения родным и знакомым... Для этого они определяют урожай покоса бедняка во столько возов, сколько покос даст..., а покосы тех лиц, которые сильны, вдвое меньше против действительного урожая. Обычай якутов в отношении уравнения раздела покосов настолько благоприятен для авторитетных богачей, что власть инородной управы, при всем гуманном желании последней искоренить это зло, не в состоянии удовлетворить просителей-бедняков, если большинство авторитетов стоит против просителя».

Призываются «депутаты» к деятельности при коренных переделах и при обязательных ежегодных. Частичные переделы также по большей части, производится при посредстве «депутатов», а именно тогда, когда приходится пересмотреть значительную часть общинных угодий; но когда предъявляются требования прирезки от немногих общинников и налицо имеется земля, которою общинный сход может воспользоваться для удовлетворения этих требований, то все вопросы решаются тут же на сходе и не посылают уже депутатов осматривать участки в натуре.

Восстановление нарушенных депутатами прав производится неодинаково в различных местностях. Там, где ежегодные обязательные переделы не вошли в юридические обычаи якутов, дело считается окончательно решенным на сходе. Жалобы на несоответствие состава надела его податной ценности обыкновенно приносятся и разрешаются если не до начала, то во всяком случае до окончания сенокосного времени. Лицо, считающее себя обиженным во время осмотра покосов «депутатами», тут же приносит жалобу в родовое управление, и жалоба эта разрешается. Нередко бывает, что лицо, приносящее жалобу, не приступает даже к снятию травы на своем покосе, пока жалоба не будет разрешена в том или другом смысле. Вообще же, поставка сена в стога служит как бы ручательством того, что владелец стога ни к кому никаких претензий по поводу этого сена не имеет, раз он не сделал при этом соответствующего заявления в родовое управление[1].

При разбирательстве в суде подобного рода претензий, по большей части, и имеют место те ответы «депутатов» о несовершенстве человеческой природы, на которые указано в «примечаниях» Слепцова к его подворной переписи. Следует, при этом, заметить, что ответы эти оставляют депутатов вне ответственности, и не все замеченные несообразности исправляются.

Совсем иное отношение к делу мы наблюдаем в местностях, где господствует обычай ежегодных обязательных переделов: там практикуется так называемое хат бäбiäркä (вторичная поверка). Лицо, имеющее право на надел, считает свое право осуществленным

[1] Это не безусловное правило, и иск будет принят даже от лица, сметавшего в стог сено. Кроме того, если тяжба затягивается, то сметка сена в стога является необходимостью.

только тогда, когда на его наделе окажется выставленным в действительности то количество сена, какое было предположено. Стоит ли трава на корню, сложено ли сено в копны, или оно сметано в стога, все-таки у такого лица есть возможность обратиться в суд за восстановлением своих нарушенных прав. Дело здесь заключается в том, что регистрируется уже не земля, а ее продукт, записываются не земельные участки всех хозяев, а выставленное последними сено, и на основании этих данных производится регулирование прав[1]. Если у лица выставлено, вместо 25 возов, всего 20, то лицо это обращается в суд, и право его на недостающие 5 возов восстанавливается.

Хат бäбiäркä, как предприятие всего наслега, и даже одного из родов наслега, явление сравнительно редкое. Но обращение в суд отдельных лиц повторяется из года в год. В одной из местностей (Дюпсюнский улус) мне приходилось наблюдать, что в течение всего декабря родоначальникам все еще были приносимы жалобы. Но здесь выступает частно-правовой элемент, которым насквозь одинаково пропитаны все отделы права в мировоззрении якутов. Моего заявления, что на моем наделе могло быть выставлено только 20 возов вместо 25, еще недостаточно, для того, чтобы вызвать то или другое решение судьи: я должен для этого еще указать и лиц, у которых на надельной земле выставлено сена больше, чем, по расчету, должно было им достаться после раздела обще-наслежного достояния.

Весьма естественно, что не может быть отнято все количество излишнего сена, точно так же как не может быть и додано все количество недостающего. Если у меня могло быть накошено только 20 возов вместо 25, то я не могу рассчитывать получить все недостающие 5 возов, так как в общей сложности у меня могло быть 25 возов лишь при том условии, что трава выкошена силами и средствами моего хозяйства. Точно так же, если бы тот, у кого оказались излишними 5 возов сена, целиком их отдал, то он в этих 5 возах лишился бы не одного права пользования тою землею, которая дала это сено. Обычный порядок таков, что половина недостающего количества сена отдается претенденту, другая оставляется косившему. Другими словами, расчет производится так, как если бы лицо, у которого оказалось недостаточное количество сена, отдало добровольно с весны часть покоса из половины лицу, на наделе которого накошено больше сена, чем сколько можно было ожидать по предположению «депутатов».

Само собою разумеется, что применением этого правила, как корректива для несовершенных приемов определения депутатами урожайности отдельных участков, вполне достигается восстановление справедливости лишь до тех пор, пока в действительности исполу же сдаются сенокосы по добровольному соглашению между контрагентами. Как же поступают судьи в том случае, если при вольных сделках земля сдается не исполу, а из третьей, четвертой части урожая травы? Оказывается, что и в этих случаях, при отобрании сена по решению суда, расчет производится всегда один и тот же, т. е. отбирается именно половина. Таким образом, данный факт может служить примером, где мы наблюдаем отсутствие эластичности в юридических нормах якутов. Следует, впрочем, заметить, что в те годы,

[1] В виде исключения к тому же способу прибегают и в местностях, где он обыкновенно не практикуется. Так, в вышеописанном случае земельной распри, вследствие обделения «депутатами» значительной части общинников, также обратились к регистрации сена, хотя обыкновенно этого там и не делается.

когда отобрание именно половины продукта оказалось бы, благодаря особенно сильному отклонению урожая травы от нормы, в описываемых случаях слишком невыгодным или для лиц, от которых отбирается сено, или для лиц, которым оно дается, — в такие годы на наслежном собрании наперед постановляют, какую часть продукта оставлять в пользу лица, выкосившего по недоразумению лишний клочок земли, и какую его часть отдавать лицу, которое не могло выставить на отведенном ему наделе определенного «депутатами» количества сена.

Но не во всех местностях, где практикуются ежегодные переделы, господствует описанная система восстановления нарушенных «депутатами» прав. Местами к этому приему прибегают лишь изредка, лишь по отношению к отдельным случаям. Так, в Борогонском улусе, например, мною зарегистрировано распоряжение о выдаче ровно 8 возов сена вместо 4 «возов» осмотра (1 такой «воз» равнялся 4 обыкновенным), т. е. случай вполне отражает описанный выше обычай; но в улусе этом родоначальники сплошь и рядом отказываются рассматривать претензии на недоукос сена на отведенных по указаниям «депутатов» участках, а в одном из наслегов этого улуса, Первом Соттутском (Суорту), произошло даже обратное движение: раньше господствовал обычай хат бăбiăркă, но теперь он оставлен.

Субъект поземельного права. Чем же руководствуется якутская родовая община, предоставляя тому или другому из членов родовой группы право пользоваться общественными лугами? Ежегодно, не задолго до Петрова дня, бывает общественное собрание, которому и заявляются нужды в покосных местах со стороны отдельных членов родовой группы. Прежде всего, обсуждаются требования лиц, в данный момент не имеющих вовсе участия в пользовании общинными лугами. В таком случае сородич, заявляющий свое требование, выставляет основанием своего права то, что он уже «обзавелся своим домком, имеет жену и детей, владеет скотом»[1]. Эти то данные и считаются достаточными для наделения члена родовой группы землею и, следовательно, для дарования ему прав домохозяина — общинника. Таким образом, с одной стороны, потребность в лугах, с другой — способность нести повинности, сопряженные с пользованием ими, решают вопрос о самом факте владения. Результатом такого взгляда является наличность в каждом наслеге того или другого процента членов родовой группы, не имеющих участия в праве пользования общинными лугами, а, следовательно, и не состоящих членами поземельной общины. Лицам, не испытывающим потребности в лугах или неспособным нести повинности, община совсем не отводит земли под покос. Но понятие о потребности очень растяжимо, и в данном случае община принимает в соображение лишь непосредственную потребность, т. е. необходимость для каждого члена родовой группы прокормить свой собственный скот. Таким образом, общественная рента не подлежит разделу между членами родовой группы. Но если принадлежность к данной родовой группе не предрешает еще сама по себе права на получение доли в пользовании общественными лугами, если члены других общин или родовых групп довольно легко

---

[1] Это буквальный перевод обычной якутской формулы для обозначения вступления в зрелый возраст «домок» — дjiă уот, буквально: дом и огонь (домашнего очага). Однажды при мне подобному просителю надела было сказано, что он еще не женат. «Но ведь я сговорил уже себе жену», был ответ.

получают право селиться среди членов данной, а потому и пользоваться наравне с последними одним и тем же выгоном, то отсутствие родовой связи абсолютно лишает права пользоваться наделом из общественных лугов. Не каждый член родовой группы имеет участие в пользовании принадлежащими ей лугами — это правда; но всякий, кто ими пользуется, не может быть никем иным, как только членом этой группы, т. е. человеком, связанным с нею предполагаемым кровным родством.

Обычаи якутов не определяют возраста, который дает право молодому работнику требовать для себя участия в пользовании общественным достоянием. Отсутствие такого постановления в обычаях якутов находится в зависимости от непризнания вообще за членом родового союза права на надел только по тому одному, что данное лицо — член этого союза. В каждом отдельном случае требуется наличность специальных условий для того, чтобы община удовлетворила желание своего сочлена получить надел. При отсутствии абсолютного земельного простора (что наблюдается по всему Якутскому округу) и при прочих равных условиях, преимущество оказывается на стороне подростков из наиболее влиятельных семей. Дело доходит до того, что записывают на надел маленьких детей; хотя право на надел теоретически определяется во всяком случае хозяйственною самостоятельностью, но в подобных случаях не всегда соблюдается даже формальность объявления со стороны родителей, что он отделил сына, на которого просит надел, не говоря уже о том, что о хозяйственной самостоятельности 7—8 летнего мальчика, в действительности, не может быть и речи.

Рядом с описанным личным приобретением права поземельного владения стоит и приобретение такового вследствие занятия некоторой общественной должности, затем, как результат проявления особенной хозяйственной инициативы, и, наконец, в силу исторически сложившихся условий.

Скажем сначала о первом.

В некоторых местностях существует так называемое укāс кӯрӱӧ, т. е. участки, которые даются старостам наслегов в пользование на все то время, пока лица эти относят общественную службу. Название укāс (указ) применяется к этим участкам потому, что пользование ими наступает с момента, когда получается указ об утверждении старосты в должности. Участки эти освобождены от всяких повинностей. Существование таких участков в недалеком прошлом константировано мною в Баягантайском, Дюпсюнском, Мегинском и Намском улусах. В последнем, по словам кандидата по голове, Сивцева, такие участки назывались тосоҕо кӯрӱӧ. Название это объясняется тем, что участки эти назначены были для пастьбы коней лиц, приезжающих к старосте по делам — за советом, по вызову в суд и т. д. (тосоҕо — кол вообще, в частности кол, к которому привязывают коней в поле для кормежки на веревке[1].

В некоторых наслегах сохранилось привилегированное положение должностных лиц в поземельном отношении. Так, на наделы старосты местами не производится раскладки

---

[1] Но следует по этому поводу заметить, что в современной якутской речи для обозначения кормежки коня в поле на привязи употребляется глагол асат (кормить) с присоединением деепричастия другого глагола ӧртӧн (говорят ӧртӧн асат) и слово тосоҕо в это выражение не входит.

податей, но особого надела сверх того, который ему полагается, как члену общины, уже не выдается. Живучесть этой традиции можно видеть из того, что в местности, где давно уже не практикуется выдачи укāс кӱрӱö, еще весьма недавно инородец Иван П. соглашался принять на себя обязанности старосты не иначе, как под условием, что общество наслега даст ему три остожья без соответствующего обложения повинностями.

Гораздо более распространенным (почти повсеместным) следует считать существовавшую выдачу средних (по качеству) наделов «оспенным ученикам»[1] без обложения соответствующими платежами, сверх надела, которым лица эти пользовались как члены общины.

Здесь же представляется удобным упомянуть, что при междудворных и земских станциях полагаются в некоторых наслегах покосы и выгоны, поступающие в пользование лица, содержащего эти станции. Наделение землею здесь вполне зависит от наслежного собрания. При почтовых же станциях, (Аянский и Охотский почтовые тракты) имеются участки отрезанные из якутских земель по распоряжению администрации.

Переходим к рассмотрению случаев, когда право владения приобретается приложением особой хозяйственной инициативы и энергии.

Здесь, прежде всего, необходимо указать на исключительное пользование дном осушенных озер и очищенными от тальниковых зарослей площадями. Несомненно право на пользование такими местами сверх надела коренится в исконных обычаях якутов. Трудно, однако, сказать, полагали ли эти обычаи какой-нибудь срок такому пользованию. В 1829 г. один из родоначальников Кангаласского улуса Михаил Кардашевский, возбудил перед действовавшею тогда в области второю ясачною комиссиею вопрос о своем праве пользоваться расчистками, и вопрос этот решен был русскою администрациею на общем основании, т. е. в пользу 40-летнего льготного пользования (архив Западно-Кангаласской Инородной Управы, дело по описи № 166). Повидимому, это был первый случай, когда рассматриваемый обычай был санкционирован русским законом. Но до настоящего времени якуты льготное время определяют суммою затрат, употребленных на расчистку и осушку почвы, не справляясь с законом о 40-летнем пользовании. Это является возможным благодаря тому, что на отдачу в пользование участка частному лицу на льготных основаниях должен составляться приговор общественного схода, и в этот приговор включается указание срока. Весьма вероятно, что именно такой порядок существовал уже и в то время, когда Михаил Кардашевский возбуждал свое ходатайство, и самое возбуждение последнего следует, может быть, рассматривать, как желание захватить нерасчищенные места под видом расчисток или же приобресть право, непропорциональное произведенным затратам.

Во всяком случае, расчистка и осушка открывает новый источник права пользования сверхнадельною землею.

Сюда же относится и кошение запущенного или никогда некошенного луга некоторое время себе в убыток с тем, чтобы луг этот оставался в руках пользующегося на льготных условиях в течение того или другого промежутка времени после того, как вследствие си-

---

[1] Наслежные оспoпрививатели — из якутов; наслеги обязаны были их содержать по силе давнишнего распоряжения администрации.

стематического выкашивания и выжигания, он приобретет характер весьма доходной статьи (записано в Баягантайском улусе).

Наиболее резкий случай пользования расчисткою представился в Намском улусе (расчистки из под тальника имеют особое значение по берегам больших рек — Лены, Алдана, отчасти Амги). Один из богачей этого улуса, Сивцев, пользуется на правах исключительного владения пространством около 100 десятин покосов (500 возов, считая по 5—6 возов с десятины). Часть этой земли перешла к нему по наследству, другая обязана своим происхождением хозяйственной заботливости нынешнего представителя этого рода.

В каждом из описанных случаев лицо, владеющее сверхнадельною землею, может, хотя иногда и с некоторою натяжкою, сослаться на обычное право, как на основание владения. Случаи, к описанию которых я перехожу, стоят на границе права и так называемого самоуправства, зависят в одинаковой мере как от того, так и от другого и составляют область, для которой борьба интересов, еще не поддерживаемых правом, является если не исключительною принадлежностью, то особенно характерной чертой. С моей точки зрения, область эта — лаборатория, где вырабатываются новые правовые порядки, зарождаются новые правовые воззрения.

В обычном праве якутов существует положение, в силу которого категорически запрещается возводить изгороди на выгонах[1]. Само собою, разумеется, что летняя юрта якута может быть и огорожена. Такая постановка дела дает лазейку для поползновений на частное завладение общинным достоянием. Чем богаче якут, тем более обширное пространство он огораживает вокруг своей юрты. В таком случае изгородь, по праву могущая иметь своим единственным назначением — не допускать скот слишком близко к стенам жилья, начинает приобретать хозяйственное значение в узком смысле и служит для подкорма ездового коня, телят и т. п. Отсюда является естественным переход к попыткам отгораживать, специально уже для этой последней цели, части выгонов, лежащих неподалеку от строений. Дальнейшим развитием того же стремления является сначала отгораживание отдаленных глухих участков выгона для откорма скота на убой, а затем эксплоатация подобных участков, путем их выкашивания, но все-таки под видом летнего частного выгона. В последнем случае тенденция достигает высшего своего развития.

Описанное явление широко распространено. Для подобных участков общественной и, по теории, нераздельной земли, поступающих, в силу сказанных обстоятельств, в частное владение, в различных местностях существуют различные специальные названия. Так в Баягантайском улусе участки эти известны под именем ат атах бāјар (сірā), т. е. место, где стреноживают коней, в Ботурусском — тіäрбäс[2], в Мегинском и Восточно-Кангаласском — хāрчах. По очень вероятному предположению моего товарища по экспедиции, В. М. Ионова, слово хāрчах можно сближать с глаголом хāі, хāјабын — загонять, не пропускать, которое академиком Бетлингом сближается, в свою очередь, с хā — закрытое со всех сторон пространство.

---

[1] Сборник обычного права сибирских инородцев, изд. под. ред. проф. Самоквасова. Варшава, 1874 г., отдел: Обычаи якутов, XI, 3.

[2] Значит: кольцо (всякого рода), замкнутый круг. Э. П.

Следует заметить, впрочем, что каждый из трех указанных терминов имеет свой оттенок в значении. Тіӓрбӓс — преимущественно изгородь, непосредственно связанная с усадьбою, ат атах бāјар — изгородь, стоящая неподалеку от усадьбы, а хāрчах — более отдаленная. Сообразно с этим, все перечисленные термины в той или другой степени встречаются в языке якутов различных местностей. Но с другой стороны, оттенки первоначальных значений не исключают общности указанного юридического смысла понятий, выражаемых этими терминами.

Зарегистрированы случаи, когда на таких участках, самовольно выгороженных отдельным лицом из общего летника, выставляется до 200 возов сена при среднем урожае.

В каждом, вероятно, наслеге найдутся как бы естественные запасные покосы. Такими покосами являются, по преимуществу, отдаленные речки или отдаленные части речек, где неудобно жить ни летом, ни зимою, в последнем случае — благодаря сплошному промерзанию водоемов, вследствие чего, при обыкновенных условиях, покосы в таких местах не входят в общий раздел, и таковой делается настоятельно необходимым лишь в случае неурожая на коренных, так сказать, лугах. Поэтому-то покосы на таких местах и следует считать естественными запасными покосами. В случаях недорода травы наступает, по отношению к таким местам, то, что якуты называют быlјасык, т. е. стремление каждого захватить первым возможно лучший клочек; но когда оказывается значительный неурожай, то покосы эти подвергаются оценке через «депутатов», и происходит дележ их по обычным правилам.

По рч. Тāттa я записал для таких покосов название кудуоі сір (кудуоі — исковерканное русское худой, сір — местность земля). Может быть, такие же местности разумеют якуты и под термином апāсынаі сір (исковерканное русское опасный); но достоверно известно, что этим последним термином называется неудобная для сенокошения земля (например болотистая, кочковатая), постоянно входящая в передел. Якутский термин для обозначения таких земель — мāр сірӓ[1]. Как на пример подобных кудуоі сір, я укажу на рч. Кыінылыкы (Кыінјылыкы, Кынјылыкы), впадающую в Первом Жехсогонском наслеге Ботурусского улуса в рч. Тāттa справа, на рч. Мӧңӧччӱ, впадающую в р. Алдан во Втором Игидейском наслеге Баягантайского улуса, и на рч. Саңа адӹ — в Дюпсюнском.

Независимо, однако, от такого значения в экономической жизни населения, речки эти эксплоатируются нередко и при нормальном урожае травы на коренных лугах, и по преимуществу со стороны или слишком бедных, или слишком богатых общинников. Для первых представляет, в данном случае, интерес то обстоятельство, что пользование покосом здесь не регламентировано и не сопровождается платежем податей, все невыгодные условия пользования таким покосом выкупаются крайнею нуждою в сене. Что же касается богачей, то они смотрят на эксплоатацию подобных мест с одной стороны, как на прибавку к своему наделу, прибавку, которой они легальным образом могли бы и не получить, причем невыгоды кошения сена в таких местах окупаются как размерами предприятия (экономическая зависимость косцов, работников и подрядчиков от патрона-хозяина), так и специальным назначением большей части сенных запасов богача для целей спекуляции ими. Но, с другой

[1] Баягантайский улус, родоначальник С. В. Слепцов.

стороны, богач как бы насилует здесь общину, выкашивая из года в год один и тот же участок, улучшая этим путем его качество и требуя, вследствие этого, потом права исключительного пользования участком в продолжение известного промежутка времени. О приобретении такого права легальным путем я говорил уже выше; здесь же обращаю внимание на другой факт, а именно, что желание впоследствии получить в частное пользование участок земли ведет к захвату его без разрешения общины и без отнесения соответствующей доли повинностей.

Этим исчерпываются, на сколько я могу судить по своим материалам, случаи приобретения прав владения землею вследствие занятия общественных должностей и проявления хозяйственной инициативы. Едва ли не более интересны, в сфере якутских поземельных отношений, явления, находящие для себя объяснение в исторических условиях жизни племени. К описанию этих явлений я и перехожу.

При всей неполноте и отрывочности имеющихся в настоящее время сведений об отдаленном прошлом якутов, с некоторою вероятностью можно предположить, что пользование определенными участками некогда оставалось всегда в одном и том же роде (аімах), в узком смысле слова или, может быть, іǰä ӯса[1], но не аӡа ӯса[2], при чем, однако, такие участки могли быть продаваемы, закладываемы и отдаваемы в приданое (äнjä)[3]. Остатки такого положения вещей встречаем мы в обычаях якутов в начале минувшего столетия[4], и с отголосками этого старого порядка приходится якутской общине считаться и в настоящее время. Вот что пишут якуты одного из таких улусов Якутского округа, где настроение якутской мысли и состояние права может до некоторой степени быть рассматриваемо, как среднее для настоящего времени (приговор улусного собрания якутов Ботурусского улуса на 2 октября 1892 г.): «нередко бывает на одной елани... владение двух и трех родовичей, принадлежащих различным наслегам; владения эти есть переходящие по линии от прадедов — исконные; при переделе (между наслегами) такие места для уравнения могут переходить в такие руки, которым по исконному праву не принадлежат; в таких случаях якут будет принужден бросить все свое домообзаведение и хозяйственные постройки, сооруженные или предками или на последние свои средства, и тогда окончательно считать себя лишенным всего для себя заветного, освященного веками. И случаи эти должны, несомненно, тяжело отозваться на душе каждого якута». Из приведенного текста видно, что существуют и поныне наследственные участки, т. е. такие, которые не поступают на ряду с другими в передел, но продолжают оставаться в том роде, которому издавна принадлежат. Далее, в прочувствованных выражениях рисуется состояние якута, которому пришлось бы лишиться права владения подобным участком. Существование таких наследственных участков для Якутского округа можно считать повсеместным за исключением, быть может, очень близких к г. Якутску наслегов.

---

[1] См. гл. III, параграфы: «матриархат» и «патриархальная семья, как система родства».

[2] См. гл. III, параграф «патриархальная семья, как система родства».

[3] Д. Павлинов. Об имущественном праве у якутов. — Москвин, Р. Маак и др. — Подробно об äнjä — см. гл. II, «правоспособность младших членов семьи: женщин» и гл. III и IV.

[4] Сборник обычного права сибирских инородцев, изд. под ред. проф. Самоквасова. Варшава. 1874 г., обычаи якут., XI, 2, б.

Основываясь, однако, на своих непосредственных наблюдениях, я считаю себя в праве утверждать, что психическому моменту в деле удержания наследственных участков за отдельными родами принадлежит не столь значительная роль, как материальному. Если подобный участок оказывается относительно менее продуктивным, то, при непременном желании удержать его за собою, владелец употребит все меры к тому, чтобы получить прирезку, хотя бы при этом ему приходилось строиться на новом месте. Я даже полагаю, что в случае неуспеха ходатайства о прирезке владелец откажется от пользования таким участком. Но совершенно иная картина рисуется тогда, когда данный участок обладает сравнительно большею продуктивностью. Характер владения почти всегда парализует в подобном случае стремление общины к уравнению земель в смысле урезки участка, и в общем ходе общинных дел, можно сказать, выгода оказывается на стороне владельцев таких участков. Другими словами, можно, а priori утверждать, что при прочих равных условиях, из двух участков, составляющих два надела одного и того же «класса», продуктивнее окажется участок, находящийся в наследственном пользовании.

По словам бывшего головы Ботурусского улуса, Н. П. Слепцова, в Мегинском улусе, по общему правилу, заброшенное усадебное место (ӧтӧх — специальный термин) огораживается и эксплоатируется на правах наследственной собственности, но в Ботурусском улусе преимущество на стороне владельцев покоса, на котором находится ӧтӧх — все равно, удобрен ли он бывшим хозяином усадьбы, или случайным жильцом (удобрение, как непосредственный результат близости жилья; удобрение, как действие, рассчитанное на известный результат, якутам почти неизвестно).

Кроме только что упомянутых наследственных участков, т. е. входящих в надел отдельных лиц, существуют, повидимому, еще и такие, которые состоят в пользовании того или другого лица сверх освященного обычаем надела. Если, например, надел I «класса» состоит из трех кӱрӱӧ, то у такого лица окажется примерно 5 кӱрӱӧ, из которых 3 составляют его надел I «класса», а 2 — наследственные участки, никогда не входящие в передел и даже не числящиеся по ведомостям. Я сказал: «повидимому», так как якуты при расспросах на эту тему, обыковенно, делаются чрезвычайно осторожными, и прямых указаний на существование подобных сверхнадельных наследственных участков получить до сих пор не удалось. Однако, некоторые факты дают побочные указания для признания этого, и здесь мы встречаемся еще с одним источником приобретения прав на пользование сверхнадельною землею.

Есть местности, где положенного раз навсегда укāс кӱрӱӧ (см. выше) нет, но тем не менее по соглашению, при выборах, могут быть даны покосы старосте в качестве именно укāс кӱрӱӧ. Так как в этом случае наделен покосом, сверх положенного и без отнесения повинностей, не староста, как таковой, а лишь определенное лицо, по случаю выбора на должность старосты, то не обходится со стороны таких лиц без поползновений — удержать сверхнадельную землю и после того, как окончился срок службы по выборам. Это, несомненно, делается особенно естественным в том случае, когда староста прослужил два или три срока.

Тот самый Иван П., о котором упомянуто было выше, требовал от наслега, чтобы его укāс кӱрӱӧ не только остался за ним пожизненно, но был бы передан и его сыну на тех же условиях освобождения от повинностей.

Наличность и характер наследственных участков освещается изучением чрезвычайно интересной системы нарезывания самою общиною отдельным ее членам сверхнадельной земли; участки последней в этом случае известны под именем угāјы (или по Мегинскому улусу хары̄ — название части руки между локтем и кистью). Богач, который не в состоянии содержать свой скот сеном со своего надела, хотя бы у него имелся надел еще и на имя сына и племянника, например, просит у наслега поддержку, и наслег дает ему надел I «класса», записывая этот надел по «ведомости» за каким нибудь бедняком, которого богач берет как бы «под свою руку» (Мегинский улус, сообщение В. Я. Слепцова), т. е. обязывается ему помогать в трудных житейских случаях и даже содержать его, если бы бедняк этот совершенно лишился средств к существованию. Есть богачи, у которых очень много угаjы, т. е. сверхнадельных паев. Таким образом, в отношениях между богачами и отдельными представителями мало обеспеченной части общины якутская действительность сохранила одну из характернейших черт патриархального быта. Я не могу здесь пройти молчанием остроумного заключения моего товарища по экспедиционной работе, В. М. Ионова, превосходного знатока якутского быта, об отношениях наслега, как целого, к своим богачам, заключения, вытекающего из указанного явления и обнаруживающего наличность еще более характерной и еще более архаической черты быта якутов. Поддержка, которая в этой форме оказывается наслегом богачу, должна быть поставлена, по мнению В. М. Ионова, в зависимости от взгляда якутов на богачей наслега, как на естественных покровителей последнего. Я, с своей стороны, к этому могу добавить, что, повидимому, поддержка эта корнем своим уходит в тот архаический период жизни, когда каждая единица якутской общественности связывалась лишь сознанием кровного родства между ее членами, когда она не могла обходиться без естественного покровителя и патрона, каковым был круг близкородственных людей, в жилах которых текла, по предположению, а, может быть, и на самом деле, наиболее чистая кровь данной общественной группы. Что знатность и богатство неразлучны, это испокон веков было ходячим представлением народа. Но первый, кто взглянул на этот факт со стороны его научного, сравнительно-исторического значения и сделал его точкою отправления для многих весьма важных и остроумных обобщений, был, если я не ошибаюсь, Генри С. Мэн. Родовитость всегда сопровождалась материальною зажиточностью. Более того: свое общественное значение родовитость семьи постепенно теряла с падением ее материального благосостояния. Вторжение в жизнь якутов русского влияния, выразившееся между прочим в тенденции заменить наследственную власть старейшин властью выборного (Устав об инородцах 1822 г.; по изданию 1892 г. — стр. 60), не могло не отнять долю политического значения у родовитости и зажиточности, — долю, но не целиком все это значение, так как почва для него еще долго сохранялась почти в полной неприкосновенности (надо при этом помнить, что смягчение междоусобных распрей сопровождалось нарождением потребности — давать отпор проникновению в якутскую среду русского влияния). Здесь можно сделать две ссылки на показания самих якутов. Борогонская Инородная Управа в донесении своем от 6 августа 1891 г. за № 702, пишет: «тем более считаться самостоятельными членами обществ, не имея в среде 15 и более семейств ни одного самостоятельного, не в средствах». Более грамотный писарь пишет в донесении Дюпсюнской Инородной Управы от 30 июня 1891 г, за № 24 «если бы. . .

произвести раздробление наслегов, то комплект самостоятельного наслега составили бы бедняки и рыболовы с ничтожным % состоятельных сородцев», что является, в глазах Дюпсюнской Управы, нежелательным (Дело Якутск. обл. Правления о разделении улусов и наслегов на более мелкие единицы).

Отодвигая в сторону значение описываемого явления с историко-юридической точки зрения, отметим лишь тот факт, что здесь открывается новый источник приобретения прав поземельного владения.

Изложенным исчерпываются случаи приобретения якутами прав владения частью общинного достояния.

Объем поземельного права.

В юридических воззрениях якутов глубоко коренится взгляд, что право на пользование землею не может быть одинаково для всех членов общины. Есть общинники, у которых площадь владений в несколько раз, даже в несколько десятков раз больше, чем у их сообщественников. А между этими полюсами лестницею расположены остальные хозяйства общины[1].

Что касается мотивов, которыми руководится теперь община при распределении заново земли между хозяевами вне влияния традиций, то здесь переплетается потребность в том, а не ином количестве покосной земли в данном хозяйстве с платежно-податною способностью последнего. Трудно было бы приписать одному из этих факторов превалирующее значение, так как определенная потребность в пользовании землею соединяется в каждом нормально поставленном хозяйстве с соответствующею платежною способностью. Но если теоретически факторы эти и неразъединимы, то на практике решающее значение может иметь лишь второй из них, так как на определенную площадь покосов падают совершенно определенного размера платежи. Благодаря этому обстоятельству во многих наслегах можно встретить хозяев с очень ограниченным числом голов скота, но пользующихся значительными пространствами общинных лугов только потому, что они в состоянии уплачивать подати. Такими лицами являются (случаи сравнительно редкие) недавно вернувшиеся с заработков общинники, принесшие с собою свои сбережения; общинники, сократившие скотоводческое хозяйство ради занятия промыслами (торговля, спекуляция на сено); сравнительно зажиточные вдовцы, которые почему-либо не в состоянии восстановить расстроившееся со смертью жены хозяйство (хотя вдовцы, обыкновенно торопятся жениться), и т. д., с другой стороны, легко себе представить семейство, столь многочисленное, что оно из доходов от своего хозяйства не в состоянии оплачивать подати и повинности за такое количество покосов, которое могло бы удовлетворить потребности семьи в сене для собственного скота. Понятно, потребность эта в конце концов удовлетворяется при помощи операций, которые тяжело отзываются на бюджете и благосостоянии семьи, гораздо тяжелее, нежели уплата податей; но здесь мы наблюдаем то же явление, что и продажа хлеба крестьянами осенью

---

1 В настоящем параграфе речь идет о лицах и хозяйствах, находящихся в непосредственных отношениях к общине и, при том, не осложняемых теми особенными отношениями, о которых говорится в предыдущем параграфе.

и покупка его ими весною по более дорогой цене. Кроме того, такой семье могут дать прирезку земли без обложения податями; но это не входит в систему землевладения и должно быть рассматриваемо, как акт родовой благотворительности и было бы с этой точки зрения равнозначуще всякой другой материальной поддержке со стороны общины ее неимущему сочлену.

В Якутском округе есть улус, где указанный принцип проводится на практике в довольно чистом виде. Хотя хозяйства здесь также разделены на разряды («классы»), но в действительности замечается удивительное разнообразие в объемах прав отдельных хозяйств на землю. Для иллюстрации приведу таблицу по 5 наслегам этого улуса.

	Число хозяйств, имеющих по:																		Всего хозяйств.
	26	20	16	14	13	12	9	8	7	6	5	4	3½	3	2	1½	1	½	
	надельных единиц.																		
Наслег № 1	1	2	6	—	1	6	—	17	—	14	—	33	—	3	17	—	3	—	103
» » 2	—	—	1	—	—	3	1	5	8	12	17	34	—	28	49	—	54	—	212
» » 3	—	—	—	1	—	—	—	—	2	1	3	12	—	19	36	18	77	36	205
» » 4	—	—	—	—	—	—	—	1	2	2	7	20	—	18	54	—	48	—	152
» » 5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	1	16	18	4	31	20	94
По 5 наслегам.	1	2	7	1	1	9	1	23	12	29	28	102	1	84	174	22	213	56	766

Цифры эти извлечены из подлинных поземельных ведомостей соответствующих наслегов и частью «заверены» родоначальниками. Таким образом, право на произвольное число надельных единиц санкционируется в данной местности обычным правом якутов. Рассматривая данные по наслегу № 1, легко заметить, что разнообразие земельных дач довольно близко, по всей вероятности, подходит к потребностям в земле со стороны хозяйств различной экономической мощности. Тем не менее, уже здесь нельзя не обратить внимания на три наибольших цифры итога по всем 5 наслегам, а именно:

по 4, по 2 и по 1 надельной единице имеют . . . . 489 хозяйств или 64%,
остальных размеров наделы имеют . . . . 277 » » 36%.

А разбивая первого рода хозяйства на группы, мы получаем

хозяйств, имеющих по 4 единицы, 102 или 13%
» » » 2 » 174 » 23%
» » » 1 » 213 » 28%

В других местностях округа подобного рода таблицею можно изобразить всю совокупность юридических поземельных отношений. А именно, существует определенное геометрическое отношение между наделами различных групп хозяйств и вне этого отношения нет наделов. По большей части даже наблюдается именно то самое отношение, которое приведено в последней таблице: низший надел вдвое меньше, а высший вдвое больше, нежели средний (т. е. отношение равно 4 : 2 : 1). Все общество оказывается разделенным, положим, на три «класса»: надел лиц первого «класса» в два раза больше надела второго «класса», а этот последний — вдвое больше надела третьего «класса», и в таком обществе не может уже быть записанным на одно и то же лицо пространство земли в три или в пять раз больше низшего, т. е. третьеклассного надела. Вот список владений по одному наслегу, где принцип этот проводится с почти абсолютною строгостью.

Дано право выкосить (в «возах» осмотра):

Ивану Б.	пять с половиной
Илье Б.	
Касьяну Б.	
Ивану Бур.	
Николаю Б.	
Семену Б.	
Михаилу Б.	
Сидору Б.	
Семену Б.	
Семену Пр. Б.	
Ивану 2-му Б.	
Матери его, вдове	
Его родственнице, вдове	
Петру Арж.	
Сысою Ш.	
Лазарю Ст.	
Дмитрию Ст.	8¼
Леонтию Ст.	
Степану Ст.	
Филиппу Ст.	5½
Онуфрию Арж.	
Его сыну	2¾
Якову М.	5½
Михаилу З.	
Вдове Зоб	
Ивану М.	
Сыну его	

15*

Андрею Бур.	
Якову Бур.	} $2^3/_4$
Егору Б.	
Семену Б.	$4^1/_8$
Ирине Б.	$2^3/_4$
Роману Б.	$4^1/_8$
Софрону Арж.	
Оҕонјор'у	
Максиму Б.	
Гавриле Зоб.	
Федору Зоб.	
Ивану Ст.	} $2^3/_4$
Гавриле Зоб.	
Дмитрию Ст.	
Вдове стар.	
Василию М.	
Черемпию	$4^1/_8$
Федору Арж	
Афанасию Арж	} $1^3/_8$
Харчаху	
Ивану Арж	
Андрею З.	} $5^1/_2$
Кузьме К.	
Его сыну	$2^3/_4$
Андрею М.	
Халыану	} $5^1/_2$
Петру М.	
Алексею В.	

Это — список хозяйств по одному из родов наслега. Легко заметить, что во всех наделах число возов кратно $1\,^3/_8$, при чем:

в 4	случаях	надел	равняется	$1 \times 1\,^3/_8$ воза	$= 1\,^3/_8$	воза
» 16	»	»	»	$2 \times 1\,^3/_8$ »	$= 2\,^3/_4$	»
» 29	»	»	»	$4 \times 1\,^3/_8$ »	$= 5\,^1/_2$	»
» 3	»	»	»	$3 \times 1\,^3/_8$ »	$= 4\,^1/_8$	»
» 3	»	»	»	$6 \times 1\,^3/_8$ »	$= 8\,^1/_4$	»

Дальнейшие исследования показали, что лица, имеющие по $3 \times 1\,^3/_8$ «воза», имеют по одному законному наделу в $2 \times 1\,^3/_8$ «воза» и по одному наделу в $1 \times 1\,^3/_8$ «воза», записанных на их имя в качестве дополнительного надела (cămcălăн)[1] точно так же, как наделы

[1] Деепричастие от cămcălă, что от cămcă — дополнительная, добавочная часть, пай. Э. П.

в 6 × 1 $^3/_8$ «возов» разлагаются на наделы в 4 × 1 $^3/_8$ «воза» и сӑмсӑlӑн в 2 × 1 $^3/_8$ «воза» Таким образом, таблица принимает следующий вид:

участков в 1 × 1 $^3/_8$ «воза»	....		4 + 3 = 7
» » 2 × 1 $^3/_8$ »	....	16 +	3 + 3 = 22
» » 4 × 1 $^3/_8$ »	....		29 + 3 = 32

Кроме наличности сӑмсӑlӑн в 6 случаях из 55, по собранным сведениям оказывается, что сын Кузьмы К. — малолетний, но на него все-таки записан средний надел, и что Касьян Б. и Иван. Б. — подставные лица Ивана Бур., Ирина Б. — подставное лицо Ильи Б., а мать и родственница Ивана 2-го Б. — подставные лица последнего. Здесь же интересно отметить, что 1 «воз» осмотра в данном случае равняется 3 обыкновенным возам сена на алӑс'ах, 6 возам сена на речках и 10 возам камышу.

Из приведенного списка видно, что здесь отношение между размерами наделов различного класса выражается 3 : 2 : 1. Но классов все-таки три. Есть, однако, наслеги, где число классов повышается до 4, в других понижается до 2. При 4-классной системе землепользования отношение выразится 4 : 3 : 2 : 1, при 2-классной — 2 : 1.

Самая характерная черта «классной» системы якутского землепользования заключается в том, что на имя одного и того же лица может быть в ведомости, сколько нибудь официального характера, записан лишь один надел того или другого «класса». Обладателям больших стад рогатого скота и больших табунов лошадей приходится отчасти обходить коренной принцип этой системы, отчасти пользоваться покосами других лиц[1], или даже покупать сено. Но в юридических представлениях якутов, среди которых господствует эта система, нет места для положения, чтобы одно лицо, как бы оно ни было богато скотом и экономически мощно, пользовалось непосредственно от общины двумя или тремя паями того или другого класса.

Таким образом, в ведомостях того улуса, где господствует раньше описанная система, можно встретить такие записи:

Николай С. пользуется { 1 наделом 1-го класса
1 » 2 » »
1 » 3 » »

или Григорий П. пользуется 9 ӧlбӱгӓ.

В ведомостях улусов, землепользование которых основано на «классной» системе, ничего подобного встретить нельзя. За Николаем С. может быть записан один надел одного класса, например первого, и если бы на самом деле в пользовании его хозяйства были еще два надела, — например второго и третьего классов, то один из последних значился бы, положим, за его сыном, а другой — хотя бы за его работником, лицом, в данном случае, подставным; но ни под каким видом все три надела не были бы записаны за одним Николаем С. То же самое можно было бы сказать и о 9 ӧlбӱгӓ, составляющим поземельное владение хозяйства Григория П.

---

[1] Об этих явлениях сказано будет ниже.

«Классная» система пользуется наибольшим распространением в Якутском округе и на самом деле полнее всего выражает современные юридические понятия якутов об отношении человека к земле. Следует только при этом вообще не упускать из виду, что при условии признания правомерности неравенства наделов, все-таки для каждой местности, почти для каждого наслега, существует своя граница, с переходом которой концентрирование поземельного владения рассматривается общественным сознанием, как баттал, т. е. насильственное установление такого порядка вещей, который выгоден для одной стороны и очевидно невыгоден для другой[1].

Отклонение от системы «классов» в сторону пользования неопределенным числом надельных единиц, как замечено выше, наблюдается только в одном улусе Якутского округа. Следует, притом, иметь в виду, что и в этом улусе заметно уже достаточно обособившееся понятие о «классах». Еще важнее отметить то обстоятельство, что тщательный подсчет хозяйств с различными площадями надельной земли по группам сразу уже обнаружил слишком заметную тенденцию хозяйственно-административной деятельности наслегов — сосредоточивать хозяйства, главным образом, в группах с наделами, площади которых относятся между собой, как 4 : 2 : 1. Таким образом, земельные порядки этого улуса представляют собою незначительное и притом слабое отклонение от общей системы пользования землею среди якутов Якутского округа — «классной» системы.

Столь же незначительным в пространственном отношении, но гораздо более важным и с теоретической и с практической точки зрения, является отклонение в противоположную сторону. Оно констатировано только в трех наслегах Западно-Кангаласского улуса Баградском, Хоринском и Орсютском и заключается в том, что здесь система «классов» окончательно исчезла, уступив свое место равенству наделов для каждого общинника. Каждый член общины здесь имеет право на равный с прочими общинниками надел. Вся общинная земля наслега (или рода, если передел происходит только в пределах рода: это смотря по обычаю и обстоятельствам) разделяется на столько совершенно равных участков, сколько в данный момент является членов общины, фактически пользующихся наделом. Участки эти называются ӧlбӳгā (по местному произношению ӧlгӳмā), но здесь уже не может быть речи о большом и малом ӧlбӳгā, так как все они равны. Таким образом, указанные три наслега представляют собою местность, единственную в округе, где мы имеем дело уже не с родовою, а с соседскою общиною.

Сказанным, собственно говоря, исчерпываются те поземельные отношения, которые составляют систему землевладения. Бесплатные раздачи земли неимущим, о чем будет сейчас сказано несколько слов, должны быть рассматриваемы, как проявление родовой благотворительности, а не как часть системы пользования землей.

По сведениям, относящимся к различным частям Якутского округа, нередко вдовы получают так называемый тын ӧlбӳгā, т. е. в буквальном переводе, надел для поддержания жизни[2]: этот вид пользования общинной землей не вызывает отнесения на их долю повинностей

---

[1] Буквальное значения этого слова — притеснение. Глагольная основа баттā значит: притеснять, пользуясь обстоятельствами и извлекая для себя выгоду.

[2] Тын — дыхание, в переносном смысле жизнь.

и платежа податей[1]. Но, кроме этой стороны дела, в данном случае представляет громадный теоретический интерес тот факт, что размеры тын öлбӱгä, вообще говоря, определяются не нормою, а лишь положением данной женщины в обществе, и в некоторых отдельных случаях могут даже превышать нормальный надел 1-го класса, хотя, в общем, незначительно.

То же относится и к системе «нищенских» или «даровых наделов», употребляя термин русского крестьянского мира. Часть земель, обыкновенно впрочем незначительная, раздается беднейшим членам родовой группы без обложения их какими бы то ни было платежами. По имеющимся сведениям в четвертом Баягантайском наслеге Баягантайского улуса приходилось таких земель всего по 5 возов на неимущее хозяйство.

Что бы рельефнее представить различные системы распределения между общинниками земли у якутов Якутского округа, попробуем иллюстрировать эти системы соответствующими математическими схемами. При этом следует начать с «классной» системы, как наиболее характерной для современного состояния землепользования в описываемой местности.

Все общество наслега делится на группы, скажем, на 4. Первая группа («1-й класс») состоит из наиболее богатых и влиятельных представителей наслега (по большей части, это — потомки «родоначальнических поколений») и потому является малочисленной. Положим, для примера, что в ней 15 семей. Вторую группу («2-й класс») составляют люди среднего состояния. Группа эта уже многочисленна; положим, в ней 90 семей. В третью группу (в «3-й класс») входят, вообще говоря, люди бедные, и они, смотря по местности, то больше, то меньше второй группы; в ней, положим, 50 семей. Наконец, четвертую группу составляют люди, отчаянно бедные, страшно задолженные, вообще семьи, находящиеся в полном экономическом расстройстве. Представим себе затем, что в данном наслеге насчитано 277 «остожьев» покосных мест. В таком случае вся эта земля будет распределена между членами наслега так: четвертой группе сначала ничего не дадут, на каждую семью 3-го «класса» — по 1 остожью, 2-го — по 2 и 1-го — по 3. Таким образом и распределяется сначала 275 остожий:

$$(50\times 1)+(90\times 2)+(15\times 3)=275,$$

а остающиеся 2 остожья раздадут бесплатно всем или некоторым из четвертой группы.

Если бы земли оказалось менее, например, 226 остожьев, то распределение могло бы оказаться таким: в каждой семье 3-го класса по 1 остожью, 2-го — по $1\frac{1}{2}$ и 1-го — по 2. Тогда получим: $(50\times 1)+(90\times 1\frac{1}{2})+(15\times 2)=215$[2], и одиннадцать оставшихся будут розданы без наложения платежей.

Или вот другой пример:

Пусть в наслеге 20 больших öлбӱгä, 30 средних и 50 малых. 20 больших сведутся к $4\times 20=80$ малым, а 30 средних — к $2\times 30=60$ малым и если к этому прибавить 50 имеющихся в наслеге малых öлбӱгä, то вся земля наслега могла бы быть разбита на

[1] Не следует смешивать этого вида с тем случаем, когда вдова является перед наслежным обществом представительницею своих детей мужского пола: в последнем случае наделы числятся именно за мальчиками, а не за их матерями-вдовами, и на земле лежат все подати и повинности.

[2] Совершенно подобный же расчет производится и в тех случаях, когда в наслеге не 3, а 2, 4 или 5 классов.

190 малых ӧlбӱгä, чтобы отвести каждому хозяину наслега его надел, будь то малое, среднее или большое ӧlбӱгä.

Допустим далее, для иллюстрации, что в этом гипотетическом наслеге, «депутаты» определили урожай в 1900 возов. Так как нам уже известно, что все наделы наслега в совокупности сводятся к 190 малым ӧlбӱгä, то на каждое из последних придется $1900:190=10$ возов, а на среднее ӧlбӱгä — $10\times2=20$ возов, и на большое ӧlбӱгä — $10\times4=40$ возов. Вся же земля распределяется между классами так:

20 хозяйствам	1-го	класса	придется	$20\times40=800$	возов
30	»	2-го	»	»	$30\times20=600$ »
50	»	3-го	»	»	$50\times10=500$ »
100 хозяйствам наслега придется					1900 возов.

Остальные системы гораздо проще. Там, где признается за общинником право на неопределенное число надельных единиц, предварительно подсчитывается, сколько всего в наслеге следует образовать таких единиц, а затем уже происходит раздел определенного депутатами количества возов на число единиц, и каждый хозяин получает соответствующую часть. Положим, что в наслеге № 1 (см. выше помещенную таблицу) депутаты исчислили урожай в 5205 возов. Так как всего в наслеге $(26\times1)+(20\times2)+(16\times6)\cdots+$ $+(17\times2)+(1\times3)=645$ ӧlбӱгä, то на каждое из них придется по 8 возов + остаток в 45 возов. Последние будут розданы беднякам в виде тын ӧlбӱгä, положим, 10 хозяевам, а затем

1 хозяйство	получит	$1\times26\times8$	$=208$ возов
2 »	»	$2\times20\times8$	$=320$ »
6 »	»	$6\times16\times8$	$=768$ »
....			....
3 »	»	$3\times\ 1\times8$	$=\ 24$ »
10 »	»	$10\times\ 4\frac{1}{2}$ тын ӧlбӱгä	$=\ 45$ »
			5205 возов

Там, где наделы всех общинников равны друг другу, дело происходит еще проще. В Багарадском, например, наслеге 330 ӧlбӱгä, и если депутаты определят урожай в 5960 возов, то на каждый пай — ӧlбӱгä придется по 18 возов, а остальные 20 возов могут быть распределены между 10 неимущими и тогда $(330\times18)+(2\times10)=5960$.

Фактическое распределение земли.

Распределение земельных угодий между членами общины в зависимости от частных сделок и пользования несовершенством норм, строго говоря, относится к области экономических исследований. Здесь уместно упомянуть лишь о таких явлениях, которые характеризуют юридические воззрения якутов.

Аренда является, естественно, простейшею формою отношений, приводящею фактически к концентрированию земель: купля-продажа не может иметь места, дарение и мена

имеют лишь весьма относительное значение. Договор аренды заключается в громадном большинстве случаев на один год и вызывается по большей части временными обстоятельствами вроде местного неурожая. Якутские хозяйства построены на таких экономических основах, что при нормальных условиях вполне удовлетворяются своими постоянными рессурсами — остаток былой родовой обособленности. Аренда на 3, на 4 года, вследствие тех же обстоятельств, гораздо чаще вызывается соображениями, не относящимися непосредственно к поддержанию хозяйства (например, желание взять хоть что-нибудь с неисправного должника). Если в данное лето в хозяйстве недостаток в сене, то домовладыка все таки старается раздобыть земли только на один год, расчитывая, что в будущем году условия придут к норме и хозяйство попрежнему в сене нуждаться не будет. Наконец, аренда на срок до 10 лет — явление исключительное, встречающееся разве лишь в практике больших хозяйств — предприятий, которые в обыденной речи называются кулаческими, с целями спекуляции на сено[1].

Нельзя не воспользоваться этим случаем, чтобы не обратить внимания на интересный факт, добытый моими позднейшими исследованиями. Институт права предпочтительной покупки, один из характернейших институтов первобытных правовых систем, не может быть, конечно, известен якутам, так как они не знают и вообще покупки земельных угодий. Принимая в соображение, что в юридических системах для правил аренды и владения землею всегда находятся общие черты, исследователь, естественно, должен был обратиться к изучению с этой точки зрения якутской аренды. И, действительно, было обнаружено, что аренда у якутов не свободна от тех пут, которыми связывается проявление воли членов родовой группы на всем пространстве договорного права. Чтобы не вдаваться в подробности, здесь достаточно будет сказать, что известны случаи, когда родоначальники отдавали приказ — не сдавать в аренду земли членам посторонних общественных групп[2].

Якутам известна как денежная аренда, так и сдача земли в издольное пользование.

Выше, при выяснении якутского понятия о субъекте поземельного права, было уже указано на такую ненормальность, что даже 7—8-летние мальчики записываются своими отцами на надел в качестве самостоятельных хозяев. Таким образом, якут, у которого два сына, положим 4 и 12 лет, нередко пользуется тремя паями земли: одним на свое имя и двумя на имя своих сыновей. Для этого необходимо быть человеком влиятельным, иметь таких же влиятельных родственников- однообщественников и пользоваться «почетом». Так, фактически неразделенная семья может играть по отношению к пользованию землею роль двух или трех хозяйств.

Здесь же следует добавить, что якут не постеснится взять в дом приемыша, лишь бы получить возможность записать на чье-нибудь имя в свою пользу лишний пай. Точно также довольно распространенным способом приобретения права на лишний пай является записывание в «класс» своего безземельного работника, а крайним выражением той же тенденции служит прием на содержание какого-нибудь неудачного бобыля, на имя которого предста-

---

[1] Об аренде у киргизов — см. Материалы для изучения юридических обычаев киргизов, вып. I, Омск, 1886 г., стр. 51—52.

[2] О том же праве предпочтительной покупки см. главу II, под рубрикой «субъект договорного права».

витель хозяйства записывает пай, остающийся в пользовании этого хозяйства. Не мешает здесь упомянуть о том, что богачи в последнее время стали избегать записывать на надел своих здоровых и сильных работников: пользуясь случаем, более решительные и энергичные из последних отказываются служить у своих патронов, начинают сами уплачивать подати и вступают непосредственно во владение записанным на их имя паем, не возвращая своим патронам того, что было затрачено последними на создание подобного положения вещей.

Задача настоящей главы почти исчерпана. Прежде чем перейти к посильным общим заключениям, да позволено будет попытаться представить в виде схемы все данные, касающиеся якутского землепользования в описываемой местности. В схеме этой показаны стадии, через которые последовательно проходит гипотетическое хозяйство по пути увеличения площади владеемой земли. Вот эта схема:

№№.	Нормальная величина надела I класса.	Прибавка от физических условий.	От пристрастия «депутатов».	Записано на взрослого, но неотделенного сына.		Записано на малолетнего сына.		Записано на воспитанника.		Записано на работника.		Наследственный участок (сверх надела).	У г ā ј ы.	Выпущенное озеро.	Укāс кӯрӯ̈ во время службы.	Огороженный участок на выгоне.	Участок на кудуоі сір.	Укāс кӯрӯ̈, остающийся по окончании срока службы.	ВСЕГО.
				2 кл.	1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	1 кл.	2 кл.	1 кл.		1 кл.						
1	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	400
2	400	50	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	450
3	400	50	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	650
4	400	50	200	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	850
5	400	50	200	—	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1050
6	400	50	200	—	400	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1250
7	400	50	200	—	400	—	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1450
8	400	50	200	—	400	—	400	200	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1650
9	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1850
10	400	50	200	—	400	—	400	—	400	200	—	—	—	—	—	—	—	—	2050
11	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	—	—	—	—	—	—	—	2250
12	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	—	—	—	—	—	—	2250
13	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200[1]	—	—	—	—	—	3450
14	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200	150	—	—	—	—	3600
15	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200	150	300	—	—	—	3900
16	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200	150	300	100	—	—	4000
17	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200	150	300	100	100	—	4100
18	400	50	200	—	400	—	400	—	400	—	400	?	1200	150	—	100	100	300	4100

[1] Три угāјы.

По всей вероятности, от моих наблюдений ускользнуло не мало способов, какими располагает якут для того, чтобы завоевать себе в глазах общины право на владение частью общинного достояния сверх равного с прочими надела. По крайней мере известен случай (сообщенный мне моим товарищем по экспедиции, Л. Г. Левенталем), что у одного из богачей 1-го Баягантайского наслега Баягантайского улуса становится, даже в не особенно урожайный год, на покосах, которые он не берет в аренду и которыми он, следовательно, пользуется непосредственно из общинных угодий, до 10.000 копен. Это дает мне, с другой стороны, основание предполагать, что приведенная схема не преувеличивает истинного положения вещей. В схеме этой я считал более удобным, в видах придания возможно более рельефности рисуемой картине, говорить об отношении между общиною и лицами, состоящими в первом классе. Нетрудно представить себе далее зависимость между общиною и другими низшими классами, а также и отношение между представителями различных классов, что касается землепользования. Та же количественная и качественная неравномерность участков, принадлежащих различным представителям первого, высшего класса, наблюдается и при рассмотрении участков, находящихся в распоряжении лиц, записанных во 2 и 3 классы. Если, например, каждому второклассснику полагается по ½ остожья, при чем номинально считается в остожьи 300 копен, то это не значит, что у каждого из якутов, записанных во второй класс, находится в пользовании именно по 150 копен. У немногих из них окажется, пожалуй, именно 150 копен, у весьма многих от 150 до 250, например, а у большинства гораздо менее 150 — до 50 и даже до 40. То же самое и относительно 3 класса. Мало того, положение в двух различных классах не всегда находится в соответствии с количеством владеемой общиной земли; можно, именно, высказать предположение, что не слишком резко бросилось бы в глаза такое положение вещей, при котором у человека, записанного в высший класс, оказалось бы меньше земли, или земля эта оказалась бы менее продуктивною, нежели у человека, который числится в низшем классе.

Заключительные соображения.

Перед читателем прошла, без сомнения, довольно пестрая картина. Область поземельного права якутов, действительно, заключает в себе не мало запутанного и во всяком случае много до крайности разнохарактерного. Чтобы разобраться во всем разнообразии изложенных явлений необходимо помнить, что юридические воззрения якутов, экономические основы их жизни и даже сама житейская техника, — все это представляет собою конгломерат различных исторических наслоений и обязано своим происхождением весьма различным по своему характеру влияниям.

Неся на себе все признаки землепользования общинного, поземельное право якутов Якутского округа по отношению к переделам, с одной стороны приближается к бессрочному владению, а с другой — подходит к ежегодным пересмотрам прав, и при этом для измерения земель употребляет приемы местами слишком тонкие, местами до чрезвычайности грубые. Такое различие условий может быть объяснено бо́льшим или меньшим обилием земель лишь отчасти; в гораздо более значительной степени здесь отражается различие

экономических и культурных условий, а не менее того и характер юридических концепций. Крупные единицы для измерения и бессрочность владения знаменуют собою наличность крупных поземельных участков, которые удовлетворяются даже весьма относительною точностью измерений и в значительной степени требуют неподвижности своих границ. Наоборот, малые размеры участков естественно могут уживаться лишь с более точными приемами измерения земель, способствуют выработке понятия о мелкой единице и находятся в понятном антагонизме с неподвижностью границ.

Что касается представления о субъекте поземельного права, то абсолютное право члена родовой группы на надел является, повидимому, весьма недавним приобретением якутского юридического мышления: во-первых, оно не безусловно проводится в жизнь, а во-вторых утопает, так сказать, в массе привилегий, подчас весьма неожиданного характера. Право на землю вследствие занятия некоторой должности в одних случаях носит на себе прежде всего именно характер привилегированности известного положения (укāс кӯрӯö), в других же является неизбежным следствием господства среди якутов натурального хозяйства (участки при сугланах и у «оспенных учеников»). Наследственные участки и угāјы служат отголосками древних воззрений якутов — воззрений, далеко еще не вымерших, но постепенно падающих в борьбе с новыми началами. В числе последних видное место принадлежит абсолютному праву каждого члена родовой группы на надел.

Наконец, рассматривая распределение земли между членами общины, как систему отношений человека к земле, мы наталкиваемся на такой архаизм, как «классная» система со многими подразделениями, а рядом с этим встречаем и соседскую общину с равными для каждого общинника наделами. Все дело здесь, очевидно, решает то или другое развитие необходимости быть каждому привязанным к земле, — необходимости, которая является результатом ослабления кровного родства в его значении связующего элемента для общества и вызывает соответствующее представление о праве каждого человека на клочок земли.

Со всеми этими явлениями тесно связана наличность в якутском обществе известного контигента безземельных.

На всем протяжении Якутского округа мы встречаемся с явлением безземельности. Начиная добровольным отказом от надела под действием неблагоприятно сложившихся экономических условий жизни, продолжая умышленным игнорированием со стороны общины требований надела и кончая лишением надела за неуплату податей по приговору общества, причины разнообразного, на первый взгляд, характера повсюду в Якутском округе вызывают наличность того или иного контингента безземельных. Но явление это не представит собою в наших глазах ничего грозного, раз мы разнообразие этих причин сумеем свести к одной какой нибудь, которая, при этом, действует все с более и более слабеющей энергией. По отношению к якутскому обществу прежде всего необходимо констатировать, что безземельность уменьшается. Это нетрудно обнаружить изучением явления и в пространстве и во времени.

Имеются данные, достаточные для того, чтобы утверждать, что равномерность в земельном владении увеличивается по мере приближения к центрам культурно-экономической жизни. Сведения, добытые подворною переписью 2-го Игидейского наслега Баяган-

тайского улуса, в достоверности которых сомневаться нет никаких оснований, говорят нам, что там на 4,7 земельных хозяйств приходится одно безземельное, и почти та же цифра (4,1) выведена для всего Баягантайского улуса из данных моего товарища по экспедиционной работе, Г. Л. Кондакова. Это придает известную долю вероятности и цифре 11,2, добытой из данных Г. Л. Кондакова для Борогонского улуса, тем более, что вообще слабое развитие безземельности в этом последнем улусе подтверждается непосредственными наблюдениями. Наконец, в наслегах, где не существует системы деления на классы (где, следовательно, все паи — участки — наделы равны), естественно следует ожидать весьма незначительного процента безземельных, при чем и безземельность здесь должна являться всегда результатом стечения совершенно случайных обстоятельств, правильнее таких, которые не находятся в прямой зависимости от общинных порядков. Но располагая приведенные данные по убывающей степени процента безземельных, мы в действительности следовали и степени отдаленности местности от центров культурно-экономической жизни. Баягантайский улус, где безземельных наибольший %, находится на восточной окраине округа а местность, где отсутствует классная система, находится в западной окраине, в ближайшем соседстве к городу Якутску; улус Борогонский, занимающий, по отношению к безземелью, середину, находится, в то же время, и по своему географическому положению между Баягантайским улусом и г. Якутском. Таким образом, изучение явления в пространстве оправдывает то положение, что по мере развития правовой, культурной и экономической жизни якутских обществ, процент безземельных уменьшается.

К тому же выводу приводят в настоящее время уже довольно многочисленные архивные данные, подтверждая справедливость сказанного положения во времени. Ожидаемый выход в свет труда моего товарища по экспедиции, Л. Г. Левенталя, по истории обложения и землепользования у якутов, делает здесь излишним детальное рассмотрение вопроса Достаточно будет привести данные, характеризовавшие не далее, как в 1835 г., распределение земель в тех трех подгородных наслегах, где в настоящее время уже не существует «классной» системы. Вот эти данные [1].

Наслеги:	Орсютский:	в 1-м классе	35 душ.
		во 2-м »	49 »
		безземельных	133 »
	Хоринский:	в 1-м классе	18 »
		во 2-м »	60 »
		безземельных	50 »
	Багарадский:	в 1-м классе	39 »
		во 2-м »	168 »
		безземельных	101 »

Все эти данные приводят к заключению, что землепользование в Якутском округе демократизируется. К принятию этого вывода склоняют меня и 13-летние непосредственные наблюдения над жизнью якутских общин. До сих пор еще имеют место случаи, когда число

[1] Архив Западно-Кангаласской Инородной Управы, дело по архивной описи № 228.

наделенных уменьшается по сравнению с предыдущим годом. Но явление это вызывается всегда исключительными физическими условиями того или другого лета (значительный недород травы на лугах), да и то здесь соблюдается правило, выработанное якутскою юридическою практикою, которое один знаток местной народной жизни формулировал таким образом: «якут не может просить, чтобы его освободили от надела: он должен отказаться». Во всех же случаях, когда жизнь якутской общины течет под влиянием одних социальных сил, в ней развившихся, число хозяйств, пользующихся землею непосредственно от общества, возрастает, а не уменьшается. Есть наслеги, боевой характер жизни которых известен далеко за пределами улуса. Смело, решительно, без всякой боязни за завтрашний день выступает там низший класс общины на борьбу с наслежными «авторитетами» из-за наделения землею безземельных и более равномерного распределения поземельного владения вообще. С другой стороны, даже в среде этих «авторитетов» появляются «выродки», которые бунтуют против своих же кровных родственников, собирают открыто подписи под приговором о переделе земель и уничтожении наследственных прав владения. И каково бы ни было значение моей статьи «Фактические отношения в среде якутской родовой общины»[1], но приговор над современным и ближайшим будущим якутской общины, в той статье высказанный, оказывается теперь не вполне верным, теперь, когда наблюдения местных исследователей распространяются на весь округ и когда сделались доступными архивные данные. Остается справедливым, что, в отдельных случаях столкновения поземельных интересов богача и бедняка, победа остается на стороне первого, что иногда бывают случаи, когда община во всем своем составе бессильна против поползновений богача на общинное достояние. Может быть, и та часть моей статьи, которая заключает в себе историко-философские соображения о приватизации поземельной собственности, заслуживает и теперь еще некоторого внимания. Но окончательный вывод[2] теперь представится не в том виде, как 10 лет назад; в настоящее время приходится высказать взгляд, что в общем течении общинной жизни победа остается не за богачами, а за безземельными и малоземельными. Число классов постепенно уменьшается; сверхнадельная земля понемногу отымается от прежних владельцев[3] и на счет ее увеличиваются площади мелких наделов и создаются даже новые надельные участки; число безземельных постепенно уменьшается. Плебс поднимает голову и открыто заявляет о своих правах.

В таком обществе, где живы еще родовые традиции, где сохранилось политическое и экономическое значение «лучших мужей», где занятие должности ведет к привилегированному положению по отношению к землепользованию, где условия, при которых созидаются и поддерживаются крупные хозяйства, условия ведения натурального хозяйства, — в таком обществе неравномерность распределения поземельного владения не может подчас не приводить к явлению безземельности. Эти обстоятельства сами по себе намечают и средства борьбы против беземелия в якутских обществах. Собственно говоря, с точки зрения изложенных соображений, не о борьбе должна быть и речь. Жизнь якутского общества сама идет на-

[1] Сибирский Сборник, 1888 г. вып. II.

[2] «бір бӯтā аклāкка таҕыста» — «одно из огороженных мест поступило в число окладных остожий». Словарь Э. К. Пекарского.

[3] Писано в 1896 году.

встречу уничтожению безземельности и более равномерному распределению земли между общинниками вообще. Необходимо лишь оказать поддержку этому движению. Но в чем же его сущность? В постепенном ослаблении родовой традиции. Все, что содействует повышению умственного уровня народа, что развивает в крае экономическую жизнь, все это, действуя разрушающим образом на родовую традицию, в то же время будет способствовать развитию в каждом якуте сознания его права на равный надел с прочими общинниками. С этой точки зрения, даже улучшение путей сообщения принесет свою долю пользы для дела.

Весьма возможно, что в изложенную схему необходимым окажется внести некоторую поправку. В Намском улусе — главным образом под влиянием принципов экономической жизни, пионерами которых являются скопцы, в обоих Кангаласских улусах — под влиянием развития торговых сношений с приисками Олекминской, Витимской и Амурской систем, но еще больше в Олекминском округе, где переплетаются обе указанные причины, — во всех этих местностях денежное хозяйство сделало уже значительные успехи, и торгово-промышленный класс получил соответствующее значение. И если в этих местностях землепользование стоит также не вполне нормально, если и здесь имеется налицо не только «утеснение» в земле, но и притеснение более слабых экономически со стороны более сильных, то ясно, что одно ослабление родовой традиции к результатам, которые составляют цель рациональной поземельно-государственной политики, привести не может.

Закончим настоящую главу маленькой исторической справкой.

Деятельность русской власти в крае, направленной к упорядочению землепользования, начавшись с первой Ясачной Комиссии, непрерывно продолжается до настоящего времени. Между прочим, областной начальник Рудаков в одном из своих предписаний 1836 г. убеждал якутских родоначальников «употребить все меры к уравнительности покосных мест», причем не мог пойти по тогдашним временам дальше пожелания, чтобы беднейшие якуты «на пропитание свое могли иметь хотя по одной скотине». Со времени написания этого приказа прошло 60 лет, и взгляды на задачи управления не могли не измениться благодаря развитию теоретических знаний и практического знакомства с условиями местной жизни. Наличность у беднейшего якута «хотя одной скотины», как и королевская курица в супе бедняка, не удовлетворяют требований, которые современный государственный деятель предъявляет к своей работе.

ГЛАВА II.

Обязательственное право.

А. Понятие об обязательстве вообще.

Прежде всего сделаю небольшое замечание теоретического характера.

Я неясно понимаю смысл слов проф. Муромцева: «в начале внутри общин... передача права на вещи могла существовать, как случайное (?) явление. С первыми успехами частной собственности и появлением металла, как средства мены, образовалась внутренняя торговля и долговые отношения» (Гражданское право Древнего Рима, стр. 53). Но во

всяком случае, факт тот, что якутский формализм не успел выработать таких строгих черт, которые могли бы привести к чему нибудь такому, что напоминало бы различие между res mancipi и res nec mancipi. Этому препятствовало, мне кажется, еще и то обстоятельство, что индивидуальной собственности, в строгом смысле этого слова, и до сих пор еще не знает якутская действительность, как это вытекает из фактов, сообщаемых мною ниже, в главе «субъект обязательственного права». Я полагаю даже, что круг договоров, вызываемых общими потребностями и современной якутской жизни, ограничивается займом, ссудою и меною, которые и были, вероятно, древнейшими видами якутских договоров. Правда, якутам известны такие даже договоры, как поклажа, negotiarum gestio, contractus societatis, но все это, очевидно, выработано сравнительно недавно, в значительной степени под влиянием тех факторов жизни, которые принесены русскою культурою вообще и потребностями администрации[1] — в частности.

Хотя якутам известны obligationes ex delictu, но регулирование отношений, вытекающих из проступков и преступлений, русским положительным правом с такою силой и так давно вторглось в якутскую жизнь, что значение деликтных договоров, как более древних форм по сравнению с obligationes ex contractu, может быть лишь выведено аналитически из моего материала, который непосредственного ответа на вопросы не дает; поэтому, вопросом этим здесь, в сводке материала, я заниматься не могу, оставляя этот вопрос до обработки последнего.

Обман, принуждение и ошибка, поскольку они влияют на решение судей при определении действительности obligationes ex delictu будут рассмотрены в отделе об уголовном праве. Здесь же я коснусь значения metus, dolus и ошибки в гражданских сделках.

При определении действительности гражданской сделки metus вовсе не принимается во внимание: проданную за вдвое меньшую против действительной цену вещь, под угрозою доноса или под влиянием опьянения, вызванного умышленно для этого случая предложенным угощением, не возвратят прежнему владельцу по его жалобе. Мне известны случаи систематического спаивания богачей, привычных пьяниц, их прихлебателями с целью вовлечения в явно невыгодные для пьяниц сделки. Заинтересованные лица не решались даже обращаться в суд, так как жалобы их оставлялись бы судьями без последствий.

В случае dolus, по якутским обычаям, убыток делится пополам; но сообщивший мне это сведение родоначальник говорил, что он не только приказывал обмениваться обратно предметами договора, но и сажал виновных под арест, если было доказано, что один из контрагентов умышленно скрыл перед другим недостатки предметов сделки.

Ошибка, по мнению этого же родоначальника, не дает оснований для расторжения сделки.

По поводу этих сообщений я, с своей стороны, замечу, что едва ли вообще понятие о metus, dolus и об ошибке проникло в юридическое сознание якутов в сколько нибудь определенных формах. «Обыкновенно», читаем в ранних заметках Э. К. Пекарского, «у якутов купленную или обмененную скотину возвращают обратно, в случае, если она заболеет, или требуют вознаграждения, если она издохнет. Максим К. возвратил быка

[1] Я имею в виду привлечение якутов, еще в прошлом веке, к перевозке казенной клади в порты Тихого Океана и на север Якутской области.

Григорию Т.; проданный последним другому якуту бык издох, и тот намерен жаловаться родовому начальству на то, что Григорий Т. продал ему нездорового быка». На мой взгляд здесь играет роль самый факт несоответствия купленной вещи ее назначению, независимо от dolus и ошибки. Правда, Э. К. Пекарский тут же продолжает: «Григорий Т. говорит, что сделка состоялась при свидетелях окончательная, так что о вознаграждении не может быть и речи»; но, очевидно, это могло быть личным взглядом Григория Т., которого я знал, как нахального человека, умеющего прибегать к крючкотворству, при содействии наслежных писарей.

Б. Субъект обязательственного права.

а) Правоспособность отдельных хозяев.

В данном вопросе представляется важным различать ограничение прав властью родовой группы, к которой принадлежит семья, и ограничение прав в силу общности имущества в среде самой семьи. По отношению к фактам обоих родов я установил рубрики:

α) Правоспособность самостоятельных хозяев, пользующихся наделом, и

β) Правоспособность самостоятельных хозяев, не пользующихся наделом,

предполагая, что у якутов пользование землею должно отражаться на гражданской правоспособности отдельных лиц.

α.

Полная неотчуждаемость некоторых родов имущества имеет, прежде всего, подкладкой религиозное чувство. Так как религия у якутов не достигла особенно высокой степени развития, то нельзя ожидать, чтобы и запретительное начало в данном случае выступало в их обычаях с достаточною силой. Притом оно, естественно, не может быть направлено и на предметы «священные», так как таких предметов, в строгом смысле слова, якутская действительность не знает.

В этом отношении можно отметить разве тот факт, что продукты и скот, относительно которых существуют определенные правила сакраментального характера или получено известное указание от шамана, не могут быть отчуждаемы. При некоторых жертвоприношениях (баjанаі — духам)[1] играет роль саламата, при других (богиням аjы̄сыт)[2] — масло, при чем религиозным обычаем указывается, когда и кто должен это масло и саламату съесть; само собою разумеется, что никому не придет в голову продать или подарить эту саламату или это масло. Если бы, как это случается в очень зажиточных семьях, аjы̄сыт — богине «предложили» (тарт, тардабын) целых полпуда масла, но хозяин вздумал бы часть этого масла спрятать, не давая его съесть участвовавшим в религиозном действии женщинам, то это был бы совершенно исключительный случай, который вызвал бы нескончаемое и жестокое сäмäлī[3]. Еще большее сäмäлī вызвано было бы отчуждением такого

---

[1] Покровителям охоты и рыболовства.

[2] Покровительницам размножения людей и рогатого скота. Происходит от аjы̄ — творение с присоединением суффикса сыт, обозначающего чем-либо занимающийся.

[3] Nom. act. от глагольной основы сäмäлā — высказывать порицание.

масла. Более характерно «назначение» (арбыр) шаманом какому-нибудь абасы[1] скотины или более высокая степень, нежели арбыр, перевод ее на положение ытык сӱӧсӱ[2]. В древнее время такую скотину, если это корова или кобыла, даже не доили и по истечении назначенного шаманом времени, сожигали, т. е. кормили ею абасы; но и теперь отчуждение такой скотины считается поступком неблаговидным, даже аjы,[3] абасыттан iäстäбiлläх суол[4]: ее можно только убить, часть сжечь, а остальное отдать съесть шаману и старикам, но ни в каком случае не детям (М. Н. Ионова).

Здесь же уместно указать, что волшебный камень[5], сата ни в каком случае за деньги отчуждаем быть не может, а лишь по дружбе (С. В. Слепцов). Шаманские одежды ни под каким видом не отчуждаются шаманами и лишь могут быть даваемы одним шаманом другому на время. Относительно этого нужно, впрочем, заметить что здесь замечается теперь крайнее падение традиций. Известен случай, что принадлежности шаманского костюма были отданы в залог и затем вследствие неуплаты долга в срок были залогодержателем проданы русскому коллекционеру (Э. К. Пекарский).

Из источников известно, что существует у тюрков и, в том числе, у якутов глубокая связь между культом (шаманизмом) и кузнечным ремеслом. Интересно отметить поэтому, что чуолӈан[6] ни в каком случае кузнецом продаваем быть не может (С. В. Слепцов).

Наконец, что касается öлöр сäн[7], то само лицо, давшее такое назначение вещи, может изменить это назначение. Но если наследник сделает это, то умерший взыщет (iäстiäӈä) за это или с нарушившего завещание или с самого предмета. Так, если лошадь, которую покойник предназначал для тризны, будет наследником оставлена в живых, то покойник причинит или лошади или своему наследнику какое нибудь несчастье (болезнь, смерть, увечье), после чего ответственность за сделанное снимается. (С. В. Слепцов).

С другой стороны, если умирающий оставляет какую нибудь вещь брату или сыну, как кäрiäс[8], или даже оставленная вещь принадлежала просто к числу особенно любимых покойником (например, лошадь), то продажа впоследствии такой вещи хотя и допускается, но, при отсутствии особенной крайности, вызывает опять то же сäмälі (С. В. Слепцов).

Но в якутской жизни встречается немало фактов, заключающих в основе своей принцип неотчуждаемости некоторых родов собственности по другим, не религиозного характера, соображениям.

По сведениям из Дюпсюнского улуса, в прежнее время считалось предосудительным (даже грехом) продавать лучшие вещи в хозяйстве, а в частности — лучшие вещи из при-

---

[1] Этим словом обозначаются на якутском языке злые духи, требующие кровавых жертвоприношений.

[2] Ытык — почитание и почитаемый; сӱӧсӱ — скотина и скот.

[3] Грех; подробный анализ понятия, вкладываемого якутами в это слово, см. в главе об уголовном праве. По словарю Э. К. Пекарского: «всякий противный принятым правилам, обрядам, обычаям, законам и религии поступок».

[4] Поведение, за которое абасы взыщет, наславши болезни или другое несчастье.

[5] Обладатель такого камня может вызывать изменение погоды.

[6] Чуолӈан — кузнечный инструмент для пробивания дыр в железном листе и обделывания шляпок у гвоздей. Э. П.

[7] Вещи, о которых лицо делает распоряжение, чтобы ими определенным образом распорядились после его смерти.

[8] «На память».

даного жены. Теперь, пожалуй, даже поощряется продажа старых вещей, могущих подвергнуться порче, по преимуществу, с согласия жены; но все же скажут: «кăрiăстăбăт!»[1], и даже в случаях крайней нужды продажа приданого вызывает в среде богатых сăмălī. В Дюпсюнском улусе был случай, что жена одного богача и родоначальника распорола дорогую шубу и наделала из меха шапок на продажу. Это, конечно, доказывает падение традиции: но случай этот всетаки вызвал сăмălī. Из общераспространенных предметов обладания едва ли, в глазах якутов, стоит что-нибудь выше усадебной земли, перешедшей, к владельцам от предков; между тем даже такая земля может служить объектом сделки, облекаемой в письменную форму и свидетельствуемой в Управе (современные дела Мегинского улуса)[2].

Значительная степень разложения, которой достиг уже теперь патриархальный строй якутов, не оставляет места для особенно резких проявлений верховного права родовой группы — распоряжаться имуществом входящих в состав ее хозяев. Но все же родоначальник Баягантайского улуса С. В. Слепцов сообщает, что он, в бытность свою старостою наслега, запретил своему родовичу продажу сена, имея в виду нужду наслега в этом продукте во время безкормицы (весна 1884 г.), и родович этот, первейший богач околотка, принужден был подчиниться требованию. Тоже подтверждает и родоначальник Мегинского улуса В. Я. Слепцов, прибавляя, что в случаях совершившейся передачи сена Родовым Управлением могут быть приняты меры к отобранию сена от купившего (родоначальник сослался при этом на дело Мегинской Инородной Управы; дела этого я не видел) и что даже аренда земли может быть в известных случаях кассирована тем же органом власти.

Тот же родоначальник Баягантайского улуса, будучи старостою наслега, запретил бедняку убить одну из своих двух скотин, руководствуясь тем, что тому нечего будет есть в летнюю страду.

С другой стороны, наблюдались нередко случаи, когда родовые власти приказывали отдельным хозяевам убивать ту или другую скотину, принимая во внимание, что в данном хозяйстве сена для прокорма всего скота не хватает, а купить его, по бескормице и недостатку средств, не откуда.

Такие же сведения имеются у меня и относительно Мегинского улуса, при чем указывалось, что такие случаи — достояние прошлого (лично мне приходилось наблюдать такие случаи в середине 80-х годов). Записи, сделанные в Дюпсюнском улусе, подверждая также наличность таких случаев даже в настоящем, указывают, что однажды женщина получила разрешение своего Родового Управления — убить часть своего скота против воли нераспорядительного в хозяйстве мужа.

Интересно отметить, что в 1891 г. якутский окружной исправник предписывал, по случаю крайней бессенницы, раздавать неимущим сено из частных запасов помимо воли собственников, — распоряжение, которое едва-ли могло бы быть равнодушно выслушано где бы то ни было, кроме таких общественных групп, в которых живо и реально сознание права этих групп распоряжаться имуществом входящих в их состав членов. В том же году

[1] «Не хранит памяти!»

[2] О значении этого явления для оценки обычаев землепользования сказано в соответствующем месте.

якуты обратились к начальству с просьбой — предписать их приходскому священнику приступить к распродаже своих громадных запасов сена, — с просьбой в высшей степени характерной с рассматриваемой точки зрения.

Право предпочтительной покупки представляет собой частный случай проявления (а исторически — является остатком) верховного права родовой группы распоряжаться имуществом входящих в ее состав лиц. При отсутствии у якутов права поземельной собственности, институт этот у них не может выражаться в очень резких явлениях; но намеки на него налицо. Так, кассирование договора аренды, указанное выше, имеет место именно тогда, когда земля сдается родовичам соседних наслегов. Точно так же запрещение, в указанном выше случае продажи сена, не носило характера абсолютного запрещения: недозволено было продать сено в соседний улус, и оно тут же роздано было родоначальником за деньги всем нуждающимся в сене сородичам. Афанасьевы (Дюпсюнский улус) не знают случаев запрещения продажи чего бы то ни было в другие наслеги и улусы, но сами же они, в качестве родоначальников, «замечания» делают по этому поводу. По их словам, вообще на сторону продавать предосудительно; в таких случаях староста всегда скажет: «омукка бäрдäрбäппін!» «омукка аты̄лаппаппын!»[1]. Я не могу здесь пройти молчанием и того известного каждому наблюдателю якутской жизни факта, что продажа привезенных в наслег откуда-нибудь товаров лицам соседних наслегов вызывает некоторое неодобрение со стороны однонаслежников, если, конечно, товаров этих ограниченное количество и если для продающего торговля, и именно с соседними наслегами, не составляет главного занятия. Тоже следует сказать и о приеме в работники лиц из соседнего наслега, о раздаче денег родичам соседнего наслега под подряды, и т. п.

Известно, что значительный теоретический интерес представляет вопрос о влиянии, которое согласие младших членов семьи оказывает на действительность договоров, заключаемых ее главой. По этому вопросу в литературе о первобытных формах права писалось особенно много, но выясненным этот вопрос считаться далеко не может. Мои материалы, сюда относящиеся, сводятся к следующему[2].

С. В. Слепцов, представитель улуса, где патриархальный порядок сохранился более, нежели в других улусах округа, высказал категорическое положение, что главы семей согласия жены и детей на заключение сделки никогда не спрашивают. По его словам, в соседнем, несколько, дальше ушедшем по пути развития улусе, вот уже лет 10, как справляются в этих случаях с мнением жены. С. В. Слепцов оговаривается, однако, что растрата главою семьи одежды и скота может вызвать жалобу в Родовое Управление, но только лишь со стороны жены, а не детей.

В. Я. Слепцов, представитель одного из подгородних улусов, во главу всего ставит положение, что если предмет аренды или продажи служит семье источником для добывания насущных средств, то заключенный главою этой семьи договор может быть Родовым Упра-

---

[1] «Не позволю отдать другому роду!», «не позволю продавать другому роду!». Слово омук, до некоторой степени, покрывается древне-греческим словом βάρβαρος.

[2] Здесь я буду говорить о распоряжении обще-семейным имуществом. Что касается приданого женщины, то о правах распоряжаться им мною будет сказано ниже, в рубрике о правоспособности женщины к заключению сделок.

влением признан недействительным, одинаково, — и по жалобе жены, и по жалобе сыновей. Кроме того, Слепцов добавляет, что если вдова не знает при жизни мужа о существовании обязательства, то за долг не описывают имущества умершего; но я затрудняюсь, отнести ли этот факт к характеристике участия младших членов семьи в заключении договора или же к установлению доказательств наличности договора. Наконец, Афанасьевы, представители также одного из глухих улусов округа, где сохранилось немало архаизмов, констатируют, что тольколишь в случае доказанного мотовства главы семьи, жалобы жены и детей принимаются к рассмотрению родовыми властями, при чем возможно, что сделка будет объявлена недействительною и обязательство снято с семьи, если к тому представится физическая возможность по свойству самой сделки. Последний результат имеет место и в том случае, если будет доказана не расточительность, а слабоумие главы семьи. Но если, поясняют далее Афанасьевы, неотделенный и не поставленный отцом официально во главе хозяйства сын фактически управляет хозяйством, то Родовое Управление не засвидетельствует договора старика в отсутствии сына: тут, между прочим, играет роль и боязнь, если сын ловкий и настойчивый человек, что сын впоследствии подымет дело по поводу заключенного отцом договора. В подобных случаях, при различии взглядов отца и сына на полезность для семьи заключения сделки, Родовое Управление входит в рассмотрение существа последней, при чем, однако, если отец вполне сохранил еще умственные способности, родовая власть все-таки склонится на сторону отца. Но за то, если умственные способности старика притупились, то Родовое Управление может и вовсе заместить его сыном. А с другой стороны, хотя самовластное распоряжение отца тою частью своего имущества, которое уже предназначено (анаммыт, анал)[1] неотделенному сыну, считается предосудительным, вызывает cămälï[2], но дискреционного права протеста сын в случаях подобного распоряжения не имеет.

По сообщению моего товарища по экспедиции, Э. К. Пекарского, в некоторых случаях устанавливается даже поручительство за отца его неотделенного сына; такое поручительство можно рассматривать, как выражение сыном согласия на заключение отцом сделки. Поручительство жены, оговоримся, имеет другей характер: она ручается, как собственница приданого.

Отношение к семейному имуществу выражается еще в том, что молодая может по смерти отца ехать за получкою доли наследства[3] только к своему отделенному, получающему наследство после смерти отца, брату, а к неотделенному не может, признак того, что перемена лица, стоящего во главе семьи, ничем не отражается на имуществе, так как оно принадлежит семье, а не лицу.

β.

Обнаружить какую нибудь существенную разницу между правоспособностью лиц, имеющих надел и лиц такового не имеющих, мне не удалось. По сведениям из Баягантайского улуса (С. В. Слепцов), даже договор о поставке сена лицом, у которого нет собственного на-

[1] Ср. ниже. От анā — определять что к чему, назначать. Словарь Э. К. Пекарского.

[2] См. выше.

[3] Действие это называется тŏркӱт (тŏккӱт). — Об этом обычае подробно говорится в этом же отделе в рубрике: «obligationes ex donatione»: тŏркӱт.

дела, может быть засвидетельствован Родовым Управлением. Отсутствие различия констатировано в записках по Дюпсюнскому улусу (Афанасьевы) только для настоящего времени; в старину большими правами пользовались лица, имеющие надел, что находит себе отголосок в теперешних выражениях: «мін ӧlбӯгālā̆х, тардылāх кісібін!»[1], имеющих целью возбудить доверие к платежной способности говорящего. Но в Мегинском улусе я почерпнул, однако, то важное указание (В. Я. Слепцов), что так как надел может быть отдан кредитору в уплату долга, то сделки Родовым Управлением охотнее свидетельствуются для лиц, имеющих надел, но очевидно, что здесь факт владения наделом обусловливает не правоспособность, а доверие к платежной способности лица. Несколько более важным является сообщение (В. Я. Слепцова) из того же улуса, что если в голодные годы дается кумалāн'ам[2] сено, то последнее не может быть ими отчуждаемо.

b) Правоспособность младших членов семьи: сыновей,

В простейшем случае неотделенный сын является лишь помощником отца в ведении домашнего и полевого хозяйства (α), но ему при этом может быть назначено уже отцом определенное имущество (β) или же он может быть специалистом (γ). Сообразно с этим и разгруппирован относящийся к вопросу материал.

α.

Не отделенные сыновья, помогающие отцам в ведении домашнего и полевого хозяйства, неправоспособны к самостоятельному заключению сделок. В этом смысле категорически высказались С. В. Слепцов и Афанасьевы, представители более удаленных от центра улусов, Баягантайского и Дюпсюнского. Афанасьевы при этом прибавили, что по иску отца обязательство может быть признано Родовым Управлением недействительным, с указанием даже контрагенту, чтобы тот не вступал на будущее время в подобные сделки с неотделенными сыновьями. Но родоначальник Баягантайского улуса (С. В. Слепцов) поясняет, что в отдельных случаях, с согласия отца, неотделенный сын может принять на себя обязательство, и после этого имущественная ответственность падает на общесемейное имущество.

Он же говорит далее, что, с согласия отца, неотделенный сын может вести обороты вообще (на отдельно от семьи приобретенный капитал), и при этом имущественная ответственность падает на оборотный капитал сына, а не на общесемейное имущество: Родовое Управление при этом принимает во внимание, что положение сына в семье, как ее младшего члена, известно всем, вступающим с таким лицом в сделку.

В числе калымных дач есть кӱтӱӧт кāсітā (подарок жениха; — см. этӯ же главу, отдел «obligationes ex donatione», а также главу о брачном и семейном праве). В Баягантайском улусе мне пояснили (С. В. Слепцов), что это дается родителям невесты «как бы от жениха», а не от его родителей. Здесь можно видеть указание на то, что жених должен иметь отдельную собственность, хотя он и не отделен вполне.

---

1 «У меня есть ӧlбӯгā (надел земли), я несу повинности!».

2 Бедняки, содержимые на счет родовой благотворительности.

Дееспособность признается за неотделенными сыновьями, и потому иск от них в суде во всяком случае будет принят.

β.

Есть семьи, где сыновья, холостые или женатые, имеют назначенное (анаммыт) уже им отцами имущество.

Здесь субъект живет на положении неотделенного сына во всем, что касается исполнения текущих хозяйственных дел. Относительно же специально назначенного таким лицам имущества они особых прав не приобретают. Таково общее мнение всех опрошенных лиц. В Мегинском улусе к этому прибавили (В. С. Слепцов), что сын может распорядиться по своему усмотрению назначенным ему имуществом только в том случае, если со стороны отца последовало, по его просьбе, специальное на то разрешение.

Родоначальники Дюпсюнского улуса, Афанасьевы, формулируют свой взгляд на дело так: относительно анаммыт ӱп[1] сын скорее решится обратиться к отцу с предложением пустить его в оборот, нежели относительно обще-семейного, а некоторые сыновья распоряжаются и сами, но согласие отца на сделку безусловно необходимо, чтобы Родовое Управление рассматривало сделку, как юридически защищенное отношение.

γ.

К числу специалистов следует отнести: в наибольшем числе — кузнецов (они же серебреники), за тем писарей, наконец, в наименьшем числе — шаманов, лекарей и сказочников.

Надо сделать общее замечание, что специалисты, естественно, стремятся выделиться как можно раньше из семьи, что им и удается большею частью. Но до отделения сына от семьи, отец, по сведениям из Баягантайского улуса (С. В. Слепцов), может требовать в общую кассу заработанные сыном деньги, даже может запретить сыну работать, ссылаясь на то, что он, отец, ничего не получил от заработков сына. В Мегинском улусе мне сообщили (В. Я. Слепцов), что отец распоряжается работою сына по своему усмотрению и всю плату за нее получает сам: в личное пользование сына ничего не поступает, независимо от того есть ли в семье еще сыновья (не специалисты) или их нет. Но, естественно, особое стремление к созданию собственной кассы сыновей-специалистов развивается только тогда (Баягантайский улус, С. В. Слепцов), когда в семье есть еще по крайней мере один сын — не специалист; в противном же случае заботиться об этом субъекту не представляется особой надобности, так как все равно он явится впоследствии наследником всего обще-семейного имущества. В Дюпсюнском улусе положение дела рисуют (Афанасьевы) так: если заработанная сумма значительна и в семье замечается нужда, то староста присудил бы по крайней мере половину суммы в пользу семьи, но мелкие деньги всегда отдал бы сыну. Отец, по мнению тех же лиц, всегда может своего неотделенного сына, хотя бы и специалиста, отдать в работу, даже домашнюю, и если сын запротестует, то Родовое Управление заставит сына исполнить требование отца. В заклю-

[1] Предназначенное для выдачи имущество.

чение приведу весьма важное — с точки зрения теории договорного права — сообщение С. В. Слепцова (Баягантайский улус). Согласно этому сообщению, если сын-специалист жил все время при отце и учился у него, то, без согласия отца, он не может даже и договариваться о работе и об ее условиях; но если сын выучился своему ремеслу вне отцовского дома и помимо него (напр. в г. Якутске), то договаривается с заказчиком сам и получает большее, нежели в других случаях, право на отдельное пользование заработком.

c) Правоспособность младших членов семьи: женщин.

Во всех обществах освобождение женщины из-под власти главы патриархальной семьи идет так медленно, что наличность значительной степени разложения патриархального строя у якутов весьма мало отразилась на положении якутской женщины. Говоря вообще, якутская женщина бесправна (хотя и пользуется иногда значительным фактическим влиянием в семье). Правда, мелкими принадлежностями туалета может распоряжаться даже не сговоренная девушка (Баягантайский улус, С. В. Слепцов).

Но даже завещанные дедом или другим лицом в пользу несговоренной девушки вещи должны находиться в распоряжении родителей (Мегинский улус, В. Я. Слепцов).

Сговоренная девушка решительно ничем не отличается от несговоренной, т. е. особых прав на свое приданое не имеет. Права эти и притом в эмбриональном состоянии, раскрываются лишь в обычае, по которому от имени невесты раздаются некоторым лицам подарки, когда она переезжает в дом жениха (подробности об этом см. ниже, в главе о брачном праве, в рубрике: «кы̄с сӯктӓр»).

Замужняя женщина по отношению к обще-семейному имуществу лишена каких бы то ни было юридических прав. Несколько расширяются права женщины на ее приданое. Под словом приданое я здесь разумею ту часть имущества, приносимого женщиною в дом мужа, которая носит название ӓнjӓ[1]. (Об этом имуществе вообще см. главу о брачном и семейном праве, в рубрике «отношение между калымом и приданым». Без справок в этой рубрике употребляемые здесь термины не будут понятны). По древним обычаям, впрочем, как сообщают Афанасьевы, приданое поступало в безграничное распоряжение мужа, как отплата за калым; да и теперь (Баягантайский улус, С. В. Слепцов) своим приданым женщина если и может распоряжаться, то не иначе, как по получении на каждый случай особого согласия со стороны мужа, так что (Дюпсюнский улус, Афанасьевы) при жалобе последнего в суд родовые власти запретят женщине отчуждать приданое.

Из общего имущества, входившего в состав ӓнjӓ в древнее время, только один раб, ӓнjӓ кулут[2], оставался всегда, по словам С. В. Слепцова, в распоряжении женщины, так что за женщиной признавалось право требовать к себе ӓнjӓ кулут'а даже в случаях расторжения брачного союза. Но допускается поручительство жены за мужа, при чем,

---

[1] Замечу, что значение этого слова более широкое: ӓнjӓ дается маленькой девочке, отдаваемой в чужую семью на воспитание, и в таком случае состоит большею частью из скота, иногда же к этому присоединяются деньги, одежда, посуда (из записей Э. К. Пекарского).

[2] Кулут — раб.

в случае несостоятельности последнего, взыскание обращается на приданое жены (Ботурусский улус, Э. К. Пекарский).

При отсутствии такого поручительства, т. е. если долги сделаны без ведома и согласия жены, на приданое жены не обращается (Мегинский улус, В. Я. Слепцов) взыскание мужниных долгов. В таких случаях, как выражается один из родоначальников (тот же В. Я. Слепцов), жена может не дать своего приданого на уплату таких долгов, а судьи не в праве ее заставить это сделать. За исключением этого случая, распоряжение приданым жены, как говорит В. Я. Слепцов, находится в руках мужа. В таком же положении, по словам В. Я. Слепцова, находится и имущество, полученное женою в качестве курга бājар[1]. По сообщению того же лица, ни при жизни женщины, ни после ее смерти, ее родные, ни при каких обстоятельствах, не имеют права требовать äнjä себе обратно. Ручаться за других женщина, по словам того же родоначальника, может не иначе, как с согласия мужа, но при этом поручительство жены берется только для предотвращения отказа жены уплатить долг в случае, если у семьи менее 28 штук скота[2].

По другим сведениям (Дюпсюнский улус, Афанасьевы), при поручительстве женщины, приданое ее не играет никакой роли: поручительство это служит гарантиею в том, что жена не имеет законных оснований протестовать против сделки, заключаемой мужем. Из дальнейших объяснений (Афанасьевых) можно заключить, что законными основаниями должно быть указание на то, что расход произведен не на общесемейные нужды. Именно утверждают, что долги, сделанные на покрытие этого характера надобностей, муж может платить и из äнjä даже против воли жены. В полном согласии с этим находится и указание (Мегинский улус, В. Я. Слепцов) на то, что приданое в полном распоряжении мужа лишь постольку, поскольку является необходимость употребить это имущество на общехозяйственные нужды.

Такое право распоряжаться приданым жены лишь оттеняет отсутствие этого права у последней, но, конечно, вполне согласимо с тем древним воззрением якутов, по которому, — как об этом упомянуто уже выше, со слов Афанасьевых, — было «грешно» продавать лучшие вещи из приданого семьи. При этом только-что названные родоначальники сообщают даже, что в старину на äнjä якуты смотрели, как на вещь священную; можно думать, поэтому, что приданое было некогда неотчуждаемою собственностью семьи (см. выше, рубрика: «правоспособность самостоятельных хозяев»). Очень характерно, во всяком случае, что здесь приписывается прежнему времени порядок, при котором приданое жены не могло быть употребляемо даже на общехозяйственные нужды.

Вопрос о праве женщины распоряжаться своим приданым освещается еще явлениями из области наследственного права, о чем мною будет сказано ниже, в соответствующем отделе. Там будут приведены факты, заставляющие также смотреть на äнjä, как на общесемейное достояние.

Но якутские женщины все же имеют и отдельную собственность. Все, что приносится женщиною в дом ее мужа под именем сäмсä, находится, во всяком случае, в полном ее

[1] Бājар — nomen praesentis от глагола бāі, — вязать, курга — дательный от слова кур — пояс. Все выражение: то, что привязывается к поясу. — Об этой части приданого — см. главу III: «Брак и родство».

[2] 1806 ст. X т. 2 ч. Св. Зак. изд. 1857 г.

распоряжении. Правда, нередко муж, пользуясь фактическим влиянием на жену, не слишком строго различает, при своих хозяйственных распоряжениях, то, что относится к сӓмсӓ, от имущества, вошедшего в состав ӓнjӓ. Случается это даже тогда, когда сӓмсӓ заключается в деньгах, хотя самую наличность такого сӓмсӓ легко и скрыть от мужа; тем легче мужу пустить сӓмсӓ в оборот, если оно заключается в скоте. Но юридическую природу сӓмсӓ сразу же выясняет сообщение С. В. Слепцова (Баягантайский улус), согласно которому сӓмсӓ, наравне с ӓнjӓ кулут'ом, женщина в древние времена могла требовать себе из общесемейного имущества по суду — как по смерти мужа, так даже в случае расторжения брачного союза.

Право женщины на полное распоряжение во всех случаях имуществом, принесенным ею в дом мужа в виде сӓмсӓ, констатируют и Афанасьевы (Дюпсюнский улус), прибавляя, что хотя и может состояться уплата долгов, сделанных на покрытие общесемейных нужд, из сӓмсӓ хозяйки дома, но не иначе, как по получении родовыми властями полного на то согласия женщины. Другие записи также свидетельствуют (В. Я. Слепцов, Мегинский улус) о праве женщины вести в свою пользу обороты на деньги, полученные от родителей в качестве сӓмсӓ. Мало того, один из родоначальников Баягантайского улуса, С. В. Слепцов, вполне допускает возможность заключения сделки о сӓмсӓ даже между женщиною и ее мужем, хотя и не мог припомнить таких случаев; при этом родоначальник этот пояснил, что кровные родственники женщины ни в коем случае не могут запретить ей приносить в дар ее сӓмсӓ мужу или предоставлять ему же право вести оборот на сӓмсӓ, хотя бы они и не доверяли мужу женщины.

Юридическое положение сӓмсӓ оттеняется тем констатированным мною лично (Ботурусский улус) фактом, что платье, входившее в ӓнjӓ (за исключением предметов первой необходимости), и украшения по смерти мужа не поступают к вдове обратно без завещания мужа, если вдова не пожелает остаться в доме свекра, — между тем как сӓмсӓ, по словам С. В. Слепцова, молодая вдова целиком уносит с собой, куда бы она ни ушла по смерти мужа. Но зато, кроме платья и украшений, муж может завещать жене своей и скот. Все имущество, переходящее ей по завещанию от мужа, составляет отдельную собственность вдовы. Кроме того, сӓмсӓ не входит в состав наследственной массы, — чего нельзя сказать об ӓнjӓ.

Таким образом, при вступлении во второй брак, женщина приносит в дом своего мужа, как отдельную собственность прежде всего сӓмсӓ, полученное ею из родительского имения при вступлении в первый брак, а кроме того — еще и имущество, перешедшее к ней по наследству от мужа (Баягантайский улус, С. В. Слепцов). Совокупность этого имущества составит также сӓмсӓ или, как чаще говорят об имуществе вдовы, вышедшей во второй раз замуж — сӓмсӓ ӱп[1] женщины.

д) Правоспособность вдов.

Пожилые женщины, лишаясь мужа, обыкновенно остаются на правах главы семьи (Мегинский улус — В. Я. Слепцов и Дюпсюнский — Афанасьевы). Но если умрет муж

[1] Ӱп — имущество.

молодой или средних лет женщины, то над имуществом малолетних или несовершеннолетних утверждается опека (институт этот, как кажется, целиком заимствован из русского права), которой и принадлежит главное и высшее наблюдение над ходом хозяйственных дел семьи (Баягантайский улус, С. В. Слепцов), а вдова, хотя бы она и сохранила в своих руках ближайшее заведывание хозяйством, без согласия опекунов не может распоряжаться даже своим приданым (Мегинский улус, В. Я. Слепцов). Само собою разумеется, что эти ограничения не имеют места по отношению к сӓмсӓ и к имуществу, оставленному умершим своей вдове в виде наследственной части (см. выше).

e) Ограничение правоспособности.

Я собирал сведения о трех случаях: ограничение за силою закона о 28 штуках скота (1306 ст. X т. 2 ч. Св. Зак. изд. 1857 года) (α), — вследствие лишения всех прав состояния по русским законам (β), — и по постановлению национального суда (γ).

α.

Хотя в новое издание 2 ч. X тома 1306 ст. и не вошла, но так как она в законадательном порядке отменена не была, то сохраняет свою силу и поныне.

В постановлении Баягантайской Инородной Управы 16 ноября 1892 года по делу Андросова с Белелюбским, читаем: «у него (Б—го).... скот и другое его имущество не превышает изъятых от описи на основании 1306 ст. X т. 2 ч. изд. 1857 г.», почему Управа полагает нужным «войти с ходатайством перед высшим начальством о разрешении продажи описанного у Белелюбского сена», а не скота, так как о продаже скота и просить нельзя (продажа описанного имущества всегда производится по закону не иначе, как с разрешения Областного Правления). Но Афанасьевы (Дюпсюнский улус) говорят, что в глазах инородческих властей указываемый закон никакого значения не имеет; по их энергичному выражению, «этим законом пользуются плуты и мошенники». Вообще — как констатирует В. Я. Слепцов (Мегинский улус), — в среде самих якутов указанная выше статья X тома никогда не принимается во внимание при совершении сделок, и, как по своему историческому происхождению, так и по современной практике этого закона, последний предназначен ограждать инородцев от эксплуатации со стороны русских. Но при решительном нежелании платить родовые власти побоятся (Мегинский улус, В. Я. Слепцов) обращать взыскание на скот, если его у должника менее 28 штук. В этом смысле высказался и родоначальник Баягантайского улуса (С. В. Слепцов), говоря, что в случае упорства должника Родовое Управление, без разрешения управы, арестовать скот при наличности менее, нежели 28 шт., не найдет возможным. Я, с своей стороны, полагаю, что и Управа не даст такого разрешения, раз ответчик пожелает и найдет в себе достаточно смелости и энергии, чтобы не платить долга.

β.

Точно так же якуты никакого внимания не обращают и на лишение всех прав состояния по решению коронного суда. Если бы пришлось заключить сделку на большую сумму, то это было бы оформлено путем замещения лишенного прав якута подставным лицом.

В одном из наслегов Якутского округа, по сообщению Афанасьевых, живет якут, лишенный всех прав состояния; это не мешает ему не только входить во всевозможные сделки, но и слыть в наслеге за «почетного человека» (этим названием определяется у якутов общественное положение человека, а не отношение к нему окружающих)...

γ.

В настоящем смысле слова объявления кого-либо, в силу решения национального суда, неправоспособным к совершению сделок не бывает. Но, руководствуясь законом, Родовое Управление публикует о вызове желающих взять в работу неисправного должника; само собою разумеется, что сделка с таким лицом не будет свидетельствоваться без того, чтобы при этом не был уплачен долг, за который субъект подлежит отдаче в работу. Мне не могли указать случаев, чтобы не принимались иски в Родовом Управлении или в Управе потому только, что ответчик объявлен лишенным права заключать сделки.

C. Формы договоров.

a) Формальные договоры.

α. «Stipulatio».

По категорическому указанию всех опрошенных родоначальников, для признания договора (понятно, одностороннего) действительно состоявшимся, Родовому Управлению достаточно констатировать, что одним из контрагентов был определенно поставлен другому известный вопрос и что на него был дан соответствующий ответ. С. В. Слепцов (Баягантайский улус) добавил даже, что в тех случаях, когда ответчик говорит: «ilī арāрбатым, тылбынан äрä äттім»[1], действительность договора не подвергается сомнению. В. Я. Слепцов (Мегинский улус), подтверждая такое значение вопроса и ответа для установления действительности сделки, указывает, что называют это действие тыл бäрīтä (дача слова), и приводит следующий ряд вопросов и ответов на этот случай». Сöп діäтің дуо?» — «Сöп» діäтім!»[2] «Тылгын біäрдің дуо?» — Тылбын біäрдім![3] «Бӱтӱстӱбӱт дуо?» — Бӱтӱстӱбӱт![4] «Туттуң дуо?» — Туттум![5] «Ылынның дуо?» — Ылынным![6] и т. д.

Установленных или даже застывших фраз и выражений у якутов на этот случай нет.

Указанное значение тыл бäрīтä вполне подтверждают Афанасьевы (Дюпсюнский улус).

---

1 «Рукобитья у нас не было: я только устно сказал».
2 «Ты сказал: «ладно?» — «Я сказал «ладно!»
3 «Ты дал слово?» — «Я дал слово!»
4 «Мы покончили?» — «Мы покончили!»
5 «Ты принял?» — «Я принял».
6 «Ты принял на себя?» — «Я принял на себя!»

β. Символические действия и торжественные (solemnia) слова.

Древнейшее из символических действий, — рукобитие, — очень хорошо известно якутам, пользуется широким распространением и обладает, в глазах якутов, большою силою, в качестве акта, придающего соглашению характер юридически-защищаемого отношения. Название этого действия — ilī охсусӯта, ilī арāрӹта[1]. Действие это производится так: договаривающиеся подают друг другу правые руки и в таком положении излагают сущность договора перед кем-нибудь (при возможности — перед родовым старшиной), кто при этом выслушивает сущность договора и, основательно вникнувши в него, разнимает руки своею правою рукой, становясь таким образом свидетелем состоявшейся сделки. Это значит — кісіäхä ilī арāрбыттара[2]. Но можно то же сделать, призывая свидетелем Бога или солнце; тогда говорят: таңараҕа[3] или кӱңңä[4] арāрбыттара. В последних двух случая надо тем или другим способом доказать, что рукобитие имело место.

Взгляд одного из пожилых родоначальников Дюпсюнского улуса. А. П. Афанасьева, придает якутскому «рукобитью» следующее толкование.

Вполне придающим характер защищенности родоначальник этот считает рукобитие только тогда, когда им закрепляется соглашение о переводе долга; при мелких сделках большее значение, нежели при крупных, но во всяком случае значение действия частного, а не юридического. По мнению А. П. Афанасьева, «если не было передачи денег, то при наличности рукобития все-таки нельзя безусловно обязать к исполнению договора».

Особняком стоит сведение из Баягантайского ул. Согласно этому сведению (С. В. Слепцов), кӱңңä или таңараҕа арāраллар имеет место в том случае, если сделка заключается между совершающими рукобитье лицами; если же кісіäхä арāраллар, то это значит, что обязательство одного из совершающих рукобитье пред другим передается лицу, разнимающему руки рукобитчиков. По моим личным наблюдениям, это — частные случаи.

Одному из опрошенных родоначальников, С. В. Слепцову, — человеку очень умному и довольно развитому, — я поставил вопрос: что он считает более древним установлением якутского права, — рукобитие или словесный договор? По мнению этого лица, рукобитие более раннего происхождения.

b) Реальные договоры.

Сила передачи вещи такова, с рассматриваемой точки зрения, что, по сообщению В. Я. Слепцова (Мегинский улус), бывали случаи насильственной дачи богачами беднякам денег для того, чтобы принудить к выполнению известного обязательства. В. Я. Слепцов к сказанному прибавляет, что принятие вещи обратно, т. е. отмена (в техническом смысле слова) договора, вполне зависит от воли передавшего, при заключении договора, вещь лица. Во взгляде другого родоначальника встречаемся со следующей очень характерной чертой

---

1 Охсусӯта — взаимное битье, арāрӹта — разнимание, разъединение.

2 «Перед человеком руки розняли».

3 «Перед Богом (небом)». Дательный от таңара — небо и божество.

4 «Перед солнцем». Дательный от кӱн — солнце.

(С. В. Слепцов, Баягантайский улус). При заключении договора мены и купли-продажи (которая у якутов подходит все-таки ближе к permutatio, нежели к venditio emptio, а потому относится к договорам реальным, а не консенсуальным) возвращение полученной вещи ни в каком случае не допускается; при подрядах же (которые следует, вероятно, рассматривать, как заем, mutuum), возвращение взятой вещи допускается.

Я думаю, что это обстоятельство находит свое объяснение в том факте, что заем до сих пор еще сохранил на себе следы поддержки, которую при патриархальном строе родовой старейшина оказывал своим сородичам; это-то обстоятельство и заставляет иногда богачей брать назад вещь, выданную ими бедняку под подряд, — даже в ущерб собственным материальным интересам. В Дюпсюнском улусе (Афанасьевы) передаче вещи отводят особенно важное значение в качестве обстоятельства, придающего соглашению характер юридической защищенности.

c) Litteralis.

Якутам известны хабала (обыкновенная расписка) и äрiгiäс или äрiäс («реестр» — книги для записи должников).

Первая, по сообщению всех опрошенных лиц, имеет безусловное значение в рассматриваемом смысле.

Относительно äрiгiäс'а мнения расходятся.

По сведениям из Мегинского улуса (В. Я. Слепцов), так как, строго говоря, и по хабала взыскание по закону производить нельзя (§ 29 прилож. к 38 ст. Полож. об Инородцах изд. 1892 г.), то хабала и äрiгiäс в одном положении; но и тут указывается, что с менее благонадежных берут хабала кроме записи в äрiгiäс. В Баягантайском улусе (С. В. Слепцов) безусловно доказательную силу äрiгiäс имеет только тогда, когда при записи указаны свидетели сделки, в противном случае — «тутан бiäрiäхтäрä суоҕа»[1].

Наконец, в Дюпсюнском улусе äрiгiäс'у, по моим сведениям (Афанасьевы), никакого значения не придают.

Хабала и äрiгiäс могут служить per se доказательством состоявшегося соглашения, т. е. даже тогда, когда не указано в них, получено ли что-нибудь и что именно берущим на себя обязательство от лица, на имя которого значится запись. Но иногда значение их подчиненное: они свидетельствуют о том, что между договаривающимися был заключен договор r e (как в римских nomina arcaria).

По сообщению, записанному мною в Дюпсюнском улусе (Афанасьевы), в древние времена договор закреплялся деланием зарубок на дереве — «тïккä кäрдäн кäбiсälläрä»: «не выполнивший после этого лежащего на нем обязательства почитался бы извергом, — лучше умер бы, чем не исполнил» (подлинные слова родоначальников Дюпсюнского улуса Афанасьевых).

d) Консенсуальные договоры.

Известны ли якутам консенсуальные договоры или нет, — по этому вопросу я никак не решаюсь высказаться категорически.

---

[1] Т. е. не приведут насильственным образом приговор в исполнение (против воли ответчика). Подробности см. главу: «судопроизводство», рубрики: «решение» и «приведение решения в исполнение».

Передам лишь свои соображения.

Только двусторонние договоры дают начало развитию договоров консенсуальных. А двусторонние договоры хорошо известны якутам. Формализм в якутском договорном праве проявляется сравнительно нерезко, не в слишком строгих чертах. Поэтому не всегда легко различить, где форма действия придает соглашению юридический характер и где она только служит доказательством того, что соглашение состоялось.

Премеры: состоялось соглашение, что А должен передать через месяц В 5 рублей, а спустя еще один месяц — В должен передать А пару выделанных оленьих шкур. Проходит 1-й месяц, и В отказывается принять от А 5 рублей, а вместе с тем и передать через 1 месяц пару шкур. А ссылается на то, что у них было рукобитье, — и суд обязывает В деньги от А принять и шкуры в свое время ему передать. Спрашивается, из рукобития или из соглашения, которое свидетельствуется рукобитием, вытекла для В такая обязанность?

Представим себе, что в приведенном примере не имело место рукобитие, не было налицо письменного условия и дачи слова (тыл бäрīтä[1]). А г е по самым условиям сделки она не могла быть заключена. Представим себе далее, что А доказал бы перед судом, что В, несмотря на все это, во время переговоров вел себя, как человек вполне согласившийся на эту сделку, и что каждый посторонний мог это поведение понимать именно так. Спрашивается, как отнесся бы суд к отказу В выполнить обязательство? По показанию родоначальника В. Я. Слепцова, представителя ближайшего к Якутску улуса Мегинского, родовые власти при этих условиях положительно выскажутся за обязание В выполнить всецело договор с А. В том же смысле выразился и молодой якут Баягантайского улуса, Н. С. Слепцов. Но родоначальники отдаленных улусов, Дюпсюнского и Баягантайского, говорят не то, а именно: второго — что тутан біäріäхтäрä суоḑа[2], и лишь ӯрӯ ӯруохтара[3], что прикажут В возместить убытки А, по поводу чего произойдет ӯрӯ ӯрар[3], и общественное мнение будет целиком против В, но власти не заставят В выполнить и лишь ӯрӯ ӯруохтара[4] (С. В. Слепцов), а первого — что доказанность одного лишь соглашения, без соблюдения формальностей и письменных свидетельств, не придает возникшему отношению силы юридического обязательства, нарушение же такого соглашения 1) сильно карается общественным мнением и 2) открывает для противной стороны право иска об убытках.

Виды обязательств.

а) ex delictu.

Относящееся сюда сгруппировано мною ниже, — вместе с материалом, касающимся выкупа за преступления, — в главе об уголовном праве, под рубрикою «compositio».

---

1 См. стр. 140.
2 См. примечание к стр. 142.
3 См. главу: «судопроизводство», рубрики: «решение» и «приведение решения в исполнение».
4 «Положат решение».

b) ex contractu.

Все это заносилось в записи, и незначительная только часть попадала в «ответы выдающихся родоначальников». Мне важно было извлечь указания на наличность в якутском обычном праве видов обязательств из самой жизни, например записей в книгах словесных жалоб при родовых управлениях и инородных управах, не полагаясь на перечисление видов обязательств хотя бы и очень толковыми и даже интеллигентными родоначальниками. В настоящем труде я задался целью — свести в одно целое их ответы и дать канву для полной обработки собранного материала по всем вопросам программы. Поэтому в этой первой сводке моих материалов рубрику «виды обязательств: ex contractu» я оставляю совершенно незаполненной.

c) ex donatione.

На этот вид обязательств по якутскому обычному праву я должен обратить особенное внимание. Во всех случаях установления obligationum ex donatione якут прибегает к принесению дара лицу, на которое желает наложить обязательство. Зимою бедный якут отправляется к своему богатому родственнику или просто соседу и приносит ему в дар, положим, тушу мяса и обязывает этим дарополучателя к отплате дара вдвое-втрое, маскируя таким путем требование помощи. Очевидно, какое важное значение для характеристики якутского обычного права имеют эти обычаи и с каким вниманием следует отнестись к описанию этого вида якутских договоров, чтобы на них остановиться с подробностью. Я постараюсь, кроме возможно детального описания фактов и явлений, дать и некоторую оценку их с точки зрения учения о первобытных правовых учреждениях.

Если по справедливости obligationes ex delictu являются в глазах юриста-социолога принадлежностью древнего права, то еще более седою стариною веет от того комплекса юридических отношений, которые охватывают собою обязательства, вытекающие из одаривания. По аналогии с терминами: obligatio ex delictu, obligatio ex contractu рассматриваемые здесь обязательства следует назвать obligatio ex donatione.

По смыслу предлагаемого термина обязательство возникает в момент одаривания лица, которое является в глазах Суда носителем обязательства. Здесь это лицо несет на себе известное обязательство не потому, что оно добровольно связало себя некоторым контрактом, — не потому, что совершило тот или другой деликт: ему была предложена в виде дара известная вещь, от которой оно не имело права отказаться, и такое лицо несет на себе обязательство по отношению к дарителю, — obligatio в истинном смысле этого слова, потому что против него, — в случае неисполнения им возложенного на него обязательства, — открывается для дарителя иск.

Конечно, рассматриваемые явления совершаются там, где «закон» и «обычай» еще недостаточно обособились. В одном частном случае являются все признаки юридического отношения организованно-защищенного, но в других случаях это — лишь обычай, защиту которого берет на себя общественное мнение. С другой стороны, здесь иногда видно возникновение обязательства, от принятия которого дарополучатель охотно отказался бы, —

иногда же последний добивается получения некоторой вещи, пользуясь именно наличностью рассматриваемого вида договоров в данной правовой системе. Наконец, с третьей стороны, в одних случаях дело сводится к пользованию примитивною формою для реализации более развитых отношений, — в других случаях еще более древние отношения проступают наружу сквозь этот примитивный прием наложения обязательств. Одним словом, здесь вырабатываются новые отношения и новые для них формы, в которых старые отношения превращаются в более сложные. «Древний закон и современный обычай» — таково заглавие труда одного из современных юристов-мыслителей, проф. М. М. Ковалевского. Смысл этого выражения в том, что бывшее некогда законом, с течением времени, получает значение только обычая. Как мне кажется, с известным правом можно было бы употребить и выражение: «Древний обычай и современный закон» в том смысле, что не нуждавшееся когда-то в организованной защите получает впоследствии в глазах народа значение правовой нормы. Происходит это оттого, что требование, имевшее лишь относительное значение в жизни народа, постепенно приобретало в его глазах все большую реальную ценность, или еще оттого, что не только содержание, но и форма следует в своем развитии известным законам...

Вообще можно считать, что ростовщичество — одно из первоначальных явлений в жизни человеческих обществ. Известный русский социолог, И. М. Кулишер, посвятил этому явлению специальное исследование: «Ростовщики и ростовщичество». Знаменитый английский юрист-философ, сэр Генри С. Мэн, факт задолженности низших слоев населения высшим сделал отправным пунктом для многих важных обобщений в области развития политических учреждений и даже такого крупного исторического явления, как феодализм. Сюда же, без сомнения, примыкает и тот комплекс описываемых первобытно-правовых отношений (obligationes ex donatione), по которому обязательство платить «рост» можно наложить на человека мимо его желания и не только на того, кто нуждается в чем либо и прибегает к договору займа. Якут обязан возвратить скотину с удоем (хаса̄с) и приплодом тому из своих соплеменников, который вздумает подарить ему эту скотину, и должен это сделать, независимо от того, желал ли он получить в дар эту скотину или не желал.

Но есть особенности той сферы отношений, которые охватывают собою obligationes ex donatione, так как в некоторых случаях обмен подарками делается в целях закрепления дружеских отношений, хотя и имеет своим побочным результатом обогащение одного контрагента на счет другого.

Нужно при этом помнить, что развитие обмена шло параллельно с установлением мирных сношений между враждовавшими и даже истреблявшими друг друга родами, чтобы оценить все глубокое значение obligationum ex donatione с точки зрения юриста-социолога.

Затем, ошибочно было бы думать, что в этой сфере отношений всегда выигрывающей стороной является экономически более сильный, — как это мы видим во всех других видах ростовщичества. Можно сказать, что, наоборот, здесь чаще бедный обогащается на счет своего более обеспеченного соплеменника. И это объясняется тем, что у якутов еще сохранился взгляд на экономически более сильных соплеменников, как на естественных

защитников и покровителей всего рода. Сообразно с этим ссуда и заем рассматривается якутами как поддержка богатыми бедных, и если общественное мнение якутов осуждает раздачу ссуд и займов за пределами родовой группы, то в этом нельзя не видеть отголоска того настроения, которым создаётся «право предпочтительной покупки» и «право родового выкупа» — институтов хорошо знакомых исследователям древнейших правовых систем. На том же основании мы не высказываем удивления, если приходится констатировать, что в громадном большинстве случаев властью родовых старейшин облекаются якутами лица выдающегося материального достатка. Не только судить и управлять должен тојон: «хорош» в глазах якутов тот человек, который вместе с качествами судьи и администратора имеет еще и материальную возможность поддерживать «своих людей» ссудами и займами. Но заем и ссуда не единственные формы материальной поддержки, которую может оказать «хороший» человек «черному» человеку. Чтобы обеспечить себе такую поддержку, якуту достаточно принести своему соплеменнику нечто в дар, — коня, корову, тушу мяса с четвертью водки, продукт своего специального промысла. Разумеется этою формою поддержки пользуются не только лица материально обеспеченные, но и очень бедный якут едет с «подарком» и «гостинцем» к богатому своему сородичу. Однако, нередки случаи, когда едет «гостить» и обладатель 50 штук скота к владельцу 200 штук, с целью получить взамен подносимого несравненное большую ценность. Что дело здесь сводится именно к родственной поддержке впавших в материальную нужду или находящихся во временном материальном затруднении, — это видно из многих данных. Один из выдающихся родоначальников дал мне сведение, что с приезжающими к нему «гостить» бедными родственниками он входит в сделку: подарка не принимает, а просто дарит приехавшему 3, 5, 10 руб. деньгами. Другие родоначальники сообщали мне, что к «гощению» прибегают именно «для поправления обстоятельств».

Таково значение и таков смысл obligationum ex donatione, как об этом можно заключить из фактов обычно-правовой жизни якутов.

Приготовляя настоящую статью к печати, я пересмотрел все карточки своей якутской библиографии, где собрано около 2000 записей, и не встретил ни одного названия, по которому можно было бы заключить, что системе obligationes ex donatione был когда либо посвящен особый трактат. Это объясняется, может-быть, тем, что внимание случайных наблюдателей останавливали на себе более яркие с внешней стороны явления якутской жизни, — как верования, свадебные обряды и т. п.

Но у отдельных авторов о «подарках» упоминается. Так В. Л. Серошевский пишет («Якуты», 1, 577): «без ведома домашних она» (молодая женщина) «не смеет принимать даже от пожилых мужчин подарков и не смеет им дарить что-либо. Характерно это ограничение подарков, которые вообще так любят и уважают якуты». В других местах своей книги этот автор говорит не мало (стр. 455, 544, 545, 551, 558) «о подарках» при свадебных торжествах, но сообщения его не отличаются ни полнотою, ни научною точностью, а явления, которые можно считать установленными, не классифицированы на основе научных принципов. В частности замечу, что перевод якутских слов и текстов у автора переполнен грубыми ошибками, а правописание их далеко от научного (т. е. Бетлингковского). В этих отношениях В. Л. Серошевский так погрешает, что даже хорошо знающие

быт якутов лица затрудняются «исправить» автора. В своем труде «Верхоянские якуты и их экономическое положение» (Изв. В.-Сиб. Отдела И. Р. Г. Общ. т. XXV, №№ 4 и 5) мой товарищ по экспедиции, С. Ф. Ковалик, говорит об обрядах при угощении гостей (стр. 33) и об обычае «гощения» (стр. 45). Из случайных заметок укажу на «Письма с дороги» (Восточное Обозрение 1892 г., № 50), где сближается маньчжурское слово «бэлэк» с якутским бӓlӓх. Наконец, в «Сборнике обычного права сибирских инородцев», представляющем перепечатку проф. Самоквасовым рукописи 1820-х годов о юридических обычаях инородцев, записанных самими инородцами, — в описании обычаев якутов имеется особый параграф о «подарках» (бӓlӓх), откуда видно, что якуты ясно понимают обязательственный характер «подарков».

Таким образом, настоящая глава моего труда является, кажется, первою монографиею об obligationes ex donatione, имеющих в обычном праве якутов пять видов:

I. Бӓlӓхтī — поднесение подарка с правом получить отдарок той же ценности.

II. Соболоҥ — отплата за посещение: якут своим посещением в известных случаях обязывает того, к кому он приехал, отплатить за посещение подарком.

III. Тӧркӯт — особо интересный вид: молодая едет с подарками к своим родственникам и получает право на отдарок в бо́льшем размере по сравнению с привезенным.

IV. Кӓсīlӓнӓн — поездка с кӓсī (подношение) в дом к знакомому или родственнику, на которого желают наложить обязательство — уплатить больше привезенного.

V. Ыаллы̄ — поездка, отличающаяся от предыдущей (кӓсīlӓнӓн) большею солидностью мотивов.

Постараюсь дать детальное описание каждого из этих видов obligationum ex donatione в системе обычно-правовых воззрений якутов.

α) Бӓlӓх.

Бӓlӓх ближе других видов якутских подношений подходит к понятию о подарке развитых правовых систем. Предметом дарения служит скот, одежда, какие-нибудь редкие или диковинные вещи.

В некоторых случаях отдарка не ждут. Так, при торжествах, сопровождающих переезд в дом свекра (кыс сӯктӓр), обязательны бӓlӓх'и со стороны самой молодой той женщине, которая стелет вечером постель для молодых, затем посаженной матери (іјӓ бӯолӓччы), — шаману и некоторым другим лицам, играющим роль на свадьбе, — и подарки эти никогда не вызывают отдарков.

С другой стороны случается, что получивший бӓlӓх при особых обстоятельствах и не думает отдаривать. Тогда могут говорить, что получивший подарок скуп, что он воспользовался добротой дарителя и т. д.; но общественное мнение не может побудить дароприемателя вознаградить чем-нибудь дарителя, и во всяком случае для последнего против первого нет иска.

Но когда бӓlӓх отдаривается, то это производится всегда без %% и даже — без соображения со стоимостью подаренной вещи (Мегинский улус, сообщение родоначальника В. Я. Слепцова). Получив, например, коня, можно отдарить и конем лучшего качества,

но можно ограничиться поднесением дарителю и ведра водки, и на этом обмен подарками оканчивается.

Впрочем, есть случаи, когда bālāx непременно вызывает отдарки. Так, например, на торжествах, сопровождающих первое официальное посещение женихом с поезжанами дома его будущего тестя (тӯсā барар), bālāx'и раздаются родителями невесты поезжанам жениха, хотя необязательны для родителей невесты. Подарки эти подлежат оплате при следующем акте свадебного обряда, переезде молодой в дом свекра.

Впрочём, относительно последнего случая я должен заметить, что здесь трудно отличить bālāx от соболоң'а, и разбором этого я займусь в следующей рубрике.

Но в моем распоряжении имеются сведения, рисующие bālāxтī[1] именно как один из видов obligationum ex donatione. Родоначальники Дюпсюнского улуса, П. А. Афанасьев и его отец, мне сообщали, что в их местности бедные всегда взыскивают отдарки за bālāx'и, — и суд в иске редко отказывает, особенно в тех случаях, когда bālāx дан «по неотступной просьбе» или даже был взят, несмотря на видимое нежелание дарителя — расстаться с выпрашиваемою вещью. Такой способ приобретения называется кӧрдӱӧн ылар. Если было в подарок выпрошено, как bālāx, что-либо особенно понравившееся, — например лошадь с выдающимся ходом, замысловатой работы седло и т. п., — то, при предъявлении иска в суд, последний не может присудить больше стоимости полученного как bālāx. Но общественное мнение на стороне такого порядка, чтобы за «выпрошенное» возвращалось вдвое и даже втрое больше. Итак, ни %%, ни приплода или хасāс'а, т. е. годового количества молочных скопов от скотины, взыскивать по суду за bālāx нельзя.

Богатые не станут обращаться в суд со взысканием за bālāx, хотя в душе и очень желают всегда получить отдарок.

Наконец, по словам родоначальников, отказы от принятия bālāx'ов нередки и происходят даже чаще, чем отказы от кāсī и ылаllы̄ (см. ниже), а это доказывает, что на поднесение bālāx-а во всяком случае якуты смотрят, как на акт, налагающий известные обязательства юридического характера на получающего bālāx.

β) Соболоң.

Этим именем называется и тот вид bālāx'а, который дается в виде благодарности за посещение хозяином дома гостю, даже не принесшему с собою никакого подарка. Слово соболоң означает труд, произведенная работа, усталость. Говорят: атах соболоңо — вознаграждение за усталость ног. Родоначальник Мегинского улуса, В. Я. Слепцов, выразился так: в случае поднесения соболоң-а дают, в сущности, подарок за почет (āттыкка bālāx biāрāр кāріāтā — в роде подарка на горном перевале). Если соболоң дают не за самое посещение, то за ту услугу, которую оказывает гость, — например, за сообщение важного известия. Тем же словом соболоң называется вознаграждение некоторым должностным лицам за посещение тяжущихся, исполнение приговора и т. п.

---

[1] Bālāxтī — nomen actiones от bālāxтā (поднести bālāx), — глагола, произведенного от существительного bālāx.

Интереснее вид соболоҥ'а при свадебных торжествах: при первом официальном посещении жениха с его поезжанами дома его будущего тестя (тӯса̄ барар) и при переезде молодой в дом ее свекра (кы̄с сӯкта̄р).

В первом случае родители невесты одаривают поезжан жениха за то, что они «трудили свои ноги», совершая путь до дома невесты. Отплата этого соболоҥ'а производится получившими его при следующем акте свадебного обряда, — при переезде молодой в дом свекра, — и должна быть вдвое больше полученного. Если бы кто-нибудь из получивших при посещении дома невесты соболоҥ не явился на торжества при переезде невесты в дом свекра, то для родителей невесты во всяком случае открыт против таких лиц иск, как о том сообщала мне интеллигентная якутка М. Н. Ионова.

Во втором случае, — при переезде молодой в дом свекра (кы̄с сӯкта̄р), — естественно, соболоҥ дается родителями мужа поезжанам молодой: «хозяева» оплачивают своих «гостей» за то, что последние «трудили» свои ноги, сопровождая молодую от дома родителей до места нового ее жительства. Отплата полученного во время совершения этого акта соболоҥ'а производится молодой получившими соболоҥ при посещении их молодою тӧркӯттӯ. Подробно об этом действии я буду говорить в следующей рубрике. Пока же скажу, что, по словам родоначальника Мегинского улуса, В. Я. Слепцова, против лиц, получивших соболоҥ, но не принимающих молодую тӧркӯттӯ, агнаты молодой имеют право иска.

Давая «подарки» на свадьбе, — как при первом официальном посещении женихом дома его будущего тестя, так и при переезде молодой в дом свекра, — иногда спрашивают, желает ли получающий отплатить этот подарок или не желает, и в первом случае дают больше. Например, на одной и той же свадьбе соболоҥ без отдачи — две лисицы, а с отдачею — конь, за которого нужно впоследствии возвратить 10 штук скота. Жена выдающегося родоначальника Баягантайского улуса, Васса Слепцова, пояснила, что вместо соболоҥ'а можно давать ба̄ла̄х, т. е. гораздо меньшего размера подарок, нежели соболоҥ, предупреждая, что к дарополучателю молодая тӧркӯттӯ уже не поедет. Родоначальники Дюпсюнского улуса, П. А. и А. П. Афанасьевы, говорят, что подобного характера вопросов не ставят тем, кто одаривается на свадьбе, и подобного рода заявлений им не делают, но размер предлагаемого подарка сам по себе указывает, что в одном случае ждут отдарка, а в другом его не ждут. При этом, по показанию тех же лиц, давая гостю небольшой подарок, предупреждают берущего, — чтобы он не обижался, — что этот подарок без отдарка. Далее, по словам родоначальника Мегинского улуса, В. Я. Слепцова, на свадьбе можно предупреждать не о том, что за подарок будет взыскиваться отдарок, — т. е. что подносимое соболоҥ, а не ба̄ла̄х, — а наоборот: предупреждение имеет место в том случае, когда даритель не намерен впоследствии взыскивать отдарок. Этим, — по В. Я. Слепцову, и определяется, следует ли назвать подарок ба̄ла̄х-ом или соболоҥ-ом: первый — без обязательного отдарка, второй — не иначе, как с отдарком. Очень характерно разъяснял мне различие между ба̄ла̄х'ом и соболоҥ'ом родоначальник Баягантайского улуса, С. В. Слепцов. Разница здесь заключается в том, что ба̄ла̄х ничем не вызван со стороны дароприниматея и потому ни к чему его не обязывает, — соболоҥ же является отплатою за обязательство, уже наложенное на даротеля тем фактом, что дароприниматель «трудил»

свои ноги, и в свою очередь налагает на дароприниматедя обязательство — отплатить за полученный в виде соболоӊ'а подарок.

В подгороднем Восточно-Кангаласском улусе соболоӊ дают деньгами, и деньги эти возвращаются получившими дарителю с %% — обыкновенно 30 %. На свадьбе И. Г. Соловьева отцом его, Герасимом (в то время — вторым после Лепчикова богачем Якутского округа), были розданы деньги в виде соболоӊ'а — по 100, по 50, по 10 рублей, и Герасим сам присылал после сказать получившим этот соболоӊ, что через год будет принимать подаренные деньги с %%. Так передавал мне свящ. Инн. Неустроев.

Но и в тех местностях Якутского округа, где натуральное хозяйство сохранилось, соболоӊ в настоящее время большею частью состоит из денег и очень редко из пушнины. Отплата производится в большинстве случаев деньгами.

Следует заметить, что соболоӊ дается именно поезжанам, т. е. лицам, которые приглашены, — по якутски: «позваны». При приезде в дом родителей невесты, родители жениха сообщают хозяевам дома, кто из приехавших с ними их ыӊырӹлāх'и, — точно так же, как при приезде поезда молодой в дом ее свекра ее родители сообщают родителям мужа, кто из приехавших с ними их ыӊырӹлāх'и. Это предосторожность, необходимая в виду того, что в поезде обыкновенно участвует и масса посторонних лиц, которых хозяева могут угощать и одаривать, как обыкновенных гостей. По большей части даже в условия брачного договора входит, сколько именно лиц и кто именно будет угощаться и одариваться на свадебных пиршествах со стороны жениха — в доме его будущего тестя и в доме мужа — со стороны молодой.

Как видно из изложенного, соболоӊ налагается, как обязательство, на лицо, принявшее не дар, а посещение. Хотя и с пустыми руками являясь в дом знакомого, чтобы оказать ему честь своим посещением или с другою целью, направленною к пользе и выгоде посещаемого, гость уже тем самым налагает на хозяина обязательство отплатить за «труд» ног. Этим соболоӊ резко отличается от других видов якутских obligationum ex donatione.

Такое значение соболоӊ'а находит себе подтверждение в категорическом утверждении М. Н. Ионовой, что при первом посещении женихом дома родителей его невесты с его стороны, как и со стороны поезжан и родителей никому никаких подарков не полагается: эти все лица сами приехали, сами «трудили» свои ноги, — им некому давать соболоӊ и, наоборот, некого отплачивать за труд ног: они сами в праве получить таковую отплату.

γ) Тӧркӱт (или тӧккӱт).

Это есть частный случай поездки ыаллӹ, о которой будет речь в следующей рубрике; с другой стороны, вместо: «поехала тӧккӱттӱ»[1] — можно сказать: «поехала с кäсï» (см. следующую рубрику). Из сравнения понятий о соболоӊ'е и бäläх'е было видно, что существо обычаев едва уловимыми переходами превращается, в уме первобытного человека, из одного в другое, и не мало затруднений представляет точно формулировать содержание обычая, который с научным основанием можно назвать юридическим.

[1] Тӧккӱттӱ — 5-е деепричастие от глагола тӧккӱттā, который в свою очередь происходит от существительного тӧккӱт и означает: ездить с тӧккӱт'ом.

Тӧркӯт состоит в том, что молодая является с подарком (всегда — съестное) к своим старшим кровным родственникам или вообще известным лицам рода, из которого она вышла, и получает взамен раза в два или в три больше привезенного, — обыкновенно скотом.

Молодая обыкновенно едет с тӧркӯт'ом к тем из своих кровных родственников, которые были одарены соболоӈ'ом при переезде ее в дом мужа. Этот соболоӈ раздается родителями мужа и притом не только родственникам молодой, приехавшим с ней, но и посторонним лицам, хотя во всяком случае — ыӈырӹла̄х'ам, т. е. приглашенным к ним со стороны родителей молодой. К тем же из лиц, которые получили не соболоӈ, а ба̄ла̄х, естественно ехать с тӧркӯт'ом молодая не может.

Мне не раз приходилось слышать, что она едет с тӧркӯт'ом лишь по рождении первенца, но оказывается, что ехать с тӧркӯт'ом она может во всякое время, а к своим родителям — лишь только по рождении у нее ребенка.

Хотя в Мегинском улусе обычай ехать с тӧркӯт'ом выводится, но, как общее правило, с ним можно ехать лишь к тому, кто при переезде молодой в дом свекра получил соболоӈ. Это требование якутского обычного права не имеет характера чего-либо абсолютного, так как дело в том, что по существу своему поездка с тӧркӯт'ом есть прикрашенное требованиями обычая напоминание о желательности помощи молодой семье со стороны членов рода, из которого вышла женщина. Якутка с выходом замуж утрачивает почти всякую материальную связь со своим родом, и поездка с тӧркӯт'ом — последний акт, в котором проявляется эта связь. Отсюда два следствия. С одной стороны, ездить с тӧркӯт'ом можно и не один, а два и даже три раза, если женщина бедна, а родственник, к которому она ездит, богат. Но с другой стороны нередки случаи, когда молодая едет с тӧркӯт'ом и к родственнику, не получившему соболоӈ'а при ее переезде в дом свекра, лишь бы женщина была бедна, а родственник богат. Ясно, что значение поездки молодой с подарком — получение помощи по случаю ее перехода в состав другого рода и что общие признаки obligationum ex donatione якутского обычного права претерпевают здесь соответствующие изменения.

Есть еще одна сторона в обычае поездки с тӧркӯт'ом, заслуживающая особого внимания с точки зрения юриста-социолога. По словам Афанасьевых, если молодая не ездила с тӧркӯт'ом к отделенному брату, то по смерти отца может к нему поехать, как к получившему от покойного наследство (замужняя дочь не наследница). Очевидно, Афанасьевы имеют в виду случай поездки к брату, не получившему в свое время соболоӈ'а, так как к получившему таковой она ездила и до смерти отца. Но, по словам тех же лиц, женщина не может поехать с тӧркӯт'ом к своему младшему брату, который был не отделен в момент ее переезда в дом свекра, — не может ехать после его отделения от отца или после вступления его в права наследства по смерти отца. Конечно, здесь сказывается убеждение якутов в том, что имущество принадлежит семье, а не лицу, стоящему во главе ее. Из этого можно заключить, что поездка с тӧркӯт'ом является покушением на семейное имущество и что при посредстве тӧркӯт'а женщина выбирает из последнего то, что еще возможно.

Но и это положение не имеет характера чего-либо абсолютного, потому что после отделения младшего брата или получения им наследства после смерти отца молодая едет

к нему с тӧркӳт'ом как бы потому, что, уйдя из дому, она лишилась возможности воспользоваться имуществом отца. Здесь возможен расчет, что в момент ухода молодой в замужество имущество семьи определялось суммою в 1.000 руб., например, и, явившись в свое время к отцу с тӧркӳт'ом, молодая получила то, что полагалось с этого именно имущества. Но ко времени, когда оно перешло в руки младшего брата и возросло, скажем, до 2.000 руб., на этом основании молодая, пользуясь случаем перехода имущества в другие руки, предъявляет как бы права на его рост, происшедший от естественных причин.

Кажущееся противоречие этим устраняется. Сущность права молодой на долю семейного имущества после ухода ее в чужой род и после окончательного, повидимому, расчета между родами за женщину остается признанным, и различие лишь в том, что́ считают семейным имуществом в том и другом случае.

δ) Кӓсīlӓнӓн.

Кӓсī — название того, что приносится в дар и может быть предложено одним якутом другому при всяких обстоятельствах, как высшим низшему, так и низшим — высшему. Ездить же кӓсīlӓнӓн (1-е деепричастие от глагола кӓсīlӓн, произведенного от кӓсī), вообще говоря, значит поехать к кому-нибудь со специальной целью поднесения кӓсī, что допустимо только для низших по отношению к высшим.

По записанному мною сообщению моего товарища по Сибиряковской экспедиции, В. М. Ионова, кӓсī — всегда съестное, но по сообщению родоначальника (Баягантайского улуса), С. В. Слепцова, кӓсī может быть и не съестное. Родоначальники Дюпсюнского улуса, Афанасьевы, пояснили, что вообще говоря, кӓсī — съестное, но можно вместо съестного дать даже деньги, непременно при этом оговорившись, что съестного в данный момент у дающего нет (ас оннугар харчы бiӓрӓбiн — вместо пищи даю деньги).

Кӓсī вызывает отдарок, и на этом хотя отношения прекращаются, но отдарок должен быть больше подарка и может быть требуем по суду. Но тот, кому подносят кӓсī, может и не принять его. А. П. Афанасьев мне говорил, что всегда отказывается от кӓсī бедных родственников и дает им по 2, 3 или 5 рублей, не принимая кӓсī, но от кӓсī, подносимого богатыми родственниками, отказываться неловко, так как это — просто кӓсī, притом же богатые к бедным не ездят... Вообще, кӓсī при кӓсīlӓнӓн дается всегда хозяину приехавшим к нему тотчас по приезде в гости лицом. Отплата должна быть произведена немедленно, а если у хозяина нет подходящей для этого вещи, то не позже утра следующего дня он должен сказать, что отплатить за кӓсī ему нечем, и он сделает это впоследствии.

Сюда я должен внести поправку М. Н. Ионовой, что мясо, которое получается родителями невесты от родителей жениха при первом посещении им дома будущего тестя, — мясо это, называемое курум, — тут же раздается, как кӓсī, их родственникам, чем последние обязываются помочь родителям невесты при снаряжении ее в дом ее свекра. Акт этот носит название: «скармливание курум'а» (курум сiӓтӓр) и считается «угощением с почтением» (кӳндӳlӳр).

Из выше приведенного сообщения Афанасьевых видно, что кäсīлäнäн можно ездить и не к родственникам. Так, купивший сено приносит кäсī продавцу и получает что нибудь взамен, — по большей части, еще немного сена; или в виде кäсī приносят, как редкость, продукты своего особого промысла, — например, рыбу, дичь и т. п.

По поводу наличия в моих записях такого показания я должен заметить, что по всей вероятности, мне не удалось поставить В. Я. Слепцову достаточно ясно вопрос. Кäсī, как нечто побочное и случайное играет именно ту роль, которую приписывает ему этот родоначальник. Бывают даже специальные кäсī этого рода. Так, при калымной уплате имеется так называемый тöргӯ кäсīтä, — специальный подарок родителям невесты со стороны жениха. Называется он так от слова тöргӯ — торока: предполагается, что жених, как не самостоятельный еще хозяин, может привезти только такой подарок, который легко увязывается к седлу в торока. Но во всех подобных случаях кäсī не всегда даже требует отплаты. Есть, однако, кäсī, которое даже при незначительных размерах приношения, играет совершенно самостоятельную роль, — и тогда к нему применимо все то, что выше говорено о поездках кäсīлäнäн.

ε) Ыаллы̄.

Различие между кäсīлäнäн и ыаллы̄ зависит отчасти от размеров приношения: при ыаллы̄ оно должно быть чем-нибудь значительным. Мне воспроизвели возможный разговор с работником о приехавших к соседу с приношением, при чем изобразили, как следовало поправить работника, если бы тот сказал, что приехали кäсīлäнäн, привезя тушу мяса, полпуда масла и четверть ведра водки: рассказчик сказал бы работнику, что тот ошибся, что приехали ыаллы̄, а не кäсīлäнäн. Вообще приглашать кого нибудь к себе с кäсī нельзя, но приглашать приехать ыаллы̄ — можно. Слово ыаллы̄ происходит от ыал — сосед, глагол ыаллā значит «приехать к соседу как сосед». Естественно, можно приглашать «быть знакомым домами», как говорят в культурном обществе, но нельзя просить, чтобы человек поднес угощение[1].

И действительно, ыаллы̄ практикуется для укрепления связей вообще и является напоминанием об оказанной некогда услуге; но кроме того вновь выбранные старосты и головы ездят к зажиточным якутам ыаллы̄ для возмещения расходов, которые будут ими произведены при несении обязанностей. В этом случае приехавший ыаллы̄ получает значительно больше привезенного, но дело этим и кончается, т. е. контрагенты не уравнивают своих дач, так что сделка эта — собственно кäсī, а не ыаллы̄, и словом ыаллы̄ называется, может-быть, потому, что в противном случае это было бы обидным выражением для лиц, занимающих общественную должность.

---

[1] В не-юридической сфере отношений возможно и последнее. Если я знаю, что мой сосед отправляется на охоту за лосем или медведем, то я ему могу, между прочим, сказать: «кäсīгiн ӯрāр» или «кäсīгiн аҕалāр» — отложи или принеси мне кäсī. Провожая утром переночевавшую у нее случайно во время пути якутку, якутка сказала отъезжающей: «я приду к тебе; приготовь для меня кäсī» — на что отъезжающая ответила: «хорошо, но привези с собой для меня кäсī». За ночлег было заплачено.

Сведение о поездках ыаллы̄ вновь выбранных в должности родоначальников относится к одному из отдаленных улусов Якутского округа — Баягантайскому. В подгороднем Мегинском улусе ыаллы̄ родоначальников теперь совсем почти вывелись.

От приношения ыаллы̄ можно отказаться, сказав: «не желаю, чтобы ты приезжал ко мне ыаллы̄». Но раз отношения начаты, то в случае отказа продолжать их, для стороны, которая считает, что подаренное ей в разное время больше полученного, открыт иск.

Ыаллы̄ приносят обыкновенно съестное, отдарком служит скот; бедных отдаривают коровами, богатых — быками и конями. По сообщению родоначальника Мегинского улуса, В. Я. Слепцова, ыаллы̄, как и кăсīlăнăн, может окончиться отдарком, если последний по своей стоимости покрывает стоимость подаренного с %%, а если это скот, то с приплодом и удоем. Но для того, чтобы сделка закончилась после первого же обмена подарками, необходимо, чтобы отдарок был немного больше подарка. Если же отдарок значительно больше подарка, то следует новый подарок со стороны приезжавшего в первый раз, и т. д., — до тех пор, пока обе стороны не уравняются, — конечно, с начислением каждый раз %%. В подобном случае обменов подарками, отношение их принимает истинный характер ыаллы̄, которое в настоящее время чаще оканчивается, как и кăсīlăнăн, после первого же обмена подарками.

ГЛАВА III.

Брак и родство.

При первом же столкновении с якутскою действительностью исследователь убеждается, что вся жизнь якута насквозь пропитана началами патриархата. Но на ряду с этим он констатирует здесь также и наличность правил общежития, которые находятся в явном противоречии с патриархальным строем жизни якутов, а знакомство с фольклором последних окончательно приводит к заключению, что было время, когда условия жизни якутского народа резко отличались от тех, в которых протекает его жизнь в настоящее время.

Солидарность — основа человеческого общежития. Где и в какой степени проявлялась эта черта жизни и характера человека, — там и в такой именно степени общества людей являлись союзом прочным и носящим в себе залог будущего развития.

В свою очередь, солидарность в человеческом обществе выражается в соблюдении тех или других обычаев — в начале, а затем обычаев и законов.

И так, чтобы выяснить для себя характер человеческого общежития, — необходимо определить качество солидарности, проявляющей себя в этом общежитии. А для последнего приходится изучать обычаи и законы, господствующие в данной среде.

Несмотря на наличность разногласий по вопросу о преемственности различного рода обычаев в истории развития человеческой культуры, можно с уверенностью сказать, что на заре существования человечества основой солидарности являлось родство. Только человек, принадлежащий к определенной группе родственников, мог считать обеспеченным свой

успех в борьбе за существование и развитие, — только такой человек, следовательно, являлся и носителем залога будущего развития человечества. А отсюда по вышеприведенным соображениям следует, что обычай, на ранних ступенях развития человеческих обществ, главнейшим образом интересует нас теперь со стороны правил, которые он предписывал в сфере заключения брачного союза и признания степени родства.

Вот почему вопрос о формах брака и о системах родства так настойчиво занимал умы исследователей, начиная с писателей классической древности и кончая новейшими философами, социологами, юристами и лингвистами. Вот почему и в настоящем труде рассмотрение этого вопроса занимает, — если не по месту в книге, то по своему содержанию центральное положение. И если бы автору этого труда приходилось обрабатывать его при более благоприятных обстоятельствах, чем это было на самом деле, то он начал бы свой отчет о своих работах по изучению юридического быта якутов именно с всестороннего описания форм якутского брака и системы родства.

В своей теоретической постановке вопрос этот чрезвычайно сложен. Именно потому, что родство являлось в давно-прошедшие времена основоопределяющим фактором народной жизни, — именно поэтому следы его влияния мы встречаем во всех проявлениях последней. А за недостатком прямых указаний материал для изучения форм брака и родства приходится черпать из самых разнообразных сфер первобытной жизни самых разнообразных народностей. Но факты этого последнего порядка надо, в свою очередь, так или иначе установить. Отсюда — возможность возникновения спора не только о толковании фактов, на основе которых создаются те или другие обобщения, но и в области установленности самих фактов.

Еще более важное значение имеет здесь то обстоятельство, что при первых шагах движения научно-критической мысли она сама не могла избегнуть общей участи всего сущего: сделав первые завоевания в области установления фактов, она, — чтобы открыть себе возможность дальнейшего прогрессивного движения, — спешила перейти к обобщениям, и обобщения эти были тогда, естественно, слишком категоричны, чтобы выражать реальную действительность.

Здесь прежде всего выступает факт, что мыслители, впервые подошедшие к исследованию вопроса во всеоружии научной критики, не могли не проявить чрезмерной склонности к установлению непреложных законов преемственности форм брака и систем родства. Беспорядочное половое сожительство, — «групповой» брак, — полиандрия и полигамия, — наконец, моногамический брак; — так именно представляли себе этапы, через которые проходило каждое общество людей, прежде чем дойти до современных форм брака у передовых исторических народов. И когда факты не укладывались в установленные рамки, то исследователи либо приходили в отчаяние, либо «придумывали» объяснения замеченным отклонениям. Так случилось, например, с Морганом, когда на его теорию группового брака посыпались возражения, — а именно Морган был первым мыслителем, который в новейшее время своими исследованиями открыл эру в деле изучения исторических судеб брака и родства.

Обратим внимание на одну подробность.

Удовлетворение полового влечения представляется нам теперь в качестве лишь второстепенного организационного фактора в процессе развития форм брака. Первое место

здесь, бесспорно, принадлежит развитию понятий о родстве и власти. Но когда власть была поставлена исследователями на надлежащее место, то в их умах начался процесс, в результате которого родство стало представляться, как отражение власти. В самом деле, было соблазнительно упростить в своем представлении развитие первобытных учреждений в том смысле, чтобы предположить, будто понятие о власти совершенно поглощало, на первых шагах развития представлений, понятие о родстве. Но теперь мы знаем (Даргун), что «родство стремится создать отношение по власти и, наоборот, раз установившееся отношение этого последнего рода, — там, где оно не совпадает с родственною связью, — выказывает энергичное стремление вызвать исключительное признание соответствующей системы родства».

Из сказанного следует, что обычаи (как и законы) данной среды не могут представляться нам, как выражение одной, раз на всегда, вне времени и пространства, определенной фазы в развитии форм человеческого общежития, — и что эти обычаи являются переживаниями совершенно различных эпох. Так например, исследуя наследственное право в его первобытных формах, мы встречаем в нем остатки и родства по матери, и подчиненности отцу.

Что же можно было бы считать в данном случае нормою?

Надо помнить, прежде всего, что «нормальный путь общественной эволюции, составляющий закон для большинства коллективностей, не только мог представить там или здесь выпадение некоторых фазисов, но и ход развития, весьма отличный от нормального» (Лавров). Но, независимо от этих случайностей, культурные формы имеют, в глазах исследователя и мыслителя, различную ценность — с той стороны, что одни из них являлись неизбежно ранее других и вели за собой возникновение именно тех, а не иных форм, — «столь же фатально, как личинка бабочки переходит фатально в зрелое насекомое»; другие же были «одною из возможностей в ходе эволюции, — подобно тому, как особь того или другого пола есть, в настоящем состоянии знаний, лишь возможность при развитии зародыша в зрелое животное» (он же).

Только-что формулированные положения являются главными принципами, которые вообще должны быть положены в основу изучения обычаев. Поскольку дело касается предмета настоящей статьи, — наиболее важным вопросом следует считать лишь вопрос об отношении между патриархатом и матриархатом.

Если и не всегда, то во многих хорошо изученных случаях, патриархату предшествовал матриархат. Следовательно, необходимо выяснить, в каком взаимном отношении находятся друг к другу эти два института с точки зрения установленных только-что принципов. — Является ли матриархат формою, из которой только и мог вырабатываться патриархат? Или патриархат вырабатывался в некоторых случаях и из форм, предшествовавших матриархату? В последнем случае: «выпадал» ли матриархат или вообще он — одна из многих «возможностей»?

Такова проблема, стоящая перед исследователем.

Чтобы быть на высоте ее разрешения, — необходимо помнить следующее. По самому существу дела, там, где мы наблюдаем непосредственно матриархат, возможно лишь предположение, что из этой формы выработается когда нибудь патриархат, — и наоборот,

там где уже теперь господствует патриархат, можно делать предположения, что раньше пользовался правами гражданства матриархат. Отсюда вытекает, что необходимо предварительно условиться на счет законности применения как в одном случае, так и в другом тех или других методологических приемов исследования.

Один из коренных вопросов методологии данного предмета заключается вот в чем: можно ли и в какой мере, — формы брака брать за основу выяснения системы родства, и — наоборот?

В недавнее время один из русских этнографов, А. Н. Максимов, энергично восстал против правильности применения этого методологического приема. Пересматривая с этой точки зрения вопрос о моргановском «групповом» браке, этот ученый решительно высказывается против того, чтобы такой брак когда нибудь и где-либо существовал (Этнографическое Обозрение, 1908, III, статья «Групповой брак»). Я оставляю в стороне то, что автор говорит о ближайшем предмете своего исследования, и обращу внимание читателя на то обстоятельство, что выводом из сообщаемых им фактов может быть лишь то, что не все данные родства согласуются с формами брака. Но это вовсе не значит, что названия для различных степеней родства не имеют никакого отношения к формам брака существующего или существовавшего. Как наиболее вероятное в моих глазах предположение, я выскажу, что в одних случаях формы брака оказывали влияние на систему родства, а в других, наоборот, система родства определяла собою формы брака и вопрос о взаимном влиянии этих двух факторов в каждом отдельном случае может быть решен лишь ad hoc. Но наличность того или другого влияния, — а вернее всего: взаимного влияния, — едва ли может подлежать сомнению. Конечно, бывают и кажущиеся отклонения. Налицо — случаи, когда система родства приводит к нелепостям, если эту систему сводить к формам брака (op. cit., стр. 7—8, 22, 35 и 47). Но все подобные отклонения можно объяснить самыми разнообразными соображениями. Формы брака и системы родства следуют каждая своим особым законам развития, и можно допустить, что в известные моменты одно перестает соответствовать другому. Язык, служащий для выражения понятий о родстве, также может запоздать в своем развитии или, наоборот, перерасти то, что он призван выражать, так как вообще известно, что человеческий язык недостаточно гибок и очень несовершенен для того, чтобы выражать вполне точно все изгибы мысли. Надо принять во внимание также, что происходят заимствования форм в одной области отношений при сохранении прежних форм в другой. Необходимо еще вспомнить, что правильное толкование фактов — удел немногих наблюдателей. Наконец, кому неизвестно, что наши сведения о жизни некультурных или вымерших рас страдают в сильнейшей степени и неполнотою и неточностью. Пример тому приводит сам разбираемый автор. Он несколько раз указывает на недостатки наблюдений Гауитта (op. cit., стр. 16, 20, 36 и др.), — а между тем рекомендует этого наблюдателя, именно как образцового исследователя.

Итак, если, — как основное правило для каждого научного исследования, — не следует принимать без критики ни одного данного, то, конечно, вполне законно пользоваться, при условии соблюдения этого основного правила, и данными родства для выяснения существовавших некогда форм брака, — равно и наоборот: существующими ныне формами и обрядами заключения брачного союза можно, с соблюдением должных предосторожностей,

пользоваться для воссоздания тех отношений, которые некогда не считались родственными, теперь же таковыми признаются.

Чисто практический характер (помимо научного) носит на себе выяснение вопроса, что именно следует рассматривать в позднейших системах родства и формах брака, как остаток прежде существовавшего матриархата. К сожалению, перечисление явлений народной жизни, которые рассматриваются исследователями, как остатки матриархата, завело бы нас далеко за пределы нашего исследования, — тем более, что одного перечисления оказалось бы недостаточным. Дело в том, что один и тот же обычай толкуется разными исследователями различно, — то как признак раннего, то как признак позднего происхождения семьи и индивидуального брака; точно также как два обычая противоположного характера (например, свобода в половом отношении девушек или требование от них целомудрия) различными авторами принимаются одинаково за признаки позднего происхождения индивидуального брака. Благодаря этому, пришлось бы не только перечислять обычаи, которые считаются признаками существования матриархата в прошлом, но и оценивать их значение с указываемой точки зрения, — между тем настоящий труд является скорее сводкою материала, чем его обработкою.

Этим я заканчиваю свои предварительные замечания и перехожу к главному содержанию настоящей главы.

1. Экзогамические основы брака.

В настоящее время брак у якутов носит на себе строго экзогамический характер. Повидимому, это было не всегда так. Потерпев поражение со стороны соперников, якутских богатырей, небесный богатырь восклицает: «пусть будет проклят тот, кто из небесных захочет жениться на земных девах». В соответствии с этим, «демоны» продают якуток за калым якутам же, а сами на них не женятся; нередко они держат у себя якуток, как приманку для якутских богатырей (Сказки, записанные В. Л. Приклонским, «Жив. Ст.», IV. 140, 141).

Мнения, что экзогамическому браку среди якутов предшествовал брак эндогамический, придерживается и В. Л. Серошевский. Но сопоставление различных частей текста книги названного автора приводит к предположению, что здесь недоразумение. Автор, действительно, говорит о том, что у якутов эндогамия предшествовала экзогамии («Якуты», I, 568, 570). Но при ближайшем рассмотрении фактов, из которых он, повидимому, выводит свое заключение, оказывается, что факты эти, по толкованию автора, говорят в пользу существования у якутов некогда промискуитета или, по крайней мере, группового брака («Якуты», I, 560—570). Между тем, автор в этих именно фактах видит «остатки доэкзогамического брака», — подзаголовок части текста (только-что указанные страницы), в которой изложены факты, приводящие его к заключению относительно эндогамии у якутов. Разобраться, поэтому, в заключениях В. Л. Серошевского — не легко. Но во всяком случае, если говорить об эндогамии, лишь как о противоположности экзогамии, т. е. независимо от форм брака, заключаемого на основах ли экзогамии или эндогамии, — то прихо-

дится сказать, что заключения В. Л. Серошевского грешат здесь некоторой поспешностью: приводимые им факты не уполномачивают делать эти заключения. И на самом деле, эти данные позволяют высказать лишь отдаленные предположения о том, что якутам была знакома эндогамия.

Этим случаем я воспользуюсь, чтобы сказать, что ко времени печатания настоящего труда я не имел возможности разобраться в материале, который давал бы мне право делать заключения о древних формах якутского брака. Я не останавливаюсь, поэтому, на соответствующих заключениях В. Л. Серошевского, и вообще принужден ограничить свою задачу изучением якутской патриархальной семьи и остатков матриархата.

Якутам знаком обмен девушками, как невестами. Мосол-бӧҕӧ женился на Хāчылāнкуо, а брат последней взял себе в жены сестру Мосол-бӧҕӧ. В другом случае, богатырь, похитив себе в жены девушку, сам посылает брату последней взамен свою сестру (сказки, записанные В. Л. Приклонским). Возможно, что обычай этот окончательно вывелся не особенно давно (влияние господствующей церкви здесь было, вероятно, не очень значительным). По крайней мере, воспоминание об этом обмене невестами еще довольно живо среди якутов, и С. В. Слепцов (Баягантайский улус) дал мне для этого обычая название аҕасын (балтын) уҥуоҕун тӧннӧрӧр — возвращение кости старшей (младшей) родственницы. Аҕас — старшая родственница собственно говоря, вообще «превосходящий других в каком либо отношении», затем — старший годами, далее старшая родственница, и, наконец, старшая родная сестра, (Э. К. Пекарский, Словарь якутского языка, изд. Академии Наук, вып. 1-й, 17, 18). Балыс — противоположность аҕас. В обоих случаях существительные употреблены в винительном (с притяжательной местоименной приставкой 3 л. ед. ч.) падеже. С. В. Ястремский («Грамматика якутского языка»; «Труды якутской экспедиции, снаряженной на средства И. М. Сибирякова», отд. II, т. III, ч. 2-я, вып. 2-й, стр. 87; «Падежные суффиксы в якутском языке», см. то же, вып. 1-й, стр. 11 и 22) видит в этой форме остатки родительного падежа в якутском языке, который, в обычном смысле этого слова, родительного падежа не знает. Уҥуох — кость, в той же падежной форме, но уже в собственном значении accusativi (definitivi). Тӧннӧрӧр — nomen praesentis от глагола тӧннӧр — возвращать, который является causativ'ным глаголом от глагольной основы тӧнӱн — возвращаться.

Обычай, о котором идет речь, объясняют желанием сократить расходы или скорее упростить расчеты при уплате калыма. Первоначальное значение его, конечно, иное. Свои соображения по этому вопросу я нахожу более уместным привести ниже, в статье о сговоре по якутскому обычному праву.

Экзогамические круги у якутов различны для различных слоев населения. Богачи стараются брать жен для своих сыновей из других и притом отдаленных улусов или, по крайней мере, из отделенных наслегов одного с ними улуса. Люди среднего достатка берут из соседних наслегов. Наконец, бедняки нередко роднятся браком с семьями одного с ними наслега, лишь бы семьи эти принадлежали к разным аҕа ӯса (см. ниже, в статье о якутском патриархате), а наибеднейшие — даже из соседнего іјä ӯса (см. там же). Но ни один якут не возьмет себе снохи из одного с ним іјä ӯса. Относительно бедных Афанасьевы выразились: «ведь у них коня, даже быка нет, чтобы далеко ехать» за невестою.

(Дюпсюнский улус). Но эти же родоначальники указывают, что в виде шуток с молодыми девушками, в их улусе всегда скажут: «о, Баjаҕантаiтан källilär!», «о, Намтан källilär!», но никогда: «о, Öспöхтöн källilär!» Первая фраза значит: «смотри-ка: из Баягантайского улуса приехали!» (предполагается: сватать девушку); вторая: «. . . из Намского улуса!» и третья: «. . . из Оспетского наслега!» Смысл этого сопоставления ясен: приятным для девушки, следовательно, может быть приезд сватов из отдаленных мест, каковыми для Дюпсюнского улуса являются Баягантайский и Намский улусы, но не Оспетский наслег того же Дюпсюнского улуса, — а гипотетический разговор происходит в Дюпсюнском улусе.

В. Л. Серошевский говорит (op. cit., p. 558), что «в мало культурных местностях уцелел обычай, по которому не следует даже «брать жен вблизи, хотя бы и чужеродок». Уваровский, писавший в середине минувшего века и имевший в виду главным образом именно северные части Якутского края, напротив, сообщает, что такого характера браки вполне допустимы (немецкий перевод «воспоминаний» Уваровского, написанных им на якутском языке для акад. Бетлинга, стр. 73, в Бетлинговом Über die Sprache der Jakuten, ч. III: Jakuticher Text.). На основании своих личных наблюдений я склоняюсь больше к мнению Уваровского.

При втором и третьем браке также соблюдается обычай экзогамии, но, как говорят Афанасьевы, он при этом слабеет, — за исключением случаев женитьбы вдовца на девушке, когда, по сообщению В. Я. Слепцова, обычай сохраняет свою силу. По отношению к выбору в жены вдова рассматривается (С. В. Слепцов, Баягантайский улус), как член рода, к которому она принадлежит по рождению, а не по своему первому браку.

Случаев запрещения родовыми властями браков, которые предполагалось заключить не по правилам экзогамии, ни один из родоначальников, среди которых я собирал сведения, не только не указал, но и не допустил возможными. Правда, со слов С. В. Слепцова у меня записано: «ранее запрещали». Но г. Слепцов других пояснений мне не дал. Уваровский в упомянутых выше своих «воспоминаниях» (op. cit., 72) употребляет такое выражение: «из своего наслега брать себе женщину в жены он (якут) ни в коем случае не имеет права (куолута суох)». Как я указал раньше, сообщения этого автора относятся к середине прошлого столетия. Д. Павлинов («Об имущественном праве якутов») также говорит, что «вступление в брак... запрещается... между членами одного рода». Может-быть, в сообщениях двух только-что названных авторов следует видеть подтверждение слов С. В. Слепцова. Во всяком случае, что касается настоящего времени, то Афанасьевы категорически утверждают, что на самом деле общественное мнение совершенно безмолствует по поводу случаев, где обычные требования по части экзогамии при заключении брачного союза нарушаются. В. Л. Серошевский слышал «порицание» со стороны якутов случая заключения брачного союза «внутри рода», — единственно известного случая. Новобрачная вскоре после свадьбы ослепла, и, по словам автора, якуты это приписали тому, что брак был заключен в данном случае не по правилам экзогамии (op. cit., 558).

В. Л. Серошевскому (op. cit., 558) якуты Намского улуса говорили, будто обычая экзогамии они держатся между прочим и потому, что в противном случае «поп не венчает». Хотя Намский улус входил в сферу, охваченную работами нашей экспедиции, но ничего

подобного я не слыхал: о наличности такого мнения у якутов мне не говорил также никто из моих товарищей по экспедиции.

Обычай экзогамии С. В. Слепцов (Баягантайский улус) объяснял мне желанием избежать ссор со свойственниками. По словам этого лица, здесь и выработалась пословица: урӯ ырāҕа ӱчӱгäi, ӯ учугаса ӱчӱгäi — хорошо, когда родня далеко, — хорошо, когда вода близко. Но Афанасьевы (Дюпсюнский улус) дают этой пословице более общее толкование. Они не думают, чтобы она выражала отношение якутов специально к родству, вытекающему из брачного союза. Так, по их словам, мысль, вложенная в эту пословицу, руководит и родными братьями, когда они стремятся выбрать себе место для постройки юрт не близко друг к другу. Что касается именно обычая экзогамии, то Афанасьевы отказываются дать ему объяснение с точки зрения якутов и удовлетворились объяснением чисто научного характера.

Отношение якутов к делу В. Я. Слепцов (Мегинский улус) выражает вообще неопределенно. По его словам, якуты считают «грехом» — аǰы̄ргы̄ллар (от глагола аǰы̄рҕā, что от аǰы̄ — грех), — брать для сына жену из своего или даже ближайшего рода, причем, однако, ссылается также и на ту пословицу, которую привел мне С. В. Слепцов, и констатирует, что, по взгляду якутов, брак бывает счастливее, если жена взята из дальнего рода.

Обращаясь к записям Худякова, я встречаю там («Верхоянскяй Сборник», стр. 7) действительно относящиеся сюда пословицы: «счастливая дочь [девушка] выходит замуж далеко от родины (родителей)» и «девушка, живущая на родине [у родителей], не бывает счастлива». В якутском тексте приведенных пословиц употреблено слово кы̄с, но не в узком значении этого слова (девушка, дочь), а в более широком: женщина по отношению к семье, роду, даже наслегу и улусу, из которых она ушла куда-нибудь в замужество, сохраняет название кы̄с. Слово кы̄спыт — наша дочь соответствует русскому выражению наша землячка.

В. Л. Серошевский находит для себя возможным (op. cit., 559) указать на три обстоятельства, которые, по его мнению, способствовали возникновению или, по крайней мере, упрочению экзогамического брака у якутов, — а именно: война между родами, — «выгоды» скрещивания не родственников, — и (говорю дальше словами автора, боясь оказаться неточным в передаче смысла его заключения) «экономические побуждения, рабский даровой труд, разведение рогатого скота, что делало возможным более мелкие общественные группы и большую в данной местности густоту населения».

Что касается первого из указанных В. Л. Серошевским обстоятельств, то оно имеет отношение к якутам лишь постольку, поскольку вообще в их эпосе и в современных брачных обрядах встречаются следы древнего «умыкания» женщин (op. cit., 552), и никаких данных, которые освещали бы с какой либо стороны происхождение или упрочение экзогамии именно у якутов, автор не указывает. Он оговаривается, что «трудно решить» даже вопрос, «явилось ли стремление искать жены» (жену) «на стороне случайным последствием войны, или же само было их» (ее) «причиною, возникнув в свое время под влиянием физиологических и экономических побуждений» (op. cit., 559). И так, даже на решение этого вопроса не уполномачивают автора имеющиеся в его распоряжении данные якутской действительности. Между тем, тут же рядом можно было бы поставить не мало других, и

притом, на мой взгляд, не менее важных вопросов. Важнейшим из них следует, кажется, считать вопрос об отношении между установлением обычая экзогамии и возникновением патриархата.

При всей воинственности племени похищение женщин не вело само по себе к исключительному праву на похищенную со стороны того, кто ее похитил: господство «архаического» коммунизма, вызывая общее пользование тем, что добыто на войне и, вообще, при похищении, распространялось не только на оружие, скот, мужчин и т. д., но в такой же мере и на женщин. Таким образом, умыкание женщин, как и похищение мужчин, как и угон скота, — первоначально имело значение лишь приумножения богатства племени или рода, а не отдельных индивидов. И только тогда, когда приватизация собственности вообще сделала в сознании представителей племени известные успехи, — только тогда мог установиться индивидуальный брак в результате умыкания женщин. Но и это умыкание могло приобресть специальное значение в глазах мужчин лишь в тех случаях, когда матриархат достигал к тому времени в племени сильного развития. В этом случае развитие приватизации собственности вызывало в сфере брачных отношений расширение прав женщины, а не мужчины. Так, на Суматре, при наличности матриархата, женщина могла покупать себе мужа, — как при господстве патриархата покупается женщина в жены сыну, — и этот мужчина становился собственностью семьи, во главе которой стояла женщина (Марсдэн). Поэтому то для мужчины связь с женщиною его племени представляла мало привлекательного: он при этом должен был подчиняться женщине, — хотя бы и находился с ней в индивидуальном браке. И единственным исходом для него, — в целях установления своего господства в семье, — было похищение в жены женщины из соседнего племени.

Такое положение вещей повело к тому, что экзогамический брак очень долго существовал рядом с эндогамическим в одном и том же племени, при чем они, как юридические институты, резко отличались друг от друга: первый развивал начала возникающего патриархата, второй поддерживал начала отходящего в прошлое матриархата. Есть некоторые основания предполагать, что экзогамический брак, ведший к установлению, укреплению и развитию patriae potestatis — составлял привилегию высших слоев племени, т. е. более влиятельных и более богатых, низший же слой продолжал жить в матриархате и эндогамическом браке. Сюда относится толкование некоторых особенностей в брачном праве патрициев — с одной стороны и плебеев — с другой. Сюда же следует присоединить и сохранившийся до сих пор еще у некоторых народов факт, что экзогамические круги для различных слоев населения различны. Это мы видели и выше в обычаях якутов. Разница здесь заключается именно в том, что богачи или знатные роднятся посредством брака с более отдаленными родовыми группами, чем бедняки или рядовые. Но постепенно значение матриархата падало, и на его счет возрастало значение патриархата. Причины этого многообразны, и, хотя, несомненно, одною из этих причин, но и далеко не единственною, было продолжающееся враждебное отношение между родами и племенами, матриархат при этом, как юридический институт, продолжал существовать во всей своей силе, и дело сводилось лишь к тому, что для представителей более сильной и влиятельной части племени, т. е. для мужчин, оказывалось не выгодным прибегать к установлению брачного союза на этом основании. Наконец, отношения на основе матриархата совершенно

выводятся, — остаются лишь: 2) патриархат и 2) союз, вытекающий из брака, заключаемого на основах экзогамии.

Известны случаи, когда при соблюдении правил экзогамии, муж временно переходит в семью своего тестя. Большею частью это является одной из форм отплаты за невесту, что вскрывается анализом таких форм, как существующий у некоторых американских племен (Лафито) обычай, по которому жених передает родителям невесты не весь свой труд, но, в виде переходной формы, часть его, обязуясь отделять для них известную «десятину» из своей охотничьей добычи. Но возьмем ли мы этот обычай в его чистой (библейской) форме, или в только что указанной переходной, — он заставляет предположить уже наличность патриархата. Кроме того, тут допустимы, конечно, и всевозможные другие переходные формы, — нередко такие, которые не находят даже себе объяснения в материальных условиях жизни племени и являются результатом самостоятельного, иногда крайне одностороннего развития первобытных идей.

Все это не новая, но до сих пор еще приемлемая (я полагаю даже: единственно приемлемая в настоящее время) гипотеза (Жиро Телона) о взаимном отношении между похищением женщин, экзогамией и возникновением патриархата. Изложенное можно назвать только гипотезой, — потому что соответствующие выводы опираются на незначительное сравнительно количество фактов. Но зато — все известные нам в настоящее время факты вполне удовлетворительно объясняются указанными соображениями, — значит, изложенное является действительно гипотезой в научно-методологическом смысле этого слова.

Итак, установление экзогамии не находится в причинной связи с похищением женщин, как думал некогда Леббок. Это последнее имеет место и при одновременном существовании экзогамии и эндогамии, и даже в тот период (промискуитет), когда, строго говоря, ни экзогамического, ни даже эндогамического брака не существовало (Летурно).

Но можно пойти еще немного дальше. Можно утверждать, что эндогамия в некоторых случаях ограничивается лишь известными социальными кругами данного племени. Так было в Новой Зеландии (Кук), у племени тодасов в Индии (Метц), как и у многих других племен той же страны, а также, и других областей земного шара. Но при этом, хотя и в известных пределах, брак все же остается экзогамическим, т. е. родниться между собою браком могут хотя и семьи одного и того же ранга, но принадлежащие к разным родовым группам. Такое положение вещей не может быть названо эндогамией; наоборот, оно должно быть названо только экзогамией. Не правы и те социологи, как Летурно, которые видят признаки эндогамии в кровосмесительных браках: это остаток промискуитета, между тем как под эндогамией мы разумеем не кровосмешение, а обычай выбирать жен из своего племени. У племени мог сохраниться, в той или другой форме и степени, промискуитет; но ведь последний не ведет к установлению брака, как юридического института, и потому и при наличности остатков промискуитета в том же племени брак мог носить на себе и эндогамический и экзогамический характер. С этой именно точки зрения, как мы видели, надо признать ошибочным взгляд В. Л. Серошевского: наличность указаний на то, что якуты не брезговали кровосмесительством, — если и признать доводы В. Л. Серошевского убедительными, — абсолютно ничего не говорит в пользу предположения, что этому племени был когда либо известен эндогамический брак.

Наконец, необычайной важности явлением, — для освещения рассматриваемого вопроса, — представляется симулирование похищения, при заключении брачного союза, и теми племенами, которые придерживаются эндогамии, даже если они отличаются воинственностью (как, например, ново-зеландцы). Об этом свидетельствуют весьма многие наблюдатели примитивных форм жизни. Таким образом, воинственность племени не приводит его неизбежно к экзогамии, как думал Г. Спенсер, и эндогамия может существовать и у племен, живущих грабежом, добывающих себе этим путем, конечно, и женщин; таким образом, симуляция похищения женщины, при заключении брачного союза, не сводит причины возникновения у данного племени обычая экзогамии к существовавшему некогда в действительности похищению женщин.

Итак, сказать, что экзогамический брак возможен лишь с женщиною из чужого племени, а таковая может быть добыта лишь похищением, — значит ничего не сказать. Именно «ничего не говорит» и В. Л. Серошевский своим «опытом» этнографического исследования якутского быта.

На второе место, — в качестве обстоятельства, способствовавшего возникновению или, хотя бы упрочению, обычая экзогамии у якутов, — В. Л. Серошевский ставит то, что якуты, по его соображениям, должны были заметить «выгоды» от скрещивания не близких родственников и заметить это они могли именно потому, что были скотоводами.

Эти заключения автора несколько рискованны, так как соответствующая теория давно уже потеряла всякий кредит в глазах социологов.

Прежде всего самый факт вредоносности скрещивания близких кровных родственников вызывает теперь много разногласий среди антропологов, — и именно потому, что в мире зоологических особей, стоящих ниже человека, вред этот биологами оспаривается. Каким же образом могло случиться, что доисторический якут оказался более проницательным, нежели современные ученые. Но еще важнее здесь то обстоятельство, что дикарю вовсе несвойственно руководиться предвидениями, основанными на реальных основаниях. В силу этого он и не подумает ограничивать себя в половых влечениях к близкой родственнице, если даже и будет предвидеть роковой исход своей связи. Гораздо легче он, после совершившегося факта, прибегнет к убийству урода или слабоумного, нежели воздержится от удовлетворения своей половой похоти, если бы даже неизбежным, по его соображениям, результатом этого акта и было появление на свет урода или слабоумного. Наконец, во всех известных нам случаях экзогамические круги очерчивают индивида так широко, что если бы сузить в 2, в 3, в 5, в 10 раз, то и тогда не осталось бы места для скрещивания близких родственников — с одной стороны; с другой, наоборот, — даже эти широкие круги не исключают возможности такого скрещивания. Ведь дети двух сестер, как общее правило, принадлежат к различным родовым группам и, следовательно, двоюродные братья и сестры могут становиться супругами при самом строгом соблюдении правил экзогамии. Еще более разительный пример: единоутробные брат и сестра могут также вступать в брак, так как опять таки: как общее правило, — по отцам эти молодые люди принадлежат к различным родовым группам.

Итак, вопреки указанию В. Л. Серошевского, вредоносность скрещивания близких кровных родственников не бесспорна; если она и существует, то едва ли могла быть под-

мечена доисторическими якутами, — если бы и была подмечена, то не послужила бы стимулом к воздержанию в глазах доисторического якута, а если бы и послужила, то повела бы к установлению какого-нибудь другого обычая, но не обычая экзогамии.

Что касается третьего из указываемых В. Л. Серошевским обстоятельств («экономические побуждения, рабский даровой труд, разведение рогатого скота, что сделало возможным более мелкие общественные группы и большую в данной местности густоту населения»), то я не в состоянии отчетливо уяснить себе его смысл, поэтому оставляю его без замечаний.

ГЛАВА IV.

Система родства.

А. Остатки матриархата.

Каково бы ни было заключение, на основании сказанного о нынешнем характере якутской семьи, но не может подлежать сомнению, что некогда она была иною. Как мне кажется, нет недостатка в указаниях, что было время, когда родство у якутов носило на себе характер матриархата.

При собирании материалов по этому вопросу и последующей группировке его встречается чрезвычайно важное затруднение со стороны недостаточно прочной установленности того, что именно является остатком матриархата.

Например, легкое отношение к поведению девушек и строгость к женщинам является в глазах Леббока и др. остатком гетеризма и матриархата; но проф. М. М. Ковалевский («Tableau» etc. и «Закон и обычай на Кавказе») смотрит на дело совершенно иначе и полагает, что именно целомудрие девушек и свобода женщин связывает через левират современность с матриархатом. Сводку своего материала я и начну с вопроса о целомудрии.

Все опрошенные лица указывают, что якуты к поведению девушек относятся строже, чем к поведению женщин. Афанасьевы к этому прибавляют, что и в действительности девушки целомудреннее женщин, что отчасти объясняется тем обстоятельством, что у якутов фактические супружеские отношения сговоренных лиц возникают большею частью до наступления полной половой зрелости невесты. Это происходит благодаря тому, что как то требуется обычаем, и как мы уже видели, жених вступает в свои супружеские права по отношению к невесте по уплате части калыма, а эта уплата начинается очень рано.

На основании личных наблюдений я могу сказать, что среди богатых целомудренность девушек стоит выше, нежели среди бедных — что случаи беременности молодых девушек (15—17 лет) чрезвычайно редки, что наконец, случаи рождения ребенка засидевшейся девушкою (лет за 20) бывают несколько чаще и в окружающих не вызывают никакого cămäli. Что касается женщин, то здесь картина изменяется. Молодые из них, — отчасти благодаря страху и стыдливости перед посторонними, отчасти вследствие хотя бы чисто половой привязанности к мужу, — избегают встречи с мужчинами; но с возрастом ни одна женщина с темпераментом не откажет себе в даже совершенно случайном схождении с человеком, которого, быть может, больше никогда не увидит в жизни, а если и отказывает, то

по соображениям, ничего общего с чувством женской чести не имеющим. Нередки даже случаи, когда связь между замужнею женщиною и посторонним известна всему околотку. Но женщины, открыто ищущие связи с мужчинами и не отказывающиеся от нее ни при каких обстоятельствах и развратные, даже с якутской точки зрения на свободу женщины, встречаются сравнительно редко, например, 3—4 на наслег в 1000 душ.

Чрезвычайно интересное явление наблюдается в открытом сожитии женщины одновременно и с мужем, и с посторонним, который живет под одной кровлей с семьею. Дело доходит иногда до того, что все трое спят на одной постели. Мужчины по отношению друг к другу называются в таких случаях біllӓх. Лично мне приходилось наблюдать два подобных случая на пространстве небольшого района. В системе родства слово это означает муж жениной сестры и каждая из жен одного и того же лица по отношению друг к другу (живущая по отношению к умершим, и обратно). Затем уже — соперник, совместник по жене, сожитель жены по отношению к ее мужу и наоборот[1].

Исследователи вопроса усматривают связь между ранее существовавшими матриархатом и ролью дяди по матери. Но опрошенные лица утверждают, что брат матери не пользуется особым уважением у якутов и в жизни человека не играет никакой специальной роли. В частности по вопросу о том, не назначаются ли дяди по матери опекунами над имуществом сирот, С. В. Слепцов указал, что этого никогда не может и быть, так как такое лицо неизбежно не из той родовой группы, к которой принадлежат малолетние, и следовательно, на обязанности которой лежит наблюдать за опекуном и подлежащим опеке имуществом. Афанасьевы (Дюпсюнский улус) по тому же вопросу высказываются в том смысле, что если нет «хороших» (т. е. благонадежных) родственников со стороны мужа, то имущество передается родственникам жены. Наконец В. Я. Слепцов (Мегинский улус) установил такие положения: вообще, родственники по матери могут быть опекунами (правильнее сказать, от вдовы зависит выбор опекуна), если вдова — стара и замуж выходить не пожелает, если же вдова молода, то опекуны всегда с мужниной стороны.

Обычай, в силу которого дети, прижитые вдовою от своего постоянного, принятого ею в дом любовника, считаются как бы детьми покойного, исследователи рассматривают, как остаток матриархата. Родоначальник Баягантайского улуса С. В. Слепцов прямо сослался в этом отношении на русский закон, недопускающий и мысли об этом. Но представитель Мегинского улуса, В. Я. Слепцов, говорит, что дитя, рожденное вдовою, не лишается права на часть наследства из общесемейного имущества, и только часть эта будет несколько менее, нежели часть детей, рожденных вдовою от покойника. Я, однако, не могу видеть в этом факте подтверждения взгляда проф. М. М. Ковалевского («Закон и обычай на Кавказе» I, 23), и склонен думать, что это скорее знамение прогресса в наследственном праве, а не остаток матриархата.

Я записал несколько случаев матронимических названий родовых групп. По одному из рассказов (есть и другая версия) о происхождении родовых групп мӧрук, алтан и та-

[1] Интересно отметить, что то же слово, как глагольная основа, значит: повисать срединою. Біllӓҕӓ (gerund. от біllӓх) б(ы) рах (бросать) — бросить так, чтобы брошенное повисло как раз серединою, — например, одежда на изгородь. — Из словаря Э. К. Пекарского.

раҕаі, первая из них названа по имени древнего родоначальника того же имени, но в нее входили группы алтан и тараҕаі, происходящие — первая от женщины, имевшей на груди медного (алтан) цвета пятно, вторая от лысой (тараҕаі) женщины (В. Я. Слепцов); — отношение между мӧрук с одной стороны и алтан и тараҕаі — с другой для меня осталось невыясненным.

Точно так же, группа суотту (наслег Борогонского улуса) ведет свое происхождение от женщины этого имени («Из моего дневника» — «Сибирский Вестник» 1893 г., приб. к № 103).

Затем: ӓтӓӈкӓс іјӓ ӯса (в 1-м Игидейском наслеге Баягантайского улуса) произошел от женщины по имени ӓтӓӈкӓс. Но во всех этих случаях происхождение от женщины представляется невыясненным.

А вот два рассказа, где вопрос разъясняется. Родилась девочка, у которой была только половина лица, ее повесили в берестяной посуде (чабычах) на дерево, чтобы заморозить, как абāсы оҕо[1], но она в течение ночи не замерзла, и до утра все кричала. В ту же ночь человеку, видящему вещие сны, приснилось что-то, и он заявил родителям девочки, что от последней должно родиться славное потомство. Родители стали девочку воспитывать, она получила прозвище чабычах и сделалась родоначальницей чабычах аҕа ӯса 2-го Игидейского наслега Ботурусского улуса. В другом случае из богатого семейства была изгнана отцом за связь с рабом девушка, и от нее пошло потомство, которое образовало собой аҕа ӯса, называющийся именем девушки — Ӧlјӱӧтӱ аҕа ӯса. И так, в обоих последних случаях у девушек — отец с матерью, и во втором рассказе отец выгоняет из дома свою дочь, т. е. происшествие приписывается времени, когда патриархальная власть мужчины достигла полной силы развития. Но в этом нельзя видеть препятствия к признанию в рассказах отголосков материнства: возможно предположить, что преданиям с течением времени начинают давать обстановку, доступную пониманию современников, забывая обстановку, которая в действительности соответствовала этим фактам или некогда приписывалась преданиям. Кроме того, встречается не мало названий местностей, в которые входят имена лиц женского пола, но все они, очевидно, не имеют характера матронимических. Так, Балбāры кӱрӱӧтӓ[2] названо по имени старинной владелицы этого покоса; Кы̄с тахсыбыт[3] потому, что на этом месте вырыт был с целью ограбления труп похороненной там девушки. Названия Кы̄с кӱӧlӓ, Кы̄с хаңа[4] едва ли могут считаться матронимическими уже потому, что в них входят слова кы̄с (девушка), а не џахтар (женщина).

Среди якутских понятий о родовых группах есть одно, носящее имя іјӓ ӯса. Но я полагаю, что оно не имеет никакого отношения к матриархату; несмотря на то, что слово іјӓ в соединении с ӯс прежде всего должно было бы навести на мысль о такой связи.

---

[1] Оҕо — дитя, абāсы — чорт; все выражение можно перевести дитя-чорт.

[2] Кӱрӱӧ — остожье; здесь это существительное с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица единственного числа. Балбāры — измененное согласно законам якутской фонетики слово «Варвара». Все выражение значит: «покосное место Варвары».

[3] Кы̄с — девушка, тахсыбыт — nomen прошедшего времени 3-го лица единственного числа от глагольной основы таҕыс — выходить откуда-нибудь. Все выражение может быть переведено: (местность, где) девушка вышла (из-под земли).

[4] Кы̄с кӱӧlӓ — озеро девушки. Точный смысл слова хаңа мне не известен.

Бахоффен, как известно, в исчислении времени по числу ночей видит признак того, что племя живет или жило в матриархате. В виду этого приходится занести в материал тот факт, что якуты исчисляют время именно по числу ночей.

В якутских сказках целая масса указаний на то, что брат выдает замуж сестру, (сказки, собранные В. Л. Приклонским). Сводка подобного рода указаний возможна лишь по выходе в свет фольклорного материала Пекарского, Ястремского и Ионова.

Мне не было известно никаких обрядов и обычаев, которые могли бы быть объяснены так же, как объясняют теперь обычай la couvade некоторых некультурных народов или «подымание детей» у римлян. Расспросы также не привели к обнаружению чего-нибудь подобного. Ни одно из опрошенных лиц не могло указать мне наличности каких-нибудь обрядов в этом роде. В частности Афанасьевы решительно не знают каких-нибудь обрядов, которые бы совершал над ребенком непременно отец.

Весьма вероятно, что тщательное изучение с этой специальной точки зрения обрядов и поверий, которые будут обнародованы в трудах В. М. Ионова и лиц, работавших в экспедиции над собиранием материала по изучению домашнего и семейного быта якутов, обнаружат что-нибудь в роде couvade или «подымания детей». То немногое, что удалось мне записать, как до экспедиции, так и во время экспедиционных занятий, мною передано, поэтому, В. М. Ионову[1].

Отдача детей на воспитание в чужие семьи, которая рассматривается некоторыми авторами, как показатель позднего происхождения патриархальной семьи, весьма распространена среди якутов. Отчасти это объясняют чисто экономическими причинами: бедные семьи стараются избавиться от лишнего рта, — и тогда ребенок уходит из семьи навсегда. Но есть и другая, — в глазах якутов, не менее реальная, — причина этому явлению: отделяя ребенка, обыкновенно в момент, непосредственно следующий за его рождением, от семьи, родители рассчитывают обмануть абāсы, пожирающего детей. При этом поступают так только по отношению к тому полу, который не выживал в семье, т. е. по отношению к мальчикам, если девочки в семье благополучно возрастали.

Другое явление, на которое по тому же поводу было обращено внимание исследователей, а именно: небрежное отношение к детям и нелюбовь говорить о них объясняются тем же поверьем (харыстыр: — см. гл. I, «регистрация угодий»). Дело доходит у якутов по отношению к детям до того, что, по их воззрениям, не следует слишком часто мыть детей и особенно чисто одевать их: абāсы может обратить внимание на такого ребенка, позавидовать, приревновать и — сожрать.

Хотя большинство исследователей, принимая матриархат, не допускают, чтобы общество где либо и когда либо жило в гинекократии, но я считаю удобным упомянуть здесь, что единственным известным мне указанием на гинекократию у якутов является наличность в якутских сказаниях кылāннāх кы̄с бухаты̄р[2].

---

[1] Некоторые указания, сюда относящиеся, можно встретить и у В. Серошевского, Якуты, I, 507 и следующие. Но к этим указаниям следует относиться с большой осторожностью.

[2] Кылāннāх значит лучший, отборный; кы̄с — девушка; бухаты̄р — богатырь. Тогда перевод этого имени: «отборная богатырь-девица».

В. Патриархат у якутов.

Хотя изучение патриархальной семьи, как одной из форм родственного союза, ушло гораздо дальше, нежели изучение материнской, но и здесь, среди взглядов исследователей встречается не мало разногласий. Достаточно упомянуть о том, что переход от материнства к патриархату различные ученые объясняют далеко не одинаково. Поэтому, и здесь я должен повторить то, что сказал в предыдущем отделе, — а именно, что с некоторых точек зрения часть собранного мною материала может оказаться бесполезною для выяснения основ якутского патриархата, а с других — его окажется для этой цели не достаточно.

Полное выяснение отношений между культом огня, культом балаҕан іччітā[1] и культом предков для изучения якутского патриархального строя возможно было бы лишь после детального и специального исследования этих элементов якутских верований. Это для меня было, конечно, не доступно по отсутствию у меня соответствующей теоретической подготовки и недостаточности моего знакомства с якутским языком; да и было бы совершенно неуместно браться мне за это дело, когда рядом со мной, как это я знал, — по этим вопросам работают специалисты, В. М. Ионов и В. Ф. Трощанский. Но чтобы хоть сколько-нибудь, хоть пока для себя, осветить предмет, я все-таки собрал кое-какие сведения о нем.

Огонь имеет своего іччі — уот іччітā[2]; жертвоприношение уот іччітігāр[3] облекается в форму сожигания жертвенных предметов. Но такое же сожигание имеет характер жертвоприношения и другим іччі, — а именно: āн доіду[4] іччітігāр, балаҕан іччітігāр и др., а также и абāсыга[5] (В. М. Ионов). Во всех случаях, когда обращаются к огню или говорят о нем, он называется дедом. Если от горящих на камне поленьев отскакивают угли на пол юрты, — что рассматривается как признак благоволения к семье со стороны уот іччітā, — то якуты считают нужным обратить внимание на это, чтобы не огорчить уот іччітін[6], и говорят: «ăсăм ҥоллōто, кӧтӧхтӧрдӧ»[7] (С. В. Слепцов). Разжигая огонь в камине, якутка или якут с почтением скажет: «ăсăм, убаі»[8]; бросая, в виде жертвы уот іччітігāр, в горящий камин кусок масла, сала и пр., якут или якутка скажет: «ăсăм, асā»[9]; если же жертвенный предмет бросается в костер, разведенный в поле, и при этом приносится жертва не уот іччітігāр (что также возможно,

---

[1] Балаҕан — юрта, жилище; іччі — один из видов духов, существование которых предполагается якутским культом. В некоторых случаях, слово іччі переводится ближе всего русским словом хозяин, в других словом сущность. Этимологически слово іччі некоторые сближают с іс — внутренность, внутреннее содержание. Іччітā — слово іччі с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица единственного числа. Все выражение может быть переведено русским «домовой», если не претендовать на полную мифологическую точность.

[2] Дух огня.

[3] Дательный падеж с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица единственного числа.

[4] Āн доіду — вселенная.

[5] Дательный падеж от абāсы — дух, демон.

[6] Іччітін — винительный падеж с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица единственного числа.

[7] «Мой дедушка, осчастливил, дал поднять».

[8] «Мой дедушка, загорись».

[9] «Мой дедушка, кушай».

как отдельный случай), а āн доіду іччітігäр, то говорят «ăбäм (т. е. āн доідум) іччітä, асā»[1] (Афанасьевы). О человеке, потомство которого совершенно вымерло, говорят буруота сӱттä[2] (В. М. Ионов). Кроме того, Ионов выводит из своих наблюдений, что уот іччітä — единое, но присущее всякому огню существо, т. е., что іччі каждого домашнего очага составляет как бы особую сущность, не находящуюся в подчинении к общему уот іччітä. Но В. М. Ионов сообщил мне еще, что, повидимому, между культом огня и звероловным промыслом существует нечто в роде антагонизма: продукты охоты хотя и можно варить на огне, но с большою осторожностью, наблюдая, чтобы из содержимого в горшке не пролить ни капли на очаг, — огню вовсе нельзя показывать некоторых продуктов охоты, как например, лисицы (собств. головы ее, как пояснила мне интеллигентная якутка, М. Н. Ионова, почему голову лисицы всегда обертывают во что-нибудь, если при огне желают показать кому-нибудь шкуру).

Действия по отношению к огню при свадебных обрядах указаны мною в рубрике о заключении брачного союза. Наиболее важным является разжигание огня невестою на камине (или, по крайней мере, подкладывание ею дров в огонь камина) при вступлении ее в дом свекра.

Относительно балаҕан іччітä все опрошенные лица утверждают, что это не дух предка. Хотя якутские іччіläр (мн. ч. от іччі) имеют такие свои особенности, которые не позволяют видеть тождества между, например, домовым славян, и балаҕан іччітä якӯтов[3], но я не знаю простирается ли это различие так далеко, чтобы балаҕан іччітä не мог быть духом предка. Могу только констатировать, что некоторые іччі (между прочим іччі входной двери) следуют при переселении хозяев за ними в новое помещение. Но не-жилой дом имеет также свое іччі, — своего genius loci. С другой стороны, наличность антагонизма между уот іччітä данной семьи и абāсы другого рода констатируются как обычаем хā абāсытын тäбīр, о котором будет речь в главе о брачном и семейном праве, так и тем, записанным мною со слов В. Я. Слепцова, поверием, что вводимого на ночлег из чужого дома быка нужно очищать огнем от пришедшего с этим быком абāсы.

В. Ф. Трощанский («Эволюция» и т. д.) говорит: «мы видим (у якутов) полнейшее отсутствие так называемого поклонения предкам». Но едва ли это можно принять за доказанное, если иметь в виду лишь объяснение, даваемое автором. Он, именно, думает, что «трудно себе представить, чтобы у народа, у которого старики находились бы в таком пренебрежении, в каком они находятся у якутов, могло когда-нибудь существовать поклонение предкам в истинном его значении». И в самом деле, В. М. Ионов, в противоположность только-что цитированному автору, приходит к выводу, что якуты вышли было на тот путь, который должен был их привести к поклонению предкам. При известных обстоятельствах жизни или смерти умерший человек превращается в уӧр[4]; это — первая стадия. Затем, некоторые уӧр превращаются в абāсы, т. е. в существа, требующие уже

[1] «Дух моей бабушки (т. е. вселенной), кушай».

[2] «Его дым (домашнего очага) исчез».

[3] Так, в юрте собственно не один, а множество іччі: двери, домашней утвари и пр. В хлевной части юрты — особый іччі, замечательный тем, что он не самостоятелен, как прочие іччі, а дочь абāсы. Но и в хлеву — не один іччі: даже стойло для телят имеет особого іччі (В. М. Ионов и М. Н. Ионова).

[4] Особый вид духов якутской мифологии.

жертвоприношений. Вот путь, следуя которому якуты, по мнению В. М. Ионова, могли выработать себе культ предков.

Обращаюсь к представлениям якутов о происхождении от общего предка.

Семья обозначается у них по имени главы. Так, Џоролōх означает семью, во главе которой стоит якут по имени Џоро[1]. Интересно отметить, что вследствие каких нибудь особых обстоятельств можно назвать семью и по имени жены главы. Это допустимо в тех случаях, когда почему либо предмет разговора касается той части хозяйственной деятельности семьи, которая находится в ближайшем заведывании хозяйки дома, т. е. например относительно всего, что входит в состав женского хозяйства. Точно так же, если вообще по энергии и деятельности хозяйка далеко оставляет позади себя мужа, то обыкновенно по ее имени называют семью. Но если говорят о семье безотносительно к чему бы то ни было, то ее всегда назовут по имени главы, и женское имя будет исключительно фигурировать здесь только в том случае, если во главе семьи стоит вдова. Случайное собрание людей, временно связанных общим занятием или общим положением (промысел, путешествие, работа), также называются по имени кого нибудь одного, более опытного, более богатого и почетного, руководящего предприятием, и т. п. Слово кăргăн означает семью (кăргăннăх кісі[2], противоположность одинокому, холостому) и члена семьи (кăргăттăріи[3], — все входящие в состав моей семьи). Понятие кăргăн обнимает: кровных родственников, живущих под одной кровлей, — усыновленных семьей, — работников и работниц, а у богатых и семьи живущие на одном дворе (хотя о последних из уважения, иногда деланного, богач отзовется иногда и как об ыал'е[4]. Не всегда одинаковое положение в семье усыновленных будет указано в своем месте.

Женщина входит в состав того кăргăн, к которому принадлежит ее муж или отец; так, когда говорят: Џоролōх, то под этою группою разумеют и дочь какого нибудь Хабаjас'а, вышедшую замуж за сына Џоро и живущую уже у мужа, хотя до своего перехода в дом Џоро (даже будучи повенчанною с сыном Џоро) она подразумевалась в числе лиц, которых называли Хабаjастāх.

Более широкою родовою группой является іђă ӯса[5]. Прежде всего лица, принадлежащие к этой группе, действительно происходят от общего предка, который умер сравнительно недавно. Но группируются люди в іђă ӯса опять-таки по началам агнатического родства. Так, внук Хабаjас'а, рожденный его дочерью от сына Џоро, принадлежит к тому же роду, іђă ӯсă, что и сам Џоро, а не к тому, к которому принадлежит Хабаjас и его дочь, вышедшая замуж за сына Џоро.

---

[1] Аффикс лāх (лōх, lăх, lŏх), прилагаемый к nomen'ам, служит для обозначения обладания вообще. Так оттōх — имеющий сено (от), іђălăх — имеющий мать (іђă). Но вместе с тем: атлāх — едущий на лошади (ат), корŏрдŏх — долженствующий смотреть (кŏрŏр — nomen praesentis от глагольной основы кŏр — смотреть). По аналогии, — Џоролōх — люди имеющие над собою, как главу, Џоро; Хабаjас + тāх — люди, имеющие над собою, как главу, Хабаjас'а, и т. д.

[2] Кісі — человек (первоначально: особь). Кăргăннăх — кăргăн + аффикс обладания lăх; — см. предыдущее примечание.

[3] Слово кăргăн — с притяжательной местоименной приставкой 1-го лица множ. числа: «мои домашние».

[4] Ыал — двор, житель, сосед.

[5] Іђă — мать, ӯс — род; здесь последнее слово с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица единственного числа; все выражение — род матери.

Іǰä ӯса никакого официального значения не имеет.

Соединяясь в довольно значительном числе (до 30), іǰä ӯстара[1] образуют собою аҕа ӯса[2]. Это — мельчайшая единица подразделения якутского племени в административном и поземельном отношении, а потому в сфере отношений между различными аҕа ӯса получает значение формализма. Можно перечислиться из одного аҕа ӯса в другой, — и это будет значить, что перечислившийся теряет право на надел из владений аҕа ӯса, к которому принадлежал раньше, и получает право на надел из земель того аҕа ӯса, к которому причислился. Есть случаи, — и их сравнительно не мало, — что родные братья принадлежат к двум различным аҕа ӯса.

Таким образом, о действительном общем происхождении членов аҕа ӯса от одного предка не может быть и речи; но якуты все таки считают лиц, принадлежащих к одному аҕа ӯса, происходящими от общего предка, и самое аҕа ӯса называется по имени этого предполагаемого предка. Так, если говорят Сäгір аҕатын уса, Абды аҕатын ӯса, Кыігы аҕатын ӯса, то это, обыкновенно, значит, что свое происхождение эти группы ведут от родоначальников Сäгір'а, Абды и Кыігы.

Аҕа ӯса, соединяясь по 2—6, образуют нäс(т)іlіäк. Едва ли можно сомневаться, что слово это русского происхождения (наслег — ночлег: — Даль «Толк. Сл.» II, 483). Но якуты и здесь приурочивают свои подразделения к происхождению от общего предка, по имени которого нäс(т)іlіäк и называется. Так, Сасыл нäс(т)іlіäк или просто Сасыл, в их представлении произошел от размножения семьи Сасыл'а, Сіällāх нäс(т)іlіäк — от Сіällāх'а, и т. д. Иногда к названию лица даже прибавляется и слово ӯс: так, говорят Оjӯн ӯса нäс(т)іlіäк. О том, чтобы все лица, входящие в состав нäс(т)іlіäк'а, действительно произошли об общего предка, не может быть и речи: группы эти всегда соответствуют подразделению на «наслеги», — а это есть административная единица второго разряда, не только имеющая в своем пользовании определенные земли и во главе своей — управителя и судью по выбору родовичей и с утверждения агентов русской правительственной власти, но еще и играющая роль единицы обложения. Перечисления из наслега в наслег сопровождаются большими формальностями, так как вызывают соответствующие изменения в обязательствах обоих наслегов перед фиском. Бывают даже случаи перечисления целого рода от одного наслега в другой.

Наслеги (числом от 8—30) образуют в своей совокупности улӯс'ы[3]: это еще более искусственно созданные единицы, нежели нäс(т)іlіäк'и, и весьма возможно, что самое слово улӯс, хотя оно и татарского происхождения, принесено сюда русскими. Но якуты считают улӯс'ы потомством одного лица. Это показывают уже сами названия некоторых улӯс'ов: Бajаҕа (бāі аҕа[4]), бо(ō)турус (бōтур ӯс[5]).

Наконец, якутам не чуждо представление об общем происхождении всех якутов (сахалар) от одного предка. Популярнейший герой якутских сказок, Äрäідāх-буруідāх

---

[1] Ӯс — с притяжательной местоименной приставкой 3-го лица множ. числа.

[2] Так, в аҕа ӯса, называющемся Соҕуі (во 2-ом Игидейском наслеге Баягантайского улуса), входят іǰä ӯстара: Тӯlӯгрāн, Мӯчун, Кылāхы, Läкäр, Ытыjык(к?)ы, Дjāрмаҥса, Сабрыі, Агрыс и сравнительно недавно откуда-то пришедшие Бöдöгöі (С. В. Слепцов).

[3] Этимологически улӯс, повидимому, есть улӯ (чрезмерно большой) ӯс (род).

[4] «Богатый отец».

[5] «Род Бōтур'а». Бāтыр или, что то же, бōтур — батырь, богатырь.

Äр Соҕотох[1], во многих версиях называется предком всех якутов (В. Л. Приклонский, В. Я. Слепцов и др.). Хара Кырчыт, по версии В. Л. Приклонского, — родоначальник нынешних якутов. Из собранных тем же автором сказаний мы узнаем, что Ölÿн Дохсун, сын Улкумнју Улāн'а, и жена его «вошли в число предков нынешних якутов». Предания об Омоҕоі бāі'е и Ällāі'е слишком известны, чтобы на них здесь, в сводке материала, останавливаться (Щукин, Спасский — в Сиб. Вестн. 1824 г., Приклонский, Худяков, Красовский и др.; мною записаны сообщения Афанасьевых и В. Я. Слепцова).

Божественность происхождения предка всех якутов также удалось констатировать. Хара Кырчыт, будучи, по выше указанной версии В. Л. Приклонского, — родоначальником «нынешних» якутов, считает, по той же версии, Ӯт āс олбохтōх Ајы-тојон'а[2] своим отцом. Происхождение якутов от Ајы-тојон'а признает и С. В. Слепцов, может-быть, под воздействием библейских преданий. Но Ällāi, по показаниям Афанасьевых и В. Я. Слепцова, в представлениях якутов не имеет в себе ничего божественного.

Необходимо отметить, что, как пояснил мне С. В. Слепцов, группа лиц, происходящих от одного предка, имеет своего таҥара. Этим таҥара всегда бывает или птица, или домашнее животное, или даже дикий зверь. Так, все лица, считающие своим предком Ігідäі'я (это название теперь носят 4 наслега: 2 — Баягантайского и 2 — Ботурусского улусов; в начале XIX столетия все эти наслеги составляли один, входивший в состав Ботурусского улуса), имеют своим таҥара зверя хотоі'я, под которым якуты разумеют и орла, изредка появляющегося в пределах Якутского округа, и льва, воспоминание о котором они вынесли из прежнего (южного) места своего жительства (представление о хотоі'е у теперешних якутов смутно, и существо это носит на себе признаки мифического). Точно так же племя Хаҥалас (это имя носят также несколько наслегов различных улусов; историческая судьба этого племени замечательна: его раскидало по всему пространству нынешней Якутской области) почитает, как своего таҥара, белого жеребца, у племени Нам в качестве таҥара выступает лебедь, у Олекминских якутов — аист. Якут считает грехом (ајы) и іäстāбіllāх суол — убить то животное, которое является для него таҥара, а тем более есть его мясо, но за пределами племени, среди которого это животное считается таҥара, это становится вполне возможным. Так, ни один правоверный Хаҥалас не станет есть мясо белого жеребца, но якут всякого другого племени никогда не спросит хозяина, какой масти жеребца мясо ему предложено. На моих глазах в районе, занятом племенем Ігідäі, в населении вызвало суеверный страх за будущее то обстоятельство, что русский подстрелил орла; но Нам не боятся, по словам Г. К. Оросина, убивать орлов.

Во II-ой главе, в рубрике «Субъект обязательственного права: правоспособность отдельных хозяев», было уже упомянуто, что на усадебную землю якут смотрит, как на нечто священное. Такой взгляд порождается двумя обстоятельствами, — и оба они весьма характерны с рассматриваемой точки зрения. Прежде всего в усадьбе имеется домашний очаг; поэтому, в случае разрушения усадьбы принимаются меры к тому, чтобы ни скот ни люди не топтали того места, где некогда пылал огонь домашнего очага (С. В. Слепцов).

---

1 «Несчастный — злосчастный бобыль».

2 «Творец-господин на сиденьи из молочно-белого камня» — якутское «высшее божество», если можно так выразиться.

Затем, к этому присоединяется то отношение, которое живет в каждом якуте к своим предкам. «Столбы коновязи (сāргā)»[1] — пишет Э. К. Пекарский со слов старого родоначальника, Константина Большакова, — «особенно почитаются» (якутами) «потому, что к ним привязывают конный скот, которому покровительствует сылгы іāјāхсітā»[2] (покровительница скота), — Џöсöгöі[3] ајы: последняя может рассердиться, если столб-коновязь порубить, например, на дрова. Столбы-коновязи стоят до тех пор, пока от ветхости не упадут, и валяются на земле, если за ними некому присмотреть; если же повалится столб, оставшийся на месте жительства предка ныне здравствующего якута, то последний считает своею обязанностью отнести его куда-нибудь в лес и положить в промежуток между двумя лиственницами, сросшимися у основания; сколько бы таких столбов ни было все их кладут между этими лиственницами, друг на друга».

При этом нужно отметить что небольшие подобия коновязей (тӯсālгā сāргāтā) ставились при весенних игрищах якутов (ысыах) для целей отправления культа. Э. К. Пекарский находит возможным предположить в тӯсālгā сāргāтā — зародыш жертвенника.

Названия для главы семьи следующие: басылык, тојон, дјіālāх тојон, аҕабыт, тојоммут, бас білāччі. Слово басылык[4] при общей работе (например, неводьбе) означает: распорядитель, бастāн џасајāччы[5], по отношению к наслегу: старик, старейшина (употребляется часто вместо слова кырџаҕас[6]). Поэтому, и в применении к семье слово это означает человека, имеющего главное управление хозяйством, и тогда вполне совпадает с выражением бас білāр[7], которое также означает вообще: иметь право распорядиться чем-нибудь, хотя бы и не целым хозяйством, можно сказать: от[8] басын білāр — он распоряжается сеном (С. В. Слепцов и Афанасьевы).

Тојон — начальник, господин. Этим же словом якуты называют должностных лиц, — как своих выборных, так и коронных. Слово дјіālāх[9], будучи присоединено к слову тојон, имеет значение подчеркивания, что речь идет о хозяине дома, — по большей части именно данного дома, в случаях, когда незнакомец говорит в юрте, где несколько мужчин. Слова: аҕабыт, тојоммут[10], — как отдельно каждое, так и рядом стоящее, — также означают главу семьи в устах жены, детей, работников и должников. Правда, некоторый оттенок вульгарности, констатируется Афанасьевыми в этом обычном выражении; но тут же они прибавили, что иногда это говорится и совершенно искренне и серьезно. В Дюпсюнском улусе (Афанасьевы) работники чаще говорят убаібыт[11], нежели аҕабыт.

---

1 Эти столбы составляют неотъемлемую принадлежность каждой благоустроенной юрты; для коня каждой новой невестки, вступающей в дом якута, ставится новая коновязь.

2 Іāјāхсіт — нарицательное имя.

3 Собственное имя.

4 Глава, от бас — голова.

5 Бастāн — деепричастие от глагольной основы бастā — делать что-нибудь первым; џасајāччы — nomen agentis от глагольной основы џасаі — заботиться, распоряжаться.

6 Старик, старый.

7 Глагольная основа біl — знать, ведать, бас — голова, нечто главное. Біlāр nomen praesentis от біl.

8 От — сено.

9 Дјіā — дом (с аффиксом обладания lāх. — Об этом аффиксе см. выше, стр. 171).

10 Это — слова аҕа и тојон с притяжательными местоименными приставками 1-го лица множественного числа: наш отец, наш господин.

11 Убаі — дядя (с притяжательной местоименной приставкой 1-го лица множеств. числа: наш дядя).

При обращении к главе семьи родные называют его так, как то требуется их родственными отношениями (но жена называет его всегда — доҕор — товарищ); работники нередко называют стариков аҕа и убаі.

Наоборот: работников члены семьи называют в третьем лице уол[1], при обращении к ним — ноко, нојон[2], хотя бы он был женат; работнице в третьем лице — кыс[3], при обращении — хотуоі[4], хотя бы она была замужняя.

С. В. Слепцов (Баягантайский улус) не знает, чтобы в каких-нибудь случаях исключительное право на домашнее жертвоприношение принадлежало главе семьи, даже думает, что преимущество в этом отношении всегда на стороне домохозяйки. Но Афанасьевы (Дюпсюнский улус) утверждают, что при переходе в новое помещение жертву уот іччітігӓр всегда приносит глава семьи. Это не сходится с сведениями В. М. Ионова, который вообще не знает жертвоприношений главы семьи и, в частности, указывает на то, что при переходе из летника в зимник и обратно жертвоприношение совершает хозяйка дома, а не хозяин.

Гораздо больше указаний пришлось встретить на остатки патримониального суда главы семьи. По версии В. Л. Приклонского, потерявший в битве с якутскими богатырями своего младшего брата, небесный богатырь поет: «беда и горе. Что я скажу отцу моему, Улӯ тојон'у, — куда девал брата своего?»

В прежнее время домовладыка судил своих домочадцев; теперь родовая власть передает на суд домовладыки иск против роботника последнего только тогда, когда и домовладыка, и работник не этого наслега (С. В. Слепцов, Баягантайский улус). Дискреционной власти публично наказывать сына у отца нет. Если братья и работники судятся, то родовая власть пошлет их сначала к домовладыке, и только в случае отказа последнего дать тяжущимся суд станет судить сам староста или старшина. В Дюпсюнском улусе (Афанасьевы) допускается отправка старостою тяжущихся к домовладыке, лишь как знак особого уважения к последнему, но и тут есть опасность для старосты: как бы домовладыка не подумал, что староста хочет свалить на него свою обязанность. Во всяком случае, домовладыка обыкновенно всеми средствами старается уладить дело между домочадцами и принимает в этом деле близкое участие, и если одна из тяжущихся сторон не пожелает подчиниться его решению, тяжущиеся обратятся к родовым властям[5].

Все опрошенные лица единогласно утверждают, что глава семьи пользуется дискреционным правом подвергать своих домочадцев изгнанию, причем Афанасьевы добавляют, что если сын взрослый, то с самоуправством отца родовая власть бороться не в силах. Но вечное изгнание никогда не практикуется: прогоняют на 1—2 года; вообще же срок

---

1 Сын и парень (холостой).

2 Уничижительные слова по отношению к взрослым мужчинам, но обычное обращение по отношению к маленьким мальчикам.

3 Девушка, дочь.

4 Уничижительное слово при обращении к взрослой женщине или девушке, но обычное — при обращении к маленьким девочкам.

5 Не безынтересно отметить, что Э. К. Пекарскому, В. М. Ионову и мне приходилось выступать, когда мы стояли каждый во главе своих хозяйств, в роли судей-патриархов. Я разбирал дело по иску денежной суммы с моего работника посторонним якутом, В. М. Ионов — дело о вознаграждении за случайное поранение при производстве работ, и т. п.

изгнания «до исправления». Изгнание не предполагает обеспечения изгнанного со стороны главы, но иногда главы семей дают изгнанному сыну «кое-что». В первом случае родовые власти, вследствие жалобы сына, могут принудить отца дать «скот на пропитание». Указывается при этом на постоянное желание родовых властей примирить отца с сыном и, если это человек взрослый, обещающий быть полезным членом общества, то, исчерпавши все меры к примирению, в конце концов заставят отца выделить для изгнанного анабыл. По их словам, бывают случаи, что отец кöрбöт[1] и маленького сына; в таком случае, после попытки воздействия на отца, сын будет отдан родовою властью в другую семью и на его пропитание будет выделена часть из имущества отца.

В той или другой степени престиж отцовской власти поддерживается родовыми управителями. За простое неподчинение отцу родовые власти могут подвергнуть сына заключению при Родовом Управлении и даже пригрозить розгами. По некоторым сообщениям, неисполнение сыном даже прихоти отца может служить предметом судебного разбирательства, в результате которого всегда является наказание сына. Афанасьевы идут еще дальше, говоря, что даже жалоба на сына в такой неопределенной форме: санăбын таппат[2], влечет за собою судебное разбирательство, но все же потребуют от отца некоторых объяснений. Но при этом Афанасьевы смягчают картину указанием на то, что все же дискреционного права требовать наказания сына при содействии родовой власти отец не имеет. Объяснения от отца родовые власти потребуют во всяком случае и постановят решение по своему собственному усмотрению. С другой стороны, по словам тех же родоначальников Дюпсюнского улуса, за жалобу сына на единичный случай побоев со стороны отца осудят скорее сына, хотя побои взрослых детей общественным мнением и осуждаются (наказание маленьких детей побоями не вызывает никакой реакции со стороны общества). Но опять-таки в случае жалобы сына на постоянные побои от отца, последнему родовые власти предложат обращаться с жалобами на сына в Суд, а не бить; но наказания отцу за побои, наносимые им сыну, ни в каком случае не положат.

Положение домовладыки, отказавшегося от власти в пользу своего сына, не освобождает последнего от послушания и почтения к своему отцу. Если сын атаҕастыр[3] отца, т. е. содержит и обращается с ним не так, как он, по своему прежнему положению в семье и обществе, того заслуживает, — то отец может обратиться в суд. Отказавшийся от власти старик имеет право на такой же почет, каким пользовался и ранее, и только одно право распоряжения обще-семейным имуществом переходит к сыну.

За обиды, за непочтение, даже за непослушание сына передавший ему главенство отец может, по словам Афанасьевых, жаловаться в Суд. Другими словами, безусловно передается сыну только право представительства, само же главенство факультативно остается в руках отца.

Слияние понятия о родстве с понятием о подчинении в якутских представлениях выражается в том, указанном мною факте, что, несмотря на очевидно различное происхождение отдельных семей в аҕа ӯса, отдельных аҕа ӯса — в нăс(т)iliăк'е и отдельных

[1] Буквально: не видит, в переносном смысле: не терпит, не выносит.
[2] «Не делает того, что мне нравится или кажется лучшим».
[3] Притесняет (без оттенка извлечения материальной выгоды).

нăс(т)іliăк'ов — в улӯс'е, якуты все же говорят обо всех этих группах, как о происшедших от общего предка. Тот же элемент первобытного мышления наблюдается и в употреблении слова тоjон для наименования и главы семьи и выборного или коронного начальника. В употреблении слова кырцаӈас и аӈабыт для обозначения управителей нăс(т)іliăк'ов и аӈа ӯса, — в наименовании работниками своих господ словами убаі и аӈа, — в названии невесткой свекра — тоjон'ом и свекрови — хотун'ою[1], — наконец, в факте усыновления посторонних, причем усыновленный или удочеренная ничем не отличаются от родного дитяти.

Но усыновление не влечет за собой неизбежно таких последствий. Положение усыновленного определяется обстоятельствами. Есть случаи, когда усыновитель при всяких обстоятельствах смотрит на усыновленного, как на свое родное дитя, соответствующим образом к нему относится и требует такого же отношения к нему со стороны других. Случаи эти определяются различными причинами: неимением других детей, хотя бы только не отделенных, привязанностью и преданностью усыновленного к усыновителю, чувством привязанности к нему со стороны усыновителя и пр. Но, в случае смерти усыновителя до того времени, когда усыновленный успел отделиться, последний пользуется всеми правами родного сына только тогда, когда усыновление оформлено сообразно требованиям русского закона. В противном случае, наследник получает кое-что из движимого имущества покойного, по усмотрению прямых наследников, но во всяком случае меньше, чем получил бы родной сын на его месте, а что касается земли, то усыновленный выступает перед обществом с требованием так, как если бы он и не был усыновленным, — между прочим ни в каком случае не получит земли, раз он принадлежит к другому аӈа уса. Совершенно очевидно, что здесь извращается коренной обычай инородцев и что это происходит благодаря тому, что коронный Суд, в противность ясному требованию 32 ст. Положения об Инородцах изд. 1892 г., применяет при рассмотрении возникающих между инородцами дел положительный закон, не справляясь с инородческими обычаями.

Случаи усыновления детей одного возраста с неотделенными (девочек при наличности девочек того же возраста и мальчиков — при наличности мальчиков того же возраста) чрезвычайно редки.

При наличности неотделенного сына усыновляют, по большей части, маленьких детей, когда родной сын уже на возрасте и готов покинуть семью, — для того, чтобы по отделении родного сына не остаться в семье без работника или доверенного человека, — нередко специально для того, чтобы получить от агауса надел на усыновленного (почему, как общее правило, усыновление мальчика из другого аӈа ӯса, может произойти не иначе, как с согласия того аӈа ӯса, к которому принадлежит усыновитель); берут по большей части, в этих случаях, родственника — нередко внука. Усыновленное таким образом лицо называется ітіăх уол или кы̄с[2]. Бывают случаи, когда на воспитание берутся дети бедных родственников из желания помочь последним; тут усыновленные обыкновенно не пользуются всеми правами родных детей, но, как выразились Афанасьевы, — сообразно труду,

---

[1] Хотун — госпожа, хозяйка.

[2] Воспитанник или воспитанница в буквальном смысле, так как глагол іт, ітăбін (от которого ітіăх — nomen futuri) значит вскармливать (о детях и животных). Уол — мальчик, сын, кы̄с — девочка, дочь.

вложенному усыновленным в хозяйство, ему может быть присуждена даже известная часть общесемейного достояния».

Рядом с случаями, когда усыновленный пользуется всеми правами родного дитяти потому, что у усыновителя вовсе нет сыновей, следует поставить и случаи, когда усыновляется мальчик специально для передачи наследства. Когда все дети отделены и своих ждать уже нельзя более, а имущество, оставшееся у стариков на руках, более или менее значительно, то в дом берется воспитанник (по большей части внук), который пользуется всеми правами родного сына и рекомендуется, как единственный наследник всего, имеющего остаться после стариков имущества. Усыновляют в этих случаях по большей части маленьких детей, но иногда и взрослых.

Такими взрослыми могут быть зятья лишь в среднего достатка семьях, так как в богатых они из другого наслега или даже улуса и перечисление их к административной единице, к которой принадлежит усыновитель, представляет не мало неудобства (таким человеком, как зять богатого якута, не может быть лицо, не пользующееся значением и в глазах членов своего рода); в семьях среднего достатка и бедных, наоборот, встречаются затруднения со стороны того ага уса, к которому принадлежит усыновитель: принятие зятя вызывает наделение его землею. Но как во всех этих случаях, так и в особенности при принадлежности зятя и тестя к одному аҕа ӯса, случаи усыновления первого вторым встречаются, хотя и не особенно часто.

Как мне сообщил В. М. Ионов, при передаче ребенка на воспитание вместе с ребенком непременно нужно иметь с собою масло для принесения в жертву огню. Это можно было бы рассматривать, как приобщение ребенка к культу огня воспитателей. Но, по словам М. Н. Ионовой, обычай этот соблюдается при каждом даже случайном посещении с колыбельным ребенком кого-нибудь из старших родственников (аҕа урӯ)[1], — а в том числе и родственников по матери, к культу которых немыслимо приобщить ребенка, так как родство у якутов — строго агнатическое. По сообщению М. Н. Ионовой, обычай этот соблюдается и при переходе из летника в зимник и обратно. Теперь это имеет место лишь до тех пор, пока ребенок колыбельный; раньше же практиковалось до 7-ми летнего возраста дитяти. Из дальнейших расспросов той же М. Н. Ионовой оказывается, что жертвоприношение огню имеет место лишь при первом посещении какого-либо жилья и что оно практикуется при посещении вообще каждого жилья в первый раз. Другими словами в обычае, указанном В. М. Ионовым, нет ничего, что относилось бы специально к передаче на воспитание ребенка, а выражается лишь известного рода отношение, устанавливаемое обычаем между рождением ребенка и культом огня.

Патриархальная семья характеризуется еще относительными правами отдельно мужа и жены на усыновление и отношениями между genitores и parentes. Материал, сюда относящийся, сгруппирован мною ниже, в главе о брачном и семейном праве, в рубрике «расширение семьи, усыновление».

Сыновей отделяют, как общее правило, вместе с женитьбой или вскоре после нее, но если бы этого не случилось, то сын может уйти, а требовать выдела права не имеет

[1] Аҕа в первоначальном смысле, по словарю Э. К. Пекарского, значит старший годами (откуда уже аҕа — отец), урӯ — родство, родственник.

(как упомянуто выше, имеет право искать «на пропитание»). Но при наличности известных обстоятельств, родовые власти могут принудить главу семьи к выделу сына в таких размерах, как если бы выдел происходил по желанию отца. Обстоятельствами этими можно считать следующие 1) сын — взрослый; 2) он женат; 3) ссора между отцом и сыном такого характера, что заставляет общество стать в данном случае на сторону сына. В одном из наслегов Дюпсюнского улуса общество мирило сына с отцом и при этом объявило отцу, что сын имеет право на выдел. И действительно, сыну предоставлено было взять, помимо желания отца, свой анабыл (сделанный значительно раньше чуть ли еще не до женитьбы) и приданое полученное за женою. В Мегинском улусе до женитьбы никогда не отделяют и во всяком случае, не раньше того, как отец найдет сына способным самостоятельно вести хозяйство. Но, — прибавляет В. Я. Слепцов, — если при отце живет несколько сыновей, то дистигшие 18 лет (сокунаі са̄с[1]) могут требовать выдела.

Напомню приведенный выше факт, что в число калымной дачи входит кӱтӱöт кäсіта̄, даваемое родителям невесты, «как бы от имени жениха», что предполагает обязательность выдела известной части имущества сыну, готовящемуся вступать в брак.

Для оттенения характера якутского патриархального строя надо было осветить вопрос с точки зрения отношений к роду со стороны когнатов.

Замужняя дочь обязана оказывать отцу почтение и жалоба отца на дочь всегда окончится более строгим отношением родовой власти к делу, чем если бы обвиняемым лицом была не дочь, а посторонняя женщина. Афанасьевы выражаются в том смысле, что «когнаты обязаны соблюдать то отношение к главе рода, относиться с таким же почтением, как и агнаты». Но относительно материальной помощи больше обязанностей на агнатах; между прочим, когнаты очень заботятся, чтобы имущество не выходило за пределы их агнатического круга родственников. Констатируется, что за помощью к якуту («хараі», — «дай что-нибудь», «помоги чем-нибудь») родственники его жены обращаются довольно часто. Мать, оставшись одинокою, нередко переходит к замужней дочери, но при этом большею частью родовые власти, которым подчинена старуха, берут с зятя ее подписку в том, что он не возвратит старухи в ее род до смерти, а в случае смерти на станет от рода требовать возмещения расхода по похоронам. Далее В. Я. Слепцов категорически утверждает, что в отношениях между кровными родными женщины и ее мужем элемента власти — с одной стороны и подчинения — с другой вовсе нет и сама женщина должна сообразовать все свои поступки с требованиями мужа и его родных, но не с требованиями своих кровных родственников.

---

[1] Сокунаі — измененное по правилам якутской фонетики русское слово: законный; са̄с — в данном случае возраст (первоначальное значение — год).

ГЛАВА IV.

Семейное право.

А. Заключение брачного союза.

а) Сговор (Кӧрсӱ).

Якутские сказки заключают в себе не мало указаний на то, что брак среди якутов заключался некогда путем умыкания, вызывающего собою погоню родных за увезенной девушкою. Это видно уже по опубликованным сказкам В. Л. Приклонского (см., например, «Жив. Старина» III, 171, 172); но полное выяснение вопроса с этой стороны возможно будет лишь по выходе в свет фольклорного материала, собранного В. М. Ионовым, Э. К. Пекарским и С. В. Ястремским. Точно так же некоторые свадебные обычаи, которые будут приведены мною ниже, могут быть рассматриваемы как «переживания» древнего умыкания невест.

Выше упомянуто было об обычае аҕасын (балтын) уҥуоҕун тӧннӧрӧр. В одной из сказок, записанных В. Л. Приклонским, богатырь, похитивши сестру другого богатыря, сам посылает последнему взамен свою сестру. В другой сказке, записанной тем же автором, богатырь собираясь похитить девушку, встречает ее с ее братом и приходит к мысли просить у последнего, объяснивши ему свое намерение, мирно уступить ему его сестру. Может-быть, все это нужно рассматривать, как переходные ступени к добыванию жен мирным путем.

Кроме того, здесь можно видеть и указание на то, что первоначально выкупом за женщину могла быть только женщина, — проявление общего принципа первобытного права jus talionis. Вот — именно то соображение об обычае аҕасын (балтын) и т. д., которое я обещал высказать в главе об экзогамическом основании брака. Соответственно с этим, на мой взгляд, якуты ошибаются, когда говорят, что упомянутый обычай был вызван к жизни тем обстоятельством, что при соблюдении его облегчался расчет калымных дач: это облегчение несомненно сознавалось, но лишь после того, как на ряду с расплатой за невесту по принципу jus talionis стали выкупать невесту и за скот и движимость вообще. Таким образом исторический обычай «аҕасын» и т. д. вовсе не был усовершенствованием выкупа невесты за движимость, а, наоборот, из этого обычая постепенно выработался выкуп.

Следы того, что брат имеет право распоряжаться рукою девушки, относятся к доказательству господства некогда матриархата. На присутствие этих следов в якутских сказках и указано мною в отделе о матриархате. В настоящее время право распоряжаться рукою девушки всецело находится во власти отца этой девушки.

Уговор о заключении брака между детьми начинается родителями последних очень рано. В. Я. Слепцов и С. В. Слепцов разсказывали мне случаи, когда уговор происходил между людьми, жены которых были еще беременны будущими супругами. Уговор происходит между родителями и тогда, когда девочке, например, до 10 лет, а мальчику 12—13, Наконец, сговаривают и молодых людей, достигших половой зрелости. Чем богаче семьи, желающие породниться, тем, как общее правило, раньше начинаются сговоры. Это имеет

место в особенности в тех случаях, когда семьи живут не далеко друг от друга. С одной стороны, богатым людям приходится очень долго рассчитываться за калым и приготовлять приданое, что выгоднее делать постепенно; с другой стороны, породниться, хотя бы при помощи сговора, это значит заручиться поддержкою своих новых родственников, — поддержкою, которая для богатых людей гораздо более интересна, нежели для бедных. Но случается, что и богатые сговаривают своих детей, когда они уже выросли. В среднем классе по большей части сговор происходит, когда девочке 13—14, а мальчику 14—15 лет; до венчания остается 2—3 года, а этого вполне достаточно, чтобы уладить дело с калымом и с приданым. Наконец, в бедных семьях, где нет торговых или денежных оборотов и где во всякое время готово решительно все, что могут они предложить в виде калыма — с одной стороны и приданого — с другой, сговор, свадьба и переезд молодой в дом свекра быстро следуют одно за другим, а потому сговор имеет место по достижении молодыми людьми не только половой зрелости, но даже и возраста, допускающего по уставу господствующей церкви венчание. По тем же экономическим причинам в бедных семьях нередко можно встретить перезрелую девушку и холостого парня лет 25.

При обычных условиях, сговор, по рассказу С. В. Слепцова, происходит так: сначала посылают суорумнју, т. е. человека, который бы узнал, согласны ли родители невесты отдать ее за их сына[1]. Суорумнју никаких подарков с собой не везет и ничего не получает от родителей невесты. Обыкновенно суорумнју о калыме не говорит ни слова. Но Афанасьевы прибавили, что ему иногда поручается узнать, хотя приблизительно, размер калыма, который предполагают родители взять за свою дочь. Нередко, даже в случаях, когда роднятся браком очень зажиточные семьи, к услугам соурумнју не прибегают вовсе, и родители сговариваемых сами же уславливаются о калыме и проч. В случае решения дела в благоприятном для дальнейших действий смысле, жених едет смотреть невесту. Это первое посещение женихом дома невесты называется кӧрсӱ̄[2].

Жених отправляется с водкой; его сопровождает тот, кто раньше ездил в качестве суорумнју, а также и доверенное лицо родителей жениха, снабженное особой инструкцией для заключения условий на счет калыма, причем, однако (Афанасьевы), последнюю миссию берет на себя иногда и суорумнју. Если жениху невеста не понравится, то он не угощает водкой и уезжает, если же, наоборот, невесте не понравится жених, то она не станет пить водки и целоваться с женихом.

У других опрошенных лиц последний из описанных обычаев подвергается вариациям.

С. В. Слепцов говорит, что жених не станет угощать водкою до тех пор, пока чрез сопровождающих его лиц, не узнает, что невеста склонна итти за него.

Афанасьевы, с своей стороны подтверждают сообщение С. В. Слепцова в его первой части (т. е. что жених выставляет водку, не будучи осведомленным о настроении невесты); но затем дело происходит не так, как описывает С. В. Слепцов. Якутский этикет, по их словам не допускает, чтобы невеста отказывалась от предложенной женихом, как и всяким другим человеком, водки, и потому, если ей жених не понравится, то она дает знать об этом другими путями.

[1] Дать филологическое объяснение этому слову я затрудняюсь.

[2] Смотрины. Кӧр — смотреть, кӧрӱс — смотреть друг на друга, кӧрсӱ̄ — nomen actionis от кӧрӱс.

Договариваясь и даже заключая самые точные и определенные условия относительно калымной дачи, якуты никогда не уславливаются на счет приданого: оно, по выражению С. В. Слепцова, должно «соответствовать» калыму; в этом же смысле высказался и В. Я. Слепцов.

Чем больше калым, тем продолжительнее идут переговоры, и едва ли на корсӯ среди людей богатых окончательно приходят к соглашению. Но, во всяком случае, полное соглашение — необходимое условие для того, чтобы начать выплату калыма и тӯсā барыахха, как сообщает В. Я. Слепцов и Афанасьевы. По крайней мере так бывает в настоящее время. Прежде (С. В. Слепцов) условия о калыме заключались именно при тӯсā барар.

Иногда (преимущественно в случаях, когда сговариваемые — малолетние) имеет место обычай ӱтӱlӱк атастасар[1]. Он заключается в том, что сваты, спросивши о согласии сговариваемых вступить в брак, надевают на правую руку рукавицы, в которые вложены деньги (со стороны жениха больше, например 10 рублей против пяти рублей со стороны невесты), и, подавая друг другу руки, обмениваются рукавицами. В прежнее время место денег занимала пушнина. При совершении этого обряда на иконы не молятся.

Мне известен случай, когда при заключении брачного договора не было ни суорумнју, ни кӧрсӱ: жених прямо поехал тӯсӯ (см. след. рубрику). Объясняли это тем, что желание породниться высказал первый отец невесты, а не отец жениха.

Калым, т. е. уплата родителями жениха родителям невесты за право взять последнюю к себе в дом, как жену сына, называется кыс сулӯта.

Сулӯ — специальный термин, в этом случае с притяжательной местоим. приставкой 3-го лица единств. числа, кыс — девушка. Перевод: сулӯ, которое берется с родителей жениха за девушку, уходящую в замужество. Слово халы̄м — якутам известно; но оно занесено к ним, кажется, русскими. Говорят: «сулӯта хасыі?» — как велико ее сулӯ? «хаска кāпсāппіт?» — за сколько взял, за сколько уговорился? «хаска барбыт?» — за сколько ушла? — как если бы речь шла не о девушке, а о продаваемой лошади или стоге сена.

С. В. Слепцов разбил кыс сулӯта на три части соответственно тому, что при каждых двух штуках скота полагается по кāсі в виде небольшой скотины, тыі, тісāңā, или тысаңас[2], что и составляет тӧргӯ или кӱтӱӧт кāсітā.

Другими словами, кыс сулӯта при калыме в размере сылгы бірā[3] составляется из 6 больших скотин + 3 кāсі.

М. Н. Ионова для сулӯ дает также 6 скотин, подразделяет их на сулӯ собственно и на атастасар сулӯ[4], и при каждой из этих двух частей полагает по одному кāсі.

---

[1] Ӱтӱlӱк — рукавица. Атастасар — nomen praesentis от атастас — обмениваться, последнее — взаимная форма от атастā, которое — глагол от атас — приятель, друг. Слово атас Böhtlingk сближает с аты̄ — цена и видит здесь доказательство тому, что в древнее время заключение торговой сделки и дружба (т. е. отсутствие враждебных отношений) совпадают одно с другим.

[2] Касі — см. выше гл. II; тыі, тісāңā, тысаңас — названия для молодняка, тыі — жеребенок, остальные два — телята по второму и третьему году.

[3] Сылгы — голова конного скота (кобыла, жеребец, мерин), бір — один, в данном случае — с притяжательной местоименной приставкой 3 лица единств. числа. Бір сылгы — одна лошадь; но сылгы бірā точному переводу не поддается; ближе всего выражение: «то, что принадлежит (или относится) к одной лошади».

[4] См. выше примечание к выражению ӱтӱlӱк атастасар. Перевод: «сулӯ, за которое дается нечто взамен».

У Афанасьевых кы̄с сулӯта состоит всего из 4 скотин.

Из числа скота, входящего в кы̄с сулӯта, 2 штуки, по С. В. Слепцову и Афанасьевым, вовсе не приводятся женихом к родителям невесты: они остаются у жениха, как часть приданого. Но 4 коровы атастасар сулӯ (по М. Н. Ионовой) все-таки доставляются родителями жениха родителям невесты и, затем при переходе невесты в дом свекра, взамен этих коров отправляются в виде приданого другие в том же числе.

Специальное значение курум'а[1] мне не удалось выяснить, но курум всегда исчисляется от сулӯ. Обыкновенно, привозят курум в виде туш битой скотины. Но здесь проявляется лишь расчет: шкура и потроха скотины остаются в пользу родителей жениха. В сообщениях С. В. Слепцова и Афанасьевых размеры курум'а и кы̄с сулӯта являются в обратном отношении: он больше у Афанасьевых и меньше — у Слепцова; но кы̄с сулӯта + курум у Слепцова больше на одну скотину, нежели maximum той же дачи у Афанасьевых.

М. Н. Ионова говорит, что при калымной даче в размере «сылгы бīрă» часть его, называемая курум, может не превышать одной кобылы. В общем, по М. Н. Ионовой, сулӯ курум меньше той же дачи С. В. Слепцова на одну скотину и меньше maximum'a дачи Афанасьевых — на две скотины.

Тӧргӯ кăсīтă[2], по самому своему названию, не может играть самостоятельной роли и не может быть больших размеров. С. В. Слепцов не сообщил мне ее размера; но М. Н. Ионова пояснила, что на каждое сулӯ (6 штук скота в калыме размера сылгы бīрă) в виде тӧргӯ кăсīтă идет одна или две маленьких скотины, и притом всегда именно как бы при кы̄с сулӯта.

Другое название для этой дачи, — кӱтӱӧт[3] кăсīтă, — указывает на то, что это дар самого жениха. Действительно, С. В. Слепцов об этой части калымной дачи выразил, что она дается «как бы от имени жениха». Наконец, та же дача имеет еще название кӱтӱӧттӱр кăсī[4], что показывает, что эта часть калыма уплачивается за право жениха посещать невесту (правильнее жену) в доме ее родителей до кы̄с сӱктăр'а (см. ниже). По словам М. Н. Ионовой, якуты забывают это название, и на самом деле оно редко фигурирует в калымных расчетах; может быть, этим следует объяснить то обстоятельство, что Афанасьевы совершенно не упомянули о тӧргӯ кăсīтă.

Хоiносор[5] кăсī, как то показывает самое название, есть уплата за право жениха возлечь с невестой на ложе. У Афанасьевых размер этого кăсī показан в одну корову или одну кобылу, у М. Н. Ионовой — в $\frac{1}{2}$ скотины.

---

[1] Специальный термин.

[2] Тӧргӯ — торока. Перевод: «подарок, который привозят увязанным в торока» (позади седла).

[3] В узком смысле — муж дочери; в широком — этим названием обозначают все члены рода то лицо, которое взяло себе в жены девушку этого рода.

[4] Кӱтӱӧттӱр — nomen praesentis от кӱтӱӧттă, что является глаголом от кӱтӱӧт.

[5] Nomen praesentis от хоiнос — лежать вдвоем так, чтобы грудь (хоjун) приходилась к груди; противоположность этому атахтас (от атах — нога) — лежать вдвоем так, чтобы ноги приходились к ногам (или переплетались), а головы — в противоположные стороны. Но, как специальный термин, хоiнос — возлежать с женщиной, разделять с ней ложе, совокупляться с ней.

Сыӊāх хоӊнорӯта или сыӊāх хоӊнорор[1] представляет собою весьма интересное явление.

Замечательно, что в Баягантайск. ул., по С. В. Слепцову это — всегда деньги; В. Я. Слепцов говорит, что в их местности, где калым целиком всегда определяется на деньги, сыӊāх хоӊнорӯта, наоборот, бывает жирная кобыла или другая жирная скотина, и дается лишь при значительных размерах калыма, и всегда вручается родителям невесты при их отъезде из дома жениха после водворения молодой в доме ее свекра. Наконец, Афанасьевы говорят, что при расчете калыма на скот, под именем сыӊāх хоӊнорӯта разумеется вся денежная дача калыма; если же весь калым исчисляется на деньги, то кыс сулӯта показывается отдельно, а сыӊāх хоӊнорӯта — отдельно. Так, если на вопрос: «сулӯта хасыі?»[2] получается ответ: «ӯс мӧсӧк»[3], то это значит, что, кроме 300 р. сулӯ, будет наверное положено рублей 50—100 в виде сыӊāх хоӊорӯта.

Каково значение сыӊāх хоӊнорӯта?

Факт тот, что за девушку, которая мāӊăсікка[4] барар, т. е. которой не снаряжают коня, не платят и сыӊāх хоӊнорӯта. Поэтому можно было бы рассматривать, что под сыӊāх разумеется сыӊāх лошади, челюсть которой нужно раздвинуть, чтобы взнуздать. Но объяснение якутов (Серошевский, 546) сводится к тому, что это есть расплата (то ли родителям невесты, то ли ей самой) за раскрытие рта, когда выражалось согласие на заключение брачного союза. Во всяком случае ценность сбруи, надетой на коня невесты должна соответствовать размерам сыӊāх хоӊнорор. Возможны (Афанасьевы) пререкания из-за этого, или просто замечания: «взял так много в сыӊāх хоӊнорӯта, — и так скверно снарядил коня».

Водка, а иногда и вино, также входят в условия о размере калыма; но определенного количества на калым в сылгы бīрā вина и водки не полагается.

Наконец, Афанасьевы и М. Н. Ионова называют еще оҕо оннугар кӧрӧр кāсі[5]. Одна из опрошенных якуток сказала мне, что это должна быть непременно кобыла. Оҕо оннугар кӧрӧр сӱӧсӱ дается родителям невесты всегда в тот момент, когда они, оставив окончательно дочь в доме ее свекра, собираются уезжать домой. О времени уплаты каждой части калыма уславливаются заранее, и неустойка в каком бы то ни было отношении (время, качество скота, число его) дает другой договаривающейся стороне право иска.

В. Я. Слепцов констатирует, что всюду около г. Якутска расчет калыма производится на деньги; хотя очень часто фактически уплата калыма производится скотом, но большей частью, переводя его на деньги и идет вместо денег. Во всяком случае, представление об из-

---

[1] Сыӊāх — челюсть (а также полозья у саней), хоӊнорор — nomen praesentis, а хоӊнорӯта — nomen actionis (с прит. местоименной приставкой 3 лица единств. числа) от гл. хоӊнор — отделять что-либо от чего-либо, отколупливать. В данном случае — раскрывание челюсти.

[2] См. выше.

[3] Ӯс — три, мӧсӧк (измененное, согласно законам якутской фонетики, русское мешок) — 100 рублей.

[4] Мāӊăсіккă — дательн. пад. от мāӊăсік — акт путешествия верхом на лошади, причем человек сидит на крупе лошади за другим, едущим в седле. — Барар — от бар — ехать, итти. Все выражение: «едет не на своей лошади, а на чужой, сидя на ее крупе за всадником».

[5] Оҕо — дитя; в данном случае — дочь невеста. Оннугар — вместо. Кӧрӧр — от кӧр — смотреть. Все выражение: «Подарок, который предназначен для того, чтобы смотреть на него вместо того, чтобы смотреть на отсутствующую дочь».

вестного рода соотношении между различного рода скотом, при той или другой калымной даче, утратились там совершенно. Водка всегда входит в условие договора о калымной даче.

Сылгы бірā — это единица калымной дачи. Затем следуют: сылгы іккітā, сылгы ӯсā и т. д. до сылгы аҕыса (по некоторым — до сылгы уона)[1].

С. В. Слепцов говорит, что размер калыма увеличивается непропорционально числам сылгы; а Афанасьевы прибавляют, что пропорционально числам увеличиваются только быки, скот, входящий в сулӯ: хоіносор кāсі, сыңāх хоңнорӯта и т. д., если и увеличиваются, то не в такой прогрессии. Очень интересно отметить, что калым может исчисляться и на коров. Это я заключаю из встреченного мною в словаре Э. К. Пекарского выражения ынах сāттāтā[2] (ынах — корова).

Уплата калыма начинается сейчас же после кӧрсӯ. До приезда жениха с родителями и поезжанами в дом невесты (тӯсā барар; см. следующую рубрику) непременно должна быть уплачена хотя часть сулӯ с соответствующими кāсі, должно быть уплачено и хоіносор кāсі, так как при тӯсā барар жених вступает в права мужа.

Но это может быть и тут же привезено при тӯсā барар, как во всяком случае обыкновенно привозится только при этом курум и водка. Сыңāх хоңнорор может уплачиваться до самого переезда невесты в дом свекра, а равно и тӧргӯ кāсітā.

b) Тӯсā барар.

Когда часть калыма уплачена или, забравши с собой для уплаты часть сулӯ, весь курум и водку, жених с родителями или с заменяющими их доверенными от них лицами, преимущественно с родственниками, отправляется к невесте, то родители жениха, заменяющие их лица или их доверенные называются: мужчины тустāх тӯңӯр, женщины — тустāх ходоҕоі[3], а самое действие тӯсā барар[4]. Иногда тут же отвозят и весь калым.

Всегда при этом бывают и званые лица — ыңырыӀлāхтар[5] также, по большей части, родственики жениха; называются они так в отличие от незваных гостей, т. е. неприглашенных родителями жениха, собственно же им присвоенное название тӯңӯрāттāр (множественное число от тӯңӯр) — для мужчин, и ходоҕоттор (множеств. число от ходоҕоі) — для женщин.

Существует обычай (теперь почти вышедший из употребления), по которому поезжане объезжают дом невесты или по крайней мере коновязи перед домом. Весь поезд угощается

---

[1] Іккі — два, ӯс — три, аҕыс — восемь, уон — десять. Все эти слова здесь с притяжат. местоименными приставками.

[2] Сāттā — семь (здесь с притяжат. местоим. приставкой 3 лица ед. ч.).

[3] Тӯңӯр и ходоҕоі — специальные термины — между прочим, означают: первое — сват, второе — сватья, по терминологии свойства русского народа. Тустāх — от тус (обязанность, должность, роль) + лāх — аффикс, обозначающий обладание. Все выражение: старшие родственники, или заменяющие их лица, несущие какие-либо обязанности при тӯсā барар.

[4] Тӯсā — деепричастие от тӯс — падать, впадать, куда-нибудь заезжать, где-нибудь останавливаться. Барар — nomen praesentis от бар — итти. Все выражение: путешествие (жениха с поезжанами) для остановки (в доме отца невесты).

[5] Ыңыры̄ — nomen actionis от ыңыр — звать; лāх — аффикс, означающий обладание; тар — аффикс именительного пад. множ. числа. Все выражение: «те, кого звали», — званые.

на счет родителей невесты в их доме столько дней, сколько условлено при заключении брачного договора (С. В. Слепцов). Но по прошествии условленного времени, родители невесты, предлагая удалиться всем случайным посетителям, иногда оставляют у себя ыҥырӹла̄х'ов еще на несколько дней. Это называется кӧҥӱјä хонук, кӧҥӱјä асылык, бісіра̄м асыłыкта̄х хонук[1]. Расходы по этому дополнительному пребыванию гостей не возмещаются впоследствии хозяевам родителями жениха (М. Н. Ионова).

Все ыҥырӹла̄хтар получают от родителей невесты соболоҥ (см. договорное право, obligationes ex donatione). Как размер соболоҥ'а для каждого лица из поезда жениха, так и степень почета, коим окружают это лицо в доме невесты, заранее условно определяется местом, которое лица поезда занимали, подъезжая гуськом к дому невесты. Порядок следования одного лица за другим старательно запоминается родными невесты.

У бедных и даже просто не особенно зажиточных людей бывает условие — не являться тӱсä, во избежание расходов с обеих сторон (М. Н. Ионова).

Мне известен случай, когда сравнительно зажиточный, но с несколько пошатнувшимися средствами якут не поехал с сыном тӱсä, пославши с ним одну свою жену, так как в противном случае угощение и соболӧҥ обошлись бы отцу невесты слишком дорого, а за это пришлось бы в определенной пропорции вознаградить последнего при кӹс сӱкта̄р (см. следующую рубрику).

В первый же вечер после приезда в дом тестя, жених вступает в права супруга. По С. В. Слепцову жениха вводят к невесте тайком, заслоняя от присутствующих, и вообще жених кіјіттір (см. ниже). Но Афанасьевы и В. Я. Слепцов говорят, что жених входит к невесте за занавеску совершенно открыто, хотя и не отрицают вообще обязанности жениха — вести себя кіјітті.

Новобрачным кладут родители невесты под подушку хоіносор кӑсı, вареную печенку и сердце[2]. Новобрачные должны ночью съесть хоіносор кӑсī, иначе, как энергически выражается С. В. Слепцов, — «будет, пожалуй, большая беда, это самое первое дело, если этого не сделать — уголовное преступление».

В. Я. Слепцов говорит, что у них также кладут новобрачным хоіносор кӑсī под подушку, а Афанасьевы сообщают, что в настоящее время, печень и сердце могут заменяться чем-нибудь другим (на свадьбе самого П. А. Афанасьева было масло и хлеб русского приготовления) и кладут иногда прямо на стол (на той же свадьбе), хотя по обычаю класть следует именно под подушку.

По словам С. В. Слепцова, целомудренность невесты формально ничем и никем не контролируется, а нецеломудрие ее никаких последствий за собой не влечет; но, по сообщению Э. К. Пекарского, обманутый в своих ожиданиях муж иногда настолько охладевает к своей жене, что свадьба расстраивается. Э. К. Пекарский прибавляет, что в этих случаях практикуется обычай рассказывать на утро после первой брачной ночи, что жених провалился сквозь лавку (которая служит кроватью).

---

[1] Кӧҥӱјä — от кӧҥӱӧ — удалять, устранять. Асылык — съестное, угощение. Хонук — ночевка; сутки. Бісіра̄м — особенный, отборный.

[2] Это хоіносор кӑсī совершенно отлично от того, что называется этим же именем в калымной даче; см. выше.

По словам Афанасьевых и В. Я. Слепцова с женихом никаких шуток (как симуляции оскорблений) в доме тестя никто себе не позволяет. Что касается С. В. Слепцова, то ему одно предположение о возможности подобного отношения к жениху со стороны родственников и сородичей невесты показалось диким. Он высказал мысль, что на жениха в данном случае смотрят, как на человека, от которого ждут в будущем угощения, и было бы глупо и нерассчетливо его оскорблять.

При отъезде гостей домой, родители невесты дают им сыарҕа кăсіта[1], — стегно мяса, или больше, если то позволяет их состояние.

После тўсă барар, жених, когда того пожелает, может посещать дом своего тестя, проживать там неопределенно долгое время, разделяя открыто ложе со своей невестой. Это называется кўтўӧттўр[2].

с) Кыс сўктăр.

На этот акт обращается особенное внимание якутов при заключении брачного союза. Если жених или невеста умрет до кыс сўктăр, то происходит простой обмен произведенных с каждой стороны дач; если же это случится после кыс сўктăр, то родители молодых (хотя бы последние были и не венчаны) уже не рассчитываются во взаимных дачах.

Так говорит С. В. Слепцов. В постановлении Мегинской Инородной Управы от 18 ноября 1895 г. по делу Гаврильева с Климовским читаем: «Расчет о калыме тогда только уместен, когда тесть заполучив калым за свою дочь, выдает ее за другого», а так как «невестка умерла уже по. . . . . приводе в дом мужа», то на этом основании Управа предписала взыскать с Климовского в пользу Гаврильева скот, который первым был получен от Гаврильева в прокорм и задержан, как часть калыма, заплоченного им за дочь Гаврильева, умершую уже по переезде к сыну Климовского. Но та же Управа принимает иск о взыскании калымной дачи, уплаченной за умершую в доме отца девушку (книга словесных жалоб на 1892 г.).

Здесь, кроме того, сохранилось больше специальных обычаев, нежели при совершении двух первых актов. Так, первая брачная ночь молодых не окружается никакими приготовлениями и не вызывает никаких обрядов; ее проводят молодые в доме отца невесты. Но первая ночь, проводимая молодыми при кыс сўктăр в доме жениха выдвигает старуху, приготовляющую для молодых постель и получающую за это от невесты специальный подарок.

Между прочим, при кыс сўктăр гораздо дольше принадлежала определенная роль и шаману, может быть даже (М. Н. Ионова) только здесь шаман и играл какую нибудь роль. Но во всяком случае, роль эта была своеобразна: по степени развития якутских верований и по их характеру, шаманы не скрепляют брачного союза, не придают ему даже особенной силы: они лишь благословляют (алгыр) его, призывают на него покровительство духов и стараются гаданьем предсказать будущее. В недавнее время (как это впрочем бывало и раньше) роль «благословителя» (алҕăччы) исполнял иногда и не шаман; жертвопри-

[1] Сыарҕа — сани. Все выражение: «подарок, который кладется в сани».
[2] Кўтўоттўр — nomen praesentis от глагола кўтўӧттă, который от кўтўӧт — муж младшей родственницы. — Значение: «поведение зятя».

ношение (иногда — лучшая часть каждого вновь подаваемого на стол блюда) совершалось также на всегда шаманами, иногда даже лицом, которое играло роль виночерпия и мажордома (буобарҷыт—от буобар,—измененное, согласно законам якутской фонетики, русское повар). Теперь значение шаманов пало вообще; пало оно и в качестве алҕāччы брачного союза. Теперь уже ни один якут не подумает серьезно о приглашении шамана при кы̄с сӯктāр. Но равнодушие к шаманским действиям наступило прежде, чем якуты успели изменить свой взгляд на характер брачного союза. Поэтому духовной стороны обряда венчания в церкви они совершенно не понимают и придают значение этому обряду лишь постольку, поскольку совершение его является юридически обязательным для лиц, причисляемых официально к господствующей церкви. Нередки и до сих пор случаи сожительства без венчания; в прежнее время такое сожительство было массовым (архив Верхоянской Инородной Управы, дело № 1, 1839 г.).

Этим объясняется то обстоятельство, что венчание проходит иногда совершенно незаметно, к какому бы слою якутского общества ни принадлежали семьи, которые роднятся браком. Как сказал мне С. В. Слепцов, решительно никаких обрядов при этом не соблюдается и бывает лишь легкий малāсын (угощение), экстраординарная еда саламата и т. п.

Само венчание происходит обыкновенно тотчас же по достижении женихом и невестой установленного на этот случай в законе возраста. Случается это и до уплаты калыма полностью, — и тогда, как сообщает В. Я. Слепцов, во случае отказа родителей жениха доплачивать калым и требования к себе на законном основании жены, им не будет дано за невестою приданого. Афанасьевы говорят, что вообще стараются уплатить калым до наступления законного ко вступлению в брак возраста, почему и венчание обыкновенно не дает повода к возникновению в будущем исков.

Такое подчиненное якутским обычаям значение венчания не могло дать место к перенесению на тысяцкого функций прежних участников брачного торжества. По сообщению Афанасьевых, для роли тысяцкого не предпочитается родственник невесты, а В. Я. Слепцов говорит, что родственник жениха даже чаще бывает тысяцким, нежели родственник невесты.

С. В. Слепцов думает, что назначение тысяцким родственника — установление позднейшего времени, и при том именно под влиянием русских воззрений на дело, по его мнению, в прежнее время бывали тысяцкими, вероятно, посторонние люди.

Переход невесты в дом жениха, как сказано, не вызывается и не обусловливается совершением обряда венчания. По окончании всех расчетов по калыму и в случае имения налицо приданого, совершают кы̄с сӯктāр, хотябы лета невесты или жениха не допускали еще совершения обряда венчания. Новобрачные живут в доме родителей мужа, разделяя друг с другом супружеское ложе, и венчаются по достижении законного возраста, — через полгода, через год и даже полтора года после кы̄с сӯктāр. На моих глазах имел место случай, когда муж умер после кы̄с сӯктāр, но до венчания (жене было менее 16 лет), — и жена ушла обратно к своим родителям беременною. С другой стороны, повенчанные молодые люди очень долго могут жить каждый под кровлей своих родителей.

Кы̄с сӯктāр откладывается после венчания прежде всего за невыплатою всего калыма; по словам Афанасьевых, переход невесты в дом свекра хотя и может иметь место

до выплаты всего калыма, но это случается чрезвычайно редко. Но и по выплате калыма кы̄с сӯктӓр иногда откладывается. Это бывает вследствие того, что родители невесты не успели приготовить всего приданого. Иногда же это обстоятельство служит только предлогом для родителей невесты задержать у себя на время, в лице дочери, нужную им в хозяйстве работницу (С. В. Слепцов, Афанасьевы, В. Я. Слепцов). С своей стороны, жених, по сообщению Афанасьевых, если только его не затрудняют посещения невесты в доме ее отца и он сам не особенно нуждается в работнице, долго не станет требовать к себе невесты.

d) Переезд невесты в дом жениха.

По сообщению Афанасьевых, поезд невесты составляют: тустā̆х тӱҥӱ̄р и тустā̆х ходоҕоі (если жениха провожали в дом невесты его родные отец и мать, то и тут в качестве тустā̆х тӱҥӱ̄р и тустā̆х ходоҕоі едут отец и мать невесты), а затем тӱҥӱ̄рӓттӓр и ходоҕоттор. Последние разделяются на орто[1] ходоҕоі — родственницы и атах[2] ходоҕоі — не родственницы. Очень близкая родственница,—напр., жена старшего брата — может быть второй тустā̆х ходоҕоі. Непременно еще должен быть сыарҕалā̆х (уол)[3], отвозящий приданое имущество невесты; но в прежнее время при невесте должна была состоять, повидимому, гораздо большая свита. — «Знатной девице», — читаем мы в одной из сказок, записанных В. Л. Приклонским, — нельзя выходить замуж без рабов, обязанность которых раздевать, одевать, стелить и убирать ее постель. В настоящее время едва ли возможно подобрать 2—3 названия, уцелевших от былых времен. Таковы: ӱ̄нјӱ̄т, ыҥы̄рҕыт (Афанасьевы), ӓнјӓ кулут (М. Н. Ионова), нӓктӓl кулут[4]; между тем, есть указание, что сыарҕалā̆х уол всегда отправляется раньше самого поезда и приезжает в дом жениха за день или за несколько часов до прибытия туда самого поезда.

Все упомянутые лица — ыҥыры̄лā̆хтар[5]. Остальные поезжане, т. е. не имеющие определенной роли, называются халбырҕыт (холбурдјут) тӱҥӱ̄рӓттӓр и ходоҕоттор[6], так как они присоединяются к поезду по дороге.

У якутов есть поверье, что не следует перевозить невесту в дом свекра в «девятый месяц» (тохсунју) года[7].

Когда поезд трогается с места, то кто нибудь из поезжан скачет вперед и обскакивает небольшое пространство впереди, стараясь захватить часть леса (В. М. Ионов). Обычай этот, в ином несколько виде, описан у Горохова.

---

[1] Орто — средний, среднего качества.

[2] Атах — нога.

[3] Сыарҕа — сани. Здесь — с аффиксом (лā̆х) обладания. Уол — мальчик. Все выражение: «мальчик, отправляемый на санях» или «с санями».

[4] Ӱ̄нјӱ̄т — ведущий коня под уздцы, от ӱ̄н — узда. Ыҥы̄рҕыт — седлающий коня, от ыҥы̄р — седло. Ӓнјӓ — приданое, кулут — раб: раб, входящий в приданое за невестою. Нӓктӓl — плохого качества (насколько мне известно, слово это редко употребляется); нӓктӓl кулут — раб последнего разбора.

[5] См. выше.

[6] Халбырҕыт (по другому произношению — холбурҕут) — от халбыі (холбуі) — снимать с поверхности (жир, сливки).

[7] «Тохсунју ыіга кіјіт сӱ̄ктӱ̄бӓт» — говорят якуты (Э. К. Пекарский).

Приближаясь к дому свекра, невеста не имеет права смотреть на дым, выходящий из трубы дома (В. М. Ионов).

В словаре Э. К. Пекарского я нахожу слово андах — покрывало на лице невесты; но мне не удалось узнать, только ли при кыс сӱктӓр на невесту надевали покрывало.

По обычаю, невеста должна всегда приехать в дом свекра до восхода солнца (Э. К. Пекарский).

Не доезжая 2—3 верст до дома родителей жениха, поезд невесты останавливается сiӓl бӓјарга. Для этого во всяком случае избирается место, с которого не было бы видно дома жениха: привал делают за холмом или в чаще. Здесь делают вид, что строится ураса (ставят три жерди) и невеста приносит жертву духу места (доiду iччiтӓ), привязывая (бӓјар) к ветвям деревьев конскую гриву (сiӓl), — обычный способ якутского жервоприношения в пути. В прежнее время здесь играл некоторую (мне неизвестно, какую именно) роль шаман, а также поезжане угощались на счет невесты. Здесь же присоединяется к поезду жених; впрочем, теперь когда сiӓl бӓјар выводится (а, может-быть, и независимо от этого), жених сопровождает поезд невесты от самого ее дома.

Навстречу поезду со двора родителей жениха, по сообщению Афанасьевых, высылается верховой, который, завидевши поезд и давши себя заметить, поворачивает коня и быстро скачет назад. Это называется кӱӧн кӧрсӧр[1]. За ним, отделяясь от поезда, скачет вдогонку кто-нибудь из поезжан невесты. М. Н. Ионова вносит в этот рассказ несколько интересных подробностей. На кӱӧн кӧрсӧр высылается не один, а три молодых парня; все они должны быть на ӱ̄т маҕан[2] конях и в ӱ̄т маҕан одеждах (это — фигуральные выражения). Вдогонку за ними, когда они поворачивают коней назад, посылается человек на рыжем (кугас) коне[3].

Далее, по словам той же М. Н. Ионовой, со стороны невесты (еще до того как она станет близко подъезжать к дому свекра) едут впереди также три молодых парня (уолан), — опять таки на ӱ̄т маҕан лошадях и одетые в ӱ̄т маҕан одежды, — и, быстро вбегая в юрту, молча осматривают все ее углы и останавливаются перед камином. Три человека из домашних жениха подносят им по кубку с кумысом. Кумысу должно быть столько, чтобы его нельзя было выпить; если же кто-нибудь выпьет, то восклицает: «быјаҥҥытын быса ӱлӓтыбыт»[4]. Парни эти называются дјiӓ кӧрӧ̄ччӱlӓр или дјiӓ кӧрӧр џон[5]. На мой вопрос, нельзя ли этих людей назвать дјiӓнi нјӓҥнiјӓр џон[6], М. Н. Ионова ответила отрицательно.

Здесь также практикуется иногда обычай, по которому поезжане объезжают коновязь перед домом жениха один или три раза.

Прежде чем невеста успеет сойти с коня и войти в дом, один из ее поезжан подскакивает к двери и, стоя на дворе, начинает высекать огонь огнивом. Другой человек, — со

---

1 Встреча грудью. Кӱӧн — грудь. Кӧрӱ̈с — см. выше.

2 Молочно-белый.

3 Нелюбимая якутами масть. Насколько мне известно, масть эта считается принадлежностью чего-нибудь демонического. Следует заметить, что кугас — признак недоброкачественности. Кугас предмет вызывает неодобрение, даже отвращение. Маҕан, а в особенности — ӱ̄т маҕан, — наоборот.

4 «Мы опустошили ваше достояние»?

5 Осматривающие дом.

6 Обыскивающие дом.

стороны жениха, — делает тоже, стоя на крыше у трубы камина. Это своего рода гаданье: счастлива будет та сторона из брачущихся, человек которой раньше высечет огонь, при чем, если это будет человек со стороны жениха, то он кричит: «мін урут уот оттон тосуі дум!»[1], если же человек со стороны невесты, то: «мін урут уот отто кāllім!»[2]

Для коня невесты вкапывается новый столб — коновязь, украшенный веревочками из конских волос. В. Я. Слепцов говорит, что это всегда — большой и хороший столб. Но С. В. Слепцов утверждает, что столб должен быть маленький, — иначе женщина не будет хорошей хозяйкой, улāтыаҕа суога[3] и даже может умереть. Здесь необходимо пояснить, что у якутов весьма сильно развита склонность — не выражать внешним образом размеры или качества ожидаемаго. И действительно, Афанасьевы подтверждают, что столб, который они называют оҕо тӯсăр сăргāтā[4], не должен быть слишком велик, иначе абāсы может обратить на него внимание и сказать себе: «что за великан здесь стоит? Что за гордость»?

По словам М. Н. Ионовой, перед приездом невесты к коновязи привязывают коня, по возможности в таком же убранстве, как невестин конь.

У коновязи невесту встречает, по сообщению Афанасьевых и В. Я. Слепцова, девушка (Афанасьевы прибавили: «невинная»); она берет коня невесты под-узцы и помогает невесте сойти на землю. На богатых свадьбах таких девушек бывает две; оне называются тăсін тутāччы[5]. Девушки эти получают подарок, — по кольцу или серебряному рублю каждая, которые подвешиваются к узде коня невесты. Но на очень бедных свадьбах іјă буолāччы (см. ниже) соединяет в своем лице и обязанности тасін тутāччы.

Коня невесты привязывает к коновязи кто-нибудь из мужчин (Афанасьевы).

После этого происходит обряд таңара кӧрӱсӱннăрăр[6]. Повидимому, это — якутская переделка русского «благословения» молодых. В прежнее время обряд этот происходил именно на дворе, до входа невесты в дом, в настоящее же время, как кажется, он совершается всегда в доме. Во всяком случае, он состоит в том, что молодые кланяются в ноги родителям жениха, которые держат в руках иконы и церковные свечи, заставляют молодых прикладываться к иконам и благословляют. Со стороны невесты тоже везут (так называемый таңараны кӧтӧҕӧччӱ[7]) икону и хлеб (кислый, с солью русского приготовления), — на богатых, и пресную лепешку, по форме лишь напоминающую хлеб — на бедных свадьбах. Таңараны кӧтӧҕӧччӱ приезжает за несколько минут до прибытия поезда, имея икону на груди завязанною в платок, и присоединяется к стоящим уже обыкновенно на дворе родителям жениха, готовым с иконами в руках, встретить молодых. После совершения обряда

---

[1] «Я, раньше зажегши огонь, поджидал!»

[2] «Я пришел раньше, чтобы зажечь огонь!»

[3] «Не будет лучше».

[4] Отдельные слова см. выше. Все выражение: «коновязь, у которой останавливается дитя», т. е. в данном случае молодая.

[5] Тăсін — поводья; тутāччы — сущ. (nom. agentis) от тут — держать. Все выражение: «девушки, принимающие поводья».

[6] Таңара — небо, божество; теперь якуты этим словом называют икону, в каковом смысле и употреблено оно в данном выражении. Кӧрӱсӱннăрăр — nomen praesentis от кӧрӱсӱннăр — заставить кого-либо встретиться друг с другом. Все выражение: «встреча с иконою».

[7] Таңара — см. предыдущее примеч. Кӧтӧҕӧччӱ — nomen agentis от кӧтӧх — подымать. Все выражение: «икононосец».

таҥараны кӧрӱсӱннӓрӓр к невесте подходит кто нибудь из родственников жениха или его близких знакомых и ведет невесту в дом. Женщина эта называется іjӓ буолӓччы[1] или сіӓтӓччі[2] (С. В. Слепцов, Афанасьевы). По словам Афанасьевых, іjӓ буолӓччы ведет невесту в дом за платок, принадлежащий невесте, концом обвязывает кисть ее правой руки или же просто передает его невесте. Іjӓ буолӓччы — замужняя (не вдова), почтенная, имеющая детей, не старая женщина.

Я знаю свадьбу, на которой, при входе невесты в дом свекра, старуха расщепила талину. Якуты объяснили это тем, что невеста должна также отщепиться от дома родителей, и в частности — от его абӓсы. Афанасьевы рассказывали мне по этому поводу, что действительно перед дверьми два ребенка держат за концы развилистый куст тальника и невеста, входя в юрту, одним движением своего корпуса разрывает талину. С. В. Слепцов подобных обычаев не знает; но ему известна поговорка: «атырҥах масынан арахсыахпыт»[3], которую употребляют для выражения желания разойтись с кем-нибудь навеки. Невеста не может входить в дом свекра опоясанною (С. В. Слепцов).

О выбивании огня перед вступлением невесты в дом я сказал выше. Здесь добавлю, что, по сведениям В. Ф. Трощанского («Эволюция» etc.), при входе невесты в дом свекра между камином и дверью становится кто-нибудь из домашних жениха, чтобы не дать, как объяснили этот обряд якуты, уот іччітӓ выскочить на двор. По сообщению С. В. Слепцова, невеста должна растопить огонь на очаге свекра. Я, действительно, слышал рассказы, что для этого приготовляют очень сухих дров и лучин. В. Я. Слепцов говорит, что достаточно невесте бросить на очаг полено дров, принесенное при вступлении в юрту со двора. Наконец, Афанасьевы передают, что невеста при входе в юрту должна положить на очаг три полена дров. Во всяком случае, как рассказывает М. Н. Ионова, возжегши огонь на очаге, невеста остается тут все время, пока приносят жертву огню; жертва приносится семь раз, причем каждый раз жертвенный предмет кладется на ладонь невесты. Иногда дело ограничивается тем, что бросается в огонь щепка, и притом не самой невестой, а іjӓ буолӓччы (Э. К. Пекарский); здесь функция невесты переходит на ее представительницу из семьи жениха.

Только после совершения этого обряда іjӓ буолӓччы ведет невесту на хаҥас діӓккі[4], — т. е. скрывает от взоров старших родственников жениха.

В прежнее время невесту даже скрывали в хаппачы, — в помещение, где спят девушки и куда они скрываются при входе в юрту гостей.

Перед тем как поезжане собрались уезжать, невесту сажают на лавку в обществе дружек из родных и знакомых жениха. Невеста не должна смотреть на выходящих из юрты своих родных (обычай этот почти совершенно пал). Только по их отъезде она снимает дорожный костюм, в котором приехала: все время она должна пробыть в этом костюме, раздеваясь только для сна.

---

[1] Іjӓ — мать, буолӓччы — nomen agentis от буол — быть. Все выражение: «та, которая играет роль или заменяет мать», — «посаженная мать».

[2] Nomen agentis от сіӓт — вести за собой в поводу (коня, корову).

[3] «Разойдемся, как расходятся развилины вил».

[4] Хаҥас — левый, діӓккі — сторона. Но специальным термином хаҥас діӓккі называется та часть юрты, где приготовляют пищу и где, поэтому, всегда находятся женщины.

Все приношения невесты (в том числе и провизия: чашки с маслом, водка) заключаются в кожаный мешок. Прежде, когда подарков невеста привозила с собой, по выражению М. Н. Ионовой, «mālā»[1], мешок шился из целой кожи двухгодовалого лося. В тот момент, когда поезжане готовятся уезжать домой, мешок этот выносит атах ходоҕоі на двор, бросает его под ноги лошадям, опять берет, теребит, бьет палкой и кричит, подражая абāсы, неестественным противным голосом, — чтобы его, абāсы, не оставляли, что он также хочет возвратиться с поезжанами. Это называется хā абāсытын тāбір[2].

Невеста должна привезти с собой подарок для іјā буолāччы; для шамана привозили раньше пушнину, серебряные рубли. Одаряет она и вообще всех родственников мужа.

Есть еще специальное приношение абāсы дома свекра: рыжая (т. е. плохая) белка, красная (т. е. низшего сорта) лисица (М. Н. Ионова).

Как я упомянул выше, ложе для молодых в первую ночь приезда невесты в дом жениха приготовляет особая старуха — она также получает за это подарок от невесты, который носит специальное название суорҕан (одеяло) кāсітā или суорҕан сӯта[3], так как подарок этот обертывается в одеяло невесты.

Родителями жениха также дается поезжанам невесты соболоң, бālāх, кроме упомянутых подарков іјā буолāччы, старухе, стелющей постель, шаману и т. д., раздается еще и присутствующим родным и знакомым жениха.

Обо всех этих подарках мною подробно сказано в главе об обязательственном праве.

Поезд гостит в доме жениха столько дней, сколько об этом было условлено при заключении сделки о калыме. Но во всяком случае в доме жениха поезжанами невесты должно быть выпито и съедено ровно вдвое против того, сколько поезжане жениха выпили и съели в доме невесты (С. В. Слепцов, М. Н. Ионова). Так, например, если родителями невесты было выставлено 2 ведра водки, $\frac{1}{2}$ в. наливки, 4 бут. вина и убиты 1 корова и 2 кобылы, то родители жениха должны выставить 4 в. водки, 1 в. наливки, 8 бут. вина и убить 2 коров и 4 кобыл. Но родители жениха иногда приглашают невестиных ыңырӹлāх'ов также на кӧңӱјā хонук'и (см. выше, предыдущую рубрику).

Из свадебных блюд при кӹс сӱктāр я могу отметить следующие: ітī кіllāрāр (мучная каша на кислом молоке с маслом, которое непременно первым должен зачерпнуть отец жениха). Оібон хāсы (такого же приготовления как и предыдущее) и тураң суорат. Первое название означает как бы закуску: «ітітā кіllāр», говорят и при обыкновенных случаях, приглашая перекусить теплой пищей (выражение это значит: «введи в себя теплоту» — согрейся). Оібон хāсы (хāсы — измененная согласно законам фонетики якут. яз. русское слово каша) обязано своим названием размерам миски, в которой подают это блюдо: миска эта бывает очень велика (оібон значит прорубь) (Ефр. Лазарева). Слово тураң (солончаковая почва), прибавляемое к слову суорат (кислое молоко якутского приготовления), означает, что суорат, подаваемый на свадьбе, должен быть так же приятен на вкус

[1] Так, так себе; в данном случае — «без счета».

[2] Хā — помещение, мешок; тāбір — nomen praesentis от тāп — выбивать, выколачивать. Перевод: «выколачивание находящегося в мешке абāсы», занесенного в дом свекра в мешке вместе с подарками.

[3] Сӯ — обертка (здесь с притяж. местоим. приставкой 3 л. ед. ч.). Все выражение: «то, что обернуто в одеяло».

для человека, как солончак для скотины (Э. К. Пекарский). (Якуты свой скот солью не кормят, и он с жадностью грызет солончак). Хлеб или лепешку таҥара кӓсіта не едят: он ставится вместе с иконою молодой на божницу. Вообще угощение на свадьбах отличается от обычного только названиями. Нет никаких блюд, которые бы составляли исключительную или хотя бы необходимую принадлежность брачных пиров.

Само собою разумеется, что для свадебных пиров заготовляются лучшие продукты.

В древнее время на свадьбах играл роль особый балаган — ӯргӯȫ дјіӓ[1], в котором отец жениха угощал и одарял родителей невесты и ее ыҥырӹлӓх'ов. В настоящее время действия эти совершаются в отдельном помещении юрты.

На свадьбах устраиваются обыкновенно различного рода состязания между представителями рода невесты и жениха, скачки, борьба и т. п. Но особенный интерес имеет род состязания, известный под именем быјаҥ быlдјасыс[2]. На шесте выставляется кусок конского жира, совершенно определенный, а именно: сылгы ӯӧрӯгӓ или сылгы тарасата[3], и каждая из сторон старается первая сдернуть с шеста этот жир (М. Н. Ионова).

е) Приданое и калым.

Как сказано выше, при переговорах о калыме не бывает речи о приданом.

Все что приносит с собою невеста в дом жениха, можно разделить на три части: 1) собственно приданое — ӓнјӓ; 2) платье и украшения — сімӓх, в том числе нарядное снаряжение коня (которое доходило до 2 тыс. рублей), сюда же следует отнести и посуду, если таковая приносится невестою и 3) кӓсī и бӓlӓх. Последние зависят от обстоятельств и решительно ничем не регулируются: при калыме, общая ценность которого — 500 р., іј̄ӓ буолӓччы, напр., может быть дано, как бӓlӓх, и 10 р., и 50 р. Посуда, кроме мисок, в которых привозится масло, как кӓсī (это масло в мисках составляет необходимую принадлежность каждого кӹс сӯктӓр) может совершенно отсутствовать; по С. В. Слепцову, родители женщины более или менее заботятся о посуде только тогда, когда вступающий в брак сын тут же и отделяется. Сімӓх снаряжается по состоянию родителей невесты и по степени их любви к дочери. В. Я. Слепцов все платье и украшения невесты называет ц̣ӓсык мала[4] и говорит, что содержимое этого «ящика» тайна для всех, — в том смысле, что никто ничем этого содержимого не регулирует. Таким образом, остается ӓнјӓ.

Необходимо отметить, что слово это не означает специально имущества невесты, или по крайней мере, иногда употребляется для обозначения имущества девушки вообще. Так, в одном известном мне случае, 2-летняя девочка была перевезена ее временными воспитателями в дом родителей с ӓнјӓ. Вообще, в обычае отдавать девочку на воспитание, даря воспитателям, как ӓнјӓ, скот, иногда же — деньги, одежду, посуду, и т. п. (Э. К. Пекарский).

---

[1] Дјіӓ — дом; ӯргӯȫ — определить затрудняюсь. — Ср. тюрк. ӯргӓ — дворец, палата, юрта героя (Радлов. Опыт словаря тюрк. наречий, I, 1839). *Э. П.*

[2] Быјаҥ — богатство, достояние, имущество. Быlдјасыс — оспаривать, вырывать друг у друга из рук, захватывать друг у друга. Все выражение — «оспаривать достояние».

[3] Жир, вырезанный из брюха лошади. При этом придается вырезываемой части определенная форма, что весьма важно в том смысле, что при убое лошади для продажи туша делится на 6 равноценных частей и в одну из них входит этот жир. См. об этом в моей статье «Снег выпал!» в «Сибирском Сборнике» за 1888 год, вып. II.

[4] Ц̣ӓсык — русское слово «ящик», которое само тюркского происхождения.

В. Я. Слепцов говорит, что о размерах äнjä, которое составляется исключительно из скота, никогда не договариваются, С. В. Слепцов поясняет, что оно должно «соответствовать» калыму и говорит, что äнjä, по коренному обычаю якутов, должно равняться всему сулӯ, и лишь практика выработала правило, по которому в äнjä входит несколько меньше скота: вместо 6 шт. — 4, вместо 5 шт. — 3. В таком же смысле высказываются и Афанасьевы, говоря, что äнjä — та часть скота, которая остается из сулӯ у жениха: если калым за данную девушку равняется сылгы бiäсä, то, по их расчету, äнjä должно состоять из 5 кобыл и 5 коров.

В прежнее время в äнjä входила земля (äнjä сiр), но у якутов сохранилось лишь смутное воспоминание об этом (см. в соответствующем месте главы о землепользовании). Названия же рабов, шедших в приданое — äнjä кулут и нäктäl кулут, — сохранились до сих пор.

Как остаток того порядка, при котором невесте давались в приданое рабы, я укажу на случай, имевший место недавно: человек, которому теперь нет и 50 лет, был послан в дальний улус с невестою в качестве нäктäl кулут'а, обзавелся там имуществом и сравнительно недавно переехал в свой родной улус. Выше, в отделе о договорном праве (рубрика: «правоспособность.... женщин»), указано было, что на äнjä кулут'а женщина имела особые права: он оставался ее собственностью даже в случае расторжения брачного союза. Сопоставляя этот факт с тем, что в воспоминаниях якутов сохранилось сознание права каждого якута только на одного кулут'а, следует притти к несколько вероятному предположению, что в название для äнjä кулут'а входило слово äнjä только лишь в видах отличения раба, носившего это имя, от кулут'ов, составлявших собственность семьи, до прихода в дом невестки, и что к той части приданого, которая носила название äнjä, этот кулут не принадлежал. С. В. Слепцов ставит äнjä кулут'а, по отношению к правам на него со стороны женщины и ее мужа, на один уровень с сäмсä.

Это последнее заключает в себе все то, что, кроме äнjä и сiмäх (кäсl и бäläх тут же раздается), невеста приносит в дом свекра. Оно может состоять или из скота, — о котором при этом заявляется, что он — сäмсä, а не äнjä, — или из денег. В последнем случае, иногда самому мужу неизвестно, есть ли у его жены сäмсä и каков его размер.

Афанасьевы говорят, что теперь в тех случаях, когда весь калым состоит из денег и когда, следовательно, у жениха из колымной дачи ничего не остается, под словом äнjä разумеется все то, что невеста приносит с собою в дом свекра, — за исключением, разумеется, той части принесенного, которая определяется родителями невесты, как сäмсä или дается ими непосредственно в руки дочери.

Мне известен еще один термин для обозначения имущества (главным образом скота), приносимого невестою в дом свекра. Это — курга бäjар[1]. Афанасьевы этого термина вовсе не знают. С. В. Слепцов говорит, что в богатых семьях такое выражение не может быть допустимо: оно само по себе значит, что невеста идет пешком в дом жениха. Поэтому он допускает это выражение только в случаях свадьбы между бедняками. По его словам, куругар бäjардäн ыттым[2] может сказать человек, который выгнал принятого было на

---

1 «То, что можно привязать к поясу». Э. П.

2 «Я отпустил, снабдивши тем, что можно привязать к поясу». Э. П.

воспитание парня по нелюбви к последнему, давши ему одну какую-нибудь скотину. В. Я. Слепцов говорит, что курга бājар дается женщине ее родителями уже после того, как она пожила некоторое время у мужа. В известном мне случае (Ботурусский улус) курга бājар имело место при кыс сÿктäр и происходило, действительно, при свадьбе в бедной семье.

B) Отношения между зятем и тестем с тещею, между невестой и свекром со свекровью.

Отношения эти определяются по-якутски словом кiјiттi. Обыкновенно говорили (Уваровский, Горохов), что этим словом определяется лишь отношение кiјiт к своему свекру и свекрови; но это не точно: не иначе называется отношение зятя к тестю и теще. Но и вообще об этих последних отношениях авторы умалчивали, так что можно было думать, что только кiјiт кiјiттiр по отношению к свекру и свекрови, — тогда как на самом деле совершенно так же ведет себя и кÿтÿöт по отношению к тестю и теще. Но соответствующий глагол от кÿтÿöт, — кÿтÿöттā, — означает пребывание жениха в доме родителей невесты с правом разделять с нею ложе (см. выше, рубрики А, В), и о кÿтÿöт говорят кiјiттiр, как и о кiјiт.

Я не заботился о собирании сведений о кiјiттiр, рассчитывая извлечь эти сведения из материалов В. М. Ионова. Привожу то, что мне удалось узнать более или менее случайно.

C) Отношения между супругами.

Материал, служащий для характеристики права одного и другого супруга на имущество, принесенное женщиною в семью из родительского дома, вошел — a) в рубрику «правоспособность женщин» из отдела о договорном праве, b) в рубрики «наследование общесемейного имущества» и «наследование сāмсā» отдела о наследственном праве и c) в рубрику «Патриархат у якутов» в отделе о системе родства.

Отношения между супругами, как носителями прав собственности, исчерпываются теми отношениями, которые возникают на почве сделок касательно сāмсā.

D) Отношения между родителями и детьми.

Материал, сюда относящийся, также разбросан по разным рубрикам настоящей сводки.

E) Расширение семьи.

a) Многоженство.

Многоженство теперь уже вывелось. Мною записан лишь один случай, когда богач, ведущий большие обороты с областью реки Амура, имеет в нескольких местах, на пути своих обычных разъездов по торговым делам, несколько хозяйств с женщиною в каждом во главе и выражается об этих женщинах: «мiн алланнāҕы хотунум» и т. п. («моя Алданская жена»). Самое последнее, известное мне, указание на наличность многоженства относится к 1839 году (Арх. Верх. Ин. Упр.).

По сообщению С. В. Слепцова, главною женою была та, с которою с первою якут вступил в брак; она управляет хозяйством (бас бiläр), если в юрте живут несколько жен. То же самое говорят и Афанасьевы. По словам В. Я. Слепцова, вообще предпочитается жена, имеющая детей. Предпочтение же младшей жены старшей вполне допустимо, как о том свидетельствуют и С. В. Слепцов, и Афанасьевы. С. В. Слепцов сообщает, что в случае даже простого нерасположения к старшей жене якут мог сделать одну из младших жен, более молодую, главною и передать ей главенство в хозяйстве: на это якут имеет полное право. А Афанасьевы говорят, что сделать впоследствии главною женою одну из младших — во власти мужа.

Главная жена, по Афанасьевым, называлась ojox. По поводу названия для младших В. Я. Слепцов приводит якутское речение, по которому кäбiсiнjäӊ ojox[1] означает браҕыллыбыт дjахтар[2], слово же ҵасЫрка[3], по его объяснению, значит наложница. Действительно, теперь женщина, с которою якут живет как с женою, но не венчавшись, называется ҵасЫрка. Но Афанасьевы для младших жен припоминают названия: ҵасЫрка и оҵолун. Слово, означающее отношение жен друг к другу, — сӯтӳöр. Но выражение сӯтӳöр iȷ̇ä они склонны переводить словом мачеха; по крайней мере, им известна поговорка: сӯтӳöр iȷ̇äӊ буолбатахпын, тöрӳöбӳт iȷ̇äӊ буолабын — я тебе не мачеха, а родная мать.

По словам С. В. Слепцова, дети от старшей жены пользовались бо̀льшими правами, нежели дети от младших жен, — и именно потому, что они годами старше и больше вкладывали труда в хозяйство. Но когда якут возводил на степень главной жены другую, то обязывался содержать первую вместе с ее детьми лишь в таком положении, чтобы они не нуждались в посторонней помощи.

b) Усыновление.

В правах на усыновление отдельно — мужа и жены заключается большое различие. По выражению С. В. Слепцова, «без причины» женщина не может протестовать против усыновления кого бы то ни было ее мужем. Афанасьевы выражаются в том смысле, что перевес имеет желание мужа, но если жена не согласна, то родовые власти, по словам Афанасьевых, «подумают». Наконец, В. Я. Слепцов высказывается категорически, что женщина не может протестовать против усыновления ее мужем кого бы то ни было.

Что касается прав женщины на усыновление, то Афанасьевы и В. Я. Слепцов соглашаются в том, что такого права у женщины при жизни мужа нет; Афанасьевы в частности говорят, что за счет своего сӑмсӑ женщина усыновлять не имеет права. Но С. В. Слепцов высказывается в противоположном смысле: он говорит, что в настоящее время женщина, при наличности сӑмсӑ, может усыновить ребенка и против воли мужа, хотя и не отрицает, что в прошлом такие случаи не могли иметь места.

---

[1] «Покинутая (оставленная) жена». *Э. П.*

[2] «Брошенная женщина (жена)». *Э. П.*

[3] Взято от старинного русского слова «ясырка» (пленница), которое само киргизского происхождения (см. Даль, Толк. словарь, 2-е изд., IV, стр. 702). *Э. П.*

По мнению того же лица, возможен иск genitorum против отданного в другую семью сына за отказ в почтении или в материальной поддержке; но при этом тојон улӑтыннаран ӑтіӓҕӓ: тутан [ылан] біӓріӓхтӓрӓ суоҕа[1]. Афанасьевы формулируют свой взгляд на дело так: за непочтение к родному отцу сына могут наказать, но отношения, вытекающие из совместного жительства с genitor'ом, во всяком случае, прекращаются. Что касается В. Я. Слепцова, то он говорит, что genitor, при усыновлении его ребенка другим лицом, отказывается от своей родительской власти на отданного в усыновление, а потому его жалобы не имеют значения в глазах судей.

F) Расторжение брака.

С. В. Слепцов говорит, что по воле одного из супругов (т. е. без указания других причин, кроме нерасположения) родовые власти не разлучают, — из боязни, что дело доведено будет недовольною стороною до коронного суда и действие будет признано незаконным. Личное его воззрение на предмет заключается в том, что и вовсе не следует прибегать в подобных случаях к разлучению, чтобы не приучать людей к такого рода поведению. Но если бы разлучение явилось следствием обоюдного желания супругов, то он, будучи родоначальником, не препятствовал бы, хотя и в этом случае постарался бы посоветовать супругам жить вместе. По мнению Афанасьевых, разлучение супругов властью родоначальников практикуется даже против воли мужа, а В. Я. Слепцов сообщает, что чаще даже разлучают по требованию жены, так как она чаще является страдательным лицом в случаях семейного расстройства. По словам этого же лица, заразительная болезнь (напр., сифилис) также вызывает расторжение брака по требованию не успевшего заразиться супруга.

ГЛАВА VI.

Наследственное право.

А) Наследование семейного имущества.

По сообщению В. Я. Слепцова, разделение имущества на благоприобретенное и родовое в сознании якутов очень слабо, — но при этом все-таки якуты более склонны всякое имущество считать родовым. Наоборот, С. В. Слепцов говорит, что так как у якутов передача имущества по наследству не облекается в письменную форму, то всякое имущество якута рассматривается, как благоприобретенное.

Сын при дочери, как говорит В. Я. Слепцов, полный наследник и может лишь по своему желанию дать что нибудь сестре. Но С. В. Слепцов утверждает, что при наличности сына дочь всегда получает некоторую часть имущества, из которой образуется

---

[1] «Господин (глава семьи, отец) преувеличит (свою нужду), и (судьи) насильственно не отберут». *Э. П.*

сӑмсӑ ӯп: дают ей это потому, что сӑмсӑlāх кы̆сы ӯтӯӧ уол ылыаҕа[1]. Наконец, Афанасьевы выражаются в том смысле, что при мальчиках девочкам обязательно дадут сӑмсӑ.

По словам В. Я. Слепцова, несколько сыновей наследство делят поровну. То же подтверждают и Афанасьевы. С. В. Слепцов, однако, говорит, что старший сын возьмет несколько больше других, и именно потому, что в хозяйство его труда вложено больше, нежели других сыновей. Что касается младшего сына, то, по сообщению Афанасьевых и В. Я. Слепцова, он остается обыкновенно с матерью в отцовском доме.

Если сын отделился до смерти отца то, по сообщению С. В. Слепцова, из наследства он ничего не получает, но и не добавляет ничего неотделившимся, если при открытии наследства на долю младших пришлось меньше, нежели ему — при выделе. Афанасьевы формулируют положение так: если на долю неотделенного сына осталось много (напр. 100 шт. скота), а старшему отец выдал при жизни мало (напр. 10 шт.), то старший сын потребует доли в наследстве.

Если же старший сын к этому времени разбогател, то получит лишь «кое-что». В. Я. Слепцов присудил бы такое же «кое-что» отделившемуся сыну во всяком случае. Афанасьевы о вышедшей замуж дочери выражаются так: дать часть замужним сестрам сыновей «усовестят», принудить же по суду не могут.

С. В. Слепцов и В. Я. Слепцовы единогласно утверждают, что при отсутствии сыновей, дочь — единственная и полная наследница. Но Афанасьевы говорят, что дочери в этом случае, признавая ее главною наследницею, дадут лишь большую часть имущества (остальное «родственникам» умершего).

С. В. Слепцов категорически выражается, что при наличности нисходящих братья и сестры не наследники: ымсы̆ діӑхтӑрӑ[2], кініlӑрі кӱlӱ гыныахтара[3]. Подходя к вопросу с другой стороны, В. Я. Слепцов говорит, что братья и сестры в этом случае к суду не обратятся, но «просят» непосредственно от прямого наследника и всегда получают что-нибудь. Афанасьевы допускают и обращение в суд, но последний, имея в виду, что «формального» участия братья и сестры, при наличности нисходящих, в наследстве не имеют, полагают, что «уговорят» прямого наследника дать (асы̆ны бысы̆тынан бӑрдӑрӑllӑр[4]): 1) ближайшим и 2) беднейшим родственникам.

Порядок наследования, при отсутствии нисходящих, С. В. Слепцов рисует так. Жене дадут $\frac{1}{4}$ часть (под воздействием X т. св. зак.), а остальное поделят поровну между братьями, а сестры не получают, как омукка барбыттар[5]; но в настоящее время дадут и сестрам. В случае смерти без всяких родственников и завещания род (аҕа ӯса) возьмет, по расчету С. В. Слепцова, половину имущества, а другую половину поделят между другими родами наслега, принимая во внимание, что сначала род, а затем наслег должны были бы содержать (на счет родовой благотворительности) умершего, если бы он при жизни обеднел.

---

[1] «Девушку, у которой есть сӑмсӑ, возьмет хороший молодой человек».
[2] «Скажут: жадность».
[3] «Их сделают смешными, осмеют».
[4] «Приказывают дать из чувства жалости».
[5] «Ушедшие в другой род».

По предположению С. В. Слепцова, имущество раздадут бедным, составив об этом приговор. Почти то же говорит о данном случае и В. Я. Слепцов, с небольшими изменениями. При наличности братьев, по его словам, сестры — вовсе не наследницы, и даже при отсутствии братьев, замужней сестре (т. е. в другой наслег) дадут лишь ничтожную часть, а из остального большая часть пойдет в род (аҕа ӯса) и меньшая в другие роды наслега. Наконец, по описанию Афанасьевых, при отсутствии нисходящих, имущество разделят братья между собою, а в малой мере и дальние родственники; сестрам, как омукка барбыттар, ничего не дадут. Если бы даже действительно не оказалось родственников (чего, на памяти Афанасьевых, не случалось) и окружающие «не растаскали бы за мнимые долги», то «справедливо» поступил бы тот родоначальник, который вознаградив работников за долговременную службу и давши, что следует, священнику на поминовение души усопшего, остальное имущество обратил бы в пользу наслежного общества. Афанасьевы поясняют, что если наследницею остается невышедшая замуж дочь (а не сын), то братья и сестры покойного получают известную часть, которая значительно увеличивается, если единственною наследницею остается дочь, вышедшая замуж.

По коренному обычаю якутов, как говорит В. Я. Слепцов, вдова — не наследница, даже при отсутствии нисходящих. Ей прямые наследники всегда скажут: «живи с нами до смерти, если не хочешь итти в свой наслег». Теперь, по словам В. Я. Слепцова, вдовам начинают выделять часть сообразно с требованиями нашего X т.

Я упомянул выше (в отделе о договорном праве, в рубрике «правоспособность... женщин»), что та часть приданого женщины, которая носит наименование äнjä, входит в состав общесемейного имущества. Это оправдывается и на явлениях, наблюдаемых в области наследственного права.

Согласно сообщениям Афанасьевых, по смерти мужа приданое его жены целиком вступает в наследственную массу. Правда, В. Я. Слепцов утверждает совершенно противоположное, но, во первых, со слов этого же лица я сообщил уже выше (в отделе о договорном праве, под рубрикою «правоспособность самостоятельных хозяев»), что вообще долги, о которых вдове неизвестно, она может и не платить, а, во вторых, сообщения В. Я. Слепцова относятся к той местности, которая более всех других в Якутском округе подверглась влиянию культуры вообще и влиянию русского положительного права — в частности.

Что касается наследования äнjä по смерти женщины, то как Афанасьевы, так и В. Я. Слепцов соглашаются в том, что наследником здесь является муж, а при отсутствии мужа, т. е. по смерти вдовы, äнjä наследуют (В. Я. Слепцов) дети, при отсутствии же последних — свекор. Если же умирает вдова после второго мужа, то (В. Я. Слепцов) при наличности детей от первого брака äнjä поступает в их распоряжение, при отсутствии их — в распоряжение семьи второго мужа, если только вдова не оставила своего имущества где нибудь у своих агнатов.

Последние берут äнjä всегда, если у мужа нет родственников, и весь род последнего получает права последнего только тогда, когда у самой женщины нет кровных родных.

B) Наследование сăмсă замужней женщины.

Что касается сăмсă женщины или вдовы, то, как сказано, не может быть и речи о включении его в наследственную массу по смерти мужа. По сообщению С. В. Слепцова, женщина может лишить своего мужа и даже ребенка права наследования в принесенном ею при вступлении в брак сăмсă. Если же, по сообщению того же лица, вдова умрет без завещания, то при отсутствии детей от первого брака имущество (сăмсă) вдовы будет отдано сыну от второго брака, при наличности же детей от первого брака произойдет раздел между сводными детьми. Сообщение Афанасьевых о том же предмете не вполне совпадает с сообщением С. В. Слепцова. По их словам, если вдова пришла ко второму мужу с имуществом, то рожденному от второго брака ребенку поступает все это имущество, а дети от первого брака — не наследники. При этом Афанасьевы оговариваются, что если состояние умершей и ее родных одинаково, то кое-что (тупсў бысыытынан[1]) дадут и этим родным; если же они бедны, то дадут значительную часть. Но, — продолжают далее Афанасьевы, — если при родном ребенке от второго брака есть дети и от первого брака второго мужа (пасынки и падчерицы женщины), то, при преимущественном праве родных детей, пасынки и падчерицы женщины — участники в наследстве после нее, при чем и имущество отца будет по его смерти впоследствии поделено между всеми детьми от первого и от второго брака ее второго мужа.

По сообщению тех же Афанасьевых, сăмсă после смерти бездетной женщины наследует ее муж; если умерла вдова, не имея нисходящих, то даже ее родным братьям (т. е. в другой наслег или улус) дадут кое-что лишь для того, чтобы избежать привлечения к участию в деле коронного суда, так как господствующая тенденция — сохранить имущество в пределах наслега, куда пришла женщина в замужество.

В благоприобретенном имуществе женщины (делает обороты на свое сăмсă), по сообщению Афанасьевых и В. Я. Слепцова, наследует ее муж.

C) Наследование незаконнорожденных и приемышей.

Все опрошенные лица единогласно утверждают, что незаконные дети при наличности законных никаких юридических прав на наследство не имеют. По словам С. В. Слепцова и В. Я. Слепцова, незаконным детям может быть выделено кое-что в виде милостыни, сообразно расположению к ним со стороны законных детей. Афанасьевы говорят, что родовые власти могут оказать давление на законного наследника в указанном смысле.

По словам Афанасьевых, много зависит здесь от обстоятельств: если умерший относился к своим незаконным детям также, как и к законным, то первым может быть присуждено родовыми властями из наследства не мало, а матери малолетнего незаконнорожденного присуждают міn (см. отдел об уголовном праве) и дают на содержание ребенка.

Положение приемышей крайне разнообразно (см. выше, в отделе о семейном праве, под рубрикой «патриархальная семья»). В тех случаях, когда нет основания ставить их на

---

[1] «Чтобы примирить стороны», «в порядке примирения».

одну доску с родными детьми, их наделяют, по сообщению С. В. Слепцова, из имущества умершего сообразно с трудом, вложенным ими в хозяйство; но рассматривать эту часть следует не как ӧі̄ӱ, а как хамнас[1]. В. Я. Слепцов вносит поправку, что не всегда при этом сообразуются даже с количеством труда таких приемышей, вложенного в хозяйство.

D) Завещание.

По словам С. В. Слепцова, теперь много лиц умирает без завещания: из богачей на 10 без завещания приходится не более двух с завещанием. Но В. Я. Слепцов, напротив, утверждает, что все богачи умирают с завещанием. Наконец, Афанасьевы говорят, что словесные завещания практикуются якутами постоянно, а письменные сравнительно редко. По мнению С. В. Слепцова, не было времени, когда умирающий не думал бы, что родные после его смерти перессорятся, а потому завещание словесное существовало всегда.

В. Я. Слепцов говорит, что споров против письменных и словесных завещаний не принимают в суде. Но Афанасьевы констатируют, что такие споры встречаются сплошь и рядом, и суд, «в большинстве случаев», изменяет волю завещателя, соображаясь с обычаем, но стараясь все-таки приблизиться к желанию завещателя.

ГЛАВА VII.

Уголовное право.

А) Месть.

С. В. Слепцов знает месть только по сказкам. По его словам, акты взаимной мести доходили до того, что остатки (тобох) побежденного рода уходили, куда глаза глядят, а причины, вызывавшие месть, формулирует так: 1) притеснение (атаҕастык) бедного и слабого из чужого рода; 2) непочтение к старикам чужого рода и 3) похищение женщин.

По словам В. Я. Слепцова, мелкая месть допускается и теперь в понятии якутов. Здесь проявляется то особенное чувство якута, удовлетворение которого вызывает с его стороны возглас: «са̄тта»[2]. О прежних временах господства грубой силы В. Я. Слепцов выразился так: «былыр кім кӱ̄ста̄х — тојон»[3].

Для выяснения вопроса о мести могут служить и материалы, сгруппированные мною ниже о захвате (в отделе о судоустройстве).

В) Compositio.

Выше я имел уже случай указать, что не только развитие якутских воззрений на преступное действие и наказание остановилось под воздействием русского положительного права, но что постепенно стираются все черты, определяющие эти воззрения.

---

[1] Не как часть (в наследстве), а как вознаграждение (за труд).

[2] Буквально: «устыдился», «приведен к состоянию, когда человек испытывает чувство стыда». Слово са̄т, как юридический термин, — см. ниже.

[3] «В древние времена кто силен, тот и тойон».

В настоящее время деликт лишь условно приводит виновную сторону к обязательству. По выражению В. Я. Слепцова, совершившее деликт лицо приговаривается судом к наказанию личному, но ему при этом преподается совет — уплатить потерпевшему са̄т. Афанасьевы в других выражениях говорят то же самое, а именно: в случаях обидъ — совет выставить водку, подкрепляемый угрозою, что в противном случае с обидчиком будет поступлено «по закону».

По словам С. В. Слепцова, са̄т, как юридическое учреждение, теперь неизвестен: деньги, в виде са̄т, платят лишь в предупреждение наказания.

Афанасьевы рисуют такую картину: между посторонними мир устанавливается выставлением водки: если бы «посоветовали» («приговорили») уплатить денежный штраф в пользу обиженного, то этим была бы наброшена слишком большая тень на честь обидевшего. Значит, в требовании выставить водку выражается снисходительность, с которою судьи относятся к совершившему проступок: наличность денежного штрафа (са̄т) предполагает как бы такое деяние, которое не допускает примирения, тогда как выставление и принятие водки — признак примирения, в особенности, если она выставляется с обеих сторон. Но за обиду родителям и вообще старшему близкому родственнику не щадят, и потому приговаривают не только к выставке водки, но и к убиению скотины.

В. Я. Слепцов прибавляет, что в прежнее время са̄т взыскивали и против воли обидчика.

По словам того же лица, прежде взыскивали за кражу четверную стоимость украденной вещи; теперь — с вора, с захватившего чужую вещь — штраф в пользу общества. Но Афанасьевы говорят, что хотя штрафа в узком смысле слова и нет, однако он взыскивается под видом возмещения убытков и расходов: «за коня — то, что мог бы выручить собственник от отдачи его в пользование возчикам, за корову — удой и приплод — плата за рабочие дни, в течение которых потерпевший не мог работать, и т. д.».

По сообщению В. Я. Слепцова, кроме кӯнӯн харчыта[1] есть еще и мін[2], но при этом никакой таксы не существует; Афанасьевы говорят, что мін присуждается и богачу с бедного. При этом обиженный всегда показывает свои расходы больше действительных, а судьи стараются обнаружить истинное положение дела, но при этом всегда уменьшают присуждаемую сумму, если ответчик очень беден, а истец богат.

Особый вид compositionis — сабы̄[3]. Это, по сообщению Афанасьевых, — compositio в чистом виде. Берется раза в $1\frac{1}{2}$—2 больше того, что похищено и берется совершенно тайно. По поводу последнего сообщения Афанасьевых, скажу со слов С. В. Слепцова, что сабы̄ (или сапсы̄) устанавливается в случаях, когда дело невыгодно якутам доводить до коронного суда, — например, в случаях тяжких уголовных преступлений. В. Я. Слепцов прямо говорит, что это относится преимущественно к крупным кражам.

По сообщению Афанасьевых, словом сабы̄ называется и то, что свидетель преступления берет с преступника за сокрытие преступного деяния.

---

[1] Деньги, составляющие чей-либо дневной заработок.

[2] Собств. суп. В переносном значении: нечто, усиливающее питание для восстановления упавших сил (если были нанесены побои, причинена болезнь и т. п.).

[3] Покрышка, крышка, укрывательство, сохранение чего-либо в тайне.

С) Понятие о преступлении и о наказании.

В это понятие, — на той ступени развития, на которой стоят якуты, — вплетаются так густо религиозные воззрения народа, что выяснить его можно лишь подъ условием знакомства с религиозным миросозерцанием. По отношению к якутам это будет, следовательно, возможно только по выходе в свет трудов В. М. Ионова и В. Ф. Трощанского. Незаменимую помощь окажет и штудирование значения многих якутских слов по словарю Э. К. Пекарского, что мною и исполнено, но результаты чего приводить здесь нет смысла, так как это не составляет материала, собранного мною и представляемого ныне в виде первоначальной сводки. Добытые же лично мною по данному вопросу материалы сводятся к следующему.

В. Ф. Трощанский в своем исследовании («Эволюция» и т. д.) пишет: «нельзя сказать, чтобы даже в настоящее время у якутов было более или менее ясное понятие о добре и зле без подмеси элемента полезности и вредности».

С. В. Слепцов говорит, что за преступления следует наказывать для того, чтобы человек, испытавший после совершенного деяния нечто неприятное, в другой раз не допускал бы такого образа действий (кăсăтăрі[1]). Из этого взгляда для С. В. Слепцова вытекает практическое правило, что для старого человека наказание должно быть сравнительно легкое или его может совсем не быть: он не в состоянии будет сделать того же в другой раз. Напротив, наказывать молодого человека следует более строго: пусть и он поучится и другие воздержатся. Но В. Я. Слепцов придерживается противоположного взгляда: молодой совершает преступление без ясного понимания содеиваемого, старый — наоборот; между наказанием для человека средних лет и наказанием для старика разницы никакой не может быть.

По сообщению Афанасьевых, существует суеверный страх перед убийцей: говорят о нем и об убийстве шопотом, употребляют выражение: кісіні кыаібыт, а не кісіні ӧlӧрбўт[2]. Объяснение всему этому находим в сообщении В. Я. Слепцова, который говорит, что убийца всегда совершает свое преступное деяние под воздействием абăсы, что с убийцей абăсы кыттыспыт[3].

Отношение духовного начала к поступкам людей характеризуется уже в том, что, по Афанасьевым, кірдăх кісі, т. е. даже человек, «нечистый» по совершенно случайным, но зависящим от его воли обстоятельствам, являясь на рыбную ловлю сетями и мордами (но не неводом), раздражает доіду іччітă. Но тот же результат в отношениях доіду іччітă к людям получается и тогда, когда человек уронит в озеро нож или топор, т. е. нечто заостренное (В. М. Ионов), или бросит в озеро что-нибудь нечистое, напр., собаку (В. Я. Слепцов), а с другой стороны — когда при дележе добычи произойдет драка. В. Я. Слепцов поясняет, что если потопить человека в воде, то ăбă іччітă[4] сердится

---

[1] Supinum от глагола кăсăт — проучить, дать горький урок, отповадить. *Э. П.*
[2] «Человека одолел (одюжил)», а не «убил человека».
[3] «Злой дух соединился (сошелся) действовать вместе».
[4] Дух-хозяин местности, в данном случае — озера или реки. *Э. П.*

(кысырар) потому же, почему он сердится и в том случае, если бросить что-нибудь нечистое, напр., собаку, — и только потому в этих случаях ӑбӑ іччітӑ «сірганӑр»[1], но «кісіӑхӑ кысаммат»[2]. Более развитым является взгляд на дело С. В. Слепцова. Согласно с этим взглядом, за преступление сердится (кысырар) кӱӧl іччітӑ[3], и вообще ӑбӑ іччітӑ, но наказание по суду не умиротворяет разгневанного духа, и он не прекращает своей мести ранее им самим положенного срока, — хотя бы суд людской и покарал уже преступника.

По словам Афанасьевых, состояние преступника во время совершения преступления (азарт, предумышленность и тому под.) не влияет на меру наказания.

Мною лично наблюдались и регистрировались случаи наказания животных за преступления. Случаи эти С. В. Слепцов объясняет исключительно тем, что скотина, убившая человека, может и еще когда нибудь убить человека же, а потому, в видах общественной безопасности, следует ее убить. Афанасьевы говорят, что если животное потопит человека, то оно не будет убито, но если оно человека убьет, то должно быть непременно убито, при чем «старухи» скажут, что с этим животным «абӑсы кыттыспыт». Наконец, В. Я. Слепцов утверждает, что животное, убившее человека, необходимо убить именно потому, что с ним (животным) абӑсы кыттыспыт.

По отношению к неодушевленным предметам также употребляются меры наказания. Орудие преступления (горбуша, нож) зарывается в землю[4]; дерево, причинившее падением смерть, вызывает реакцию; наконец, ружье, дающее промах, наказывается розгами.

D) Отдельные виды преступлений и наказаний.

Отдел этот может быть заполнен только при полной обработке имеющегося у меня материала.

ГЛАВА VIII.

Судоустройство.

A) Остатки организованного самоуправства.

По сообщению В. Я. Слепцова, самоуправство, как средство к восстановлению нарушенных прав, — почти всеобщее явление. По моим личным наблюдениям, совершивший захват обыкновенно говорит при этом тому, чья вещь подверглась захвату: ӱңӑн ыл[5]; но В. Я. Слепцов говорит, что чаще обращается после захвата в суд именно захвативший, — как бы с просьбою санкционировать захват. По словам С. В. Слепцова, захват

[1] «Испытывает чувство брезгливости».
[2] «До человека ему дела нет».
[3] Дух-хозяин озера. *Э. П.*
[4] В одном известном мне случае зарыта была в землю горбуша, которою случайно, во время кошения сена, был убит человек. В другом случае убийцы, совершив свое кровавое дело (убийство политического ссыльного П. А. Алексеева), воткнули нож в землю на месте преступления. Этот прием объясняли тем, что нож, обагренный человеческой кровью, мог быть употребляем кем-либо при еде.
[5] «Возьми (обратно) по суду».

особенно распространен, как средство восстановления своих прав, в отдаленных местностях, — по р. Алдану, на Оймяконе.

Как С. В. Слепцов так и В. Я. Слепцов констатируют, что захвату подвергается лишь эквивалент искомой вещи.

По сообщениям Афанасьевых, захват мелких вещей практикуется до сих пор преимущественно среди молодежи; но такой образ действий общественным мнением не оправдывается, а в случае обращения в суд, захватившему предлагают прежде всего возвратить захваченную вещь, а потом судиться. В более крупных вещах, по словам Афанасьевых, захват практикуется в экстренных случаях: должник переезжает далеко (в г. Якутск или в г. Колымск). Здесь захват употребляется, как средство заставить должника самого явиться к кредитору. Судья не обвиняет за захват, но все же предварительно приказывает вещь возвратить, а потом ставит приговор. В последнее время, как говорят Афанасьевы, захват и в этой форме практикуется очень редко.

B) Остатки суда главы рода.

Материал, сюда относящийся, уже сгруппирован выше (в отделе о семейном праве под рубрикою «патриархальная семья»).

C) Суд посредников.

В. Я. Слепцов сообщает в высшей степени оригинальный, но стоящий совершенно особняком факт, — а именно: в Долдинском (Доллу) наслеге Мегинского улуса нельзя обратиться к старшине, не обратившись предварительно к посредникам-соседям, а последние не имеют права отказать тяжущимся в суде; решения таких посредников-стариков очень правдивы; говоря вообще, по сообщению того же лица, на суд посредников обыкновенно отдаются незначительные дела, где сумма иска не превышает рублей 50. В частности, суду посредников подлежат и все дела, как сообщает то же лицо, которые оканчиваются сабы (см. выше, в отделе об уголовном праве, под рубрикою «compositio»), причем дело ведется как будто помимо ведения родоначальников. В том же смысле относительно сабы высказывается и С. В. Слепцов. Но вообще такие случаи, по сообщению этого лица, в последнее время становятся крайне редкими — благодаря распространению ябедничества. В мелких случаях, по словам С. В. Слепцова, посредник обыкновенно отказывается произносить приговор до тех пор, пока не убедится, что тяжущиеся согласятся подчиниться его решению.

Афанасьевы решительно отрицают, чтобы дела, оканчивающиеся сабы, решались когда либо посредниками; как упомянуто выше, со слов Афанасьевых, дела этого рода облекаются тайною. Что касается мелких дел, то, по сообщению тех же лиц, суд посредников имеет здесь форму просьбы совета, а не вручения посредникам своей судьбы; но тяжущиеся обыкновенно подчиняются решению посредников-советчиков.

D) Суд родовых властей.

Этот отдел может быть заполнен только после обработки собранного мною в делах и архивах Инородных управ материала.

ГЛАВА XI.

Судебные доказательства.

А) Поединок.

В сказках встречается целый ряд указаний на наличность в древнем праве якутов поединка. Но по одним тем сказкам, переложение которых дал в литературе В. Л. Приклонский, о характере якутского поединка составить себе понятие еще нельзя; приходится ждать издания фольклорного материала, собранного нашей экспедицией. Чтобы показать, однако, общее значение поединка в древней системе судебных доказательств у якутов, я приведу указание, встреченное мною у В. Л. Приклонского («Жив. Стар.», III, 171), на существование даже определенных мест для поединка: богами «указано», читаем у В. Л. Приклонского, «им (соперникам) драться на той каменной поляне, где обыкновенно состязаются на смерть».

В. Я. Слепцов и Афанасьевы не могли дать мне о поединке никаких указаний.

В) Ордалии.

С известной точки зрения ордалии являются дальнейшим развитием идеи, заложенной в поединок. Интересно, поэтому, отметить следующий эпизод из сказки, записанной В. Л. Приклонским («Жив. Стар.», IV, 146). Во время поединка между Öксöкӯlā̆х Далантаі'ем и Кӯöкӓстӓі Бöђö, последний, будучи одолеваем противником, обратился к своему отцу, Кӯн-тоjон'у, за помощью. Тогда всадник на белом коне сошел с неба и сказал: «на небе не написано, чтобы ты, Öксöкӯlā̆х Далантаі, убил Кӯöкӓстӓі Бöђö, но там написано, что на прекрасной девице Кӯн Толлума (сестра Кӯöкӓстӓі Бöђö) должен жениться Öксöкӯlā̆х Далантаі». Услыхав это два богатыря обнялись и поцеловались, удивляясь, что им не пришло в голову спросить решения неба.

С. В. Слепцов передает, что в якутских сказках нередко встречается следующий эпизод. Через речку перебрасывают сітім быа[1] («кісі ӓрӓ быспат быа»)[2] и заставляют переходить по ней тяжущихся: кто прав, тот переходит, кто виноват, — проваливается в воду. По словам С. В. Слепцова, якуты, слушая сказки, радуются, когда дело между тяжущимися доходит до этой ордалии, так как она считается безусловно доказывающею виновность или невиновность.

К ордалиям примыкают и те другие формы «суда божия», которые обыкновенно обособляются в особую группу под именем пыток.

Из своих старых записей я знаю, что якутам знакомо выставление летом обнаженного человека на съедение комарам с целью добиться от него правдивого показания. Э. К. Пекарский сообщил мне о случае держания при допросе якута, заподозренного в краже коровы, на шкуре последней с привязанной к шее допрашиваемого головой той же коровы,

---

[1] Веревка из сученой воловьей и коровьей шерсти.

[2] Веревка, которую может разорвать не всякий человек.

довольно тяжелой, и запирания на ночь того же заподозренного в чрезвычайно холо́дном помещении. А. П. Афанасьеву известны случаи, имевшие место в Намском улусе, когда допрашиваемого одевали в теплые одежды и ставили у огня и когда навешивали на шею допрашиваемому кости коровы, в тайном убое которой допрашиваемый подозревался.

C) Присяги.

По словам С. В. Слепцова, присягали в языческую эпоху ā̄л уокка[1], ā̄л уот іччітігäр[2]; äсӑ басыгар[3]; последний способ присяги оставил свой след в поговорке: äсӑ басынан куттāбыкка дылы äтäҕін[4]. Со слов того же лица я записал следующие отрывочные формулы языческой присяги (записано было прадедом С. В. Слепцова): улӯ тојон ā̄л уотум іннігäр сісім ӯöсӯн быса кöрöн öлöрдӯн... Іккі хараҕым кöлӯјä кӯöl мӯсун курдук буоллун, сымыјалāтахпына... Тöрöтöр оҕо басын білімім, ітäр сӯöсӯ басын білімім...[5]

Кроме того, я получил от В. М. Ионова переписанный С. В. Ястремским текст языческой присяги, сохранившийся у В. В. Никифорова, с вариантами.

Интересно отметить, что В. Я. Слепцов никогда и не слышал о существовании в древнее время присяги на медвежьей голове.

Привожу далее сообщения А. П. Афанасьева о современном значении присяги.

В настоящее время значение присяги падает и приносится она всегда в христианской форме. Присяги вообще избегают. В очень малых гражданских исках (о 2—3 фунтах масла, о полтине, о рубле) прибегать к присяге считается грехом. Судьи при этом предлагают «делить искомую вещь пополам» (т. е. получить истцу с ответчика половину искомой суммы) или отказывают в рассмотрении иска, чтобы только не заставить стороны присягать. Да и в крупных исках к присяге решаются прибегнуть лишь после того, как, при отсутствии доводов положительного характера, не увенчались попытки к дележу (в только указанном смысле) спорной суммы.

В гражданских делах, по сообщению того же лица, с согласия истца принимается присяга ответчика; но в уголовных, за исключением маловажных, вроде оскорбления, — она не принимается вовсе.

Присягу отца за сына А. П. Афанасьев принял бы; но присягу сына за отца — ни в каком случае.

D) Свидетели.

Последнее сообщение А. П. Афанасьева обнаруживает, что институт соприсяжничества совершенно вымер в якутском обычном праве, если только не принимать во внимание, что присяга отца за сына, пожалуй, и могла бы быть принята тем или другим отдельным родоначальником.

---

[1] Огнем домашнего очага.

[2] Духом огня домашнего очага.

[3] Головою медведя.

[4] «Ты говоришь, будто напугал медвежьей головой».

[5] «Пусть высшее божество убьет (меня) перед огнем домашнего очага, своим взглядом перерезавши у меня аорту... Мои оба глаза пусть сделаются подобны льду озера, если я скажу неправду... Пусть я лишусь власти над рожденными мною детьми и воспитываемым мною скотом...».

Таким образом, свидетели понимаются теперешнею якутскою юридическою практикою в смысле современных уставов уголовного и гражданского судопроизводства. В. Я. Слепцов прямо говорит, что роль свидетеля в якутском процессе определяется нормами русского положительного права. Но он прибавляет, что к отводу свидетелей якутские судьи относятся с гораздо большим вниманием при значительной сумме иска, нежели при небольшой.

Как С. В. Слепцов, так и А. П. Афанасьев утверждают, что во всякого рода делах достаточно одного свидетеля для постановки решения. Единственным условием С. В. Слепцов ставит отсутствие или непризнание отвода. К этому А. П. Афанасьев прибавляет условия, чтобы 1) свидетель пользовался доверием в глазах судей (в противном случае судья всячески постарается устроить дело так, чтобы основать решение на других данных); 2) тяжущиеся наперед изъявили согласие подчиниться решению, согласному с показанием этого единственного свидетеля, каково бы ни было это показание.

E) Сознание.

По сообщению А. П. Афанасьева, сознание исключает необходимость опроса свидетелей и проверки других доказательств.

F) Документы.

Отдел этот может быть заполнен только после обработки собранного в делах и архивах Инородных управ материала.

ГЛАВА X.

Судопроизводство[1].

A) Призыв в суд.

а) По делам общественного характера.

По С. В. Слепцову, два первых раза — через десятника, при чем во 2-ой раз за соболоӊ[2]. После этого, в случае упорства вызываемого, посылается старшина с людьми и пускается в ход сила. Старшине соболоӊ'а не полагается, — вероятно, потому, что он служит по выбору, а не за плату, как десятник.

С. В. Слепцов рисует такую картину. Оба первых два раза — через десятников без оплаты соболоӊ'ом; но при этом в некоторых местностях десятники отказываются итти во второй раз, ссылаясь на то, что они обязаны ходить только один раз. В третий раз посылают почетного родовича за соболоӊ.

---

[1] В этом отделе я говорю исключительно о словесных разбирательствах.

[2] Этот соболоӊ является обязательным вознаграждением за реальный труд и не должен быть смешиваем с тем соболоӊ'ом, который дается как бы в благодарность за посещение и ведет к новому обязательству. См. в отделе о договорном праве, под рубрикой «oblig. ex vi».

А. П. Афанасьев говорит, что у них в первый раз посылают десятника, а иногда призывают и через «попутчика». Во второй раз посылают человека за соболоҥ. Случаев, чтобы приходилось посылать в третий раз, А. П. Афанасьев не припомнит. Но если бы это случилось, то привели бы силою через старшину или капрала с человеком.

b) По делам частных лиц.

По сообщению всех опрошенных лиц, в первый раз ответчика вызывает в суд непосредственно сам истец. Затем, по В. Я. Слепцову и А. П. Афанасьеву, во второй раз ответчик вызывается уже (через десятника по В. Я. Слепцову и через «попутчика» по А. П. Афанасьеву) судом, но без соболоҥ'а, а по С. В. Слепцову через десятника за соболоҥ. За соболоҥ же вызывается ответчик судом в третий раз, — по В. Я. Слепцову, через почетного родовича, а по А. П. Афанасьеву — через кого-нибудь. Наконец, в четвертый раз (а по С. В. Слепцову — в третий) ответчик приводится в суд силою через старшину (по А. П. Афанасьеву: или через капрала).

В высшей степени интересно отметить, что по сообщению всех опрошенных лиц, люди за соболоҥ посылаются для привода ответчика в суд при условии внесения в виде залога соболоҥ'ной платы вперед истцом. А. П. Афанасьев прибавляет, что часто, по неимению у истца денег, истец принужден представить судье в заклад какую нибудь вещь: шапку, пояс и т. п.

Соболоҥ взыскивается, вообще говоря, с виновной стороны: берется из залога истца, если иск оказался недоказанным и взыскивается с ответчика, если он признан несущим обязательство или виновным в проступке (С. В. Слепцов). Но А. П. Афанасьев добавляет, что уплата соболоҥ'а всегда падает на неявившуюся к разбирательству сторону, если за этот соболоҥ посылается человек после того, как было посылаемо приглашение от судьи хоть один раз.

Из дальнейших сообщений А. П. Афанасьева видно, что если истец по уважительным причинам (напр., он из другого улуса, — уезжает в г. Якутск или Колымский округ) не мог вызвать ответчика сам, то судья посылает за последним, с уплатою соболоҥ'а, сам, причем соболоҥ падает в этом случае на сторону, которая окажется виновною; тот же результат, если за соболоҥ посылается человек за ответчиком почему либо после первого же призыва в суд истцом ответчика.

В) Судебное следствие.

Все опрошенные лица рисуют такую картину для судебного следствия.

Сначала судья спрашивает истца о предмете иска, хотя бы частным образом судье и было это известно. Затем выслушивается ответчик. Если из таких расспросов дело не выясняется и свидетелей на лицо нет, то назначается новое разбирательство для опроса свидетелей.

К этим сообщениям я могу добавить, что разбирательство может происходить во всякое время и во всяком месте, если на это есть желание у судьи, — что судья при этом непременно сидит, а тяжущиеся стоят перед ним бырар кӯсан[1] и время от времени кланяются

[1] Букв.: «обнимая печень», — в переносном смысле: «скрестивши руки на животе».

судье, и что во время судебного следствия тяжущиеся обращаются к судье, называя его не по имени, а тоjон.

С) Решение.

Решение по якутски — ӯрӯ, от ӯр — класть, положить. Постановить решение — ӯрӯ ӯр. Ӯрӯгун ӯр! можно сказать и низшему судье, хотя предполагается непременно перенести дело в высшую инстанцию. Так говорит А. П. Афанасьев. От того же лица я узнаю, что в некоторых случаях можно совершить действие ӯрӯ ӯрар, но не приводить в исполнение силою своего ӯрӯ (примеры того были указаны в отделе о договорном праве).

А. П. Афанасьев говорит далее, что судья может, по просьбе ответчика, отсрочить постановку решения, хотя бы мотивом просьбы было указание на то, что он, ответчик, растерялся.

По словам С. В. Слепцова, решения произносятся большею частью в абсолютной форме, но бывают и условные. В. Я. Слепцов также сообщает, что решения часто бывают условны. В. Я. Слепцов приводит такой пример. Если ответчик отрицает долг, то староста все таки говорит старшине: «если N не захочет уплатить в течение 5 дней, то отобрать у него в пользу такого-то такую-то вещь». С. В. и В. Я. Слепцовы говорят, что условные решения постановляются главным образом с целью вынудить у ответчика сознание. Но А. П. Афанасьев главную причину постановки таких решений видит в практическом удобстве: слишком затруднительно было бы (за дальностью расстояний) по несколько раз сводить в суд всех причастных к делу лиц.

D) Исполнение решений.

Кроме исключительных случаев (напр., в случае доказанной на суде недобросовестности ответчика в исполнении обещаний), ответчик может вызваться сам доставить истцу в определенный срок предмет иска. При этом, по С. В. Слепцову, истец во всяком случае может обратиться к судье с оффициальным заявлением: «тоjон, если он (т. е. ответчик) не представит мне того-то в срок, то я опять приду к тебе».

Судья при этом предупредит ответчика, что в случае неисполнения им обещания, он, кроме насильственного отнятия вещи, подвергнется еще задержанию в «сибирке». По А. П. Афанасьеву, ответчик предупреждается еще и о том, что все расходы, могущие явиться результатом невыдачи им истцу в срок вещи, падут на него, ответчика, при чем для верности тут же установляется, где, когда и при каких условиях произойдет передача спорной вещи. О наказании за неисполнение обещания говорит и В. Я. Слепцов; А. П. Афанасьев выражается об этом так, что «строгий» староста действительно посадит неисправного ответчика на 2—3 дня в «сибирку».

Если случится действительно, что ответчик не представит истцу в назначенный срок спорной вещи, или же при самой постановке решения отказывается добровольно подчиниться ему, то, после вторичного обращения истца к судье, но без нового разбирательства дела, по распоряжению судьи, предпринимается действие, которое носит имя тутан ба̄рда̄рі, т. е. насильственное отобрание спорной вещи для передачи истцу. Как я сказал в предыдущей рубрике, тутан ба̄рда̄рі не всегда имеет место после ӯрӯ ӯрар'а; в каких

случаях только ӯрӯ ӯруохтара[1], а в каких ӯрӯ ӯран баран тутап бiäрiäхтäрä[2], — это определяется каждый раз общим характером обычно-правовых воззрений якутов на данный род обязательства и силою представленных тяжущимися доказательств.

ГЛАВА XI.

Раздел добычи.

В Якутском округе добывается только рыба. Добывание птицы не играет сколько нибудь заметной роли в продукции якутов, поэтому, вероятно, в этой области мною не встречено ничего такого, что регулировало бы общественные отношения юридическими нормами. Несколько более важное значение имеет добывание зайцев и лосей, но все же значение это очень ограничено (не считая Оймяконо-Борогонского наслега Баягантайского улуса, Якутского округа, где добывание пушнины довольно значительно; но наслег этот по своему географическому положению не принадлежит к области, занимаемой Якутским округом, и там я не был).

Я собирал материал, характеризующий раздел добычи при рыбной ловле; о порядке регулирования прав на зверя мною записаны лишь 2—3 отрывочных факта.

Мне известны следующие главные центры развития рыболовства в округе: 1) озеро Мӯрӯ[3] — верст около 50 в окружности; 2) два озера Тӯңӯlӯ[4], соединенные небольшою речкою; каждое из них — до 30 верст в окружности; 3) р. Лена; 4) река Алдан (приток Лены); 5) р. Амга (приток Алдана) и 6) пространство, занимаемое Дюпсюнским улусом, на юго-запад от устья р. Алдана (здесь весьма значительная часть почвы находится под водою озер).

Кроме озер Мӯрӯ и Тӯңӯlӯ, в округе нет водоемов таких же больших размеров.

Материалы, мною собранные, относятся главным образом к местности, прилежащей озерам Мӯрӯ и Тӯңӯlӯ, а также занимаемой Дюпсюнским улусом. Кое-что известно мне и о нижнем течении р. Татты, отчасти по личным наблюдениям, отчасти из примечаний, сделанных Э. К. Пекарским к моему описанию неводьбы на озере Мӯрӯ.

В других местностях мне материала собрать не удалось.

А) Озеро Мӯрӯ.

Весь процесс неводьбы называется тӯсӯ. Говорят: тӯсälläр дуо? — неводят ли (т. е. будут ли неводить)? (об известных, определенных людях). Ханна тӯсӯöхтäрäi? — где будут неводить? (тоже).

Но так как невод называется муңха и баҕаңы, то неводьба вообще называется муңхалы̄ и баҕаңылы̄. Так, если желают узнать, начали ли, положим, в данную осень

[1] «Постановят решение». *Э. П.*
[2] «Постановив решение, отберут (спорную вещь) насильственно и отдадут». *Э. П.*
[3] Находится в Борогонском улусе Якутского округа.
[4] Находятся в Мегинском улусе Якутского округа.

уже вообще неводить на озере, то скажут: «муҥхалыллар дуо? или муҥхалыр буолбуттар дуо?» (или те же формы от баҕаҕы).

Описываю неводьбу от начала до конца, на которой присутствовал (на озере Мӯрӯ 19 октября 1894 г.).

Размеры невода, по моим измерениям и расспросам, оказались следующими:

1. Мотня (іǰä) — 6 былас бӱк тӱсäрбіт[1].

2. Крылья (кынат)—по 50 маховых саженей каждое; ячея или глаз — харах, мунду гіäнä[2] — около 2 см в диаметре.

3. Бечевы (быа) по 30 маховых саженей.

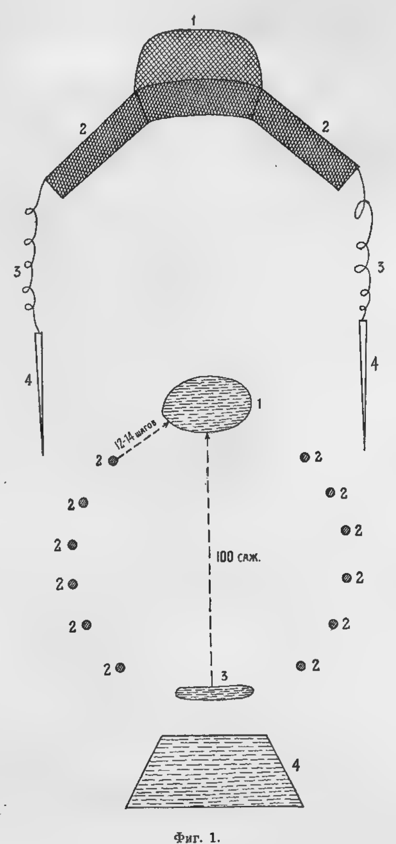
4. Неводная рель, заведь (öтӱмäх) — по 12 шагов (хāмы̄).

1. Чардāт—прорубь, через которую спускается невод.

2, 2, 2, . . . — öтӱмäх оібоно—небольшие проруби, при посредстве которых проводят подо льдом неводные рели, а за ними на бечевах невод.

3. Ныры̄ — прорубь, через которую шестами не допускают рыбу назад.

4. Тахсы чардāт — прорубь, через которую невод вытаскивают, корыто.

Фиг. 1.

При опускании и движении невода потребны рабочие:

1) опускает в чардāт невод (баҕаҕыны ӱтäр или баҕаҕыны кіlläрäр).

Затем парные на каждое крыло.

2 и 3) Пробивающие проруби öтӱмäх оібоно, так называемые оібону алларāччы. Орудие — обыкновенная пешня.

4 и 5) Передвигающие öтӱмäх. Глагол: öтӱмäхтā. Орудия: атырҕах[3] и олӯр[4].

---

[1] 6 маховых саженей — по 3 сверху и снизу. *Э. П.*

[2] Глаз (ячея), на мундушку.

[3] Кута, рассоха для пронырывания неводной рели подо льдом. *Э. П.*

[4] Толстая палка, которая действует в виде рычага, опирающегося с одной стороны на куту (рассоху), а с другой на неводную рель. *Э. П.*

6 и 7) Ловящие ӧ̄тӯмӓ̄х в следующей проруби (ӧ̄тӯмӓ̄х ойбоно) называются кӧ̄хӧ̄сӯт, от названия орудия — кӧ̄хӧ̄[1].

8 и 9) Тянут невод за бечеву, — быа тардāччы, — навертывая ее на особое орудие, для которого в Ботурусском улусе имеется название тохо или ӓ̄рбӓ̄х (Э. К. Пекарский).

При поднятии невода необходимы рабочие:

1) Ныры̄лāччы — в проруби нырӹ старается шестом воспрепятствовать рыбе итти назад подо льдом над мотнею.

2) Чардāты ырāстāччы — очищает воду в тахсы̄ чардāт'е от кусков льду и травы, приносимых неводом.

3) Тасāччы[2] — тащит невод за нижние края обоих крыльев (технически: за нижние подборы), соединяя их вместе голыми руками; он же вытаскивает на лед и мотню.

Парные: 4 и 5) Саҕалāччы (саҕалы̄р) — принимают верхние края крыльев (технически: верхние подборы) невода; не редко таких работников — по два на каждом крыле.

6, 7, 8, 9) Баҕаҥыны бастāччы (баҕаҥыны басты̄р)[3] — стряхивают с крыльев воду и укладывают их по бокам тахсы̄ чардāт'а; по два на каждое крыло.

Количество всей добытой рыбы определяется в этой местности так (в уменьшающемся количестве):

1) Ӓсī, ӓспіттӓр[4] — когда рыбы так много, что мотню нельзя вытащить из воды, не вычерпав часть добычи на лед.

2) Суорҕаннāбыттар[5] — когда рыба в мотне расползается и покрывает лед наподобие одеяла.

3) Ынах ханнын саҕа[6].

4) Баҕаҥы сіппӓтӓ[7].

5) Аччыгыі кыл хā[8].

6) Тӯ тымтыкаја[9] или тӯ тымтаја[10].

В зависимости от того, по скольку досталось присутствовавшим (в возрастающей степени):

1) Ытыстаспыттар[11] — пригоршнями.

2) Хопо кӯрҥаҕінӓн — лопатками (деревянными).

3) Кыл хамыјаҕынан — волосяными черпаками.

---

[1] Палка с крючком, которым зацепляют неводную рель и держат ее. *Э. П.*

[2] Nomen agentis от тас — тащить. Тасāччы в соседнем улусе именуется тāччыт (от тāс — камень, так как тāччыт вытаскивает крылья за ту часть, к которой привешиваются камни).

[3] От бастā — быть впереди, начальствовать. В других местах баҕаҥыны таҥастāччы (М. Н. Ионова). *Э. П.*

[4] Вычерпывание, вычерпали (от ӓс — вычерпывать). *Э. П.*

[5] Снабдили одеялом (от суорҕаннā). *Э. П.*

[6] Величиною с коровью брюховину. *Э. П.*

[7] Мешок из одного столба невода. *Э. П.*

[8] Небольшой мешок из конского хвостового волоса. *Э. П.*

[9] По словарю Э. К. Пекарского — тымтаката; так же произносит и М. Н. Ионова.

[10] Тунтай для рыбы, попадающей в вершу. *Э. П.*

[11] От ытыстас — разделить между собою пригоршнями. *Э. П.*

Особо стоит: ахсāнынан — «по счету» доставшейся на брата рыбы; так делят рыбу и когда ее мало, и когда ее много, — в зависимости от удобства.

По сообщению Никифора Местникова и Дмитрия Галактионова, на неводьбу является такая масса народу, что для всех работы не хватает; но дают и не работавшим, — примерно, в два раза менее, нежели работавшим.

С другой стороны, как сообщает Гавриил Местников, в озере Мўрў такое обилие рыбы, что летом мелкую рыбу (Phoxinus percnurus Pall.)[1] человек не в состоянии унести на себе уже от 10 верш: нужно запрягать быка.

Далее, из сообщения Дмитрия Галактионова я узнал, что хозяин невода получает немного более, нежели каждый из работавших при неводьбе: если на долю последних приходится по 10 карасей, то собственнику невода дадут всего 15; «капрал», т. е. распоряжающееся на неводьбе лицо, получает столько же, сколько и каждый из работавших. На быка, привозящего невод к месту неводьбы, полагается столько, сколько на каждого неработавшего посетителя неводьбы. Работавший получает примерно вдвое больше против каждого неработавшего.

Гавриил Местников и Иван Бурнашов передают, что после выдела рабочим, собственнику невода, на быка и пр. при окончательном разделе добычи выдается не на присутствующих, а сообразно с числом ртов в семье каждого присутствовавшего: сын получает и на долю отца, и — обратно. Иван Бурнашов, впрочем, оговаривается, что дается именно на мужские рты; женщинам выдается только в том случае если они присутствуют на неводьбе, за исключением, однако, вдов, на долю которых выдается, как на мужские рты, хотя бы вдова и не присутствовала. По сообщению того же лица, на лиц, существующих на счет родовой благотворительности (кумалāн'ы), часть выдается в те семьи, где эти лица в данное время пропитываются. От Ивана Бурнашова я узнал еще, что 2 и 3 мелких карася считаются при разделе добычи за один.

По сообщению Дмитрия Галактионова, состояние в высшем или в нисшем классе по отношению повинности и по размерам земельного пользования, не оказывает влияния на участие в добыче. То же лицо сообщает, что как присутствующим, так и отсутствующим «почетным» родовичам дают, мāнылāн[2], бóльшие части, напр., равные по размерам части каждого из работавших.

Хотя Димитрий Галактионов говорит, что жалобы почетных лиц на недачу им части добычи в суд не принимаются, но Гавриил Местников добавляет, что, в случаях, когда рыбная ловля производится двумя неводами, нередко люди одного из них, сочтя себя обиженными, являются в количестве до 50 человек к старосте или к выборному члену Управы, при чем ими восстанавливается справедливость или же, чтобы избегнуть недоразумений на будущее время, воды разделяются между неводами.

По сообщению Дмитрия Галактионова, при распределении добычи никакого различия между своими и людьми других наслегов и улусов не проводится.

В мелких озерах в округе оз. Мўрў, как сообщает Иван Бурнашов, караси разво-

---

[1] По-якутски: мунду. *Э. П.*

[2] От мāнылā — почитать. *Э. П.*

дятся теми, которые пользуются полосами вокруг данного озера. Для этого подряжают доставку в озеро карасей, вылавливаемых мордами (коп. 20—30 за пуд).

В) Дюпсюнский улус.

Все сведения о рыболовстве и разделе добычи в этой местности сообщены мне Афанасьевыми и в особенности А. П. Афанасьевым.

Количество неводов в различных наслегах колеблется между 5 и 15 (в 1-м Оспетском наслеге — 13). Неводы иногда принадлежат 2—3 хозяевам.

На небольших озерах ловля ничем не регулируется, на крупных — производится всем родом: все хозяева неводов должны быть уведомлены о предстоящей ловле, в противном случае — денежный штраф. Весною рыбная ловля начинается с февраля, осенью с того времени, когда лед в состоянии выдержать людей.

Число рабочих можно довести всего до 2-х человек, — весною, когда рыба спит, а потому не шныряет. Полный комплект рабочих — 13 человек[1]:

1) Баҕаҥыны кіlläрāччі.

2 и 3) Мӯччут = оібону алларāччы.

4 и 5) Мӯс тасāрāччы — назначаются только весною, когда лед тает: вычерпывают лед из öтӯмäх оібон'ов.

6 и 7) Кöхöсӯт.

8 и 9) Öтӯмäхчіт — ловят öтӯмäх в следующей проруби.

10 и 11) Быасыт = быа тардāччы.

12 и 13) Быа кіlläрāччі.

В дальнейшем, т. е. при вытаскивании невода, эти же лица переходят, по мере освобождения от работы, к следующим функциям:

14) Нырӣсыт = нырӣлāччы.

15) Тāччыт = тасāччы.

16 и 17) Сітім баттāччы — пригибают книзу нижние подборы, чтобы они не подымались кверху.

18 и 19) Саҕасыт = саҕалāччы.

20, 21, 22 и 23) Бастāччы = баҕаҥыны бастӣр.

По окончании неводьбы:

24 и 25) Кыллāччы — обирают с крыльев невода траву, лед и пр.

26, 27, 28 и 29) Бäріјāччі — раскладывают невод для просушки.

Исключивши некоторых рабочих, функции которых не представляются существенно необходимыми, Афанасьевы находят вполне достаточным для производства неводьбы 7 человек.

Количество всей добытой рыбы определяется следующими терминами:

1) Кӯöс āрā балык — всю добычу можно поместить в один горшок; если людей много, то такую добычу не делят, если же всего человек 5—6, то делят.

---

[1] Даю объяснение только тех терминов и названий, которые не вошли в описание неводьбы на оз. Мӯрӯ.

2) Сӯгӓсӓр сіппӓ балык — всю добычу можно заключить в самый большой сіппӓ.

3) Бађаңы сіппӓтӓ — в 4, 5, 6, 7 раз больше, чем помещается в сӯгӓсӓр сіппӓ.

4) Кісі тардара — один человек едва вытаскивает из проруби мотню.

5) Суорђаннāн тасāрар — немного более № 4-го; см. суорђаннāбыттар мӯрӯ'йцев.

6) Араччы тахсар балык[1] — немного более № 5-го.

7) Асӓр (аччыгыі ӓсӓр, орто ӓсӓр и улахан ӓсӓр; улахан ӓсӓр — если ӓјӓтін[2] кӧхӧнӧн ыллылар)[3].

По количеству всей доставшейся на брата рыбы различают:

1) Ытыстасы̄[4] = ытыстаспыттар мӯрӯ'йцев, и «пригоршнями» делят рыбу тогда, когда добыто всего кӯӧс ӓрӓ балык.

2) Кіӓсӓ асылык или аңӓр асылык[5] — такое количество соответствует сӯгӓсӓр сіппӓ и бађаңы сіппӓтӓ.

Единицами для измерения рыбы при разделе (в зависимости, конечно, от ее количества) являются:

1) Мӯс тасӓрар кӯрпӓђінӓн — единицею служила черпалка, которою выбирают лед из чардāт'а.

2) Хаптађаі кӯрпӓх — обыкновенная якутская плоская черпалка — лопатка с приподнятыми краями.

3) Кыл хамыјађынан — черпалкой из конского волоса (специально для рыбы).

4) Тымтајынан — особыми плетенками.

Порядок раздела таков: людям из другого наслега, а в особенности улуса, всегда дается более, нежели сонаслежникам.

Сначала бӧдӧңнӱllӓр, т. е. выбирают крупных карасей (бӧдӧң собо или просто бӧдӧң). Из крупной рыбы тут же отделяется: должностным лицам наслега, в том числе и отсутствующим, иногда голове и священнику с псаломщиком, присутствующим почетным лицам, хозяевам. Всем этим лицам дается не поровну, — в зависимости от различных условий, классификации которых Афанасьевы мне не дали. Если народу (постороннего) мало, то из бӧдӧң дают и рабочим понемногу. Этим оканчивается раздел бӧдӧң собо.

Следует заметить, что только при ӓсӓр'е откладывают отсутствующим родоначальникам и причту.

При дальнейшем разделе мелких карасей замечаются некоторые отличия по местностям.

По р. Алдану:

Если крупных карасей на рабочих не хватило, то мелкие начинают делить с рабочих; если из крупных досталось и рабочим, то мелкие начинают делить с «почетных» присутствующих.

---

[1] Рыба, едва выходящая, т. е. такая добыча, что мотня едва выходит (вытаскивается) из проруби. *Э. П.*

[2] Ӓјӓтін допускаю вм. ıјӓтін, ибо говорят, напр., ӓlï и ılï (рука), ӓмӓріі и імӓріі (гладить) и пр. — Примеч. Э. К. Пекарского.

[3] Выгребание (малое выгребание, среднее выгребание, большое выгребание); большое выгребание — если мотню взяли (вытащили) крюком. *Э. П.*

[4] Дележка пригоршнями (nomen actionis от ытыстас). *Э. П.*

[5] Вечерняя еда (ужин) или половинная доля. *Э. П.*

В 1-м Оспетском наслеге:

Если народу мало и светло еще, то мелких карасей начинают делить с почетных; если же народу много и начало уже темнеть, то — аңāр усугуттан[1]. — Из мелкой рыбы должностным и «почетным» лицам дают по 2 мерки, работавшим — по 1½, на быка — 1 м., на невод (кроме 2 м., полученных уже хозяином) — 4 м., остальным по 1 мерке, хотя бы пришлось дать по 1 м. нескольким представителям одной и той же семьи; но если на лицо из всей семьи имеется один представитель, то ему дают 1½ м. На каждого кумалāн'а отпускается также по 1 мерке. Жене, если муж тут же, дается немного меньше, нежели мужу, а детям при взрослых по ½ м.; но если ребенок является представителем семьи на неводьбе, то ему дают 1½ м. или 1 м., — смотря по бедности семьи.

Во 2-м Оспетском наслеге:

Распределяется добыча по хозяйствам; если налицо несколько представителей одного и того же хозяйства, то старшему дают дележную единицу, а остальным — каждому немного меньше; если же из хозяйства явится только один, то ему дают на всех домашних более (раза в полтора) дележной единицы. Откладывание на долю головы и даже старосты определяется влиянием, которым эти лица пользуются среди населения. Староста и тем паче голова претензии по суду предъявить не могут; но староста хотя жаловаться и не станет, однако саңарыаҕа[2].

По всему Дюпсюнскому улусу практикуется пересаживание карасей в озера, где их не водится. Такие караси называются, как и около оз. Мӯрӯ, кутӯ[3] балык. Пересаживают рыбу без ведома общины, и потому сроков пользования не установлено. Однако, некоему П. С—ву, лет 10 удачно вылавливавшему пересаживаемую им рыбу, было к концу этого времени запрещено исключительно пользоваться рыбою, вследствие чего он и перестал пересаживать. О себе самом А. П. Афанасьев рассказывает следующее: в озеро была пущена рыба отцом А. П—ча в конце 50-х гг., после чего А. П., как наследник, получал ⅓ или ¼ добычи, не пуская рыбы. После наводнения 1882 года озеро это соединилось с другим, А. П—ч перекочевал в другое место, а на озере стало неводить общество, при чем добывали весьма немного (при разделе всегда выходило ытыстасы̄). Теперь А. П. опять стал пускать в это озеро рыбу и завладел им в личное пользование, опираясь на свое влияние; другому лицу, пользующемуся меньшим влиянием, нежели А. П., общество могло бы и запретить.

Рыбу обыкновенно пересаживают из ты̄мпа[4]. Эта рыба, будучи нежирною, легко переносит перевозку. Наибольший улов — во время метания икры — весною; тогда же и перевозят рыбу. Если ожидать лет 5, то по прошествии этого времени можно ловить 3—4 года подряд, не впуская новой рыбы. Если осенью вылавливают пущенную весною

---

[1] С одного (какого-либо) края. *Э. П.*
[2] Не останется безмолвным (от саңар — издавать голос, отзываться). *Э. П.*
[3] Nom. act. от кут — лить, сыпать. *Э. П.*
[4] Ты̄мпа или ты̄мпы — лесное озеро. *Э. П.*

рыбу, то получают почти столько, сколько пущено (естественное вымирание множества только что пущенной рыбы, раздача рабочим). В Батагайском наслеге рыбу вылавливают, как общее правило, осенью: бедняки потому, что не приходится раздавать (ловят, вероятно, вершами), богачи — потому, что, благодаря общему обилию рыбы, пересаживают не 10—15 пуд., как в других местах, а пудов 50—60, так что осенью выловить представляет уже интерес.

Вот точные данные, любезно сообщенные мне А. П. Афанасьевым, о результатах пересадки им рыбы в озеро.

А. П. пересадил в озеро Ӱрӱӊ ынах[1] в 1885 г. 23 п. 10 ф. карасей (больше не удалось достать живых карасей), в 1886 г. — 20 п. 20 ф., в 1887 г. — 10 п. 30 ф. и в 1889 г. — 5 п. 30 ф. Неводьба дала: осенью 1889 г. — 40 п. мелкой новой рыбы, в 1891 г. (в 1890 г. не неводил) — около 60 п. В течение 1892 г. и 1893 г. вновь пущено 14 п. 30 ф., и затем добыто: в 1893 г. — около 250 п. (3 ӓсӓр'а) и в 1894 г. — около 200 п. Летом (в начале августа 1894 г.) на поверхности озера появилась уснувшая и полууснувшая рыба, не годная к употреблению. — Половину добычи А. П. всегда раздавал являвшимся на неводьбу.

С) Нижнее течение р. Татты

(1-й и 2-й Игидейские наслеги Ботурусского улуса[2] и 2-й Игидейский наслег Баягантайского улуса).

Э. К. Пекарский в технике и технических терминах находит следующие отличия между неводьбой в этой местности и неводьбой на оз. Мӱрӱ.

Записанное мною ӧтӱмӓх в его изображении — ӱтӱмӓх.

Для проруби, в которую опускается невод, Э. К. Пекарский дает название тӱсӱ̄ чардā̄т, и человек, спускающий невод, называется тӱсӓрā̄ччi.

Нырӹ, по Э. К. Пекарскому, — шест, которым водят в воде, самая же прорубь — мā̄мi оiбоно, а действие — мā̄мiлӣ (говорят: «мā̄мiнi мā̄мiлā̄»).

Четыре проруби для ӧтӱмӓх'ов (или, по здешнему, ӱтӱмӓх'ов), ближайшие к (тӱсӱ̄) чардā̄т'у, называются здесь кулгā̄х оiбоно, остальные сургā̄х (или сулгā̄х) оiбонноро.

Веревки, вместо якутского слова быа, называются, по Э. К. Пекарскому, испорченным русским словом бечева (бӓчiмӓ)[3].

Сiппӓ, в смысле помещения для рыбы, неизвестно Э. К. Пекарскому (как и М. Н. Ионовой); мерою здесь служит хоппо[4], три хоппо составляют куорап (испорченное русское короб). По сведениям с оз. Чурапчы, около Ботурусской Управы (участник экспедиции А. И. Некрасов) там меры более хоппо не существует.

По сообщению С. В. Слепцова, случайно пришедшему (т. е. не постоянному посетителю неводьбы) дают меньшую часть сравнительно с другими, на том основании, что хотя он при неводьбе и работал наравне с другими, но не участвовал раньше в приготовлении

---

1 Белая корова. *Э. П.*

2 Ныне эти наслеги числятся в Таттинском улусе. *Э. П.*

3 На Вилюе, по Мааку — муӊха ӧтӱтӓ.

4 Большой длинный ящик, сплоченный из досок веревками. *Э. П.*

прорубей. Оҕо ölӯтä, ӯlälāбäт оҕо ölӯтä дается детям, которые не в состоянии работать. При мне однажды С. В. Слепцов пригрозил одному якуту, что ему будет дана такая часть, так как он пришел на неводьбу к концу и не работал. С другой стороны, неспособный к работе старик и немогущий являться на неводьбу за дряхлостью, требовал себе полную часть, мотивируя это тем, что если бы он и ходил на неводьбу, то все равно не работал бы.

Принимаются в соображение и чисто случайные обстоятельства. С. В. Слепцов давал увеличенную долю якуту, который весною так голодал, что хотел убить корову.

D) Озеро Тӱнӱlӱ.

Здесь, по сообщению В. Я. Слепцова, владелец невода приглашает рабочих, как предприниматель. Существует обычай, в силу которого рыба, которая оказывается при вытаскивании невода на крыльях последнего, поступает в пользу рабочих, при появлении же из воды мотни, хозяин невода старается вычерпать для себя из него как можно более рыбы, когда невод совершенно вытащен на лед, то это вычерпывание прекращается и рыба делится по равной части между хозяином и рабочими, и преимущество хозяина заключается лишь в том, что ему отделяют лучшую рыбу. Откладывается часто и на быка. Присутствующим, т. е. не работавшим, даже приезжим из других улусов, дают очень немного, хотя все-таки дают. В 1894 г. кандидат по голове делал даже выговор неводившим за то, что они обделили присутствующих.

Существует, по сообщению того же В. Я. Слепцова, общее правило, что должностным лицам дают большую часть в уважение их даровой службы. Староста Долдинского наслега принес жалобу в Родовое Управление (старшинам и кырцаҕас'ам) о том, что его сыну дали столько же, сколько остальным, хотя сын его был послан им вместо себя. Родовое Управление приговорило неводчиков угостить старосту водкою и впредь так не поступать. Староста от угощения отказался по добродушию, сказавши, что он удовлетворяется сознанием неводчиками своей ошибки.

. . . .

(На этих словах рукопись обрывается. И. М.)

Л. Г. ЛЕВЕНТАЛЬ

(род. в 1856 г. ум. в 1910 г.).

Подати, повинности и земля у якутов
(от 1766 г.).

Л. Г. Левенталь.

ВВЕДЕНИЕ.

Несмотря на весьма значительный интерес, представляемый историей столь численного и самобытного племени, как якуты, до сих пор почти ничего не сделано для ее разработки, даже и за время от прихода сюда русских. Особенно интересным и в научном, и в практически-административном отношении является время от 1-ой Ясачной Комиссии до 30-х годов XIX века. В одном из ходатайств своих на имя министра госуд. имуществ, улусные головы Якутского округа как-то высказали, что якутам долго памятно будет время управления областью начальника Мягкого, ибо «при нем впервые для них взошло солнце»[1]. Жаль, что головы недостаточно знакомы были с тем, что сделано здесь 1-ой Ясачной Комиссией; иначе, при любви якутов к метафорам, они не преминули бы сказать, что заря этого нового дня, каким действительно были для якутов конец прошлого и начало XIX века, занялась в те немногие годы, когда Черкашинников работал здесь в качестве начальника упомянутой Комиссии[2]. Ибо, несмотря на всю суровость тона некоторых постановлений, последние знаменовали собою перелом к несомненному лучшему в русско-инородческих отношениях; эти постановления были отправным пунктом целого ряда мер облегчения и упорядочения здешней жизни и усиленных забот о судьбе якутов, вплоть до указанного выше времени. Но и об этом столь интересном периоде до сих пор нет ничего хоть сколько-нибудь цельного и обоснованного на критически проверенном материале. Между тем многое из установленного тогда, Устав об инородцах 1822 г. в том числе, до настоящей поры[3] служит главной юридической основой здешней жизни, несмотря на все глубокие экономические перемены, происшедшие здесь с того времени. Промысел пушного зверя, еще в начале XIX века игравший весьма видную роль в экономии якутов, теперь почти-что перевелся. Скотоводство, благодаря нарождению и быстрому развитию приисков, сделалось предметом усиленной и безрасчетной эксплоатации, ради сбыта. Олекминский округ стал наполо-

---

[1] Из частных бумаг.

[2] Необходимо, впрочем, заметить, что у якутов осталась память о Черкашинникове лишь как о начальнике Ясачной Комиссии, о бытности же его воеводой они ничего не помнят.

[3] Т. е. до 90-х годов XIX века. *И. М.*

вину земледельческим и по культурности значительно опередил Якутский, до того во всех отношениях шедший впереди других округов. Но и в Якутском округе, и даже в Вилюйском, земледелие стало весьма важной отраслью народного хозяйства. Извозный промысел казенной и купеческой клади, некогда дававший здешним якутам по нескольку сотен тысяч рублей в год, теперь донельзя умалился, и с открытием Гижигинского тракта, грозит почти полным прекращением. Таковы, вкратце, те главные и крупные перемены, какие произошли здесь с того времени, когда назрели и понемногу сложились учреждения 1822 г. И хотя в практике здешних управлений и судебных мест, кроме так наз. Сибирских учреждений, все более применения получает многотомный свод законов, со всеми его приложениями и дополнениями, но факт все-таки тот, что административное и земельное устройство якутов юридически остается таким же, каким оставили его Устав 1822 г. и 2-ая Ясачная Комиссия 1828 г. Факт, кроме того, что многое, вполне пригодное и своевременное тогда, продолжает жить и действовать именно как пережиток, как остаток этого прошлого, вследствие некоторой забытости, как бы заброшенности, в какой оказалась с того времени жизнь этого края.

Выходит таким образом, что исследователю якутской современности необходимо возможно близкое знакомство хотя бы с этим недалеким прошлым здешнего края, ибо без того почти немыслимо полное и верное понимание современности. И в то же время, при совершенной неразработанности здешней истории, при отсутствии в печати даже сколько-нибудь цельного и систематического материала для нее, трудно надеяться на полную обработку в близком будущем хотя бы одного какого-нибудь ее периода. Самое лучшее, что, казалось, остается сделать, при таких обстоятельствах, это выбрать несколько таких вопросов, прошлые судьбы которых доныне продолжают влиять и отражаться на подлинной якутской действительности, и рассмотреть их исторически возможно тщательнее, вплоть до современного их положения. На первый раз самым важным для современности казался полный очерк податного обложения якутов и той связи, какая стала устанавливаться между этим обложением и землепользованием якутов со времени 1-ой Ясачной Комиссии. Первое было весьма важно в смысле воздействия русского управления на экономическую жизнь якутов, второе всего лучше характеризовало бы внутреннюю работу и перемещение сил в среде якутских обществ под влиянием новых экономических факторов. А связанные вместе и сопоставленные оба вопроса — о податном обложении и землепользовании у якутов — всего лучше отразили бы все общественно-экономические перемены, какие произошли за это время в их жизни. Целиком, однако, такой очерк истории обложения якутов от 1-ой Ясачной Комиссии до наших дней, в связи с переменами в землепользовании, по размерам своим, никоим образом не мог быть помещен в предлагаемой работе[1]. К тому же местами чувствуется еще недостаток материала, так как к рассмотрению здешних архивов приступлено было сравнительно весьма недавно. Пришлось поэтому ограничиться полной обработкой одного очень важного момента этой истории, — о 1-ой Ясачной Комиссии, остальное же дать пока в виде краткого очерка, несколько подробнее останавливаясь лишь на переменах

[1] Здесь автор имел в виду то количество листов, какое предназначалось для его статьи в «Памятной книжке» Як. Статист. Комитета. *И. М.*

в землепользовании якутов, после Ясачной Комиссии. Конечно, при таком изложении, нельзя будет отдавать много места обильным указаниям и критике источников, так как и дается этот очерк лишь для установления связи с современностью и как первая попытка исторического ее уяснения. Статья эта сложилась, таким образом, из двух частей: 1) Первая Ясачная Комиссия и 2) краткий очерк обложения и землепользования якутов от 1-ой Ясачной Комиссии. Из предыдущего ясно, почему исходной точкой для истории данного вопроса взята именно эта Комиссия и почему из деятельности этой последней рассматривается лишь прямо касающееся податей и земли. Подати же инородческие тогда состояли в одном лишь ясаке. К нему поэтому и перейдем, заметив еще, что ясак весьма долго служил, если и не единственной[1], то во всяком случае главной и преимущественной статьею обложения якутов. Он могущественнейшим образом отразился на продукции инородца, на всем складе русско-инородческих отношений, на всем ходе здешней жизни. И с этой точки зрения для нас всего более интересны не деяния отдельных лиц, не ведавших подчас что делают, не отдельные указы, иногда вытекавшие, быть может, из ошибочного или не совсем бескорыстного донесения местных властей, а вся система взимания ясака, все подробности этого сложного дела, искание правильной его постановки и борьба, которую Правительство вело из-за его упорядочения. С такой точки зрения, главным образом, мы и будем рассматривать его.

ГЛАВА I.

1. Первая Ясачная Комиссия.

Ясак был троякий: податной, десятинный и поминочный или поклонный[2]. Десятинный знак (т. е. десятый зверь из упромышленного, на подобие десятинного сбора с пашни), взимался только с русских промышленников[3]. Что же касается поминного, то еще около 20-х годов XIX века один из Баягантайских князцов поднес Императору Александру I лучшую сиводушку, при чем во всеподданнейшем прошении своем указывает, что отец его, Никита Сертеков Готовцев, имел счастье поднести его величеству чернобурую лисицу высокой цены. Ничего за это он не просит, а выражает лишь желание, чтобы его известили о получении[4]. По отношению к сбору собственно податного ясака нужно сказать, что ко времени, когда был завоеван этот край, в других частях Сибири уже установилось, что за сбором ясака посылались казаки, дети боярские и др., не ожидая, чтобы ясачные сами привозили его в город или острог. Установилось и то, что сборщики получали при этом

---

[1] Кроме ясака, якуты чуть не с самого их завоевания обязаны были отбыванием некоторых натуральных повинностей.

[2] Словцов. Историч. Обозрение Сибири. Изд. 2-ое, кн. 1, стр. 18.

[3] Фишер. Сибирская История, стр. 195—196, 371 и 376.

[4] Из частных бумаг.

подарки и поминки, нередко, впрочем, передаваемые ими и выше[1], да еще возили с собой товары, при чем не всегда хорошо помнили, что в ясак они должны были брать шкурки самые лучшие; при сдаче же ясака нередко обсчитывались так, что худшие шкурки доставались казне, а лучшие оставались у них за их товары, как это видно из грамоты царя Бориса от 8 декабря 1600 г.[2]

Без ясачных сборщиков, однако, и обойтись невозможно было до тех пор, пока сбор ясака не стал производиться всюду огулом, с целых обществ, под ответственностью их князцов и старшин, что в своем месте и будет указано. В Якутской области сборщики удержались до конца действий 1-й Ясачной Комиссии. По словам И. Москвина, пробовали здесь бороться с их злоупотреблениями еще при воеводе Бибикове (1678—1681) учреждением ярлыков, при чем один экземпляр должен был оставляться у князца, с отметкой сборщика о количестве полученного ясака, а в другом, который оставался у сборщика, воеводская канцелярия должна была отмечать каждый раз полученное от сборщика. Но, при недостатке в грамотных людях в то время, ярлыки эти применения не получили и вскоре, после следующего же воеводы Приклонского, были отменены. Столь же мало помогли делу и бирки, которые введены были позднее, не говоря уже о том, что, ведь, на бирках не написано было, какой добротности шкурки получены сборщиками. Жаль только, что Москвин так мало говорит об этом; но едва ли якутские князцы были столь уж чисты, а сборщики столь неправы в своих оправданиях, как это представлено у этого автора[3]. Впрочем интереснее этого и в целях дальнейшего изложения, важнее для нас другие вопросы, а именно, была ли какая нибудь определенная норма при первоначальном обложении ясаком, а если таковой не было, то существовал ли вообще когда-нибудь вполне определенный оклад ясака до 1-ой Ясачной Комиссии. По первому вопросу, в истории Словцова встречаются местами вполне определенные данные, однако над окончательным решением вопроса он прямо не останавливается. Андриевич несколько раз подходит к его решению, но, в конце концов, смутившись тем, что Биллингсу в известное его путешествие (1785—1793), между прочим, поручено было положить основание к собиранию впредь ясака с жителей Алеутских островов, заключает: «ясно, что при обложении ясаком никакой нормы не существовало, иначе она была бы указана в инструкции Биллингса[4]. Но, во 1-х, поручение это, возложенное для выполнения на участника этой экспедиции, Сарычева, на самом деле свелось к переобложению существовавшего ранее ясака, а не было новым обложением, как это видно из дальнейшего изложения дела у самого Андриевича[5]. Во 2-х, и на такой случай переобложения существовавшего ясака, как и на случай нового обложения, уже со времен 1-ой Ясачной Комиссии установлен был и успел уже привиться принцип

---

[1] По указу Сибирской Губернской канцелярии, в Березове велено было допросить сборщиков: «по скольку рухляди брали они для поклона воеводам и приказным людям?». Ответ: «С каждого самоеда по 10 белок или по 2 горностая». Словцов II, 63. См. также 5 п. наказа Якутскому воеводе от 1697 г. «сборщикам ничего от ясачных на себя и на воеводу не брать, ничем с ясачными не торговать» и т. д. Н. Семивский. Новейшие повествования, примеч. № 42, стр. 121.

[2] Цитир. у Словцова. I, 94.

[3] Пам. Кн. Як обл. на 1863 г., стр. 189—190.

[4] Андриевич. Истор. очерк Сибири, т. IV, стр. 231. См. также Сарычев. Путешествие по северо-вост. части Сибири, т. II, стр. 122—123.

[5] Андриевич, там же.

соглашения представителя русской власти с инородческими родоначальниками относительно ясачного оклада; поэтому никакой заранее определенной нормы в инструкции не должно и не могло даже быть. Но если с одной стороны этот факт и не совсем основательно смутил Андриевича, то с другой и Словцов, хотя тоже, только в виде предположения, допускает, что, при покорениях по Енисею и далее, количество ясака ограничивалось добровольным приносом и некоторой надбавкой при вымогательстве[1]. Поэтому, хотя покойный Москвин и говорит об «исправности взноса якутами ясака», что «в Москве удивлялись успешному его сбору» и что сам он просматривал свитки[2], — следственное дело о первом из якутских воевод, Головине, — где речь идет о «расчете и сборе ясака», но все это настолько неопределенно, что вопрос о том, был или не был здесь какой-нибудь определенный размер первоначального обложения, — приходится оставить пока открытым[3].

Но, если даже при первоначальном обложении здесь определенного оклада и не было, то весьма долго такой порядок вещей едва ли мог продолжаться, ибо, как сейчас увидим, к западу от Енисея определенный оклад существовал в течение всего XVII века, и, хотя в указах от 28 февраля 1682 г. и января 1685 года идет еще речь о сыске и «прииске» неясачных якутов, для приведения их в подданство[4], но уже в 1702 году заведены ясачные книги для камчадалов и, очевидно, около того же времени такие же книги должны были быть составленными, а, стало быть, установлен вполне определенный оклад и для якутов. Согласно с этим и Семивский утверждает, что «когда они (инородцы) сделались совсем Российскими подданными, то обложены были по улусам и родам их каким-нибудь известным годовым окладом»[5]. Кроме того в 12 пункте указа Верховного Тайного Совета от 26 июня 1727 г. повелевается: «. . . за дорогих соболей и лисиц излишнюю сверх оклада цену додавать из казны, а у кого зверь низшей против оклада цены, то донимать деньгами[6]. . .» Все это делает возможным предполагать, что и до 1-ой Ясачной Комиссии определенный оклад и окладные книги для якутов уже существовали[7].

Каков, спрашивается теперь, был размер этого оклада?

Об якутах ничего определенного на этот счет пока не имеется, так что можно лишь по аналогии с другими частями Сибири составить себе представление о размере оклада для здешнего края. Итак, вначале даже как правило, — по Словцову, — ясак равнялся «10 соболям с женатого и вполы (5 соболей) с холостого» — и даже от 10 до 20 соболей;

---

[1] Словцов. I, 19.

[2] Пам. Кн. Як. обл. на 1863 г., стр. 168.

[3] Здесь уместно напомнить примечание редактора к статье Виташевскаго, «Способы разложения и сбора податей в Якутской общине», помещенное на стр. 64 перваго выпуска настоящего тома. К сделанному там указанию на данные 1639 года по ясачному обложению олекминцев можно добавить показание сына боярского Парфена Ходырева о сообщениях сыланских и батулинских якутов (теперешнего Якутского округа) от 1637 года, заявлявших Ходыреву: «платят-де они государев ясак по вся годы в Лѣнскій острожек по осми сороков соболей в год и пластин собольих и лисиц, и в книгах-де в ясачных имяны их и платеж писаны в Лѣнском острожке» . . . Доп. к А. И., т. II, стр. 232). *И. М.*

[4] В. Приклонский. Библиогр., №№ 451 и 472.

[5] Семивский, стр. 121. Андриевич. II, 226—227.

[6] Семивский, стр. 122.

[7] Да и Москвин также указывает, что проверка ясака за прежние годы Черкашинниковым началась именно с просмотра записок или книг сборщиков, что у последних, кроме постоянных инструкций имелись и книги на сбор ясака, где воеводская канцелярия должна была отмечать собранное и доставленное сборщиками (Пам. Кн. Як. обл. на 1863 г., стр. 189).

но, прибавляет Словцов, «у правительства не было неумолимой строгости, и правило это редко исполнялось». С якутов едва ли когда требовался (правительством) такой величины ясак, так как еще воеводой Сулешовым было представлено уменьшенное расписание ясака в то самое время, как русские дошли сюда, с расчислением его на деньги[1]. Все же во 2-ю половину XVII века размер ясака доходил до 7 соболей с лука, т. е. с промышленника[2]. Далее, в 1719 г. ясачные платили от 250 и 293 коп. до 316 к. (соболиный оклад вместе с прорубными(?) и канальными — временным налогом для прорытия Ладожского канала). Через несколько лет, по переписи 1722 г. (до Якутска не дошедшей), ясачный оклад равнялся 3 соболям, или 210 коп. (не везде и не всегда)[3]. А в 1745 г. с кузнецких, напр., двоеданцев[4] с 658 ясачных душ взималось ясаку 33 сорока 23 соболя, т. е. больше, чем по 2 шкурки с ясачной души[5]. Впрочем по ценности здешних шкурок[6], ясак здесь мог и не равняться целым двум шкуркам даже до 1-ой Ясачной Комиссии, а, начиная с нее, он состоял уже только из одной шкурки, да и то красные лисицы сильно преобладали над соболями. Как видим размер ясака все уменьшался, и в указанное время сам по себе и в намерениях правительства обременительным считаться не мог, особенно если принять во внимание достаточное еще тогда обилие здешнего промысла и низкие цены на пушнину, до снятия с нее регалии в 1762 г. Необходимо, однако, заметить, что приведенные цифры представляют собою лишь средние величины, около которых подлинный ясак сильно колебался не только по комиссарствам, но и по улусам, волостям и родам. Так среди указанных выше кузнецких двоеданцев, платили ясаку в 1745 г.:

Волость	Кумандинская	110	ясачных	7	сороков	17	соболей.
»	Кузенская	46	»	1	»	25	»
»	Камляжская	51	»	4	»	4	»
»	Таутелеутская	51	»	1	»	12	»
»	Кергешская	43	»	3	»	12	»

Даже в этих немногих волостях ясак колебался между 3 слишком и $1\frac{1}{51}$ соболем (100 человек Кергешской волости — особо).

Но, если при существовании окладных книг, разнообразие это само по себе было неважно и ничего нездорового в себе не заключало, то важнее этого была неустановленность числа ясачных плательщиков по родам. Как правило, с самого же завоевания Сибири, во уважение старости, болезни или увечья давалась свобода от ясака[7]. Но каков же был предельный возраст для платежа ясака, кто определял ясачноспособность, кто исключал из оклада одних и вводил других, часто ли и кем усчитывалось количество ясачновозрастных, —

---

[1] Начало 20-х годов XVII века. Словцов говорит об этом нерешительно (кн. I, 19).

[2] Точные сведения о размере ясака, числившегося на плательщиках всего Якутского воеводства, были сообщены воеводой Барнешлевым в 1676 году (Доп. к А. И., т. VI, стр. 408). *И. М.*

[3] Словцов. I, 19, 97—98 и 214.

[4] Двоеданцами они назывались потому, что платили ясак и в Джунгарию и в Россию. Такими же двоеданцами были одно время и амурские тунгусы, платившие ясак и нам, и китайцам.

[5] Андриевич. III, 150—151.

[6] Якутские соболи, как и др. меха, считались в числе высокоценных. См. Словцов. II, 213.

[7] Словцов. I, 18.

все это вопросы совершенно еще не разъясненные, да к тому же и находящиеся в тесной связи с вопросом об учете населения вообще, т. е. о переписях. Когда произошла первая перепись здешних инородцев? Опять вопрос, который трудно решить сейчас сколько-нибудь удовлетворительно. Словцов несколько раз возвращается к нему, но признается, что ему не только о первых двух, но и о 3-ей переписи ничего подробно неизвестно. Он, повидимому, был того мнения, что в первые две переписи, заведывавшие ими ревизоры, ясачных не касались, а относительно 2-ой (1742—1747), которой заведывал генерал-майор Чернцов, Словцов прямо говорит, что инородцев Чернцову даже возбранено было касаться[1]. Значит ли это, что инородцев совсем не переписывали, или что счетом их занимались местные чиновники, — трудно понять. Также нелегко разобраться в сведениях, которые даются на этот счет Андриевичем, но и он, очевидно, склонен думать, что переписи, до 3-ей, инородцев не касались[2]. А с другой стороны Семивский положительно говорит, что в 1731 г. перепись ясачных была, что потом до 1746 г., как это видно из донесения Сибирской губернской канцелярии в Сибирский приказ, переписи ясачных не происходило и о старых, хворых и умерших ничего неизвестно. В виду этого, по предписанию Сибирского приказа от 26 июля 1746 г., такая перепись учинена и ведомость в Сибирский приказ 4 февраля 1748 г. прислана, т. е. как будто бы одновременно с Чернцовской переписью русского населения происходила и перепись инородцев. Но что-то тут все-таки неясно, ибо, — продолжаем все по Семивскому же, — ибо того же года 2 августа Сибирской губернской и Иркутской провинциальной канцеляриям предписано: «сверх той переписи учинить еще и в других ясачных волостях и городках Тобольской, Енисейской и Иркутской провинций переписи»[3]. Эта новая перепись, как увидим ниже, устроилась еще не скоро. Но как, спрашивается теперь, примирить мнения Словцова и Андриевича с категорическим утверждением Семивского, что и до 3-ей, общей, все-таки были две переписи ясачных? При большой наличности источников, может быть, и не трудно было бы это разъяснить, за неимением же их, лишь в виде предположения, примирить эти противоречия можно, допустив, что до 3-ей — полной переписи инородцев действительно не было, а происходил лишь счет ясачных плательщиков[4], при чем каждый раз старые, хворые и умершие исключались из списков плательщиков. В промежутках же между такими учетами (производившимися,

---

[1] Словцов. I, 81 (II, 28—29, 286).

[2] Читатель, который захотел бы справиться на этот счет у Ядринцева, найдет вот что: «В 1622 г. производится в Сибири первая перепись населения, при чем оказывается уже в ней 70000 жителей и 7400 ссыльных» («Сибирь как колония», стр. 127). Обыкновенно Ядринцев весьма скуп на ссылки. На этот раз, однако, ссылка есть: «Словцов, с. 138—152». Справляемся по указателю нового издания и находим, что это соответствует приблизительно, стр. 77—86 кн. 1. Оказывается, что 1622 — это не год первой переписи, а первая, найденная Словцовым для XVII в. цифра русского населения в Сибири, точно так же 1662 г. не год второй переписи, а конец первого периода собственной истории Словцова, подводя итоги которому, он, между прочим, исчисляет цифру тогдашнего русского населения в Сибири, и находит его в 1662 г., — а не в 1622 г., — 70000 д. м. п. всего (7400 ссыльных в том числе), а не «70000 жителей (?) и 7400 ссыльных», как цитирует Ядринцев (Словцов, кн. 1, стр. 82—85 нов. изд.). Зато на стр. 28, кн. 11 Словцов действительно говорит: «при первой переписи 1723 г. . . . , в 1727 г. оконченной . . . », «по 2-ой переписи 1747 г.» и на следующей 29 стр.: «по 3-ей переписи в 1763 г. . . . деланной».

[3] Семивский. Примеч. № 42, стр. 124.

[4] Что такой счет происходил и что переписные книги ясачным имелись и до 3-ей переписи, тому доказательство 2 пункт инструкции Екатерины II, данной Щербачеву 4 мая 1763 г., где предписывается ему вытребовать из Сибирских канцелярий «переписные ясачным книги старые». См. Булычев, стр. 254.

притом, местными чиновниками) счет плательщиков велся по сказкам, ими самими подаваемым, по их объявлениям, как говорилось тогда[1]. Не только таким образом, до 1-ой Ясачной Комиссии не установлен был предельный возраст для платежа ясака, но и каждый раз, при объявлении, т. е. при платеже ясака, счет о количестве окладов происходил по сказкам самих плательщиков, несовпадавшим со счетом канцелярий, отчего в 1746 году мы и находим в здешней провинции недоимку более 12000 рублей[2]. Понятно, что такое положение вещей давало повод к злоупотреблениям с разных сторон, — со стороны сборщиков и даже самих плательщиков и их представителей, князцов в том числе. Такою же неустановленностью страдал и еще один вопрос — о признаках для обложения новым ясаком или для переобложения старого, т. е. увеличения или уменьшения ясачной суммы, требовавшейся с того или другого общества, а, стало быть, и плательщицких окладов. И этот вопрос, как и другие, касавшиеся ясака, задолго еще до 1-ой Ясачной Комиссии озабочивал высшую центральную власть. Так, 29 марта 1753 г., в присутствии Правит. Сената Елизавета Петровна указала, что «в Сибирской губ. и в Иркутской провинции положен ясак с таких мест, где какой в лесах зверь был, а после того в тех местах лес вывелся, а ясак тот же берут; а где тогда лесу не было и после вырос, тут ясака не берут, и оттого одни перед другими тягость несут, того ради о том рассмотрение и надлежащее определение учинить». Во исполнение этого указа, Правит. Сенат приказал: «о ясаках в Сибири Сибирскому приказу справку учинить, обстоятельную ведомость рассмотреть и представить в Правит. Сенат со мнением»[3]. Но когда 17 августа 1762 г. этот вопрос опять подняла Екатерина II, то оказалось, что еще ничего по этому делу не сделано, что даже о переписи, о которой два раза в 1761 г. даны были указы, «сведений еще не получено, хотя, чаятельно, она уже началась». Как видим, и этот вопрос об определенных признаках для переобложения, об уравнении ясака, неодинаковым бременем ложившегося на разные племена и даже рода, до 1-ой Ясачной Комиссии не решен. Не решен был, повидимому, и еще один небезынтересный вопрос о том, взимается ли ясак с целых обществ под ответственностью их князцов, старшин и друг. родоначальников, или сборщик ведается с каждым плательщиком в отдельности, каждого знать должен, с каждым дело имеет. И далее, — всякий ли ясачновозрастный и ясачноспособный является плательщиком ясака, или же только самостоятельные хозяева, или же наконец и из этих последних — одни лишь состоятельные. Последний вопрос весьма важен и интересен и жаль чрезвычайно, что нет сейчас данных, чтобы хоть как-нибудь его выяснить. Одно только можно сказать, что как размер ясака все уменьшался, так и контингент лиц, с которых требовался ясак, чем далее, тем все суживался, ограничивался. Так, мы уже видели, что по первоначальному обложению, женатые платили вдвое против холостых, так что платилось, очевидно, и с женских душ. Что это следует понимать именно так, тому доказательством служит, что еще до Сулешовского распорядка вдовы из оклада исключены[4]. Далее, среди джунгарских двоеданцев, о которых речь была выше, мы находим,

---

[1] Как остаток этого порядка вещей, находим и формулу ясачных квитанций конца XVIII века: «объявлен ясак с рода твоего на такую-то сумму».

[2] Семивский. Примеч. № 42, стр. 124.

[3] Андриевич. III, 152.

[4] Словцов. I, 124.

что часть Кергешской волости платит со 100 душ 60 соболей «не объявляя, с кого ясак собран»[1]. А когда Сарычев стал переоблагать жителей Уналашки, то оказалось, что до сего времени ясак там положен был в каждом селении не более, как на двух или трех, по выбору, «промышленных» человек, «которые и назывались ясашными»[2]. Положим, что это и место, и положение — исключительные, и Словцов также удивляется, как мало при Плестнере (1746—1770) поступало с этих мест в казну ясака[3]. В других местах ясачноплательщики, несомненно, составляли большую часть мужских душ; но если бы о якутах, например, выяснилось, что ясак платили лишь одни самостоятельные, независимые хозяева, что очень возможно, то это весьма многое объяснило бы в их дальнейшей истории после 1-ой Ясачной Комиссии. К сожалению, нет пока данных для решения этого вопроса. Относительно же того, кто отвечал за полный и своевременный взнос ясака, — по тому, что Москвин говорит об очной ставке между князцами и сборщиками ясака, о бирках, предъявленных при этом князцами, — можно заключить, что от якутов ясак объявлялся князцами за целые их роды. Точно так же из жалобы одного из якутских родоначальников, Сертека Курджагина на имя Черкашинникова, когда тот был еще воеводой, можно заключить, что ответственным лицом при этом являлся князец[4]. Но с какого времени это установлено, существовало ли это даже, как нечто разрешенное и узаконенное, или само собою вошло в обыкновение, и лишь обнаружено при Черкашинникове и признано вполне целесообразным, — все это вопросы совершенно еще неразъясненные, вопросы, кроме того, лишь с первого взгляда могущие показаться мелочными и маловажными, тогда как для общественной жизни якутов, для истории их самоуправления они весьма и весьма важны.

Со всеми этими вопросами, важными и неважными, решавшимися, но нерешенными, или совсем неподнимавшимися, связан был еще один вопрос, более всех их, пожалуй, важный и по силе и глубине своего действия, и по разнообразию противоположных интересов, которые он затрагивал. Это вопрос о казенной монополии на пушнину, мимоходом затронутый и раньше, по поводу неблагоприятного ее влиянии на меновой торг с инородцами. Еще неблагоприятнее было влияние этой монополии на своевременную и правильную постановку многих вопросов, касавшихся ясака, ее влияния на правильность и необременительность этого сбора, — между прочим. Главное, что скупка пушнины в казну чересчур близко и часто сталкивалась при этом со сбором ясака для той же казны. Лица, отвечавшие за полный и доброкачественный сбор ясака, вместе с тем являлись и скупщиками пушнины для казны и блюстителями монопольного торгового ее интереса, при чем чересчур много было шансов и соблазна для того, чтобы сугубый интерес казны сделать орудием сугубого интереса личного и чтобы на место торговца по призванию выступил торговец не званый,

---

[1] Андриевич II. 150.

[2] Сарычев. Путеш. 11—113. Если верно это сообщение, то название «ясачные», как общее для всех сибирских инородцев в прошлом веке, является таким образом переносным с части на целое.

[3] Словцов. II, 304. Место было столь отдаленное, что не было возможности уследить за правильностью показаний «промышленников» и др. ясачных сборщиков; положение же исключительно в том отношении, что камчадалы были почти разорены, чукчи и олюторы сильно возмущены прежними неистовствами сборщиков. Приходилось поэтому смотреть сквозь пальцы на незначительность поступавшего оттуда ясака, чтобы не дать предлога для новых неистовств.

[4] Из частных бумаг Кангаласского родоначальника.

к вящшему вреду, как для местного жителя и казны, так и для порядка и законности. А торговля, тем не менее, окольными путями и лесными дорожками делала все-таки свое дело, что не мешало жалобам торговцев быть и частыми и весьма основательными. Князец при этом ссылался на придирчивость сборщиков и требовал лучших шкурок или большего их количества, в ожидании этих «придирок» не прочь будучи, конечно, попользоваться и сам; сборщик ссылался на непреклонность «присяжного» оценщика, последний — на приемщиков. Все ссылались на ответ перед казной, если по оценке в Приказе или Кабинете окажется недохватка против существующего положения, или в Кяхте бухарцы предъявят претензию на недоброкачественность пушнины[1]. Все защищали казенный интерес, все следили за тем, чтобы пушнина не попадала мимо казны в частные руки, и тем не менее пушнина в Московском гостином дворе оказывалась самой лучшей, а в Приказе — «невысокого достоинства»[2]. И мимо Кяхтинской таможни провозили ее больше, чем через Кяхту[3]. Что касается инородца, то выплачивать оклад деньгами он по закону не мог, ибо оклад этот существовал лишь в теории, — для того, чтобы знать, на какую сумму пушнины требуется с данного сборщицкого участка, самый же ясак требуется непременно пушниной. Продать последнюю на сторону он также по закону не мог. Он должен был отдавать ее либо сборщику, который делает всякие «вымыслы», либо скупщику пушнины для казны, который оценивал ее в сущие пустяки, либо продать ее скрытно с большим риском и с немалым убытком. Понятно, как много случаев было при этом для разных «вымыслов», «придирок», «прицепок» и т. п. и как это должно было отзываться на торговле и промысле, на благосостоянии инородца вообще, и в конце концов на интересах самой казны. Понятно, поэтому, что, когда от злоупотреблений тех или других лиц впервые пришли к убеждению о неудобствах самой системы, то прежде всего это обстоятельство и должно было обратить на себя внимание. Поэтому указом 26 июня 1727 г. повелевалось, во-первых, «дабы излишние ясачным обиды, отгоны и вымыслы сборщиков могли быть пресечены, принимать зверя не по оценке, а по настоящей на месте приема цене; за дорогих додавать из казны, а у кого зверь низшей против оклада цены, то донимать деньгами[4]. Ежели ясачник недоволен ценою, то позволить ему зверя продать, а в казну принять деньгами по окладу»; во-вторых, пушнина освобождалась от казенной монополии[5]. Тесно было связано одно с другим, и защита интересов инородца неосуществима была в полной мере при этой монополии потому именно, что далеко не в одних «вымыслах» сборщиков было тут дело. Это было почти то же, что установлено потом 1-ой Ясачной Комиссией, с одним лишь различием, а именно: оценщика нет, но и мех принимается не по раз установленной, а каждый раз — по существующей на месте рыночной цене. Это, конечно, оставляло много места для произвола; все же, если бы порядок этот удержался, то рыночная цена скоро бы окрепла и установилась, пушнина

[1] Кой-какие сведения о мене казенной пушнины на ревень с бухарскими купцами (на китайской границе) даны будут ниже.

[2] Словцов. I, 147. См. классическую по простоте своей грамоту Петра I, от 27 октября 1697 г., на имя Енисейского воеводы о пышности служилых людей Якутской области.

[3] Там же, стр. 267.

[4] Семивский. Примеч. № 42, стр. 122; у Андриевича (т. II, стр. 226—227) указ этот, очевидно искажен в переложении на современный язык.

[5] Щеглов. 189. П. С. З. № 510. Словцов. I, 265.

пошла бы вся в руки купцов, дававших за нее больше чем казна, а инородцы стали бы платить ясак деньгами, как это и произошло впоследствии. Но указом 22 июня 1735 года повелено «ясак принимать в Иркутской провинции с ясачных людей соболями, а не деньгами»[1], что крайне невыгодно должно было отразиться на пушной торговле; позднее указом 1749 г. к этому добавлено, чтобы «не принимали худой рухляди, а непременно лучшую», под строжайшей ответственностью приемщиков[2], а указом 1752 г. опять объявлена казенная монополия на мягкую рухлядь[3], и все вернулось к порядкам существовавшим до 1727 г.

Много, как видим, во всех этих вопросах неясного, неизученного: возьмем ли мы такие, в сущности несложные вопросы, как, напр., о сроках для взимания ясака, о цене, по какой должна приниматься пушнина, о норме для замены рухляди деньгами, или же более сложные: о признаках для обложения ясаком, о связи между ясаком и казенной монополией на пушнину и т. п., — везде находим все ту же пестроту, все ту же неустановленность и неустроенность. Но, вместе с тем, начиная от подвигов казацких на Камчатке и до огромного и плодотворного труда, поднятого здесь 1-ой Ясачной Комиссией, мы можем следить за тем, как медленно, трудно и по частям это дело все-таки выяснялось, и понемногу устраивалось. Да и немыслимо было, пожалуй, при тогдашних силах и средствах государства, при страшной отдаленности и незнании места, сразу решить и установить что нибудь по каждому из указанных выше частных вопросов; тем более, что и решать то их, по частям, было почти бесполезно, так тесно они связаны были и зависели друг от друга. Только время и опыт могли показать их взаимозависимость и неразрывную связь, навести на правильную их постановку. Взять, напр., простой, на первый взгляд, вопрос о сборщиках. Кажется — чего проще: наказать нечестных и заменить их более честными, или приказать лучше смотреть за ними, и дело поправится... Между тем больше полутора столетия (1600—1779) боролись с их злоупотреблениями; а тем временем настолько ознакомились с инородцем и приучили его к себе, что дошли до простой, повидимому, мысли, что можно обойтись и без сборщика, стоит лишь поставить ясак под ответственность целых обществ, в лице их родоначальников. Для этого, однако, нужно было предварительно опытом дойти до убеждения, что лучше взимать ясак огулом с целых обществ, чем иметь дело с каждым плательщиком в отдельности. Но и этого, в свою очередь, нельзя было сделать, не придумав простой, неотяготительной для инородцев и гарантирующей верность учета, системы переписей. Или, еще лучше, взять, например, хоть самые переписи.

Когда в 1763 г. в Сенате докладывали Екатерине II о ревизии, то оказалось, что менее чем в 800 тысяч руб. она не обойдется: что требуется нарядить ревизоров и численные воинские команды, что ревизия повлечет за собою бесчисленные следственные дела, побеги и т. д. и что «так делалось всегда». Между тем оказалось, что эту дорого стоющую и страшную махину[4] можно заменить простой подачей сказок самими жителями с неболь-

[1] Приклонский. Библиогр. № 576 (П. С. З., т. 9, стр. 549).

[2] Семивский. Примеч. № 42, стр. 122.

[3] Андриевич. III, 122.

[4] В Черновскую перепись (2-ую) «присланные в Иркутск подполковник Угрюмов с капитаном Плоховым, призывали в свое присутствие городские семьи с младенцами, и вслед за тем осматривались домы для достоверности, нет ли «прописных» (пропущенных). Такая взыскательность, прибавляет Словцов, была, конечно, хлопотлива для жителей, но необходима для исполнителей по замеченному в народе уклонению от перечета. II, 27.

шими штрафами за прописных[1]. Но нужен был опыт многих ревизий для того, чтобы самим здесь дойти и якутов довести до этой простой вещи. Нужны были время и опыт для того, чтобы убедить, что борьба с торговлей для защиты казенной монополии на пушнину, и с купечеством — для защиты инородца, в конце концов ни казны не пополняет, ни инородца не защищает. Время и многочисленные попытки нужны были для того, чтобы доказать здесь, что способ взимания налога нередко обременительнее самого налога. Порядок же взимания ясака непременно пушниной и непременно лучшей, когда при том вольной продажи на нее не было, и когда между казною и ясачным плательщиком стоял целый ряд сборщиков, оценщиков и приемщиков, — сам по себе был весьма убыточен для инородца. А тут еще весь тот дальнейший путь, по которому должна была пройти ясачная пушнина, чтобы из рук плательщика попасть в Приказ, Кабинет или Кяхтинскую таможню[2], до такой степени уменьшал ее количественно, ухудшал качественно, что, и помимо сборщичьих «придирок», нужно было взимать ее вдвое, чтобы установленное ее количество дошло до места окончательной сдачи. А если принять во внимание злоупотребления при самом сборе, то и в самом деле выходил «тройной ясак, вместо одного установленного».

Немудрено поэтому, что все время до 1-ой Ясачной Комиссии полно борьбы за упорядочение этого ясачного дела и успокоение ясачных. Мы можем следить за тем, как всплывают один из указанных вопросов за другим, с каким трудом дается их выяснение и какие попытки делаются для их решения. В попытках этих законодательство не раз вполне приближается к удачному решению того или другого из них; но при недостаточном опыте и знании, при невырешенности других вопросов, с которыми каждый из них связан, законодательство сбивается с толку неверными донесениями, жалобами купцов с одной стороны, местных властей с другой, инородцев с третьей, колебаниями между интересами фиска и жалостью к инородцам; оно отменяет только что принятое удачное решение и кидается в другую сторону, для выяснения другого вопроса, отдельное решение которого делу опять не помогает, да и помочь не может. От несовершенства системы чересчур часто обращается к ошибкам лиц, которых сменяет, «следует», судит, казнит, — до вице-губернатора Жолобова и губернатора Гагарина включительно. Но все лишь для того, чтобы убедиться, что не в людях дело; что ревизиями и грозными указами горю не пособить; что необходимо все дело подвергнуть пересмотру зараз, целиком и во всех его частях, что в колебаниях между интересами казны с одной стороны, интересами края и торговли, ростом и развитием инородческого населения — с другой, необходимо склониться на сторону последних, ибо в конце концов интересы населения и казны нераздельны.

Сведем же теперь итоги того, что предстояло сделать здесь Ясачной Комиссии. Необходимо было как нибудь установить такой порядок взимания ясака, при котором можно было бы обойтись без сборщиков и отказаться от категорического требования ясака непременно такой-то пушниной, дав больший простор для замены последней деньгами. Надо было установить точную и неподлежащую колебаниям норму для такой замены, как и определенный возраст для взимания ясака; установить сбор последнего и учет населения так,

---

[1] Соловьев. Ист. России, т. 25, стр 275—276.
[2] Где она обменивалась на ревень.

чтобы не было поводов для частых переписей. Уравнить ясак, ложившийся неодинаково по местам и племенам, а главное — найти общие и верные признаки для такого уравнения. Всего же первее необходимо было отменить осложнявшую и затемнявшую все это дело казенную монополию на пушнину, помимо прочих ее неудобств и — учесть население[1]. С этого и начали еще до всякой комиссии, ибо 23 января 1761 г. последовал указ об учинении переписи ясачным народам в Сибирской губернии, а 31 июля 1762 г. торговля мягкой рухлядью сделана вольной[2]. Но каково происхождение этой Ясачной Комиссии, беспримерной до того?

До воцарения Екатерины II было в обычае для дел, требовавших, по важности или сложности своей, экстренного вмешательства центральной власти, посылать «нарочных», как они назывались тогда, особливо честных и доверия заслуживающих людей. Таковыми были, не говоря о более ранних, посылка гвардии майора Лихарева для следствия над деяниями Сибирского Губернатора кн. Гагарина в 1719 г., посылка Мерлина и Павлуцкого в Якутское ведомство и на Камчатку по указу 21 мая 1733 г.[3], полковника Кошелева во всю Иркутскую провинцию для забирания ведомостей о всяких сборах по указу 14 сентября 1737 г.[4], полковника Вульфа со штаб и обер-офицерами туда же, по указу 24 сентября 1745 г. и манифесту 21 июля 1748 г.[5] и т. д. Для переписей также посылались нарочные ревизоры: для первой полковники, для второй генерал-майоры, по одному на каждую губернию, откуда и название этой переписи (а затем и всех дальнейших) — генеральная[6]. Когда началась 3 ревизия[7], то сначала решено было на этот раз нарочных ревизоров не посылать, а производить ее посредством сказок, подаваемых самими обывателями через губернские и воеводские канцелярии. Но оказалось, что сказки подаются весьма медленно, да «от канцелярий сказко-подателям великие приманки, затруднения и тягости происходят». Поэтому указом 31 июля 1762 г. взятие сказок на время остановлено[8]. Вместе с тем к переписи присоединились два старых, давно уже ждавших решения, вопроса. Во-первых, все больше обнаруживалась необходимость сбавки ясака для одних, уравнение его для других, и 17 августа 1762 г. Екатерина II предписала Сенату «рассмотреть об ясачных народах и звериных промыслах в Сибири и установить оклад». Исходя из старой мысли Елизаветинского периода, что неуравнительность ясака происходит от перемен в наличности лесов, Сенат постановил, чтобы, сверх переписи ясачным плательщикам произвесть еще и в описи лесов должное свидетельство, а для определения в Сибири ясака послать туда особое лицо по доверию, снабдив его надлежащей инструкцией[9]. Во-вторых,

---

[1] В. Л. Приклонский. Библиогр. № 592. (Из П. С. З. т. XV, стр. 631—632).

[2] Андриевич, т. IV, стр. 187—8.

[3] Андриевич. II, стр. 285. Словцов. I, стр. 196, 278.

[4] Семивский. Примеч. № 42, стр. 123.

[5] Андриевич. III, 233.

[6] Нарочные эти снабжались огромными полномочиями для следствий и суда до казней включительно, для чего в их распоряжение давались штаты чиновников и большие команды, — дело не лишнее по тогдашнему времени, когда иного воеводу, да и не воеводу только, приходилось брать осадою и приступом в буквальном смысле этого слова.

[7] Указ 21 января 1761 г., повторенный, по Андриевичу, в ноябре, по Словцову — 20 декабря того же года.

[8] Соловьев, т. XXV, 257.

[9] Это и повело к инструкции Щербачеву 4 июня 1763 г.

в присланных от ясачных плательщиков прошениях опять поднялись жалобы на невозможные притеснения от ясачных сборщиков, о чем, впрочем, и Сибирская губернская и Иркутская провинциальная канцелярии представляли, о чем в названных канцеляриях и в Якутском воеводстве уже и следствие производилось. Решено было на командируемое лицо возложить и это дело, ибо по донесениям упомянутых канцелярий и Сибирского приказа, «ясачные, по незнакомству с формами производства суда и по незнанию грамоты, яко степной и подлый народ (невежественный)... как оный и начать не разумеют и потому в своих обидах без всякого удовольствия оставаться могут». Лицом этим избран гвардии секунд-майор Щербачев, который и назначен начальником Комиссии, главной целью которой имели быть суд и расправа по открывшимся злоупотреблениям и «восстановление доброго порядка в сборе ясака»[1]. Попрежнему он снабжен большим штатом офицеров, воинской командой, небольшой путевой канцелярией[2] и весьма широкими полномочиями. В конце инструкции имеется собственноручная многозначительная приписка Екатерины II: «Вручая вам два бланка, душевно желаю, чтобы вы не имели надобности употребить оные и возвратили их мне по прибытии». Смертных казней отнюдь впрочем на этот раз не имелось в виду, ибо даже низших чинов, «кои в больших преступлениях найдутся и смертной казни принадлежать будут», велено отсылать в Анадырский острог и на Камчатку на вечное поселение[3]. Инструкция подписана 4 июня 1763 г., а 13 того же июня о командировке этой объявлено Высочайшим манифестом. Но недолго пришлось действовать Щербачеву, ибо 21 апреля 1764 г. состоялось «Наставление губернаторам», шедшее в разрез с прерогативами, предоставленными Щербачеву, почему указом 20 мая того же года последний был отозван и Ясачная Комиссия препоручена вновь назначенному Сибирскому Губернатору Чичерину, коему повелено «как инструкцию, от Ее Императорского Величества Щербачеву данную, так и все по Комиссии его дела и находящуюся при нем команду от него принять и поступать по этой инструкции неизменно»[4]. При Чичерине поэтому учреждена «Тобольская главная о расположении в Сибирской губернии вновь ясака и о проч. Комиссия», руководившая и дававшая санкцию всем действиям таких же комиссий, отдельных для каждого воеводства.

Таково вкратце происхождение и Якутской такого же точно названия Ясачной Комиссии, начальником которой по собственному желанию[5] назначен коллежский советник Мирон

---

[1] Введение к инструкции Щербачеву, полностью напечатанной в Пут. по Вост. Сибири И. Булычева, стр. 251—268.

[2] Булычев, стр. 205. Всем назначено двойное против окладов жалованье за 1 год выданное вперед (п. 15), да на экстренные расходы выдано вперед же 1000 руб., с разрешением требовать еще, по мере надобности (п. 16).

[3] П. 6.

[4] Семивский. Примеч. № 42, стр. 125. См. Андриевич, т. IV, 229, также указ губ. Чичерина 24 июня 1764 г. из рукописного сборника указов, чуть ли не представляющего собою так называемую «ясачную выписку», на которую столь часты ссылки в официальных документах 2-ой половины XVIII столетия. По этому списку цитируемый именной указ подписан 19 мая.

(В принадлежавшем Якут. Областному Правлению списке «Ясачной Выписки» имеется указ от 24 июня 1764 года, но Левенталь пользовался другим экземпляром этого сборника, а разные экземпляры не вполне совпадали по их содержанию. О «Ясачной Выписке» даются сведения, в книге И. Майнова «Русские крестьяне и оседлые инородцы Як. области», стр. 49—52. *И. М.*).

[5] Так по крайней мере утверждает Москвин. Пам. кн. Як. обл. на 1863 г., стр. 191. Смена произошла как будто 3 июля 1766 г. Противоречит, однако, этому факт, что первый запрос Комиссии в воев. канц. значится 7 июня того же г. (ук. Як. воев. канцелярии от 14 октября 1766 г.).

Мартынович Черкашинников, перед тем два года бывший здесь воеводой и замененный в этой должности колл. ассесором Дебриньи[1]. В действиях своих Комиссия была совершенно независима от воеводской канцелярии, с которою сносилась посредством сообщений, получавших обязательную силу по утверждении их Главной Тобольской Комиссией. С ограничением лишь широты полномочий и территории, инструкция, данная Щербачеву, во всем была обязательна и для каждого начальника по-воеводских комиссий. Но, помня, что выполнение далеко не всегда совпадает с инструкциями, мы подлинными действиями этой Комиссии пока сочтем лишь то, на что имеются ее собственные указы и сообщения, или чему найдем указания и ссылки в дальнейших делах и распоряжениях здешних властей. Главною ее задачей было, конечно, переобложение; незначительное же с виду «и проч.», прибавленное к ее названию, имеет служить указанием на многочисленные другие поручения, на нее возложенные, — поручения, которые рассмотрены будут нами лишь насколько это необходимо в целях дальнейшего изложения и насколько, конечно, наличность данных позволит это.

В инструкции перепись, уравнение ясака и переобложение слиты в одном пункте, ибо и действительно перепись должна была служить лишь одним из оснований для переобложения, одним из показателей платежной силы рода, улуса или племени; переобложение же, в свою очередь, имело задачею уравнение ясака, с целью его облегчения. Начать, однако, все-таки пришлось с переписи. Хотя, как мы видели, в Сенате и взял верх взгляд Екатерины II, чтобы перепись произведена была путем подачи сказок самими жителями здесь, тем не менее, мы еще и в 7 ревизию (1816 г.) находим, что чиновники высылаются в улусы, впрочем для одного лишь ускорения и предупреждения путаницы в подаче сказок[2]. Тем более должны мы ожидать этого в 1 здешнюю ревизию (по общему счету 3-я), когда ни Родовых управлений, ни управ, ни даже улусных голов у якутов еще не было, а были лишь князцы больших наслегов (по тогдашнему волостей) и старшины родов, при которых никакого письмоводства до 1784 года не полагалось. Кроме того, и в инструкции на этот счет значилось, что начальник сверх списков, данных ему из Приказа, должен и от местного

---

[1] В виде наследства от предшественника своего по воеводской должности, Черкашинников получил запутанное, затрагивавшее весьма многих следственное дело о злоупотреблениях по сбору ясака, дело, о котором кое-какие подробности имеются в статье I. Москвина (Пам. Кн. Як. обл. на 1863 г., стр. 189—190), куда и отсылаем интересующегося читателя. Заметим лишь мимоходом, что напрасно, кажется, покойный Москвин ставил это дело в особую заслугу Черкашинникову, как и то, что последний не представил «обо всем этом куда следует». Дело это начато не им, ибо, как мы видели, уже в 1763 году шла речь об этом в Правит. Сенате, тогда как Черкашинников лишь 1 июня 1764 г. вступил в должность якутского воеводы. И раз дело было начато, то конечно, необходимо было и доследовать его. Представлять же о нем уже и не требовалось, так как и до того уже оно представлено было во всех инстанциях, до Сената и Императрицы включительно. Напрасно также Москвин ставит это дело исходной точкой дальнейшей деятельности Черкашинникова, в качестве начальника Ясачной Комиссии, и кладет, таким образом, начало несколько неправильному освещению, приданному им и этой деятельности и личности Черкашинникова, о чем, впрочем, подробнее речь будет ниже, когда подведутся итоги сделанного здесь 1-ой Ясачной Комиссией. Мотивов для учреждения последней было вполне достаточно и без этого дела, не говоря уже о том, что сборщики отменены все-таки не Комиссией.

[2] Архив Баягантайской Инородной Управы д. по оп. № 339 «о седьмой переписи народа» л. 25, из которого видно, что в предыдущие ревизии чиновники не посылались, а что в эту, седьмую, для предупреждения беспорядков, какие происходят от недоразумения якутских писарей, Обл. Правление, по предписанию Ирк. Губ. решило ныне ревизские сказки сочинять в присутствии членов суда, а за недостатком их командировать других чиновников.

начальства вытребовать старые переписные книги, и, ими руководясь, произвести перепись сам, где случай ему быть позволит, а в прочих местах — через посланных от него чиновников[1]. И действительно, в отдаленные зимовья и остроги посылаются Черкашинниковым нарочные ревизоры, как это видно из указа Тобольской Главной Комиссии от 7 марта 1767 г. и из первого же сообщения здешней Ясачной Комиссии в Якут. воевод. канцелярию от 23 августа 1766 г., где речь идет «об отправленном от Комиссии для обревизования по Верхоянскому зимовью и прочим тамо отдаленным местам ясачных, прапорщика Пушкарева», «об отправленных от Комиссии до того и впредь имеющих быть отправленных ревизорах для переписки ясачных плательщиков». Чрез этих ревизоров, кроме переписи, исполнялись и другие поручения Комиссии[2].

Плательщиками ясака сочтены лишь способные к промыслам, в возрасте от 16—60 лет[3]; умершие, дряхлые и увечные из списков исключены, как это, прочем, и до и после того делалось каждый раз при ревизии; вместо перешедших предельный 60-летний возраст введены подростки, достигшие 16 лет. Среди признаков переобложения, на этот раз, о лесах уже совершенно умалчивается. Признаками для обложения даются черты общие и главные, охватывающие собою все важнейшие разнообразия хозяйственно-экономической силы племени и его платежной способности. Такими, по инструкции, значатся: численность ясачно-возрастных, т. е. «работников» как они назывались потом, характер места, обилие и легкость промысла и развитие скотоводства[4]. Численность населения нельзя было не принять во внимание, именно в качестве одного из показателей производственной, а стало быть и платежной силы данного племени или рода. Еще важнее было то, что промысел везде посократился, и племена, главным образом, им жившие, видимо слабели, сокращались. Их необходимо было облегчить всего более, тогда как племена, к промыслу прсоединившие скотоводство, как якуты, например, или буряты, несмотря на все опустошения, произведенные среди них оспой, видимо развивались и нуждались всего более в ограждении от злоупотреблений, в большем просторе для своего развития и самодеятельности. Вместе с тем еще один признак обнаруживался сам собой, — признак, прямо в инструкции неуказанный, но который необходимо должен был обратить на себя внимание здешней Комиссии[5], ибо сами якуты, как несколько далее увидим, указывали на него. Это — обилие или недостаток покосной земли. Итак, признаками для переобложения ясака здесь служили: 1) количество работников, 2) степень обилия и легкости, т. е. доступности и отдаленности промысла, 3) развитие скотоводства и 4) обилие покосных и выгонных земель.

Каким образом это переобложение произведено? По инструкции, начальник Комиссии, исчислив, показанным выше путем, количество действительно состоящих налицо ясачных плательщиков в обществе, и сколько по существовавшему до того окладу следовало бы всей суммы с данного рода или улуса, должен был «призвавши одних только князцев и старшин,

---

[1] П. 2 инструкции. Булычев, стр. 254.

[2] Рукоп. сборник, выше указанный.

[3] Павлинов. «Об имущественном праве якутов», а также Арх. Баяг. И. У. д. по оп. № 4, л. 115.

[4] «Состояние места, где жительствуют, довольство зверей и способность в промысле — достатки тех плательщиков в рассуждении промысла» — таковы подлинные слова инструкции.

[5] Ср. Маак. Вилюйск. окр., т. III, стр. 140, где опять-таки чересчур много места отводится инициативе Черкашинникова.

увещевать их, чтобы для собственного своего облегчения они взялись налагаемый на них оклад платить повсегодно зверем или деньгами не с каждого плательщика порознь, а суммой со всего улуса, склоняя их к тому ласково, «небольшими подарками» и т. п. «Если же они притом объявлять станут, что как всей суммы, так и некоторых из прежде положенных на них зверей, платить не в состоянии, то, приняв во внимание все исчисленные выше признаки, полагать с их согласия такие оклады, которые бы они без наималейшего отягощения бездоимочно платить могли»[1]. Действительно, из прошения одного из Баягантайских старшин[2] на имя начальника здешней Комиссии видно, что князцы и старшины вызваны были в Якутск, где «в судейской камере» и произведена эта самая «перекладка ясака», как выражается проситель.

Что перекладка ясака производилась с согласия родоначальника, это доказывается тем, во-первых, что в инструкции нет колебаний между интересами казны и желанием ясачного облегчения инородцев, — напротив, в 3 пункте повторяется: «достаточно, если добровольно умеренными окладами себя обложат», а в 4 п. опять тоже: «единственное попечение в том состоит, чтобы при платеже ясака никакой трудности они иметь не могли». И нигде ни слова об охранении казенного интереса с этой стороны. Начальники Комиссии, таким образом, совершенно не заинтересованы были в натягивании размеров ясачной суммы. Да и сами якуты говорят, что, по просьбе князцов, Черкашинниковым размер ясака уменьшен. Во-вторых, Сарычев рассказывает, что, после ласкового обращения Биллингса и его самого с алеутами, после честной расплаты с этими последними за доставленные ими для экспедиции продукты, когда 12 сентября в Комиссии приступлено было к переобложению, старшины охотно соглашались платить ясак за себя и за всех могущих промышлять и охотно брали на себя платеж оного вперед. И далее — 21 апреля 1792 г.: «сим алеуты охотно положили на себя ясак и каждый из них по состоянию своему обещал платить ежегодно бобра или лисицу». Тоёнам их при этом выданы были медали, а прочие одарены табаком, бисером и ножами[3]. Едва ли, по этому судя, можно сомневаться в том, что принцип соглашения с инородческими родоначальниками на счет размера ясака мало-по-малу действительно здесь привился. Размер ясака мог получиться, таким образом, только умеренный. Начальник Комиссии, по 10 пункту инструкции, должен был лишь донести Сенату о сделанных им прибавках и сбавках ясака и на каких основаниях это сделано; равным образом относительно того, где ясак положен пушниной, а где деньгами[4] должны были потом сделать начальники по-воеводских Комиссий и относительно Главной Ясачной Комиссии в Тобольске. Несколько раз инструкция оговаривает, что ясак может быть внесен либо пушниной, либо деньгами. Так, уже во 2 пункте, речь идет о ясаке зверем или деньгами, по 4 пункту инородцам, в случае дешевых от канцелярии и комиссаров оценок, предоставлено пушнину продавать партикулярным людям и ясак вносить деньгами. Тоже повторяется и в 5 пункте. Чтобы дать возможность осуществить эту замену, 4 пунктом инструкции предписывалось «назначить с согласия князцев и старшин в городах и острогах, также и в отдаленных улу-

---

1 П. 2 Инструкции. Булычев, стр. 255.
2 Из частн. бумаг Кангал. родон. в Баягантайском улусе.
3 Сарычев. II гл., стр. 122—123 и 174.
4 П. 10 инструкции. Булычев, стр. 262—263.

сах в пристойных местах, где они сами пожелают, сугланы, или сборные места, и при оных учредить ярмонки». Туда, в определенные теми же инородцами сроки, могло приезжать купечество с нужными для инородцев товарами. По 5 пункту, такой выезд купцов на сугланы мог иметь место лишь «одинождыв год», когда и комиссар должен был являться туда, а также — и старшины с ясаком. Обязанностью комиссара было следить за тем, чтобы до взноса ясака вымена не происходило. Если при этом комиссары чересчур низко оценивали пушнину, плательщик мог продать последнюю тут же купцу, а ясак внести деньгами. То же соблюдалось и в городах и острогах воеводскими и управительскими канцеляриями[1]. В случае неулова зверя, разрешено также вносить ясак деньгами. На тот и другой случай, т. е. при слишком низкой оценке пушнины приемщиками, как и на случай неупромыслицы, пушнинный оклад приравнен к деньгам по раз на всегда установленной цене. В местах же, где промысел был уже плох, Комиссии предоставлено положить оклад прямо деньгами. «Каждый род ясачных, — говорит Сперанский в своих записках (цитиров. у Словцова), — по числу душ и по состоянию промыслов, иногда и по предварительному согласию родоначальников обложен податью, исчисленной на деньги, но уравненной в той же окладной книге взносом определенного зверя (соболь, лисица, белка и т. п.). Те из ясачных, у которых звероловство было маловажно, безусловно положены в денежный оклад по ценам тогда существовавшим, например, вместо 20 соболей назначено брать 100 рублей, ибо соболь стоил там не более 5 рублей». Якуты положены в звериный оклад[2] соболями и лисицами, смотря по состоянию. Количество оклада обоих состояний и давало сумму ясака, положенную на данный род или улус: на такой-то, например, Кангаласский род (Баягант. улуса) 2 соболя и 38 красных лисиц, а на Игидейский (Ботурусского улуса) 25 соболей и 100 красных лисиц и т. п. При этом, на случай необходимости замены пушнины деньгами, соболь по существовавшей (или раздутой) во время переобложения цене приравнен к 7 рублям, а лисица к 2; таким образом по окладной книге за Кангаласским родом значилось 2 соболя и 38 лисиц или деньгами 90 рублей, а за Игидейским — 25 соболей и 100 лисиц или деньгами 375 рублей. Администрации при этом дела не было, с кого, что и сколько вносится. Князец или старшина обязывался в данный срок представить в канцелярию или на суглан либо определенную сумму деньгами, либо равноценное количество определенной пушнины. Для замены рухляди деньгами, каждые 3 года, по справочным ценам, устанавливалась цена разных сортов того определенного зверя, какой положен был для данного места.

С целью же лучшего уяснения способов этой замены и комбинаций, которые при этом были возможны, обратимся еще раз к запискам Сперанского: «ясачным, говорит он, предоставлено было по неудачам уловов заменять зверя другим определенным и при замене держаться не единовременно установленной оценки, а справочных цен». Таким образом, при первоначальном установлении подати (Комиссией) дана ясачным свобода уплачивать ее троя-

---

[1] Разумеется, что все это не сразу устроилось, а многое потом и совсем не так сложилось. На первых порах ярмарки устроены в Якутске, по указу 25 июня 1768 г. с 1 июля по 1 августа и с 1 декабря по 1 января. В Верхне-Колымске весною на все время разлива Колымы и Ясачной, Щеглов, 289, Приклонский, Библиог. № 604. П. С. З., т. XV, № 13, 139. Андриевич. IV, 192—193.

[2] А это, к слову сказать, показывает, что промысел был здесь тогда еще обилен.

ким образом: 1) известным зверем по цене раз навсегда назначенной, 2) заменом другого зверя по цене справочной и 3) деньгами... «Ясно, — продолжает он, — что первый способ платежа не мог долго продолжаться по возвышению цен первоначально установленных, потому что, платя определенным родом зверя, довелось бы платить вдвое, втрое. Почему и стали платить заменом или деньгами». Это и не понятно, и для здешнего, по крайней мере, места — не совсем верно. Так, во введении к «общему наставлению», данному 2-ой Ясачной Комиссии (1828—1835), «справка» о порядках, установленных здесь этой Комиссией, показывает не совсем то. Там говорится: «каждый род или улус... обложен был или 1) определенным родом зверя, раз навсегда тогда же оцененным, или 2) определенным родом зверя, и частью деньгами или, наконец, 3) одними деньгами. При сем позволено было, в случае неулова определенных или так называемых, «окладных» зверей, вносить в цену их (раз навсегда установленную или «рухлядину цену», как она именовалась тогда) других зверей по ценам справочным, или — просто деньгами, или теми и другими по частям»[1]. Здесь, таким образом, речь идет лишь об определенном роде зверя; а это отнюдь не значит, чтобы и по возвышении цен окладного зверя, ясак продолжал требоваться не только таковым, но еще и в определенном по окладу количестве. Требовалось только, чтобы ясак вносился известным и нужным для казны зверем, но — в каком угодно количестве, лишь бы общая ценность его на деньги (по справочной цене трехлетия) равнялась той сумме, какая наложена на общество, или «рухлядиной цене». Это и с инструкцией вполне сообразно; доказывается, кроме того, и данной в приложении квитанцией, показывающей взнос ясака разных сортов соболями и красными лисицами, и не «по раз навсегда назначенной цене», а по 10—12 рублей за шкурку. В том то и дело, что «первый способ платежа» не потому был оставлен, что с возвышением цен с окладного зверя продолжали требовать окладное его количество. Способ этот отмечен лишь как формула для обозначения в окладной книге того, что, по собственному показанию князца, во время переобложения, в роде его имелось 25, например, хозяйств крупного состояния, могущих платить по 1 соболю или по 7 рублей в год и 100 могущих платить по красной лисице или по 2 рубля в год. Кроме того, хотя в приведенной выписке из дел 2-ой Ясачной Комиссии и говорится, что, в случае не улова окладного зверя, дозволено вносить другим по справочным ценам, но на самом деле, как это показано будет ниже, ясак здесь требовался именно окладным зверем и долго не допускалась замена его другим. Это-то, между прочим, и привело к тому, что якуты сразу перешли к уплате ясака деньгами. Одним словом, способы, на деле практиковавшиеся здесь среди якутов в XVIII веке, были: 1) в первое 3-летие после самого переобложения — окладным зверем и в окладном количестве, или 2) когда цены стали возвышаться, — окладным зверем в любом количестве (по справочной цене), или 3) окладным зверем и частью деньгами, или, наконец, 4) одними деньгами.

К деятельности этой же Комиссии необходимо отнести урегулирование еще некоторых менее важных вопросов, касавшихся ясака. Из них первый о вознаграждении родоначальников за правильный и своевременный взнос ясака.

В стараниях своих заменить насильственные способы взимания ясака добровольным его приносом, Правительство уже задолго до того прибегло к тому, чтобы заинтересовать

[1] Арх. Баяг. И. У., разрозненное и без № дело за 1828 г.

в этом самих инородческих родоначальников. Так, уже с самого начала завоевания Березовского края всем волостным князькам, приезжавшим в Березов с ясаком, выдавалось на каждого по 4 арш. красного сукна, да казымского 2; сверх того, каждому, топор, нож, пешня, не считая казенного корма и вина[1]. Со стороны центральной власти обычай этот соблюдался и потом. «При предках наших, — говорится в инструкции Екатерины II, — узаконено, чтобы иноверческих князцев, которые исправно платят ясак, дарить сукном и погребом». Но определенной нормы для этого до 1-ой Ясачной Комиссии также не существовало. В инструкции предписывается поэтому, «сделать установление дабы можно было в будущие времена знать точность, сколько на эти подарки где исходить будет; наблюдая притом, чтобы те расходы, конечно в пропорции ясачных сборов положены были»[2]. Сообразно с этим, указом 17 мая 1764 г. Правительствующий Сенат положил, «чтобы ясашным князькам положено было... за исправный ясака платеж выдавать награждение в размере 20 рублей с каждой тысячи внесенного ясака, но не деньгами, а подарками по усмотрению губернатора»[3]. Согласно с сим, и здешней Комиссией установлено, чтобы с каждой тысячи рублей выдавать князцам на 20 рублей цветного сукна, как это видно из одной квитанции, где князцу за 371 руб. 62½ к. внесенного им ясака выдается на 7 руб. 43 к. — 3 арш. 3 четв. и 2½ вершка цветного сукна. В своем месте указано будет, до какого времени порядок этот сохранился.

Что касается срока представления ясака, то спрошенные на этот счет родоначальники согласились, чтобы таковым назначить неотменно июнь месяц, в чем и подписки ими даны[4]. Сбор по новому положению определенно начать со 2 половины 1769 г.[5]. Кроме того, оклад, наложенный Комиссией, ни под каким видом не подлежал переменам без особенного на то указа из Сената. Даже если в каком-нибудь улусе, вследствие болезней, значительно убавится количество плательщиков, или какой-нибудь род почему-либо лишится промысла или скота, то в таких случаях о сбавке ясака необходимо было представить Сенату.

Среди других дел, в инструкции прямо не указанных, но которые пришлось взять на себя здешней Комиссии, самым многозначительным и важным по своим последствиям для дальнейших общественно-экономических отношений якутов необходимо признать урегулирование поземельных их отношений. Для лучшего же уразумения сделанного здесь на этот счет Комиссией, необходимо остановиться на порядках землевладения среди якутов до 1-ой Ясачной Комиссии в связи с их общественно-юридическими отношениями[6].

---

[1] Словцов. II, 60.

[2] П. 2 инструкции. Булычев, стр. 263.

[3] Семивский. Примеч. № 42, стр. 123.

[4] Арх. Намской Инор. Управы д. по оп. № 12, л. 18. Также арх. Баягант. И. У. за 1798 г. д. № 43. Указ Иркутского Губернатора ф. Трендена: «в силу данных Комиссии обязательств, должны они ясак вносить полностью не позже 1-го июля».

[5] Из чего следует, что не позже начала 1769 г. все действия 1-ой Ясачной Комиссии были окончены, как то, впрочем, ей и предписано было (Арх. Намск. И. У. д. № 25, л. 26).

[6] Общественное устройство, как и весь быт якутов до прихода русских сколько-нибудь верно удастся разъяснить лишь при наличности больших сборников преданий, сказок, песен, загадок, поговорок и проч.; когда вполне узнан будет как теперешний, так и более старинный их язык и выделены будут из современных нравов и обычаев якутов все остатки их первобытного строя жизни, для чего особенно необходимо было бы изучение якутов на окраинах севера и запада области. До того же на этот счет могут делаться лишь предполо-

Когда явились сюда русские, якутский род давно уже вышел из стадии материнства, удержав лишь некоторые его черты, как то: классовые названия степеней родства, вместо счисления по кровному родству и свойству, довольно высокое положение в семье женщины-хозяйки[1], слабое развитие культа предков и т. п. Мало того, он переживал уже тот перелом, к которому, в конце концов приходят все народы на известной ступени родового развития, и который здесь может быть объяснен следующим образом. Борьба на юге с окружающими соседями до вытеснения их сюда и продолжительная потом борьба здесь с тунгусами, ламутами, юкагирами и проч. за новую родину и властное положение выделили среди якутов воинственную аристократию, сильную многочисленностью кровных родственных связей и организацией, — аристократию жестокую и гордую, выводившую род свой от представителей якутского Олимпа, от знаменитых шаманов и шаманок, в свою очередь становившихся, как известно, предметом страха и своеобразного обожания еще в XVIII веке[2]. Класс этот увеличивал свое благосостояние и могущество военной добычей, данью с покоренных чужеплеменных соседей, вводом в свои семьи отдельных представителей последних, как младших, т. е. подчиненных членов семьи, как работников и даже рабов (кулут)[3]. В то время дом богатого якута, кроме собственных членов семьи — жен, детей, невесток и приемышей из собственной аристократической среды (воспитывавшихся на правах родных детей), состоял еще из целой толпы челяди[4], именовавшейся также младшими членами семьи (но сильно различаемой от настоящей родни), хорошо, быть может, кормимой, но третируемой весьма жестоко и вообще содержимой в черном теле[5]. Эта-то толпа исполняла все необходимые по дому работы, по распоряжению хозяйки или какого-нибудь старшего родственника (сам хозяин больше был занят войной, промыслом и политикой). Когда внешняя война с соседями потеряла свой острый характер, воинственные захватные инстинкты, не в состоянии будучи улечься, продолжили и даже обострили это состояние вечной войны внутри самого племени. В этой неустанной войне со своим и чужим[6] только сильные и численные семьи, семьи-общины могли решаться действовать

жения, весьма, быть может, далекие от истины, как ни уверен был бы пишущий в глубине своего проникновения в это прошлое. То, что следует далее, дается лишь как ряд предположений, основанных, главным образом, на сказках якутов до сих пор напечатанных, данных одной старинной якутской рукописи, кой-каких рассказах и объяснениях интересующихся своим прошлым якутов, некоторых архивных данных и т. п. Все это, однако, чересчур еще противоречиво и мало проверено, а главное скудно для того, чтобы основанные на этом выводы предлагать за нечтó вполне уже определенное.

[1] (Худяков, 125: «Нуждаюсь я в равном друге, лежащем вместе; недостает мне равного товарища, лежащего на постеле. Нет у меня госпожи жены, лежащей на левой стороне»; 183: «Не будет (у тебя) сотрудника (жены)»; 167: «Ты будешь хозяйкою моего дома, рассудительным другом моего дома, ровнею мне, равною мне;» 179: «Войду я к старухе (жене), пусть будет по ее совету», и т. п. См. еще 150, отношение Ӱрӱӊ Аjы̄ Тоjон'а (главного бога якутского) к своей старухе-жене, и 184—188 — проделку старухи с своим стариком, удивительно напоминающую проделки наших хохлушек со своими «чоловiками» и т. п. О положении женщины, впрочем, достаточно свидетельствует наличность женщин-шаманок даже в самых старинных сказках.

[2] Сравн. известные рассказы о знаменитых ӱӧр'ах — злых духах.

[3] Худяков 19, рабыня баба; 157, раб в приданое (äнjä кулут); 221, приданая раба; 110 «людьми также дали приданое».

[4] Там же: «девять домов рабов, восемь домов невольников, семь домов прислужников» (цифры, впрочем, в якутских сказках соображаются даже и не с фантазией, а с законами созвучия языка).

[5] О положении рабов и работников там же 103, 104, 109, 129, 151, 168 и еще характерные места о функциях рабов, стр. 158, 200.

[6] Там же, 61: «он и якутов и ламутов свободно убивает».

независимо и самостоятельно; более же слабые, чтобы отстоять себя, вынуждены были стать под защиту более сильных на правах покровительствуемых клиентов, признав главу — родоначальника более сильной семейной общины за своего родоначальника, иначе говоря, вступив к нему в известную подчиненность. Неудача промысла, разные невзгоды заставляли их нередко обращаться и за материальной поддержкой к этим же сильным и богатым скотом семьям, поддерживая и все более укрепляя полузависимое состояние, в котором находился этот класс людей. Чем богаче скотом и людьми была такая семья, тем больше имела она шансов на дальнейшее процветание и умножение, тем лучшую защиту представляла она семьям слабым и маломощным, тем большее количество последних к ней тяготело, шло за нею на промысел, на войну и совет. Старший член, родоначальник этой аристократической семьи, становился, таким образом, родоначальником целой группы семей, где кровной родственной связью соединены были сравнительно немногие, остальные же — лишь номинальной, признанной по нужде и неволе, но переходившей от поколения к поколению и утверждавшейся.

Таково, нужно думать, происхождение якутских тойонов. Само собой разумеется, что таким тойоном в новой, составившейся этим путем семейной общине, каждый раз был большак, глава аристократической тойонской семьи. Легко представить также, что мелочная, но неустанная и ожесточенная война происходила и далее между этими тойонами, — война за скот, людей и лучшие места, и если побеждалась какая-нибудь соседняя семейная община, то воины ее истреблялись, люди, скот и другое добро забиралось тойоном (при чем кусочки доставались, вероятно, и клиентам) или же этот побежденный род присоединялся под главенство победившего тойона, опять же на правах младших подчиненных родственников, ибо других дружественных связей тогдашний быт еще не выработал[1]. Всякий был или свой, действительный или признанный родственник, или чужой (омук), враг. Само собою разумеется также, что промысловые угодья, пастбища, покосы и вообще вся территория, занимаемая родом, как и все достояние его, находилось в распоряжении главы-родоначальника и занималось и эксплуатировалось каждым подчиненным членом рода лишь по воле и желанию этого главы, хотя считалось общей собственностью рода, — собственностью, защищаемой всеми ее членами, по характерному древнему выражению, «когтём и зубом».

Род множился, увеличивался, рос почкованием; он отделял от себя новые роды — клеточки, сложенные по типу первоначального, со своей тойонской семьей, со своими полузависимыми клиентами, толпой работников рабов и территорией; но состояние вечной войны, вечной опасности быть ограбленными, разбитыми и захваченными более сильным заставляло эти родственные роды держаться вместе под главенством большака первоначального старшего рода, признать его общим родоначальником, чтобы вместе действовать. Такая группа, — сложный род, — состояла уже, таким образом, из несколько меньшего размера родов с их тойонами, под главенством одного более значительного тойона (будущие волост-

[1] Вспомним ожесточеннейшие и свирепые войны, происходившие между краснокожими Северной Америки, нередко для того только и ведшиеся и тем только кончавшиеся, что побежденный род признавал себя внуками или племянниками, а род победителей дедами, дядями или старшими братьями. У Моргана факт этот приводится без должного объяснения и поражает своей странностью и, так сказать, капризной дикостью; тогда как с точки зрения родового строя он понятен и полон глубокого значения. Признание себя младшим родом было равносильно подчинению, обязательству следовать за старшим родом на охоте и войне.

ные и наслежные князцы), которому подчинялись большаки входивших в состав этого сложного рода аристократических семей с их клиентами и проч., и где эти семьи составляли господствующий класс будущих «лучших», почетных и именитых родовичей, которым пришлось, впоследствии, сыграть столь видную роль и которые значения своего не потеряли и до сих пор. Судьбы войны подчас разбивали такие естественные группы, но лишь для того, чтобы на их месте образовать новые, при чем разбитые части не всегда соединялись по кровному или предполагаемому родству. Кровно-родственные группы начинали сменяться номинально-родственными, территориальными. Могло при этом происходить и то, что несколько соседних групп, для лучшей защиты или нападения, соединялись под главенством князца наиболее сильной группы (прототип будущего улусного головы), причем война загоралась с новой силой и бо́льшим ожесточением, а в результате — насильственное или добровольное включение новых родов в состав наиболее сильных групп, пока на арене борьбы в местности, прилегающей к нынешнему Якутску, не остались две наиболее крупные силы — Тыгын и Лёгёй, что, быть может, не мешало вдали от этих сил существованию групп, не входивших в сферу их влияния, менее связных, хуже организованных [1]. Кангаласцы, с Тыгыном во главе, были, видимо, воинственнее, сильнее Борогонцев и теснили этих последних, и понятно, почему Тыгын жил, «считая себя вольным царем якутским», почему, он сочтен был за такового завоевателями [2]. Повело ли бы это, в конце концов, к образованию одного или нескольких ханств с феодальной аристократией во главе и задавленной массой внизу, или к чему-нибудь иному, сказать, конечно, трудно, ибо русское завоевание [3] навсегда приостановило дальнейшее развитие этого процесса.

Трудно даже оценить теперь всю глубину переворота, произведенного здесь этим завоеванием, хотя многое и продолжало итти потом тем путем, каким оно шло ранее, лишь с небольшим сравнительно перерывом или ускорением и с небольшими отклонениями. Во всяком случае, для знати и родоначальников это было сначала большой катастрофой. В данном случае интересы их сходились, не говоря уже о том, что по большей части это ведь были близкие или дальние родственники одних семей. С другой стороны и традиционная связь между простым народом и его старшей родней — знатью и родоначальниками также никоим образом не могла скоро порваться, — столь привычна, естественна и понятна она была, настолько запечатлена была предыдущим опытом и всем строем жизни до того [4]. Поэтому члены рода слепо шли за своими родоначальниками на борьбу с пришельцем; между родами, однако, существовала старая вражда и соперничество. У Лёгёя весьма мало было желания выручать готовых поглотить его (и его роды) Тыгына и Кангаласцев. В борьбе их с русскими он сохранил выжидательное положение, и, когда Тыгын был разбит, он добро-

---

1 У Фишера, напр., имеется указание на князца Мымака, вожака в восстании 1634 г. (История, кн. III, Отд. IV, § 4, стр. 367).

2 Худяков, 50—53.

3 Решимся, наконец, употребить это выражение. Ибо, если занятие Мексики, например, испанцами принято называть завоеванием, то, сообразив те усилия и трудности, какие пришлось здесь употребить для окончательного замирения края, придется заключить, что тем более слово «завоевание» уместно здесь.

4 Ибо младшими родными они обычно называли даже работников и рабов. И для всех таких отношений, иногда даже самых дурных и жестоких, якутский язык обилует удивительно мягкими, подчас даже нежными словами и оборотами.

вольно сдался русским. Роды, одним словом, были верны каждый своему родоначальнику, но целое было весьма плохо связано, и край сравнительно весьма легко завоеван.

Новые испытания предстояли теперь якутским тойонам и «лучшим людям». Не их волей и властью отныне будет все делаться, не от их влияния и политики все будет зависеть. Явилась новая и внешняя сила, для которой, во-первых, необходимо поступаться частью с своего достояния и приобретения, которая норовит во все вмешиваться, все норовит перевернуть по-своему, не отличает знатного и богатого от простого и «черного», давит богатых и знатных совершенно так же, как и простых смертных, а то даже и предпочтительно первых, ибо чрез них многое сделать можно. Понятны поэтому злоба и ненависть, с какою в первое время относились они к пришельцам. Понятны заговоры и восстания[1], где главными двигателями являлись, конечно, родоначальники, за что на них и обрушивалась жестокая месть покорителей[2]. Многие из них истреблены, другие с частями своих родов разогнаны по окраинам[3], где, уже потом разысканные, они были приведены в подданство и объясачены; третьи запрятались, притихли. Не обошлось и без попыток некоторых родоначальников уйти совсем с родами своими в Даурию и Китай, — попыток, из коих некоторые оказались удачными, несмотря на заставы и караулы по Лене и Олекме. Рабы, в чаянии льгот, легко оставляли своих господ и даже шли против них[4].

Но надо заметить, что русские не сумели здесь воспользоваться неудовольствием простого народа против родоначальников и знати, как это они потом сумели сделать в Польше. Как-никак, однако к концу XVII века край был окончательно замирен, объясачен и переписан. Пришлось мириться с тем, что и как делают русские, пришлось приспособиться к новому порядку вещей. Приспособляться якуты вообще большие мастера, всего же легче удалось это наилучше организованному, наиболее развитому и экономически обеспеченному классу аристократов, «лучших людей».

---

[1] Для которых, конечно, были и еще причины.

[2] См. между прочим Павлинова, «Об имущ. праве якутов», также И. Москвин, стр. 168.

[3] Фишер, стр. 368. После неудачной осады крепости при атамане Галкине, якуты под предводительством князка Мымака совсем собирались оставить эти места. Галкин вступил с ними в переговоры и даже обещал уменьшение ясака. Многие, однако, этому обещанию не поверили и разбрелись по разным местам. К этому времени, по всей вероятности, относится заселение якутами долин рр. Олекмы и Вилюя, ибо еще Бекетов и Мангазейцы упоминают только о живущих там тунгузах. (О показании Сеура в Путеш. Биллингса не стоит и упоминать. Оно уже опровергнуто Словцовым, 1, 102). Еще в 1796 г. находим указания на уход якутов Бетюнской волости в Даурию (Приклонский, Библиогр. № 489). Эти уходы до того смущали Правительство, что на многие десятки лет главным мотивом для защиты инородцев в некоторых указах служит именно тот, «чтобы инако тех ясашных не устрашать, за границу не отгонять» и т. п. Интересно, что последнее восстание якутов, по смене Бибикова Приклонским (в сентябре 1682 г.), произошло уже после того, как якуты в первый раз послали депутацию в Москву, к царю Федору Алексеевичу при воеводе Барнышеве (в ином, и притом более правильном, правописании — Барнешлеве. *И. М.*) и после челобитной, поданной ими воеводе Бибикову на притеснения, вынесенные ими от этого Барнышева (О Барнышеве см. у И. Москвина, стр. 171—172. Также Приклонского, Библиогр. № 439). Упомянутая депутация разрешена указом 1677 г. в составе 2 или 3 князьков при одном «лучшем» человеке с переводчиком (из частных бумаг).

[4] Русские запретили и преследовали «принесение в жертву рабов при похоронах именитых якутов», как выражается Павлинов (там же). Но едва ли это можно назвать жертвой. Покойному просто давалось в дальнюю дорогу «на тот свет» все необходимое, как-то: запас платья, оружия, масла, мяса, котел и проч. Давался и раб для седлания коня (ынгырдаччик или ынгырджит). У котла пробивалось дно, чем он убивался, прекращал свое земное существование (Э. Тейлор), убивался и конь, убивался и раб. Все совершалось по логике первобытных верований. Ср. еще Щукин. Поездка, 297.

Начать с того, что с уходом некоторых родоначальников с их родами, население несколько разредилось; осталось много свободного места и простора. Они теперь не нуждались в защите всех представителей рода, защите, ради которой раньше должны были поступаться свободой многих своих действий. Старая подчиненность индивида большаку рода, общая иерархическая подчиненность всех его членов друг другу ослабли, и индивидуальному развитию, личной инициативе открылся гораздо бо̀льший простор. В новом положении вещей все, державшееся до сих пор на грубом насилии якута над якутом, должно было уступить место соглашению, политике, экономическому воздействию. Все это как нельзя более благоприятно было для умного и энергичного якутского аристократа. Сверх того, юридическому освобождению низших классов не соответствовало никакого перераспределения экономических сил. Земля, скот, вода, все наиболее ценные орудия труда — всецело оставались в руках знати. Ибо не дошел еще (и долго потом не дойдет) тогдашний простой якут до присвоения себе каких нибудь прав на то, что до того считалось бесспорным достоянием одних лишь аристократических, кровных членов рода, а не припущенников, номинальных его членов. Даже более, по мере того как под влиянием русских промысел все азартнее эксплуатировался и сокращался, все чаще перепадали годы неупромыслицы, когда нужда загоняла бесскотного родовича к богатому и знатному за помощью и выручкой. В такие годы продавались дети, запродавался нередко и сам промышленник, поступая в вечную кабалу. Чтобы отправляться на дальний промысел за уходящим зверем, все чаще за запасом пищи и одежды приходилось обращаться к ним же. А когда уходить на дальний промысел оказывалось почему-либо невозможным, а тем более когда промысел и вообще перестал здесь обеспечивать пропитание, единственный способ для бедного и простого якута прокормиться — было поступить в скотники, либо держатели скота из доли продукта у богатого и знатного. Экономическая зависимость, таким образом, опять привела к тому же, что было общественно-правовою нормой до прихода сюда русских. Да и многое, как увидим далее, мало-по-малу и после некоторой пертурбации, логически пошло тем самым путем, каким шло до завоевания. Конечно, теперь уже нельзя было отправляться с оружием в руках, чтобы добыть лишних людей и недостающую землю: взамен того чаще прежнего стала практиковаться покупка людей[1] и закабаление бедных родовичей во временную и вечную работу за помощь, выручку в нужде, за долги и начеты. Кабалу в самой острой форме мы находим здесь еще в начале XIX века и она далеко не потеряла своего значения и до сих пор[2]. И когда промысел стал здесь переводиться, скотоводство сделалось могущественнейшим орудием закабаления родовича родовичем[3]. Скотоводство оказалось таким образом не только необходимостью, оно давало еще огромные выгоды и преимущества, и для дальнейшего его развития оказывался достаточный контингент скотников, сенокосчиков, работников. Нужна была лишь земля и — как можно больше и как можно лучшего

---

[1] Судя по всему, происходившая здесь и до завоевания. См., напр. Худяков, стр. 47.

[2] Это писалось в 1895 году. *И. М.*

[3] Если об этом весьма мало говорилось, а, напротив, не мало было указов и разговоров о таких же деяниях со стороны русских, то потому же, конечно, почему изгонялся и изгоняется и по сей час из улуса торговец русский, и совершенно не обращалось, и до сих пор не обращено внимания на Колупаевых и Разуваевых из самих инородцев.

качества. Ибо конный скот (преобладавший тогда), действительно нуждался в большом просторе для того, чтобы большую часть года выходить на подножном корму, да и орудие косьбы и уменье косить мало еще были развиты, так что требовательность относительно урожайности земли поневоле была весьма велика. И если раньше покосам и выгонам вообще придавалось не столь много значения, если раньше каждый промышлял и оружием отстаивал свою промысловую территорию, то теперь покосные и выгонные места получали чем дальше, тем все большее значение и приобретать их приходилось уже не прежними средствами.

Все это, однако, объясняет лишь цель для чего добивались земли, но не показывает еще причины, отчего произошел, откуда явился этот важный недостаток земли у одних и обилие у других, почему приходилось добиваться ее всякими путями и средствами. Конечно, много тут зависело от старинного права захвата, кое-что и от того, что места, до того весьма благоприятные и желанные по богатству промысла, оказывались менее удобными в качестве покосов и теряли свою ценность и желанность тем более и скорее, чем более убывал зверь, переводился промысел и большее значение получало скотоводство. Много, таким образом, тут зависело от роста населения, перевода промысла и необходимости перехода от промысла и преобладающего коневодства к усиленному размножению рогатого скота. Но была тут и еще одна причина, более старого происхождения и более глубокого характера, еще лучше объясняющая весь смысл, всю необходимость этой погони за землею. А именно: во время пертурбации, произведенной здесь завоеванием и всем последовавшим за ним, — пертурбации, едва, как мы видели улегшейся к концу XVII века, произошли весьма частые и сильные миграции и перегруппировка родов и их частей. Многие из тогдашнего их центра, нынешнего Якутского округа, поуходили на окраины — на Вилюй, Олекму, Яну и проч. Их места заняты другими родами, или их частями из той же родственной (или номинально-родственной) группы, а то — и из чужой, воспользовавшейся случаем для расширения своего простора, и, по соглашениям с родоначальниками и местной знатью, занявшей свободные места. Отсюда один ряд перемещений, а, вместе с тем, и чересполосностей. Ибо, если переселялись одна-две семьи, хотя бы и большие, то они легко инкорпорировались на месте переселения, но если перемещалась значительная часть рода, то всего чаще она удерживала связь с другой, коренной своей частью, так что, окруженная чужими родами и территориально-разрозненная от первоначального своего рода, она в общественно-административном отношении считала себя и считалась его частью. Далее, когда потом все ушедшие на окраины якуты были разысканы и объясачены, некоторые из них решили вернуться назад на старые места, где по прежнему праву и «старинному родству»[1] для них поступались местами, но туго, скупо и неохотно, так как простором якуты всегда дорожили, да, кроме того, успела уже обнаружиться вся важность обилия покосных и выгонных мест. Некоторые из числа вернувшихся, зная, что на старых местах простора мало, сразу направлялись в более просторные и менее населенные местности, где им, однако, как чужим и никаких прав на это не имевшим, еще труднее приходилось добывать землю. Путем разных соглашений они все-таки получали небольшие места для поселений у своих соседей,

---

[1] Подлинные выражения одного из прошений в Якутскую провинциально-воеводскую канцелярию.

пользуясь всяким случаем, чтобы путем купли, получения в дар[1] или приданое (äнjä ciр)[2], путем захватов и, наконец тяжеб, обратить такие земли в вечное свое достояние. В этом случае родственным родам, или частям одного, приходилось еще более разбрасываться размещаясь в разных местах. Они также оказывались размещенными среди чужих родов, сохраняя связь между собою и составляя одну общественно-административную единицу. Отсюда другой ряд чересполосностей, каковым, вместе с указанными выше, придется, вероятно, в большинстве случаев приписать ту удивительную чересполосицу наслегов и частей их, какую мы находим теперь[3].

Земля, таким образом, становилась необходимостью и предметом выгоды не только для расширения скотоводства: она давала еще выгоды продажей, кортомом, подарками и еще больше — закабалением своего же простого сородича. Отсюда усиленная погоня за землею и борьба за землю, захват ее и насильное удержание ее чужеродцами. Отсюда целый ряд жалоб и тяжеб, разбираться в которых чуть не с первого же шага пришлось 1-ой Ясачной Комиссии. В делах, касавшихся частных лиц, Комиссия всецело руководствовалась правом доказанного наследственного владения. Это она предписала и посланным от нее ревизорам. «Паки в комиссии, как письменные в подаче, так сверх того словесные просьбы от ясашных плательщиков происходят в том, что исстари принадлежащими им сенными покосами, завладели чужеродцы, но токмо князки их в том удовольствия не чинят и оттого они к платежу ясаков приходят в несостояние... Того ради по определению о ясаках комиссии для переписки всех ясашных плательщиков ревизорам, прежде отправленным и впредь, кому назначено будет, отправляющимся, дать указы (которые и даны быть имеют), в коих написать, есть ли в бытность тех ревизоров в их повеленных местах

---

[1] По-якутски за разные подарки, поблажки и уступки, главное — за подарки и плату. Сами якуты такое приобретение земли на новых местах объясняют преимущественно куплей.

[2] Этим, между прочим, объясняют якуты замеченную впоследствии принадлежность некоторых земель одним родам в самом средоточии чужих наслегов и даже улусов. Так, напр., в Баягантайском улусе указывают на землю еще сравнительно недавно принадлежавшую дюпсюнским родовичам Л. Один из интеллигентнейших и редких по образованию и начитанности своей, якутов, А. П. Афанасьев, объяснил этот случай именно таким приданым. Несмотря, однако, на все поиски, до сих пор удалось найти лишь название одного озера — Äнjä, возле которого и покос того же названия (под № 138 старинного Баягантайского списка).

[3] Прекрасным образчиком такой чересполосности может служить Кангаласский наслег Баягантайского улуса. Состоит он из трех родов: Кангалас, Куска и Хоро, из коих один на реке Танде, другой — на Алдане, третий — на Оймёконе. Происхождение наслега таково. Кангаласцы, как известно, энергичнее и дольше всех боролись против русских, не мирясь с владычеством пришельцев. Когда последнее их восстание при воеводе Приклонском, под предводительством Джеллика (ибо так его называют якуты, а не Дженник, как его именует И. Москвин), оказалось неудачным, а может, и до того еще, несколько их родов ушли на север. Из них часть поселилась на Яне, а другая перешла к Колыме (на обеих реках этих и ныне имеются кангаласские роды). В самом начале XVIII-го века часть Верхоянских Кангаласцев с родоначальником Богдашкой передвинулась на Оймёкон, где опять таки одна часть (10) хозяйств осталась, другая с сыном Богдашки, Курджагой, подвинулась к Алдану. Там этот родоначальник умер, после чего одна часть алданских кангаласцев двинулась еще дальше и осела, наконец, на среднем течении Танды, на окраинах Баягантайского и Борогонского и вблизи нынешнего Дюпсюнского улусов. Таким образом, входящие теперь в состав Баягантайского улуса кангаласцы очутились: одна часть на Оймёконе, в 700 верстах от Алдана, другая на этой реке, в 70 верстах от тандинских, третья — на Танде, все разделенные другими баягантайскими родами. В комиссию по переобложению ясака (Черкашинникова) тандинского их рода старшина вызван на ряду с соседними наслежными князцами, с которыми там же начинает земельную тяжбу, тянущуюся почти столетие (ибо в конце 40 годов, при здешнем исправнике Мальцеве, она все еще продолжается). Все перипетии этой борьбы, а главное средства, какие пускались для нее в ход, не лишены живого интереса, о ней успели даже сложиться кой-какие легенды.

от ясашных плательщиков в завладении их сенных покосов и других угодий чужеродцами будут просьбы, то им, ревизорам, самолично забрав тех просителей князцов и других тутошних живущих близ тех сенокосных мест посторонних князцов же, старшин и якутов, с надлежащими увещаниями... опрашивать, чьи подлинно те покосные места и кто до того на них жительствовал, сколько старожилы памятовать могут»[1]. Найдя таким образом подлинного исконного владельца, ревизоры должны были, «как с просителя, так и с ответчика брать, при них и сторонних князцах, коих было бы не менее 3-х человек, подписки в том, что истец доволен, а ответчик об оном впредь... нигде искать не будет».

С положенного решения ревизоры должны были давать подлинным владельцам точные копии за своею и бывших при разбирательстве родоначальников подписями, и, как в Комиссию, так и в воеводскую канцелярию рапортовать[2]. Чтобы вообще положить предел такого рода захватам и переходам в чужие роды, в 1765 г. именным указом предписано было, чтобы «все довольствовались своими местами и никто в чужие пределы не врывался». Комиссия с своей стороны, просит в 1766 г. Якутскую воеводскую канцелярию подтвердить указом «чтобы никто из инородцев в посторонние покосы и угодья не вступали и тем самих себя не разоряли, а особливо других улусов на чужих местах кроме своих природных не жительствовали, и ежели таковые переходцы явятся, то их с наказанием выслать на собственные свои жительства к наслежному их князцу». Так как сверх того, Комиссией замечено, что, не удовлетворяясь одним решением, якуты частенько вторично просят о том же, Комиссия предложила воеводской канцелярии завести книгу, где отмечались бы такие решения, и раз окажется, что проситель неправильно просит о новом решении его дела, то «такового, на страх другим, наказывать кошками, смотря по делу»[3].

Таким образом, относительно отдельных родовичей Комиссия единственно заботилась о восстановлении каждого в его старинных наследственных правах, и ни к какому перераспределению земли между наследственными владельцами одного рода отнюдь не приступала. Иначе было относительно дел междуродовых. Уже при переобложении ясака Комиссия встречалась с заявлениями, что такая-то сумма ясака кажется родоначальнику отяготительною в виду малоземелья его рода и невозможности увеличивать скотоводство. Такие заявления Комиссия не могла не принимать в расчет при переобложении. Но бывали указания не на отяготительность, а на неуравнительность ясака по сравнению с другими соседними родами, где, по числу окладов, земли было несравненно больше. Действительно, из двух рядом живущих родов, промысел которых, допустим, стоял на одинаковом уровне, у одного земли было много, или весьма урожайная, у другого же — гораздо меньше, или мало производительная. По старому ли праву первого захвата, другими ли указанными

---

[1] Ук. Якут. воев. канцел., от 23 ноября 1766 г. (из упомянутого рукописного сборника указов).

[2] Это было почти то же, что и до Комиссии, только обставлено большей торжественностью и большими гарантиями в беспристрастии и правильности решения. Ибо еще в 1763 г. мы видим, как некий, напр., Сергей Оенеков дает письмо князцу Барханче Левкину, в том «что имеющиеся при вершине речки Баяги на урочищах таких то 8 стогов (остожьев), которые места подлинно природные деда и отца Барханчи Левкина, а не Баягантайской волости якута Бархаисыта Эркибилева, в чем по уверению и впредь до свидетельства и сие письмо дается». (Следуют подписи писавшего казака, еще одного казака, случайно, — по прилучаю, — как тогда говорилось, тут бывшего, знамена Оенекова и еще двух якутов).

[3] Сообщение Комиссии в Якутск. воев. канц. от 23 августа 1766 г. (из рукоп. сборн. указов).

выше путями так случилось, — до этого нам сейчас дела нет. Но один, многоземельный, мог шириться, множить скот и увеличивать свое благосостояние, в то время как для другого это было гораздо менее доступно. Понятно, что обиженный насчет земли род мог указывать, и указывал, что земельное его владение не соответствует платимому им ясаку. Но просил он не о сбавке последнего, а об удовлетворении его землею на счет многоземельных соседних родов. Так, например, в мае 1767 г. кангаласский род (Баягантайской волости), в лице старшины своего Сертека Курджагина, покорнейше доносит в находящуюся в г. Якутске о расположении ясака Комиссию, что «платит он с родниками в казну Ее Императорского Величества повсегодно ясаков одного соболя и лисиц красных 36 бездоимочно и, по неимению у него с родниками в ведомстве своем покосных мест, просит Г-на Колежского Советника Мирона Мартыновича об определении к нему с родниками покосных мест от Баягантайских князцов Семена Никитина с товарищи». Следует резолюция: «По тому доношению и просьбе, показанным в оном князкам и старшинам Сертека Курджагина с родниками немедленно и по самой справедливости удовольствовать и в том не отговариваться под жесточайшим штрафом, а по исполнении незасильно (неотложно) в Комиссию рапортовать».

Комиссии, конечно, важно было, чтобы размер ясака не был уменьшен без крайней необходимости; еще того важнее было, чтобы, по переобложении его, не было причин, от нее зависящих, для упадка платежной способности рода, упадка его благосостояния вообще. Она предписывала поэтому, чтобы многоземельные роды прибавили землю малоземельным, до соответствия с наложенными на них окладами. Расчет при этом происходил такой, что если в одном, например, роде на соболиный оклад (целого соболя) выходило по 12 остожьев[1], а на лисичный — по 4, в другом на соболиный — 9, на лисичный — 3, в третьем на соболиный — 6, на лисичный — 2, то Комиссия предписывала, чтобы последнему роду, очевидно, бедному землею, первый прибавил земли на столько, чтобы у него, примерно, выходило 6 остожьев на соболиный и 3 остожья на лисичный оклад. Она, повидимому, рассчитывала, что это сделают сами общества полюбовно между собою.

Оказалось, однако, во-первых, что сами общества весьма туго поддаются на такое полюбовное уравнение, и, во-вторых, что на одном этом дело никоим образом остановиться не может, как это мы и увидим в дальнейшем изложении. Но ничто не говорит за то, чтобы Комиссия сама приступала к такому уравнению. Еще того менее могла она думать о том, чтобы хоть зарегистрировать земельные владения каждого плательщика[2]. Не только по инструкции она не обязана была, но, по краткости срока, едва ли и смогла бы это сделать. Кроме того, по инструкции же, ее не касалось распределение ясака внутри родов, не было ей дела также до средств и сил каждого плательщика ясака; лишь платежная способность рода в его целом заботила ее. Поэтому, как мы видели, относительно отдельных лиц она лишь устанавливала подлинность наследственного владения землей, да и то лишь

---

[1] Якуты исстари делят покосную землю не по пространству, а по средней урожайности места, участками в 15—40 возов, смотря по обилию или недостатку земель в обществе. Участки приблизительно одинаковы для каждого данного общества. Это то и называется по здешнему остожьем, кӱрӱö, т. е. местом, где становится стог сена в 40, 30, 20 или 15 возов сена. Таким образом, в обществе многоземельном остожьем называется участок со средним урожаем в 40 возов сена, тогда как в малоземельных оно равняется лишь 15 возам.

[2] Это начато лишь после нового изменения в здешнем управлении в 1775 г. и образования Якутской провинциальной и Алданской воеводской канцелярий.

каждый раз, когда на этот счет поступала жалоба или происходила тяжба. Но требованием уравнения земли между родами до соответствия с наложенным ясачным платежом она первый раз установила связь между ясаком и землей. Раз такое требование было заявлено, или первый раз удовлетворено, раз, таким образом, установлен был принцип — «по ясаку и земля», то, само собою, по логике здешних общественно-экономических отношений, из этого вытекли такие заключения: 1) для каждого плательщика земельное владение должно соответствовать платимому им ясаку и 2) земля принадлежит тому, кто платит ясак и поскольку он его платит. Все это, однако, касается уже дальнейшего, о чем ниже, где увидим и последствия установления такого принципа. А теперь подведем итоги сделанного здесь 1-ой Ясачной Комиссией.

Произведена первая перепись здешних инородцев для более точного определения числа ясачных плательщиков. Сбор ясака установлен с целых обществ, под ответственностью их родоначальников, так что оказалось ненужным, как прежде, часто усчитывать плательщиков. Устранены предлоги для вмешательства, по поводу платежа ясака, во внутренние дела инородческих обществ, для пререканий на этот счет между администрацией и населением, для разного рода злоупотреблений. Узаконена замена рухлядиного ясака денежным, дан вообще больший простор для такой замены; установлены возраст, сроки и места для платежа и во всех отношениях выслушаны мнения и желания инородческих обществ, в лице их родоначальников. Расширены права и обязанности этих последних и ограничена сфера вмешательства местных властей. Отныне последним оставалось лишь своевременно и бездоимочно получать ясак. Его взимание, распределение, переводы ясачно-возрастных в неплательщики, из высшего оклада в низший или совершенное освобождение, — все это предоставлено внутреннему распоряжению самих обществ, главным образом, конечно, их родоначальников. А если и такие установления оказались здесь орудием обоюдоострым, то зависело это во всяком случае не от русских властей вообще. Если далее, и тут возможны были недоразумения по оценке пушнины, ее сбору, приемке и дальнейшей передаче, то лишь поскольку неудобства эти связаны со всяким сбором каким-либо продуктом, т. е. вообще «натурой», вместо денег[1], и конечно, по стольку и до тех пор, пока инородцы не в состоянии были перейти к платежу ясака деньгами. Для такого же перехода открыты все зависевшие от предусмотрения пути и возможности снятием монополии с пушнины (еще до Комиссии), открытием ярмарок и сугланов и т. п. Признаки для обложения найдены и установлены во всяком случае гораздо более характерные для экономической состоятельности и платежной способности обществ, при чем еще добровольному соглашению этих последних отведено много места. Размер оклада установлен такой, что, по определенности, формам и способам взимания и неизменности своей на долгое время, для обществ развивающихся, он должен был, чем далее, тем все более становиться легким. По мере возможности, урегулированы земельные отношения, которые в большей мере уже стали отражаться на их благосостоянии. Дан первый толчок для взаимной зависимости между отнесением

[1] Если бы теперь начать здесь, например, взимание податей разных сортов маслом, то наверное обнаружились бы как раз те же, если еще и не большие неудобства, так как масло, сверх всего прочего, еще и съесть можно.

повинностей и земельным владением, — зависимости, разные колебания и видоизменения которой играли, и до сих пор играют, столь важную роль в экономической жизни якутов.

Кроме того Комиссией не мало сделано для устройства самоуправления здешних инородцев, для урегулирования судебной и административной деятельности инородческих родоначальников, взаимных отношений инородцев и русских переселенцев, семейной, бытовой и духовной жизни первых[1] и т. п. На всем этом, однако, как неважном для распределения земли и повинностей, мы останавливаться не будем. Только некоторые изменения в их внутреннем управлении, важные для нас именно с этой стороны, а также в силу быстрого нарастания у них одно время общественных расходов все-таки необходимо здесь уяснить. Напомним лишь предварительно, что улусами здесь называлось тогда то же, что и теперь, за исключением Баягантайского, который по малочисленности своей, назывался до 20-х годов XIX века волостью[2]. Вообще же волостями тогда называли то, что уже во время Ясачной Комиссии стали называть и сейчас называют словом «наслег» (ночлег). Утверждение это основано на данных, извлеченных из местных архивов; но в печатных источниках и даже в указах второй половины XVIII века названия эти смешивались, как и название должностей якутского самоуправления; смешивались, главным образом, потому вероятно, что с учреждением наслежных родовых управлений, улус стал для них тем же, чем волости для наших сельских управлений, и естественно было, по аналогии, улусы называть волостями. Кроме того, у бурят, более близких к Иркутску и более там известных, улусом называется самое мелкое административное деление — здешний род; деление же, соответствующее здешнему наслегу, там называется родом. Отсюда и ошибочное название наслегов, особенно — в указах из Иркутска, то улусами, то родами, а наслежных князцов — то родовыми князцами, то старшинами[3]. Здешние же канцелярии и тогда вполне правильно различали роды и наслеги от улусов[4], а Ясачная Комиссия даже называет уже нынешних старост наслежными князцами[5], так что очевидно, тогда впервые слово «наслег» и вошло в употребление.

---

[1] Указы, предложения и законоположения здешней Комиссии по утверждении их в Главной Тобольской, а некоторые — и по представлении еще в дальнейших инстанциях, сведены потом в так называемую «Ясачную Выписку» — небольшое собрание законов, касающихся здешних инородцев и вошедших потом в состав Сибирского Учреждения.

[2] Нынешний Дюпсюнский улус, также некогда именовавшийся волостью, образовался позже (с начала 1815 г.).

[3] Таковы: предложения губернатора Бриля от 26 апреля 1769 г., указы Ирк. губ. канцелярии от 20 октября 1772 г., 23 июля 1723 г. и т. п.

[4] Указы Комиссии от 23 августа и сентября 1767 г.

[5] Так напр.: подписка 1752 г. «Батурусского улуса игидейской волости якут Хатея Бартыков дает»...; 1767 г. (прошение в Комиссию) «состою я нижайший платежем ясака во волости князца Сметанина» (нынешний 3-й Баягант. насл.); 1776 г. (квитанция): дана сия Батурусского улуса игидейской волости князцу...; 1777 г. 13 октября в присутствии Алданской воеводской канцелярии батурусского улуса бологурской и бетюнской волостей князцы заявили и т. п. Расписание здешних ведомств по Сенатскому указу 31 января 1775 г. алданской воев. канцелярии цитируется так: «к ведомству алдан. воев. канц. приписаны якуты батурусского, мегинского и борогонского улусов и баягантайск. волости... а к Якутской провинц. канцелярии: якуты Кангаласск. и Намского улусов...» (Арх. Баяг. И. У., ук. алд. воев. канцелярии от 28 дек. 1776 г., 26 окт. 1777 г. — в тех же выражениях). Нельзя, конечно, сомневаться в подлинности выборки из этого Сенатского указа (П. С. З. № 14242), приведенной у г. Андриевича в IV т. его «Очерка» (стр. 237—249); только у него распределение это передано так, что все улусы названы волостями (кангаласская вол., батурусск. вол. и т. д.), а наслеги — улусами: «первые от города улусы Мегинской вол.» (стр. 246), и т. д.

Итак, до Черкашинникова отношение родов к наслежным князцам не было однообразным: одни из них, действительно или номинально родственные, во всех отношениях подчинялись наслежному князцу; другие же лишь по взносу ясака и отбыванию натуральных повинностей ведались князцом соседнего наслега, считаясь, таким образом, административной частью последнего, тогда как во внутреннем управлении они были самостоятельны, ведаясь лишь своими старшинами[1]. Черкашинниковым все такие полусамостоятельные, обыкновенно крупные по размерам роды, введены в состав волостей-наслегов и всецело подчинены наслежному князцу. За то чересчур большие многородные наслеги разделены им на два и даже на три, что, впрочем, отчасти вызывалось непримиримой враждой, нередко их разделявшей[2]. Этим положено было начало дроблению наслегов, особенно усилившемуся в начале XIX века, несколько приостановленному было в 1807 г.[3], но не прекратившемуся и потом[4]. Во всех таких случаях дело, собственно говоря, происходило не от вражды родов между собою, а от неудовольствия одного какого нибудь рода, а то даже одного-двух крупных богачей, на наслежного князца, составившего себе однако такую сильную партию в наслеге, что спихнуть его с должности никак не удавалось, так что оставалось лишь отделиться особым наслегом, при чем князцом последнего, конечно, выбирался кто-нибудь из ведших компанию богачей, не говоря уже о том, что иногда только из за этого и дело заводилось.

Рядом с однообразным подчинением родов наслежным князцам, Комиссия также увеличила обязанности и расширила права последних, что, впрочем, главным образом, зависело от новой постановки взимания ясака с целых обществ под ответственностью князцов.

От них поэтому, главным образом, зависело одно время освобождение родовичей от ясака за болезнью и дряхлостью, и ввод, на их место, в число ясачно-плательщиков, подростков, достигших 16-летнего возраста; от них также зависело дозволение отлучаться из наслега для торговых дел, заработков, дальнего промысла и т. п., так же как и дозволение на перечисление в другой наслег или улус. Для ясака же и других повинностей князец мог входить и в долговые обязательства за свой наслег в случае недостачи пушнины и денег у общества. Через его руки проходила ясачная пушнина и т. д. Все это были права весьма важные, ибо, как ниже увидим, ясак весьма скоро связался здесь с земельным владением, и исключение из разряда ясачно-способных влекло за собою лишение земельного надела и даже некоторое ограничение прав, так как только ясачно-плательщики считались полноправными членами общества. Не менее важно было право отпускать на богатый и обильный дальний промысел, в конце XVIII века встречавшийся уже только на окраинах округа и за его пределами, при чем он еще нередко соединялся с весьма выгодным меновым посредничеством между русскими и даурскими торговцами с одной стороны и бродячими промы-

---

[1] В таком положении находился, напр., Кангаласский насл. Баягантайск. улуса. Но бывали потом и обратные случаи. Так нынешний 2 Баягантайск. наслег с 1788 до 1803 г. во внутреннем управлении и даже по отбыванию натуральных повинностей состоял в составе 1 Баягантайск. насл., так что своего князца у него не было, тогда как по счетам Казначейства он считался отдельным наслегом.

[2] Арх. Баяг. И. У. д. за январь 1819 г.

[3] Когда по требованию Ирк. губерн. канц., некоторые мелкие наслеги опять соединены.

[4] Еще в прошлом году (1894), не особенно большой Атамайский насл. Намского улуса разделился на два: 1-ый и 2-й Атамайские.

шленниками, тунгусами — с другой[1]. Да и многое, что теперь решается на наслежных собраниях, а то и никем не регулируется, — как напр. отдача на небольшой срок земли в кортом, продажа недвижимого имущества, прием чужеродца в семью и т. п., — тогда, как будто вполне логически, связывалось с ясачным платежом, за который отвечал князец, и вполне зависело от воли последнего. Таким образом, одна обязанность взимания и взноса ясака за целое общество связана была с целым рядом весьма важных прав и полномочий, сосредоточенных в руках князцов, не говоря уже о многих других, для нас здесь неважных. Как внешний знак их власти, им тогда же присвоены кортики, а несколько позже — и печати[2].

Но расширяя власть князцов и наделяя их обширными полномочиями, Черкашинников в то же время заботился и об удовлетворительности их личного состава. По словам якутов, большинство прежних князцов им сменены, и на их места назначены новые из более дельных старшин. Комиссией, кроме того, предусмотрены случаи, когда князец подлежал смене и переводу в рядовые, иногда даже после публичного телесного наказания, не говоря уже о том, что за поползновения к корыстолюбию в своих приговорах и постановлениях с него взыскивались все убытки вместе с судебными издержками («с проестями и волокитами», как говорилось тогда)[3]. Однако при все усиливавшемся покровительственном отношении к якутам в центре власти, телесные наказания довольно скоро перестали применяться к здешним родоначальникам. Мало того, даже относительно лишения их звания скоро сделаны значительные ограничения. Так, указом 29 июля 1773 г. Якутской воев. канцелярии вменено в обязанность при каждом таком случае делать представление губернатору и ждать резолюции, а «не получив оной, самой канцелярии в точное решение не вступать»[4].

Никаких указаний нет на то, чтобы Комиссия считала их должность наследственной, а есть лишь косвенные указания за признание ее пожизненной. Такою она действительно была в воззрениях самих якутов в том смысле, что князец служил, пока мог или желал и не чересчур наступал на ногу наиболее влиятельным родовичам. Кто были эти последние, мы увидим сейчас. Что же касается наследственности, то трудно, конечно, сказать об ней теперь что нибудь определенное, ибо чересчур мало пока данных для этого. Можно только в виде предположения допустить, что если понимать ее в смысле правильного и постоянного перехода этой должности от отца к сыну, то такою она едва ли когда нибудь была у якутов уже потому одному, что семейное право и система родства у них в старину могли быть весьма своеобразны и совершенно отличны от наших современных[5]. Всего вероятнее

---

[1] На эту посредническую роль якутов указаний весьма много в Арх. Баяг. Ин. Упр. Есть они, между прочим, и у Миддендорфа (Путешествие, т. I, стр. 161, 163 и др.), Л. Шренка (Амурские инородцы, Т. I, стр. 39 и 53), Д. Павлинова, рукопись и др. (Под рукописью Павлинова автор подразумевает печатаемую в настоящем издании статью «Об имущественном праве якутов». *И. М.*).

[2] Уже после Комиссии, но до основания провинции в 1775 г. ею припечатывались ярлыки на ясачной пушнине. Кроме того всякие общественные договоры и обязательства, как и все частные долговые обязательства родовичей, не имели законной силы без приложения князцовской печати; указ. Алд. воевод. канц. 31 окт. 1777 г.

[3] Сообщение Ясачной Ком. в Як. воев. канц. 6 октября и ук. Комиссии 12 сентября 1767 г.

[4] Из рукописного сборника указов.

[5] Еще в начале XIX века в списках родоначальнических поколений, составленных наслегами по требованию Иркутского губернатора, принятый в дом тестя зять или племянник, сын брата, выставляются такими же наследниками князцовской должности, как и родные сыновья. Братья умерших и сейчас пользуются гораздо большими правами на наследство, чем его вдова и дочери.

потому допустить, что главою рода был всякий раз большак тойонской семьи (или старшей тойонской семьи, если их в роде было несколько), кто бы им ни оставался после умершего: брат, сын, принятый в дом зять или племянник. Это — в роде. Наслег же состоял из группы родственных родов, из коих один признавался всегда старшим. Привилегия этого последнего, между прочим, в том и состояла, что его глава был, вместе с тем, начальником всех родов, входивших в состав группы, а случаями необходимости выборов были именно сейчас указанные, т. е. когда в тойонской семье старшего рода не оказывалось непререкаемого главы, такого, который признан был бы не только тойонской семьей старшего рода, но и главами тойонских семей младших родов. Так что, как правило, наслежным тойоном (князцом) был всегда глава старшего рода, а выборы, если они бывали нужны, ограничивались лишь тойонской, а то и старшей только тойонской семьею старшего рода. Причем и контингент выборщиков ограничивался лишь главами тойонских семей младших родов, вкупе с наиболее авторитетными членами тойонской семьи старшего рода. Сверх того, наслежный князец мог оставаться таковым и всю жизнь, если только не восстановлял против себя указанный контингент лиц.

Вот с какими, приблизительно, ограничениями необходимо понимать и наследственность и пожизненность князцовских должностей[1].

Но в таком чистом виде они едва ли везде удержались даже и до 1-ой Ясачной Комиссии, и вот почему. Во время завоевания и после смут, неоднократно происходивших здесь потом, одни родоначальнические семьи, потеряв своих глав, поупали в силе и значении, другие с частями своих родов поуходили на окраины. Для младших же тойонских семей, класса «лучших людей», менее видных и ответственных, новый порядок вещей был, как мы видели, весьма благоприятен, он давал им бо̀льшую, чем прежде, свободу и самостоятельность и удобную почву для обогащения. Немудрено, что многие из них по богатству и влиянию переросли старшие родоначальнические семьи. Но даже и там, где последние остались нетронутыми, они умножились, а благодаря разлагающим семейную общину новым общественно-юридическим понятиям — разделились, так что в одном роде подчас оказывалась не одна, а несколько родоначальнических семей, одинаково и нередко с равным правом, претендовавших на старшинство и первенство. Число тойонских семей вообще увеличилось. А новые экономические влияния, обогащая одних и низводя других, нивелируя людей по состоянию и богатству, растворяли и сливали родоначальнические семьи с почетными и богатыми вообще. Все это не могло не поколебать принципа наследственной передачи князцовской должности еще задолго до первой Ясачной Комиссии, хотя местами она могла, конечно,

[1] Это вместе с тем, объясняет и кажущееся противоречие в указах XVIII века, где в одном и том же случае настаивают и на наследственности, и предписывают сделать выборы. И это — не только здесь, но и у бурят, где, как известно, шуленги сравнительно еще недавно были наследственны, а тайши остаются таковыми и до сих пор. Это объясняет также и ничтожное количество подписей под выборами и другими общественными актами, нередко возбуждавшее подозрение наших административных мест, тогда как на самом деле, если в наслеге было мало родов, с небольшим числом почетных семей в каждом, — тут были налицо все, от кого зависело решение даже наиболее важных дел общества. Требование большого количества подписей повело лишь к стадному «приложению рук», состоящему в том, что много народа является на собрания лишь для того чтобы, когда «бумага» будет готова, подходить к писарю и прикоснуться к перу, терпеливо подаваемому последним записывающим вслед их фамилии, тогда как в обсуждении дела толпа эта никакого участия не принимала, занимаясь в передней, или на дворе, своими разговорами, делами и делишками.

удержаться и после того. А когда, благодаря реформам Комиссии, должность эта стала не только весьма властной и почетной, но еще и весьма выгодной, освободясь в то же время от многих случайных неприятностей, с которыми она связана была до того, — естественно, что из-за нее началась весьма сильная конкуренция среди умножившихся родоначальнических семей с одной стороны, и борьба между «лучшими людьми» и родоначальниками — с другой. Азартность борьбы увеличивалась еще тем, что как раз в это время происходило здесь значительное перераспределение земли, и всякий власть имущий норовил и имел возможность обеспечить себя большей и лучшей долей земельного владения,[1] бывшего у них наследственным, так что захватить побольше земли, значило — обеспечить себе богатое будущее.

В свою очередь князцы, чересчур широко пользуясь предоставленной им и без того широкой властью, довольно часто вызывали неудовольствия и жалобы родовичей на притеснения и захваты; чаще прежнего они смещались за злоупотребления и по справедливым жалобам обществ. При каждом таком случае начинались интриги и тяжбы из-за замещения вакантной должности, при чем решающую роль подчас играли богатство и настойчивость вопреки наследственности и пожизненности. Впрочем, добавить необходимо, что местной власти, быть может, действительно виднее было, насколько принципы эти уже отживали свой век в воззрениях якутов, и что для защиты обществ от притеснений князцов полезнее, пожалуй, частые выборы новых.

Но не так к этому относились в Иркутске, куда часто переносили дело терпевшие поражение князцы. Там, во первых, надоедали частые жалобы и кляузы из-за князцовских должностей; там, во-вторых, буряты в XVIII веке еще показывали собою пример сравнительно большего внешнего спокойствия и порядка, благодаря наследственности родоначальнических должностей. Естественно, что в Иркутске склонны были видеть в наследственности лучшее средство против ожесточенной борьбы, происходившей здесь, против жалоб и кляуз, доходивших отсюда. Естественно также, что родоначальники здешние довольно долго находили там и внимание, и поддержку в своих претензиях. Как люди расчетливые, они сразу стали хлопотать о том, чтобы дело это изъято было из ведения местных властей, и чтобы «назначение новых начальников и старшин зависело единственно от главного иркутского командира», т. е. от Иркутского губернатора. Бриль согласился с этим, но скоро был сменен, а следующий за ним губернатор Немцов первым делом потребовал, чтобы ему представлены были списки: «в котором роду по числу рядовых есть излишек или недостаток в старшинах[2], и кто из них годного и негодного в том звании состояния, так чтобы

---

[1] Так в 1780 г. Кангаласские князцы Идельгин, Харагатчин, Преловский, Байдуканов и др. жаловались Иркутскому губернатору на захваты многих покосных мест депутатом и князцом Сырановым (Ук. губернатора Клички от 1 марта 1781 г.). Но то, что Сырановым сделано в больших размерах, то в меньших делал каждый князец.

[2] В этом вопросе опять видно знание бурятской, а не якутской жизни. У бурят человек не из класса наследственных родоначальников тогда еще не претендовал на занятие родоначальнической должности, которые замещались лишь по наследству; там потому были роды, где вследствие случаев вымирания оказывался недостаток родоначальнических поколений для замещения по штату общественных должностей; тогда как, напротив, были другие роды, где прямых потомков родоначальников было больше нужного числа должностных лиц, так что приходилось прибегать к выборам, из-за которых в начале XIX века также стали выходить большие смуты (Ук. Ирк. губ-ра от 31 сентября 1807 г.). Здесь же у якутов, где каждый «лучший» родович из младших тойонских семей, да и всякий богатый выскочка считал себя не хуже знатнейшего по происхождению

мог он назначать одних лишь надобных и по наследству, а не по прихотям и проискам»[1].

Далее, однако, до нового учреждения области (законченного лишь в 1806 г.), все время занято было здесь частым переустройством управления краем и самоуправления якутов[2], так что о деле этом на время было забыто. А за это время родоначальнические должности успели стать вполне выборными и подвижными[3] и борьба за них еще больше

родоначальника и тянулся к главенству в наслеге, где богатство уже взяло верх над родовитостью и где наследственность давно уже была поколеблена, — здесь претендентов на князцовскую должность было много не из одних лишь потомков родоначальников, тогда как, напротив, обедневший потомок знатной фамилии не претендовал и не тянулся к власти. Здесь поэтому преобладало уже выборное начало, когда, по образцу бурят, из Иркутска стали усиленно настаивать на наследственности и пожизненности князцовских должностей.

1 Указ Алданской воев. канцелярии от 19 июня 1778 г.

2 После учреждения губернии в Иркутске в 1765 г. и полного подчинения здешнего края Ирк. губ-ру в 1775 г. Якутск переименован в Провинцию. Тогда же учреждено Алданское воеводство, толмачи от якутов при канцеляриях и т. п. В 1784 г. Алданское воеводство уничтожено, и в Якутске открыты Комендантство, Земский суд с исправником, дворянскими и сельскими (от якутов) заседателями и т. п. В 1796 г. Якутск низведен на положение уезда, с городничим во главе, вместо исправника опять появляется комиссар, сельские заседатели и даже должность толмачей уничтожена. В 1804 г. опять учреждаются области в Якутске и в Охотске, снова введены исправники и те же заседатели.

3 Доказательствами в пользу такого утверждения можно наполнить многие страницы, если надобность в них окажется. Здесь же лишь во избежание голословности, выберем хоть немногие. Так, в Кангаласском наслеге мы уже видели родоначальника Богдашку, а вслед за ним родоначальником же — его сына Курджагу Богдашкина. Далее находим: Сертека Курджагина — сперва старшиною, потом князцом; Микиту Сертекова (во крещении Никита Готовцев) — князцом и одно двухлетие (1800—1802) Баягантайским волостным головою; Димитрия Никитьевича Готовцева — князцом; Савву Димитриевича Готовцева — князцом и членом Инородной Степной Думы и т. д. Во 2 баягантайском наслеге: Очей — судья «по древнему обычаю», его сын — Тимошка Очеев — также; его сын — Гаврила Колодезников (новокрещен) князец при Черкашинникове; Максим Гаврильевич Колодезников — князец, а с 1788 г., когда наслег этот временно присоединился к I Баягантайскому — старшиною до 1800 г. В Игидейском наслеге Барханча Левкин — князец; Тобу Барханчин — князец, а с 1784 г. сельский заседатель; Болан Тобин (во крещении — Александр Неустроев) князец и т. д. Все это, как будто похоже на наследственную передачу князцовской должности от отца к сыну; но, во 1-х, все это происходит по большей части в XVIII веке, во 2-х, это — лишь одни из князцов указанных наслегов. Так в Игидейском наслеге в 1752 г. Барханча Левкин именуется всего лишь «лучшим родником», в 1763 г. он уже является князцом, а в 80 годах находим еще князца Мохоена Выкирина, из другой семьи. А когда в 1809 г. Болан Тобин-Неустроев, по жалобе родовичей, с Григорием Слепцовым во главе, отстранен был от должности, то на его место выбирается некий Петр Андросов, рядовой из «лучших родников», отец которого лишь по 4-й ревизии 1782 г. перешел в игидейцы из Доллинского наслега Мегинского ул., и который сам в 1800 г. выбран был старшиною, а затем в 1809 г. — князцом, как «почетнейший в наслеге родник» (подлинное выражение ук. земск. суда от 1817 г., за № 51); но уже в 1810 г. сменен и он, а на его место выбран сын Барханчи, Элькяй (во крещении Семен Белелюбский). В 1811 г., с переходом Игидейского наслега из Ботурусского в Баягантайский улус, в наслеге этом начинаются смуты: одна часть общества выбирает прежнего князца Болана Тобина, другая — Петра Андросова, третья желает Белелюбского. Земский суд запрещает выбирать Александра Тобина, на невыносимые притеснения которого они столь жаловались еще недавно, и высылает сельского заседателя, сменяющего Семена Белелюбского и передающего должность Петру Андросову. Он и служит князцом, когда летом 1812 г. голова отправляется в Якутск на ярмарку; но только успел голова вернуться из города, как князцом снова оказывается Семен Белелюбский. Голова настаивает, чтобы князцом по прежнему был Петр Андросов; но опять поднимает смуту Григорий Слепцов, доводит дело до Областного правления, которое, на основании только что вышедшего «Положения» Ирк. губернатора находит, что право на стороне Белелюбского, и велит быть князцем последнему. На несчастье в 1814 г. Семен Белелюбский умирает, и опять одна часть общества выбирает все того же Андросова, другая — Петра Тусалыра Тобина, третья — сына Семена — Дмитрия Белелюбского. Собственно говоря, — не третья, так как за Дмитрия ратует главным образом его старший брат Григорий Слепцов. Сам он быть князцом не рассчитывал и раньше, не рассчитывает и теперь, несмотря на то, что он — старший, так как общество боится его, как человека мстительного и свирепого. Но он с 1808 г. работает и явно, и скрытно: пока жив был отец, он проводил в князцы его, теперь отец умер, и он начинает стараться за младшего брата Дмитрия. Опять он обращается в Областное правление, которое политично находит, что князцом должен быть один из сыновей Семена Беле-

обострилась, когда в 1811 г. по наговорам двух родоначальников, Кангаласского князца Шадрина и Намского головы Сивцова, Иркутский губернатор Трескин опять обратил внимание на это дело. Со свойственной этому администратору решительностью немедленно же составлено было «Положение о сельском и иноверческом управлении» (при указе от 9 августа 1812 г.). В этом Положении без дальних справок с содержанием и объемом института наследственности родоначальнических должностей в старину, без справок с современным его положением в подлинной действительности и в воззрениях самих якутов, а единственно — на основании нескольких прежних указов и инструкций, неверно притом истолковываемых[1], «непременным правилом постановляется», что «князцовская должность наследственно пере-

любского. Но в самом наслеге менее всего шансов у них, немного более у Петра Тобина и всех более — у Петра Андросова. Дело доходит не только до Иркутского губернатора, но и до преосвященного Михаила, епископа Иркутского и Нерчинского, которому в духовном отношении подчинен был этот край и которому Григорий Слепцов доносит, что Петр Андросов — не ихнего наслега и улуса человек, неправильно занесен в списки родоначальнических поколений сам, да еще со всеми сыновьями, прижитыми от незаконной жены, которую имеет рядом с законной. Высылается туда исправник. Сначала он пробует применить точку зрения Областного Правления; но одна часть общества отвечает ему, что скорее она выделится отдельным наслегом, чем согласится на выборы Белелюбского. На выборах большинство (170 голосов против 70) оказывается за Петра Андросова, и он остается князцом. Но только что, через два года, отставлен был исправник Слободчиков (ук. Ирк. губ. правл. 20 ноября 1816 г.), как опять поднимается старая история. Областное Правление опять постановляет, что князцом должен быть кто нибудь из Белелюбских, но пока головой был Постников, князцом все же оставался Андросов, и лишь когда отставлен был Постников, Игидейским князцом выбран Дмитрий Белелюбский и наслег успокоился. Во время 2-ой Ясачной Комиссии игидейцы все-таки разделились на два наслега: 1-ый и 2-ой, Игидейские.

В Кангаласском наслеге мы, кроме перечисленных выше, находим уже в 1789 г. князцом, а потом и сельским заседателем — Афанасия Турантаева. Далее, попеременно с потомками Курджаги Богдашкина, чередуются то этот Турунтаев, то Петр Находкин, Петр Неустроев и др., пока в 1809 г. не укрепится надолго Димитрий Готовцев (грамотен, 480 штук скота — по собственноручному списку, кроме разного другого добра, делец и ловкач большой руки).

Во 2-м Баягантайском в 1800 г. князцом некий Димитрий Турунтаев, хотя налицо родные сыновья Гаврилы Колодезникова. А далее будут сменяться разные другие лица; Колодезниковы же, очевидно, обеднели и иногда выбираются лишь в старшины. Появится в 1829 г. Осип Колодезников; но это — из другой семьи, тоже как будто коренной.

В 1-м Баягантайском, старшем и коренном наслеге улуса, весьма долго княжит Семен Никитин (во крещении — Александр Готовцев), он же 14 лет подряд служит и волостным Баягантайским головою. В 1798 г. его, наконец отставляют от последней должности, после чего вскоре (в 1803 г.) он перестает быть и наслежным князцом. Вместо него появляется некий Петр Заболоцкий, из другой семьи, несмотря на то, что имеется взрослый сын Александра Готовцева. В 1806 г. там уже новый князец — Семен Калининский (уже и перед тем служивший князцем с 1795 до 1798 г.), из семьи всего по 3-ей ревизии (1767 г.) перешедшей в этот наслег из Намского улуса. В 1808 г. опять новый князец, Петр Постников, несмотря на наличность отцов и сыновей Готовцевых, Заболоцких и Калининских. Постников быстро поднимается и богатеет, разоряет общество, но столь же быстро разоряется и сам, пока, наконец, не уступит свое место какому-то Винокурову и т. д.

Ясно, что если в XVIII веке, в силу далеко еще невыясненных обстоятельств, часты еще случаи передачи князцовской должности отцом сыну, то уже в конце того века, а особенно в начале XIX в., она вполне уже подвижна, вырывается друг у друга более богатыми и ловкими и в одних руках долго не удерживается. В начале XIX века ни о наследственности, ни о пожизненности, как о правиле, не может уже быть и речи даже в отдаленном Баягантайском улусе. В других же более близких к Якутску местах, это произошло, вероятно, и того раньше.

1 Ибо ни в указе 8 ноября 1729 г. и. 4 п. ук. 4 марта 1783 г. ни в Инструкциях Щербачеву и Селифонтову ни слова нет о порядке назначения на родоначальнические должности, и речь идет лишь о делах изъятых из-под ведения местных русских властей и подсудных родоначальникам, каковы бы они ни были, — наследственные или выборные. Мало того, совершенно упущен из виду именной указ 1 февраля 1740 г., гласящий: «на места умерших в родах старшин и других начальников... общественные «лучшие люди» делают выборы за подписанием рук или знамен своих, т. е. луков со стрелами, а по оным и утверждаются в звании, и по приводе к шерти, пушке или ружью, даются им указы» (А. Б. И. У. д. по оп. № 262). Добавим к этому, что ук. 8 ноября 1729 г. есть лишь краткий пересказ Инструкции графа Владиславича 30 июля 1728 г., трактующей только о том же.

ходит от отца к старшему сыну. Только доказанная полная неспособность может лишить его сего звания. Даже малолетство не должно мешать этому, а до совершеннолетия избирается временным правителем кто нибудь из ближайших родственников, или, разве уж за неимением последнего, — посторонний «лучший родник» и т. д.».

Для этого немедленно во всех наслегах велено было составить списки коренных потомков родоначальнических поколений, по каковым спискам впредь совершать и выборы, и утверждения в должности родоначальников. Списки составлены и представлены в 1813 г. в Земский суд; но скоро взяты оттуда Областным Правлением, и от обществ истребованы новые экземпляры для хранения и справок в Земском суде. А в указе 1 июня 1815 г. суд этот пишет, что обо многих выбранных в последнее время якутскими обществами и представленных на утверждение Областного Правления родоначальниках, о которых Земский суд по имеющимся у него (вторым) спискам докладывал, как о людях князцовского и старшинского происхождения, Областное Правление, по своим спискам находит, что это все рядовые родовичи, так как их в тех списках, да часто и в обоих — не оказывается. Показания их спутанны, и часто противоречат друг другу, так что и списки очевидно составлены неверно, да и общества при выборах не соображаются с ними. Весьма многие выборы им поэтому возвращены уже, как несогласные с «Положением», возвращаются и новые списки с тем, чтобы они представили более верные, либо привели их в согласие с первыми, если те более верны, а впредь при представлении выборов, чтобы согласовались со списками[1].

Вместе с приведенными выше в примечании фактами, одного этого факта частого несовпадения выборов со списками и последних между собой, в сущности, достаточно, чтобы представить себе, насколько далеки уже были якуты от наследственности и пожизненности князцовских должностей, насколько даже возможно было ожидать, что списки их будут верны и сами они будут их придерживаться и исполнять «Положение».

Но и сами списки прибавляют к этому не мало интересного и характерного. Так, даже в отдаленном Баягантайском улусе из 7 наслегов, составлявших его тогда, по списку 1812 года, в 4 — князцы оказываются «из рядовых», а по списку 1815 г. — уже в 5; старшины почти все из рядовых. Далее по 4 п. «Положения» князцы, выбранные из рядовых и утвержденные в сем звании остаются на местах; но, раз кто нибудь из них тем или иным путем оставит службу, то новые выборы должны совершаться только из потомков коренных родоначальников. В виду этого, поколения таких князцов совершенно не нужны были в списках, да и сами они не должны были найти в них места. А между тем они-то и фигурируют в первых №№, да еще с братьями и братанами, сыновьями и внуками. Кроме них и старшин, в списках 1812 г. упомянуты еще некоторые из бывших перед тем князцов и старшин. Переправленные списки 1815 г. обилуют еще массою последнего рода имен. Но, несмотря на эту видимую полноту, несмотря также на то, что дела XVIII века найдены пока лишь обрывками и изучены по клочкам, все таки видно, что чересчур вскользь и в хвосте говорится о сыновьях долго служивших раньше князцов, а о некоторых и совсем не упомянуто, тогда как у наличных или только перед тем служивших князцов пересчитываются целые кучи сыновей и внуков до новорожденного включительно. Так, напр., нет

[1] Арх. Баяг. И. У. д. по оп. № 276, лл. 15—16.

прямых потомков Семена Сметанина, Догорусы Михалева, бывшего головы и князца Тюекюнь Ченгериканова, глухо говорится о потомках Гаврилы Колодезникова, почему-то совершенно исключены Калининские и т. п. Это по одному лишь улусу и считая лишь ближайших. Интересна при этом такая подробность. Список Оймеконского наслега 1812 г. состоит всего из 3 №№ — наличного и одного бывшего князцов, и одного старшины. В списке 1815 г. прибавлены 2 №№ — бывший старшина Неустроев и его сын Иван Готовцев. Но почему? А потому, что последний — будущий Голова, член Степной Думы и, одно время, Главный родоначальник, — как раз перед тем впервые выбран в князцы[1]. Есть и попытки (в переправленных списках) найти кой-какие основания для князцов, избранных недавно из простых, вроде того, напр., что младший брат деда был чем-то. Всего чаще ссылки «на судей по древнему обычаю»[2]. Есть и невинные хитрости: отдаляется, напр., срок переселения Бучугура Оросина с 4-ой ревизии, по первому списку, до первой Ясачной Комиссии — во втором, тогда как на самом деле он перешел зятем в дом Барханчи Левкина без всяких ревизий, — точно от этого сын его станет более коренным родоначальником; или приплетается много «новых» людей, княживших в последнее время, к имени одного какого нибудь, подчас даже и не старинного, князца и т. п.

Общее впечатление от списков таково, что хотя в некоторых наслегах помнили еще старинных коренных родоначальников, но в большинстве случаев их уже не могли, или (что, кажется, будет вернее) не желали восстановлять, если потомки их захудали и упали в общественном значении. Гораздо проще и вернее было у власти находящихся и в силе и в капитале обретающихся произвести в коренных родоначальников. Самое мягкое, поэтому, что можно сказать о списках, это — что они тенденциозно сочинены[3].

Ясно, во всяком случае, что хотя в начале этого века родовитость много еще значила

---

[1] Само собой разумеется, что несмотря на обилие имен в списках и именно в силу пригнанности их к данной минуте, нередки были и потом случаи, когда, при представлении к медали, к утверждению в должности сельского заседателя или члена Степной Думы, — то и другое зависело от Иркутска, — приходилось сочинять, что такой то, имя рек, по ошибке пропущен в списках, но что он — самого что ни на есть родоначальнического поколения, ибо хотя после отставки Трескина (в 1819 г.) и не так уже справлялись со списками, но «Положéние» его не отменено, и в главных пунктах остается в силе до сих пор. Поэтому и теперь, вопреки §§ 96 и 98 Устава об инородцах, по коим старшины должны избираться из почетных и лучших родовичей, — и теперь даже в выборах старшин пишется, что избираемый — «родоначальнического поколения». Это, конечно — невиннейшая формальность, но не то придется сказать о другом остатке старины, пожизненности служения. По закону, служба старосты и теперь бессрочна и нередки случаи, когда только путем целого ряда интриг и подсиживаний, ябед и кляуз удается выжить заматоревшего в должности богача — старосту.

[2] Те же ли это князцы в старину, или нечто иное — трудно сказать теперь, хотя весьма вероятно, что это — более старинное название для князцов. Ибо первое право признанное за ними законодательным путем, было право суда над родовичами (кроме уголовных дел), по Инструкции Владиславича, 1728 г., ставшей законом по Высочайшему ее утверждению (ук. 8 ноября 1729 г.), многократно потом подтвержденной и комментированной.

[3] «Сочиняли» и депутаты от якутов Якутского округа в Иркутском комитете 1824 г. (для применения к якутам Устава об инородцах), когда на запрос о порядке назначения родоначальников по их обычаям, они ответили почти буквальным пересказом 5 п. выше цитированного «Положения». Личные ли их это были вкусы и вожделения, недоверие ли к спрашивающим заставило их ответить тем, что им приказано было делать, вместо откровенного признания того, что действительно делалось у них, — решать не беремся. Факт все таки, что в этом показании было столько же правды, сколько и в том, что родоначальники служат с большим убытком для себя, не требуя за это никакого возмещения, или что за гостеприимство у них обязательно ничего не берется и т. п. Тем не менее, глава в Сборнике проф. Самоквасова, заключающая их ответы, весьма интересна, — но с другой совершенно стороны. Во всяком случае, ее никоим образом не следует принимать буквально, как это сделал, напр., Маак (Вилюйский окр. Ч. III, стр. 39).

у якутов (как не потеряла своего значения и до сих пор), но ее градации и источники чересчур уже перемешались и сплелись с плутократизмом для того, чтобы могли быть восстановлены в сколько нибудь чистом виде. Ясно также, что наследственность родоначальнических должностей сохранилась еще тогда разве в том лишь общем и широком смысле, что у сына князца богатого и знатного человека, если только сам он не был глупцом или мотом, было несколько более шансов, чем у других родовичей наслега, чтобы раньше или позже, на большее или меньшее время, и самому стать князцом [1]. Едва ли поэтому, после изложенного выше, преувеличением будет, если скажем, что, кроме нескольких лишних кляузных дел, да некоторой излишней претенциозности якутских родоначальников, изо всех этих забот о привитии к якутам бурятских порядков ничего, собственно говоря, не вышло, да едва ли и могло выйти. И тем более так должно было случиться, что центральная власть всегда нейтрально держалась в этом вопросе [2] и что дальнейшие органы самоуправления якутов, введенные после 1-ой Ясачной Комиссии, все основаны были на выборном начале. Из них первыми по очереди являются улусные Головы.

Когда учреждена должность улусных Голов? Во всяком случае не при 1-й Ясачной Комиссии, иначе она непременно отвела бы им то или иное место в управлении якутов и вообще так или иначе обратила бы на них внимание. Но не только этого не видать ни в одном из ее многообразных указов, сообщений, донесений и проч., а, наоборот, в исковых, напр., делах, где истцом являлся сам князец относительно своего же родовича, Комиссия строжайше запретила судить ему самому, а велела передавать такие дела Якутской воеводской канцелярии или, за отдаленностью последней, соседним князцам [3]. Существуй тогда улусные головы, всего естественнее было бы разбор таких дел предоставить им единолично, или вкупе с несколькими князцами, как это и сделано потом. Правда, уже в указе Иркутского губернатора от 26 апреля 1769 г. кое-что говорится об улусных князцах. Там именно передается ходатайство Сыранова в Правит. Сенат, чтобы, в точное исполнение инструкции Владиславича, местные власти воздержались от всякого вмешательства во все дела не уголовного характера, что де, по приказам, «предоставлено единственно на князцов улусных» [4]. Так как, однако, указ этот исходит из Иркутска, где так часто смешивались термины «наслег» и «улус», то нельзя быть уверенным, что речь не идет тут просто о теперешних наслежных старостах [5].

Но далее, в указах Алданской воеводской канцелярии, начинают упоминаться улусные князцы рядом с наслежными и со старшинами [6], и уже не может быть сомнения, что речь идет об улусных головах под их более старинным названием. Весьма поэтому вероятно,

---

1 В таком широком смысле якутские родоначальники наследственны и до сих пор; но это — результат их общественно-юридических отношений, а не каких нибудь установлений.

2 Лучшим выразителем этого отношения служат, напр., §§ 64, 97 и 106 Устава об инородцах 1822 г. («звание наследственное остается наследственным; звание избирательное остается избирательным; староста избирается или наследует сие звание по обычаям» и т. п.).

3 «Сообщение» 1-ой Ясачной Комиссии от 6 сентября 1767 г.

4 Предложение Иркутского губернатора Бриля от 26 апреля 1769 г. № 377.

5 Нет, ибо встречались бумаги, адресованные к князцу такого то улуса и наслега, так что здесь, в Якут. окр., смешения наслега с улусом не было. См. «Якутский род» («Памятн. Кн. Якутской обл. на 1896 г.»). *Э. П.*

6 Таков, напр., указ Алд. воев. канц. от 30 октября 1777 г. Но подобных упоминаний отыскано еще так мало, что вообще о должности улусных голов до 1782 г. ничего окончательного пока сказать невозможно.

что официальное признание их произошло немного позже 1-й Ясачной Комиссии и не позже учреждения Провинции в 1775 г., хотя, как ниже увидим, есть много оснований думать, что существовали они у якутов задолго до того. Письмоводства, однако, ни при них, ни при князцах тогда еще не полагалось, а всякий раз, когда от них требовались какие-нибудь письменные сведения, предписания об этом рассылались к ним, вместо обычных «нарочных» (рассыльных), через толмачей из канцелярских служителей, особо, между прочим, и для этого, содержавшихся при канцеляриях на средства якутов[1]. Кроме забирания таких письменных сведений и случайного перевода якутам приказов, как и их объяснений, не понимавшим якутского языка русским властям, в обязанность толмачей (переводчиков) входило также переводить якутам подаваемые ими прошения и спрашивать их, действительно ли они о том просят, о чем написано в прошении. По получении утвердительного ответа, толмач обязан был подписываться под прошением, а без того никакие просьбы или заявления от якутов нигде не должны были приниматься[2].

В 1782 г. мы встречаемся, наконец, с улусными головами уже под этим их названием и с ясно выраженной властью над наслежными князцами. Так, указом 14 декабря 1782 г., Алданская воеводская канцелярия предписывает старшинам Бологурского наслега, чтобы вновь выбранного ими в князцы якута Накоха Ильгикова, оказавшегося ослушным улусному князцу и голове и не явившегося к нему на разбирательство, они выслали к последнему, а если тот поехать не захочет, чтобы доставили его в воеводскую канцелярию. Очевидно, таким образом, что вместе с переустройством здешнего управления в 1782 г. произошло и окончательное учреждение должности улусных голов[3].

Но круг прав и обязанностей их едва ли был сразу вполне ясно намечен, о чем впрочем, по недостатку данных, трудно пока говорить с полной уверенностью. Одно лишь можно сказать, что как пределы их власти, так и обязанности, на них возложенные, ширились и нарастали вплоть до введения здесь Устава 1822 г. Вместе с тем идет также и более точное определение круга прав и обязанностей князцов, не всегда, впрочем, суживавшихся с расширением власти улусных голов: столь быстро возрастали и самоуправление якутов, и требования, предъявляемые к ним со стороны центральной власти, а вместе с тем и сфера деятельности якутских родоначальников. Это, впрочем, обнаружилось далее; началось же сужением власти и усилением контроля за деятельностью князцов. Так, до 1781 г. все кражи считались по отношению к инородцам делами исковыми, гражданскими. В этом году кражи на сумму свыше 25 руб., а в 1796 г. свыше 20 р. отнесены в круг ведения земского суда, как уголовные, ибо за них полагалось наказание плетьми[4]. Но и по таким делам следственное производство возложено на князцов, обязанных, как письменное следствие, так и причастных к делу лиц представлять в земский суд при рапорте. Сверх того, строгое внимание обращается на то, чтобы без письменного вида

---

1 Так поступлено было с требованием списков родоначальнических поколений, таких же списков крещеных и т. п.

2 Указ Иркутск. губернатора Цедельмана от 17 декабря 1780 г. (из рукописного сборника указов).

3 Необходимо, впрочем, заметить, что учреждения 1782 г. окончательно введены здесь в 1784 г., когда уничтожены Якутская провинциальная и Алданская воеводская канцелярия и весь край, за исключением побережья Великого океана, подчинен одному комендантскому управлению.

4 Арх. Б. И. У. д. по оп. № 3, лл. 33—34 и 1796 г. д. № 1, л. 3.

от князца никто не отлучался из наслега далее двухдневного расстояния пути. А указом 16 мая 1784 г. предписывается даже, чтобы для отлучек в другой округ князцы сами не выдавали билетов, а требовали бы таковые каждый для своих родников из земского суда[1]. Начинаются высылки из городов и округов всех безбилетных и вменяется в обязанность князцам, чтобы таковых у себя в наслегах не держали, даже под предлогом прокормления скота. Начинаются публикации о розыске и сыске князцами своих родовичей[2]. Вместе с тем от князцов начинают требоваться отчетности по взиманию ясака, раскладке натуральных повинностей, расходованию сумм, собираемых на отправление последних; ведомости окладных и неокладных душ, умерших и родившихся, числа юрт и жителей обоего пола и т. д. Все такие требования предъявляются к ним через улусных голов. Через голов же все чаще, одним циркулярным по всем улусам предписанием, начинают отдаваться все приказы и распоряжения князцам, делаются извещения и вызовы как их самих, так и их родовичей, в Якутск и т. п. Через них же начинают восходить все сведения, отчетности, отписки и т. п. от князцов во все административные инстанции. Все это обязательно потребовало введения правильного письмоводства, особо при голове, особо при князцах[3]. Судебные функции голов также определены далеко не сразу. Довольно долго еще после их учреждения продолжает действовать прежний суд родоначальников, состоявший в том, что дела менее важные решались князцом со старшинами; для дел же более важных сходились и соседние князцы, нередко по указанию сторон, составляя так называемый «суд посредников» (медиаторский). Теперь все чаще родовичи начинают указывать на голов, как на желанных и естественных посредников, а то и просто жалуются голове на злокозненные действия своих князцов, прося защиты и приказа решить или перевершить их дела. Со своей стороны и князцы начинают обращаться к голове с жалобами и просьбами о вмешательстве в своих спорах с соседними князцами (из-за разграничения земель, распределения повинностей и т. п.), или в случаях неповиновения со стороны какого-нибудь «лучшего человека». Кроме того, так как якуты весьма часто обращались в земский суд за решением дел, изъятых из ведения русских властей, а высшая власть все чаще напоминала о полном невмешательстве в дела такого рода[4], — и Земский суд все чаще представляет их решение голове, вкупе с причастными к делу и двумя-тремя соседними князцами. Наконец и указом Правит. Сената на имя генерал-губернатора Селифонтова, от 8 июня 1803 г., ясачным предоставлено в случае неудовольствия на своего князца жаловаться улусному голове[5], и, само собою, задолго до Устава 1822 г., князцы всецело подчинены голове и последний сделался второй судебной инстанцией по всем делам, подведомственным

---

[1] Там же д. по оп. № 1, л. 44.

[2] Их столь много, что было бы утомительно проследить за ними даже на расстоянии нескольких лет. В одном лишь д. по оп. № 6 они имеются на лл. 14, 49, 55, 57, 76, 90, 102, 104 и др.

[3] Чем и объясняется, что полные описи дел, как и первые №№ описей (Инородн. управ) относятся к 1784 г. Хотя не без того, что князцы побогаче и раньше прибегали к писарям из числа немногих русских, живших в наслеге.

[4] Таковы после инстр. Щербачеву, между прочим: указ Прав. Сен. 1769 г. Иркутск. губерн. канцелярии 1772 г.; Иркутск. губернатора Цедельмана 1780 и 1781 гг.; именной 1783 г.; Якутск. верхней расправы 1796 г.; Иркутск. губ. правл. 1800 г.; высоч. инстр. Селифонтову 1803 г., указ Иркутск. губ. Трескина 1812 г.; Иркутск. губ. правл. 1814 г. и др.

[5] Из рукописного сборника указов.

судам родоначальников. Далее, в виду частых отказов князцов и старшин от должностей, якобы за болезнью, а в сущности — по невозможности дольше удержаться на местах, и в виду частых свар при выборах новых, тогда как из Иркутска настаивали на пожизненности и наследственной передаче должностей (князцов и старшин), — на голов же возложена обязанность уверений в необходимости новых выборов, как и проверка правильности последних, — обязанность, раньше лежавшая на членах земского суда[1], но для которой их стало не хватать, если бы даже их было во много раз больше, чем имелось по штату. Наконец, раскладка по улусам все увеличивавшихся натуральных повинностей для нужд Восточно-океанского прибрежья и все возраставшего извоза казенной клади, также возложенная на голов, вызывали весьма сложные и запутанные счеты, как улусов с казною, так и последних между собой. Все это вело к развитию больших канцелярий при головах, к удивительнейшей канцелярщине и волоките, а вместе с тем влекло за собою огромные расходы со стороны якутских обществ, о чем, впрочем, подробнее придется говорить ниже.

Для такого множества дел одних голов и князцов скоро стало не хватать. Головам с 1800 г. приданы помощники, в малых улусах по одному, в больших по два, скоро переименованные в выборных. Кроме того, и голова, и князцы при частых и продолжительных отлучках оставляли вместо себя (или посылали в Якутск) поверенных из старшин, или «лучших» родников.

Уже в 1807 г., по предписанию Иркутского губернатора, якутам предложено было, чтобы приняв за образец бурятские конторы, они сосредоточили все письмоводство улуса в одном месте под заведыванием голов. В 1812 г. требование повторилось, но ни в тот, ни в другой раз якутские родоначальники на предложение не согласились, ссылаясь на рассеянность жилищ у якутов и огромные расстояния[2]. Другие местные опыты сокращения расходов на писарей весьма мало достигали цели, как до так и после введения Устава 1822 г. Хотел было в 1828 г. Обл. начальник Мягкий сильно сократить число наслежных писарей, но пока шла переписка, подвернулась 2-я Ясачная Комиссия, и, по множеству дел и увеличению переписки, вызванных ею, пришлось даже кой-где увеличить число писарей или прибавить им жалование. Кроме того, уже в 1827 г. Мягкий же обратил внимание на следующее обстоятельство: по уставу 1822 г. полагаются инородные управы и родовые управления; а между тем голова содержит у себя писцов и называет свою юрту управой, хотя бы жил где нибудь на краю улуса; то же делает и староста, называя свой дом родовым управлением. Указом 17 января того года он предписал поэтому, Степной Думе, чтобы та озаботилась постройкой юрт или домов для инородных управ в самом средоточии улусов, где хранились бы все дела и где жили бы не писаря только, но и голова и выборные. А для того, чтобы хозяйства их при этом не страдали, он предписал тогда же, чтобы при управах отведено было 10 покосных мест (4 — для головы и по 3 — на каждого

---

[1] По указу Ирк. губ. правл. 19 июня 1784 г., Арх. Б. И. У. д. по оп. № 262, л. 4. Впрочем, в одном 1826 году положение это трижды менялось. Перед тем Обл. нач. Рудаков окончательно было возложил эту обязанность на улусных голов. Но указом 19 февр. 1826 г. и. д. Обл. нач. Ачкасов опять возложил ее на членов земского суда, с полным устранением от нее голов; а указом 17 августа того же года, 10 ноября повторенным, Мягкий снова возложил ее на улусных голов, с полным устранением членов земск. суда (арх. Б. И. У. за 1826 г., д. № 8, лл. 1—6).

[2] Арх. Б. И. У. д. по описи № 262, лл. 1—10.

выборного), которыми и владели бы люди, занимающие эти должности, в продолжение срока своей службы. К постройке зданий управ было приступлено в том же году[1], а в следующем 1828 г. Степная Дума даже внесла в улусные сметы расходов сумму в 3150 р. на эти постройки[2]. Но в покосных местах голова и выборные, очевидно, не нуждались[3], либо они нашли для себя неудобным переселяться на время служения к управам, только порядок этот применения не получил. Кандидаты по голове введены позже, по уничтожении Степной Думы. Она была высшим звеном и последним словом якутского самоуправления, но существовала недолго, всего 12 лет (1827—1838), и оставила по себе печальную память, об ней поэтому — в другой раз.

Незачем также распространяться здесь о пропущенных было сельских заседателях, тем более, что, строго говоря, они не были органами якутского самоуправления, а чиновниками, но не по назначению от правительства, а выбранные самим якутским населением из собственной своей среды. Это был весьма интересный для своего времени пример привлечения более интеллигентного класса инородческого населения к участию во всех местных инстанциях суда и управления. Таковыми были здесь тогда Земский суд, Нижняя расправа — то же, что впоследствии Уездный суд, и Верхняя расправа, потом названная Областным правлением. Введены они[4] в 1784 г. (одновременно с окончательным учреждением должности улусных голов), и по штату того года числились по два в Земском суде и Верхней расправе и 3 — в Нижней расправе. Потом, после 1804 г., когда, как упоминалось выше, опять открыта Область, после временного упразднения ее в 1796 г., сельских заседателей было, кажется, одинаково по два в каждом из присутственных мест г. Якутска[5]. В чины они не производились, но жалованье получали от Правительства, и поручения на них возлагались почти те же, что на так называемых дворянских, т. е. русских заседателей. Так, раньше, чем право это было предоставлено головам, уверение в необходимости отставки или смещения князца, как и проверка правильности новых выборов, весьма часто возлагались на сельских заседателей. Они же часто производили следствия о самоубийствах (к которым, к слову сказать, в старину весьма склонны были якуты), об умерших скоропостижно или насильственной смертью, как и по жалобам обществ на своих князцов, или голов, — на подведомственных им князцов. Они высылались для побуждения ко взносу податей и отправке казенной клади и т. п. Выбирались они на три года двойными выборами. Смотря по количеству вакансий, подлежащих замещению, улусы выбирали по 3—4, а волости — Баягантайская — а с 1815 г. и Дюпсюнская — по 1—2 кандидата, которые затем на съезде родоначальников в Якутске баллотировались в присутствии Земского суда

---

[1] Арх. Канг. Р. У. за 1828 г., д. № 15, л. 1.

[2] Арх. Б. И. У. за 1828 г., д. № 55, лл. 14—15.

[3] Судя по тому, что в том же 1827 г. они предпочли получить вместо них деньгами 100 р.: голова — 40, выборные по 30 руб. (то же дело, лл. 1—3).

[4] Арх. Б. И. У. д. по оп. № 6, лл. 29—31.

[5] Необходимо еще отметить, что в Учреждение 1822 г. сельские заседатели не входили, поэтому со введением его здесь в 1826 г. должность заседателя отменена. Не желая, однако, оставить своих родовичей без защиты представителей от якутов в присутственных местах Якутска, головы исходатайствовали в 1828 г. через Степную Думу у ген.-губ. Вост. Сиб., чтобы в Земский и Окружный суды, в Общую управу и Городскую ратушу допущены были депутаты от якутов из членов Степной Думы. Ходатайство это тогда же исполнено, арх. Б. И. У., за 1828 г., д. № 61, лл. 19—20.

всеми наличными там головами, князцами и старшинами или поверенными от них, по доверенности, заранее данной на известный срок для всех дел, требовавших участия и согласия всех родоначальников[1]. Но обыкновенно улусы соблюдали в этом отношении известную очередь, а именно: так как число сельских заседателей приблизительно равнялось числу улусов, то старались, чтобы по трех летней очереди каждый улус имел своего представителя то в том, то в другом из присутственных мест Якутска. Выходило поэтому так, что каждый улус баллотировал лишь своих кандидатов для замещения той вакансии, которая в данное трехлетие выпадала на его очередь. Окончательно избранные, по утверждении их комендантом или Областным начальником, вступали в исполнение своих обязанностей; но об их избрании давалось сверх того знать и в Иркутское губернское правление. Должность эта была, вероятно, не из приятных, или из менее выгодных, судя по тому, что вскоре сельские заседатели стали выбираться преимущественно из таких старшин, которые ни до ни после того не бывали даже наслежными князцами, о головах уже не говорим. А, быть может, родоначальники нарочито не выбирали их из числа более богатых и влиятельных, чем и объясняется, что напоминанию о наступлении срока для выборов новых сельских заседателей в то или другое присутственное место часто сопутствовало внушение, чтобы выбирали не угодных лишь родоначальникам людей, а грамотных, дельных и расторопных[2].

Такие же напоминания о наступлении срока выборов делались и относительно улусных голов, ибо, по крайней мере о времени после 1782 г., можно с уверенностью сказать, что по закону должность головы имела быть такою же выборною, как и сельских заседателей, и даже всего на двухлетний срок, по истечении которого (до Уст. 1822 г.) улусам обязательно напоминалось, чтобы сделали новые выборы. При этом большие улусы выбирали по 3, а малые и Баягантайская волость — по 2 кандидата, которые опять таки на съезде родоначальников в Якутске подвергались особой для каждого улуса баллотировке его князцов, старшин и поверенных в присутствии Земского суда. С возобновлением Области в 1804 г. порядок этот изменен, и единственный кандидат, выбранный князцами и старшинами, восходил через Земский суд и Областное правление на утверждение Областного начальника. Таков с 1782 до 1804 гг. был по закону порядок избрания улусных голов. Практика, однако, довольно долго расходилась с установленным на этот счет порядком, ибо по получении напоминания о производстве выборов и представлении кандидатов для баллотирования, улусы довольно долго представляли лишь единственного кандидата, прося о его утверждении на дальнейшее двухлетие. (Так, в Баягантайском улусе с 1784 до 1798 г. продолжает быть головою все тот же Александр Готовцев, переизбираемый или нет, но обязательно каждые два года представляемый для утверждения в должности). То же произошло и в означенном году; но тут он почему то не был утвержден, и на его место избран другой, после чего беспрерывное служение в продолжение многих двухлетий одного лица встречается уже весьма редко. А хотя в более близких к Якутску улусах

[1] Головы, впрочем, весьма редко отсутствовали на этих съездах, обязательных с открытия Области два раза в год: в январе и июле, для ярмарок, уплаты податей, распределения натуральных повинностей и расчетов по ним, главным же образом — для распределения и отправления казенной клади, условий и расчетов относительно нее с казною и т. п.

[2] Арх. Б. И. У. д. по оп. № 378, лл. 1—6 (от 1814 г., когда по штату требуется выбрать в каждое присутственное место по два заседателя).

должность головы, судя по всему, несколько ранее стала переходить от одного лица к другому, но и там мы встречаемся с такого рода весьма интересным явлением. Когда должность головы сделалась уже более подвижной, и, вместо переизбрания старого, чаще стали выбирать новых, мы находим, что, несмотря на официальное значение последних, рядом с ними, довольно долго продолжает пользоваться весьма большим влиянием и значительною властью один из ранее служивших голов, властью, не только признанной наслегами, но нередко принимаемой в расчет и русской администрацией. Это так называемые «вечные головы». Такими «вечными головами» были: в Борогонском улусе Аржаков и Васильев, в Ботурусском — Кыпчитык Логлоин, в Кангаласском — Сыранов, Джюль Харагатчин и Гермогенов, в Намском улусе — Павел Сивцов и т. д.[1].

Наилучше знающие свою старину якуты в состоянии только вспомнить по одному — по два имени людей, бывших, по их мнению, «вечными» головами. Но в объяснение существования последних все, чего удалось добиться, это, что некогда головы вообще были не только пожизненны (откуда и название «вечный»), но и наследственны в каком-нибудь одном, наиболее богатом и знатном по происхождению, наслеге[2]. Добавить к этому необходимо вот что: в 1824 г. среди целого ряда вопросов, предложенных по предписанию Иркутского генерал-губернатора инородным управам, был, между прочим, и такой: почему Баягантай и Дюпсюнцы продолжали именоваться волостями; почему Баягантай вообще до того назывался волостью, а не улусом. На вопрос этот Баягантайская инородная управа ответила, что до 1-й Ясачной Комиссии у якутов существовали улусные головы. Был таковой и у Баягантайцев, но признавался далеко не всеми родами. Кроме того, улус был крайне мало населен и сочтен поэтому за составлявший отдельно один большой наслег, почему и назван и продолжал с тех пор называться волостью[3]. Положим, что необходимо с величайшей осторожностью относиться к историческим справкам инородных управ; но в данном случае для намеренного искажения истины не было никаких оснований, да и неправдоподобного тут нет ничего. Доказательством — хотя бы то, напр., что не свои, самобытно якутские, а действительно введенные русским правительством, сельские заседатели сразу стали выборными, и случаев частых переизбраний одних лиц на несколько трехлетий мы сразу не находим. А если показание это верно, если действительно задолго до своего обнаружения и официального признания у якутов существовали улусные головы, если, кроме того, они действительно некогда были пожизненны и наследственно

---

[1] Большая часть имен заимствована из архивных данных; остальные — из устных преданий. Сыранов не назывался вечным головой, так как всем допущенным в Комиссию по составлению Уложения, оставлено на всю жизнь почетное звание депутатов. Таковым именовался и Сыранов. В остальном он ничем, кроме крайнего самомнения, не отличался от других вечных голов и совершенно напрасно значение его так раздуто в рукописи XVIII в., извлечения из которой сделаны Д. Павлиновым. Непонятно, напр., почему он назван общим головою, когда головы и вообще тогда не были еще признаны, и в высочайшем указе о его допущении в Комиссию он назван просто князцом Кангаласского улуса (Андриевич, IV, 55). Точно так же ездил он туда ко вторичному созыву депутатов в 1768, а не 1762 г. Вообще же к крупице правды в рукописи этой примешано столько неверного, что ни одним ее местом нельзя пользоваться без самой тщательной проверки. Да и не верится, чтобы действительно она составлена была Эверстом и Гарновским; ибо они то уже знали, напр., что Цедельман был губернатором, а не вице-губернатором Иркутским.

[2] Ср. Маак, ч. III, стр. 141; также — Майдель, Путеш. по Якут. Обл., стр. 435.

[3] Арх. Б. II. У. за 1824 г., д. № 34, лл. 1—10. Действительно по расписанию, приведенному у Андриевича (т. IV, 238—239), там числилось тогда всего 879 ясачных, а в Ботурусском, напр., улусе 5296.

избирались в одном наслеге, почитаемом другими старшим и наиболее знатным в улусе, — тогда понятно будет, почему в должность головы, после 1782 г., довольно долго переизбираются одни и те же лица; почему и потом, под названием вечных голов, долго еще продолжается полуофициальное выдающееся значение одних наиболее значительных в улусе лиц. Но понятно далее, что, как относительно князцов, по мере того, как молодая, преимущественно денежная, аристократия брала верх над потомками старинных родоначальников и стиралась разница между родами и родовичами по старшинству и знатности их происхождения, — так и относительно голов — мало по малу исчезла преемственность должности головы в одном наслеге, а вслед затем и неподвижная, вечная власть одного лица в улусе. Понятно тогда станет и еще кое-что из здешних событий конца XVIII века, как, напр., удивительная на первый взгляд претензия Сыранова, чтобы его сына сделали Кангаласским головою без выборов, и поддержка, оказанная ему в Иркутске, где так желательно было привить к якутам наследственность родоначальнических должностей, и сопротивление исправника Гарновского, стоявшего за выборность голов по Положению, да и видевшего, быть может, насколько наследственность отжила здесь свое время и какое сильное противодействие вызывает она со стороны многих влиятельных якутов. Не зачем также и неудачу с учреждением здесь должности Областного головы сводить всецело на личности и личную борьбу между Сырановым и Аржаковым, когда налицо несомненное и глубокое общественное движение, направленное против устаревших и уже не находивших себе оправдания ни в быте, ни в правах якутов, претензий их родоначальников, стремившихся к вечному удержанию власти в своих руках и бесконтрольному распоряжению силами и достоянием своих родовичей[1].

Таким образом, в результате нашего беглого ознакомления с переменами в управлении и самоуправлении якутов после 1-й Ясачной Комиссии мы нашли, что родоначальники их, некогда пожизненные и наследственные, мало по малу становятся выборными, несмотря даже на поддержку наследственности со стороны высшей власти в губернии, и что чем больше развивается якутское самоуправление, тем большее применение получает выборность и частая смена лиц в родоначальнических должностях, не взирая на происхождение этих лиц, лишь бы они были богаты и способны. Это отживание родовитости и распространение влияния в наслегах на больший круг чаще сменяющихся лиц всего лучше проследить над постепенным упрочиванием общественного положения «лучших людей» и все большим их признанием со стороны русских властей.

Так, чтобы не заходить чересчур далеко назад[2], мы видели уже, что, по инструкции, 1-я Ясачная Комиссия должна была для переобложения ясака вызывать одних лишь князцов

---

[1] Здешние дела даже за конец XVIII века еще очень мало известны. Но вот, напр., среди обрывков одного наслежного архива попадается отрывок контр-проекта плану Аржакова (об учреждении Якутского Областного головы), и в первом же пункте проекта требуется, чтобы голова избирался каждые 3 года, а не был пожизненным, и чтобы дела, требующие общего согласия, он передавал на обсуждение обществ, а «сам бы он в оные не вмешивался».

[2] Ибо отличие их от простого народа является одним из стариннейших общегосударственных установлений в России. Специально же относительно сибирских инородцев мы видим, что уже в одном из первых Наказов Сибирским воеводам (цитир. выше) вменяется им в обязанность, по прибытии на место «вызвать из каждой волости по два человека лучших... и на казенный счет угостить, накормить, и напоить гораздо или как мочно» (Словцов, IV, 27).

и старшин, тогда как п. 6 общего наставления 2-й Ясачной Комиссии вменено в обязанность, кроме членов родового управления, опрашивать также и «лучших людей». В Комиссию для составления уложения допущен один лишь князец Сыранов, а в Иркутский Комитет 1824 г. пунктом 3 «Правил для вызова депутатов от инородцев» предписывается каждому депутату придать в помощь по одному «почетному человеку». 1-я Ясачная Комиссия еще не признавала за ними права участия в суде родоначальников[1], тогда как указом, напр., Иркутского губернатора от 1809 г. уже предписывается князцам, чтобы телесное наказание родовичей за небольшие проступки совершалось не иначе, как с согласия и «в виду (в присутствии) лучших родовичей», а таковым же указом 1820 г. подтверждается, чтобы без согласия старшин и «лучших людей» князец не отваживался наложить какое бы то ни было наказание на своих родовичей[2]. Далее, с учреждения Комендантского управления, для поставок, торгов, договоров и условий с казною, рядом с родоначальниками обязательно всегда вызываются и «лучшие люди»; для выбора голов и сельских заседателей обязательно было соглашение князцов и старшин с лучшими людьми при первоначальном выборе кандидатов в улусах; для совещания относительно учреждения областного головы и его выбора вызываются кроме родоначальников и лучшие люди; списки родоначальнических поколений требованы и посланы с подписями лучших родовичей. Ст. 34 Устава 1822 г. устанавливает, как общее положение, что «инородцы управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из коих составляется их степное Управление», а по ст. 96 «помощники старост», берутся «из почетных и лучших родовичей», и т. д.[3].

Мы уже видели, каково вероятное происхождение этого класса и из кого состояли якутские «лучшие люди» до того, как таковым сделался всякий богатый якут; видели, какие условия благоприятствовали их быстрому росту и силе. Этот то класс претворил в себе старшие родоначальнические семьи, поборол их первенствующее значение у якутов, добился на ряду с ними доступа к общественным должностям и равного участия во всех общественных делах. Но боролся он всякий раз и все время не для «мира», не во имя общественной правды и справедливости, хотя и с этими золотыми словами на устах, а для классовых лишь своих интересов, а главное — каждый для себя и для своих присных. Борьба поэтому велась лишь настолько и до тех пор, пока в наслегах не образовалась небольшая, но компактная группа лиц, где князец ли, голова ли — были лишь первыми между равными, обязанными делиться с этими равными всеми выгодами своего положения, выгодами преимущественного земельного пользования, льготами от податей и повинностей, — выгодами даже на счет этих повинностей, ложившихся все большим бременем на якутские общества. И если много пришлось бороться якутским «лучшим людям» с привилегиями потомков их прежних родоначальнических семейств, для того, чтобы привилегии эти раздробились по мелочам между массою «лучших людей» вообще, то не мало пришлось потом и всей якут-

[1] Хотя из ук. 14 окт. 1766 и 1768 гг. видно, что значение их она все-таки признавала.

[2] Ук. Якутск. Земск. с. 25 ноября 1809 г. № 3621 и Арх. Б. И. У. д. по оп. № 450.

[3] По первоначальному положению даже члены Степной Думы (постоянные) должны были выбираться из «лучших людей», но наличные родоначальники убедили Обл. нач. Мягкого, что только у родоначальнических поколений имеются опыт и знание к управлению и общему руководительству делами улусов, и он выхлопотал у генерал-губернатора, чтобы все члены Степной Думы выбирались единственно из родоначальнических поколений. (Ук. Як. Зем. суд. 2 января 1828 г. и Арх. Б. И. У. за тот же год, д. № 57).

ской массе бороться с излюбленными «лучшими людьми» своими для того, чтобы хоть немного умерить их претензии и аппетиты. Только тут даже Иркутские власти уже не колебались и временами оказывали этой массе некоторые ценные услуги. Это мы и увидим в дальнейшем очерке обложения и землепользования якутов после 1-й Ясачной Комиссии, к которому и переходим.

ГЛАВА II.

Платежи и повинности якутов после Первой Ясачной Комиссии до начала XIX в.

На этот раз (по мотивам, которые выяснятся далее) начнем с «земли» и сразу же познакомимся с развитием земельного распределения у якутов за довольно продолжительное время, после чего то же сделаем и для податного их обложения, прерывая изложение одного ряда данных для другого лишь там, где их взаимодействие сделает это необходимым, и сплетая их лишь, насколько это понадобится, для уяснения основного тона прошлого этих вопросов и поучительности его для современного состояния якутов.

Мы уже видели, каково приблизительно было положение здешних вещей в пору 1-ой Ясачной Комиссии. Для большей, однако, связи с предыдущим повторим кое-какие данные этого сравнительно отдаленного прошлого, поскольку они всего ближе касаются землевладения якутов.

Когда населения и скота было здесь еще мало, а промысел очень богат, покосная земля была предметом вольного захвата со стороны нуждавшихся в ней и могших ею пользоваться богатых скотовладельческих семей. Сначала, конечно, захвачена была лишь самая лучшая. По мере же того, как скотоводство развивалось, захвату подверглись и земли сравнительно менее удобные. Захваты эти были делом и уделом одного лишь привилегированного класса, так как судя по всему, только он и обладал тогда скотом. Простой же народ в большинстве случаев не жил тогда еще таким самостоятельным хозяйством, при котором ему необходима была бы покосная земля. Часть его хоть и жила уже отдельно, но существовала, главным образом, промыслом, выменивая часть своей добычи на продукты скотоводства у владевших скотом богатых родовичей своих и находясь в постоянной зависимости от этих последних. Другая же, большая его часть, продолжала еще жить нераздельно с предполагаемой старшей (аристократической) родней своей, на положении держателей ее скота и в качестве домашних работников. В том и другом случае ни своего скота и земли и никакой хозяйственной самостоятельности у этого класса еще не было; не было поэтому оснований и прав для каких бы то ни было притязаний на покосную землю. Ибо и общественный строй, как мы видели, также всецело основан был на полном подчинении этого класса и полновластии знатных и богатых семей. Как бы ни дифференцировался класс привилегированных за полтора почти века, прошедшие со времени прихода сюда русских (1620—1767 г.), в целом, чисто-экономическое его преобладание за это время скорее возросло, чем сократилось. Ибо, по мере сокращения и отдаления промысла, часть

населения, до того им единственно жившая, все чаще переходила в разряд держателей скота и работников; скотоводство, чем далее, становилось единственным источником существования все большей части населения; значение скотовладельческого класса все возрастало; захваченные им земли все более закреплялись за ним, становились исконным его достоянием, а вместе с тем и все возрастающим источником благосостояния, могущества и власти. Прибавим к этому, что ко времени, о котором речь у нас пойдет, якуты в большинстве случаев жили еще большими семейными общинами. Тяготение и взаимозависимость членов этих общин, как и последних между собою, основаны были еще преимущественно на действительной или предполагаемой кровно-родственной и семейно-родовой связи. Территориальная связь и соподчиненность родов были еще очень слабы; круг ведения общественных властей крайне ограничен и сфера вмешательства их во внутреннюю жизнь семейных общин крайне незначительна и почти совершенно не касалась земельных отношений. Вся по тогдашнему удобная земля уже захвачена была отдельными привилегированными семьями, весьма дорожившими ею, главным образом, в виду, во-первых, наличности значительного контингента бесскотных и безземельных родовичей, служащих даровой рабочей силой, именно благодаря своей обездоленности, своему бесправию и накоплению орудий производства в руках привилегированного класса, и во-вторых, в виду заметного малоземелья некоторых обществ, члены которых поэтому вынуждены были покупать, кортомить и всячески приобретать землю у соседей, успевших захватить ее во множестве. Захват всей покосной земли одним сравнительно немногочисленным классом, привилегированность землевладения внутри обществ и весьма неравномерное распределение земли между обществами, в связи с большими выгодами земельного обилия и необходимостью развивать скотоводческое хозяйство, — успели уже породить положение, могущее по внешним признакам своим быть принятым за настоящую земельную тесноту, и, во всяком случае, явились источником азартной погони за землею и серьезной земельной неурядицы.

Таково, в главном, было положение вещей, застигнутое здесь 1-ой Ясачной Комиссией. Ясно, что относительно землевладения центральным пунктом этого положения была принадлежность всей покосной земли привилегированному классу и наследственная передача земель из поколения в поколение в одних и тех же семьях. Случаи приобретения земли куплей, в дар и т. п., во-первых, исчезали в общей массе исконно наследственных, и, во-вторых, как бы еще больше подчеркивали это частно-владельческое право семей пользоваться и распоряжаться своими землями по своему усмотрению.

Спрашивается теперь, на каком праве владел этот класс всеми покосными землями своих родов, — действительно ли это было частно-владельческое право, или же мы и тут откроем кое-какие признаки земельной общины? Что такой вопрос небезынтересен, — и говорить нечего. Ибо мероприятия Ясачной Комиссии были очевидно первым шагом в смысле воздействия со стороны русской власти на земельные отношения якутов, и интересно, конечно, знать, какова была почва для этого воздействия и что̀ в дальнейшем развитии земельных порядков здешних может быть отнесено на счет воздействия извне, а что̀ всецело приписано внутренним силам самих якутских обществ.

Априорно рассуждая, можно и весьма легко отнестись к решению этого вопроса, и даже с двух противоположных точек зрения. Именно, можно найти, что раз у якутов

сильны еще были остатки их старинных родовых учреждений, то и места не могло быть для частно-владельческого права на землю. Или же наоборот: раз земля у них продавалась и покупалась, давалась в дар, приданое и т. п.[1], на что, действительно, имеются многие указания и в преданиях, и даже в документах, раз, таким образом, владевшие всею покосной землею привилегированные семьи распоряжались ею по своему произволу и усмотрению, — то не может быть и речи о земельной общине.

На самом же деле и та и другая точка зрения были бы одинаково неправильным предрешением вопроса, для решения которого одних указанных признаков еще мало.

Как вполне уже дознано, земельная община примирима с весьма даже резкими проявлениями частно-владельческого права на известный род земельных угодий, которых, во 1-х, еще очень много, во 2-х, когда пользование ими не по одним лишь общественным, но и хозяйственно-производственным условиям доступно далеко не для всех[2]. Кроме того, родовые учреждения даже легче всякого иного общинного быта способны, при известных условиях, выработать такой аристократический (олигархический) строй общества, при котором владение землею окажется крайне неравномерным, а то и уделом незначительного меньшинства. Достаточно, напр., племени явиться завоевателем на чужом месте и стать привилегированным относительно аборигенов для того, чтобы и в собственной его среде появилось неравномерное или даже исключительно-привилегированное землевладение. Особенно этому содействует наличность рабов, благодаря которым наиболее важные отрасли производства принимают поместно-крепостной характер, и из фактически неравномерного землепользования мало по малу вырабатывается привилегированное и классовое землевладение, юридическая неравноправность землевладения, как общественное учреждение[3]. Достаточно, впрочем, для этого одной лишь наличности рабов из военно-пленных. До оформления этого положения, как юридической нормы, здешний первобытный строй, конечно, не дошел, но он столь же далек был и от земельной общины в том виде, как сейчас находим. Да не из чего здесь было ей и народиться тогда. Ибо, если бы даже на южной родине якутам и не была чужда кое-какая общинная организация пользования промыслами и пастбищными угодьями, то найденные здесь обилие промысла и простор для коневодства, почти безграничная возможность шириться на счет территории, добытой от соседних племен, хитростью или силой, война внутри самого племени, наличность рабов до прихода русских и появление

---

[1] В добавление к сказанному ранее, считаем возможным присовокупить, что, по словам одного из Намских родоначальников, в старину богатый человек, отдавая дочь замуж, выходил в поле (на своей, конечно, земле) и пускал стрелы во все четыре стороны горизонта. Домашние отмечали места, до которых долетали стрелы; очерченное таким образом место и отходило в виде приданого.

[2] В. С. Пругавин, С. Я. Капустин, А. А. Кауфман, С. Марусин, Л. С. Личков и др. Нет, впрочем, необходимости в дальнейших ссылках и более подробных указаниях, так как явление это констатировано весьма многими местными исследованиями и может считаться общепризнанным.

[3] Древний Рим, вышедший, как известно, из родового строя (Морган, Энгельс) и погубленный латифундиями, может служить типичным образчиком такого процесса развития. Само собой разумеется, что одинаково неосновательно было бы проводить аналогию между древним Римом и Якутскою стариною, как и пытаться применить к этой последней мерило, заимствованное из истории развития нашей крестьянской общины с ее общей равноправностью и преклонением перед трудовым началом. Вот почему, несмотря на многие сродные черты и соблазнительность сопоставления, неверно было бы в старинных здешних земельных порядках видеть что нибудь в роде заимочного права наших окраин, разумея под последними не одну только Сибирь, а и север, и степной юг Европейской России.

зависимого неполноправного класса после того, — все это не могло не подействовать разрушающим образом на организованные некогда общинные обычаи, если таковые и были. Все это давало простор захвату, фактическому праву сильного, — праву, укоренившемуся и ставшему, наконец, привычной и признанной наследственной привилегией. Относительно покосной земли это должно было случиться тем вернее, что и действительно ею мог воспользоваться лишь богатый скотовладельческий класс.

Предоставленная самой себе якутская жизнь выработала бы, по всей вероятности, землевладение, соответствующее тому феодально-ханскому общественному строю, к которому шла она по всей видимости, как это предположено выше.

Приостановленный завоеванием и измененный последним, процесс развития не мог не изменить своего русла и относительно землевладения. Оно надолго осталось привилегией аристократического класса, приняв форму семейно-общинного владения, которое могло по обстоятельствам перейти и в частно-семейное, по мере того, как семьи-общины, дробясь и распадаясь, близились бы к теперешней индивидуальной семье, но могло перейти и в земельную общину с заменой родово-семейного союза территориально-общественным. В указанную пору, т. е. около половины XVIII столетия, оно находилось, очевидно, в переходном состоянии, вытекавшем, главным образом, из прогрессирующего ослабления прежней родственно-групповой организации в общественном отношении и необходимости перехода, в смысле главного занятия, от промысла к скотоводству—в хозяйственном. Пока покосные места не играли еще видной роли в жизни якутов, а семейная община была еще крепка, одной общепризнанности захватно-наследственного права достаточно было для ясности и сравнительной устойчивости земельных отношений. По мере же того, как скотоводство выдвигалось на первый план, в качестве главного источника жизни, а покосные места получали все большее значение, последние, благодаря господствовавшей при захватном праве полной свободе распоряжения каждым своими землями, сделались предметом частных сделок между семьями и родами, сделок, ставших, наконец, столь частыми и многочисленными, что сильно затемнили прежнюю простоту земельных отношений и вызывали таким образом, необходимость выработки новых правовых норм для землевладения, в соответствии с назревавшим общественным переустройством.

Пока что, разложение семейной общины только еще начиналось, и понятно, как важны были те влияния, благодаря которым оно произойдет, и условия, среди которых оно совершится для определения того, во что она разложится, во что перейдет. В частности же, дальнейшее направление якутской общественной жизни, землевладения в том числе, должно было, конечно, весьма много зависеть от условий, в которых первая поставлена будет со стороны русских властей, всего же первее от того, как отнесется Ясачная Комиссия к застигнутым ею здесь общественным порядкам и земельным отношениям.

Мы отчасти уже знакомы с отношением к тому и другому со стороны Ясачной Комиссии. Вообще остерегавшаяся всякой резкой ломки в быту и нравах якутов и стремившаяся к упорядочению их быта путем расширения самоуправления и увеличения самодеятельности собственных их общественных властей, она с такой же бережностью отнеслась и к господствовавшей у них форме землевладения. В целях главной своей задачи переобложения ясака и «заведения добрых порядков», заинтересованная в их земельных порядках

лишь насколько это необходимо было для прекращения навалившихся на нее земельных тяжеб и обеспечения ясачной способности обществ, но не имея достаточных оснований для вмешательства в распределение земли внутри последних (так как ясак наложен был на целые общества), Ясачная Комиссия весьма мало коснулась основы их землевладения. Ибо не только за исконными владельцами признаны все их наследственные права, но и все земельные тяжбы, вытекшие из указанных выше частных сделок на счет земли, — и самой Комиссией, и посланными от нее чиновниками решены на основании доказанного наследственного пользования. Сверх этого, Комиссией предприняты еще кое какие меры для восстановления старинных владельцев земли в их наследственных правах, о чем, впрочем, скажем еще несколько ниже. И если бы все отношения Комиссии к якутскому землевладению ограничились только этими мероприятиями, то истолковать их можно было бы едва ли иначе, как в смысле признания не только за каждым родом, но и за каждой землевладельческой якутской семьей полной неприкосновенности их земельного владения, как со стороны государства, так и общества в его целом. За тем и другим осталось бы в таком случае лишь право на земли никем еще не занятые, или которые окажутся незанятыми и наследственно не переданными в тот момент, когда государство или общество вздумали бы, наконец, положить предел дальнейшим земельным захватам. Но на одном этом дело не остановилось. Ибо из мотивов, указанных уже выше, когда дело дошло до уравнения ясака, Комиссия потребовала, чтобы для равномерного обеспечения дальнейшей ясачно-платежной способности всех обществ одного улуса, многоземельные из них уступили безвозмездно известное число покосов и летников другим, малоземельным. Нормою для таких прирезок положено приблизительно соответствие покосных остожьев и выгонных мест с числом ясачных окладов во всех наслегах одного улуса.

Может показаться с первого взгляда, что предписание это находится в полном противоречии со всеми другими мероприятиями Комиссии касательно якутского землевладения. Ибо добавить малоземельному обществу покосные места до соответствия с наложенным на него ясаком можно было не иначе, как отобрав часть покосов у их исконных хозяев в соседних многоземельных обществах, т. е., лишив этих хозяев части унаследованных ими от предков земель (так как никем незанятых удобных мест не было уже и в этих обществах). Никакого, однако, противоречия в действиях Комиссии здесь не было уже потому, что предположенное ею уравнение земель должно было произойти лишь между целыми обществами и совершенно не касалось земельных отношений внутри обществ, что поэтому единственным источником права владения землею могла попрежнему оставаться доказанная давность наследственного обладания. Необходимо к тому же заметить, что и земельные тяжбы, столь затруднявшие Комиссию, главным образом касались также не внутри-общественных отношений и порождались жалобами родовичей не на захват общественного достояния, часть которого должна бы принадлежать жалобщикам, как общественникам. Пока что, единственным предметом жалоб и тяжеб были захваты одними того, что другие считали своим достоянием, как находившееся раньше в их и их отцов и дедов владении. Сверх того весьма часто такие захваты совершены чужеродцами в чужих обществах, где они, начав с пользования чьей-нибудь землей в кортом, временную уступку, в виде обеспечения данного в долг, или взамен процентов, — кончали тем, что присваивали

ее себе, как купленную или дарованную, под предлогом неуплаты долга или процентов и т. п. Так как при крайней сложности таких долговых сделок у якутов и склонности обеих сторон к неверным показаниям, почти невозможно было разобраться в этих делах, а желательно было как можно скорее положить им конец и отнять почву для дальнейшего их возникновения, так как сверх того, желательно было положить предел уходу родовичей в чужие роды и общества, где, ускользая от непосредственного подчинения своим собственным родоначальникам, они, как чужеродцы, не подчинялись и местным, а наследование земель по дедам и отцам их дальнейшими поколениями было, очевидно, наиболее основным и непререкаемым правом земельного владения у якутов, — то едва ли и возможен был более простой и скорый путь для единообразного и вполне понятного для якутов решения этих тяжеб, как восстановление исконных владельцев в их доказанных наследственных правах.

Вместе с удалением чужеродцев в их общества и запрещением селиться и даже проживать в чужих обществах, этим имелось в виду положить предел дальнейшему сплетению и без того уже перепутанных земельных владений разных родов и наслегов, ввести родовичей в определенные для их обществ границы и положить основу для прочного территориального объединения обществ. Такова одна сторона отношений Ясачной Комиссии к якутскому землевладению.

Но, преграждая все пути для беспорядочного и произвольного расселения нуждавшихся в земле и водворяя таких «переходцев» в их общества, откуда они всего чаще уходили в поисках за земельным простором, Комиссия не могла не видеть, что она увеличивает и без того заметную тесноту[1] в одних обществах и простор — в других, увеличивает земельное неравенство между обществами и без того очевидное по множеству доходивших до нее жалоб на этот счет. Не противоречием поэтому, а вполне логическим коррективом первого рода мероприятиям ее было требование уравнения земель до соответствия с наложенным ясаком, в свою очередь рассчитанным по количеству способных к труду «работников» и наличности скотоводства, а, стало быть, и могущим служить довольно верным мерилом потребности в земле. Вместе с тем ясно, однако, что общий характер этих мер был скорее ограничительный по отношению к аристократическим владельцам земли: отныне невозможно стало продавать и дарить землю, передавать ее в чужой род и даже чужую семью, вообще попрежнему произвольно распоряжаться ею. За то установлено право государства безвозмездно и без всякого выкупа отбирать часть ее у одного общества и передавать другому, согласно с общей пользой и интересами казны, право вмешательства государства и общественных властей в распределение земли и пользование ею. Вслед за государством, общества могли воспользоваться и воспользовались этим правом тем скорее и вернее, что с первого же раза дело это предоставлено им самим в лице их родоначальников. Все это, вместе взятое, а особенно связь, положенная Комиссией между ясачной податью и земельным владением, было первым и весьма сильным толчком, долженствовавшим мало по малу направить якутов от основанной на привилегированности одних и бесправии других захватной формы землевладения к высокоразвитой общинной.

---

[1] Или то, что тогда считалось теснотой.

Долгий и нелегкий путь общественного развития и внутренней борьбы пришлось им для этого преодолеть, всего же труднее, конечно, должен был достаться первый шаг по новому пути — уравнение земель между обществами по улусам. Да и кому и как было его совершить? Свободных общественных земель для отвода соседям едва ли где было, или же это были самые неудобные, никому ненужные по тогдашнему, земли. Необходимо было поэтому каждой из владевших землею семей поступиться частью своих владений, всем им сдвинуться, переместиться, чтобы очистить место для отвода соседям. Необходимо было учесть угодья, разверстать и перераспределить их. А тут между тем совершенно не выработаны были еще привычки общественного распределения и переделов земли, ибо до того относительно нее в ходу были лишь частные сделки между частными людьми. Не было также необходимого для этого должного и равного со стороны всех подчинения общественным властям. Хотя власть князцов и была значительно расширена, но нужно было известное время для признания, для привычки к их новым прерогативам со стороны родовичей, тем более, что многие из них только перед тем назначены были из младших и менее богатых родоначальников, да и дело шло об интересах, до того не входивших в круг ведения общественных властей. Кроме того, князцы и старшины, которым поручено было исполнение этого дела, сами, ведь, были из крупнейших землевладельцев, так что в многоземельных обществах им с себя то и надлежало начать урезку. В их интересах было поэтому по возможности тянуть дело и суживать его, послаблять в этом отношении и своим родовичам. Скоро, таким образом, оно никак не могло сделаться, особенно — у якутов, столь мало склонных прямо подходить ко всяким подобным делам; мирно оно тоже едва ли могло обойтись. Поэтому мы видим, что, несмотря на угрозу Черкашинникова «жесточайшим штрафом» за неисполнение, князец, напр., о котором упомянуто выше, доносит, что соседние князцы не исполняют данного Комиссии обещания и покосов ему с родниками не отводят; что, по неимению у них покосных мест, скот их весь изгибнет, отчего они могут придти в крайнее разорение и чаятельно отстать от ясачного платежа. Писано это в июле 1767 г., но лишь в январе 1774 г. мы находим, наконец «отводное письмо» от имени одного из соседних князцов со старшинами брату жалобщика-князца, что «по приказу Ясачной Комиссии и для неспорного между обществами согласия, отводится ему, Бояру Курджагину покосных мест на 4 стога» (остожья, которые тут же и перечисляются). Ясно, что дело пошло по старому, проторенному пути и начало сводиться к тем же частным сделкам между семьями, — в надежде, что, удовлетворив (быть может с некоторым даже излишком против их окладов) родоначальников и «наилучших» людей малоземельного общества, удастся на этом покончить с уравнением земель. Но, очевидно, также, что другие «лучшие люди», чаявшие также получить надбавку из земель, имевших отойти от соседей, и обойденные таким образом, подняли дело со своей стороны, да и получившие ранее не прочь были заполучить еще.

«Неспорное согласие», таким образом давалось весьма туго, и без вмешательства русских властей дело, очевидно, никак не могло обойтись. Действительно, мы видим, что в 1776 г. по указам Якутской провинц. канцелярии от 25 июля 1775 г. и 26 августа 1776 г., геодезии-подпоручик Яков Федоров размежевывает (по примерному исчислению и показанию самих обществ) сенные покосы и скотские выпуски во всех наслегах Баяган-

тайского улуса. Из указа же Иркутск. губернатора Клички от 1 марта 1781 г. видно, что за этим же Федоров был послан и в Ботурусский ул., что то же поручение возложено на него по всем здешним ведомствам. Судя по одному подписанному им акту и ссылкам на другие подобные же, ни измерения земель, ни, тем более, наведения их на планы при этом не происходило, а по собрании на месте всех родоначальников одного улуса, путем очных ставок и взаимных между ними изобличений выяснялось, сколько в ведомстве каждого из них имеется покосных остожьев и летниковых мест. По сложении затем отдельно в одну сумму тех и других по всему улусу, числа эти делились на количество наложенных на улус ясачных окладов, принимая соболиный оклад за равный трем лисичным. Частные, полученные таким образом и показывали по скольку, в среднем, для целого улуса должно приходиться покосных остожьев и летниковых долей на каждую единицу ясачного платежа, — лисичный оклад. После чего оставалось только то же самое проделать по каждому наслегу, чтобы убедиться, от какого из них, какому и сколько именно необходимо прирезать покосных мест и летников, чтобы во всех в них на каждый лисичный оклад приходился приблизительно одинаковый земельный надел. Так, напр., если всех покосных мест в улусе оказывалось 4950 при 310 летниках, а ясака на него положено 220 соболей и 570 лисиц или, что все равно, 1230 лисиц, то это давало приблизительно по 4 остожья на каждый лисичный оклад и по 4 таких оклада на каждый летник. Поэтому те общества, у которых земли оказывалось гораздо больше, чем по 4 остожья на каждый лисичный оклад, должны были поступиться значительной частью своего излишка в пользу тех, у кого на лисичный оклад выходило значительно меньше 4-х остожьев. Точно так же, если у одного оказывалось, напр., по одному летнику на каждые 3 оклада, а у другого — на каждые 5 окладов, то первое должно было додать второму столько летников, чтобы и тут и там выходило приблизительно по 4 оклада на каждый летник средней величины. В обществах же, где большой земельной неравномерности не замечалось, уравнения, конечно, не происходило, ибо такое сравнительно не важное малоземелье уже компенсировано было во время переобложения, наложением на такое общество несколько меньшей суммы ясака, как это показано будет далее. Так как, сверх того, тогда же с князцов многоземельных обществ взято торжественное обещание, что в случае значительной неравномерности землевладения, они добавят земли сильно обделенным ею обществам, и от обещания своего они теперь, конечно, отречься уже не могли, то Федорову оставалось только привести заинтересованные общества к взаимному согласию на счет количества и качества земель, уступаемых одними из них другим, и понудить к действительной уступке этих земель под угрозой самому произвести необходимые отводы, мерою, в случае упорного несоглашения.

Разумеется, что при такой постановке, «согласие» достигалось без особого труда, после чего требовалось только, чтобы, во избежание споров и недоразумений в будущем, точно указано было, какие именно покосы и летники отходят от одних обществ к другим и чтобы они сговорились на счет будущих своих границ. Впрочем, для возможного предупреждения пограничных споров и тяжеб вообще, — даже там, где никаких отводов или обмена[1] земель не происходило, все таки, путем обоюдосторонних показаний и соглашения точно определены границы.

[1] Во избежание излишней чресполосности и когда уравнивающиеся общества нигде не примыкали друг к другу своими границами, уравнение могло происходить таким образом, что отвод малоземельному обществу

В том и другом случае об этом тут же составлялся весьма подробный акт, вроде того, напр., что такого-то наслега пограничная межа с таким-то идет сначала по западной стороне такой-то речки, на расстоянии стольких-то верст; оттуда направляется лесом прямо на северо-запад и, обходя с запада такое-то озеро, идет по такой-то речке до наклонной березы, находящейся в одной версте от такого-то холма; оттуда направляется к такому-то аласу, обходит восточным его краем и т. д. Описав таким образом границу наслегов, как и родов между собой, Федоров заставлял отмечать ее зарубками на деревьях, если граница шла лесом или краем его, и столбиками на открытых местах[1]. По окончании описания границ и по выяснении, какое за уравнением с соседями (или и без оного), количество покосных остожьев имеется у общества, количество это делилось на число ясачных окладов, при чем отмечалось, какие именно и какого названия покосы записываются за каждым окладом. Примерно: в наслеге оказалось 700 остожьев, ясака же с него идет (мехами или деньгами) за 25 соболей и 100 лисиц или за 175 лисиц. Сообразно с этим, вся покосная земля наслега поделена на 175 частей или паев, что дает по 4 остожья в каждом, при чем на каждый соболиный оклад приходилось по 3 пая с 12 остожьями, а на лисичный по 1 паю с 4 остожьями. Образовавшиеся, таким образом, земельные паи, пропорциональные ясачным окладам, также обозначены зарубками и столбиками, после чего все покосы и летники общества зарегистрированы в особые ведомости, с распределением по №№ ясачных окладов.

Этим, судя по всему, немалая сама по себе работа Федорова ограничилась и состояла она: 1) в приблизительном уравнении покосных мест и летников всех обществ каждого из здешних улусов, 2) в точной описи границ наслегов и родов и в обозначении этих границ межевыми знаками и 3) в регистрации всех земель обществ, с подробным переименованием всех покосных мест по ясачным окладам. Не его дело, очевидно, было входить в то, как общество распределит зарегистрованные им остожья и летники. Эта сторона дела всецело предоставлена была самим обществам, а там, где из-за этого происходили особые несогласия, оно произведено под руководством и наблюдением дворянского опекуна Ивана Старостина, в теперешнем Якутском округе и Кычкиным в Олекминском и Вилюйском, тогда составлявших еще один округ. Трудно, впрочем, с точностью указать время, когда работал Старостин и в какой связи находились работы его и Федорова, так как встречены пока лишь ссылки на составленные при Старостине ведомости, но не сами последние[2]. Всего веро-

---

совершался от промежуточного, которое потом вознаграждалось на другой своей границе со стороны многоземельного общества. Тут, кроме собственно отвода малоземельному обществу, происходил еще обмен земель в соседнем.

[1] Так как столбики, да и березы также, подгнивали и падали, а предание говорит, что березы и др. граничные деревья нарочито вырубались, и место покрывалось свежим дерном, для фальсификации границы, — то якутские общества сами потом прибегли к городьбе по всей границе между наслегами и родами, в открытых местах и даже в лесу, где, впрочем, иногда городьба заменялась просекой. Столбиками же и зарубками на деревьях якуты теперь отмечают при коренных переделах владение отдельных родовичей.

[2] Здесь кстати будет заметить, что менее всего встречено в архивах остатков старинных земельных ведомостей. Что это не случайная утеря видно было потому, с какой назойливостью выспрашивали улусные богатеи и воротилы у расматривавшего управские архивы, не найдены ли им какие нибудь земельные ведомости, и, видимо, оставались довольны, когда получали отрицательный ответ. Интересно еще в этом отношении одно из дел А. Б. И. У., долженствовавшее заключать засвидетельствованные Областным Правлением вторые экземпляры земельных ведомостей по всем наслегам Баягантайск. ул. Сохранились: обложка «дела» с его заглавием, полистный указатель наслегов и опись листов («в сем деле занумерованных и прошнурованных листов — 74»). Самих же ведомостей не осталось и следа.

ятнее, что работа Старостина служила дополнением к сделанному Федоровым. Вопрос этот нуждается в дополнении материала и дальнейшем разъяснении; пока же утвердительно можно сказать лишь, что между 1770 и 1782 г. произведено здесь первое уравнение и разграничение земель между обществами и составлены первые ведомости распределения земель между родовичами каждого общества.

Судя по указаниям и по найденным кое-каким обрывкам таких ведомостей, первоначальная форма их была, как показано на следующей таблице:

№ оклада	Имена плательщиков.	Ясачный оклад.	ПОКОСЫ ПОД НАЗВАНИЕМ.	Число стогов в остожьях.
1.	Князец Леберия Вырпаев	1 соболь	Арылāх кölўjä — озерко с островом....	2 ст.
			Удаҕан балаҕана — юрта шаманки.....	2 »
			Сытыган кўöl кытӣта — край гнилого озера..........................	2 »
			Курāнах ўрўjä — сухой ручей........	4 »
			Кäнчäрä — отава..................	1 »
			Хара булгунjах — черный холм.......	1 »
			Итого......	12 ст.

Таким же образом перечисляются все соболиные оклады с 300 остожьями, после чего идет такое же перечисление лисичных.

26.	Такой то родник.	1 красн. лис.	Убаса кўрўöтä — жеребячье остожье.......	1 ст.
			Курāнах алāс — сухая (с высохшим озером) котловина........................	1 »
			Араңастāх — с могильной вышкой.........	1 »
			Хагдан — блеклый....................	1 »
			Итого.....	4 ст.

Продолжаются лисичные оклады с расписанными по ним покосными остожьями.

Старинные ведомости обыкновенно начинаются с земель князца, распределения родовичей по летникам в них еще нет, как нет и указания величины стогов, становящихся на остожьях. По ним нет, поэтому, возможности судить о степени равномерности землепользования даже в среде одинаковых окладов ясака одного общества. Впрочем, прежде чем перейти к подробностям распределения земли внутри обществ и, чтобы покончить с междуобщественными земельными отношениями, необходимо заметить еще, что ошибочно было бы переоценивать значение только что описанного уравнения земель между обществами. Прежде всего уменьшало его значение то, что оно не сопровождалось таким же уравнением земель между улусами, могшим дать гораздо более значительные результаты. Объясняется это тем, что при переобложении ясака, улус принят был как одно общество, на которое и положена была общая сумма ясака, разверстанная потом между

его частями наслегами, в присутствии и по согласию всех князцов и старшин этого улуса. Тут-то и поднялись жалобы на малоземелье со стороны одних, указания на невозможность в виду этого малоземелья принять на себя такой то ясак, указания на многоземелье других и возможность наложить на них большую сумму ясака и т. д. Это малоземелье отчасти и принято во внимание при разверстке ясака между наслегами улуса каким либо из двух следующих способов. Комиссия могла, во 1-х, несколько снисходительнее относиться к количеству убогих, увечных и вообще не ясачно-способных, показанных князцом, и наложить на его наслег меньшее число ясачных окладов. Во 2-х, даже настаивая на вполне верном показании числа ясачно-способных и принятии на себя наслегом соответствующего числа окладов, Комиссия могла лишь 2—3 семьи признать богатыми настолько, чтобы положить на них по соболиному окладу, всех же остальных плательщиков признать лишь лисично-окладными. Одним словом, размер ясачной суммы, положенной на наслег, определялся, главным образом, не столько количеством наложенных на него ясачных окладов, сколько большим или малым % соболиных окладов по отношению к общему их числу. Так на Игидейский насл. Ботурусского улуса наложено было 25 соболей и 100 лисиц, что дает 1 соболя на 4 лисицы, или 20% соболиных окладов (семирублевых), а на какой нибудь Жехсогонский — 3 соболя и 35 лисиц, или всего 7,89% соболиных окладов. В первом случае это давало в среднем по 3 руб. на одну ясачную семью наслега $[(25 \times 7) + (100 \times 2) = 375$ р; $375 : 125 = 3$ р.], а во втором всего по 2 р. 39 к. Но, когда дошло до уравнения земель, то только что указанное обстоятельство должно было отразиться следующим образом. Так как на каждый соболиный оклад полагалось земли втрое слишком более, чем на лисичный, то обществу, у которого был больший % соболиных окладов, земли досталось больше, чем другому с меньшим их %. А так как высота % соболиных окладов рассчитана была, главным образом, на степень многоземелья наслега, то общество, богатое землями до уравнения осталось таковым и потом.

Итак, между улусами уравнения земель совсем не происходило, ни тогда, ни вообще когда-нибудь потом, да и между наслегами оно, в силу сейчас изложенного, также не могло быть особенно глубоким, так как рассчитано было не на полное уравнение земли между ними, а лишь на соответствие с наложенным на них ясаком. Но даже и в таких узких рамках оно достигнуто далеко не с должною полнотою, благодаря тому, что ни измерения, ни таксации земель при этом не происходило, и произведено по показаниям и соглашению между собою родопачальников, интересы коих весьма нередко коренным образом расходились с интересами большинства представительствуемых ими родовичей. Некоторые земельные тяжбы и другие позднейшие дела не оставляют сомнения в том, что даже там, где Федорову приходилось производить известное давление на общества, чтобы уравнить их земельные владения и для того, хотя бы приблизительно, исчислять эти последние, от него все-таки удалось скрыть довольно много покосных мест, которые поэтому не были описаны и не вошли в ведомости. В обществах же, которых не приходилось уравнивать, или которые сами сошлись на этот счет и сами же расчислили земли по окладам, — а таких, как сейчас увидим, было, вероятно, огромное большинство, — и не представлялось надобности в сколько нибудь подробном исчислении покосных мест. Поэтому не описанных и не введенных в ведомости земель было гораздо больше. В отдаленных местах области и даже нынешнего Якут-

ского округа и поныне не мало наслегов, где такие, раз скрытые земли, до сих пор не значатся в ведомостях и никогда не входят в передел, находясь в привилегированном и даровом пользовании немногих семей, в среде которых все это время и переходили по наследству, лишь изредка вырываемые у той или иной из них каким нибудь вновь разбогатевшим и приобревшим влияние в обществе родовичем. В одном, напр., наслеге всего несколько лет тому назад введены в опись 70 покосных мест, раньше в ней незначившихся, и которые тут же миролюбиво поделили между собою наиболее влиятельные родовичи. В тяжебном Кангаласском деле, князец в прошениях своих от 1796 и 1811 г., также указывает на сокрытие земель в соседних обществах во время произведенного Федоровым уравнения, указывает, по каким речкам и урочищам они находятся и исчисляет их во много десятков остожьев. В свою очередь инкриминируемые наслеги уличают жалобщика, что и им показано гораздо меньше остожьев, чем сколько их имелось тогда в его наслеге, хотя и ссылаются при этом на земли, скрытые у отдаленной р. Оймекони. Весьма положим, вероятно, что преувеличивали обе стороны; но, и за известной сбавкой на преувеличения, всетаки придется допустить, что и действительно скрытых земель вообще было весьма не мало. Ибо, если многоземельному обществу желательно было поступиться как можно меньшим, а малоземельному как можно больше заполучить, то как для того и другого, так и с целью быть обложенным возможно меньшею суммой ясака, — и тому и другому одинаково выгодно было показаться возможно более бедным на счет земель. Возможно, конечно, что малоземельное общество, как таковое, могло несколько выиграть от полного изобличения своих соседей, по сравнению с тем, сколько оно потеряло бы, показав полностью свои собственные земли. И если находим, тем не менее, что промолчав чуть не полвека об учиненном соседями сокрытии земель, оно, наконец принимается их изобличать, то объясняется это тем, что уравнение произведено родоначальниками за свои общества, а не самими последними. В самом деле установление связи между ясаком и земельным владением и расписание земли по окладам ясно обнаружили стремление русских властей сделать обложение строго поземельным, т. е. таким, при котором не только обложены были бы все без исключения удобные земли, но и обложение было бы пропорционально земельному владению. Это, однако, на первый раз совсем не входило в расчеты родоначальников и глав наиболее влиятельных семей, которым отнюдь не желательно было платить за все захваченные ими земли. Заинтересованы они были в этом одинаково как в многоземельных, так и в малоземельных обществах. Даже с риском в малоземельном обществе несколько потерять от общего сокрытия земель, они, однако, в этом последнем заинтересованы были гораздо более, чем в полноте уравнения. Самое лучшее, что они могли сделать, это — сойтись с соседями и покончить скорее, как с уравнением, так и расписанием земель по окладам, нежели дать властям повод чересчур глубоко заглянуть в земельные владения их обществ, обложить ясаком все наличные земли и, чего доброго, захотеть при этом распределить по своему и земли и ясак между всеми ясачно-возрастными.

Лишь несколько десятилетий спустя, когда окончательно обнаружилось, что распределение земли и ясака внутри обществ вполне предоставлено внутренним их распорядкам [1],

[1] Таков, напр., ук. Як. З. суда от 11 февр. 1799 г. А. Б. И. У., д. по оп. № 19, л. 1.

и когда богатым родовичам уже нечего было бояться за привилегированность своего положения относительно земельного владения и отнесения повинностей, — кое где малоземельные общества подняли дело о недоданных им во время уравнения землях и с большим трудом, путем разных сделок и продолжительных тяжеб, добились в разное время дополнительных отводов от соседей. Но, не говоря уже о разорительности таких тяжеб, успех далеко не всегда соответствовал усилиям, так что даже между обществами одного улуса полное соответствие земельного владения ясачному платежу не было достигнуто благодаря непрямоте, с которой подошел к делу уравнения правящий класс якутов, и сокрытию весьма многих земель.

Еще большим вредом обстоятельство это должно было отозваться на внутри-общественных отношениях, где сокрытые и необложенные никакими платежами земли весьма долго служили яблоком раздора между влиятельными родовичами, предметом вечных сделок между ними в ущерб общественной правде и справедливости и источником глухой и затаенной, но тем более ожесточенной борьбы внутри обществ. Здесь же один из первых и главных источников столь прославленной скрытности якутов по отношению к русским. Произведенное под флагом родового патриотизма и с благородною целью поступиться как можно меньшим в пользу чужеродцев, или даже поживиться на их счет, сокрытие земель повело, как мы видели, к продолжительному владению немногими лицами сверхнадельной землей без всяких соответствующих платежей. То и другое приходилось скрывать[1]. Как одна неправда, в силу связности людских дел и отношений, обыкновенно тянет за собою целый ряд других, так и это сокрытие повело потом к целому ряду других скрывательств, подложным ведомостям и приговорам, нарочитым и лицемерным жалобам на земельную тесноту там, где ее еще не было и т. п., что понемногу вскроется перед нами далее по пути. Впрочем, чтобы быть справедливым, необходимо заметить, что при вражде, нередко разделявшей еще тогдашние волости и рода, и при полном господстве захватно-наследственной основы владения землею, в силу которой каждый род, каждая семья с полным правом и убеждением считали кровным достоянием и собственностью своею все унаследованные ими земли, трудно было и ожидать иного отношения к потребованному уравнению земель.

Столь же трудно было бы ожидать, чтобы распределение земли внутри обществ скоро применилось к произведенному Федоровым расписанию земель по окладам ясака, т. е. чтобы действительно земля распределена была вполне равными паями между плательщиками одинаковых окладов. Сомнительно даже, чтобы и ясак в первое время после переобложения вносился непременно 7-рублевыми паями в 1-м классе и 2-х рублевыми во 2-ом. Ибо, если только деление на классы не коренилось в еще более старинном, также неравномерном распределении ясака, то, при значении, приданном после переоблажения ясачному платежу, первым же делом должно было произойти приурочение к последнему тех двух сословий, из коих с незапамятных времен слагался якутский народ. Одно из этих сословий, состоявшее из людей неполноправных, либо совсем не вошло в ясачный платеж и зачислено было в разряд так называемых дряхлых, увечных и убогих настолько, что сами прокормиться не

[1] Скрывается и посейчас всяким родовичем ради желательного и полезного для каждого из них обилия земель в обществе; тщательно скрывается даже безземельным бедняком, но не из родового патриотизма, конечно, а из вполне основательного страха перед сильным и богатым.

могут, почему и живут при более зажиточных своих сородовичах; либо же, если они частью и вошли в счет «работников» или плательщиков ясака, то с тем, что последний уплачивался за них их состоятельными родственниками, лучше сказать хозяевами. Это и был простой народ. Другое сословие, состоявшее из семей и потомков привилегированного класса, теперь, после переобложения по крайней мере, в свою очередь разделилось на богатых, бравшихся уплачивать по целому соболю или по 7 рублей в год, и менее зажиточных, долженствовавших вносить красную лисицу, или 2 руб. в год. Деление это, однако, мало того, что не строго соблюдалось, но вначале и было, вероятно, лишь чисто формальным: богатая семья могла уплачивать целого соболя за себя, да сверх того еще лисицу за приписанного к ней работника, точно также, как далеко не все, записанные «работниками» сами платили за себя. Но, во всяком случае, перед нами налицо уже три класса родовичей: 1) богатых, плативших в год 7 рублей ясака и выше, и за то владевших многими паями покосной земли, от трех начиная (и не считая скрытых земель), 2) плативших по 2 руб. и владевших одним паем земли и 3) тех, за кого платили другие, или которые вообще не считались в ясачном платеже, и землею во всяком случае не владели, хотя частью и привлекались к общественным работам или держались в работе у тех, кто платил за них ясак.

Таким образом, в первое время после переобложения, единственным основанием для землевладения, попрежнему, оставалось давнее наследственное пользование, и ясачный платеж лишь приблизительно подогнан был к существовавшему до того распределению земель, вообще пока не очень затронутому совершившейся реформой. Но, по мере того, как все необходимее и ценнее становилась покосная земля при отрезанности путей для приобретения ее на стороне и сосредоточения борьбы за нее единственно внутри лишь обществ, связь между землевладением и ясачным платежом, раз заявленная и установленная, не могла в свою очередь не всплыть в качестве нового оружия для этой борьбы, оружия для захватов со стороны одних и основы для отстаивания своих владений со стороны других.

Особенно содействовало этому значение приданное ясачному платежу, самому по себе, пожалуй, и не тяжелому, но крайне нелегкому при якутском способе распределения его окладами до соболя и более на одну семью, а затем—сильное расширение власти родоначальников, с предоставлением им права распределения земли и ясака внутри их обществ и возможностью взимания ясака с родовичей то пушниной, то деньгами. Да и вся совокупность производственных и общественно-юридических перемен, происшедших здесь в последнюю четверть XVIII века, перемен уже указанных выше, и разрушающим образом действовавших на все старинные правовые отношения и нормы, не могла, между прочим, не поколебать и прежние наследственные права многих на захваченные некогда их предками земли. Успех или неудача в отхожем пушном промысле, связанном с предпринимательством и торговлей, удача или нет в торговых оборотах сильно развившихся с освобождением пушнины от казенной монополии и учреждением ярмарок, случаи эпизоотии или падежа лошадей в отдаленном и опасном извозе казенной и купеческой клади, — все это низводило одних и возвышало других, в свою очередь также стремившихся к земельным захватам, «на вечно» — для себя и детей своих, пока служит удача и сохраняется сила. Стоило какой нибудь семье поупасть в силе и, обеднеть, и, под предлогом освобождения ее от ставшего

ей не под силу ясака, родоначальник с согласия главарей общества мог отобрать от нее часть земель и присвоить их себе или отдать какому нибудь вновь выросшему в силе, нужному или же опасному родовичу. Другим и вполне легальным поводом для такого же лишения обедневшего родовича всех или части его земель было окончание ясачного возраста[1]. Таким именно путем и стали здесь происходить довольно частые случаи перераспределения земель. Но это самое, во 1-х, заставляло тянуться изо всех сил, чтобы «не отстать, как говорилось тогда, от ясачного платежа», а во 2-х, продолжительную и аккуратную уплату ясака выдвинуло в качестве нового основания для владения землею. Этим же приходится объяснить удивительные на первый взгляд жалобы родовичей на то, что родоначальники перевели их из соболиного оклада в лисичный или совершенно уволили от ясачного платежа, несмотря, или якобы несмотря, на их, жалобщиков, не старый еще возраст, просьбы оставить в ясаке или прежнем ясачном окладе и соответствующее предписание родоначальникам со стороны Земского суда[2]. Разумеется, что не въ особой любви к ясачному платежу было тут дело, а именно в связи земли с ясаком, а главное — в выгоде владения землею, несмотря на шедший за нее ясак, для одних, и в необходимости во чтобы то ни стало тянуть ясак, чтобы не лишиться земли, — для других. Стоило одному-двум поколениям тянуть ясак и тянуться к ясаку, чтобы владеть землею, и владеть ею на основании несомого ясака, чтобы забыто было старинное захватно-наследственное право, и на его место выступала продолжительная и наследственная уплата известного оклада ясака в качестве непререкаемого права для наследственного же владения землею. Кроме того, если раньше владели землею на основании своей привилегированности, то теперь привилегированный класс нашел новое основание для присвоения себе всех земель своих обществ в факте продолжительного и наследственного платежа ясака за эти земли и в принадлежности к ясачно-плательщикам. Мало-по-малу термины «ясачно-плательщик» и «ясачно-способный» стали синонимами полноправного члена общества, владеющего землею и участвующего (хотя бы номинально) в решении всех общественных дел[3]. Повторяем, много тут зависело от преувеличенного значения, приданного здесь одно время ясачному платежу, от неведения инородца, куда и на что идет его ясак и какое в сущности ничтожное место последний скоро начал занимать в приходо-расходе государства. Но так прочно привилась эта связь земли с ясачным платежом к жизни якутов, так основательно запомнили ее особенно якуты побогаче, что и теперь они глубоко убеждены в том, что ясачным платежом каждый из них купил себе права на владеемые им земли. И когда другие казенные платежи и повинности далеко уже

---

[1] 60 лет. Никоим образом не следует, однако, выводить отсюда, чтобы и действительно с окончанием ясачного возраста непременно земля отбиралась у ее постаревшего владельца и передавалась достигшему 16 летнего возраста подростку, кто бы ни был этим последним. Совершенно напротив. В огромном большинстве случаев всякий владел землей по смерть, если только сам до того не передавал распоряжения ею какому либо более молодому члену семьи. Но и за смертью владельца, земля переходила к его сыновьям или братьям, а из семьи все таки не выходила. Часто, однако, указанные поводы служили благовидным предлогом для главарей якутских обществ, чтобы отобрать часть земли обедневшей семьи, и на ее счет увеличить земельные владения другой, удержавшей свое положение и сильно размножившейся семьи, либо наделения вновь выросших сильных хозяйств.

[2] Арх. Б. И. У.

[3] Еще и поныне состояние в классе платежа податей связано с владением землею (кластāх кісі — состоящий в платежном классе, — равносильно доідулāх кісі, — владеющий земельным участком) и правом голоса на общественных собраниях, хотя право это нередко весьма фиктивного свойства.

переросли ясачный платеж, довольно долго единственным основанием для владения землею и ее распределения все-таки оставался этот последний и служил предлогом для устранения от землевладения всех «не ясачных» родовичей, несмотря на то, что все другие казенные платежи ложились на них наравне с «ясачными» владельцами земли. Как это могло случиться, — отчасти понятно из предыдущего и еще яснее станет далее, когда изложено будет, каковы были эти другие платежи и повинности. А теперь, чтобы покончить с этим периодом якутского землевладения, необходимо заметить еще, что с усилением семейных разделов, а главное—с естественным ростом населения и землевладельческого класса в том числе, и так как все удобные земли были уже заняты, поневоле приходилось для подрастающего поколения и вновь выделившихся хозяйств дробить земельные владения, вместе с чем стали делиться и ясачные оклады. При общем же нежелании поступиться хотя бы частицей своей земли для неблизкого родного, а то и для последнего [1], это мало по малу должно бы привести к общим переделам и переверсткам земли. Каков был характер этих переделов в прошлом веке—из дел не удалось пока уяснить за указанным выше почти полным исчезновением из архивов переверсточных ведомостей.

Можно сказать только, что, по сравнению с коренными переделами в нашей крестьянской общине, здешние, так называемые «буор тюгятик», происходили крайне редко и являлись в сущности обычным для здешнего места громким выражением для весьма незначительных переверсток покосных мест, — переверсток, сверх того, по большей части предпринимавшихся по требованию первоклассных родовичей и с целью по возможности выкроить добавочные наделы для их подрастающего и разрастающегося поколения. Для других же незнатных родовичей они выражались, вероятно, главным образом в дроблении наделов (с такою же целью наделения молодых хозяев), в незначительных отрезках и прирезках от одного из них другому, в увольнении от ясака одного и вводе другого помоложе, в обмене одного плохенького участка на таковой же, а иногда — и в обмене лучшего, облюбованного влиятельным богачем для себя или для своего чада, на худший, из земельных владений последнего. Переделы по большей части приурочивались к ревизиям, судя по тому, что случаи таких переделов найдены в 1785, 1796, 1811 гг. и после 2-ой Ясачной Комиссии, не говоря, конечно, о более позднем времени. При этом переносились граничные знаки между наделами и каждому владельцу выдавался князцом билет [2] с обозначением номера надела (по ведомости) и оклада ясака и с точным названием урочищ или их частей, где находились надел или его части. Ни одного такого билета пока не найдено (а встречены лишь многочисленные ссылки и указания на них), как не найдено в архивах никаких положительно указаний на то, чтобы такие билеты выданы были во время расписания, учиненного при Федорове, а тем более, чтобы Ясачная Комиссия думала или могла даже сделать что-нибудь в этом роде.

---

[1] В делах Б. И. У. есть между прочим жалоба на высочайшее имя одного «лучшего» человека на то, что князец хотел отобрать у него одно остожье (из шести), для его же младшего брата, да еще одно обменять с братьиным же, как более близкое к местожительству последнего.

[2] Конечно, если никаким переменам относительно размеров, границ и занимаемого ими места надел не подвергался, тогда билет оставался прежний, при чем надпись в ведомости гласила: «билет старый», а в случае выдачи нового: «билет выдан».

Теперь, после всего вышесказанного о деятельности этой Комиссии, незачем, пожалуй, останавливаться на подробном разборе того, что на этот счет говорится в статье И. Москвина[1]. Несколько кратких замечаний будут, однако, далеко неизлишни, а, пожалуй, и необходимы, в виду очевидного и весьма сильного отражения высказанного Москвиным на суждениях всех почти позднейших авторов, касавшихся того же предмета[2]. Само собою теперь видно, как много и весьма существенное из сделанного здесь Комиссией упущено в статье Москвина и как, тем не менее, чересчур много приписано ей в лице и под именем ее начальника, Черкашинникова. Он следствие над ясачными сборщиками учинил, и самих сборщиков отменил, что как будто не мешало потом детям боярским и дельцам (?) объявиться в роли поверителей ясака, и даже казакам быть высылаемыми для его сбора при Козлове-Угрине (стр. 191 и 197). Он же, Черкашинников, первый завел книги для записи ясака, «сделал представление об учреждении Комиссии для сбора уравнительного ясака» (?) и даже—«для раздела по родам сенокосных мест и лесных выгонов... Бывал во всех улусах и наслегах... отдаленных жилых и одиноких юртах... во все вникал, даже в домашний быт инородцев и потом уже облагал их ясаком. В наслегах завел книги... и ведомости о разделе покосных мест» и т. д. (стр. 192). Впрочем, Москвин сам в одном месте (стр. 175) говорит, что он «писал с фактов, и если факты и предания составлены неверно», то он в этом невиновен. Не будем и мы, конечно, винить его, а, напротив, воздадим дань уважения его честной и кропотливой работе. Лишь для восстановления «фактов» в том виде, как их выяснили документы, сопоставленные с литературными источниками, заметим, что вторая Ясачная Комиссия работала здесь, когда пути сообщений, управление и самоуправление якутов, да и сами эти последние были далеко уж не те, что во время Черкашинникова. Кроме целого свода данных, полученных ею из Иркутской Казенной Палаты и из всех якутских канцелярий, к ее услугам были уже родовые управления и Инородные Управы, со Степною Думою во главе, с их архивами, канцеляриями и органами. Да и многим она пользовалась таким, чего и в помине не было еще в 60-х годах XVIII столетия. Тем не менее, три года она употребила здесь на переобложение ясака и перепись, так как только в этом и состояла ее работа, да и то она заезжала в одни лишь родовые управления, где «по совещании с родоначальниками и лучшими людьми» производила свое дело, а к отдаленным и малолюдным тунгусским родам не обязана была отправляться и не отправлялась. Спрашивается, была ли даже физическая возможность у первой Ясачной Комиссии, сверх переобложения и уравнения ясака, сверх переписи (первой) и разных судебных[3], административных и даже кодификационных дел, переделанных ею, сделать еще все то, что приписывается ей (Москвиным), и при том так, как это ей приписывается, и в небольшой сравнительно срок, от июня 1766 г. до начала 1769 г.? Мы уже видели, впрочем, что окладные книги заведены здесь, очевидно, задолго до нее и что еще даже до воеводства Черкашинникова и учреждения Комиссии решено и предпринято следствие над деяниями ясачных сборщиков, не говоря уже о том, что при новой поста-

---

[1] Выше цитир.

[2] Таковы, напр., Маак. Вилюйский окр.; Павлинов. Рукопись.

[3] Сколько одни земельные, калымные и всякие иные тяжбы должны были задерживать ее, что уже совершенно не касалось 2-ой Ясачной Комиссии.

новке взимания ясака не могло быть и места ни для каких его поверителей, ни тем более для сбора его казаками. А что касается до раздела покосных мест внутри обществ, заведения книг и ведомостей и т. п., то по самому характеру деятельности Комиссии и ее отношению к якутскому землевладению, — все это могло явиться лишь дальнейшим логическим результатом сделанного ею, но никоим образом не могло быть сделано ею самою. Сделай она все это, тогда зачем было бы ей рекомендовать Якутской воеводской канцелярии, чтобы та завела книги решенным земельным делам, брать подписки о наследственной принадлежности земель той или иной из тягавшихся сторон и т. п.? И не ясно ли, что около одного выдающегося весьма важного события, каким бесспорно было здесь учреждение первой Ясачной Комиссии, и около центральной фигуры ее начальника — местными преданиями собрано весьма многое из того, что сделано и до и после того, и все это приписано одному лицу, в результате чего и получилась чуть не легендарная деятельность знаменитого «Мирона»? И не по таким поводам здесь созданы целые легенды, да и не одно лишь это рассказывается про Черкашинникова. Стоит поговорить с каким нибудь интересующимся своею стариною якутом, и он расскажет, напр., что прибыл сюда Черкашинников на паузках, переодетый простым рабочим, три года шатался по здешнему краю, до самых отдаленных его уголков, все выведал и высмотрел, и, узнав всю подноготную, вдруг объявился в качестве начальника всевластной Комиссии, уличил и покарал всех неправых и т. д. Несомненно, однако, что, не приписывая Комиссии ничего лишнего, а ограничиваясь лишь действительно ею сделанным и чему сделанное ею послужило исходною точкой и весьма сильным толчком, все-таки придется признать, что, по глубине захвата, совершенно новой постановке давно назревших вопросов, и отличному от прежнего отношению к здешнему инородцу, она, по всей справедливости, составила здесь эпоху. Как мимоходом указано уже выше, одной реформы взимания ясака достаточно было для постепенного видоизменения многих сторон здешней жизни. Мы уже видели, в чем эта реформа состояла; посмотрим же теперь, каковы были дальнейшие ее судьбы после первой Ясачной Комиссии.

Ясак наложен огулом на целые общества и должен был собираться и вноситься князцами под единственною их ответственностью[1]. От них взяты подписки, что к назначенному ими же сроку (июнь месяц) они будут вносить ясак сами без недоимок[2] и по возможности определенным (окладным) зверем. Сборщики таким образом стали ненужны и могли быть отменены. Но еще не все решения Ясачной Комиссии приведены были в исполнение, как, независимо от них, депутат от 5 здешних подгородних улусов в Комиссию для составления нового Уложения, Кангаласский князец Софрон Сыранов, поданным в Прав. Сенат доношением просил: «чтобы в рассуждении чинимых нарочно посланными из здешней канцелярии в их улус за сбором ясака немалых обид. . . . определить оной ясак собирать князцам в положенные сроки, а посылку нарочных отменить. Есть ли же князцы в сборе ясака

---

[1] Относительно казенных крестьян, именным указом и манифестом 11 мая 1769 г. ответственность за исправный платеж податей и недоимок возложена на целые селения. Когда, в начале XIX века, у якутов также набралась значительная ясачная недоимка, указ этот манифестом 16 мая 1811 г. применен и к инородцам (Арх. Н. И. У., д. по оп. № 25, л. 27 и 31 обор.).

[2] «Бездоимочно» или «без доимки», как говорилось тогда, почему и теперь недоимки называются дајЫңка [дајЫмпа].

медление чинить станут и на положенные сроки в канцелярию представлять не будут, в таком случае от воеводской канцелярии посылать уже нарочных». Прошение это Сенат «нашел склонным к справедливости», но не будучи уверенным в полном его соответствии с местными условиями и порядками, передал его на рассмотрение Иркутского губернатора с тем, что, если действительно оно, как думал Сенат, «с пользою казны и их (якутов) согласно, то приступить к деятельному его исполнению». Иркутский губернатор (Бриль), несмотря на то, что подписки якутских князцов и новые окладные книги из главной Ясачной Комиссии еще не были получены в губернской канцелярии, указом 26 апреля 1769 г. предложил Якутской воеводской канцелярии «чтобы впредь до получения из главной о ясаках Комиссии точного о сем повеления, если доныне нарочные оттуда (из Якутска) за сбором ясака в подгородние их улусы отправляются, то.. оных отменить, а определить те ясаки в положенные в бывшей в Якутске Комиссии сроки привозить якутским князцам в Якутск самим. А есть ли в те назначенные сроки тот ясак привожен и отдаваем ими не будет, в таком случае, как князец депутат Сыранов доношением обязался, за теми князцами посылать уже для понуждения их нарочных»[1]. И хотя повеление Правительствующего Сената и предложение Бриля сделаны «впредь до указу», но они не отменены и вопрос о ясачных сборщиках, таким образом, покончен был полным их упразднением, начиная с 1769 г.[2].

Но если так легко и скоро решен самый больной и назойливый вопрос до комиссионного способа взимания ясака, то несколько более времени потребовалось для облегчения якутов от другой тягости ясачного сбора. Это — крайне убыточная для плательщиков и связанная со многими недоразумениями необходимость уплачивать ясак пушниной. Казне весьма желательно было устранить всякие предлоги для притеснения инородцев и дать им возможно большую свободу в уплате ясака. Поэтому, на случай неулова окладного зверя предоставлено вносить ясак другим, а в случае полной неупромыслицы или дешевой оценки приемщиками — вносить его деньгами. Но в то же время казне нужна была мягкая рухлядь и наилучшего качества, как для кабинета, так и для промена с китайцами, главным образом, на чрезвычайно выгодный для нее ревенный корень[3]. Поэтому и взяты подписки от князцов,

---

[1] Едва ли только что цитированное постановление Сената передано верно у г. Андриевича (Очерк т. IV, стр. 232), в том смысле, что Сыранов сам «будет посылать нарочных» к якутам для бездоимочного сбора. Допустим даже, что Сыранов был не волостной лишь, а улусный Кангаласский князец (т. е. еще не признанный голова), все таки непонятно, как он взял бы на себя посылку нарочных к чуже-улусным и неподведомственным ему князцам. Впрочем, не только постановление Сената не допускает подобного толкования, ибо там прямо говорится о посылке нарочных из воеводск. канц., но если и в предложении Бриля переместить слова «в таком случае», после фразы о Сыранове, тогда получится «а есть ли в те назнач. сроки тот ясак привожен и отдаваем не будет, как князец депутат Сыранов поданным в Прав. Сенат доношением обязался, в таком случае за теми князцами посылать уже для понуждения нарочных». В чем обязывался Сыранов? Конечно, только в том, что князцы будут сами своевременно привозить ясак. И в этом он мог обязываться, так как князцами уже даны были подписки на этот счет. А вот за теми, своего обещания не исполнявшими, и имели посылаться нарочные из воеводск. канц. Тогда понятно будет и дальнейшее требование Бриля подтвердить тем нарочным, «чтобы никаких обид, притеснений и взятков они... ясашным не чинили». Ясно, что не о Сырановских нарочных речь, что Сыранов посылать их не обязывался и никто этого ему не предоставлял.

[2] Щеглов. 290; П. С. З. № 13344.

[3] Кстати, сделаем небольшую историческую справку на счет торга этим лекарственным снадобьем, игравшим некогда столь важную роль в нашей торговле с Китаем. Ревень весьма рано сделан заповедным товаром, ибо еще имен. ук. 1657 г. мена, купля и продажа копытчатого и черенкового ревения запрещены кому бы то ни было, кроме казны, под страхом «быть казненным смертью без всякой пощады» (там же, 112). В 1727 г., вместе с мягкой рухлядью, на время снята монополия и с ревеня, но уже в 1731 г. опять возобновлена и заготовка его

что только в случае полной неупромыслицы или «неурожая зверя», как говорилось тогда, они будут вносить ясак деньгами. Судя же по одному документу, подписки эти гласили даже так, что только в случае полной неупромыслицы и ненахождения окладного зверя в покупке допускается взнос его другою рухлядью[1].

Вследствие того, в первое время после переобложения ясак не только требовался, но и поступал не иначе, как окладным зверем разных сортов и в разнообразных количествах по трехлетним справочным ценам. Но весьма долго это продолжаться не могло, и вот почему. Если казне выгодно было, а по источникам, откуда она черпала тогда свои доходы, даже и необходимо было получать ясак пушниной, то не менее выгодно это было для всякого рода местных его взимателей и приемщиков, которым также желательно было заполучить ясак самыми лучшими шкурками и передавать дальше либо худшие из них, либо просто деньгами. Против этого тем более бессильны были печатание шкурок и всякого рода меры взыскания, что и князцами весьма скоро понята была вся выгодность этой операции, да и не одними только князцами. «Князцы, говорится в рукописи Д. Павлинова, располагали пушниной по своему произволу: когда цены были высокие, они пушнину продавали и вносили деньгами, а когда цены были низкие — вносили пушнину. Но и именитые родовичи скоро заметили эту уловку и сами начали делать то же по отношению к своему князцу, т. е. сдавали ему по произволу и расчету или пушнину, или деньги»[2]. И, вероятно, не за себя только, а и за других родовичей, за которых они в долг вносили ясак. В свою очередь это заставляло и местные власти понижать справочные цены трехлетий (во избежание или под предлогом возможных потерь для казны, в случае падения рыночных цен) и во время приема низко оценивать ясачную пушнину. Если бы еще действительно предоставлена была полная свобода замены окладного зверя иною рухлядью, то князец мог бы играть на ценах разного рода пушнины в данное трехлетие. Но, во-первых, и этим также не преминули бы воспользоваться их родовичи, а, во-вторых, и приемщиков это заставило бы только позаботиться о возможно низких справочных ценах на всякого рода здешнюю пушнину. Главное же ясак все таки требовался непременно окладным зверем. Между тем, благодаря быстро развившейся после 1768 г. пушной торговле, на якутском рынке все росли как спрос, так

с этого года возложена на отправленного из коммерц-коллегии комиссара Свиньина, который заключил подряд с бухарцем Муратом Бачимом... на 2000 пудов. Насколько выгоден был этот торг, видно уже из того, что Бачиму ревень подряжен по 9 р. 80 к. за пуд, который по сортировке и привозе в СПбурге обходился в 37 р. 7 к., а за границу отпускался по 289 р. (Андриевич, III. 119—121). Неудивительно, что ни в 1753г., когда уничтожены внутренние заставы и таможни, а вместе с тем снята монополия со многих товаров, ни в 1762 г., когда торговля с Китаем вообще сделана вольной, ревень не перестал быть заповедным товаром, и лишь в 1781 г. объявлена свобода торговать ревенем и разводить его, начиная с 1782 г., когда истекал срок последного контракта с бухарцами; а в 1789 г. даже награда объявлена за разведение ревеня (Щеглов 306 и 321). Но, так как разведение его шло очень медленно, то через 10 с небольшим лет контракт с китайским купечеством опять возобновлен. Казенную покупку ревеня мы видим еще во все время управления Иркутск. гражд. губернатора, Трескина, когда дело доходило до того, что для уплаты по контракту китайским поставщикам ревеня на иркутском рынке покупалась плохого качества белка по 1210, 1375 и до 1400 р. ассигн. за тысячу, а лисицы — нередко заплатанные и крашеные, тогда как по расчету здешнего Областного Начальника Миницкого, гораздо лучшего качества белка, купленная на здешнем рынке, по доставке водою в Иркутск, не должна была обойтись дороже 836 р. 28 ½ к. (ассигн.) за тысячу (Арх. Б. И. У. ук. Земск. С. от 18 июля 1818 г.).

[1] Справка Якутского уездного Стряпчего из дел 1-ой Ясачной Комиссии, гласящая: «а ежели они (князцы) объявят ложно, якобы в улове, промыслу и покупке соболей не имеют, и... соболей распродадут купцам, за то подвергают себя жестокому на теле наказанию» (Арх. Н. И. У., ук. З. С. от 16 сентября 1808 г.).

[2] Павлинов. Имуществ. право Якутов.

и рыночная цена на пушнину вообще, а особенно — на окладных, по здешнему месту, соболя и красную лисицу. По вполне понятному совпадению, Комиссия потому и положила здесь взнос ясака этими зверями, что соболь здешний известен был на заграничных рынках своими прекрасными качествами, а красная лисица, по длине и густоте своей шерсти, весьма охотно принималась китайцами. Но по той же причине и купцы давали за эти меха, чем далее, тем все лучшие цены. При таких условиях, взнос ясака пушниной был вообще невыгоден, а тем более взнос окладным зверем. Князцы, конечно, очень хорошо помнили, какого рода подписки даны ими, но помнили они и то, что могут и не взносить ясака пушниной, раз это невыгодно для якутов. Кроме того, это было выгоднее, спокойнее и проще для них самих. Ясно, стало быть, что именно требование ясака непременно окладным зверем всего вернее и вело к быстрому переходу от платежа ясака пушниной к уплате его деньгами.

Понятно из предыдущего почему, несмотря на предоставленную положением почти полную свободу вносить ясак деньгами, из С.-Петербурга подчас предъявлялись требования, чтобы «в местах, где Комиссией наложен был звериный оклад, всемерное старание прилагалось к тому, чтобы взимать его самыми лучшими зверями, какие только обязались сами ясашные», а не деньгами. Понятно, далее, почему на каждое одно такое требование из С.-Петербурга можно насчитать с полдесятка, если не более, таких же требований со стороны местных властей, от Иркутского губернского правления начиная и до последнего административного лица, до сельского заседателя якута включительно[1]. Ничего, пожалуй, удивительного нет и в том, что, несмотря на все эти старания «в соблюдение высокого его императорского величества интереса» заполучить ясак «в натуре», «самой лучшей и отборной рухлядью», никакие обязательства и подписки, ни целые десятки указов не могли уже заставить якутов вносить ясак пушниной, раз дознана ими существенная выгода, получаемая от взноса его деньгами. И действительно, если в 1776 г. мы встречаем еще уплату ясака частью окладной пушниной, частью деньгами[2], то уже в 1779 г., например одними деньгами, хотя еще и с прописанием количества наложенного по окладу зверя: «за 2 соболя (напр.) за каждого по 7 руб. — 14 рублев, за 38 лисиц красных по 2 руб. — 76 руб.; всего 90 руб.». Далее, с 1784 г., в квитанциях даже не упоминается уже об окладном звере, а просто говорится: «собранные на сей год с рода твоего за неупромыслицей зверя[3] денег

---

1 Таковы, напр., ук. Ирк. губ. прав. от 15 февраля 1801 г. и Як. обл. нач. от 9 августа 1810 г., по требованию Государств. казначея (Арх. Н. И. У.). См. еще Арх. Б. И. У. ук. З. С. головам от 29 марта 1802 г., ук. Як. обл. нач. от 31 декабря 1815 г., по требованию Ирк. губернатора с указанием на недостаток в лисицах для удовлетворения бухарцев — ревенных поставщиков; такой же указ от 28 апреля того же года, со внушением якутам, чтобы вносили ясак красными лисицами и др. лучшим зверем по окладу. «А если обнаружится, что они перепродают рухлядь частным людям, то подвергнутся строжайшему по закону взысканию; напротив те, кои окажут свое усердие к пользам казны взносом ясака рухлядью, не останутся без должного внимания, со стороны начальства» (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 319, л. 21 и 61). См. еще приказ якутского сельского засед. Ивана Вешнякова Баягантайск. голове (там же, л. 118) и т. п. Не может быть сомнения, что с дальнейшим просмотром архивов таких указов и приказов окажутся целые десятки.

2 По рукописному сборнику указов приходо-расходчику Верхоянского Комиссарства (сборнику, хранящемуся в Як. Музее), там такая смешанная уплата ясака частью пушниной, частью деньгами (но последними больше за умерших и убылых) продолжалась еще в начале 80-х годов XVIII в.

3 Лишне даже и распространяться о том, что не в неупромыслице тут было дело, а именно в указанных обстоятельствах, так как на столько-то еще упромышливалось здесь зверя не только в конце, но и в сороковых годах XIX века, что для ясака, во всяком случае, возможно было раздобыть, если не всегда собственным промыслом, то выменом или куплею.

372 р. 65 к. медной монетой... приняты». Если кой-когда, затем, и встречаем еще взносы ясака пушниной от здешних якутов, то уже лишь черной белкой, по здешней рыночной цене того времени 50—60 коп. (ассигн.) за шкурку[1].

Таким образом, через какой нибудь десяток лет после Первой Ясачной Комиссии здешние якуты освобождаются от уплаты ясака пушниной. Это было весьма важным шансом для них, было выгодно и удобно во всех отношениях: во-первых, оставляло в руках плательщиков ясака известную прибыль от продажи на сторону ясачной пушнины, — прибыль, которой лишались якуты до того; во-вторых, избавляло от немалой надбавки к ясаку требовавшейся ранее для покрытия того недочета, который образовывался в ясачной пушнине от приставания частиц ее ценности к многочисленным рукам, через которые проходила она до окончательной сдачи; в-третьих, отняло почву для многих злоупотреблений со стороны своих и русских властей и для вечных недоразумений на этот счет между якутами и мелкими представителями администрации и, таким образом, много содействовало улучшению характера русско-якутских отношений вообще, и, в-четвертых, придало ясачному платежу постоянство и устойчивость, столь важные в общественной экономии. Благодаря тому же, и нам, при дальнейшем рассмотрении ясака, предстоит уже иметь дело с рублями и копейками, не осложненными и не затемненными, чем сейчас же и воспользуемся для определения того, каков был приблизительно по здешнему месту средний размер ясака, по переобложении его Ясачной Комиссией.

Предварительно заметим, однако, что, по самому характеру переобложения, размер этот необходимо должен был отличаться большим разнообразием по местностям, улусам, и даже отдельным наслегам одного улуса[2]. Не говоря уже о разнообразии признаков, положенных в основу переобложения, размер ясака являлся результатом переговоров и соглашений между Комиссией и родоначальниками с одной стороны и родоначальниками одного улуса между собою — с другой, и, конечно, должен был в значительной степени зависеть от характера лиц и местных условий. Кроме того здесь, среди якутов, в зависимости от обилия или недостатка покосных земель в обществе, находилось отчасти и количество наложенных на него окладов, а главное — отношение соболиных окладов к общему их числу, что, как мы видели, в значительной степени влияло на размер наложенного на общество ясака. Хотя, как переговоры эти, так и разверстка ясака по обществам происходили, главным образом, по счету количества окладов, но в основу первоначального определения общей суммы, требовавшейся с общества, положен был известный размер ясака, признанный Комиссией возложенным для отнесения в данном месте. Иначе говоря, по выяснении путем переписи общего количества мужских душ ясачного возраста (16—60 лет), как и количества признанных способными к труду, переговоры между Комиссией и родоначальниками начинались

---

[1] С подлинных квитанций 1784, 1796, 1810, 1814 и 1816 годов.

[2] Так, например, по составленной Охотским комендантом Кохом ведомости для частичного переобложения тамошних тунгусов и коряков (1792 г.) из нескольких разыскивавшихся тунгусских родов платили ясаку: 1-ый Ежанский за 74 души — 259 руб., 4-ый Ежанский 82 д. — 47 р. 36 $^{3}/_{4}$ к., Купский 35 душ — 36 р., 6-ой Ежанский 212 д. — 362 р., что дает на душу ясака от 1 руб. $1^{1}/_{35}$ к. до 1 руб. $70^{6}/_{35}$ к. (Арх. Б. И. У., д. за 1793 г. № 1, л. 6). Среди Баягант. напр. якутов около того же времени и по той же ревизии (4-ой) род старшины Ленкосева, состоявший из 67 д., платил ясака 63 р., тогда как почти рядом с ним род Кангаласск. князца при 89 д. платил ясака 90 руб. (там же, за 1795 г., д. № 7, все листы) и т. п.

с того, каким размером ясака имеет в будущем быть обложен каждый ясачно-плательщик. Размер этот, помноженный на количество ясачно-плательщиков, найденных по всему улусу, и давал общую сумму наложенного на последний ясака, которая потом, по переводе на соболей и лисиц, и разверстывалась по наслегам указанным выше путем. Хотя, затем, в окладную книгу вписано всего первее количество соболиных и лисичных окладов, но, по крайней мере, относительно времени, с 1780 г. начиная, можно с достоверностью сказать, что рядом с этим по каждому обществу, кроме того, значилось количество числившихся в нем ясачно-плательщиков и размер ясака, какой в нем причитался с одного плательщика. А далее, по каждой ревизии, казенная экспедиция губернского правления и всего первее местные казначейства и канцелярии всегда отмечали то и другое, т. е. 1) количество ясачно-возрастных (работников), определенных ревизией по каждому данному обществу, и 2) какой размер ясака получался в каждом из них на одного работника при делении неизменной суммы ясака на вновь найденное количество работников. Для чего все это делалось, раз ясак взимался не с работника и сумма его не изменилась с изменением числа последних, ни для каждого из них, ни для обществ в их целом,—раз, наконец, сами якутские общества, как нам уже известно, распределяли его не поровну на работника, а по семьям, и не по числу работников в последних, а по их состоятельности и количеству владеемых ими земель? К чему и нам в таком случае этот средний размер ясака? Казначейства делали это для своих соображений, из коих одно—другое указаны будут ниже. Для нас же средний размер ясака важен всего первее, чтобы отдать себе отчет, легок ли или обременителен был вновь наложенный ясак и увеличивалась ли или уменьшалась с течением времени его тяжесть для здешних обществ. К сожалению, однако, прямых данных для такого определения у нас весьма мало, а между тем, при указанном разнообразии обложения, их нужно было бы иметь, очевидно, весьма много для сколько нибудь верного среднего вывода. Расчеты здешнего казначейства и даже некоторых комиссарских канцелярий можно бы отчасти восстановить, но и то лишь обрывками и весьма большим трудом. Во внутренних же расчетах обществ количество работников всегда играло крайне ничтожную роль[1], а потому не только редко и весьма плохо отмечалось в делах, но отчасти было и скрываемо сознательно, чтобы не обнаруживать, как много из числящихся по спискам ясачно-плательщиков не наделены землею.

Единственное, что нам остается в таком случае, это — взять какую нибудь крупную административную единицу и определить интересующий нас средний размер ясака по сумме наложенного на нее ясака и количеству платежных душ, найденных в ней по первой (здешней) переписи. Кстати, из сведений, данных 2-ой Ясачной Комиссией относительно окладов 1767 г., известно, что на Ботурусский улус при 5954 рев. д. наложено было $665^2/_3$ соболей и 1719 красных лисиц, что по первоначальной оценке соболя в 7 р. и лисицы в 2 р. составит 8097 р. 67 к., или около 1 р. 36 к. на душу. Что эта цифра не исключительная, — доказательством служит хотя бы следующее. «В 1763 г., говорит Ядринцев[2], усчитано было число инородцев Сибири в 186.000 человек, на коих нало-

[1] Теперь же оно совершенно никакого значения не имеет, ибо давным давно уже якуты складывают ясак вместе со всеми другими денежными повинностями и все это разверстывают по земельным наделам.

[2] «Сибирь как колония», стр. 107 и 109 и почти буквально то же: «Сибирские инородцы», стр. 204.

жен оклад в 165.000 р.». В этом показании, однако, цифру населения никоим образом нельзя считать верной для 3-ей (или первой инородческой) переписи. Ибо, по Словцову, «при переписи Щербачева ясачных было 131.995, или круглым счетом 132.000 д. м. п.»[1] Андриевичем цифра ясачных тогдашней Иркутской губернии исчислена круглым же счетом в 90.000 рев. д.[2], что по счету Словцова дало бы для всей остальной Сибири 42.000 ясачных, т. е. цифру приблизительно верную, если принять во внимание, что по исчислению Небольсина 5-ая перепись в Зап. Сибири дала 57.062 рев. д.[3]. С другой стороны, цифра Ядринцева дает всего несполна 89 к. ясака на душу, что для времени переобложения едва ли допустимо. Всего правдоподобнее, поэтому, что приблизительно верна у Ядринцева лишь цифра ясака, ревизские же души принадлежат, очевидно 5-ой переписи[4], а для 3-ей переписи приходится, повидимому, считать наиболее достоверной цифру Словцова. Если же теперь сумму ясака, данную Ядринцевым (165.000 р.), разделить на число ревизских душ 3-ей переписи (132.000 — по счету Словцова), тогда ясака на душу получится 1 р. 25 к., что, как средняя для всех ясачных Сибири после самого переобложения, вполне допустимо. Специально же для за-енисейской Сибири у нас есть и еще возможность проверки только что полученного нами вывода. «По 6-ой ревизии, говорит Семивский, в Иркутской губ. кочующих инородцев всех вообще 153.136 д. м. п.; в число же положенного на них ясака, принадлежащего кабинету и государственному казначейству, взносят они менее 200.000 р.»[5]. Но необходимо помнить, что это отнюдь не один ясак, ибо, когда Семивский писал эти строки, то с ясачных шли уже, собственно в государственное казначейство, подушных по 44 к. с ревизских душ, а со всех показанных Семивским душ — 67.379 р. 84 к., или круглым счетом 67.000 р. Если теперь «сумму менее 200.000 р.» принять приблизительно за 195.000 и вычесть отсюда круглую сумму подушных 67.000 р., то получим чистого ясака 122.000 р., что при 90.000 ясачных, найденных г. Андриевичем для Иркутской губ. по 3-ей переписи, даст ясака по 1 р. 35 к. на душу. Итак, около 1 р. 36 к.[6], — таков, нужно думать, был приблизительно средний размер ясака по переобложению 1-ой Ясачной Комиссии. Так как при этом раз наложенная сумма ясака не подлежала никаким изменениям до нового переобложения или особого постановления верховной власти, — а новое переобложение произошло здесь лишь в 1829 г., — то, с увеличением населения, а вместе с ним и количества ясачно-плательщиков, средний размер ясака должен был понижаться и ясак становиться все более легким. Иначе говоря, для обществ развивавшихся, множившихся, столь продолжительная неизменность ясака была, очевидно, весьма выгодной; не то — для обществ сокращавшихся в численности, вымиравших. Вопрос теперь в том лишь, множились или нет якуты. Лучшим показателем в данном случае были бы, конечно, данные о движении якутского населения вообще. Таких цифр, однако, у нас нет, да и сомнительно, чтобы для

---

[1] Словцов, I, 81 и II. 30.

[2] Андриевич, IV. 116.

[3] Щеглов, стр. 82, примеч. 36.

[4] Действительно, у Щеглова же число ясачных Сибири по 5-ой переписи исчислено в 184.428 р. д., а по г. Андриевичу — около 185.800.

[5] Семивский. «Нов. пов.», стр. 132, примеч. № 42.

[6] Во избежание неверного расчета, берем максимальную изо всех полученных нами цифр.

XVIII века они вообще могли быть нам даны. Нет даже пока общих для всего Якутского населения цифр ревизских душ по всем старинным переписям, не говоря уже о том, что едва ли последние отличались особой достоверностью. Так как, однако, неверности, вкрадывавшиеся в счеты ревизских душ были, по всей вероятности, приблизительно одинаковы для всех ранних ревизий, а здешний округ всегда вмещал в себе огромное большинство якутского племени, то цифры ревизских душ здешнего округа за несколько старинных переписей (с исключением 4-ой, 1782 г., цифры для которой пока не найдено) должны, очевидно, дать довольно верное представление об общем движении якутского населения в то время. Цифры же эти показывают[1]:

	3-ья — 1767 г.;	5-ая — 1796 г.;	6-ая — 1811 г.;	7-ая — 1816 г.
По Канг. ул. . . .	3.166 р. д. (?)[2]	8.274 р. д.	10.102 р. д.	10.929 р. д.
» Ботур. ул. . . .	5.296 » »[3]	8.571 » »[4]	9.312 » »	9.868 » »
» Намск. ул. . .	2.231 » »	4.529 » »	4.972 » »	5.512 » »
» Мегин. ул. . .	2.154 » »	4.500 » »	5.652 » »	6.127 » »
» Борогон. ул. . .	3.801 » »	4.075 » »	5.198 » »	Бор. 3.247 » » Дюпс. 2.324 » »
» Баягант. вол. .	879 » »	1.206 » »[4]	2.210 » »	2.414 » »
Итого. . .	17.527 (20.185?)[5]	31.155	37.446	40.421 якут. Як. окр.

Таким образом, — насколько, конечно, можно придать веры этим цифрам, — выходит, что за тридцать без малого лет, протекших между 3-ей и 5-ой переписями, прибавилось здешних якутов около 10.000 ревизских душ, или около 22½ тыс. душ об. п., а за полстолетие от 3-ей до 7-ой переписи[6] число их почти удвоилось, следовательно, средний размер ясака, определенный нами ранее по 3-ей переписи в 1 р. 36 к., должен был к концу XVIII века равняться приблизительно 95 к., а по 7-ой переписи упасть местами приблизительно до 70 к., если бы расчислять его по душам. В Ботурусском, напр., ул. 8097 р.

---

[1] О переписи 1767 г., 3-ей по общему счету и первой полной для здешних инородцев, цифры заимствованы из расписания населения Иркутск. губ. по ук. прав. сената от 31 января 1775 г., произведенного на основании этой переписи и приведенного в приложении к т. IV «Историч. очерка» г. Андриевича. Об остальных трех переписях сведения взяты из раскладок натуральных повинностей и казенной клади в Якутском областном правлении и Земск. Суде, также из расчетов относительно того и другого улусных голов между собою. Расчеты эти были весьма сложны, бумаги не всегда верно списывались, так что несмотря на тщательное их сопоставление и проверку, можно поручиться лишь за приблизительную достоверность, но отнюдь не за полную точность приведенных цифр.

[2] Если же предположить, что в конце XVIII в. Кангаласцы как-то неимоверно быстро множились, по сравнению с якутами других улусов, и так как никаких крупных переводов из других улусов в Кангал. из дел не видно, то цифру по Кангал. ул. придется считать уменьшенной на 2000. Всего вернее читать ее не 3166, а 5166 р. д.

[3] Из сведений, данных 2-ой Ясач. Ком., — сведений, проверенных по двум архивам, — в Ботур. ул. по 3-ей переписи значится 5954 р. д.

[4] По другому списку, составленному уже после перевода Игид. насл. 470 р. д. из Ботур. ул. в Баяг., в первом значится 8101 р. д., а во втором — 1676; но это, конечно, общего итога не изменит.

[5] См. две последних выноски; итог в скобках, очевидно, вернее.

[6] 1767—1817 гг., ибо 7-ая перепись окончена здесь лишь в августе 1816 г. (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 332, л. 84).

ясака, наложенные, как мы видели, при 5954 р. д., в 1796 г. лежали уже на 8571, а в 1817 г. — на 9868 рев. д.[1].

Но было и еще одно обстоятельство, к концу XVIII века уже заметно содействовавшее уменьшению размеров ясака. Это — скидка с ясака за крещение. Чтобы приохотить к принятию православия племена с мировоззрением, столь чуждым христианству, какими было большинство сибирских инородцев, пришлось связать его с фактом благотворения или льготой. Для этого, по ходатайству Сибирского митрополита Филофея Лещинского, в 1720 г. положено было награждать инородцев, восприявших христианскую веру, и давать им льготу от всяких сборов и податей в продолжение трех лет.[2] А именным указом 20 ноября 1751 г. велено выдавать из казны каждому новокрещенному (в Зап. Сибири) платье и белье стоившие по тогдашним ценам для мужчин 8 руб., а для женщин по 4 руб. 50 коп.[3] Относительно награждения одеждой в здешних делах не встречено пока никаких данных. Только от стариков-якутов сравнительно еще недавно можно было слышать, что, когда они юношами приняли крещение, т. е. приблизительно еще в 30-х годах XIX века, им выдано было по полконцу дабы или по готовой дабовой рубахе. Но это, кажется, делалось более для того, чтобы крестящийся предстал к таинству крещения в чистом одеянии, — согласно с молитвой, читаемой при этом священником.[4] Что же касается собственно льготы от податей, то всего первее она состояла, конечно, в освобождении от ясака. Происходило это таким образом, что священник, окрестив инородца, давал ему билет на трехлетнюю льготу от ясака, — билет, который затем в числе прочих предъявлялся его князцем в воеводской или комиссарской канцелярии при внесении ясака, при чем он «недообъявлял», т. е. недовзносил, ясака на сумму льгот, следовавших по числу предъявленных им билетов. Это отмечалось тут же и в окладных книгах и в квитанциях: «а недообъявленные тобою (или им) по 20 билетам за вновь крестившихся родников, с каждого по 1 р. $6\frac{3}{4}$ к., а за всех 21 р. 25 к., в силу указов сложены, по окладам отмечены и в доимке не числятся», или просто — за исключением по 5, напр., билетам 5 р. $52\frac{1}{2}$ к., по указам сложенным и т. д.

Интересно при этом, что, хотя по точному смыслу указов, речь могла итти лишь о полном освобождении от ясака, здесь на самом деле происходила лишь льготная скидка с него, но не полное от него освобождение. Поражает разнообразие льгот, встречаемых в квитанциях и других документах, — разнообразие не только по обществам одного улуса, но и по годам в одном и том же обществе. Так, напр., находим в Игидейском наслеге в 1776 г. по 1 р. $12\frac{1}{3}$ к., а в 1820 г. по 1 р. 12 к. льготы за каждый билет; в том же Кангалас. насл. в 1809 г. по 1 р. $6\frac{3}{4}$ к., а в 1819 — по 1 р. 1 к., или в том же 1-м Баягантайском — в 1795 г. по 1 р. 25 к., а в 1811 — по 1 р. $24\frac{3}{4}$ к.[5]. Или, напр., того же 31 декабря 1781 г. в одном Югагирском роде вычтено за каждый билет по 1 р. $13\frac{1}{2}$ к., а в двух

[1] Это, конечно, не значит, чтобы нами упущено было из виду, что, по распределению самих якутских обществ, быть может, не полная даже половина ревизских душ числилась в разряде ясачно-плательщиков. Но, не говоря уже о том, что, при общем приросте населения, понемногу возростало и число действительных плательщиков ясака, такой прирост указывает еще на известное развитие благосостояния, при котором отнесение все той же суммы ясака становилось, конечно, все более легким.

[2] П. С. З. №№ 3636 и 3637; Словц. 1203.

[3] Там же, п. 63; Щеглов, стр. 150.

[4] «Подаждь ми ризу светлу» ..

[5] Из подлинных квитанций.

других по 1 р. $23\frac{1}{2}$ к. и т. п.[1] Трудно найти вполне удовлетворительное объяснение для этого крайнего разнообразия льгот если не допустить, что, с точки зрения администрации, это было именно полное освобождение от ясака в том его размере для одного «работника», какой определялся по каждой ревизии для каждого данного общества, по числу найденных в нем способных к труду ясачно-возрастных.[2] Для этого, между прочим, такое определение и происходило.

Раз зашла уже у нас об этом речь, — отметим кстати, что этими же данными руководствовались и при взысканиях сообществ за так называемые «прописные», т. е. пропущенные, не показанные по ревизии души. Так, напр., в 1788 г., по предписанию Якутского уездного казначейства Земский Суд взыскал с 1-го Баягантайского общества за пропущенные в последнюю ревизию (1782 г.) 4 души ясачных по 1 р. 17 к. в год за каждую[3]. Пример этот показывает, что уже по 4-ой ревизии были общества, в которых размер ясака исчислен был по 1 р. 17 к. за одного работника. Вместе с тем приведенные и им подобные примеры доказывают, что администрация действительно расчисляла ясак поровну на работников в то время, как якутские общества распределяли его по семьям окладами в $\frac{1}{2}$, $\frac{2}{3}$ и $\frac{1}{3}$ соболя и красную лисицу или $\frac{1}{2}$ лисицы, когда и эти оклады стали дробиться. Поэтому, крестившимся они лишь скидывали с оклада ту его часть, какая сложена со счета в канцелярии или казначействе, как ясак одного работника. С треть соболиного, напр., оклада в 2 р. $33\frac{1}{3}$ к. общество скидывало те 1 р. 25 к., или 1 р. $6\frac{3}{4}$ к., которые казначейство считало по данной ревизии ясаком одного работника данного общества, тоже и с лисичного в 2 руб. После этого по треть-соболиному окладу оставалось ясака 1 р. $8\frac{1}{4}$ к. или 1 р. 27 к., а по лисичному — 75 или $93\frac{3}{4}$ к. Когда же, около 20-х годов XIX столетия, многие лисичные оклады, в свою очередь, раздробились на полулисичные в 1 р., тогда и размер ясака, и льготы за крещение стояли уже здесь гораздо ниже 1 руб. Вот почему в якутских обществах действительно никогда не происходило полного освобождения от ясака, а лишь льготная в продолжение трех лех скидка с него[4]. Это, очевидно, послужило поводом к утверждению авторов рукописи XVIII в., извлечения из которой сделаны Д. Павлиновым, «будто богатые якуты уговаривали кого нибудь из своих родных, особенно престарелых, креститься и получали, таким образом, трехлетнюю льготу, оставаясь язычниками, пользуясь землями и другими правами; недочет же в ясаке по случаю таких льгот ложился на всех, не пользовавшихся льготами, которые кроме того несли повинности «надворную» (?),

---

[1] Из выше цитиров. сборника указов Верхоянского комиссарства его приходо-расходчику, лл. 7, 13 и 27.

[2] При чем до ревизии 1782 г. оно, вероятно, происходило по показаниям князца. Ибо, по заведенному обычаю, князец продолжал еще тогда объявлять о количестве убылых и не смогших, якобы, взнести ясака и от какого числа родников вносится им все та же неизменная сумма ясака. Разумеется, князцы не упускали случая донельзя уменьшать это число, отчасти, конечно, чтобы подчеркнуть, как не легко достается их обществам уплата ясака, а главное, — чтобы замаскировать подлинное количество ясачно-плательщиков. Вместе с тем, однако, чем меньше показывалось ими число последних и чем больший, таким образом выходил размер ясака на каждого из них, тем больше была льгота за крещеных. Все это, вместе взятое, побуждало якутские общества к неверным показаниям цифр ясачно-возрастных по сравнению с действительным числом ясачно-плательщиков.

[3] Ук. З. С. от 25 августа 1788 г.

[4] Что тщательно и отмечалось в приходо-расходных книгах; в записях, веденных для князцов их писарями, в списках, дававшихся старшинам и десятникам для сбора податей и т. п., откуда эти сведения и заимствованы нами.

подворную и проч.»[1]. Но, не говоря уже о том, что повинности «надворной» здесь и вообще не было, а вместо подворной необходимо, очевидно, читать «подводная» (болбот — по якутски), — престарелые, как мы видели, исключались из платежа ясака по закону, так что на них льготы и не могли получаться. Затем, каким образом мог получаться недочет по таким льготам и ложиться на других, раз льготы слагались со счета ясака, «в доимке» не числились и от общества не требовались?

Очевидно, указанные авторы что-то слышали о каких то недоразумениях или злоупотреблениях на счет льгот, но передают далеко не то, что действительно имело здесь место и что неминуемо вытекало из различного расчисления ясака канцеляриями с одной стороны и якутскими обществами — с другой. В наслеге, напр., с 117 руб. ясака казначейство по последней ревизии считает 100 «работников» по 1 р. 17 к. ясака на каждого; общество же, не обращая внимания на действительную наличность ясачно-возрастных в семьях-хозяйствах распределяет те же: 117 р. ясака всего на 51 хозяйство следующим образом: в 1-ом классе на 3 хозяйства по 5 р. — 15 р., во 2-м классе 18 хозяйств по 2 р. $33^1/_2$ к. — 42 р. (3 к. теряются в писарских дробях) и в 3-м классе 30 хозяйств по 2 р. — 60 р., итого с 51 хозяйства 117 р. Но «работников», т. е. действительно ясачно-возрастных, в этих хозяйствах, может быть, наберется до 50, а быть может и не наберется. Так что, в то время, как казначейство считает в наслеге 100 человек ясачно-плательщиков, их на самом деле человек 50, или и того меньше. Остальные же ясачно-возрастные лишь номинально приписаны к тому или другому окладу, но ни ясака не платят, ни землей не владеют, и хотя, по закону, могут получать льготы, как ясачно-возрастные, но не должны их получать и не получают по общественным распорядкам, так как в ясаке действительно не состоят. Положим, что из числа этих безземельных, но не ясачно-окладных (хотя и считающихся таковыми), несколько человек приняло крещение, и от священника на них выданы льготные билеты. Князец предъявил последние в казначействе, указал номера окладов, к которым принадлежат крестившиеся «работники», а казначей отметил льготы против означенных окладов и три года слагает со счета ясака этого наслега по 1 р. 17 к. за билет. Но в наслеге князец проделает совсем иное. Вполне он никого не освободит от ясака, так как там и оклада то в 1 р. 17 к. нет: там, напр., состоящий в 1-ом классе «лучший» родович уплачивает за себя 5 р. ясака, да еще за малолетнего сына или старика-отца общество «из уважения»[2] дает ему пользоваться второклассным земельным наделом (как будто бы те были подлинными «работниками»), с уплатой еще 2 р. Итого, он, значит, вносит в год 7 р. ясака (за что пользуется землею по двум классам — 1-му и 2-му), т. е. то, что должно итти с 6 работников, тогда как действительно в его семье всего лишь один ясачно-возрастный, другой же числится таковым зря. Разумеется, что к его окладу «для дополнения» причислено еще 4 якобы состоящих в его семье безземельных «работников». И вот, если из числа последних двое человек крестятся, тогда, конечно, их льготой воспользуются не они, а первоклассный хозяин оклада, к которому они приписаны. Иначе говоря, такой первоклассник мог, сам не крестясь, получать льготы по крещению в продолжение четырех трехлетий

[1] Павлинов. Имущ. право Якутов.

[2] Убăсыгȁ или убасыанjaђȁ — заимствованное из русского, но вполне вошедшее в якутский обиход выражение.

за приписанных к его окладу сородовичей. И совсем не нужно было для этого заставлять креститься престарелого родственника. Все дело было тут в том, что не владевшие землею «худые» родовичи и ясака не платили, и льготами не пользовались, а платившие за них ясак «лучшие люди», получали за них льготы, хотя бы сами и не крестились. Так что некоторое «недоразумение»[1] тут действительно было, но — иного рода, чем как это можно заключить из извлечений Д. М. Павлинова, и более характерное для прошлого здешних общественных порядков, где масса таких дел велась на вполне законном основании.

Впрочем, бывали тут и такие недоразумения, что князец, пользуясь только что описанной, так сказать, домашней стороной этих льгот, не прочь бывал и попользоваться на их счет. Тогда обиженный «лучший» человек писал жалобу, доходя до самого наместника. Так, в 1791 г. правящий должность Иркутского и Колыванского губернатора (наместник тоже), И. А. Пиль, пишет, что поступили к нему жалобы от некоторых новокрещеных Якутского округа на то, что наслежные их князцы, несмотря на льготные билеты, взыскивают с них подати к немалому их отягощению, «а сие видевши, протчие не с такою уже охотою стали принимать то священное таинство, какую прежде сего к оному показывали». В виду этого губернатор предписывает прямо исправнику Гарновскому[2], чтобы отнюдь до трех лет после крещения никакого взыскания податей не делалось[3]. Мало того, одно время льготы за крещение как будто повлекли было за собою освобождение пользовавшихся ими даже от некоторых натуральных повинностей. Так, в том же 1791 г. борогонские князцы Васильев, Портнягин и др., представляя ведомости крестившихся по их наслегам родников, просили об исключении последних из подводной повинности. В ответ на эту просьбу, земский суд предписал помощнику головы Борогонского улуса, князцу Бурцову и бывшему голове Аржакову, чтобы с князцами учинили расчет, сколько в каком наслеге пользующихся льготой по крещению, и таковых освободили бы в силу узаконений не только от ясака, но и от всяких поборов на содержание почтовых станков, выставку подводных лошадей и проч.[4]. Вот эти поборы на отправление натуральных повинностей действительно должны были бы перекладываться с получивших льготу на неимевших ее. Но это к отягощению сонаслежников не служило бы, так как при способе распределения этих повинностей якутскими родоначальниками по улусам и наслегам, всякий наслег участвовал в них, лишь насколько в нем при всякой данной раскладке оказывалось обязанных к отнесению повинностей ревизских душ. Вообще мера эта применения здесь не получила или же практиковалась крайне недолго, иначе это видно было бы из расчетов улусов и наслегов между собою.

---

[1] Письмоводство князцов сначала вообще не проверялось, а когда в 1792 г. уездный стряпчий Лутовинов полюбопытствовал заглянуть туда, то сейчас же заметил что-то неладное относительно сбора ясака, ибо, по докладу его Иркутскому губернскому прокурору, наместническое правление строжайше предписало, чтобы князцы завели у себя книги, где с точностью отмечали бы, с кого сколько собрано ясака, также и относительно других сборов, с общего ли родников согласия или по чьему-либо повелению сделаны они и на что именно употреблены (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 7, лл. 74—75). Впрочем, на случай спросов, всегда готов был и ответ, что такие-то крестившиеся родники отчаянно бедны, так что ясак за них уплачивают из милости к ним и усердию к казне их богатые родственники, которые поэтому за них и льготами пользуются.

[2] Помимо коменданта Угреина, и это не единственный случай; факт несколько характерный для тогдашних административных отношений.

[3] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 6, л. 79.

[4] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 7, лл. 13—14.

Таковы здесь были льготы по крещению. Оставляя в стороне все, что вносилось сюда внутренними распорядками самих якутских обществ, и принимая во внимание лишь то, как обставлены они были со стороны русских властей, необходимо признать, что льготы эти одно время заметно уменьшали и без того незначительный размер ясака. Так, в роде, взятом нами выше для примера, где при 63 р. ясака мы нашли по 4-й переписи 67 душ, в 1795 г. было 12 льгот по 1 р. 25 к. каждая, всего на 15 р., так что ясаку оставалось 48 р. или $71\frac{1}{2}$ к. на ревизскую душу[1]. Или взять хотя бы тот же Кангаласский наслег, где по 5-ой переписи числилось уже 127 ревизских душ при прежних 90 р. ясака: в 1809 г., напр., за льготами по 20 билетам, в 1 р. $6\frac{3}{4}$ к. за каждый, ясака оставалось 68 р., или около 54 к. с души[2]. Конечно, столько льгот набиралось не каждый год и не по каждому наслегу; все же бессомненно, что, по расчислению на ревизские души, размер ясака здесь все уменьшался, а льготы за крещение еще более умаляли его, так что к началу XVIII века он в общем не превышал уже 65—70 к., а ко времени переобложения упал местами до 50 к. с души.[3]

Трудно, конечно, с уверенностью сказать, но едва ли в указанное время общеизвестно было весьма важное различие между числящимся по спискам казначейств количеством так называемых «работников» и действительным числом ясачно-плательщиков. За то тем вернее, пожалуй, должно было обратить на себя внимание только что указанное очевидное умаление размера ясака по сравнению со значительно возросшим местами населением. Все же остальные, кроме ясака, повинности здешние считались до начала XIX века натуральными, т. е. отправляемыми очередями, а потому будто не отяготительными, и едва ли известно было, что почти все они обращены якутскими обществами в денежные, общая сумма которых далеко уже превышала ясак. Тем менее обращалось внимания на то, что, как указано будет несколько ниже, суммы, получавшиеся якутскими обществами в виде прогонов за доставку людей и клади на окраины области, распределялись совершенно независимо от расходов на эти отправления, с каждым годом все возраставших. Казалось, напротив, что извоз этот дает уже якутским обществам в их целом порядочные выгоды. Транзит между восточно-океанским побережьем и китайской границей, торговля вообще, снова начали быстро расти с того времени, как опять эта граница открылась для торговых сношений. Промысел еще кое-где был весьма изрядный, скотоводство развивалось, население множилось и благосостояние его, по всей видимости, возрастало. Естественно было в центрах местной администрации явиться мысли о недостаточной обложенности наиболее численных и богатых здешних племен. Так можно было заключать в Якутске по якутам, в Иркутске — по бурятам.[4] Поэтому, уже в 1792 г. Иркутская казенная палата находила, что, по умножившимся после Щербачевской переписи выгодам ясачных народов, необходимо им сделать

---

[1] Ясачно-окладных было в роде 33 человека: в собол. окладе — 9 по $\frac{1}{3}$ соболя; в лисичном — 18 человек по целой лисице и 6 по $\frac{1}{2}$ лис.; «работников» же числилось 50 человек.

[2] Ясачно-окладных 41 человек: 1 собол. оклад совсем еще не поделен; 2 человека по $\frac{1}{3}$ соболя и 38 лисичных, также не поделенных; «работников» — 84 человека.

[3] В год, например, 7-ой переписи (1816) во всем Баягантайском улусе, за вычетом льгот, ясака выходило всего по $51\frac{1}{2}$ к. с родившейся души, как это явствует из ведомости казенных платежей улуса за тот год.

[4] Дальние окраины, с их мало преуспевавшими алеутами, камчадалами, ламутами и проч., были далеки и мало известны, а обращали на себя внимание указанные, более близкие к центрам, племена.

новую перепись с надбавкою на них платимого в казну ясака. Мнение это через Иркутского губернатора (Пиля) представлено было прав. сенату, при чем мало-по-малу допущена была даже возможность перевода ясачных Иркутской губернии на крестьянское положение[1]. И, хотя указом 28 июня 1800 г. сенат дал знать Иркутской казенной палате, что, по собранным в первом сведениям, не найдено достаточных оснований для перевода ясачных Иркутской губ. в крестьянский оклад, — тем не менее, указание на возможность большего обложения не осталось, как сейчас увидим, без результатов. Тем временем, вопрос о новом переобложении снова выплыл, но по совершенно другому уже поводу. В 1799 г. в Камчатке, от свирепствовавшей там эпидемии — гнилой горячки, умерло много народу, а оставшиеся в живых не в состоянии были выплачивать ясак за умерших, что требовалось, однако, неизменностью раз наложенной суммы ясака, представляя, таким образом, обратную сторону этого положения по сравнению с тем, что мы видели выше среди якутов. На тамошних жителях стала, вследствие этого, накопляться ясачная недоимка, взыскать которую не представлялось возможности. Такой случай, однако, предусмотрен был, как мы видели, еще в инструкции для 1-й ясачной комиссии. На этом основании Иркутский губернатор (Репьев) счел возможным войти с ходатайством о сложении недоимки и переобложении камчатских жителей. По докладу об этом министром финансов императору Александру I, именным указом от 19 августа 1803 г. повелено было всех умерших в 1799 г. камчатских жителей из оклада исключить и составить им новую перепись, освободя их от платежа недоимок за умерших. Вместе с тем, по высочайшему повелению, министр финансов запросил сибирского генерал-губернатора Селифонтова, не нужно ли и вообще произвести ясачным новую перепись, а если нужно, то истребовать мнение местных начальств, на каком основании учинить ее. Запрошенное об этом Иркутское губернское правление ответило, что по последней (5-й) ревизии ясачных Иркутской губернии прибыло 38.804 д., несмотря на заметную убыль некоторых мелких племен. Для последних наложенный ясачной комиссией оклад стал чересчур обременителен, — тем более, что им приходится еще платить за многих умерших, вследствие чего с них невозможно взыскать накопившуюся на них недоимку. Напротив, с племен размножившихся казна может рассчитывать получить весьма значительную прибавку ясака. Поэтому Иркутское губернское правление за необходимое полагало учредить новую ясачную комиссию на тех же основаниях, как и Щербачевская, с таким же призывом князцов и старшин, «коих склонять ласкою на прибавление ясачного платежа» и т. д. — все на таких же точно основаниях, но с прибавкой, впрочем, одного нового признака для переобложения — земледелия, «уже распространяющегося среди инородцев, наипаче — Иркутского и Верхнеудинского уездов»[2]. Несмотря, однако, на все это, несмотря даже и на отзыв генерал-губернатора, что от новой раскладки ясака произойдет «важная для казны польза»[3], общее переобложение признано было преждевременным, и вопрос о новой комиссии

[1] Крестьянское же положение, по тогдашнему времени и здешнему месту, означало всего первее следующего рода подушные платежи: семигривенных по 70 к., четырегривенных 40 к., шестигривенных 60 к., оброчных 2 рубля и плакатных $3\frac{1}{2}$ к., — всего 3 руб. $73\frac{1}{2}$ с рев. д. (Цитированный выше сборник указ. верхоянск. ком., л. 41).

[2] Так что те признаки благосостояния, которые здесь приписаны скотоводству, промыслу и извозу, у бурят отнесены отчасти и на счет земледелия.

[3] Со своей стороны и Семивский, бывший три года Иркутским вице-губернатором, а одно время исполнявший и должность губернатора, и у которого нами заимствованы эти подробности («Нов. повеств.», примеч.

так и остался тогда в «нерешении». Да, по всему судя, и действительно не предстояло еще особой надобности в ее назначении, ибо переписи и без того производились довольно часто[1]. А в местах, где произошла значительная убыль населения, легко было прибегнуть к частичному переобложению, как это и поступлено было во время Биллингсовой экспедиции с Алеутскими островами, через год после того — с коряками и тунгусами Гижигинского ведомства, и в 1799 г. — с камчатскими жителями, как это впоследствии, почти накануне 2-й ясачной комиссии, поступлено при областном начальнике Мягком относительно майских, удских и учурских тунгусов[2]. Точно также и для увеличения обложения весьма скоро найдено средство простое и безхлопотное: это — введение подушных.

Подушные, и раньше кое-когда взимавшиеся в XVIII столетии с инородцев Сибири вместе с ясаком[3], но совершенно как будто оставленные при императрице Екатерине II, теперь, когда 5-я перепись обнаружила довольно устойчивый общий прирост здешнего населения, при указаниях со стороны местной администрации на возможность увеличения податей, снова обратили на себя внимание центральной власти. Поэтому, уже через год после этой переписи, указом 18 декабря 1797 г., для нужд армии введен «сбор на полковых и подъемных лошадей» в 26 коп. с ревизской души[4]. Так как незадолго перед тем (ук. 7 февр. 1797 г.) для тех же нужд армии подтвержден старинный указ о сборе ясака лосиными и оленьими кожами, а не деньгами, то и новые подушные велено взимать такими же кожами[5], отсюда, вероятно, и встречающееся кое-где название этого сбора — прибавочным к ясаку, несмотря на ту весьма существенную разницу между ними, что в то время как сумма ясака оставалась неизменной, а размер его (по расчислению на рев. души), разнообразясь по ревизиям, все таки довольно равномерно падал с ростом населения, — новой подати, наоборот, предстояло расти в сумме по мере роста населения и оставаться неизменной для каждой ревизской души. Она и вообще коренным образом отличалась от ясака тем, что наложена не на целые общества и не окладами, как последний, а порознь и поровну на каждую ревизскую душу. Именно поэтому новой подати, несмотря на всю незначительность ее первоначального размера, предстояло быть более тяжелой, чем ясак, ибо мы видели уже, в какой мере число ревизских душ превышало количество так наз. «работников». А помнить еще необходимо, что ревизской душой считалась тогда всякая душа мужского пола, с 8 лет начиная, тогда как, напротив, ясачный возраст, после переписи 1796 г., сокращен с 16—60 на 18—50 лет. Как бы там,

---

№ 42, стр. 126—136), также утверждает, что казна могла рассчитывать в то время на весьма значительную прибавку ясака с ясачных Иркутской губернии, без особого их отягощения.

[1] В 1767, 1782, 1796, 1811, 1816 гг. и т. д. — По положению, переписи должны были происходить через каждые 15 лет. Близость 7-й переписи после 6-й объясняется большим числом умерших и пропавших без вести во время войны с французами и предпринята именно с тем, чтобы скорее освободить общества от платежа за многочисленных убылых (высоч. маниф. 25. VI 1815 г.).

[2] Переобложенных чиновником особых поручений Уваровским. См. его «Воспоминания» в «Путешествии» Миддендорфа, т. III, ч. I, также дела 2-й ясачной комиссии.

[3] См. выше о канальных и прорубных, рассчитанных вместе с соболиным окладом.

[4] Св. зак., изд. 1857 г., т. IX, 914, примеч.

[5] Семивский, стр. 126. Еще в 1766 г. велено было взимать в ясак лосиные и оленьи кожи (Щеглов, 285), потом неоднократно такие указы повторялись. Между прочими указом алданск. воен. канцелярии от февраля 1788 г., предписывалось вносить в ясак оленьи и изюбровые кожи для казенной лосиной фабрики. О последней, основанной в 1763 г., интересные подробности см. у Андриевича, IV, 220—231. Необходимо, однако, добавить, что, несмотря на все такие указы, здешние якуты никогда этими кожами ясака не вносили, так как сами добывали их путем вымена от соседних инородцев и употребляли себе на одежды.

однако, ни было, но при войнах, потрясавших тогда все государства Европы, наше отечество в том числе, и требовавших большого напряжения их финансовых средств, новому источнику, раз найденному, невозможно было не подвергаться дальнейшему использованию, а подушной подати расти и в величине, и в названиях. Таким образом, в 1806 г. введен новый «сбор на содержание присутственных мест» в размере 18 к. с р. д.[1], что вместе с предыдущим (в 26 к.) составляло уже 44 к. с р. д. Затем, высочайшим манифестом 20 февраля 1810 г. повелено было временно на нужды войны взимать со здешних инородцев по 2 р. с души[2], включая сюда и прежние 44-х копеечные подушные. По миновании же надобности, в силу высоч. утвержденного мнения государственного совета, от 27 марта 1812 г., подать эта со второй половины того года отменена[3], после чего некоторое время оставались прежние 44-х копеечные подушные. Но, в силу именного указа 11 февраля того же 1812 г., коим повелевалось починку и содержание больших государственных дорог с обывателей сложить и отправлять наймом из капитала, который имел для этого быть составленным, и по выработке о сем «положения», указом прав. сената от 14 ноября 1816 г. введен «сбор на содержание больших государственных дорог» по 25 к. с р. д.[4]. Затем, как бы в виде дополнения к этому, указом 22 марта 1818 г. введен еще «сбор для образования капитала на устройство водяных сообщений» по 5 к. с души, сроком на 10 лет. Но, по истечении этого времени, имен. ук. прав. сенату от 18 января 1828 г., сбор этот продолжен впредь до особого повеления[5]. Таким образом, до второго переобложения ясака, мы, кроме последнего, находим уже 74 к. подушных с каждой р. д., хотя для точности не мешает отметить, что из них собственно подушными называлась лишь введенная до 1810 г. 44-х копеечная подать, остальные же 30 копеек обозначались обыкновенно названием сбора для составления капиталов на сухопутные и водяные сообщения и не смешивались с первыми, так как, по первоначальным намерениям, имели быть временными и взиматься лишь до накопления таких капиталов, проценты с которых были бы достаточны на покрытие указанных статей расхода.

Это уже было больше ясака, ибо, по принятому нами выше максимальному его размеру в 1 руб. 36 коп. с «работника», общая и неизменная его сумма для всех здешних якутов, за время между двумя ясачными комиссиями, едва ли была многим более 20.000 р. в год[6], — тогда как все роды подушных, дойдя к концу 20-х годов до 74 коп. с р. д. и

---

[1] Св. зак., изд. 1857 г., т. IX, 914, примеч.

[2] С бурят и некоторых тунгусов 3 р. с. д.; с помещиков за каждого дворового по 50 к. В то же время у здешних мещан подушные дошли до 5 р., а у крестьян до 7 р. 50 к. с р. д. (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 254, лл. 26 и 41—42).

[3] Там же, д. по оп. № 273. С этой отменой произошли удивительные недоразумения, о которых см. л. 49—50 этого дела, а также дела по оп. № 320 и 324, лл. 16 и 17.

[4] С купцов 5% с платимых ими сборов. Там же, д. по оп. № 387, лл. 1 и 2.

[5] Там же, дело по оп. № 465, л. 5 и за 1828 г. — дело № 45, л. 1.

[6] В виду того, что из числа найденных здесь по первой инородческой переписи 20.000 (около) рев. д., едва ли многим более 15.000, т. е. около 3/4 признаны были ясачно-способными (1 р. 36 к. × 15.000 = 20.400 р.). Действительно, не говоря уже о более старинном небольшом списке, приведенном у Словцова (II, 256—257), и где «годных» к ясаку оказывается лишь немногим более, чем неясачных, — мы и в переобложении, учиненном Сарычевым на Алеутских о-вах (Путешеств. II, 174 и дальн.), находим всего 756 ясачных из общего числа 1178 м. д., т. е. немногим менее 2/3. Поэтому, принятые нами 3/4 работников из общего числа рев. д. — по меньшей мере не должны считаться преувеличением.

при 40.000 круглым счетом р. д., числившихся здесь по 7-й переписи, давали уже свыше 27.000 руб. в год. Но ясаком и подушными отнюдь не ограничивались денежно-казенные повинности якутов: это были лишь сборы, шедшие в кабинет и государственное казначейство. Кроме них, в местные казначейства и для местных потребностей взимался далеко бо́льший по размерам сбор на так называемые «земские повинности». Начались последние в 1813 г. и уже в первое трехлетие их шло от здешних якутов по 1 р. 70 к. с р. д., а далее они нарастали следующим образом[1]:

ТРЕХЛЕТИЯ

1813—1816	с рев. д.	1 р. 70 к.
1816—1819	» » »	1 » 75 »
1819—1822	» » »	2 » 03 »
1822—1825	» » »	2 » 96 »
1825—1828	» » »	3 » 52½ »
1830—1833[2]	» » »	3 » 52½ »
1833—1836	» » »	3 » 93 »

Вместе с 1 р. 25—30 к. ясака и подушных, мы находим, таким образом, до второй ясачной комиссии около 4 руб. 80 коп. денежно-казенных повинностей с каждой здешней рев. д. Но и этим, в свою очередь, не ограничивались денежные повинности якутов, ибо, кроме них, были еще казенные натуральные повинности, сыздавна переложенные якутскими обществами на деньги; были еще — и весьма не малые — общественные расходы, при чем общая сумма тех и других одно время далеко переросла все денежно-казенные повинности якутов. Так как не только земские повинности, но и многие общественные расходы явились результатом естественного роста натуральных повинностей, то нам в дальнейшем изложении необходимо, очевидно, начать с этих последних.

Факт покорения русскими, каков бы он ни был в первоначальных своих целях и намерениях, означал собою включение в состав обширного государства, вскоре потом начавшего устраиваться по образцу культурнейших стран мира, — государства с широкими задачами и стремлениями, с великим будущим. Поэтому на одном приношении ясака дело никоим образом не могло остановиться, и одним ясаком никогда действительно не ограничивались повинности здешних инородцев. Началось с помощи проводниками, предметами довольствия и средствами передвижения (лошади, олени, собаки) для дальнейших завоеваний. При этом весьма нередко покорившиеся инородцы принимали и активное участие (дачей вооруженных людей) в покорении дальнейших соседей и усмирении восставших, что видно,

[1] Цифры заимствованы из подлинных требований здешнего земского суда и приходо-расходных ведомостей якутских обществ, а не из раскладок комитетов о земских повинностях. Поступить так пришлось потому, что из цифр, положенных комитетами, каждый год вычитывалась сумма, следовавшая улусу за предыдущий год в виде прогонов за проезд чиновников на обывательских и почтовых лошадях. От этого же зависели и известные небольшие колебания (от 1 р. 70 к. до 1 р. 75 к., напр.) в размерах земских повинностей даже по годам одного трехлетия и по улусам одного и того же разряда.

[2] За несвоевременным представлением смет и неутверждением представленных в августе 1829 г., тут произошел перерыв в ряде трехлетий. В 1830 г. утверждена целиком существовавшая перед тем смета, а с 1836 г. вошло в силу новое обложение, введенное здесь 2-й ясачной комиссией, о чем речь будет далее в тексте.

между прочим, из «отписки» якутского воеводы Трауэрнихта в сибирский приказ от 1710 г.[1], а относительно якутов — из собственных их преданий[2].

Объясняется последнего рода помощь отнюдь не всегда принуждением, а нередко и боязнью мести со стороны соседей за подчинение русским, желанием при удобном случае расправиться со своими врагами, а в некоторых случаях — даже надеждой попользоваться на счет военной добычи от чужих и своих[3]. Помощь же первого рода довольно рано обратилась в постоянную подводную повинность, судя потому, что уже в 1684 г. удские тунгусы просят заставить тунгусов по Мае помогать им в этой повинности во время русских походов против непокоренных инородцев[4]. Сначала повинность эта была, конечно, неправильна и не особенно велика, но необходимо помнить, что уже при первых воеводах Якутск сделался исходным пунктом для одновременных походов в разные стороны, и что, несмотря на всю легкость первых завоеваний, окончательное замирение этого края потребовало немалого времени и больших усилий. И если немного сил понадобилось, вероятно, для отражения тунгусов, обложивших Охотское зимовье в 1677 г., или для усмирения более поздних смут на Камчатском полуострове, то еще во всю первую половину XVIII века одни походы против чукчей и коряков требовали частой посылки немалых по здешнему месту команд, отвозка которых ложилась заметным бременем на якутов.

Как ни упорны и продолжительны были смуты на крайнем северо-востоке, но на общем ходе здешних дел они, однако, уже не могли отразиться, и к началу XVIII века весь здешний край с побережьем Великого океана мог уже считаться окончательно завоеванным. На ряду с этим на сцену выступили задачи более культурного свойства, потребовавшие и более культурных способов и средств для своего выполнения, а вместе с тем и еще большего напряжения сил и средств местного населения.

Бурен, суров и негостеприимен Великий океан в той его части, где он омывает тогдашние наши азиатские владения, но все же это был свой открытый океан, открывавший новые виды для дальнейших приобретений на его островах и в Америке, для прямых сообщений с этой последней и с Японией, с Китаем и столь заманчивой тогда Индией[5]. Сверх того, берега и острова его северной части отличались тогда неимоверным богатством ценного пушного зверя. И невозможно было далее медлить с их занятием: ибо три раза до Петербурга уже доходили известия (1697 г., 1710 и 1729), что японцы начинают занимать эти острова один за другим[6].

---

[1] В. Л. Приклонский, Библиогр. № 505.

[2] См., напр., Худяков, 61; также И. Шкловский, Очерки крайнего северо-востока, стр. 28.

[3] От жестоких избиений самоедами покорившихся русским остяков до нападений чукчей на олюторских коряков (если только не нагло лгали эти последние, как это доказывает Майдель), можно указать весьма немало таких случаев в истории покорения Сибири. Специально относительно якутов Фишер указывает «как худо поступали кангаласцы с якутами, пребывавшими в ненарушимой верности к россиянам» и как из «ненависти к якутам, именовавшимся зиланами, и желания получить с них хорошую добычу, другие якуты указали путь к ним и обещались чинить всевозможное вспоможение в покорении сего поколения» (История, 368 и 377—78). По указанному местожительству на р. Амге и другим признакам, в зиланах нетрудно угадать нынешних сыланских или вообще часть батурусских якутов.

[4] В. Л. Приклонский, там же, № 468.

[5] Еще в половине XVIII века почти всеобщее было убеждение, что мимо Сибири — Северным Ледовитым и Великим океанами — легко может быть найден морской путь в Индию. См. Миддендорф, Путешеств., Изд. 1860 г., ч. I, стр. 49—50.

[6] О. Пешель. Народоведение. 3-е нем. изд., 211.

Но чтобы занять их недостаточно уже было казаков и переносных казачьих кочей: пришлось приступить к правильному кораблестроению и географическому изучению этих вод, подумать об устройстве портов, верфей и т. п. Кроме того, чтобы закрепить за собою это побережье и владеть им, необходимо было защитить его против возможных поползновений со стороны мореходных наций того времени. А для этого необходимо было хоть несколько укрепить его и перевести туда войска. Необходимо было, сверх бродячих тунгусов, ламутов, коряков и проч., приселить туда хоть немного оседлого русского элемента. Казалось, сверх того, возможным и весьма желательным, хоть несколько культивировать этих положительно еще первобытных олюторов, ительменов, алеутов, курильцев и т. п., обратя их в христианство и заведши среди них кое-какие школы[1]. Для всего этого нужны были люди: казаки и чиновники, учителя и священники, солдаты и матросы, навигаторы и кораблестроители, мастера, крестьяне и т. д. Нужны были орудия и оружие, снаряды и инструменты, пушки, якоря, снасти и всякие другие воинские и корабельные припасы, а главное — нужно было продовольствовать весь этот народ. Доставить же туда все это, т. е. людей и все для них и к ним нужное, приходилось через Якутск и с помощью якутов, обойти которых не было тогда никакой возможности.

Но присмотримся поближе к тому, как быстро таким образом нарастали потребности государства на этом побережье, вместе с чем неминуемо должна была возрастать и помощь, которая требовалась со стороны здешних инородцев.

В 1713 г. в Охотское зимовье отправлена из Якутска партия казаков с воинским, судовым и другими запасами, до дабы для флага включительно; вслед за ними отправлена партия матросов. В 1716 г. Охотск из зимовья обращен в острог. В 1719 г. туда отправлены навигаторы, драгуны и два геодезиста, Евреинов и Лужин, посланные Петром I для розыскания, «сошлася ли Америка с Азией». Для этого же с собственноручной инструкцией Петра I от 24 декабря 1724 г. туда отправлен капитан Беринг с целой партией помощников, матросов, солдат и проч. Два года продолжалась эта первая экспедиция Беринга, и когда в 1727 г. он возвращался в Якутск, то по дороге встретил Шестакова, отправлявшегося в поход против чукчей (поход, которому суждено было так печально окончиться). Вскоре после того указом 10 мая 1731 г. определено основать в Охотске город, порт и верфь. Для заселения его приказано «тех людей, кои следуют в каторгу за неоплатные долги и по сомнениям на долгое время, нестарых и неувечных, отправлять в Охотск на поселение...»[2] В первый же год таковых отправлено туда 135 человек.

Чтобы поставить новый город вне зависимости от подвоза хлеба из Якутска, решено завести там хлебопашество, для чего перевести 50 семейств крестьян из Илимского уезда и других мест, с коими отправить лошадей и семена. Мастеров для постройки верфи и судов велено набрать из ссыльных и отправить туда же[3].

---

[1] Такие школы действительно заведены в половине XVIII века камчатским духовенством в количестве 12 церковно-приходских школ, в которых учащихся было 239 человек. Для поощрения, ученики сенатским указом освобождались от платежа податей, да кроме того велено снабжать их одеждой, обувью и пищей. Еще ранее стали усиленно хлопотать об обращении тамошних жителей в христианство.

[2] Андриевич, II, 173.

[3] Инструкция Скорнякову-Писареву от 30 июня 1731 г., там же.

Исполнение всего этого возложено на проживавшего в ссылке в Жиганске бывшего директора морской академии и обер-прокурора сената—Скорнякова-Писарева. В помощники ему придан ссыльный же, поручик Казанцев. За разными передрягами в Якутске[1], Писарев отправился в Охотск лишь в 1735 г. и по прибытии немедленно приступил к перенесению острога, устройству небольшой верфи и порта и постройке судов для второй экспедиции Беринга.

Целью этой новой, грандиозной для того времени по своим средствам и намерениям экспедиции, было исследование всего побережья Ледовитого океана, от Печоры до Чукотского носа, всего побережья Великого океана около Чукотского полуострова, Камчатки и нынешней Аляски и всех островов, лежащих между нашим побережьем и Америкой с одной стороны и Японией — с другой, как и берегов той и другой. Сообразно с этими грандиозными целями, были и средства, требовавшиеся для их выполнения. Предприятия на Печоре, Оби и Енисее нас здесь не касаются. Но, и за исключением усть-ленской экспедиции Прончищева, Ласиниуса и бр. Лаптевых, — по одной лишь дороге в Охотск всех съехавшихся в Якутске лиц было около 200. Сколько лошадей и проводников понадобилось по здешнему месту для членов экспедиции, можно представить себе хотя бы по следующему факту, приведенному Словцовым[2]. «В марте 1735 г. Гмелин с Миллером, отправляясь за Байкал налегке... не довольствовались 37 лошадьми, назначенными провинциальной канцелярией, ни прибавленным числом..., а с Голоустной станции поехали на 150 лошадях». Между тем, кроме людей, надлежало еще отправить в Охотск немало воинского и корабельного снаряда и огромнейшие партии провианта и крупы. Выписка, приведенная на этот счет у г. Андриевича, поражает огромностью своих цифр. «По донесению Иркутской провинциальной канцелярии», говорит он, «на Камчатскую экспедицию велено повсегодно отпускать муки ржаной по 50.000 пудов, круп до 3000, також пеньки и прочих припасов не малое число»[3]. Это давало бы на одни съестные припасы свыше 10.000 лошадей в год, так что едва ли можно придать полную веру приведенным цифрам. Вообще, трудно теперь с точностью сказать, во что обошлась якутам эта «разорительная знаменитость», как называет эту экспедицию Словцов[4], но приблизительное представление об этом можно получить по следующему. Для экспедиции Биллингса (1785—1793 г.), меньшей по своим размерам, состоявшей только из 141 человека[5], и с гораздо более скромными задачами, мало оказалось первоначально приготовленных 3300 лошадей, так что указом 30 мая 1788 г. улусным головам предписано было прибавить еще по одной заводной и одной проводничьей на каждые 8 лошадей, что в общей сумме составит до 4200 лошадей и, по меньшей мере, 500 человек якутов при них[6]. Поэтому никоим образом не будет пре-

---

[1] Подробности см. в цит. выше статье Москвина, стр. 180—183. Также Словц., I, 252.

[2] I, 256.

[3] II, 272.

[4] Там же. Даже Миддендорф, несмотря на все свое увлечение этой экспедицией, не может не указать на «неслыханные усилия», каких она стоила местным жителям и «на необычайное множество косвенных налогов легших, благодаря ей, на местных жителей» (Путеш. Русск. изд. 1860 г., ч. I, стр. 54).

[5] Сарычев, 11—13.

[6] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 4, л. 74—76. В прошлом столетии на каждые 8 навьюченных лошадей полагался особый проводник, со съестным и дорожным припасом на его лошади, и одна свободная от груза (заводная), на

увеличением, если на вторую экспедицию Беринга положим свыше 6000 лошадей и около 650—700 проводников в год. Будем, однако, придерживаться хронологического порядка.

Итак, вскоре после второй экспедиции Беринга, в Камчатку отправлена миссия из священников и церковно-служителей, с архимандритом во главе[1]. Далее, последовал известный второй поход Павлуцкого против чукчей (1742—1747), где герой этот нашел себе безвременную кончину, после чего к команде Анадырска, состоявшей до того из 500 человек, прибавлены еще казаки и рота солдат. Затем в 1758 г. около Охотска, у устья реки Урака, основан солеваренный завод, для которого опять наслано много служащих и ссыльных.

Около этого же времени начинается быстрое развитие на островах Великого океана пушного промысла, особенно усиливавшегося после отмены указа правительствующего сената от 17 февраля 1748 г., по которому с промысла этого взималась в пользу казны третья часть упромышленного. Когда начатые в 1754 г. попытки его производства средствами и за счет казны оказались неудачными, в 1768 г. правительство решилось, наконец, довольствоваться обычным десятым зверем[2], после чего необычайно быстро развились промышленные предприятия частных лиц и компаний[3], и из года в год стали возрастать вывозившиеся оттуда партии ценной пушнины, а, вместе с тем, и доход казны, в виде десятины и других пошлин. Все это заставляло развивать мореплавание в тамошних водах[4], увеличивать средства управления и защиты этого побережья, учащать с ним сношения. Все это увеличивало число людей, посылавшихся туда с разными поручениями и для временных занятий, а главное — число людей, которых приходилось постоянно содержать там, отчего в свою очередь из года в год возрастало количество разного рода припасов и предметов снабжения, потребных для отправки туда помощью здешних инородцев.

Гораздо медленнее усиливались средства управления на других окраинах области, но и тут понемногу кое-какие ясачные зимовья преобразовывались в остроги, где приходилось содержать воинские команды; остроги переименовывались в города, где, кроме команды, требовался уже и известный штат чиновников. И тут, значит, понемногу возрастала неотложная надобность в ежегодной посылке муки, крупы, соли и других необходимых для русского человека предметов, возрастала и необходимость в более частых сообщениях. Как ни незначительны были эти остроги и содержавшиеся в них воинские команды, как ни

случай пристали или падежа лошадей в партии. При громоздкой клади (пушки, якоря, такелаж) число проводников и заводных лошадей бывало еще больше. Зато с мукою и крупою шло меньше проводников, а стало быть, и меньшее количество проводничьих лошадей.

[1] Миссия уже застала там 5067 крещеных об. п., да сама обратила в православие свыше 3000 человек. (Словцов, 2, 16).

[2] Миддендорф, цит. соч. I, 99—102.

[3] Первая большая К° утверждена именным ук. 1764 г. Далее, выдавались предприятия: Басова и Трапезникова, в один год вывезших 1600 морских бобров, 2000 голубых песцов и столько же котиков; Бечевина, якутских купцов Захаровых, «посредством курильской промышленности вошедших в большой капитал»; Толстых; т-ва Орехова, Лапина и Шилова, в три года упромысливших на 300.000 р., а по позднейшему счету Американской К° — на 1.603.588; Лебедева-Ласточкина и Шелехова, из коих второй ранее в два года вывез с Прибыловских о-вов 2000 бобров, 40.000 котиков, 6000 голубых песцов, 1000 пудов моржовых клыков и 500 пудов китового уса; Голикова и Киселева; Мыльникова и др., считая лишь более крупных. Из союза Шелехова Мыльникова и др. возникла известная Российско-Американская К°.

[4] Для чего, между прочим, в 1782 г. в Охотске учреждена навигацкая школа.

мизерны были образовавшиеся таким образом городки — Жиганск, Зашиверск, Колымск, Удской, Оленск и т. п., но, в общем, число их было не мало, да и не особенно уж малы были содержавшиеся в них одно время гарнизоны[1]. Конечно, при крайней редкости здешнего населения и тогдашнем полном отсутствии сколько-нибудь благоустроенных путей в здешнем крае, доставка во все стороны людей и всего для них необходимого должна была стоить немалых трудов и усилий. Но, разумеется, что при указанном, все возраставшем значении восточно-океанского побережья, потребности Охотска, служившего не только средоточием многих, нужных для всего побережья, учреждений, но и главным питательным его пунктом, должны были поглощать, оттеснять своей массой и неустанной необходимостью все нужды остальных окраин. Не мудрено, что больше столетия внимание правительства в весьма сильной степени обращено было на удовлетворение нужд побережья, на учащение с ним сношений и улучшение ведущих к нему путей; не мудрено, что и самую крупную статью натуральных повинностей здешних за все это время составляли: а) доставка на это побережье людей и всего необходимого для их существования и службы и б) устройство, постоянная поправка и содержание ведущих к нему путей. Можно даже сказать, что сплав по Лене и приленский тракт были одно время весьма важны именно как единственный путь к Охотску. Рассмотрим же вкратце, как и во что развивались только что указанные повинности, как исполнялись якутами, во что обходились им и правительству и т. п., при чем, конечно, остальным, кроме восточной, окраинам отведем лишь то незначительное место, какое они действительно занимали.

Уже через год по переименовании Охотска в острог, велено было туда отправить 11.670 п. хлеба, круп и разных железных изделий[2]. Приблизительно такою же имела быть и обычная ежегодная пропорция клади для него, ибо, по донесению участника второй Беринговой экспедиции, капитана Чирикова, туда требовалось ежегодно по расчету на 500 человек около 1.500 четвертей одного хлеба, что по уставному весу того времени — ржи 7 п. 10 ф. и крупы 8 п. в четверти[3], составит около 11.000 п., или по расчету 5 п. на лошадь, как клалось тогда, — вместе с заводными и проводничьими, — свыше $2^1/_2$ т. лошадей в год[4]. Не поставляли тогда, вероятно, якуты всего этого количества лошадей по той простой причине, что неоткуда еще было доставлять в Якутск такое количество муки и крупы. Этот недостаток первейшего предмета продовольствия был весьма долго больным местом и одним из труднейших вопросов здешнего управления. Дело доходило до того, что, по словам Серафимовича, «служащие сплошь и рядом, не получая хлебного жалования, очень часто сидели без хлеба и питались падалью и кореньями»[5]. А хлеба

---

[1] По счету Лосева, команда одного Анадырска доходила после 1748 г. до 1430 человек. Словцов, впрочем, сомневается в подлинности этой цифры (II, 304).

[2] Москвин, 179.

[3] Ук. Як. воев. канц. от 18 августа 1736 г. (из частных бумаг).

[4] Под самую кладь 2200 лош., да считая на каждых 8 лош. по одной заводной и одной проводничьей, — всего 550 лош., под отвозчиками (смотрителями) — 15, итого 2765 лош. и свыше 270 проводников.

[5] Щеглов, 239. Анадырск, напр., в самый разгар войны с чукчами очутился без провианта, как это видно из указа прав. сен. от 7 декабря 1760 г. (Словцов II, 304). Точно так же, в только что цит. ук. як. воев. канц. пересказывается, от имени нескольких казаков, какие они в бытность свою на Яне реке «несносные тягости претерпевали», за 1733—1735 гг., «как денежного, так и хлебного жалованья не получали» и т. д. В резолюции «за неимением в магазине ржи и овса и умалением ржаной муки», предписывается выдать им деньгами по средственной (средней) цене 20 к. за пуд.

в Сибири и вообще еще мало было в обработке, да и доставлять его в такую даль было крайне трудно. Если казаки и чиновники, здесь уже родившиеся и успевшие обжиться, кое-как приспособлялись к недостатку в хлебе, то трудно и даже невозможно было того же требовать от присылавшихся сюда из России и запада Сибири воинских команд и ссыльных, заводских мастеров, навигаторов, ученых путешественников, церковно-служителей и др. Естественно, вопрос о продовольствии этого народа сильно озабочивал центральные и высшие местные власти. Так, еще одним из пунктов (19) инструкции для второй экспедиции Беринга предписывалось ему, чтобы, за трудностью доставки хлеба в Охотск, попытаться устроить там продовольствие применительно к тому способу, какой практикуется у карящкого народа[1]. Та же забота о снабжении продовольствием временного и постоянного русского населения этого края внушила Сибирскому губернатору, генералу Киндерману, его оригинальное предложение, чтобы «во избежание казне ее императорского величества ущерба продовольствовать войска северо-восточной Сибири толченою березовою корою»[2]. Очевидно, однако, что проект генерала не был достаточно оценен где следовало, ибо в 1755 г., тот же Киндерман усиленно хлопочет о заведении казенных пашен на линиях крепостей, а в 1756 г. сенат предписывает Сибирскому губернатору Мятлеву всеми силами поддерживать хлебопашество, о чем действительно усиленно стараются и он и следующие за ним Соймонов и Чичерин[3]. Благодаря этим усилиям, а главное — тому, что в нынешней Иркутской губернии хлебопашество быстро развивалось, к началу 60-х годов XVIII века не могло уже быть недостатка в снабжении хлебом здешнего русского населения, и остановка могла происходить лишь по трудности доставки от Якутска к окраинам. Скоро после того война с чукчами кончилась и из Анадырска команды выведены; за то, как мы видели, требования хлеба для Охотска начинают весьма быстро возрастать и отправки туда скоро достигают почтенных размеров — 4 и 5 тысяч лошадей в год. Ясно стало, что невозможно долее заставлять якутов отправлять эту повинность даром, в виду чего еще в 1763 г. за возку провианта в Охотск положена прогонная плата[4]. Но прогоны вначале были весьма невелики — всего по 63 к. с пуда, или 3 р. 15 к. за лошадь, при чем и эта небольшая плата доходила до якутов весьма неисправно. Раздавались еще жалобы на неравномерность распределения этой повинности. Ниже указаны будут источники действительно возможной неравномерности в распределении всех вообще повинностей, а то и вымышленной, с целью свалить тягость со своих плеч на чужие. Здесь же для нас важно лишь, что, в пределах известной ежегодной потребности, наряды лошадей за положенную «плакатную» плату были заранее распределены с соблюдением известной равномерности. Это были, так называемые, «плакатные» или ассигнованные лошади[5]. Сначала таковыми было здесь лишь определенное ежегодное количество лошадей для одного Охотска. В случаях же непредвиденной и экстренной надобности, а также для других мест, кроме

---

[1] Андриевич, II, 162.
[2] Щеглов, 230; Андриевич, III, 92.
[3] Словцов, II, 34.
[4] Щеглов, 276.
[5] За такую же плакатную плату во многих других местах Сибири крестьяне строили, нагружали и отводили дощаники с мукою и крупою, шили для этого мешки; не приписные работали на заводах и т. п. (В. И. Семевский).

Охотска, отправления делались бесплатно на лошадях, собранных с обществ без предварительного и заранее известного распределения. В отличие от плакатных, такие лошади назывались «сборными». Понятно, как ни мала была первоначальная плата, все же плакатными лошадьми тяготились в гораздо меньшей мере, чем сборными, хотя бы уж в виду определенности числа и равномерного распределения первых. Но пока повинности вообще были здесь плохо урегулированы, трудно было уследить за равномерностью распределения того и другого рода лошадей, как и за выдачей положенной платы. Это служило поводом для жалоб, не говоря уже о том, что якуты и вообще были недовольны размерами вознаграждения. В виду таких жалоб и даже отказов выставить требуемое количество лошадей, вскоре после Первой Ясачной Комиссии постановлено было всю плакатную кладь сдать подрядчику с торгов. Подрядчики, однако, нашлись не сразу, поэтому в 1773 г. кладь, в размере 20.000 п. для Охотска и 2000 для верховьев Колымы, отправлена на «сборных» якутских лошадях за обыкновенную прогонную плату, 63 к. с небольшим за пуд, при чем якутам обещано было, что за эту отправку им додано будет до размера платы, по какой Иркутская губернская канцелярия сойдется с подрядчиками, когда таковые найдутся. В следующем же 1774 г. кладь сдана на четыре года купцам Сибирякову и Киселеву по 1 р. 54 к. с пуда, включая сюда и цену муки. Последнюю купцы оценили по 29 к. за пуд с доставкой в Якутск, так что за отправку в Охотск и Колымск они выговорили себе по 1 р. 25 к. с пуда. На этих основаниях якутам следовало додать по 92 к. с небольшим за каждый пуд вывезенной ими в 1773 г. клади, а за всю — 13.643 р. 90 к.[1]. Почему то, впрочем, сумма эта тогда не додана им, и все, чего они добились, сводилось к тому, что колымская кладь стала платною, наравне с Охотской. Контракт с купцами, как оказалось, связан был с еще бо́льшими затруднениями для казны, чем ежегодные сделки с якутами; поэтому с начала 80-х годов кладь опять вывозилась на наряженных от якутских обществ лошадях. Опять начались громкие жалобы и даже отказы от поставок, при чем выяснилось, что главную тяжесть и даже невозможность согласиться на предложенные казною цены якуты сами видят в чрезвычайной затруднительности пути к Охотску. Иначе говоря, центральный пункт всех затруднений оказывался как будто в полной неустроенности путей и в первобытных средствах перевозки. Действительно, несмотря на все усилия правительства, удавшимися могли считаться лишь ямщицкие поселки по Лене. По Охотскому же тракту привилось лишь Амгинское селение да несколько поселков под самим Охотском. Вся остальная местность от Алдана и почти до Охотска оставалась пустынной и совершенно лишенной постоянного населения. Делались попытки расселить там якутов[2]; но и они основались лишь по 2—3 речкам, впадавшим в море около Охотска же. Помощь в перевозке, оказывавшаяся ими, состояла в том, что, в случае крайнего изнурения лошадей, здешние якуты довозили кладь лишь до верховьев Юдомы, откуда она потом зимою доставлялась далее на оленях и собаках приохотских жителей. Но когда количество клади стало доходить до 4 и 5 тысяч лошадей в год, перевозочных средств этих жителей оказы-

---

[1] Ибо за отправку 1773 г. им положено 13.860 р., а следовало — 27.503 р. 90 к. Подробности заимствованы из позднейшего дела (арх. Б. И. У., д. по оп. № 1, л. 96—98).

[2] Ссылавшихся русскими властями и по приговорам якутских родоначальников, а то и просто — бедняков, бравшихся от общества для расселения по тракту.

валось чересчур мало. Все чаще здешним якутам приходилось доставлять кладь до самого Охотска, все чаще, от изнурения и гибели лошадей, часть клади покидалась ими по дороге, невесть где, портилась, а то и совсем пропадала; чрезвычайно быстро возрастали недовозы клади и вычеты за нее с якутов с одной стороны, уроны казны — с другой. Необходимо было во что бы то ни стало открыть более удобный путь, улучшить средства перевозки, вообще как-нибудь урегулировать и усовершенствовать дело. На это обращено было усиленное внимание первого же Иркутского наместника В. А. Якоби. Чересчур мало, однако, при этом справлялись с предыдущим опытом и ранее сделанными попытками. Снова предписано было расселить по дороге к Охотску на каждых 20—25 верстах по 5 и 10 семейств из ссылаемых за провинности из разных губерний Европейской России[1], а пока это сделается, решено самую громоздкую кладь довозить на быках до устья Маи, откуда по Мае и Юдоме тянуть ее бечевою на легких плоскодонных лодках до верховьев последней[2]. Для этого якуты должны были расчистить путь от Якутска до впадения Маи в Алдан (400 верст), прорубить просеки, построить гати и мосты и т. д., да, кроме того, давать для тяги лодок по 10 человек на каждую. Менее громоздкую кладь велено доставлять более прямым к Охотску путем, для чего устроить на нем станки и через каждые несколько станков — по одному магазину, для хранения клади в случае пристали или падежа лошадей; на реках, пересекающих путь, как-то: Амге, Алдане, Аллах-Юне и др. — устроить перевозы. Опять заведено, установленное впервые для надобности второй Беринговой экспедиции, обязательное раз в два месяца почтовое сообщение с Охотском. За то велено не взыскивать за недовозы по охотской цене, как делалось до того[3], а заставлять довозить в следующем году; если же летних отправлений окажется мало, то устроить отвозку и зимою. Кроме того, для уравнения предписано кое-какое перераспределение повинностей, а именно: 22.000 п. клади для Охотска и Колымска сделаны плакатными для одних лишь здешних якутов; оленские и зашиверские или, иначе говоря, нынешние вилюйские и верхоянские якуты обязаны были вывозить кладь, шедшую в их комиссарства; вилюйские же и олекминские якуты обязаны были помогать приленским крестьянам в содержании гоньбы по иркутскому тракту; содержание охотского и колымского трактов возложено на здешних якутов и т. д.

Все это, быть может, было бы весьма недурно, если бы действительно исполнено было. На самом же деле путь к Усть-Мае якуты устроили по своему, т. е. почти вовсе ничего не сделали: для тяги бечевою они оказались малогодны, да и берега Маи недостаточно для этого удобны; из магазинов устроен лишь один, на Алдане. Русскими поселками дорога к Охотску не населилась, а якуты под предлогом, что скот гибнет на станках, совсем не устроили последних, а предпочитали зимою возить кладь по несколько населенному Оймекону и на р. Чюль[4], чем сильно удлиняли путь, да и Становой хребет должны были пересекать в таком месте, где снег нередко выпадает до 7 четвертей, так что в зимних отвозках

---

[1] Ук. 2 марта 1783 г. Андриевич, IV, 17 и 41.

[2] Что, в свою очередь, предлагалось еще упомянутым выше капитаном Чириковым в 1733 г.

[3] По 17 р. за кладь одной лошади, если верить записке Борогонского головы Аржакова, поданной императрице Екатерине II.

[4] Также впадающую в море, невдалеке от Охотска.

у них погибала большая часть лошадей. Так, по крайней мере, утверждали они, когда дело доходило до контрактов, и на этом основании с каждым годом предъявляли все новые требования, в роде того, чтобы тунгусы устроили оленные станки на Чюле, чтобы якуты других ведомств принимали одинаковое с ними участие в отвозке казенной клади и т. п., а главное с каждым годом увеличивали подрядные цены.

В 1784 г. они выговорили, чтобы в остальные места, кроме Охотска, кладь также сдавалась с торгов, либо вывозилась якутами других ведомств. В результате, вилюйские якуты, которым крайне неудобно было посылать сюда лошадей, вынуждены были за изрядную плату нанимать здешних якутов[1]. В 1785 г. они добились, наконец, того, что по предписанию Иркутского губернатора Нагеля, им доданы были упомянутые выше 13.643 р. 90 к. за кладь 1773 г.,—именно с тем, «чтобы, получа сие, они на будущее время охотнее склонялись к подобным поставкам»[2]. Но когда в том же 1785 г., по указу прав. сената, решено было увеличить хлебное довольствие служащих в Охотске и Камчатке[3], и по указу иркутской казенной палаты комендант Маркловский предложил якутам, чтобы они взялись доставлять в Охотск двойную пропорцию провианта, то головы в «объяснении» своем от августа месяца ответили, что «по бессеннице и голодовке» родовичи их насилу справятся и с тою кладью, которую взялись вывезти по договору[4]. Лишь в следующем году, «по многим убеждениям и личным увещаниям», и т. д. коменданта Дрозмана и в доказательство «короне и отечеству крайнего усердия», головы согласились на доставку в Колымск всех требовавшихся 6200 п.[5] и 34.000 п. в Охотск из числа 44.000 п., которые они по договору обязаны были доставить туда. При этом они, однако, поставили такого рода условия: 1) чтобы за всю кладь им уплачено было сполна вперед по 10 р. за лошадь; 2) за утерю и порчу клади по дороге они платят по цене, существующей в гор. Якутске; 3) если от гибели или окончательной пристали лошадей часть клади сложена будет около урочища Кысыл-балыктаха, то ее должны вывезти зашиверские и колымские якуты, не требуя за то от здешних никакой платы; 4) чтобы окончательно уволить последних от поставки «сборных» лошадей в Охотск и другие места, возложив это на олекминских, верхне-вилюйских и зашиверских якутов[6], и т. д. Остальные 10.000 п. в Охотск они обещались доставить в следующем году[7]. Год этот оказался весьма хлопотным для якутов. Необходимо было, помимо обычных отправок, держать наготове свыше 4000 лошадей для экспедиции Биллингса и потом быстро отправлять один транспорт за другим, так как экспедиция

---

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 3, л. 73—77. Здесь таким образом происходило то же, что и всюду относительно плакатных повинностей, т. е., что отдаленным от дорог жителям они обходились очень дорого, тогда как, придорожные жители подчас даже извлекали из них выгоду на счет жителей более отдаленных местностей. Так было, напр., в старину с поставкой для казны лодок для сплава людей и клади по Лене, поставкой, возложенной на крестьян Иркутской губ.

[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 1, л. 96—97.

[3] Андриевич IV, 161.

[4] Арх. Б. И. У., то же д., л. 128.

[5] Столь большое количество объясняется предстоявшей экспедицией Биллингса.

[6] Таким образом, прибавкой нескольких тысяч пудов клади для Колымска якутские родоначальники немедленно же воспользовались для того, чтобы на год освободиться от поставки в Охотске 10.000 п. и поставить казне довольно тяжелые условия, из коих последнее было почти невыполнимо и, ложась неимоверной тяжестью на отдаленных якутов, давало большие выгоды здешним, которых тем приходилось бы нанимать за себя.

[7] Из докум. Якутск. музея.

и так задержалась за переговорами с якутами (Сарычев). На этот раз, однако, приняты были экстренные меры, чтобы сделать якутов более сговорчивыми. Все дело было, конечно, в их родоначальниках; поэтому, не говоря уже о мягкости и обходительности с ними самого Биллингса и других членов экспедиции, первый снабжен был еще правом награждать медалями, которые и раздавал щедрою рукою, начиная от бронзовых и кончая золотыми[1]. Кроме того, для убеждения якутов и ускорения транспортировки, употреблен был некий прапорщик Лев Кривошапкин, здешний уроженец. Человек он оказался верткий и склонный, очевидно, к фантазированию не менее самих якутов, наговорил им, что все это делается для самой императрицы, от которой «излиется щедрота и благоволение на якутский народ» за содействие экспедиции. Всем этим якутские родоначальники до такой степени умягчились, что понизили цены до 6 р. 75 к. и даже — 5 р. за лошадь[2].

Очарование продолжалось, однако, недолго. На севере пало у Биллингса не мало лошадей; еще больше присталых оказалось на Охотском тракте, так что много клади разбросано было по дороге, и начались сильные понуждения к доставке недовозов. Вдобавок, тогда же, в виду крайнего неудобства Охотского порта, решено было, по проекту капитана Фомина, перенести его к устью Альдомы, и тому же Фомину поручено исследовать наилучший путь к имеющему вновь открыться порту. Для прокладки пути решено употребить ссыльных. Все это грозило еще бо́льшим увеличением количества клади. Поэтому, когда тем же летом пошли новые переговоры о поставках, и, присланный для этих переговоров (от казенной палаты), советник Дитмар заявил, что к отвозке предстоит не менее 60.000 п. клади (около 12 т. лош.), то три улуса затребовали неслыханную до того цену, 30 руб. за лошадь, иначе совершенно отказываясь от поставок[3]; остальные были не столь несговорчивы, но цены все-таки ломили большие. Путем долгих убеждений удалось привести улусы к соглашению на поставку 40.000 пуд. по 20 р. за лошадь, но с тем, что деньги будут им выданы вперед и что другие якуты привлекутся к ним на помощь. Казенная палата отвергла эти условия и поручила заключение контракта коменданту Маркловскому, с которого, однако, здешние родоначальники запросили уже по 24 руб. за лошадь, выговорив еще при этом, чтобы вьюк, по-старинному, состоял всего из 5 пуд., тогда как в 80-х годах на лошадь клалось уже по 5½ пуд. Но и на таких условиях они брались поставлять всего по 20.000 п. в год. Палата не утвердила контракта, а за вывезенную кладь дозволила уплатить по 20 руб. за лошадь.

Тут, в качестве депутата от якутов, отправился в С.-Петербург борогонский голова Аржаков и подал лично императрице Екатерине II свой «План о якутах». Самое характерное в последнем, это — тонкость, с которою Аржаков подчеркивает, что, в сущности, казенный интерес и судьба восточно-океанского побережья всецело зависят от благосостояния якутов, а главное — от доброй воли, усердия и благорасположения их родоначальников.

---

[1] Кое у кого из родовитых якутов и сейчас хранятся патенты, выданные их предкам от Биллингса. Это было гораздо целесообразнее, чем 1000 р., отпущенные для этой цели Берингу во вторую его экспедицию.

[2] Из записки Аржакова.

[3] Опять таки, если верить этой записке. Необходимо, однако, заметить, что в некоторых подробностях она сильно расходится с архивными данными, при чем более веры приходится придавать последним, так как, при связности архивных документов, почти всегда есть возможность один из них проверять целым рядом других.

Исходя из такого убеждения[1], а, отчасти, из чисто местного патриотизма и якутско-тойонской точки зрения, он, при всем своем «пламенном усердии к пользе государственной и рвении ко благу своих соплеменников», — не только первую чересчур уже подчиняет второму, но и благо якутов вообще весьма склонен видеть в благе одних лишь здешних якутов, а главное — и пользу государства, и благо якутов чересчур уже приурочивает к всевластию и возвеличению родоначальников. В конце-концов он не дает никаких обещаний, не делает даже никаких предложений насчет помощи со стороны здешних якутов в извозе людей и клади для казны[2]. Это он предоставляет переговорам в Иркутске. Мало того, с замечательным чутьем разгадав людей и течения в столице, он, под предлогом незнания русского языка, избегает даже посредничества и вмешательства сената, а просит «сподобиться получения милостей прямо от императрицы» и чтобы немедленное применение исходатайствованных льгот и урегулирование подробностей дела поручены были Иркутскому наместнику. И достиг своего.

Переговорами в Иркутске установлено лишь вообще, что кладь должна сдаваться подрядами с торгов; но, чтобы при равенстве цен, преимущество всегда оказываемо было якутам, если только подряд будет взят обществами, как таковыми, за свой счет и под свою ответственность. В таком случае, распределение клади вполне предоставлялось соглашению местной администрации с головами и князцами. Разница между сборными и подрядными лошадьми уничтожена в том отношении, что даже в ближайшие места кладь должна была сдаваться с торгов, если об ней не состоялось особого соглашения с якутами. Выдача прогонных денег возложена на Иркутского губернатора, и якутам предоставлено получать плату в Иркутске, буде они этого пожелают.

Как уже указано выше, из предводительства, да и из всего этого блестящего «плана», ничего в сущности не вышло; через год якутские родоначальники снова подняли цены и поставили такие условия, которых никак нельзя было согласовать с требованиями на этот счет прав. сената. Поэтому условия их Иркутскою казенною палатою и генерал-губернатором отвергнуты, и в следующем 1792 г. вся кладь сдана рыльскому именитому гражданину и члену Российско-Американской К°, Григорию Шелехову, сроком на четыре года[3]. У К° своего «кочта» было очень мало, так что почти вся кладь, попрежнему, вывозилась якутами, при чем, однако, добрая часть прибылей доставалась не им. Далее, хотя тогда

---

[1] Довольно неосновательного, к слову сказать, ибо через три года казна нашла же возможным сдать всю кладь Российско-Американской К°, у которой якуты пошли наниматься за цены далеко меньшие, чем какие требовали от казны.

[2] Он, впрочем, весь расположен к пользе казны. Лишь бы лодки с кладью тянулись не якутами, а ссыльнокаторжными (п. 3); все станки по Лене, чтобы «наполнены были российскими поселами, коих снабдить достаточным числом рогатого скота и лошадей от оленских и олекминских якутов и коим в помощь дать якутов, исключенных из обществ за воровство скота» (п. 4); «чтобы школа основана была для одних якутских детей на казенном коште» (п. 6); «расчищенные места утверждены были в вечное владение расчистивших» (читай земельные захваты) и т.д. Главное же, чтобы учреждена была должность общего якутского головы или предводителя, «коему соединять в себе и должность словесного судьи, а отчет давать одному главному правителю наместничества, коего (общего голову) наградить жалованьем, чином и . . . канцелярией из отставных офицеров или приказных служителей; с коим ведаться казенной палате во всех поставках, выдавая все деньги наперед под его расписку (п. 1 и 2)».

[3] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 7, л. 1. Из чего видно, что самое учреждение К° необходимо отнести к более раннему времени, а не к 1799 г., как это принято в литературе о Сибири, по году утверждения ее привилегий (8 июля 1799 г.).

еще не утверждены были привилегии К°, среди которых значилось, между прочим, что обязательства перед нею исполняются непосредственно вслед за казенными и предпочтительно перед всякими частными, но так как, в силу узаконений[1] и установившегося обычая, за все обязательства родовичей отвечали князцы, а за обязательства князцов отвечали их общества[2], то ответственными за недовозы клади попрежнему являлись якутские общества. А между тем, помимо суда и крайне медленных тогда судебных взысканий, у служащих К° не было средств для постоянного понуждения якутов к полной и своевременной доставке клади. В результате, и якуты оказались в больших долгах, и недовозов клади образовалось весьма немало, не говоря уже о неимоверной путанице, какая происходила в Охотске при ее сдаче[3]. Часто также подрядчиков К° не хватало для всех казенных отправок, и попрежнему приходилось прибегать к нарядам лошадей от якутских обществ[4]. Выходило, таким образом, что перевозочная деятельность К° была крайне вредна для якутских родоначальников, да и для казны не особенно удобна[5]. Понимали, конечно, родоначальники и то, и другое, т. е., что посредническая роль К° для них вредна, но что и казне гораздо удобнее иметь дело прямо с их обществами. Поэтому с 1796 г. они хоть и взяли всю кладь, и по сравнительно умеренной цене, 14 р. за лошадь[6], но всего на два года, и вообще решили, очевидно, не торопиться, выдерживать цены; между тем, за действиями К° все таки следили. Так, в 1797 г. последняя уже успела было заключить предварительный договор с казанским провиантским депо на всю здешнюю кладь, и приказчики ее начали уже договаривать здесь подрядчиков среди якутов; но оказалось, что в то же время головы Аржаков и Сивцев и князец Шадрин вели переговоры в Иркутске: сначала учинили расчет с казною и получили недоданные якутам за кладь деньги (за время с 1788 до 1792 г.[7]) затем, относительно дальнейшего, поставили такие условия, которые найдены более выгодными, чем предложенные К°, почему договор с последней не утвержден и, по ук. прав. сената, от 20 декабря 1797 г., дано знать городничему Штевингу, чтобы при якутском казначействе учредил присутствие для окончательного заключения условий с якутскими обществами на всю кладь, требовавшуюся для Охотска, Удского и Зашиверска[8].

---

[1] Главным образом на основ. имен. ук. 20 июля 1748 г., многократно потом повторенного и подтвержденного.

[2] Так, например, за недовоз клади купца Завьялова двумя баягантайскими якутами на 60 р. взыскание обращено на их князцов; за смертью же одного из них и несостоятельностью другого, после многих лет волокиты, их обществам пришлось уплатить в 1791 г. 322 р. $60^{3}/_{4}$ к., в том числе 227 р. за 6 лет «проестей и волокиты» (арх. Б. И. У., д. № 7, л. 3—4, 16).

[3] Приказчики К° доставляли кладь и за свой счет, при чем были случаи, что подряженную и привезенную якутскими подрядчиками кладь приказчики сдавали, как свою, а с якутов взыскивали за недовозы. Так, по крайней мере, выяснилось впоследствии по делу доверенного Лебедева-Ласточкина. С обычной для них настойчивостью и обстоятельностью, якуты потом откопали все эти дела и взыскали полностью (арх. Б. И. У., д. по оп. № 274, л. 13—14).

[4] Ук. коменд. Козлова-Угреина за 1794 г. № 1225: «через таковое в наймах упорство и возвышение несообразных притом цен сами вы причинствуете отправлению таковых нужных кладей на очередных по наслегам лошадях».

[5] Выгодны общественные подряды были для родоначальников и местных властей; для общества же, в их целом, они весьма долго были чрезвычайно убыточны.

[6] Контракт 10 дек. 1795 г. (арх. Б. И. У., д. по оп. № 13, л. 14).

[7] Там же, за 1796 г., д. № 1, л. 20—22.

[8] Ук. З. С. головам, 29 дек. 1798 г., там же, д. № 13, лл. 15—16.

Во время летней ярмарки 1798 г. условия действительно заключены на два года (1798-1799). Благодаря, однако, конкуренции К° цены несколько понижены, по сравнению с двухлетием 1796-1797 г.[1]; кроме того, подъемный вес лошади опять повышен до $5\frac{1}{2}$ п. Летом 1799 г. тем же присутствием при якутском казначействе снова заключен договор с якутами на четыре года (1800—1803), для ежегодной доставки 20.000—25.000 п. в Охотск, 1535 п. в Зашиверск и т. д., по таким же приблизительно ценам, как и в предыдущее двухлетие. Тут, однако, началась зараза на конный и рогатый скот, хотя, кажется, несколько преувеличенная якутами[2], но от которой все таки немало лошадей пало на Алдане, Оймеконе и Колымском тракте; поэтому в 1804 г. якуты снова подняли цены и условие заключили всего на два года. В 1805 г., действительно, свирепствовала сильная зараза по Колымскому тракту, так что большая часть клади оставлена была в разных местах по дороге; немало оказалось недовозов на Охотском и Удском трактах, и снова пришлось прибегнуть к усиленным мерам побуждения для доставки недовозов и дальнейших транспортов[3]. Поэтому в 1806 г. якуты опять повысили цены и стали тянуть с заключением условий, так что областной начальник Кардашевский решил было опять прибегнуть к общим торгам, для чего получил уже согласие Иркутского губернатора[4]. Тогда якутские родоначальники уступили, но заключили договор всего на два года, а в 1808 г. послали в Иркутск, в качестве поверенных, намского голову Жиркова и князца Шадрина, которые, после долгих переговоров, заключили условие с казной на следующих основаниях. Все дело транспортировки клади и людей принимают на себя здешние улусные общества, для чего обязываются держать наготове не менее 10.000 лошадей. Так как цены найма и покупки лошадей подвержены колебаниям, то каждые три года относительно цен заключаются новые условия с казною; постановка же дела не меняется. Транспорты, каковы бы они ни были и куда бы ни направлялись, распределяются на улусы и наслеги по числу ревизских душ в каждом, каковое распределение всецело предоставляется головам с князцами. Все законтрактованные лошади рассматриваются, как принадлежащие одному обществу, так что, в случае пристали или падежа лошадей в одной партии, отвозчики (смотрители транспортов) могут пользоваться лишними (запасными) лошадьми из другой, менее пострадавшей партии, как и обратными, шедшими совершенно без груза или с небольшим грузом порожних сум и ясачной пушнины[5]. В случае экстренной надобности, администрация требует лошадей от ближайших наслегов и улусов, предоставляя им потом считаться с остальными. Упаковка клади производится наряженными от улусов людьми. Поверенные от улусов и наслежные десятники сопровождают транспорты в пути и сдают их в местах назначения; сверх того, для соблюдения порядка в партиях, казна и со своей стороны посылает смотрителей с казаками. Якуты обязаны отвозить их на обывательских или на нанятых от обществ лошадях. За недовозы вычеты производятся по ценам мест назначения,

---

[1] Цены были: для Колымска — 9 р. 15 к., для Охотска — 10 р. 14 к. лошадь за провоз людей и от 13 до 14 руб. — за кладь, смотря по роду последней (арх. Н. И. У., д. № 40. Приходо-расходн. ведомость ул. за 1799—1801 г.).

[2] Ук. земск. комиссара головам от 13 авг. 1801 г. (арх. Б. И. У.).

[3] Ук. З. С. головам от 13, 18, 29 сент. 1805 г.

[4] Ук. З. С. от 21 августа 1806 года.

[5] За обратную кладь также полагалась плата: до 1814 г. — 5 р., потом 7, а далее — по 14 р. за лошадь.

для чего в казначействе всегда удерживается, в виде залога, по 5 р. с лошади. В случае, если понадобится менее 10 т. лошадей, — из общей суммы, какая будет следовать якутам, вычитывается по два рубля за каждую из недопоставленных лошадей. Наоборот, если затребовано будет больше 10 т. лошадей, то, сверх суммы, следующей якутам по договорным ценам, казна приплачивает по два рубля за каждую лишнюю лошадь.

Отныне якуты могли быть уверены, что транспортировка казенной клади обеспечена за ними; казна, в свою очередь, избавлялась от хлопот по приисканию подрядчиков, постоянной недостачи продовольствия на окраинах и вечных жалоб якутов на утеснение. Зато цена поднята до небывалых ранее размеров — 27 р. за лошадь в Охотск. В следующее трехлетие цены были: в Охотск по зимнему пути 29, по летнему 34, в Удской 31 р. Потребовалось, однако, в 1811 г. всего лишь 6031 лош. (т. е. на 3969 меньше условленного количества), поэтому из 175.955 р. 50 к., следовавших якутам по договорным ценам, вычтено 7938 р.[1]. В 1812 г. для Колымска и Охотска потребовалось 7343 лош. (на сумму немного менее 200 тыс. руб.). В следующие затем два года цены были несколько ниже, опять же потому, что число затребованных лошадей было еще меньше, а именно: в 1814 г. в Охотск и Колымск — 6720, в 1815 г. в Охотск, Колымск и Удской — 5992.

В 1816 г. сочтено возможным уменьшить договорное количество лошадей до 6000; но почти каждый год действительное требование было выше этого количества и казне постоянно приходилось доплачивать к договорным ценам. Кроме того, в виду частой заразы (сибирской язвы, особенно в 1816—1819 гг.), цены продолжали возрастать. Общее количество требовавшихся лошадей было приблизительно таково[2]:

В 1816 г.	6.200	В 1824 г.	6.235
» 1817 »	6.500	» 1825 »	6.525
» 1818 »	6.841	» 1826 »	6.383
» 1819 »	6.360	» 1828 »	6.612
» 1820 »	5.700	» 1829 »	6.661

В виду постоянно повторявшихся доплат со стороны казны, контракт 1830—1833 гг. заключен был на 7000 лошадей; цены же к тому времени уже составляли: в Охотск по 40 р., в Колымск — 80 р., в Верхоянск, Удской и Зашиверск по 40 р., в разные магазины Охотского тракта 16—25 р., в том числе, до Алданского по 16 руб. за лошадь.

Чтобы иметь верное представление об этих цифрах, вспомним, что речь идет об ассигнациях, коих 3 р. 30 к. равнялось тогда 1 р. сер.; так что цена, напр., для Колымска составляла на серебро 24 р. 24 к., до Верхоянска — 12 р. 12 к., до Алдана — 4 р. 84 к. за лошадь. Зато стоимость денег была едва ли не вдвое выше, чем теперь. Хороший конь стоил здесь 20 р. сер., а не 50—60 р., как ныне; хорошая корова 10—12 р., а не

---

[1] После чего цены получились: в Охотск по зимнему пути 27 р. 68½ к., по летнему — 32 р. 68½ к., в Удской — 29 р. 68½ к.

[2] Цифры заимствованы из указов, раскладок и расчетов по отвозке казенной клади. Часто к первоначальным требованиям и раскладкам делались потом дополнительные, либо для остальных, кроме Охотска, мест происходили отдельные раскладки и особые расчеты, не все найденные в архивах. Поэтому приведенные цифры даются лишь, как приблизительно верные. Большей частью они несколько ниже действительных.

20—25 р. и т. п. Между тем, и теперь лошади под кладь нанимаются за цены: в Колымск — по 25—30 р., в Верхоянск — 7—8 р., до Алдана — 3 р., так что цены за кладь, дававшиеся тогда казною, следует считать весьма хорошими[1]. Благодаря же тому, что за время от 1816 до 1830 г. количество требовавшихся лошадей оставалось почти то же, около 6000—6500 в год, а наемные цены возрастали, — суммы, получавшиеся якутами за кладь, в свою очередь понемногу увеличивались, составляя приблизительно: в 1815 г. — 166.400 р., в 1820 г. — 200.000 р., в 1825 г. — 261.000 р., в 1830 г. — 270.000 р. и т. д. Конечно, из сумм этих делались значительные вычеты за недовезенную кладь, да сверх того от заразы годами погибало немало лошадей. Все же, и за вычетом этих убытков, получавшихся из казны денег, в среднем, было вполне достаточно для покрытия всех податей[2]. Но суммы получавшиеся из казны тратились совершенно независимо от взноса в казну податей и весьма долго не шли на покрытие последних. Долго общества даже приплачивали столь значительные суммы к получавшейся из казны плате, что отвозка клади являлась самой крупной и тяжелой повинностью. Так, из донесения Олекминского земского исправника от 1798 г. видно, что доставка клади обошлась в том году Вилюйским якутам по 26, 30 и до 31 р. за лошадь, т. е. с приплатой от 21 р. до 24 р. 25 к. к выданной из казны плате. Ведомости сборов и повинностей по Намскому улусу за 1799—1801 гг. показывают, что, сверх казенной платы, улусом этим израсходовано на отправку клади в 1799 г. — 35.590 р. 90 к., в 1800 г. — 50.381 р. 58 к., в 1801 г. — 69.506 р. 6 к. Принимая во внимание, что по 5-й переписи в Намском улусе числилось 4529 р. д., получаем расхода на отправку клади: в 1799 г. по 7 р. 85 к., в 1800 г. — 11 р. 12 к., в 1801 г. — 15 р. 3 к. на каждую ревизскую душу[3].

Замечательно, что весьма долго приплаты обществ к казенным ценам не только не уменьшались с увеличением последних, а, напротив, возрастали, так что сколько бы ни платила казна, отвозка клади все таки стоила обществам, чем далее, тем все дороже. Так, в Баягантайском улусе встречаем приплаты: в 1773 г. по 3 р. за лошадь, в 1798 г. — по 26 р., в 1810 г. — по 31 р., а в 1814 г. по 37 р. 44 к. В некоторых наслегах Намского улуса уже в 1800 г. отвозка клади обошлась обществам на лошадь по 40 р. 4½ к. и до 48 р. дороже казенной цены, а далее в других улусах доплаты доходили до 50—55 р. за лошадь.

---

[1] Одним из пунктов контракта 1816 г. выговорено было, что, если понадобится больше лошадей, чем затребовано было по первоначальному извещению из Иркутска, то за дополнительную поставку лошадей казна платит по самой высокой цене, какая в данном году и в данном месте заплачена была якутам купцами за свою кладь. Вообще, казенные цены были выше купеческих, да и последние были тогда высоки, благодаря большому спросу на лошадей со стороны казны.

[2] Все подати составляли тогда от 4 р. до 4 р. 80 к. с рев. д., а со всех 40.421 р. д. здешних якутов от 161.684 р. до 194.020 р. 80 к. Отсчитывая даже по 50.000 р. на ежегодные убытки по недовозам и падежу лошадей, мы все же получим излишек прогонной платы против суммы податей.

[3] Если только даваемые этими ведомостями сведения действительно верны, что, однако, весьма сомнительно, так как годы эти относятся ко времени усиленной борьбы за поднятие цен на отвозку казенной клади. Всего вернее, что цифры расходов преувеличены, чтобы показать, сколь ничтожны получаемые от казны цены, по сравнению с тем, во сколько отвозка клади обходится самим обществам. Но если даже эти ведомости (официальные) и не заслуживают доверия, то интимные счеты обществ между собою, как и внутри их, показывают, что самый факт продолжительного расходования якутскими обществами больших сумм на доставку клади не может подлежать никакому сомнению, чему, кроме приведенных далее, еще даны будут доказательства.

В Баягантайском улусе еще в начале XIX в. коневодство составляло главное занятие, так что недостатка в лошадях там, очевидно, не могло быть, а, между тем, общества часто сдавали отвозку своей клади внаймы. Точно так же и в только что цитированном случае с Вилюйскими якутами донесение исправника гласит, что «по неимению лошадей» или по «недостатку (стольких то) лошадей» наслеги доплатили за доставку клади по стольку-то за лошадь. Впрочем, относительно вилюйцев дело еще может быть объяснено таким образом, что им невыгодно или неудобно было посылать лошадей в Якутск, и они предпочитали нанимать за себя других, всего чаще — здешних якутов. Но, в свою очередь, и относительно последних Аржаков в общей части своей всеподданнейшей записки также утверждает, что «хотя берут они (якуты Якутского окр.) из казны по 20 р., но, сами по вольной цене нанимая, платят по 30 и едва находят, кто бы взялся поставить». А между тем архивные документы не оставляют ни малейшего сомнения, что здешние якуты частенько нанимались у Вилюйских для доставки клади, когда те еще обязаны были участвовать в этом, и что Российско-Американская К°, одно время бравшая подряд на всю казенную кладь, в сущности, служила лишь посредницей между казною и здешними якутами, вывозившими не только почти всю казенную, но и компанейской и купеческой клади на 3 и 4 тысячи лошадей в год[1]. Ясно, что дело было не в «неимении лошадей», а в чем то ином.

Интересно еще, что в XVIII веке среди наемщиков якутских обществ под доставку клади часто попадаются русские казаки, отставные дворяне и чиновники на службе. В XIX веке такие случаи встречаются уже в виде исключений и наемщиками у обществ являются почти только якуты, свои или из соседних обществ. Но и тут не без удивления видим, что борогонские, напр., общества отдают внаймы доставку своей клади баягантайцам, а сами для того же нанимаются у намцев или мегинцев; всего же чаще один наслег подряжает за себя родовичей другого наслега, тогда как его собственные родовичи подряжаются у какого-нибудь третьего наслега или в другом улусе. При этом наемные цены растут, независимо от того, отдается ли доставка внаймы русскому или якуту, своему или чужеобщественнику.

Все это, однако, перестанет казаться нам странным, когда, познакомившись с другими повинностями, мы и там найдем те же или весьма схожие черты, и когда, обобщив последние, уясним себе самую суть и систему тогдашнего отправления повинностей у якутов.

Из других повинностей почтовая гоньба скоро оказалась второю по размерам и тяжести после доставки клади. Поэтому еще в 60-х годах XVIII века, по указу 1-й Ясачной Комиссии, положена плата за пользование подводами от местных жителей для казенных почт. Точно так же одним из мотивов для учреждения воеводской канцелярии на Алдане (по ук. прав. сен. от 31 января 1775 г.) было «защищать от проезжающих через то место команд живущих там ясачных и до никакого их разорения не допускать»[2]. В 1784 г. за проезд на обывательских также положена была плата от денежки до трех коп. за версту и подводу[3]. Такая же плата полагалась за пользование почтовыми

[1] В первые десятки лет этого века Российско-Америк. К° подряжала под свою кладь до 3000 лошадей в год (Шемелин. Заимств. у Миддендорфа, т. IV, ч. II, вып. III, стр. 1548).

[2] Арх. Б. И. У. ук. Алданск. воев. канц. 26 окт. 1777 г., № 986.

[3] Одною подводою здесь, впрочем, считались 3—4 лош., а в распутицу до 5, так как проезд совершался верхом.

лошадьми со стороны частных людей и лиц, проезд которых не находился в прямой связи с местными потребностями. Для правильного же взимания прогонов, как и для защиты якутов от притеснения со стороны проезжающих, первым предоставлено содержать от себя на станках смотрителей (из отставных служащих), обязанностью коих было проверять документы на проезд, вести им записи и составлять жалобы, в случае требования большего количества лошадей и других обид. В силу тогда же установленного положения, даже земские чиновники не могли пользоваться обывательскими лошадьми без платежа прогонов[1].

ГЛАВА III

Платежи и повинности якутов в XIX в.

Несмотря, однако, на все это из многочисленных, предписанных наместником Якоби, мероприятий, о которых речь была выше, направленных к устройству путей сообщения и упорядочению перевозки людей и клади, на первый раз, в сущности, ничего не вышло. Так, что касается заселения Охотского тракта, то не только привлечение туда добровольных переселенцев, но и принудительное его заселение было до такой степени преждевременно, что и до сих пор местность эта остается незаселенной оседлым населением. Точно так же и проведение дорог, устройство станков, магазинов и т. п. в местах, крайне редко, а то и совершенно ненаселенных, представляли такие трудности, преодолеть которые возможно было не иначе, как при усердном содействии со стороны якутов вообще и их родоначальников — в особенности. Но, не говоря уже о том, что на первый раз едва ли полностью применены были указанные сейчас меры облегчения и поощрения якутов, их родоначальники начали сознавать тогда всю силу своего значения в глазах центральной администрации и всю важность своего содействия для казны. Как мы видели, они склонны были даже к преувеличениям на этот счет, т. е. отчасти и сами увлекались насчет своей важности для казны, отчасти и сознательно преувеличивали ее перед администрацией, так же как и силу своей власти и своего значения в среде якутских обществ. На самом деле, они скорее нуждались в расширении их компетенций и сферы власти над обществами. Все их усилия поэтому были направлены к тому, чтобы, получив как можно больше прав над своими обществами, в то же время добиться возможно большей самостоятельности от местных властей. Мы видели, с какою ловкостью они добивались и добились не только высоких цен за доставку клади, но и того, что ее распределение внутри обществ, получение и расходование сумм и все распоряжения по доставке отданы были в их полное ведение. Того же добивались они и по отношению к другим повинностям, и пока это не было им дано, они отнюдь не торопились с исполнением предписанного, встречая каждое новое требование целым рядом жалоб и домогательств и оттягивая до последней возможности устройство всего,

[1] Ук. Як. З. С. от 18 июля 1785, арх. Б. И. У., д. по оп. № 1, л. 57. Ук. Ирк. наместнич. правл. от 14 авг. 1789 г. (из частных бумаг).

что не только было крайне необходимо для казны, но и в значительной степени послужило бы к облегчению их собственных обществ, если бы своевременно было исполнено.

Между тем, время не терпело, так как войны, охватившие тогда почти все европейские государства, отразились и в здешнем отдаленном углу России таким образом, что для защиты восточно-океанского побережья пришлось увеличить гарнизоны и укрепления Охотска и Камчатки[1]. В 1789 г. туда направлен был пятисотенный драгунский полк полковника Сомова и морская команда Бухарина со всем вооружением и судовым снарядом. Вслед за ними отправлены конный и рогатый скот и большая партия семенного хлеба и земледельческих орудий, так как войска на Камчатке решено, кроме обычной службы, обратить к занятию сельским хозяйством. Пока, однако, последнее разовьется, для новоприбывших команд приходилось попрежнему доставлять положенный рацион хлеба, крупы и т. п., отчего в конце прошлого и начале нынешнего века возрасло количество клади, требовавшейся для Охотского порта. Отправки следовали одна за другою зимой и летом[2], при чем обнаружилось, что для проложения нового пути к Охотску ничего, собственно говоря, не сделано, отчего транспорты весьма долго задерживались в пути, много клади оставлялось по дороге, гибли лошади, мучились люди. Снова предписано, поэтому, хотя бы одни лишь пушки тянуть бечевою на легких плоскодонных лодках. Для устройства же пути к Охотску на этот раз употреблены были ссыльные, для содержания которых якуты обязаны были доставлять мясо и скот (хлеб давался от казны). Ссыльные, однако, учиняли частые побеги и, соединяясь с бежавшими из охотского солеваренного завода, сходились в шайки, отбивали лошадей из под казенных и купеческих транспортов, грабили и те и другие, а, появляясь по сю сторону Алдана, наводили ужас на якутов своими грабежами, разбоями и другими насилиями[3]. Лет восемь после того прошло в преследовании и поимке этих беглых, а для предупреждения побегов положено, чтобы якуты, в виде повинности, давали в помощь военному конвою по десятку и более вооруженных верховых, смотря по величине партии ссыльных. Как никак, однако, дорога к Охотску была устроена, и на якутов возложена, как повинность, посылка людей для необходимых поправок и содержания в исправности пути. Далее, как мы уже видели, в это же время, по проекту капитана Фомина, строился и другой тракт от Алдана к предполагаемому Альдомскому порту и также — помощью ссыльных. Для надзора за ними и для предупреждения побегов за китайскую границу, близко прилегавшую тогда к пределам удского комисарства, необходимо было увеличить команды в Усть-Мае и Удском, тут и там увеличить хлебо-запасные магазины. Но оказалось, что и до Алдана еще также дорога совершенно не устроена; поэтому, рядом с работами по Мае, пришлось заставить якутов привести в исправность дорогу от Якутска до Усть-Маи. В 1807 г. вполне, впрочем, обнаружилась вся непригодность альдомской бухты для сколько-нибудь значительного порта. Гарнизон и ссыльные

---

[1] Точно так же и в крымскую войну пришлось быстро организовать защиту Камчатки, но тогда для этого существовал уже другой путь — по вновь завоеванному Амуру.

[2] В одном 1799 г. число отправок дошло до 6.

[3] Арх. Б. И. У. за 1802 г., д. № 43, 17—18. Ср. «Воспоминание» Уваровского в Путеш. Миддендорфа; также — Москвин, 199 (об ограблении беглыми Жиганска). В архивах, впрочем, весьма много указаний на побеги и поимки этих ссыльных.

выведены из Усть-Маи, начатые работы включены в состав Удского тракта, устройство и содержание которого также возложены на якутов.

Как мы также видели, новый век начался здесь заразою на лошадей по охотскому тракту. От беззаботности, с которою сначала не только не уничтожались, но и не убирались трупы с дороги, зараза, с каждым годом разрастаясь, перешла и на колымский тракт. Поэтому, в виде повинности, введена частая посылка людей для уборки и сожжения трупов лошадей по охотскому тракту.

Таким образом, кроме доставки клади сухим путем, а одно время и тягой по Мае и Юдоме, мы находим здесь в начале века следующего рода натуральные повинности: 1) устройство дорог и их ежегодная поправка; 2) содержание перевозов; 3) устройство и поправка станционных домов и содержание почтовой и обывательской гоньбы по трактам: удскому, охотскому, зашиверскому, колымскому, жиганскому и вилюйскому и 4) посылка вооруженных людей при сопровождении ссыльных и рабочих для сожжения трупов падавших лошадей. К ним впоследствии присоединилось несколько других мелких повинностей, как-то: устройство и содержание бечевника по берегу Лены, посылка людей в Якутск для укупорки клади, посылка поверенных для ее приема и сдачи и т. п.

Необходимо, впрочем, тут же отметить, что, за исключением весьма редких случаев, обыкновенно ничем и не кончавшихся[1], требования по части устройства дорог были довольно-таки примитивные, да и вообще число людей, требовавшихся для исполнения неплатных повинностей, было велико лишь в первые годы XIX века, когда одновременно строилось несколько дорог и много людей понадобилось для поимки беглых ссыльных. Обыкновенно же число людей, требовавшихся для поправки дорог, колебалось около 40—50 и почти никогда не было выше 100, для сопровождения ссыльных — не выше 15—18 человек, для тяги лодок — не более 100 (да и то это продолжалось весьма недолго), для сожжения трупов лошадей — не более 40—50 и т. п. Если даже прибавить сюда человек 40—50, которые стали посылаться потом для расчистки бечевника по Лене, и некоторые мелкие наряды, все же число людей, требовавшихся здесь ежегодно для разных работ, было никак не выше 350—400, что при 31.000—40.420 рев. д., числившихся в первые десятилетия XIX века, даст по одному наряду на каждые 75—100 рев. д. Но не следует забывать, что, сверх перечисленных повинностей, на якутах лежали еще общественные расходы, также загонявшиеся их родоначальниками в весьма большие деньги. К таковым принадлежали: 1) содержание улусных и наслежных писарей, вообще — расходы по письмо- и счетоводству; 2) обучение и содержание оспенных учеников; 3) содержание рассыльных и десятников; 4) снаряжение в путь кандидатов в сельские заседатели; 5) содержание церковных старост; 6) прокормление и одаривание проезжавших и приезжавших в улусы служащих; 7) прокормление и содержание родоначальников и поверенных от них во время собраний в Якутске и улусах; 8) очистка ледников для хранения мертвых тел до освидетельствования и т. п.[2].

---

[1] Таковы были случаи, когда новоприбывший областной начальник, мало знакомый с первобытностью здешнего места, предъявлял большие требования по благоустройству дорог и т. п. В таких случаях родоначальники обращались с жалобой в высшую инстанцию или вообще отписывались и, во всяком случае, предъявленного требования не исполняли.

[2] Образчики общественных расходов и их примерная оценка следуют ниже.

Переходя теперь к исполнению повинностей и обращаясь, напр., к первым же станкам, учрежденным по старому зимнему пути в Охотск, мы прежде всего встречаемся с довольно оригинальным способом их содержания. Трудность в данном случае состояла в заготовлении зимнего запаса сена для немалого количества станочных лошадей в пустынном и необитаемом месте[1]. Всего проще и дешевле это достигалось тем, что на место содержания станка летом посылались косцы с гребельщиками, а вместе с ними, — для их содержания во время работы, как и для заготовления запаса кислого молока и кумысу на зиму ямщикам, — дойные коровы с порозом, кобылы с жеребцом, упряжной бык и т. п. Точно так же и в плату смотрителю станка, как и для прокормления проезжающих отпускалось известное количество коров, туш мяса, тумтаев масла и т. п.[2].

Способ, как видим, вполне натуральный. Но совсем не таковым он был для обществ, ибо все перечисленное не собиралось с родовичей в натуре, а поставлялось родоначальниками за счет обществ и по весьма неумеренным ценам. Так, уже в 1785 г. годовое «тело» лошади для станка засчитано 15 р., летнее — жеребца и кобылы, пороза и быка — в 10 р., коров — 8 р. и т. д.[3]. Все же расходы одного наименьшего улуса по содержанию двух станков — оймеконского и алданского за один год засчитаны в 1844 р.[4].

Почти таким же образом содержались станки и в начале XIX века, с тою лишь, важной для нас, разницей, что, тогда как в XVIII веке содержателями станков были одни лишь князцы, — в XIX веке, на ряду с ними, в качестве содержателей, выступают и «лучшие люди» (бывшие улусные головы и наслежные князцы, сельские заседатели и т. п.), при чем поставочные цены продолжали весьма быстро возрастать. Так, в 1799 г. «тело» лошади (по Намскому ул.) засчитано уже в 30, 40 и 45 р., а в 1809 г. плата косцу и его содержание в 150 р. В 1799 г. содержание на алданском станке (от одного улуса) 7 лошадей и 1 ямщика засчитано в 317 р. 20 к., а в 1809 г. (от того же улуса) 4 лошади с одним ямщиком — в 606 р. На другом станке в 1799 г. 4 лошади с 1 ямщиком поставлены за 180 р. 45 к., а в 1809 г. — за 280 р. По другому улусу в следующем 1810 г. «тело» лошади засчитано уже в 100 и 150 р.

И здесь мы можем отметить то же, что мы видели уже относительно доставки казенной клади, а именно: на том же станке и от того же улуса одним князцом лошадь ставится на 30—35 р., а другим — за 40—50 р.; на ямщика у одного кладется 15 р., у другого —

---

[1] Чтобы выдержать быструю езду и дальнюю дорогу, пойманные с подножного корма лошади требуют по здешнему месту продолжительной выстойки (до 4 дней и более — по мнению якутов), немыслимой при экстренности и непредвиденности почтового разгона. Почтовые лошади зимою должны поэтому обязательно кормиться сеном.

[2] Тумтай — посуда, грубо сшитая из бересты, формы сплющенного цилиндра, вместимостью до трех пудов топленого масла. В таких посудах, наглухо зашитых, масло перевозится летом, при чем полный вьюк лошади состоит из 2 таких посуд, по одной с каждой стороны.

[3] «Телом» лошади называется плата за пользование ею в продолжение известного времени. То же относительно упряжного быка, пороза и жеребца. По отношению к кобылам и коровам речь в данном случае идет о летнем удое.

[4] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 1, л. 9 и дальн. Сведения — официальные и явно преувеличены, так как, давая их, улус вместе с тем ходатайствовал, чтобы соседние наслеги другого улуса помогали ему в содержании этих станков. Дальнейшие цифры заимствованы нами, главным образом, из «домашних» счетов и ведомостей. Но там то и видно будет, каких больших денег стоило обществам все, что поставлялось за них и делалось их родоначальниками и знатью.

30 р. или даже 40 р. Впрочем, как уже упоминалось сейчас, в этом веке содержание станков брали на себя и «лучшие люди». Рядом с князцами и как бы деля с последними их труды и старания за общества, они же устраивали и содержали перевозы, строили станционные дома, поставляли вооруженных людей для сопровождения ссыльных, являлись поверенными от обществ в приеме, сопровождении и сдаче казенной клади, служили церковными старостами и даже рассыльными и десятниками. Но от их участия в исполнении повинностей расходы обществ отнюдь не уменьшались. Напротив, по мере того, как устраивались все новые пути, возрастало число станков, перевозов и т. п.; по мере того, одним словом, как повинности росли в числе и размерах, все больше наемников требовалось для их исполнения и все большее участие в этих наймах, кроме князцов, стали принимать «лучшие люди», — цены, по каким все это делалось для общества, возрастали так же, как и вознаграждение за всякого рода общественную службу, за каждую поездку, за малейшую услугу, которую этим знатным членам общества приходилось оказывать последним.

До чего дорого все это обходилось обществам уже в самом начале XIX века, доказательством тому, кроме приведенных сейчас примеров, может служить нижеследующая табличка, извлеченная нами из упомянутых выше ведомостей сборов и повинностей по Намскому улусу за 1799—1801 гг.

№№	НАЗВАНИЕ ПОВИННОСТЕЙ	1799 г.		1800 г.		1801 г.	
		РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
1	Содержание наслежных князцов во время их пребывания в Якутске от 31, 50 и 100 р. до 200, 300 и даже 400 р. и выше каждому, всем	1.679	42	1.621	49	1.738	36
2	Жалованье улусному письмоводителю с канцелярскими припасами.	500	—	422	60	446	65,5
3	То же 14 наслежным писарям от 30 и 50 р. до 70, 80 и 100 р.	744	29	770	—	776	80
4	Содержание улусного рассыльного.	80	—	96	—	89	87,5
5	Плата церковному старосте.	58	69	60	—	60	35
6	Посланным для расчистки дороги и постройки мостов по охотскому тракту от 69, 70 и 75 р. до 100, 180, 300 р. и выше каждому, всем.	1.789	08	1.101	92	3.012	70
7	Содержание междудворной гоньбы в 13 наслегах. .	2.691	76,5	2.707	60	2.791	36
8	На отправку в Охотск и Колымск казенной клади и людей, сверх данных из казны прогонов в 1799 г. 21.614 р. 57 к., в 1800 г. — 18.739 р. 04 к. и в 1801 г. — 22.292 р. 43,5 к.	35.590	90	50.381	58	68.506	06
9	Содержание почтовой гоньбы.	5.839	25	8.107	60	6.953	62
10	Поимка ссыльных и сопровождение их на Усть-Маю.	—	—	525	65	1.684	38
	Всего собрано на отправление повинностей в Намском улусе	48.973	39,5	65.794	44	87.060	16

Как уже указано было выше, нарочито преувеличенными можно считать в этих ведомостях разве только расходы на доставку клади. За то в них нет еще расходов на оспопрививателей, обучение которых начато несколькими годами позже, на капралов или десятников, введенных в 1808 г., на посылку людей для сожжения трупов лошадей, для укупорки клади и т. п. Кроме того, ведомости показывают, что сравнительно еще небольшая часть клади отправлена наймом; для больших зимних транспортов лошади почти полностью поставлены самими общественниками, что обошлось приблизительно рублей на 7—10 дешевле за каждую лошадь клади, чем при сдаче внаймы; проводники — все наемные. Что же касается станков, то из $1^1/_2$ десятков их общего числа, целиком или частью, лежавших на Намском улусе, находим за все три года лишь четыре случая общественного их содержания, да и в тех лошади и ямщики засчитаны так дорого, что этот способ содержания обходился обществам немногим дешевле, чем при отдаче внаймы. Во всех остальных случаях станки содержались наймом, при чем подрядчиками большею частью являлись сами князцы[1].

Впрочем, общественное отправление какой-нибудь повинности опять таки не следует понимать так, что лошади поставляемы были по очереди общественниками и что последние по очереди или по жребию являлись проводниками в транспортах, ямщиками на станках и т. п. Это значит лишь, что князец или какой-нибудь «лучший родович» брали на себя все содержание станка или исполнение всей части, лежавшей на наслеге какой нибудь другой повинности, с получением за то платы из сборов со всего общества; или же группы хозяйств, по согласию между собою, в складчину нанимали за себя ямщиков и лошадей на станках, проводников и лошадей для транспортов и т. п. Из этого впоследствии, по настоянию русских властей, мало-по-малу выработался очередной натуральный способ исполнения повинностей. Но в указанное время он был как бы совершенно неизвестен якутам[2], а все повинности отправлялись наймом, либо за все общество князцом или каким нибудь «лучшим» родником, либо по частям за большие или меньшие группы хозяев, в складчину от них[3].

Возвращаясь к приведенной табличке, находим, что, хотя итоги ее и сами говорят за себя, но не лишне все таки отметить, что со льготами за крещение ясак составлял здесь тогда, в среднем, около 120—125 коп., а подушных шло еще не более 26 коп. с рев. д. Полагая, поэтому, круглым счетом ясак и подушную по 1 р. 50 к. с рев. д., мы получим, что с 4.529 рев. д., бывших тогда (по 5 переп.) в Намском ул., всех денежно-казенных повинностей шло 6.793 р. 50 к. Отправление же перечисленных в табличке натуральных повинностей, вместе с общественными расходами, обошлось на каждую рев. душу: в 1799 г. — 10 р. 81 к., в 1800 г. — 14 р. 52 к. и в 1801 г. — 19 р. 22 к. Принимая же во внимание, что душ, отбывающих все повинности, сам улус показывал тогда всего 2.541, найдем, что на каждую из них, сверх ясака и подушных, приходилось: в 1799 г.— 19 р. 27 к., в 1800 г. — 25 р. 89 к. и в 1801 г. — 34 р. 26 к.; цифры — почти неве-

---

1 Арх. Н. И. У., д. по оп. №№ 3 и 14, все лл.

2 Т. е. не то, конечно, чтобы не был известен, но из документов не видно его применения. Впрочем, как в своем месте указано будет, общественный строй якутов был в то время столь аристократичен, что не могло быть и места для натурального способа исполнения повинностей, требующего полной равноправности всех членов общества и равенства всех их в труде и перед трудовыми общественными обязанностями.

3 Последний способ применялся, главным образом, к доставке казенной клади, все же прочие повинности почти целиком отправлялись подрядами, — наймами за все общество.

роятные, поскольку до невероятности преувеличены были расходы на доставку казенной клади.

Но, во всяком случае, прав был сенат, когда находил несколько преувеличенными тогдашние заботы Иркутского начальства насчет недостаточности обложения здешних инородцев и необходимости назначения новой ясачной комиссии для увеличения окладов. Якуты, как видим, были обложены даже более, чем достаточно, хотя и не прямо, а, благодаря, главным образом, их своеобразному способу исполнения повинностей, в свою очередь тесно связанному с их тогдашним общественным строем и экономическими отношениями внутри общества.

Намский улус — один из наиболее близких к Якутску; там денежное хозяйство должно было всего ранее источить первобытные натурально-хозяйственные отношения якутских обществ; там, поэтому, всего быстрее росли цены исполнения натуральных повинностей и расходы общественников на эти последние. В других, более отдаленных, улусах они лишь около 1810—1813 гг. дошли до подобной высоты. Мы, таким образом, не дошли еще до апогея расходов якутских обществ на отправление повинностей. Но и по тому, что мы видели до сих пор, невозможно не задаться вопросом, каким образом вообще дело могло дойти до таких поборов, какие уже показаны нами? Иначе говоря, почему общества платили до 100 и более рублей за несколько месяцев работы одного человека, когда низший класс круглый год работал за недорогой прокорм и уплату подушных? Почему общества платили за отвозку клади по 30, 40 и более рублей за лошадь в то время, когда казна платила еще по 14 и до 20 р. и когда за те же 14 р. за лош. клади якуты охотно нанимались у Российско-Американской К°, уплачивавшей частенько не деньгами, а товарами, и за недовозы вычитавшей даже более, чем казна? Как произошел и каким образом мог держаться этот удивительный способ исполнения повинностей?

В ответ на такие и им подобные вопросы необходимо заметить, что, по понятиям якутов, общество — уважаемый, большой человек, но оно же и богатый человек (улахан, бай киси). И глуп, отчаянно глуп тот, кто, имея к тому возможность, не пользуется на счет общественного кармана. Даже и теперь промот общественных денег не только не считается позорным, но и не особенно порицается. Досаду возбуждает лишь факт мотовства, т. е., что человек и сам не воспользовался общественным добром. Ловкое же присвоение, легкое и ловкое нагревание рук на счет общества не только каждым в душе, но и в частных беседах отнюдь не порицается, чтобы не сказать более. Это в XIX веке. А что же, спрашивается, было лет сто перед тем, когда среднего класса еще и в помине не было, как общественной силы? Он уже существовал (лисичные оклады), обзаводился скотом, промышлял, уходил с разрешения родоначальников и на отдаленный промысел — когда за свой счет, на бо́льшую же половину — за счет более богатых. Он мог платить и платил скотом и трудом, но ни малейшего влияния еще не имел на решение общественных дел. Все решалось родоначальниками и кучкой знатных родовичей, которые и брали на себя отправление всего, что требовалось правительством для своих нужд и местного благоустройства, но с тем, что средний и низший классы будут уплачивать, чем могут, долю, соответствующую их экономическому положению и состоянию.

К тому же и происхождение этого способа исполнения повинностей, по всей вероятности, было таково, что вначале родоначальник отправлял их своими средствами, помощью

подчиненных ему младших и полукрепостных членов своего рода—семьи, за свой счет и под единоличным своим распоряжением. С умножением же населения и увеличением самостоятельности «лучших» членов рода, они стали участвовать в этом наравне с родоначальниками, также давая необходимое и посылая людей из экономически подчиненного им низшего класса. Этот-то порядок вещей и продолжал здесь существовать, когда для отправления повинностей требовались уже тысячи лошадей, сотни людей, немало съестных припасов, инструментов и т. п. Все это попрежнему поставлялось родоначальниками и «лучшими людьми» от собственного хозяйства и путем найма менее состоятельных родовичей (за взятое ранее и забираемое в долг), после чего первые вознаграждали себя из платы, получаемой от казны, а большей частью на счет сбора со всех ревизских душ общества.

После 1784 г., когда, как мы видели, сфера действий и власти родоначальников была значительно расширена, последние старались как можно больше таких дел охлопотать самим. Кроме недоверия, этим, главным образом, и объясняются весьма частые в XVIII веке требования, чтобы вся казенная плата за кладь выдавалась им вперед. С деньгами в кармане не трудно было найти наемщиков и в соседних обществах, а своему подносить затем весьма кругленькие счеты произведенных за него расходов и понесенных трудов.

Но другие «лучшие люди» весьма скоро нашли, что и они могут не хуже «стараться» за свои общества, и потребовали свою долю участия в предпринимательстве насчет повинностей, выгоды от которого как бы подразумевались сами собою. Ибо с кого, как не с «богатого человека» общества и пользоваться излюбленным и уважаемым людям? Постоянными учитываниями, подсиживанием и частыми жалобами им не трудно было заставить князцов либо убираться с должности, либо поделиться все большим участием в делах и предприятиях. Тогда то и началась, указанная в первой главе, азартная борьба за родоначальнические должности, при чем решающая роль принадлежала богатству не потому только, что оно более всего значило и значит среди якутов, а потому, что давало возможность быть крупным пайщиком в исполнении повинностей. Нужны были, конечно, еще уменье и ловкость, чтобы удержаться в должности, но главным и необходимым условием для этого было — поступаться частью, чтобы получать свою львиную долю, делиться, чтобы получать самому. Чем больше было богатство и чем выше общественное положение родовича, тем крупнее было его участие в исполнении повинностей, тем больше его влияние в обществе и значение в глазах начальства, а, стало быть, и возможность пользоваться на счет общества, для чего самым благовидным предлогом и поводом служили повинности. В этой предпринимательской кампании, мало-по-малу установившейся таким образом, каждому воздавалось по его чину и весу его богатства. Вот чем объясняется указанная выше разница в плате за лошадей и ямщиков, поставленных на тот же станок, и столь сильные колебания в плате «за тело» лошади в одной и той же партии клади, колебания в наемных ценах и т. п., объясняется и то, почему сначала станки содержали одни только князцы, а потом уже и сельские заседатели, старшины и разные другие «лучшие люди». Чем больше росли и ширились повинности, тем больше дела было разным общественным дельцам, тем более возрастало их число, разгорались их аппетиты.

Как ни самобытна и самородна была описанная система, как ни глубоко коренилась она в быту, нравах и классовом строе якутов, но полного своего развития она могла дости-

гнуть только под условием почти полного невмешательства со стороны русских властей. На это и были направлены все старания якутских родоначальников. Способы, употреблявшиеся при этом, были весьма разнообразны. Тут были и ловкое лавирование между разными властями и инстанциями; противопоставление одних властей другим [1]; умение пользоваться высшей властью против местной и, наоборот, в нужном случае, — не выдавать последней, единиться с нею, чтобы обойти высшие; умение уступать во-время и, наоборот, в нужную минуту показать всю важность своих услуг [2].

Впрочем, относительно клади пришлось еще побороться с прямой конкуренцией со стороны низших местных властей. Пользуясь тем, что в обществах все повинности исполнялись наймом, мелкие служащие подчас брали на себя поставку клади, нанимая здешних якутов за вилюйских, борогонских за намцев и т. п. Так, в 1789 г., по жалобе олекминско-вилюйских якутов Биллингсу, выяснилось, что прибывшему туда с требованием лошадей для экспедиции якутскому дворянину Якову Уваровскому дали деньгами: 1-й Нерюктейский наслег за 41 лошадь по 26 р., за каждую; 1-й Меитский за 43 лошади по 30 р.; 2-й Нерюктейский за 34½ лош. по 31 р.; 2-й Меитский 45 лош. «по недостатку 10 лош.» за каждую по 31 р.; Мальжагарский за 41 лош. по 31 р. и т. д. [3]. В 1791 г., на запрос баягантайскому голове, сами ли баягантайцы доставили в Оленск клади на 72 лош. или кого-нибудь наняли, а если наняли, то кого и за сколько,—голова ответил, что дворянский заседатель Готовцев просил их (его и одного из князцов), «чтобы в найме его под провиант в Оленск мы приложили наслежные печати. Однако, . . . мы отзывались» (отказывались). Но так как оказалось, что провиант уже отправлен Готовцевым, «то по убедительной его просьбе мы приложили печати» [4].

Как видим, дело было действительно не в неимении лошадей и даже не в недостатке наемщиков, как утверждал Аржаков, если даже дворянские заседатели готовы были оказывать такие услуги обществам. Дело было лишь в том, кто будет распоряжаться этими наймами, а, стало быть, и пользоваться получавшимися от них выгодами; кто будет оказывать эти услуги обществам и «стараться» за них. Якутские родоначальники были чересчур большими патриотами, чтобы уступать эти «старания» чужим. Так как без приложения наслежных печатей никакие наймы не имели силы (а печатями распоряжались родоначальники) и так как, сверх того, к жалобам родоначальников относились тогда с весьма большим вниманием [5], то прямых конкурентов из числа местных властей легко удалось устранить.

---

[1] Алданского воеводы, например, — дворянскому опекуну Старостину, исправника Горновского — коменданту Козлову-Угреину, не говоря уже о весьма частых обращениях к высшим инстанциям.

[2] Перед приездом Биллингса, при Штевинге и Кардашевском, весьма мало мешавшим якутским родоначальникам обделывать их дела. При неправившихся им областных начальниках они, наоборот, умели ставить всякие препятствия: всегда во-время всплывали падежи скота, либо полный неурожай трав и голодовка; родовичи оказывались в отлучке на дальний промысел в таких массах, что ничего, дескать, нельзя предпринять и т. п.

[3] Из материалов Кондакова и Майнова, исследовавших Олекминский округ по поручению якутского губернатора.

[4] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 6, лл. 67—68.

[5] В предыдущем изложении приведено не мало доказательств такого заботливого отношения со стороны высших властей, отношения, благодаря которому к жалобам родоначальников должны были весьма внимательно относиться и местные областные начальники, хотя бы и сами по себе не расположенные к этому. Так, в 1791 г. баягантайский голова жаловался, что дворянин Ефимов и казак Тарабукин взыскивают с него по 5 р. за пуд, якобы недовезенной в Колымск клади. На это областной начальник (комендант Козлов-Угреин) предписывает:

В начале XIX века уже не могло быть и речи о наймах за общества под кладь не по воле их родоначальников, да и вся постановка дела была уже такова, что местному начальству оставалось лишь распределять кладь по числу ревизских душ каждого общества, выдавать плату, учитывая за недовозы, побуждать к своевременной отправке и вести счетоводство сообща с улусными письмоводителями. Всем остальным уже всецело распоряжались родоначальники. Тут-то, однако, наемная система и достигла своего полного расцвета, а наемная плата с обществ — такой высоты, как никогда ранее.

Патриотизм вообще играл, как играет и до сих пор, весьма большую роль в политике якутских родоначальников: так, например, не могли они не знать, что участие чужеокружных якутов в отвозке казенной клади и для казны крайне неудобно, да и для якутов этих сопряжено с чрезвычайными трудностями и разорительными тратами. Но именно потому, что они прекрасно знали всю невозможность своего требования, здешние родоначальники в продолжение многих лет упорно настаивали на нем. Это было весьма веским доказательством, что, при данных ценах и данной постановке, кладь убыточна для здешних якутов: иначе они не взвалили бы ее на других. Это был, кроме того, благовидный предлог для жалоб, которые, однако, продолжались ровно до тех пор, пока родоначальники не добились высоких цен и полной свободы в распоряжении этим делом. Тогда всякое упоминание об участии в нем других якутов окончательно прекратилось.

Далее, по мере того, как после 1784 г. увеличилось число и выростали размеры повинностей, якуты, до того отправлявшие подводную повинность по всем путям, пролегавшим через Якутскую область[1], стали все чаще требовать, чтобы в натуральных повинностях наравне с ними участвовали и тунгусы. Это было несправедливо, так как при совершенно бродячем еще тогда образе жизни тунгусов, почтовая и дорожная повинности не могли не быть для них в высшей степени разорительными. Но это был предлог для многочисленных и настойчивых жалоб, благодаря которым с конца 90-х годов тунгусы уже содержали оленные станки, а сначала этого века привлечены были и к дорожной повинности, за которую, впрочем, отплачивались деньгами (в пользу здешних якутов) в размере 82 к. с рев. души[2]. Еще далее, к дорожной повинности привлечены были и здешние русские крестьяне.

Все это логически вытекало из требований обще-и местно-якутского патриотизма[3]. Но совершенно то же мы видим и в отношениях улусов друг к другу. Именно: при возник-

---

«если кладь действительно доставлена, то сдать натурой; а Ефимова и Тарабукина за вымогательство по получении сего, тотчас найдя, где бы они ни были и несмотря ни на какие отговорки, немедленно выслать ко мне под присмотром. А ежели за тот провиант деньги взыскали, то оные или из их имения тут же отобрав, просителя удовлетворить и об исполнении мне репортовать». Но тут же голова отвечает: «еще и до получения сего повеления оный Ефимов в проезде своем по спопутности заехав в дом мой... признался и оные, взятые за провиант, деньги сполна мне возвратил, в чем и ему росписка дана». (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 6, лл. 24 и 25).

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 251, л. 3. «Справка» из старых дел в ук. як. обл. правл. от 3 авг. 1811 г.

[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 251.

[3] Надеемся, что термин этот особого пояснения не требует, так как выше мимоходом уже указано было, что родовая связь (до улуса включительно) некогда была у якутов настолько сильнее общеплеменной, что отношение к чужеулусным было подчас почти такое же, как к чужеплеменным. Родоначальники поэтому считали своей обязанностью быть всего первее патриотами своего улуса и наслега, а потом уже и, так сказать, для большего парада—общеякутскими патриотами. Ср. сказанное выше о значении слова омук: извлечение из Фишера о зиланах; извлечение из записки Аржакова и т. п. Нужно, однако, отдать справедливость якутским родона-

новении каждой новой повинности, тот или те улусы, на долю которых, по их местожительству, выпадало ее отправление, поднимали жалобы, во первых, против нового отягощения, а, во вторых, против соседних улусов, ничем как будто не обременных и отказывающихся тем не менее помогать жалобщикам в отправлении повинностей. Это не был отказ от исполнения новой повинности, но вместе с тем для последней все таки пока ничего не предпринималось. В тех же целях избавления своего общества от новых повинностей и взваливания их на соседей, более предусмотрительные родоначальники, с самого же начала письмоводства, стали в своих отчетах и ведомостях раздувать размеры исполняемого их обществами, выставлять неимоверно высокие цены наймов и поставок, вообще до нельзя преувеличивать расходы своих обществ на отправление повинностей. Для большей достоверности и тут следовали такие же жалобы на излишнее обременение против соседей и ходатайства о переуравнении. Такие жалобы принимались к сведению. Но, разумеется, скоро по тому же пути пошли и другие общества; чуть не каждое из них оказывалось излишне обремененным против своих соседей, у всех у них расходы по отправлению повинностей выходили чудовищно великие. Действительные же, подлинные расходы обществ тщательно скрывались. Это был секрет, которого не выдавал ни один патриот своего улусного отечества и в сохранении которого, как будто, заинтересованы были и общества в их целом. Но еще более, конечно, того требовали интересы родоначальников и «лучших людей», так как под секретом и преувеличивая расходы, весьма удобно было действительно собирать с общества далеко больше, чем необходимо было.

В результате, кроме неверных ведомостей, получился целый ряд взаимно-противоречивых жалоб и обвинений, разобраться в которых не представлялось никакой возможности, так как все преувеличивали и скрывали, и так как жаловались не только действительно обремененные, но и те, кому не на что было жаловаться, с целью отклонить или даже упредить указания на них соседей и избегнуть привлечения к помощи. А в то же время, в пору самой настоятельной необходимости в более быстрых сообщениях и благоустроенных путях, оказывалось, что все планы и предписания на этот счет отчасти не выполнены, а отчасти даже остаются в «нерешении», за жалобами на неуравнительность и ходатайствами о новом уравнении.

Чтобы положить конец нескончаемым жалобам и отнять почву для дальнейших отсрочек в устройстве путей сообщения, в 1798 г. составлено было новое полное расписание повинностей, при чем изменению подверглась и самая система их распределения. Детали того и другого для нас не интересны, так как установления 1798 г. просуществовали весьма недолго; за то важны некоторые начала, положенные в их основании, начала, мало-помалу потом развивавшиеся и совершенствовавшиеся. Таковыми были: подушевой принцип распределения повинностей и зачатки различения последних по степени их важности для нужд общегосударственных и местных.

До 1798 г., за исключением казенной клади (порядки отправления которой описаны выше), все повинности распределялись таким образом, что к их отнесению безразлично при-

---

чальникам: не упуская случая, попользоваться на счет своих обществ и, пользуясь местным патриотизмом, как лучшим козырем в своей общественно-политической игре, они в то же время весьма настойчиво и умело отстаивали интересы своих обществ и пользу якутов вообще. Жаль только, что классовые интересы у них всегда стояли впереди общеякутских, а интересы обществ чересчур часто затемнялись чисто личными мотивами.

влекались преимущественно общества, ближайшие к тому месту, где была надобность в исполнении той или иной повинности. Если последняя по размерам своим была не по силам населению данного узкого района, то на помощь к нему приписывались любые менее обремененные общества других улусов. Так, например, олекминские якуты обязаны были помогать приленским крестьянам в содержании гоньбы по иркутскому тракту; но, в свою очередь, олекминским якутам помогали в этом некоторые вилюйские общества, тогда как другие вилюйские общества помогали намцам в содержании гоньбы к Оленску. Точно также когда путь к Охотску лежал еще через урочище Оймекон, откуда отходила также дорога в Колымск, то в помощь баягантайским наслегам приписаны были не только два близлежащих ботуруских, но и один наслег Кангаласского улуса, и т. п. При этом, привлечение общества к отнесению той или иной повинности всецело зависело от местных властей.

Неудобства этой системы состояли в том, во первых, что привлечение на помощь какого-нибудь общества подчас вызывалось именно его отдаленностью от места исполнения данной повинности и отсутствием, по месту его жительства, другой соответствующей, при чем, однако, форма участия и тут, и там предполагалась одинаковая. Между тем, хотя и предполагалось, что все повинности отправляются натуральным способом, но для отдаленных обществ это было подчас почти неисполнимо, либо настолько неудобно, что они предпочитали нанимать за себя жителей, близких к месту исполнения повинности. Последняя, таким образом, для одних оказывалась весьма тяжелою, для других же тягота ее компенсировалась получаемым таким образом заработком. Отсюда и крайняя трудность уравнить эти повинности. Во вторых, к отнесению повинностей привлекались общества в их целом, при чем не выяснено было, во что они обходятся и должны обходиться последним; не существовало поэтому и вообще мерила для оценки того, в каких размерах одни общества должны притти на помощь другим. Это служило источником и предлогом для разноречивых жалоб, для скрытничанья, преувеличений и злоупотреблений. Главные же и общие недостатки системы состояли почти в полном неразличении местных повинностей от общегосударственных, а равно и того, что можно и чего нельзя было по данному месту отправлять натуральным способом.

Несмотря на почти полное столетие, прошедшее с того времени[1], нельзя сказать, чтобы и сейчас в XIX веке вопросы эти были решены одинаково удовлетворительно для всех частей Империи и относительно всех повинностей, лежащих на ее населении. Тогда же решение этих вопросов, можно сказать, только начиналось. А именно. В расписании 1798 г. повинности разделены на две категории: одни, важные для казны и имевшие общегосударственное значение, росписаны по округам и сделаны одинаково обязательными для всех обществ данного округа в размере количества ревизских душ, числившихся в каждом из них; другие остались на прежнем положении, но и для них принят был подушевой способ распределения. Так, помощь приленским крестьянам в содержании гоньбы по иркутскому тракту, попрежнему, возложена на олекминско-вилюйских якутов, за то последние совершенно освобождены от участия в гоньбе по Якутскому округу. К содержанию почтовой гоньбы по охотскому и колымскому трактам привлечены все здешние улусы в их полном составе,

[1] Следует помнить, что это писалось в 1895 году. *И. М.*

равно как и к устройству нового охотского и альдомского трактов, так как за всеми этими путями признано важное общегосударственное значение. Вся же обывательская гоньба, как и почтовая на второстепенных трактах, попрежнему, расписаны были на близлежащие к ним улусы, но не без помощи и со стороны других, помощи, однако, на этот раз так рассчитанной, чтобы общая тягость от этой второй категории повинностей была равномерно распределена на все общества по числу их ревизских душ.

На указанных основаниях и по раз составленному расписанию, общества должны были сами сходиться на счет распределения повинностей между собою, как и относительно формы и способов участия каждого из них в отнесении той или иной повинности. То и другое предоставлено ведению и общему решению их родоначальников и не подлежало вмешательству со стороны местных властей, как и раскладка повинностей внутри обществ, чем, конечно, родоначальники должны были остаться вполне довольными.

Благодаря этому, все, что никак не удавалось устроить до того, начало понемногу налаживаться. Проведен, наконец, новый прямой путь к Охотску, и на нем учреждено около $1\frac{1}{2}$ десятков станков, несколько магазинов и перевозов. Снова за счет обществ стали посылаться ссыльные (якуты) и бедные якутские семьи для заселения этого тракта, от чего в 1792 г. общества было уже отказались. Везде учреждена обывательская гоньба, не исключая даже таких глухих трактов, как оленский и зашиверский; заведена ежегодная посылка людей для ремонта охотского тракта и т. п.

Но расписание 1798 г. не могло долго удержаться уже потому, что в начале XIX века здесь возникло несколько новых повинностей, в расписании не предусмотренных, а потому и весьма скоро нарушивших его цельность. Кроме того, новый порядок расписания повинностей был крайне неудобен в случаях, требовавших цельного и точного к сроку исполнения, либо быстрого исполнения чего-нибудь, непредусмотренного ранее; неудобен был, как по самому способу распределения повинностей, принятому по системе 1798 г., так, главным образом, и по способу их исполнения якутскими родоначальниками. Сущность системы 1798 г. состояла, как мы видели, в том, что важные для казны повинности должны были исполняться не известными, приписанными к каждой из них обществами, а всеми, входившими в состав округа. Для того, чтобы каждое из них, под предлогом неуравнительности, не выгораживало себя от более трудного, взваливая его на других, и чтобы в пререканиях из-за этого не задерживалось исполнение повинностей, последние сделаны в полном своем составе обязательными для всех обществ по числу их ревизских душ, наравне с подушной податью. А так как не только разные повинности, но и разные части каждой из них и даже время и место исполнения каждого отдельного наряда разнились по степени трудности исполнения, а якутские родоначальники с чрезвычайной мелочностью разбирали все эти оттенки[1], то пришлось заставить все общества участвовать везде, где

---

[1] Содержать, например, гоньбу по охотскому и удскому трактам было труднее, чем по колымскому, и даже содержание, например, алданского станка было не то, что аллах-юнского или юдомокрестовского. Вооруженному человеку для сопровождения ссыльных приходилось давать лошадь и запас пищи до Охотска, вперед и обратно; для исправления же дорог и сожжения трупов лошадей рабочие посылались, при двух лошадях каждый с большим запасом. Дороги исправлялись обыкновенно осенью после косьбы, но иногда экстренная поправка требовалась и среди лета. На все это существовали разные цены: вот почему родоначальники разбирались во всем этом с тою обстоятельностью и мелочностью, какую якуты вообще вносят во все свои сделки.

дело касалось этого рода повинностей, и предоставить родоначальникам самим сходиться между собою относительно формы и способов участия их обществ в каждом отдельном случае. Это был чересчур тяжелый и медленно действующий механизм для случаев непредусмотренных.

Но и при обычном течении дел весьма нередко возникали подобного же рода неудобства. Ибо, при показанном дробном распределении повинностей, оно должно было происходить таким образом, что каждая повинность и отдельные неравные ее части в каждом данном случае становились делителем для всех ревизских душ округа. Частное, получавшееся таким образом, показывало, какое количество рев. душ требовалось для покрытия одной единицы наряда или части повинности (лошадь, рабочий, ямщик и т. п.) и около чего в данном случае должно было происходить уравнение между обществами. Так, например, если для транспорта казенной клади требовалось 1.003 лош., то при 31.155 р. душ, числившихся тогда в округе, это давало по 31,06 рев. душ на каждую лошадь. По такому расчету Кангаласский улус (8274 д.) должен был поставить 266 лош., Ботурусский (8571 д.)—276, Намский (4529 д.)—146; какой нибудь намский, напр., наслег с 165 д. ставил 5 лош., другой с 243 д. — 8 лош. и т. д. Души, излишивавшиеся у одних и недохватавшие у других при составлении целых единиц нарядов (лошадь, рабочей), либо уравновешивались тут же при одновременных других нарядах, либо оставались в долгу у одних и на счету у других, до возможности навалить на первых лишнюю единицу наряда, с освобождением от нее на этот раз вторых. Таковы же были расчеты при поставке вооруженных людей для сопровождения ссыльных, при посылке рабочих для исправления дорог, для сожжения трупов лошадей и т. п. Если требовалось, напр., поставить 15 вооруженных человек, то при тех же 31.155 рев. душах это давало по одному человеку на каждые 2.077 рев. душ. Поэтому борогонцы (4075 д.) и баягантайцы (1206 д.) по совокупности ставили трех человек, намцы и мегинцы — по два, кангаласцы и ботурусцы — по 4. При этом недохватавшие у баягантайцев 871 д. засчитывались в долг на намцах и мегинцах, у которых в совокупности облишивалось 721 д., а 150 д. — на ботурусцах; еще остаточные у последних 53 д. засчитывались на них в долг за борогонцев и т. д.[1].

При больших нарядах, а тем более, когда рядом с ними собиралось и несколько мелких, излишки и недохватки рев. душ легко компенсировались, и уравнение между улусами могло происходить и не на деньги, а свалкой и навалкой единиц повинностей. Обыкновенно, большая часть нарядов и делалась одновременно, во время полугодовых собраний родоначальников в Якутске. Но само собою разумеется, что вообще показанные расчеты направлены были не на точное и справедливое чередование в натуральном отправлении повинностей, а на самое тщательное и мелочное уравнение денежных расходов по ним. Ибо, если между

---

[1] Точно таким же образом производилось и распределение тех повинностей, которые относились лишь известными улусами (частные), т. е. все рев. души улусов, приписанных к каждой из них, делились на количество лошадей и ямщиков, необходимых для содержания обывательских станков данной группы, или рабочих, нужных для исправления ее проселочных дорог и т. д. Частное показывало, сколько рев. душ приходится на каждую лошадь, ямщика, рабочего и т. п., и в каких размерах каждый наслег должен участвовать в поставке всего этого, после чего родоначальникам оставалось лишь сойтись насчет формы участия их наслегов и взаимного учета рев. душ.

улусами и наслегами еще возможно было путем постоянного и крайне сложного учета рев. душ установить правильное чередование не только в исполнении разных повинностей, но и относительно времени и места более или менее удобных для их исполнения, то, ведь, вслед за тем то же приходилось бы производить и внутри обществ (между отдельными семьями), где, однако, как показано будет ниже, хотя при раскладке повинностей и принималось во внимание числящееся за каждою семьею количество рев. душ, но семьи еще при этом делились на классы, неравноправные и с неодинаковым обложением.

До администрации, впрочем, все это не имело тогда никакого касательства. Дело непосредственного начальства улусов, земского суда, было лишь — вычислить, сколько для каждого из предстоящих в следующее полугодие нарядов необходимо лошадей и проводников, рабочих с инструментами, лошадей и ямщиков на почтовых станках и т. п. Обо всем этом в отдельности, с подробным перечислением всего необходимого, с раскладкой по улусам (а иногда — даже с учетом рев. д.), земский суд извещал указами улусных голов, которые вместе с другими родоначальниками тут же распределяли все требуемое на только что показанных основаниях и тут же сходились на счет того, кто, с кем и как исполнит выпавшие на их общества части нарядов. Вне же времени собраний, земский суд сам делал такое же расписание и через нарочных сообщал о нем головам, предоставляя тем самим сойтись по соседству на счет способа более скорого и успешного выполнения наряда и считаться между собою. Последнее, однако, связано было с большими задержками. Будь дело в городе, головы тут же наняли бы кого нибудь для выполнения общей для их улусов единицы наряда и сочлись бы деньгами, или ввели бы ее в общие свои счеты, которые во время собраний происходили здесь между ними на многие тысячи и десятки тысяч рублей. Не то было дело в улусе. Головы вообще не любили торопиться, да сверх того каждый из них предпочитал сам исполнять единицу наряда, общую у него с соседом, и заполучить от последнего деньгами. Далеко не всегда они во время приходили к согласию на этот счет; весьма часто для этого нужны были два и три повторительных указа и даже посылка нарочного воинского служителя, который «нудил» упорного голову, или, добравшись до ближайшего из них, заставлял его выполнить необходимое, после чего другой уже расплачивался деньгами, по огромнейшим ценам.

Таким образом, неудобства показанного сейчас способа распределения повинностей состояли в том, что он требовал известного времени для соглашения улусных голов по каждому данному наряду и в случаях, непредусмотренных на полугодовых собраниях, связан был с большими промедлениями, а весьма часто и с неполной поставкой необходимого к требуемому сроку. В виду этого и принимая во внимание, что участие в повинностях известной категории все равно было одинаково обязательно для всех плательщиков округа,— местные власти уже с первых годов этого века не считали нужным особенно справляться с установленными раскладками, а в случаях, требовавших быстрого исполнения, брали недостающее у любых здешних якутов, оказывавшихся по близости,—с тем, чтобы таковым взятое зачтено было остальными вместо какой нибудь другой повинности. Иначе, пожалуй, невозможно было поступать в указанных обстоятельствах; но такой образ действий, во первых, вносил некоторое замешательство в исполнение повинностей, во вторых, повлек за собою целый ряд жалоб со стороны обществ и отдельных родовичей на неочередное отне-

сение повинностей за других, жалоб и денежных претензий, для удовлетворения которых не было никакого руководящего начала.

Поэтому в 1808 г. общеобязательность для всех плательщиков более важных повинностей дополнена была в том смысле, что по отношению к последним все улусы и наслеги округа должны были рассматриваться, как одно общество, члены которого обязаны постоять друг за друга, в случаях, нетерпящих отлагательства, и когда за кем нибудь окажется неустойка; обязаны выручать друг друга и помогать один другому в случаях падежа лошадей или недостачи сил и запасов при исполнении повинностей, но с вознаграждением за все это при расчетах между собою улусов и наслегов. Точно также и по всем вообще повинностям всякое общество или отдельный родович, которым довелось исполнить что нибудь вне обычной раскладки, или приходилось относить что нибудь, сверх общей для других наслегов нормы, могли требовать принятия этого излишка в общую раскладку или единовременного денежного вознаграждения из сборов на отправление повинностей. Относительно претензий, возникших до того, также предписано было учесться очередями или расходами и удовлетворить справедливых жалобщиков.

На этом основании с 1808 г., если требовалась немедленная и быстрая поставка сравнительно небольшой партии лошадей или рабочих, или немедленное же пополнение недоставленного каким нибудь родоначальником, — администрация могла требовать и требовала, чтобы всякий, находившийся в Якутске родоначальник или поверенный, а за неимением таковых или недостачей их средств, — какой нибудь близкий к городу улус или наслег поставили всю партию или допоставили необходимое, требуя потом общей раскладки или расчета с того или с тех, за кого сделана поставка. Точно также всякий смотритель транспорта или поверенный от общества и даже простой проводник, каждый смотритель станции и т. п., в случае недостачи людей, лошадей или запасов, требовали их с ближайшего станка или населенного места, от любой встречной партии. Требовали и брали, если были хоть маленькими представителями администрации; входили в сделки, выручались и выручали, если были якуты, в полной уверенности, что сделанный расход разложится на все общество, понесенный убыток возместится, а за поданную помощь взыщется с того общества, которому подана в лице его представителя.

Для казны этот порядок был весьма удобен в смысле быстрого и более успешного исполнения повинностей, почему и поддерживался местной администрацией преимущественно таким образом, что вытекавшие отсюда жалобы и иски почти не рассматривались ею, а либо прямо обращались ко взысканию, либо передавались головам, как касающиеся внутреннего дела самих обществ. Для последних обязательная взаимопомощь могла бы также быть весьма выгодна и полезна, если бы не запечатлена была печатью денежного хозяйства самого худшего пошиба, ибо выражалась не в обмене услугами и нарядами, а в наймах и займах, продаже и купле, с непременным желанием попользоваться хотя бы на счет чужой беды, выгадать, урвать, а при случае — и надуть. Впрочем, последнее выражение тут едва ли было бы у места: таковы уже были исторически сложившиеся отношения внутри якутских обществ и между ними, что повинности являлись откупным делом небольшой кучки знатных и богатых, почему они и не могли отправляться иначе, как путем наймов и денежных сделок, почему и в исполнение их вносилось все то, что обыкновенно прак-

тикуется у мало культурных народов при всех торговых сделках. Таковы, наконец, были взгляд на общество и отношение к общественному делу у якутов, что от повинностей все считали возможным пользоваться, кто, насколько и как мог.

Легко себе представить, к чему должна была вести обязательная взаимопомощь, при указанном развитии денежного хозяйства и указанных общественных отношениях у якутов. А именно: с первого же года, как обязательным стал этот новый порядок отправления повинностей, каждый князец и старшина, каждый поверенный от них и всяк, кто так или иначе ходил около общественного дела, начали подносить своему обществу чисто аптекарские счета расходов и убытков, понесенных по исполнению повинностей. Происходило ли дело на наслежном собрании или улусном, решающая роль принадлежала более крупным пайщикам в деле исполнения повинностей — под одним лишь условием, чтобы известная часть выгод предоставлена была менее крупным, но все же влиятельным родовичам. Под этим условием все устраивалось к общему удовольствию всех таких родовичей. Впрочем, в начале века, когда власть родоначальников была еще очень велика, а строй якутских обществ весьма аристократичен (хотя уже и сильно отзывался плутократизмом), — в наслегах счета эти едва ли и дебатировались публично. На улусных же собраниях участвовали лишь самые крупные тузы улуса, из коих каждый, кроме размера личных своих выгод, заинтересован был еще в том, чтобы как можно бо́льшая часть его наслежного счета была принята в общеулусную раскладку. По сравнению с наслегом, улус был, конечно, куда более «богатый человек», и на его счет уже окончательно не скупились.

Всего первее в 1808 г. всплыли старые счета, начиная с 1802 г., и начались просьбы о вознаграждении за добровольное или вынужденное отправление какой нибудь повинности не в очередь и вне раскладки за общество или за кого нибудь, не исполнившего должного. Всплыли и претензии чужеобщественников по таким же поводам, с предъявлением письменных документов, но с такими же начетами процентов и барышничаньем, хотя и не столь большими по сравнению с теми, какие практиковались по отношению к собственному обществу. За крайней спутанностью таких сделок, а нередко и под предлогом их якобы «запамятования», большая часть таких счетов была разложена на весь улус. Тут же были приняты к сведению и все превышения расходов, какие могли получиться в некоторых наслегах за случайно выпавшие или отдельно на них лежавшие повинности, и все такие превышения либо введены в общеулусную раскладку, либо наслегу за них положено известное денежное вознаграждение за счет всего улуса[1].

Предъявителями счетов, жалоб и претензий за общества, как и за отдельных родовичей, по большей части являлись сами князцы, как законные и естественные их ходатаи, так что немыслимо по документам разобраться, где тут князец обделывает свои собственные дела, а где хлопочет за какого нибудь нужного ему или зависимого от него родовича. В 1809 г. продолжаются еще расчеты по кое каким старым делам, после чего идет уже

---

[1] То же потом около двух десятков лет делалось уже каждогодно. А именно: на наслежных собраниях общественные воротилы, с князцом и старшинами во главе, представляли счет расходам, понесенным им за весь наслег по исполнению повинностей. Часть этих расходов раскладывалась тут же на все платежные души наслега; другая часть, понесенная за счет всего улуса, представлялась потом князцом общеулусному собранию для раскладки на все наслеги улуса, по числу рев. душ в каждом.

обделывание текущих дел, осложненное лишь несколько лет спустя еще более грандиозными претензиями такого же рода целых улусов друг к другу, о чем — несколько ниже.

В результате суммы, подлежавшие раскладке на наслеги, в качестве общеулусных расходов, получались весьма солидные и, вместе с собственными расходами каждого наслега, давали по каждому из них цифры, во много раз превышавшие денежно-казенные повинности. За то уравнительность между обществами доведена была до виртуозности, до десятых долей копейки. Ни одному из них не могло быть обидно, так как все были одинаково высоко обложены. Все совершалось теперь открыто, ибо в каждом улусе происходило то же самое. Протестовать некому было, так как все имевшие вес и значение в обществе и могшие поднимать свой голос на его советах, черпали большие выгоды из такой постановки повинностей, а огромное большинство плательщиков представляло собою безгласную толпу, могущую только работать и платить, но не смевшую пикнуть против своих благодетелей. Конечно, как показано будет далее, общее увеличение расходов должно было всего первее отражаться на платежах богатых хозяев; но так как все они являлись крупными подрядчиками по исполнению повинностей, то заинтересованы были скорее в увеличении количества и размера таких подрядов и цен на них, а стало быть, — и в увеличении общественных расходов, чем в их уменьшении. Мешать также было некому, так как исполнение повинностей, их распределение по наслегам, раскладка внутри общества и способы взимания были совершенно изъяты из ведения местной администрации, при чем и контроль ее за родоначальниками мог быть лишь чисто формальный. Местные власти даже прямо, как служащие, заинтересованы были в новых порядках, так как теперь хоть кое как исполнялось все то, что требовалось высшей властью для общественных целей и начатков местного благоустройства, не говоря уже о том, что якутские родоначальники умели и косвенно заинтересовать их в этом...

На общих собраниях в Якутске родоначальники, по распределении между улусами и наслегами всех предстоящих к исполнению повинностей (на основаниях, указанных выше), обращали каждый свою часть в серию больших и малых подрядов, которые тут же разбирались ими, как бы с торгов, по ценам, которые они тут же сами устанавливали вкупе с «лучшими» своими родовичами. По участию в подрядах головы являлись в ролях князцов своих наслегов, да сверх того распоряжались теми единицами, в исполнении которых один улус приобщался на помощь к другим. У наслегов были такие же общие единицы, которыми часто опять таки распоряжались головы в качестве князцов, а князцы, как таковые[1]. Понятно, почему, помимо их имущественного положения, часть голов в подрядах была всегда больше, чем часть обыкновенных князцов, а часть последних больше, чем у рядовых богатых родовичей. Каждый из таких подрядчиков мог либо сам исполнить свою часть подрядов, либо передать ее кому хотел, каковые передачи стали после 1808 г. практиковаться все чаще. У князцов и голов дела было много и, отчасти поэтому, отчасти для того, чтобы не столь элементарно-ясны были выгоды, извлекаемые из повинностей, они обык-

[1] Не говоря уже о том, что головами по большей части выбирались князцы больших наслегов, в которых само собою подряды были размерами больше, чем в малых наслегах. Как выяснилось по одному исковому делу, голова Андрей Сыромятников, напр., был весьма небогатым человеком, когда его впервые избрали на князцовскую должность. Но, прослужив потом много лет князцом и головою, умер, оставив 600 шт. скота и 2000 р. наличными деньгами (арх. Б. И. У. за 1836 г., д. № 32). Таких примеров можно насчитать не мало.

новенно все свои подряды или крупную их часть тут же передавали другим, за меньшую цену против той, какую сами положили, оставляя себе таким образом известную прибыль. Весьма часто передача во вторые руки происходила даже так, что за борогонский, напр., улус или за какой нибудь его наслег, наемщиком являлся намский или ботуруский князец или очень крупный кангаласский родович и т. п. Из вторых рук подряды, дробясь на более мелкие, переходили в третьи и четвертые, опять же с некоторой прибылью для передателя. Нередко окончательным наемщиком оказывался человек, который совершенно не в силах был исполнить взятое на себя, а иногда и такой, с которого и взять нечего было, и обществу приходилось нанимать в другой раз, либо терпеть вычеты из прогонной платы.

Вперемежку с общественными делами и в сплетении с ними тут же совершались и разные другие сделки между теми же лицами, и собрания, таким образом, представляли собою рынок, где около повинностей происходил ряд торговых сделок, как около товара, оставляя в руках привилегированных общественников не малые выгоды, подчас—от одной лишь передачи подрядов из рук в руки, — с перепискою контрактов.

Необходимо еще прибавить, что, как и все вообще дела у якутов, повинности нередко исполнялись родоначальниками путем займов за свои общества, везде, где только можно было занимать, в надежде на прогонные деньги и сборы с обществ. Сборы производились в два срока: в начале года и летом, перед ярмаркой. Две трети годового сбора взимались в январе и феврале, так как тогда происходила наемка содержателей почтовой и обывательской гоньбы, наемка писарей, рассыльных и т. п., при чем и родоначальники возмещали свои расходы на поездки. Одним словом, из этого сбора требовалось на большую половину вознаградить всех, кто пристраивался к общественной службе, так как у якутов все наймы действительно делаются с забором всей или большей части платы вперед. А хотя, сверх этого сбора, в январе и феврале месяцах получалась часть прогонных денег, а именно — удержанные в виде залога по 5 руб. за лошадь за все летние отправки и часть платы вперед за предстоявшую весеннюю отправку, но все эти деньги почти целиком уходили на указанные наймы и на отправку пластового транспорта. При этом на разные мелкие повинности, предстоявшие к исполнению летом, денег не оставлялось. Самая большая получка денег из казны происходила осенью, но для этого предварительно требовалось выставить несколько тысяч лошадей с проводниками для летних транспортов, да еще исполнить непокрытые ранее сбором мелкие повинности, о которых якутские родоначальники обыкновенно не задумывались ранее наступления окончательного срока для их выполнения. А между тем тут же требовалось внести ясак и подушные за первую половину года, да к ярмарке все, что торговало и имело дела с якутами, собиралось в Якутске и требовало уплаты долгов. Поневоле приходилось прибегать к займам, не останавливаясь перед самыми тяжелыми условиями. Займами же, как мы видели, и на условиях, подчас еще более тяжелых, оказывалась взаимопомощь в повинностях по большей части опять же на срок получения прогонных денег. Тут же к этой получке прогонных денег приурочивались и разные подписки с благотворительной целью, попрошайничество разного рода темного люда, тершегося около родоначальников, благодарности и подношения разным нужным людям и т. п.

И как ни велика была обыкновенно денежная сумма, получавшаяся осенью, но на ее счет оказывалось столько обязательств, столь много требований и вожделений к ней предъ-

являлось, столь много к ней протягивалось рук, что большая часть ее истрачивалась тут же на цели и предметы, ничего общего не имевшие не только с кладью, но и с повинностями вообще.

Кроме того, нередко прогонная плата оказывалась гораздо меньше ожидавшейся, вследствие вычетов за недовозы от падежа и пристали большего количества лошадей[1]. Тогда для удовлетворения многих должников опять приходилось входить в обязательства (под масло и скот), а осенью делать новый дополнительный сбор с общества. Крайне разорительным для последних было в особенности то, что самая большая сумма сборов приходилась на конец зимы, когда платежные силы менее состоятельной части населения всего более напряжены.

Таким образом, за выгоды, извлекаемые более привилегированными членами общества от исполнения повинностей, за наживу около них худшего русского элемента, за неустойки родоначальников и их роскошную жизнь во время частых и долгих собраний за все про все в конце концов расплачивались общества. Немудрено, что, хотя после 1808 г. количество натуральных повинностей уже не увеличивалось, а некоторые из них даже уменьшались в размерах, — расходы обществ на отправление повинностей не только не уменьшались, а некоторое время даже продолжали возрастать.

Этот дальнейший рост можно бы представить в сравнительной табличке, но уместнее, пожалуй, будет сделать это на примерах, заимствованных из подлинных приговоров и раскладок якутских родоначальников. Ибо, вместе с тем, примеры эти покажут, насколько чужда преувеличений только что сделанная характеристика тогдашнего исполнения повинностей у якутов[2].

Начнем с некоторых счетов за старые годы по Намскому улусу, напр.:

Князца Прокопьева — счет расходов его проводника на обратном пути с верховьев Колымы в 1803 г. За присталью лошадей и истощением запаса пищи, взял у своих сонаслежников из казенного транспорта одну свежую лошадь и на одну лошадь муки ($5^1/_2$ пуд. за 27 р. 50 к.). Сверх того израсходовал: за два пуда якутского (белого) масла — 10 р., и еще за $4^1/_2$ пуда масла — 18 р., кобыльего мяса на 10 р., 4 пуда соры (кислого молока) — 4 р., 1 пуд сметаны, смешанной с сорой — 5 р., еще масла на 2 р. 90 к., 4 пары коровьих торбасов (обувь) — 8 р., отвозчику в благодарность за возвращение дал 16 р., еще масла на 3 р. и еще торбаса и т. д. Всех таких расходов за обратный путь одного проводника — на 88 р. 20 к., сверх полученных лошадей[3].

Князца Новгородова. В 1807 г. начальство велело, вместо положенных ранее по раскладке 3 лошадей солоду, отвезти на 3 лошади лекарств; лошади наняты поэтому

---

[1] Весьма много недовозов происходило от того, что в погоне за дешевизной и большими барышами выставлялось не полное количество запасных лошадей, а выставленные лошади не всегда были свежи и в полном теле.

[2] Ведомостей, приговоров и раскладок, подобных тем, из которых извлечены следующие ниже примеры (а рядом с первыми и оправдательных к ним документов, в виде контрактов, обязательств, расписок и т. п.) имеется в архивах огромное множество. Здесь нами подобраны лишь некоторые, более типичные для рассматриваемых нами отношений, либо подтверждающие ту или иную черту из только что сделанной характеристики.

[3] Арх. Н. И. У., д. по описи № 15, л. 17—20. Пуд белого масла в XIX веке стоил не более 5 р., пара торбасов не дороже 50—70 коп.

вместо 35 за 50 р. каждая[1], с перерасходом против других наслегов на 45 р., кои взяты в долг у купца Дуреева, с обязательством уплатить 300 муксунами (по 15 к. за штуку). За недоставлением рыбы, требует теперь по 30 к. за штуку — 90 р.

Князца Винокурова: 7 лет тому назад от наслега пошли не в очередь две лошади, кои не возвращены, убыток — 100 р. требуется разложить на весь улус.

Головы Павла Жиркова (по претензии баягантайского князца Ефимова). В 1805 г. один намский наемщик не поставил двух лошадей на алданский станок. Вместо них таковые взяты смотрителем транспорта у сказанного князца, за что последний ищет 100 р. За невозможностью разыскать, кто был этот неаккуратный наемщик, расход раскладывается на весь улус. А между тем тут же имеется расписка смотрителя, где говорится, что наемщиком этим был, тогда еще только старшина, Павел Жирков[2].

Приговором 11 мая 1808 г. все такие и им подобные счета приняты в общественную раскладку, и для уплаты по ним установлен сбор со всех рев. душ улуса на 2000 слишком рублей. Примеров этого рода можно было бы извлечь из архивных дел великое множество[3].

Понаслежные счета, до предъявления их улусному собранию, подвергались некоторой переработке, от чего приобретали много общих и огульных рубрик и сильно теряли в своей первобытной простоте, много мелких и весьма характерных подробностей при этом стиралось. В этом отношении особый интерес представляют оригинальные понаслежные счета. Для образчика сделаем кое-какие извлечения из одного такого счета, представленного старшиною Захаром Поповым Игидейскому обществу в 1813 г. А именно: за его квартиру в городе — 10 р., на пищу — 30 р., прокорм коня — 14 р., наем писца — 10 р. Занял в городе у разных лиц на разные наслежные издержки (не сказано какие) — 104 р. Отдал якутам таким-то за наслег (не сказано за что) — 17 р. 50 к., 5 р., 15 р. и т. п. Приехавшему за головой уряднику Донову дал (в улусе) — 2 р. За отвоз в Якутск шнуровой книги — 6 р., за отвоз рапорта об удавившейся якутке — 3 р., за привоз из города наслежных дел — 5 р., казаку Мухоплеву 10 ушканов — 1 р., заседателю Вешнякову — 10 р., писарю его — 5 р., казаку Босикову 20 ушканов — 2 р., казаку Олёсову 2 р., казаку Шестакову полпосуды масла — 3 р. и уряднику Скребыкину, прибывшему для вызова князцов в город, 50 ушканов — 5 р.[4]. Лекарю Кремкову в честь от общества 1 бык — 35 р., казаку его — 2 р. Для г-на Тарабукина убит двухтравый бычек — 7 р., для приезда головы убит бычек 3-х трав — 15 р. Родовичу Неустроеву за писание копий с указов — 10 р., бывшему почтальону за писание дел — 10 р. Еще издержано в городе 25 р. и т. п. Такого же рода счета тут же представлены в свою очередь князцом и другим старшиною и еще двумя «лучшими родовичами»[5].

---

1 При перевозке лекарств приходилось принимать большие предосторожности, чем и объясняется прибавка к наемной цене, ранее положенной князцом за солод.

2 То же д., лл. 41—45.

3 В тексте работы Л. Г. Левенталя действительно приводятся десятки такого рода расчетов, одинаково недобросовестных и раздутых, но обществами все-таки оплаченных. *И. М.*

4 Несмотря на предварительные уведомления и двукратные подчас повторения, родоначальники не торопились отправляться в Якутск на собрания; весьма часто за ними приходилось посылать нарочных, при чем дело не обходилось без взяток, уплачивавшихся обществами. То же было и со штрафами, которые налагались на родоначальников за несвоевременное доставление лошадей, рабочих, нужных сведений и т. п.

5 Арх. I Игид. наслега. Приходо-расходн. книга за 1813 г.

Между прочим, из этих понаслежных счетов и обнаруживается с полной очевидностью, что плата за казенную кладь тратилась тогда на повинности и якобы общественные расходы вообще; а отправка клади, независимо от получавшихся за нее из казны денег, лежала на обществах в качестве весьма тяжелой повинности, для отправления которой, в свою очередь, требовались весьма значительные сборы с обществ. Так, в 1811 г. из полученных игидейским поверенным князца залоговых денег[1], произведены такого рода расходы: «секретарю областного правления Корякину дано за наслег 250 р., на наемку одного человека для расчистки дороги — 17 р., дано голове 70 р., на постройку станционной юрты за часть баягантайского улуса — 100 р.» и т. п., после чего в наслег передаются какие-то рубли[2]. В 1813 г. такой же поверенный 1-го баягантайского князца, Орлов тратит полученные из казначейства 980 р., таким образом, что большую их часть раздает тут же некоторым содержателям станков, после чего следуют такие расходы: «при получении провианта — 2 р. 80 к., за копчение печатей — 90 к., заседателю Гавриле Неустроеву — 10 р., наемному подъячему (писцу) — 8 р. 50 к., на водку и угощение подъячему 2 р. и т. п. В результате общество остается еще должным этому поверенному 19 р. 60$^1/_2$ к., кроме занятых им в городе за счет общества 35 р. Или, в 1814 г. кангаласский князец, получив прогонные деньги, считает: «по приему клади и прогон родовичу Турунтаеву на расходы — 30 р., в плату ему за труды — 5 р., да на коня 5 р. «По выезде отвозчика Тарабукина и при нем капрала Чепалова по обстоятельству всех тогда прикосновенностей следует дюпсюнскому голове Атласову за сено и скотину — 90 р., да по кабале (долговая расписка) ему и по расчету за полпроводника — 150 р.» и т. п.[3].

Из случайных бумаг другого улуса, Мегинского: «. . . из-под хранительных (т. е. тех же залоговых) денег 1822 г. израсходовано: в марте 1823 г. Роману Новикову — за принятие казенной провиант дано 15 р.; . . . в мае месяце: г. исправнику — 100 р., г. Колосову (секретарю земск. суда) — 55 р., удскому отвощику (смотрителю транспорта) — 20 р. . . . За сочинение законов (?) гг. — 25 р. 10 к.; в проезде за ревизией дел г-на Вениамина Попова — 100 р. . . и т. д.

Посмотрим же теперь, насколько всеми такими расходами оправдывалась самая цель их существования, т. е. хорошо или худо исполнялось все то, на что с общества собирались такие большие деньги.

По весьма скромным вычислениям якутского земского суда, в 1812 г., напр., одно письмоводство обходилось здешним обществам в 18.000 р.[4], а между тем, как мы только что видели, обществам весьма часто ставились в счет расходы по наемке сторонних писарей и переписчиков. Кроме почтовой и обывательской гоньбы, здешние якуты содержали еще междудворные станки, да отдельно при головах — по две-три пары лошадей для их посылок[5], а между тем в счетах то и дело значатся расходы на посылку дел и конвертов

[1] Оставленные в казначействе в виде залога на случай неполной доставки клади.

[2] В 1812 г. среди расходов из такой же получки, между прочим, также значится: «Секретарю Корякину 100 р., советнику Пономареву — 25 р.».

[3] Арх. Кангаласского наслега за 1814 г., д. № 103.

[4] Арх. Б. И. У., д. № 262, лл. 1—10. Ук. Як. з. с. от 29 янв. 1812 г. В 1809 г. мещан. Протодьяконову, сопровождавшему депутатов в Иркутск, в качестве писца и переводчика, улусами заплачено было 2250 р. (арх. Н. И. У., д. по оп. № 22, л. 23—26).

[5] Арх. I Баяг. наслега за 1809 г., д. № 3, л. 1.

в разные стороны, на разъезды общественных представителей, проезд чиновников и т. п. Один охотский тракт стоил в 1811 г. 31.730 р., а в 1812 г. 32.086 р., да столько же в 1813 г.[1]. Но на станках сплошь и рядом оказывалось меньше лошадей и ямщиков, чем значилось в расписании и за сколько платили общества, а подчас и совсем не было ни лошадей, ни ямщиков. Весьма часто общества вторично расплачивались за сложные и дорого стоющие сделки, к которым должны были прибегать станочные смотрители, по неимению лошадей для проезжающих; расплачивались и за лошадей, которые вследствие этого забирались из-под транспортов, и за недовезенную кладь. За 1808—1810 гг. таких недовозов набралось на 193.146 р. $2^3/_4$ к. (несмотря на то, что падежа лошадей в тех годах не было), и в одном 1810 г. с обществ вычтено было из прогонной платы 51.005 р.[2]. Расследование, начатое по этому поводу, показало, что, кроме прямой неотправки клади многими подрядчиками, огромная часть недовозов образовалась вследствие заборов лошадей из-под транспорта, вместо станочных. По сведениям якутской почтовой конторы, в 1809 г. на одних лишь станках охотского тракта недопоставлено было 51 лошадь и 19 ямщиков. В числе неустойщиков значатся 16 князцов, 5 сторонних подрядчиков и амгинское крестьянское общество[3]. Другое расследование, начатое в 1806 г., показало, что нередко один станок содержался 10 и более наслегами (до 14), из коих каждый покрывал расход на одну и даже на $^1/_2$ лошади, участвуя другой лошадью или ее половиной в другом станке. Стоило одному подрядчику не исполнить должного и то же торопились сделать остальные, а при слабом смотрителе ямщики и сами удирали со станции, уведя лошадей, чтобы не трудиться и не мучить лошадей за других. По неимению лошадей на станках, в 1805 г. небольшой команде солдат пришлось просидеть $1^1/_2$ месяца на одном станке зашиверского тракта, а расходы по ее содержанию зачтены потом обществу в несколько сот рублей. В 1806 г. даже почте пришлось вернуться назад в Якутск за сплошным неимением лошадей на охотском тракте. В 1809 г. тунгусы Охотского ведомства жалуются (через портового начальника Миницкого), что на промежуточных станках, между аллах-юнским и алданским, выставлено далеко меньшее, против положения, число лошадей, а на вновь устроенном уллун-ахском — их нет совсем, так что им, тунгусам, приходится довозить почту и проезжающих до самого Алдана. В 1811 г. якутская почтовая контора доносит, что ведомостей о содержателях и ямщиках ей улусы не представляют, так что она не знает, кого понуждать и с кого взыскивать, а между тем смотрителя жалуются, что лодок на Амге, Нохе и Юне совсем нет, а на других перевозах они никуда не годны, либо при них нет перевозчиков; что подрядчиками и наемщиками от обществ на одних станках поставлено мало лошадей и проводников, а на других, как, напр., на алданском, где содержателем борогонский князец Портнягин, — и совсем не поставлено; что станционные юрты никуда не годны, а местами даже не выстроены[4]. В 1813 и 1814 гг. снова снаряжались люди для поправки станционных юрт; но когда в 1816 г., назначенный уже областным начальником, Миницкий проезжал по тракту, они оказывались в том же жалком положении,

[1] Арх. I Игид. насл. приходо-расходн. книги, 1810—1814 г.
[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 241, л. 23.
[3] Арх. Б. И. У., ук. Як. з. с. от 9 сентября 1809 г.
[4] Арх. Б. И. У., д. по оп № 25, л. 13.

а на нохинской станции, где подряд на починку взял на себя борогонский голова Алексеев, ничего не было сделано. Поэтому Миницкий отменил указ областного правления о новом наряде от улусов 10 человек для поправки юрт, и тут же, из имевшихся у него казенных денег, нанял трактовых поселенцев для постройки некоторых новых станционных домов и починки других. При этом, несмотря на большие цены, запрошенные с него поселенцами, вся работа обошлась в 1500 р. А между тем улусные головы успели уже разложить назначенный областным правлением наряд, при чем поставку за баягантайский улус одного человека взял на себя голова этого улуса Постников за 350 р., по каковой пропорции наряд 10 человек для одной лишь починки старых юрт обошелся бы обществам в 3500 р.[1].

Во всех таких подрядах и поставках за общества бедные люди являлись, конечно, не иначе, как в роли работников, за ничтожную плату и содержание; но, по примеру богатых, и они не упускали случая по своему пользоваться на счет повинностей. Так, напр., люди, посылавшиеся для работ, относились к последним кое-как, не говоря уже о том, что обыкновенно они и посылались в меньшем числе, чем следовало, при том еще, неодновременно и не своевременно, так что из их работ и не могло быть много толку[2]. Поэтому с 1814 г. их стали посылать не иначе, как под надзором воинских служителей, для которых лошадей и содержание должны были давать общества. В свою очередь, и проводники при транспортах не принимали должных предосторожностей при переправах через реки, отчего часть клади портилась и даже тонула. По утверждению хозяев, проводники даже нарочно топили лошадей, чтобы съесть их, пользовались для этого и другими способами, как и всяким случаем, для того, чтобы продать хозяйскую лошадь или обменять лучшую на худшую; без особой нужды употребляли содержавшиеся в транспортах припасы и т. п. Поэтому число транспортных смотрителей постоянно возрастало, дойдя к 20 годам до 30 и 35 на каждый большой транспорт, не говоря уже о поверенных от обществ и целой куче капралов (десятников). Кроме того, желая и тайно попользоваться мукою, проводники по дороге примешивали к ней песку и золы, утверждая потом, что в таком именно виде вьюки приняты ими. Пришлось поэтому от каждого общества посылать поверенных, которые в качестве свидетелей присутствовали при набивке муки.

Нечего и говорить, насколько все это совершенно ненужным образом увеличивало расходы обществ, да мы и видели уже, как дорого им обходились всякие такие смотрители и поверенные.

Необходимо, однако, тут же оговориться, что мы не должны судить о только что приведенных фактах с нашей современной точки зрения. По-нашему, все это было не что иное, как преступные злоупотребления на счет безгласных и беспомощных своих сородовичей. По-нашему, такое внесение барышнического и торгашеского элемента в общественное дело ничем не может быть оправдано. Сверх того, положение якутских родоначальников было тогда настолько сильно, что, при добром желании, они без особенных трудностей могли бы оградить и себя, и свои общества от всяких злоупотреблений со стороны местных властей. Они не сделали того, а воспользовались своим прекрасным положением лишь для

---

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 352, все лл.

[2] Часто хозяева посылали для этого своих работников-косцов по окончании покосного времени, т. е., когда подчас здесь уже начинает мерзнуть, и земляные работы для поправки дорог становятся весьма трудными.

удовлетворения своих своекорыстных инстинктов и предпочли обирать своих сородовичей, давая тем возможность и всякой мелкой сошке из местных русских властей живиться на счет их обществ, развращаясь самим и развращая других[1]. Но не забудем и будем это помнить для дальнейшего также, что люди, подававшие такой дурной пример, составляли высший класс якутов, его естественную аристократию, которая, по традиции и общественному своему положению считала себя вправе пользоваться на счет низшей своей братии, признававшей, а отчасти и до сих пор признающей за ней это право, и что, с точки зрения родового коммунизма, все общественное напоминало еще собою о принадлежности его всем и каждому, а всего первее — сильным и властным главарям обществ.

Самой лучшей иллюстрацией к этому положению могут служить расчеты улусов между собою. В них родоначальники внесли было все то, что мы видели выше на внутриобщественных делах. Но отпор одного улуса другому сразу же оказался весьма значительным, и можно сказать, что на чужеулусном якуты всего первее поняли, что общественное, еще не значит ничье, хотя и касается всех. В пределах одного улусного общества, где в огромном большинстве случаев роды связаны были между собою родственною близостью и приязнью, где высший класс представлял как бы старшую родню и хозяев общества, — там использование этим классом повинностей для исключительных своих выгод происходило довольно мирно и согласно, и достигалось в то время без особого труда. Не то было дело, когда такие же поползновения стали возникать между целыми улусами, вернее, — когда группа дельцов одного улуса захотела попользоваться на счет соседних улусных обществ. Тут, те самые родоначальники и «лучшие люди», столь мало стеснявшиеся насчет средств своих обществ, когда дело шло об их собственных «стараниях» за последние, обращались в ярых блюстителей экономии и всеми силами выступали на защиту своих «бедных» обществ от барышнических поползновений соседей.

Начал кампанию один из «почетнейших» Ботурусского ул., Старостин, в качестве поверенного от головы, предъявивший в 1809 г. к общеулусному собранию иск в несколько тысяч рублей за излишние расходы, понесенные Ботурусским у. по сравнению с другими, с 1804 г. начиная[2]. По крайней запутанности счетов до 1808 г., дело Старостина затянулось, а между тем в 1810 г. Мегинский голова Скрябин предъявил такой же счет на 10.014 р., при чем требование его было столь энергично поддержано другими князцами его улуса, что указом земского суда от 16 января 1814 г. предписано было засадить голов с писарями в одну из комнат суда под караулом воинского служителя и заставить их выяснить счеты между улусами, дабы видно было, от кого и кому что надлежит. Головы тогда уклонились от такого способа сведения счетов; а между тем последние все продолжали нарастать. В конце 1811 г. Баягантайский голова предъявил счет на 2325 р. А далее одному Мегинскому наслегу за экстренную поставку 200 лошадей, вместо 70, выпавших на него по раскладке, — улус положил платы 3000 р., да еще одному наслегу, за неочеред-

---

[1] Чем далее мы будем подвигаться в нашем изложении, тем все яснее станет, что имеются все основания для такой оценки образа действий якутской аристократии.

[2] Главным образом — за забранных у ботурусцев из под транспортов лошадей, взамен недопоставленных подрядчиками на станках охотского тракта, вследствие чего за недовезенную кладь у некоторых ботурусцев сделаны были вычеты из прогонной платы. Доля самого Старостина в иске равнялась 500 руб., как это видно из арх. Б. И. У., д. по оп. № 318, л. 33.

ное употребление его лошадей (все равно шедших обратно из Удского) под команду от Амги до Алдана, улус также положил платы 450 р. Действительно ли наслеги получили эти деньги по улусной раскладке или нет, но на счет других улусов они все-таки были записаны, и — с согласия земского суда. Еще далее для экстренной отправки хлеба поселенцам охотского тракта от мегинцев, поблизости, взяты были 210 лошадей и 19 проводников до урочища Чурапча, за что улус также положил себе платы: за тело лошади по 10 р. и за проводника по 5 р., а всего — 2195 руб.[1] Таким образом, счет мегинцев в 1813 г. уже равнялся 15.659 руб.; счет баягантайцев также возрос до 11.000 руб.[2]. В свою очередь, и борогонцы предъявили не малый счет за доставку в Верхоянск профессора Геденштрома. Только у кангаласцев, намцев и дюпсюнцев (когда они в 1815 г. отделились от Борогонского ул.) как-то не оказывалось никаких счетов к другим улусам, и им предстояло уплатить в пользу последних весьма изрядные деньги. Поэтому головы их перестали являться на собрания, либо, как только дело доходило до расчетов, — уезжали из Якутска, даже не оставляя поверенных. Намцы, впрочем, скоро спохватились и также начали сочинять счета; но как ни натягивали, а больше 4752 р. 6 к. никак не могли насчитать. Стыдно было и показаться перед общеулусным ареопагом с такой малостью и, чтобы не дать в обиду свой улус, Намскому голове снова пришлось удирать из Якутска. Только ко второму собранию 1815 г. намцы набрались, наконец, храбрости и предъявили счет ни более, ни менее, как на 47.340 р. 56 к.

Для образчика и сравнения прилагаем оба счета в сжатом изложении:

	руб.	коп.
1. Расходы по поимке ссыльных в 1802—1804 г.	2.997	06
2. На проезд протоиерея Слепцова (миссионера) за лодку, в плату гребцам и т. п.	240	—
3. На проезд проф. Адамса (за вывозку его клади, на харчевые припасы проводникам и т. п.)	725	—
4. На вывозку чиновников и архива из упраздненного г. Жиганска	245	—
5. За тело 100 лош. до Кильдямцев, под ссыльных [4].	500	—
6. За тягу судна до урочища Моинубут	50	—
Итого	4.757	06

	руб.	коп.
1. На поимку беглых ссыльных	16.150	36
2. На проезд протоиерея Слепцова	960	—
3. На проезд проф. Адамса [3]	2.985	—
4. На проезд чиновников и доставку архивных дел из Жиганска	486	70
5. На вывозку денежной казны из Жиганска	669	50
6. По причине перенесения содержанием станка с Аллах-юны на Юдому [5]	2.389	—
7. На содержание мостов	9.100	—
8. На содержание перевозов [6]	14.600	—
Итого	47.340	56

[1] От Якутска до урочища Чурапча 150 в. Вывозка клади туда и сейчас обходится копеек 30 за пуд.

[2] Арх. Б. И. У., д.д. по оп. № 274, лл. 7, 8, № 329, лл. 16—17 и № 345, лл. 1—18. Арх. Н. И. У., д. по оп. № 30, все лл.

[3] Как это видно из арх. Н. И. У., д. по оп. № 15, лл. 9, 22 и 33, всех расходов по вывозке мамонтового костяка, найденного проф. Адамсом, было: в одном наслеге 72 р., в другом 99, в третьем 50 р., итого 221 р.

[4] От Якутска до Кильдямцев — 25 верст.

[5] Расход этот указан выше, как один из типичных. По случаю перемены расписания, намцам выпало содержать, вместо охотского, юдомокрестовский станок, находившийся в пустынной местности. За это они прибавили содержателям по 80 р. за лошадь, а всего за содержание станка — 1600 р. (арх. Н. И. У., д. по оп. № 22, л. 48).

[6] Кроме содержания перевозов по охотскому тракту (что всегда делалось по общеулусной раскладке и обходилось намцам максимум рублей 200 в год), во внутриулусных раскладках у намцев не найдено никаких расходов на содержание своих отдельных перевозов, если не считать нескольких десятков рублей за переправу чиновников с намского берега Лены. О расходах же на постройку мостов нет и помину.

Можно подумать, что намские родоначальники решили довести до абсурда самую систему исполнения повинностей, практиковавшуюся тогда у якутов; но, разумеется, что такого намерения у них не было и быть не могло. Грех их состоял, главным образом, лишь в непредусмотрительности и чересчур резком преувеличении, доходившем до вымысла. Впрочем, если можно было требовать за лошадей, все равно снятых со станка и шедших обратно к Якутску, — по 30 руб. за каждую (под проезд исправника на расстоянии нескольких станков), за одного человека с лошадью для расчистки охотского тракта — 350 руб., за отправку 7 конвертов от Алдана до Оймекона — 455 р. и т. п., то отчего было не потребовать за вывозку чиновников и архива из Жиганска 245 и 486 руб., и даже — не придумать совершенно небывалых расходов?

Интересно еще отметить такого рода обстоятельство. Допустив даже, что высшая администрация долго не имела представления о здешних способах отправления повинностей, мы можем с уверенностью сказать, что местные власти были весьма хорошо знакомы с сущностью и подкладкой всех расчетов и сделок по исполнению повинностей у якутов. Ибо, как ни уклонялись от этого земский суд и областное правление, им все таки весьма часто приходилось вступать как в разбирательство таких дел по жалобам заинтересованных лиц на решения родоначальников, так и в распутывание счетов между последними. Но все постановления местной администрации по делам такого рода сводились лишь к настаиванию на том, чтобы заключенные насчет повинностей договоры и обязательства исполнялись и чтобы каждому уплачено было обещанное. В суть же договоров и обязательств, а тем более в их оценку с точки зрения общественной экономии, местная администрация совершенно не входила, не считала, очевидно, и нужным входить. Мало того, не только земский суд, но и областное правление высказывались даже, что не то, чтобы входить в суть и оценку расчетов, а и заставить голов скорее распутать последние они не могут, так как-де это — внутренние дела самих обществ, не подлежащие ведению местной администрации[1]. И только более энергичный, а главное — пользовавшийся большим авторитетом, областной начальник Миницкий, в 1817 г. засадил-таки голов с писарями под караулом в земском суде, где, под надзором и. д. исправника Пономарева и дворянского заседателя Лебедева и с помощью приставленного к ним секретаря Корякина, они, наконец, учинили общий расчет, при чем сумма всех исков одних улусов к другим определена была в 27.591 р. 50 к.[2].

Но это и было уже, как говорится, началом конца описанного порядка вещей. Около десятка лет потом будут еще якутские родоначальники шаг за шагом отстаивать свой излюбленный способ исполнения повинностей, а по мере того, как это исполнение останется в их власти, многое из описанного будет итти прежним путем. Понемногу, однако, и здесь, в Якутской области, прививалась новая постановка повинностей, направленная к тому,

[1] «Поелику начальство в расчетах их и происходящей от того запутанности ... никакого влияния не имеет». Ук. Як. обл. пр. от 31 июля 1814 г. (Арх. Н. И. У., д. по оп. № 30, л. 30). И еще: «Ибо по закону дела такого рода (расчеты между улусами по исполнению повинностей) приравнены земским судом к исковым делам и должны решаться их же (родоначальников) разбирательством». (Рапорт Земск. с. в обл. правл. Арх. Б. И. У., д. по оп. № 343, л. 1).

[2] Да и то потому, что Миницкий настрого приказал принять во внимание лишь крупные статьи расхода, а мелочи совершенно откинуть. Там же, лл. 61—68.

во первых, чтобы их исполнение возможно менее зависело от родоначальников и даже от местных усмотрений вообще; во вторых, чтобы возможно менее места оставалось для денежных сборов; в третьих, там, где без последних невозможно будет обойтись, чтобы сделать их общими для целых больших районов и вполне определенными, чем установлялась возможность их нормирования и более тщательного контроля со стороны высшей власти за их применением к делу. Началом этой реформы и было учреждение земских повинностей.

«До XIX в., говорится в статье «Вестника Финансов» за 1894 г. (по поводу пересмотра устава о земских повинностях), в законодательстве нашем не проводилось различения между повинностями, отбываемыми в пользу государства и в пользу известной местности. Равным образом повинности крупных административных единиц, соответствующих нынешним губерниям, не отделялись от повинностей сословных и общественных»[1]. Это не значит, конечно, чтобы в большем или меньшем развитии такое различение не существовало на практике еще и в XVIII веке. Так, мы видели, что даже здесь, в Якутской области, с 1798 г. проводилась уже разница между повинностями, общими для целых районов, и теми, которые возложены были лишь на известную группу небольших административных единиц[2]. Верно, однако, что различение это было далеко недостаточно и что из общей массы повинностей еще не выделены были потребности местные, в их различии от общегосударственных, почему не могло быть и разграничения между повинностями денежными и натуральными.

Положением 22 мая 1805 г. все наличные повинности разделены на три категории. Из них одни, важные непосредственно для центральной власти и имевшие общегосударственное значение, должны были покрываться либо постоянным подушным налогом, либо временным — до накопления таких капиталов, проценты с которых были бы достаточны для покрытия данных государственных потребностей. Другие, — также общегосударственного значения, но имевшие более местный характер и могшие существовать в одной губернии и не существовать в других, должны были всецело покрываться денежным же сбором с одних лишь жителей каждой данной губернии, с разделением их по племенам и районам на разряды большей или меньшей зажиточности. Третьи, имевшие узко-территориальный характер и которые важны были только для благоустройства данной группы мелких административных единиц (улусов и волостей), должны были содержаться одними лишь их плательщиками, но не иначе, как очередями и без денежного сбора, почему и названы натуральными.

На первый раз особенное внимание обращено было на вторую группу (под названием земских повинностей), и в том же 1805 г. комитетом из сенаторов выработаны общие и единообразные для всей империи правила для определения размеров сбора на земские повинности, их раскладки, взимания и расходования. По правилам, денежные сборы на земские повинности могли существовать не иначе, как на основании высочайших указов и узаконений и делились на постоянные, как-то: содержание почт, отопление и освещение зданий

[1] «Вестник Финансов, промышл. и торговли» за 1894 г., № 37. «Обзор законодательства о земских повинностях».

[2] Не говоря уже о том, что в составе подушной подати, которою с того же года были обложены здешние инородцы, понемногу стали выделяться нужды общегосударственные, обязательные для всего податного населения империи.

для присутственных мест, казарм, этапов и арестных домов, препровождение арестантов и т. п., и временные — постройка и большие починки указанных зданий, чрезвычайный наряд подвод и лошадей для армии и т. п. Сметы расходов на земские повинности и их раскладки должны были составляться на три года вперед комитетом, состоящим из губернатора, вице-губернатора и депутатов от сословий. По подписании всеми присутствующими, сметы приводились в исполнение, и лишь для соображения должны были представляться министру внутренних дел. Сборы эти приравнивались к податям, поступали в местные казначейства — где им, однако, велся отдельный счет — и расходовались на то именно, на что собраны. Смешение сумм, собранных на земские повинности, дозволялось лишь в случае перерасхода по одной статье и излишка по другой. Исполнение могло совершаться сдачей с торгов и хозяйственным способом. Строго запрещен всякий сбор на повинности этой категории, не внесенный в генеральную ведомость об них и не утвержденный высочайше как таковой.

О повинностях третьей категории, или натуральных, пока лишь преподано вообще, что они должны отправляться очередями. При этом, впрочем, предоставлено, буде какая-нибудь часть общества того пожелает, — отправлять эти повинности и денежным сбором или пожертвованием со стороны более зажиточных; но только с тем, чтобы к таким сборам и пожертвованиям привлекались лишь те, кто выразил на то свое согласие подпиской или доверенностью, без малейшего понуждения к тому других[1].

Далее, в этом положении произведены были некоторые перемены, из которых более существенные отмечены будут в свое время. Теперь обратимся к применению закона 1805 г. в Якутской области.

Первой и весьма нерешительной попыткой к тому было постановление 1808 г., по коему участие в почтовой и обывательской гоньбе сделано одинаково обязательным для всех здешних обществ, причем, однако, последним предоставлено было отправлять ее наймом или очередями, как сами найдут для себя удобнее, и самим распределять ее между собою по своим обычаям. То же относительно извоза казенной клади и устройства дорог. И мы видели выше, что произошло из постановления 1808 г. на почве своеобразных здешних отношений. Зато по высочайшему указу 18 февраля того же года повелено было на будущее время не допускать подрядов на исправление мостов и гатей и для препровождения арестантов, а делать это очередями по уравнению самих обществ. Вместе с тем снова подтвержден указ 1780 г., по коему доставка ясака должна была производиться родоначальниками, без всякого денежного сбора на то с обществ. Сверх того строго запрещен сбор маслом, говядиной и т. п. для прокормления проходящих команд и проезжающих чиновников, с допущением, однако, таких сборов, если найдутся желающие покрывать их добровольной складкой или пожертвованием[2]. Последнее допущение было в полном согласии с законом 1805 г., но по здешнему месту являлось самым слабым пунктом этих и всех дальнейших подобных постановлений. Ибо, благодаря весьма несложному и, на первый взгляд, как бы совершенно невинному подмену слов, родоначальники поставили дело так,

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 359, л. 12—13. Сравн. упомянутую статью «Вестника Финансов», стр. 659—660.

[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 341, л. 23—24 и № 372, л.л. 13—15. Тогда же губернатор Трескин предложил родоначальникам сократить число писарей, но родоначальники на то не согласились.

как будто повинности и вообще относятся у якутов лишь имущими[1], вполне согласно и добровольно покрывающими из своих средств и все общественные расходы; после чего уже нетрудно было всех таких якобы имущих представить и охотно жертвующими на все, что желательно было главарям обществ.

Но уже указом 16 октября 1809 г. иркутское губернское правительство предварило родоначальников, что с следующего же 1810 г. обывательская гоньба должна отправляться не иначе, как очередями, и чтобы ни под каким видом они не приступали к наймам и подрядам на нее. Головы пробовали было представлять, что по здешнему месту это де немыслимо, и просили, чтобы гоньбу оставили на прежнем положении; но ходатайство их не было уважено[2]. Тогда родоначальники снова прибегли к старой тактике: опять один улус стал взваливать гоньбу на другой, находя, что сам достаточно обременен лежащей на нем ее частью и не желая притти на помощь другим. Все вообще находили, что к ней следует привлечь и тунгусов, хотя для последних очередное ее отбывание было тем более невозможно, — по бродячему их образу жизни. Уравнение, произведенное в 1810 г., через год оказалось уже негодным; в 1812 г. потребовалось опять новое, а в 1813 г. еще новое.

Кангаласцы отказывали в помощи мегинцам на удском тракте, а намцы находили, что с них достаточно одного вилюйского тракта и т. д.[3]. А пока что обывательская гоньба попрежнему отправлялась наймом, как, впрочем, и некоторые другие повинности, денежный сбор для коих был давно и строго воспрещен.

Вместе с тем, однако, родоначальники принимали и другого рода меры против указанных сейчас запрещений[4]. Так, уже в 1810 г. мы находим в черновой приходо-расходной книге одного из баягантайских наслегов такого рода записи: «содержание почтовой и обывательской гоньбы по охотскому и зашиверскому трактам 2021 р. 39 к.»[5], а внизу приписка — «в книгу (шнуровую) записать 1113 р. 89 к.; отправка клади в Охотск и Колымск — 2047 р. 17¼ к. (в книге писать — 765 р. 17¼); всего общественных расходов 5240 р. 75½ к. (в книге писать всей суммы 2495 р. 25½ к.)». Или, напр., указом Иркутского губернатора 23 июня 1812 г. сверх упомянутых выше, строго запрещен сбор на содержание квартир для проезжающих чиновников и на их продовольствие. А приказом 14 октября того же года баягантайский голова пишет подведомственным ему князцам, что проезд по оймеконскому тракту закрыт, и за могущих случиться проезжающих положена прогонная плата, а довольствие проезжающих харчевыми припасами насчет всей волости строго воспрещено, «о чем давая тебе известие, предписываю, дабы о подводах и расходах (на проезжающих) давать мне знание весьма осторожным ращетом»[6]. Ясно, что

---

[1] Подробнее факт этот будет изложен и разобран несколько ниже. Благодаря отчасти такой уловке, родоначальникам и удавалось более двух десятков лет совершенно открыто производить многие неоднократно запрещенные денежные сборы со своих обществ.

[2] Арх. Б. И. У., ук. Ирк. губ. правл., в предписании Як. обл. правл. от 3 августа 1811 г.

[3] Арх. Н. И. У., д. по оп. № 30, лл. 5—10.

[4] Меры, доказывающие, к слову сказать, что списки, из которых заимствованы приведенные выше примеры, действительно носили характер интимных, домашних счетов, не подлежащих огласке.

[5] Это в наслеге, где всех рев. д. было 307, а могущих нести повинности показано всего 158 душ. В нохинской ст. (охотского тр.) наслег участвовал ½ лош., в аллах-юнской 2½ лош. и т. д. Сверх участия в почтовой и обывательской гоньбе, он содержал еще 3 пары междудворных.

[6] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 262, лл. 55—58.

родоначальники приспособлялись к новым условиям, и в какую сторону шло их приспособление. Тем не менее, когда в 1816 г. по жалобе одного из ботуруских наслегов на своего князца за излишние поборы, уездный суд завинил князца именно на основании только что цитированных указов, то областное правление нашло еще возможным толковать, что князец в праве был поставить в счет двух человек с лошадьми для доставки ясака и расход на харчевые припасы, так как-де все это необходимо[1]. Но в Иркутске, а главное в других более высоких инстанциях не так относились к делу, и с усиленной энергией стремились к урегулированию повинностей в духе указанном выше.

В 1812 г. головам предписано было, чтобы, сообразя все необходимые по их обществам денежные сборы, они составили последним подробные ведомости с точными объяснениями и доказательствами действительной их необходимости. На основании этих сведений, осенью того же года учрежденным при Иркутском губернском правлении комитетом составлены первые ведомости земских повинностей по всей Иркутской губ. (в состав которой входила тогда и Якутская область) на 1813, 14 и 15 гг., с разделением ее населения на разряды или классы и с точным перечислением состава повинностей, как и размеров сбора с каждой рев. д., по принадлежности данного ведомства к тому или иному разряду. Якуты здешнего округа причислены были к третьему разряду, тогда как более отдаленные — зачислены были, наравне с здешними крестьянами и тунгусами, в четвертый разряд, что было вполне справедливо, так как все выгоды от исполнения земских повинностей почти всецело выпадали на долю якутов Якутского округа[2]. Для прекращения жалоб и споров по распределению обывательской гоньбы, большая ее часть (Охотский и Иркутский тракты) также принята в счет земских повинностей.

В следующем 1813 г., по предписанию того же губернского правления, якутский земский суд предварил здешних родоначальников, что высшему начальству стали известны многочисленные беспорядки и злоупотребления насчет повинностей, и оно «решило положить предел глубоко-вкоренившемуся злу, состоящему в недозволенных сборах и начетах с обществ». Предписано поэтому: 1) чтобы, под страхом жесточайшего взыскания, родоначальники не делали никаких недозволенных раскладок и сборов с родовичей, разве что те сами от себя захотят учинить какую-нибудь складку или пожертвование, и 2) чтобы неукоснительно записывали все денежные сборы и расходы в шнуровые книги, которые им ежегодно для того даются, и по окончании каждого года представляли их в земский суд для просмотра[3]. Кроме того, по высочайшему указу 21 октября 1813 г. предписано было, чтобы ежегодно по каждой губернии представлены были к сведению его величества ведомости обо всех повинностях, отбытых населением в истекшем году, и во что они обошлись на каждую рев. д. Для этого указом иркутского губернского правления, 16 февраля 1814 г., земским судам вменено в обязанность, чтобы ежегодно они требовали от подведомственных им обществ отчеты обо всех расходах (внутренних) минувшего года. Для большей же достоверности,

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 341, лл. 23—24.

[2] Там же, д. по описи № 296, лл. 5—6 и № 273, л. 29. На третий класс плательщиков в первое трехлетие положено по 2 р. с р. д. Но, за вычетом прогонов за проезд на обывательских лошадях, якуты здешние платили в среднем по 1 р. 70 к. с рев. д. По 4-му классу платеж был 1 р. 50 к.

[3] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 265, лл. 8—12 и № 273, лл. 14—25.

рядом с такими отчетными ведомостями, в земский суд должны были доставляться и шнуровые приходо-расходные книги для взаимной проверки одних другими в общем присутствии членов сего суда, с участием стряпчего, коих подписями и должна была удостоверяться подлинность и необходимость произведенных расходов [1].

В 1815 г. особый комитет о земских повинностях учрежден был при якутском областном правлении для якутского и охотского ведомств, с участием одних лишь здешних улусных голов в качестве депутатов. При этом якуты здешние попали в четвертый разряд плательщиков (по 2 р. с рев. д., а на деле — по 1 р. 75 к.), наравне не только с русскими крестьянами, но и с средневилюйскими и усть-янскими якутами, майскими и удскими тунгусами и даже с ламутами и юкагирами, тогда как олекминские, верхоянские и даже колымские якуты попали в третий разряд (по 3 руб. с души) [2]. Между тем, списки исполнения земских повинностей указывают, что, за исключением 2—3 мещан и стольких же отставных чиновников, содержателями почтовых и обывательских станций, перевозов и т. п. попрежнему являлись одни лишь здешние почетные якуты, с бывшими и наличными родоначальниками и сельскими заседателями во главе, — по тем же крайне неумеренным ценам, которые раньше установлены были родоначальниками.

Высочайшим указом 14 июня 1816 г. сделан новый шаг в смысле различения земских повинностей от внутренних, как они именуются теперь. Опять же оставляя в стороне ясак и подушную подать, новое положение, на основании прежнего опыта, вошло в более детальное исчисление ранее выделенных земских повинностей, но включило сюда и некоторые другие, которые по закону 1805 г. отнесены были к внутренним натуральным. Сверх того и в последних оно различало одни, кои могут отправляться очередями или наймом, а стало быть и путем денежного сбора со всех плательщиков, от других, которые должны отбываться не иначе, как очередями или складкой с одних лишь желающих и пожертвованиями.

К первым отнесена, между прочим, и обывательская гоньба на небольших трактах, а хотя распределение ее возложено теперь на местную администрацию, но исполнение попрежнему оставлено в руках якутских родоначальников, снова таким образом получивших законное основание для денежного сбора на нее. Главное, что удержано было из закона 1805 г., состояло в том, что ни один денежный сбор не должен был иметь места без высочайшего соизволения. Даже более, теперь и сметы постоянных земских повинностей должны были до начала каждого трехлетия представляться через министра финансов в государственный совет, без утверждения которого ни один предположенный сбор не должен был приводиться в исполнение. То же и об экстраординарных или временных земских повинностях, как и о тех из третьей категории (местно-натуральных), кои по местным условиям положено будет отправлять наймом на счет общества, а не очередями или пожертвованиями. На этом основании, все общества обязаны были до начала каждого года представлять сметы предстоящих к исполнению внутренних (т. е. частных, для каждого данного общества) повинностей и общественных расходов, с точным указанием, какие из них оно предполагает отправлять очередями, а какие — путем денежного сбора со всех общественников. Земский суд, войдя в подробную оценку законности и подлинной необходимости

---

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 296, лл. 2—4.

[2] Там же, д. по оп. № 231, лл. 15—28 и № 349, лл. 13—14.

самих сборов, как и их размеров, составлял затем общую по всему уезду смету. То же делалось потом в губернском правлении, после чего генеральные для всей губернии сметные ведомости должны были восходить на утверждение государственного совета.

Самое же важное, по здешнему месту, в законе 1816 г. было то, что о сборе на отправку казенной клади не только приходилось теперь показывать в смете внутренних повинностей, но и сообщать к высочайшему сведению. Между тем сбор этот служил до того весьма важным источником для темных сделок, оборотов и махинаций со стороны всякого рода дельцов[1]. Поневоле местной администрации пришлось усилить наблюдение за этим делом, а родоначальникам — стать более осторожными. А тут как раз с 1816 г. началась зараза на лошадей по охотскому тракту, — зараза, о действительных размерах которой трудно теперь судить с точностью; но, по ходатайству якутского областного начальника и иркутского губернатора, большая часть расходов по дополнительной доставке недовозов 1817—1818 гг. принята была за счет казны[2]. Убытки, понесенные обычными предпринимателями по доставке клади, а через них — и обществами, были, тем не менее, весьма не малы. Необходимо, однако, заметить при этом, что больше лошадей пало под купеческими, чем под казенными транспортами (под последними пало: в 1817 г. 650 лош., 1818 г.— 960; под купеческими почти вдвое больше)[3]. Мало того, почти вся казенная кладь с лошадей, действительно павших по дороге, сложена была в магазинах, так что по крайней мере за нее не приходилось платить. Но не мало ее и погибло: якобы потонуло, съедено было медведями и т. п., — по показанию подрядчиков, «взявших на себя эту обязанность под видом проводников и наслежных капралов». И вот, расследование показало, что пропала, главным образом, кладь, перешедшая за ничтожную провозную плату в третьи и четвертые руки, к заведомо бессильным и неблагонадежным подрядчикам, т. е. либо совершенно не увезенная, либо сбытая по дороге[4].

Поэтому убытки были особенно велики в обществах, где наиболее развито было барышничество насчет отвозки казенной клади, т. е. где родоначальники и «лучшие люди», с целью увеличения и замаскирования собственных барышей, передавали кладь подрядчикам из чужих улусов, не заботясь при этом об их состоятельности и добросовестности. Там же, где кладь не передавалась в чужие руки и была своевременно отправлена, она дошла полностью (как в борогонском улусе) и даже без всякой гибели лошадей (как в мегинском улусе), несмотря на неурожай сена в последнем, несмотря даже на то, что, в виду аккуратной доставки, мегинцы и борогонцы были год за годом совершенно освобождаемы от надзора за их транспортами, тогда как за другими улусами надзор, напротив, был усилен[5]. Таким образом, только в силу большей добросовестности родоначаль-

---

[1] Для краткости и чтобы не оттенять чересчур одну сторону, нами указана лишь малая часть того, что происходило здесь по поводу исполнения повинностей вообще, и отвозки казенной клади — в особенности.

[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 376, лл. 93—95.

[3] По донесению Миницкого Трескину, при чем о количестве лошадей, павших в купеческих транспортах, Миницкий говорит с некоторым недоверием. Там же, лл. 64—65 и 93. Ср. В. Вагина. Истор. свед. о гр. Сперанском, т. II, стр. 5 и 404.

[4] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 376, лл. 106—107, при чем приложена и ведомость подрядчиков, за которыми пропала кладь.

[5] Там же, д. по оп. № 376, лл. 7—8 и 64—65.

ников, у мегинцев и борогонцев не погибло нисколько лошадей, не было недовозов, а стало быть и вычетов за них из прогонной платы, не было и расходов на препровождение транспортных смотрителей и надзирателей.

Вместе с указанными законоположениями, местной администрации вменено в особую обязанность принять деятельные меры к прекращению всяких недозволенных сборов с обществ. А дабы дать земским судам возможность исполнить эту обязанность, в 1817 г. улусы и крестьянские общества распределены были участками между дворянскими заседателями сего суда, коим предписано следить не только за благоустройством и судопроизводством в подведомственных им обществах, но и за сборами, чинимыми с последних, и расходованием собранных сумм. Для этого заседатель обязан был, возможно чаще, объезжая свой участок, входить в подробное рассмотрение делопроизводства и счетоводства общественных властей, правильности составления и исполнения общественных приговоров и т. п.[1]. Мало того, на деятельность местной администрации в соответствующем смысле теперь обращено было усиленное внимание высших властей, и почти не проходило года без более или менее внушительного напоминания областному правлению и земскому суду, чтобы всеми мерами старались прекратить всякие излишние сборы за повинности и, елико возможно, сократить общественные расходы.

Так, в 1817 г. высочайше одобрены действия Московского генерал-губернатора против злоупотреблений сельских властей, а выработанные им правила велено применить и по прочим местам. По правилам этим, между прочим, сельские власти подлежали ежегодному учету со стороны выборных от обществ, почему и князцам предписано было, чтобы они также учитывали своих улусных голов. Так как князцы отказались от этого на том основании, что головы все равно ничего не делают без их согласия, и что всякий сбор и всякий расход производится у них не иначе, как с общего и полного их с головами соглашения, то в 1820 г. им предписано было, чтобы учет голов они производили в присутствии земского суда и областного стряпчего. Вдобавок к этому в 1823 г. предписано было, чтобы старшины вместе «с лучшими» родовичами ежегодно учитывали наслежных своих князцов. Сверх того сенатским указом 1818 г. запрещен сбор на непредвиденные надобности.

Как видим, целый ряд мероприятий правительства и высших местных властей направлен был к тому, чтобы упорядочить дело отправления повинностей и тем облегчить их тягость для населения. Нельзя сказать, чтобы в перечисленном все было одинаково удобоисполнимо и целесообразно по местным здешним условиям. Так, если введение земских повинностей и требование вмешательства в исполнение всех вообще повинностей у якутов было как нельзя более кстати, то, при некотором внимании местных властей, земские повинности

---

[1] Ук. Як. обл. правл. 15 окт. 1817 г. (Арх. Б. И. У., д. по оп. № 414). К первому участку здешнего окр. приписаны были: селения иркутского тракта, западная часть Кангаласс. ул. (тогда еще неразделенного) и почти весь Намский ул.; ко второму — Амгинская слобода и поселения охотск. тракта, Ботурусский и Мегинский ул. и восточная часть Кангаласского; к третьему — Борогонский ул., Баягантайская и Дюпсюнская волости и небольшая часть Намского ул. Все дела, подлежавшие исполнению на месте, отныне должны были поручаться дворянским заседателям, как членам земского суда, по принадлежности к их участкам, с полным устранением от этого сельских заседателей (роль которых сведена на присутствование при разборе дел, касавшихся якутов, и контрассигнирование указов земского суда на имя родоначальников). А исправник обязан был по временам объезжать весь округ для осмотра станций, дорог и т. п. и для наблюдения за тем, чтобы заседатели «исполняли свои обязанности не одной только бумажкой или проформой, а и в самом существе».

могли и должны были обходиться дешевле, могли быть и более справедливо распределены. Точно так же требование учета голов князцами и князцов старшинами и лучшими людьми не могло достигнуть своей цели. Ибо, если и действительно все сборы и расходы в якутских обществах происходили не иначе, как с общего согласия якутской знати с родоначальниками, то все они почти одинаково заинтересованы были в том, против чего так боролось теперь правительство. А при всевластии, каким они пользовались тогда в своих обществах, именно это-то их общее согласие и постоянное единомыслие с местными низшими властями было в данном случае самым сильным тормозом для упорядочения повинностей и раскрытия всей той привилегированности, какою обставила себя якутская знать при их исполнении. Наконец, совершенно неисполнимым оказалось ежегодное представление сметы денежных внутренних повинностей и общественных расходов на утверждение высших центральных властей. Тем более это должно было оказаться, что далеко не сразу и местный административный механизм мог быть приведен в такое состояние, чтобы даже формально исполнять все те требования, какие предъявлялись к нему теперь. Доказательств тому можно бы привести весьма много, но мы ограничимся одним-двумя более рельефными.

Когда в 1817 г. впервые потребовалось здесь представить сметы внутренних повинностей, то, не надеясь уже на якутских родоначальников, областное правление предписало, чтобы не только размеры дорожной повинности, но и суммы, необходимые для нее, определены были земским судом, не запрашивая родоначальников, так как «все равно никакой верности и основательности от них ожидать нельзя»[1]. Сообщая об этом головам, земский суд указом 17 апреля предписал им, чтобы хоть об остальных внутренних повинностях и общественных расходах они немедленно представили сметы, так как, без утверждения таковых, никакой сбор, по закону, не должен иметь места. 17 сентября, когда по обыкновению около трех четвертей всех повинностей уже приведены были в исполнение, земский суд снова предписал строжайше и в последний раз, чтобы головы представили, наконец, сметы, затребованные еще в апреле. А 4 января 1818 г. суд пишет, что, хотя сборы уже произведены и собранные деньги уже израсходованы (без представления смет), но пусть хоть «для сведения» улусы все таки представят свои прошлогодние сметы. Головы отвечают, что указы получили и исполнят, пишут соответствующие приказы князцам, получают такие же ответы. 17 января земский суд снова подтверждает о том же; 7 марта следует новое строжайшее подтверждение (опять головы пишут князцам и опять получают в ответ: «исполнение чинено быть имеет»), а 14 мая — еще новое наистрожайшее предписание. Но только 10 июня головы рапортуют, наконец, что посылают сметы и приговоры на 1817 г., составленные «при виде (в присутствии) нарочно посланных воинских служителей»[2].

Благодаря большим штрафам, наложенным тогда на писарей, сметы на 1819 г. уже представлены были хоть и с опозданием, но все таки до начала года. А в декабре 1819 г. несколько улусных голов рапортуют, что посланные ими в конце 1818 г. сметы им еще не возвращены, так что они не знают, одобрены ли они областным правлением, почему и затрудняются составлением таковых на 1820 г.[3]. Иначе говоря, когда усилиями двух лет

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 389, лл. 10—11.
[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 398, лл. 4—84.
[3] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 398, лл. 4—84.

земскому суду удалось, наконец, понудить голов к своевременному представлению смет, то областное правление больше года продержало последние без рассмотрения.

Впрочем, из журнала совета главного управления Восточной Сибири от 13 июля 1824 г. видно, что то же приблизительно происходило и в других губерниях и что еще в 1823 и 1824 г. погубернские сметы не могли быть своевременно представлены даже в это управление, поэтому и требование предварительного их представления в государственный совет было потом совершенно оставлено [1].

Если так обстояло дело даже с формальным исполнением вновь установленных порядков, то неудивительно, что в расчетах улусов между собою за 1817—1820 гг. находим такого рода расходы, как, напр., на проезд с Алдана на Оймекон: дворянского заседателя Смолина (в 1817 г.)—15 лош. и 3 проводника — 600 руб.; заседателя Валя (в 1818 г.) — 380 руб.; заседателя Егорова, туда — 380 руб., обратно — 29 лош. и 7 проводников — 680 руб.; итого проезд одного Егорова — 1060 руб. [2]; а во внутренних счетах улусов мы еще в 1821—1824 гг. находим такие, напр., статьи общественных расходов: за одно собрание в доме князца Белелюбского на мясо, масло и сено — 90 руб., да за квартиру ему — 30 руб.; по другому собранию там же: «за съеденную корову — 50 руб., за двух бычков — 50 руб., за сено — 30 руб., да за квартиру — 50 руб.»; «... во время раздела прогонных денег в Якутске по согласию князцов употреблено на водку и стерлядь — 7 руб. 50 коп.»; «...старосте Заболоцкому за получение денег из казначейства — 20 руб.» и т. п.[3].

Неудивительно также, что когда в 1820 г. областное правление обратилось к рассмотрению улусных смет и приговоров, то оказалось, между прочим, что во многих обществах междудворная гоньба отправлялась наймом, а не очередями, как следовало по закону; а что в Дюпсюнской волости четыре года подряд производился сбор в 875 руб. на повивальных бабок, тогда как в 1817 г. предписано было лишь выбрать подходящих женщин для обучения повивальному искусству, на случай если такое обучение состоится[4]. Во всех вообще улусах производился со всех плательщиков денежный сбор на содержание рассыльных, церковных старост и оспенных учеников, на прокормление нищих, очистку ледников (для хранения мертвых тел) и т. п., тогда как по закону все это должно было исполняться очередями или денежной складкой с одних лишь более зажиточных [5].

Ясно, что если направление принято было вполне верное, то для проведения его в жизнь работы предстояло еще много. Ибо именно только продолжительной и настойчивой работой, а главное — постоянным и зорким наблюдением за действиями общественных

---

[1] Арх., Н. И. У., д. по оп. № 53, л. 1.

[2] Арх. Б. И. У., д. № 344, л. 69. В другом месте (л. 91, обор.) тот же проезд Егорова засчитан еще и таким образом: туда и обратно 21 лош. и 7 проводн. — 1120 р.

[3] Там же, за 1824 г., д. №№ 30 и 35.

[4] Там же, д. по оп. № 398, лл. 86—87. Обучение не состоялось.

[5] О том, как составлялись подобные сметы можно судить, если взять, напр., черновую баягантайской волостной сметы на 1818 г. Там содержание трех обывательских лошадей по зашиверскому тракту засчитано сперва в 700 р., потом в 525 р., в 225 и, наконец, в 300 р.; число десятников пять раз перемарано пока проставлена цифра 21, ледников для хранения мертвых тел сперва проставлено по одному на наслег, потом — по два и даже в некоторых наслегах по 4, а расход на их очистку — сперва по 15, потом по 25 р. в год; расход на оспенных учеников сперва 450, потом 225 и, наконец, 400 р. и т. д. (Там же, д. по оп. № 389, лл. 12—14).

и местно-административных властей можно было надеяться устранить действительно «глубоко вкоренившиеся» злоупотребления на счет повинностей.

Эту работу необходимо причислить к наиболее важным для упорядочения инородческой жизни. Но именно потому, что уставом об инородцах (1822 г.) для нее не сделано ничего особенно выдающегося, — нам не зачем долго останавливаться на нем, несмотря даже на то, что весь четвертый его отдел целиком трактует о податях, а из отдельных приложений к нему, одно, высочайше утвержденное того же 22 июня 1822 г., посвящено земским повинностям, другое-же, подписанное гр. Сперанским, — обывательской и почтовой гоньбе. Так, по отношению к денежно-казенным повинностям уставом не создано ничего нового, то же, что было в нем ново, касалось скорее управления и самоуправления инородцев. Что же касается земских повинностей, то вопрос о них был и до того так удачно поставлен, что для дальнейшей его разработки требовались лишь редкие и незначительные изменения. Поэтому и «Положение о земских повинностях» 1822 г. состояло, главным образом, лишь в сжатой и ясной формулировке наиболее существенного из того, что ранее сделано на этот счет. Впрочем, положение вместе с тем показывает, что в намерениях Сперанского было возможно большее ограничение местно-натуральных повинностей в Сибири насчет денежных общеземских. Но для этого Сибирь была еще чересчур слабо населена, инородческие общества — мало культурны, и среди них мало еще развито денежное хозяйство. Оттуда и колебания относительно способа отправления повинностей в законоположениях, выработанных Сперанским, и не полное их совпадение между отдельными частями. Поэтому также им в конце концов уделено столь мало внимания натуральным повинностям. А начал было он именно с них.

Из натуральных повинностей всего более и первее обратила на себя его внимание обывательская гоньба. «Правила о содержании обывательских и почтовых подвод» составлены им еще в 1819 г. Как видно из мотивов к новому их подтверждению в указе Иркутского гражданского губернатора Цейдлера от 1823 г., — такое исключительное внимание к обывательской гоньбе объяснялось весьма частым и даровым пользованием ею со стороны многих, не имевших на то законного права. Благодаря этому, содержание 1—2 пар обывательских лошадей равнялось по стоимости 4—5 парам почтовых. А были и такие места, где вместо 1—2 пар обывательских (по расписанию), содержатель должен был всегда иметь наготове от 20 до 30 лошадей, и где поэтому гоньба обходилась в год по 10 руб. на душу[1].

И вот, первые же два пункта «Правил» 1819 г. гласят, что денежный сбор на обывательскую гоньбу отменяется с 1820 г.[2], за исключением небольшой суммы, которая может понадобиться для содержания этой гоньбы в местах, где, по крайней редкости населения, очередное ее отправление окажется совершенно невозможным. Перечислив затем самым точным образом, кому и когда должны быть бесплатно отпускаемы обывательские подводы по билетам и без оных, правила не только указывают, кто вправе пользоваться обывательскими лошадьми не иначе, как с платежом прогонов, но и в двух заключительных статьях установляют:

---

[1] Ук. иркутск. губернск. управл. от 5 мая 1823 г. № 9290 (Арх. канц. насл.).

[2] В 1819 г. сбор этот составлял по Иркутской губ. 195.523 р. (Там же).

«Кто повезет кого бы то ни было на обывательских подводах, очередных или наемных, без билета и платежа прогонов, тот будет судим и наказан;

«Кто без печатного билета потребует обывательских лошадей и поедет без платы прогонов, тот будет судим в насилии или во взятках и наказан по закону»[1].

Все это говорило о желании сузить круг денежных сборов на отправление повинностей. Но уже несколько иную точку зрения мы видим в положении 1822 г. Оставив в стороне казенные подати и общественные расходы, положение подводит все остальные повинности под рубрику земских и, прибегая к совершенно новой номенклатуре, делит их на денежные и личные, при чем под последними подразумевает местно-натуральные повинности, для которых ранее запрещен был денежный сбор[2]. И вот, в применении к Сибири личные повинности почти отменяются. Ибо, по § 3, содержание подвод для земских сообщений (обывательская гоньба) «во всем составе причислено к денежным повинностям» (почтовая же гоньба и до того вся вошла туда же), а устройство и исправление дорог и препровождение ссыльных должно было производиться особыми этапными и дорожными командами на счет денежного сбора с местных жителей; после чего на долю натуральных повинностей оставалось бы только незначительное по здешнему месту содержание перевозов и исправление проселочных дорог. Далее, однако, из этого общего правила делается несколько таких важных исключений, после которых отправление более крупных повинностей здесь оставлено, в сущности, таким же, как оно устроено было до того.

Составление смет и раскладок земских повинностей также оставлено на прежних основаниях, только с большей тщательностью очерчены функции местных комитетов по раскладке земских повинностей. По положению, дело комитетов должно было состоять лишь в распределении жителей округа по степени их зажиточности на пять разрядов или классов с убывающими размерами платежа от первого к пятому[3]. При этом комитет не определял даже приблизительно размеров самого сбора ни с целых разрядов, ни тем более с отдельных ревизских душ, так как то и другое определялось в губернском совете уже по окончательном утверждении смет. В совете окружные и областные раскладки подвергались пересмотру и сводились в одну общегубернскую раскладку, при чем разряды, низшие по местной раскладке, но по состоянию равные высшим в других округах, переводились в эти высшие. Так, напр., если жиганские и олекминские якуты, верхоянские мещане и т. п., зачисленные по Якутской области в 4-й разряд, найдены по состоянию равными верхолен-

[1] То же — и в заключительном пункте о почтовой гоньбе: «содержатель, который повезет на почтовых лошадях кого бы то ни было без подорожной и платежа прогонов, будет судим и наказан». Дальше, кажется, уже некуда было итти по этому пути. А если и после того продолжали даром пользоваться обывательскими лошадьми многие, кому это совершенно не полагалось, и тем не менее ни судимы, ни наказаны за то не были, то не значит ли это, что, кроме запретительных указов и законоположений, нужно было еще что-то такое, что действительно охраняло бы инородческое и крестьянское население от злоупотреблений со стороны их собственно-общественных и местно-административных властей.

[2] В свою очередь, денежные земские повинности разделены на постоянные и временные. К первым отнесены: содержание почтовых и земских сообщений, препровождение этапных и содержание дорожных команд, ко вторый — устройство воинских, этапных, почтовых и тюремных помещений.

[3] В основу при этом принималось: 1) свойство и количество владеемых земель, 2) размеры пастбищ и скотоводства, 3) промыслы, 4) удобства для торговли и торговые пути и 5) случайные признаки оскудения от продолжительных неурожаев, наводнения, скотского падежа и т. п. За наименьшую единицу причисления к разряду считалось для инородцев ведомство инородной управы.

ским бурятам, туруханским мещанам и т. п., зачисленным в своих губерниях по 3-му разряду, то по общегубернской раскладке упомянутые якуты и здешние мещане перечислялись в 3-й разряд[1]. Таким образом, сумма, подлежавшая к уплате тем или иным обществом, зависела: от общей высоты расходов на земские повинности (в данное трехлетие и в данном генерал-губернаторстве), от его разряда по общегубернской раскладке и от количества числившихся в обществе ревизских душ. Не забудем, однако, при этом: 1) что из общей суммы, ежегодно следовавшей по каждому округу на покрытие земских повинностей, вычитывалась сумма, которую ему следовало получить в предыдущем году за возку почт и эстафет, и 2) что распределение следовавшей с общества суммы земского сбора (как, впрочем, и всех других податей) между отдельными хозяйствами предоставлено было его родовому управлению и не подлежало вмешательству местных властей[2].

Относительно дорожных рабочих команд, содержание коих должно было по положению происходить насчет денежного сбора с местных жителей, скажем лишь, что, несмотря на всю настойчивость, внесенную в их устройство со стороны сибирского комитета они продержались весьма недолго[3].

Специально же в Якутской области опыт с устройством охотского и удского трактов помощью команд (из ссыльных) уже в начале века доказал всю их непригодность по здешнему месту[4]. А этапные команды здесь никогда не устраивались, в виду ничтожного следования ссыльных. За то весьма справедливым и настоятельным нововведением было совершенное освобождение от земских повинностей всех бродячих инородцев (§ 23 положения, § 62, п. 3 устава), осуществленное здесь, однако, не ранее, как в 30-х гг., благодаря медленности в применении устава и крайней безответности большинства бродячих инородцев.

Остается показать, каким образом постановка повинностей по уставу могла и должна была отразиться на дальнейшем общественном развитии якутов. Но тут необходимо заметить, что и вообще относительно развития самоуправления у сибирских инородцев значение устава до сих пор сильно преувеличивалось, что зависело, повидимому, от недостаточного знакомства с предшествовавшими уставу узаконениями об инородцах. Несомненно, Сперанский имел все основания отнестись и действительно отнесся весьма недоверчиво к местной администрации. Но все его недоверие выразилось в том, во 1-х, что, узаконяя и как бы даже подчеркивая прежние предписания о невмешательстве местных властей в некоторые весьма важные отрасли общественно-хозяйственной жизни инородцев, он, однако, не передал

---

[1] § 28 полож. Вот чем объясняется нередко встречающееся в архивных документах обозначение одних и тех же обществ в низшем разряде по местной раскладке и в высшем — по общегубернской.

[2] § 21 полож. и 310 устава об инор.

[3] Как видно из архивных документов, кажется, вернее будетд опустить, что Главн. упр. В. С. «не без всякого повода», как заключил г. Вагин (цит. соч., т. II, стр. 368), а на весьма веских основаниях решило приостановить действия дорожных команд. Ибо, не говоря уже о быстром увеличении земского сбора, на дорогу выводились и тут же убивались целые стада скота; так что прокормление команд легло бы огромной тягостью на местных жителей, при чем тягость эту было бы столь же не легко уравнять с отдаленными от тракта жителями, как и прямое натуральное отправление дорожной повинности.

[4] Что не помешало всего несколько лет тому назад (в 1890 г.) снова повторить опыт употребления ссыльных для ремонта аянского тракта, опыт, оказавшийся также совершенно неудачным, так как из работавших в партии 29 ссыльных один умер, а остальные все разбежались.

этих отраслей в ведение самих обществ, как таковых, а предоставил их полному усмотрению инородческих родоначальников. Во 2-х, вводя этих последних в круг самого мелочного регламентирования инородческой жизни (детали которого должны были быть установлены впоследствии) — на правах, почти равных с низшими русскими властями[1], он все действия общественных инородческих, как и местных административных властей поставил в самую тесную зависимость от распоряжения и усмотрения целого ряда все более высоких административных инстанций. Так, не только ежегодные сметы внутренних повинностей, но и всякая к ним прибавка среди года, если бы таковая понадобилась, должны были восходить на усмотрение главного управления (§§ 304 и 305). Собранные в подати суммы могли прямо передаваться земскому чиновнику лишь там, где не было инородных управ; там же, где они существовали (а в той или иной форме они были почти везде), сборы от родовых управлений должны были поступать в инородные управы, оттуда — в уездное казначейство (§§ 324 и 329). А хотя по § 325 «старосты обязаны не сдавать податей никому, кто не может выдать квитанции», тем не менее выдача последних обязательна только для русских властей; управы же не обязаны были выдавать квитанции старостам, как и эти последние — отдельным домохозяевам[2]. Общая сумма сборов, вычисленная губернатором и утвержденная главным управлением, должна была распределяться между наслегами (или родами?)[3] не улусным собранием, а степною думою, «сообразно со способами каждого общества» (§ 309).

Точно так же сумма, выпадавшая на каждое общество, должна была распределяться между отдельными хозяйствами не собранием общественников и по их приговору, а родовым управлением (§ 310). Смета внутренних повинностей должна была с одной стороны восходить на утверждение главного управления, а с другой — определяться общественным приговором лишь там, где не было степных дум; в противном случае определялись этими последними (§ 363).

И так — во всем. Устав как будто не знает обществ, а ведает одних лишь родоначальников. Ибо «все сведения об улусе полиция заимствует из показаний родоначальников (§ 102). Староста имеет право приносить жалобы (за общество) без доверенностей и письменных приговоров родовичей (§ 179). Родовые управления особенно имеют заботиться, чтобы родовичи их старались, в случае благоприятного промысла, иметь достаточный запас

---

[1] «По уставу об инор.» 1822 г. все кочевые инородцы должны получить образование управления, подобное управлению волостному, токмо под другими наименованиями: у них положено иметь родовые управления вместо сельских; инородные управы — вместо крестьянских волостных правлений и степные думы, наравне с земскими судами, коим они не подчиняются (Журн. Сов. главн. упр. Вост. Сиб. от 13 июля 1825 г. № 21, примеч. к гл. III. В Арх. Н. И. У., д. по оп. № 53, л. 11).

[2] Это было весьма крупное упущение в уставе, ведущее подчас к большим злоупотреблениям со стороны инородческих общественных властей.

[3] Насчет определения разного рода административных единиц в уставе существует полная путаница. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить §§ 103 и 177, где то и дело смешиваются бурятские названия «род» и «улус» с тем, что здесь называлось наслегом и родом. Необходимо, впрочем, заметить, что § 309 не был здесь применен. Улусные, как и наслежные родоначальники одинаково ревниво отстаивали свое право невмешательства в их внутренние распоряжения со стороны степной думы. Поэтому о распределении думой повинностей между обществами никогда даже и речи не заходило. Распределение же казенной клади, действительно производившееся одно время в степной думе, в сущности сводилось к миролюбивой дележке между родоначальниками и почетными людьми разных обществ получавшихся от этого дела барышей.

для своего продовольствия (§ 183). Все выдачи предметов продовольствия в ссуду инородцам делать налицо и на ответственность управляющего родом (§ 185)[1]. Сведения о законах и обычаях каждого племени (для предполагавшегося к изданию свода степных законов) предоставляется местному начальству собрать от почетнейших людей»[2], и т. д.

При такой централизаторской тенденции устава и при взгляде его на инородческие общества, как на группы малолетних семьян, а на родоначальников, как на их отцов[3], — не ясно ли, что, если бы устав и был применен во всей силе, то общественное развитие инородцев едва ли выиграло бы от этого. Но дело то было в том, что, при желании охватить одним общим установлением все многообразие сибирско-инородческой жизни, устав по необходимости отличался такой общностью положений, что во многих частях вся сила его подлинного воздействия должна была сосредоточиться на его применениях к каждому данному месту. Иначе говоря, поскольку устав попал в курс действительной жизни и производившейся до того работы, и там, где налицо были силы, готовые воспользоваться учреждениями, которым он придал силу закона, — там и постольку он применен вполне, он вошел в жизнь, продолжает воздействовать на нее и до сих пор (худо или хорошо, это — другой вопрос). Там же, где он являлся плодом весьма благожелательного, но все же чисто-кабинетного измышления, а в особенности, — где он шел вразрез с требованиями места и времени, там он в лучшем случае привел лишь к огромной канцелярской переписке, безрезультатной, а потому довольно скоро и позабытой[4]. Но, не говоря уже о том, что бесполезная трата сил может происходить лишь в ущерб действительно нужной, — были и такие случаи, где устав отвлек местную администрацию от насущных задач, продолжает и до сих пор задерживающим образом действовать на развитие и преуспеяние сибирских инородцев[5].

Работа по применению устава в Восточной Сибири происходила в главном и губернском управлениях, при постоянном содействии местных губернаторов и областных начальников. Так как казенные и общие земские повинности могли пока что считаться достаточно

---

[1] На этом основании происходили такие, напр., вещи. Какой-нибудь тунгусский староста получает из казны ссуду порохом и свинцом за весь свой род (по цене, даже несколько пониженной против местной рыночной), то и другое тут же продает на местном базаре и накупает товары, которыми потом и расторговывается среди своих родовичей; а порох и свинец последние вынуждены потом покупать в три-дорога у якутских торговцев, разъезжающих для торговли по тунгусским стойбищам и держащих промышленника-тунгуса в немилосердной кабале. Поэтому, также вопреки уставу, хлебные ссуды из казны выдавались на руки нуждающимся.

[2] На этом основании и были допущены в иркутский комитет (для приведения в действие устава) заранее для того выбранные здешними родоначальниками, борогонский голова Ив. Мигалкин и один из кангаласских князцов, Савва Кирилин, с одним ассистентом и переводчиком при каждом. Целью учреждения комитета было: 1) разделение инородцев на разряды — оседлый, кочевой и бродячий, 2) устройство управления, 3) определение границ владеемых каждым родом земель и 4) составление проекта степных законов.

[3] «Управляющий родом приемлется в назначении старшего лица, как будто бы род составлял одно семейство» (§ 173).

[4] Так было, напр., с изданием свода степных законов. По замыслу то было весьма важное и полезное дело, ибо недостаток такого свода и сейчас весьма чувствителен. Но где были здесь тогда люди способные собрать достоверный материал по обычному праву инородцев, «смягчить все дикое и жестокое, отменить несообразное и т. п.»? И какие, наконец, были гарантии, что полученные от «почетнейших людей» сведения будут действительным отражением жизни, а не продуктом их классовых вожделений?

[5] Так, напр., не только во время составления устава, но и до того не могло быть сомнения, что межевание земли и ее распределение между обществами по густоте населения — дело нужное и настоятельно необходимое. Но § 28 устава надолго задержал это дело, к которому серьезно не приступили, в сущности, и до сих пор.

определенными и урегулированными, а уставом весьма мало сделано было для точного выяснения внутренних повинностей, и совершенно упущены были из виду общественные расходы инородцев, то главное управление прежде всего обратило свое внимание на эти две категории повинностей. Рассматривая же поступившие к нему (не в срок) сметы внутренних повинностей и общественных расходов на 1823 и 1824 г. и разобрав в отдельности все статьи денежных сборов, совет главного управления Восточной Сибири нашел, что некоторые из них только потому занесены в сметы, что значатся в общих, преподанных для того формах, тогда как на самом деле в данном месте таких повинностей совсем не существует, так что денежные сборы шли неизвестно на что, либо же ими прикрывались другие, запрещенные по закону, расходы. Еще более совет нашел статей расхода прямо незаконных, либо таких, которые должны были покрываться денежной складкой или пожертвованиями одних лишь более зажиточных, а не сбором со всех плательщиков. Так, взнос податей за умерших и выбылых должен был, по толкованию главного управления, покрываться пожертвованиями, а не раскладываться на всех[1]. Незаконными же признаны следующие сборы: 1) На поездки родоначальников и их прокормление во время собраний, ибо поездки эти входят в обязанности их общественной службы, за которую (по §§ 141 и 132 уст.) им не полагается денежного вознаграждения[2]. 2) Для вознаграждения почетных родовичей за исполнение общественных дел, в качестве поверенных от старост, так как на то существуют старшины, которым, однако, также не полагается денежного вознаграждения. 3) На постройку станционных юрт по охотскому тракту, так как эта постройка входит в состав общих земских повинностей и вносится в сметы на них. 4) На писарей и канцелярские припасы в наслегах, на содержание, отопление и освещение домов для наслежных собраний и на содержание сторожей при этих домах. Ибо, по уставу, все разбирательства в наслегах должны совершаться словесно и могут происходить в юрте любого родовича. 5) На наймы подвод для дальних поездок чиновников, так как для этого по большим трактам существуют обывательские подводы, а по проселочным дорогам подводы должны поставляться по очереди в натуре. 6) На вознаграждение переводчиков при родоначальниках, для содержания лошадей при инородных управах, на мешки для перевозки денег (в подати) и т. п.

Как и следовало ожидать, главное управление нашло, что поправка и очистка наслежного ледника для хранения мертвых тел — работа не столь большая, чтобы для нее нужен был денежный сбор, а что заносится она в сметы только потому, что значится в раз заведенной для того форме. То же и об ежегодном сборе на сожжение трупов лошадей по охотскому тракту, тогда как зараза по временам совершенно прекращается. До нельзя преувеличенным был найден расход на сопровождение ссыльных (в Охотск), по ничтожному

---

[1] Относительно якутов Якутского округа не было надобности даже и в этом, так как уже с 1792 г. существовало распоряжение, чтобы за умерших и выбылых повинности относились теми, к кому перешло их имущество вообще, а особенно их покосные земли (Ук. Як. земск. с. от 29 марта 1792 г. Арх. Б. И. У., д. по оп. № 7, лл. 13 — 14).

[2] Относительно кормления родоначальников во время собраний Иркутский гражданский губернатор выразил по другому случаю свое недоумение, к чему эта покупка мяса, масла и убойного скота, когда, по собственным показаниям родоначальников, они дома у себя на тяжелой работе питаются главным образом кислым молоком (таром). (Там же, за 1824 г., д. № 34, л. 8).

количеству последних. Первые два сбора решено поэтому отменить совсем, а относительно последнего предписано собрать сведения о действительной стоимости посылки вооруженных людей за последние пять лет[1].

В заключение совет главного управления нашел, что, хотя, по распоряжению иркутского гражданского губернатора, сборы на внутренние повинности и общественные расходы у якутов на 1824 г. сокращены почти на половину, но что они могут быть сокращены еще более, для чего руководством должны служить следующие соображения, и в основу положены следующие меры.

1. Для внутренних повинностей и общественных расходов не существует постоянной нормы, а их размеры и даже самый состав зависят от приговоров самих обществ. Приговоры, однако, составляются весьма часто под сильным давлением влиятельных общественников, заинтересованных в существовании возможно больших сборов этого рода, всякий излишек коих идет на их, общественных заправил, пользу. Необходимо поэтому прежде всего собрать самые верные сведения о том, какие внутренние повинности отжили свое время и подлежат совершенному уничтожению, какие затем (на основаниях, изложенных в сем журнале) могут с удобством отбываться очередями, а по каким может быть достигнуто еще дальнейшее удешевление наемных цен, если без найма уже нельзя будет обойтись. Точно также относительно общественных расходов необходимо выяснить, какие из них должны (по закону 1805 г.) покрываться сбором с более зажиточных родовичей, какие общественные обязанности должны и могут исполняться без денежного вознаграждения, а по каким это последнее может быть уменьшено. На основании таких сведений гражданские губернаторы обязаны составить форму (табель) всем окончательно необходимым денежным сборам на внутренние повинности и общественные расходы, с указанием размеров каждой расходной статьи в отдельности по всем инородческим (и крестьянским) обществам. Табели эти, по их рассмотрении и утверждении в главном управлении, должны служить руководством при обсуждении смет и общественных приговоров, ежегодно представляемых к утверждению, — с тем, чтобы не допущен был ко взиманию ни один не значущийся в табели сбор, и чтобы из дозволенных сборов ни один не превышал указанных в табели размеров, разве что мотивы для такого превышения признаны будут вполне основательными. При этом, однако, все инстанции, долженствующие по закону рассматривать сметы, обязаны не ограничиваться одним лишь сопоставлением последних с табелью, а всякий раз обсуждать, не найдется ли возможным еще дальнейшее сокращение денежных сборов с обществ.

2. По утверждении смет в главном управлении и при обратном их прохождении через губернские правления, последние, приняв во внимание идущую с общества ясачную сумму, размер следующих с него подушных и общих земских повинностей (по числу его рев. д.) и сумму, утвержденную по смете на внутренние повинности и общественные расходы, должны перед наступлением каждого года составлять раскладки (перечни) всех денежных сборов, долженствующих в течение года поступить с каждого общества и по скольку всякого такого сбора причитается на одну рев. д. Перечни эти, по немедленном напечатании, должны публи-

[1] Журнал совета главн. управл. Вост. Сиб. на 13 июля 1824 г. за № 21, лл. 1—20, в Арх. Н. И. У., д. по оп. № 53. Само собою разумеется, что здесь журнал передан в самом сжатом изложении и в переложении на современный язык.

коваться ко всеобщему сведению, дабы каждый плательщик знал, какая сумма податей и других сборов допущена ко взиманию с его общества и сколько, следовательно, причитается с него, плательщика, по числу рев. д. в его семье или другим, принятым в его обществе способам раскладки.

Таковы были предварительные правила, преподанные советом Главного Управления В. С. местным властям для урегулирования внутренних повинностей и общественных расходов у здешних инородцев и крестьян.

Заключительные пункты журнала главного управления изложены нами с тщательностью и подробностью, которые могут показаться даже несколько излишними, — тем более, что большая часть установленного в этих пунктах в разное время уже предписывалась ранее, а отчасти даже исполнялась. Но ранее инициатива таких предписаний преимущественно исходила от высших центральных властей, при чем в предписанном многое было по здешнему месту не нужно, а то и неудобоисполнимо. Не было, кроме того, органа, достаточно авторитетного, а вместе с тем и близко знакомого с местными условиями, чтобы следить за исполнением предписанного. Теперь же, в лице главного управления, на месте был правительственный орган, достаточно компетентный и авторитетный, чтобы из предшествовавших многочисленных установлений выбрать более важное и удобоисполнимое и чтобы настоять на действительном исполнении предписываемого им.

И вот, заключительные пункты журнала содержали в себе довольно полную и простую программу, которой с того времени придерживалась местная администрация в нормировании повинностей у инородцев и, придерживаясь которой, ей удалось понемногу свести к минимуму все более крупные злоупотребления насчет повинностей, имевшие здесь место до половины 20-х годов XIX века. Цель этой программы была, конечно, видна и ранее: это — устранить в инородческих и крестьянских обществах все излишние поборы на внутренние повинности и общественные расходы. Но на этот раз вплотную подошли и к возможному достижению этой цели. А если вполне достигнутой она не может считаться до сих пор, то зависит это лишь отчасти от того, что понемногу и эта программа стала рутинно исполняться, да кое-что из нее со временем было и позабыто. Отчасти же это происходит оттого, что погрешности, вкравшиеся в программу, остались и остаются неисправленными, продолжают поэтому и теперь неблагоприятно отзываться на системе исполнения повинностей у инородцев.

Среди погрешностей естественно была и такая, что на первых порах, как говорится, хвачено было через край. Иначе нельзя относиться к тому, напр., что устройство и содержание школ не сделано обязательным для всех обществ, а предоставлено собственному желанию последних; что добровольной складкой жертвователей требовалось содержать не только нищих и бездомных, но и содержащихся под арестом. Иначе нельзя относиться и к категорическому предписанию уничтожить всякое письмоводство в родовых управлениях и сбор на вознаграждение десятников, что как раз в ту пору усиленной организационной работы и почти непрерывного требования всяческих сведений от инородческих обществ было совершенно невыполнимо, да и теперь весьма неудобоисполнимо в большинстве якутских обществ [1].

[1] А потому всячески обходится, что, однако, ведет иногда к немалым недоразумениям. Собственно говоря, по букве существующих обязательных постановлений (ведущих свое начало от только что разобранного жур-

Коренной ошибкой был и вообще расчет на добровольные складки со стороны более зажиточных, когда именно для уничтожения привилегированности более знатных и богатых по распределению земли и повинностей всего важнее было как можно большее уравнение всех родовичей перед тяготами, но и перед землею — также. Последняя ошибка была, впрочем, скоро исправлена, когда от здешних депутатов в Иркутском комитете доподлинно узнано было, что, по собственному общественному устройству, якуты делятся на неравноправные классы землепользования и отнесения повинностей. Тогда высшая власть в крае обратила все свое внимание на это деление, при чем открыто было зло, отнюдь не меньшее, чем злоупотребления на счет сборов.

Обратимся и мы к распределению земли и повинностей внутри якутских обществ за описанное время, распределению, которого мы нарочито так долго не касались, чтобы не запутывать изложения.

ГЛАВА IV.

Землепользование якутов в его связи с платежами и повинностями после первой ясачной комиссии.

Для связи с предыдущим, вспомним, что предположенное 1-й ясачной комиссией уравнение земель между наслегами было весьма незначительно даже в тех улусах, где были особенно громки жалобы на неуравнительность земельных владений, сравнительно с наложенным ясаком. В других же улусах оно было тем более ничтожно, либо и совсем не происходило[1]. До чего незначительно было это уравнение, тому доказательством, кроме приведенных выше[2] соображений и фактов, могут служить следующие примеры.

В Борогонском улусе разграничение земель между наслегами и ее распределение по окладам производилось в 70-х же годах XVIII века уже знакомыми нам Федоровым и Старостиным, да еще сыном боярским Кривошапкиным. И вот, по ведомостям, составленным тем или иным из этих лиц, мы находим в одном, напр., наслеге на соболиный оклад 14, на лисичный 4 остожья; в другом — на соболиный 10, на лисичный 3 ост.; в третьем — на соболиный 8, на лисичный 2 ост. Иначе говоря, здесь уравнение между

нала), — большинство инородческих общественных властей можно бы и сейчас обвинить за недозволенные сборы на вознаграждение наслежных писарей и десятников (вознаграждение — нищенское, к слову сказать). Но факт то, что после 1824 г. наслежное письмоводство уничтожалось (на бумаге) раз 7 или 8; между тем, оно существует везде, так как оно необходимо и уничтожить его немыслимо. Да и очередное служение в десятниках там, где оно практикуется, ведет лишь к тому, что оно целиком ложится на средних и мелких хозяев, с полным от того освобождением более крупных, которые ни за что не согласятся служить в десятниках, так как считают это теперь ниже своего достоинства.

[1] К самым неуравненным улусам необходимо причислить Ботурусский, где несоответствие земельного владения и наложенного ясака между наслегами — едва ли не больше, чем где нибудь.

[2] Чтобы не прерывать изложения, на предыдущих страницах, кое что оставлено было без подкрепления документальными данными, почему и может показаться недостаточно обоснованным. Поэтому, резюмируя здесь более важное из сказанного выше о развитии землепользования у якутов, — приводим и необходимые документальные доказательства.

обществами было таково, что и после него в одном наслеге, по числу его ясачных окладов, оказывалось чуть не вдвое больше остожьев, чем в другом. Между тем, уравнение земли по ясаку там, очевидно, все таки предполагалось, так как в самих ведомостях и приложенных к ним документах речь идет о переводе родовичей с их ясачным платежом и без оного из малоземельных обществ в многоземельные — с тем, чтобы на новом месте переведенцы были наделены землею. Но, вследствие сговора между многоземельной знатью наслегов, переводы эти на деле вышли весьма ничтожными, а в одном более значительном случае многочисленное общество постаралось отказаться от наделения переведенцев землею, затеяв земельную тяжбу.

Интересно, кстати, вообще сопоставить все цифры ясачного платежа и земельных владений, хотя бы по некоторым обществам, при чем для краткости обозначим последние номерами. Так, в нескольких смежных наслегах по уравнению положено было:

В № 1 (Тюляхский) .	на 125 р.	— к.	ясака	(4 соб.	48,5 л.)	покосной зем.	129 ост.	или по	$96^9/_{10}$ к.	на каждое
» № 2 (Тебикский) .	» 96 »	—	» »	(2 »	41 »)	»	» 143 »	»	» $67^1/_{10}$ »	» »
» № 3 (Чириктский) .	» 276 »	75	» »	($9^1/_4$ »	106 »)	»	» 416 »	»	» $66^1/_2$ »	» »
» № 4 (Онерский) . .	» 243 »	$66^2/_3$	» »	($7^3/_4$ »	94,5 »)	»	» 376 »	»	» $64^7/_{10}$ »	» »
» № 5 (Оспетский). .	» 282 »	—	» »	(12 »	99 »)	»	» 441 »	»	» $63^9/_{10}$ »	» »

Из этой таблички уже прямо видно, что и после уравнения самые высокие платежи приходились в обществах более других обделенных землею. По сравнению с последним, первый наслег, напр., переплачивал за каждое свое остожье по 33 коп., а за все 129 ост. — 42 р. 57 к. в год. Правда, при переобложении малоземельные общества обложены были меньшим % соболиных из общего числа ясачных окладов (ср. №№ 1 и 2 с 4 и 5), что давало меньший средний платеж на каждую ясачную семью, чем в обществах многоземельных с высоким % соболиных окладов. Но, в конце концов, бедные землями общества все-таки остались при малоземельи и с высоким ясачным платежом за каждое свое остожье.

В свою очередь и расписание земель по окладам внутри обществ отнюдь не означало, чтобы покосы и летники распределены были наделами равномерными, даже в пределах одного класса. Далее, мы найдем тому еще много доказательств в фактах внутри-общественного распределения земли. Здесь же укажем хотя бы на то, что в одном из показанных сейчас наслегов (№ 5) первоклассные земельные паи распределены были таким образом: 2 надела по 12 ост. (наделы — совместные, в одном случае на отца с сыном, в другом на двух братьев), 3 надела по 8 ост., один в 7, шесть по 6 ост., один в 5 и 12 наделов по 4 ост. В другом наслеге (№ 2) земельные паи двух единственных его соболей распределены были так, что двум семьям выделено было по 4, а четырем — по 3 остожья. Ясачные платежи должны были при этом получиться: 7 р., 4 р. $66^2/_3$ к., 4 р. 20 к., 4 р. $8^1/_2$ к., 2 р. 10 к. и т. п. Одних этих цифр, заимствованных нами из первоначальных ведомостей теперешнего Дюпсюнского улуса, достаточно для доказательства, что, помимо официальных ясачных окладов, уже при самом исходе новых земельных порядков, размеры владений и платежей в якутских обществах были весьма разнообразны. Далее, это разнообразие все возрастало, особенно в конце XVIII и начале XIX века.

Необходимо, однако, тут же оговориться, что весьма долго в земельных ведомостях не обозначалось, сколько возов сена становится при среднем урожае на перечисляемых

остожьях. Поэтому не может быть полной уверенности, чтобы, при счете на укосные воза, в одном обществе действительно было настолько больше или меньше покосных мест, чем в другом, как это может показаться по сопоставлению значащихся в их ведомостях остожьев. Чтобы верно судить о степени равномерности земельного распределения по платежам между обществами и внутри их, недостаточно иметь общие сведения о количестве остожьев, числе соболиных и лисичных окладов и распределении того и другого между отдельными плательщиками. Нужно еще знать, одинаковы ли, хоть приблизительно, земельные паи (остожья) этих обществ по количеству и постоянству урожаев и по скольку возов сена, при среднем урожае, общество считает одним остожьем того или иного разряда.

Возьмем для примера такой гипотетический случай. В одном обществе, с ясаком в 6 соб. и 91 лис., было 448 остожьев, при чем на соб. положено было 14, а на лис. — по 4 ост. В другом же, с ясаком в $1^2/_3$ соб. и 69 лис., при 224 ост., положено было на соб. 10, на лисицу 3 ост. Абсолютно, в первом обществе было, как будто, в два раза более покосных мест, чем во втором (хотя, по сопоставлению с платимым ясаком, лишь на $^1/_3$ более). Но если бы в первом обществе остожьем считалось, напр., 30 возов, а во втором — 40, то на самом деле в первом было бы покосных мест в $1^1/_2$ раза более, чем во втором ($448 \times 30 : 224 \times 40$).

Если даже по размерам остожья не особенно разнились между собою, то по количеству выставляемого сена, они, во всяком случае, были лучше в высших классах, чем в низших[1]. Обыкновенно также, в многоземельных обществах не только на каждый ясачный оклад приходилось больше остожьев, но и в каждом из последних полагалось большее количество возов, чем в обществах малоземельных. Кроме того, в многоземельных обществах остожья разных классов были не столь разноценны, а распределение остожьев более равномерно по отношению к ясачному платежу, чем в обществах малоземельных. Поэтому, несмотря на всю свою приблизительность, исчисления, сделанные сейчас на основании первоначальных земельных ведомостей, в общем все таки могут быть признаны правильными, хотя, по всей вероятности, и тут были исключения.

Выше упоминалось уже, что и после 1-й ясачной комиссии наследственная передача земель в тех же семьях продолжала быть основою якутского землепользования, но что понемногу участие в повинностях, а, главным образом, в ясачном платеже, выступило в качестве нового основания для наследственного же пользования землею. Вместе с тем, однако, это же соответствие между землепользованием и отнесением повинностей одно время способствовало переходу отдельных земельных паев и их частей, а подчас и целых наделов от одних владельцев к другим. Это, в свою очередь, при необходимом дроблении наделов должно было вести к все более глубоким и частым переделам внутри якутских обществ. Вот, приблизительно, каким образом это происходило.

Дробление наделов зависело от естественного размножения ясачно-платежного класса и от распадения больших семей путем разделов между братьями и выдела сыновей. Часто, однако, богатые и влиятельные родовичи, выделяя сыновей, не желали отказываться в их пользу от всех своих земель. Положим, что сплошь да рядом у них были и сверхнадельные

---

[1] Чему несколько ниже приведены будут цифровые доказательства.

земли и владения под чужим именем. Но последнего рода владения были не особенно прочны: их мог отбить другой, хоть и менее влиятельный, но более ловкий родович. А затем, если выделить приходилось не одного, а нескольких сыновей, то для самостоятельного их хозяйственного существования при той степени обеспеченности, к какой они привыкли в отцовском доме, недостаточными оказывались «природные» наследственные земли семьи. Еще чаще, достигшие зрелого возраста, разбогатевшие и добившиеся влияния в обществе, сыновья богатых и влиятельных отцов, не желали довольствоваться землями, которые последние могли им выделить. То же могло иметь место и при разделе братьев. Во всех таких случаях влиятельные люди стремились к увеличению своих владений на счет наделов других, менее влиятельных родовичей. Удобным же орудием для этого служила связь между землепользованием и ясачным платежом.

На основании продолжительного, а всего чаще и наследственного платежа ясака, каждый отстаивал свои покосные места. Но у бедных людей не было ни сил, ни средств, чтобы с успехом отстоять их перед поползновениями своих же богатых и властных сообщественников. И вот, под предлогом обеднения и несостоятельности тянуть соответствующую часть повинностей, у родовичей поупавших в силе и вообще у мало состоятельных отбирались лучшие земельные паи и их части — с тем, чтобы выкроить из них наделы для вновь возросшего поколения богатых и влиятельных людей.

Борьба за землю шла непрерывно: исподволь влиятельным богачем облюбовывался родович, подходящий для земельной урезки и подготовлялась для того почва. А законное основание всегда было готово в образе «неспособности к ясачному платежу» по данному окладу, либо «престарелости» (т. е. окончания ясачного возраста) с одной стороны и необходимости с другой — наделить землею подростков, «могущих вполне ответствовать за все казенные подати и общественные повинности»[1].

Часто в таких случаях, выделившиеся отдельным хозяйством, сыновья продолжали числиться в семье отца. Тогда глава семьи, записанный в высшем ясачном окладе (части соболя) платил таковой за себя, а за других, наделенных землею, членов семьи — по второму или даже по третьему разряду (лисицу или ее часть, смотря по наделу, какой удалось добыть для них) относил и за себя и за них соответствующие части других повинностей и общественных расходов.

Таким то образом, потомство более влиятельных родовичей объясачивалось и получало наделы без быстрого и сильного дробления земельных владений этой категории родовичей. За то, наоборот, наделы менее богатых семей быстро расли в числе и мельчали. Ибо, во 1-х, родовичи эти быстрее умножались, так как их всегда было во много раз более, чем первоклассных богачей, а, во 2-х, владения менее богатых родовичей то и дело урезывались для

[1] Под флагом общественного согласия, т. е. молчаливого или признанного согласия князца и почетных родовичей, подобные хищения производились последними (всего чаще во время переделов) в пользу свою и своих присных, производились ими даже чаще, чем князцами. И если среди массы дел такого рода сравнительно чаще встречаются жалобы на князцов, то объясняется это тем, во 1-х, что князец являлся в данном случае исполнителем так наз. «общественного согласия», исполнителем, которому законом и административной практикой предоставлено было право перераспределять ясак, а вместе с ним — и землю. Во 2-х, именно в расчете на свою власть и личные связи с местной администрацией, князец подчас зарывался, не особенно тщательно выбирая удобный момент и объект для своей операции.

наделения потомства более богатых и знатных. Поэтому, если, вместе с общим умножением населения и приростом в землевладельческих классах, дробились ясачные платежи и земельные наделы, то несравненно медленнее это происходило с наделами и ясаком первоклассных богачей, чем в остальных ясачно-платежных классах. И в то же время, как медленны были изменения, происходившие в числе и размерах первоклассных владений, множились категории все более мелких земельных владельцев и возрастало общее число платежных и земельных классов в якутских обществах.

Чтобы убедиться в только что сказанном, возьмем хотя бы один из приведенных выше дюпсюнских наслегов и сравним его первоначальную земельную ведомость с таковою же за начало XIX века. Так, в № 4 (князца Маппыя Турчекова) в 1772 г. считался в I классе 21 соболиный оклад, из коих — один самого князца, в целого соболя с 12 остож., и 20 окладов по $1/_3$ соб. с 92 ост., а всего в I классе $7^2/_3$ соб. с 92 ост. Во II классе было 94 целых лисицы с 3 ост. на каждую и всего лишь один полулисичный оклад с 2 ост. Итого во II классе — $94^1/_2$ лисичн. оклада с 284 ост. А всего, значит, в наслеге было $7^2/_3$ соб. и $94^1/_2$ лисичн. окл. с 376 ост.[1]. Все наделы расписаны по отдельным хозяйствам, кроме двух, совместных для двоих, неразделившихся братьев; но при этом на каждого из последних все таки положено по 3 ост.

Неизвестно, да и не важно, когда именно это произошло, но до 1808 г. к наслегу причислено было 4 ясачных плательщика в $1/_3$ соб. с их покосными землями, по 4 ост. у каждого, отчего ясачный платеж наслега увеличился на 9 р. $33^1/_3$ к., а его земельные владения — на 16 ост. и составляли на 1808 г.: ясак — 9 соб. и $94^1/_2$ лис., а покосная земля — 392 ост. Распределение же ясака и земли по ведомости 1808 г. было таково: в соболино-окладном классе — один оклад (князца Ал. Маппыева Слепцова)[2], в целого соболя с 12 ост. и 24 оклада по $1/_3$ соб., с 4 ост. на каждый. Таким образом, если не считать переведенцев с их землями, то размеры платежей и владений в этом классе не подверглись изменениям. За то среди лисично-окладных платежей и наделов находим уже: 73 оклада в целую лисицу, с 3 ост. на каждый, 3 оклада в $2/_3$ лис., по 2 ост., 30 окладов в $1/_2$ лис., по $1^1/_2$ ост. и, наконец, 14 окл. в $1/_3$ лис. по 1 ост. Поэтому, отдельно присовокупив к I классу исключительный по размерам князцовский оклад в целого соболя с 12 ост., можно бы ясачное и земельное распределение наслега в 1808 г. представить в следующем виде:

I класс . . .	—	—	—	1— 1 соб., или	7 р.	— к.	с 12 ост.
	$1/_3$ соб.	(2 р. $33^1/_3$ к.)	с 4 ост.	× 24— 8 »	» 56 »	— »	» 96 »
II » . . .	Цел. лис.	(2 » — »)	» 3 »	× 73—73 лис.	» 146 »	— »	» 219 »
III » . . .	$2/_3$ »	(1 » $33^1/_3$ »)	» 2 »	× 3— 2 »	» 4 »	— »	» 6 »
IV » . . .	$1/_2$ »	(1 » — »)	» $1^1/_2$ »	× 30—15 »	» 30 »	— »	» 45 »
V » . . .	$1/_3$ »	(— » $66^2/_3$ »)	» 1 »	× 14— $4^2/_3$ »	» 9 »	$33^1/_3$ »	» 14 »

Итого 145 окл. на 9 соб. и $94^2/_3$ лис., или на 252 р. $33^1/_3$ к. с 392 ост.[3].

---

[1] В двух, приложенных к делу, копиях с первоначальной ведомости значится в общем итоге 378 ост. Между тем, на самом деле, всех остожьев перечисляется 376. Последней цифре соответствует и общее число наделов во II классе (95), из коих один — половинный. Поэтому здесь, как и в составленной выше табличке, принята цифра 376 ост. и соответственная поправка внесена в исчислениях по ведомости 1808 г.

[2] Сын кн. Маппыя Турчекова, при котором составлена первоначальная ведомость. Похоже, как будто, на наследственную преемственность должности сыном после отца. Но из той же ведом. 1808 г. видно, что до Ал. Маппыева князцовскую должность занимали два других лица, а не Маппыевы.

[3] Благодаря введению в счет $1/_3$ и $2/_3$ коп., вместо которых писарь употреблял $1/_4$ и $1/_2$ коп., — общая сумма деньгами здесь вышла 252 р. $33^1/_3$ коп., а не ровно 252 р., как было на самом деле.

Ближайшее рассмотрение ведомости 1808 г. показывает, однако, что на самом деле лисично-окладные наделы были еще более раздроблены. Ибо в числе наделов II класса есть 12 таких, где 3 остожьями совместно наделены два, а в одном случае даже три плательщика ясака (по 1 р. и по $66\frac{2}{3}$ к.); так что наделов в 3 ост. (на цел. лис.) остается всего — 60. Да и в IV классе есть 3 случая совместного владения $1\frac{1}{2}$ ост. двух плательщиков, т. е. всего по $\frac{3}{4}$ ост. на каждого. В IV классе ($\frac{1}{2}$ лис. и $1\frac{1}{2}$ ост.) остается, таким образом, 27 наделов. Но, присовокупив сюда же 12 случаев совместного владения двух плательщиков 3 остожьями, т. е. 24 надела в $1\frac{1}{2}$ ост., получим в IV классе 51 надел. Точно так же, причислив к V классу случай совместного владения трех остожьев тремя плательщиками, получим в V классе 17 наделов в 1 ост., с $66\frac{2}{3}$ коп. ясака и, наконец — еще VI класс с 6 наделами в $\frac{3}{4}$ ост. и с 50 коп. ясака. По введении же всех этих поправок, распределение земли и ясака наслега в 1808 г. должно быть, на самом деле, представлено в следующем виде:

I класс	—	—	—		1— 1 соб., или	7 р.	— к.	с 12 ост.	
	$\frac{1}{3}$ соб.	(2 р. $33\frac{1}{3}$ к.)	с 4 ост.	×	24— 8 » »	56 »	— »	» 96 »	
II »	Цел. лис.	(2 » — »)	» 3 »	×	60—60 лис. »	120 »	— »	» 180 »	
III »	$\frac{2}{3}$ »	(1 » $33\frac{1}{2}$ »)	» 2 »	×	3— 2 » »	4 »	— »	» 6 »	[1]
IV »	$\frac{1}{2}$ »	(1 » — »)	» $1\frac{1}{2}$ »	×	51—$25\frac{1}{2}$ » »	51 »	— »	» $76\frac{1}{2}$ »	
V »	$\frac{1}{3}$ »	(— » $66\frac{2}{3}$ »)	» 1 »	×	17— $5\frac{2}{3}$ » »	11 »	$33\frac{1}{3}$ »	» 17 »	[2]
VI »	$\frac{1}{4}$ »	(— » 50 »)	» $\frac{3}{4}$ »	×	6— $1\frac{1}{2}$ » »	3 »	— »	» $4\frac{1}{2}$ »	

Итого 162 окл. на 9 соб. и $94\frac{1}{2}$ лис., или на 252 р. $33\frac{1}{3}$ к. с 392 ост.

Сравнивая распределение 1808 г. с таковым же в 1772 г. находим, что, если не считать единственного оклада в целого соболя и единственный же полулисичный оклад, то в 1772 г. в наслеге существовало собственно лишь два класса — в $\frac{1}{3}$ соболя и целую лисицу, при чем во втором всех окладов было 95. Взамен того, в 1808 г. второй класс уже был разделен на 5 классов со 137 окладами. В 1772 г. в наслеге был лишь один полулисичный оклад, а в 1808 г. их уже было 51, да еще — 17 окладов в $\frac{1}{3}$ и 6 в $\frac{1}{4}$ лисицы. В 1772 г. был лишь один ясачный оклад менее целой лисицы и всего один надел меньше 3 остожьев, а в 1808 г. первых окладов было уже 77 и столько же наделов менее 3 ост., что составляло 47,53%, или почти половину общего числа земельных наделов наслега. В 1772 г. 282 остожьями наделено было 95 плательщиков ясака, а в 1808 г. этим же числом остожьев уже должны были довольствоваться 137 менее богатых плательщиков.

---

[1] и [2]. Оклады эти обозначены здесь, как третья часть лисицы, — по месту, в котором помещены соответствующие им наделы, ибо самая величина окладов не обозначена в ведомости. На первый взгляд может показаться, что составитель последней совершенно произвольно поместил эти оклады среди лисичных. Ибо, если на $\frac{1}{3}$ соб. наслег полагал по 4 ост., то, казалось бы, 2 ост. необходимо считать за надел в $\frac{1}{2}$ трети, а одно ост. — в $\frac{1}{4}$ трети или $\frac{1}{12}$ соб. Но в данном случае привилегированность соболино-окладного класса в том и состояла, что за те же, а то и за лучшие два ост. его родовичи платили 1 р. $16\frac{2}{3}$ к. (2 р. $33\frac{1}{2}$ к. : 2), тогда как за такие же, если и не худшие, два остожья лисично-окладные платили 1 р. $33\frac{1}{3}$ ($\frac{2}{3}$ лисы). Еще лучше эта привилегированность первоклассных видна при другом сопоставлении. За $\frac{1}{3}$ соб., или за 2 р. $33\frac{1}{3}$ к., первоклассный родович владел 4 остожьями, платя за каждое свое остожье по $58\frac{1}{3}$ к., тогда как на целую лисицу полагалось лишь 3 ост., что составляло за каждое по $66\frac{2}{3}$ к. Вот, за эту то свою привилегированность (но и за лучшие земли — также) соболино-окладные относили соответственно большие части других повинностей и общественных расходов. Впрочем, там, где денежная аристократия брала верх над родовитой, первая за большее участие в повинностях и общественных расходах оттягивала у обедневших «родовитых» их лучшие земли, не выходя, однако, при этом из своего скромного лисичного оклада и предоставляя оскудевшим аристократическим потомкам честь оставаться при какой-нибудь $\frac{1}{3}$ трети почетного соболиного оклада. Это и показано будет на следующем далее примере.

В то же время (если не считать переведенцев) оклады и владения богатых родовичей не подверглись никаким изменениям и, как в 1772 г., так и через 36 лет, 21 богатый родович продолжали владеть 24,4%, т. е. почти четвертой частью земель наслега, тогда как сами они составляли 13,28%, т. е. менее 1/7 всех его плательщиков.

Те же ли самые, однако, богатые семьи продолжали числиться в I классе по ведомости 1808 г., что и в 1772 г.?

В ответ напомним, что, как уже было указано выше, в крещении весьма часто у отцов с сыновьями оказывались различные фамилии, у братьев — разные фамилии и отчества. Между тем, в 1772 г. большинство родовичей рассматриваемого наслега были еще не крещены, и даже в соболино-окладном классе на 9 крещеных приходилось 12 некрещеных, тогда как в 1808 г. все первоклассные, за исключением одного, уже были крещены. Благодаря этому, нет возможности проследить за всеми изменениями в составе первоклассных земельных владельцев. Тем не менее, сопоставляя значащиеся в первой графе ведомостей названия владельцев, находим, что Сивцевы, Тарские, Васильевы, Прибыловы и сын целовальника Сухарев, которых отцы или деды в 1772 г. состояли в числе соболино-окладных, уже не числятся таковыми в 1808 г., а оказываются во II и III классах, среди лисично-окладных. За то остались в I классе Маппыевы, Стрекаловские, Афанасьевы и Гуляевы; да не только остались, но и умножились в числе, ибо по ведомости 1808 г. в I классе значится: Маппыевых 2, Стрекаловских 7, Афанасьевых 3 и Гуляевых 2. А если сверх того примем во внимание, что из Маппыевых отец был князцем в 1772 г., а сын значится таковым в 1808 г.; что из Стрекаловских двое значатся бывшими князцами, а один — старшиною в 1808 г.; что из Афанасьевых один значится бывшим, другой — наличным старшиною и что даже из Гуляевых один значится десятником, — то само собою ясно станет, что, вместе с богатством и влиянием, Маппыевы, Стрекаловские и Афанасьевы не только удержались в родоначальнических должностях и удержали неприкосновенными размеры своих земельных наделов, но и подрастающее свое потомство смогли ввести в тот же I класс земельного владения, вытеснив из него таких родовичей, как Сивцевы, Васильевы и др.

Но не только личный состав I класса уже не тот, что в 1772 г., а и покосы в соболиных окладах — далеко не те самые: рядом с одним-двумя прежними остожьями появились другие из того же I класса, а также из второго. И наоборот, — прежние первоклассные остожья очутились у лисично-окладных. Так, напр., в 1772 г. у князца Маппыя Турчекова были покосы: Мындыя, Харага аттах и Аллах; а в 1808 г. Мындыя уже поделена, при чем только 2/3 остались у одного из Маппыевых, у которого оказываются еще покосы — Тангара из второклассных и Бестях из первоклассных. У другого же Маппыева оказываются покосы: Аллах, еще два других и часть Ынах-аласа, в 1772 г. принадлежавшего Тарскому. У старшины Стрекаловского в 1772 г. были Арылах и Терют-кюэль, а в 1808 г. Арылах уже поделен между двумя Стрекаловскими, из коих одному придан Терют-кюэль, а другому Ната-жилями из второклассных. В 1772 г. покосы Тонгус-кельбит и Тангара (вместе 6 ост.) принадлежали двум братьям за платеж двух лисиц; в 1808 г. Тангара (5 ост.) уже отобрано наслежным князцом, а к Тонгус-кельбит (1 ост.) придано еще полуостожье и оба, за платеж 1/2 лисицы, отданы в надел двум же родовичам по 3/4 ост. на каждого. В 1772 г.

покос Тимир-барбыт вместе с двумя другими принадлежали одному лисично-окладному родовичу, а в 1808 г. один Тимир-барбыт уже числился наделом лисично-окладного (по V классу и за платеж $\frac{1}{3}$ лисицы) и т. д.

Тут на первых примерах можно проследить не только за тем, как и для чего дробились наделы и перемещались остожья, но и за характером таких перемещений.

Для образчика взят был не какой-нибудь особенный, а первый любой наслег, и даже — не из особенно малоземельных. Возьмем теперь другой, из более многоземельных, а именно: Игидейский наслег Баягантайского улуса. При ясаке в $24\frac{2}{3}$ соб. и 100 лис. в наслеге, по собственному его показанию, было 696 покосных остожьев, на которых при среднем урожае становилось 866 стогов сена разных размеров, смотря по разряду или классу остожья. По первоначальной ведомости, составленной при Старостине, большая часть соболиных и все лисичные оклады еще не были поделены. При этом на соболя положено было по 12, а на лисицу по 4 ост.

В 1816 г., судя по ук. Якутского земского суда улусному голове от 16 декабря, князец обратился в этот суд с заявлением, что, по недостаточности покосных мест у некоторых родовичей против их ясачных окладов и за совершенным неимением покосов у других, он, князец, представив общественное согласие за подписью 80 родовичей, испрашивал и получил разрешение суда на перераспределение земель в своем наслеге. Но «старшина Башарин с 6 родовичами, сам седьмой... расстроил сие согласие». Поэтому уравнение не состоялось: «...токмо по единому упрямству помянутого Башарина и к совершенному разорению беднейших родовичей, остающихся несостоятельными к выполнению казенных и наслежных повинностей»; тогда как, «напротив, достаточные сверх покосных мест, положенных им обществом, владея еще особыми покосами на урожайных местах, посредством оных имеют прибытки»[1]. В виду этого он просил нового «начальственного распоряжения». Суд предписал голове произвести уравнение (земельных наделов наслега), которое действительно произведено было осенью 1817 г. в назначенный головою срок и в его присутствии[2].

Перед нами, таким образом, случай так называемого «коренного передела» (буор тюгятик). Посмотрим же, каков был этот передел и каково было тогда распределение земель в наслеге. За тем и другим мы можем проследить по приложенной к делу передельной ведомости, на которой отмечены все происшедшее при этом перераспределения земель.

Характерен уже самый заголовок ведомости, гласящий, что по приказам головы и земского суда о разделении покосов, «состоящих с давних времен во владении у родовичей, князец со старшинами и лучшими родовичами учинили сию подробную ведомость дружественно, безобидно и без всякого лицеприятия, и ничего нами не скрыто»[3].

Обращаясь же к самой ведомости, мы первее всего находим, что все самые крупные наделы остались совершенно незатронутыми переделом. Таковы, напр., № 1 Петра Попова

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 375, л. 1 об. Обращаем внимание на это собственное признание князца, что 7 человек пересилили решение 80 членов общества и что «сверх покосных мест, положенных им обществом (вернее было бы сказать: которыми они наследственно владели по их окладам), состоятельные родовичи владели еще особыми покосами на урожайных местах». Точно первые (окладные покосы) им дало общество, а вторые они [illegible]

[2] То же д., лл. 2—13.

[3] То же д., л. 14.

Тобина с 8 ост., № 3 Конст. Андросова с 5 большими и 2 малыми ост., № 5 Дмитр. Белелюбского с 10 ост., № 7 Зах. Андросова Барханчина с 8 больш. и 4 мал. ост., № 77 Ламысыта Теллеева с 4 больш. и 3 мал. ост., № 136 старшины Степ. Башарина с 5 большими и 5 малыми ост., и т. п. Но и вообще, в графе для перераспределений таковые обозначены только против 26 наделов из общего их числа 211. Сверх того, в некоторых наделах, числом около трех десятков, перемены остожьев и их частей отмечены таким образом, что старое название подскоблено, а взамен написано новое. Но так как многие записи по подскобленному относятся к числу отмеченных в графе для перераспределений, то всего, значит, передел коснулся не более $\frac{1}{5}$ земельных наделов, так что и после передела около $\frac{4}{5}$ ясачных плательщиков наслега продолжали оставаться при «владеемых с давних времен» покосах.

Тем не менее, почти все случаи перераспределения интересны в своем роде. Так, напр., против надела № 20 Черкаса Сыникина (цел. лис. с 4 ост.) во второй графе отмечено: «за негодностью двух его остожьев — Санга балыктах и Эленгнях — должен вместо них получить у родника Потапа Таппаева 2 ост. званием От кюрюэ». Но Санга балыктах и Эленгнях также не покинуты, ибо далее в № 34 мы находим их записанными по подскобленному за 1 ост. в наделе у Кыимы Сымарина ($\frac{1}{3}$ соб.). А далее в № 139, против надела Мататая Боллунова, находим отметку: «сей Мататай переведен на реку Лампу к родным братьям, от коих и получить ему покосные места, а его покосы передать Потапу Таппаеву». Другой пример: у старшины Григ. Андросова были, очевидно, основания быть недовольным своими остожьями. Поэтому его надел (№ 44) весь раскассирован, и взамен ему набраны лучшие остожья от других родовичей, а его малоурожайные ост. розданы последним взамен таких же малоурожайных, которые, в свою очередь, переданы третьим. Раскассирован и следующий затем надел (№ 45) Софрона Санньяланова. Из бывших у него остожьев два отданы его брату, одно — «Этингнях кюрюэ — вовсе по негодности не косится» — отдано родовичу Тарбыю Тастыину и еще одно — Кымырдагас тахсабыта (1 стожок), «тож по неурожайности вовсе не косится» — Чабыке Григорьеву. А Софрону Санньяланову дан другой надел № 89 (по подскобленному названию прежнего владельца). Но Этингнях кюрюэ отдано Тарбыю Тастыину не в прибавок, ибо в наделе у него (№ 46) вместе с другим остожьем значилось: «Улахан тырыгытта арга баса, хотя в отводе написан в 1 ост., но по неурожайности вовсе не косится»; а во второй графе отмечено: «Улахан тырыгытта отдано Оебитю Сидорову». За это, в свою очередь, у последнего (№ 188) отобраны покосы Кулусуннах и Кердюгян (1 ост.) и Доку чачир (1 ост.), кои отданы Бояру Джагджину и т. д.

Таково и большинство других перераспределений, отмеченных во второй графе, насколько за ними можно проследить по отметкам и насколько по последним возможно восстановить подскобленное[1]. Но есть и исключения из показанного сейчас, а именно: № 59 «отставному (от ясака) роднику Нямярихе Чохоноеву дано во владение, как тынг кюрюэ[2],

[1] Есть, впрочем, еще урезки, отмеченные просто заключением в скобки урезанных остожьев, с указанием во второй графе, кому они отданы. Так, напр., в № 271 взяты в скобки — Тала юсяги алларагы да этте, а сбоку отмечено: Тала (обе части) в 2 ост., хотя неурожайные, но за неимением покосов отданы как Тынг кюрюэ роднику Козьме Хотылину.

[2] Буквально — душевое остожье, т. е. покосное место для поддержания жизни. Значение этого термина выяснится на дальнейших примерах.

Алас келюя (1 ост.)»; № 60 «отставному Сержану Джегусову дан, как тынг кюрюэ покос Татта тогуя кутагар кюрюэ кяттыгы тердюгяр диерг (1 ост.)»; № 66 «у Серг. Слепцова (½ лис.) покосы — Хара тумул (1 ост.) и Нямсирей (1 ост.)», и во второй графе — отметка: «сии по отставке Слепцова отданы Някябилю Эргину», а под № 108: «отставному роднику Серг. Слепцову (как) Тынг кюрюэ даны покосы» такие то (1 ост.); № 95 «Барахсану Бычарбыну, от ясака отставному, даны по бедности на продовольствие его скота двух коров покосы Харыялах и Хас сарбыта — 1 стожок».

В этой ведомости упомянут один случай отвода вдове («роднице Мясниковой жене») одного малого остожья и случаев полного лишения покосных мест, по отставлении от ясака, упоминается два. Можно подумать поэтому, что, раз по отставлении от ясака даже родовичам «с двумя коровами» на их бедность оставлялась часть надела, то после передела, по крайней мере, в наслеге уже совсем не будет, либо будет очень мало безземельных. На самом же деле, как это несколько далее установлено будет вполне вескими данными, — более ⅔ родовичей наслега были и остались совершенно безнадельными, несмотря на немалое свое участие в отнесении повинностей.

Мы не знаем, как при этом распорядились не числившимися в ведомости землями, но, поскольку последние в ней числились, и судя по ней, — наиболее крупные владения совершенно не затронуты были переделом, как это показано выше. Вновь же наделенных землею едва ли было при этом более 5—6 человек[1]. Да и вообще, кроме урезок и отставления от ясака одних — с тем, чтобы прибавить к владениям других и выкроить несколько новых наделов, все остальные немногие перераспределения состояли в замене у небогатых родовичей одних малоурожайных остожьев другими, такими же, если и не худшими. Трудно объяснить себе поэтому, для чего понадобилась князцу его тирада о многих сверх-окладных урожайных покосах у более состоятельных людей и о разорении вследствие этого беднейших по неимению у них покосных мест, если только не допустить, что это было — не более, как риторическая фигура, казавшаяся князцу (или его писарю) наиболее подходящей в данном случае, чтобы получить поддержку земского суда против «упрямства» старшины Башарина. А если вспомним, что как раз в это время П. Андросов оставался в князцовской должности, вопреки желанию многих родовичей и благодаря главным образом поддержке улусного головы[2], то поневоле в нас возникнет сомнение, не был ли и самый передел затеян для вознаграждения приверженцев с одной стороны и для отместки противникам — с другой: не был ли передел одним из моментов и орудий в описанной выше борьбе. Тогда его цель и содержание и даже самая его незначительность будут совершенно понятны для нас. Понятна будет и вся характерность этого образчика для системы переделов у якутов, особенно, — если прибавим, что в местах, более удаленных от центров управления, коренные переделы и поныне сохранили почти тот же характер.

Вместо остожья в ведомости постоянно употребляется «стог», и только по якутским названиям «кюрюэ» видно, что речь идет именно об остожьях. При этом явно усилие заставить думать, что остожье равно одному стогу сена, или что на каждом остожье выста-

[1] Некоторые названия владельцев подскоблены. Поэтому невозможно судить, были ли это только перемещения старых владельцев, или же наделения вновь введенных в ясак, взамен кое-кого из отставленных.

[2] О чем см. выше.

вляется не более одного среднего стога, о размерах которого, впрочем, благоразумно умалчивается. За то в ведомости различаются: стог большой, просто стог и малый стог, стожок, «малинкой» стожок и т. п. Кроме того, довольно часты отметки: «неурожайный, вовсе неурожайный, по неурожайности совсем не косится, ставится два-три воза» и даже — «только при урожае ставится 2—4 воза». Между тем, будь желание действительно показать подлинные размеры и качество остожьев, то гораздо проще было бы отметить число саженей в накашиваемых стогах, или еще проще — число возов сена, выставляемых на покосах при среднем урожае. Поэтому невольно рождается мысль, что, при всей видимой добросовестности и даже мелочности, вся эта сложная, но и совершенно неопределенная терминология предназначена была для того, чтобы показать всю якобы незначительность и малоценность земель наслега, а также чтобы прикрыть несправедливости передела и крайнюю неравномерность земельного распределения.

Последние два предположения подтверждаются весьма многими №№ самой ведомости, что отчасти и показано было выше. А для подтверждения первой мысли достаточно указать хотя бы на такие, напр., факты. Под № 20 значились два остожья — Санга балыктах и Эленгнях, а во второй графе отмечено: «по негодности сих двух остожьев заменить их двумя другими» такими-то. Действительно, Санга балыктах и Эленгнях оказываются далее записанными по подскобленному в № 34 за 1 стог (ост.).

Между тем, несмотря на зарастание кустарником и мхом[1], Санга балыктах и в 90-х годах XIX ст. шло за одно третьеклассное остожье, на котором при среднем урожае становится 35 возов сена; а Эленгнях отведено было в те же времена двум третьеклассным родовичам за 2 остожья. Кыс тахсабыта, значащееся по ведомости, как малое, не косящееся остожье, отведено было для священника и дает в средний год 50—60 возов сена. Да и в самой ведомости под № 206 значится раскассированный надел, в котором, между прочим, были покосы — Туора юрях, 3 стожка малых и Тенг хомустах, 1 стожок. Во второй же графе отмечено: «из сих мест Туора юрях отдано Мордотче за 3 стога (ост.), Тенг хомустах бысагаса отдано Ильину за 1 стог, а Бир бысагаса, за 1 стог — Кяппею Эргину». В переводе на русский язык последнее значит, что из Хомустаха одна половина (бысагаса) отдана Ильину, а другая — Эргину, по 1 остожью каждому.

Хороши, значит, были «стожки малые», которые тут же обращались в «три стога» (остожья), и «стожок», из которого двум родовичам отведено по 1 остожью. Добавим, кстати, что не только в этом Игидейском наслеге, но и вообще в той стороне покосное место на 2—3 воза сена и теперь считается столь незначительным, что ни в ведомости не значится, ни даже покосом не именуется. В средний урожайный год это просто — ничто[2].

---

[1] У якутов Якутского окр. нет обычая очищать покосы от мха и кустарника, кроме прекрасных покосов на островах р. Лены, где уже происходит чистка из-под тальника. Благодаря этому, большие и весьма урожайные покосы, значившиеся некогда в соболино-окладных наделах, теперь значительно сузились, либо дают хороший урожай травы только в дождливые года.

[2] Только в годы острого неурожая все такие клочки приобретают значение, но и тогда они не заносятся в переверсточные списки. В общих же земельных ведомостях не числятся до сих пор (а тем более, значит, не числились в начале века) даже и несколько более значительные участки, так как за них не полагается никакого платежа.

Передел, как мы видели, был настолько незначителен, что совершенно безразлично, до или после него будем мы рассматривать распределение земель в наслеге. В точности рассмотреть это распределение совершенно немыслимо, благодаря только что показанным чересчур неточным определениям размеров и качества остожьев. Тем не менее, очевидный расчет в ведомости был таков, что на $\frac{1}{3}$ соболя и на целую лисицу одинаково положено по 4 ост., а на $\frac{1}{2}$ трети соболя и на $\frac{1}{2}$ лисицы — одинаково по 2 ост. Что таков был предполагаемый расчет при составлении ведомости, — не только видно потому, что во многих наделах именно по стольку положено на показанные оклады, но нередко и во второй графе одинаково против $\frac{1}{3}$ соболиных, как и лисичных окладов, значится: «а четвертое (остожье) получить от такого то», или — «по неурожайности мест, добавить (как) четвертое остожье», оттуда то[1].

Таким образом, в 1817 г. в рассматриваемом наслеге — все соболиные оклады уже были поделены на трети, при чем было и несколько наделов в $\frac{1}{2}$ трети соболя. Напротив, из 100 лисиц было всего 13, поделенных на половины. Поэтому в наслеге, как будто, существовало всего IV класса: в $\frac{1}{3}$ соболя, целую лисицу, $\frac{1}{2}$ трети соболя и $\frac{1}{2}$ лисицы, при чем в III классе было всего 4, а в IV — 26 наделов. Не было ясачного оклада больше $\frac{1}{3}$ соболя и меньше $\frac{1}{2}$ лисицы.

Во всем этом не должно быть для нас ничего удивительного, ибо в первоначальной ведомости наслега положено было на целого соболя по 12, а на целую лисицу — по 4 ост. Да и, как указывалось уже ранее, в многоземельных обществах земля всегда была распределена несравненно равномернее и справедливее, чем в обществах малоземельных. Правда, $\frac{1}{3}$ соболя на деньги равнялась 2 р. $33\frac{1}{3}$ к., а лисица — лишь 2 руб., и есть весьма много указаний на то, что за это превышение в цене оклада соболино-окладные остожья были лучше лисично-окладных по количеству и постоянству урожаев. Правда также, что и в рассматриваемой ведомости, насколько можно придать веры принятой в ней номенклатуре, весьма многие $\frac{1}{3}$ соболиные наделы были, как будто, лучше многих лисично-окладных. Но не менее в ней и таких наделов, где вторые были отнюдь не хуже, а то и лучше первых. И можно насчитать около полусотни наделов, о которых, не будь надписан оклад, то по перечисленным в них остожьям совершенно невозможно было бы решить, относить ли их к окладу в $\frac{1}{3}$ соб. или более, в $\frac{1}{2}$ лисицы или в целую, в $\frac{1}{2}$ лисицы или в $\frac{1}{2}$ трети соб. и т. п.; до такой степени разнообразны наделы одинаковых по размерам ясачных окладов.

Так, напр., самые крупные наделы приходятся почти безразлично на $\frac{1}{3}$ соболиные, как и на лисичные оклады, а первый по размерам надел в ведомости (12 ост.) значится даже именно у лисично-окладного. Почти рядом находим, напр.: № 77 (лисичн.) — 4 стога 2 стожка, № 79 (лисичн.) — 3 стога 7 стожков и № 82 (лисичн.) — 4 стожка; или: № 181 — $\frac{1}{2}$ лисичн. — 6 стогов, № 183 — $\frac{1}{3}$ соб. — 4 стога 5 стожков, № 185 — также $\frac{1}{3}$ соб. — 4 стожка. Под № 137 (лисичн.) — 3 стога — 1 стог в 5 саж.[2] + 3 стожка,

[1] Таковы, напр., №№ 16—20, 27, 28, 116 и др.

[2] Почему — не стожок? Ср. № 62 — 1 стожок в 5саж. и № 122 — 1 стожок в 7 саж. И так, — произвольно то при стожках совсем не обозначено их размера в саженях, то 5 саж. именуются стожком, то — стогом; а то опять 7 саж. называются стожком. Кстати здесь будет, хоть вкратце, изложить способ измерения сена у якутов.:

а под № 139 (лис.) — 3 стога (из коих один вовсе не косится) + 1 стожок в 6 саж. То же — и в $1/2$ лисичн. окладах: №№ 47, 87 и 130 — по 2 стога, № 68 — 1 стог и 1 стож., № 86 — 2 стога, на коих вовсе не косится; №№ 176 и 177 по 2 стога и 2 стожка, а под № 181 — 6 стогов, из коих два небольших и два весьма малых. То же разнообразие видим и в тынг кюрюэ (у отставленных от ясака). Общим для них положением по ведомости было, как будто, 1 ост. (№ 39, 60, 72, 144, 150, 168 и др.). Но вместе с тем находим с одной стороны, напр., № 76 — 1 стог и 1 стож., № 56 — 2 стожка, № 151 — 1 стож.; а с другой: № 78 — 5 стожк. и № 72 — 2 стога.

Не может уже быть сомнения, что — одно из двух: либо вся вообще ведомость не заслуживает никакого доверия, как явное извращение истины; либо же, что более вероятно, земельные наделы наслега хотя еще и расписаны были по ясачным окладам, но разверстаны были уже не по ясаку, а по распределению всех вообще повинностей, вместе взятых, или же только некоторых их категорий, но с непременным включением в них ясака.

То же распределение земли по участию во всех вообще повинностях, или же только в некоторых их категориях понемногу возобладало во всех здешних обществах. Это отнюдь не значило, чтобы ясак уже перестал влиять на владение землею. Напротив, за редкими исключениями, попрежнему, землею владели потомки исконных ясачных плательщиков. И еще до половины 20-х годов XIX в. неспособность к отнесению ясака по известному окладу, и необходимость объясачения подростков продолжали служить формальным предлогом для урезки наделов у одних с тем, чтобы увеличить владения других и для отказа в земельном наделе большей половине родовичей. Но чтобы удержать за собою все «природные», т. е. наследственные свои владения, уже не достаточно было одного только отнесения ясака по известному окладу, а все более обязательным становилось соответственное участие во всех вообще повинностях или же по крайней мере — во всех денежных. А понемногу степень такого участия именно во всех повинностях получила верх над ясачным окладом в определении размеров земельного владения. Поэтому даже отставленым от ясака оставлялась часть их наделов, но — не даром, конечно, а за отнесение соответствующей доли всех (кроме ясака) общественных тягостей, в общем итоге уже куда более значительных, чем ясак[1].

Стога обыкновенно мечутся от 1 до 2,5 саж. Сажень у них — несколько своеобразная и немного меньше действительной. Кубическая якутская сажень сена, положенная прямо на землю, считается за 1 воз. Та же кубическая сажень, вырезанная из слежавшегося стога, считается равной $1\frac{1}{2}$ — 2 возам. О кубических мерах, впрочем, знают очень немногие, учившиеся в школе или случайно иным путем дознавшиеся об этом. Обыкновенно же для приблизительного определения количества возов в стоге, меряют его в окружности, соображают высоту и упругость стога, очень ли сухо сено, или нет, речное оно или же аласное, крупное или мелкое: так как от всего этого зависит плотность стога и количество содержащегося в нем сена. И вот эмпирически дознано, что, смотря по высоте и слежалости стога, по сухости и тяжести травы, 6 саженей в обхвате = 8—10 возам сена; 7 саж. — 12—15 воз.; 8 саж. — 15—20 воз.; 9 саж. — 25 — 30 воз.; 10 саж. — 35—40 воз.; 12 саж. — 50 воз. (джие — дом). Много, конечно, значит при таких измерениях опытный глазомер и навык. Но и ошибиться на 2—3 воза при определении большого стога — весьма не мудрено. Поэтому при сделках на сено теперь этот способ определения почти оставлен, а вместо того считают на копны, принимая воз равным 10 якутским копнам ($1\frac{1}{2}$ — 2 пуда сена). При сомнении же относительно числа и размера копен, четвертят стог, и одну четверть тут же раскладывают на воза. То же делают и со стожками менее 6 саж. в обхвате (Боскуја), ибо они не подвергаются описанному измерению, как не заслуживающие того по своей незначительности.

[1] Этим же объясняются и несколько непонятные с первого раза здешние земельные дела первой четверти XIX века. Якут жалуется, что князец отобрал у него часть покосов, оставив при второклассном наделе, тогда как

Возможно, впрочем, что, благодаря особым местным условиям, показанная перемена в отношениях между ясачным окладом и земельным владением произошла в Игидейском наслеге несколько ранее, чем в других соседних. Ибо описанная выше борьба за князцовскую должность разыгрывалась не только между двумя-тремя, фигурировавшими в ней лицами, а и между молодой денежной аристократией и старейшинской знатью наслега. Последний был из числа многоземельных, т. е. таких, где менее самостоятельному якуту легче было добиться земельного надела, так как земля ценилась сравнительно менее, легче и дешевле добывалась в кортом и давала большую долю в пользу работавшего. Кроме того, до начала XIX века наслег находился на (старом) охотском тракте, от которого тогда отходила дорога и к Колымску, и где поэтому чаще был заработок от извоза клади и случайной торговли. Там существовали еще кое-какие остатки пушного промысла, да и богатый отхожий промысел был сравнительно недалеко за Алданом. Там разбогатевшие от извоза, промысла и торговли с тунгусами родовичи оттеснили на задний план часть обедневшей знати и заняли ее место по влиянию в среде своего общества. Богатство же и влияние давали им возможность принимать большое участие в подрядах по исполнению повинностей и в отнесении последних, а на основании своего большого участия в повинностях они смогли добиться все большего участия в землепользовании. Их наделы возрастали насчет земель обедневших родовичей, из коих часть переводилась в низший ясачный оклад ($^1/_2$ трети соб. и часть лисицы), другая же отставлялась от ясака с отобранием лучших остожьев. А хотя по первоначальным своим билетам многие первоклассные продолжали числиться в лисичных окладах, но, за большее участие во внутренних повинностях и общественных расходах, их наделы подчас уже были далеко лучше и больше, чем у многих соболино-окладных.

Но по тем же и другим аналогичным причинам то же самое уже существовало тогда и во многих, близких к Якутску обществах, а понемногу захватило и самые отдаленные, как и самые многоземельные. Это было начало отживания ясачного принципа землепользования, ведшего свое начало от первой ясачной комиссии. А чтобы проследить за этим отживанием, нам необходимо обратиться к тому, как развивалось распределение разных родов повинностей у здешних якутов.

Как уже указано было в главе первой и в начале второй, ясак, положенный на родовичей определенного возраста, в действительности вносился не всеми ясачно-возрастными, а исключительно лишь главами семей, владевших землею — в приблизительном соответствии с их земельными владениями. Кроме ясака до 1797 г. с якутов не требовалось никаких денежных (или оцененных на деньги правительством) повинностей. Введенные в том году

он, родович, до того долго относил все казенные и общественные повинности по первому разряду, лисичному. На это князцу стоило только ответить, что родович говорит неправду, будто состоял в первом разряде, ибо таковым у них считается треть-соболиный; что, по происшедшей перед тем неправильности, — родович этот действительно владел первоклассным наделом, тогда как должен был иметь второклассный — по своему ясачному окладу в целую лисицу. Поэтому, в виду необходимости наделить подростка, у родовича этого и отобраны лишние покосы. Правым оказывался князец, а жалобщик выходил лгуном, тогда как он говорил совершенную правду, ибо действительно много лет относил все повинности по первому разряду (до 30—40 руб. в год) наравне с треть-соболиными сочленами того же первого класса, хотя по ясаку и считался второклассным. Таким образом, по надобности, ясак мог служить и служил: то в качестве консервативного начала для отказа в наделе или земельной прибавке, то, наоборот, в качестве предлога для урезки и даже отобрания надела у одних, не могших тянуть все повинности по своему классу, — с тем, чтобы ввести других в высший класс землепользования и платежа повинностей.

26-копеечные подушные, сочтенные за прибавок к ясаку, вносились теми же владевшими землею ясачными семьями. То же было и с установленными в 1806 г. 18-копеечными подушными. Когда в 1810 г. для войны с Французами подушные были сразу подняты до 2 или даже до 3 руб. с рев. д.[1], в некоторых обществах ясачно-платежные классы заколебались и сделали попытку часть этих подушных переложить и на невладевших землею родовичей. Но со второй половины 1812 г. трехрублевые подушные были отменены, якуты оставлены при прежних 44 коп. подушных, а вместе с тем оставлена и попытка привлечь к уплате подушных не владевших землею родовичей. Попрежнему ясак, а вместе с ним 44-копеечные подушные стали раскладываться только на владевших землею.

Что же касается натуральных повинностей, то по их многочисленности и тяжести, они, по всей видимости, и в XVIII веке уже считались в среде якутских обществ обязательными для всех семей, могших так или иначе участвовать в них, обязательными — соответственно числу рев. д. в семьях, независимо от того, пользовались ли последние землею или нет. Повинности эти, как мы видели, были во много раз тяжеле ясака с подушными, а переложенные по большей части на деньги (самими обществами) требовали от плательщиков больших денежных взносов. А так как в большинстве случаев не владевшие землею были кругом задолжены и находились в кабальной зависимости у богатых, поэтому и расходы на исполнение натуральных повинностей по большей части покрывались за безземельных более состоятельными их сородовичами, с которыми первые рассчитывались потом какими-нибудь продуктами их труда, а всего чаще — работою. Вид, однако, получался такой, как будто и натуральные повинности, насколько для их исполнения требовались материальные средства (деньги, лошади, быки), — также относятся одними лишь землевладельческими семьями. Такой вид был как нельзя более благоприятен для последних, так как придавал законное основание исключительному завладению ими всеми землями своих обществ. Особенно же он был благоприятен для более состоятельных, как это неоднократно показано было выше. А так как, сверх того, при постоянном росте повинностей в то время и при

---

[1] Уже по составлении первой части этой главы в старых документах Мегинского ул. найдено указание, что в 1810 г. подушные взимались в том улусе в размере 2 руб. с рев. д. Приведем и выписки о том же из Арх. Баягант. инор. упр. А именно. В 1810 г. Иркутск. губ. правл. предписало, чтобы «согласно с высочайшим маниф., состоявшимся во 2 день февраля 1810 г., взимали с ясачных иноверцев Якутск. обл. с каждой рев. д. по 2 руб., включая сюда и прежде платимые 44-копеечн. подушн.» (д. по оп. № 242, л.л. 41—42.) На этом основании в летнюю ярмарку того года с князцов потребовали, чтобы к ранее внесенным ими 44-копеечн. подушн. они довнесли по 1 р. 56 к. с рев. д. А в ноябре того же года бывший на Алдане уездный стряпчий напомнил собранным там баягантайским князцам, чтобы они поспешили внести за следующую половину 1811 г. подушных по 1 р. с рев. д. (лл. 49—50). Далее следовали: ук. Як. земск. суда от 22 февраля 1811 г. головам здешних улусов (по предпис. Ирк. казен. экспед. и с приложением окладн. книг): «по Якутскому уезду ко взысканию подлежит. . . . сверх ясака — с ясачных иноверцев по 2 р. с рев. д. (л. 31). Ук. того же суда от 7 июля с напоминанием о взносе за перв. полов. подушных по 1 р. с рев. д. (л. 38), ук. 20 июля через нарочн. воинских служителей о том же (лл. 39—40)». Указы того же суда в том же году: «переводится из Ботурусск. ул. в Баягантайский Игидейский насл., в числе 470 р. д., с ясаком в 24 2/3 соб. и 100 лис. и подушн. по 2 р. с рев. д.», и «переводится из Намск. ул. Як. окр. в Вилюйск. 32 рев. д. с ясаком 2 соб. и 12 1/2 лис. и с подушн. 64 руб.» (Там же, д. по оп. № 243, л. 1 об.).

С другой стороны, в арх. Борог. упр. найдены указания, что там в 1811 г. подушные взимались в размере 3 руб. с рев. д. А при отмене этих подушн. в 1813 г. они также везде именуются трехрублевыми. Как показано сейчас, — более данных имеется за то, что с инородцев Як. обл. подушные взимались в 1810—1812 гг. в размере 2, а не 3 р. с рев. д. Но, в виду встреченных разногласий в выписках, — лучше будет вопрос этот оставить открытым до новых разысканий в архивах.

стремлении каждого улуса облегчить их бремя для себя, взваливая возможно большую их долю на других, весьма естественно было общее желание прибедняться, умалять цифру могущих платить — с тем, чтобы рельефнее выставить тяжесть относимых повинностей, то в утаивании подлинного количества плательщиков, как и выпадавшей на каждого из них цифры платежей, заинтересованы были, как будто, не только ясачные классы, а и те самые родовичи, об участии коих в отнесении повинностей столь благоразумно умалчивалось. Впрочем, своего рода справедливость соблюдалась и тут. Пользуясь вдвойне привилегированным положением по землепользованию и крупными выгодами по исполнению повинностей, первоклассные семьи могли вносить и вносили сравнительно большие суммы на отправление натуральных повинностей — с тем, однако, чтобы в последних, по мере сил и возможности, участвовали все семьи, могущие хоть что-нибудь вносить. Вообще же состоявшие в ясачных окладах вносили более, чем не владевшие землей.

Таким образом, по отнесению натуральных повинностей якутские общества также делились на классы, как и по взносу ясака и подушных с одной стороны, как и по землепользованию — с другой. Разница, однако, в классах того и другого рода платежей была та, что ясак и подушные, участвовавшие в землепользовании, взносили за все общество окладами в размере своих земельных наделов и за эти наделы, тогда как на отправление натуральных повинностей и другие общественные расходы они взносили только по числу рев. душ в своих семьях; за других же не иначе как по частным сделкам между ними и «выручаемыми» ими таким образом менее состоятельными родовичами. Но были, конечно, и такие родовичи низших классов, которые, не владея землею и не состоя поэтому в платеже ясака и подушных, самостоятельно относили натуральные повинности за себя и своих родственников, по ревизским спискам. Поэтому, если с виду, по крайней мере, платежные классы ясака и подушных приблизительно совпадали с классами землепользования (так как оклады ясака и подушных приблизительно соответствовали земельным наделам), то далеко не всегда и не везде с ними совпадали классы отнесения натуральных повинностей. Напротив, в одном и том же обществе численность и состав последнего рода классов часто бывал иной, да и самое число классов несколько большее, чем первых.

Впрочем, относительно XVIII века только что сказанное является не более, как предположением, построенным по аналогии с началом XIX века. Ибо только с 1798 г., когда исполнение самых крупных натуральных повинностей предоставлено было полному распоряжению родоначальников, — является возможность систематически следить за раскладкою повинностей у якутов. Первые же ведомости, с 1799 г. начиная, показывают, что отдельно раскладывались: 1) ясак и подушные, 2) почтовая гоньба и 3) все остальные натуральные повинности и общественные расходы[1].

Существование отдельной раскладки для ясака с подушными только что было объяснено. Особая же раскладка для почтовой гоньбы объясняется тем, что по гоньбе отдельные наслеги и даже роды нередко причислены были «в помощь» к соседним улусам, так что, участвуя в своем улусе в отнесении остальных повинностей, они по отбыванию почтовой гоньбы входили в состав другого улуса. А так как раскладки разного рода

[1] Не следует смешивать этих раскладок внутри обществ с тем, что выше говорилось о разверстке натуральных повинностей между наслегами и улусами.

повинностей составлялись не одновременно, то легко могло случиться и случалось, что, в зависимости от разных частных сделок, раскладочные классы почтовой гоньбы не во всем совпадали с классами распределения остальных натуральных повинностей.

В местных архивах нами найдены раскладочные ведомости распределения в 1800 году всех натуральных повинностей и общественных расходов, и особо — почтовой гоньбы в Намском улусе, и одной почтовой гоньбы в Мегинском улусе. Ведомости эти иллюстрируют сказанное выше. Отметим, основываясь на них, что при 4529 рев. д., числившихся тогда в Намском ул., — «поборных», т. е. могущих тянуть повинности, показано всего 2543, в Мегинском же улусе из 4523 рев. д. «поборных» показано 2316 д. В намской ведомости поверх перечисления классов по наслегам, говорится, что сбор чинен «по числу состоящих в ясачных окладах и тягости нести могущих по их состоянию и количеству отведенных (покосных) мест». Выходило как будто: 1) что «тягости» (повинности) могли относить лишь состоявшие в ясачных окладах и владевшие землею и 2) что одни лишь ясачно-окладные внесли все 65.719 р. 48 к., значившиеся в общем итоге расходов улуса на отправление натуральных повинностей и другие общественные надобности. В мегинской ведомости редакция пояснения к классам — несколько иная, а именно: что сбор чинен «по числу состоящих в ясачном окладе и тягость нести могущих подростков, по состоянию и достаточности». Несколько ниже увидим, каковы были эти «подростки», и найдем, что упоминание об них в мегинской ведомости — не случайное и отнюдь не маловажное, ибо обнаруживало еще желание показать хоть часть правды. Весьма скоро, однако, версия намской ведомости получила общее господство, так что в официальных ведомостях мы весьма долго уже не встречаемся с иною. Всюду выходило, что все расходы на отправление натуральных повинностей и др. общественные надобности всецело, якобы, покрывались одними только ясачно-окладными, вносившими также ясак и подушные за все общество. Остальные же, значившиеся по спискам рев. души, это — все, как будто, либо умершие и малолетние, либо убогие, увечные и нищие, которые не то, чтобы участвовать в повинностях, а и пропитывать себя не в состоянии, почему и находятся на иждивении у родственников, если есть у них таковые, или же вообще — у состоятельных и добрых людей, которые и относят за них все подати и повинности.

Посмотрим же, насколько это показание соответствовало действительности. Для краткости, однако, и большей легкости вычислений, удобнее будет не пользоваться при этом примерами больших многонаслежных улусов. Поэтому обратимся к наименьшему по числу наслегов и рев. д. Баягантайскому ул. и проследим на нем за дальнейшим ходом распределения повинностей.

В 1810 г. ясак и подушные попрежнему раскладывались там вместе на одних ясачно-окладных. Из 1206 рев. д. «поборных» показано 827. Отправление натуральных повинностей (кроме казенной клади) обошлось по официальным показаниям в 11.092 р. 87 к. За переводом Игидейского насл. с 470 д., в 1811 г. в улусе считалось уже 1676 р. д., из коих поборных показано всего 840. Расходов же на натуральные повинности показано относительно меньше, чем в 1810 г. (принимая во внимание число прибывших от перевода рев. д.), а именно: 11.616 р. 84 к. В том и другом году показанные расходы распределены были таким образом:

Как показывает табличка, в 1811 г. во всех взятых нами наслегах расходы на отправление натуральных повинностей уменьшились по сравнению с 1810 г. При этом, однако,

Названия наслегов	1810 г. всех р. д. 1206, поборн. 827.						1811 г. всех р. д. 1676, поборн. 840.					
	Классы	Число плательщиков в каждом	С одного плательщика		Со всех		Классы	Число плательщиков в каждом	С одного плательщика		Со всех	
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1-й Баягантайский	I	38	35	—	1330	—	I	38	24	—	912	—
307 р. д.	II	30	20	3/4	600	22,5	II	24	16	—	384	—
	III	28	12	—	336	—	III	29	12	—	348	—
	IV	62	5	28	353	36	IV	61	9	—	549	—
Итого . . .	—	158	плат. внес.		2619	58,5	—	152	плат. внес.		2193	—
2-й Баягантайский	I	15	40	—	600	—	I	15	30	—	450	—
115 р. д.	II	16	25	—	400	—	II	15	20	—	300	—
	III	16	7	10	113	60	III	14	15	—	210	—
	IV	1	5	70	5	70	IV	6	7	38,5	44	31
Итого . . .	—	48	плат. внес.		1119	30	—	50	плат. внес.		1004	31
3-й Баягантайский	I	22	70	—	1540	—	I	50	30	—	1500	—
401 р. д.	II	30	40	—	1200	—	II	150	10	—	1500	—
	III	25	25	—	625	—	III	45	2	50	112	50
	IV	61	3	—	123	—	IV	30	1	51,5	45	45,5
Итого . . .	—	138	плат. внес.		3488	—	—	275	плат. внес.		3157	95,5
Кангаласский	I	10	40	—	400	—	I	10	29	—	290	—
127 р. д.	II	12	30	—	360	—	II	10	23	—	230	—
	III	18	20	—	360	—	III	19	14	—	266	—
	IV	20	10	—	200	—	IV	23	10	1/3	230	8,5
Итого . . .	—	60	плат. внес.		1320	—	—	62	плат. внес.		1016	8,5

в трех наслегах это уменьшение пошло лишь на пользу состоявших в высших разрядах, тогда как платежи IV класса не уменьшились, а в двух наслегах даже возрасли. Это был

результат быстрого и резкого повышения подушных, повышения, заставившего в одном наслеге (3 Баягант.) показать вдвое большее количество плательщиков, чем в 1810 г., — с целью переложить на них часть новых подушных[1]. А если, сверх того, возьмем еще раскладку 1812 г. по какому-нибудь, хотя бы Кангаласскому, например, наслегу, то найдем, что дальнейшее понижение натуральных повинностей опять пошло только на пользу состоявших в первых двух классах. Ибо, при тех-же 62 плательщиках, расход наслега на натуральные повинности в том году составлял 1001 р. 96 $^3/_4$ к., распределенные таким образом:

В	I классе	с 10	плательщиков	по 27 р.	—	270 р.	—	к.
»	II »	» 10	»	» 21 »	69,5 к.	216 »	95	»
»	III »	» 19	»	» 15 »	—	285 »	—	
»	IV »	» 23	»	» 10 »	с дол. к.	230 »	$1^3/_4$	»
	Итого 62 плательщика					1001 р.	$96^3/_4$	к.

Когда в 1813 г. введены были земские повинности, то денежный сбор за них стал взиматься в здешних обществах по числу рев. д. в семьях, независимо от того, владели ли последние землею или нет. Но в официальных ведомостях, попрежнему, плательщиками всех повинностей числились одни лишь ясачно-окладные. Мало того, несмотря на обнаруживаемые ревизиями общий прирост населения и увеличение количества рев. душ, — число плательщиков показывалось все то же, а то даже и меньшее.

Так, держась все того же улуса, находим, что там показано было:

В 1811 г.	при	1676	рев.	д.	— поборных	840	д.
» 1815 »	»	2204	»	»	— »	868	»
» 1820 »	»	2214	»	»	— »	714	»

Еще лучше это видно, если сравнение произведем по наслегам, где числилось:

	в 1811 г.					в 1815 г.			
В 1 Баягант.	рев.	д.	307	поборн.	158	Рев. д.	388	поборн.	111
» 2 »	»	»	115	»	48	» »	168	»	52
» 3 »	»	»	401	»	275	» »	483	»	230
» Кангаласск.	»	»	127	»	62	» »	173	»	60
» Сасыльск.	»	»	133	»	70	» »	243	»	70

Непоборных оказывалось, таким образом, где $^2/_3$ числа рев. д., а где и более того[2].

А так как после ревизии прошло всего 4 года, и на большое число умерших нельзя было ссылаться, то весьма крупную часть непоборных необходимо, очевидно, отнести к рубрике малолетних, убогих и нищих.

---

[1] Когда последние были отменены, то резко повернуть назад уже нельзя было. Поэтому в 1815 г. в наслеге показано было 230 плательщиков, впоследствии опять 174, и только позже, одновременно со всеми другими наслегами улуса, 3 Баягантайский снова показал 264 плательщика всех повинностей.

[2] Заметное увеличение числа плательщиков находим только в одном Оймеконо-Борогонском наслеге этого улуса.

Но вот, в том же 1815 г. указом 16 декабря Иркутское губернское правление распорядилось, по предписанию министра полиции, чтобы для прокормления бедных, не находящихся в ведении приказа общественного призрения, во всех общественных местах и собраниях заведены были кружки для сбора пожертвований. По этому поводу от обществ затребованы были сведения о числе призреваемых ими бедных. И вот, по сведениям, доставленным баягантайскими князцами, бедных числилось в 1816 г. по наслегам:

1 Баягантайскому	6	мужч.	4	женщ.,	всего	10	д.	об.	п.
2 Баягантайскому	14	»	16	»	»	30	»	»	»
3 Баягантайскому	16	»	14	»	»	30	»	»	»
Игидейскому	6	»	3	»	»	9	»	»	»
Кангаласскому	19	»	13	»	»	32	»	»	»
Сасыльскому	5	»	5	»	»	10	»	»	»
Оймеконо-Борог	4	»	4	»	»	8	»	»	»
Итого в улусе	70	»	59	»	»	129	»	»	»[1]

Вот значит, сколько нищих и убогих действительно считали тогда у себя сами баягантайские общества.

Кстати, впрочем, за этот же год у нас есть и кой какие «домашние» раскладки, по которым всего лучше будет сверить официальные показания с подлинным распределением повинностей. Взяв хотя бы первый по очереди из представленных сейчас наслегов и расположив документы в хронологическом порядке, найдем, что еще в начале второго полугодия там составлена была раскладка подушных вместе с ясаком, а стало быть и с таким расчетом, чтобы первые расположить на одних лишь ясачно-окладных. Как и следовало, впрочем, ожидать, при этом одинаково в высших, как и в низших окладах находим родовичей, плативших подушные, сверх себя, еще за 2—4 других, из чего можно заключить, что состоявшие в ясачных окладах платили подушные за всех бывших с ними в родстве ревизских плательщиков, независимо от размеров своего ясачного оклада и земельного надела.

Но вскоре после того, в летнюю ярмарку князцам объявлен был Высочайший указ 16 июня того же года, указ, по которому круг земских повинностей был значительно расширен на счет натуральных, а остальные затем местные повинности строго предписано отправлять не иначе, как очередями или денежной складкой доброхотных жертвователей, а отнюдь не сбором со всех плательщиков[2].

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 342, лл. 1—25. По этому же поводу не лишне будет отметить следующий поучительный факт. На пожертвования, которые таким образом собраны будут в кружках, должны были содержаться все бездомные бедняки. А так как указ исходил от центрального правительства, то высшее местное начальство вначале деятельно следило за его исполнением. Один улусный голова даже получил похвальный отзыв за то, что напомнил, что, ведь, и в домах голов бывают собрания, а потому и там должны быть помещены кружки. По своему обыкновению, Трескин составил особое положение о том, как печатать кружки и вынимать из них деньги, как содержать нищих, а главное, что делать в случае, если в кружках наберется денег более, чем нужно для прокормления бедных. Князцов часто запрашивали о результатах сбора. Ответ баягантайских князцов после первой четверти года гласил, что по вскрытии кружек найдено: в Игидейском насл. — 1 р. 25 к. (9 чел. нищих), в 3 Баягант. — 25 к. (30 нищих), в Сасыльск. — 10 к. (10 нищих). После трех четвертей года 2 баягант. князец (30 нищих) донес, что в кружке оказался медный пятак и т. д. (Там же, лл. 29—46).

[2] Под эту же рубрику подведены и те общественные нужды, для которых требовался денежный сбор. Не забудем, кроме того, что в силу этого же закона был запрещен сбор со всех плательщиков на отвозку казенной клади. Это был очень сильный удар для влиятельных якутских общественников.

На счет последнего пункта родоначальники, положим, не особенно стеснялись. Но закон этот, а главное — расширение земских повинностей были, во всяком случае, весьма не выгодны для первоклассных плательщиков. Поэтому прежняя раскладка подушных была оставлена без исполнения, а вместо нее на то же второе полугодие составлена новая раскладка, по которой подушные распределены уже вместе с земскими повинностями на все семьи, по числу ревизских душ в каждой. Эту вторую раскладку мы сейчас рассмотрим, предварительно обратив только внимание на тут же имеющийся «регистр к сведению о неимущих и умерших, с кого не требовать подушных и земских повинностей»[1]. По «регистру» же нищих оказывается в наслеге всего 9 семей с 13 рев. д. И вот за эти последние, но и только за них — подушные с земскими повинностями[2], под названием «раскладочных» действительно разложены на состоявших в ясачных окладах: в I разряде по 20 коп., во II — по 12 коп., в III — по 7 коп. и в IV — по $3^1/_2$ коп. В раскладке плательщики поименованы по разрядам, при чем видно, кто именно, за кого и за сколько душ заплатил.

Так, в I классе № 1, голова и князец П. Постников с сыном заплатил подушные и земские повинности за две души и «раскладочных» (т. е., за неимущих и их умерших) — 20 коп., по I разряду. № 3. Петр Заболоцкий Чоху с тремя сыновьями и одним работником заплатил за 5 душ и «раскладочных» 27 коп. (за себя — 20 коп., да 7 коп. за старшего сына, состоявшего по ясачному платежу в III разряде). № 4. Дм. Готовцев Тутуи, с двумя сыновьями и тремя работниками, заплатил за 6 душ и «раскладочных» 40 коп. (за себя и старшего сына, также состоявшего уже в соболином окладе). И т. д. и т. д.

Каждый № засчитан за одного плательщика. При этом какой нибудь I-классный Дорофей Егоров с тремя сыновьями и какой-нибудь IV-классный Пав. Матарков, также с тремя сыновьями — одинаково платили за 4 души и одинаково же засчитаны за одну платежную душу. А между тем за первыми записаны были один первоклассный надел (4 ост.) на себя и один третьеклассный ($1^1/_2$ ост.) на одного из сыновей; тогда как у второго был всего лишь один IV-классный надел ($^3/_4$ остожья)[3].

Всех таких №№ в четырех платежных классах — 115. Они и показаны, как единичные и единственные платежные души, тогда как почти под каждым № подразумевалась не одна платежная душа (таких в списке всего около десятка №№), а их группа, число душ в которой зависело не от состояния семьи в том или ином классе, а от ее ревизского состава, т. е. от количества числившихся в ней ревизских плательщиков. Это были именно платежные группы, не вполне даже приуроченные к ясачным окладам, ибо, как мы видели, в первых двух классах под одним № нередко подразумевались два ясачных оклада.

Таким образом, от платежа подушных с земскими повинностями освобождены были лишь весьма немногие — бездомные нищие. Все же остальные родовичи, не входившие в эту

---

[1] Арх. I Баяг. насл. за 1816 г., д. № 14, л. 15 об. Может показаться странным это обозначение умерших — для того, чтобы не взыскивать с них податей. Поэтому тут же прибавим вкратце, что вместо «неимущих и умерших» следует читать: «неимущих и их умерших». Подробнее же дело выяснится в дальнейшем изложении.

[2] За полугодие с каждой рев. д. по 1 р. $9^1/_2$ к., а со всех — 14 р. $23^1/_2$ к.

[3] Зато раскладочных первый заплатил 27 коп., а второй — всего $3^1/_2$ коп. Но, разумеется, что не в одном этом они разнились по платежу повинностей. Ибо, во 1-х, ясаку Егоров вносил 2 р. 33 к. за себя и 1 р. за сына, т. е. всего 3 р. 33 к., Матарков же — всего 50 к. Во 2-х, на внутренние повинности и общественные расходы первый внес по I разряду 24 р. 80 к., а второй по IV разряду — 9 р. 80 к. в год, что сейчас и показано будет нами на раскладке третьей категории повинностей.

категорию, уплачивали эти повинности по количеству живых и умерших рев. душ, в своих семьях, независимо от того, состояли ли они в ясаке и владели ли землею или нет. Только от платежа за нищих, живых и умерших, были освобождены родовичи, не владевшие землею, так как этот платеж был разложен по ясачным окладам. Но кроме ясачно-окладных семей, владевших землею, был еще разряд плательщиков именуемых в домашних раскладках «подростками», коим составлен отдельный список. Странные подростки! № 3, напр., Тордуя Антропов с братом платил подушные и земские повинности за две души; № 5, Антон Сахтах с сыном за две души; № 8, Семен Сахрын с братом и сыном — за три души и т. д. Раскладочные на них не числились, т. е. они ничего не давали на уплату подушных и земских повинностей за живых и умерших нищих, так как и ясака не платили да и земли не имели[1]. Об этих то подростках и было откровенно упомянуто в цитированной выше мегинской ведомости 1800 г. Но дальше об них же не упоминалось в официальных ведомостях, а вместо того показывалась общая группа малолетних, под которою подразумевались все невладевшие землею родовичи, в том числе — и не могшие рассчитывать когда либо получить земельный надел.

Где годом-двумя раньше, а где позже, но после 1816 г. всюду у здешних якутов подушные стали раскладываться вместе с земскими повинностями. А так как те и другие поступали в казначейства, а не в распоряжение родоначальников, поэтому вместе и стали называться казенными податями или просто «податями». Правда, ясак также поступал в казначейства, но для его выделения у ясачно-платежных и единственно полноправных членов якутских обществ были свои особые причины. Поэтому податями, по преимуществу, назывались подушные и земские повинности, при чем те и другие были одинаково обязательны для всех членов общества, по числу рев. д. в своих семьях, за исключением лишь немногих неимущих.

Но кроме ясака и податей существовали еще местные нужды благоустройства и общественного управления, не вошедшие в состав земских повинностей и после 1816 г. И вот, для этих то, так называемых, внутренних повинностей и общественных расходов находим отдельную раскладку, совершенно совпадающую с первой, т. е. где опять перечислены по классам те же 115 №№, без указания, однако, их личного состава. Подростки в этом списке не значатся отдельно, так что неизвестно, со скольких из них и по скольку собрано было на внутренние повинности и общественные расходы. Всего же на то и другое потребовалось в данном году и данном наслеге 1847 р., кои распределены были:

В	I классе с	25	поборн. душ	по	24 р.	80 к. —	620 р.	— к.
»	II »	» 21	»	»	» 19	» 80 » —	415 »	80 »
»	III »	» 27	»	»	» 14	» 80 » —	399 »	60 »
»	IV »	» 42	»	»	» 9	» 80 » —	411 »	60 »

Итого со 115 поборн. душ ....1847 р. — к.

[1] Не следует их смешивать с малолетками. Последними назывались родовичи, имевшие право на надел, но еще не получившие его (не достигшие ясачного возраста, еще не выделенные своими старшими родственниками) или уже передавшие его наследникам. Таковые, под именем воспитанников и сирот, а также престарелых числились в платежных группах ясачно-окладных родственников своих, плативших за них повинности и за то владевших наделом или его частью, на который такой малолетка имел право. В официальных ведомостях, однако, они соединены были в одну группу со всеми вообще не владевшими землею.

Нам уже известно, что следует подразумевать в таких раскладках под поборною душою. Но данная раскладка тем еще интересна для нас, что в одной из ее рубрик показано, сколько с какой группы следует взыскать на внутренние повинности и общественные расходы, в другой—сколько ее представителем издержано было на общественные нужды, а в третьей—от кого и кому следует передавать деньги. Тут прямо видна та небольшая кучка общественных воротил, которая производила непомерные траты за общество и потом вознаграждала себя из сбора со своих сородовичей. Так, напр., № 1, П. Заболоцкий — издержал 122 р.; № 2, А. Готовцев — 100 р.; № 3, Сем. Калининский — 306 р. $11^1/_2$ к.; № 4, А. Калининский — 61 р.; № 6, М. Сыромятников — 42 р.; № 9, В. Матаров — 87 р.; № 14, П. Андросов — 57 р. 50 к. и т. п. За вычетом 24 р. 80 к., которые должны были поступить с каждого из них по первому классу — всем им надлежало додать из сбора с других родовичей. Зато в III и IV классах, где рубрика издержек почти сплошь пустует — в последней графе находим отметки (сбор — 14 р. 80 к. и 9 р. 80 к): «отдать голове, отдать писарю, старшине; отдать Калининскому, Заболоцкому, Матарову, Андросову» и т. п. Тут ясно видно, кто в конце концов покрывал многообразные и чрезмерные расходы по содержанию самоуправления и на отправление внутренних повинностей. Как упомянуто было, в этой раскладке нет указаний на личный состав платежных групп. Но если сложить сумму числившихся в них душ с теми, которые зачтены в списке «подростков», то все же недохватит около 80 душ. А это показывает, что не все родовичи из не владевших землею были освобождены от взноса на внутренние повинности и общественные расходы, а лишь наиболее бедные.

Еще лучшим образчиком деления родовичей на платежные группы может служить следующий пример, в котором, рядом с раскладкой разных категорий повинностей, есть указания и на землепользование. В 1823 г. один из наслежных писарей того же улуса, не поняв, как должно было, запроса областного начальника, составил список плательщиков в форме посемейно-ревизской сказки, при чем еще отметил, в каких платежных группах были земельные наделы, а у каких земли не было. Тут каждый № на любом листе поучителен в смысле иллюстрации только что изложенных порядков распределения повинностей [1]. Так, два внука, 10 и 16 лет, считаны за одну платежную душу, а платили казенных податей за 6 д. и один первоклассный пай местно-общественных повинностей. Хара Эргин (в крещении Афанасий Слепцов), с 7-ю сыновьями, из коих одному меньше 8 лет, считаны за одну, а платили за 7 душ. Тюлях Мурунов (Степ. Неустроев), с двумя братьями, 25 и 33 лет, и одним двоюродным братом (все семейные) считаны за одну, платили за 4 д. [2]. Десятник Софрон Абрамов с 75-летним отцом, двумя семейными братьями и двумя сыновьями, вместе со Степ. Андросовым, его умершим отцом и сыном Мекю, 24 лет — считаны за одну, а платили за 9 душ и один пай местно-общественных повинностей по второму разряду [3]. Ефр. Неустроев, 47 лет, нищий: подати за него уплачивались обществом, земли не имел. Куякан Сюнов находился

[1] Список не был, конечно, пропущен улусным письмоводителем, но остался в арх. Игид. насл. Баяг. ул., откуда и заимствованы нижеследующие примеры, в коих, однако, будут показаны лишь те мужские души, за которые приходилось платить подати.

[2] Названного списка л. 5 и обор. Ревизским плательщиком называлась, таким образом, всякая мужская душа, от 8 лет начиная.

[3] Там же, л. 9 обор.

в безвестной отлучке, подати уплачивало общество, земли не имел[1]. Антон Луковцев 50 лет с тремя некрещенными сыновьями 15—24 лет — считаны за одну, платили за 4 души, земли не имели и т. д.[2].

Каждая група платила подати даже за свои умершие рев. д., а об живых — и говорить нечего. Кто самостоятельно не мог платить податей, тот поступал в работники и даже отдавался в работу, если, конечно, манкировал своею податно-платежною обязанностью[3]. Исключение делалось только для бездомных нищих, совершенно не могших работать. Кроме того, каждая група вносила один пай общественных расходов и внутренних повинностей по своему классу. Но рассмотрение многих десятков наслежных ревизских сказок, составленных во время самих ревизий, да и сопоставление в той же цитированной сейчас ведомости семейного состава первоклассных груп с таковым же в четвертом и пятом классах — показывает, что очень уж много сыновей насчитано в богатых семьях. Между тем, теперь, по крайней мере, у богатых дети мужского пола, до нельзя закармливаемые в первые годы жизни, мрут даже чаще чем у бедных. Едва ли, поэтому, может подлежать сомнению, что, под наименованием сыновей, в богатых семьях показано не мало приемышей-работников. Вот эта часть «подростков», по всей видимости, была освобождена в данном обществе от участия в повинностях третьей категории. В других обществах напротив, часть родовичей из невладевших землею была причислена по отнесению повинностей третьей категории к ясачно-окладным группам, а отдельно числилась група «подростков» плативших одни лишь казенные подати. Вообще, как относительно землепользования, также точно и по распределению повинностей не было никакого однообразия даже среди наслегов одного улуса. Напротив, рядом или почти рядом, в одном обществе платеж податей за живых и умерших нищих разложен был по ясачным окладам, тогда как в другом был причислен к общественным расходам и раскладывался вместе с ними, а стало быть — частью вносился и не владевшими землею родовичами[4]. Точно также повинностями третьей категории в одних обществах обложена большая половина не владевших землею, за то слабо обложена; в других,

---

[1] Там же, лл. 12—13.

[2] Там же, л. 20. В официальных сведениях улусных голов тогда уже всеобще было утверждение, что все якуты — православные. Между тем, списки, в роде цитированного, показывают, что в низших классах населения было около половины некрещеных.

[3] Так еще под 1830 г. был случай, когда заседатель Степной думы Степ. Егоров требовал от Борогонск. инор. упр., чтобы та выслала к нему проживавшего в том улусе родовича Федорова, отданного ему, заседателю, в работу за платеж повинностей. Управа исполнила это требование (Арх. Б. И. У., за 1830 г., д. № 24, лл. 1—2). Таких случаев встречено, впрочем, немного, так как, обыкновенно, не могшие самостоятельно тянуть повинности сами нанимались в работу. Среди встреченных случаев был и такой, когда годичную уплату податей за работника хозяин считал достаточным вознаграждением за сенокосную работу одного лета, а суд родоначальников согласился с такою оценкою.

[4] То и другое, однако, было строго запрещено законом 1816 г. Поэтому за нищих, живых и умерших подати стали вноситься в одних обществах действительно складкою с немногих, наиболее зажиточных хозяев, в других — только по виду, тогда как на самом деле, попрежнему, причислялись к общественным расходам и раскладывались на все общество. Та же комедия сплошь проделывалась и с пожертвованиями, которые часто «предлагалось» делать якутам на построение храмов в других местах Сибири и Империи, в помощь разоренным от пожаров и наводнений и т. п. После 1816 г. для этого всегда составлялся список пожертвований, где фигурировали лишь голова, князцы и старшины. Но на самом деле, когда требовавшаяся сумма была незначительна, она вносилась из прогонов за кладь, тут же при их получении, т. е. ложилась на всех ясачно-окладных. При значительности же суммы, всегда находим, что пожертвование каждого родоначальника с точностью соответствует числу рев. д. его общества, т. е. что она собрана раскладкой, как внутренняя повинность.

напротив, — обложение было гораздо выше, за то распространялось на меньший % не владевших землею. В том же улусе одни общества делились по платежу повинностей на 4 класса, другие — на 5 и даже на 6 классов.

Общим везде было то, во 1-х, что ясак платило лишь около трети родовичей (владевшие землею), для которых сверх того обязательны были все, без исключения, другие повинности и общественные расходы. Во 2-х, подати (т. е. подушные и земские повинности) неимевшими земли платились наравне и одинаково с теми, у кого были земельные наделы. В 3-х, от внутренних повинностей и общественных расходов была освобождена лишь часть не владевших землею; другая же, то большая, то меньшая участвовала в тех и других. Везде также число платежных классов было больше, чем классов землепользования, ибо, как мы видели в отнесении большей части повиностей участвовали и невладевшие землею.

Довольно долго эти порядки распределения земли и повинностей у якутов едва ли даже были известны высшим местным властям. В доказательство можно сослаться хотя бы на следующее. В 1819 г. Иркутский гражданский губернатор предложил рекомендовать здешним якутским обществам порядок раскладки повинностей, принятый у крестьян Нижнеудинского округа и состоявший в том, что все члены общества делились на 4 класса: самых богатых, достаточных, небогатых и совершенно бедных. За последних, а равно и за всех умерших, подати вносились состоявшими в первых двух классах; третий вносил одни лишь казенные подати; а внутренние повинности и общественные расходы целиком покрывались первыми двумя классами: вторым — в ординарной, а первым (богатыми) — в двойной пропорции. Рекомендуя этот порядок распределения повинностей, губернатор требовал, чтобы, для сравнения, здешние родоначальники представили сметы и предполагаемые раскладки всех повинностей на следующий 1820 г.[1].

По тому, что сейчас изложено о распределении повинностей у здешних якутов, касалось бы — якутские родоначальники могли ответить, что, с небольшим отступлением, начала нижнеудинско-крестьянских порядков распределения повинностей практикуются и в якутских обществах. Но, во 1-х, такое показание родоначальников шло бы в разрез с их предыдущими неоднократными утверждениями, что в якутских обществах все подати и повинности всецело покрываются небольшим контингентом ясачно-окладных. Во 2-х, у нижнеудинских крестьян третий класс плательщиков (одних казенных податей) уже, во всяком случае, был наделен землею, тогда как здесь безземельные не только платили подати за себя и своих умерших, но приблизительно половиною своего состава участвовали и во внутренних повинностях и в общественных расходах. Мало того, к прежним мотивам скрывательства подлинных раскладок повинностей (излишние поборы, сбор с родовичей, не имевших ни клочка земли, наличность массы безземельных), теперь, после 1816 г., присоединился еще один состоявший в том, что денежный сбор на внутренние повинности и общественные расходы должен был производиться лишь в виде пожертвований и добровольных складок, а тут, как мы видели, он раскладывался правильно установленными окладами на всех, с кого только можно было что нибудь взять. Все это необходимо было скрывать и всячески маскировать.

---

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 389, лл. 1—20

Поэтому в ответ на запрос губернатора, родоначальники ограничились заученным утверждением, что все подати и повинности покрываются у якутов исключительно лишь ясачно-окладными родовичами и представили одну только предполагаемую раскладку внутренних повинностей. В том числе, по взятому нами для примера Баягантайскому улусу показано было, что необходимую на внутренние повинности в 1820 г. сумму 4.534 р. 65½ к. предположено собрать по следующей раскладке (в общем итоге всех наслегов улуса):

В I классе	с 94	родовичей	по 16 р. — к.	1504 р. — к.	
» II »	» 147	»	» 7 » 24 »	1064 » 28 »	
» III »	» 251	»	» 4 » 86½ »	1221 » 11½ »	
» IV »	» 198	»	» 3 » 50 »	693 » — »	
» V »	» 24	»	» 2 » 17¾ »	52 » 26 »	
Итого 714 плательщиков				4534 р. 65½ к.[1]	

Разумеется, однако, что и на этот раз сбор на внутренние повинности был в действительности слишком в три раза больше показанного. Так, в понаслежных итогах цифра предстоящего сбора по Кангаласскому наслегу засчитана в 435 р. 26 к., что при 178 р. д. наслега составляло по 2 р. 44½ к. на каждую. Эта же цифра показана и в шнуровой приходо-расходной книге наслега за 1820 г.[2]. Но стоит взять «домашнюю» приходо-расходную книгу и рядом с черновой официальной сметой (черновой, где после многих поправок значится почти тот же итог, а именно: 435 р. 89½ к.) находим и неофициальную, с общим итогом в 1075 р. 8 к., что давало по 6 р. 33 к. на каждую рев. д. Да иначе и не могло быть, так как на одних отвозчиков клади положено 200 р. на сугланные собрания в улусе и в Якутске — 200 р., на междудворную гоньбу 120 р., на поправку дорог и мостов внутри наслега 90 р. и т. д.[3]. По другому, Оймеконо-Борогонскому наслегу цифра предстоящих сборов показана была в 672 р. 84 к. (на кажд. рев. д. по 2 р. 52 к.). В «домашней» же приходо-расходной книге среди произведенных расходов значатся: жалованье наслежному писарю 300 р., на поездки родоначальников 200 р., на отопление и освещение наслежного сугланного дома 150 р. и т. д. Общая же сумма действительных расходов составляла не 627 р. 84 к., а 1742 р. 50 к. (по 6 р. 52½ к. с рев. д.), которые собраны были по следующей раскладке:

В I классе	с 15	плательщиков	по 37 р. — к.	550 р. — к.
» II »	» 25	»	» 25 » 50 »	637 » 50 »
» III »	» 30	»	» 15 » — »	450 » — »
» IV »	» 10	»	» 10 » — »	100 » — »
Итого с 80 плательщиков				1742 р. 50 к.

Плательщиков внутренних повинностей было, как будто, всего 80 душ из общего числа 267 ревизских. Но, разобравшись в цифрах действительного числа душ по платежным груп-

[1] Арх. Б. И. У., д. по оп. № 389, лл. 21—31. По прямому смыслу этого показания выходило, таким образом, что 29,6% родовичей относят подати и повинности за все 2414 рев. д., числившиеся тогда в Баягантайском улусе.
[2] Арх. Канг. наслега за 1820 г., д. № 36.
[3] Там же, д. № 53, лл. 1—4 и 12—13.

пам, находим, что, кроме 80 ясачно-окладных, в классах числилось еще 114 малолетних и «подростков»: в I классе — 25, во II — 32, в III — 43 и в IV — 14; так что освобожденных от сбора на внутренние повинности было всего 58 душ. Освобожденных же от всех податей и повинностей было всего 7 нищих и 8 умерших.

Мы видим, таким образом, что если значительна была разница между показными и действительными расходами обществ, то еще в большей мере разнились между собою показное и подлинное распределение повинностей. Не забудем при этом, что каждой платежной группе приходилось еще вносить подати (в данном году по 2 р. 79 к.) за все свои ревизск. д. числом до 5 и более; а это вместе с раскладочными за нищих и умерших, составляло, примерно, от 5 р. 60 к. до 11 р. 35 к. на семью (в 2—4 рев. д.), независимо от ее состояния в том или ином классе. Вместе же с внутренними повинностями и общественными расходами платежи составляли, таким образом, от 15 р. 60 к. до 21 р. 35 к. в низшем классе и от 42 р. 60 к. до 48 р. 35 к. — в высшем. Сравнив эти платежи с показанными выше расходами здешних обществ на все вообще повинности в конце прошлого века, — найдем, что благодаря введению земских повинностей, общие размеры платежей здешних обществ уменьшились, конечно[1], но далеко не в той мере как это мы вправе были ожидать. Ибо, тогда как самые крупные натуральные повинности, обращенные в общие земские и изъятые, таким образом, из заведывания родоначальников, обходились теперь якутам в 3—4 раза дешевле прежнего, общая тяжесть повинностей уменьшилась всего на какие нибудь 2—4 р. с копейками на каждую здешнюю рев. д. Происходило же это единственно от того, что оставленные в ведении родоначальников местные натуральные повинности и общественные расходы все еще составляли самую крупную статью сбора и продолжали обходиться здешним плательщикам почти вдвое дороже, чем все казенные подати, несмотря на то, что по закону 1816 г. земские повинности продолжали расти на счет местных натуральных, а за 20 лет, протекших с конца XVIII века, подушные также возрасли с 26 до 74 к. с рев. д.

Иначе говоря, крайне тяжелыми и разорительными для здешних обществ, попрежнему, продолжали быть поборы, налагаемые их собственными родоначальниками. Но именно потому, что в возможно высоком уровне таких поборов, и даже в самом существовании некоторых из них, заинтересованы были всесильные «лучшие» люди, с родоначальниками во главе — удивляться приходится не величине поборов, а тому, как выносили их тяжесть другие общественники, откуда брались у них для того средства. Очевидно, не дурные еще были ресурсы, получаемые населением от пушного промысла, скотоводства, торгового обмена и т. п., если могло оно выносить такие большие поборы. Но как ни велики были естественные богатства страны, а за многие десятилетия чрезмерного их эксплоатирования под предлогом повинностей, платежные силы менее состоятельной части населения не могли не ослабнуть.

Лучшим показателем этого ослабления могут служить начавшиеся после 1813 г. отказы лисично-окладных от своих земельных наделов и ясачных окладов, но не из-за последних, конечно, а преимущественно по тягости общественных повинностей. Ибо за трехклассный, напр., земельный надел в огромном большинстве здешних обществ платился всего полулисичный оклад (1 р.), тогда как внутренних и общественных повинностей третий класс

---

[1] Особенно если принять во внимание сравнительный упадок ценности ассигнаций.

платил по 14—17 р. в год. Да и в четвертом классе землепользования, рядом с ясаком в $58\frac{1}{8}$ и даже 50 к. ($\frac{1}{4}$ трети соболя и $\frac{1}{4}$ лисицы), оклад общественных повинностей только в очень немногих обществах был ниже 6—7 р. в год. Положим, что и безземельные не все были свободны от участия в общественных повинностях, но они платили далеко меньше, чем сколько полагалось даже в последнем ясачно-окладном классе. Кроме того, при добровольном отказе от надела, родович мог надеяться, что, по отставке от ясака, его либо совершенно освободят от общественных повинностей, либо за уменьшенный платеж последних ему оставят на бедность часть его надела.

По большей части мотивом для отказа от надела выставлялась неизлечимая болезнь. Под предлогом «болезни рук и корпуса» или за «болезнью рук и ног и исчахлостью всего корпуса» родович покорнейше просил своего князца освободить его от надела и сопряженного с последним платежа ясака и других повинностей[1]. Но есть и прошения с более определенной мотивировкой. Так, в 1818 г. родович Баягантайского ул. жаловался своему улусному голове, что наслежные родоначальники, не соразмерив его состояния, внесли его в третий платежный разряд ($\frac{1}{2}$ лис.), наложив и соответственный оклад всех повинностей, непосильный для него. По крайней бедности он просил уволить его от ясачного оклада и сопряженных с последним других платежей, а его надел передать кому-нибудь другому[2]. Подобных прошений найдено не мало (главным образом, в наслежных архивах), но только за время после 1813 г. и единственно лишь от родовичей, состоявших в низших ясачных окладах. Это не мешало, конечно, людям состоятельным и тогда всячески стремиться к увеличению своих земельных владений и поднимать разорительнейшие тяжбы, в случае урезки наследственно принадлежавших им земель. Из строя выходили, таким образом, преимущественно обедневшие потомки ясачно-окладных, из коих часть, по всей вероятности, и до того уже сходила из высших окладов в низшие, благодаря, главным образом, тяжести мирских сборов и внутренних повинностей.

Вполне возможно, что такие отказы лисично-окладных от своих окладов и наделов только давали больший простор состоятельным родовичам, чтобы получать земельные наделы для своего подрастающего потомства, и что, таким образом, число ясачных окладов не уменьшалось. Но возможно также, что, в виду больших поборов и незначительности земельного надела в низших классах, не сразу находились желающие записаться в такие оклады, так что временно кое-где число ясачных окладов, быть-может, и действительно несколько уменьшилось к 20-м годам этого века. Конечно, благодаря сохранению за некоторыми отставленными от ясака части их наделов, последние по необходимости дробились несколько быстрее ясачных окладов. Но, судя даже по тому, как быстро дробились эти последние,

---

[1] Арх. 1 Баягант. насл. за 1814 г., д. № 8 (два прошения), также — арх. Игид. насл. за 1820 г., д. № 9, л. 1—15, где таких прошений несколько под ряд.

[2] В том же деле (арх. Игид. насл., за 1818 г., д. № 8) есть совершенно такое же прошение еще одного полулисично-окладного родовича, Як. Кривошапкина. А в д. № 24 за 1824 г. родович Чириков жалуется, что из «природных» (наследственных) его мест у него отняли лучшее, под названием Кута Кет и отдали родовичу Чердухину. Требует, чтобы ему вернули этот покос, а вместо того взяли какой-нибудь другой, а «ежели, прибавляет он, сие мое прошение в резон принято не будет, то неблагоугодно ли будет исключить меня от теперешнего платежа ясака и наслежных повинностей». Прибавим еще, что когда, благодаря целому ряду мер, стали сокращаться внутренние повинности и общественные расходы, то вместе с тем почти прекратились и отказы от земельных наделов.

а вместе с тем возрастало количество ясачно-окладных, надо полагать, что, если после 1813 г. кое-где и происходило временное уменьшение числа ясачно-окладных, то это уменьшение было ничтожно, по сравнению с общим их приростом на протяжении всей первой четверти этого столетия.

Между тем, как уже упомянуто было выше, по сведениям якутских родоначальников выходило, что число плательщиков не возрастает, а как будто даже сокращается. Так, если по показаниям родоначальников числилось в 1800 г.:

В Мегинском ул.	при	4532	р. д.	плательщиков	2316
» Намском »	»	4529	» »	»	2513
» Баягантайском ул.	»	1206	» »	»	808 и т. п.,

то в 1824 г. находим:

В Мегинском ул.	при	6128	р. д.	плательщиков	2120
» Намском »	»	5513	» »	»	2112
» Баягантайском ул.	»	2419	» »	»	725[1]

Всего в 1824 г., по показаниям родоначальников, в здешних улусах числилось:

В Кангаласском	при	10931	рев. д.	4182	плательщ.
» Ботурусском	»	9873	» »	3477	»
» Мегинском	»	6128	» »	2120	»
» Намском	»	5513	» »	2112	«
» Борогонском	»	3249	» »	843	»
» Дюпсюнском	»	2324	» »	882	»
» Баягантайском	»	2419	» »	725	»
Итого во всем округе	при	40437	рев. д.	14341	плательщ.[2]

Иначе говоря, из 40437 рев. д., числившихся в здешних улусах, способных нести повинности, или так называемых «поборных душ» было, как будто, всего 14341, или 35,46%.

Вот это обстоятельство и обратило на себя особенное внимание Главного Управления Восточной Сибири[3]. Ибо, если и допустить, что ему не была известна показанная сейчас сравнительная убыль плательщиков, то, во всяком случае, даже по точному смыслу показаний родоначальников, столь малый % могущих нести повинности свидетельствовал о крайнем упадке платежных сил населения. Вопрос осложнялся удивительными показаниями якутских депутатов в Иркутском комитете, показаниями о классах отнесения повинностей и разрядах землепользования у якутов, при чем ясачно-окладные классы оказывались истинными и бескорыстными благодетелями своих обществ. Правда, они одни владели всеми землями

[1] Итого за 24 года в трех улусах убыло 680, а во всех здешних улусах — около 2000 плательщиков повинностей.

[2] Арх. Б. И. У. за 1824 г., д. № 28, лл. 6—8.

[3] «... тем более, что число поборных душ показано обществами ... с неимоверным уменьшением против числа «ревизских» (Цитиров. выше журнал Совета Главн. Управл. за 13 июля 1824 г., л. 20).

своих обществ, но только потому, что все остальные их сородовичи якобы не в состоянии были пользоваться ею по своей бедности и хозяйственной несамостоятельности, в виду чего ясачно-окладным не только приходилось относить за них все повинности, но и содержать их. Очевидно было, как будто, что без усилий ясачно-окладных родовичей и повинности не поступали бы полностью с якутских обществ и всей непоборной массе грозило бы погибнуть, да и много земли пропадало бы втуне. Так выходило по показаниям якутских депутатов. Но само собою напрашивался и другой вывод. Именно: не потому ли непоборная масса хозяйственно несамостоятельна и неспособна относить повинности, что не имеет ни клочка земли и что вся земля захвачена ясачно-окладными классами? А в таком случае, даже придавая полную веру утверждениям якутских депутатов, следовало, очевидно, позаботиться о более равномерном распределении земли у якутов; следовало не только для поднятия благосостояния и увеличения податно-платежных сил якутской массы, но и для того, чтобы облегчить ясачно-окладным классам бремя отнесения повинностей за своих сородовичей и нелегкую обязанность содержать их. В виду этого, Главное управление предложило Иркутскому губернатору не ограничиваться заботами об уменьшении внутренних повинностей у якутов, а обратить особенное внимание на классы землепользования и отнесения повинностей с тем, чтобы выяснить истинное количество плательщиков и чтобы добиться наделения землею возможно большего числа родовичей.

ГЛАВА V.

Мероприятия 20-х годов. Якутская Степная Дума.

Изложенные выше правила Совета Главного Управления относительно регулирования внутренних повинностей в здешних обществах были пока только предварительными. Они подлежали еще дальнейшей разработке; кроме того, до окончательного установления, их необходимо было согласовать с новым порядком управления и самоуправления у инородцев по уставу 1822 г. А относительно всего этого еще только вырабатывалось особое положение при участии Иркутского губернского правления, положение, по которому еще надлежало высказаться Якутскому областному начальнику и Степной думе. Тут, одним словом, работы предстояло еще немало. И надо отдать справедливость Иркутскому гражданскому губернатору Зеркалееву: не находя возможным сразу в полной мере применить упомянутые правила, но не желая отложить их исполнение до истечения переписки по ним, он уже в августе 1824 г. предложил Якутскому областному начальнику принять следующие временные меры.

1. До полного уничтожения письмоводства в родовых управлениях, уменьшить число наслежных писарей, оставив по одному на каждые 3—5 наслегов. Устроить в Якутских улусах инородные управы из головы и выборных с письмоводителем при них. Все дела и документы из родовых управлений передать в управы, при которых устроить помещения для хранения дел. Последних ни голове, ни письмоводителю при себе не держать и ни

в Якутск, ни в другие места с собою не возить, а в случае надобности выдавать копии, выписки и справки. Земским чиновникам заезжать только в инородные управы[1], для проверки же родовых управлений высылать особых чиновников, да и то лишь в случае замеченных неисправностей, излишних поборов и т. п.

2. Командировки чиновников на дальние окраины стараться непременно подгонять ко времени отправления туда транспортов, с коими и отправлять их. Лишних лошадей не давать, а необходимые под них самих и их съестные припасы — поставлять на счет обществ, но не дороже, как по подрядным (за кладь) ценам, а не по 100—150 р., «как было ранее, чего, конечно, самая лошадь не может стоить».

3. Запретить всякий сбор на прокормление родоначальников во время сугланов, ибо на последние они должны приезжать с собственной пищей. За поездки же их на полугодичные съезды положить им известное вознаграждение. Так как, однако, для съездов этих отнюдь не требуется ни столь продолжительного времени, ни такого многочисленного представительства от улусов, а существовавшие до того многолюдные и продолжительные съезды «вели лишь к бражничанью на счет обществ»[2] и совершенно ненужному увеличению общественных расходов, поэтому и количество съезжающихся и время их пребывания в Якутске ограничить самым необходимым минимумом.

4. На 1824 г. вообще не допустить никаких дальнейших сборов на повинности, так как за первое полугодие и без того уже собрано гораздо больше, чем допустимо по правилам Совета Главного Управления на весь год.

5. Запретить старостам (наслежным князцам) самовольную передачу земель из одних семей в другие, а всегда делать это с ведома голов (?!) и с объяснением причин и оснований для такой передачи. Запретить всем родовичам, кто бы они ни были, за свой счет отдавать излишние свои земли в кортом; все вообще лишние земли отдавать с согласия всего общества в оброк желающим, а вырученные таким путем деньги обращать на покрытие общественных расходов.

6. По показанию якутских депутатов, якуты делятся на: а) владеющих землею по окладу полного соболя, его половины и трети; б) владеющих землею по лисичному и полулисичному окладам; в) занимающихся мастерством, зверопромышленностью и другими постоянными занятиями, равно и скотников[3]; г) состоящих в работе у своих сородовичей и

---

[1] Это отстранение земских чиновников от всякого близкого соприкосновения с самими обществами — весьма характерно. Ярко выраженное в уставе 1822 г., оно все более оттенялось в его применениях к здешним инородцам. По отношению же к якутам, оно, кроме того, одно время применялось с большею последовательностью, пока не обнаружилась полная неспособность Степной думы быть руководительницей общественно-хозяйственной жизни своих здешних сородичей.

[2] По умеренному расчету областного начальника Мягкого съезды эти обходились здешним якутским обществам не менее 10000 р. в год. (Арх. Н. И. У., д. по оп. № 58, л. 8).

[3] Термин этот требует пояснения. По рассказам людей, живших в Вилюйском округе, многие богатые якуты там почти весь свой скот содержат таким образом, что к каждым 4—5 десяткам скота (рогатого) приставлено по нескольку работников (мужчин и женщин), которые и сено ставят для этого скота — по большей части с собственных земельных наделов — и ухаживают за ними, за что пользуются удоем и приплодом от известного количества коров и небольшой денежной платой. Они то и называются по здешнему месту скотниками. В здешнем округе этот способ содержания скота уже выводится. В начале же XIX века, когда скот у здешних якутов был распределен крайне неравномерно, и, рядом с несколькими многоскотными богачами, у огромного большинства родовичей скота было очень мало, либо вовсе не было — показанный способ содержания скота господствовал здесь повсюду, при чем большинство бесскотных якутов служило у более состоятельных в качестве скотников.

у русских, и д) стариков, сирот, калек и совершенно неимущих, прокармливаемых подаянием. Нужно, поэтому, с ведома и согласия всех родовичей, составить во всех наслегах именные списки с разделением родовичей по показанным классам и с обозначением земельного надела и участия в повинностях каждого общественника. Инородные управы должны наблюдать за правильным составлением таких списков, хранить их при своих делах и точные копии с них представлять в то учреждение, на которое возложено будет следить за справедливым распределением земли и повинностей в якутских обществах. Высшей же инстанции, а в том числе и в Главное Управление, достаточно доставлять лишь общие поулусные итоги этих списков, а именно: а) сколько из наличных родовичей состоит в каждом из перечисленных классов; б) в какой мере записанные в тот или иной класс участвовали в доставке казенной клади, в отнесении разного рода повинностей и в землепользовании, и в) сколько в ведомстве каждого улуса было умерших и выбылых[1].

Первая часть предпоследнего пункта противоречила точному смыслу § 27 уст. об инор., по которому «подробное разделение участков сих (т. е. владеемых обществом) земель зависит от самих кочующих, по жеребью или другим их обыкновениям». По обыкновению же (т. е. обычному праву) якутов, голова мог в данном случае являться лишь в роли контролирующей власти, если бы староста действительно вздумал самовольно перераспределять землю. Решающая роль в этом отношении и тогда уже принадлежала обществу[2], а отнюдь не старосте, и уж во всяком случае — не улусному голове. Эта неосведомленность по столь важному и основному вопросу обычного права якутов логически вытекла из того, что источником для добывания сведений по этому праву служили депутаты из почетнейших родовичей (согласно § 69 уст. об инор.).

Но родоначальникам и их писарям всего больше хлопот должен был причинить последний пункт. Ибо, в показаниях своих относительно деления родовичей на классы, депутаты смешали столь разнородные признаки, что составить по ним поименные списки и даже общие сведения о распределении земли и повинностей было в высшей степени затруднительно[3]. Ремесла еще окончательно не выделились у якутов, в качестве постоянного и исключительного занятия и таких якутов, которые существовали бы исключительно каким-нибудь ремеслом, чрезвычайно мало вообще, а в показанное время их либо вовсе не было, либо же они считались единицами. Самостоятельно промышляли и многие, состоявшие в ясаке, а несамостоятельные промышленники находились на положении работников. Также трудно было провести грань между скотником и работником. Но и вообще немыслимо было составить сколько нибудь правдоподобные списки, не выдав при этом, что безземельные относят весьма внушительную долю всех повинностей, тогда как землею владеют весьма немногие.

По § 353 Св. степн. зак. «содержатель (скота), называемый в Якутском крае скотником, обязан: 1) вверенный ему скот охранять от всякого вреда, как рачительный хозяин бережет свое имущество; 2) летом скот пасти, а зимою кормить заготовленным на своих покосах или от себя запасенным сеном; весною же вывести его на подножный корм здоровым; 3) удой стельных коров, скопя в масле, твороге и кислом молоке, доставлять хозяину в надлежащем количестве и к положенному сроку исправно».

[1] Арх. Б. И. У. за 1824 г., д. № 24, лл. 1—10 и № 43 все лл.

[2] Вернее — тому незначительному кругу лиц, который олигархически заправлял тогда всеми делами якутских обществ.

[3] Это было бы все равно, как если бы сказать теперь, что по распределению земли и повинностей в нашей крестьянской общине, ее члены делятся на состоятельных и маломощных, ремесленников, кустарей, фабричных и т. п.

Немудрено, что больше года понадобилось якутским родоначальникам для представления первых общих итогов. Но и потом последние несколько раз возвращались им для переделок, в виду явной несообразности представленных сведений. Наконец, чтобы как-нибудь разобраться во всех этих несообразностях, областной начальник потребовал, чтобы ему представлены были сравнительные общие итоги распределения повинностей и земли за 1823—1826 гг., за последний же, сверх того — и понаслежные именные списки всех родовичей, с обозначением умерших, выбылых и наличных, а из сих последних — кто состоял в каком классе и поскольку платил в повинности, кто и в какой мере наделен землею и кто не имел земельного надела.

Пришлось показать, если и не всю, то часть правды. Но и помимо того, насколько правдивы они, или нет, — эти общие итоги и понаслежные списки представляют не малый интерес. Для краткости, однако, мы и здесь приведем лишь общие итоги нескольких наслегов, а поименными списками воспользуемся даже только по одному-двум наслегам.

Решительное запрещение всяких дальнейших сборов на внутренние повинности в 1824 г. и настойчивое требование сократить их и еще — привели к тому, что, если в 1824 г. и был произведен кой-какой добавочный сбор на удовлетворение подрядчиков и служащих по общественному найму, то показывать его уже, во всяком случае, нельзя было. Но если сокрытие запрещенных сборов всегда связано было с известным риском, то с 1824 г. риск этот был особенно ощутителен. Ибо, когда стала известна цель, для которой вызваны были депутаты в Иркутск, то от многих здешних почетных родовичей туда начали поступать доносы и жалобы, из коих, впрочем, последние часто представлялись в форме ходатайств о перемене той или иной детали в устройстве самоуправления у якутов. Некоторые из богачей и сами туда отправлялись с тем же; кто от имени своего общества, а кто от себя лично. Дело дошло до того, что между 1824—1827 гг. из Иркутска не раз предписывалось, чтобы «лучшие люди разных улусов перестали являться со своими проектами, и чтобы прежде, чем посылать депутатов, общества запрашивали, по крайней мере, исполнимы ли и своевременны ли их ходатайства»[1].

Жалобы, однако, доходившие таким путем, все таки принимались к соображению, и, как это показано будет далее, не одно из постановлений следующих лет обязано было своим существованием именно таким частным сообщениям и проектам. Кроме того, теперь и к жалобам на злоупотребления родоначальников стали относиться иначе, чем прежде, и, вместо того, чтобы громить их выговорами и грозными указами, как это делали ранее, их просто стали смещать с должностей со взысканием из их имущества всего, что было ими незаконно собрано с родовичей. Так, по жалобе якутов Тулагинского насл., Мегинского ул. и 4-го Мальжагарского — Кангаласского ул. на своих старост, обнаружено было, что помимо разных других злоупотреблений, они, старосты, собрали со своих родовичей: первый 1710 р. 7 к., второй 1669 р. 97 к. на такие предметы, как приклад к церквам (что допускалось делать только в виде добровольных пожертвований), содержание междудворной гоньбы (которая должна была отправляться очередями) и даже — пожертвования земским чиновникам. Иркутский губернатор предписал старост этих немедленно сместить, незаконно собранное ими взыскать из их имущества и обратить на общественные расходы их насле-

[1] Арх. Б. И. У. за 1824 г., д. № 1, л. 3 и № 28 л. 77, за 1826 г. д. № 33, л. 7.

гов. Кроме того предписано было предупредить родоначальников, что всякие недозволенные расходы и излишние сборы будут возмещены из их имуществ, а что если где-нибудь еще откроются случаи подобных пожертвований, то со старостами будет поступлено, как с лихоимцами[1]. Также поступлено было и с эргитским старостой (Кангаласского же ул.) за излишне собранные им в 1826 г. 431 р. 62¾ к., из коих, между прочим, 50 р. он употребил на междудворную гоньбу, 25 р. дал старшине Васильеву, 33 р. — наслежному писарю, 119 р. 12¾ к. взял себе, а 200 р. «пожертвовал» стряпчему Карякину[2].

Приходилось действительно сокращаться, а понемногу и совсем отказаться от прежней системы широкого использования повинностей для своекорыстных целей. А раз уже нельзя было пользоваться выгодами от исполнения натуральных повинностей и, наконец, даже от сборов на внутренние повинности и общественные расходы, то уже не для чего было первоклассным даже для вида много вносить на отправление повинностей. Поэтому и все сокращение сборов целиком пошло на пользу ясачно-окладных классов, главный же образом — на пользу первоклассных родовичей. Так, в показанных наслегах I-й класс, при том же самом душевом составе внес:

	в 1823 г.	в 1824 г.	в 1825 г.
В 1 Баягантайском	1288 р. 14 к.	455 р. 70 к.	442 р. 68¼ к.
» Игидейском	983 » 60 »	390 » 50 »	375 » — »
» Кангаласском.........	530 » 40 »	259 » — »	194 » — »
» 2 Баягантайском	714 » — »	364 » — »	266 » 93¾ »

Пятый же класс, напротив, стал платить даже несколько более прежнего. Иначе говоря, первый класс облегчил себя вдвое, ибо стал платить менее, благодаря уменьшению платежей вообще[3], да еще часть их переложил на пятый класс, нисколько не уступив ему при этом из своих земель. Между тем, если не разбираться в разных категориях повинностей, а принять во внимание только общую их сумму, то окажется, что в 1826 г., напр., пятый класс платил, где в 2 и 2½, а где в 3 и 4 раза более, чем первый. Да и взяв каждый новый наслег, найдем, что в Кангаласском, напр., пятый класс внес в повинности 499 р. 50 к., а земли не имел, тогда как первые четыре класса вместе взятые (61 чел.) внесли 650 р. 28 к. и за излишек всего в 150 р. 78 к. владели всеми покосами своего наслега. Точно также и в 1-м Баягантайском пятый класс внес 1102 р. 60 к., первые же четыре класса всего 1493 р. 26¾ к., или больше на 390 р. 66¾ к. А так как всех покосных остожьев в наслеге числилось 378, то выходит, что за какой нибудь рубль с небольшим лишних платежей за каждое остожье, ясачно-окладные присваивали себе всю покосную землю своего общества.

Но показания 1825 г. не настолько еще разнились от предшествовавших, чтобы на них стоило долго останавливаться. Гораздо интереснее показания касающиеся 1826 г. На

---

[1] Указ Як. з. с. от 27 янв. 1825 г. (арх. Игид. насл. Баяг. ул. за 1825 г., д. № 7, л. 1—2).

[2] Арх. Б. И. У. за 1828 г., д. № 55, все лл. Несколько позже с баягантайских князцов взыскано было 100 р., собранные ими для улусных голов и выборных, взамен следовавших им покосных мест, с головы одного из Вилюйских улусов и кандидата другого — собранные ими для пополнения недоимок в промотанные деньги и т. п.

[3] Этими словами обрывается статья Левенталя в неизданном 2-м выпуске «Памятной Книжки Як. обл. на 1896 год». Дальнейший текст восстановляется по черновику, найденному в бумагах Левенталя после его кончины. *Ред.*

первый взгляд может показаться, что тут произошло полное перераспределение платежей и земли, при чем некоторая часть родовичей введена была в ясачный оклад и наделена землею. Но если вспомним то, что выше говорилось о ясачно-окладных, числившихся в окладах своих старших родственников, о подростках, платежных группах и т. п., то легко поймем, что под предлогом нового разделения родовичей на классы (разделение предписанное Иркутским гражданским губернатором), просто обнаружена была некоторая доля правды относительно подлинного распределения земли и повинностей. Прибавившиеся как будто к числу плательщиков ясака и земельных владельцев 23 человека в 1-м Баягантайском, 22 в Игидейском, 42 в 3-м Баягантайском и т. п., это не вновь введенные в ясак и земельный надел, а те члены платежных групп, которые и до того уже владели землею, состояли в ясаке и сами за себя относили и все прочие повинности, но числились в группах своих старших родственников, а потому и не показывались в официальных ведомостях. Члены же III и IV классов были те, так называемые «подростки и малолетки», которые сверх податей относили еще и внутренние повинности и общественные расходы, но земли не имели, после чего для пятого класса оставались безземельные, платившие только одни подати за себя и своих умерших. Между прочим в 3-м Баягантайском, наконец, более правдиво показано было то, что в неполном виде уже ранее проскользнуло в его сведениях за 1811 г.

Как видим на этот раз уже откровенно показано было, что не только безземельные платили подати наравне с высшими классами, но часть из этих безземельных была, сверх того, обложена и постоянными окладами внутренних повинностей и мирских сборов. В показанных наслегах общая сумма тех и других распределена была по классам следующим образом:

Классы		В 1-м Баягантайском насл.	Во 2-м Баягантайском насл.
I	соболиный окл.	27 плат. по 8 р. 13 к.	15 плат. по 8 р. 18 к.
II	лисичн.	» 68 » » 4 » 03 »	22 » » 6 » — »
	$\frac{1}{2}$ лисичн.	» 45 » » 2 » 01$\frac{1}{2}$ »	30 » » 3 » — »
III	неясачн.	7 » » 1 » 85$\frac{1}{2}$ »	10 » » 1 » 50 »
IV	беземельн.	83 » » 1 » — »	28 » » — » 89$\frac{3}{4}$ »

Классы		В Игидейском насл.	В Кангаласском насл.	В 3-м Баягантайском насл.	
I	соболиный окл.	74 плат. по 5 р. 60 к.	55 плат. по 12 р. — к.	(5 р. ясака)	22 плат. по 10 р. — к.
II	лисичн.	» 78 » » 3 » 55 »	27 » » 7 » 56 »	(лисичн.)	21 » » 6 » — »
	$\frac{1}{2}$ лисичн.	» 44 » » 2 » 51$\frac{1}{10}$ »	22 » » 4 » 63$\frac{1}{4}$ »	($\frac{1}{2}$ лисичн.)	59 » » 6 » — »
III	неясачн.	» 10 » » 1 » 50 »	19 » » 2 » 11 »	($\frac{1}{2}$ лисичн.)	114 » » 1 » 97 »
IV	безземельн.	» 196 » » 1 » — »	34 » » 1 » 6$\frac{1}{16}$ »	(неясачн. и беззем.)	48 » » — » 94$\frac{1}{4}$ »

В 1826 г. первый класс в некоторых обществах снова облегчил себя вдвое, в этот раз впрочем не на счет только пятого класса, а и остальных ясачно-окладных. Так, в 1-м Баягантайском наслеге в первый класс введено было новых (или обнаружено и до того там бывших) 6 членов, с такими же, как и у остальных наделами в 4 остожья, так что членов и земельных наделов в нем стало больше, а платить он стал меньше как в общей сумме, так и по платежу каждого своего члена. За то 73 человека III и IV классов и даже 23 из пятого переведены были во II класс, который внес в 1826 г. в $2\frac{1}{2}$ раза более, чем в 1825 г.

Оставшиеся же в V классе безземельные стали платить несколько менее, благодаря единственно тому, что торги на исполнение земских повинностей состоялись в том году по сравнительно более дешевым ценам.

Точно то же находим во 2-м Баягантайском. В Кангаласском же наслеге за исключением 6 хозяев, оставшихся в I-м классе, все остальные ясачно-окладные переведены были во II-й класс, который внес за то почти вдвое более, чем в 1825 г., тогда как каждый член I-го класса, несмотря на увеличение общественной суммы платежей, внес менее, чем в 1825 г. Но вообще ясачно-окладные наслеги внесли в 1826 г. почти столько же, сколько в 1825 г., тогда как безземельные внесли более, несмотря на уменьшение земельной повинности. Иначе говоря, уменьшение податей пошло на пользу ясачно-окладных, а прибавка к внутренним повинностям и общественным расходам переложена была на безземельных, при чем все покосные земли попрежнему остались во владении ясачно-окладных. Еще резче эта тенденция обнаружилась в Игидейском наслеге. Там все 74 плательщика первых трех классов внесли в 1825 г. 1405 р. В 1826 г. все они со своими остожьями вошли в состав первого платежно-земельного класса, который внес, однако, всего 835 р. 71 к., т. е. остожьев у них осталось то же число, а внесли они на 596 р. 29 к. менее против 1825 г. За то с обнаружением 22 членов, ранее числившихся в V классе, а теперь перенесенных во второй — этот последний внес более, а безземельные почти столько же сколько в 1825 г., несмотря на то, что численный состав V класса уменьшился, да и общая сумма платежей уменьшилась на 498 р. 17½ к., т. е. опять-таки вся сбавка платежей пошла на пользу первоклассных, да еще часть платежей переложена на второй класс. Вообще распределение земли и платежа в наслеге получалось такое, что 74 первоклассных семьи владели 42,74% всей покосной земли, а если принять во внимание, что их остожья были больше и лучше, чем у большинства лисично-окладных, то получим, что они владели доброй половиной всех покосов своего общества, тогда как относили всего 26,43% из общей суммы лежавших на нем платежей[1].

Ничего особенно нового, впрочем, во всем этом нет для нас, ибо такое же частичное переложение податей на низшие классы мы уже видели в некоторых обществах после временного, но резкого увеличения подушных в 1810, а в других — после введения земских повинностей в 1813 году.

Еще менее нового для нас в двоякой привилегированности по землепользованию родовичей, состоявших в соболиных и полных лисичных окладах, по сравнению с низшими (части лисицы и трети соболя). В табл. на стр. 368 (настоящего издания) видно только как прогрессирует количество остожьев в наслегах от низшего земельного класса до высшего. Что же касается размера и урожайности остожьев, то на этот счет «общие итоги» выражаются чрезвычайно глухо. До 1825 г. включительно видно, однако, что все остожья наслега как бы поделены на два разряда. Из них в одном против первого класса помечено: стога были от 7—9 до 11—12 саж. или «от 8—10 до 12 и 13 саж.» (смотря по урожаю данного года); в другом разряде против остальных земельных классов, — «стога были от 5—6 до 9—10 саж.» или от «6—7 до 9, 10 и 11 саж.», а в прочие годы «из оных (некоторые) остаются вовсе без урожая трав, или от наводнения» (не косятся). Ясно, во всяком случае, что на первоклассных остожьях стога выставлялись больших размеров

[1] Необходимо впрочем оговориться, что до 1825 г. положение было еще хуже, ибо при том же несправедливом земельном распределении платежи низших классов были еще больше, а родоначальники и влиятельные люди в гораздо большей мере живились на счет сборов со своих сородовичей.

и что урожаи на них были более постоянны. В 1826 году в общих итогах уже совсем умалчивается о размерах и качестве остожьев. Зато в понаслежных именных списках идут стройные ряды одинаковых цифр по каждому классу, цифр долженствующих означать, что остожья все одинаковы и что различные в разных классах наделы вполне равномерны у всех родовичей каждого класса в отдельности.

Не новым также, а скорее оживанием старого ясачного принципа землепользования было в 1826 г. усиленное значение, вновь приданное ясаку в определении размеров земельного надела[1].

Как уже показано было выше, после 1810 г. внутренние повинности и общественные расходы или «наслежные повинности», как их называли якуты, понемногу до такой степени взяли верх в урегулировании землепользования, что во многих обществах отставным от ясака оставлялась часть их надела за платеж этих повинностей, а многие лисично-окладные наделы ни в чем не уступали соболиным только потому, что владельцы тех и других одинаково состояли в первом классе платежа внутренних повинностей и мирских сборов. Между тем в общих итогах 1826 г. везде лисичные и полулисичные плательщики ясака соединены в один платежный класс. А рядом, в классах землепользования, разные размеры наделов у лисичных и полулисичных поставлены в зависимость от одной лишь величины их ясачных окладов. Поэтому можно было бы думать, что у лисично-окладных II класса потому везде почти надел вдвое больше чем у полулисичных, что первые платили по 2, а вторые — по 1 р. ясака[2]. Но имеющиеся данные о распределении третьей категории повинностей показывают, что также везде почти оклад этих повинностей был увеличен вдвое больше, чем у полулисичных, и именно поэтому то, главным образом, надел у первых был вдвое больше, чем у вторых. 3-й Баягантайский наслег и в этом случае отличился сравнительно большей откровенностью, так как показал, что у него 21 лисичных и 59 полулисичных плательщиков действительно соединены в один платежный класс именно потому, что и те и другие одинаково внесли по 6 р. на повинности третьей категории; 114 же полулисичных плательщиков, напротив, потому выделены в особый III класс платежа и землепользования что на внутренние повинности и мирские расходы внесли всего 1 р. 97 к.

Есть, впрочем, немалые курьезы и в показаниях 3-го Баягантайского наслега. Так, напр., ясака с него шло за 11 собол. и 124 лис. (или деньгами 77 р. плюс 248 р.). По общему же его итогу (1826 г.) у него числилось ясачно-окладных плательщиков: в первом классе 22 полусоболиных, во II классе — 21 лисичный и 59 полулисичных (или всего $50^1/_2$ лисичн. окл.), в III кл. 114 полулисичн. (или 57 лисичн. окл.). Итого получаем $107^1/_2$ лисичных

[1] Это оживание вполне понятно. Раз внутренние повинности и общественные расходы, наиболее тягостные для якутов в конце XVIII и первые два десятилетия XIX века, раз эти повинности стали теперь быстро и основательно сокращаться, а подати безземельные платили наравне с ясачно-окладными, — то само собой якутская знать должна была снова ухватиться за ясак, как за главное основание для своей привилегированности по землепользованию. И она немедленно же воспользовалась ошибкою Иркутского губернатора, ошибкой, вытекшей из спутанных показаний якутских же «наипочетнейших» депутатов, воспользовалась для того, чтобы снова перенести на ясак центр тяжести в урегулировании землепользования. Как показано будет несколько ниже ошибка эта послужила немалым тормозом для развития более равномерного землепользования у здешних якутов.

[2] Кроме показанных наслегов, в Сасыльском на треть-соболиный оклад положено было 3 остожья, на полный лисичный — 2 и на полулисичный — 1 ост. В Оймеконо-Борогонском соболиных окладов не было совсем, поэтому там полагалось на полный лисичный 4, а на полулисичный $1^1/_2$ остожья.

окладов. Где же, спрашивается, были остальные $16\frac{1}{2}$ лисичных окладов (или деньгами на 33 рубл.)? Возьмем хотя бы еще и так. Платежи ясачно-окладных классов составлялись из ясака, оклада внутренних повинностей и общественных расходов и так назыв. «податей»[1]. Сообразно с этим каждый член первого класса должен был внести: в ясак 3 р. 50 к. ($\frac{1}{2}$ соболя) плюс на повинность третьей категории 10 р. плюс в подати 3 р. 36 к., или всего 16 р. 86 к. Почему же спрашивается каждый внес по 18 р. 36 к.? Разъясняет вопрос поименный список наслега[2]: оказывается, что тут просто скрыто было $16\frac{1}{2}$ лисичн. оклада с их земельными наделами. Ибо плательщики первого класса сверх своих наделов (на $\frac{1}{2}$ соболя) владели еще каждый по $2\frac{1}{4}$ ост. за платеж $\frac{3}{4}$ лисицы (или деньгами 1 р. 50 к.), оттуда у них и ясак в 5 руб. и общий платеж у каждого по 18 р. 36 к.; здесь и недостающие $16\frac{1}{2}$ лисичн. оклада на 33 рубля ($\frac{3}{4}$ лис. $\times 22 = 16\frac{1}{2}$ лис.; 1 р. 50 к. $\times 22 = 33$ р.).

Но не один этот факт, конечно, послужил основанием для высказанного выше утверждения, что и в 1826 году показана где большая, а где меньшая, но все же, — только часть правды. Напротив, любой наслег каждого улуса дает достаточно доказательств того, что, за приблизительно верными показаниями о главных и общих чертах платежно-земельного распределения[3], здесь скрыто было весьма много существенных подробностей, в общей сложности могших дать еще худшее представление о порядках, господствовавших до того в якутских обществах. Не менее доказательств может быть приведено в пользу того, что многие сведения 1826 и последующих годов отнюдь не представляли действительного положения вещей, а дали нарочито составленые ad hoc, чтобы подделаться под требование Иркутского гражданского губернатора и главного управления. Так, нигде не показаны отставные от ясака и сборы на повинности третьей категории, шедшие с тех из отставленных, которым оставлена была часть их наделов. Или, если сами они и их взносы показаны среди не ясачно-окладных, — тогда, значит, скрыты были их земли. Нарочито составленными нужно признать упомянутые ряды равномерных наделов по каждому классу в понаслежных списках, при чем в общем итоге Игидейский наслег, напр., показал даже (в 1825 г.) будто у всех родовичей владевших землею было одинаковое число остожьев, разнившихся только по количеству сажен в выставляемых стогах[4]. Между тем, именно на передельной ведомости этого наслега мы уже видели, что даже в пределах одного класса, там нельзя было насчитать и двух десятков равносильных наделов. В поименном же списке 1 Баягантайского наслега, во первых, почему то сочтено 67 полных лисичных окладов, вместо 68 значившихся

---

[1] В некоторых обществах к этому присоединился еще очень небольшой сбор на взнос податей за живых и умерших нищих.

[2] 500 слишком №№.

[3] Кстати укажем, что и на счет отвозки казенной клади на этот раз дано довольно правдивое показание. Умалчивают, конечно, о том, что доставалось небольшой кучке предпринимателей, но по показаниям большинства общества теперь выходило, однако, что прибыли все таки получаются от этого дела, хотя они и уменьшены. Так по ведомости одного из показанных обществ, отвозка клади в 1825 году дала чистой прибыли по 7 р. $97\frac{3}{4}$ к. на лош. (клади). Но так как тут не засчитано 5 р. залоговых, каждою транспортной лошадью получено чистой прибыли 11 р. $70\frac{1}{2}$ к. (Арх. 1 Баяг. насл. за 1826 г., д. № 25, лл. 21—22).

[4] Достаточно впрочем сравнить общие итоги наслега за 1825 и 1826 гг., чтобы убедиться, что в IV классе в 1825 г. показаны совсем не отдельные плательщики и владельцы земли, а все 100 лисичных окладов наслега с средним платежом и средним же наделом на каждый из них, т. е. величина фиктивная, а не реальная.

в общем итоге, а, во вторых, счет полных лисичных окладов кончается 67 № II класса, но полулисичные плательщики начинаются не с 68 №, как следовало ожидать, а с 56, при чем получается каких то 11 лишних плательщиков II класса. Зато в самом конце почему то значится 5 ясачных плательщиков без всякого земельного надела. И все таки общее число надельных остожьев — меньше, чем в общем итоге; а между тем если сосчитать все переименованные в списке ревизские души, то их получится не 415, как официально числилось в наслеге, а 430[1].

Все — это в наслегах; но, разумеется, что в более крупных делениях, в улусах, и курьезы при сопоставлении общих итогов, выходили более крупные. Так, напр., по показаниям Мегинского ул. выходило, что за исключением умерших в нем было плательщиков:

	в 1825 г.	в 1826 г.
По I кл.	240	160
» II »	619	552
» III »	351	70
» IV »	423	469
» V »	512	751
Итого	2145	2002

Иначе говоря, у него за один год, как будто убыло от смертей 143 плательщика[2].

Но всего курьезнее было то, что когда родоначальникам указаны были все такие и им подобные несообразности в их показаниях, а главное — все несправедливости практикуемого ими распределения земли и платежей, то те улусные головы, у которых в 1826 г. показано было большее, чем в предыдущие года количество плательщиков, — ответили, что ранее у них платежи действительно распределялись по состоянию плательщиков, а что требование Иркутского губернатора заставило их внести в III и IV класс людей, которые не в состоянии участвовать в отнесении внутренних повинностей, так как они насилу оплачивали казенные подати.

Выходило таким образом, что от якутских родоначальников требовали, чтобы они представили поименные списки существующего деления родовичей на те 5 классов, какие показаны были депутатами в Иркутске, а родоначальники ссылались на это требование, как на причину высокого обложения родовичей несостоятельных и не наделенных землею.

Другие головы более откровенно показали, что действительно с делением родовичей на V классов вышли «большие запутанности, исправить которые, однако, никак невозможно, так как тут требуется согласие всех родовичей на новое перераспределение земли и повинностей». Все вообще просили отсрочить это дело до открытия Степной Думы, которая введет новый порядок и представит требуемые начальством списки.

Между тем журналом от 20 октября 1825 г. Иркутское губернское правление утвердило свод правил для применения устава к инородцам Якутской области вместе с перво-

---

[1] Арх. 1 Баяг. н. за 1826 г., д. № 15, все листы.
[2] Арх. Б. И. У., д. по оп. 34, л. 39.

начальной табелью дозволенных сборов на внутренние повинности и общественные расходы. После чего вновь назначенному в Якутск областному начальнику поручено было, ознакомившись со всем материалом, собранным в главном и общегуберском управлениях, а затем и с положением вещей на месте, представить свои соображения на счет устройства требуемых уставом новых учреждений (Степной Думы, инородных управ и т. п.) как и относительно окончательного урегулирования внутренних и общественных повинностей у здешних инородцев.

При этом особенное внимание он должен был обратить на возможное увеличение плательщиков (с целью сделать платежи более высокими) и более равномерное распределение земли и платежей. Назначенный прямо из России и несколько задержанный весенней распутицей, Мягкий прибыл к месту служения лишь в начале июня 1826 г. и немедленно же приступил к работе по введению устава. Уже в ноябре он представил кой-какие свои дополнения к правилам Иркутского губернского правления (поскольку они касались якутов), а к началу 1827 г. кой-какие из его дополнений были рассмотрены и утверждены в Иркутске. 27 января 1827 года объявлено было об учреждении Степной Думы (и инородных управ), в феврале состоялись выборы главных родоначальников и временных заседателей, а 11 марта 1827 г. Дума объявлена открытой.

По отчетности в расходовании денег и доставке казенной клади она подлежала надзору областного правления, а по ревизии дел, как и вообще по управлению инородными управами, прямо подчинялась областному начальнику. Земскому суду она не подчинена была ни в каком смысле. Поэтому указы и предписания она могла получать лишь от областного правления и начальника, с местами же, подчиненными тому и другому, сносилась сообщениями (п. 26 прав., §§ 121, 160 и 161 уст.).

Первый состав Якутской Степной Думы был следующий: главный родоначальник — борогонский голова Ив. Мигалкин, временные заседатели: кангаласский старшина Вас. Павлов, ботурусский староста Ив. Артемьев, намский староста Куз. Прокопьев, дюпсюнский староста П. Васильев, баягантайский старшина Алексей Калининский и мегинский старшина Яков Березин[1].

По правилам главный родоначальник избирался на три года, «дабы он мог ознакомиться с общественными делами с тем, чтобы лучше хлопотать о нуждах своих сородцев и приобресть их доверие». Временные заседатели переизбирались каждый год, а непременными были по своей службе все здешние улусные головы, участвуя в заседаниях всякий раз, когда бывали в Якутске (п.п. 2 и 7). Обязанности Думы состояли в: 1) постоянном исчислении населения (якутов Якутского окр.)[2], 2) раскладке сборов, 3) правильном учете сумм и имущества здешних обществ (переходящих сумм, капиталов, земель, общественных зданий и т. п.), 4) распространении земледелия и других производств и 5) ходатайстве

---

[1] Арх. Н. И. У., д. по оп. № 58, лл. 17—18 и 21—22. В первом составе было всего 6 временных заседателей, так как Дюпсюнский улус предположено было раскассировать (между Борогонским и Намским). А хотя за него и высказалось большинство улусных голов, но в конце концов оно не состоялось, и с 1830 г. Степная Дума состояла из главного родоначальника, 7 временных и 7 непременных заседателей.

[2] Она должна была заведывать переписями, хранить у себя и постоянно дополнять ревизские сказки и давать знать о движении населения Земскому Суду; она же отвечала за «прописных» (пп. 22 и 23 прав., §§ 267 и 268 уст.).

пред высшим начальством о нуждах своих сородовичей (п. 9 прав. § 119 уст.)[1]. По точному смыслу пункта II, Дума представляла «общественное собрание, имеющее одни только хозяйственные обязанности, подобно городским думам», обязательные постановления она могла издавать только по предметам ее ведения[2]. Поэтому без точного предписания высших властей, она не могла назначать никакого сбора даже на местные нужды, в то же время ответствовала за всякий сбор не дозволенный в существовавшем для того порядке. Точное исчисление казенных сборов (ясак, подушные и земские повинности), следовавших ежегодно ко взиманию с каждого общества, лежало на областном правлении. А хотя сборы на внутренние повинности и общественные расходы определяла Степная Дума, но не иначе как по табелям, утвержденным главным управлением, при чем, кроме того, составляемые в Думе ежегодные сметы должны были восходить на усмотрение Иркутского губернатора и на утверждение главного управления. То же относится до каждой прибавки к смете, если бы такая понадобилась среди года (пп. 13, 27, 30 прав. и §§ 303—305 и 307—309 уст.).

Впрочем и без назначения Думы не допускались никакой сбор и никакая раскладка с инородцев ее ведомства (п. 12 прав. и § 203 уст.). И если в своих сметах она не могла прибавить ни одной лишней статьи, как и выйти из размеров дозволенных табелями на каждую статью в отдельности, то сумму, назначенную к сбору, не только на внутренние повинности и общественные расходы, но даже и в подати, она могла раскладывать по обществам и неравномерными окладами, а сообразуясь с экономическим положением и средствами каждого из них. Кроме того, все суммы, собранные на внутренние повинности и общественные расходы должны были поступать к ней и ею же расходоваться (не исключая даже расходов на содержание инородных управ). Кроме ведения правильных записей в шнуровых книгах, ежегодно присылаемых ей для того из казенной палаты, Дума должна была в конце года давать отчет областному начальству о поступивших к ней и расходованных ею суммах и сообщать о том к сведению всех родовых управлений. Но, как указано было уже выше, последние пункты правил устава не получили применения. Дума никогда не вмешивалась в раскладку сборов и даже расход на свое собственное содержание распределяла равномерно на все общества по числу их ревизских душ. А потому кроме этого последнего все сведения о приходо-расходе сумм, собранных с плательщиков и получаемых из казны (за кладь), она составляла со слов родоначальников.

Контракты на отправку белок или других продуктов и на отвозку казенной клади обществами должны были заключаться в Степной Думе, но с тем, что о поставленных казною условиях Дума извещает все родовые управления, и только с согласия последних приступает к заключению контракта (пп. 20 и 21 прав. и §§ 212 и 213 уст.).

Во избежание напрасных расходов на посылку в Якутск людей с деньгами, собранными в подати, и чересчур больших расходов на многолюдные и продолжительные съезды туда же родоначальников, а также в виду того, что расчеты по доставке клади сосредоточены были в Степной Думе, — правила 2 октября 1827 г. постановляли: 1) из денег,

[1] По п. 19 правил (§§ 210 и 211 уст.) от Думы зависели все представления и удостоверения о народных нуждах. Поэтому только она и была в праве хлопотать о нуждах и пользах одного рода или целого племени: никто другой этого права не имел.

[2] А между тем, как ниже показано будет, к ней предъявлялись требования и на нее возлагались обязанности, далеко выходившие из круга предначертанного для нее п. 9 прав. и § 119.

получаемых каждым обществом за отвозку клади, тут же вычитываются все следующие с него казенные подати (ясак), подушные и земские повинности; 2) на съезды в Якутск кроме голов являются только поверенные от улусов (из числа наслежных старост) — по 4 от Кангаласского и Ботурусского и по два от остальных, при чем каждому из поверенных дозволяется иметь при себе по два человека прислуги, а головам по три; 3) зимний съезд полагается в 20 дней и начинается с 27 декабря, к каковому числу областное правление обязано передать в Степную Думу все сведения об отправках, предстоящих в следующем году. Через три дня, т. е. 31 декабря, Дума в свою очередь обязана представить в областное правление все расчеты по доставкам и недовозам истекшего года и распределение поставок следующего года. Пять дней дается областному правлению на проверку счетов и распределение денег по обществам (сообразно со сделанным в Думе распределением клади и количеством недовозов, числящихся за каждым обществом); два дня полагается на выдачу денег из казначейства улусным поверенным и три дня — на взнос этими поверенными податей в казначейство. Затем еще 5—6 дней дается им для сведения счетов между улусами, а 16—17-го и уж никак не позже 19—20 января они обязательно должны выехать из Якутска[1]. На 20 же дней всем съезжающимся (в том числе на прислугу) полагается по 1 р. 50 к. в сутки из провозной платы (за кладь). Не позже 1 февраля все головы и поверенные уже должны быть в своих управах, где к тому времени собираются родоначальники всех наслегов для выслушания отчета (бывших на съезде) о состоявшейся в Думе раскладке клади, для распределения повинностей и расходов, общих для всего улуса и т. п.

Собрание это (улусное) должно продолжаться не более 8 дней, при чем никакого сбора для него не полагается, все съезжающиеся должны содержаться на свой собственный счет. Другой съезд в Якутске иметь головам и улусным поверенным в конце июня на 10 дней, но и для него никакого сбора с обществ не допускать, ибо и без того большинство родоначальников съезжаются к началу июля на ярмарку в Якутске (пп. 37—43 прав.). Отдельные собрания в наслегах (для распределения сборов и повинностей, перераспределения угодий и по другим общественным делам) должны происходить между февральским улусным собранием и летним съездом родоначальников в Якутске и быть приноровлены ко времени, когда промышленники возвращаются с промысла, летние работы еще не начались, но уже существует подножный корм (п. 45).

По распределению же сборов и повинностей всех родовичей разделить на пять классов, из коих в двух первых должны состоять все плательщики соболиных и лисичных окладов (ясака), в III — все мастера и промышленники, в IV — служащие в работниках и в V — дряхлые, калеки и нищие. Все казенные подати за весь наслег должны быть распределены в первых четырех классах с таким расчетом, что I и II классы участвуют во всех повинностях с ясаком включительно, III — во всех повинностях без ясака, IV — относить одни лишь подати за своих наличных членов, V — же не несет никаких повинностей (п. 57).

При всей своей основательности и справедливости, последний из выписанных нами пунктов находился в полном противоречии с § 309 уст. и § 25 положения о земских повинно-

---

[1] Писарей никто из них не должен брать с собой, так как все счета, ведомости, раскладки должны для них изготовлять думские писаря.

стях[1]. Непонятно поэтому, каким образом советы Иркутского губернского правления и Главного Управления Восточной Сибири сочли возможным устанавливать норму для распределения повинностей внутри якутских обществ[2]. Но еще непонятнее это было бы по вопросу о распределении земель внутри обществ, ибо на этот счет § 27 устава категорически постановил, что «подробное распределение земель зависит от самих кочующих по их обыкновениям». Поэтому, вероятно, в дополнительных правилах 20 октября 1827 г. ничего не было установлено о перераспределении земель. Но это отнюдь не означало, что местная администрация отказалась от удовлетворительного решения этого вопроса. Напротив, родоначальникам постоянно напоминалось об огромном значении, какое придает вопросу генерал-губернатор Лавинский, и давление производимое на них таким образом было очень велико. Особенно большие надежды возлагались на Степную Думу, что не только она найдет справедливое и целесообразное решение, но и склонит якутскую знать к добровольному его принятию[3].

И надобно признать, что момент для успешности подобного давления был весьма подходящий, так как знать стремилась к юридическому упрочению и расширению своих прав, а родоначальники к дальнейшему расширению якутского самоуправления[4]. Можно было рассчитывать поэтому, что кое-каким удовлетворением их желаний легко будет побудить их к уступчивости в перераспределении повинностей и земель. На этой то почве должна была вестись политическая кампания между высшей местной властью и якутской аристократией, кампания активная, посредническая роль в которой должна была принадлежать Степной Думе.

Положение Думы, однако, было в данном случае довольно щекотливое. С одной стороны, якутская знать, вообще мало склонная к уступкам в земельном вопросе, слышать ничего не хотела о нарушении прав наследственных плательщиков ясака. То же, конечно, было важно и для всех наличных ясачных плательщиков, т. е. для всех полноправных членов якутских обществ. Поэтому и Степной Думе, состоявшей из отборнейших представителей этой знати или людей, зависящих кругом от нее и связанных с нею общностью интересов, также нежелательно, да и немыслимо было итти против ясачных порядков землепользования. С другой стороны, более уравнительное распределение земель столь настоятельно требовалось генерал-губернатором Лавинским и областным начальником Мягким, что хотя бы с целью иметь их на своей стороне и через них добиться новых прав и привилегий для родоначальников и знати, Степная Дума обязана была сделать что-нибудь для расширения круга пользующихся земельным наделом. Последнее, однако, немыслимо было без

---

[1] Родовое управление назначает, сколько именно каждое семейство обязано внести по своему состоянию в подати и повинности. Раздробить, распределить повинности (внутри общества) предоставляется внутренним инородным распорядкам самих обществ.

[2] Отчасти, впрочем, столь резкое расхождение с уставом в этом, как и в некоторых других не менее важных и коренных вопросах сибирско-инородч. жизни уже объяснено выше тем именно, что автором устава недостаточно обращено внимания на происходившую здесь до него административную работу. Поэтому в случаях, когда работа эта признавалась местными высшими управлениями важной и плодотворной, они продолжали ее не особенно стесняясь ни духом, ни буквой сибирского учреждения. Справедливое распределение повинностей внутри якутских обществ было одним из таких вопросов, и им, как мы видим, высшая местная власть занята была с 1817 г. почти без перерывов.

[3] Как это ясно видно из донесения областного начальника Мягкого генерал-губернатору 10 февраля 1829 г. (Арх. Мег. И. У. за 1829 г., д. № 9, л. 61—62.)

[4] Далее указано будет, в чем состояли желания тех и других.

общего перераспределения земель, а, стало быть, и без нарушения прав наличных ясачных плательщиков.

Иначе говоря, перераспределить землю было необходимо, но нужно было сделать это таким образом, чтобы попрежнему землею владели одни лишь ясачные плательщики и чтобы знать как можно менее утеряла из своего привилегированного положения по землепользованию.

Самый лучший выход из этого противоречивого положения Степная Дума нашла такой, чтобы не прекращая связи между землепользованием и ясачным платежом, несколько расширить круг плательщиков ясака и таким образом дать доступ к землепользованию большему количеству родовичей.

В видах же осуществления этой мысли Дума, вскоре же после своего учреждения, обратила внимание якутских обществ на существующее у них крайнее разнообразие в зачислении родовичей по классам и распределении ясака. А именно: в одном и том же земельно-платежном классе сплошь и рядом числятся треть-соболиные и полные лисичные плательщики ясака; в одних обществах соболиные оклады поделены всего на половины и существует очень много полных лисичных, тогда как в других первые поделены на трети, а все лисичные — на половины. Если бы, говорилось далее в предложении Степной Думы, ясачные родовичи согласились везде одинаково разделить соболиные оклады на три, а лисичные — на два хозяйства, и сообразно с этим перераспределить земли, то сразу же достигнуто было бы все требуемое правительством в земельном вопросе у якутов, т. е. полное однообразие в распределении ясака внутри общества, а вместе с тем — и увеличение количества плательщиков всех повинностей и числа наделенных землею.

Дума предписала поэтому, чтобы непременно на весенних же собраниях того года (май и июнь 1827 г.) всюду с общего согласия родовичей первых трех классов (ясачноплательщиков) произведено было новое распределение ясака и земли, и чтобы новые списки плательщиков ясака и остальных владельцев представлены были в Степную Думу не позже 20 июня, в двух экземплярах[1].

Трудно допустить, конечно, чтобы Степная Дума не знала, что если степень раздробления ясачных окладов, главным образом, зависела от обилия или недостатка земель в обществах, то это дробление, а в еще большей мере — состояние лисично-окладных в одном земельно-платежном классе с треть соболиными, были результатами борьбы капитала с родовитой знатью, так что однообразие тут не могло бы существовать, как немыслимо было навсегда загнать земельное распределение в рамки ясачно-платежных классов. Между тем из указа Думы легко вывести заключение, будто ничего этого она не знала, будто действительно верила, что иного более естественного и справедливого распределения земли и не может существовать, как по ясачному платежу, и что в желаниях русских властей главное место принадлежало однообразию в распределении ясака и увеличению количества плательщиков, а не более равномерному и справедливому распределению земли и всех вообще платежей.

[1] Один для самой Думы, другой для сообщения областному начальнику (указ. Степн. Д. от 28 марта 1827 г., за № 25).

Впрочем из самого же указа видно, что идея его принадлежала не Думе, а уже ранее предложена была кем то из здешних почетных людей в записке, посланной в Иркутск и переданной потом к рассмотрению и возможному руководству Степной Думы. Но это то и характерно для положения занятого последней в щекотливом для нее земельном вопросе, что она ограничивалась простой передачей того, что предписывалось ей свыше: замечала лишь то, что указывалось ей извне, что и помимо ее доходило до сведения властей.

Так, рассматривая списки деления родовичей на классы, она нашла, что «по невниманию писарей» после 1825 г.[1] немало состоятельных родовичей записано было в V класс (совершенно неимущих и неотносящих никаких повинностей), «отчего может произойти явное отягощение людей, состоящих в первых классах». Она предписала поэтому через инородные управы по всем родовым управлениям, чтобы, пересмотрев списки деления родовичей на классы, они исправили все подобные неверности, а новые списки за подписью состоящих в первых трех классах представляли в Думу[2].

С первых же шагов, однако, обнаружилась вся неавторитетность Степной Думы, вся ее некомпетентность в качестве высшего органа самоуправления здешних улусов. Выше неоднократно показано было на примерах, с какою небрежностью якутские родоначальники относились подчас даже к своему ближайшему и непосредственному, а потому и наиболее «грозному» для них русскому начальству — к земскому суду[3].

Можно себе представить, с какою «легкостью» относились они к «своей» Степной Думе, иной захудалый член которой попадал туда даже не по богатству и общему уважению, а грамотством и пронырливостью, да еще низкопоклонным прислужничанием перед действительно знатными и богатыми родоначальниками. А ведь в распоряжении Думы не было даже и тех нарочных «воинских служителей», ни других мер устрашения и наказания (не очень, впрочем, страшных для якутских родоначальников), какими располагал земский суд. Она могла только напоминать и в качестве последнего ресурса жаловаться областному правлению, никаких других «исполнительных средств» у нее не было.

Не удивительно поэтому, что не только к 20 июня 1827 г., но и ко второму сроку — январю 1828 г., требуемое перераспределение земли еще не было сделано. Да и далее Дума то и дело напоминает, что предписания ее не исполняются, что из множества затребованных ею сведений[4], она «кроме кратких ведомостей о количестве скота, ни от одной управы ничего не получила», что «хотя разосланы табели и формы с назначением сроков для представления земельных и иных ведомостей, но ни одной управой почти ничего не доставляется» и т. п.[5].

---

[1] Когда состояние в высшем классе без надела высокого качества перестало быть выгодным и зажиточные родовичи, передавшие свои наделы наследникам, кое где добились совершенного освобождения от платежей, на положении дряхлых и неимущих.

[2] Арх. 1 Баягант. насл. за 1828 г., д. № 27, л. 1—2.

[3] Как это ни покажется парадоксальным, но верно все таки, что и до сих пор из всего местного начальства наибольшую боязнь и послушание в якутах возбуждают чины земской полиции, исправник в особенности. Но и то кажется это скорее остаток от 40-х и 50-х годов, так как за довольно выгодные в этом смысле (для якутов) первые 3—4 десятилетия XIX века грозные времена земских комиссаров значительно ослабли в памяти якутов.

[4] О живущих в улусах русских и занимаемых ими землях, о движении населения, о распределении податей и повинностей и т. п.

[5] Арх. Б. И. У. за 1828 г., д. № 8, лл. 3, 5, 7, 8, 12 и др.

Что касается иных ведомостей, то хотя летом 1828 г. почти все они понадобились для прибывшей в Якутск второй Ясачной Комиссии, и Дума принялась с новой силой требовать их по предписанию последней, — они все таки не были представлены в Думу, а уже по предписанию областного управления и земского суда поднесены были самой Комиссии, когда та объявилась наконец в улусах. Иначе родоначальники отнеслись к земельно-ясачным ведомостям. Тут, во-первых, они и сами понимали, что за медленность и строптивость много потеряют в глазах генерал-губернатора, тогда как за расторопную исполнительность они ожидали от него больших милостей. Во вторых, весть о прибытии Комиссии, преувеличенные воспоминания о строгой уравнительности, преследовавшейся первой Ясачной Комиссией в распределении ясака и земли, воспоминание о ее всемогуществе и требовательности к родоначальникам все это заставило их поспешить с составлением требовавшихся Думою новых ведомостей распределения ясака и земли. Поэтому почти от всех обществ ведомости эти были представлены в Думу еще до отбытия комиссии из Якутска и только от немногих были одновременно доставлены и в Думу, и в комиссию, когда последняя уже была в улусах.

Впрочем, так как за немногими исключениями результаты деятельности второй Ясачной Комиссии обнаружились уже в 30-х годах, то об ее действиях среди здешних обществ, как и о сведениях, доставленных ей последними, в хронологическом порядке сказано будет ниже. Здесь же добавим только, что благодаря тому немногому, что комиссия могла узнать на месте о подлинном распределении земли у якутов, представленные ей ведомости земельного и ясачного распределения весьма мало удовлетворили ее.

Не так посмотрел на дело областной начальник Мягкий.

Происходило ли это от идеализации предполагаемой первобытности якута, или же это был сознательный план — доверчивостью и постоянным обращением к чести и справедливости пробудить в якуте эти чувства, действительно ли Мягкий был обойден тонким лицемерием членов Степной Думы и побратавшихся с ними некоторых здешних чиновников, или же тут действовали какие нибудь другие мотивы, только доверчивость и податливость Мягкого ко всему, что представляла и чего желала Степная Дума, — в высшей степени изумительны. Так и в данном случае он с полным доверием отнесся к представленным ему новым ведомостям. В свою очередь от себя он не преминул донести в Иркутск, что, благодаря его личным настояниям и особенной попечительности Степной Думы, якутские общества произвели у себя новое распределение земли и повинностей, по каковому распределению «владеемые ими 34.341 покосных остожья, которыми до 1825 г. наделены были всего 14.341 д. теперь перераспределены между 30.808 душами»[1]. Выходило таким образом, что числа наделенных землею и относящих все повинности увеличились больше, чем вдвое, и что настолько же для всех их облегчилась тягость повинностей.

Но сознательно, или по неведению, а неверность тут допущена была двоякая. Первая состояла в том, что для сравнения взяты сведения 1825 г. Выше уже показано было, что в 1826 г. обнаружены были многие плательщики податей, до того числившиеся в окладах своих старших родственников, благодаря чему сведения о распределении ясака и земли за

[1] «Мною лично обращено внимание и приняты меры к наделению землей инородцев, до того ею не наделенных; . . . владельцев земли стало больше на 16.467 . . . По справедливости следует отдать полную признательность Степной Думе за особенную попечительность в сем деле» (п. 4 записки Як. Обл. Начальника под литерой Б в арх. Н. И. У., д. по оп. № 61, л. 40—41).

тот год были далеко благоприятнее, чем в предыдущие годы. Поэтому, если бы для сравнения взяты были сведения 1826 г.[1], то цифры получились бы далеко менее блестящие.

Во вторых, и в 1828 г. первый класс уступил главным образом лишь по вопросу о распределении повинностей, а не земель. Действительно, судя по сметным раскладкам на 1829 г., III-й класс был на этот раз совсем освобожден от сбора на внутренние повинности и общественные расходы, IV-й — стал вносить одни лишь подушные, а V-й — освобожден от всяких повинностей. Так что по распределению платежей во многих обществах пошли даже несколько дальше того, что требовалось журналом губернского совета на 20 октября 1827 года. Благодаря этому во многих обществах первый класс стал платить в 1829 году даже несколько более прежнего, хотя внутренние повинности и общественные расходы подверглись еще дальнейшему сокращению. За то относительно распределения земель самая постановка вопроса была такова, что уступка со стороны первого класса не могла быть сколько нибудь значительной, ибо в огромном большинстве обществ соболиные оклады и до того уже были поделены на трети, так что дальнейшему раздроблению подлежали преимущественно лишь второклассные наделы. Поэтому, хотя почти везде часть родовичей III и IV классов введены были в ясак и наделены землею, но произведено это было главным образом на счет второклассных. Иначе говоря, в большинстве обществ первый класс и на этот раз ничем не поступился из своих земель, и в лучшем случае отделался лишь небольшой прибавкой к своим платежам.

Доказательством может служить нижеследующая табличка, где для удобства сравнения взяты те же, что и ранее наслеги, при чем выписаны лишь первые два класса, так как только они и состояли в ясаке и владели землею.

Название наслегов	1826 г.						1829 г.					
	Классы платежей	Число душ	Внесли по		Всего		Классы платежей	Число душ	Внесли по		Всего	
			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.			Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1-й Баягантайский	I	27	13	$99\frac{1}{2}$	377	82	I	27	15	50	418	50
	II	113	8	19	925	43	II	181	7	$45\frac{3}{4}$	1349	$48\frac{1}{2}$
Игидейский	I	74	11	$29\frac{1}{3}$	835	71	I	74	14	50	1073	—
	II	122	8	$17\frac{1}{2}$	997	29	II	200	7	$50\frac{1}{2}$	1501	48
Кангаласский	I	6	17	$69\frac{1}{3}$	106	16	I	6	16	50	99	—
	II	49	11	$36\frac{1}{3}$	546	82	II	76	7	$89\frac{1}{4}$	599	$91\frac{1}{2}$
2-й Баягантайский	I	15	15	$69\frac{1}{3}$	235	40	I	15	14	50	217	50
	II	52	9	$5\frac{1}{5}$	470	72	II	73	7	93	577	89
3-й Баягантайский	I	22	18	36	403	92	I	33	14	50	478	50
	II	80	10	$62\frac{1}{4}$	849	80	II	248	7	$37\frac{3}{4}$	1844	$86\frac{1}{4}$
	III	114	6	$36\frac{1}{2}$	721	62						

[1] Представленные еще до прибытия Мягкого и по которым число плательщиков ясака и владеющих землею составляло 17.529 д.

Из показанных в таблице пяти наслегов первоклассные оклады раздроблены только в одном 3-м Баягантайском. Но именно на этом наслеге нами показано было выше, что первоклассные родовичи, не довольствуясь своими соболиными окладами, относили еще большие или меньшие части лисичных окладов, за что владели и соответствующими добавочными остожьями. То же несомненно имело место и во многих других обществах.

Зло существовавшего распределения земли заключалось не только в присвоении наследственными плательщиками ясака исключительных прав на владение землей, но и в совмещении у одних лиц многих частей разных ясачных окладов с их землями, в чрезмерном превосходстве по размерам и качеству первоклассных остожьев над остальными, в захвате сверх наделов земель без всяких соответствующих платежей и т. п. Во всех этих отношениях первый класс не сделал никаких уступок в 1828 году, в чем нетрудно было убедиться отчасти даже из ведомостей этого года, особенно, если сопоставить их с таковыми же за предшествовавший год.

Поэтому вторая неверность отзыва Мягкого состояла в преувеличенном значении, которое он придал уступке, сделанной якутской знатью по распределению земель, и в восхвалении «особенной,— будто бы,— попечительности», обнаруженной при этом Степной Думой.

Но не ограничиваясь лестным отзывом о последней, Мягкий вслед затем прибавил, что за три года его пребывания в области он убедился, что «Степная Дума, инородные управы и родовые управления исполняют свои обязанности вполне исправно, тщательно и усердно; что способности инородцев и их образованность вполне достаточны для самоуправления и для самого судебного порядка (т. е. для правильности и беспристрастия суда родоначальников); что их нравственность ощутительно улучшается и благосостояние повышается и что они чувствуют в полной мере попечительство о них высшего начальства и благодетельность устава 1822 г.»[1].

Приведенные отзывы его заимствованы нами из двух записок, в которых сведены были все замечания и донесения Мягкого на предмет введения в области устава 1822 г. и все ходатайства на этот счет Степной Думы, которые были уважены Главным Управлением Восточной Сибири. По мере накопления таких дополнений к уставу и ходатайств Думы, и утверждения тех и других генерал-губернатором они сводились в более или менее объемистые записки (с указанием тут же и соответствующих статей устава), в общем составлявшие так называемые «правила для единообразного устройства управления у инородцев Якутской области».

Но кроме дополнений и разъяснений к уставу записки эти заключали еще и все донесения Мягкого в Иркутск и даже отметки, сделанные им себе на память по разнообразнейшим вопросам применения устава и общего управления областью[2].

---

[1] Насколько можно судить об этом по документам, способности и образованность (т. е. культурность) якутов действительно была достаточна для самоуправления. Большому сомнению подлежало, однако, чтобы при тогдашнем состоянии местного управления и при том преобладании, какое придано было в их самоуправлениях родоначальникам и «лучшим» (т. е. богатым) людям,— «нравственность могла улучшаться, а благосостояние — повышаться».

Современник Мягкого, Н. Щукин, которого первое знакомство с якутами относится как раз к 1829 году, писал: «Плутни старшин давили якутов до крайности: они содержали бедных в совершенном рабстве» (Поездка в Якутск. Изд. 2-ое, стр. 300).

[2] Такова была записка под литерой В (арх. Н. И. У., д. по оп. № 61, лл. 21—28).

Сообщаемые (в печатном виде) Степной Думе и инородным управам, а от последних в копиях передаваемые в родовые управления, записки эти подробнейшим образом знакомили последние со всеми начинаниями областного начальника и представляли для своего времени удивительный образчик гласности и общения начальника области с органами инородческого самоуправления.

Факт интересен сам по себе, как частичное, временное и местное выполнение того, что сам Сперанский считал первым условием для успешности его преобразований, но что, в виде общего положения нигде, к сожалению, не установлено в его Сибирском учреждении[1].

Но на всех записках в их целом, нам незачем останавливаться. Поэтому из ходатайств Думы приведем лишь касавшиеся повинностей, а из донесений Мягкого остановимся только на самых характерных, нужных для дальнейшего изложения.

Относительно денежных внутренних повинностей Дума первым делом ходатайствовала о сохранении наслежных писарей. Но так как Главное Управление отнеслось весьма неблагоприятно к этому ходатайству и настаивало на уничтожении письмоводства в наслегах, то сошлись на такого рода компромиссе. В каждом улусе оставлено по несколько наслежных писарей — от 2 до 7, смотря по количеству наслегов в улусе, но числились они в составе инородных управ, в качестве помощников улусных письмоводителей и каждый родоначальник мог их вызывать к себе, либо же с их помощью исполнять необходимую письменную работу тут же при управах.

Впрочем в двух улусах, Кангаласском и Намском, оставлен издавна существовавший на этот счет порядок. А именно по письмоводству улус разделен был на участки, и из помощников улусного письмоводителя только один был при управе, служа вместе с тем писарем двух-трех приуправских наслегов. Другие же были только наслежно-участковыми писарями. Они также числились в заведывании улусного письмоводителя, но получали отдельные канцелярские деньги[2].

Жалованье всем им (в числе 27) положено одинаково по 250 р. в год; письмоводителям же — в 4 улусах по 750 р., в одном 700, а в двух по 500 р. Сверх того отопление и освещение управ положено: в трех улусах по 500, в двух по 400 и в двух по 300 р., да на канцелярские припасы в управах — от 250 до 400 р. и в 10 участках Кангаласского и Намского улусов вместе с отоплением сборных домов — по 125 рублей в каждом участке. Всего таким образом на письмоводство в здешних улусах положено сборов по 17.800 руб. в год.

Немалые сборы выговорены были также на исправление дорог и содержание перевозов по трактам, проходящим в пределах здешнего округа[3]. Баягантайский ул., по отдаленности и рассеянности местожительств, был освобожден от этой повинности, взамен

[1] Ср. В. Вагин. Историч. сведения о деят. гр. Сперанского, т. 2, стр. 326—327.

[2] За исключением последнего пункта, это и есть ныне существующий порядок письмоводства в Якутских наслегах.

[3] На первое от 360 (в двух улусах) до 1800 (в Бот.) и 1920 (в Кангаласском ул.); на второе всего 875 руб., а в общей сложности всего 6875 р. в год. По вопросу этому происходили большие пререкания между генерал-губернатором Лавинским и Сибирским комитетом (или вернее говоря — Сперанским), пока, наконец, мнением госуд. совета, высочайше утвержденным 6 сент. 1828 года, не принято было предложение Лавинского, чтобы в Вост. Сибири исправление дорог и содержание перевозов оставить на положении внутренней повинности местных обществ (см. В. Вагин цит. соч., т. II, стр. 367—376).

натурального содержания двух перевозов. Далее Дума исходатайствовала, чтобы первый съезд улусных голов и представителей от наслегов (в счет прогонной платы за кладь) продолжался не 20, а 30 дней, а за второй съезд (в 15 дней), чтобы также положена была плата, но уже на счет сбора с общества. Всего на эту статью положено в год по 3555 р. из казенной платы и 1777 р. 50 к. сбора с плательщиков.

Предполагалось было дополнениями к журналу совета губернского правления от 20 октября 1827 г. понемногу научить оспопрививательству стольких молодых людей, чтобы дело это можно было исполнять даром взамен натурального отправления какой нибудь другой повинности. Но Дума представила, что в наслегах нет желающих учиться, чтобы даром прививать оспу; поэтому на оспопрививателей попрежнему положен денежный сбор — по 75 руб. на каждого, а на всех (числом 40 человек) по 3000 руб. в год.

Невыполнимым также Дума нашла очередное отправление ссыльных и солдат в Охотск. Ей предоставлено было поэтому самой распределить эту повинность по числу ревизских душ в обществах и с вознаграждением последних из сборов на земские повинности в размерах полагаемых за казенную кладь.

На всех этих основаниях принята была и утверждена генерал-губернатором Восточной Сибири особая табель дозволенных сборов на внутренние и обще-государственные расходы для всех здешних улусов[1].

Всех сборов с здешних якутов на внутренние повинности и общественные расходы положено было 39.497 р. 20 к. Но если присчитать сюда 3555 р. на первый съезд родоначальников в Якутске и негласные сборы на наслежные собрания и кое где существовавшую междудворную гоньбу, то всего получим свыше 40 тысяч рублей или примерно по 1 р. на рев. д.; присчитав сюда земские повинности по 3 р. 52½ к. с души, получим всех сборов на повинности около 4 р. 50 к. с рев. д.[2]. Положим, что как обнаружилось вскоре, — в улусах существовали другие негласные сборы, кроме показанных сейчас. Но все же, по сравнению с началом этого века, когда сборы на местные повинности составляли здесь в среднем не менее 10 рублей с души, — успехи, достигнутые введением земских повинностей и урегулированием внутренних расходов якутских обществ, были весьма значительны.

Сообщая новую ведомость дозволенных сборов, согласно с нею произведенную раскладку внутренних повинностей по всем здешним обществам (1829 г.), Дума напомнила последним, чтобы в распределении повинностей по классам они руководствовались практикой предыдущих двух лет и предписаниями ее, Степной Думы, «взявшей это дело на свою ответственность единственно с тем, чтобы не бывало, как до сего, и чтобы через то сделать постоянный в их чувствах новых (поворот) и тем вкоренить нравственность людей в облегчение низшего класса таковых» (sic!). Что собственно хотела сказать Степная Дума, не легко понять[3]; но «в необходимости» «вкоренения нравственности людей» она, очевидно дурно копировала областного начальника.

---

[1] Арх. Н. И. У., д. по оп. №№ 61, лл. 13—17.

Примечание редактора. Автор предполагал дать эту табель в особом приложении, но ее в бумагах Левенталя не нашлось.

[2] Ясак и подушные в то время стали выделять под специальным названием податей.

[3] Как показала ревизия управ, произведенная в 1828 г. чиновником особых поручений Булатовым, земский суд для облегчения своей переписки нередко посылал лишь один экземпляр циркулярного предписания

Обратимся же опять к его интересным дополнениям.

До его прибытия в область, писал он... «инородцы по всем (?) своим делам разбирались не своим инородческим судом, а местным якутским начальством, отчего (?) беспрерывно возникали у них дела по жалобам друг на друга... и беспрестанные следствия посредством членов земского суда и других лиц. Разъезды их беспрерывно и во множестве *естественно служили неизбежным и главным отягощением для якутов* не только тяжущихся, но и тех чрез местожительство коих они проезжали, что служило *главнейшей причиной к особенно рождающимся от князцов налогам на своих родовичей*, и от сих последних — к бесполезным на то жалобам вновь увеличивающим следствия и разъезды. При этом, привлекаемые к допросам инородцы отрывались от жилищ своих и промыслов. Чрез все сие инородцы пришли в *совершенное во всех частях изнеможение*». «Дабы уменьшить сколь возможно влияние земского суда, с злоупотреблением власти сопрягающееся... по уставу учреждены родовые управления и инородные управы... *со строгим от лица моего наблюдением, чтобы* письменные просьбы по делам не бывшим в разбирательстве инородных управ, не принимались»[1]. «Со вступлением моим в звание областного начальника,... по личному моему вниманию и при строгом и неусыпном со стороны моей наблюдении,... инородцы разбираются между собой без всякого участия земских чиновников». «Благодаря строгому сохранению правила, *под неусыпным наблюдением моим*, чтобы не давать движения жалобам помимо низшей инстанции в высшую,... разъезды земских чиновников пресеклись и производятся, во всяком случае, не иначе, как с разрешения областного начальника и по его билетам... Строгая бдительность моя мгновенно уничтожила неминуемо рождавшиеся доселе от князцов налоги на их родовичей. Купно с сим *само собою пресеклась* та многочисленность жалоб по излишним от князцов сборам, которая *до введения устава*, можно сказать, *по самой неизбежности существовала*»[2].

А «дабы пресечь ябедничество и *самые тяжбы* в инородных управах заведены книги, где записываются имена инородцев, жалобы коих окажутся важными. Обличенные во лжи теряют уже доверие общества, а сие имеет большое влияние на якутов».

...«Командировки чиновников и казаков в Удской край *уничтожены и случаются* весьма редко с разрешения областного начальника».

в ближайшую управу. Последняя списывала с него копию, а оригинал отправляла далее, пока, таким образом указ, обойдя все управы, не возвращался в суд. Также поступала потом управа относительно наслегов. Вследствие этого, благодаря небрежной переписке, в копиях оказывались грубейшие ошибки, подчас извращавшие смысл указов. То же делала и Степная Дума, но ее указы списывались еще более небрежно, так что подчас представляют не только безграмотный, но и мало понятный набор слов. Небрежность доходила до того, что вместо подлинных отчетов об израсходованных в Думе суммах, в архивах оказываются черновые наброски, до того маранные и переправленные, что в них ничего нельзя разобрать.

[1] Под иным названием и с несколько иным устройством родовые управления существовали здесь со времен первой Ясачной Комиссии, а инородные управы с начала XIX века. Первому высочайшему указу, запрещавшему местным властям вмешиваться в семейные дела между инородцами минуло ровно сто лет, почти не проходило десятилетия без нового подтверждения или повторения этого указа со стороны местных или центральных высших властей. Мало того, как показано было выше, в первые полтора десятилетия XIX века полное предоставление якутов их собственным родоначальникам здесь даже возведено было в систему, столь же впрочем выгодную и удобную для земских чинов, как и для родоначальников. Но едва ли когда нибудь разорение якутов доходило до такой систематичности, как именно тогда.

[2] Если бы действительно это было так неизбежно, то неужто какой нибудь устав вообще, а тем более устав 1822 г., мог так радикально, а главное столь быстро справиться с такой неизбежностью?

«Для разъезда священников назначены сроки, а Думе предоставлено выработать положение о местах таких разъездов, количество нужных лошадей» и т. п.

Русских торговцев предписано выдворить из улусов даже в том случае, если бы инородцы согласились оставить их у себя. Выдворены также те из русских, которые завели скотоводческое хозяйство на якутских землях, а Думе предоставлено выработать формы контрактов для сдачи в аренду земель русским и прокормления их скота.

К пресечению доселе существовавших между якутами и тунгусами споров и недоразумений по части звероловных мест... Думе предоставлено учинить границы местам, каждому племени предназначенным[1]. Что же касается переходов из одного ведомства в другое, то, «со введением устава и учреждением Степной Думы, как попечительницы общественного благосостояния, движимой примерным соревнованием ко благу инородцев, — все само собой пришло в порядок». Но... «и Ясачной Комиссии поручено выработать об этом постоянное положение».

Сверх нового распределения земель... «Степная Дума, споспешествуя благосостоянию инородцев, предприняла меры для отыскания пустопорожних земель по верховьям рек, впадающих в Северное и Восточное море (Колымы, Яны, Индигирки, Охоты, Табуй, Оротуки и т. п.) и в других местах области, отрядя для того благонадежных людей, без всякого пособия от обществ. Расходы приняли на себя главный родоначальник Думы Ив. Мигалкин и некоторые из ее членов и нет сомнения, что при усердии сих людей к пользе своих сородовичей, не могли они достигнуть той благодетельной цели»...

Думой же выработаны и новые правила для распределения казенной клади.

Как видим обязанности, да и надежды также, возлагавшиеся на Думу, были отнюдь не малы, а отведенный ей по уставу скромный круг «хозяйственных обязанностей» во всяком случае не узко понимался Мягким; ей поручались дела, касавшиеся не одних лишь подведомственных ей якутов, а и затрагивавшие также интересы тунгусов и русских посельщиков. Посмотрим, каково она исполнила возложенные на нее поручения и чем вообще они кончились. Начнем с последнего.

В бытность здесь Иркутского гражданского губернатора (1828 г.) якутские родоначальники обещались уменьшить подрядные цены на казенную кладь по 5 р. за лошадь во все концы. Но когда в 1829 г. дело дошло до заключения нового контракта на 1831—1834 г., то в виду свирепствовавшей по Охотскому тракту сибирской язвы Дума настояла на прежних ценах[2]. При этом она снова предъявила те жалобы, которые уже ранее поднимались якутскими родоначальниками, когда шли переговоры о заключении нового контракта при Сперанском[3]. А именно. Она указывала на особенную губительность сибирской язвы вследствие того, что почти вся кладь перевозится летом в самую жаркую пору, сверх того

---

[1] Об этом впрочем должна была представить свои соображения и Ясачная Комиссия, но, как ниже показано будет, ей почти не удалось заниматься этим вопросом.

[2] В Охотск, Верхоянск, Зашиверск и Удской остр. по 40 р., в Колымск 80 р., в разные магазины Охотск. тракта от 16 до 25 руб. за лошадь (арх. Б. И. У. за 1829 г., д. № 9, л. 18—19). Факт существования болезни был на этот раз засвидетельствован охотским приморским начальником, по показанию которого количество павших лошадей дошло до 2½ тысяч (рап. Охотск. приморск. нач. от 5 ноября 1829 г., там же, л. 30).

[3] Ср. В. Вагина. Цит. соч. т. II, стр. 407 и 412. На этот раз, однако, требования Думы были далеко умереннее и справедливее предъявленных якутскими родоначальниками в 1821 г.

жаловалась: на вычеты, производимые за утруску и утечку, малые цены за обратных лошадей, на большие проволочки в Охотске в приеме клади, на затруднительность переправы через устье Охоты, отчего опять таки происходят большие задержки, либо же подмокает и гибнет много клади и т. п.

В ответ на это ходатайство последовало предписание сената, чтобы кладь недоставленную пластовой (весенней) перевозкой оставить до следующей весны, и чтобы впредь летние отправления имели место разве только в случае крайней необходимости, о чем всякий раз должно быть доложено сенату и министерству. За обратную кладь положено по 30 рублей залога, при чем вес последней не должен был превышать $4\frac{1}{2}$ пудов. Транспортным смотрителям запрещено было требовать что нибудь от наслежных капралов за утруску и утечку, а тем более за порчу и утерю клади. Дело Охотского приморского начальника было определить, сколько, за вычетом нескольких фунтов, положенных на утруску и утечку, надлежит вычесть с якутов за испорченную кладь. Ему же предписано никоим образом не задерживать обратной отправки людей и лошадей позже 1 сентября, а для обратной клади оставлять не более 200 лошадей.

Сверх того, Якутское областное правление предложило построить на счет здешних якутских обществ магазины у устья Охоты для сложения клади в случае невозможности довести ее до самого Охотска. По смете магазины должны были обойтись в 12.960 руб., каковую сумму надлежало вычесть из провозной платы 1829 г., для чего уже и раскладка была разослана по улусам. Но уведомленный об этом генерал-губернатор предписал не довольствоваться согласием Степной Думы, а опросить всех родоначальников. Оказалось действительно, что многие из них не были согласны на постройку магазинов, находя, очевидно, затруднительность переправы через Охоту не столь значительной. Поэтому проект областного правления был оставлен без исполнения.

Вместе с показанными ходатайствами Дума представила и выработанные ею новые правила для распределения клади. Правила эти постановляли, чтобы не привлекать к отвозке клади якутов, не имеющих к тому средств, «как оное существовало во время нарядов», а одних лишь зажиточных[1]. Кроме того всем участвовавшим в отвозке не возбранялось нанимать за себя других. Получив ведомости предстоящих отправок, головы с доверенностью от улусов должны были немедленно в присутствии Степной Думы произвести раскладку клади по обществам, соображаясь не только с количеством рев. душ в последних, но и с их состоянием и данным экономическим положением[2]. «А так как, — гласят далее пра-

---

[1] Дело это было настолько выгодно, особенно при ценах 20-х годов, что зажиточные якуты старались принимать в них возможно больше участия. Так, например, по делу бывшего борогонского старосты Алексеева выяснилось, что получив от родоначальников доверенность на подряд для отвозки клади, он лишал участия в подряде своих доверителей. Т. е. он передал всю кладь в чужие руки, не поделившись с родоначальниками полученными при этом прибылями. За это первые просили в 1826 г. Областн. Правл. дозволить им впредь не допускать Алексеева к участию в отвозке клади (Арх. 1-го Баягант. насл. за 1827 г., д. № 12, л. 1—2).

[2] Дальнейшее применение правил показывает, однако, что не допускалось уменьшение количества лошадей полагавшегося на улус по числу его рев. д. Только между наслегами одного улуса можно было нарушать эту пропорцианальность, полагая несколько большее количество лошадей на тот наслег, который в данном году почему нибудь особенно нуждался в средствах. То же делалось и относительно наиболее влиятельных лиц, но опять же на счет их собственного улуса. И тут, значит, резко подчеркнута была индивидуалистическая рознь между улусами и, наоборот, общность между наслегами каждого улуса.

вила, — головы и доверенные будут при этом каждый заботиться только о пользе своего улуса, то решение принимать по большинству $^2/_3$ голосующих».

Составленная таким образом раскладка должна была немедленно передаваться через областное правление в земский суд, откуда с нарочными рассылалась в инородные управы. Такого же рода раскладка производилась потом в улусах особо для того выбранными доверенными от наслегов из «лучших родовичей». На наслежном собрании кладь сперва распределяли по родам, а потом внутри родов по статьям, «располагая на зажиточных большее число лошадей, а недостаточных и никакого доверия не заслуживающих, совершенно исключая из раскладки». Тут, однако, уже ничего не говорилось о решающем значении большинства.

Смысл правил ясен. Ими действительно ограничен произвол родоначальников в этом деле. Но извоз клади окончательно обращен в предпринимательское дело более богатой части обществ, дело, к которому, однако, они могли привлекать и безлошадных хозяев, заставляя их прибегать к выручке богатых за большие деньги или тяжелую работу. Кроме того влиятельные общественники могли теперь на законном основании отстранять от извоза нелюбимого ими члена («никакого доверия не заслуживающий») и, наоборот, радеть более властному и богатому.

В последнем отношении плоды этих правил не замедлили сказаться сейчас после их утверждения в том же 1829 году. Так в большинстве наслежных раскладок того года усматривается, что из общего количества, выпавших на наслег лошадей сперва отделяется старосте, старшинам, бывшим головам, сельским заседателям и т. п. по 2, 3 и до 4 лош. Оставшиеся затем делятся между остальными плательщиками повинностей по $^3/_4$, $^1/_3$, $^1/_2$ и $^1/_4$ лош., в разнообразнейших комбинациях этих дробей (1 лош. на 2, 3 и 4 хозяйства, 4 лошади на 3 хозяйства, одна лош. на 3 же хозяйства, из коих на одно $^1/_2$, а на два по $^1/_4$ лош. и т. п.). «Кроме того, — говорится, напр., в раскладке Игидейского наслега за тот же год, — собравшиеся родовичи без всякого спору и прекословия отделили старосте своему Гавриле Слепцову 11 лошадей из числа следующих в Охотск и Верхоянск (за казенную плату). А сына его Михаила Слепцова постановили назначить транспортным капралом с вознаграждением в 50 руб. и проводником 13 лошадей с платой по 3 руб. за каждую». Да и в самой Степной Думе в присутствии 18 января 1830 г., между прочим, постановлено было напр.: Кангаласскому старосте и бывшему голове Ник. Рыкунову[1] «в воздаяние его трудов по делам общественным, дабы мог он посильнее себе приобресть приобретение (так)... положить 30 лошадей из числа следующих в Колымск»[2].

Относительно условий, выработанных Думою для сдачи земель русским, не будет преувеличением, если сказать, что точное исполнение этих условий было бы равносильно полному запрещению арендовать земли у якутов; либо же русский арендатор оказался бы в положении гораздо худшем, чем поднадзорный ссыльный. Контракт мог быть только краткосрочный. Русский не должен был выпускать свой скот на общий выгон. А хотя ему предоставлялось в стороне от якутских поселений огородить себе отдельный летник, но цена последнего вместе с покосом на 3 остожья определена в 300 руб. (п. 2). Он не должен был

[1] Он же письмоводитель Думы и кандидат по главном родоначальнике.
[2] Т. е. на 2400 руб. (арх. Б. И. У. за 1830 г., д. № 9, л. 8).

позволять своим рабочим без особенной надобности шататься к якутам: «всякий такой праздношатающийся будет признан намеревающимся к похищению и отослан к начальству». Да и сам он не должен был ездить к якутам без разрешения родового управления (п. 6). Без такого же разрешения не мог он задолжать что нибудь якутам, отдавать им скот в прокорм, нанимать их в работу, кортомить покосы и т. п. (п. 7). По окончании арендного срока все постройки, изгороди, чистки и распашки остаются в пользу родовичей без изъятия и без всякого вознаграждения (п. 10).

Совершенно в таком же роде были условия для отдачи в прокорм скота: по точному смыслу контракта якут мог перевезти добрую половину скота и не быть притом в ответственности перед русским.

Мягкий не только утвердил эти условия, но и от себя прибавил, что вообще в оброк сможет быть сдана лишь пустопорожняя, т. е. сверхнадельная, лишняя земля. Скот может быть взят на прокормление лишь от своей надельной земли. Контракты должны быть заключены в родовом правлении, оттуда восходить на усмотрение инородной управы и Степной Думы, а чрез последнюю — быть явлены в областном правлении и т. п.[1].

Обратимся к делу разыскания новых мест (для расселения здешних якутов) делу, которое великодушно взял на себя главный родоначальник Мигалкин вкупе с кем то еще из членов Думы.

28 января 1830 г. охотский окружной суд слушал дело о недозволенной торговле якутов Якутского округа в тунгусских стойбищах приморского ведомства. При этом показаниями обвиняемых и свидетелей и приложенными к делу документами выяснено было следующее.

Главный родоначальник Якутской Степной Думы, получив разрешение областного начальника на розыски и описание земель, пригодных для расселения якутов Якутского округа, решил командировать для этого своего сына Спиридона Мигалкина и бывшего борогонского старшину Василия Колесова с «пристойным числом слуг». Лица эти должны были направиться к тауйскому форпосту и гижигинской крепости, но, не доезжая до них, повернуть: первый в Верхоянск к племяннику главного родоначальника Василию Мигалкину, а второй к Тауйску[2]. Назначение этих лиц и их маршруты также одобрены были якутским областным начальником. Но за болезнью Спиридона Мигалкина, вслед за выехавшим вперед Колесовым отправлен был борогонский якут Иов Бурнашев.

А в начале декабря 1828 г. охотский исправник Валь был уведомлен, что несколько якутов разъезжают по стойбищам и промысловым местам охотских тунгусов, где производят недозволенный торг спиртом, порохом и свинцом, картами, табаком и др. товарами — в обмен на пушнину, и что средоточием их действий служит дом тауйского форпостного смотрителя Якушкова. Прибыв в дом последнего 31 декабря 1828 г., Валь арестовал там якута Колесова и все найденные в доме товары, секвестровал все более ценное из имущества, и все это отправил в Охотск, а самое дело представил на усмотрение приморского начальника.

---

[1] Арх. Б. И. У. 1828 г., д. № 1, лл. 13—16 и 21—25.

[2] Тауйск — небольшая крепостца на Охотском море при впадении реки Тауй в губу того же названия.

В то же время старшина 10 уянгинского тунгусского рода донес самому приморскому начальнику, что якуты Баягантайского улуса Хомордос и Атадыр, направлявшиеся в Колымск, отклонились от этого пути и, объезжая промысловые места охотских тунгусов, промышляют и торгуют среди них, торгуют — тоже, как будто, товарами и от имени Колесова.

Расследованием же приморского начальника и показаниями смотрителя Якушкова, мещанина Воробьева, казака Шелудякова, якутов Колесова, Мясникова и Венцеля[1], Хомордоса и Атадыра, тунгусов Пономарева, Бобцова, Громова и других — установлено:

1) Получив сведения о торговле якутов (в том числе и уведомление от Якушкова), Валь с помощью своего письмоводителя Бобкова составил донос себе же от имени подставного лица, казака Шелудякова, — с тем, чтобы воспользоваться частью осеквестрованного имущества. А освободив потом имущество Якушкова от секвестра, Валь и Бобков присвоили себе это имущество полностью.

2) Под предлогом споспешествовать общей пользе всех якутов, главный родоначальник Ив. Мигалкин разослал своих доверенных с товарами на многих вьючных лошадях в такие тунгусские стойбища, куда ранее не могли проехать якутские торговцы. В числе товаров были и строго запрещенные: порох (до 5 пуд.) и спирт (до 6 ведер), а сверх этого — $1\frac{1}{2}$ вьюка табаку (8 п. 10 ф.), $1\frac{1}{2}$ пуда байкового чаю, 3 пуда сахару, $\frac{1}{2}$ вьюка свинцу (2 п. 30 ф.), бисер и корольки, карты, алое сукно, шелковые и ситцевые платки и т. п. Прибыв к Якушкову, якуты Колесов и Бурнашев доставили ему письмо от главного родоначальника и подарки: 7 ф. чаю, 14 ф. сахару и 4 осьмины спирту. При этом представлено в суд письмо, и на письме печать оказалась та же, что на найденных у Колесова колодках от товарных сум[2]. А в письме Мигалкин просил оказать всякое содействие его поверенным, уведомлял о якутских ценах на пушнину и просил таковую присылать к нему. Через некоторое время Иов Бурнашев уехал обратно с приобретенной пушниной и подарками Якушкова. А в конце зимы 1829 г. он уже снова прибыл к охотской границе с другим якутом Николаем Бурнашевым и с новым запасом товаров; но тут он узнал, что его стерегут на границе, и что Колесов взят, а потому обратился вспять. Кроме того выяснилось, что, ссылаясь на письмо Мигалкина и разрешение якутского областного начальника, Колесов и Бурнашев требовали и брали от тунгусов убойных оленей для своего продовольствия и ездовых — для своего проезда, а у всех вообще инородцев по пути вымогали пожертвования на расселение здешних якутов. А между тем узнавшие об их миссии тунгусы охотского ведомства подали приморскому начальнику заявление о гибельности для них переселения на их места якутов со скотом, от которого разбежится лесной зверь и внесется зараза сибирской язвы среди их оленей, не говоря уже о том, что сами якуты разорят их своей торговлей и хищническим истреблением промысла.

---

[1] Мегинского улуса якут Мясников служил проводником у Колесова и Бурнашева, а оймеконский якут Венцель — в качестве переводчика.

[2] Отверстие вьючных сум плотно затягивается и захватывается ремнями, коих концы пропускаются через дырку, продолбленную в деревянном брусочке. На последнем, в том месте, где пропущены концы ремней, — накладываются печать, и сумы оказываются запечатанными не хуже конверта.

На основании изложенного и целого ряда ссылок на статьи законов и особые узаконения охотский окружный суд постановил:

Главного родоначальника Мигалкина, как не имеющего права дворянства, следовало бы наравне с прочими обвиняемыми подвергнуть строжайшему наказанию. Но, во внимание к занимаемой им почетной должности достаточно будет, отрешив его от последней, выдержать при городской управе 7 суток на хлебе и воде и впредь не допускать к выборам на общественные должности, о чем представить на усмотрение и утверждение Иркутского гражданского губернатора. Поверенных Мигалкина: Колесова, Бурнашева, Хомурдоса и Атадыра, наказав плетьми по 20 ударов, отдать под надзор инородческого земского начальства[1]. Сверх того за учиненное кормчество положено взыскать с Мигалкина, как главного виновного в деле, пеней 540 рублей и судебных расходов и на вознаграждение тунгусов — 720 руб.[2].

На этом, однако, не кончилось дело с приисканием новых мест: ибо, как видно из других дел, Мигалкин все таки нашел какие то земли. Кроме того чиновнику особых поручений Уваровскому, посланному с разными делами к майским, удским и учурским тунгусам, также вменено было в обязанность приискивать места для здешних якутов, что отчасти и было им исполнено. То же, как увидим, возложено было и на Ясачную комиссию, по предложению Иркутского генерал-губернатора, ибо и к нему дошли жалобы здешних якутов на земельную тесноту.

Действительно ли Спиридон Мигалкин ездил в Верхоянск, или же каким нибудь иным путем добыл необходимые ему сведения, — этого из дела не видно: только в начале октября 1829 года он предъявил в Степную Думу краткое описание якобы открытых им в Верхоянском округе девяти мест, годных для расселения здешних якутов[3]. В самом деле годными, впрочем, Думою признаны были всего два места, под № 7 и 9. Из них первое, под названием Битир, длиною 40 и шириною от 3 до 6 верст, находилось невдалеке от Барыласа, от Якутска в 730 и от Верхоянска в 730 верстах и населено было шестью семьями верхоянских якутов. Другое по Сартангу[4], от Якутска в 730 верстах и от Верхоянска в 230 верстах, длиною 70 и шириною от 7 до 10 верст, занято было всего двумя семьями. По мнению Мигалкина на первом месте можно было поселить еще одну семью — но только с одним лишь конным скотом, а на втором до 8 здешних семей с рогатым скотом и конным скотом. Всего, значит туда можно было переселить отсюда до 9 семей. По его описанию, хребты, окружающие эти места изобиловали оленьим кормом и зимним промыслом лисицы, белки, горностая, волка, медведя, сохатого и дикого оленя. Летом же жители ловили в речках мелкую рыбу, а весною и осенью скопляли большие запасы корня сарданы[5]. Места значит, действительно, были весьма привольные по тогдашним представлениям якутов.

---

[1] Положением Иркутского гражданского губернатора последние двое были освобождены от наказания.

[2] Из разбитых остатков Оймеконского наслежного архива.

[3] Во всех ответах здешних родоначальников по поводу этих мест слышится нотка сомнения в подлинности их «открытия» Мигалкиным.

[4] Часть реки Яны.

[5] Мучнистый и сладковатый корень сардана варят в молоке или воде, сушат и толкут, и вместо муки употребляют для приготовления каши на кислом и пресном молоке.

Но, когда в Думе стали обсуждать, кому из более стесненных обществ представить воспользоваться этими верхоянскими землями[1], то по справкам в ее делах оказалось, что особенно громкие жалобы на земельную нужду доходили всего лишь от четырех обществ. Таковыми были: 1) Кангаласский наслег Баягантайского ул., 2) 3-й Мальджагарский наслег Мегинского ул. и 3) два Соттунских наслега Борогонского улуса.

Так как жалобы на малоземелье здесь раздавались со стороны некоторых обществ еще в пору 1 ясачной комиссии, а к половине 20 годов XIX века жалобы эти стали часты и настойчивы, в силу чего одновременно нескольким лицам и учреждениям поручено было разыскание новых мест для здешних якутов, то недоумение возбуждает, во-первых, то что из мест отысканных Мигалкиным выбраны были только два, и что, во-вторых, Дума могла указать всего только четыре общества, нуждавшиеся в новых землях.

Правда, все эти четыре наслега ожесточеннейшим образом тягались тогда со своими соседями, требуя *от них* прибавки покосных мест. Но в это же время здесь происходило не мало других подобных дел, по большей части так же состоявших в жалобах на свое малоземелье со стороны одних наслегов и в требовании уступки покосных мест от своих соседей, при чем последние в свою очередь жаловались на недостаток земель и на этом основании отказывались уступать требованиям первых. Так, напр., тогда же Кусаган-Эльский наслег Намского улуса потребовал прибавки покосов от шести ближних и дальних наслегов того же улуса, а два Одейских наслега там же завели между собою ожесточеннейшую тяжбу всего из за трех покосов и одного летника. Почему то тогда же Курбусацкий наслег Борогонского улуса спохватился, что «в самом его средоточии находятся три остожья 1-х баягантайских якутов, мешающих им своими проездами и проживательством», и потребовали, чтобы эти три остожья были отданы им, курбусатцам, терпящим крайний недостаток в покосных местах, тогда как у 1-х баягантайцев их больше, чем требуется. Такую же, как и одейцы, бесконечную и разорительнейшую тяжбу завели тогда между собой Батагайский наслег Дюпсюнского и Хамагаттинский Намского улуса из-за вновь образовавшегося островка на реке Лене, при чем каждый доказывал, что вследствие особых свойств течения реки Лены и образования ею отмелей в этом месте, — данный островок мог образоваться от сноса земли с его, а не противника владений.

Последний пример особенно интересен[2], ибо напоминает такие же кляузные и построенные на трудно уловимых местных особенностях земельные тяжбы между французскими крестьянами по нижнему течению реки Гаронны. Это, конечно, только аналогия, но, как пока-

---

[1] Замечательно, что никто не думал спрашивать верхоянских якутов, желают ли они приселения к ним здешних сородичей. С такою же свободою распоряжались территорией чужеплеменных тунгусов.

[2] Дело подняли батагайцы, жаловавшиеся, что принадлежавший им остров Тангара Инняляx был занят водою р. Лены, после чего вблизи этого места появился песок, уже обрастающий тальником, и о котором можно надеяться, что он обратится в остров с прекрасными покосами. Песком этим уже завладели хамагатинцы, хотя и не имеют на то никакого права, так как он образовался от перемены течения, покрывавшего Тангара Иннялях, а стало быть — и на счет последнего.

На это хамагаттинцы возразили, что Тангара Иннялях никогда не был занят водою, так как попрежнему дюпсюнцы косят там сено и живут там в своих землянках. А действительно занят был водой тут же лежавший остров Бору-Ары, который принадлежал им, хамагаттинцам, от которого только и мог образоваться новый песок, так как между ним и Тангара Инняляхом проходит глубокая протока.

На это в свою очередь батагайцы возразили, что Тангара Иннялях был затоплен, так как из 30 покосных остожьев на нем осталось только 13; что не только новый песок не отделен от Тангара Иннялях глубокой про-

зано будет ниже, аналогия весьма характерная и построенная отнюдь не на одних внешних признаках. Как бы там ни было, однако, ясно, все таки, что если бы теснота и малоземелье действительно были здесь столь велики, как об этом можно было заключить по размерам и количеству жалоб, то, во-первых, самое резкое проявление этих условий мы должны ожидать именно в тех обществах, которым из целого множества других Дума всего первее предложила верхоянские земли. Во-вторых, должны ожидать, что огромное большинство здешних обществ, а всего первее указанные Думою 4 наслега, с радостью схватятся за вновь открытые земли. Посмотрим так ли оно было на самом деле. Кроме того, хотя бы весьма бегло, познакомимся с требованиями тех обществ, чьи жалобы на земельную тесноту были особенно громки. Тогда, быть может, мы и разберемся в том, что здесь называлось тогда земельной нуждой, и уясним, как нам относиться к малоземелью в якутских обществах вообще.

С кангаласским земельным делом мы уже несколько знакомы и знаем, что в 1776 г. под угрозой принудительной отрезки, другие наслеги улуса должны были согласиться уделить Кангаласскому достаточное число покосов и летников. Сколько именно тех и других тогда добавили ему с точностью нельзя заключить из самого дела, несмотря на его огромные размеры. Кангаласцы тщательно обходили этот пункт, так как делали вид, будто полученное ими составляет сущий пустяк по сравнению с тем, что они должны были получить. Соседи же их также избегали точных определений, так как действительно дали гораздо меньше того, что могли и должны были дать по определению геодезиста Федорова.

Тем не менее, лет около 20 кангаласцы никаких новых претензий не предъявляли, наконец в июне 1795 г., узнав о предстоящей переписи (пятой), староста и старшина наслега обратились в Якутскую верхнюю расправу (Областное правление) с заявлением, что так как их роды ощущают крайний недостаток в покосных местах, а соседние три борогонских князца соглашаются уделить им из земли своих наслегов и принять их в среду своего улусного общества, поэтому они просят, чтобы весь их Кангаласский наслег с ясаком и всеми наличными землями перечислили в Борогонский улус. Против этого в июле 1796 г. сасыльский наслежный князец заявил, с согласия улусного головы, что кангаласцы содержали вместе с ними станки на Алдане и Оймеконе, каковое содержание, как и отправление других натуральных повинностей, будет чересчур отяготительно для их наслегов без соучастия кангаласцев. Они предпочитают поэтому еще уделить кангаласцам из своих земель, лишь бы тех не перевели в Борогонский улус.

токой, а в одном месте даже сливается с ним, что только в таком случае он мог бы образоваться от Бору-Ары, если бы последний находился к югу и выше от Тангара Инняля, тогда как на самом деле, по показаниям тогдашних жителей, лежал рядом с ним и отделен был от него глубокой протокой.

Хамагаттинцы продолжали отрицать факт затопления Тангара Инняляха, при чем доказывали, что новый песок является спорным даже и в том случае, если бы действительно образовался от Тангара Инняляха, так как некогда этим островом намцы и дюпсюнцы владели сообща, и надо еще доказать, от какой части: намской или дюпсюнской, образовался новый песок.

Тогда затеялся спор о принадлежности Тангара Инняляха с такими же взаимообвинениями и обличениями, при чем обнаружилось, что из-за этого острова намцы с дюпсюнцами тягались уже с 1779 по 1815 гг. Прибавим еще, что когда все местные инстанции, с Думой и второй Ясачной комиссией включительно, рассматривали это дело, по жалобам той или другой стороны, и все решили его в пользу батагайцев, — как раз прибыла сюда следственная комиссия Лосева (начало 30 годов). Тогда хамагаттинцы обратились к ней в порядке доноса, и опять дело началось сызнова.

Но когда на основании последнего заявления, кангаласцы оставлены были в Баягантайском улусе, то соседи их стали отлынивать от исполнения обещанного. Поэтому, по новой жалобе кангаласцев, земский суд (указами 11 февраля и 28 сентября 1798 г.) предписал улусному голове, чтобы «немедленно он с тремя князцами развели дело посредническим судом и кангаласцев безобидно наделили бы добавочной землей». Действительно, в 1799 и 1800 г. кангаласцам доданы были от 1 Баягантайского наслега 29, от 2 Баягантайского — 10 и от Сасыльского — 10, а всего 49 остожьев, и сверх того от первых двух — 17 летниковых паев. На этот раз, однако, упомянутые наслеги взяли с Кангаласского подписку, что он вполне удовлетворен и впредь не будет требовать от них никаких земельных прибавок. Сверх того, земский суд обязал тяжившиеся наслеги провести на пограничных местах сплошную городьбу, чтобы впредь не могло у них быть нового спора даже из-за границ.

Но уже через 10 лет кангаласцы снова подняли дело якобы из-за неправильного проведения городьбы 2 Баягантайским наслегом, благодаря чему им, кангаласцам, не доданы были половина одного покоса и одного летника. На самом же деле им просто захотелось, чтобы в их межу вошли не выговоренные ранее покос и летник, а другие, лежавшие у той же межи, далеко лучшего качества. Тем не менее благодаря настоянию приезжавшего в улус дворянского заседателя земского суда, спор окончен был миролюбивой уступкой кангаласцам тех именно двух земель, которых они добивались. И снова с них взята была подписка, что впредь они не будут предъявлять никаких новых претензий ко 2-м баягантайцам.

Прошло, однако, не более пяти лет, как они снова подняли дело не только против этих последних, но и против 1-х баягантайцев. Уже в жалобе 1798 г. они глухо намекали, что при уравнении произведенном Федоровым многоземельные наслеги улуса не только донельзя уменьшили размеры и урожайность показанных ими земель, но и много покосного скрыли совсем. В 1815 году кангаласцы уже прямо показывают, что в таком то месте на границе с Ботурусским улусом скрыты были десять прекраснейших покосных мест, в другом месте (№ 126 земельной ведомости 1-х Баягантайского наслега) показано два остожья, тогда как там их есть 15; еще в других местах, под № 128 у 2 баягантайцев показан выпас, тогда как это — покос, дающий даже при умеренном урожае более 200 возов сена, и т. п. На основании всей совокупности приводимых ими данных, они заключали, что, если принять во внимание подлинные размеры и урожайность показанных земель, а также все скрытые покосы, то у 2 баягантайцев придется на каждый соболиный оклад по $15^1/_2$, а не по 12 ост., тогда как у 1 баягантайцев даже во многих полулисичных окладах окажется до 6 ост. (дающих каждое до 100 и более возов сена)[1], а не круглым счетом по 2, как это показано в их земельных ведомостях. На этом основании кангаласцы требовали, чтобы им отдана была хотя бы меньшая половина этих сверхокладных земель соседей.

Так как, однако, земский суд столь недавно и, казалось, окончательно примирил их с соседями да, сверх того, и вообще едва ли бы одобрительно отнесся к такому их «вынесению сора из избы», то поэтому со своей новой жалобой они обратились на Высочайшее имя через Якутский уездный (окружный) суд. Но последний не мог и не должен был входить

---

[1] В другом месте утверждалось иное, а именно, что в 1 Баягантайском на всякий полулисичный оклад приходится по 4 остожья, из коих каждое «неминуемо дает по два зарода», т. е. 80 возов сена (Прош. Канг. насл. на имя второй Ясачн. ком. от 27 ноября 1827 г.).

в разбор дела по существу. А в смысле формальных доказательств достаточно было подписок кангаласцев (от 1799, 1800 и 1811 гг.), чтобы признать вполне правыми ответчиков. Поэтому суд постановил отказать кангаласцам в их иске, а жалобу уничтожить (ук. 21 марта 1816 г. № 1417).

Такой приговор не только не смутил кангаласцев, а как будто даже возбудил в них еще больший азарт. Ибо всего через 4 года с небольшим они уже снова обратились с такою же жалобой к областному начальнику Миницкому. Для большей убедительности тут же приложен список покосных мест, якобы арендуемых ими в Бороганском улусе за недостатком собственных. Кроме того, если ранее кангаласские старосты и старшины ходатайствовали за свой наслег от своего собственного имени, то с 1815 года у них уже имеются доверенности от своих родовичей, обязующихся «сколько случится по сему трудному делу проторей и убытков, про то, учинить складку на подкруту со всех общественников». А дабы отразить постоянные указания противников на оймеконские земли наслега, тут же приложен и приговор оймеконского рода, утверждающего что земли никуда не годятся и что живется ему там очень плохо, почему он и просит, чтобы его перевели на Танду, для совместного жительства с другими родами, и чтобы его наделили землею все от тех же соседних наслегов.

Ничего, однако, из всего этого не вышло. Миницкий действительно предписал земскому суду (ук. 17 янв. 1820 г.) командировать человека для осмотра земель спорящих наслегов, с целью склонить ответчиков к добровольной уступке кангаласцам недостающего числа покосов и летников. Но чиновнику этому ответчики заявили, что в разное время они уже передали кангаласцам 78 остожий и $31\frac{1}{2}$ летниковых мест, и больше не могут и не должны им дать. Ибо и так уже у кангаласцев имеется по $4\frac{1}{2}$ ост. на лисичный оклад, тогда как у них самих на таковой же оклад не выходит полных 4 ост. Им неизвестно, чтобы кангаласцы терпели нужду в сене, тогда как у 1 баягантайцев напр., в одном 1815 г. пало от безсенницы 1000 штук скота, да и вообще им нередко приходится кортомить покосы, между прочим — и у кангаласцев. С своей стороны Областное правление, представив подписки кангаласцев и постановление уездного суда от 21 марта 1816 года, высказалось в том смысле, что если бы даже и верно было все показываемое кангаласцами о сверх-окладных и скрытых землях у ответчиков, то все же до генерального межевания ничего нельзя сделать для первых в виду их собственных неоднократных подписок и крайней трудности добиться верных сведений. На этом основании кангаласцам снова отказано было в иске (ук. Як. Обл. правл. 11 марта 1821 г. № 456).

Тем не менее уже в 1826 году они снова обратились за своим делом, по инстанциям, сперва в инородную управу, потом, когда в 1827 г. открылась Степная Дума, — в эту последнюю, а еще через несколько месяцев — и к областному начальнику Мягкому. Перед Думой напрасно было бы уменьшать на большую половину размер своих земель, или представлять списки несуществующих аренд, как это делали кангаласцы по отношению к русским властям. Поэтому на сей раз к жалобе приложен список покосов, якобы ставших окончательно негодными от наводнения, засух и т. п. Дума поручила инородной управе расследовать дело через своего члена, главным же образом допросить кангаласцев почему это у них земля распределена так, что некоторые семьи имеют до десятка и более остожий, тогда как

у большинства наделенных землею есть всего по 1—2 остожья. Управа, однако, почему то скорее склонна была сделать разыскание о сверх-окладных и скрытых землях у ответчиков. Но из последних 1-й Баягантайский наслег под разными предлогами оттягивал это исследование, а 2-й Баягантайский наслег прямо воспротивился ему, заявив, что «не желает вручить судьбу свою члену инородной управы». Поэтому докладывая Думе о такой «злой воле» ответчиков, управа ограничилась почти дословным перифразом прошения самих кангаласцев, и голословным признанием их правоты. Неудовлетворенная таким ответом Дума постановила (8 февраля 1828 г. № 48), в виду близости спорящих наслегов к местожительству главного родоначальника Мигалкина, просить последнего исследовать дело на месте. В мае 1828 года Мигалкин исполнил это поручение и доложил Степной Думе, что все дело происходит от одной лишь «затейливости» кангаласцев, так как ответчики сами чувствуют недостаток в покосных местах, а потому совершенно отказываются, да и не могут дать что нибудь кангаласцам[1]. На основании такого отзыва своего председателя, Дума постановила отказать кангаласцам, порекомендовав им перевести часть своих родовичей на Оймекон (журн. ст. Думы 13 июня 1828 г.).

Но тут подъехала вторая Ясачная Комиссия и кангаласцы обратились с жалобой к ней. На запросы комиссии управа дала ответ довольно темный, но все же благоприятный для кангаласцев. Дума осталась при отзыве своего председателя, но сверх того представила все производство по этому делу от 1815 г. (на 55 листах). Ответчики же попрежнему, на отрез отказались уступить что нибудь из своих земель. А так как самой комиссии запрещено было всякое прямое вмешательство в распределение земель у якутов, то она представила дело на усмотрение Иркутского генерал-губернатора. Последний предписал Мягкому командировать благонадежного чиновника с землемером в спорящие наслеги с тем, чтобы привести в известность их земли, и если окажется, что действительно у ответчиков много лишних и скрытых земель, а у просителя земли мало, то дорезать кангаласцам от наслегов ответчиков, не дожидаясь генерального межевания.

В ответ на это Мягкий, изложив предыдущий ход дела, обратил внимание генерал губернатора на то, что по § 23 уст. об инород. «за кочующими утверждаются ныне обитаемые ими земли...», а по § 30, «инородцы ограждаются от взаимных стеснений, могущих произойти вследствие перехода одних племен (родов)[2] на земли, принадлежащие другим, без обоюдного согласия». Поэтому все претензии на земельные уступки со стороны одних обществ к другим решались здесь не иначе, как по добровольному согласию обеих заинтересованных сторон. Поэтому же самому и в данном случае принудительное уравнение земель через землемера было бы не только противно духу устава и установившейся здесь практике, а и послужило бы опасным прецедентом, так как не замедлит вызвать целое множество подобных дел, решить которые на таких же основаниях — немыслимо «в виду необъятных пространств

---

[1] В свою очередь, в жалобе, поданной вслед за тем Ясачной комиссии, кангалаский староста утверждал, что Мигалкин побывал лишь у 1 баягант. старосты и только со слов последнего составил свой отзыв. Необходимо кроме того тут же отметить, что как ни «затейливы» действительно были кангаласцы, но вопреки утверждению Мигалкина, у ответчиков обилие земель было таково, что и сейчас их богачи играют роль ландлордов-рантьеров по отношению к мало- и безземельным родовичам соседних улусов.

[2] Как доказано будет ниже, — в этом, как в § 28, необходимо термин, «племя» понимать в смысле здешних родов. Так, по крайней мере, его понимала здешняя администрация.

области и крайней совершенной ничтожности, недостаточности землемерческих сил». Мягкий предлагает поэтому отменить командировку чиновника с землемером и отказать кангаласцам, предоставив им, как и прочим обществам, жалующимся на земельную тесноту, воспользоваться землями, которые будут разысканы, благодаря мерам, предпринятым им и Степною Думою. Новые земли нужны были не всем кангаласцам, и даже не всем плательщикам податей этого наслега, а той кучке тойонов, по желанию которых велся этот разорительный процесс и которые одни только могли рассчитывать воспользоваться предвидевшимися земельными прибавками.

Но и у этих именитых людей было достаточно своих земель по тому скоту, который при собственном их труде нужен был для их существования. Из-за чего же спрашивается, хлопотали они в таком случае? А из за того хлопотали, что рядом с ними в соседнем наслеге такие же, как они, именитые родовичи имели не по 10—12 остожий, а по 15—20 и более. Благодаря этому, к последним стекались из соседних наслегов и улусов безземельные и малоземельные родовичи, и за одно остожье покосного места даром выкашивали им по $1\frac{1}{2}$ и по 2 стога сена. А в неурожайный год к ним приезжали и более состоятельные родовичи, давая деньги или скот за излишние покосы, или старые запасы сена. Они же, кангаласцы, принуждены были смотреть на то, как в такие годы даже их обычные клиенты уходили в соседний наслег, где получали покосную землю за небольшую кортомную плату или из третьей доли продукта, вместо того, чтобы отдавать своим богачам $\frac{1}{2}$ или даже $\frac{2}{3}$ своего труда. Зимою эти дольщики оставались тогда жить у тех же 1-х баягантайцев, служа для них полударовыми скотниками и домашними работниками, понижая там цену труда в то время, как у них, кангаласцев, он дорожал.

Изобилие земель было вообще и всегда большим благом для якутов, как и для всякого народа с экстенсивной эксплоатацией сил природы. Когда преобладающий источник их существования еще составляли промыслы и коневодство, всякая богатая семья желала иметь возможно более пространные и богатые промысловые места и возможно большие и плодородные выпасы вблизи своих усадеб. По рассказам стариков, последние даже нарочито устраивались на плодородных местах, при чем поблизости к ним не выкашивалась трава, чтобы дойная кобыла не отходила далеко от дома. Когда же на первый план выступил рогатый скот, в качестве главного источника существования, изобилие покосов давало возможность содержать много скота, многих скотников и работников, не прибегая к кортому покосов и покупке сена даже в неурожайные года. В урожайные же года оно давало возможность выбирать покосы с буйной и высокой травой, чтобы с меньшим трудом поставить больше сена. Но и обилие выпасов также не потеряло своего значения, так как множество усадебных мест для частых перекочевок давало возможность держать в лучшем теле и содержать скот на подножном корму, благодаря чему требовалось вообще меньше сена, и стало быть — и труда для его поставки; скот давал больше молока, мяса, жира и т. п.

Обилие покосов и летников было таким образом большим благом и этим благом богатые родовичи постарались обеспечить себя даже в малоземельных обществах, всеми силами отстаивая это свое главное обеспечение. Но сугубое благо было обилие лишних земель, сверх нужных для своего скота, так как оно давало косцов, с которыми можно было

расплачиваться уступкой той же земли, давало земельную ренту деньгами, трудом и продуктами труда.

Ибо мы не должны забывать, что было ли общество мало- или многоземельно, все равно от $1/4$ до $1/3$ его родовичей были совершенно лишены земли, а у $1/3$ остальных наделы были столь недостаточны, что при плохом урожае травы они принуждены были прибегать к кортому покоса, либо к работе из доли продукта. А хотя в многоземельных обществах % родовичей того и другого разряда был сравнительно меньше, но он и там был достаточно высок, а вдобавок в неурожайные годы туда приходили нуждавшиеся в земле чужеродники. Поэтому в данном случае разница между много- и малоземельными обществами была лишь та, что в неурожайные годы из последних уходили малоземельные родовичи, обогащая своим трудом многоземельных родовичей других обществ. Иначе говоря, земельная нужда состояла главным образом не в том, чтобы у кричавших о ней не хватало земли для прокормления своего скота, а в том, что у соседей были большие земельные излишки, вследствие чего туда уходили обделенные землею родовичи из малоземельных наслегов.

Вот из-за чего хлопотали и тягались именитые кангаласские и им подобные родовичи. Не просто покосы и летники были им нужны для прокормления своего скота и для собственного существования, как это можно было заключить по их жалобам и многочисленным домогательствам. А им желательно было добиться возможно большего количества покосов и летников именно в густо-населенных местах, где земля давала хорошую ренту.

Понятно почему кангаласцы столь холодно, почти презрительно отнеслись к предложенным им окраинным землям. Еще менее нуждались в последних другие жаловавшиеся на свое малоземелье. Во всех них, говорила, главным образом, зависть к выгодам, извлекаемым их более счастливыми соседями от своих земельных избытков и желание оттягать часть этих избытков для себя[1]. А тут еще высшая власть в крае настойчиво требовала, чтобы хоть часть многочисленного безземельного класса была наделена землею. Само собой разумеется, что требование это не могло быть на руку якутской знати, и что она решилась всеми силами бороться против сколько нибудь широкого его исполнения, хотя пока и делала вид, что не противится ему. Но в многоземельных обществах даже довольно последовательное его проведение в худшем случае грозило знати только лишением части ренты и полударовой работы своих сородовичей, тогда как в малоземельных наслегах кой кому из именитых грозило бы временно, по крайней мере, в иные годы, необходимостью прибегать к кортому покосов и к правильному найму работников. Понятны поэтому их жалобы на земельную нужду и усиленные домогательства земельных прибавок от соседей.

Но и последние в свою очередь не желали поступаться частью своих земельных богатств, не могли особенно желать и наделения безземельных родовичей, почему со своей стороны также жаловались на тесноту и недостаток земель. В общем итоге, однако, получался такой громкий и согласный хор, который не мог не подействовать на высшие местные власти. Едва ли может быть сомнение, что если в большинстве жалоб и семейных тяжб

[1] Излишне и распространяться о том, что общества в их целом имели весьма отдаленное касательство ко всем этим жалобам и тяжбам, если только для успешного ведения последних не требовалось экстренного денежного сбора. Все велось от лица и от имени общества, но только в лучшем случае по желанию и в пользу очень небольшой группы «лучших родовичей». Во многих же делах даже прямо видно, какой богач от какого хочет оттягать часть его земель.

оказывалось с одной стороны весьма простое желание попользоваться на счет чужих земельных избытков, а с другой — упорное нежелание поступиться выгодами от последних, то весьма не малую роль тут играло стремление, как можно дешевле отделаться от требований наделить безземельных. К той же тактике необходимо отнести и думское предложение на счет разыскания новых мест, если только не допустить, что оно было придумано Мигалкиным специально для того, чтобы хорошенько расторговаться. Ибо иначе трудно понять, не только кому нужны были, но и кому могли быть желательны выселения на отдаленные и чужие окраины. Знати они не нужны были, так как у нее и на месте было достаточно земель. Но не могла она также желать выселения мало- и безземельных родовичей, ибо это уменьшило бы круг ее работников и клиентов, уменьшило бы предложение труда, а стало быть, — подняло бы его цену.

Сами же бедняки не могли переселиться, так как у них не было для того ни сил, ни средств, а жили они работой изо дня в день.

Разумеется, однако, что как бы ни были характерны приведенные примеры их одних еще недостаточно для доказательности таких широких обобщений как сделанные сейчас. Но достаточно продолжить изложение дальнейших здешних дел, чтобы дать еще и другие доказательства.

Как мы видели выше, другим малоземельным наслегом, могшим нуждаться в выселении, Думою показан был 3-й Мельжахсынский Мегинского улуса, также горячо боровшийся тогда с другим наслегом того же улуса — Тулагинским, от которого требовал прибавки покосных мест. Так как ни Дума, ни местные власти, ни Ясачная комиссия не могли их помирить, то последняя передала дело на усмотрение генерал-губернатора. При этом, однако, она донесла, что «по табелям земельных владений, поданным самими наслегами, в Тулагинском (с 431 ревизск. душ.) показано покосов и выпусков 13 кв. верст. и столько же под лесами, водами и болотами, а в 3-м Мельжахсынском (с 244 р. д.) — покосов и выпусков 10, под лесами, водами и болотами — 35 кв. верст. Поэтому комиссия находила требование 3 Мельжахсынского наслега несправедливым, с чем согласился генерал-губернатор, предписав отказать этому наслегу в его иске. Тогда Дума предложила ему в числе прочих воспользоваться верхоянскими землями. На это приговором от 3 декабря 1829 года родовое управление ответило, что «хотя по известному недостатку в землях оно и желало бы с большим своим удовольствием переслать из родников до 10 семей со скотом на земли, якобы найденные якутом Спиридоном Мигалкиным в совершенно неизвестных местах Верхоянского округа, но по причине неизвестности местоположения и самой выгодности сих земель, а также и отдаленности их,. . . по самым сильным убеждениям никого желающих к переселению не оказалось». Поэтому «общество покорнейше просит начальство, не благоугодно ли будет все поименованные в донесении Мигалкина передать в распоряжение 3-го Мельжахсынского наслега без точного назначения на оных переселить долженствующих людей (так!) и их скота». Ибо, «общество имеет совершенную надежду, что современем,. . . лично осмотрев все те места и узнав их выгодности, могут сначала достаточные родники своим коштом поселить на оных для сенокошения и скотоводства работников своих и часть скота, и таковым полезным примером приохотить к переселению туда же и бедных сородцев». А далее следует донесение управы от 9 января 1830 г., что

по ее опросу «все вообще старосты улуса отозвались тем, что из родовичей их по незнанию выгодности помянутых мест... на переселение желающих не оказалось» (А. М. И. У. за 1829 г., д. № 2, лл. 100—104).

Такими же или приблизительно такими отказами ответили и другие наслеги, которым первоначально предложены были верхоянские места, а затем — и целые улусы: Баягантайский, Ботурусский, Кангаласский и др. Что же касается ноторских земель, то когда от них отказались все общества, представленные Думой как самые малоземельные и нуждающиеся в выселении, — один из ее членов староста Бетюнского наслега Ботурусского улуса Артемьев представил, что по числу ясачных окладов и считая на соболя по 3 и на лисицу по 2 родовича, у него в наслеге недостает земли для 49 родовичей.

Поэтому он предложил 32 человек своих родовичей переселить на Нотору. Дума согласилась с этим и предложила со своей стороны, кроме 32 бетюнцев переселить туда штрафованных и нетерпимых в своем обществе родовичей, из коих образовать новый отдельный наслег. С последним Областное правление также согласилось, но прежде, чем дозволить туда переселиться бетюнцам, предложило запросить все остальные общества, не найдутся ли и еще желающие переселить туда часть своих родовичей. Но и от этих земель отказались все здешние улусы. И только впоследствии некоторые Ботурусские наслеги захватили не только часть на Ноторе, но и по кой каким другим речкам, близ нее впадающим в Алдан, на чем впрочем нам еще придется остановиться несколько ниже.

Таковы были результаты дела о разыскании новых мест для здешних якутов, дела, начатого с таким шумом и столь заботившего высшую власть в крае. Но еще до того, как оно окончилось, и ранее, чем известен стал конец миссии, которую с таким бескорыстием принял на себя главный родоначальник Мигалкин[1], Дума уже выступила с новым предприятием, которому суждено было представить в еще лучшем свете нравственные достоинства ее главных руководителей.

Когда в 1823 году Иркутский губернатор предложил вызвать депутатов от инородческих ведомств для участия в комитете по применению устава 1822 г., то оказалось, что уже ранее якутские родоначальники просили генерал-губернатора дозволить им послать своих представителей в Иркутск, а если понадобится, и в Петербург, для изложения нужд и пожеланий здешних якутов. Оставалось, поэтому, только дозволить выбранным депутатам приехать в Иркутск, с присовокуплением к ним, впрочем, одного местного чиновника и одного сведующего в якутских обычаях «почетного родовича». Тогда, однако, якутские депутаты не поехали далее Иркутска. Да и оснований никаких не было для того, ибо требовалось известное время для сводки произведенной комитетом работы и ее тщательного обсуждения в Иркутске, после чего уже она должна была поступить на усмотрение высших инстанций. И вот, в 1829 г. Дума вошла с новым ходатайством, чтобы, «по случаю составления свода степных законов якутским родоначальникам дозволено было послать в С.-Петербург двух доверенных для представления о нуждах и ходатайствах своих сородичей».

[1] Еще в январе 1830 года все родоначальники здешних улусов единогласно избрали его в главные родоначальники на новое трехлетие. Но когда в Якутск дошло известие о приговоре, постановленном Охотским окружным судом, Мигалкин подал рапорт о болезни, и временно заменен был кандидатом по нем, кангаласским головою Рыкуновым, а потом, по болезни же, был совершенно отставлен от должности (Арх. Б. И. У., за 1830 г. д. № 69, л. 1—2).

Через генерал-губернатора и мин. внутр. дел это ходатайство было передано в Сибирский Комитет, по представлению которого высоч. указом 28 декабря 1829 г. посылка депутации была разрешена. 14 марта 1830 года Дума распорядилась, чтобы для выбора депутатов и для разных других соображений по этому делу все здешние родоначальники съехались в Якутск не позже 15 мая. К этому же сроку Мягкий распорядился вызвать также улусных голов Верхоянского, Вилюйского и Олекминского округов. Вслед затем 3 мая Дума вновь предписала, чтобы, в виду большой общественной важности дела и необходимости самого внимательного к нему отношения, сверх родоначальников и вместе с ними в Думу явились поверенные от малых наслегов по одному, от больших по два человека в «лучших качествах» с доверенностями от своих обществ. Тут же приложены были две записки, из коих в одной перечислялись благотворные меры, уже возымевшие силу со введением устава 1822 г., за что надлежало выразить признательность. В другой же намечены были некоторые проекты, о коих депутатам надлежало ходатайствовать, «где будет прилично по усмотрению обстоятельств». Записки эти Дума предписала обсудить на собраниях по случаю выбора поверенных — с тем, чтобы внести в них все желательные дополнения и поправки:

В первой записке, среди сделанного уже в пользу якутских обществ, отмечено между прочим.

1) Благодаря уменьшению письмоводства и ограничениям для собраний родоначальников в Якутске, сократились денежные сборы с обществ (пп. 1 и 4).

2) «Казаки не ездят по округу многократно, в том числе — более по партикулярным делам» (п. 3).

3) Транспортные комиссионеры и отвозчики клади не объезжают наслеги, как это было ранее. Земские чиновники также стали реже ездить (пп. 2 и 5).

4) Запрещено русским самовольно жить в улусах, промышлять на якутских местах и ловить рыбу на песках. За сдачу им покосов положена плата и поставлены контрактные условия, как и за прокормление их скота (пп. 6—9).

5) Прекращение разъезда на наслежных лошадях разного сословия людей, тогда как раньше это делалось даже при взимании частных долгов и даже женщинами. Не вызываются якуты из своих улусов по маловажным делам, как до того (пп. 10 и 11).

6) Уничтожена разорительная для якутов продажа питей в улусах, тогда как раньше были винные выставки в Ботурусском, Кангаласском и Намском улусах (п. 16).

7) К великой пользе якутов дозволено Думе иметь своих депутатов при разборе дел о якутах во всех присутственных местах (п. 18).

8) «Прежде не имели единодушного согласия, с открытия Думы ныне господствует единогласие в совестях. Прежде были пренебрегаемы, а ныне имея при Думе зерцало, народ просвещается в праве» (пп. 21 и 22).

9) Положено разграничить места между округами, улусами и наслегами, а исполнение предоставлено улусным головам и т. д.

Вторая записка начинается с выражения верноподданической готовности якутов принести свое поздравление и поклонение царю по случаю восшествия на Всероссийский престол, после чего следуют, между прочим, ходатайства:

1) Дозволить учредить уездную школу с пособием от казны.

2) Позволить отлучаться якутам далее 500 верст от своих жилищ по билетам родовых правлений или инородных управ, а не по разрешению земского суда[1].

3) Третьей степенью словесного суда признать Степную Думу, вместо земского суда.

4) Утвердить степные законы в том виде, как они были выработаны в Иркутском комитете при участии якутских представителей.

5) Навсегда утвердить за якутами отвозку казенной клади и предоставить им самим содержать станки.

6) Чтобы для ревизии дел в инородных управах выезжали не чины земского суда, раз в два месяца, а чиновники, командируемые от Областного правления, и-только раз в год.

7) Чтобы излишне имеющиеся у города Якутска места были отданы якутам[2].

Далее следовали ходатайства всяких льгот и отличий для родоначальников. Но в данной записке этот отдел был еще слабо разработан. Лишь впоследствии якутские родоначальники сошлись на полном своде желательных привилегий для родоначальников и почетных родовичей, почему на этой стороне их ходатайств уместнее будет остановиться несколько ниже.

Родоначальники, однако, не думали торопиться, и, за исключением олекминских, не прибыли ни к 15 мая, ни ко второму положенному им сроку — 7 июня, а собрались только в июле, т. е. ко времени своего обычного съезда на летнюю ярмарку. Между тем, 2 июля Дума обратилась к ним с новым воззванием. Указав на то, что для проезда депутатов туда и обратно потребуется значительная сумма, относительно которой, однако, желательно было бы, чтобы она ничуть не обременила бедный класс якутов, — Дума предложила произвести сбор только с родоначальников и тех состоятельных родовичей, «кои будучи движимы соревнованием к пользе народной, добровольно согласятся участвовать в подписке». В виду этого она приглашала родоначальников и почетных родовичей к добровольным пожертвованиям по мере сил и состоянию каждого, при этом она удостоверяла, что собранная сумма будет расходоваться с тщательной осторожностью, а о произведенных расходах — своевременно дан подробный отчет жертвователям, и что имена последних будут внесены в особую книгу, которую Дума сохранит, как залог... «единодушного восприятия инородцами священной обязанности и пламеннейших чувств к особе государя императора». Пожертвования требовалось внести к 1 октября, чтобы, с наступлением зимнего пути избранные депутаты могли тронуться в путь[3]. Избранными оказались: кандидат по главном родоначальнике бывший кангаласский голова Ник. Рыкунов и и. д. главного родоначльника ботурусский голова Григ. Старостин, а в помощь к ним придан староста Татаринов.

---

[1] Об этом Дума хлопотала уже ранее (Арх. Н. И. У., д. по оп. № 61), и как оказалось, ходатайство это было представлено в Сибирский комитет, по представлению которого Высочайшим указом 6 ноября 1831 г. инородцам Як. области дозволено было отлучаться далее 500 верст по письменным видам инородн. управ.

[2] Арх. Б. И. У., за 1830 г., д. № 31, лл. 4—6.

[3] Воззвание подписано кандидатом по главном родоначальнике и красноречивым письмоводителем Думы Ник. Рыкуновым. Не только оно заверено самим Мягким (чего ни до, ни после того не бывало ни с одним распоряжением Степной Думы), но тут же приложено и его собственное предписание ко всем якутским головам в области, чтобы, как «представители народа, испытанные в непоколебимом стремлении к общему благу», они всеми мерами старались об увеличении подписной суммы. При этом он удостоверял, что остатки по покрытии всех расходов, будут возвращены подписавшим в пропорции их взносов. Пожертвование предлагалось принимать деньгами и пушниной — с тем, чтобы последнюю по мере сбора, обращать в деньги (то же дело лл. 15—19).

Но тут же, очевидно, начались какие то интриги и несогласия. Ибо 31 июля Мягкий потребовал, чтобы всех родоначальников и доверенных от общества, которые не подписались под выбором депутатов опросить самих лично равно и их общества, о причине отсутствия их подписей. А в ноябре он указал Думе, что вопреки ее воззванию и его собственному предписанию о добровольной подписке, до сведения его дошло, что в некоторых обществах производится прямой подушный сбор со всех состоящих в первых двух классах. Дума напомнила родоначальникам, что сумма на поездку депутатов должна составиться не иначе, как пожертвованиями и по подписным листам, которые были пришиты к ее воззванию и предписанию Мягкого от 2 июля (1830 г.). Тем не менее в октябре 1831 г. следственная комиссия Ластовецкого уведомила Мягкого, что по сведениям, собранным ею на местах, — необходимая на поездку депутатов сумма составлялась во многих обществах не путем добровольных подписок, а раскладкою на всех состоящих в ясачном окладе [1].

Между тем весною того же 1831 г. Старостин умер и вместо него был избран в депутаты бывший баягантайский голова Ив. Готовцев. В конце года Мягкий был отозван и выехал из области. А 16 января 1832 г. прикомандированный к управлению областью Веригин (советник главн. управл. В. Сибири) предписал опросить родоначальников по следующим пунктам: в виду смерти главного их депутата и по другим местным обстоятельствам не находят ли они каких либо препятствий вообще к посылке депутации? Собрана ли необходимая для нее сумма по подписке и путем добровольных пожертвований, или же по раскладке, и не пущены ли в ход какие либо меры понуждения? До какой суммы дошли пожертвования; все ли они собраны, а если не все, то от кого именно и сколько предстоит еще получить? Нет ли в их обществах лиц, обещавшихся пожертвовать, а ныне отказывающихся? Так как по сведениям сумма сборов дошла всего до 15 тысяч руб., то хватит ли ее на проезд депутатов туда и обратно? Если этой суммы недостаточно, а тем более, если и она не поступит полностью, — берутся ли все они, родоначальники, покрыть все недостающее из собственных средств, как рекомендовал им предложить генерал-губернатор? Намерены ли они еще зимним путем отправить депутацию, или же отложат до лета?

Как показывают самые вопросы в Иркутске уже известно было о том, что в деле с депутацией далеко не все обстоит благополучно. Дума, однако, удостоверила, что никакой раскладки не производилось, а что необходимую сумму предположено собрать по подписке доброхотных жертвователей. От имени родоначальников она добавила, что все они находят удобным отправить депутацию в июле месяце. Сверх некоторых, уже ранее поступивших сумм, обещались взнести ко времени отправления депутатов: Кангаласский улус — 4162 руб.,

[1] Не может быть сомнения, что в сведениях комиссии было много истины. Ибо не только подписки, но и первоначальные взносы показывают, что предполагался именно сбор, с каждой души по 56 коп. (с дробями до $1/2$ коп.); эта цифра найдена в деле о депутации одного из мегинских наслегов, причем, сверх раскладки по наслегам от 10 июля 1830 г. тут же отмечено, что со всего улуса должно было поступить 3473 р. $94 1/2$ к., а со всех здешних обществ 22.901 р. $98 1/2$ к. Потом этот подушевой расчет был затемнен разными махинациями, а некоторые улусы даже как будто отступились от такого способа составления депутатской суммы. Тем не менее, взяв, например, даже официальный подписной лист баягантайских обществ, находим, что цифра «пожертвований» 2 Баягантайского наслега (1245 рев. душ.) составляла почему-то как раз 138 р. 3 Баягантайского (546 д.) — 308 р., Кангаласского (178 д.) — 100 р., Сасыльского (184 д.) — 104 р. 20 к., всего Баягант. улуса (2486 д.) — 1403 р. 20 к., т. е. все — произведение числа рéв. д. на 56 коп. с небольшою дробью. А раз между улусами и наслегами депутатская сумма разверстывалась по количеству душ, то и внутри общества она несомненно также разложена была, как и всякий другой общественный расход, — на всех наделенных землею.

Мегинский — 720 руб., Ботурусский — 6300 руб., Намский — 2133 руб. 40 коп., Дюпсюнский — 1078 руб. 50 коп., Баягантайский — 133 руб. 20 коп. Итого, значит, должно было в июле поступить 14.527 руб. 10 коп. Кроме того из подписанных им 2623 руб., Борогонский улус обещался взнести 1111 руб. 50 коп. в августе, а остальные 1511 руб. 50 коп. — в январе следующего года[1].

Но в своих донесениях Степной Думе некоторые улусные собрания выразили недоумение, каким образом всей пожертвованной суммы числится только 15.000 руб., и как вообще может быть речь о недостатке пожертвований, когда по всему известному им, собравшимся родоначальникам, — всей подписной суммы должно быть более 20.000 руб., причем, и до и после отъезда депутатов несомненно найдутся еще новые пожертвования. Интересно еще, что по вопросам поставленным Веригиным Мегинская управа поручила своим выборным опросить родоначальников и почетных родовичей, соглашаются ли они добавить все недостающее для депутации из собственных избытков, не относя дальнейших расходов на счет своих обществ? Судя по тому, что показано будет ниже, во многих обществах получен отрицательный ответ.

Генерал-губернатору, однако, дело доложено было в том виде, как его представила Степная Дума. Но всего через несколько месяцев к капитану корпуса жандармов Алексееву поступила записка от бывшего главного родоначальника, борогонского головы Мигалкина и голов Ботурусского и Намского улусов, гласившая, что они находят посылку депутации невозможной, почему от имени своих улусов отказываются участвовать в ней.

Пробовали они склонять к тому и прочих четырех голов, но те не только не согласились на это, а со своей стороны заявили новому областному начальнику Щербачеву, что главная инициатива в отправлении депутации принадлежала тому самому Мигалкину (в бытность его главным родоначальником), который ныне обратился в завзятого ее противника. Такая резкая перемена объяснялась, по их мнению, тем, что, «как видно, из дел Думы, — к бывшему ботурусскому голове Старостину и к нынешнему Неустроеву поступила большая сумма пожертвований от Ботурусского и Баягантайского улусов, но денег этих нет в наличности и неизвестно от кого, их искать». В виду этого они просили дело об отправлении депутатов представить на усмотрение высшего начальства[2].

Вслед за тем и головы Борогонского, Намского и Ботурусского улусов заявили Щербачеву, что по случаю неурожая трав в их обществах и бывшего наводнения, они, «встретили неожиданные невыгодности» к посылке депутации, почему просили совсем отменить ее, а обстоятельства, о коих она должна была иметь ходатайства переслать его величеству письменно. Щербачев предписал допросить стоявших за депутацию голов, согласны и могут ли четыре их улуса, без денежной помощи от остальных, отправить депутатов

[1] Не должно удивляться этим взносам долженствовавшим поступить уже после отъезда депутатов. Поверенные 1824 г. также выехали только с частью денег, подписанных на их поездку. За то у них была доверенность от всех здешних обществ, уполномачивавшая их занимать «в Иркутске или в других попутных городах — из приказа Обществ. призрения или у кого только можно будет (и) сколько потребно будет, но не свыше 15.000 руб.» (Доверенность явленная в Обл. правлении и записанная в явочной книге 2 янв. 1824 г. Из частных бумаг). Тут же на доверенности есть и надпись, что 29 мая 1824 г. якутские поверенные заняли 3000 руб. у Ив. Рыбникова, приказчика второй гильдии купца Федора Холодилова.

[2] Донесение упомянутых четырех голов областному начальнику от 23 июля 1832 г. № 918, то же д. № 31, Арх. Б. И. У., лл. 60—61.

в Петербург, и есть ли у них на то наличные деньги. В то же время он о положении дела дал знать генерал-губернатору.

А пока шла переписка, в 1833 г. умер и другой из первоначально избранных депутатов, Рыкунов и новый начальник области Щербачев. А в начале 1834 г. управляющий областью Голубев, под угрозой личной ответственности членов Степной Думы, потребовал от нее объяснений о том, как обстоит дело с пожертвованиями на депутацию. Тогда выяснилось, что еще 30 июля 1831 г. по расчету и акту, составленным членами Степной Думы — кангаласским головою Кирилиным, намским головою Сивцевым, поверенным ботурусского головы Неустроевым и депутатом Рыкуновым, всех пожертвованных денег числилось тогда по улусам: кангаласскому — 4162 руб., ботурусскому — 8071 руб., мегинскому — 720 руб., намскому — 2133 руб. 40 коп., борогонскому — 2623 руб., баягантайскому — 1403 руб. 20 коп. и дюпсюнскому — 1078 руб. 50 коп. Итого от здешнего округа — 20.191 руб. 10 коп.[1].

В то число денег лично к Старостину поступило от ботурусских наслегов 4584 руб. 3 коп., от баягантайского головы (при донесении 11 марта 1831 г.) 1273 руб. 20 коп., да из пожертвований Олекминского округа — 82 руб. 50 коп. Всего таким образом поступивших к Старостину значилось тогда 5939 руб. 73 коп. Из последних тогда же показано было в расходе: 150 руб. за приобретенные для депутатов кое какие дорожные припасы и одежду, 1762 руб. 50 коп. за купленные Рыкуновым паузки (!), «кои хотя и не стоят этой цены, но хранятся при Степной Думе», 217 руб. заимствованные Рыкуновым же и 182 руб. $98^1/_2$ коп., заимствованные помощником депутатов Татариновым. Сверх того к Рыкунову же поступила одна черная лисица ценою в 200 руб., также «сей цены не стоющая». За вычетом же этих якобы расходов — суммою всего на 2513 руб. 12 коп. — на Старостине оставалось долгу 3426 руб. 61 коп.

На это ботурусская управа возразила, что из начтенного на Старостине следует вычесть 1000 руб. заимствованных бывшим главным родоначальником Мигалкиным[2]. Но оказалось, что деньги эти взяты им по частной долговой расписке у бывшего ботурусского головы Неустроева, без ведома и согласия Думы; что из остальных 3486 руб., следовавших с Ботурусского улуса, 1668 руб. $50^1/_2$ коп. получены были Неустроевым, а еще 1818 руб. $46^1/_2$ коп. недовзнесены 8 наслегами. За то после смерти Старостина в счет его долга в Думу поступило 28 пар перчаток и 9 пар красных рукавиц, но из них 10 пар перчаток взяты самими членами Думы и розданы другим лицам. Сверх того, в марте 1832 г. ботурусской управой прислано было в счет того же долга 10 соболей, 17 лисиц сиводушек, 36 красных, из коих 5 красных лисиц взяты были главным родоначальником Васильевым и 4 разными другими лицами, а соболи в августе того же года забраны были головой Неустроевым. Еще поступило в Думу от олекминских якутов

---

[1] Дума забыла только прибавить в своем донесении об этом расходе, что и он уж являлся результатом каких то компромиссов между главарями дела. Ибо по первоначальному расчету Кангаласский улус должен был дать свыше 7000 р., Мегинский около 3474 р., Ботурусский же напротив на $2^1/_2$ тысячи меньше, чем зачтено было за ним по расчету 30 июля 1831 г. Интересно еще, что немедленно за этим расчетом в кое каких мегинских наслегах началось возвращение плательщикам пожертвований, так что и тогда, значит, уже были отказы от участия в депутации.

[2] Умер в конце 1832 г

150 руб., от колымских улусов 30 руб. 50 коп., 13 белок и 65 горностаев и от Верхоянских якутов 388 белок, 46 горностаев и денег 376 руб. Последние, однако, были взяты в долг Васильевым же.

Таким образом из 21.000 слишком рублей, обещанных на летнем собрании 1831 года, 12.665 руб. 36½ коп. совершенно не поступало в Думу. Из поступивших же 8164 руб. 73½ коп. и кое каких вещей числилось: на умершем Старостине 3426 руб. 61 коп., на умершем Рыкунове (если не считать паузков) — 1980 руб. 13½ коп., на умершем Мигалкине — 1000 руб., на Неустроеве 668 руб. 50 коп. и 10 соболей, на Татаринове 128 руб. 98½ коп., на Васильеве — 376 руб. Итого расхищено этими лицами 7834 руб. 73½ коп. и 10 соболей[1]. В самой же Думе осталось всего деньгами 180 руб. 50 коп., кое какая пушнина, перчатки с рукавицами и паузки.

Так обстояло дело по собственному объяснению Думы в марте 1834 года. Голубев потребовал тогда же, чтобы Дума распорядилась немедленной продажей оставшегося после Старостина скота и чтобы в недельный срок она взыскала с имущества Мигалкина и Рыкунова, а также и других известных ей лиц все захваченное ими из пожертвований на депутацию. Вместо того, однако, чтобы деятельно приняться за исправление зла, Дума предпочла отнестись к делу чисто формальным образом. Она ответила, что так как 1000 руб. заняты были Мигалкиным лично у Неустроева, без ее ведома, то долг этот она считает на Неустроеве, предоставляя последнему искать с наследников Мигалкина, где и когда захочет. Взыскание и пополнение в недельный срок всех «позаимствований» она нашла невыполнимым, но обещала, что ко времени летнего собрания головы постараются это исполнить, «если только будет возможно и не встретит никаких затруднений». Кроме того в виду нового личного состава и неповинности ее членов в растрате, Дума отклонила от себя всякую ответственность за полное взыскание похищенного. Гораздо более удобным она нашла самым строгим образом предписать об этом инородным управам и родовым управлениям[2].

Мы уже несколько знакомы с тем, как сильно действовали на управы и родовые управления даже самые строгие предписания Степной Думы. Впрочем взыскание всего захваченного из пожертвований, действительно было не столь легко и просто, как это представлял себе Голубев. При крайней сложности сделок у якутов и недостаточном различении общественных дел от частных, — позаимствования из сборов на депутацию были весьма сложны и запутаны, да и похитителей было в сущности далеко более, чем показывало постановление Думы. Во всех улусах, кроме разве Баягантайского, было не мало родоначальников и влиятельных общественников, так или иначе попользовавшихся из этих сборов, так что трудно было и рассчитывать на быстрое и полное взыскание недостающего при посредстве управ и родовых управлений[3].

Далее, впрочем, и вообще нет надобности следить за этим делом. Прибавим только, что в 1836 г. депутация была окончательно отменена, так как в бытность генерал-

---

[1] Заимствованной членами Степной Думы и др. неизвестными лицами пушнины, кроме 10 соболей и перчаток, не считалось, так как они зачислены в долю Старостина.

[2] Постановление Думы от 24 марта 1834 г., в том же д. лл. 70—76.

[3] Арх. Б. И. У., за 1828 г., д. № 4, все лл.

губернатора в Якутске, представлявшиеся ему члены Степной Думы с главным и множеством других родоначальников заявили ему (устно, а потом письменно), что по случаю его приезда в Якутск, они уже не видят никакой надобности в посылке депутации, а потому совершенно отказываются от нее. Немедленно же предписано было все наличные суммы передать в казначейство в счет податей, если общества сами не дадут им какого нибудь благотворительного назначения. Но так как и после того не удалось выяснить ни общей суммы поступлений, ни того, кем сколько было растрачено, то осенью 1836 г. назначена была особая для того следственная комиссия. Самое же дело о растрате депутатских сумм окончено было только в 40 годах, когда всех главных расхитителей уже не было в живых [1].

Как упомянуто было, в Иркутске уже в 1830 г., повидимому, известно было о неблагополучном состоянии дела с якутской депутацией. Положению Мягкого это, однако, могло уже только нанести последний удар, так как поколеблено оно было и до того. Доносы на него поступали и раньше, но пока они касались только его образа действия относительно местного чиновничества, доверие к Мягкому не ослабевало. Чиновничество действительно имело не малые основания быть им недовольным. Многих он удалил с насиженных теплых мест, других, захвативших кое какие якутские земли и заведших в улусах скотоводческое хозяйство, он выдворил оттуда без послаблений и не взирая на чины и звания [2]. Напротив, якутские родоначальники пользовались его неограниченным доверием, доходившим до какого-то ослепления, если только не допустить здесь действия того правила, по которому неизлечимо слепым является тот, кто не желает ничего видеть. Едва ли когда нибудь, до и после того, якутские родоначальники в такой мере чувствовали и давали чувствовать свою силу. Благодаря их настойчивости выдворение русских из улусов носило такой систематический и радикальный характер. Благодаря их жалобам не один чиновник поплатился местом.

И вот один из таких прогнанных со службы чиновников, некто Гавриил Кривошапкин, обратился с жалобой-доносом, отправленным не в Иркутск, как это делали доносившие ранее, а в Петербург — на имя Бенкендорфа.

Как секретарю земского суда, лучше, чем кому нибудь Кривошапкину известны были злоупотребления некоторых приближенных к Мягкому чиновников, главарей Якутских обществ и их пройдох-писарей: случаи излишних и темных поборов, злоупотребления по извозу клади и распределению как ее самой, так и получавшихся за нее сумм; представление к наградам улусных голов и членов Степной Думы, злоупотреблявших своею властью и т. п. Все это послужило материалом для его доноса. Многие обвинения прямо задевали самого Мягкого, да и вообще по массе выставленных имен и фактов донос показался настолько веским, что немедленно же предписано было послать особую следственную комиссию, составленную из советника троицкосавского управления Ластовецкого, верхнеудинского округа начальника Лосева и чиновника особых поручений при Иркутской контрольной палате Щукина. В Якутск они прибыли в начале июля 1830 г. и до начала зимы заняты были рассмотрением дел в якутских присутствиях и, допросив чиновников относительно родоначальников Степной Думы с Мигалкиным во главе, потребовали

[1] Арх. Н. И. У., д. по оп. № 80, все лл.
[2] Арх. Б. И. У., за 1828 г., д. № 4, все лл.

только, чтобы никто из подследственных лиц не отлучался из области впредь до особого распоряжения генерал-губернатора. В ноябре комиссия выехала в улусы, где главное внимание обратила на сборы под предлогом внутренних повинностей и общественных расходов, на контрактные сделки с писарями и всеми исполнителями общественных подрядов, на распределение клади и получаемых за нее прогонных денег и т. п. В родовые управления она не заезжала, если те не лежали по пути ее следования из управы в управу, общественных сходов не собирала, а требовала, чтобы вызываемые ею лица и все кто желал бы к ней обратиться, съезжались в центральных пунктах по тому же пути. Вскоре, однако, она заметила, что в объяснения с нею входят только родовичи, заранее отобранные родоначальниками. Сами же последние ограничиваются теми общими сведениями, какие обыкновенно представляли по начальству, но совершенно отказываются давать подробные показания о каждой статье сборов и расходов в отдельности, не дают подробных отчетов о том, на что именно израсходованы все прогонные деньги, со скольких родовичей каждого класса и по скольку собиралось вдобавок к прогонам на каждую повинность или общественный расход. Пробовала комиссия убеждать их, что на все показания, данные комиссии родовичами, они, родоначальники, могут представить свои возражения, могут, наконец, жаловаться губернатору и генерал-губернатору, если найдут что нибудь неправильное в ее действиях. Пробовала она также требовать от Мягкого, чтобы он предписал родоначальникам не производить давления на своих родовичей относительно их объяснения с членами комиссии. Но все это ни к чему не привело, и весною 1831 г. комиссия вынуждена была войти с представлением о временном удалении с должности всех без исключения здешних родоначальников, что в августе было исполнено по предписанию Иркутского генерал-губернатора.

Больше года комиссия провела в улусах, при чем для ускорения дела члены разделили между собою работу, а в помощь к Лосеву был в конце года прислан чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Фролов. Судя, однако, по дальнейшему, прямых доказательств злоупотреблений со стороны родоначальников комиссией добыто немного, хотя дел и выписок она забрала из архивов огромное множество, а писарей допрашивала по особо для того выработанному вопросному листу. Но чересчур опытны были якутские писаря и «учены» родоначальники, чтобы много ценных сведений можно было добыть из такого источника. По большей части ответы писарей были перифразом того, что полагалось делать по закону и по предписаниям высших местных властей и что формально действительно везде исполнялось с большей или меньшей точностью. На вопросы же о сверхсметных и негласных расходах все они «по самой чистой христианской совести», отозвались запамятованием. Да и по всем другим вопросам ответы их были таковы, что под ними, как говорится, комар носа не подточит: «сборы и раскладки производились по согласиям самих плательщиков, наслежные родоначальники учитывались в конце года на общественных сходах, а головы на улусных собраниях, при чем никогда не оказывалось никаких переборов и недочетов, а потому и никаких мер против того обществам не приходилось принимать». Но, несмотря, на все это, материал, добытый комиссией, был столь важен, что по получении в Иркутске первой же серии документов (посланных из Якутска в начале ноября) немедленно последовало отозвание Мягкого[1].

[1] Арх. Б. И. У., за 1830 г., д. с утерянным № (43?), начатое 7 июля 1830 г. и оконч. 15 января 1831 г., все лл.

Детям нередко кажется, что нет более грозной и сильной власти, чем их ближайшие надзиратели, но тою же детской психологией подчас отличаются взрослые. И, очевидно, не малый страх нагнал областной начальник Мягкий на обывателей г. Якутска. Ибо, много заимствовавший из их рассказов и воспоминаний, И. С. Москвин был такого высокого мнения об энергии, о «железной воле» Мягкого, что совершенно серьезно утверждает, будто «у него (Мягкого) следователи выехали из Якутска в 24 часа»[1].

В действительности же следственная комиссия работала здесь полтора года. 10 декабря 1831 г. она отправила в Иркутск вторую партию документов, 29 декабря объявлено было об окончании ее действий, а уже перед тем, 11 декабря, Мягкий навсегда покинул Якутск. Вместе с ним были удалены с должностей некоторые особенно близкие к нему чиновники, в их числе — и автор лицемернейших «воспоминаний», чиновник особых поручений Уваровский.

Самое же дело о злоупотреблениях якутских родоначальников «с 1827 по 1831 г.» тянулось еще почти 20 лет, так как окончилось только 17 ноября 1850 г., когда большей части завиненных не было в живых[2]. Делом этим открылся целый ряд таких же следствий и ревизий. Уже летом 1832 г. снова были присланы Лосев и Фролов для доследования кое каких дел, в которых явно обнаружились притеснения общественников со стороны их наслежных старост. Через несколько лет в Якутск прибыл генерал-губернатор в сопровождении многих чиновников, из коих часть была послана в улусы для ревизии инородных управ и расследований кое каких новых жалоб, дошедших до генерал-губернатора. А в конце того же 1836 г., как упомянуто, прислана новая следственная комиссия (Пильникова и Ланганса) специально «для приведения в известность депутатской суммы», при этом по представлению Пильникова, опять же пришлось на время следствия отстранить главного родоначальника Степной Думы Ив. Пономарева от всех его должностей (наслежного старосты, улусного головы и главного родоначальника)[3]. Лично генерал-губернатором положение здешних дел найдено столь неблагополучным, что по его представлению, Сибирским Комитетом положено и высочайше утверждено 15 марта 1837 г., чтобы Якутскую область обозревать не реже, как через каждые два года[4].

В общем, главные выводы всех этих расследований во многом сходились с донесениями второй Ясачной комиссии. Поэтому, прежде чем резюмировать итоги следствия 1830—1831 гг. и ревизии генерал-губернатора, уместнее будет обратиться к деятельности второй Ясачной комиссии у якутов.

---

[1] «Воеводы и начальники г. Якутска, «Памятная кн. Як. обл. на 1863 г.», стр. 184.
[2] Арх. Б. И. У., за 1850 г., № 38.
[3] Арх. Б. И. У., за 1836 г., д. № 26, лл. 1—4.
[4] В. Приклонский. Библиография, стр. 35.

ГЛАВА VI.

Вторая Ясачная Комиссия (1828—1834 гг.).

В других частях Сибири применение Сибирских учреждений 1822 г. закончено было сравнительно раньше, чем в Якутской области, и когда все остальные повинности уже были (или по крайней мере считались) преобразованными согласно с этими учреждениями, то естественно очередь должна была дойти и до ясака. А само собой это должно было произойти, хотя бы уже в виду того, что по уставу 1822 г. оседлым инородцам Сибири дано широкое право перехода в другие сословия[1] главным образом, — в крестьянское. Для тех же племен и родов, которые до времени введения устава уже вели оседлый образ жизни, переход в крестьянское сословие даже сделан обязательным. А это всего первее должно было весьма чувствительно отозваться на общей сумме ясачного платежа. Статьями 1—10 устава местному начальству вменено в обязанность разделить Сибирских инородцев на три разряда по их главному источнику существования, или вернее, по тому главному занятию, которым преимущественно определялся их образ жизни: оседлый, кочевой и бродячий. Разряды эти должны были различаться не только по нисходящей сложности управления, но и по отнесению повинностей. В последнем смысле самые большие требования предъявлены были к первому разряду, оседлых земледельцев. Их постановлено было перевести в крестьянское сословие (и впредь при ревизиях переводить, по мере перехода к оседлому быту), наложив на них соответствующий крестьянскому оклад оброчной подати и всех прочих повинностей, оклад в общем, бывший в $2\frac{1}{2}$ раза выше, чем до того у инородцев[2]. Бродячих, напротив, требовалось оставить при одном ясаке. Это расписание по разрядам постановлено произвести в первый же год по издании устава, и естественно, что, произведенное чересчур поспешно, оно не везде вышло правильным и немедленно же возбудило против себя жалобы, главным образом, конечно, на перевод в крестьянский оклад повинностей.

Возникли и еще вопросы, обязательно требовавшие назначение ясачных комиссий. А именно, на юге Восточно-Сибирского генерал-губернаторства целые небольшие роды и отдельно среди крестьян жившие инородческие семейства зачислены были в оседлый разряд, при чем в их обществах осталось столь мало кочевых, что те не в состоянии были уплачивать весь лежавший на них ясак. Между тем последний наложен был суммою на целые общества и мог быть уменьшен только по особому постановлению Сената и специально для того назначенными комиссиями[3].

---

[1] За исключением, конечно, дворянского, которого права могли быть дарованы почетным инородцам только в виде особого исключения, для чего нужны были особенная грамота или производство в чины, доставляющие дворянство (уст. об инор. § 67). Кроме того, торговым иноверцам, т. е. бухарским и ташкентским выходцам не принявшим христианства и не записанным до издания устава ни в мещане, ни в купцы, предоставлено вступить в число оседлых земледельцев, на правах государственных крестьян (там же, § 15).

[2] Инородческие податные платежи едва доходили до 4 р. 20 к. в год, подати же у сибирских крестьян составляли в пору издания устава 11 р. ассигнациями с души (Геденштром, цитир. у В. Вагина II, 277).

[3] В связи с только что указанным всплыл и такой вопрос, должны ли перешедшие и перечисленные в крестьянекое сословие платить, кроме крестьянского оклада податей, еще и ясак; а если не должны, то на ком лежит обязанность ясачного платежа за них. Совет главного управления В. С. полагал, что они должны платить

Несколько иного рода вопросы возникли относительно бродячих инородцев. Их, как сказано, предположено было оставить при одном ясаке, освободив от всех прочих повинностей. Кроме того, благодаря простому устройству их самоуправления и в виду крайне малых требований предъявленных к их родоначальникам по части сведений, отчетностей и всякой иной переписки, — общественные расходы бродячих инородцев также должны были быть весьма ничтожны[1]. Взамен всего этого сочтено возможным несколько увеличить их ясачный платеж, но и то отнюдь не у всех и лишь настолько, чтобы облегчить его для тех родов и ведомств, коих благосостояние значительно поупало.

А сведения о сильном экономическом упадке отдельных бродячих родов и даже целых ведомств доходили уже давно, и к началу 20 годов становились все настойчивее.

Так, даже не выходя из пределов Якутской области, находим, что в 1816 г. весь ее север постигла острая нужда от недостаточного улова рыбы и плохого промысла[2]. В 1818 г. в колымском комисарстве — дело дошло до случаев голодной смерти. В то же время голод распространился на более южные местности и первее всего захватил жиганских тунгусов и якутов-поселенцев охотского тракта. Из последних некоторые явились в наслеги, откуда были высланы, многие, изнемогая от истощения едва добрались до приалданских наслегов, где им и оказана была помощь. В 1819 г. неупромыслица зверя захватила огромный район от Ледовитого океана до р. Удь, от Яны и Алдана до Охотского моря.

Особенно бедствовали тунгусы мемяльского рода и нельканские майского ведомства. Жолжинские тунгусы с князцом, едва живые и полуголые (так как съели всю кожаную одежду) явились за помощью в Эльгетский улус, где и без них нужда была весьма велика. В поисках за зверем многие тунгусские роды оказались далеко вне пределов своих ведомств, один род пришлось вывозить из лесов, чтобы прокормить его. В следующем году то же бедствие постигло тунгусов годниканского рода и ламынхинского ведомства, заалданских якутов Дюпсюнского улуса и промышленников Эльгетского улуса; снова пришлось помогать поселенцам охотского тракта. Еще через год опять голодали колымские жители и зашиверские тунгусы и ламуты (особенно пострадал эжанский род).

Все это, однако, были только более острые проявления глубокого и исподволь нарождавшегося бедствия, состоявшего в общем экономическом упадке бродячих инородцев. В 1819 г. Миницкий доносит, что в среднеколымском, зашиверском, жиганском и удском комисарствах — инородцы третий год терпят острую нужду; что кроме непосредственных мер спасения от голода, мер, по большей части уже принятых, необходима денежная поддержка

и ясак, и оброчную подать. Но высоч. указом 2 июня 1827 г. постановлено было взимать с них только крестьянский оклад податей; из получаемой же от них оброчной подати должно было отчислять в кабинет всю ту сумму ясака, которая поступала бы от них, если бы они продолжали оставаться кочевыми (Вагин II, 365).

[1] На деле же старостам промышленников тунгусов, напр., приходилось чуть не круглый год разъезжать, чтобы собирать со своих родовичей ясак, а вслед за тем доставить его в Якутск. Своим промыслом и хозяйством им во всяком случае мало приходилось заниматься. А так как у здешних инородцев старостам не положено было никакого жалованья, то за такой почти полный отказ от промысла и собственного хозяйства, старостам приходилось давать подарки, по ценности немногим уступавшие ясаку. Если староста приезжал только раз в год, то ему в виде подарка давалась средней цены соболиная шкурка (Миддендорф. Путеш., нем. изд. т. IV, ч. II, вып. 3, стр. 1513—1515).

[2] Среди промышленников коряк и камчатских тунгусов тогда констатировано 29 смертных случаев от голода (Вагин I, 481). Дальнейшие примеры заимствованы из того же источника, некоторые, впрочем, проверены по данным здешних архивов.

(на покупку оленей) дабы дать нуждающимся возможность к дальнейшему существованию промыслом.[1]

В Западной Сибири такие же признаки надвигающегося бедствия обнаружились еще с 1810 г.

Вообще за 60 лет, прошедших со времени первого переобложения ясака, в жизни большинства инородческих племен Сибири произошли значительные перемены. Центральным пунктом этих перемен было сильное развитие торговых сношений ведшее к прогрессивному сокращению промысла пушного зверя и быстрому возрастанию потребностей, к перемене в производительной деятельности и образе жизни инородцев. В Южной Сибири, там, где и тогда уже вполне возможно было земледелие, инородцы все более обращались к нему, в виде подспорья к своему скотоводческому хозяйству, взамен упадавшего промысла. На севере выручкой служило рыболовство, хотя и то не всегда, как показано было сейчас; да и оно, чтобы служить источником существования, должно быть неразрывно связано с собаководством.

Якуты, начиная с Якутского округа окончательно перешли к разведению рогатого скота, в качестве главного и преимущественного источника существования, так что к третьему десятку лет XIX века рогатый скот начинает по количеству значительно преобладать над конным. Но в той-же средней полосе, где жило большинство якутов и где земледелие едва только нарождалось тогда, было много таких мест, в которых скотоводство также было совершенно невозможно. Места эти были заняты по преимуществу звероловами-тунгусами. И вот, на этих последних сокращение промысла должно было отразиться бедственным образом.

Суть и причина бедствия состояли в сокращении промысла пушного зверя и в упадке вследствие того покупательных средств промышленников. Для успешности рыболовства жители крайнего севера нуждались в привозе конского волоса и кое каких железных орудий. Когда-то, при обилии пушного промысла, эти предметы легко добывались путем вымена с якутами на пушнину. Но быстрое увеличение спроса на последнюю, азартное и хищническое в силу этого истребление зверя привели к тому, что в одних местах он обильно попадался уже далеко не каждый год, в других сильно поредел, а местами и совсем перевелся. Между тем за время усиленной добычи зверя, потребности населения значительно возрасли, некоторые предметы русского привоза обратились в необходимую потребность. Покупать, следовательно, приходилось далеко больше, тогда как покупательные средства стали быстро убывать, а понемногу и совсем иссякать, пока дело не дошло до того, что годами уже не на что было покупать конский волос для обновления и починки снастей.

---

[1] Часть голодающих прокармливалась в ближайших якутских улусах. Кроме того щедрую помощь оказали оленные коряки и те из ламутских и тунгусских родов, у которых сохранились еще стада оленей, также — отдельные лица, как мегинский голова Попов, ботурусский староста, тунгусские князцы Пономарев и Громов и др. От казны, кроме 18.000 пуд. хлеба, роздано было свыше 13 тыс. рублей деньгами на покупку оленей, пороху и свинца, котлов и проч. необходимого для промыслов. Предписано с наиболее обедневших не взыскивать недоимок, а мемяльских тунгусов, в виде исключения немедленно освободить от земских повинностей. Последнее было в 1828 г. применено также к годниканским и удским тунгусам, — еще до действий второй Ясачной комиссии. Начиная с этого времени, некоторые бродячие роды Якутской области уже приходилось периодически поддерживать прокормлением в якутских наслегах, выдачей хлеба из казенных запасных магазинов и денежными пособиями на обзаведение промысловым инвентарем.

А при худших снастях, достаточно было сильной воды или несколько меньшего хода рыбы для того, чтобы улов последней был черезчур недостаточен для годичного прокормления и чтобы голод стал свирепствовать там, где до того, быть может его никогда не испытывали.

Что касается специально тунгусов, то их беда состояла не в одной убыли ценного зверя, а в том, что всецело отдавшись именно этого рода промыслу, тунгус изменил свой образ жизни и свои прежние занятия, а главное, — запустил свое оленеводческое хозяйство. Когда-то, при всем обилии промысла, благосостояние тунгуса зиждилось отнюдь не на одном промысле, а и на оленеводстве. Ибо, по месту жительства и вековой культуре тунгус был не только прирожденным промышленником, но и самым передовым из оленеводов, овьючившим и оседлавшим оленя, и даже, на сколько это было возможно, обратившим его в дойное животное, тогда как чукча, напр. не дошел до всего этого и до сих пор. Олень давал тунгусу полный материал для легкой, теплой и удобной одежды и для переносного жилья, служил не только весьма важным подспорьем в пропитании, но и запасным фондом, на случай неудачи промысла; служил перевозочным средством для быстрого передвижения вслед за мигрирующим зверем.

Издавна, впрочем, тунгус промышлял не только для собственного потребления, но и для сбыта, для натурального обмена на железные и медные орудие и утварь, на предметы украшения и роскоши. Понемногу он все более входил во вкус последних, пристрастился к жирному кобыльему мясу, к скотскому салу и маслу, замороженным сливкам и другим продуктам якутского скотоводческого хозяйства[1]. Вообще он был необыкновенно падок ко всему новому и возбуждающему, ко всему вкусному и красивому на его взгляд; готов был за это отдать все ценное, что у него было, входил в долги, не рассчитывая и не заглядывая вперед. По характеру страстный, легкомысленный и расточительный, вместе с тем честный и с большим сознанием собственного достоинства; как номад, гостеприимный и непредусмотрительный, он слепо шел на всякий соблазн, охотно дарил вдвое против того, что сам получал, всегда готов был угостить, поделиться всем, что у него было, легкомысленно должал, но и платил не скупясь, не отказывался от долгов отца и деда, пока была возможность платить.

Всеми этими, дурными, как и хорошими качествами тунгуса, как нельзя лучше воспользовался торговец-якут; торговал же из них всякий, кому представлялся случай и хотя малейшая возможность. Сам он промышлял скорее в промежутки между своим торговым делом, преимущественно только в тех местах, где зверя было особенно много и в такое время, когда промысел представлял наименьшие трудности[2]. Вообще же он предпочитал отдавать свой труд и свое время выгодному обмену с тунгусом. По мере того, как

[1] «...он утопал в изобилии жирной рыбы, дичи, и тем не менее, ему нужно, чтобы якут доставлял ему лошадей и оленей для убоя, чтобы даур доставлял ему колбасу, чтобы ему привозили масло и сало, лепешки из замороженных сливок и т. п.» (Миддендорф, нем. изд., т. IV, ч. II, вып. III, стр. 1519).

[2] Уже в 40 годах XVIII века якуты заходили для промысла ценного зверя на Шантарские о-ва. В конце XVIII и начале XIX века часто забирались за китайскую границу, хотя опять таки — скорее для торговли, чем для промысла. Своих работников, впрочем, богачи посылали промышлять в более близкие места, где за ними удобнее было следить. Но и те также искали возможности забираться к тунгусам, с которыми и заводили торговлю теми съестными припасами, которые получали от хозяев, а расторговавшись, старались на обратном пути продать лучшие шкурки сторонним людям (в свою пользу, конечно), под предлогом, что вынуждены были

после снятия казенной монополии с пушнины (в 1761 г.) спрос на последнюю увеличивался, цены крепли и росли, и торговля развивалась, якут все деятельнее предавался этому обмену, а понемногу сделался почти исключительным посредником не только между тунгусами и русским рынком, но и между тунгусами разных окраин. У оленеводов он скупал оленей, а у ламутов, сверх того, — их красивую одежду и металлические украшения для перепродажи промышленнику.

К приманкам собственного скотоводческого хозяйства он присоединил соблазны русского привоза: табак, водку и карты, чай и сахар, бисер, яркие ткани, цветные сукна и т. п. С возможно большим запасом всего этого на вьючных лошадях, ведя на привязи откормленных кобыл и жирных оленей, он забирался в стойбища промышленников, отыскивал тунгусов в самых укромных уголках тайги и снабжал всем необходимым, как и всею роскошью, которой так жаждала чувственная и по своему весьма художественная душа тунгуса.

С особой готовностью якут давал, даже навязывал в долг, ибо в таких случаях, кроме обычных больших барышей на проданном и купленном, сверх полученного в подарок и выпрошенного, полагались еще огромные проценты, а вдобавок, раз, попав в долг, тунгус не изменял своему заимодавцу и, обыкновенно, никогда уж не выбирался из его цепких рук. Уверенный в тунгусе, якут доставлял ему нужное и желанное, даже ясак платил за него и семью ссужал необходимым, пока хозяин придет к ней с промысла.

Тут он, положим, спаивал и обыгрывал тунгуса и дочиста обирал у него все упромышленное, но, несмотря на это, сумел сделаться, если и не желанным, то нужным, а под конец и необходимым человеком.

Здесь не место останавливаться над теми приемами, которые употреблял якут, чтобы ловче и чище обобрать тунгуса, чтобы обратить его в кабального должника, в вечного своего данника и работника. Да и едва ли это и нужно, после блестящих страниц, написанных по этому поводу Миддендорфом[1]. То, однако, что этому исследователю довелось еще слышать и самому видеть на Аимах, верховьях Нура и Селимджы и т. п. — было и там уже началом блестящего конца. Но приблизительно тоже было некогда в очень многих местах Якутской области. Было и прошло; ибо, увлекшись легкостью добычи и роскошной жизнью, тунгус специализировался на промысле ценного зверя для сбыта, привык к привозной роскоши, запустил свои старые производства, в том числе, — и свое оленеводческое хозяйство. Да и как-будто, не нужно это стало, ибо якут привозил лучшее и готовое, в том числе — даже оленей и готовую одежду.

Между тем зверь редел, переводился, либо уходил все в более неприступные места; промысел становился затруднительнее. Но пока он еще был и пока якут давал в долг, тунгус не задумываясь хищнически истреблял зверя, забирался за ним в самые отдаленные концы своего ведомства, заходил и в другие. К долгам отцов прибавлял свои собственные, дошел до того, что проел своих последних оленей и жить уже не мог без кредитора-якута, без него уже не в состоянии был подняться для дальнего промысла.

к тому голодом. Сами же хозяева вообще больше торговали, чем промышляли; любили впрочем охоту с собаками по первому снегу, когда шкурка соболя особенно хороша, а промысел полезен и приятен. (Указы алданск. воев. канц. и Якутских областн. начальников. Ср. Миддендорф, Путеш., нем. изд., т. IV, ч. 2, вып. III).

[1] Цитированное нем. изд., т. IV, ч. 2, вып. III, стр. 1516—1522.

В таких условиях достаточно было подряд нескольких лет неупромыслицы зверя, чтобы за долг якут забрал остатки тунгусского хозяйства и кинулся в другую сторону, где была еще хорошая пожива. А тунгус оставался без промысла и оленей, с долгами — на случай, если когда еще будет в состоянии платить, со страстью к роскоши, с привычкой к готовому привозному. Без чая, табаку и хлеба он уже не мог обойтись, не мог жить, как некогда самостоятельно промышляя для себя. Он обращался в необеспеченного промышленника рыболова без оленей, собак и неводов, начал голодать там, где раньше благоденствовал, стал вырождаться, вымирать.

Под влиянием несколько иных факторов, но при аналогичных условиях, немного раньше или позже то же должно было постигнуть и постигло ламута, карагаса, остяка, и самоеда: всех одним словом, кого местожительства и первобытная материальная культура заставляли еще черпать непосредственно из даров природы, оскудевшей от хищнического пользования ею[1]. Переменить их условия жизни, даже сколько нибудь существенно помочь им, довольно мудрено и теперь, а тем более немыслимо было в описываемое время.

Оставалось, елико возможно, хоть облегчить для них бремя податей, почему и установлено было общее освобождение всех бродячих инородцев от земских повинностей и всяких внутренних сборов. Впрочем, оставались еще немногочисленные оазисы, где промысел продолжал еще греметь почти по прежнему и где в течение нескольких десятилетий инородцы могли давать еще не мало. Можно было поэтому и часть ясака переложить на них с более ослабевших родов и племен, для чего необходимо было новое уравнение, новое общее переобложение ясака.

Таков был главный и в сущности единственно важный мотив для учреждения вторых ясачных комиссий. Но вследствие недостаточного знакомства с местными условиями, а вернее вследствие ошибки Сперанского, во всех относящихся сюда правительственных актах едва ли меньшее место занимает еще один мотив. Это именно, — утверждение, будто потому ясак все более переставал поступать пушниной, что торговые цены на нее быстро возрастали, и инородцы предпочитали поэтому, под предлогом неулова зверя, вносить ясак деньгами по ничтожным ценам первого переобложения, а пушнину продавали купцам по ценам более высоким. Отсюда, дескать, и необходимость изменения звериных окладов и новой оценки окладных зверей, соответственно с возросшими ценами на пушнину. Но, как уже объяснено было выше[2], утверждение это было в основании неверно, ибо Первой Ясачной комиссией положено было только, чтобы, по возможности, ясак вносился непременно окладными зверями. Поэтому, если оставить в стороне случаи злоупотреблений, везде и во всем возможных, то решительно ничто не обязывало инородцев вносить ясак окладным зверем по цене первого переобложения. Напротив, для того вместе с последним

[1] Такова, к слову сказать, общая формула для разорения всех мало культурных племен и народов от нахлынувшей новой однобокой культуры, а главное, — от действия чересчур быстро развивающейся торговли. Сюда подойдет и тунгус со своим промыслом, остяк со своими рыбными песками, башкир со своими роскошными землями и даже — наш российский пахарь со своей прекрасной пшеницей, которую, однако, не ему доводится есть. Такова и сущность пресловутого вопроса о вырождении и вымирании инородца.

[2] К приведенным ранее доказательствам следует прибавить еще, что, когда случалось, что справочные цены были выше рыночных, то еще около 20 годов XIX века якуты вносили ясак не только черной белкой, но и окладными красными лисицами и соболями. Да и то это делали всего несколько выдающихся по богатству князцов, в видах привлечения к себе особого внимания Миницкого и Трескина.

и введено было собирание трехлетних справочных цен, для того и оценщики существовали, чтобы инородцы могли вносить пушнину, окладную, как и другую взамен ее, по существующим ценам. Кроме того, незадолго перед тем правила для взимания ясака были вновь переизложены в уставе об инородцах в том смысле, что инородцам предоставлена полная свобода все без исключения подати и повинности уплачивать деньгами или вообще всякой пушниной по справочным ценам[1].

Как бы там ни было, однако, но изложенным сейчас вполне ясно определялись первоначальные мотивы и цели для учреждения новых ясачных комиссий. Цели эти состояли в том, чтобы: 1) удостовериться в правильности произведенного сибирскими губернскими советами разделения инородцев на разряды; 2) уравнить ясак, т. е. по возможности сделать его прямо пропорциональным платежным силам инородческого населения, изменить оклады и вновь исчислить их на деньги там, где найдено будет возможным сохранить взимание ясака натурой, в остальных местах переобложить инородцев прямо деньгами, — так приблизительно эти цели и были формулированы в рескрипте на имя министра двора от 27 июня 1827 г. В общих же чертах положение о комиссиях утверждено еще 7 мая 1826 г. Затем в 1827 г. повелено было сибирскому комитету совокупно с министрами двора и финансов учредить две комиссии — одну для Западной, другую для Восточной Сибири, назначив в каждой по два чиновника от министра двора и по одному от министерства финансов; переобложение же инородцев Камчатки и Охотского края предоставить тамошнему начальству[2]. Но так как и без последних окраин в Восточной Сибири предстояло больше работы, чем в Западной, то решено Енисейскую губернию разделить между обеими комиссиями по взаимному соглашению генерал-губернаторов. В декабре 1827 г. утверждено и общее наставление для вторых ясачных комиссий, а вместе с тем Сибирским генерал-губернаторам даны указы о подчинении комиссий их ближайшему надзору и руководительству. Наконец, в начале 1828 года учреждены и самые комиссии, из коих восточно-сибирская составлена была из председателя Злобина[3] и членов, Пятницкого и Таскина. Таскин — также от министерства двора, был горным инженером или маркшейдером, как они назывались тогда (см. объявл. Ком. В. С. от 6. XII 1828 г. № 108).

Что касается общего наставления, то некоторые его пункты с большой достоверностью указывают на участие в его выработке Сперанского. Чрезвычайно точный и весьма осведомленный по всему сделанному последним для Сибири, Вагин даже всецело приписывает «наставление самому Сперанскому»[4]. Но в таком случае едва ли не при-

[1] § 310 «...звериные шкуры всегда должно проводить в денежный счет установленною оценкою». § 331. «Для обыкновенной рухляди, как то соболя, красной лисицы, волков и проч. гражданск. губ-ры по соображении цен, существующих в губернии... определяют заблаговременно на каждые три года среднюю цену на деньги по названиям рухляди». § 334. Все инородцы имеют право платить подати и повинности обыкновенною рухлядью, точно также, как наличными деньгами сообразно с оценкой. Только самая ценная рухлядь как напр. черная и черно-бурая лисица, должны были приниматься по особым оценкам общих окружных присутствий вообще лиц, могущих выдать квитанции в получении податей (§§ 333 и 335).

[2] По Западной Сибири из круга действий ясачной комиссии исключены киргизы, ташкентцы и бухарцы, по Восточной же, кроме Камчатки и Охотского края, — еще чукчи, платившие добровольную дань.

[3] Главно-руководящего горными заводами или обер-гиттен-фервальтера, как он сам подписался. Ибо, по крайней мере, во время работы по Якутскому округу Пятницкий не был председателем (ср. Вагин, II, 367), что видно из подписей всего состава комиссии на ее объявлениях и других документах.

[4] Цитир. соч. II, 366.

дется допустить, что наставление постигла судьба, общая с некоторыми частями Сибирских учреждений 1822 г., а именно, что оно подвергалось значительным изменениям против начальной редакции. Допустить же это придется, потому что, хотя в нем видна еще обычная для Сперанского стройность плана, тщательное разделение на главы (нередко всего в два-три §§) и т. п., но нет ни той ясности и последовательности мысли, ни той цельности и точности изложения, какими в столь высокой мере отличается редакция Сибирских учреждений. Мало того, самые существенные его части, трактующие о задачах и действиях комиссий среди инородцев[1], плохо связаны с началом (введением) и находятся с ним в весьма слабом соответствии. Наконец, если бы не то что составителем, а и единственным редактором «наставления» был Сперанский, то всего естественнее было бы допустить, что вслед за главной задачей — общим переобложением ясака, комиссиям поручены будут кой какие поправки и дополнения к уставу об инородцах, поручено будет исправить и доделать то, что было искажено или не доделано при введении устава. Этого и действительно можно ожидать по введению.

Последнее — нечто в роде изложения мотивов — начинается со справки о признаках, положенных в основу первого переобложения и установленных тогда правилах для взимания ясака. При этом, как уже было указано, опять повторяется, будто правилами 1 Ясачной комиссии требовалось окладных зверей вносить по ценам переобложения, и только в случае неулова этих зверей «дозволено было в цену их (т. е. в цену 1763 г.) вносить других, оцененных, однако, не по таксе 1763 г., а по справочным ценам»[2]. А так как рыночные цены окладных зверей быстро вырастали по сравнению с их оценкой во время переобложения, поэтому инородцы перестали вносить ясак окладным зверем[3].

Кроме того со времени первого переобложения произошли большие перемены в образе жизни, занятиях, степени благосостояния и в числе плательщиков, даже в числе живых душ инородческих обществ.

Поэтому для некоторых родов и ведомств положенный первыми ясачными комиссиями платеж стал чересчур обременителен, для всех вообще потерял свою уравнительность, т. е. перестал соответствовать их платежным силам.

Эти и им подобные неустройства уже обратили на себя внимание при пересмотре Сибирских учреждений в 1819—1820 годах, почему в 1822 г. и установлено было: 1) разделить инородцев на разряды, 2) оседлых перечислить в крестьянское и другие сословия, и, распространив на них общие учреждения, обложить податями и повинностями (кроме рекрутской), соответственно их новым званиям и 3) что касается кочевых и бродячих,

[1] Гл. I, §§ 3—4 и гл. VI, §§ 27—36.

[2] В приведенной цитате год этот значится по дате, когда была утверждена инструкция для секунд-майора Щербачева, но как мы уже видели, самое переобложение произошло значительно позже.

[3] В собственных записках Сперанского даже эта неверная мысль представлена в более гладком виде. Там также утверждается, что, окладных зверей требовалось вносить по цене переобложения, но что их можно было заменить другими, по справочным ценам. Поэтому, дескать, в виду быстрого возвышения рыночных цен окладной пушнины, инородцы стали заменять ее другою, а при все большем развитии пушной торговли вообще,— перешли к платежу ясака деньгами. Конечно, и при такой аргументации остается нерешенным вопрос, почему же инородцы не продолжали вносить ясак неокладной пушниной, что, казалось бы, могло представлять для них даже некоторые выгоды, ибо как всякому известно, справочные цены весьма часто бывают выше рыночных. Вот этот неразрешимый при такой аргументации вопрос и доказывает ее неправильность, происшедшую от неверности в первой же посылке.

то, сохранив и определив в точности их права и обязанности, требовалось утвердить их внутреннее управление на точных основаниях, расширить свободу промышленности и доставить более удобства к сбыту произведений и платежу податей, количество же последних основать на общей ревизии, по временам производимой и соразмерить со способами каждого племени.

«Из этих мер, говорится далее, две первые уже приведены в действие; оставалось исполнить третью, для чего и положено учредить ясачные комиссии».

Ясно, как будто, что в задачи и действия комиссий должно было войти все, отмеченное в 3 пункте. Но необходимо заметить, что вообще в приведенных трех пунктах довольно метко резюмирован весь устав об инородцах (да еще пожалуй, — со многими §§ других учреждений 1822 г., как напр., положение о земских повинностях и о разборе исков), но резюмирован так, что в первых двух пп. есть всего каких либо 30—40 статей, тогда как под немногими словами третьего подразумеваются чуть не все остальные 300 слишком статей устава. Спрашивается теперь, если в конце 1827 г. были выполнены только первые два пп., а третий оставалось еще исполнить, то что же все это время делали сибирские начальства, да и Сибирский комитет с самим Сперанским, для введения устава 1822 г.? И если после 5 лет кипучей деятельности Лавинского и Капцевича, после стольких же лет работы главных общегубернских советов, губернских и областных правлений, общеокружных присутствий и т. п., если после всего этого сделано было так мало, а оставалось сделать столь много, то что же тут могли поделать какие нибудь 6 человек на всю Сибирь, да еще при тех крайне ограниченных полномочиях, какие даны были вторым ясачным комиссиям? Наконец, если под неисполнением подразумевать даже недостаточное, плохое исполнение, то неужели первые два пп. могли считаться лучше выполненными, раз по ним уже подняты были многочисленные жалобы и сделанное предписывалось пересмотреть.

Трудно представить себе, чтобы что нибудь подобное мог сказать Сперанский, и едва ли не всего правдоподобнее, что в этом месте есть какой то немаловажный пропуск против первоначальной редакции, пропуск, которому и в дальнейшем соответствовали такие же урезки в задачах и полномочиях комиссий. В действительности же невыполненной можно было тогда считать разве только самую последнюю часть третьего пункта — на счет уравнительности повинностей, их «соразмерности с силами каждого племени». Так, не говоря уже о необходимости нового уравнения ясака, — не вполне еще были урегулированы натуральные и внутренние повинности инородцев; окраинные кочевые еще не были освобождены от денежного участия в некоторых местных, а бродячие — от участия в общегубернских земских повинностях; все вообще кочевые и бродячие инородцы продолжали платить несовместную с уравнительностью подушную подать.

Все это и кое какие с ним связанные перемены в местном управлении инородцев действительно подлежали усмотрению на месте и приведению в действие со стороны ясачных комиссий. Но из всего этого мы в преподанном им находим лишь плохо связанные между собою обрывки.

Посмотрим, однако, что и как поручено было сделать комиссиям по тому, «наставлению», которое дошло до нас.

В качестве главной задачи указано, конечно, общее переобложение ясаком всех бродячих и кочевых инородцев той части Сибири, в какую комиссия была послана. Второстепенными же значились:

1) Удостоверение в правильности произведенного сибирским начальством разделения инородцев на разряды; 2) расследование причин, по которым на некоторых инородческих ведомствах накопились недоимки и 3) принятие от инородцев просьб об их общественных нуждах, а особенно жалоб на неправильное завладение их промысловыми угодьями и на злоупотребления со стороны окружных и их собственных общественных властей. Второстепенные задачи особенных пояснений не требовали, за исключением, впрочем той, о которой в § 31 добавлено, что если где нибудь комиссии найдут инородцев, оседлых по их образу жизни, но оставленных местным начальством в числе кочевых, то переводят таковых по принадлежности, о чем в свое время доносят генерал-губернатору.

В целях же исполнения главной своей задачи комиссиям предписано было, во-первых, проверить списки населения, представленные местным начальством после издания устава 1822 г., при чем все прибылые и убылые за это время души надлежало отметить на этих же списках в виде дополнений к ним. Во-вторых, по возможности придерживаясь преподанных форм, они должны были собрать сведения о примерном пространстве всякого рода земель, находящихся во владении каждого общества, его хозяйстве, промыслах, сбыте произведений и количестве, лежащих на нем сборов и повинностей. Сведения эти требовалось собрать расспросным путем, всецело, однако, довольствуясь при этом показаниями родоначальников и лучших родичей (§§ 27—29). Получив все требуемые данные и в качестве признаков для нового обложения, обратив особенное внимание: 1) на количество владеемых обществом пахотных, покосных, выгонных и промысловых земель, 2) на развитие в нем торговли и удобство путей сообщений и 3) на число мужских душ, способных к работе и промыслам, — комиссии по возможности сравнивают, в каком состоянии относительно всего этого находилось каждое общество во время первого переобложения. А исходя из положенной тогда на него ясачной суммы, определяют, какой платеж оно может относить впредь без отягощения. Тут же, впрочем, они обязаны были выслушать все объяснения, какие со своей стороны представят родоначальники и «лучшие родовичи» и получить их согласие на вновь налагаемый ясачный платеж. Кроме того при определении последнего комиссии должны были иметь в виду: 1) что, сверх ясака, кочевые будут относить еще общегубернские и местные земские повинности, тогда как бродячие будут освобождены от тех и других и 2) что 44 копеечные подушные, до того вносившиеся всеми инородческими обществами по числу их ревизских душ, будут отменены со введением новой ясачной подачи, как несовместимые с требуемой уставом 1822 г. уравнительностью всех повинностей. Согласно с уставом же (?) и подобно тому, как это сделано было при первом переобложении, ясак требовалось наложить: 1) известным родом пушных зверей, или 2) частью — известным родом пушных зверей и частью — деньгами, или 3) одними деньгами. Как и при первом переобложении его требовалось наложить суммою на целое общество, но эту сумму должно было тут же разделить на число найденных в обществе ясачных плательщиков и в проекте новой окладной книги прописать, по скольку данное общество будет впредь вносить за каждого своего «работника». Ибо, в противоположность с бывшим до

того, впредь общая сумма подлежала изменениям по каждой общей ревизии, сообразно с изменениями в числе душ ясачного возраста, неизмененным же должен был оставаться платеж одного «работника»[1]. Ясачный возраст оставлен тот же, 18—50 лет. Но по каждой новой ревизии вышедшие из этих лет подлежали исключению из числа ясачных плательщиков, а на их место должно было включать других, достигших ясачного возраста. Кроме того, при дальнейших ревизиях должно было зачислить ясачными плательщиками всех мужчин показанного возраста, не исключая увечных в виду невозможности подвергать их освидетельствованию по каждому такому случаю. На этот раз, однако, комиссиям предоставлено было, буде где нибудь найдут большое число увечных, то не включать их в число ясачных плательщиков, что и принять во внимание при количестве общей суммы, но обязательно отмечать эти сбавки в своих ведомостях.

Покончив со всем этим, комиссии должны были объявить вновь обложенному обществу о том, когда оно начнет платить ясак по новому положению, об условиях для замены окладной рухляди иною и рухляди вообще — деньгами, об условиях, на каких при дальнейших ревизиях будет изменяться число ясачных плательщиков и т. п. . . . .
. . . .
. . . .

(На этих словах рукопись обрывается).

---

[1] Но это отнюдь не значило, чтобы общество обязано было взимать ясак именно с ревизских работников и в размерах, прописанных в окладной книге. Напротив, попрежнему общество вправе было распределять ясак между отдельными семьями по их платежным силам.

Studies in the common law and social life of the Yakuts.

Summary.

This volume contains the researches of three investigators, no longer living, of whom the first, D. M. Pavlinov, in the seventies of last century occupied the position of public prosecutor at Yakutsk and derived the material for his work from the archives of the tribunals at Yakutsk, Verkhoyansk and Viluisk. The two other authors, N. A. Vitashevski and L. G. Loewenthal, were political exiles, who had spent over ten years in the remote „uluses“ (major territorial administrative units) of Yakutia and had within that period become intimately acquainted with the customs of the Yakuts and had acquired their language. During 1894—1896 several political exiles, these two among them, were enabled to join an ethnographical expedition organized by the East-Siberian section of the Russian Geographical Society at the private expense of S. M. Sibiriakov, a gold mine-owner and a generous contributor to scientific research. Their position as members of the Expedition enabled these exiles to make excursions over different parts of the Yakutsk district and to examine the then unknown archives of the Inorodnyi Upravy and Rodovyia Upravlenia (major and minor administrative organs of the Yakut local self-government) and even to be present at the meetings of the Yakut rural communes. N. A. Vitashevski and L. G. Loewenthal made full use of their opportunities, the former with the object of studying the common law of the Yakuts, the latter of ascertaining the changes that had occurred in the social organization of that people during the last century.

The contributions of the authors of this volume are preceded by a Preface written by J. J. Mainov, a former member of the same Expedition. This preface contains an account of the successive stages in the study of Yakut customs which was originally undertaken by the Russian authorities for administrative purposes, and later by scientific bodies and investigators in pursuit of purely ethnographical knowledge. In greater detail is given an account of the organization and work of the Sibiriakov Expedition, to which is added a list of Russian and American publications embodying some of the results achieved, and in which the materials collected by the Expedition are reviewed.

The first subject treated of in this book is the Yakut Right of Ownership, by Pavlinov. The author commences his essay by indicating the gradual mitigation of the restrictions, to which certain common civil rights, affecting the mutual relations of the local inha-

bitants, both Russian and Yakut, were subject: in commercial transactions, in the contraction of debts, etc.; the author then defines the „subject of right" in the Yakut legal conception, and enumerates the conditions which give rise to restrictions in the rights of individuals or of entire categories of members of a Yakut clan. The author next examines in detail the means by which rights are acquired and transferred: by inheritance, marriage, barter, purchase, etc. Legal relations arising from participation in joint labour or engagement under joint contract, as also forms of hire, are then described. In conclusion, attention is drawn to the transfer of rights by power of attorney, to securities, breaches of contract, and finally, to so popular among the Yakuts a form of contract, the so called contract by wager, with its legal consequences. The article is accompanied by figures representing clan marks or signs (tamgà) formerly employed by the Yakuts in lieu of signature, as also by an extract copied out by Pavlinov from a manuscript in the Yakutsk Archives of two State officials of the XVIII-th century, which supplies some information on the tenure of land by the Yakuts, and on some of their customs at that time.

The second contribution of the same author treats of the Law in relation to Marriage. An essential feature in the Yakut marriage is the payment to the parents of the bride of the „kalym" (ransom), generally in the form of cattle, which not infrequently draws out the period of match-making to an inordinate length, and greatly retards the celebration of the wedding. During this long interval at certain occasions various rites are observed, which, as described by the author, impart an ethnographical flavour to his account. From the date of the betrothal, not infrequently occurring during the minority both of the bride and bridegroom, until that of the final payment of the kalym and the installation of the bride in the house of the bridegroom, several years generally elapse, during which great changes may occur in the position of the families concerned, affecting the amount and character of the kalym, as well as the date of its payment. Hence arise many complications of various kinds, quarrels and reciprocal grievances between the families of the bride and bridegroom. In the Yakut marriage conjugal relations actually commence before the bride enters her husband's home, the church ceremony being performed still later, not infrequently after the birth of the child. The peculiar forms of conjugal cohabitation, due to the conditions mentioned, as well as the legal relations they occasion, have been first brought to light from an ethnographical point of view by Pavlinov in this article.

Next follows a paper by Vitashevski: Methods employed in the assessment and collection of taxes in the Yakut commune. This article was intended for publication in a local edition with a view to a large circle of readers, whence is written in concise and popular language. It contains an account of the original and subsequent forms of that peculiar kind of tax called „yasak", which during the conquest of Siberia was imposed by the Russians upon the natives and was paid by the latter in furs, and not in money. Towards the end of the XVIII-th century, when the fur-bearing animals became scarce, the natives were permitted to substitute definite monetary payments for furs, and that became the permanent practice in the XIX-th century, although the tax, no longer paid in furs, still retained its ancient name of „yasak". Ensuing changes in the amount and methods of exaction of the „yasak", collected by the Government not from individuals, but from each

Yakut clan under the joint responsibility of its members, caused corresponding modifications in the methods of assigning the share of separate members of the clan in the payment of the yasak and of other dues, as also in the mutual relations of the classes of the Yakut commune differing in material prosperity. In giving a brief account of such changes in various parts of the Yakut country, the author comes to the conclusion that the Yakut commune, which was originally segregated into a series of very distinct classes, has gradually approached the type of the Russian commune with its levelling tendencies.

The following contribution of the same author: Essential rules in the distribution of land among the Yakuts of the Dupsun Ulus, Yakutsk District, originally read by the author at a meeting of the associates of the Sibiriakov Expedition, is closely connected in its contents with the preceding. A detailed study of the forms of land-tenure in one of the north-eastern uluses of the Yakutsk district draws the author to the conclusion that here also „is manifested a tendency towards the democratization of land".

The next paper, fifth in consecutive order, constitutes a work which was designed by Vitashevski on a broad scale, and which was to present a general summary of all the materials on the Common Law of the Yakuts collected by the author throughout a period of several years. Various circumstances prevented the author from rendering the last chapters of this work as comprehensive as he intended them to be, but in the first five chapters no such deviation from his original scheme is manifested, as they are written with studious elaborateness and bristle with information, mainly derived by the author from his personal observations of Yakut customs and the proceedings at the Ulus tribunals. The work bears the title: Contributions from Yakut sources to the knowledge of the Embryology of Common Law. As may be seen from the title, the main object of the author was to determine the numerous and exceedingly characteristic survivals in the Yakut common law from a remote past, and to discover in its present form the remnants of conceptions peculiar to animism at an epoch when the clan organization was still intact, and the dominating influence of the clan magnates unshaken. Being well conversant with the works of Herbert Spencer, Maine, Tylor, Mac Lennan and other sociologists and ethnographers of the end of the XIX-th century, Vitashevki, in distinction from Pavlinov, did not confine himself to a description of the various features of the public life of the Yakuts, but endeavoured to disclose their inner meaning, and to compare them either with analogous phenomena in the life of other primitive peoples or with the ancient survivals of former stages in the legal status of the inhabitants of Europe. In the first chapter of this work Ownership and tenure of land are sketched out the objective conditions in the existence of the Yakuts as affecting the relation of the members of the clan to the land. The second chapter Right of obligation treats of the various forms of contracts and obligations obtaining among the Yakuts, the occurrence of some forms of the above unknown to civilized nations and dating, as it seems, from the age of primeval clan communism being especially noted by the author. In the third chapter Marriage and Kinship the author allots much space to the theoretical consideration of the question relating to the alternating phases in the evolution of the family (promiscuity, endogamy, exogamy, matriarchate, patriarchate), or to the possibility of their simultaneous occurrence

in various classes of the same tribe. The discussion of the author is based upon facts derived by him from particulars of the Yakut conjugal relations. In the fourth chapter Systems of Kinship is set forth the composition and mutual relations of the fundamental units of the Yakut clan: kargan — family, iya usà — maternal tribe, and aga usà — paternal tribe, the legal consequences of belonging to any one of these groups are determined, and some features in the worship of the spirits of the home and family described. The fifth chapter Law in relation to the Family is divided into the following sections: contraction and dissolution of marriage, and mutual relations of the members of a family, as also such details in the description of marriage rites that are wanting in the work of Pavlinov; the sixth chapter is devoted to the norms of the hereditary right of the Yakuts, as sanctified by usage. Next follow chapters on criminal law; on Yakut clan tribunals, exhibiting in the opinion of the author traces of the former organized system of arbitrary rule; legal evidence; proceedings in tribunals, and finally the customs regulating the partition of the catch in public fishing.

Equal in extent to the contributions of Pavlinov and Vitashevski combined is the work of Loewenthal: Taxes, dues and land of the Yakuts (since 1766), which follows next and with which the volume concludes. In the reign of the empress Catherine the Second the Russian authorities carried out a census of the entire native population of Siberia and instituted measures for obtaining a more correct determination of the territory of the separate tribes and clans, of the economical value of the lands belonging to clans, of the extent of pasture, with reference to its superabundance or deficiency, and of the profitableness of hunting and of other factors affecting the paying capacity of the population. The information thus obtained of the number of members of the clans endowed with full rights of citizenship and of their means of subsistence enabled the Government to make a new assessment of the yasak among the natives, while fixed rules were established for its exaction from every clan, the individual share of each member of the latter being determined by the natives themselves at their public meetings and sanctioned by written resolutions. For the execution of this complicated work of re-assessment within the various provinces of Siberia, were established so-called „Yasak Commissions“ endowed with vast powers, of which the First Yasak Commission in the Yakutsk Province left deep and lasting traces in the subsequent life of the country. On the economical conditions and the inner working of the Yakut communes during the period preceding the foundation of the Yasak Commission very scanty information has been preserved in the archives, and it is only since 1766 that it is possible to obtain an idea of the consecutive changes that have affected these conditions and the public life of the population of the Yakut uluses. The opening chapters of Loewentahl's work are devoted to an exceedingly minute inquiry into these aspects of the life of the Yakut population, as manifested at the time of the establishment of the First Yasak Commission, as also to an account of the regulations of that Commission establishing the foundations of the subsequent fiscal policy of the Government. In the course of time to the yasak were added new dues imposed upon the Yakuts, the amount of which falling to the lot of any given clan or tribe was distributed among the full citizens according to the same rules as were followed in the payment of the yasak. The yasak becomes a factor of primary importance in the evolution of the social

relations of the Yakuts, which did not remain invariable, but were subject to gradual change. This evolution was much affected by the exaction by the Government of services in kind, of which by far the most important was the duty of providing means for transporting Government goods from Yakutsk to Okhotsk, for which very large sums were paid by the State to Yakut communes. Consequent upon the endeavours of Peter the Great and his successors to consolidate the Russian power on the Pacific coasts, vast consignments of goods to the amount of tens of thousands of poods were annually despatched through the boundless wastes beyond the Lena, for the conveyance of which many thousands of horses and hundreds of drivers were needed. The very high remuneration received from the Government by the Yakuts in payment for these services became the largest source of their income, but the distribution of the share of the services and earnings among the people being delegated to the communes, while practically controlled by the clan magnates who acted in their name, it was these magnates who reaped the full benefit from these operations and rapidly grew rich. The rise of capital led to the formation among the Yakut clans of a new class of members of lowly origin, who had rapidly amassed wealth and who engaged in a bitter struggle with the old aristocracy for influence in public life, and in particular for the ownership of land. The study of the ulus and nasleg (minor territorial administrative unit) archives supplied Loewenthal with a vast collection of material which threw new light on all the vicissitudes of this secular struggle and its consequences. Sixty years after the conclusion of the labours of the First Yasak Commission so many changes in the economical and inner life of the Yakut communes supervened, that the Government was induced to appoint a Second Yasak Commission for the re-assessment of the yasak, which was carried out during 1828—1835. A determination of the joint effect of all the agencies referred to upon the inner structure of the Yakut commune within the first quarter of the XIX-th century, the decay of the foundations of their clan organization, the declining influence of the clan magnates, and the establishment of new forms of land tenure, constitute the subject matter of the following chapters of the contribution of Loewenthal, who thus lays a broad and solid historical foundation to the legal abstractions of Vitashevski.

The author intended to carry on his work to the year 1835, in which the labours of the Second Yasak Commission were concluded, but he was prevented from doing so by a serious illness, and the last pages of his manuscript refer to the beginning of the thirties. Even in its present shape the published work of Loewenthal may be of interest not only to readers who wish to obtain a nearer insight into the history of the public life of the Yakuts, but to many others likewise. *Mutatis mutandis* the decay of clan life among many peoples of Asia and of other continents under the influence of capital and with the advent of Europeans occurs now and has occurred before, and the peculiar features of that decay among the Yakuts cannot be devoid of general interest.

18/III 1929.

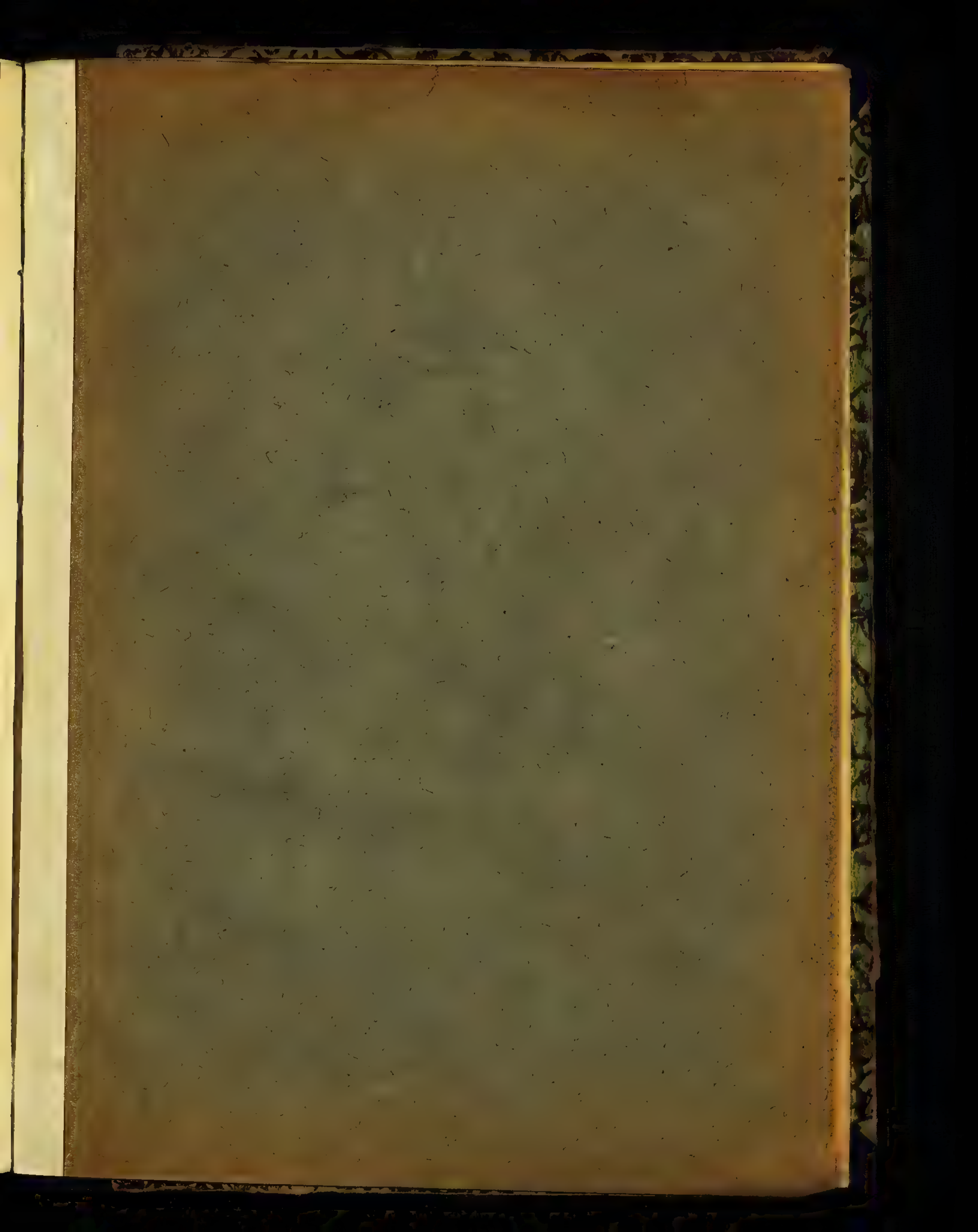

УКАЗАТЕЛЬ

Исправления и опечатки.

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
1	1 сн.	Расправны	Расправы
41	5 »	объявлено	объяснено
42	2 »	упавшего	павшего
47	2 »	75	175
69	7 »	Сдесь	Здесь
81	13 св.	бäбі-	бäбіäр-
»	14 »	äркälä	кälā
84	9 сн.	баттая	баттал
85	16 »	каннікі	кäннікі
86	1 св.	каннікі	кäннікі
»	1 сн.	каннікі	кäннікі
87	21 »	тосоҕо-кол,	тосоҕо—кол,
88	3 св.	анјасір	äнјä сір
90	16 сн.	приправляемый	приплавляемый
92	1 »	(девушка) очевидно,	(девушка), очевидно,
99	13 св.	ölӳ lӳ	ölӳ
»	4 сн.	только что	только-что
103	15 св.	, производится	производятся
106	16 сн.	кӳрӳö	кӳрӳö
109	21 св.	местность земля).	местность, земля).
111	10 сн.	кӳрӳö	кӳрӳö
»	8 »	кӳрӳö	кӳрӳö
»	2 »	кӳрӳö	кӳрӳö
112	11 св.	угајы	угāјы
126	3 сн.	бӳтä	бӳтäі
130	8 св.	камень[5], сата ни	камень сата[5] ни
»	18 »	сäн[7],	сäп[7],
»	7 сн.	абасы	абāсы
149	2 св.	перееде	переезде
161	15 »	грех),	грех)

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
163	1 св.	2) союз	3) союз
171	11 сн.	Так	Так:
180	1 св.	глава IV	глава V
207	1 »	глава XI	глава IX
213	18 сн.	тахсы	тахсӹ
217	7 св.	Асäр	Ӓсäр
219	2 »	только что	только-что
220	13 »	рыбы,	рыбы;

Цена 10 руб.

